

М.М.Блиев

В.В.Дегоев

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

Москва «Росет»

1994

ББК 63.3(0)5
Б69

Содержание

6 Предисловие

8 Список сокращений

I

9 Общественно-экономическая организация горских («вольных») обществ Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа (XVIII — перв. пол. XIX в.)

1

10 Хозяйственный строй «вольных» обществ Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа накануне и в период Кавказской войны

2

37 Общественный строй горских («вольных») обществ Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа XVIII — перв. пол. XIX в.

3

109 Набеговая система: формационные аспекты проблемы

II

147 Кавказская война: ее «внешний фактор» и система политико-идеологических установок. А. П. Ермолов, Магомет Ярагский, Кази-мулла, Гамзат-бек — идеологи и вдохновители войны

1

148 Военно-экономическая блокада А. П. Ермолова и ее итоги на Северо-Восточном Кавказе

2

182 Формирование мюридизма — идеологии Кавказской войны

335 Начальный этап войны. Контурь имамата

316 Гамзат-бек: первая попытка создания имамата

III

344 Триумф и трагедия войны

345 Шамиль у власти. Военно-государственное строительство «вверх» и «вширь». От первого среди равных к личной диктатуре. (1834—1843 гг.)

383 Имамат (военно-административная структура, социальная и идеологическая политика, портрет вождя)

429 Социальная жизнь черкесских «демократических» племен в 20—30-е гг. XIX в. Формирование предпосылок государственности. Внешнеполитические факторы

457 «Имперские» замыслы Шамиля. В зените политического могущества. Новая знать и обмирщение высоких идеалов мюридизма. Ход войны с Россией (1844—1849 гг.)

490 Попытки создания государства в Черкесии. Эмиссары Шамиля. Противоборство авторитарного и олигархического начал. «Имамат» Мухаммеда Эмина. Политика России (40-е — начало 50-х гг. XIX в.)

513 Кризис тоталитарного режима Шамиля. Нарастивание военного давления России. Социальная политика А. И. Барятинского. Гунибская развязка. «Кавказ в Калуге» (1850—1859 гг.)

553 Внутреннее положение Черкесии в 50-х — начале 60-х гг. XIX в. Влияние внешних сил. Мухаммед Эмин складывает оружие. Недолгая власть феодализирующей олигархии. Конец Кавказской войны

583 Заключение

*Светлой памяти
Сергея Петровича Таболова
посвящается*

Предисловие

На пути к современной цивилизации горцы Большого Кавказа пережили немало драматических страниц той эпохи, которая известна в науке как героическая. Расставаясь с родовой организацией общественной жизни и совершая решающую для их исторических судеб революцию, горские племена, объединенные в «вольные» общества, в XIX в. изумили Россию и Европу не только героизмом, кровью и разрушениями, но и созданием в небывало короткие сроки нового общества, его ранней формы государственной организации. Это был первый крупномасштабный шаг к новому общественному порядку, занявшему у азиатских и европейских народов столетия. Шаг этот предпринимался несмотря на то, что на пути к новому укладу жизни стояла Россия, к тому времени ставшая сверхдержавой. Трагической кульминацией революционного преобразования «вольных» обществ явилась для горцев Кавказская война, длившаяся более полувека.

Кавказская война — традиционная в науке проблема. Обширна и литература вопроса: этой темой занимались и историки, и военные, и политики, и писатели, и просто любители кавказской экзотики.

Не столь разнообразными, как литература, оказались, однако, методологические подходы, с позиций которых освещалась Кавказская война. Пожалуй, два взгляда, — оба политические, — в разное время высказанные о войне, имели решающее значение в периодически вспыхивавших политико-идеологических страстях. Один из них сложился в русской дореволюционной историографии, видевшей в Кавказской войне лишь противоборство между Россией и горцами Кавказа. Другой — плод непрофессиональных суждений И. В. Сталина, в 1936 г. назвавшего Кавказскую войну «национально-освободительным движением». Второму взгляду суждено было не только пережить, своего автора, но и приобрести со временем особую распространенность. Этим двум основным подходам соответствовали принятые в советской литературе оценочные понятия — «реакционности» или «прогрессивности», напоминающие нам расхожий принцип — «Что такое хорошо» и «Что такое плохо».

Стереотипы в методологии и оценках, которых придерживались ученые, диссонировали с фактами Кавказской войны, явно разрушали ее историческую ткань. По этой главной причине до сих пор историки не дали нам систематической истории Кавказской войны, где бы наряду с чисто военными событиями на «холст художника» ложились и факты, составлявшие суть самой войны. То же самое следует сказать об идеологах и вождях Кавказской войны, получивших в литературе невыразительные характеристики: полных трагической судьбы, незаурядно сфокусировавших в себе доблести воина, эрудицию философа-богослова, острое чутье политика, вождей-героев Кавказской войны — Магомета Ярагского, Сеида-эффенди, Кази-муллу, Гамзат-бека, Шамиля, Бейбулата Таймазова, Хаджи-Мурата, Мухаммеда Эмина и др. Одни относят их к лику «добрых», другие — «злых». Столь устойчивый примитивизм, как в «научных» средствах освещения Кавказской войны, так и оценках ее участников, во многом объясним тем политико-идеологическим режимом, в условиях которого изучались сложные проблемы войны.

Первые попытки освободить проблему от ее тесных «идеологических одежд» и поставить в рамки академической науки были предприняты после 1983 года (См. М. М. Блиев. Кавказская война: социальные истоки, сущность. — История СССР, № 2, 1983; Его же: К проблеме общественного строя горских («вольных») обществ Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа XVIII — первой пол. XIX в. — История СССР, № 4, 1989). Нетрадиционная концепция о Кавказской войне, высказанная в указанных работах, вызвала неоднозначную реакцию: как и ожидалось, наиболее яростные критики прибегали к необоснованным политическим обвинениям, а те, кто «поддержал» новое понимание проблемы, желая того или нет, по существу изрядно ее вульгаризировали (например, В. Б. Виноградов). Уместно сказать и о главном аргументе, чаще всего приводимом всеми оппонентами. Речь идет об отдельных высказываниях К. Маркса, Ф. Энгельса, А. С. Пушкина, А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова и др. по поводу Кавказской войны, в контексте которых якобы следует считать мой подход ошибочным. Возражая указанному конкретному постулату, полагаю, что практика, когда результаты исследования априори соотносятся с «высказываниями классиков», в науке вряд ли допустима. Во всяком случае, в предлагаемой работе приоритет отдается другому — надежности исторического источника и диалектичности метода познания.

Следует обратить внимание еще на одно обстоятельство. В постперестроечный период, когда, казалось, **история** Кавказской войны освободится наконец от идеологических **пут**, возникла целая «историко-публицистическая культура», полная националистических мифов, как никогда до этого отдалившая проблему от интересов науки. При разработке научной идеи серьезное внимание уделялось взгляду самого имама Шамиля на Кавказскую войну. Следует учесть, что никто из ученых, в том числе и кавказоведов, так глубоко не чувствовал природы войны, ее целей и перспектив, как выдающийся имам, признанный «кальфой и омегой» Кавказской войны. Известно, что в свое время книги и статьи русских и западных писателей о войне подвергались со стороны Шамиля резкой критике. Упрекая русских и европейских авторов в незнании предмета, в непонимании истоков и сущности кавказского мюридизма, он вместе с тем оставил нам свое видение Кавказской войны — важнейший историографический факт, которому в настоящем исследовании придается особое значение.

Работа над монографией велась на протяжении более десяти лет. Ее завершение совпало с тревожным на Кавказе временем, с заревом пожара «второй Кавказской войны». Знающему весь драматизм, в котором сегодня оказались народы Кавказа, возможно, покажется неуместным издание книги с трагическими страницами более полувековой войны. Осознавая это, авторы все же решаются издать свой труд в глубокой надежде на то, что в нем будет найдена главная для нас Истина — универсальный путь к общественному прогрессу лежит не через жестокий опыт войны, а мирное созидание.

Предлагаемая вниманию читателя монография выполнена на основе научных идей, ранее выдвинутых мною в печати. Считаю своим долгом выразить искреннюю благодарность проф. В. В. Дегоеву, разделившему эти идеи и любезно согласившемуся на написание третьего раздела книги, в котором в ряде случаев встречается и иное прочтение материала.

Макс Блиев

Список сокращений

АВПР

Архив внешней политики
России

АКАК

Акты Кавказской археографической комиссии

АР

Архив Раевских

ВЕ

Вестник Европы

ВИ

Вопросы истории

ВС

Военный сборник

ВФ

Вопросы философии

ВЭ

Военная энциклопедия (СПб.)

ДГСВК

Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50-х гг. XIX в. Сборник документов. Махачкала, 1959

ЖМГИ

Журнал Министерства государственных имуществ

ЗВ

Закавказский вестник

ЗИРГО

Записки Императорского Русского Географического Общества

ИВ

Исторический вестник

ИГЭД

История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архивные материалы. Махачкала, 1958

ИЗ

Исторические записки

ИМ

Историк-марксист

ИС

Исторический сборник

ИСКНЦВШ

Известия Северо-Кавказского центра высшей школы. Серия «Общественные науки»

ИСССР

История СССР

КК

Кавказский календарь

КОВ

Кубанские областные ведомости

КС

Кавказский сборник

Куб. сб.

Кубанский сборник

КЭС

Кавказский этнографический сборник

МИДЧ

Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. 3, ч. I (1801—1839), Махачкала, 1940

НБ

Народная беседа

РА

Русский архив

РАТС

Русско-адыгейские торговые связи 1793—1860 гг. Сборник документов. Сост. А. О. Хоретлев, Т. Д. Алферова. Майкоп, 1957

РВ

Русский вестник

РИ

Русский инвалид

РМ

Русская мысль

РС

Русская старина

РСЛ

Русское слово

РХЛ

Русский художественный листок

СМОМПК

Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. (Тифлис)

ССКГ

Сборник сведений о кавказских горцах. (Тифлис)

СЭ

Советская этнография

СЭПКРНКЧ

Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790—1917). Сборник документов.

Сост.: В. П. Невская, И. М. Шамапов, С. П. Несмачная.

Изд-во РГУ, Ростов-на-Дону, 1985

ТВ

Терские ведомости

ТКЧНИИ

Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института экономики, истории, языка и литературы

ТС

Терский сборник

УЗАНИИ

Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института языка, литературы и истории

УЗДФ АН СССР

Ученые записки Дагестанского филиала Академии наук СССР (Институт истории, языка и литературы)

УЗКБГУ

Ученые записки Кабардино-Балкарского государственного университета

УЗКГПИ

Ученые записки Кабардинского госпединститута

ЦГВИА

Центральный государственный Военно-исторический архив

ШССТАК

Шамиль — ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документальных материалов. Тбилиси, 1953

ЮВ

Юридический вестник

ВК

Bedi Kartlisa (revue de Kartvélogogie). Paris

СМRS

Cahiers du Monde Russe et Soviétique

ЕНР

The English Historical Review

РDM

Revue des Deux Mondes

USJNMM

The United Service Journal and Naval and Military Magazine

I

Общественно-экономическая
организация
горских («вольных») обществ
Северо-Восточного
и Северо-Западного
Кавказа (XVIII—
первая половина XIX в.)

Хозяйственный строй «вольных» обществ Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа накануне и в период Кавказской войны

1.
Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.,
т. 3, с. 19. II изд.

Хозяйственная жизнь горцев Большого Кавказа определялась прежде всего особенностями экологии региона. Зависимость от природной среды была столь велика, что не только профиль хозяйствования, но и орудия труда, быт и культурные традиции, казалось, являлись частью этой среды. Две географические зоны — равнины и горы, — рельефно обозначенные на карте Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа, как бы изначально наметили не только разные направления хозяйственной деятельности, но и темпы формационных процессов северо-кавказских обществ. Воздействие естественной среды на хозяйственную и общественно-культурную жизнь горцев Большого Кавказа доходило до таких феноменальных проявлений, что слова К. Маркса и Ф. Энгельса — «Всякая историография должна исходить из этих природных основ и тех их видоизменений, которым они, благодаря деятельности людей, подвергаются в ходе истории»¹, похоже, имели в виду сходную с Большим Кавказом экологию.

В дореволюционной и советской научной литературе, как правило, учитывалось единство природно-экологической обстановки и хозяйственной деятельности горцев Кавказа. Этот важнейший принцип стал, однако, пересматриваться с 50 гг. нашего времени, после того, как в науке появились гипертрофированные представления об уровне общественного строя северо-кавказских народов. В результате распространение получили весьма противоречивые суждения о природно-климатической обстановке Боль-

2. Гаджиев В.Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекою Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М., 1979.
3. Гербер И. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и р. Курой народах. Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. Б. м., 1760, август, с. 107.
4. Там же.
5. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX века. Махачкала, 1957, с. 37—38; Он же: Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Махачкала, 1939, с. 3.
6. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963, с. 39.

шого Кавказа и соотношении различных отраслей горской экономики. Одни исследователи — в основном, из числа сторонников тезиса о господстве феодализма на Большом Кавказе — главным направлением хозяйственной деятельности горцев считают земледелие, другие — приверженцы идеи о преобладании здесь общинно-родовых отношений или же стадии, переходной к феодализму, — указывают на преимущественное занятие жителей гор скотоводством. Существенно при этом, что представители двух разных подходов в равной мере продолжают изучать зависимость от горской экологии как направлений хозяйственной деятельности, так и развивавшихся на Большом Кавказе общественных структур. Это обстоятельство важно для нас потому, что позволяет в настоящей главе ограничиться выяснением отдельных особенностей природно-экологической среды Большого Кавказа и исторически сложившихся под влиянием этой среды профилей хозяйств.

Хозяйственный облик «вольных» обществ Дагестана

Вопрос о хозяйственной жизни «вольных» обществ Дагестана достаточно изучен. Подход к нему историографически всегда был традиционен — многопрофильная хозяйственная структура рассматривалась прежде всего как скотоводческая. Этот тезис особенно был распространен среди дореволюционных историков, писавших о Дагестане XVIII — первой половины XIX в. Его придерживался и такой авторитет, как И. Гербер², — путешествовавший по Дагестану в 20-е гг. XVIII в. Он, в частности, отмечал сложившуюся у горцев из «вольных» обществ отгонную систему скотоводства и называл «100 тыс. овец», которые перегоняли на зиму на равнинные пастбища Кайтага акушинцы и другие «тавлинцы»³. Вместе с тем И. Гербер подчеркивал, что пашни, которые возделывались горцами в необычайно трудных природных условиях, не обеспечивали население хлебом⁴. Сведения дореволюционных авторов о хозяйственной жизни «вольных» обществ Дагестана долгое время в советской литературе рассматривались как позитивные. Так относился к ним, например, видный дагестанский исследователь Р. М. Магомедов, считавший скотоводство главным занятием «вольных» обществ, а земледелие — второстепенным⁵. Е. Н. Кушева, автор фундаментальной монографии по социально-экономическим отношениям у народов Северного Кавказа, значительно расширила ранее имевшийся объем научной информации и пришла также к выводу, что «в горных областях Дагестана ведущей отраслью хозяйства было отгонное скотоводство, преимущественно овцеводство»⁶.

7. Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960, с. 291.
8. Там же.
9. Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана в XIX в. Махачкала, 1959, с. 37.
10. Там же.
11. Абельдяев Н. Сельское хозяйство у дагестанских горцев. МГИ, 1857, ч. 64, № 8, с. 25.
12. Алиев Б.Г. Каба-Дарго в XVIII—XIX вв. Махачкала, 1972, с. 58.
13. Алиев Б.Г. Акуша-Дарго в XVII—XVIII вв. Махачкала, 1966 (автореф. канд. дис.), с. 8.
14. Алиев Б.Г. Каба-Дарго... с. 62.

Этого взгляда придерживался и А. В. Фадеев⁷, ссылавшийся на «Описание Дагестана», составленное в 1804 г. кизлярским комендантом А. И. Ахвердовым, и на статистический обзор М. Буцковского (1812 г.), вслед за И. Гербером указавшего, что у горцев Дагестана «главное их имущество состоит в овечьих стадах, кои на зиму отгоняют в понизовья кумыков»⁸.

В 60-е гг. среди дагестанских историков наметились новые подходы к проблеме. Отдельные из них высказывались о второстепенности в горской экономике скотоводства и первенствующей роли земледелия. Пожалуй, наиболее последовательно придерживался этой точки зрения Х.-М. Хашаев. Сторонник идеи о господстве в «вольных» обществах феодализма, он писал о земельной тесноте и необходимости искусственного приспособления горных склонов под пахотные участки и вместе с тем считал, что полеводство, а в отдельных районах и садоводство, занимали первое место в хозяйственной деятельности большинства горцев и в XIX в.⁹ Свой «нетрадиционный» подход к проблеме Х.-М. Хашаев пытался аргументировать тем, что во второй половине XIX в. более 70—80 % крестьянских хозяйств горных округов будто «были безовечными», а крупный скот в горах не занимал важного места в общем балансе животноводческого хозяйства, так как требовал стойлового содержания в течение 4—5 месяцев¹⁰. Исследователь не учитывал, что его данные относятся ко второй половине XIX в., когда в экономике и общественной структуре «вольных» обществ произошли серьезные изменения, и являются слишком общими, не отражающими конкретной картины хозяйственной жизни горного Дагестана. В период, к которому относятся статистические сведения Х.-М. Хашаева, в «вольных» обществах в силу формационных перемен произошла концентрация овцеводства в руках состоятельных овцеводов. Так, по данным Н. Абельдяева, в 1857 г. в горном Дагестане мелкий рогатый скот в значительных количествах имели только богатые, «прочие же совсем не держат или имеют их только по несколько штук»¹¹. В 80 гг. XIX в. в Каба-Дарго, например, содержалось 18 650 овец, распределение которых по хозяйствам было крайне неравномерно¹². Подобная картина складывалась и в другом крупном союзе «вольных» обществ — Акуша-Дарго, где, по свидетельству историка Б. Г. Алиева, «важнейшую роль в хозяйственной жизни жителей... играло животноводство, преимущественно овцеводство»¹³.

Второе обстоятельство, с которым не согласуется аргументация Х.-М. Хашаева, связано с тем, что не везде в горном Дагестане ведущая роль в скотоводстве принадлежала овцеводству. В экономике того же Каба-Дарго преобладающее значение имел крупный рогатый скот¹⁴.

15. История Дагестана, т. II. М., 1968, с. 29; Алиев Б.Г. Каба-Дарго... с. 46; Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана, Махачкала, 1964, с. 137; Кумыков Т.Х. Земельные отношения в Кабарде в первой половине XIX в. и земельная реформа в 1863—1869 гг. Нальчик, 1953; Мужев И.Ф. Социально-экономическое развитие Кабарды в 50—60 гг. XIX в. — УЗКГПИ, 1955, вып. VII.
16. Робакидзе А.И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе. — СЭ, 1978, № 2, с. 16.
17. Шамиладзе В.М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии. Тбилиси, 1979, с. 265.
18. Асиятилов С.Х. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX — первая половина XX в.). Махачкала, 1967, с. 9.
19. Гаджиев М.А. Скотоводство народов Южного Дагестана в прошлом и настоящем (историко-этнографический очерк). Л., 1979 (автореф. канд. дис.).
20. Магомедов Д.М. Занятия населения Дидо в XVIII — начале XIX в. — Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Махачкала, 1975, т. III, с. 223.
21. Гасанов М.Р. Некоторые вопросы социально-экономического развития Табасарана в XVIII — начале XIX в. — Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Махачкала, 1975, т. II, с. 143; его же: Из истории Табасарана XVIII — начала XIX в. Махачкала, 1978.
22. Османов Г.Г. Генезис капитализма в сельском хозяйстве Дагестана. Москва, 1984, с. 11.

Высказывание Х.-М. Хашаева о приоритете земледелия в экономике «вольных» обществ горного Дагестана нашло сторонников как в Дагестане, так и за его пределами¹⁵. Большинство же историков, в том числе и дагестанских, к оценке Х.-М. Хашаева отнеслись не более как к историографическому факту. В отличие от Х.-М. Хашаева и его последователей, грузинские историки и этнографы раскрыли новые научные аспекты горской экономики, в частности «вольных» обществ Дагестана, показав, что в ней господствовавшей отраслью являлось скотоводство. А. И. Робакидзе, например, отметил, что если среди выдающихся достижений скотоводов горного Кавказа числятся кабардинская лошадь, хевсурская корова, балкарский бык, то к таким же достижениям следует отнести и дагестанскую овцу¹⁶. Более категорично высказался В. М. Шамиладзе, использовавший обширный корпус новых данных о хозяйственном профиле Большого Кавказа. Он подчеркнул необоснованность утверждения Х.-М. Хашаева о приоритете земледелия вообще в горном Дагестане¹⁷. На этих же позициях стоит группа дагестанских историков, оперирующая широким кругом источников. Среди них этнограф С. Х. Асиятилов, основной тезис которого заключается в том, что животноводство, ставшее определяющим в хозяйстве горцев еще с XIV—XV вв., остается ведущей отраслью экономики «до настоящего времени»¹⁸, этнограф М. А. Гаджиев, исследовавший скотоводческое хозяйство народов Южного Дагестана в прошлом и настоящем¹⁹. Данные этнографов подтвердили также Д. М. Магомедов, изучивший хозяйственные занятия в Дидо — крупном союзе «вольных» обществ²⁰, и М. Р. Гасанов, указавший на полное преобладание скотоводства в горной части Табасарана²¹. По поводу приоритета этой экономической отрасли в «вольных» обществах Дагестана особенно убедительной представляется аргументация Г. Г. Османова. Историк указывал, что более 1/3 территории Дагестана была совершенно непригодна для сельскохозяйственного использования. Что же касается удобной земли, площадь которой достигала 1,5 млн. десятин, то 83 % ее приходилось на пастбища, выгоны и леса, и лишь 17 % использовалось под полеводство и садоводство. Этими цифрами не исчерпывалась картина структуры землепользования, так как они являются общими для всего Дагестана — равнинной и горной частей. Дифференцируя географические зоны Дагестана, Г. Г. Османов обращал внимание на то, что на равнинную часть приходилось 2/3 всех пашен и пастбищ, и всего 1/3 — на горные районы. Точно так же неравномерно распределялось население Дагестана — 2/3 его занимало горную зону, 1/3 — равнинную²². Подобное соотношение двух различных гео-

23.

Там же. На скотоводческий характер горской экономики Дагестана и земледельческий профиль равнинной указывал так же С.К.Бушуев (Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М.-Л., 1939, с. 32).

24.

Асиятилов С.Х. Хуторская система и форма ведения животноводства у аварцев в XIX — начале XX в. УЗ ИИЯЛ, 1966, т. XVI, с. 350—351.

25.

Шамиладзе В.М. Указ. соч., с. 265.

26.

Там же, с. 261—262.

27.

АКАК, т. 3, с. 371.

28.

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 59.

29.

Шамиладзе В.М. Указ. соч., с. 29.

30.

Фадеев А.В. Вопрос о социальном строе кавказских горцев XVIII—XIX вв. в новых работах советских историков. — ВИ, 1958, № 5, с. 135.

графических зон и демографическая диспропорция в пределах этих зон привели к тому, что в горах, где размеры пахотных участков не достигали даже 1 дес. на двор, главным направлением в экономике стало скотоводство, и, наоборот, на равнине, богатой пахотными землями, ведущей отраслью хозяйства являлось земледелие²³.

Господствующее положение скотоводства в «вольных» обществах Дагестана оказало глубокое культурно-историческое воздействие на горцев. Так, оно повлекло за собой особую систему расселения, отвечавшую запросам скотоводческого быта горцев. Как и в других районах Большого Кавказа, нужды животноводческой экономики обусловили в горном Дагестане хуторскую (стойбищную) систему расселения. Этот исторический феномен подтвержден материалами С. Х. Асиятилова²⁴ и В. М. Шамиладзе²⁵.

Материальное благосостояние горской семьи, рода целиком зависело от эффективности скотоводства. Именно эта отрасль обеспечивала продуктами питания (молоко, сыр, масло, мясо и т. д.), материалом на одежду, обувь, тягловой силой, топливом (кизяк), удобрением и пр. Кроме того, излишки скотоводческой продукции обменивали на зерно, которого не хватало горцу, сбывали на рынке, приобретая на выручку предметы домашнего обихода²⁶. Указанная модель экономики была столь очевидной и вместе с тем уязвимой, что русский генерал И. В. Гудович, желая применить самые жесткие меры к горцам — дагестанцам, совершавшим набеги на Грузию, в особенности в Кахетию, объявил, что если «вольные» общества не откажутся от своих набегов, то он запретит им торговлю «во всех землях и городах», скупать или выменивать хлеб, в зимнее время пасти скот на равнине. По И. В. Гудовичу, этих мер было достаточно, чтобы горцы «погибли»²⁷.

Являясь ведущей отраслью экономики, скотоводство определяло уровень хозяйственного строя, характер экономических отношений как внутри «вольных» обществ, так и с внешним миром. Из этого факта вытекало другое — зависимость от профиля экономики общественной структуры «вольных» обществ Дагестана. Создав в свое время устои патриархальной семьи и тем самым произведя, по словам Ф. Энгельса, революцию — одну из самых радикальных, пережитых человеком²⁸, скотоводство в условиях горной и высокогорной зоны Большого Кавказа так же, как во многих странах с подобной природно-географической средой²⁹, постепенно стало носителем консервативных начал в хозяйственной и общественной жизни. Так, сохранение у горцев общинной собственности на землю и общинного землепользования вплоть до XIX в. А. В. Фадеев объяснял господством скотоводческого хозяйства³⁰. Он писал, что

31. Фадеев А.В. Россия и Кавказ..., с. 294.

32. Берже А. Материалы для описания нагорного Дагестана. — КК, 1859, с. 251.

33. Данилевский Н. Кавказ и его жители в нынешнем их положении. М., 1846, с. 67.

34. Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана..., с. 39.

35. Там же, с. 38.

36. Там же, с. 39.

37. Там же.

38. Там же, с. 39—40.

«отгонное скотоводство играло в деле сохранения общинных порядков у кавказских горцев такую же роль, какая в долинах великих рек Востока принадлежала ирригационной системе земледелия»³¹.

Наряду со скотоводством «вольные» общества традиционно занимались земледелием. Ему принадлежало особое место — не столько в балансе экономики, сколько в трудовой деятельности. Горцы, кажется, более всего ценили пахотный участок земли. И это в то время, когда они понимали малую эффективность земледелия, не обеспечивавшего их прожиточным минимумом. Земледелием приходилось заниматься в крайне трудных условиях, подчас в малодоступных горных местах. А. Берже (50-е гг. XIX в.) писал: «Нередко случается видеть, что горец при помощи крючьев и веревок, с небольшим мешком пшеницы, прикрепленным к поясу, имея длинное ружье на привязи и кинжал, поднимается на утесистую скалу, стараясь отыскать на ней клочок пахотной земли»³². Н. Данилевский (1846 г.) сообщал, что в Аварском ханстве горцы приносили землю на голые скалы и, «цепляясь по оным как серны», «сеяли по несколько пригорошень проса»³³. Возможно, А. Берже и Н. Данилевский несколько преувеличивали трудоемкость горского земледельческого труда — современники этих авторов, описывая Кавказ, часто слишком усердствовали при описании кавказской «экзотики». Х.-М. Хашаев, возражая А. Берже и Н. Данилевскому, считал, что в Аварии не было пахотного участка, который, нельзя было бы обработать при помощи горской сохи, не «цепляясь за скалы»³⁴. Правда, и он признавал, что в горах имелось мало участков, которые легко можно было бы приспособить под пашни, и что горцам приходилось много трудиться, чтобы использовать крутые склоны под посевы, создавать пахотные участки в виде террас³⁵.

Отмечая экологические трудности на пути развития земледелия, его малую экономическую эффективность и вместе с тем настойчивость, с которой горцы занимались земледельческим трудом, логично поставить вопрос, как это не раз делали исследователи, — что заставляло жителей гор так преданно относиться к земле, державшей их на скудном пайке? Х.-М. Хашаев упрекал историков в том, что на этот вопрос они не дают вразумительного ответа³⁶. Однако объяснение самого Х.-М. Хашаева также оказалось, на наш взгляд, столь же простым, сколь и неточным. Он считал, что «в горах хороший климат и от полеводства и садоводства горцы получали неплохой доход»³⁷. По его мнению, горское земледелие было способно дать высокие урожаи и являлось более доходным, нежели земледелие на равнине Дагестана. В подтверждение Х.-М. Хашаев приводил данные об урожае, полученных в отдельных горских селах³⁸.

39.

Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981, с. 63.

40.

Там же.

41.

Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961, с. 94.

42.

Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана..., с. 40.

43.

Бушуев С.К. Указ. соч., с. 32.

44.

Лаудаев У. Чеченское племя. — ССКГ, 1872, вып. 7, с. 29.

45.

Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана..., с. 12.

Бесспорно, на Большом Кавказе, в том числе горном Дагестане, имелись населенные пункты, расположенные в выгодных природно-климатических условиях, где возможны были неплохие урожаи. Но подобное следует рассматривать как исключение, поскольку основная часть дагестанского крестьянства вынуждена была развивать свое земледелие на небольших и трудоемких террасных участках: по сведениям этнографа Б. А. Калоева, «вольные» общества Дагестана часто прибегали к террасированию земли³⁹. Естественно, такой вид земледелия по своей трудоемкости относился к интенсивному. Однако по результатам он значительно уступал равнинному земледелию; не случайно во второй половине XIX в. упадок горного земледелия, вызванный массовым переселением с гор на равнину, начался с запустения террасных участков. К концу XIX в. произошло почти полное исчезновение в горном Дагестане этих участков⁴⁰. Что касается «нетеррасных» пахотных земель, то при той плотности населения, которая существовала в горных районах Дагестана, их было крайне мало. На это указывают многие исследователи, в том числе Х.-М. Хашаев⁴¹, горячий сторонник идеи о первостепенности земледелия в горах.

Несмотря на все трудности, мешавшие развитию горного земледелия, в «вольных» обществах Дагестана сложилось земледельческое производство со своей собственной социально-экономической структурой. Горцы Дагестана выращивали просо, овес, лен, коноплю, бобы и чечевицу⁴². Но главной сельскохозяйственной культурой оставался ячмень. И это несмотря на то, что даже в нижеальпийской полосе, вследствие суровости климата, он не всегда давал ожидаемый урожай; по данным С. К. Бушуева, средний урожай ячменя в горах составлял сам 6—8⁴³. Из-за этого «вольным» обществам своего хлеба хватало не более чем на полгода. По свидетельству У. Лаудаева, остальную часть хлеба горный Дагестан получал из Чечни, Восточной Грузии в обмен на «свои произведения»⁴⁴.

Столь низкий уровень земледельческого производства объяснялся прежде всего особенностями горной экологии. Тезис о том, что климат в горном Дагестане, ввиду близости к морю, благоприятствовал земледелию, не может быть принят всерьез. Даже сторонники его, рассматривая конкретные факты экологии горной зоны, часто вынуждены признать неблагоприятные почвенно-климатические условия для земледельческого труда в горном Дагестане. Х.-М. Хашаев, отмечавший «в горах хороший климат» для полеводства и садоводства, в другом месте своей монографии приводил слова А. Берже, оценивавшего Дагестан как самую суровую и труднодоступную часть Кавказа⁴⁵. Крупный кавказовед

46.
Берже А. Прикаспийский
край. — КК, 1857, с. 275.

47.
Гвоздецкий Н.А. Физическая
география Кавказа. М., 1954,
с. 197.

48.
Докучаев В.В. Соч., т. VI. М.,
1951, с. 447.

49.
Там же, с. 448—449.

50.
Фадеев А.В. Россия и Кавказ...,
с. 292.

А. Берже не был географом, но его заключение о «суровом и бесплодном» крае⁴⁶ было не без основания. Н. А. Гвоздецкий, специалист в области физической географии Кавказа, также отмечал неблагоприятные для сельскохозяйственного производства климатические условия в горном Дагестане: «Вследствие замкнутости высокими горными хребтами, климат внутреннего Дагестана, особенно его глубоких долин, отличается резко выраженной сухостью. Осадков выпадает за год 400—600 мм, что для гор очень мало»⁴⁷.

Что касается почвенных условий горного Дагестана, то уместно напомнить мнение выдающегося русского естествоиспытателя В. В. Докучаева, внимательно изучившего почвы ряда районов Большого Кавказа. «Еще в 1878 г., — писал ученый, — осмотрев лишь Северо-Восточную часть Дагестана, я был поражен крайней дикостью и недоступностью этого края. Когда мне пришлось увидеть тамошние горы, являвшиеся в виде острых пиков и чрезвычайно крупных гребней, и тамошние долины в форме крайне узких и глубоких ущелий... мне невольно представился вопрос: где же здесь образоваться и накапливаться почвам?»⁴⁸ Интерес В. В. Докучаева к почвенно-климатическим условиям горного Дагестана не ослабевал и позже. Общий вывод, к которому он пришел в результате многолетних наблюдений, состоял в следующем: «Наконец, что касается горных склонов самых разнообразных форм и видов (а они-то и составляют, наверно, 90 % поверхности Дагестана), то здесь, как и замечено выше, почв нормальных нет и быть не может»⁴⁹.

Приведенных данных, думаю, достаточно, чтобы согласиться с утверждением дореволюционных и советских историков о второстепенности земледельческого производства в экономике «вольных» обществ. Вместе с тем следует учесть, что установление приоритетности скотоводства еще не дает повода считать исчерпанными все вопросы, относящиеся к хозяйственной жизни этих обществ. Тот же вопрос — почему в самом деле с древнейших времен горцы так самоотверженно занимались земледелием, трудовые затраты в котором вполне равновелики труду скотовода, — не может не интересоваться каждого, кто соприкасается с материалом по хозяйственному строю «вольных» обществ. Ответ на него нам видится в следующем.

Как известно, скотоводство, хотя и являлось основной отраслью экономики, имело для своего развития ограниченные возможности. Существовала резкая диспропорция между летней и зимней кормовой базой, по-существу, не было утепленных укрытий для скота, из-за чего в суровые зимы животные нередко погибали. Немало ущерба стадам наносили болезни⁵⁰,

51.
Магомедов Д.М. Указ. соч.,
с. 223.
52.
Шапиладзе В.М. Указ. соч.,
с. 258—259.
53.
Там. же с. 259.

в частности, эпизоотии, длившиеся месяцами и вызывавший массовый падеж скота. Наконец, в условиях высокой интенсивности набегов на Большом Кавказе чаще всего объектом военной добычи становился скот. При этих обстоятельствах скотоводство, несмотря на свою ведущую роль в экономике, не могло гарантировать горцу стабильности в его материальном достатке. Поэтому в случае потери стада даже скудные земледельческие продукты приобретали особую ценность. К упорным занятиям в области земледелия побуждало и другое — господство в «вольных» обществах натурального хозяйства, когда собственное полеводство становилось единственным источником, хоть как-то восполнявшим общий недостаток в хлебе и других продуктах земледелия. Здесь имела значение и внешнеполитическая обстановка, часто усугублявшая оторванность «вольных» обществ от внешнего мира и надолго нарушавшая торговые связи. Д. М. Магомедов приводит пример, когда из-за ухудшившихся дагестано-грузинских отношений в XVII—XVIII вв. прервались связи горцев с югом. Это принудило дидойцев, жителей Западного Дагестана, к интенсивной обработке земель, в результате чего они добились успехов в производстве зерна⁵¹. По мнению Д. М. Магомедова, такое явление было временным, так как горное земледелие требовало слишком напряженного труда.

Приверженцами идеи о преобладании в горах Дагестана земледелия ставится вопрос об уровне интенсивности полеводческого производства, т. е. вопрос о соотношении интенсивности в двух отраслях экономики — земледелия и скотоводства. В обоснование своего тезиса они указывают на высокий хозяйственно-культурный и интенсивный характер полеводства и экстенсивность скотоводства. При этом не учитывается возможность интенсивного производства и в области второстепенных отраслей экономики. Нельзя не согласиться с выводом В. М. Шапиладзе, что интенсивность той или иной отрасли не является признаком, определяющим ее приоритет, так как основным критерием оценки отраслей и систем хозяйства является экономический эффект всего народного хозяйства, где не всегда ведущее место могут занимать интенсивные формы хозяйства⁵². К тому же в горном и высокогорном Дагестане, где интересам скотоводства были подчинены пастбищные и покосные угодья основных и второстепенных хозяйственных баз, скотоводство, вопреки общепринятому мнению, следует признать отраслью, не уступавшей по своей интенсивности ни земледелию, ни другим видам хозяйственной деятельности горца⁵³.

Как видно, в XVIII — первой половине XIX в. хозяйственный строй «вольных» обществ, сложившийся в более ранние периоды, приобретал консер-

54. Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. М., 1957, т. I, с. 95—96.

55. Кушева Е.Н. Указ. соч., с. 75.

56. Кабардино-русские отношения..., т. I, с. 192—197.

57. Кушева Е.Н. О некоторых особенностях генезиса феодализма у народов Северного Кавказа. — Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969, с. 180.

58. Лаудаев У. Указ. соч., с. 19.

59. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX в. М., 1974, с. 168—169 и др.

вативные черты, типичные не только для этих обществ, но и для других районов Большого Кавказа, хозяйственная деятельность которых оказалась в большой зависимости от природно-экологической обстановки гор.

Чечня: особенности хозяйствования; миграция на равнину и перемены в экономике

К исходу XVIII в. чеченское население все еще продолжало занимать горные районы Северо-Восточного Кавказа. Лишь небольшая его часть расселилась на равнине, ближе к российской пограничной линии. Переселяясь на равнину, чеченцы обнаруживали тенденцию к переходу от скотоводческого вида хозяйствования к земледельческому. К рассматриваемому периоду для ряда чеченских поселений, возникших задолго до массовой миграции на равнину в конце XVIII — начале XIX в., земледелие стало основной отраслью их экономики. Вообще же формирование у чеченцев в этом районе земледельческой культуры как господствующей в их экономике, по-видимому, относится к рубежу XVII—XVIII вв. Во всяком случае источники XVII в. свидетельствуют, что от набегов кабардинских князей больше всего страдало «пашенное хозяйство равнинной Чечни»⁵⁴. Е. Н. Кушева относит к этому времени становление окоцкого (чеченского) населения в земледельческое, когда оно, имея в Терском городке собственную слободу, «пахало пашни», сеяло пшеницу и просо⁵⁵. В «рописи» населения Терской слободы, составленной в XVIII в. «сыном боярским» П. Лукиным и подъячим Ф. Белковым, также сообщается о земледелии, как о важнейшем занятии чеченцев⁵⁶.

В конце XVIII — первой половине XIX в. горная Чечня оказалась захваченной миграционным процессом. По Е. Н. Кушевой, именно тогда началось «медленное выселение отдельных групп» к Сунже и Тереку⁵⁷. Об этом же сообщал У. Лаудаев, считавший, что «чеченцы начали селиться на плоскости с начала XVIII столетия»⁵⁸. По приведенным Н. Г. Волковой данным, к XVIII — началу XIX в. относится формирование компактного чеченского населения на территории, расположенной от правого берега Терека к востоку, на землях между Сунжей и Терекон, на равнине между р. Гудермес и р. Фортангой⁵⁹. Чеченцы, обосновавшиеся на равнине Северо-Восточного Кавказа, не спешили развернуть земледельческое производство и расстаться со скотом, с которым они переселялись с гор на равнину. По У. Лаудаеву, на первых порах переселенцы занимались «преимущественно скотоводством, как необходимым средством

60.
Лаудаев У. Указ. соч., с. 3.
61.
Там же.
62.
Там же.
63.
Там же, с. 40.
64.
Докучаев В.В. Соч., т. VI, с. 446.

для своего существования»⁶⁰. У недавних жителей гор, бесспорно, имелся определенный опыт ведения и земледельческого хозяйства. Но новые природно-экологические условия требовали от них знания и опыта в области принципиально другой системы земледелия. Поэтому переход от горского скотоводческого типа хозяйства к земледельческому на равнине становился явлением процессным, завершение которого требовало времени. На рубеже XVIII—XIX вв. это была одна из наиболее существенных черт в хозяйственной жизни чеченцев. Не случайно на нее обратил внимание У. Лаудаев, писавший, что переселенцы, «не быв ознакомлены еще с хлебопашеством, за неимением хлеба употребляли в пищу большое количество сыра»⁶¹. Подобное имело столь большое распространение, что чеченцев, поселившихся в притеречных землях, называли «калдаж юц нах», т. е. «людьми, едящими творог»⁶².

Скотоводческий тип хозяйствования, с которым вышли чеченцы из гор и расселялись на равнине, во многом определял выбор места для новых поселений, влиял на их вид. В этом отношении характерна история переселения в начале XIX в. из Ичкерии на равнину Ногай-Мирзы, прадеда первого чеченского историка У. Лаудаева. Ногай-Мирза «перебывал во многих аулах, но нигде не оставался доволен качеством земли, которое определял следующим средством. У него была мера для хлеба, называвшаяся гирди... Коровы его не могли нигде, одним удоом каждая, наполнить молоком эту меру, как бывало в Ичкерии. Отыскивая лучшую землю, он зашел на Терек, где, к его радости, молоко перешло через края гирди. «Вот та земля, которую я искал», — сказал он и основал аул, существующий и ныне и носящий его имя»⁶³. Следует также учесть, что заботы Ногай-Мирзы и его соотечественников, которым предстояло освоить новые земли, состояли не только в том, чтобы продолжить на новом месте привычные формы хозяйствования и, в первую очередь, развитие скотоводства. Имело значение и экологическое состояние территории, занимаемой чеченцами. По описанию В. В. Докучаева, ссылавшегося на свидетельства участников Кавказской войны, «все пространство Грозного до знаменитой резиденции Шамиля и несколько дальше на юг еще сравнительно недавно было покрыто сплошными непроходимыми лесами, которые и оставили нам более или менее типичные серые земли. Может быть, лишь в северной, более плоской половине этого участка и тогда уже попадались открытые поймы, где действительно замечаются несколько более темные почвы»⁶⁴.

Наконец, отдельно следует сказать о типе поселения, наметившемся у чеченцев на новом месте и учитывавшем требования скотоводческого вида хозяйст-

65.

Лаудаев У. Указ. соч., с. 21.

66.

Шамиладзе В.М. Указ. соч., с. 248.

67.

Ахмадов Ш.Б. Из истории развития земледелия и животноводства у чеченцев и ингушей в XVIII — начале XIX в. — Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII — начало XIX в.). Грозный, 1982, с. 26.

68.

Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей, 1812 г. — ГЭД, 1958, с. 24.

69.

Гантемирова Г.А. Хозяйственное развитие народов Чечено-Ингушетии в первой половине XIX века и вопросы общественных отношений. — Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII — начало XIX в.). Грозный, 1982, с. 33.

70.

Калоев Б.А. Указ. соч., с. 32.

ования. По У. Лаудаеву, чеченцы «селились малыми хуторами, только для корма своего скота и овец»⁶⁵. Предпочтение хуторскому типу поселения отдавалось и по другим мотивам — сохранявшаяся в первое время неуверенность в возможности закрепиться на равнине, постоянная опасность, грозившая на открытой местности их главному достоянию — скоту; чеченцы-скотоводы, оторванные от родных мест и оказавшиеся в непривычном для себя месте, где часто совершались набеги, угон скота и другие неприятности, создавали хутора, напоминавшие собою развитую форму общинной организации скотоводства — кож⁶⁶.

Исследователи, как правило, не выделяют в истории хозяйственного развития равнинной Чечни переходный этап от скотоводства к земледелию, между тем это — самостоятельный и экономически важный процесс в новой истории чеченского народа.

Особенность этого перехода состояла в том, что скотоводство — традиционное занятие чеченцев в горах — не только было свободно на равнине от каких-либо признаков деградации, но, напротив, получило новый импульс к развитию. В отдельных районах равнинной Чечни этой отрасли долгое время принадлежала ведущая роль. Ссылаясь на данные Д. А. Милютина, Ш. Б. Ахмадов насчитывает у одних только надтеречных чеченцев более 200 тыс. овец. По его подсчетам, в 40-х гг. XIX в. на каждый чеченский двор в среднем приходилось около 100 овец⁶⁷. О животноводческой отрасли, как основной в экономике чеченцев, в начале XIX в. писал А. М. Буцковский. Отмечая, что на равнине чеченцы платили дань кумыкам баранами, он считал основной их пищей продукты скотоводства⁶⁸. В наше время об этом же пишет Г. А. Гантемирова, обратившая внимание на распространение среди чеченцев на равнине практики заготовления сена и соломы, предназначенных для стойлового содержания скота в зимний период⁶⁹.

В свете приведенных данных явно нуждается в уточнении идея, согласно которой ведущей отраслью экономики в равнинной Чечне уже в конце XVIII — первой половине XIX в. являлось земледелие, а скотоводство рассматривается как невыгодное занятие, ограниченное «густыми лесными зарослями» и «отсутствием пастбищ»⁷⁰. Ясно также, что оценка хозяйственного облика «новой» Чечни в рассматриваемое время должна быть «согласована» и с культурно-историческими переменами, происходившими в ней под воздействием новой, отличной от горной, экологической среды. Учету подлежит и другое — общественная организация, сложившаяся в горах в тесной зависимости от скотоводческого типа хозяйства, оказавшаяся неприспособленной к новым условиям, в силу чего ей предстояло пережить деформационные

71. Шамиладзе В.М. Указ. соч., с. 68.
72. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823, ч. II, с. 175—176.
73. Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII — первой половине XIX в. Грозный, 1961, с. 46.
74. Бушуев С.К. Указ. соч., с. 24.
75. Там же.

процессы — явление, по-сути, прогрессивное, но требовавшее времени. Иначе говоря, равнинная Чечня на Северном Кавказе становилась земледельческим районом, «житницей Северо-Восточного Кавказа» постепенно; этот процесс завершился после окончания Кавказской войны, с проникновением в чеченскую деревню товарно-денежных отношений. Что касается ее экономики в XVIII — первой половине XIX в., то ее уместнее рассматривать как симбиозную, предполагавшую одновременное развитие скотоводства и земледелия. Эта черта в особенности была присуща молодым хозяйствам, начавшим свое развитие на равнине с конца XVIII в. В этих хозяйствах занятие земледелием не привело к деградации скотоводства и даже овцеводства, которое у чеченцев было широко распространено до переселения на равнину. По В. М. Шамиладзе, овцеводство вполне отвечало интересам равнинного хозяйства⁷¹. Этот вывод этнографа согласуется с данными С. Броневского⁷² и Н. П. Гриценко⁷³, указывавших, что на равнине большое внимание чеченцы уделяли овцеводству, а в ряде мест, например, в притеречных, его предпочитали даже разведению крупного рогатого скота. Вместе с тем бесспорным является и другое — природно-экологические особенности равнины значительно улучшили возможности для расширения кормовой базы, что, естественно, наряду с овцеводством, стимулировало производство крупного рогатого скота. Уже в начале XIX в. в этой отрасли наметилась тенденция к разведению рабочего скота, использовавшегося в земледельческом хозяйстве в качестве тягловой силы; В. М. Шамиладзе обратил внимание на зависимость увеличения рабочего скота от расширения занятий в области земледелия.

Суждение о дальнейшем развитии скотоводства в равнинной Чечне не исключает, что и здесь имелись районы, неблагоприятные для разведения скота. Как уже отмечалось, тот же Ногай-Мирза, покинув горы, «пребывал во многих аулах, но нигде не остался доволен качеством земли», пока не пригнал свой скот в притеречные районы. У населения Сунженской долины И. И. Норденштамм отмечал сравнительно небольшую численность поголовья скота вследствие «недостатка пастбищных мест»⁷⁴. Вместе с тем он подчеркивал «счастливое положение» этой долины в «физическом и топографическом отношениях», благоприятствовавших высокому плодородию⁷⁵. В подобных районах переход от скотоводства к земледельческому типу хозяйств возможен был в более короткие сроки.

В целом же в XVIII — первой половине XIX в. на равнине «экономическая структура» чеченцев отличалась «подвижностью». В ней обнаруживалось относительно интенсивное развитие двух отраслей хозяй-

76. Гантемирова Г.А. Указ. соч., с. 31.
77. Гриценко Н.П. Указ. соч., с. 37.
78. Кушева Е.Н. Указ. соч., с. 75.
79. Виноградов В.Б. Генезис феодализма на Центральном Кавказе. — ВИ, 1981, № 1, с. 37.
80. Там же.
81. Шамиладзе В.М. Указ. соч., с. 262.
82. Рчеулишвили М.Д. К истории овцеводства Грузии. Тбилиси, 1953; Рухнян А.А. Овцеводство Армянской ССР и пути его качественного улучшения. Ереван, 1946; Шамиладзе В.М. К вопросу о характеристике альпийского скотоводства в Грузии. — Вопросы культуры и быта населения юго-западной Грузии. Тбилиси, 1973, т. I.

ства — скотоводства и земледелия. При этом, одна из них — земледелие — находилась на стадии ускоренного формирования, другая — скотоводство, — сохраняя свое прежнее положение в экономике, переживала качественные изменения. Отдельно следует рассмотреть хозяйственную жизнь горной Чечни, отличающуюся многими особенностями. Будучи более архаичной и консервативной, в XVIII — первой половине XIX в. она все еще определяла общий экономический облик Чечни, поскольку горные районы и территориально, и по численности населения продолжали доминировать над равнинными.

Относительно хозяйственного строя жителей горной Чечни в литературе нет единого мнения. Здесь различие оценок, как и в случае с «вольными» обществами Дагестана, связано с вопросом об уровне общественного строя. Те, кто склонен рассматривать общественную организацию чеченцев XVIII — первой половины XIX в. как феодальную, высказывают мысль о развитости земледелия на всей территории Чечни и завершившемся процессе превращения его в ведущий хозяйственный уклад. На этом, в частности, настаивает Г. А. Гантемирова⁷⁶. Еще раньше подобный вывод был сделан И. П. Гриценко, считавшим основным источником существования чеченцев хлебопашество⁷⁷. Подобные высказывания, по справедливому замечанию Е. Н. Кушевой, делаются без учета особенностей географических условий Центрального Кавказа⁷⁸. Тезису о преимущественном положении земледелия в горах Чечни возражает и В. Б. Виноградов с помощью данных, согласно которым в горных районах Чечни пашня занимала около 0,5 %, а пастбища и сенокосы — не менее 38 % общего земельного фонда⁷⁹. В. Б. Виноградов указывает также на долю доходов от полеводства, составлявшую менее 1/5 части животноводческих доходов⁸⁰. В литературе эти цифры приводились и ранее, однако субъективность в подходах к проблемам общественного строя в северокавказской историографии столь велика, что эти данные, как правило, не принимаются во внимание. Примером глубокого научного осмысления подобных проблем следует считать грузинскую историографию. Грузинскими историками признано, что до середины XIX в. определяющим фактором экономической жизни горца являлось скотоводство. Этот тезис они относят не только к Пшави, Тушети и Хевсуретии — типично скотоводческим районам, но и вообще к горной части Грузии⁸¹. Верность этого подхода подтвердили последние исследования⁸², установившие закономерности развития такой специфической экономики, как хозяйство горных районов Кавказа. Впрочем, и для негрузинской историографии проблемы не были чужды спокойные подходы, свободные от поисков «престижных идей».

83.
Бушуев С.К. Указ. соч., с. 25.
84.
Калоев Б.А. Указ. соч., с. 39.
85.
Там же.
86.
Иваненков Н.С. Горные чеченцы. Культурно-экономическое исследование Чеченского района нагорной полосы Терской области. — ТС, 1910, вып. 7, с. 94.
87.
Там же, с. 95.
88.
Там же, с. 99.
89.
Там же, с. 97.

Так, еще в предвоенные годы С. К. Бушуев, основываясь на военно-статистическом и экономическом описании И. И. Норденштамма, отмечал, что население горной Чечни земледелием занималось в весьма ограниченных размерах⁸³. К такому же выводу пришел и Б. А. Калоев, подчеркивающий второстепенность земледелия в экономике горной Чечни⁸⁴. Исследователям известно, что по сравнению с другими местностями Большого Кавказа в Чечне средний пахотный надел земли на душу населения был одним из наименьших; даже во второй половине XIX в. эта доля составляла от 0,01 до 0,45 дес.⁸⁵, хотя к тому времени численность населения горной Чечни в связи с миграцией на равнину значительно сократилась и, соответственно, увеличился средний размер пахотной земли. Мизерность пахотных участков, однако, не исчерпывала трудностей, стоявших на пути горского земледелия в Чечне. Тщательно и комплексно обследовавший во второй половине XIX в. горную Чечню И. С. Иваненков заключил, что земельный недостаток увеличивался еще «от того, что из тех земель, которые уже обращены под возделывание хлебных растений, от 1/3 до 1/2 их площади, а местами и вся их площадь, расположены на таких высотах над уровнем моря и на таких крутых покатостях, что произращение на них хлебов чаще всего оказывается невыгодным»⁸⁶. В контексте проблемы соотношения отраслей хозяйства в экономике горной Чечни важное значение имело «районирование» этой территории, проведенное И. С. Иваненковым в своем исследовании.

По «удобству своих земельных угодий к хозяйству и по климату»⁸⁷ горную Чечню он делил на пять районов. В четырех из них «хлебопашество, по климату находящемуся в зависимости от 360 до 800 саженей возвышения над уровнем моря, могло бы стоять на одинаковой ступени со скотоводством, но для этого нет достаточной площади земли; ...имеющиеся в горах земли представляют крутые размывы горных кряжей, часто без всякого растительного покрова»⁸⁸. Вместе с тем в каждом из указанных четырех районов имелись зоны более благоприятные и менее благоприятные для земледелия. Так, в районе, причисленном к третьей категории, имелись плодородные земельные участки в долинах рек Аржи — Ахк и Аккете, достаточно удобные «под хлебные растения»⁸⁹. Подобные зоны, отличавшиеся ограниченными масштабами, встречались и в других местах горной Чечни. Но общие природно-климатические условия, определявшиеся высоким расположением над уровнем моря, даже этим относительно удобным для земледелия местам чаще всего не гарантировали устойчивых урожаев. В одном из таких районов, например, в 1906 г. И. С. Иваненков наблюдал, как

90.
Там же, с. 97—98.
91.
Там же, с. 99.
92.
Там же.
93.
Калоев Б.А. Указ. соч., с. 61.
94.
Там же, с. 83, 97.

22 августа пошел снег, ударили морозы, в результате чего «большинство хлебов во всей этой местности померзло и погибло»⁹⁰. В том, что видел И. С. Иваненков, не было ничего неординарного — гибель урожая в горных и высокогорных районах Большого Кавказа, сводившая на нет все усилия горца, являлась здесь обычной картиной.

«Пятый район», выделенный Н. С. Иваненковым в отдельный, относился к высокогорной зоне. Свои поселения чеченцы создавали и в этой зоне. Они занимали территорию на высоте «от 700 до 1400—1800 и 2000 сажен над уровнем моря, под самым Андийским хребтом»⁹¹. Здесь находились общества Перой, Пежинерой, Чамгой, Сакентхой, Керестхой, Горзантхой, Хингихой, Сондухой и Хулундой. Их хозяйственный уклад полностью зависел от экстремальной природно-экологической обстановки. К «пятому району» относились «самые дикие, неприветливые и недоступные ущелья гор, высшие вершины которых покрыты вечными снегами»⁹². Здесь чеченцы могли заниматься только скотоводством.

В свете данных Н. С. Иваненкова неубедительно утверждение Б. А. Калоева, будто в горной Чечне, по сравнению с другими районами Большого Кавказа, земледелие находилось на более высоком уровне, и что «благодаря хорошим климатическим условиям в горной Чечне возделывались почти все важнейшие культурные злаки (ячмень, пшеница, овес, кукуруза) и некоторые огородные культуры»⁹³. В данном случае не учитывается, что выращивание названных Б. А. Калоевым культур само по себе не может служить свидетельством благоприятных климатических условий в горной Чечне. Важно учесть другое — урожаи, какие мог снять горец, занимаясь земледелием. Две культуры — ячмень и низкорослая пшеница, которые выращивали чеченцы, как и повсюду в горах, не отличались особыми урожаями. Что касается кукурузы, якобы занимавшей первое место среди других злаков⁹⁴, то ссылку Б. А. Калоева на Н. С. Иваненкова по этому поводу следует рассматривать как неточность, допущенную при цитировании литературного источника. На самом деле у Н. С. Иваненкова нет подобного утверждения; на странице, на которую отсылает Б. А. Калоев, речь идет о поливе трех десятин кукурузы, а не о ее первенствующей роли. Вообще же Н. С. Иваненков, совершая свои поездки по горной Чечне, видел участки, на которых выращивалась кукуруза. О том, как они выглядели, свидетельствует его собственное описание: «При своих объездах, — сообщал он, — я часто видел загоны с кукурузою 12—16 вершков вышины, редкую, недорослую, с пустыми початками 1—1½ вершка длины. В сел. Пешхой Газ Багомат Бециев имеет 40 загонов и обрабатывает их для соломы на

95. Иваненков Н.С. Указ. соч., с. 117.
96. Там же, с. 97 и 99.
97. Ахмадов Ш.Б. Указ. соч., с. 21; У.Лаудаев полагал, что, пересекаясь в XVIII в. на равнину, чеченцы выращивали ячмень и пшеницу и что кукуруза им стала известна позднее. (Лаудаев У. Указ. соч., с. 22).
98. Докучаев В.В. Соч., т. VI, с. 393—394.
99. Калоев Б.А. Указ. соч., с. 36.
100. Иваненков Н.С. Указ. соч., с. 94.
101. Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859, с. 62.
102. Калоев Б.А. Указ. соч., с. 63.
103. Гантемирова Г.А. Указ. соч., с. 31.
104. Иваненков Н.С. Указ. соч., с. 97.

корм; подобных показаний много»⁹⁵. Существенно и другое — кукурузу не выращивали выше «второго» района, поскольку в последующих трех «районах» для нее не было даже минимальных почвенно-климатических условий⁹⁶. Данные Н. С. Иваненкова и Б. А. Калоева о выращивании кукурузы в горной Чечне хронологически не соотносятся с XVIII — первой половиной XIX в., так как в этот период кукурузу выращивали только на равнине⁹⁷. Вопросы же мы коснулись больше в связи с тем, что точка зрения о первостепенности в горной Чечне кукурузы, требующая относительно длительной вегетации, а, следовательно, мягкого климата, способна породить ошибочное представление о природно-экологической обстановке горных районов Большого Кавказа.

В горной Чечне земледелие находилось в зависимости от закона вертикальной зональности, при которой вышелоченные черноземы предгорий сменяются на высоте 500—600 м менее плодородными бурыми горно-лесными, а отчасти подзолистыми почвами⁹⁸. Оно подчинялось также достаточно суровому в горах климату, где с подъемом на каждые 100 м температура понижается на 0,5—0,6 градуса⁹⁹. В нагорной Чечне большинство поселений находилось выше верхней границы черноземной полосы, в полосе климата, характерного для горных местностей Большого Кавказа. Эти два обстоятельства — состояние почв и климата и определяли в Чечне направления и типы хозяйственной деятельности. Н. С. Иваненков указывал на «влияние физических свойств местности на форму хозяйства» и подчеркивал «второстепенную» роль земледелия в горных районах Чечни¹⁰⁰. Тем не менее, как и в других районах Большого Кавказа, в горной Чечне особое место занимал земледельческий труд. Здесь большинство земельных участков, отводилось под террасные пашни. Как и повсюду на Большом Кавказе, в Чечне террасные поля подразделялись на два типа — естественные и искусственные. Первые чаще встречались в низинах горной зоны, вторые — на высокогорье. Наиболее распространенными были искусственные террасные поля. В свое время на это обратил внимание А. П. Берже: «...вся местность (в верхних районах р. Аргуна — *ред.*) покрыта искусственными террасами...»¹⁰¹ Это наблюдение подтвердил Б. А. Калоев, выполнивший ряд экспедиционных работ в Чечне. По Б. А. Калоеву, в Чечне, Ингушетии, Балкарии и Карачае террасные поля встречаются чаще, чем в других районах Большого Кавказа¹⁰². Вместе с тем неточно утверждение Г. А. Гантемировой, будто все горное земледелие в Чечне было террасным¹⁰³; у Н. С. Иваненкова описаны обычные участки пашен, расположенные в низинах и речных долинах¹⁰⁴. Так же неправомерно рассматривать распространенность

105.
Робакидзе А.М. Указ. соч.,
с. 17.
106.
Шапиладзе В.М. Хозяйственно-
культурные... проблемы..., с. 39.
107.
Магомедов Р.М. Борьба горцев
за независимость под руковод-
ством Шапиля. Махачкала,
1939, с. 12.
108.
Бушуев С.К. Указ. соч., с. 25.
109.
Кушева Е.Н. Народы Северного
Кавказа..., с. 75.
110.
Кушева Е.Н. О некоторых осо-
бенностях генезиса феодализ-
ма..., с. 181.

террасных полей как показатель широких масштабов земледельческого хозяйства в горной Чечне. Террасы — лишь свидетельство о природных трудностях на пути развития горного земледелия, а также показатель высокой интенсивности земледельческого труда горца. В основе этой интенсификации лежали эмпирические знания о почвах, применение строго продуманного севооборота, орошения, естественных удобрений, подбор пахотного орудия, отвечающего местным особенностям рельефа и почв¹⁰⁵. Но напомним еще раз: интенсивный способ хозяйствования в области земледелия не был обусловлен ни особым уровнем земледельческой культуры, ни ожидаемым экономическим результатом. Скорее это — влияние природно-экологической и социальной обстановки на труд, хозяйственный уклад горца. В горной Чечне скотоводство, в отличие от земледелия, располагало относительно обширными и тучными альпийскими пастбищами, а также превосходными покосами. Затрагивая вопрос об условиях развития скотоводства в Чечне, следует учесть идею В. М. Шапиладзе, предложившего характеристику зональных климато-географических и экологических особенностей Кавказа. Он полагает, что исторический процесс размещения и развития отраслей хозяйства должен рассматриваться в рамках сложившихся хозяйственно-исторических зон — равнины, предгорий и гор¹⁰⁶. Верное с нашей точки зрения положение, оно в равной мере относится и к Чечне. Здесь, как и в других районах Большого Кавказа, в меньшей степени в предгорной, в большей — в горной, скотоводство являлось преимущественным занятием населения.

Вывод, которого придерживаемся мы в отношении хозяйственного облика горной Чечни, всегда доминировал в историографии. Так, в 1939 г. Р. М. Магомедов писал о скотоводстве как о ведущей отрасли экономики горной Чечни¹⁰⁷. Одновременно на это же указывал С. К. Бушуев¹⁰⁸. В 60-е гг. Е. Н. Кушева вновь подтвердила, что «и позднее основным занятием жителей» Чечни «было скотоводство, преимущественно разведение в горах мелкого скота»¹⁰⁹. Этот же тезис она высказала и в другой своей работе¹¹⁰. Подобные оценки можно встретить у многих историков и этнографов.

Хозяйственный строй «демократических племен» Северо- Западного Кавказа

Проблемы хозяйственной жизни натухайцев, шапсугов и абадзехов, получивших в русской литературе название «демократических племен», представлены как в разнообразных источниках, так и в общих и специальных работах.

111.
Новицкий Г.В. Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом Адехе. — Тифлисское ведомство, 1829, № 23.

112.
Там же.

113.
Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая пол. XIX в.). М., 1967, с.

114.
Щербина Ф. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913, т. II, с. 28—30.

Однако это не только не исключило спорности проблемы, но и умножило число вопросов, по которым в настоящее время нет единства взглядов. Споры, естественно, вызваны наличием у историков различных методологических подходов. Дореволюционные авторы (Г. В. Новицкий, Хан-Гирей, Ф. Щербина, Н. Ф. Дубровин и др.), как правило, не соотносившие явления хозяйственного строя с общественной организацией адыгов, при известных различиях, по существу, воспроизводили идентичную по своим основным чертам экономикой «демократических племен». Советским историкам проблема предстала в более сложном видении, поскольку они справедливо заметили диалектическое единство хозяйственного и общественного строя. Но именно это бесспорное достижение исследователей и породило различия во взглядах на характер экономики «демократических племен».

Главный пункт расхождений — это все то же соотношение скотоводства и земледелия. Еще в прошлом веке, совершив поездку в Закубанье, Г. В. Новицкий нашел, что Северо-Западный Кавказ географически делится на две зоны — равнинную и горную. В соответствии с этим он рассматривал основные направления хозяйственной деятельности адыгов. В частности, по описанию Г. В. Новицкого, «всех Адехе в отношении к хлебопашеству можно разделить на два разряда: на жителей равнин, у коих хлебопашество в цветущем состоянии, и на жителей гор, у коих каменистые твердыни, их окружающие, не представляют мест, достаточных к посеву нужного к прокормлению себя хлебом»¹¹¹. Как свидетельствовал Г. В. Новицкий, на равнине адыги сеяли пшеницу, рожь, ячмень, овес, просо, особенно полбу, табак и «собирают все в избытке». Жители гор лишены «средств к хлебопашеству», и, несмотря на огромные усилия, горцы могут сеять просо и табак «в малом количестве». Г. В. Новицкий также считал, что «демократические племена» «хлебом ежегодно пользуются от жителей долин, отдавая им за оный свои изделия, а потому находится в сем отношении во всегдашней у них зависимости»¹¹². С появлением работы Г. В. Новицкого было положено начало четкому разграничению географических зон и типов хозяйств у адыгов.

Историк Кубанского казачьего войска Ф. Щербина, «хорошо знавший и литературу вопроса и соответствующие архивные документы»¹¹³, дал общую оценку экономике адыгов. Он полагал, что в конце XVIII — первой половине XIX в. «черкесов ни в коем случае нельзя было назвать народом земледельческим», они «были бедны и нуждались в самых необходимых предметах. В громадном большинстве случаев у них не хватало хлеба», «руки же он (черкес — ред.) берег для войны»¹¹⁴.

115.
Дубровин И.Ф. Черкесы (ады-
ге). Краснодар, 1927, с. 27.

116.
Покровский М.Н. Дипломатия
и войны царской России
в XIX столетии. М., 1923,
с. 199.

117.
Там же.

118.
Кумыков Т.Х. Указ. соч.;
Мужев И.Ф. Указ. соч.

119.
Очерки истории Адыгей.
Майкоп, 1957, с. 158—159.

120.
Кушева Е.Н. Народы Северного
Кавказа..., с. 147.

121.
Кумыков Т.Х. Хан-Гирей.
Нальчик, 1968, с. 72—73.

По мнению военного историка Н. Ф. Дубровина, у адыгов «земледелие вообще находилось в первобытном состоянии». Главным богатством черкесов он считал «огромные табуны лошадей и отары овец»¹¹⁵. Подобные цитаты можно продолжать до бесконечности. Мы ограничились лишь некоторыми из них, чтобы показать, в каком русле развивалась дореволюционная историография.

В советское время первым обратил внимание на хозяйственную жизнь адыгов Северо-Западного Кавказа М. Н. Покровский. По его оценке, в конце XVIII в. в экономике адыгов наблюдался некоторый подъем. Он четко разграничил хозяйства равнинных и горных адыгов. Первые успешно развивали земледелие: «...насколько интенсивна была земледельческая культура — показывают и до сих пор остатки искусственного орошения, фруктовых садов и виноградников около развалин черкесских аулов»¹¹⁶. Что касается горцев, то они главным образом занимались скотоводством: «...как и следовало ожидать от горных местностей, — подчеркивал М. Н. Покровский, — основу богатства составляло скотоводство»¹¹⁷. Вслед за М. Н. Покровским, в духе дореволюционной историографии, проблему освещали и другие советские авторы.

В начале 50-х гг. при обсуждении хозяйственной жизни кабардинцев в XVIII—XIX вв. была высказана мысль о спорности научных оценок по вопросу о хозяйственном строе адыгов¹¹⁸. Это вызвало дискуссию, оживившую изучение проблемы. В ходе нее Е. С. Зевакин отстаивал традиционные представления о хозяйственном строе адыгов. По его мнению, в горах, где каменистый грунт, крутые склоны и небольшой слой земли, «обработка полей доставляла много трудностей», поэтому земледелие являлось второстепенным занятием¹¹⁹. Аналогично подходил к вопросу другой местный историк — М. В. Покровский, автор ряда оригинальных работ по истории адыгов. Рассматривая более ранний период истории адыгов, — XVI—XVII вв., — Е. Н. Кушева также сделала вывод о преобладающем характере скотоводства в горных районах Северо-Западного Кавказа¹²⁰. В 1968 г. Т. Х. Кумыков, ранее писавший о повсеместном господстве земледелия на Северо-Западном Кавказе, в работе «Хан-Гирей» присоединился к выводам своих коллег. «В XVIII — начале XIX в. — писал он, — в экономике адыгских народов скотоводство играло ведущую роль: адыги разводили коров, быков, буйволов, овец... в горных районах Черкессии — в большом количестве коз»¹²¹.

Одновременно получили развитие и противоположные взгляды. В 1960 г. этнограф М. Г. Аутлев заключил, что у адыгов ведущей отраслью хозяйства являлось земледелие, главным образом хлебопашест-

122.

Аутлев М.Г. Адыгейцы. — Народы Кавказа, М., 1960, т. I, с. 203.

123.

Гарданов В.К. Указ. соч., с. 53; обвиняя своих предшественников, В.К.Гарданов имел в виду набег, о которых русские историки писали как о форме «хозяйственной деятельности».

124.

Там же, с. 60.

125.

Там же.

126.

Там же, с. 62.

127.

Там же, с. 65.

128.

Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Составитель В.К.Гарданов. Нальчик, 1974, с. 111.

129.

Гарданов В.К. Указ. соч., с. 63.

130.

Адыги, балкарцы и карачаевцы..., с. 114—116.

во¹²². По поводу скотоводства он высказался как об отрасли, не намного «уступающей» земледелию.

С несколько неожиданной стороны проблему экономики адыгов рассмотрел В. К. Гарданов. Он подверг критике дореволюционных авторов за то, что они рассматривали хозяйственный уклад населения Северо-Западного Кавказа с великодержавных, шовинистических позиций¹²³. Тезис «земледелие на равнине, скотоводство — в горах» В. К. Гарданов воспринял как «слишком прямолинейный» и находил, что «конкретно-историческая обстановка вносила существенные поправки в, казалось бы, вполне логичные схемы»¹²⁴. Суть собственного вывода В. К. Гарданова состояла в следующем: значительная часть адыгов, живших на равнинах, занималась в XVIII — первой половине XIX в. преимущественно скотоводством, а не земледелием¹²⁵, у «демократических племен», напротив, земледелие приобрело особое значение, причем наряду с хлебопашеством у них было также развито садоводство¹²⁶. Предлагая принципиально новое представление по проблеме, В. К. Гарданов подчеркнул, что «все русские и иностранные авторы, посещавшие в первой половине XIX в. территорию этих племен, единодушно отмечали, что земли здесь (в горных районах Северо-Западного Кавказа — *ред.*) были густо населены и прекрасно обработаны»¹²⁷.

В контексте приведенного В. К. Гардановым аргумента, а заодно — более подробного знакомства с русскими и иностранными авторами, писавшими о характере хозяйственной деятельности адыгов, еще раз вернемся к дореволюционной историографии проблемы.

В начале XVIII в. французский путешественник Ферран, побывавший в Черкесии, писал, что «страна Черкесская прекрасна, изобилует плодоносными деревьями, орошается водами, но нисколько не возделана»¹²⁸. Ферран не указал, какую часть Черкесии он имел в виду, говоря о прекрасной стране. Однако, судя по отзыву, речь идет о горных районах Северо-Западного Кавказа; только в этих местах он мог наблюдать «изобилие» плодоносных деревьев, поскольку на равнине в те времена подобных садов не было¹²⁹. Одновременно с Ферраном в Черкесии побывал немецкий путешественник Энгельберт Кемпфер. Он отметил, что адыги «не сеют ни ржи, ни овес, но только гречиху для своих лошадей и некоторый род зернового хлеба... Их главное богатство состоит в скоте и особенно в прекрасных лошадях... затем козах и овцах»¹³⁰. Не так обще, а более конкретно о «демократических племенах» отзывался Абри де Ла Мотрэ, также побывавший в Черкесии в первой половине XVIII в. Он считал, что главной пищей горцев являлось мясо; по его сведениям, из-за ограниченно-

131.
Там же, с. 144.
132.
Там же, с. 154.
133.
Там же, с. 161.
134.
Там же.
135.
Там же, с. 215—216.
136.
Там же, с. 241.
137.
Там же, с. 356.
138.
Там же, с. 216.
139.
Там же, с. 243.
140.
Там же, с. 356.
141.
Там же, с. 239.
142.
Там же, с. 369.

сти баранины, говядины и др. адыги предпочтение отдают конине¹³¹. Об этом же писали И. Г. Гербер¹³² и Ксаверио Главани¹³³. По свидетельству Ксаверио Главани, итальянского путешественника, адыги «употребляют в пищу много мяса и мало хлеба, который готовится из просяной муки»¹³⁴.

Среди западноевропейских авторов более полно и конкретно об адыгах писали лица, находившиеся на русской службе. Выполняя на Кавказе различные правительственные задания, они, как правило, располагали достаточно надежной информацией. К таким авторам относится, в частности, П. С. Паллас, русский академик, посетивший Северный Кавказ в конце XVIII в. В его описании народов Северного Кавказа имеются сведения о шапсугах — одном из «демократических племен» Северо-Западного Кавказа. Имея, как сообщает П. С. Паллас, «мало земли для обработки и скота», шапсуги больше всего занимались набегами¹³⁵. Аналогично характеризовал это адыгское племя и Г. Ю. Клапрот, с той лишь разницей, что, по его сведениям, у шапсугов «много скота, и они мало обрабатывают землю»¹³⁶. Зато описание И. Ф. Бларамберга, автора начала XIX в., полностью перекликается с информацией П. С. Палласа: «Большинство шапсугов, — писал И. Ф. Бларамберг, — живут семьями, у них мало скота и они мало обрабатывают землю; главным источником средств к существованию для них служит разбой»¹³⁷.

Отдельно эти же авторы описывали натухайцев — одно из многочисленных адыгских племен, также относящееся к «демократическим». По П. С. Палласу, натухайцы «самые могущественные из всех абазов (адыгов — *ред.*)... у них... мало земли для обработки, но благодаря прекрасным пастбищам они могли бы разводить больше скота»¹³⁸. Г. Ю. Клапрот¹³⁹ и И. Ф. Бларамберг¹⁴⁰ фактически подтвердили свидетельства П. С. Палласа о занятиях натухайцев. Они же сообщали об абадзехах — третьем «демократическом племени» на Северо-Западном Кавказе. По сведениям Г. Ю. Клапрота и И. Ф. Бларамберга, поля у абадзехов «не очень обширны», здесь каждый имеет свой собственный пахотный участок, «небольшой лес» и «маленькое пастбище для скота»¹⁴¹. И. Ф. Бларамберг добавил, что абадзехи «куда беднее черкесов в долинах и предгорьях, и поскольку у них нет пастбищ, они содержат только ишаков и коз, которые питаются мхом и листвою кустарников»¹⁴². Своеобразным обобщением свидетельств западных и русских авторов о горских племенах являются записи шотландского путешественника Роберта Лайэлла, посетившего Северный Кавказ в 1821 г.: «Все горские племена на Кавказе, кажется, имеют очень много общего и стремятся продолжать тот образ жизни, который вели их предки. Мало занимаясь земледелием,

143.
Там же, с. 327.
144.
Гарданов В.К. Указ. соч., с. 57.
145.
Броневский С. Указ. соч.,
с. 136.
146.
Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978, с. 256.
147.
Там же, с. 258.
148.
Там же, с. 261.
149.
См. Гарданов В.К. Указ. соч.,
с. 91.

они поддерживают себя охотой, скотоводством и грабежами»¹⁴³.

Одним из хорошо осведомленных русских авторов был С. М. Броневский. Таким его признавал и В. К. Гарданов¹⁴⁴, сторонник идеи о второстепенности скотоводства у горцев Северо-Западного Кавказа. С. М. Броневский считал, что «черкесы держут многочисленные стада рогатого скота и овец, небольшое число коз... По числу лошадей и скота измеряется у них богатство частных людей»¹⁴⁵. Особенно ценными в разрешении спора о соотношении земледелия и скотоводства в экономике адыгов могли бы послужить сведения Хан-Гирея, природного черкеса, современника той хозяйственной жизни адыгов, о которой идет речь. В известных своих «Записках о Черкесии» Хан-Гирей писал о земледелии и скотоводстве как об отраслях экономики адыгов. Вместе с тем, как бы определяя их реальное соотношение, он сообщал: «Черкесы же... не могут заниматься, как должно, земледелием, хотя прекрасная их почва как бы имеет право требовать большого к себе внимания»¹⁴⁶, и что «они занимаются скотоводством и во времена идолопоклонства чтили каких-то богов — покровителей скотоводства»¹⁴⁷. В данном случае Хан-Гирей писал о всех адыгах — равнинных и горных. Но у него есть сведения отдельно о «демократических племенах», что особенно важно. Указывая на скотоводство как на основное их занятие, Хан-Гирей пояснил: «В особенности жители гор большими стадами разводят коз, для корма которых не требуется большого количества сена, даже в горах и вовсе не употребляют сена, а гоняют коз в леса, где срубивают деревья, ветвями которых эти животные питаются гораздо лучше, чем сеном»¹⁴⁸. Свидетельство Хан-Гирея о широком разведении «демократическими племенами» коз подтверждается также данными Т. Лапинского. По сведениям последнего, у абадзехов, шапсугов и натухайцев коз было в четыре раза больше, чем овец, и что этих животных насчитывалось у них «свыше полутора миллионов»¹⁴⁹.

Коснемся еще одной работы — этнографического очерка барона К. Ф. Сталя, — на которую принято ссылаться, когда речь идет о хозяйственных занятиях адыгов. Проведя несколько лет среди адыгов, К. Ф. Сталь располагал богатой и разнообразной информацией. Однако барон находился на военной службе, не был профессиональным этнографом или историком. К тому, о чем писал К. Ф. Сталь, следует относиться по-меньшей мере внимательно, так как в его очерке, в силу невысокого уровня обработки материала, нередко противоречивые суждения. В свое время В. К. Гарданов не учел это важное обстоятельство, что не в малой степени вызывало в нем убеждение о главенствующей роли земледелия у «демократиче-

150.

Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа. — КС, 1900, т. 21, с. 100.

151.

Там же.

152.

Там же, с. 87.

153.

Адыги, балкарцы и карачаевцы..., с. 461.

154.

Гарданов В.К. Указ. соч., с. 99;

Калоев Б.А. Указ. соч.,

с. 100—101.

ских племен». Доказывая свой тезис, В. К. Гарданов цитировал то место из работы К. Ф. Сталя, где сообщалось: «Черкесы, как прочия горские племена, народ земледельческий. Земледелие, скотоводство и пчеловодство суть главные занятия черкеса»¹⁵⁰. Однако из поля зрения была упущена последующая фраза, в которой К. Ф. Сталь оценивал земледелие и скотоводство черкесов как находящиеся в состоянии «первобытном, младенческом»¹⁵¹. В другом месте своего очерка К. Ф. Сталь писал: в Черкесии «почва везде плодородная, пастбищные места превосходны. Черкесы и ногайцы небольшие охотники до земледелия, и поэтому оно у них неважно. Небольшие посевы кукурузы, проса и пшеницы окружают аулы. Напротив того, скотоводство, коневодство, овцеводство и пчеловодство в хорошем положении и составляют главное занятие народа»¹⁵². Несмотря на столь разноречивые суждения в общем контексте конкретных данных создается представление о том, что К. Ф. Сталь не расходился с авторами, писавшими об адыгах как о скотоводах.

В пользу идеи о господстве земледелия у «демократических племен» приводится еще один аргумент — наличие у черкесов неплохих садов. Действительно, путешественники нередко писали об этом. Джеймс Белл, например, сообщал, что в Черкесии «низкие холмы обрамляют долину, и там, где земля не возделана, они покрыты плодовыми деревьями и чудесным ковром травы и диких цветов»¹⁵³. Идиллическую картину садового ландшафта в Черкесии описывали также Г. В. Новицкий и И. Клиген. На основе данных этих авторов, В. К. Гарданов, а вслед за ним и Б. А. Калоев писали, что «абадзехские и шапсугские аулы... буквально утопали в садах»¹⁵⁴. Из этого факта и сделаны два принципиальных вывода — о земледелии как ведущей отрасли хозяйства и мягком климате в горных районах Северо-Западного Кавказа, прилегающих к побережью Черного моря. Сознывая, что обычное садоводство не в состоянии существенно изменить хозяйственную структуру, В. К. Гарданов и Б. А. Калоев поднимают садоводство у «демократических племен» на уровень самостоятельной отрасли экономики, дававшей горцам большие доходы и восполнявшей им недостаток в хлебе. Высказанные этнографами положения были сделаны, однако, без учета целого ряда обстоятельств. Наиболее существенные из них, на наш взгляд, следующие. Это прежде всего природно-климатические условия. Считается, что Северо-Западный Кавказ климатически больше соответствует средиземноморскому. Однако эту характеристику необходимо рассматривать как самую общую, поскольку в пределах региона выделяются еще несколько высотных климатических поясов, или зон. В частности, «демократические племена»

155.

Гарданов В.К. Указ. соч.,
с. 75—77; Калоев Б.А.
Указ. соч., с. 100—101.

156.

Гвоздецкий Н.А. Указ. соч.,
с. 139.

157.

Гарданов В.К. Указ. соч., с. 71.

размещались в трех климатических зонах — субальпийская, собственно альпийская и нивальная — зона вечных снегов. Отмечается также — и это очень существенно, — что нивальная зона, влияющая на формирование климатического режима двух предыдущих зон, расположена на Северо-Западном Кавказе ниже, чем в других районах Большого Кавказа. Так, если на Северо-Восточном Кавказе снеговая линия находится на высоте 3370—3600 м над уровнем моря, то на Северо-Западном Кавказе — на отметке 2730—3000 м. Следовательно, Западный Кавказ является более оледенелым, чем Восточный, из-за чего в климатическом отношении горные районы, занятые «демократическими племенами», уступали остальной части Большого Кавказа. То же самое следует сказать о почвах. Ссылаясь на Дюбуа де Монпере, В. Г. Гарданов указывал, что почва в горных районах Северо-Западного Кавказа имеет существенный недостаток — быстро сохнет и трескается¹⁵⁶. Еще раньше об этом писал В. В. Докучаев, установивший, что вообще на Северном Кавказе чернозем залегает лишь до высоты 305—457 м над уровнем моря, на южном склоне — до 610 м¹⁵⁷. Кроме того, как и везде на Большом Кавказе, в горах Северо-Западного Кавказа не было достаточных площадей, пригодных для земледелия. Это вынуждало абадзехов, натухайцев и шапсугов широко прибегать к террасному земледелию, которое жестко ограничивало возможности развития полеводства.

Второе обстоятельство, которое следует учитывать при оценке роли садоводства в экономике горных адыгов, это строгая его локализация на сравнительно небольшой территории Черноморского побережья, в предгорной зоне Северо-Западного Кавказа. Описание Джеймса Белла, — «низкие холмы обрамляют долину, и там, где земля не возделана, они покрыты плодовыми деревьями», — цитированное В. К. Гардановым и Б. А. Калоевым, относится к типичному ландшафту предгорной полосы Северо-Западного Кавказа.

Наконец, о садоводстве как отрасли экономики. Известно, что основным критерием оценки отраслей и систем хозяйства является эффективность всего хозяйства, а не отдельной, второстепенной его отрасли, даже если она приняла интенсивные формы. Садоводство не представляло на Северном Кавказе основного направления в экономике. В условиях альпийской зоны, где размещалась основная часть «демократических племен», исключались сколько-нибудь широкие занятия садоводством. Сады разводили в субальпийской зоне, но и здесь они не могли развиваться до уровня самостоятельной экономической отрасли; для этого необходимы были достаточно развитые торгово-экономические связи как внутри «демо-

158.

Докучаев В.В. Соч., т. VI, с. 472.

159.

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1..., с. 474.

160.

Гвоздецкий Н.А. Указ. соч., с. 149, 152.

161.

Джилмова Б.М. Общественный строй дореформенной Адыгеи (1800—1868 гг.). УЗАННИИ, 1970, т. II.

кратических племен», так и с внешним миром. Племенная разобщенность, господство натурального хозяйства и набеги горцев — неодолимые трудности, встававшие на пути этих связей. Здесь уместно вспомнить слова К. Маркса о том, что плоды земли присваиваются трудом, зависящим «от климата, физического состава почвы, физически обусловленного способа ее эксплуатации, от отношения к враждебным или соседним племенам и от изменений, которые влекут за собой переселения, исторические события и т. д.»¹⁵⁸.

В целом природно-экологический режим горных районов Северо-Западного Кавказа давал горцу лишь возможность ограниченно заниматься земледелием, не обеспечивавшим его хлебом или какой-либо другой сельскохозяйственной продукцией. Вместе с тем существовали относительно неплохие условия для развития скотоводства. В этом отношении Северо-Западный Кавказ имел ряд преимуществ перед Северо-Восточным и Центральным Кавказом — традиционно скотоводческими районами. По мнению специалистов, субальпийские и альпийские луга Северо-Западного Кавказа отличаются более высоким и густым травостоем; запасы сухого сена на один гектар достигают 25—30 ц¹⁵⁹. Существенную роль в развитии скотоводческих хозяйств «демократических племен» играли значительные лесные массивы на Северо-Западном Кавказе; листья дубовых и буковых рощ горцы скармливали своим крупным стадам коз.

К скотоводческому типу хозяйства была приспособлена общественная организация всех «демократических племен» Северо-Западного Кавказа. Эта особенность жизни горцев достаточно широко проиллюстрирована В. К. Гардановым в его монографии об адыгах. Данные В. К. Гарданова позже дополнены материалами Б. М. Джимова¹⁶⁰ и М. А. Меретукова¹⁶¹. Этнографам удалось обосновать тезис о сохранении у «демократических племен» патронимической семьи и объяснить причины ее консервативности. Так, по сведениям М. А. Меретукова, у шапсугов встречались семейные общины, насчитывавшие по 40, 50, 60, а иногда более 100 человек. В таких общинах родство доходило до четвертого поколения. Наличие столь крупных семейных общин и устойчивость в них родовых порядков обуславливались скотоводческим типом хозяйствования, требовавшим применения коллективного труда крупных родовых союзов. М. А. Меретуковым опубликован полевой материал, согласно которому патронимические семьи шапсугов держат скот в больших количествах; семья Тлиф Сафчах из 34 душ имела 400 овец, 60 коз, 30 коров, 6 быков, а семья Непсэу Мшеост из 24 членов содержала 300 овец, 50 коз, 20 лошадей, 5 быков, 4 коровы и т. д. На основании изучения патронимической

162.

Меретуков М.А. Семейная община у адыгов. — УЗАНИИ, 1970, т. II, с. 10.

163.

Там же, с. 241, 246.

164.

Там же, с. 113.

семьи, ее внутренней организации М. А. Меретуков пришел к выводу о скотоводческом направлении хозяйственной деятельности этой семьи¹⁶².

Подводя итог краткому обзору, отметим, что в XVIII — первой половине XIX в. в «вольных» обществах Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа основная роль в экономике принадлежала скотоводству. В условиях горной зоны Большого Кавказа эта отрасль консервировала отсталые формы хозяйствования, являлась носителем патриархально-родовых начал в общественной жизни. Вместе с тем в «вольных» обществах Большого Кавказа в скотоводстве были скрыты потенциальные силы, которым при определенной историко-экономической ситуации суждено было изменить коренным образом облик горских обществ. Начало преобразований этих обществ лежало в появлении частной собственности на стада, ведущей «к обмену между отдельными лицами, к превращению продуктов в товары»¹⁶³.

В отличие от скотоводства, горское земледелие — второстепенный вид хозяйствования — обнаруживало интенсивные формы труда, но оно лишено было главного — экономического эффекта. Кроме того, земледелие не обладало социальной потенцией, которую таило в себе скотоводство: оно не являлось сферой формирования частной собственности, способной привести общество к кардинальным социальным переменам. В рассматриваемое время и скотоводство, и земледелие в условиях гор и высокогорья не были рассчитаны на производство излишков продукции, что сдерживало поступательное хозяйственное развитие «вольных» обществ, обеспечивая общинно-родовым отношениям достаточную устойчивость.¹⁶⁴ В этом, казалось, замкнутом круге, не дававшем «вольным» обществам стать на путь прогресса, выход виделся в двух предпосылках — в обнищании и набегах («завоеваниях»), которые подрывали бы общинно-родовую связь — основу господствовавшего общественно-экономического уклада.

Общественный строй горских («вольных») обществ Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа XVIII — первой пол. XIX в.

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 130.

2. Гамзатов Г.Г. Преодоление. Становление. Обновление. Махачкала, 1986; Виноградов В.Б. Россия и Северный Кавказ. — ИСССР, № 3, 1987; История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. — 1917 г.). М., 1988 и др.

3. Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки, сущность. ИСССР, № 2, 1983.

Общественный строй горцев Северного Кавказа — традиционная в науке проблема. Ф. Энгельс писал: «Еще до того как узнали, что такое род, Мак-Леннан... доказал его существование и в общем правильно описал его у калмыков, черкесов... Недавно М. Ковалевский обнаружил и описал его у пшавов, хевсуров, сванов и других кавказских племен»¹. Русская дореволюционная наука в лице прежде всего М. М. Ковалевского внесла выдающийся вклад в изучение потестарно-политических культур народов Кавказа. Современное кавказоведение продолжило традиции русской научной школы и на базе новой методологии добилось заметных успехов в решении сложных проблем прошлого кавказских народов. Однако длительное время общественные процессы, происходившие здесь в XVIII — первой пол. XIX в., не всегда соотносились с генезисом так называемой набеговой системы на Кавказе и высшей формой ее организации — Кавказской войной 20—60 гг. XIX в., т. е. с той социальной энергией, которую порождали эти процессы. Недавняя попытка поставить возникновение и эволюцию Кавказской войны в зависимость не только от политики России и ее военных успехов на Кавказе, но и от характера социальных сдвигов в «вольных» обществах Дагестана, тайпах Чечни и «демократических племенах» Северо-Западного Кавказа вызвала разноречивые отклики². Выступившие по поводу статьи «Кавказская война: социальные истоки, сущность»³ больше всего возражают против оценок уровня общественных структур, сложившихся в горных

4. Ковалевский М.М. Родовое устройство Дагестана. ЮВ. М., 1888, кн. 1; т. XXIX; его же: Закон и обычай на Кавказе. М., 1890, т. I—II; См. также: Омаров А.С. Ковалевский М.М. как исследователь обычного права народов Дагестана. — УЗДФ. АН СССР, 1957, т. III; Калоев Б.А. М.М.Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М., 1979.

5. Ковалевский М.М. Родовое устройство Дагестана..., с. 524.

6. Покровский М.Н. Указ. соч., с. 199, 207.

7. Скачко А. Дагестан. М, 1931, с. 32.

районах Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа и определявших, по нашему мнению, внутреннюю социальную природу Кавказской войны. Это обстоятельство еще раз убеждает в том, сколь важно при освещении Кавказской войны исследование проблем общественного строя «вольных», «демократических» обществ — районов локализации войны. Необходимо также иметь в виду недостаточно высокий уровень научного осмысления ряда важных вопросов, связанных с объяснением социально-экономических отношений, сопутствовавших генезису феодализма в горских обществах.

Общественный строй «вольных» обществ Дагестана в XVIII — первой пол. XIX в.

Краткая история вопроса

В дореволюционной историографии проблему общественного строя Дагестана изучали главным образом представители русской науки. В традициях дворянского направления высказывались С. Броневский, А. В. Комаров, Ф. И. Леонтович, Н. Ф. Дубровин и др., рассматривавшие Дагестан как страну с демократическими, федеративно-республиканскими порядками. На уровне европейской науки XIX в. проблема исследовалась тогда лишь М. М. Ковалевским. Обратившийся к конкретному историческому материалу, ученый видел в Дагестане наряду с феодализмом господство родовых отношений⁴. Он пришел к выводу, что «в процессе образования дагестанских сословий мы находим подтверждение тому взгляду, что феодализация не составляет особенности одного германо-романского мира, что она — мировое явление»⁵.

Первым советским исследователем общественного строя «вольных» обществ Дагестана был М. Н. Покровский. Отмечая демократизм этих обществ, он сравнивал горцев Дагестана с германскими племенами, «которых знал Цезарь». Вместе с тем уже в те годы М. Н. Покровский подчеркивал наличие у Кавказской войны внутренней социальной основы, которую он видел в «демократических общинах Дагестана, где родился и больше всего продержался кавказский мюридизм»⁶. А. Скачко, автор 30-х годов, расходился с М. Н. Покровским в общей оценке общественного строя Дагестана. По его мнению, к концу XVIII в. большая часть Дагестана представляла феодальные образования и «только в местах», наиболее «удаленных от плоскости... сохранились еще союзы вольных обществ»⁷. Он же предложил рассматривать набеги горцев как «способ производства», который «неизбежно вел к разложению родового патриархаль-

8. Там же.
9. Там же.
10. Таммай А. Материалы к вопросу о феодализме в истории Дагестана. — РВ, 1935, № 5, с. 117.
11. Петрушевский И.П. Джаро-Белоканские вольные общества первой трети XIX столетия. Тифлис, 1934, с. 5, 19.
12. Юшков С.В. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане. — УЗСГП, 1938, с. 66; Не совсем точная оценка взглядов С.В.Юшкова на уровень общественного строя Дагестана дана в работе Х.-М.Хашаева, считавшего, будто «основным мерилем» для установления различных стадий общественно-го развития у С.В.Юшкова являлась «удаленность того или иного района Дагестана от Каспийского моря: чем ближе район к морю, тем больше развит был в нем феодализм». (См. Хашаев Х.-М. Общественный строй... с. 127).
13. Бушуев С.К. Указ. соч.
14. Магомедов Р.М. Борьба горцев...
15. Бушуев С.К. Указ. соч., с. 39.
16. Бушуев С.К. О кавказском мюридизме. — ВИ, 1956, № 12.
17. Магомедов Р.М. Указ. соч., с. 3.
18. Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М., 1961.
19. Саидова М.В. Переход народов Дагестана от общинно-родовых отношений к феодальным (канд. дисс.). М., 1947.

ного строя и образованию феодализма»⁸. «Военная удача, — считал А. Скачко, — большое количество захваченного скота и рабов — создавали мощь отдельных родов и власть их над другими»⁹. Идея о феодализме в Дагестане несколько категорично провозглашена в работе А. Таммай: признавалось повсеместное господство феодализма и фактически отрицались особенности в общественно-экономическом развитии горных районов Дагестана¹⁰. И. П. Петрушевский указал, с одной стороны, на сохранение «родового коммунизма и родового строя», с другой — на генезис феодализма. Важен его тезис о крайне «подвижном» характере социальной структуры «вольных» обществ Дагестана, сравнительно позднее возникновении там процесса феодализации и известном значении в этом военных набегов, рассматриваемых им как «коммерческие предприятия»¹¹. В отличие от своих предшественников, С. В. Юшков заметил «крайнюю пестроту укладов» в «вольных» обществах. Мысль о «преобладании» в них «родо-племенных отношений» и пока только наметившемся «развитии феодальных отношений» у С. В. Юшкова основывалась на учете господства в горах скотоводческого хозяйства¹².

Предвоенную историографию «вольных» обществ завершили работы С. К. Бушуева¹³ и Р. М. Магомедова¹⁴. Исследуя Кавказскую войну, оба автора снабдили свои монографии очерками социально-экономического развития горного Дагестана и высказали ряд новых для того времени идей. По мнению С. К. Бушуева, в «вольных» обществах Дагестана «были налицо значительные патриархально-родовые пережитки» в стадии разложения и перехода к «патриархально-полufeодальному быту, а в некоторых районах и к феодализму, особенно там, где границы последних соприкасались с феодальными владениями, ханствами»¹⁵. Эту же точку зрения С. К. Бушуев повторил позже, в 1956 году¹⁶. Подобной оценки по существу придерживался тогда и Р. М. Магомедов, видевший в Дагестане «оттенки и прямые следы различных общественных отношений, начиная от первобытно-патриархальных отношений и кончая сложившимися феодальными»¹⁷.

Большой интерес к проблеме проявили этнографы. М. О. Косвен поднял вопрос о дагестанском тухуме (по М. М. Ковалевскому тухум — род) и определил его как форму патронимической семьи¹⁸. М. В. Саидова, привлекая обширный этнографический материал, усматривала в «вольных» обществах общинно-родовую организацию и признаки феодализации¹⁹.

В 1957 г. Р. М. Магомедов впервые в кавказоведении подверг комплексному исследованию как общественно-экономический строй, так и специфику социальной структуры «вольных» обществ. В отличие от

20. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй..., с. 67, 395—397.
21. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 143—144.
22. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй..., с. 67.
23. Там же, с. 60.
24. Алиев Б.Г. Каба-Дарго..., с. 8; Умаханов М.-С.К. О социальной борьбе в союзе сельских обществ Дагестана в XVIII в. — ВИД, 1975, с. 199 и др.
25. Хашаев Х.-М. Общественный строй...
26. Там же, с. 251.
27. Там же, с. 240.
28. Там же, с. 141.
29. Там же, с. 188.

многих исследователей, предлагавших лишь частные положения по теме, Р. М. Магомедов выдвинул законченную научную концепцию. По мнению ученого, в XVIII — начале XIX в. каждая из дагестанских народностей имела «свой особый строй социально-экономических отношений». У одних народностей Дагестана в силу местных условий рано образовалась феодальная знать и зависимые крестьяне, у других классообразовательные процессы задержались. Что касается «вольных» обществ, то, как считал Р. М. Магомедов, часть из них жила «в условиях разлагавшейся сельской общины», часть переживала стадию раннего феодализма. В целом же они унаследовали все «организационные черты племенного строя периода военной демократии»²⁰. Методологической посылкой для историка послужило положение Ф. Энгельса: «народное собрание, совет родовых старейшин, военачальник»²¹ — образуют органы развивающейся из родового строя военной демократии»²². Отсюда и другой вывод Р. М. Магомедова: «война и организация войны стали регулярными функциями аварских племен, вооруженное население племен составляло войско»²³. Эти наблюдения историка получили высокую оценку в дагестанской историографии»²⁴.

Отдельно следует отметить исследование Х.-М. Хашаева²⁵, заметный историографический факт в дальнейшем изучении общественного строя народов Дагестана. Он, как и Р. М. Магомедов, поднял целый комплекс проблем. Не обратив внимания на данные Р. М. Магомедова (в работе Х.-М. Хашаева они игнорируются), фактически пришел к тем же выводам, что и его предшественник. Больше посвятив свое исследование анализу адатного и других норм права горцев, Х.-М. Хашаев, вслед за Р. М. Магомедовым, подчеркивал неодинаковый уровень феодальных отношений во «владениях» Дагестана. Он указал на преобладание в «вольных» обществах «свободного и независимого от феодалов узденства», «основного производительного населения»²⁶. Вместе с тем Х.-М. Хашаев иначе, нежели его предшественники, подходил к социальной природе «вольных» обществ, видя в них «территориальные объединения с наличием резких классовых противоречий»²⁷. Это, однако, не означало отрицания их военно-демократического устройства. Напротив, рассматривая организацию управления Аварского ханства, куда входила основная часть «вольных» обществ, Х.-М. Хашаев писал, что ханы «опирались на сельских старейшин и сельских судей» и не могли без их разрешения назначить сельских судей и даже глашатаев»²⁸. Он также уточнил: сельские старшины «принимали на себя предводительство в военных походах и держали в своих руках право судебного разбирательства»²⁹. Вместе с тем Х.-М. Хашаев преувеличивал степень феодализа-

30.

Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа...; Она же: О некоторых особенностях генезиса феодализма...

31.

Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа..., с. 41—42.

32.

Там же, с. 58.

33.

Маршаев Р.Г. К вопросу о социальном строе Ахтыпаринского «вольного» общества в XVIII — нач. XIX вв. УЗДФАНСССР, 1957, т. III. На материалах Ахтыпаринского «вольного» общества автор ставил перед собой задачу обосновать тезис о феодальном характере социальных отношений в этом обществе. Вместе с тем указывалось на то важное место, какое в XVIII — нач. XIX вв. в жизни ахтыпаринцев занимали набеги на соседей. (См. Маршаев Р.Г. Указ. соч., с. 120—121).

34.

Алиев Б.Г. Акуша-Дарго...; Он же. Каба-Дарго...; Он же. К вопросу об административно-политической структуре общества Гапш в XVIII—XIX вв. — ВИД, 1975, т. III; Он же. Общественный строй Сюргинского союза сельских общин в XVIII—XIX вв. — В кн.: Общественный строй союза сельских общин Дагестана в XVIII — начале XIX вв. Махачкала, 1981 и др.

35.

Алиев Б.Г. Акуша-Дарго..., с. 18.

36.

Там же, с. 23.

37.

Алиев Б.Г. Каба-Дарго..., с. 182—183.

38.

Алиев Б.Г. Общинное землевладение в Дагестане в позднем средневековье. — ВИД, 1975, т. II, с. 163, 166 и др.

39.

Алиев Б.Г. Каба-Дарго..., с. 102—103; Так, интерес представляет сообщение о военных столкновениях, происходивших в конце XVIII в. между верхнедаргинским и урахинским обществами из-за пастбищной горы «Даргала бубурти», о раз-

ции «вольных» обществ, находя в них сильные классовообразовательные тенденции. Неправомерность такого вывода уже тогда, в 60-х гг., подтвердили исследователи Е. Н. Кушевой³⁰, широко мобилизовавшей русские источники. В частности, она обосновала тезис, что в горных скотоводческих районах Дагестана классовообразовательный процесс задержался, и для XVI—XVII вв. можно говорить лишь о начальных его признаках³¹. Одновременно была подчеркнута напряженная социальная обстановка во «владениях» Дагестана, вызванная военными набегами горцев с целью угона скота и пленения людей³².

Работа по изучению общественного строя Дагестана, особенно его «вольных» обществ, заметно оживилась в 70-х гг. Она развивалась в двух направлениях: конкретное исследование отдельных «вольных» обществ и частных аспектов их общественно-экономической жизни; углубленный теоретический анализ фактического материала. Попытки осветить социальную структуру «вольных» обществ на примере одного из них предпринимались и ранее³³. Однако в этом направлении оригинальные работы³⁴ впервые, пожалуй, были выполнены Б. Г. Алиевым. Изучив Акуша-Дарго, ученый установил основные формы собственности на землю, господствовавшие в этом союзе «вольных» обществ в XVIII — нач. XIX в., и сделал вывод: определяющими были раннефеодальные отношения со значительными пережитками патриархально-родового строя³⁵. Б. Г. Алиев подчеркнул большую роль войны в жизни этого союза: Акушинский союз мог выставить до 10 тыс. воинов³⁶. Не меньший интерес представляет монография Б. Г. Алиева о другом союзе «вольных» обществ — Каба-Дарго. Историк утверждает, что в «Каба-Дарго, как и в других союзах сельских обществ Дагестана, еще не было четкого классового деления, не было здесь еще феодалов, которые имели бы право внеэкономического принуждения в отношении общинников и права юрисдикции; общественный строй в нем характеризовался наличием коллективной формы землевладения лично свободных общинников»³⁷. В отличие от ряда историков (Х.-М. Хашаева, Х. Х. Рамазанова, А. Р. Шихсаидова и др.), он на конкретном материале подтвердил существование на территории горного Дагестана общинной собственности не только на пастбища и леса, но и на пахотные и сенокосные участки³⁸. Наряду с этим Б. Г. Алиев подчеркивает напряженную борьбу за земли, особенно пастбищные, в которой протекала жизнь отдельных обществ³⁹. Напомним, что о явлениях, подобных тем, о которых пишет Б. Г. Алиев, К. Маркс говорил: «Чем дальше племя удаляется от своего первоначального поселения и захватывает чужие земли, следовательно, попадает в существенно новые условия труда, где энергия каждого отдельного

дорах урахинцев с мекегинцами. Заявление одного из урахинцев: «Эх, прошли счастливые времена, когда перед нашим именем дрожали сотни аулов» — лишь подтверждало степень напряженности, которую вызывали земельные споры в «вольных» обществах. (См. Алиев Б.Г. Каба-Дарго..., с. 102—103.)

40. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 466.

41. Алиев Б.Г. К вопросу об административно-политической структуре общества Гапш..., с. 207.

42. Умаханов М.-С. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII в. Махачкала, 1975, с. 53—54.

43. Гасанов М.Р. Некоторые вопросы социально-экономического развития Табасарана в XVIII — начале XIX в. ВИД, 1975, т. II; Он же. Из истории Табасарана XVIII — начала XIX в. Махачкала, 1978.

44. Гасанов М.Р. Некоторые вопросы..., с. 153, 156.

45. Гасанов М.Р. Из истории экономических взаимоотношений Дагестана и Грузии (конец XVIII — нач. XIX в.). — Развитие феодальных отношений в Дагестане. Махачкала, 1980, с. 154.

46. Магомедов Д.М. Социально-экономическое развитие сельских общин Западного Дагестана в XVIII — нач. XIX вв. — Развитие феодальных отношений в Дагестане. Махачкала, 1980; Он же. Некоторые особенности социального союза сельских общин Западного Дагестана в XV—XVIII вв. — Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII — нач. XIX в. и др.

47. Магомедов Д.М. Социально-экономическое развитие сельских общин..., с. 101, 104.

человека получает большее развитие, чем в большей мере общий характер племени проявляется и должен проявляться как негативное единство по отношению к внешнему миру, — тем больше имеется условий для того, чтобы отдельный человек стал частным собственником земли — особой парцеллы — обособленная обработка которой предоставляется ему и его семье»⁴⁰. Наконец, Б. Г. Алиев исследовал также одно из обществ Верхнего Кайтага, именуемого Гапш, и обратил внимание на специфику административно-политической структуры подобных обществ горного Дагестана: по мнению автора, административные и политические функции, отправлявшиеся в повседневной жизни Гапш, были военными и хозяйственными⁴¹.

Некоторые выводы М.-С. Умаханова, исследовавшего общественный строй «вольных» обществ в XVII в., могут быть отнесены и к XVIII — началу XIX в. В частности, не лишена интереса его мысль, согласно которой сельская община в Дагестане полностью «не феодализировалась» не только в XVII, но и в XIX в. Это объяснено замкнутостью общин, господством адата, лишившего выделившегося из общины человека «права на недвижимое имущество, на пай при переделах общественных пахотных земель и сенокосных участков», на помощь и поддержку не только общинников, но «своего тухума»⁴².

Идея о различных уровнях общественно-экономического развития отдельных регионов Дагестана получила широкую мотивировку в исследованиях М. Р. Гасанова по истории Табасарана XVIII — начала XIX в.⁴³ Подтвердив, что основную массу табасаранского населения составляли уздени — свободные общинники, он уточнил один из источников рабства: пленение не только иноверцев, но и единоверцев⁴⁴. В работе о торгово-экономических связях Дагестана М. Р. Гасанов привел новые данные, свидетельствующие о тесных контактах с Грузией, и в форме тезиса подчеркнул историческую реальность набеговой практики горцев, нарушавшей эти контакты⁴⁵.

Добротный корпус источников привлечен в работах Д. М. Магомедова⁴⁶, исследовавшего социально-экономическую структуру союзов сельских общин Западного Дагестана. По его данным, в рассматриваемое время в союзе сельских обществ Томс в общинной собственности находилось на 11128 саб засева земли в Андийском округе — пастбищ на 900 тыс. овец и на 25 тыс. крупного рогатого скота, в Гунибском округе общественные покосы и пахота составляли 1851,56 десятин; в собственности общины пахотные и покосные земли встречались и в союзе сельских обществ Дидо⁴⁷.

В историографии проблем общественного строя «вольных» обществ принято акцентировать внимание

48. Хашаев Х.-М. Общественный строй..., с. 181, 187 и др.
49. Магомедов Д.М. Социально-экономическое развитие сельских общин..., с. 112.
50. Магомедов Д.М. Некоторые особенности..., с. 33.
51. Там же, с. 35.
52. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 463.
53. Магомедов Д.М. Некоторые особенности..., с. 37.
54. Там же, с. 35.
55. Там же, с. 40.
56. Там же, с. 41.

на наличие у общинников частной собственности на пахотные земли, указывать на раннее ее происхождение, а также на право собственника отчуждать свой участок⁴⁸. По Д. М. Магомедову, в горных районах Дагестана отчуждение пахотного участка было редким явлением из-за его высокой цены. По этой причине в обществах Дидо, Анцух, Капуча, Богнода, Джурмут, расположенных по Главному Кавказскому хребту, отдельные лица и семьи были лишены возможности сосредоточить в своих руках участки земель сколько-нибудь значительных размеров⁴⁹. В другой работе, возвращаясь к господствовавшим в «вольных» обществах формам собственности, Д. М. Магомедов указывает, что в ряде мест после сбора урожая земля общинника снова переходила в пользование общины⁵⁰. Он подтверждает существование обычного права, не позволявшего общиннику свободно распоряжаться принадлежащим ему недвижимым имуществом и чувствовать себя полноправным хозяином своей земли⁵¹. В этом факте Д. М. Магомедов справедливо видит сохранение у общинников взгляда на землю как на «базис коллектива», когда, по словам К. Маркса, «к земле люди относятся с наивной непосредственностью как к собственности коллектива», когда «каждый отдельный человек является собственником только в качестве звена этого коллектива, в качестве его члена»⁵².

Д. М. Магомедов обращает внимание исследователей на систему набегов как на главный путь формирования социальных прослоек у населения «вольных» обществ. В результате военных походов, по мнению историка, в союзах сельских общин наряду с узденством появилось новое, не характерное для данного общества сословие — раб⁵³. Вместе с тем в Западном Дагестане имелись союзы обществ, где еще не сложились условия для использования рабского труда; в союзах Дидо, Кануга, Анцух, например, «не держали пленных», поскольку там не применялся «чужой труд»⁵⁴. Это обстоятельство способствовало сохранению в этом районе социальной однородности. Ссылаясь на статистические данные 1893 г. по Дагестанской области, Д. М. Магомедов насчитывает в Дидойском наибстве всего 972 дыма, из них 971 узденских⁵⁵. Опираясь на эти факты и данные, собранные во время полевых исследований, Д. М. Магомедов указывает на отсутствие в большей части Западного Дагестана зависимых сословий. По его мысли, отношения зависимости стали складываться лишь в союзах Ункратль, Багулал, Чамалал, Анди, Технуцал, Каналал, где в XVIII в. происходил «интенсивный» процесс разложения общины и феодализации обществ⁵⁶. В свете приведенных научных наблюдений несколько неожиданно положение, высказанное Д. М. Магомедовым в одной из последних его работ:

57. Магомедов Д.М. К вопросу об образовании союзов сельских общин Дагестана. — Тезисы научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований института ИЯЛ в 1982—1983 гг. Махачкала, 1984, с. 24—28.

58. Рамазанов Х.Х. и Шихсаидов А.Р. Указ. соч.; Магомедов А.Р. Горская средневековая община. — ИСКНЦВШ, 1984, № 4.

59. Гаджиев В.Г. Союзы сельских общин. — Общественный строй союза сельских общин Дагестана в XVIII — начале XIX в., с. 24.

60. Меликишвили Г.А. К вопросу о характере древних закавказских и средневековых горских северокавказских классовых обществ. — ИСССР, 1975, № 6, с. 52.

61. Меликишвили Г.А. К вопросу о характере древнейших классовых обществ Ближнего Востока и Кавказа. — Юбилейный сборник, посвященный 100-летию со дня рождения акад. И.А. Джавахишвили. Тбилиси, 1976, с. 165.

62. Меликишвили Г.А. К вопросу о характере древних закавказских..., с. 51.

«На территории союзов сельских общин до XIV—XV вв. господствующими были феодальные производственные отношения», и «вольные» общества образовались «в рамках феодальной формации, а не в результате разложения родоплеменных отношений»⁵⁷.

В целом из обзора исторической литературы по общественному строю Дагестана XVIII — первой половине XIX в. видно, что накоплен значительный фактический материал, сложились научные направления, способствующие решению важнейших аспектов проблемы. В успешном продвижении исследовательской работы особая роль принадлежит усилиям, связанным со сбором и систематизацией конкретных данных, позволяющих раскрыть социальный облик отдельных союзов «вольных» обществ (работы Б. Г. Алиева, М. С. Гасанова, Д. М. Магомедова и др.). Вместе с тем в дагестанской историографии заметны субъективные подходы к проблеме, «завышение» уровня общественного строя Дагестана, особенно «вольных» обществ. Подобный подход в известной мере присущ работам Х.-М. Хашаева, Х. Х. Рамазанова и А. Р. Шихсаидова, статьям Р. Г. Маршаева, А. Р. Магомедова и др.⁵⁸ Стремление «подтянуть» «вольные» общества до уровня феодальной формации, по мнению В. Г. Гаджиева, специалиста по истории Дагестана, объясняется отчасти игнорированием добытого наукой фактического материала, «неумелым анализом его», ложным пониманием «национального престижа», желанием выявить в истории своего народа более развитую модель общественной организации⁵⁹. В советском кавказоведении набирает силу и другое направление — исследование проблемы горских обществ в аспекте теоретических и методологических задач науки. Начало этому направлению положил академик Г. А. Меликишвили, предложивший использовать для районов Северного Кавказа термин «протофеодальный», обозначающий переходную от дофеодальной к феодальной стадию общественного развития⁶⁰. Г. А. Меликишвили, несколько раньше В. Г. Гаджиева заметивший тенденцию со стороны отдельных историков к «завышению» уровня общественно-экономического строя «вольных» обществ⁶¹, подчеркнул, что горская знать еще не владела землями и душами и выполняла в основном военно-управленческие функции. Вслед за дагестанскими исследователями, он уточнил, что «общинники, занимавшиеся набегами — похищением у соседей скота и других богатств, а также захватом пленников, прокладывали себе путь в знать, превращались в основателей «сильных родов»⁶². Однако вопрос о системе набегов, о ее стадийной обусловленности впервые довольно широко поставил В. Н. Гамрекели. По его оценке, в «вольных» обществах Дагестана к

63.

Гамрекелли В.Н. Вопросы взаимоотношений Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. (докт. дисс.). Тбилиси, 1971, с. 481. Взгляды В.Н.Гамрекелли на общественный строй Дагестана В.Г.Гаджиев расценивает как попытку «возродить родовую теорию». (См. Гаджиев В.Г. Указ. соч., с. 10). Уточним: В.Н.Гамрекелли считал, что население горного Дагестана в XVI—XVIII вв. было организовано в социально-экономических образованиях двух видов: 1) в союзах сельских общин, находившихся на заключительной стадии своего развития и стоявших на пути феодализации; 2) в ханствах, сформированных как раннефеодальные общественно-политические образования. (См. Гамрекелли В.Н. Социально-экономическая почва развития «лекианоба» в XVIII в. — ВООН АНГССР, 1972, № 1, с. 113).

64.

Робакидзе А.И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе. — СЭ, 1978, № 2, с. 24.

65.

Неусыхин А.И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к феодальному. ВИ, 1967, № 1, с. 58.

66.

Робакидзе А.И. Указ. соч., с. 23.

67.

Там же.

68.

Блиев М.М. Кавказская война..., с. 58.

69.

Магомедов А.Р. Указ. соч. — ИСКНЦВШ, 1984, № 4.

70.

Там же, с. 31.

XVIII в. «далеко еще не был завершен» «ведущий генеральный процесс — распад сельской общины и феодализация общественного строя». Деклассирование общинников и классовое образование в союзах «вольных» обществ находились «в своей крайне активной стадии»; в этом процессном явлении В. Н. Гамрекелли видел «существеннейшие внутренние для горского Дагестана стимулы и движущие силы» набеговой системы⁶³.

В плане теоретического осмысления проблему общественных структур освещает А. И. Робакидзе. На его взгляд, у горцев Кавказа, в том числе в дагестанских «вольных» обществах, раннефеодальные отношения вырастали не непосредственно из родового строя, а на основе более высокой ступени общественного развития, которую принято считать переходной от социального неравенства к классовому обществу⁶⁴. Характеризуя эту стадию, А. И. Робакидзе использует понятие — «общинный строй без первобытности», допускаемое А. И. Неусыхиним⁶⁵ применительно к подобным общественным структурам Западной Европы. Проанализировав традиционную культуру горских народов, этнограф сделал ряд важных наблюдений: у горца «все было проникнуто духом военной демократии, нашедшим свое выражение и в психологии, и в идеологии», «в которых личная храбрость с культом героя, оружия и коня занимали первостепенное место»⁶⁶. Эволюция этих черт вела к перерастанию общества в военно-аристократический уклад с более или менее четко выраженными признаками социальной дифференциации⁶⁷.

Вопрос об общественном строе горских народов выдвинут также в связи с объяснением социальных истоков и сущности Кавказской войны. Высказана мысль о феодализации как ведущей тенденции в общественной жизни горцев, приводившей к расслоению общинников, распаду кровно-родственной общины (тухума) и образованию союза сельских общин, ставших не только очагами военной экспансии, но и важной ступенью на пути к феодализму⁶⁸.

В сугубо методологическом плане написана статья А. Р. Магомедова о горской дагестанской общине⁶⁹. По А. Р. Магомедову, горская община уже в средневековье прошла «переходную» фазу, стадийно соответствовала русской и германской общинам эпохи феодализма и представляла собой «средневековую модификацию античного типа»⁷⁰. Такой подход потребовал и объяснения набеговой системы — социальной энергии, которая составляла характерную черту «вольных» обществ Дагестана. Поэтому были приведены слова К. Маркса о военной функции античной формы общины: «война является той важной общей задачей, той большой совместной работой, которая требуется либо для того, чтобы захватить

71.
Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.,
т. 46, ч. 1, с. 465.

72.
Там же.

73.
Там же.

74.
Магомедов Д.М. Некоторые
особенности..., с. 35.

75.
Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.,
т. 46, ч. 1, с. 463.

76.
Там же, с. 465.

объективные условия существования, либо для того, чтобы захват этот защитить и увековечить. Вот почему состоящая из ряда семей община организована прежде всего по-военному, как военная и войсковая организация, и такая организация является одним из условий ее существования в качестве собственности»⁷¹.

Отрывая таким образом горскую общину от «азиатской формы собственности» и определяя ее как общину с «античной формой собственности», А. Р. Магомедов, однако, упускает из виду, что по Марксу «эта вторая форма предполагает в качестве своего базиса не земельную площадь как таковую, а город как уже созданное место поселения (центр) земледельцев (земельных собственников). Пашня является здесь территорией города, тогда как в первом случае (при азиатской форме собственности — *ред.*) село выступало как простой придаток к земле»⁷². Горская община, в частности «вольные» общества Дагестана, основанные на скотоводческом типе хозяйства, естественно, не могут быть отождествлены с той категорией поселения, где город — центр «земледельцев и земельных собственников». Не менее важно другое: при вторичной форме собственности, как писал К. Маркс, общинная собственность выступает в качестве государственной и отделена от частной собственности. «Собственность отдельного человека, — пояснял свою мысль К. Маркс, — сама непосредственно не является здесь общинной собственностью», как при азиатской форме собственности, «когда она, следовательно, не была собственностью отдельного лица в отрыве от общины, а лишь владением этого лица»⁷³. Как показали исследования⁷⁴, в «вольных» обществах общинник не стал полноправным хозяином земли и находился в условиях, когда община, по выражению К. Маркса, «выступает как высший собственник или единственный собственник»⁷⁵.

Высказывания К. Маркса о войне и военной организации, относящиеся к античной (второй) форме собственности, не применимы и к набеговой системе горцев Дагестана. Цитируя К. Маркса по поводу свойственного общине при античной форме собственности стремления вести войны, А. Р. Магомедов, к сожалению, опустил то место, где К. Маркс объясняет строгую соотносительность военной функции общины с совершенно определенной общественно-экономической средой. Так, при античной форме собственности «концентрация жилищ в городе — основа этой военной организации»⁷⁶, — указывал К. Маркс. Понятно, в горных районах Кавказа, в том числе в «вольных» обществах Дагестана, где развивалась практика военных набегов, было далеко до «концентрации жилищ в городе», способной послужить «основой военной организации».

77.

См.: Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй..., с. 369; Гаджиев В.Г. Указ. соч. — Общественный строй союзов сельских общин Дагестана..., с. 7.

78.

Гаджиев В.Г. Указ. соч. — Общественный строй союзов сельских общин Дагестана..., с. 7. Каждое общество имело свое название, например, Акушинское, Урахинское, Цудахарское и т. д.

79.

Хашаев Х.-М. Общественный строй..., с. 237; Юшков С.В. Указ. соч., с. 76.

80.

Юшков С.В. Указ. соч., с. 76.

81.

Петрушевский И.П. Указ. соч., с. 32.

82.

Магомедов Р.М. Указ. соч., с. 116.

83.

Там же, с. 61.

84.

Хашаев Х.-М. К вопросу о тухумах, сельских общинах и вольных обществах Дагестана в XIX в. УЗ ИИЯЛДФАИСССР, т. I, Махачкала, 1956, с. 70.

85.

Там же, с. 70.

Общественно-политическая организация «вольных» обществ

Наряду с раннефеодаль-

ными структурами в Дагестане существовали так называемые «вольные» общества или их союзы, охватывавшие значительные массы свободного населения. К началу XIX в. в горном Дагестане С. Броневский насчитывал 12 «вольных» обществ, А. А. Неверовский — 44, А. Берже — 41, советский историк Р. М. Магомедов — 68, Х.-М. Хашаев — 60⁷⁷. Разнобой в подсчете союзов общин вызван частыми переменами, происходившими на политической карте Дагестана⁷⁸. Принцип образования обществ — территориальный⁷⁹. Однако изначально «вольные» общества формировались «из совокупности тухумов», создавая родовые союзы. К началу XIX в. в горном Дагестане не было уже родовых общин⁸⁰. И. П. Петрушевский насчитывал в каждой территориальной общине по 2—3 тухума, т. е. родовых союза⁸¹. По данным полевых материалов, «вольные» общества, как правило, были лишены родовых названий. Наименования их связывались с территориально-этническими и политическими признаками. Например, Даргинские общества назывались: Акушала х уреба, Цударила х уреба, Хуркила х уреба, Микх или х уреба⁸², где первая часть названия «вольного» общества относилась к его территории, вторая — к одной из основных функций общества — военной организации (х уреба — войско, ополчение). Подобные союзы в Аварии именовались «бо», у лезгин — «пара», кумыков — «табун» и т. д., повсюду означали одно и то же — войско, ополчение. Военная функция, как главная для «вольного» общества, подчеркивалась и в другом: территориальное деление между обществами рассматривалось как деление военное, и лишь затем как этническое⁸³. «Вольное» общество как результат военного союза ставило задачу защитить свою территорию от притязаний других обществ, или же захватить чужую территорию, или то и другое вместе⁸⁴.

«Вольные» общества, представлявшие собой «малый» союз тухумов, являлись начальной формой военно-политической организации населения горного Дагестана. Наряду с этим существовали также союзы «вольных» обществ — такие, как Акуша-Дарго, Каба-Дарго, Хамур-Дарго, Кайтаг-Дарго, Сюрга и др. — хозяйственные и военно-политические объединения отдельных ранее автономных обществ, возникших на единой этнической основе. Историки по-разному объясняют причины их появления. По мнению Х.-М. Хашаева, «вольные» общества объединялись и создавали союзы в том случае, если им «угрожала серьезная опасность внешнего нападения»⁸⁵. Б. Г. Али-

86.
Алиев Б.Г. Каба-Дарго..., с. 33.
87.
Магомедов Р.М. Указ. соч.,
с. 64.
88.
Там же.
89.
Саидова М.В. Указ. соч., с. 213.
90.
Алиев Б.Г. Каба-Дарго..., с. 33.
91.
Алиев Б.Г. Акуша-Дарго...,
с. 23—24.
92.
Петрушевский И.П. Указ. соч.,
с. 39.
93.
Магомедов Р.М. Указ. соч.,
с. 66.
94.
Петрушевский И.П. Указ. соч.,
с. 39.
95.
Магомедов Р.М. Указ. соч.,
с. 66.
96.
Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.,
т. 21, с. 150.

ев усматривает в образовании союза Каба-Дарго «следствие разложения родоплеменных отношений»; по его мнению, таким же путем сформировались и другие союзы «вольных» обществ⁸⁶. Р. М. Магомедов видит в подобных объединениях примитивный тип «политического союза» и одновременно высшую ступень «племенного строя», дальше которого они в своем развитии не пошли не только в Аварии, но и во всем горном Дагестане⁸⁷. Вместе с тем он указывает на ряд союзов обществ, обнаруживавших тенденции к созданию раннефеодальных институтов и даже к образованию раннефеодальной государственности⁸⁸. Еще раньше эту же мысль высказала М. В. Саидова⁸⁹. Бесспорно другое: как и сами «вольные» общества, их союзы являли собой результат внутреннего развития и обладали той же основной функцией — военной. Б. Г. Алиев называет общество Каба-Дарго «военно-политическим союзом» сел восточных даргинцев⁹⁰. От него не отличался и Акуша-Дарго⁹¹. Военный принцип объединения «вольных» обществ придавал их союзу «характер временных, хотя порой длительных отношений»⁹². Чаше, чем внутренние неурядицы, причиной распада союза обществ являлись военно-политические неудачи. Распад одних и возникновение новых союзов «вольных» обществ со временем вели к отходу от племенного принципа объединения и к возобладанию территориального. Этот процесс становится особенно заметным в первой половине XIX в.⁹³, в пору их наиболее интенсивной социальной и военно-политической жизни. На пути к территориальным, «постоянным федерациям», однако, помехой становились различия, сохранявшиеся во внутреннем строе отдельных обществ, создававших территориальный союз⁹⁴. Несмотря на это в первой половине XIX в. территориальный характер союза брал верх над родовым и этническим. Это следует рассматривать как явление процессное, в котором отмечаются факты этнического смешения населения одного вольного общества с другим, «часто даже с населением, различным по языку»⁹⁵. Такое развитие дагестанских «вольных» обществ логически вытекало из их нацеленности на войну, предполагавшую не только добычу, но и нарушение родоплеменных границ. Эволюция «вольных» обществ в территориальные союзы — классическое явление, присущее переходным общественным структурам. Его отметил Ф. Энгельс: «Чем дольше жил (род. — *ред.*) в своем селе и чем больше постепенно смешивались» народы, «тем больше родственный характер связи отступал на задний план перед территориальным; род растворялся в общине — Марке, в которой, впрочем, еще достаточно часто заметны следы ее происхождения из отношений родства членов общины. Так незаметно... родовая организация переходила в территориальную»⁹⁶.

97.

Х.-М.Хашаев «вольные» общества склонен был рассматривать как «классовые», где «действовал принцип господства и подчинения». (См. Хашаев Х.-М. Общественный строй..., с. 239).

98.

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 166.

99.

Петрушевский И.П. Указ. соч., с. 42.

100.

Там же.

101.

Магомедов Д.М. Некоторые особенности..., с. 35.

102.

Там же, с. 32.

103.

Алиев Б.Г. Указ. соч. — Общественный строй союза сельских общин..., с. 46.

104.

Магомедов Р.М. Указ. соч., с. 32.

105.

Там же, с. 33.

В целом, как видно, «вольные» общества горного Дагестана должны рассматриваться как стадияльно обусловленные организации населения в отдельные гражданские общины — явление, свойственное времени складывания раннефеодальных отношений. Будучи самодовлеющими и относительно устойчивыми организмами, эти общины противостояли друг другу и взаимодействовали между собой, вступая в территориальные военно-политические союзы. В процессе становления феодальных отношений внутри союзов «вольных» обществ усиливались наиболее крупные и развитые общины и подчиняли себе слабых и отставших в социальном развитии соседей. Однако, отступив от родоплеменных порядков, «вольные» общества не успели еще перейти к классовой организации общественной жизни⁹⁷.

Общественная структура, управления, нормы права, идеология в союзах общин зависели, естественно, от господствовавших форм собственности, поскольку «монополия земельной собственности является исторической предпосылкой и остается постоянной основой капиталистического способа производства, как и всех прежних способов производства, основанных на эксплуатации в той или иной форме»⁹⁸ (подчеркнуто нами — *ред.*).

В «вольных» обществах горного Дагестана исследователи фиксируют четыре вида собственности: частную (подворную), родовую (тухумную), вакуфную (мечетскую) и в раннефеодальных образованиях ханско-бекскую. При этом «юридическим собственником всей земли... считалось вольное общество («джамат в целом»), занимавшее «положение группового собственника»⁹⁹. Ситуация, где община выступает в качестве верховного собственника земли, наблюдалась в Джаро-Белоканах¹⁰⁰. Ее можно было видеть и в союзах сельских общин Западного Дагестана; здесь общинник не мог свободно распоряжаться своим недвижимым имуществом и не чувствовал «себя полноправным хозяином своей земли»¹⁰¹; сила общинной организации была такова, что только принадлежность к ней, к общине, давала право обладать земельной собственностью и пользоваться альмендой. Роль альменды особенно была велика из-за преобладания в экономике горного Дагестана скотоводства¹⁰².

В Сюргинском союзе сельских общин отмечалось ведение скотоводческого хозяйства в основном на общинных землях¹⁰³. По данным этнографов, вся земля в «вольных» обществах составляла общее владение и подвергалась переделке через каждые два года¹⁰⁴. При этом в абсолютном большинстве союзов обществ община выступала в качестве верховного собственника земли¹⁰⁵.

К началу XIX в. община постепенно утрачивала

106.
Петрушевский И.П. Указ. соч.,
с. 42.

107.
Магомедов Д.М. Некоторые
особенности..., с. 33.

108.
Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.,
т. 46, ч. 1, с. 463.

109.
Там же.

110.
Там же, с. 464.

111.
Там же.

112.
Хашаев Х.-М. Общественный
строй Дагестана..., с. 153; Рама-
занов Х.Х., Шихсаидов А.Р.
Указ. соч., с. 145.

свое положение верховного собственника. К этому времени в тех же Джаро-Белоканах лишь в Тальском обществе сохранялась общинная собственность, в «остальных же джаматах» «коллективная сеньория» превратилась в юридическую фикцию¹⁰⁶. Подобный процесс можно было наблюдать и в Западном Дагестане. Здесь, однако, он носил более замедленный характер: как и раньше, в начале XIX в. в этом районе земля общинника сразу же после сбора урожая поступала в распоряжение общины. Более того, община западных обществ могла отчуждать землю, заключать договоры об аренде пастбищ с соседними обществами, распределять доход между членами общества¹⁰⁷. В этих условиях в «вольных» обществах Дагестана каждый отдельный человек был собственником только в качестве звена этого коллектива, в качестве его члена¹⁰⁸. По К. Марксу, «...как в большинстве основных азиатских форм, объединяющее единое начало, стоящее над всеми этими мелкими общинами, выступает как высший собственник или единственный собственник, в силу чего действительные общины выступают лишь как наследственные владельцы»¹⁰⁹. Это обстоятельство придавало общинно-родовым порядкам особую устойчивость. Но этим далеко не ограничивается характер общинного права как верховного собственника. Существовало не только обусловленное единой общинной собственностью возникновение прибавочного продукта, но еще развитие на этой основе такой закономерности, как появление имущественного неравенства, в первую очередь между отдельными общинами. К. Маркс определил, что «часть прибавочного труда общины принадлежит более высокой общине, существующей, в конечном счете, в виде одного лица. И этот прибавочный труд дает о себе знать как в виде дани и т. п., так и в совместных работах для прославления единого начала — отчасти действительного деспота, отчасти воображаемого племенного существа, бога»¹¹⁰. В конечном счете, это ведет к тому, что «мелкие общины влачат жалкое существование независимо друг от друга, а в самой общине отдельный человек трудится со своей семьей независимо от других на отведенном для него наделе»¹¹¹. Универсальным закономерностям, о которых писал К. Маркс, касаясь отношений собственности и социальных сдвигов в общине, подчинялись также «вольные» общества горного Дагестана.

Рассматривая формы собственности в «вольных» обществах, обычно приоритет отдают подворной, большей частью включавшей в себя пахотные участки. Она приводится как показатель социального неравенства, основы формирования феодальной собственности¹¹². Такой подход был бы оправдан при одном важном условии — ведущей роли земледелия в горах.

113.
Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 167; «Едва была установлена собственность на землю, — писал Энгельс, — как была уже изобретена и ипотека».

114.
Османов Г.Г. Указ. соч., с. 11.

115.
Взгляда о повсеместном господстве в горном Дагестане частной собственности на пахотные земли придерживаются многие современные историки Дагестана. (См., например: Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана..., с. 153; Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Указ. соч., с. 145—146 и др.); М.А. Агларов, один из сторонников подобного взгляда, объясняет это ранним происхождением в горах частной собственности на пахотные земли (Агларов М. Техника сооружения террасных полей и вопросы эволюции форм собственности у аварцев. — УЗИИЯЛДФАН СССР, 1964, т. XIII, с. 187; его же: Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII — начале XIX в. М., 1988, с. 72—75). Однако тот же Х.-М. Хашаев, писавший о подавляющем распространении частной собственности на пахотные земли, приводил данные переписи 1886 г., согласно которым в Аварском округе было зафиксировано 12443,5 десятины пахотной земли, все еще находившейся в общинной собственности (Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана..., с. 153). Эту же ошибку в одной из последних работ повторил М.А. Агларов. (См. Агларов М.А. Сельская община..., с. 76).

116.
Магомедов Р.М. Указ. соч., с. 32.

117.
Алиев Б.Г. Общинное землевладение в Дагестане..., с. 164—165.

118.
Там же, с. 163.

119.
Там же.

120.
Там же.

121.
Агларов М.А. Сельская община..., с. 76.

122.
Асиятилов С.Х. Историко-этнографические очерки..., с. 38.

Тогда бы установление собственности на землю закономерно порождало бы ипотеку¹¹³. Однако в горном Дагестане, где размеры пахотной земли не достигли даже 1 десятины на двор¹¹⁴, социальные последствия подворной собственности не могли быть скольконибудь заметными. Следует принять во внимание и другое: утверждение, что в горных районах на пахотные земли повсеместно господствовала частная собственность не подтверждается фактическими данными¹¹⁵. К середине XIX в. ни один джамат полностью не изжил у себя коллективных форм собственности на пахотные и пастбищные земли, на луга, лес и воды. Общинная собственность на пашню в одних джаматах выступала под названием «пахотные места аула», «земля нашего селения», в других — прямо называлась как «собственность джамата»¹¹⁶. Так, общинная собственность на пахотные земли встречалась в аварских, даргинских, лезгинских, табасаранских и др. «вольных» обществах Дагестана¹¹⁷. Наличие общинной собственности на пахотные земли обуславливала устойчивую практику переделов. Эта практика зафиксирована в Гидатлинских адатах: «С жителей селения, — отмечалось в них, — которые не оказывали помощи жителям других селений в охране земли, выделенной для распределения через каждые 7 лет, взыскивается штраф в размере трех котлов»¹¹⁸. В адатах Келебских селений также содержится прямое указание на общинную (джаматскую) собственность на пахотные участки: «если кто не завезет достаточно навозу на пахотный участок джамата, так чтобы между навозными кучами оставалось 2 м расстояния, с того взыскивается овца»¹¹⁹. Джаматская собственность на пашню, как историческая и хозяйственная реальность, нашла отражение в языке: сохранились местные названия общинных пахотных земель, а также языковая номенклатура, связанная с практикой хозяйственного использования общинных пахотных участков¹²⁰. Наконец, нельзя недооценивать данные переписи 1886 г., по которым во всех трех аварских округах числилось более 670 тыс. десятин земли, из них в частном владении под пашнями, сенокосами и садами находилось 68 тыс. десятин, а в общинном пользовании — более 600 тыс. десятин¹²¹. Подобные сведения позволяют считать слишком категоричным утверждение о том, будто в горном Дагестане, в частности, в Аварии общинных земель с коллективным правом их использования джамата или тухумом не встречалось¹²². Здесь в отношении подворной и коллективной форм собственности в горном Дагестане методологически более правомерным следует считать, что «земледельческая община» повсюду представляет собой новейший тип общественной формации... период земледельческой общины является переходным периодом от общей

123.
Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.,
т. 19, с. 404.
124.
Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.,
т. 21, с. 139.
125.
Там же.
126.
Гидатлинские адаты. Махачка-
ла, с. 17.
127.
Алиев Б.Г. Общинное землевлa-
дение в Дагестане..., с. 166.
128.
Асиятилов С.Х. Указ. соч.,
с. 39.
129.
Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.,
т. 21, с. 139.

собственности к частной собственности, от первичной формации к формации вторичной»¹²³. Что касается разноречивых взглядов, встречающихся в историографии по поводу форм собственности на пахотные земли, то они не могут не напомнить о «горячих и бесконечных спорах» по вопросу — «окончательно ли поделили уже германцы времен Тацита свои поля или нет». Пояснение Ф. Энгельса в связи с этими спорами, согласно которому «переход от совместной обработки земли к полной частной собственности на землю за такой краткий промежуток времени и без всякого вмешательства извне представляется просто невозможным»¹²⁴, пожалуй, применимо к случаю в «вольных» обществах Дагестана. Столь длительное сохранение здесь джаматской собственности на часть пахотных земель не являлось чем-то исключительным. Указывая на способность к исторической устойчивости этой формы собственности, Ф. Энгельс напоминает, что в самой Германии общинная собственность сохранялась вплоть до XIX в.¹²⁵

Таким образом, ситуация с пахотными участками, где господствовали две формы собственности — подворная и джаматская, явно свидетельствовала о переходности в экономике и социальной жизни «вольных» обществ, о их еще тесной привязанности к первичной общественной формации.

По степени распространенности на втором месте после пахотных участков были сенокосные угодья. В скотоводческих районах, — а «вольные» общества являлись именно такими — предназначенные для сенажа участки имели особое значение. Уход за ними в условиях гор требовал немалого труда. Это обстоятельство, как и с пахотными участками, довольно рано стало порождать тенденцию, когда человек, работающий на земле, приобретал право собственности. Но и здесь из-за низкого уровня социально-экономических отношений наряду с частной собственностью все еще существовала общинная. Джаматская форма владения покосами зафиксирована, например, в Гидатлинских адатах¹²⁶. Отмечается также, что в союзе сельских обществ даргинцев общинные покосы имелись во всех селениях¹²⁷. Подобное положение можно было наблюдать и в других «вольных» обществах горного Дагестана. Во владении покосами существовала особенность: сенокосы и лесные массивы, расположенные в близости к аулу, состояли, как правило, в джаматском пользовании, другие — во владении знати. Эта особенность¹²⁸ вытекала из того, что выделившаяся в XIX в. общинная знать не обладала пока силой, позволявшей претендовать на покосы рядом с аулом, и поэтому захватывала их из «общей земли»¹²⁹, не столь оберегаемой общинниками.

Поскольку в экономике «вольных» обществ особое значение принадлежало пастбищам, скот и пастбища

130.

Асиятилов С.Х. Указ. соч., с. 40.

131.

Алиев Б.Г. Общинное землевладение в Дагестане..., с. 167.

132.

См. Магомедов Р.М. Указ. соч.

133.

Подобный подход С.Х.Асиятилов, подвергший критике исследование, уделяющие основное внимание формам собственности на пахотные участки и недооценивающие роль пастбищ в экономике и общественных отношений, считает обоснованным (см. Асиятилов С.Х. Указ. соч., с. 40). По мнению историка, пастбища и отношения, связанные с их использованием, доминанта в процессе феодализации «вольных» обществ. Ссылаясь на данные этнографии, А.И.Робакидзе также ориентирует исследователей на поиски социальных сдвигов в складывавшихся формах использования пастбищ и содержания скота. Мысль этнографа основана не только на том, что в «вольных» обществах скот и пастбища определяли характер экономики, но и на тезисе об интенсивности скотоводческого хозяйства горца. (См. Робакидзе А.И. Некоторые черты горского феодализма..., с. 19—20).

134.

Робакидзе А.И. Некоторые черты горского феодализма..., с. 20.

135.

Магомедов Р.М. Указ. соч., с. 38.

136.

Юшков С.В. Указ. соч., с. 74.

137.

Асиятилов С.Х. Указ. соч., с. 49.

рассматриваются как основные ценности горцев, главные источники имущественного неравенства и классообразовательных процессов¹³⁰; но среди различных категорий земель, состоявших в совместном владении двух или нескольких общин, более всего было пастбищ¹³¹. Общинное владение пастбищами считается наиболее характерной чертой всего Дагестана. Объяснение этому исследователи находят в скотоводческом профиле экономики «вольных» обществ¹³². Поэтому с состоянием пастбищ, порядком их пользования, а также с происходившими в «вольных» обществах социальными изменениями в конечном счете логично связывать общий уровень общественного строя «вольных» обществ¹³³. Сложным, однако, остается определение конкретных путей формирования феодальной собственности на пастбища. На примере Ингушетии указывается на один из возможных путей: здесь обнаружена оборонительная башня, которая, по преданию, была построена в целях захвата общинных земель под пастбища и для обороны на случай сопротивления общинников, считавших земли общесельской собственностью¹³⁴. Допускается возможность подобной практики и для других районов Большого Кавказа. Пример с Ингушетией, однако, весьма специфичен. Во всяком случае, в XVIII — начале XIX в. в «вольных» обществах Дагестана, где преобладала общинная собственность на пастбища, существовали свои пути формирования собственности. Укажем на некоторые из них.

Как известно, «вольные» общества Дагестана в основном имели летние пастбища. В зимнее время содержать скот в Аварии, например, не было возможности¹³⁵. Требовались пастбища в степных районах, т. е. за пределами «вольных» обществ. Но со временем равнина оказалась недоступной для горца; господство здесь, в степных районах, феодальных отношений привело к утверждению на пастбища собственности местных скотоводов-феодалов. За содержание скота на степных пастбищах с горца взималась рента¹³⁶, которую он не всегда был в состоянии платить. В поисках выхода отдельные скотоводы из среды родовой знати «вольных» обществ создавали на общинных землях у подножия солнечных склонов хутора. Фактически захватывая общинные участки, они формально не лишали рядовых общинников их прав на эти участки. Позднее, однако, на пастбищах, где возникали хутора, вводились для общинников ограничения, согласно которым они теперь могли пользоваться ими только начиная с ранней весны и до лета, в остальное же время пастбища становились собственностью «хуторян», выделявшейся знати¹³⁷. Вводимый «хуторянами» новый порядок пользования пастбищами постепенно вел к формированию феодальной собственности на них. О таком пути возни-

138.
Петрушевский И.П. Указ. соч.,
с. 24.
139.
Шамиладзе В.М. Хозяйственно-
культурные и социально-эконо-
мические проблемы..., с. 276.
140.
Петрушевский И.П. Указ. соч.,
с. 26.
141.
Робакидзе А.И. Указ. соч.,
с. 21.
142.
Асиятилов С.Х. Указ. соч.,
с. 52.

кновения частной собственности писал также И. П. Петрушевский; он указывал, что земли хуторов, расположенные вне сельских земельных участков, становились собственностью знатных тухумов, а затем и частных лиц¹³⁸.

Подобная форма присвоения прав на общинные пастбища и превращения их в частные встречалась не только в «вольных» обществах Дагестана. Ее можно было наблюдать и в других районах Большого Кавказа. Например, в ряде мест предгорной Грузии складывалось частное владение летними пастбищами, что, по мнению исследователей, говорило о попытках со стороны разбогатевших и знатных членов общины присвоить и закрепить за собой общинные земли¹³⁹.

Создание хуторов — не единственный путь формирования частной собственности на пастбища. Развивалась также практика, при которой в условиях общинной собственности на землю родовая знать и отдельные выделившиеся скотоводы брали на себя саму организацию пастбищного дела, создавая тем самым институт ятажников. Ранее добровольные взносы ятажникам затем превращались для рядовых общинников в повинность. В результате в отношениях между рядовыми скотоводами и скотоводами-ятажниками проступали явные признаки разложения рода и зарождения раннего феодализма¹⁴⁰. Этому способствовала и другая социальная тенденция: уход за большими стадами, их охрана, взимание повинностей за пользование пастбищами и за другие услуги требовали людей, так как силы индивидуальной семьи и даже патронимии были недостаточны для их выполнения. Чтобы решить задачу, военная дружина, ранее занимавшаяся добычей главным образом скота и оружия, сделала основной целью набегов захват людей, привлекаемых теперь в качестве рабочей силы¹⁴¹. Это был один из основных источников формирования зависимого сословия в «вольных» обществах.

Несмотря на очевидное развитие частной собственности на пастбища, в сфере землевладения, — и это особенно относится к пастбищным угодьям, — долгое время не было никакой ясности — феодальная собственность на землю, если даже складывалась, юридически оставалась неоформленной. Этому в немалой степени мешало и сопротивление общинников попыткам родовой знати ввести различного рода ограничения для рядовых узденей: на острые столкновения между рядовыми общинниками, с одной стороны, и «хуторянами» — с другой, указывают этнографы¹⁴². Социальные противоречия, а самое главное — медленные формационные процессы в конечном счете вели к едва заметным темпам в развитии частной собственности на пастбища. Этот факт социальной жизни горцев Большого Кавказа отмечал М. О. Косвен: «Пастбища, — писал он, — по общему правилу

143.

Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М., 1961, с. 38.

144.

Там же.

145.

Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Указ. соч., с. 147.

146.

Там же, с. 148.

147.

В таком разрезе проблему рассматривают, например, Р.М.Магомедов и Х.-М.Хашаев. О господстве феодальной формы земельной собственности во владениях Северного и Южного Табасарана и Кубинского ханства, куда входило значительное число лезгинских селений, пишут Х.Х.Рамазанов и А.Р.Шихсаидов. (См. Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Указ. соч., с. 148).

148.

Магомедов Р.М. Указ. соч., с. 92.

149.

Там же.

до недавнего времени оставались в коллективном пользовании всего селения, нередко группы родственных селений. Позднейшее явление — деление по патронимиям — исключение, свойственное богатому хозяйству — пастбище в дворовом владении»¹⁴³. Наряду с пастбищами М. О. Косвен обратил внимание на домашний скот как на коллективную собственность патронимии, отмечая, что у аварцев и в позднее время весь скот патронимии содержался в общих хлевах, находившихся на краю села¹⁴⁴.

Утверждение в «вольных» обществах мусульманской религии вело к развитию вакуфной собственности на землю. Она формировалась из добровольных передач, завещаний земли в собственность мечетей. Участки передавались навсегда — правило, способствовавшее постепенному, но неуклонному росту мечетской собственности. Для роста этой собственности имела значение и невозможность продажи земли кому бы то ни было. В то же время мечеть часто отдавала землю в аренду общинникам на определенный срок, как правило, за половину урожая¹⁴⁵. Это укрепляло духовенство как социальную прослойку.

На пути возвышения мечети, как феодальной организации, встречалось и немало трудностей. Наиболее серьезной являлось наличие в сфере землевладения и землепользования общинно-родовых устоев; в некоторых лезгинских селениях мечетскими землями распоряжался сельский сход, из-за чего получаемые мечетями доходы шли на содержание мечетей и на оказание помощи обнищавшим членам общины¹⁴⁶.

В XVIII — первой половине XIX в. существовавшие в «вольных» обществах общинно-родовые порядки не дали мечети сложиться в феодальную организацию.

Отдельно следует сказать о феодальной собственности. Ее не знали в «вольных» обществах. В горных районах Дагестана она была представлена в политических образованиях, известных как ханства, уцмийства и бекства. Поскольку сложившиеся там социальные порядки иногда проецируются на общественную ситуацию «вольных» обществ, то важно представить, на какой стадии находилось формирование феодальной собственности у дагестанских «владельцев».

Некоторые ученые полагают, что аварский хан и его наследники являлись крупными земельными собственниками¹⁴⁷. Однако одного утверждения о господстве феодальной собственности на землю далеко недостаточно для раскрытия всего своеобразия сложившихся в феодальных владениях форм землевладения и землепользования¹⁴⁸. Так, в Аварском ханстве, в одном из наиболее крупных феодальных образований, в исключительном распоряжении хана находилось лишь «небольшое количество» пахотных земель¹⁴⁹. Хану не принадлежали земли, составлявшие собственность свободных общинников. Любые

150.

Там же, с. 93.

151.

Там же.

152.

Там же, с. 94.

153.

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 143.

154.

Магомедов Р.М. Указ. соч., с. 94.

155.

Там же.

156.

Там же, с. 94—95.

157.

Р.М.Магомедов приводит свидетельство о том, как один из аварских нуцалов Уима-хан властно потребовал от селений Арадерих и Коло: «Почему не почитаете то, что должны: сто баранов. Погасите долг сейчас же. Если нет животных, погасите недвижимым имуществом», и на этом основании делает вывод, что это — дань за использование указанными силами пастбищ хана. Заключение Р.М.Магомедова, однако, слабо аргументировано, во-первых, из-за отсутствия прямой ссылки нуцала «за что», во-вторых, из-за оговорок: «Если нет животных, погасите недвижимым имуществом», что косвенно дает повод предположить, что села, к которым обращается нуцал-хан, и в самом деле могли не иметь животных и не пользовались его пастбищами. Вместе с тем правы исследователи, когда пишут о сложившейся в Аварском ханстве системе взимания «податей». Р.М.Магомедов указывает на наличие в этом ханстве сборщиков «податей»: так, при Нуцал-хане на Хайдарбега была возложена обязанность собирать подати с андийских аулов. (См. Магомедов Р.М. Указ. соч., с. 95).

158.

Русские источники четко разграничивали «подать» от «дани», взимавшейся в Аварском ханстве: так, ген. Розен сообщал гр. Нессельроде, что «владение, собственно хану принадлежащие, составляет меньшую часть Аварии: они состоят из нескольких деревень, платящих ему небольшую по-

акции — наследование, продажа и др., связанные с собственностью общинников, выходили за пределы его власти. Поэтому хан, как и удмий, беки, выступал в качестве номинального собственника. Это положение относилось не только к пахотным участкам, но и пастбищным¹⁵⁰. «Незыблемость» общинной собственности даже в пределах ханства оставалась столь устойчивой, что аул Тапуси, расположенный рядом с Хунзахом и считавшийся резиденцией нуцалов, аул, по всем внешним признакам, казалось, принадлежавший хану, «не был наследственной вотчиной аварских ханов и не находился у них в полном подчинении»¹⁵¹. Это отнюдь не означало, что у Тапуси вообще не было обязанностей перед ханом. Наиболее значительная его обязанность состояла в снаряжении дружины, лучшей в свите хана¹⁵². Но именно в ней, по выражению Ф. Энгельса, таился «зародыш упадка старинной народной свободы»¹⁵³. Сложившиеся у хана отношения с аулом Тапуси могли бы рассматриваться как типичные в Аварском ханстве, где в 1828 г. имелось 46 узденских (свободных) аулов и 165 — дававших хану подать¹⁵⁴. Лишь семь аулов из 211, считавшихся зависимыми от хана, отбывали повинности, вытекавшие из ханской собственности на землю¹⁵⁵. Остальные 204 других аула находились в вассальной зависимости и платили хану подать. Утверждение, что взимание податей с вассально зависимого населения хан основывал на использовании населением его пастбищ¹⁵⁶, не подкреплено фактами, поскольку хан не выступает еще в качестве верховного собственника земли¹⁵⁷. Взимавшиеся в Аварском ханстве подати¹⁵⁸ были ничем иным как вознаграждением хану за исполнение прежде всего такой важной общественной функции, какой считалась оборона. «Подати» — это дань, определявшая в конечном счете характер сложившейся в ханстве системы вассалитета. К. Маркс рассматривал подобную систему как примитивную организацию. Вассалитет — важнейший показатель этой примитивности. — возникает через пожалование дани, но не на базе земельных отношений. В XVIII — начале XIX в. в Аварском ханстве намечается новый этап на пути его феодализации — происходит присвоение узденских и общинных земель внутри ханства¹⁵⁹. Судя по всему, в указанный период намечился постепенный, но неуклонный переход от даннического вассалитета к зависимости, основанной на земельной собственности¹⁶⁰. Нельзя, однако, преувеличивать темпы этого

дать; остальная же часть аварцев, ...иногда платит ему дань» (См. АКАК, т. VIII, с. 567).

159.

Магомедов Р.М. Указ. соч., с. 96—99.

160.

Алиев Б.Г. Общинное земле-
владение в Дагестане..., с. 164

161.

Умаханов М.-С. О социальной борьбе..., с. 206.

162.

Хашаев Х.-М. К вопросу о тухумах..., с. 60—61.

163.

См. АКАК, т. VIII, с. 567—568.

164.

По оценке Х.-М. Хашаева, Кайтагское уцмийство представляло собой «могущественное государственное образование, в котором господствовали «крепостное право» и «восточный деспотизм». (См. Хашаев Х.-М. Общественный строй..., с. 175, 183).

165.

Ковалевский М.М. Родовое устройство Дагестана..., с. 547—548 и др.

166.

Там же, с. 547.

167.

Там же.

168.

Там же, с. 548.

169.

Там же.

перехода: в Аварском ханстве значительные земельные площади, в том числе пахотные, все еще находились в общинной собственности¹⁶¹, многие союзы сельских обществ, расположенные на территории Аварского ханства, в управлении сохраняли независимость от хана и обеспечили себе территориальную целостность. При этом каждое «вольное» общество Аварии выработало свои нормы права, заботилось о безопасности и т. д. Это также свидетельствовало о слабости ханской власти и ее централистских устремлений¹⁶². Подобное явление подтверждается сведениями, которые в 30-х гг. XIX в. собирало русское командование об Аварском ханстве¹⁶³.

Социальную суть политических организмов горного Дагестана раскрывают также данные, относящиеся к уцмийству Кайтагскому. Уцмийство состояло из двух частей — Верхнего (горного) и Нижнего (равнинного), — различавшихся и по уровню общественного строя: Верхний назывался узденским (кайтагом свободных общинников), Нижний — райтским (зависимых крестьян)¹⁶⁴. В свое время на политическую организацию Кайтага обратил внимание и М. М. Ковалевский. По сведениям, «собранным официальным путем», он подробно описал его внутреннее устройство¹⁶⁵. Первое, на что обратил внимание М. М. Ковалевский — уцмий «в течение целого ряда столетий избирался народным сходом»¹⁶⁶; в «сходе» (ученый называл его еще и «сеймом»), участвовали все мужчины в возрасте от 20 до 50 лет. Выборы уцмий ограничивались членами одного рода («династии») и, как правило, из старших рода. Знаком избрания считалось возложение на голову кандидата особой шапочки; привилегия надевать ее принадлежала старейшине из тухума Гасан-бек — одному из древнейших и почетнейших родов Кайтага. После выборов уцмий одаривал своих избирателей «оружием и деньгами», а кого и скотом»¹⁶⁷. По данным М. М. Ковалевского, не все вопросы жизни Кайтага относились к исключительной компетенции уцмий. Важнейшие из них — война и мир, заключение союзов, решение пограничных и других споров между общинами и пр. подлежали обсуждению «сейма», постановления которого являлись обязательными для всех, в том числе для уцмий. М. М. Ковалевский видел в этом «ограниченность власти уцмий, которая приобретала более или менее важное значение только в военное время, когда уцмий собирал войско и начальствовал над ополчением»¹⁶⁸. В мирное время кайтагский уцмий был «не более, как судьей, приговоры которого, подобно приговорам прочих посредников, не носили обязательного характера, не могли быть насильственно приводимы в исполнение и входили в силу только при желании заинтересованных лиц»¹⁶⁹. М. М. Ковалевский также установил, что уцмий не имел права лично

170.

Там же.

171.

Там же.

172.

Сохранение вплоть до XIX в. родоплеменных отношений в горном Дагестане Р.М.Магомедов объяснял неблагоприятными природными условиями районов расположения «вольных» обществ с ограниченными возможностями внешних связей». (См. Р.М. Магомедов. Указ. соч., с. 36).

173.

Магомедов Р.М. Указ. соч., с. 66.

174.

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 474.

175.

Там же.

176.

Магомедов Р.М. Указ. соч., с. 66—67.

177.

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 164.

178.

Магомедов Р.М. Указ. соч., с. 66—67.

179.

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 164.

подвергать наказанию «виновных ослушников» до тех пор, пока «само общество не считало нужным выдать их ему; только собственных крестьян уцмий казнил по собственному усмотрению»¹⁷⁰. Он подчеркивал: «Власть уцмий была так далека от неограниченной, — добавим — «восточного деспотизма», — что можно припомнить случай, когда и сам он был подвергаем штрафу по такому, например, поводу, как несоблюдение поста»¹⁷¹.

Таким образом, как и раньше, военная функция уцмий в Кайтаге оставалась главной основой его власти. В этом отношении он все еще напоминал военного предводителя «вольного» общества: — обстоятельство, заставляющее видеть закономерную эволюцию союзов «вольных» обществ в политических модификациях, характерных для ханств, уцмийств и других образований Дагестана XVIII — первой половины XIX в. Уцмийство Кайтагское укладывается в рамки ранней военно-политической организации, еще тесно связанной с родоплеменным обществом последней стадии его существования.

В целом господствовавшие в «вольных» обществах и в соседствовавших с ними политических образованиях формы земельной собственности о переходном характере формационных процессов, социальная природа которых была глубоко связана с разложением родоплеменных отношений и складыванием новых, феодальных.

Столь поздняя ломка старой структуры и образования новой объяснялась двумя основными причинами: суровыми природно-климатическими условиями гор, «навязывавшими» горцам простой характер производства материальных благ, и скотоводческим направлением экономики, «консервировавшим» производственные отношения»¹⁷².

Вернемся к «вольным» обществам, выросшим «из недр племенного строя»¹⁷³, унаследовавшим черты «идеальной» организации управления при родовом строе. «Всего упорнее и всего дольше держится азиатская форма»¹⁷⁴ общины, — указывал К. Маркс. Подобная консервативность проистекает из того факта, что «отдельный человек не становится самостоятельным по отношению к общине»¹⁷⁵. Данные¹⁷⁶, относящиеся к организации управления «вольных» обществ, вполне согласуются с положением Ф. Энгельса: «Военачальник, совет, народное собрание образуют органы родового общества, развивающегося в военную демократию. Военную потому, что война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни»¹⁷⁷. Главы этих обществ соответствовали тому типу военачальника¹⁷⁸, о котором Ф. Энгельс писал: «Военный вождь народа... становится необходимым, постоянным должностным лицом»¹⁷⁹.

180.

Ковалевский М.М. Родовое устройство Дагестана..., с. 542; Советский историк Б.Г.Алиев представляет тухумы как «общественные коллективы», состоявшие «из малых индивидуальных семей, связанные между собой родственными узами» и являвшиеся «низовыми хозяйственными ячейками джамата». (См. Алиев Б.Г. Каба-Дарго..., с. 152), сельской общины. По существу этой же точки зрения придерживается Р. М. Магомедов, считающий, что тухум («тлибил») был «семейной общиной или большой патриархальной семьей» и «предполагал организованный хозяйственный и общественный коллектив с главой семьи». (См. Магомедов Р.М. Указ. соч., с. 51). Однако, не все

исследователи разделяют подобную оценку тухума, так же как его роль в социальной и управленческой жизни «вольного» общества. Х.-М.Хашаев, например, не признавал за тухумом «ни родовой, ни семейной» общинной организации и считал его пережиточной формой ранее существовавших кровнородственных связей. (См. Хашаев Х.-М. Общественный строй..., с. 221). Х.Х.Рамазанов и А.Р.Шихсаидов так же отрицают хозяйственно-политические функции тухума и рассматривают его как пережиток родовых связей. (См. Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Указ. соч., с. 159).

181. Косвен М.О. Указ. соч., с. 24; Не видевший в тухуме социального института Х.-М.Хашаев, имея дело с фактами, не мог не сделать, однако, вывода, близкого к тому, о чем писал М.О.Косвен. В 1956 г., обнаружив в горном Дагестане села, сохранившие тухумный принцип расселения. (См. Хашаев Х.-М. К вопросу о тухумах..., с. 46), он вынужден был признать, что устойчивость тухумных порядков в Дагестане объяснялась господством натурального хозяйства, отсутствием централизованной государственной власти

и, в связи с этим, необходимостью для защиты личности и имущества продолжить узы родства и даже создать их искусственно. (См. Хашаев Х.-М. Там же, с. 50). На данных этнографического обследования горного Дагестана к такому же выводу еще раньше пришел С.В.Юшков. (См. Юшков С.В. Указ. соч., с. 76).

Социальный и управленческий механизм «вольных» обществ во многом определялся тухумным укладом — основой всей общественной организации; по утверждению М. М. Ковалевского, вплоть до XIX в. тухумы определяли «основу общественного быта дагестанских горцев»¹⁸⁰.

То, что тухум — родственная группа, возникшая в родовом обществе, общеизвестно. Но исследователи, не признающие за ней хозяйственных и социальных функций, сохранившихся вплоть до XVIII — первой половины XIX в., не учитывают, что род — один из самых устойчивых на Кавказе общественных организмов. Поэтому «в каком бы состоянии ни был на Кавказе род, — писал М. О. Косвен, — как реальный общественный коллектив, родовые отношения, в частности родовые связи, традиции, нормы родового обычного права, вообще разнообразные проявления родового быта... в различных формах и выражениях, сохранялись в быту многих кавказских народов веками, существовали до самого недавнего времени»¹⁸¹.

В свое время дагестанский тухум представлял собой классическую форму родовой организации. М. М. Ковалевский сравнивал его с ирокезским родом¹⁸². К XIX в. тухум многое утратил, в первую очередь, «ослаб» как производственная единица. Не принижая роли большой и малой семьи как хозяйственной единицы, М. М. Ковалевский подчеркивал, что у тухума «от прежнего родового единства удержалась одна в высшей степени характерная черта..., наводящая на мысль о самом источнике его происхождения. Я разумею тот факт, что сельскохозяйственные занятия, в особенности во время уборки хлеба и сбора винограда, регулируются начальством, в родовых обществах старшиной, в сельских старшиной»¹⁸³.

Тухум XIX в. М. М. Ковалевский рассматривал как реально сохранившуюся родовую организацию и поэтому считал, что «род в Дагестане, как и повсюду, союз как личный, так и имущественный»¹⁸⁴. В наше время вывод М. М. Ковалевского подтвердил новыми данными Р. М. Магомедов, он также указывает на наличие у тухума первой половины XIX в. признаков прежнего «хозяйственного и семейного единства»: под таким един-

ленным прошлым. Опыт в области сравнительной этнографии и истории права, вып. 2, СПб., 1905, с. 170.

183. Ковалевский М.М. Родовой строй в Дагестане..., с. 542.

184. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе..., т. II, с. 153.

182. Ковалевский М.М. Родовой быт в настоящем, недавнем и отда-

183. Ковалевский М.М. Родовой строй в Дагестане..., с. 542.

184. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе..., т. II, с. 153.

185.

Магомедов Р.М. Указ. соч., с. 52.

186.

Алиев Б.Г. Каба-Дарго..., с. 158.

187.

Ковалевский М.М. Родовое устройство Дагестана..., с. 529.

188.

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 100.

189.

Ковалевский М.М. Родовое устройство Дагестана..., с. 529.

190.

Там же.

191.

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 26.

192.

Там же.

193.

Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана..., с. 221.

194.

Ковалевский М.М. Родовое устройство Дагестана..., с. 528—529.

ством историк понимает трудовую совместную помощь, известную под названием «гвай», и коллективную собственность всех членов тухума на пастбищные и сенокосные земли¹⁸⁵. В Урханском обществе отмечены тухумы, имевшие еще в XIX в. общий дом, мельницу, общий сенокос; совместно накошенное сено делили между собой¹⁸⁶.

Важным признаком тухума, как сохранившейся родовой организации и продолжавшего в XIX в. функционировать в качестве имущественного союза, являлось господство эндогамии. М. М. Ковалевский констатировал, что «ни у кого, кроме жителей Дагестана, мы не находили того предписания, что в брак следует вступать исключительно с женщинами собственного рода, что такой брак почетнее, что принадлежность к роду надо предпочесть и богатству и общественному положению невесты»¹⁸⁷. Ф. Энгельс называл эндогамный брак «второй брешью» в родовом строе, когда возникавшее в роде «частное богатство» вынуждало, «чтобы девушка выходила замуж внутри своего рода» в интересах сохранения за последним этого имущества»¹⁸⁸. Эндогамный брак, распространенный в «вольных» обществах, позволял тухумам быть «строгими охранителями целостности как имущественного, так и личного состава рода»¹⁸⁹. По М. М. Ковалевскому, эндогамия обеспечивала тухуму не только «целостность» родовой собственности на землю, но и недопущение «отчуждения женщины — этой доходной статьи — этой преимущественно работницы»¹⁹⁰. Иначе говоря, благодаря эндогамии за тухумом сохранялась важная производственная функция — «производство самого человека, продолжение рода»¹⁹¹. Поясняя свою мысль о роли эндогамного брака в жизни рода, Ф. Энгельс писал: «Общественные порядки, при которых живут люди определенной исторической эпохи и определенной страны, обуславливаются обоими видами производства: ступенью развития, с одной стороны — труда, с другой — семьи»¹⁹².

Материальная зависимость эндогамного брака в условиях тухумной организации жизни общества столь очевидна, что тезис о потере в XIX в. тухумом кровнородственного признака и о влиянии ислама, якобы сделавших возможным сохранение в Дагестане эндогамии¹⁹³, вряд ли может быть принят. Предвосхитив подобный подход к пониманию причин сохранения вплоть до XIX в. эндогамии в Дагестане, М. М. Ковалевский подчеркивал, что «объяснить господство эндогамии характером распространенного в Дагестане религиозного учения... мне кажется невозможным», поскольку эндогамия здесь — явление более раннее, чем распространение мусульманства¹⁹⁴.

В период военной демократии, переживаемой «вольными» обществами, производственную общность

195.
Там же, с. 542.
196.
Там же.
197.
Ковалевский М.М. Родовое устройство Дагестана..., с. 542.
198.
Алиев Б.Г. Каба-Дарго..., с. 156.
199.
Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе..., с. 151.
200.
Там же.
201.
Петрушевский И.П. Указ. соч., с. 33.
202.
Там же.
203.
Там же.

тухума правомерно искать не только в сфере традиционной хозяйственной жизни — скотоводстве и земледелии, но и в той специфической производственной деятельности, какой являлась набеговая система: всесторонне исследовав дагестанский тухум, М. М. Ковалевский отмечал его «выдающуюся роль в военное время»¹⁹⁵. Родовая солидарность сказывалась здесь в том, что, подобно древним германцам, дагестанские «вольные» общества вели вооруженные набеги, т. е. образуя родовые отряды¹⁹⁶. Подобные отряды действовали от имени и в интересах «вольных» обществ: М. М. Ковалевский указывал на Цухарское общество, в котором тухумы участвовали в набегах, не нарушая своей «стройной» родовой организации и являясь самостоятельной войсковой ячейкой в отряде или ополчении: тухум во время похода имел своего предводителя и лишь в случаях, если на «войну выходили все тухумы или большинство их, то старейшины тухумов обыкновенно обращались к выбору одного общего предводителя «векиля», которому затем беспрекословно подчинялось все ополчение»¹⁹⁷. Наконец, дагестанский тухум XVIII — первой половины XIX в. фактически продолжал сохранять свою традиционную управленческую структуру — не менее важный признак его устойчивости. Тухумы имели своих глав¹⁹⁸, эта «должность» замещалась или «путем свободных выборов», или же посредством наследования¹⁹⁹. Однако независимо от выборности или наследственности главы тухума, он к XIX в. не приобрел «деспотических» прав над членами своего рода: по М. М. Ковалевскому, господствовавшее в «вольных» обществах обычное право подтверждало «республиканское» устройство родовых союзов. «Слова Тацита, — писал он, — что вождей назначают за их доблесть, если только под этими вождями разумеют родовых старейшин, находят себе полную иллюстрацию в дагестанских родовых порядках»²⁰⁰. Ставивший перед собой задачу научной реконструкции родовой организации, М. М. Ковалевский, однако, не обратил внимание не сдвиги, происходившие в XIX в. внутри тухума и в положении его главы. Между тем уже в первой половине XIX в. дагестанский тухум переживал процесс перехода от доклассового общества к классовому. К этому времени формирование тухумной знати зашло настолько далеко, что, по словам И. П. Петрушевского, старшины родов избирались почти исключительно из рядов этой феодализованной знати»²⁰¹. «В ту пору звание старшины — кевки, если не юридически, то фактически превращалось в наследственное»²⁰². В результате глава тухума приобретал новые для него «полномочия» — руководителя тухумов в сношениях с другими тухумами или обществами, председателя родового схода, управляющего родовым имуществом²⁰³. По поводу по-

204.
Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.,
т. 21, с. 95.
205.
Магомедов Р.М. Указ. соч.,
с. 53.
206.
См. Магомедов Р.М. Указ. соч.,
с. 50—54; Хашаев Х.-М.
Общественный строй Дагестана..., с. 220—221; Алиев Б.Г.
Каба-Дарго..., с. 152—157 и др.
207.
Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.,
т. 21, с. 97.
208.
Ковалевский М.М. Закон
и обычай на Кавказе..., с. 159.
209.
Там же.
210.
Петрушевский И.П. Указ. соч.,
с. 34.
211.
Алиев Б.Г. Каба-Дарго..., с. 161.

добной эволюции Ф. Энгельс писал: «Здесь перед нами едва намечающийся, но большей частью не получивший дальнейшего развития прообраз должностного лица, обладающего исполнительной властью; такое должностное лицо скорее появилось... в большинстве случаев, если не везде, в результате развития власти верховного военачальника»²⁰⁴.

Социальные сдвиги происходили не только во внутренней жизни тухума. Они отражались в целом на «сообществе» тухумов, дифференцируя их на богатых и бедных. Со временем отдельные тухумы могли уже противопоставить себя целым джаматам: так, два джамата Караха и Нела оказались бессильными перед тухумом Ригин и вынуждены были обратиться за военной помощью к Умма-хану хунзахскому²⁰⁵. Позже эти явления стали правилом. Нет необходимости в подробном описании внутреннего устройства и управленческого механизма тухума (в литературе²⁰⁶ эти аспекты освещены достаточно полно). Отметим только: организация тухума была столь традиционна, сколь и совершенна; к тухуму вполне были применимы слова Ф. Энгельса: «И что за чудесная организация этот родовой строй во всей его наивности и простоте! Без солдат, жандармов и полицейских, без дворян, королей, наместников, префектов или судей, без тюрем, без судебных процессов — все идет своим установленным порядком. Всякие споры и распри разрешаются сообща теми, кого они касаются, — родом или племенем, или отдельными родами между собой: лишь как самое крайнее, редко применяемое средство грозит кровная месть»²⁰⁷.

Отдельно следует сказать о сельской общине. Как и тухум, она отличалась замкнутостью, господством натурального хозяйства с преобладанием родовых производственных отношений. В генезисе дагестанской сельской общины не последнюю роль играл тухум со своей архаичностью и традиционностью во внутренней организации. В частности, существовала четкая преемственность между тухумом и сельской общиной в управленческой структуре. На их «генетическую» связь не раз указывали исследователи. Так, М. М. Ковалевский полагал, что образование территориальных общин породило особую сельскую администрацию, которая складывалась «по типу» тухумной²⁰⁸. Он указывал на наличие в сельской общине, как и в тухуме, старшины, общинного собрания, в котором могли участвовать все совершеннолетние мужского пола²⁰⁹. На идентичность управленческого «аппарата» сельской общины и тухума указывал также И. П. Петрушевский: он называл старшину, сельский сход, сельского муллу, помощника старшины и пр.²¹⁰ Новейшие исследования подтвердили историческое единство сельской общины и тухума²¹¹. Конечно, сходство управленческой и других структур тухума и

212. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе..., с. 159—160.
213. Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана..., с. 223.
214. Магомедов Р.М. Указ. соч., с. 44.
215. Там же, с. 44, 47—48.
216. Петрушевский И.П. Указ. соч., с. 35.
217. Там же.
218. Там же.
219. Юшков С.В. Указ. соч., с. 76.
220. Там же.
- сельской общины — показатель высокой организации прежде всего самого тухума, «сумевшего» передать свои организационные принципы новому типу общины. Более важным, однако, было другое: историко-генетическая связь тухума и сельской общины свидетельствовала о сравнительно позднем происхождении территориальной общины в Дагестане и о том, что в своей социальной эволюции она еще не достигла уровня разложения. М. М. Ковалевский, как на признак позднего появления дагестанской сельской общины, куда входило несколько тухумов, указывал на традицию избрания старейшины сельской общины исключительно из членов «одного какого-нибудь рода, как бы велико ни было число последних в округе»²¹². Х.-М. Хашаев также относил формирование сельских общин в Дагестане к новому времени (XVII—XVIII вв.): по мнению историка, они образовались «из людей, пришедших с гор»²¹³.
- Социальные сдвиги в общине, внутри которой преобладали «первобытно-общинные производственные отношения»²¹⁴, стали заметны лишь в XVIII — первой половине XIX в. Чаще их связывают с ростом влияния политических образований горного Дагестана (ханств, уцмийств)²¹⁵. Однако это влияние было лишь внешним фактором. Основные причины сдвигов состояли в «подвижности» двух социальных сил — родовой знати и рядовых общинников — внутри сельской общины. Это подтверждается самим характером изменений в общине, где в XVIII — первой половине XIX в. при сохранении родовой демократии «выборные должности превращались в наследственное представительство» феодализировавшейся тухумной аристократии, в руках которой со временем появлялось и больше земли и даже зависимые люди²¹⁶. Под воздействием подобных сдвигов тухумные начала, когда-то «навязанные» сельской общине, неизменно отступали. Отступление от «тухумности» у сельской общины наметилось во второй половине XVIII в. Уже тогда началось расселение по соседству, пользование общими земельными угодьями (пастбищами, лугами), участие в военных походах, во время которых становилось возможным «группирование по табунам, а не по тухумам, как ранее»²¹⁷. В ряде районов горного Дагестана этот процесс протекал ускоренно. Так, к началу XIX в. в Тальском обществе имелось 32 табуна²¹⁸. С. В. Юшков также указывал на «разрушение» в первой половине XIX в. тухумных основ сельской общины²¹⁹: уже тогда у даргинцев утрачивались даже родовые прозвища; самое родство далее 4-й и 5-й степени на практике никакого значения не имело²²⁰.
- Более ощутимо социальные перемены коснулись сферы управления. Рядом со старейшиной, главным административным лицом общины, начинал действо-

221.

Магомедов Р.М. Указ. соч., с. 70.

222.

Там же, с. 71.

223.

Там же, с. 67.

224.

Гаджиев В.Г. Союзы сельских общин Дагестана..., с. 20.

225.

Магомедов Р.М. Указ. соч., с. 67—68.

вать кадий — судья по религиозным делам. Старейшина как представитель «ададного режима» и консервативных начал постепенно уступал свои позиции носителю шариата, идеологу классового общества — кадию. Но этот процесс протекал медленно. Здесь имело значение и то, что главы сельских общин сами приспособлялись к новым отношениям, мешая кадиям в доступе к управлению, и то, что многие старейшины в джаматах являлись еще и военачальниками, обеспечивая себе относительно прочный социальный статус. Так, в начале XIX в. унцукульцы, араканцы и белоканы под руководством своих старейшин в поисках военной добычи совершали «набеги до Ахалциха и оттуда на Грузию»²²¹. Так же поступали старейшины андалалских и хидалалских сельских общин, выступавшие в роли руководителей военных набегов²²². Как видно, в условиях явных перемен в сельской общине ее старшина, ранее занятый решением внутренних вопросов (главный из них — организация сельскохозяйственных работ), активно вовлекался в набеговую практику в роли ее организатора. Это, в свою очередь, еще больше сближало его с родовой знатью, стремившейся к собственности и социальным привилегиям. В целом же, опираясь на совет старейшин и народное собрание, старейшина утверждал в сельской общине «дружинное начало» — пролог к созданию военно-политического образования.

Наблюдавшиеся в сельской общине закономерно действовали шире и заметнее в масштабах «вольного» общества, представлявшего собой примитивную организацию сельских общин периода военной демократии²²³. И в «вольном» обществе главенствовал старейшина, чаще именуемый «предводителем», «военачальником». Вместе с тем появились общества во главе с кадием, духовным лицом, постепенно становившимся еще и военным, и светским руководителем. Но особенность социального восхождения кадия состояла в сохранении у него до определенного времени ограниченного влияния на внутренние дела общества: сказывалась социальная сила сельской общины, входившей в «вольное» общество и приверженной собственным традициям; власть акушинского кадия, например, была обширна в военное время, а в мирное — серьезно ограничивалась народным собранием и старшинами²²⁴. Ограничения со временем преодолевались неумолимо возраставшим социальным потенциалом кадия: как лицо, получавшее за свою общественную службу закят (подать) и часть военной добычи, кадий приобретал не только собственность, но и политико-идеологическое влияние. В социальном облике кадия XVIII — начале XIX в. видны были признаки превращения военного и духовного предводителя в феодала²²⁵. Уже указывалось: примерно

226.

Алиев Б.Г. Акуша-Дарго..., с. 13
(автореферат канд. дисс.).

227.

Там же, с. 14.

так действовали и старшины; каратинский Курбан, унцукульский Нур-Магомед, дидоевский Жабо, сумевшие сосредоточить в своих руках богатство и власть. Однако «светские» старшины и военачальники, в отличие от кадия, значительно меньше были подготовлены к переменам: над ними продолжали довлеть нравственные и правовые нормы адата. В этом отношении кадий неизмеримо превосходил их. Менее отягощенный предрассудками родового общества, он имел в своем арсенале более совершенный, чем адат, свод законов — шариат, сложившуюся идеологическую систему мусульманских догматов, нацеливавших общинников на войну за пределами общины, особенно — с «неверными». Последнее оказывалось особенно важным в условиях, когда война становилась источником «собираания» частной собственности, так необходимой для раскола общества на классы.

Социальная эволюция кадия, занявшего в конце XVIII — первой половины XIX в. видное место в жизни горного Дагестана, лучше проиллюстрировать на примере Акуша-Дарго, крупного союза «вольных» обществ. Во главе этого союза был кадий. В первой половине XIX в. он владел уже лучшими земельными участками, частью отторгнутыми от общинных земель, частью полученными от казикумухского шамхала и акушинского общества²²⁶. Он имел собственные сенокосные угодья, стада мелкого и крупного рогатого скота, взимал с общинников различного рода подати. Эти социальные привилегии превращали акушинского кадия из главы союза «вольных» обществ в политического и феодального владельца. В 20—30-е гг. XIX в. российское командование в Дагестане фактически относилось к акушинскому кадию как к владельцу.

В Акуша-Дарго происходил и другой процесс — феодализации знати, состоявшей из кадиевской прослойки. Здесь во главе каждой сельской общины становился кадий, который, как и глава Акуша-Дарго, имел свои участки земель, стада овец, получал от сельского общества различные вознаграждения, в том числе «закат», взимал штрафы и т. д.²²⁷ Духовная знать пополнялась также будунами. Таким образом создавалась иерархическая лестница, высшую ступеньку которой занимал главный кадий.

Акушинский кадий являлся верховным правителем, судьей и военачальником союза «вольных» обществ, составлявших Акуша-Дарго. В его функции входило: сбор ополчения и руководство им во время военных походов, решение вопросов войны и мира, отношения с другими «вольными» обществами и феодальными владельцами. Раз в год он собирал представителей 5 «вольных» обществ, входивших в Акуша-Дарго, и обсуждал с ними наиболее важные вопросы жизни союза. В периоды между общим собранием «воль-

228.

Там же, с. 21.

229.

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 107.

230.

Там же.

231.

Алиев Б.Г. Акуша-Дарго..., с. 21 (автореферат).

232.

Айтеров Т. Институт главного наследственного кади (первоначально имама) в политической системе Андалала конца XVI — перв. пол. XVIII в. — В кн.: Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1983, с. 5.

233.

Гене Ф.И. Сведения о горном Дагестане. 1835—1836 гг. — В кн.: История, география и этнография Дагестана на XVIII—XIX вв. М., 1958, с. 346.

ных» обществ постоянно действующим органом управления являлся высший совет во главе с главным кадием²²⁸.

Акушинский кадий, как видно, напоминал греческого базилия, у которого «помимо военных, были еще жреческие и судейские полномочия; последние не были точно определены, первыми он обладал как верховный представитель племени или союза племен»²²⁹. Главный и отличительный признак управленческой функции акушинского кадия — военное предводительство: наличие при этом «совета вождей и народного собрания означает только военную демократию»²³⁰, — писал Ф. Энгельс.

Каждое «вольное» общество, входившее в Акуша-Дарго, возглавлял свой кадий. Несмотря на статус помощника главного, акушинского кадия, он в пределах своего общества имел значительный социальный вес: кадий цудахарского «вольного» общества, например, сумел даже превратить свою власть в наследственную²³¹, в то время когда другие главы «вольных» обществ оставались выборными на сельских сходах. В компетенцию местного кадия (в пределах своего «вольного» общества) входило решение такого же круга вопросов, которым ведал главный акушинский кадий.

В Акуша-Дарго влиятельной оставалась старшинская прослойка. Однако она уже явно уступала духовной знати. Как и кадии, старшины избирались сельским сходом, но в отличие от них занимали «низовое» административное положение и вели в основном хозяйственные дела своей общины.

Нижний слой Акуша-Дарго составляли общинники; но и среди них намечалось уже социальное расслоение: родовая знать имела рабов — пленников (лачы). Схожая с Акуша-Дарго социальная и управленческая структура сложилась и в таком крупном союзе «вольных» обществ, как Каба-Дарго. Незначительные различия касались главным образом социального статуса группировок родовой знати: в Каба-Дарго, например, старшины пользовались большим, нежели в Акуша-Дарго, влиянием, зато институт наследственного кадия в Андалал вырос из института главного наследственного имама; местные жители называли его дибиром²³².

В возвышении акушинского кадия примечательна еще одна важная черта: по мере усиления его власти внутри союза «вольных» обществ он приобретал влияние за его пределами. По оценке Ф. И. Гене, акушинский кадий первенствовал в отношениях с Сюргинским союзом, также возглавляемым кадием. Кроме того, от него зависели кадии других даргинских союзов сельских общин²³³.

В конце XVIII — начале XIX в. кадий Акуша-Дарго стоял уже на том пути, который его «со-

234.
Алиев Б.Г. Каба-Дарго..., с. 42—43.
235.
М.-С.К.Умаханов рассматривает этот факт только как желание Каба-Дарго «освободиться от гнета» уцмий Кайтагского. (См. Умаханов М.-С.К. Политические взаимоотношения союзов сельских обществ Дагестана в XVII—XVIII вв. — Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII — нач. XIX в.). Махачкала, 1981, с. 65.
236.
АКАК, т. I, с. 136.
237.
Умаханов М.-С.К. Указ. соч., с. 65.
238.
Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв. М., 1965, с. 15.
239.
Предания и легенды народов Дагестана. — Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII — нач. XIX в. Махачкала, 1981, с. 159.
240.
Алиев Б.Г. К вопросу об административно-политической структуре общества Гапш в XVIII—XIX вв. Махачкала, 1981, с. 159.
241.
Там же, с. 201.
242.
Там же, с. 202.
243.
Там же, с. 203.

братья» — ханы, уцмий, беки — прошли задолго до этого. Запоздав в своем социальном возвышении, он, однако, обладал не меньшей, а в ряде случаев даже большей властью, чем владельцы, успевшие обрести титулы ханов и беков. В результате, в начале XIX в. к Акуша-Дарго присоединяется Каба-Дарго, находившееся в зависимости от уцмий Кайтагского²³⁴. Имели значение и централизаторские поползновения²³⁵ акушинского кадия, стремившегося к упрочению как своего политического положения внутри союза, так и — с помощью своих «сателлитов» — военного потенциала: Акуша-Дарго считалось одним из центров набеговой активности²³⁶. Вслед за Каба-Дарго к Акуша-Дарго присоединилось Кудалинское общество²³⁷, что еще больше убеждает в мысли, что акушинский кадий оказался на гребне объединительного процесса, в русле которого создаются ранние политические образования. В свете этого акушинского кадия следует квалифицировать как прообраз государственного деятеля эпохи возникновения государственности: не случайно кадий Акуша-Дарго от имени всех верхнедаргинцев принимал участие в «коронации» вновь избравшегося шамхала тарковского²³⁸. Рост политического влияния акушинского кадия хорошо отразили народные предания. В одном из них — «О приходе в сел. Акуша Надир-шаха» — персидский шах, известный полководец, властитель, удивлен высоким положением кадия и решает «забрать дочку такого авторитетного человека как акушинский кадий»²³⁹.

Путь возвышения кадия, как социального, политического и духовного лица, прослеживается на примере и других союзов «вольных» обществ. Если взять один из них — Гапш, то хорошо видно, что вначале каждое сельское общество, входившее в этот союз, возглавлялось выборным старшиной, называвшимся «кавха»²⁴⁰. В его функции входило решение хозяйственных и общественно-политических вопросов. Со временем, особенно после принятия ислама, постепенно главами этих обществ становятся кадии²⁴¹. Как и ранее сельский старшина, они выбирались на народном сходе. Но в отличие от старшины, кадий значительно расширил круг своих обязанностей. Он возглавил не только всю общественную и хозяйственную сферу общества, но и стал вершить суд по шариату, превращаясь в регулятора социальной, семейной и личной жизни верующих²⁴². Новые функции кадия немало способствовали тому, чтобы общество за «религиозную» и другую деятельность вознаграждало его материально. Возглавив союз обществ Гапш и потребовав для себя «добавочный продукт»²⁴³, кадий произвел своего рода переворот. Во главе общества стало новое политическое и духовное лицо с неизмеримо большей социальной и

244.

Алиев Б.Г. Общественный строй Сюргинского союза сельских общин..., с. 53—54.

245.

Маршаев Р.Г. Указ. соч., с. 115.

246.

Там же.

247.

Умаханов М.-С.К. Указ. соч., с. 69; Символом возраставшей роли кайтагского кадия являлось то, что у него хранились «Постановления кайтагского уцмий Рустам-хана». (См. Из истории права народов Дагестана. Махачкала, 1968, с. 176).

248.

Умаханов М.-С.К. Указ. соч., с. 69.

249.

Алиев Б.Г. Общественный строй Сюргинского союза сельских общин..., с. 59.

250.

Там же.

административной властью, чем имел старшина. Подобное произошло и в Сюргинском союзе сельских обществ, где кадий превратился в наследственное высшее духовное и административное лицо²⁴⁴. Путь социального восхождения кадия в Акуша-Дарго, Каба-Дарго, Гапш, Сюрга и др. был типичным для «вольных» обществ накануне Кавказской войны. Случались, однако, исключения, когда старшина не только удерживался во главе союза обществ, но и достигал статуса кадия. Так, в Ахтыпаринском союзе обществ во главе сельских общин стояли аксакалы. Они избирались на народных сходах из числа наиболее влиятельных тухумов. Подчинение сельской общины аксакалу было неустойчивым: оно усиливалось во время войны и ослабевало в обычных условиях²⁴⁵. Постоянные войны общинников Ахтыпаринского общества с соседями привели к возникновению нового сословия — бахтичяры: они приобретали «богатство путем грабежа соседних лезгинских селений и набегов в другие места»²⁴⁶. Опираясь на бахтичяров, судя по всему, старшина укрепил свое положение главы Ахтыпаринского общества. Глава такого союза «вольных» обществ, как Ахтыпаринский, не имел, однако, таких социально-политических перспектив, как кадий. Не обладая идеологическим арсеналом кадия, старшина, если даже ему удавалось мобилизовать внутренние силы, как правило, не достигал внешнеполитических успехов. Особенно «бесперспективными» были старшины «вольных» обществ, находившихся во владениях хана, уцмий и т. д. Что касается кадия, то даже в этих условиях он вполне мог преуспевать, подчас соперничая своим общественным влиянием с самим владельцем. Так было, например, в Кайтаге, где наряду с уцмием возвышался кадий, мнение которого считалось решающим²⁴⁷. Аналогично обстояли дела в обществах Кубачей и Уркараха²⁴⁸.

В целом же феодализовавшаяся общинная знать (старшины, кадий, военачальники), выделившаяся в особый слой собственников, уже успела оторваться от рядовых общинников и фактически перестала быть узденством²⁴⁹. Она представляла собой «промежуточный» слой зарождавшегося феодального общества, который еще не вырос «в организованный эксплуататорский класс»²⁵⁰, но уже отходил от производственных отношений, ранее господствовавших внутри общины, и неумолимо стремился к качественно новому положению высшего сословия. В XVIII—первой половине XIX в. этот мощный процесс, имевший социальные последствия не только для горного Дагестана, но и для ряда других районов Кавказа, осложнялся трудностями, которые придавали ему известную специфику. Основанная на скотоводстве горская экономика оказалась не в состоянии обес-

251.

Гамрекели В.Н. Вопросы взаимоотношений... (докт. дисс.), с. 481; Робакидзе А.И. Указ. соч., с. 22—23; Шамиладзе В.М. Указ. соч., с. 279.

252.

Мамакаев М.А. Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный, 1973, с. 22.

253.

Броневский С. Указ. соч., с. 181.

254.

Там же.

255.

Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859.

печить достаточные темпы роста новых общественных отношений. Скотоводческое хозяйство, где многое регулировалось (в отношении к собственности на землю, организации производства, распределения и т. д.) нормами родового строя, могло привести «вольные» общества лишь к имущественному неравенству и явно сдерживало дальнейшую социальную дифференциацию, ведущую к классовому образованию. В этих условиях в качестве компенсирующего экономического фактора выступила набеговая система, ставшая не только материальной, но и идеологической основой формирования «высшего сословия» «вольных» обществ горного Дагестана, ускорившей процессы феодализации²⁵¹. Она вызвала прежде всего расслоение общинников, которое представляется длительным и поэтапным процессом. Имущественная дифференциация — первая его стадия, — привела в движение и верхний и нижний слои общинников, вызвала к жизни идею частной собственности, ориентировавшую на поиски источников этой собственности.

Чеченский тайп (род) в период его разложения

История вопроса

По своей социально-экономической типологии ближе всего к «вольным» обществам Дагестана стояла Чечня. В конце XVIII — первой половине XIX в. в ее общественном организме господствовал тайп — патриархальная экзогамная группа людей, происходивших от одного общего предка²⁵². Этот факт вызвал в кавказоведении крайне противоречивые суждения об общественном строе чеченцев.

Вопрос о характере социальной жизни чеченцев первым в русской науке затронул С. Броневский. В 1823 г. — когда внутреннее устройство чеченцев сохраняло еще исторически сложившиеся архаические черты — он свидетельствовал: «чеченцы не имеют князей..., а призывают таковых из соседственных владений, из Дагестана и Лезгистана, как паче от колена аварского хана; но сии князья малого пользуются доверенностью и уважением»²⁵³. С. Броневский фиксировал и тот факт, что население Чечни управлялось «выборными старшинами, духовными законами и древними обычаями»²⁵⁴. Сообщение этого автора подтвердил А. П. Берже в очерке «Чечня и чеченцы»²⁵⁵. Издатель богатейшего корпуса исторических источников (АКАК), один из выдающихся кавказоведов XIX в., А. П. Берже, как и его предшественники, не видел у чеченцев «сословных подразделений» и рассматривал их как «один класс —

256.
Там же, с. 90.
257.
Лаудаев У. Указ. соч.,
с. 23—24.
258.
Там же, с. 14.
259.
Иванов И. Чечня. — Москвитянин. № 19, 20, кн. 1, 2, 1851.
260.
Иваненков Н.С. Указ. соч.,
с. 7—12.
261.
Ковалевский М.М. Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа. — РМ, 1883, № 12, с. 138.
262.
Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе..., т. II, с. 265.
263.
Покровский М.Н. Указ. соч., с. 200.

вольных людей»²⁵⁶. «Мы все уздени — говорят чеченцы», — этим отзывом чеченцев о себе подтверждал свои наблюдения А. П. Берже. Данные А. П. Берже, основанные на письменных источниках, значительно пополнились полевым материалом, записанным в разные годы У. Лаудаевым, воспитанником Петербургского кадетского корпуса, первым чеченцем-историком, видным просветителем. По поводу социальной жизни чеченцев У. Лаудаев в сущности не расходился со своими предшественниками: «Чеченцы, — писал он, — не имели князей и были все равны между собою, а если случалось, что инородцы высших сословий селились между ними, то и они утрачивали свой высокий род и сравнивались с чеченцами. Чеченцы называют себя узденями... у чеченцев же все люди стояли на одной ступени узденства, различаясь между собою только качествами личного свойства: умом, храбростью и т. д.»²⁵⁷. По оценке У. Лаудаева, «жизнь чеченского народа» строилась на основе кровно-родственных, тайповых отношений²⁵⁸. Эти положения автор обосновал конкретным историческим и этнографическим материалом.

Об утверждении среди чеченцев, переселявшихся в XVIII в. на равнину, «кабардинского феодального устройства» писал И. Иванов²⁵⁹. В отличие от С. Броневского и К. Самойлова, он затронул важный вопрос — о социальных переменах, происходивших у чеченцев на равнине благодаря земледельческой экономике. Значительный фактический материал о чеченцах был систематизирован в «культурно-экономическом исследовании» Н. С. Иваненкова. Несмотря на то, что его данные собирались в конце XIX в., ретроспективно они существенны в научной реконструкции общественных отношений у чеченцев: Н. С. Иваненков, как и его предшественники, находил в горных районах Чечни родовую организацию на стадии разложения²⁶⁰.

Выдающийся русский ученый М. М. Ковалевский, подчеркивавший неодинаковый уровень в общественном развитии народов Кавказа, впервые обратил внимание на переходный характер социальной жизни чеченцев: «всею слабее, — писал он, — развиты отдельные элементы феодального строя», «доселе мы встречаемся с господством архаических форм родового быта»²⁶¹. Эта оценка относилась к общественным отношениям конца XIX в. Касаясь же более ранних периодов, М. М. Ковалевский считал, что чеченцы «были устроены» на «началах родовой демократии»²⁶². М. Н. Покровский, рассматривавший Чечню конца XVIII в. как страну с «дофеодальной, патриархальной демократией», основывался на учете господствовавшей в ней формы собственности на землю. По М. Н. Покровскому, в горной Чечне «земля принадлежала родам, а не отдельным лицам»²⁶³.

264.

Бальшин А. Социально-экономическое состояние нагорной Чечни. — В кн.: О тех, кого называли абреками. Грозный, 1927, с. 110.

265.

Ошаев Х. Очерк начала революционного движения в Чечне. Грозный, 1927, с. 16.

266.

Бушуев С.К. Указ. соч., с. 27; его же: О кавказском мюридизме. ВИ, 1956, № 12, с. 73.

267.

Магомедов Р.М. Борьба горцев за независимость..., с. 12.

268.

ШССТАК, с. III.

269.

Фадеев А.В. Россия и Кавказ..., с. 295.

270.

Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII — перв. пол. XIX в. Грозный, 1961, с. 9.

271.

Там же.

272.

Гриценко Н.П. К вопросу о феодальных отношениях в Чечено-Ингушетии. ИСКНЦВШ, 1976, № 4, с. 17.

273.

Там же.

274.

Там же; Ковалевский М.М. Поземельные и сословные отношения..., с. 138.

275.

Мамакаев М.А. Указ. соч. (Первым изданием эта работа вышла в 1962 г. под названием «Чеченский тайп (род) и процесс его разложения»).

В те годы несколько иной, пожалуй, более верной, точки зрения придерживался А. Бальшин, видевший в чеченском обществе «распад родового быта и возникновение феодализма»²⁶⁴. С этим мнением расходился Х. Ошаев, утверждавший, что еще накануне Октябрьской революции в Чечне не было даже зачатков феодализма; встречаемые в документах упоминания о феодальных владетелях Чечни он связывал с равнинными районами и подчеркивал нечеченское происхождение этих социальных элементов²⁶⁵. С. К. Бушуев усматривал в общественном строе Чечни «целый ряд характерных черт патриархально-родового быта в стадии его разложения»²⁶⁶. Такой же оценки придерживался Р. М. Магомедов, полагавший, что среди чеченских общинников формировалась социальная верхушка, стремившаяся к постепенному распространению своего влияния²⁶⁷.

Этому подход к проблеме нашел сторонников и в послевоенные годы²⁶⁸. В 1960 г. А. В. Фадеев писал о незавершенности процесса феодализации в Чечне и о свободном состоянии общинников²⁶⁹. Более обстоятельно этот тезис проводил Н. П. Гриценко, считавший, что в Чечне «родовая организация находилась в стадии разложения, а феодальные отношения в различной форме пробивали себе дорогу»²⁷⁰. По его мысли, в пору, когда соседние народы уже прошли феодализм и вступили в стадию генезиса капитализма, в Чечне только происходило становление феодальной формации²⁷¹. Однако суждения Н. П. Гриценко в известной мере носили общий характер, поскольку исследователь не соотносил специфику организации чеченского общества с двумя географическими и хозяйственными зонами Чечни — равнинной и горной. Позже, дифференцировав эти зоны, он уточнит: в XVIII в. в горной Чечне только начинался процесс феодализации, тогда как на равнине новая формация складывалась сравнительно быстро²⁷². Крайне предвзято оценивал Н. П. Гриценко дореволюционных авторов. Так, А. П. Берже, эрудит в области кавказоведения, безупречный в обращении с фактами, был обвинен в незнании истории чеченского народа, а У. Лаудаев, собиратель ценнейших данных фольклора чеченцев, — в компилятивности²⁷³. (Попутно заметим: сам Н. П. Гриценко, касаясь социальных отношений чеченского общества, не счел некорректным привести слова М. М. Ковалевского о смене родового строя феодальным, относившиеся не к чеченцам, а к народам Кавказа вообще²⁷⁴.) В целом же заслуживающие внимания наблюдения Н. П. Гриценко не оформились в самостоятельную и законченную научную идею. Это удалось сделать М. А. Мамакаеву²⁷⁵, прекрасному знатоку истории, быта и культуры чеченцев, тонко чувствовавшему такую историческую категорию, как психический склад народа,

276.
Там же, с. 3.
277.
Там же, с. 7, 29—38.
278.
Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа..., с. 80, 81.
279.
Кушева Е.Н. О некоторых особенностях генезиса феодализма..., с. 180, 184.
280.
Кушева Е.Н. Усманов М.А. К вопросу об общественном строе вайнахов. — СЭ, 1978, № 6, с. 110.
281.
Косвен М.О. Указ. соч., с. 213—214.

его, как выражался Н. И. Костомаров, «деятельную душу».

М. А. Мамакаев не был отягощен предвзятыми стереотипами, мешающими объективной оценке внутреннего устройства чеченцев. По его убеждению, «в XVIII веке и даже в первой половине XIX века у чеченцев все еще прочно сохранились ярко выраженные черты тайпового строя, но рядом с ними и вопреки им вырастали и неуклонно развивались элементы новых феодальных отношений»²⁷⁶. Подчеркивая упорное сопротивление свободных общинников новому социальному порядку, М. А. Мамакаев называл XVIII — первую половину XIX в. временем, когда «каждый чеченец» еще мог гордо заявить: «Я — свободный». Он дал блестящий анализ чеченским тайпам как родовым и хозяйственным коллективам, составлявшим общую социальную анатомию чеченского общества; по М. А. Мамакаеву, тайп зиждился на 23 принципах²⁷⁷, реализация которых гарантировалась господством обычного права.

Неодинаковый уровень общественных отношений в разных районах Чечни констатирует Е. Н. Кушева. На равнине, занимавшей до XVIII в. большую территорию, Е. Н. Кушева допускает (среди «акинцев-ауховцев») феодальные отношения. Других равнинных жителей («окочан») она считает зависимыми от кабардинских феодалов. Что касается горной Чечни, то она, по мнению исследователя, еще не знала классовых отношений²⁷⁸. Е. Н. Кушева указала два «параллельных процесса: с одной стороны, выделение сильных, богатых родов — тайпов или целых токхумов и упадок слабых, с другой — возвышение родовой верхушки, старейшин тайпов и патронимии». По Е. Н. Кушевой, феодализм в общественной жизни Чечни «не получил сколько-нибудь значительного выражения»²⁷⁹. В 1978 г. в работе, выполненной в соавторстве с М. А. Усмановым, Е. Н. Кушева расширила наши представления о социальной структуре чеченцев, однако вывод исследователя остался прежним²⁸⁰.

Пережиточные формы родовых отношений освещались М. О. Косвеном. Он довольно полно описал родовую общественную структуру, сохранившуюся в измененном виде у ряда горских народов, проследил остатки племенного деления, общие черты патронимии и другие дошедшие до XIX в. формы древней общественной организации. М. О. Косвен обратил внимание на описание Чечни, составленное в прошлом веке В. И. Голенищевым-Кутузовым, по данному которого ведущим общественным укладом у чеченцев остается родовой строй с признаками разложения²⁸¹. Солидаризируясь с М. О. Косвеном, Б. А. Калоев подчеркивает: в отличие от соседей — кумыков, кабардинцев и осетин — чеченцы не имели своих бе-

282.

Калоев Б.А. Чеченцы. — В кн.: Народы Кавказа. М., 1960, т. I, с. 364.

283.

Тотоев Ф.В. Общественно-экономический строй Чечни (вторая половина XVIII — 40-е годы XIX века). Автореф. канд. дисс. М., 1966, с. 9.

284.

Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. Характер сословных отношений в горной Ингушетии. — КЭС, 1968, т. II, с. 144—145.

285.

Умаров С.Ц. Средневековая материальная культура горной Чечни XIII—XVII вв. М., 1970, с. 22.

286.

Крупнов Е.Н. Средневековая Ингушетия. М., 1971, с. 70.

287.

Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1928—1929 гг. Владикавказ, 1930, с. 395.

288.

Умаров С.Ц. Средневековая материальная культура..., с. 22; В этой связи нельзя не согласиться с критикой, которой подверглось допущенное С.Ц. Умаровым «голословное отрицание у вайнахов родового строя». (См.: Крупнов Е.И. Указ. соч., с. 161—162).

289.

Меликишвили Г.А. К вопросу о характере древних закавказских..., с. 53.

ков, ханов, князей²⁸². Этой мысли созвучно утверждение Ф. В. Тотоева, что «развитие Чечни проходило при значительном сохранении устоев родовых отношений, которые составляли господствующий уклад»²⁸³.

Грузинские этнографы А. И. Робакидзе и Р. Л. Харадзе пишут об усложнении в XVIII — первой половине XIX в. социальной жизни чечено-ингушского общества. Их интересуют пути формирования общественных сил, превращавшихся в прообразы классов. Отличившиеся в набегах, — считают они, — затем легче подчиняли себе своих соплеменников; более сильные тайпы брали на себя обязанность охранять слабых, тем самым ставя их в зависимость. От этих выводов А. И. Робакидзе и Р. Л. Харадзе идут к тезису, что в Чечне процесс образования привилегированного сословия сопровождался появлением крупных оборонительных сооружений, наличие которых, по их мнению, свидетельствовало о зачатках социальной дифференциации, а формирование более совершенных укреплений замкового типа — о выделении из общей массы общинников двух социальных сил — знати (эзди) и зависимых (лай)²⁸⁴. Прием соотношения башенных поселений с общественными процессами широко использовал С. Ц. Умаров, высказавший мысль, что оформление замков типа цитадели «явилось отражением раннефеодальных отношений». Зарождение этих отношений он датирует XV—XVI веками, т. е. периодом, когда, по мнению С. Ц. Умарова, создавались замки-цитадели²⁸⁵. При таком подходе, однако, необходимо учитывать, что строительство боевых башен и замков-цитаделей было делом всего тайпа, а не отдельных представителей общины, приобретших якобы исключительную социальную силу: «в сооружениях башни участвовали все члены данной фамилии»²⁸⁶, так как «построение башни должно было свидетельствовать о родовой сплоченности и мощи»²⁸⁷. Замки-цитадели также не могут стать аналогом феодальному замковому поместью. Эти факты делают малопродуктивной попытку С. Ц. Умарова рассмотреть имущественное расслоение горных чеченцев на фоне формировавшихся в Чечне башенных поселений²⁸⁸. В самом общем виде подобный фон мог бы помочь составить представление лишь о социальных различиях между тайпами, но не отдельными общинниками. В целом же данные о боевых башнях и оборонительных комплексах при всей их ценности малопригодны для оценки общественного процесса. К стадильной классификации общества, как справедливо указывает Г. А. Меликишвили, применим единственно возможный критерий — степень развития института частной собственности и раскола общества на antagonистические классы²⁸⁹. К исследованию процессов складывания земельной

290.

Крупнов Е.И. Указ. соч., с. 176.

291.

Там же, с. 160.

292.

Виноградов В.В. Генезис феодализма..., с. 35.

293.

Лавров Л.И. Назревшие вопросы изучения социальных отношений на докапиталистическом Кавказе. — Социальная история народов Азии. М., 1975, с. 6—7.

294.

Умаров С.Ц. О некоторых особенностях классовообразования и антифеодальной борьбы в средневековой Чечено-Ингушетии. — Вопросы истории классовообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI — начало XX в.). Грозный, 1980, с. 7.

295.

Там же.

собственности у чеченцев и ингушей призывал и Е. И. Крупнов. Вместе с тем ученый подчеркивал: «Хотя в начале XIX в. элементы социальной дифференциации и прослеживались, настоящая феодальная аристократия здесь еще не сложилась»²⁹⁰. Е. И. Крупнов заметил в вайнахском обществе высокий динамизм, свойственный «последней стадии развития родового строя», с ее «военными столкновениями между отдельными племенами и даже родами»²⁹¹.

Над проблемой общественного строя Чечни успешно работает В. Б. Виноградов. В его статье о генезисе феодализма на Центральном Кавказе освещены актуальные вопросы социальной организации горцев. Однако стремление найти у всех горских народов единую модель общественной структуры придает его выводам схематичность, а утверждение, что в исторической науке «сложилась и стала фактически общепризнанной концепция развития классового общества у населения горного Кавказа»²⁹² следует рассматривать как небрежность в историографической оценке литературы по проблеме. Более реалистичен вывод Л. И. Лаврова, признавшего господство и поныне в кавказоведении положения, когда, с одной стороны, указывают на наличие в ряде районов Кавказа сложившихся феодальных государственных образований, с другой — на сохранение вплоть до XIX в. союзов сельских общин, так называемых «вольных» обществ со слабо выраженной социальной структурой»²⁹³. Ко второму типу обществ, кстати, Л. И. Лавров относил и горную Чечню.

В конце 70-х — начале 80-х годов в Чечено-Ингушетии активизировалась работа над проблемой общественного строя вейнахов. Четко обозначилось единое концептуальное направление, призванное аргументировать идею о господстве в Чечне в XVII—XIX вв. феодального способа производства. Поиски новых фактов в пользу этого тезиса объективно расширяют исследовательскую базу проблемы. Однако поверхностный подход к таким важнейшим явлениям, как классовообразовательные процессы, формы собственности, эксплуатации и др., явно предвзятая настроенность отдельных авторов, а в ряде случаев и некомпетентность ведут к еще большему осложнению исследовательской работы. Нередко, например, высказываются такие положения: «Оценка характера общественно-экономического строя Чечено-Ингушетии на протяжении ряда последних столетий неоднократно менялась»²⁹⁴ (несведущий читатель, понятно, может заключить, что изучение общественного строя чеченцев и ингушей насчитывает несколько столетий); или еще: «У Московского правительства XVI—XVII веков (в том числе у администрации русских крепостей на Кавказе) не было сомнений в том, что у вейнахов господствовал феодальный строй»²⁹⁵.

296.

Тавакалян Н.А. О классах и классовой борьбе в чечено-ингушском обществе во второй половине XVIII — первой половине XIX в. — В кн.: Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XI — начало XX в.). Грозный, 1973, с. 35.

297.

Ахмадов Ш.Б. К вопросу о социальных отношениях в Чечено-Ингушетии в XVIII веке. — В кн.: Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии..., с. 51.

298.

Исаева Т.А. и Исаев С.-А.А. Вопросы сельской общины чеченцев и ингушей (XVI—XVIII вв.). — В кн.: Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII — начало XX в.). Грозный, 1982, с. 52.

299.

Ахмадов Ш.Б. Указ. соч., с. 53.

300.

Мальсагов Т.Т. О классовой дифференциации и формах социальной зависимости среди чеченцев и ингушей. — Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1964, с. 150.

301.

Умаров С.Ц. О поселениях и некоторых особенностях социально-экономического развития горной Чечено-Ингушетии эпохи позднего средневековья. АЭС. Грозный, 1969, т. III, с. 163.

Автор приведенных строк явно забывает, что само московское правительство той эпохи не осознавало и свою принадлежность к «феодальному строю» в нашем его понимании, тем более оно не могло определять уровень общественных отношений других народов. Под стать этим курьезам и такое заявление: «В Чечено-Ингушетии юридически узаконенного крепостного состояния не было, но сословная неполноправность процветала и, по существу, мало чем отличалась от крепостного права»²⁹⁶. Подобные поиски феодально-крепостнической системы в Чечне не только малопродуктивны, но способны нанести урон делу дальнейшего изучения проблемы.

К работам, «завышающим» уровень общественных отношений чеченцев XVIII — первой половины XIX в., относится и статья Ш. Б. Ахмадова, с одной стороны, указавшего на наличие в горной Чечне лишь имущественного неравенства периода разложения родоплеменных отношений, с другой — на формирование господствующего сословия — князей, феодалов, владельцев и т. д.²⁹⁷ О князьях, мурзах, владельцах, якобы «уживавшихся» в чеченской общине, пишут также Т. А. Исаева и С.-А. Исаев²⁹⁸. Между тем хорошо известно, что внутренняя социальная жизнь чеченских горцев в рассматриваемый период еще не успела создать «собственных князей и мурз»; верхи, о которых идет речь, — это «пришлые князья и владельцы, являвшиеся либо кабардинскими, либо кумыкскими, либо аварскими»²⁹⁹. В чечено-ингушской литературе заметна и другая тенденция — стремление сопоставить «чеченскую модель» общественной структуры, сложившуюся к XVIII в., с общественным строем других народов Северного Кавказа. На таком подходе особенно настаивают Т. Т. Мальсагова³⁰⁰ и С. Ц. Умаров³⁰¹. Бесспорно, для выяснения ряда особенностей общественной организации вейнахов важно было бы применить историко-сравнительный метод. Здесь особенно перспективным представляется сопоставление общественных структур таких народностей Большого Кавказа, как хевсур, тушинов, пшавов, осетин Куртатинского общества, «вольных» обществ Дагестана и т. д., переживавших одну и ту же переходную стадию социального развития. Что касается «сравнений», к которым прибегают отдельные авторы, то здесь, к сожалению, иные цели — «унифицировать» общественный строй чеченцев по образу районов с феодальным устройством. О такой методе справедливо высказался лауреат Ленинской премии Е. И. Крупнов: «Печальнее всего, — писал он, — что эти заключения молодых авторов не базируются на каких-либо серьезных доказательствах... Главный же недостаток таких работ заключается в том, что в них состояние вайнахского общества рассматривается обобщенно, как бы вне времени и про-

302. Крупнов Е.И. Указ. соч., с. 162.

303. Мамакаев М.А. Указ. соч., с. 11; М.О.Косвен относил чеченский тайп к патронимии. (См. Косвен М.О. Указ. соч., с. 34). Уточняя определение тайпа, М.А.Мамакаев сослался на то, что тайп в представлении чеченцев никогда не рисовался как малая группа людей: тайп, по Мамакаеву, это тот же род, состоявший из нескольких ветвей. У Лаудаева идентифицировал тайп с фамилией. По его формулировке, «родственная связь членов фамилии называется по-чеченски тайпом или тайпа, что означает: одна фамилия, род». (См. Лаудаев У. Указ. соч., с. 15).

304. Лаудаев У. Указ. соч., с. 14.

305. М.А.Мамакаев рассматривает «гар» как патронимию, включавшую небольшую группу близкородственных семей по отцовской линии. (См. Мамакаев М.А. Указ. соч., с. 12).

306. М.М.Ковалевский, а несколько раньше и У.Лаудаев, не считал тукхум новой, поступательной формой тайпового объединения. В отличие от них, М.А.Мамакаев видел в тукхумном союзе территориальную общину, в которую со временем развивалась тайповая структура чеченцев. (См. Мамакаев М.А. Указ. соч., с. 16).

307. Мамакаев М.А. Указ. соч., с. 18.

308. Там же, с. 29—38.

309. Лаудаев М.А. Указ. соч., с. 15.

странства. Сделанными же позитивными выводами напроць стирается сама неравномерность исторического развития, что так характерно для истории всего Северного Кавказа»³⁰².

Чеченский тайп (род)

Чечня в целом, как отмечалось, развивалась теми же путями, что и «вольные» общества горного Дагестана. Вместе с тем она обладала этнической и другой спецификой. В основе общественной структуры чеченцев лежал тайп (род), состоявший из трех-четырех поколений и насчитывавший, как правило, десятки членов, объединенных общим хозяйством и подчинявшихся деспотическому управлению своего главы³⁰³. По оценке У. Лаудаева, «жизнь чеченского народа» строилась на основе кровно-родственных, тайповых отношений³⁰⁴. В процессе сегментации из отдельных тайпов формировались «гары» или «неки» — ветви тайпа³⁰⁵.

Тайп не являлся единственной формой организации общественной жизни чеченцев. В Чечне создавались союзы отдельных тайпов, называвшиеся тукхумами, т. е. военно-экономические объединения определенной группы тайпов, не связанные между собой кровным родством, но объединявшиеся в более высокую степень ассоциации для совместного решения общих задач защиты от нападения противника и экономического обмена³⁰⁶. В XVI—XVII вв. в Чечне насчитывалось девять тукхумов. В дальнейшем число их существенно не менялось. В XVIII — первой половине XIX в. общественная жизнь чеченцев, как и прежде, определялась не столько тукхумной формой союза, сколько тайпом, более архаической организацией: еще в середине XIX в. чеченские общества представляли собой «суть 135 тайповых объединений»³⁰⁷. По Л. Г. Моргану, такое «деление народа на роды есть простейшая форма организации общества».

Как родовые и хозяйственные коллективы, чеченские тайпы основывались на исторически сложившихся принципах, отличавшихся высокой устойчивостью. М. А. Мамакаев насчитал 23 принципа³⁰⁸, жизнеспособность которых обеспечивалась господством обычного права. Основными из них являлись следующие.

1. Единство и незыблемость тайповых отношений для каждого сородича тайпа, обеспечивавшиеся как нормой обычного права, так и самим характером родства. В тайповом родстве, пояснял У. Лаудаев, «все его члены называются братьями — вежерей или воша, а целая связь — братством — вошалла»³⁰⁹.

2. Право на общинное землевладение. Особо следует остановиться на этом принципе, поскольку, по замечанию К. Маркса, «базис коллектива» составляла земля. В «Описании гражданского быта чеченцев

310.

Леонтович Ф. И. Адады кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа, вып. II, Одесса, 1883, с. 79.

311.

Там же.

312.

Там же, с. 79—80.

313.

Маркс К. и Энгельс Ф. Соб. соч., т. 21, с. 150.

314.

Лаудаев У. Указ. соч., с. 39.

315.

Леонтович Ф. И. Указ. соч., с. 79; Лаудаев У. Указ. соч., с. 24, 39.

316.

Лаудаев У. Указ. соч., с. 24.

317.

Иваненков Н. С. Горные чеченцы. Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области. — Т. С., 1910, вып. VII, с. 35.

318.

«П». Заметки о Чечне и чеченцах. ТС, 1878, вып. I, с. 269—270.

319.

Максимов Евг. Чеченцы. Историко-географический и статистико-экономический очерк. — ТС, кн. II, 1893, вып. III, с. 41.

320.

Там же, с. 51—52.

321.

Кушева Е. Н. О некоторых особенностях генезиса феодализма...

с объяснением адатного их права» подчеркивалось: «Право личной поземельной собственности доселе не существует в Чечне»³¹⁰. Земли здесь «разделились между отдельными тайпами», «однако же не раздробились на участки между членами их», а «продолжали по-прежнему быть общою, нераздельною собственностью целого родства»³¹¹. Ежегодно весной земля распределялась между отдельными тайпами и поступала в коллективное владение тайпа. Распределение участков происходило по жребию. «Получивший таким образом свой годовой «участок» становился «полным его хозяином на целый год», возделывал его, или отдавал «на известных» условиях другому³¹². Здесь происходило то, о чем писал Ф. Энгельс применительно к германцам периода образования у них государства: «В пределах каждого рода пахотная земля и луга были поделены между отдельными хозяйствами равными участками по жребию»³¹³. Существовала еще практика раздела неразделенных земель на равные, фамильные участки. Подобную практику в Чечне описал в XIX в. У. Лаудаев: «Земля, — писал он, — делилась при собрании целого народа; когда фамилия получала свою часть, то для устранения в дальнейшем поземельных недоразумений, все присутствовавшие брались свидетелями в означении границ. Для этого на конце границы резали быков и баранов и варили мясо в огромных котлах, и в знак утверждения границ потчивали свидетелей»³¹⁴. Получив таким образом участок земли или «фамильное» поле, тайп, согласно адату, становился верховным собственником земли, а индивидуальная семья — ее «пользователем»³¹⁵. Подобный порядок владения землей и подворная ее обработка описаны У. Лаудаевым; «у чеченцев земля была общою»³¹⁶, — заключал он. Исключительное право тайпа на участки земли зафиксировал во второй половине XIX в. Н. С. Иваненков³¹⁷. В конце 70-х гг. XIX в. в «Заметках о Чечне и чеченцах» анонимный автор делил тайповые земли: 1. На общие — нераздельные (к ним он относил горные пастбища, берега рек и выгоны); 2. Общие — делимые (сюда входили пахотные и покосные луга); 3. Собственные, приобретенные по праву первого захвата или покупного. 4. Собственные, приобретенные «чрез очистку лесов, принадлежавших другим фамилиям или общинам»³¹⁸. На эти виды тайпового землевладения указывали еще в прошлом веке³¹⁹. Появление частновладельческой формы собственности, представлявшее собой «совершенно новое в Чечне и неизвестное чеченцам», связывалось с действиями российского правительства и относилось ко второй половине XIX в.³²⁰ Е. Н. Кушева указывает на сохранение родоплеменного землевладения и в поселениях, созданных чеченцами в XVIII — начале XIX в. на предгорных равнинах Северного Кавказа³²¹.

322.

Гриценко Н. П. Социально-экономическое развитие притеречных районов..., с. 168.

323.

Саламов А. А. Не затушевывать социальные противоречия прошлого. — Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено-Ингушетии.

ЧИНИИ, т. 4, вып. 1. Грозный, 1964, с. 203.

324.

Кушева Е. Н. О некоторых особенностях генезиса феодализма..., с. 180.

325.

Там же.

326.

Так, Н. П. Гриценко приводил данные о фамильно-тайповой собственности на равнине (Гриценко Н. П. Социально-экономическое развитие притеречных районов..., с. 208), а

И. М. Саидов — предания о тайповом межевании земель («ардырж»), существовавшем в Чечне. (См. Саидов И. М. Землевладение и землепользование у чеченцев и ингушей. — Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено-Ингушетии. ЧИНИИ, т. 4, вып. 1. Грозный, 1964; См. так же: Далгат Б. Первобытная религия чеченцев. — ТС, 1893, вып. 3, кн. 2, с. 94.)

327.

Лаудаев У. Указ. соч., с. 29.

328.

Там же.

Сторонники «феодализма» в Чечне и наличия в ней частной собственности на землю в XVIII — первой половине XIX в. не принимают во внимание приведенные нами данные. Доказывая обоснованность своего тезиса, они считают, что чеченцы, переселяясь с гор на равнину, на новом месте захватывали земли и становились собственниками, феодалами³²². Действительно, покидая горы, переселенцы оседали на новых землях — одни — по праву первого захвата, другие — поселяясь во владениях кабардинских и кумыкских феодалов. Однако не учитывается сложность ситуации, возникавшей для переселенцев на равнине: индивидуальная семья, двор, без своего тайпа, были не в состоянии на новом месте не только удержать собственность на приобретенный участок земли, но и оградить от внешних посягательств свое хозяйство. Это заставляло чеченцев селиться либо на землях кабардинских, дагестанских феодалов, бравших их под свою защиту и ставя тем самым в зависимость, либо «по тайповым кварталам»; «даже целые аулы создавались отдельными тайпами»³²³. Такие поселения XVIII—XIX вв. в русских источниках известны как «общество», а поселения более раннего происхождения — как «землицы». По Е. Н. Кушевой, «общество», «землица» идентичны тайпу, роду³²⁴. Так, по преданиям, в XVIII в. известными на равнине являлись чеченские тайпы Мулкой и Мержой, позднее сохранявшие территориальную (тайповую) целостность³²⁵. В «землицах» и «обществах», формировавшихся по родовому принципу, тайп сохранял за собой положение верховного собственника земли. Этот факт признают и приверженцы идеи о феодализме и феодальной собственности на землю в Чечне³²⁶. Тайповое представление о собственности на землю было столь прочно, что даже чеченцы, поселившиеся во владениях кабардинских и кумыкских феодалов, лишь на первых порах «мирились» с частновладельческими принципами землепользования: на земельные подати они смотрели как на вынужденную и временную меру. Набрав силу, чеченцы-переселенцы переставали платить за землю и завладевали ею³²⁷. Как сообщал У. Лаудаев, «им было стыдно платить за землю, которую бог создал для всех равно; плативших ясак горные соплеменники осмеивали и упрекали, называя их лай, т. е. холопами»³²⁸. Типичным примером того, как развивались отношения между чеченцами-переселенцами и владельческими князьями на равнине, мог послужить случай с князем Турловым из Гумбета. Поселив на своих владениях чеченцев и взяв их под свою власть, этот князь не вмешивался во внутреннее устройство поселенцев, благодаря чему в их общественной жизни не происходило особых перемен: «вся разница состояла в том, что там, где прежде дымился в лесу

329.

Леонтович Ф.И. Указ. соч.,
т. II, с. 86.

330.

Кушева Е.Н. О некоторых особенностях феодализма...,
с. 180—181.

331.

Мамакаев М.А. Указ. соч., с. 29.

332.

Маркс К. и Энгельс Ф. Собр.
соч., т. 21, с. 83.

333.

Леонтович Ф.И. Указ. соч.,
т. II, с. 92.

334.

Там же, с. 93.

335.

Лаудаев У. Указ. соч., с. 39.

336.

Там же.

337.

Мамакаев М.А. Указ. соч., с. 29.

одиноким хуторок, раскидывался теперь огромный аул в несколько сот домов, большею частью одного родства. Круг связей общественных по-прежнему не переступал границ родственных связей, однако же стали обширнее, потому что тохумы (тайпы) возросли непомерно», — отмечалось в «Описании гражданского быта чеченцев»³²⁹. Набрав силу, тайп изгнал князя Турлова, а принадлежащую ему землю объявил своей собственностью. Подобная задача решалась еще успешнее, если на равнине удавалось объединиться несколькими тайпам и образовать токхум: Е. Н. Кушева указывала на Шубутскую и Мичикскую «землицы», представлявшие собой селище родоплеменных групп (токхумов, состоявших из нескольких тайпов)³³⁰.

Подводя итог, отметим: господствовавшие в Чечне три формы земельной собственности — племенная, тайповая (родовая) и семейная — указывали на переходность социально-экономической структуры чеченского общества.

3. Объявление всем тайпом кровной мести другому тайпу за убийство и общественную дискредитацию члена тайпа — один из важных принципов жизни чеченского рода³³¹. Перечисляя порядки классического рода, Ф. Энгельс упоминал его обязанность защищать своих членов: «тот, кто причинял зло ему, причинял зло всему роду. Отсюда, из кровных уз рода, возникла обязанность кровной мести»³³². По чеченскому адату, «все личные обиды и важнейшие преступления, как-то: убийство, насилие» не подлежали судебному разбирательству³³³. Согласно обычаю «канлы», родственник убитого должен был убить убийцу или кого-либо из его родных. Со своей стороны те мстили за кровь кровью³³⁴. В отпущении за сородича участвовали все члены тайпа. У. Лаудаев свидетельствовал: «Некто Ногай-Мирза, Чермоевской фамилии, проезжал верхом через один аул. Он увидел растрепанную женщину, бежавшую с криком и воплем от мужчины, преследовавшего ее с обнаженным кинжалом. Женщина вопила: «Меня убивают безвинно; неужели не осталось на земле ни одного моего брата, чермоевца, который защитил бы невинную сестру». Ногай-Мирза подскакал к ней и сказал: «Чермоевцы еще живы, шашки их не притупились», — и, выхватив из ножен шашку, убил гнавшегося за женщиной»³³⁵. «Есть много подобных рассказов, в которых фамильные братья подвергаются опасностям, не щадя своей жизни во имя взаимной помощи»³³⁶, утверждал У. Лаудаев. Решение о мести принимал совет старейшин. Потерпевшая и виновная стороны редко приходили к соглашению о примирении. В тех случаях, когда оно все же достигалось, без участия «нейтральных тайпов» не обходилось³³⁷.

4. Тайп имел своего предводителя — тхъамада,

338.
Леонтович Ф.И. Указ. соч.,
т. II, с. 82.
339.
Лаудаев У. Указ. соч., с. 24.
340.
Там же.
341.
Леонтович Ф.И. Указ. соч., т. II,
с. 82.
342.
Лаудаев У. Указ. соч., с. 24.
343.
ЦГВИА, ф. 13454, оп. 2, д. 73,
л. 9.
344.
Маркс К. и Энгельс Ф. Собр.
соч., т. 21, с. 88.
345.
Мамакаев М.А. Указ. соч., с. 33.

старейшина. В «Адатах» отмечалось: «Старейший в роде выбирался обыкновенно, чтобы быть посредником или судьей в ссорах родственников; в больших деревнях, где жило несколько токхумов, каждый выбирал своего старика и ссоры разбирались уже всеми стариками вместе»³³⁸. Слова У. Лаудаева о том, что чеченцы «не терпели у себя никакой власти и не выбирали из своей среды предводителей»³³⁹, подчеркивали независимость общинника в чеченском обществе. Когда же речь заходила об управлении тайпом или территориальной общиной (тукхумом), срабатывало правило: «Старший в роде... был отцом фамилии, и наставником, и начальником. В случае спора двух фамилий, старшие в роде советовались, как уладить дело, условились, и никто им не противоречил»³⁴⁰. В более позднее время (вторая половина XIX в.) в чеченских адатах отмечалось некоторое ослабление института старейшины; по Ф. И. Леонтовичу, круг «действий» старейшины «был очень ограничен и власть почти ничтожна», «исполнение его решений зависело от доброй воли тайпа»³⁴¹. Процесс постепенной утраты влияния старейшины, как главы рода, отмечен и У. Лаудаевым: «Суд старшего в фамилии стал уже недостаточным»³⁴². Незаметно функции старейшины переходили к совету старейшин, представлявших несколько тайпов. Одновременно повышалась роль совета старейшин тайпа, а также его военного предводителя. Однако, вплоть до первой половины XIX в. статус старейшины рода был очень высок. Это подтверждается сообщением генерала Энгельгардта о выборах в 1823 г., во время которых «некоторые деревни» избрали себе судей «в виде» тайповых старшин³⁴³.

5. Выбор предводителя-военачальника (бьяча) являлся важным актом в жизни тайпа. В классическом роде, как указывал Ф. Энгельс, выбирали старейшину для мирного времени и вождя в качестве военного предводителя. Последний мог «приказывать что-либо во время военных походов»³⁴⁴. Именно такое место в чеченском тайпе занимал военачальник, пользовавшийся своей властью только во время войны³⁴⁵. Тем не менее общественное влияние военачальника, по-видимому, было значительно, поскольку в Чечне, как и в ряде других районов Большого Кавказа, интенсивно развивалась система набегов: положение военачальника определялось военной демократией, требовавшей высокой организованности и дисциплины, но не позволявшей переступить грань, где начинались господство и подчинение. Желая «резче» подчеркнуть свое равенство с «бьячи», чеченцы называли себя «витязями» или «воинами». В результате не только военачальник имел свое особое название («бьяча»), но и воин, участвовавший в набегах, приобрел в чеченском языке соответствующую номен-

346.

Лебедев Г.С. Конунги-викинги (к характеристике типа ранне-феодалного деятеля Скандинавии). — В кн.: Политические деятели античности, средневековья и нового времени. Л., 1983; Он же: Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.

347.

Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч., т. 21, с. 90.

348.

Лаудаев У. Указ. соч., с. 25.

349.

Леонтович Ф.И. Указ. соч., т. II, с. 83.

клатуру — «конахи». По У. Лаудаеву, «конахи» не соответствовал ни русскому «молодец», ни кумыкскому «игит», «джигит». На наш взгляд, «конахи» представлял собой не только военную, но и социальную фигуру, из которой вырастал «бьячча». Обращает на себя внимание также некоторое фонетическое сходство «конахи» с древним норвежским «конунг» и общескандинавским «конанга» эпохи викингов³⁴⁶, обозначавшим «военный вождь», высший представитель родовой знати.

6. Каждый тайп имел свой совет старейшин — один из важных признаков демократизма в управленческой организации рода. Совет был верховной властью в роде. В функции его входили выборы и смещение предводителя рода и военачальника, принятие решения о кровной мести или о выкупе и т. д. Все члены совета имели равные права. Однако, в отличие от ирокезского рода, в совете старейшин тайпа могли участвовать только мужчины. К обсуждению тайповых дел допускался любой член рода, имевший право на выражение своего мнения. В этом отношении заседание совета старейшин напоминало демократическое собрание³⁴⁷, о котором писал Ф. Энгельс. В чеченском тукхуме, однако, при решении важных дел последнее слово оставалось только за выборными членами совета. После собрания и вынесенного решения «старики, — по описанию У. Лаудаева, — возвращались домой, объявляли фамилиям изустно свои постановления и заставляли их клясться свято исполнять их»³⁴⁸.

Подобная процедура имела очень давнее происхождение: она вошла в обиход чеченского языка под названием «эдиль или адиль», что означало «постановление совета старейшин».

В XVIII — первой половине XIX в. в общественной жизни чеченцев возросла роль совета старейшин. Объяснялось это усложнением социально-политической жизни чеченского общества. В конце XVIII — начале XIX в. совету старейшин и демократическому собранию все чаще приходилось решать вопросы (переселение с гор на равнину, создание нового поселения, набеги, религиозные и др.), вызывавшие бурные обсуждения. В. И. Голенищев-Кутузов писал: «Беспорядочно сзывался народ на эти чеченские веча: кто-нибудь из жителей, задумавши потолковать о важном деле, влезал на кровлю мечети и оттуда созывал народ... Праздные сбегались на его голос, им скоро следовало все мужское народонаселение деревни, и таким образом на площади перед мечетью составлялась мирская сходка. Когда предложение, делаемое виновником собрания, не было достойно внимания, толпа скоро расходилась без негодования на нарушителя общественного покоя»³⁴⁹. По оценке В. И. Голенищева-Кутузова, подобное демократиче-

350.

Там же.

351.

Мамакаев М.А. Указ. соч., с. 35.

352.

Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч., т. 21, с. 89.

353.

Мамакаев М.А. Указ. соч., с. 35.

354.

Там же.

355.

Лаудаев У. Указ. соч., с. 16.

356.

Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч., т. 21, с. 89.

357.

Там же.

358.

Там же.

359.

Мамакаев М.А. Указ. соч., с. 35.

360.

Леонтович Ф.И. Указ. соч., с. 99.

361.

Там же.

362.

Леонтович Ф.И. Указ. соч., с. 100.

363.

Там же.

ское собрание являлось для Чечни «единственной основой всего благоустройства»³⁵⁰.

7. Усыновление посторонних лиц, принятие в тайп нового члена — право, которому мог следовать чеченский род³⁵¹. В классическом роде, как правило, не убивали военнопленного; один из родов мог усыновить его, и тогда он приобретал «все права рода и племени»³⁵². Принятие в род, как отмечал Ф. Энгельс, происходило торжественно. То же — в чеченском тайпе: здесь во время торжеств вступающий в тайп обязан был зарезать быка. На принятого в тайп, однако, не переносилось название рода, принявшего его. На него продолжал распространяться признак этнической принадлежности, по которому чаще всего давалась фамилия. Если же в тайп принимался человек чеченского происхождения, фамилия последнего образовывалась от имени его ближайшего предка³⁵³.

8. Каждый тайп имеет свое имя, полученное от предполагаемого родоначальника и принадлежащее ему одному³⁵⁴. В давние времена, когда предводитель искал место жительства для членов своего рода, по названию занятой земли именовали и самого предводителя. Как родоначальник тайпа он превращал свое имя в фамилию³⁵⁵. Ф. Энгельс отмечал: с родовым именем неразрывно были связаны и родовые права³⁵⁶.

9. Переход имущества умершего к членам тайпа. У ирокезов имущество умерших переходило к их сородичам, так как оно должно было остаться внутри рода³⁵⁷. По Ф. Энгельсу, ввиду незначительности предметов, которые мог оставить после себя ирокез, его наследство делили между собой его ближайшие сородичи³⁵⁸. В чеченском тайпе оставленное умершим имущество делили между собой «члены его семьи и ближайшие сородичи»³⁵⁹. В «Адатах», опубликованных Ф. И. Леонтовичем, содержатся записи норм права, относившиеся к более поздней практике наследования. Существенное различие их от ранее действовавших состояло в том, что адат «работал» теперь уже «совместно с шариатом» в результате утверждения «смешанного законодательства»³⁶⁰. И все же в порядке наследования традиции тайпа были столь устойчивы, что шариат, предусматривавший иные нормы наследования, часто уступал адатным положениям³⁶¹. Поэтому В. И. Голенищев-Кутузов фиксировал: «В Чечне, где почти нет понятия о личной недвижимой собственности, домашнее имущество, временно приобретенное трудом каждого из членов семьи, должно поровну делиться между ними»³⁶². Это рождало «естественное право» сыновей поровну наследовать имущество отца. Если не оказывалось прямых наследников, наследство покойного переходило в «боковые линии рода»³⁶³. Как и в рим-

364.

Там же, с. 99.

365.

Там же.

366.

Мамакаев М.А. Указ. соч., с. 35.

367.

Там же.

368.

Там же, с. 36.

369.

Там же, с. 37.

370.

Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч., т. 21, с. 90.

371.

«П». Заметки о Чечне и чеченцах..., с. 255.

372.

Там же, с. 254.

373.

Там же.

374.

Косвен М.О. Указ. соч., с. 23.

375.

Там же.

ском и греческом роде, где господствовало отцовское право, в чеченском тайпе потомство по женской линии исключалось из наследования: «адат устраняет их (дочерей — *ред.*) от дележа имения»³⁶⁴. Позже, с введением шариата, дочь могла получить третью долю наследства, достававшегося брату³⁶⁵. Такой порядок, однако, приживался не сразу и не без труда. Об этом писали В. И. Голенищев-Кутузов, а в советское время — М. А. Мамакаев, подчеркивавший: «Право, по которому имущество должно оставаться в роде и делиться между родичами умершего собственника, у чеченцев сохранялось долгое время»³⁶⁶.

10. Тайп занимает свою особую территорию и имеет тайповую гору³⁶⁷.

11. Тайпу принадлежит тайповая башня, возведенная его родоначальником. Наличие такой башни позволяло людям считать себя коренными жителями страны вейнахов³⁶⁸.

12. Тайп имеет свое божество и определенные культовые обряды³⁶⁹. Соответствующая родовой общественной жизни языческая вера вплоть до начала XIX в. сохранялась в тайпах в качестве главной религии. В ирокезском роде «...сохемы и военные вожди отдельных родов в силу своей должности причислялись к «блюстителям веры и выполняли жреческие функции»³⁷⁰. Эти функции в чеченском тайпе со временем переходили к главам семей³⁷¹. Вместе с тем имеются сведения о деятельности в Чечне жрецов, «блюстителей веры»³⁷², находившихся под началом «главного жреца»³⁷³, который представлял тайп и его божество.

13. Тайп имел отдельные тайповые кладбища, где хоронили только членов данного тайпа.

Мы остановились не на всех принципах тайпа. Но и другие были столь же или еще более традиционны. Все они, естественно, восходили к родоплеменным отношениям. Однако мы далеки от мысли, что в XVIII — первой половине XIX в. чеченское общество переживало первобытно-родовую стадию, поскольку архаический род, существовавший много тысячелетий назад как реальный общественно-производственный коллектив, давно распался даже в самых отсталых обществах³⁷⁴. В то же время, как подчеркивал М. О. Косвен, «у весьма многих народов мира с исключительной стойкостью сохранился в пережиточном виде и состоянии, вместе с первобытно-общинным укладом, родовой строй»³⁷⁵. Устойчивость родовых отношений являлась характерной чертой горских общественных структур Большого Кавказа. Парадокс состоял в том, что при неодинаковой степени развитости общественных отношений у народов Северного Кавказа фактически не было серьезных различий в общем, так сказать, уровне цивилизации между горскими «вольными» обществами и равнин-

376.

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 154. Схожую мысль высказал Н.А.Бердяев, писавший, что без приливов варварства «в жизни человечества наступает иссечение энергии, застывание». (Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990, с. 149—150).

377.

Саидов И.М. Указ. соч., с. 161.

ными районами, где в XVIII — первой половине XIX в. бесспорно существовал феодализм. Утверждая так, мы имеем в виду исторический опыт хозяйствования, состояние орудий труда, духовную культуру и этническое самосознание и т. д. Различия в организации общественной жизни, ее социальной структуре, безусловно имевшиеся между ними, объяснялись заметным «перепадом» природно-экологических условий. Господствовавшее в горных и высокогорных районах малоземелье сдерживало процессы накопления частной собственности, а это, в свою очередь, влияло на темпы общественного развития. В результате, достигнув в общественной организации переходного состояния, «вольные» общества, в том числе тайповая Чечня, по своей экономической слабости длительное время лишались возможности выйти на новые уровни формационных процессов. В этих обществах «скапливалась» высокая социальная энергия, придававшая любым общественным переменам особую остроту. В XVIII — первой половине XIX в., когда «вольные» общества Дагестана и тайповая Чечня вступили в стадию феодализации, они обнаружили значительно большую социальную мобильность, чем равнинные районы Северного Кавказа со сложившимся феодализмом. Благодаря этому «вольные» общества стали для феодальных регионов обновляющей социальной силой. Это явление не следует рассматривать как некий исторический феномен. Подобное, как известно, уже случалось. В свое время у германцев, достигших того же уровня формационного развития, что и «вольные» общества Большого Кавказа в XVIII — первой половине XIX в., образовался мощный социальный потенциал, предотвративший «закат Европы». На вопрос «Что же это было за таинственное волшебное средство, при помощи которого германцы вдохнули умиравшей Европе новую жизненную силу?» Ф. Энгельс отвечал: «...омолодили Европу не их специфические национальные особенности, а просто их варварство, их родовой строй»³⁷⁶. В свете этого попытки отрицать значение тайповых отношений в чеченском обществе XVIII — первой половины XIX в. с научной точки зрения малопродуктивны: именно в таком контексте следует понимать призывы к «очень осторожному» употреблению терминов «патриархально-родовые», «тайповые» отношения³⁷⁷. Поиски в чеченском обществе кануна Кавказской войны не свойственных ему формационных отношений мешают научному восприятию конкретной исторической реальности, социальной сути этого общества.

Тайповые отношения, к первой половине XIX в. еще не «поврежденные» экономикой России, представляли собой не второстепенный, а господствующий уклад в общественно-экономической жизни че-

378.
Саламов А.А. Указ. соч., с. 203.

379.
Филькин В.И. Некоторые особенности и трудности в развитии колхозного строя в Чечено-Ингушетии в предвоенные годы и борьба партийной организации за их преодоление. — Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1964, с. 212 и др.

380.
Лаудаев У. Указ. соч., с. 14.

381.
Мамакаев А.А. Указ. соч., с. 28.

382.
Лаудаев У. Указ. соч., с. 14.

ченцев. Существенные перемены в социальном облике Чечни произойдут позже, под влиянием Кавказской войны, а затем — капиталистической экономики России. Но и в эти сложные для Чечни времена тайп, как система социальных отношений, упорно сопротивлялся новому. Не случайно, что в форме уклада тайповые отношения сохранялись вплоть до 30-х гг. XX в., когда в ходе коллективизации мелкие тозы возникали по тайповому принципу или «кубам»: аул Шали, например, делился на 10 «кубов», каждый из которых объединял по 300—350 индивидуальных хозяев; «кубы» создавались по принадлежности к одному тайпу или гару³⁷⁸. Наличие в Чечне тайповых колхозов и даже райкомов партии — весьма экзотическое свидетельство прочности тайпового общественного уклада³⁷⁹.

Мысль о решающем значении тайповых отношений в социальной организации Чечни XVIII — первой половины XIX в. являлась главной у У. Лаудаева. «Жизнь чеченского народа, — утверждал он, — была тесно связана с его семейными отношениями, а потому на связь их семейств нужно обратить особенное внимание»³⁸⁰. В советское время эту точку зрения высказывал М. А. Мамакаев, считавший, что у чеченского тайпа, как у рода, единственной «юридической» нормой, регулировавшей его жизнь, была традиция, обычное право³⁸¹. Это не означало, однако, что в XVIII — первой половине XIX в. чеченское общество являлось «социально гармоничным». Напротив, как общество переходной экономики, оно стало динамичным, с тенденциями к разрыву с «извечным» равенством. Относительная «гармония», соблюдавшаяся внутри тайпа, чаще нарушалась за его пределами, во взаимоотношениях между тайпами. Так, принцип справедливого распределения тайпового поля между членами тайпа, как правило, нарушался в межтайповых земельных отношениях: сильные тайпы брали верх над слабыми, захватывали большие и лучшие участки земли. В результате отдельные тайпы обезземеливались, «жили до времени на чужой земле, т. е. были в гостях, по-чеченски хамалгабяхкема»³⁸². Создавалась ситуация, когда многие тайпы выжидали «случая для приобретения земли»: при этом допускались самые различные средства — покупка, применение оружия или тяжбы. Первое «социальное неравенство», возникавшее в чеченском обществе — тайпы с землей и безземельные. Нет данных о численности безземельных тайпов, но свидетельством их наличия являлось социальное обозначение в языке — махк-бацу.

В XVIII — первой половине XIX в. в сфере земельных отношений в чеченском обществе наметилось углубление имущественного неравенства главным образом из-за переселенческого движения, в ходе кото-

383.

Там же, с. 23.

384.

Мамакаев М.А. Указ. соч., с. 45.

385.

Лаудаев У. Указ. соч., с. 15.

386.

Там же.

рого сильным тайпам удавалось не только занять участки земли на равнине, но и сохранить принадлежавшие им пашни и покосы в горах. Такой возможности не было у слабых тайпов, подчас не имевших своей земли на родине. На почве возникавшего неравенства между чеченскими тайпами росли социальные противоречия. У. Лаудаев отмечал: «Сильные фамилии обижали слабых; эти же, мстя им тайно и явно, только увеличивали беспорядок и вели к новым преступлениям»³⁸³. Имущественное неравенство и социальные противоречия между тайпами на почве земельных отношений были замечены и другими исследователями, например, М. А. Мамакаевым: «Яблоком раздора, — писал он, — уже в ту пору была прежде всего земля, вокруг нее разгорались главные бои»³⁸⁴. В Чечне противоборствовали не социальные группы, — их еще не было, а тайпы, и эта особенность отражалась на характере консолидации сил в чеченском обществе. С целью противодействия сильным тайпам между собой объединялись слабые или же слабый тайп присоединялся к сильному, прося покровительства и защиты³⁸⁵. Социальные последствия подобного размежевания сил были неоднозначны — усугублялись межтайповые раздоры, ускорялись переходные процессы. Возникали не только союзы слабых тайпов для противостояния сильным, но и объединения слабых с сильными тайпами, внутри которых простое покровительство уступало место системе господства и подчинения. Эти явления столь осложняли общественную жизнь Чечни, что сильные тайпы чувствовали социальную «неуверенность» не меньше, чем слабые: стремление удержать свои позиции, толкавшее на межтайповую междоусобицу, создавало напряженность и для сильных тайпов. У. Лаудаев отмечал: «Совокупясь из разных элементов, фамилии соревновались между собою, не позволяя некоторым возвышаться над народом. По различным причинам некоторые личности иногда выдвигались вперед; с возвышением подобного лица и фамилия его приобретала влияние в народе; тогда прочие, завидуя ей, усугубляли свои силы для низведения такого лица и его фамилии в общий разряд»³⁸⁶. «Механизм» сдерживания поступательного развития чеченского общества к классовым отношениям срабатывал не только в отношении личностей, стремившихся к статусу родовой знати, но и отдельных богатевших хозяйств. Так, у чеченцев действовал обычай («байталвакхар»), согласно которому при превышении в одном хозяйстве средней нормы численности скота старейшина рода созывал совет для обсуждения вопроса об излишках скота у одного из членов рода. Если совет подтверждал этот факт, то в определенный день собирались члены рода и делили между собой все имущество разбогатевшего ското-

387.

Моргошвили Л. Ю. К вопросу о переселении вайнахов на территории Грузии. — Грузино-северокавказские взаимоотношения. Тбилиси, 1981, с. 131.

388.

Ахмадов Ш.Б. К вопросу о социальных отношениях..., с. 56; его же: Об истоках антифеодального и антиколониального движения горцев в Чечне в конце XVIII в. — Известия ЧИНИИ, 1974, т. 5, ч. 3, с. 69.

389.

Кушева Е.Н. Некоторые особенности генезиса феодализма..., с. 182.

390.

Лаудаев У. Указ. соч., с. 16.

391.

Там же, с. 15—16.

вода, при этом оставляя долю и самому хозяину³⁸⁷. Однако подобные меры, предусмотренные обычным правом, при оживлении экономической жизни, наблюдавшейся с конца XVIII в., не в состоянии были остановить начавшийся общий процесс социальной дифференциации, затрагивавшей не только межтайповые отношения, но и неумолимо проникавшей во внутреннюю жизнь тайпа. В Чечне, как и повсеместно на Большом Кавказе, ряды родовой знати пополнялись прежде всего из числа старшин и военачальников, общественное положение которых выгодно отличалось от других общинников. Источником их силы, впрочем, как в целом — формирования родовой знати, служили, в первую очередь, набеги и военная добыча: здесь немаловажное значение имели привилегии старейшин и военачальников, получивших исключительное право в распределении этой добычи. Тезис о росте частной формы собственности на землю за счет «повышения производительности труда» и «сопряженного с ним развития товарных отношений» не применим к горной Чечне; да и мысль об имущественном и социальном расслоении общинников на базе частного землевладения можно принять лишь частично³⁸⁸.

Таким образом генезис социальных сил шел в русле двух параллельных процессов: с одной стороны, выделение сильных, богатых родов — тайпов или целых тукхумов и упадок слабых, с другой — возвышение родовой верхушки, старейшин тайпов и патронимий³⁸⁹. Однако это были процессы разной интенсивности; более трудными и замедленными оказывались социальные сдвиги внутри тайпа, где родовые порядки проявляли большую жизнестойкость. В целом же в чеченском обществе успели сформироваться два социальных слоя — родовая знать, выделившаяся главным образом из среды сильных тайпов, и рядовые общинники. Противоречия, наблюдавшиеся в Чечне в XVIII — первой половине XIX в., возникали главным образом между этими двумя общественными силами. Устное народное творчество чеченцев донесло до нас эпизоды этой борьбы. В преданиях, например, сообщается: «владельческие» вожаки тайпа Кирдоевцев принуждали представителей из тайпа Никароевцев пасти табуны своих коней. Раз за одну ночь молодые люди Никароевцев «истребили всех коней Кирдоевцев, не желая более терпеть такое унижение»³⁹⁰. Подобные межтайповые отношения восходили, по-видимому, и к более ранним периодам истории Чечни. По У. Лаудаеву, «общество чеченского племени, состоя из множества фамилий, искони между собою чужды единодушия»³⁹¹. Однако особую остроту межтайповая борьба стала принимать с XVIII в., с оживлением в экономической жизни Чечни; к этому времени относились слова У. Лаудае-

392.

Там же, с. 16.

393.

Ахмадов Ш.Б. К вопросу о социальных отношениях в Чечено-Ингушетии в XVIII в. ..., с. 51.

394.

Исаева Т.А. и Исаев С.А. Вопросы истории сельской общины чеченцев и ингушей..., с. 52.

395.

Тавакалян И.А. О классах и классовой борьбе..., с. 72.

396.

Там же.

397.

Кушева Е.Н. О некоторых особенностях генезиса феодализма..., с. 182.

ва: «Из этого неединодушия чеченских обществ проистекала ничтожность политического значения их страны»³⁹². Делая столь грустное заключение, У. Лаудаев не подозревал, что в раздорах чеченских тайпов рождались революционные силы, подрывавшие тайповые связи и открывавшие путь в классовое общество. Происходившие в Чечне события, однако, являлись лишь предтечей классовой борьбы: здесь еще не было ни классов, ни, естественно, самой классовой борьбы.

В контексте сделанных выводов вернемся к современным историографическим фактам. Вновь напомним, что в последние годы все чаще высказывается мнение о феодализме, якобы сложившемся в Чечне к XVIII в. К чеченскому обществу стали применять социальные термины, чуждые его структуре: например, «чечено-ингушские князья, феодалы, владельцы, почетные и влиятельные старшины, знатные уздени, богатые люди» — это не только перечень «социальных групп» Чечни XVIII — первой половины XIX в., но, по мнению Ш. Б. Ахмедова, и «не что иное, как феодальная и феодализирующаяся верхушка чечено-ингушского общества»³⁹³. Эту точку зрения разделяют Т. А. Исаева, С.-А. Исаев³⁹⁴ и др. Н. А. Тавакалян также склонен полагать, что первое крупное разделение общества на два класса — господ и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых — путь, по которому «шло к рабству и чечено-ингушское тайпо-родовое общество»³⁹⁵, «социальные верхи разными путями обращали людей в рабов»³⁹⁶. В современной чечено-ингушской историографии нет, пожалуй, автора, который, обращаясь к социальной структуре Чечни XVIII в., не искал бы в ней классов и классовой борьбы. Возражая подобным суждениям, напомним еще и о том, что в чеченском языке нет слов, терминов, общественно-понятийных выражений, указывавших на наличие в чеченском обществе феодальной социальной структуры. В языковом обиходе были два социальных термина — «уздэн» (общинник) и «лай» (пленник, раб). Упоминающиеся в русских источниках «чеченские князья» — это кабардинские и кумыкские феодалы, к которым подсеялось чеченское население, одновременно покидавшее горы. Российские администраторы не знали в чеченских «землицах» (тайпах) «владельцев», «владельческих феодалов», они писали о «начальных людях», «выборных лучших людях», являвшихся, по оценке Е. Н. Кушевой, старейшинами тайпов³⁹⁷. Напомним: чеченские поселения ни в горной полосе, ни на равнине не создавались по феодальному признаку, т. е. по имени какого-то чеченского «владельца» или «князья». Они были известны по тайповым названиям: например, кабак Шибутских людей, Тумцов кабак и т. д. Позже появились поселения с назва-

398.

Там же, с. 185.

399.

Броневский С. Указ. соч., т. II, с. 180—181.

400.

Тавакалян Н.А. Указ. соч., с. 75.

401.

Робакидзе А.И. Указ. соч., с. 22.

ниями, происходившими от собственных имен: Уйшев кабак, Дикоева деревня и т. д. — по именам чеченских тайповых старшин³⁹⁸. Попытки увидеть в термине «чеченские старшины» социальный синоним «чеченских феодалов» также требует пояснения: в переписке и делопроизводстве российской администрации XVIII в. складывалась традиция — представителей малых народов Кавказа, главным образом горцев, с которыми власти вступали в деловые контакты, называть «старшинами». Русские администраторы, для которых термин «старшина» не нес строго «отмеренной» социальной нагрузки, могли назвать кабардинского феодала «старшиной» — так же, как главу чеченского тайпа или тукхума. Подобное «произвольное» употребление одного и того же социального понятия к лицам разного «общественного статуса», понятно, не должно вводить в заблуждение исследователя. Что касается «рабовладения», то для Чечни и других районов Большого Кавказа эта формация была явно чуждой. Рабы — «лай» в Чечне, о которых подчас идет речь при обсуждении социальной структуры чеченцев, — не что иное, как военная добыча, доставшаяся бячки после набегов. Пленных (рабов — «лай») чеченцы, как правило, продавали, оставляя у себя лишь незначительное их число. По С. Броневскому, чеченцы, занимавшиеся набегам, делили пленных на три «разряда»: пленники из состоятельных родов или семей (за них рассчитывали получить хороший выкуп); пленники простого происхождения (их продавали на сторону как «товар»); старики или люди с увечьями. Лишь последний разряд пленников, не обещавший денежной или товарной выгоды, оставляли у себя. Современник писал, что в Чечне «неполноценных» пленников «определяют в пастухи, которые, обжившись там, нередко женятся и остаются на всегдашнее жительство»³⁹⁹. Н. А. Тавакалян приводил данные, согласно которым после реформы 60-х гг. XIX в. в Чечне оказалось всего до 300 рабов, подлежащих освобождению. Понятно, столь мизерное применение рабского труда не могло существенно изменить хозяйственной и социальной организации чеченских тайпов и повлечь за собой рабовладельческий путь их развития. Мысль о «пережитом процессе зарождения рабовладения» в Чечне⁴⁰⁰ представляется неубедительной и по другой причине. А. И. Робакидзе, аргументируя тезис о домашнем характере рабства на Большом Кавказе, пояснял, что речь идет о применении рабского труда в «обществе, где свободные сосуществуют со специфической категорией зависимых, часть которых составляют пленники, поставленные в положение раба с перспективой их последующего закрепления на земле»⁴⁰¹.

Таковы новейшие историографические направле-

ния решения проблемы. Два главных и очевидных их недостатка — необеспеченность фактическими данными и «подгонка» под «чужие» модели общественной организации — не открывают, на наш взгляд, сколько-нибудь серьезных научных перспектив.

Общественный строй «демократических» племен Северо-Западного Кавказа

Северо-Западная часть Кавказа населялась в основном адыгскими племенами. Численно горцы («демократические» племена) — шапсуги, абадзехи, натухайцы превосходили жителей равнины («аристократические» племена) — кабардинцев, бесленеевцев, бжедугов, хатукайцев и др. Оценка общественного строя первых разноречива, вторых — однозначна: господство феодальных отношений. Не касаясь «аристократических» племен, прямо не вовлеченных в Кавказскую войну, остановимся на спорных аспектах социальной организации «демократических» племен, ставших очагом мюридизма на Северо-Западном Кавказе.

Краткая история вопроса

Историография проблемы общественного строя «демократических» племен в советском кавказоведении начиналась с М. Н. Покровского. Как известно, его взгляды в последние годы жизни и творчества во многом определялись марксистским положением о роли классовой борьбы в истории.

Верная методологическая установка, однако, была в значительной степени воспринята механически. Во всяком случае применение ее к социальным явлениям «демократических» племен, где еще только обозначились классовообразовательные процессы и где классовая борьба не могла достичь того значения, которое отводится ей в развитии социального прогресса, явно вело ученого к ошибочным идеям. Примером этому может служить объяснение М. Н. Покровским так называемого «общественного переворота», происшедшего в «демократических» племенах в конце XVIII в.: «в земле шапсугов... господство дворян было совершенно свергнуто... Пример шапсугов так подействовал, что у абадзехов и натухайцев подобная же демократизация общества произошла без всякой революции»⁴⁰². Поступательное развитие черкесского общества представлялось как некая его постепенная (но обязательная!) демократизация. «У черкесов, — писал М. Н. Покровский, — аристократический строй мало-помалу уступал место де-

403.

Там же.

404.

Раенко-Туранский Я.Н. Адыге до и после Октября. Краснодар, 1927, с. 20—21.

405.

Скитский Б.В. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972, с. 142—143.

406.

Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1957, т. I, с. 169.

407.

Токарев С.А. Этнография народов СССР. М., 1958, с. 254.

408.

Покровский М.В. Адыгейские племена в конце XVIII — первой половине XIX века. КЭС, 1958, т. II, с. 109—110.

мократии»⁴⁰³. Свободных общинников — фокотлей, составлявших основную массу «демократических» племен, он сравнивал с западноевропейским «третьим сословием». Идеи М. Н. Покровского получили широкое распространение в советском кавказоведении. Так, Я. Н. Раенко-Туранский в 1927 г. писал уже о том, что черкесское общество конца XVIII в. знало «зарождение торгового капитала», противоречия между феодалами и торговым капиталом; события Бзюкской битвы 1796 г., связанные с «общественным переворотом», у Я. Н. Раенко-Туранского рассматривались как «революция», подготовившая черкесов к переходу от племени к нации⁴⁰⁴. По существу, в духе М. Н. Покровского писал и Б. В. Скитский, признавший господство феодализма у западных (горных) черкесов, разделенных на князей и дворян (уорки), с одной стороны, и простой «свободный» народ (фокотли) — с другой. В то же время, по Б. В. Скитскому, под влиянием классовой борьбы в конце XVIII в. «сила феодалов у западных черкесов ослабевала» и в конечном счете «княжеская власть у этих племен совсем пресеклась»⁴⁰⁵.

Е. С. Зевакин впервые в советском кавказоведении стал рассматривать общественный строй «демократических» племен XVIII — начала XIX в. как переходную стадию от родовой формации к феодальной. На широкой базе источников он обрисовал процесс распада черкесского рода и образования привилегированной родовой знати⁴⁰⁶. Об этом же, но более обще, писал советский этнограф С. А. Токарев, отметивший, что «демократические» адыги «как бы задержались на стадии патриархально-родового строя»⁴⁰⁷. Проблема хозяйственного и общественного строя «демократических» племен обстоятельно исследовалась М. В. Покровским, по мнению которого в XVIII — первой половине XIX в. у этих племен «родовые отношения... находились уже в стадии разложения, шел процесс складывания феодализма»⁴⁰⁸. Вместе с тем он обращал внимание на различия в темпах феодализации, зависевших от географических условий, на устойчивость общины и ее институтов. По мысли ученого, стержнем общественного строя западных адыгов была сельская община на раннем этапе развития, когда в отношениях земельной собственности элементы более древней родовой общины еще сочетались с элементами сельской. Именно эта примета общественной жизни «демократических» племен и позволяла М. В. Покровскому оценивать западноадыгское общество как переходное. При этом он ссылался на указание К. Маркса об общине переходного типа, где индивидуальное пользование землей комбинируется с общей собственностью, и поэтому такие общины носят на себе печать своего происхождения; они находятся в со-

409.

Там же, с. 138.

410.

Фадеев А.В. Россия и Кавказ..., с. 300.

411.

Кушева Е.Н. О некоторых особенностях..., с. 188.

412.

Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа..., с. 148 и др.

413.

См. Гарданов В.К. Общественный строй...

414.

Там же, с. 22.

415.

Там же, с. 328.

416.

Там же, с. 125—126.

417.

Там же, с. 240—251.

стоянии переходном от общины более архаической к земледельческой⁴⁰⁹.

А. В. Фадеев в сущности разделял точку зрения М. В. Покровского⁴¹⁰. Однако исследователь, занятый проблемой политического развития Кавказа, лишь попутно высказывал суждения об уровне социальной структуры адыгов. К тому же А. В. Фадеев не всегда проводил грань между общественными организациями горных и равнинных адыгов. Поэтому оценка социального строя «аристократических» племен формально проецировалась на «демократические» племена, а это, в свою очередь, обуславливало «завышение» уровня феодализации западноадыгского общества. От этого недостатка не свободны и работы Е. Н. Кушевой. События 1796 г. в Бзюко-Зауо Е. Н. Кушева также подняла на уровень «классовой борьбы» и сравнивала их с восстанием 1760 г. кабардинских крестьян-общинников против засилья местных феодалов⁴¹¹. Тем не менее исследователь, трактовавший социальные отношения у адыгейских племен как раннефеодальные с устойчивым патриархально-родовым укладом, значительно расширил источниковую базу, дающую возможность судить о путях формирования социальной структуры адыгского общества⁴¹².

Фундаментальной по охвату источников, литературы и научному замыслу является монография В. К. Гарданова⁴¹³. В отличие от многих, автор отказывается применительно к адыгам от термина «племя» и употребляет понятие «народность», подчеркивая тем самым феодальный характер адыгского общества. Развивая эту мысль, В. К. Гарданов считает кабардинцев и темиргоевцев ядром формировавшихся в первой половине XIX в. адыгских народностей, а натухайцев, шапсугов и абадзехов — «демократических» племен относит к «основной базе» процесса сложения этих народностей⁴¹⁴. Что касается общественного строя «демократических» племен, то концепция В. К. Гарданова заключается в следующем: у этих племен, как и у «аристократических», «общество делилось на два основных антагонистических класса — феодалов (уорков) и крестьян (пшитль)». Даже после «общественного переворота» конца XVIII в., когда, по утверждению большинства исследователей, «феодализм» уступил «демократии», у «демократических» племен, на взгляд В. К. Гарданова, «продолжали существовать крепостное право и феодальная эксплуатация»⁴¹⁵. В. К. Гарданов, упрекавший М. В. Покровского в недооценке ведущей роли феодальных отношений у адыгов⁴¹⁶, разделял мнение о Бзюкской битве («общественном перевороте») как о классовом столкновении, обычном для феодальной эпохи⁴¹⁷.

В подобном понимании сути социальной структуры

418.
Народы Кавказа. М., 1960, т. I,
с. 209.
419.
Косвен М.О. Этнография и исто-
рия Кавказа. М., 1961, с. 21.
420.
Лавров Л.И. Указ. соч., с. 14.
421.
Там же, с. 14—15.
422.
Джимов Б.М. Общественный
строй..., с. 24.
423.
Меретуков М.А. Семейная об-
щина у адыгов..., с. 247, 265.

и характера «классовой» борьбы «демократических» племен В. К. Гарданов расходился не только со сво-
ими предшественниками, но и с теми, кто изучал
проблему одновременно с ним. Так, М. Г. Аутлев и
Е. С. Зевакин настаивали на необходимости разли-
чать социальную организацию «аристократических»
и «демократических» племен, исходя прежде всего
из географических условий. По мнению этих авто-
ров, население горной и отчасти предгорной полосы
(абадзехи, шапсуги и др.) не знало княжеской вла-
сти и управлялось в одних случаях выборными стар-
шинами, в других — мелкой знатью (оркь, условно
переводимое «дворяне»), стремившейся превратиться
в настоящих князей. По заключению М. Г. Аутлева
и Е. С. Зевакина, «демократические» племена пред-
ставляли собой «сумму независимых сельских об-
щин»⁴¹⁸. Этот взгляд в известной мере разделял и
М. О. Косвен⁴¹⁹.

Общие и частные вопросы общественного строя
адыгов ставил Л. И. Лавров. Он подчеркивал свое-
образие представлений горцев о формах собствен-
ности на землю. Ссылаясь на К. Ф. Сталю, автора
XIX в., и отмечая, что у адыгов «о продаже земли,
передаче ее в наследство, уступке за калым не было
никогда речи», Л. И. Лавров предостерегал историков
от искушения оценивать горский феодализм по евро-
пейским меркам, порождающего идею, «будто глав-
ное в феодализме — это феодальная собственность
на землю»⁴²⁰. Экономическая мощь господствующего
класса, по мысли Л. И. Лаврова, не всегда и не везде
базируется на землевладении, немалую роль здесь
играли военная добыча, торговые пошлины, дань
и т. д.⁴²¹ Впрочем, тезис автора о «феодализме без
земельной собственности» остался без аргументации.
Он симптоматичен лишь как отражение того, сколь
противоречивы представления кавказоведов об одной
и той же проблеме. В свете высказанной Л. И. Лав-
ровым идеи более перспективным следует признать
подход Б. М. Джимова. Он обращает особое внима-
ние на господствовавшие у адыгов формы земельной
собственности. По его мнению, в дореформенной
Адыгее эта собственность была представлена в виде
«фамильной, семейной и индивидуальной». В первые
десятилетия XIX в. еще преобладала фамильная (ро-
довая) собственность, устойчивость которой, как по-
лагает Б. М. Джимов, объяснялась прочностью об-
щины⁴²². Ценные данные о характере этой общины,
ее месте в общественной организации адыгов опу-
бликовал М. А. Меретуков. Согласно им, в шапсугской
общине патронимическая семья была приспособлена
к скотоводческому типу хозяйства, где «личная соб-
ственность не могла превратиться в частную, так как
этому мешали господствовавшие в ней патриархаль-
но-родовые традиции»⁴²³. Принципы родовой органи-

424.

Коджесау Э.Л. К вопросу о сельской общине у адыгов в XIX — начале XX века. — Там же.

425.

Коджесау Э.Л. Указ. соч., с. 270.

426.

Там же, с. 279.

427.

Там же, с. 280.

428.

Жуков Е.М. Указ. соч., с. 50.

429.

Меликишвили Г.А. К вопросу о характере древних закавказских..., с. 10.

зации, занимавшие значительное место в общественной жизни адыгов, подвергнуты научной реконструкции в работе Э. Л. Коджесау⁴²⁴. По его сведениям, в адыгской сельской общине сохранились такие родовые устои, как стремление родов поселиться на одной территории, совместная обработка земли, одновременное начало и окончание сельскохозяйственных работ и т. д.⁴²⁵. Полевыми исследованиями Э. Л. Коджесау подтверждает распространенность среди адыгов союзов родов, члены которых вели свое происхождение от одного предка. В таких союзах главной функцией являлась хозяйственная. Э. Л. Коджесау отмечает также наличие у адыгов союзов родовых общин, где кровно-родственная близость считалась необязательной⁴²⁶. Это были союзы ослабевших родов с сильными, созданные в целях войны и обороны⁴²⁷.

Приведенная научная информация, опубликованная местными исследователями, несомненно подкрепляет новыми аргументами ранее высказанную концепцию М. В. Покровского, Е. С. Зевакина, М. Г. Аутлева и др. о переходном характере адыгского горского общества, о его развитии по пути феодализации. Однако здесь еще немало сложных задач. В том числе и такая, как объяснение сущности пресловутого «общественного» переворота конца XVIII в., освещаемого всеми без исключения историками как «классовая борьба» феодальной формации. Нелишне напомнить, что происшедший в 90-х годах XVIII в. у шапсугов, нутхайцев и абадзехов «переворот» не уникален. Он имеет аналогии в ряде горных районов Кавказа, там, где родовые отношения перерастали в феодальные. Такой же природы «общественный» переворот, например, произошел у сванов. Принятие методологически обоснованного положения о бурном, резко конфликтном характере перехода от бесклассового общества к классовому⁴²⁸ могло бы, как нам думается, многое объяснить. Во всяком случае оправданным следует признать взгляд на «общественный» переворот в «демократических» племенах как на борьбу свободных общинников против эксплуататорских поползновений родоплеменной верхушки, носивших длительный и стихийный характер. При другом, традиционном толковании «общественного» переворота у адыгов как возврата от феодализма к «демократическому» устройству логично возникает вопрос: как наиболее примитивные общественные структуры Большого Кавказа, где встречаются подобные «перевороты», могли одержать такую победу, если это не удавалось даже крестьянам «в тех краях, где феодализм на самом деле существовал»⁴²⁹.

430.
Покровский М.В. Указ. соч.,
с. 112.

431.
Леонтович Ф.И. Указ. соч.,
т. I, с. 402.

432.
Там же, с. 418.

433.
Там же, с. 418—419.

434.
Покровский М.В. Указ. соч.,
с. 113.

435.
Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.,
т. 19, с. 404.

436.
Покровский М.В. Указ. соч.,
с. 114.

437.
Там же.

438.
Коджесау Э. Л. Указ. соч.,
с. 279.

439.
Меретуков М.А. Указ. соч.,
с. 247.

Особенности общественной организации

На Северо-Западном Кавказе общественно-экономические процессы, включая Кавказскую войну, при всем сходстве с районами Большого Кавказа, протекали своеобразно. В XVIII — первой половине XIX в. основу организации общественной жизни адыгских племен составляла сельская община («псухо»)⁴³⁰. Это отмечали не только советские, но и дореволюционные историки, указавшие на позднее (первая половина XIX в.)⁴³¹ происхождение территориальной общины и господство в ней родовой организации⁴³². Соотношение «родового» и «территориального» в адыгской общине по Ф. И. Леонтовичу выражалось в следующем: «Община... еще не успела вытеснить из народной жизни старые родовые формы... роды... раздробились по общинам на части, живут разбросанно по разным местам, часто значительно удаленным одно от другого»⁴³³. Подобная «реорганизация» родовой общины в территориальную в столь сжатые сроки (за полстолетие!) не представлялась возможной. Вместе с тем не подлежит сомнению, что именно к этому периоду относится интенсивный процесс формирования территориальной общины. В XIX в. адыгское «псухо», сочетавшее родовые элементы с принципами сельской общины, являло собой общину переходного типа⁴³⁴. Такие общины, как адыгскую, К. Маркс относил к промежуточной стадии между первичной формацией и вторичной⁴³⁵. Подобная оценка особенно применима к так называемым «демократическим» племенам, наиболее отчетливо сохранившим черты древних родовых отношений⁴³⁶. У этих племен группа родственных семей, связанных общим происхождением по мужской линии, составляла род — «ачих», — членов которого объединяла обязанность кровной мести и взаимопомощи⁴³⁷. «Ачих» имел ряд хозяйственных функций: обработка земли, предоставление во временное пользование сельскохозяйственных орудий, решение вопросов о сроках пахоты и сева⁴³⁸. Основной же единицей в социально-экономической структуре «демократических» племен была патронимическая семья. По данным М. А. Меретукова, «большой дом» в шапсугской общине представлял собой хозяйственный и идеологический центр⁴³⁹. Состоявшая из 50 и более членов, адыгская семья отличалась устойчивостью, объяснявшейся скотоводческим направлением хозяйственной деятельности «демократических» племен; для лучшей организации содержания и охраны скота «сохранялся» не только «большой дом», но и создавались «союзы» численно небольших семей. «Большой дом» был тесно связан с «ачих» (родом), традиционными общинами обязан-

440.
Там же, с. 267.
441.
Там же, с. 272—273.
442.
Покровский М.В. Указ. соч.,
с. 115.
443.
Адыги, балкарцы и карачаев-
цы..., с. 210.
444.
Там же, с. 484.
445.
Там же, с. 469.
446.
Там же, с. 484.
447.
Гарданов В.К. Указ. соч., с. 255.
448.
Хан-Гирей. Указ. соч., с. 210.

ностями — взаимопомощью, кровной мстостью, сохранявшимися формами родовой собственности (например, общие мельницы)⁴⁴⁰. Родовое единство давало о себе знать также в сфере землевладения и землепользования. Патронимические семьи у «демократических» племен стремились иметь заделы земли в непосредственной близости от членов своего клана. При совместной обработке земли, широко практиковавшейся у «демократических» племен, объединялись по 4 и более семьи. Такое объединение, называвшееся «эзцей», делило общий урожай посемейно⁴⁴¹. Это не исключало, однако, существование у шапсугов и натухайцев «автономных» семейных земледельческих хозяйств⁴⁴². «Автономность» последних была едва заметна, когда возникали вопросы, входящие в компетенцию общины — раздел земли, использование орудий труда и т. д. Впрочем, и здесь многое оставалось неясным; наряду с родовыми порядками можно было заметить устои индивидуальной семьи. Иначе говоря, патронимическая семья продолжала сохранять с «ачих» тесное единство не только в культурных традициях, но и в реальных производственных взаимосвязях. Наиболее высокой формой общественной организации адыгов являлись «братства» («тлеух»), состоявшие из союзов нескольких родов. В XVIII — первой половине XIX в. многие авторы, непосредственно наблюдавшие жизнь «демократических» племен, указывали на распространенность у них подобных братств. Джеймс Белл, претендовавший на приоритет в описании адыгского «тлеух», называл эти союзы «необыкновенной чертой черкесского общественного строя»⁴⁴³. По его мнению, «тлеух» являлись «правлением Черкесии, и всякое улучшение, которое пожелали бы ввести в это правление, должно быть произведено на основе братств и привить к ним, так как братства глубоко укоренились в привычки и психологию черкесов»⁴⁴⁴. Защита друг друга перед лицом внешней опасности, оказание члену братства материальной помощи, запрещение браков внутри братства, наличие у братства собственного имени или названия — таковы основные принципы, на которых покоился «тлеух» у «демократических» племен⁴⁴⁵. Появление среди адыгов сообществ в виде «братств» Джеймс Белл относил «к очень глубокой древности»⁴⁴⁶. С его «датировкой», подчеркивавшей архаичность адыгского «тлеух», соглашался В. К. Гарданов⁴⁴⁷.

Хан-Гирей связывал возникновение «братств» с «умножением дворянства» среди «демократических» племен; такие «братства», с его точки зрения, создавались «более всего для достижения независимости или вольного состояния и ниспровержения власти господствующего класса»⁴⁴⁸. По Хан-Гирею, тлеух являлся «гробом власти высшего класса во всей За-

449.
Там же, с. 211.
450.
Гарданов В.К. Указ. соч., с. 253.
451.
Там же.
452.
Хан-Гирей. Указ. соч., с. 210—211.
453.
Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе..., т. I, с. 66.
454.
Там же, с. 58.
455.
Адыги, балкарцы и карачаевцы..., с. 483—484.
456.
Коджесау Э.Л. Указ. соч., с. 279.

кубанской Черкесии»; благодаря «братствам» «простой класс» «демократических» племен «достиг до совершенной вольности, пагубной, — как считал Хан-Гирей, — для высшего класса всей Черкесии»⁴⁴⁹.

Советский историк В. К. Гарданов рассматривал адыгские «братства» как кровнородственные организации, фратрии, выросшие из сегментации одного начального рода, и подчеркивал их «широкий демократизм»⁴⁵⁰. В них он находил все основные устои — экзогамию, родовую взаимопомощь, кровную месть и др. — характерные родовой организации общества. Вместе с тем в «братствах» В. К. Гарданов видел «основную ячейку политического объединения адыгского крестьянства»⁴⁵¹. Но историк отрицал наличие у «тлеух» официального главы, объясняя это антифеодальной нацеленностью и демократизмом самого «тлеух». Бесспорно, «братства» у «демократических» племен, первоначально напоминавшие ирокезские фратрии, со временем, особенно в XVIII — первой половине XIX в., приобрели четкий социальный облик. Их интенсивное формирование, вызванное усилившейся борьбой стремившейся к господству родовой знатью, явно происходило на базе разлагавшихся родовых отношений; об этом свидетельствовала также широкая практика приема в соплеменники любого «...из другого племени», «какого бы он ни был рода и звания»⁴⁵². Последнее уже само по себе предполагало наличие внутри «братства» элементов социальной неоднородности. Кроме того, общественный союз, каким был «тлеух», будучи более высокой формой ассоциации, чем род, понятно, не мог не иметь собственного управления. По мнению М. М. Ковалевского, в тех местностях, в которых отдельные роды входили «в состав более обширных соединений — братств, права родовых собраний» переносились «на собрание всего братства или «тлеуха»⁴⁵³. Он указывал на «старейшин», или «тамата», возглавлявших братства⁴⁵⁴. Задолго до М. М. Ковалевского об этом же писал очевидец, Джеймс Белл. По его свидетельству, «каждое братство» возглавлялось «своими старейшинами»; чтобы занять положение главы братства, — как утверждал путешественник, — необходимо было обладать «посеребрянной сединой бородой» и «превосходством как на советах, так и повсюду»⁴⁵⁵. В наше время наблюдения дореволюционных авторов нашли свое подтверждение. Согласно этнографическим данным, споры, возникавшие внутри братства, решались судом старейшин⁴⁵⁶. Действовал также совет старейшин, обсуждавший вопросы взаимопомощи, кровной мести и другие функции управления. Иначе говоря, адыгские «братства», выросшие из родовой организации, унаследовали его традиционные начала в области управления. В этом

457.

Адыги, балкарцы и карачаевцы..., с. 483—484.

458.

Гарданов В. К. Указ. соч., с. 257.

459.

Люлье Л. Я. Черкессия. — Историко-этнографические статьи. Краснодар, 1927, с. 21.

460.

Там же.

отношении они напоминали чеченские тукхумы, также формировавшиеся из отдельных родов. Происходившие на фоне традиционного управления родом, изменения в управленческой практике «братств» касались не столько принципов, сколько «масштабов»: советы старейшин «братств» решали задачи более широкой общественной значимости. Естественным, со временем, по мере происходивших внутренних социальных перемен, связанных с феодализацией адыгских «братств», родовые начала в организации управления постепенно уступали развивавшимся социально-классовым: у «братств» появлялась «управленческая» прослойка, ориентированная на власть и вытекающие из нее социальные привилегии. На этой стадии эволюции адыгские «тлеух» особенно широко практиковали прием в свой состав беглецов-чужеродцев. Это вело к превращению «тлеух» в «союзы присяжных братьев»; именно они в конечном счете и становились тем общественным организмом, который в адыгском обществе при его переходе к феодализму занял важнейшее место. Такие «новые» адыгские «братства», как «Союзы присяжных братьев», насчитывавшие в своем составе до двух и более тысяч человек⁴⁵⁷ и являвшиеся основным видом «правления Черкессии», представляли собой «сообщества» переходного характера. Их влияние на социальную жизнь «демократических» племен было столь огромно, что В. К. Гарданов видел в них «классовый союз крестьянства против дворян»⁴⁵⁸. Нечто подобное имели в виду Джеймс Белл и Хан-Гирей, также подчеркивавшие «антидворянскую» нацеленность «Союзов присяжных братьев». Такая оценка адыгских братств переходного периода вытекала из той роли, которую они сыграли в общественном перевороте конца XVIII в. (события Бзиоко-Зауо).

В этой связи отдельно следует сказать о «дворянском классе» «демократических» племен и об отношениях его с адыгскими «братствами».

Социально-иерархический феодальный вид «демократическим» племенам Северо-Западного Кавказа придавало прежде всего появление у них «сословия» уорков, в дореволюционной литературе приравненное к «дворянству». Установлено: уоркское «сословие» сформировалось из адыгских фамилий, родов. Число их было невелико: например, у самого крупного адыгского племени — шапсугов, насчитывавшего более 200 тыс. человек, образовалось восемь «дворянских фамилий»: Абат, Немере, Шеретлок, Цюх, Горкоз, Улагай, Бчий, Тгагурз⁴⁵⁹; у натухайцев сложилось всего шесть, у абадзехов — семь⁴⁶⁰.

Господство и влияние уорков «демократических» племен распространялись в основном на рабов-невольников и, частично, на отдельные наиболее слабые роды (например, «дворянский» род Абат «держал

461.

Покровский М.В. Указ. соч., с. 131.

462.

Дьячков — Тарасов А.Н. Абадзехи. — ЗКОИРГО, 1903, кн. XXII, с. 39.

463.

Там же, с. 40.

464.

Там же.

465.

Люлье Л. Я. Указ. соч., с. 43.

466.

Там же.

в зависимости фамилию Кобле⁴⁶¹. Но чаще уорки не пользовались «влиятием» дальше своей общины («псухо»)⁴⁶². Подчинение невольника внутри общины основывалось на его положении пленного, подчинение свободных общинников — на покровительстве сильного рода над слабым. Отношения «господства и подчинения», появившиеся в «демократических» племенах благодаря уоркам, не затрагивали, однако, сферу землевладения, где родовая форма собственности сохраняла прежний свой вид. Более того, эти отношения не успели достигнуть той строгой степени регламентации, которая необходима, чтобы они получили правовое выражение. Однако уорки, судя по источникам, не раз предпринимали действия, направленные на установление своего господства над общинниками. Хан-Гирей и Л. Я. Люлье свидетельствовали о настойчивых попытках «дворянских» родов поставить в зависимость свободных общинников — фокотлей, намереваясь превратить их в зависимое от себя сословие. В этих поползновениях, вызвавших острый конфликт между уорками и общинниками, следует искать истоки и суть событий 1796 г. Накануне восстания в Бзиоко-Зауо абадзехские уорки в очередной раз предпринимали усилия, чтобы «достигнуть звания и положения пши (князей), существовавших у бжедуггов, темиргоевцев, бесланоевцев, кабардинцев и некоторых других адыгских племен»⁴⁶³. По мнению А. Н. Дьячкова-Тарасова, автора историко-этнографического очерка об абадзехах, демократические порядки у абадзехов были столь сильны, что попытки уорков возобладать над фокотлями «остались тщетными»: как и прежде, общины продолжали управляться «сами собой»⁴⁶⁴. Более того, столкновение, происшедшее на этой почве в 1796 г., привело к тому, что уорки «демократических» племен, потерпев поражение от общинников, окончательно потеряли свои привилегии. Дело дошло до того, что «цена крови» (тлоувас) уорка отныне приравнивалась к цене жизни свободного общинника-фокотля (зосха)⁴⁶⁵: ранее за убийство уорка платили 42 сха, фокотля — 20⁴⁶⁶.

По-видимому, ошибочно было бы полагать, будто одни только события Бзиоко-Зауо низвели уорков до положения рядовых фокотлей, как, впрочем, и думать, что в 1796 г. столкнулись лишь две силы — феодальные и антифеодальные. Процесс феодализации «демократических» племен был более многогранен и сложен, чем наши представления о нем, подчас сводящие дело к борьбе между «злом и добром». В свое время всплывшие на социальную поверхность уорки — представители небольшого числа западно-адыгских родов, не «исчерпали» собой социальный потенциал, имевшийся в адыгском обществе: в XVIII — первой половине XIX в. на пути, по которо-

467.
Хан-Гирей. Указ. соч., с. 138.
468.
Цит. по: Покровский М.В. Указ.
соч., с. 127.
469.
Хан-Гирей. Указ. соч., с. 204—
205.
470.
Там же, с. 211.

му некогда прошли уоркские роды, оказывались и адыгские «братства», «управленческая» прослойка которых также стала обнаруживать стремление к социальным привилегиям. Специфика генезиса феодальных отношений в западноадыгском обществе, по-видимому, выражалась именно в том, что наряду с отдельными родами на путь феодализации становились и союзы родов — «тлеух». В переходный период особенностью развития уоркских родов и «тлеух» являлось их противоборство. Столкновение между ними в XVIII — первой половине XIX в. представляло собой не только борьбу феодальных и антифеодальных тенденций, но и двух социальных группировок, одинаково претендовавших на социальные преимущества. Не случайным являлся тот факт, что борьбу рядовых фокотлей против феодальных притязаний уорков возглавляла набиравшая силу старшинская знать, позиции которой значительно укрепились среди общинников после 1796 г. — «общественного переворота», являвшегося для этой знати серьезным шагом к новому общественному положению. В сущности мысль о главенствующей роли «верхнего» слоя общинников в основных социальных событиях, происходивших в «демократических» племенах, высказывалась дореволюционными авторами. Хан-Гирей, например, старшин из фокотлей называл «красноречивыми», «управляющими», «умами народа», выступавшими против «высшего класса — дворянства»⁴⁶⁷. О социальном восхождении общинной знати свидетельствовал документ, в свое время приведенный М. В. Покровским. «Лет двадцать тому назад, — отмечалось в нем, — политическое состояние Восточного берега было следующее: вся власть находилась в руках узденей (уорков — *ред.*), равных между собою; им принадлежали земли, и простой народ, на них населенный, составлял их вассалов, совершенно как во время феодального правления Европы в средние века. Но возле узденей родилось сословие тохов (фокотлей — *ред.*) — вольных людей, обогатившихся торговлею и ремеслами... Сословие сие весьма увеличилось и составляет сильнейшую партию на Восточном берегу. Оно постепенно родилось и развивалось у всех других горских народов»⁴⁶⁸. О том, что выдвижение родовой знати из среды адыгских «братств» — явление более позднее, писал и Хан-Гирей. Но он обратил внимание и на другое — на зависимость социального роста старшинской знати от близости к морю, от прибрежной торговли⁴⁶⁹. Это не означало, однако, что социальные сдвиги происходили только у прибрежных шапсугов и натухайцев. Тот же Хан-Гирей подчеркивал «страшное усиление в горах класса вольных земледельцев»⁴⁷⁰. Повсеместное выделение родовой знати в адыгских «братствах» и укрепление его материального положе-

471.
Дьячков — Тарасов А.Н. Указ. соч., с. 39.
472.
Покровский М.В. Указ. соч., с. 130.
473.
Сталь К.Ф. Указ. соч., с. 87.
474.
Венюков М. Очерк пространства между Кубанью и Белой. — ЗКОИРГО, 1863, кн. 2, с. 54.
475.
Адыги, балкарцы и карачаевцы..., с. 239.
476.
Люлье Л.Я. Указ. соч., с. 21; Адыги, балкарцы и карачаевцы..., с. 242.
477.
Адыги, балкарцы и карачаевцы..., с. 241—242.
478.
Покровский М.В. Указ. соч., с. 131.
479.
Дьячков — Тарасов А.Н. Указ. соч., с. 38—39.

ния были столь заметными в первой половине XIX в., что «некоторые тльфокотли... были богаче урков»⁴⁷¹. Эта прослойка и играла первостепенную роль в борьбе против господства урков, смысл которой для старшин из адыгских «братств» состоял, однако, не только в уничтожении владельческих прав дворянства. Выделившаяся из среды фокотлей знать пыталась в этой борьбе расчистить одновременно путь для собственного возвышения и обеспечить себе возможность в будущем эксплуатировать соплеменников⁴⁷². В первой половине XIX в. среди абадзехов, например, некоторые старшинские роды заняли ведущие социальные позиции и фактически приобрели статус «урка». К таким родам, выделившимся из старшинских фамилий фокотлей, барон К. Ф. Сталь относил: Джаубатыр, Аджи-Кляж, Унароко, Хатко, Аджимоко, Жандаур и др.⁴⁷³. По данным М. И. Венюкова, всего у абадзехов насчитывалось 15 родов, пользовавшихся «почти таким же уважением в народе, как и самые уздени»⁴⁷⁴. Чтобы представить, сколь необычным оказался процесс выдвигания в разряд привилегированных родов из числа фамилии фокотлей, напомним: в XVIII в. Г.-Ю. Клапрот не находил у абадзехов «никаких князей, а только старшин и узденей»; число последних определялось 4-мя родовыми союзами: Энамок, Энчиго, Эджигх и Джангат⁴⁷⁵. Как и у абадзехов, увеличилось число влиятельных родов и у шапсугов⁴⁷⁶. Говоря о формировании среди шапсугов привилегированной прослойки, Г.-Ю. Клапрот, отметивший, что у них «нет князей», обратил внимание на важное «средство», с помощью которого некоторые роды добивались социальных преимуществ — «кто является наибольшим разбойником, рассматривается ими как их вождь»⁴⁷⁷. Речь здесь идет о том факте, что наряду со сложившимися уоркскими родами на социальную авансцену выдвигались старшины из фокотлей, возглавлявшие военные набеги. Широкий размах практики набегов, на который указывал Г.-Ю. Клапрот, придавал высокую социальную мобильность «обществу» фокотлей: набеги значительно ускоряли его разложение и образование двух общественных сил — рядовых фокотлей и старшинской знати. Социально-экономической основой возникновения феодализировавшейся знати являлось признание и закрепление адатом права всех свободных адыгов-фокотлей на землю и зависимых людей⁴⁷⁸. Имея право владеть рабами, фокотль иногда становился состоятельнее уорка⁴⁷⁹. Благодаря этому уже в XVIII в. старшинской знати «демократических» племен удалось сосредоточить в своих руках (по праву «почетных лиц») значительное количество земли и зависимых соплеменников и получить в системе общественного производства на Западном Кавказе равное место с уоркским сослови-

Специфика генезиса феодальных отношений в горных районах Западного Кавказа обратила на себя внимание исследователей. В.К.Гарданов, например, вслед за М.В.Покровским подчеркивал наличие у старшинской знати тфокотлей значительных богатств, давших ей возможность уравнивать свои права и привилегии с уорками. Вместе с тем столкновение, происшедшее в 1796 г. на почве появившихся у этой знати социальных притязаний, все еще рассматривается как «классовый союз крестьянских масс против крепостничества». Столь стереотипный подход по существу никак не согласуется с имеющимся фактическим материалом. Тот же В.К.Гарданов, переходя от оценки «антикрепостнического характера событий 1796 г. к анализу конкретных данных, делал верный вывод о том, что «смысл» переворота», совершавшегося в конце XVIII в. у шапсугов, натухайцев и абадзехов, в основном сводился к тому, что старшины, добившись отмены привилегии феодальной знати, заняли не только равное с ней положение, но даже оттеснили князей и дворян на второй план, захватив в свои руки руководство «общественными делами». Он полагал, что после 90-х гг. XVIII в. во главе «демократических» племен фактически оказались старшины, «выборные представители всего свободного населения — так называемые присяжные судьи». Верным наблюдениям, в свое время высказанным В. К. Гардановым по поводу социальных процессов у «демократических» племен, не хватало, однако, логической завершенности, поскольку в этих же племенах он находил сложившееся «крепостное право» и не видел различия в уровне общественного строя между «демократическими» и «аристократическими» племенами. (См. Гарданов В.К. Указ. соч., с. 259—262). Близок к решению проблемы генезиса феодализма в горных районах Западного Кавказа был М.В.Покровский, верно отметивший нали-

ем⁴⁸⁰. Подобная тенденция порождалась прежде всего тем, что господство уорков в «демократических» племенах строилось не на земельной собственности, а большей частью на набеговой системе и военной добыче, т. е. на отношениях, присущих военной демократии. Однако условия, создававшие социальные преимущества для уорков, в равной мере служили средой формирования и сильной старшинской знати⁴⁸¹.

Запаноадыгские общества довольно рано стали обнаруживать тенденции к феодализации. Не последнюю роль в этом, как отмечал Хан-Гирей, играла торговля на Черноморском побережье: в «Трактате о торговле на Черном море»⁴⁸² К. Пейсонель писал об активной торговле горцев. Наряду с продуктами животноводства горцы-скотоводы поставляли на рынки рабов-пленников, «один из главных предметов торговли Черкесии»⁴⁸³. Он указывал на источники «живого товара»: «чужеземцы или их потомки, черкесы, абазы, грузины, калмыки, захваченные во время набегов или купленные во время торговли»⁴⁸⁴. Захват пленных и их продажа на черноморских портах приняла вид коммерческого промысла, инициаторами и организаторами которого, как правило, являлись представители родовой знати. К. Пейсонель называл их «беи». Они, по его утверждению, производили «беспрерывные набеги один на другого... для захвата рабов»⁴⁸⁵.

Состояние источников не позволяет сколько-нибудь удовлетворительно датировать время, когда под воздействием экономики и торговли у адыгов стали возвышаться и феодализироваться отдельные роды. Бесспорно, однако, что подобные перемены у «демократических» племен произошли задолго до XVIII в. Утверждая так, мы исходим из того, что набеговая система, игравшая значительную роль в классообразовательных процессах, к XVIII в. обрела уже устойчивые формы: выработала собственные «традиции», нормы права, захватила все слои населения. Немалое значение в феодализации горского адыгского общества имели не только условия для торговли, но и для хозяйствования. Сказывалось также влияние «аристократических» племен, доволь-

ные здесь двух социальных группировок — уорков и старшинской знати, в равной степени претендовавших на первенствующую роль: общественный «переворот» 1796 г. он рассматривал как столкновение этих двух группировок. Но и М.В.Покровский не обратил внимания на явные особенности генезисных процессов, связанных с феодализацией «демократических» племен. (См.

Покровский М.В. Указ. соч., с. 131).

486.

Дьячков — Тарасов А.Н. Указ. соч., с. 38—39.

487.

Любе Л.Я. Указ. соч., с. 21.

488.

Гарданов В.К. Указ. соч., с. 152.

но рано вставших на путь феодального развития: ряд уоркских родов имел «инородное» происхождение. По А. Н. Дьячкову-Тарасову, такие абадзехские роды, как Гаджемуковы, Едыге и другие, считались у «демократических» племен пришлыми⁴⁸⁶; натухайские уорки из рода Сюнико и шапсугские Абат состояли в близком родстве с первостепенными кабардинскими князьями⁴⁸⁷. Наконец, влияние «аристократических» племен на социальные процессы западноадыгейских горных обществ выразилось и в идентичности социальной номенклатуры.

Появление у «демократических» племен новой социальной прослойки — уорков в свое время имело важное значение в продвижении этих племен к новой формации. Однако было бы преувеличением связывать с указанным фактом сколько-нибудь значительные социальные перемены. Дело заключалось не только в том, что число уоркских родов было невелико для столь большой массы свободных общинников — фокотлей, оказавшей сопротивление их общественному возвышению. Значение имело другое: уоркская прослойка «демократических» племен формировалась не на базе земельной собственности, а главным образом благодаря военной экспансии и ее результата — добычи — т. е. благодаря условиям «военной демократии». Отсюда вытекала и та неустойчивость в социальных позициях этого «сословия», которая становилась особенно заметной перед лицом набиравшей силу старшинской знати, выделявшейся из среды общинников. Чтобы понять особенности генезиса феодальных отношений у «демократических» племен и представить уровень их социального развития накануне Кавказской войны, отдельно следует сказать о формах земельной собственности в адыгском обществе. Среди советских историков до сих пор нет единой точки зрения на характер земельных отношений у горских адыгов. По В. К. Гарданову, в XVIII — первой половине XIX в. у абадзехов, шапсугов и натухайцев частная форма собственности достигла значительно большего распространения, чем даже у «аристократических» племен, переживавших «развитой феодализм»⁴⁸⁸. Столь гипертрофированное представление об уровне не только отношений собственности, но и в целом общественного строя «демократических» племен объяснялось у В. К. Гарданова ошибочным подходом к решению проблемы основной отрасли экономики абадзехов, шапсугов и натухайцев. Полагая, что у этих племен главным занятием являлось не скотоводство, а земледелие, он утверждал, что у них распространение частной собственности на землю пошло так далеко, что захватило в первой половине XIX в. и часть пастбищных земель. В. К. Гарданов ссылаясь при этом на Джеймса Белла, якобы видел-

489.
Там же.
490.
Очерки истории Адыгеи...,
с. 371.
491.
Покровский М. В. Указ. соч.,
с. 144.
492.
Там же, с. 114—115.
493.
Адыги, балкарцы и карачаев-
цы..., с. 239.
494.
Там же, с. 357.
495.
Там же, с. 479.

шего огороженные частными лицами пастбищные участки⁴⁸⁹. Ранее появление в горах Северо-Западного Кавказа семейно-индивидуальной собственности на землю отмечал Е. С. Зевакин⁴⁹⁰. Более обстоятельно аграрные отношения, в частности, формы землепользования и земельной собственности у адыгов Северо-Западного Кавказа исследовал М. В. Покровский. По его мнению, в XVIII — первой половине XIX в. адыгская община находилась на той стадии развития, когда при коллективной собственности на землю обработка ее и присвоение продуктов труда производились отдельными семьями⁴⁹¹. Основанием для подобного вывода явилось свидетельство современника: «Каждое семейство владеет... всем своим имуществом движимым и также домом и обрабатываемым участком земли; все же пространство земель, лежавших между поселениями семейств родового союза, находится в общем владении, не принадлежащих никому отдельно»⁴⁹².

Приведенная картина землепользования была типичной для горных районов Северо-Западного Кавказа. Ее подтверждают источники, хронологически относящиеся к рассматриваемому периоду. Так, Г.-Ю. Клапрот застал аграрную жизнь абадзехов в следующем состоянии: «Их поля не очень обширны, а селения, состоящие обычно только из нескольких домов, лежат очень близко друг от друга. Каждый имеет поля для собственного употребления и небольшой лес, которые он огораживает и таким образом имеет в своем маленьком поместье маленькое пастбище для скота, двора и пашни»⁴⁹³. Несколько позже Г.-Ю. Клапрота возможность наблюдать сельский уклад западных адыгов имел И. Ф. Бларамберг; его описание⁴⁹⁴ по существу не отличалось от того, о чем поведал нам Г.-Ю. Клапрот. Впрочем, нельзя думать, что Д. Белл, на которого опирался В. К. Гарданов, расходился с другими путешественниками, описавшими «демократические» племена на стадии перехода от семейно-родовой собственности к частной форме владения землей. По Д. Беллу, у западных адыгов «пользование землей..., кажется, самого первобытного свойства: ни у кого, кажется, среди этого простодушного народа никогда не явилась мысль назвать своей землю за пределами того участка, который он с пользой может занять — по существу не больше того, что он огородил для непосредственной обработки. Пастбища — общие с соседями и редко огораживаются. Каждый, кто найдет незанятую землю, может осесть на ней и тотчас же огородить. Земля, по существу, считается национальной собственностью, и пользование землей — это только временное право данного лица на владение известным участком; за пользование ничего не платят никаким властям»⁴⁹⁵. Как видно, Д. Беллом подмечена наиболее важная

Люлье Л.Я. Указ. соч., с. 23; Вопрос о собственности на землю у горных адыгских обществ был специально поднят бароном К.Ф.Сталем. С его точки зрения, у горных адыгов «земля принадлежит не лицу, но целому обществу. Вода и лес принадлежат всем без исключения. В случае, если соседнее общество займет под посев или пастбы участки, ему принадлежащий, то возникают споры между обществами... Каждое семейство берет себе земли сколько ему нужно для запашки. О продаже земли, передаче ее в наследство, уступке за каалым не было никогда речи, и мы первые познакомили черкес с мыслью, что землю можно превратить в деньги». (См. Сталь К.Ф. Указ. соч., с. 130). Как видно, земельные споры возникали лишь между родами и «братствами», но не внутри их членов. При этом споры могли касаться только пахотных и пастбищных земель. По К.Ф.Сталю, рубки леса и «постройки в чужом обществе» не воспринимались между горными адыгами. Точно такой же характер земельных отношений у «демократических» племен был описан и Н.Ф.Дубровиным. В.К.Гарданов, хорошо знавший работы приведенных нами авторов, подвергал критике не только их суждения, но и фактические сведения. По его мнению, например, описание К.Ф.Сталем аграрных отношений адыгов противоречило его признанию о наличии у них сословного деления, характерного для феодализма. В.К.Гарданов так же считал, что К.Ф.Сталь, рассматривая господствовавшие у адыгов земельные отношения, «руководствовался буржуазными представлениями о земельной собственности». (См. Гарданов В.К. Указ. соч., с. 137). Не касаясь отдельно критики В.К.Гарданова, отметим, что К.Ф.Сталь, подполковник генерального штаба, свой этнографический очерк о черкесах рассматривал как итог трехлетних (1846 по 1848 г.)

сторона в земельных отношениях адыгов — земля не успела стать средством эксплуатации чужого труда. Иначе говоря, в адыгском обществе Северо-Западного Кавказа земельные отношения не играют еще той роли, которая им отводится в классовом обществе. Общество «демократических» племен, однако, тем и отличалось, что оно, как переходное, нередко наряду с явлениями доклассовой социальной структуры несло в себе также ростки нового, феодального строя. Описывая земельные отношения у адыгов, тот же Д. Белл сообщает: «Единственный случай нарушения обычного права пользования землей, о котором я слышал, заключался в следующем: один богатый человек снабдил средствами, необходимыми для обработки земли, более бедного, и затем продукты делились между ними поровну»⁴⁹⁶. Джон Лонгуорт, корреспондент лондонской газеты «Таймс», проведший вместе с Д. Беллом год среди горских черкесов, подтверждал сведения своих современников, побывавших на Северо-Западном Кавказе. «Ограда вокруг участка земли, — писал он, — является здесь единственным удостоверением на право собственности; однажды покинутый участок превращается в общественный фонд и может стать собственностью на тех же условиях любого, кто пожелает его обрабатывать. Черкесы вообще не понимают, как, за исключением непосредственного использования, кто-либо может предъявлять исключительные права на землю; для них все элементы общие — земля и воздух, огонь и вода — и любой из них можно иметь в необходимом количестве без каких-либо ограничений. Собственность здесь составляют руки, используемые для обработки земли, скот и получаемый продукт»⁴⁹⁷. Отсутствие у «демократических» племен собственности на землю замечали не только иностранные путешественники. Об этом же писали русские кавказоведы. По Л. Я. Люлье, невозможно было определить, «на каком основании совершался раздел земель, подвергшихся раздроблению на малые участки. право владения определено или, лучше сказать, укреплено за владельцами несомненно, и переход наследства из рода в род бесспорный»⁴⁹⁸. В литературе, посвященной горным обществам Западного Кавказа, сплошь и рядом упускается из виду основная особенность феодализации «демократических» племен — обусловленность классообразовательных процессов не частной собственностью на землю, а владением скотом, торговлей и главное — военной добычей, результатом набеговой практики. Эта особенность социальных процессов в адыгском обществе сохранялась до 50-х гг. XIX в., — до того момента, пока родовая знать «демократических» племен не достигла определенного уровня социальной «зрелости» и не повернулась от традиционных «материальных»

«наблюдений образа жизни, нравов и отношений черкесских племен». (См. Сталь К.Ф. Указ. соч., с. 55). Его описание экономико-общественного уклада «демократических» племен лишь пополняло фактическими сведениями ранее появившиеся в литературе работы и не содержало по сравнению с ними каких-либо новых оценок и подходов. Конечно, «очерк» К.Ф.Сталя небезупречен. Как и многим дореволюционным исследователям, ему присущ «дворянский» позитивизм; в нашем случае он выразился в том, что К.Ф.Сталь, как и Н.Ф.Дубровин, ограничил свою задачу фиксацией лишь того, что замечалось «невооруженным глазом». Незатронутыми оставались важнейшие внутренние процессы адыгских обществ, в частности, то, как в продолжении всей первой половины XIX в. феодализировавшаяся родовая знать «демократических» племен упорно стремилась к распространению своих владельческих прав на общинные земли, следовательно, к их узурпации». (См. Покровский М.В. Указ. соч., с. 121).

Что до «противоречия» в очерке К.Ф.Сталя (кстати, оно характерно не только для него, но и для других дореволюционных авторов), заключающемся якобы в отрицании феодальной собственности на землю, с одной стороны, и признании сословного деления у «демократических» племен — с другой, то здесь речь идет о главных аспектах проблемы, решение которых действительно оказалось не под силу буржуазно-дворянской историографии.

499.

Покровский М.В. Указ. соч., с. 121.

500.

Там же.

501.

Сталь К.Ф. Указ. соч., с. 142.

502.

Там же, с. 154.

503.

Там же, с. 155.

целей к политике социального наступления на рядовых общинников, включавшей захват их земель и т. д. Феодализировавшаяся знать черкесского общества смогла добиться признания за собой преимущественных прав на землю и закрепить их в правовых нормах и сословных привилегиях, резко отделивших ее от остальной массы населения, только к 60-м годам XIX в.⁴⁹⁹, т. е. к окончанию Кавказской войны на Северо-Западном Кавказе. Добавим: западноадыгский «горский» феодализм даже в пору окончательной победы, когда часть общественной земли оказалась уже захваченной выделившейся феодальной знатью, не смог лишить общину положения верховного собственника земли. По-прежнему община не признала за феодалами юридического права на присвоенные земли⁵⁰⁰, что еще раз подтверждало: в генезисе феодализма у «демократических» племен земельная собственность не имела значения. Отсюда и другое. В адыгском обществе внеэкономическое принуждение становилось главной формой подчинения свободных общинников.

Другой важный аспект проблемы — «сословность» общества северо-западных адыгов. Всякий раз, как только речь заходит об уровне общественного строя «демократических» племен, сторонники «развитого феодализма» ссылаются на «четкую» социальную стратиграфию, якобы сложившуюся у этих племен к XVIII в. При этом, подчас, применяется недопустимый прием — социальная структура «демократических» племен отождествляется со структурой «аристократических», по сравнению с первыми, далеко ушедших вперед по феодальному пути развития. Конечно, у приверженцев подобного подхода имеются формальные основания: у тех и других племен существовала единая (да и то не во всем) социальная номенклатура. Однако сходство их общественных структур носило сугубо внешний характер и этим ограничивалось; различия же касались не только общего уровня общественного развития, но и путей формирования классов и их социальных судеб.

Эти очевидные существенные различия были замечены еще в дореволюционной историографии. По К. Ф. Сталю, например, «абадзехи, шапсуги, нутхайцы и некоторые малые абазинские народы» не имели князей, хотя у них были «дворяне и рабы»⁵⁰¹. Однако «дворяне» (тляк-тляж) у «демократических» племен не обладали социальным положением, какое было у этого сословия в черкесских народах, имевших князей. У «демократических» племен К. Ф. Сталь видел большее равенство между сословиями⁵⁰²: от «тляко-тляжа» «осталось одно имя. Власть он не имеет никакой, мирская сходка отняла у тляко-тляжа его власть»⁵⁰³. Об этом же писал Хан-Гирей, когда касался «дворянских родов» в «абадзехском,

504.
Хан-Гирей. Указ. соч., с. 212.
505.
Люлье Л.Я. Указ. соч., с. 21.
506.
Дубровин Н.Ф. Черкесы...,
с. 129.

шапсугском и натхоккоадьском» племенах⁵⁰⁴. По мнению Л. Я. Люлье, после событий в Бзиоко-Зауо у «демократических» племен «права и преимущества» дворян «уничтожены и всенародно объявлено равенство»⁵⁰⁵.

Социальные силы, проявившие себя в событиях 1796 г., явно сдерживали в адыгском обществе процессы классовобразования. Итогом «переворота» явилось освобождение от уорков зависимых людей, даже «пшитлей», считавшихся крепостными. Н. Ф. Дубровин отмечал: «Оброчные сами отказались от повиновения своим владельцам и сбросили с себя тяготевшее над ними иго дворянства. Оставшиеся на родине дворяне потеряли свои права и с тех пор не пользуются никакими другими преимуществами, кроме тех, которые дают каждому ум, красноречие и храбрость»⁵⁰⁶. Нельзя считать, однако, что с общественным «переворотом» 1796 г. у «демократических» племен прекратила свое существование социальная категория «пшитли». Она сохранялась и даже пополнялась благодаря двум обстоятельствам. 1. Социальный слой «пшитли» формировался за счет пленения и покупки невольников. То и другое после 1796 г. не прекратилось, напротив, приняло новый размах. 2. «Пшитли» зависели не только от уорков, от которых они смогли отложиться, но и от общинников-фокотлей.

Социальная структура «демократических» племен в значительной мере характеризовалась наличием в ней наиболее распространенной формы зависимых людей — унаутов (рабов). Источником формирования указанной категории являлись плен и работорговля. Различие между пшитлями и унаутами состояло только в том, что первые — это невольники или бывшие унауты большей частью адыгской национальности, получившие от своего хозяина право вести собственное хозяйство, которого не имел унаут. Однако унауты являлись более распространенной, чем «пшитли», категорией зависимых людей; ими владели как уорки, так и свободные общинники-фокотли. В целом же адыгское общество, как и чеченское, не знало широкого применения рабского труда. Как отмечалось, основная масса рабов, попадавшая в руки уорков и фокотлей благодаря набегам и торговле, сбывалась на черноморских рынках и лишь незначительная часть оседала в адыгском обществе для ограниченного использования в хозяйстве.

В конце XVIII — первой половине XIX в. уорки, старшины, фокотли, пшитли, унауты, составлявшие общественную иерархию «демократических» племен, имели, естественно, различные тенденции социального развития. Замечался, например, упадок влияния уорков и возрастание роли феодализовавшейся родовой знати (старшин); происходило расслоение

507.

Покровский М.В. Указ. соч.,
с. 138.

508.

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.,
т. 19, с. 413.

фокотлей на зажиточных, тянувшихся к знати, и рядовых, на которых со временем будет распространяться влияние знати. Старшинская знать и фокотли представляли собой самые динамичные силы в западноадыгском обществе, в конечном счете определявшие его социальный облик. Пшитли и унауты, сыгравшие важную роль на начальных этапах феодализации, позже утратили свою социальную «миссию». Их место заняли свободные общинники, постепенно превращавшиеся в крестьянский класс феодального общества. Для завершения этого процесса, однако, было необходимо, чтобы произошла монополизация земельной собственности феодалами и чтобы наряду с внеэкономическим принуждением, практиковавшимся в «демократических» племенах, стало возможным наделение непосредственного производителя, в данном случае фокотля, средствами производства и в первую очередь — землей. Пока же, накануне Кавказской войны, горское общество адыгов развивалось не на базе земельной собственности, а на базе того общественного богатства, которое создавалось сбытом излишков продуктов скотоводства, торговлей вообще, набегами и военной добычи. В горном адыгском обществе, в отличие от «вольных» союзов Дагестана и тайпов Чечни, уже четко обозначились основные социальные слои, которым в будущем предстояло стать классами феодального общества. Но и здесь основой социального строя оставалась сельская община раннего этапа развития, когда в отношениях поземельной собственности элементы более древней родовой общины сочетались с элементами сельской⁵⁰⁷. Общественные структуры, подобные западноадыгским, К. Маркс квалифицировал как общины переходного типа, где «индивидуальное пользование сочетается... с общей собственностью. Но такие общины, — писал он, — носят еще печать своего происхождения: они находятся в состоянии переходном от общины более архаической к земледельческой общине в собственном смысле»⁵⁰⁸.

Набеговая система: формационные аспекты проблемы

Набеговая система — закономерное явление, соответствовавшее, по словам Ф. Энгельса, тем «гнусным средствам» — «воровству, насилию, коварству, измене», которые подтачивали основы родового быта. Именно эта закономерность в классической форме проявилась в XVIII — первой половине XIX в. в «вольных» обществах при их переходе к новой формации. Разложение родовых отношений, классовообразовательные тенденции, набеги, а затем и Кавказская война — это разные звенья единого процесса феодализации в горных районах Дагестана.

В науке принято рассматривать набеги горцев в контексте военно-политических действий России на Кавказе; считается, что горцы Большого Кавказа, совершавшие набеги на российскую пограничную линию, города и форпосты, вели борьбу с «колониальной политикой царизма». Подобные представления уводят исследователей в сторону от той глубоко внутренней и довольно широкой мотивации, которая лежала в основе набеговой системы.

Набеговая система «вольных» обществ горного Дагестана

Краткая историография проблемы

«Вольные» общества горного Дагестана составляли одну из наиболее значительных «баз» набеговой системы на Большом Кавказе. Набеги, направленные на низину, дореволюционные историки именовали «воровскими», «хищниче-

1. См. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия..., ч. II; Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе, т. II—IV, СПб, 1871—1886 и др.

2. Скачко А. Указ. соч., с. 31.

3. Там же.

4. Там же.

5. Там же, с. 32.

6. Там же.

7. Хроника войн Джара в XVIII столетии. Баку, 1931.

8. Там же, с. 3.

9. Петрушевский И. П. Указ. соч., с. 19.

10. Там же.

скими»¹. Далекие от понимания социальной почвы так называемых «хищничеств», они, как правило, указывали на этнопсихические особенности горцев, будто побуждающие их к набегам.

В советской историографии А. Скачко рассматривал набеги как источник пополнения скудного горского хозяйства², видя в них своего рода «отхожий промысел»³. В подтверждение своей мысли А. Скачко, кроме других данных, приводил заявления горцев русскому ген. Румянцеву, требовавшему прекращения набегов: «Набеги и грабеж, — говорилось в заявлении, — наши занятия, как ваше хлебопашество и торговля»⁴. Но, пожалуй, более важно другое. Подчеркивая высокую «воинскую репутацию» дагестанских горцев, А. Скачко писал о социальных последствиях набегов: этот «способ производства» ускорил разложение родовых отношений и формирование раннефеодальных⁵, поскольку «военная удача, большое количество захваченного скота и рабов — создавали мощь отдельных родов и власть их над другими»⁶. Сами по себе высказывания А. Скачко представляли определенный интерес. Однако они не были развиты и сведены в научную концепцию.

Одновременно с работой А. Скачко в 1931 г. в Баку была издана «Хроника войн Джара в XVIII столетии»⁷ (предисловие В. Хулуфу, примечания Е. А. Пахомова). Публикаторы источника указывали на утверждение среди дагестанских общинников ислама в качестве господствующей идеологии, мобилизовавшей их на «насилие и грабежи»⁸. Ими была отмечена важная сторона проблемы — набеги совершались не только ради военной добычи, но и утверждения исламских догматов. Считая войну для «вольных» обществ Дагестана «постоянным доходным производством», В. Хулуфу и Е. А. Пахомов обратили внимание на выделение социальной фигуры кадия, со временем пополнившего ряды феодальной знати.

Среди «вольных» обществ горного Дагестана Джаро-Белоканские общества отличались особой склонностью к набегам. Видный советский историк И. П. Петрушевский исследовал общественно-политические процессы, протекавшие в этих обществах в первой трети XIX в., и пришел к выводу о господстве в них системы военной экспансии⁹. По мнению ученого, военные походы горцев были с половины XVIII в. прежде всего организованной охотой за людьми в целях работорговли или получения выкупа. Организуемые феодализировавшейся родовой знатью в Джаро-Белоканских обществах военные отряды, он рассматривал как «коммерческие», призванные «добывать» и реализовывать невольников на джарском рынке»¹⁰.

И. П. Петрушевский значительно расширил представления о целях участников набегов: набеги, по

11.
Там же, с. 15; См. так же:
Хроника войн Джара..., с. 11.
12.
Петрушевский И.П. Указ. соч.,
с. 15.
13.
Там же; См. так же: Хроника
войн Джара..., с. 1 и др.
14.
Петрушевский И.П. Указ. соч.,
с. 60.
15.
АКАК, т. VI, ч. I, с. 720.
16.
Петрушевский И.П. Указ. соч.,
с. 78.
17.
Магомедов Р.М. Указ. соч.,
с. 78.
18.
Там же.

его данным, преследовали не только материальные, но и политические выгоды. Свою мысль он иллюстрировал тем фактом, что в 1714 г. кахетинский царь, оказавшийся бессильным перед набегами джаро-белоканцев, обязался платить ежегодную дань в размере 100 туманов, а взятие в 1722 г. военным приступом Тифлиса повлекло за собой уплату «контрибуции в 60 тыс. туманов»¹¹. Подобные события в XVIII — начале XIX в. случались часто и развивались с нарастающей силой. Учитывая это обстоятельство, И. П. Петрушевский считал, что система экспансии обусловила важное место аварских обществ как в политических комбинациях мелких ханств Азербайджана и Дагестана, так и в планах Турции и Персии, стремившихся заручиться союзом с аварцами¹². В этом отношении особенно преуспело Джарское общество. На вопрос — «Чем был вызван рост влияния Джара?» — И. П. Петрушевский отвечал: ролью организатора набегов и значением в создании невольничьего рынка¹³. Добавим, что в XVIII — начале XIX в. влияние Джарского общества распространилось почти по всему Закавказью. Оно было особенно заметно в султанстве Елисуйском и ханстве Шекинском, временами попадавших в настоящую зависимость от джарцев; при избрании султана на елисуйских джаматах решающая роль принадлежала представителю Джара. Во всех вопросах внешней политики султан следовал указаниям джарцев¹⁴. Зависимое от Джара положение султана Елисуйского и хана Шекинского не гарантировало им, однако, безопасность от набегов со стороны тех же джарцев. Так, в марте 1819 г. Измаил-хан шекинский жаловался А. П. Ермолову: «Жители Джарской области часто делают хищничества в Шекинских владениях и нередко вооруженною даже рукою»¹⁵. В зависимости от Джар и Белокан часто оказывались и другие их соседи, в том числе «вольные» общества¹⁶.

Высказав ряд важных идей о набеговой системе, И. П. Петрушевский, однако, не пытался определить внутреннюю природу этого явления, соотнести его с формационными процессами.

После И. П. Петрушевского о набеге горцев лишь упоминалось; вплоть до послевоенных лет набеговая система не стала в кавказоведении самостоятельным объектом исследовательского интереса.

В 1957 г. Р. М. Магомедов первый в дагестанской историографии поставил ряд вопросов, относящихся к набеговой системе. На основании источников, главным образом опубликованных, и собранного им полевого материала исследователь заключил: «Пожалуй, трудно назвать такое вольное общество, которое не предпринимало бы набегов за пределы Аварии»¹⁷. Как и А. Скачко, Р. М. Магомедов назвал набег «своего рода промыслом»¹⁸, в ходе осуществления которого

19.
Там же.
20.
Там же.
21.
Там же, с. 79.
22.
Шавхелишвили А.И. Из истории горцев Восточной Грузии. Тбилиси, 1983, с. 133—134.
23.
Там же, с. 162; См. так же: ШССТАК, с. 3, 92, 97—100, 200—201, 320—323.
24.
Магомедов Р.М. Указ. соч., с. 80.
25.
Магомедов Д.М. Социально-экономическое развитие сельских общин..., с. 37.

«сжигались поселения, грабилось имущество, забирали людей, скот, продовольствие»¹⁹. Не выделяя хронологию набегов в отдельную проблему, Р. М. Магомедов, однако, высказал мнение о существовании системы экспансии не только в XVIII, но и в начале XIX в.²⁰ Более сложным для историка оказалось объяснение социальной мотивации набегов, их стимулов. Формулировка: «набеги и войны являются естественными спутниками при господстве патриархально-феодального строя и раздробленности страны» — была слишком общей и не объясняла происхождения набегов. Негативный аспект («дагестанцы грабили») вовсе увел Р. М. Магомедова от существа проблемы. Как бы оправдываясь, автор пояснял, что набеги совершались не только из горного Дагестана, но и в Дагестан, например, из Тушетии. Он приводил свидетельство русского офицера Н. Волконского, согласно которому в 1857 г. в Тушетии жил Шате, организатор набегов в Дагестан, державший «в страхе лезгинские аулы»²¹. Оставляя в стороне вопрос — ради чего затронута тема о набегах в Дагестан, — отметим, что тушинцы, хевсуры и ряд других народов Большого Кавказа действительно практиковали набеговую систему. Как показал А. И. Шавхелишвили, те же тушины, еще в первой половине XIX в. находившиеся на стадии разложения родового строя, производили набеги в различные районы Большого Кавказа и на равнину²². По своему социальному содержанию набеги тушин в Дагестан — дагестанских горцев в Тушетию были идентичны. Речь могла идти лишь о том, что в какой-то период более интенсивны были набеги из Тушетии в Дагестан, в какой-то — из Дагестана в Тушетию: так, в период Кавказской войны набеги из «вольных» обществ Дагестана принимали опасный для Тушетии характер²³. Эти факты, как и собственные описания порядка распределения военной добычи между участниками набегов, при котором кадий получал пятую часть этой добычи²⁴, остались как бы незамеченными и не привели Р. М. Магомедова к мысли об обусловленности набеговой системы общественными процессами. В более поздней дагестанской историографии проблема набегов специально не ставилась. Она не нашла сколько-нибудь серьезного отражения даже в общих работах по истории Дагестана XVIII — первой половины XIX в. Лишь в исследованиях по социальному строю «вольных» обществ имеются отдельные высказывания о набеговой системе. Ценна мысль, например, Д. М. Магомедова о том, что «одним из основных источников возникновения зависимого сословия в обществах Западного Дагестана в XV—XVIII вв. являлась война»²⁵. Д. М. Магомедов заметил, как в результате военных походов в союзе сельских общин наряду с узденством появилось новое, не характерное

26.

Там же.

27.

Рамазанов Х.Х. К вопросу о рабстве в Дагестане. — УЗИИЯЛ, т. IX, Махачкала, 1961, с. 160.

28.

Джахиев Г.А. Дагестан в кавказской политике Ирана и Турции в первой трети XIX в. (канд. дисс.). Махачкала, 1970, с. 39.

29.

Из истории Грузии XVIII в. — Материалы по истории Грузии и Кавказа, вып. II, Тбилиси, 1944; История Грузии, т. I (с древнейших времен до 60 гг. XIX в.). Тбилиси, 1962; Ломсадзе Ш.В. Южная Грузия с середины XVIII по 50-е гг. XIX в. Тбилиси, 1973 (автореф. док. дисс.); Климиашвили А.Е. Материалы для истории военной организации Восточной Грузии второй половины XVIII в. Тбилиси, 1966 (канд. дисс.); Мегреладзе Д.Г. Из истории грузино-дагестанских взаимоотношений. — ВООН АН ГССР. «Мощне», 1967, № 6; В.Н.Гамрекели. Социально-экономическая почва развития «лекианоба» в XVIII в. — ВООН АН ГССР, «Мацне», 1972, № 1 и др.

30.

Анчабадзе З.В. Очерки экономической истории Грузии первой половины XIX в. Тбилиси, 1966, с. 23.

31.

Мегреладзе Д. Г. Указ. соч.

32.

Там же.

для данного общества, сословие рабов, известное в горах под термином «хъазахъ»²⁶. Еще раньше, в 1961 г., Х. Х. Рамазанов также писал, что в Андии отдельные состоятельные лица владели значительным числом пленных, «богатели от торгоа людьми — пленными»²⁷.

Г. А. Джахиев подчеркнул рост политического влияния «вольных» обществ и их союзов, установив, что крупные объединения сельских обществ, во главе которых «стояли опытные старшины, напоминавшие военачальников периода военной демократии, ...сносились с иностранными державами, вступали в подданство, рассматривали вопросы войны и мира»²⁸.

Исследование набеговой системы значительно продвинулось благодаря грузинской историографии. Как научная проблема она рассматривается в общих и специальных работах²⁹. Ею занимались известный грузинский историк К. А. Бердзенишвили, авторы разновременных изданий по истории Грузии. Грузинская историография исходит из того, что набеги горцев Дагестана, известные в грузинском языковом обиходе как «лекианоба», явление историческое, угрожавшее экономическому и культурному развитию Грузии. Приведем характерные для грузинской историографии высказывания видного историка З. В. Анчабадзе. По его мнению, для экономики Грузии тормозом являлись «систематические набеги на грузинские деревни (особенно в Восточной Грузии) горских феодалов и племенных старшин, преимущественно из Дагестана. Помимо того, что жертвой этих набегов являлись главным образом непосредственные производители, постоянная их угроза лишала крестьян возможности расширять экономику за пределами населенных пунктов..., жители не смели обрабатывать земли далее 3—4 верст от селения»³⁰. Однако в общих работах, как и в приведенной, речь обычно идет скорее о последствиях набеговой системы для Грузии и почти не затрагивается ее внутренняя обусловленность социальными процессами, переживаемыми горцами.

Грузино-дагестанские отношения в свете развивавшейся набеговой системы исследовались в специальной работе Д. Г. Мегреладзе. По ее характеристике, в сложном комплексе связей между Дагестаном и Грузией набеги, как «отношения гор и равнины», выделились в три основные формы экспансии: «экспедиции» с целью военной добычи, захват новых территорий и создание постоянной «базы дохода»³¹. Термин «лекианоба» исследователь резко отграничивает от таких понятий, как «арабоба», «аосманлоба», «кизилбашоба», вошедших в грузинский язык как синонимы арабской, ирано-турецкой агрессии»³². Эти терминологические категории основаны у Д. Г. Мегреладзе на принципиальном различении набегов гор-

33. Гамрекели В.Н. Вопросы взаимоотношений Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1972 (автореф. док. дисс.), с. 25.
34. Гамрекели В.Н. Социально-экономическая почва развития «лекианоба»..., с. 119.
35. Гамрекели В.Н. Вопросы взаимоотношений..., с. 481.

цев Дагестана и агрессии Ирана и Турции в Грузию: Иран и Турция ставили перед собой широкомасштабную задачу — завоевать Грузию и установить в ней собственный режим, тогда как набеги горцев ограничивались временными выгодами — захватом людей и военной добычи. Вместе с тем Д. Г. Мегреладзе, перейдя к объяснению причин возникновения «лекианобы», сделала неожиданный вывод о зависимости набегов от агрессии Ирана и Турции, чем фактически сняла вопрос о социальной природе этой системы. Бесспорно, Иран и Турция стремились использовать в своих внешнеполитических планах на Кавказе набеговую систему, но с политикой этих стран не связаны ни происхождение экспансии, ни питавшая ее среда. Политику Ирана и Турции, в лучшем случае, можно признать внешним, провоцирующим фактором набегов, но вовсе не ее первоосновой.

В научное освещение проблемы экспансии горцев на «низину» серьезный вклад внес В. Н. Гамрекели. Набеговую систему он определял как комплекс явлений, включавших в себя: миграцию горцев, их компактное расселение, попытки отторжения части территории Грузии, набеги и разбои мелких отрядов, нашествие многолюдных ополчений, участие в антифеодальной борьбе Грузии и т. д.³³ Однако основное достижение ученого — установление им социальной мотивации «лекианобы». В. Н. Гамрекели считал, что система набегов зародилась в «вольных» обществах в атмосфере, когда «стремящаяся к дальнейшему имущественному и социальному возвышению общинная знать, так же, как и ищущая источники удовлетворения своих минимальных нужд обедневшая часть общинников — эти оба слоя оказались заинтересованными в поисках во вне удовлетворения своих потребностей в материальных средствах»³⁴. Важно и другое — соотнесение набегов со стадийным развитием «вольных» обществ. В докторской диссертации исследователь пришел к выводу, что ведущий процесс — распад сельской общины и феодализация общественного строя в XVIII в. — не был еще завершен.

В горном Дагестане разложение родоплеменных отношений, которые Ф. Энгельс обозначил термином «военная демократия», вступило в свою «крайне активную стадию»³⁵. Именно в этой среде были заложены имманентные импульсы к набегам. В. Н. Гамрекели полагал, что остановить экспансию фактически не представлялось возможным; с этим не могли справиться ни объединенные силы Картли — Кахети, ни османские власти, ни войска Надир-шаха. Указанным тезисом исследователь подчеркивал не какую-то особую фатальность и злость экспансии, а зависимость ее от внутреннего социального процесса, придававшего ей феноменальный характер:

36.
Там же, с. 413.

37.
Там же, с. 466.

38.
Там же, с. 413.

39.
Там же, с. 484.

40.
Меликишвили Г. А. К вопросу
о характере... классовых об-
ществ..., с. 51.

временные военные неудачи могли лишь задержать, но не искоренить развитие набеговой системы³⁶.

В. Н. Гамрекели дал периодизацию набеговой системы по степени ее интенсивности в разные периоды: с конца XVII в. по 1722 г., с 1723 по 1735 г., с 1735 до 50-х гг. XVIII в., с 60-х гг. XVIII в. по 1783 г., с 1784 по 1800 г., с 1800 г. и до середины XIX в.³⁷.

В. Н. Гамрекели не всегда мог «наполнить» выявленную им закономерность о единстве внутренних общественных процессов «вольных» обществ с системой набегов конкретным историческим материалом. Он строил периодизацию набеговой системы по ее внешнему признаку, упуская из виду внутреннюю эволюцию «вольных» обществ. Сравнивая набеги «леков» и хевсур, В. Н. Гамрекели полагал, что набеги хевсур — «набеги общинников», между тем для горных дагестанцев — это экспансия во главе «с феодализирующейся знатью»³⁸.

Односторонность концепции заключалась в том, что она по существу разрабатывалась не столько с целью установления природы общественных процессов в «вольных» обществах, сколько для объяснения причин хозяйственной и культурной деградации Грузии в XVIII — начале XIX в. Это отвлекло внимание ученого от научной оценки уровня общественного строя «вольных» обществ и самой набеговой системы; в результате набеги у В. Н. Гамрекели вылились в основном в «бич» Грузии, а не в Кавказскую войну, новую, более высокую форму их организации. Впрочем, справедливо отметить: В. Н. Гамрекели, не видевший в набегах истоков Кавказской войны, тем не менее высказал научную догадку о том, что для понимания природы экспансии горцев «весьма показательны» и «такие явления крупного масштаба, как Кавказские войны 30—50-х гг. XIX в. и переселение в XIX в. многих горцев Дагестана на низину Дагестана и Закавказья»³⁹.

В дальнейшем научные идеи В. Н. Гамрекели о зависимости набеговой системы от внутренней социальной обстановки и ее значимости в поступательных формационных процессах горских обществ не получили у историков развития. В науке, однако, признается, что набеги горцев Большого Кавказа — явление, связанное с особенностями экономики и стабильности горских общественных структур. На связь слабой экономики горцев с их набегами обратил внимание Г. А. Меликишвили. По его мнению, компенсацией скудности жизненных ресурсов часто делался разбой: похищение у соседей скота и других богатств, а также захват пленных, которых затем охотно освобождали за порядочный выкуп или же продавали на невольничьих рынках в рабство⁴⁰. Он указал на распространенность набеговой системы, как «средства добывания материальных благ», делавшей актуальной

41.
Там же.
42.
Там же.
43.
Виноградов В. Б. Генезис феодализма..., с. 37.
44.
Робакидзе А.И. Указ. соч., с. 21.
45.
Там же.
46.
Там же.
47.
Шамиладзе В.М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы..., с. 279.

не только саму организацию набега, но и «организацию защиты от нападения соседей»⁴¹. Ценно его замечание, что социальные слои — кадий, старшины, родовая знать, выполнявшие функции «обороны или разбоя», «прокладывали себе путь в знать, превращались в основателей «сильных» родов, часто эксплуатировавших другие нуждавшиеся в защите роды»⁴². Этот же аспект проблемы затронул В. Б. Виноградов, указавший на низкий уровень хозяйственной жизни горцев Большого Кавказа. По его мнению, слаборазвитой экономике соответствовали и общественные процессы, характер которых был связан с начальной стадией феодализации горских обществ⁴³.

Для более полной научной оценки набеговой системы горцев Большого Кавказа важны данные этнографии. Ими грузинский этнограф А. И. Робакидзе обосновал положение о роли системы экспансии в образовании сословий и классов раннефеодального общества. Отметив интенсивность набегов, он коснулся вопроса формирования в «вольных» обществах эксплуатируемого сословия. Военная дружина, прежде занимавшаяся добычей скота и оружия, со временем сделала основной целью набегов захват пленников. Часть пленников продавали на сторону, другая оседала в хозяйствах дружинников в качестве рабочих рук, «иногда составляя для всей дружины объект коллективной эксплуатации»⁴⁴. По А. И. Робакидзе, эта последняя категория пленников и «явилась одним из основных источников образования зависимого сословия»⁴⁵. Вслед за В. Н. Гамрекели, подчеркивавшим интенсивность набеговой системы, А. И. Робакидзе заключал: «набеги временами приобретали огромные масштабы»⁴⁶.

Точку зрения А. И. Робакидзе разделяет видный этнограф В. М. Шамиладзе, автор ряда фундаментальных работ о горных скотоводческих районах Грузии и Кавказа. Развитие родовой знати и формирование раннеклассового общества он рассматривает как результат вооруженного нападения на соседние племена⁴⁷.

Как видно, большинство исследователей с объяснением причин и характера экспансии горцев Дагестана чаще связывают научные задачи, оставляя в стороне «политические». Так, несмотря на крайне тяжелые последствия набегов для Грузии, грузинские историки не становятся на позиции «эмоциональных» оценок; они подходят к экспансии как к объективной закономерности, зависевшей не от «характера» горцев, их какой-то особой «злостности», а от переживаемых ими формационных процессов. Именно в контексте академической науки должна рассматриваться проблема, решение которой многое прояснит не только в понимании закономерностей генезиса «горского феодализма», но и социальных истоков и сущ-

48. Хазанов А.М. «Военная демократия» и эпоха классового образования. — ВИ, 1968, № 12, с. 92.
49. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 164.
50. Хазанов А.М. Указ. соч., с. 96.
51. На примере Киевской Руси эта ситуация хорошо показана в работах В.В.Мавродина и особенно И.Я.Фроянова. (См. Мавродин В.В. Фроянов И.Я. «Старцы градские» на Руси в X в. — В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974; Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980).
52. Хазанов А.М. Указ. соч., с. 96.
53. Там же, с. 97.

ности Кавказской войны. При этом важно, чтобы исследование набеговой практики горцев не сводилось к выяснению «варварских правил» участников экспансии, к поискам фактов «враждебности» в отношениях между народами в прошлом. Бесспорный приоритет здесь должен принадлежать научным целям, связанным с установлением стадийной обусловленности набеговой системы, объяснению ее воздействия на протекавшие в горских обществах общественные процессы, пониманию генезиса Кавказской войны.

Набеговая система «вольных» обществ Дагестана

Признано, что формирование классов часто шло по пути складывания сословно-кастовых групп, зарождавшихся и получивших развитие на последнем этапе родоплеменных отношений. Появлению таких групп способствовали завоевания, войны, превращавшие этнические различия в кастовые, а затем и в классовые⁴⁸. Говоря о разложении родового общества, развивавшегося в военную демократию, Ф. Энгельс считал, что «война», которую раньше вели только для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом. Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни достигают уже цивилизации»⁴⁹.

Военная демократия — одна из существовавших и наиболее распространенных форм управления обществом, соответствовавшая времени создания крупных межплеменных союзов⁵⁰. На этой стадии организации общества социальные противоречия ведут к деклассированию общинников. В своей военной, хозяйственной и общественной деятельности военачальник, совет старейшин уже выражают интересы родовой знати. Но в известной мере они еще продолжают служить также интересам рядовых общинников, социально-политическая мобильность которых в период военной демократии, как правило, достигает высокой степени⁵¹. Отсюда — двоякое значение экспансии: с одной стороны, усиление власти, рост богатства и влияния феодализировавшейся знати, а с другой — удовлетворение минимальных материальных запросов общинников и благодаря этому сглаживание внутри общества социальных противоречий; за счет войны, набегов внутренние противоречия выносятся как бы во вне общины и разрешались за счет соседей⁵². Через военную демократию прошли общества, где война стала регулярной функцией народной жизни и где в походы, завоевания и переселения вовлекалось большинство населения⁵³.

54.

Мегреладзе Д.Г. Указ. соч., с. 118; Гамрекели В.Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1968; Гасанов М.Р. Из истории экономических взаимоотношений Дагестана и Грузии (конец XVIII — нач. XIX в.). — В кн.: Развитие феодальных отношений в Дагестане. Махачкала, 1980.

55.

Мегреладзе Д. Г. Соч., с. 127; Гамрекели В.Н. Социально-экономическая почва развития «лекианоба»..., с. 112; И.П.Петрушевский миграцию горцев-скотоводов в Кахетии относит к периоду «задолго до XVII в.» (см. Петрушевский И.П. Указ. соч., с. 11).

56.

Петрушевский И.П. Указ. соч., с. 11.

57.

Гамрекели В.Н. Вопросы взаимоотношений... (док.дисс.), с. 451.

58.

Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе, т. I..., с. 236—237.

59.

Там же, с. 237.

Большой Кавказ, народы которого в XVIII — первой половине XIX в. переживали переходную общественную структуру, дает в руки исследователя превосходный материал, раскрывающий широкий спектр социально-политических явлений, связанных с господством военной демократии, закономерностями классообразовательных процессов и возникновением государства. В общественной жизни горцев Кавказа, в особенности населявших его Северо-Восточные и Северо-Западные районы, феодализация являлась ведущей тенденцией, приводившей к социальному расслоению общинников, распаду кровно-родственной общины и образованию союза сельских общин, ставших очагами военной экспансии и важной ступенью на пути к феодализму.

В Дагестане, как и в других районах Северного Кавказа, система экспансии возникла сравнительно рано. Произошло это независимо от разносторонних торгово-экономических и культурных связей дагестанских народов с соседями⁵⁴. Указывая на генезис набеговой системы, не следует, однако, принимать во внимание эпизодические набеги и разбои, чинимые горцами Дагестана в XIII—XIV вв.: в ту пору они не носили еще системного характера, а самое главное — не были пока «обеспечены» внутренней социальной мотивацией.

В стадийно обусловленном виде экспансия из горного Дагестана в направлении Закавказья зародилась в начале XVII в.⁵⁵ На первых порах она выразилась главным образом в форме миграционного движения, приведшего к заселению части территории Кахетии. Миграция совершалась не как крупное, массовое переселение и не являлась следствием завоевания. Она происходила постепенно, небольшими группами⁵⁶. В результате нее в середине XVII в. на окраине Кахетии имелось уже компактное цахурское и аварское население⁵⁷. Об этом в свое время писал М. М. Ковалевский. Он отмечал, что в начале XVII в., после разорения шах-Аббасом Кахетии аварцы «спустились с гор под начальством Чапар-Али и заняли ту часть Кахетии, которая известна ныне под названием Джаро-Белоканского округа»⁵⁸. М. М. Ковалевский указал также, что на новом месте горцы разделили между собой все земли в собственность, превратив тем самым бывших владельцев земли в наследственных арендаторов по так называемому кеш-кельному праву⁵⁹.

Миграции горцев на юг, в Закавказье, особо не препятствовали ни грузинские феодальные верхи, ни зависимые от них крестьяне. Первые рассчитывали использовать переселенцев в качестве вооруженной силы для укрепления обороны страны, вторые же надеялись на поддержку в борьбе с феодально-княжеским засильем. Сказывалось и другое. При родо-

60.

Петрушевский И.П. Указ. соч., с. 5; по данным А.Берже, в годы царствования Ираклия II грузинские (алазанские) деревни Сабун, Шилда, Алмати и др. платили горцам-мигрантам (капучинцам) ежегодно: по 4 абазы (80 коп. серебром), курице, 10 чуреков и 1 тунге (пять бутылок) водки с каждого дыма. То же самое платили кахетинские деревни Кварели, Гавази, Чикани и Кочетани горцам-анцухцам, бравшим на себя обязанность выставлять вооруженный отряд для охраны безопасности грузинских деревень (Берже А. Материалы для описания нагорного Дагестана. — КК, 1858, с. 261).

61.

Петрушевский И.П. Указ. соч., с. 9.

62.

Гамрекели В.Н. Вопросы взаимоотношений... (док.дисс.), с. 413.

63.

Там же, с. 452.

64.

Там же, с. 452.

65.

Хроника войн Джара..., с. 16—18.

66.

Гамрекели В.Н. Вопрос взаимоотношений... (док.дисс.), с. 452.

67.

Там же, с. 447;

68.

Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1968, с. 294—295.

69.

Ломсадзе Ш.В. Южная Грузия..., с. 16.

70.

Хроника войн Джара..., с. 6.

вой организации своей общественной жизни горцы-мигранты не несли с собой для грузинского крестьянства каких-либо социально-политических тягот. Напротив, зачастую они защищали местное крестьянство от притеснения феодалов, участвовали в обороне страны от внешних врагов, что со временем для горцев-мигрантов стало принимать характер «общественной» функции, оплачиваемой со стороны грузинского населения натуральным оброком⁶⁰. К середине XVIII в. по мере разложения родовых отношений и возникновения феодальных, с возрастанием политической роли Джарского вольного общества — основной миграционной базы, — горцы-мигранты предпринимали все более настойчивые попытки установить свое господство над местным населением⁶¹. Подобная тенденция наблюдалась также в ханствах Северного Азербайджана и внутреннем Дагестане, куда шла миграция из «вольных» обществ⁶².

Зарождение системы военной экспансии «вольных» обществ с захватом людей, скота и другого имущества относится ко второй половине XVII в.⁶³ Вплоть до XVIII в. набеги, однако, носили ограниченный характер; главным объектом экспансии была Кахетия. Резкая активизация набегов наблюдается в начале XVIII в. В 1706—1709 гг. горцы из Джара углубились в Кахетию и заняли последнюю часть Элесени. Под их натиском правитель Кахетии перенес свою резиденцию в Телави⁶⁴. В 1715—1735 гг. вся территория Кахетии, расположенная за рекой Алазани, несколько раз оказывалась во власти аварских обществ Джара-Тала и других горцев Дагестана⁶⁵. Тогда же участникам набегов удалось подчинить себе центральные местности Кахетии — Гавази, Кварели, Шилды, Гурджани, Кизики и заселить их⁶⁶. В дальнейшем пределы распространения набеговой системы расширились значительно. Они захватили Картли, а вскоре и Южную Грузию (Самцхе-Джавахети). К середине XVIII в. «лекианоба» достигла Западной Грузии, всей территории Азербайджана от Ширвана, Ганжи до Аракса, Ереванского ханства и даже владений Османской империи — районов Ахалциха и Карса⁶⁷. В Закавказье вне зоны набегов оставались лишь морские побережья.

Интенсивность набегов была достаточно высокой. Так, с 13 июля по 5 ноября 1754 г. О. Туманов, находившийся в Восточной Грузии в качестве конфидента, донес в Российскую Коллегию иностранных дел о 43 случаях набегов. В них было убито, взято в плен 350 человек, жителей Кахетии и Картли, захвачено большое количество скота, другого имущества⁶⁸. В Картли-Кахетии ежегодно разорению подвергалось в среднем 300 дымов⁶⁹, с одной целью — военная добыча (скот, посевные поля, сады и, в особенности, пленные)⁷⁰. Допросы грузин, жителей Чеч-

71.

Гамрекели В.Н. Вопросы взаимоотношений..., с. 449.

72.

Орбелиани П. Весть Картли. Тифлис, 1913.

73.

Гамрекели В.Н. Вопросы взаимоотношений..., с. 450.

74.

Неверовский А.А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб, 1848, с. 35. Ср. Милютин Д. Описание военных действий 1839 г. в Северном Дагестане. СПб, 1850, с. 14.

75.

Хашаев Х.-М. Общественный строй..., с. 144.

ни, Кабарды, собственно Дагестана и других местностей Большого Кавказа свидетельствовали о ночных разорительных нападениях «леков» на деревни, захвате в плен крестьян, угоне скота⁷¹.

На Северном и Большом Кавказе нападения совершались и мелкими разбойничьими группами. Речь идет, однако, не о них — подобные группы возможны и при других условиях. Набеговая система, порожденная внутренними общественными процессами «вольных» обществ, развивалась главным образом в виде нашествий тысячных и многотысячных ополчений, захватывавших в открытых боях разнообразную военную добычу. Именно о подобной системе экспансии писал в своей летописи Папуна Орбелиани⁷². В 40—50-х гг. XVIII в. на территорию Восточной Грузии вторгались ополчения из горного Дагестана численностью в 3, 7, 8, 12, 15, 20 тыс. человек⁷³. Ситуация не изменилась во второй половине XVIII в., даже после того, как Россия по условиям Георгиевского протектората ввела в Грузию свои военные силы. Напротив, в это время на территории Грузии появились столь крупные ополчения горцев, что с ними не в состоянии были справиться объединенными усилиями русско-грузинские войска.

Экспансия крупными и средними вооруженными отрядами предпринималась не только отдельными «вольными» обществами или же их союзами. Ее широко практиковали и военно-политические объединения, представлявшие собой примитивные государственные образования раннефеодального типа. Одним из таких образований было Аварское ханство. В 80-е гг. XVIII в. глава этого ханства Умма-хан стал грозой для соседей в Дагестане и в Закавказье. Совершая более чем 20-тысячным войском внушительные военные акции на Кавказе, он облагал подвергавшихся нападению тяжелыми контрибуциями, наподобие той, какую ему в 1775 г. обязался платить (в размере 200 тыс. руб.) Фатали-хан Кубинский. По А. А. Неверовскому, сумма ежегодной дани, взимаемой Умма-ханом с соседних народов, составляла 85 тыс. руб. серебром⁷⁴.

Свирепый для сопредельных районов, готовый вступить в военно-политические конфликты даже с Россией, хан, однако, отличался «демократичностью» в пределах своего ханства. На это обратил внимание Х.-М. Хашаев: «Умма-хан, — писал он, — гроза соседних ханов, несомненно обладающий решающим влиянием на окружающие общества, не приказывает (в пределах Аварии — М.Б.), а, ссылаясь на договор и присягу, выступает в роли третейского судьи»⁷⁵. «Демократизм» Умма-хана исследователь объяснял уровнем общественной организации Аварского ханства, где только-только стали проглядывать феодальные отношения, где не произошло еще узурпации

76.
Там же.
77.
Там же.
78.
Блиев М.М. Кавказская война..., с. 61.
79.
См. Магомедов Р.М. Указ. соч., с. 78.
80.
Мегреладзе Д.Г. Указ. соч., с. 131.
81.
С целью заключения с «вольными» обществами союза Турция признала за горцами территорию, занятую ими в Северной части Кахетии. (См. Мегреладзе Д.Г. Указ. соч., с. 131).
82.
Мегреладзе Д.Г. Указ. соч., с. 131.

собственности всех обществ и свободных общинников и родовая демократия сохраняла еще достаточную жизнеспособность⁷⁶. Военным демократизмом отличались и принципы, на которых создавались его вооруженные силы. Хан не являлся владельцем, которому собственный экономический и политический вес обеспечивал бы организацию войска численностью в 20 тыс. воинов. Более того, он вообще не располагал постоянной вооруженной силой, за исключением небольшого числа нукеров⁷⁷. Хан фактически возглавлял систему набегов «вольных» обществ, входивших в Аварское ханство или сопредельных с ним. Поэтому ханство Умма-хана, стремительно набиравшее силы за счет «вольных» обществ горного Дагестана, нам представляется в виде той базовой модели, которая по сути на той же социальной основе достигла более высокой организации в имамате Шамиля в годы Кавказской войны⁷⁸.

В литературе высказана мысль, будто к набегам горцев Дагестана побуждали Турция и Персия⁷⁹. Нельзя, однако, столь односторонне представлять себе сложные отношения между участниками набегов и правителями этих стран. Так, в 1723 г., когда Турция стала рассматривать Картли как свою собственность, султанское правительство враждебно отнеслось к набегам горцев на Грузию. Дело доходило тогда до кровопролитных сражений⁸⁰. Турция противостояла набеговой системе и в Кахетии. Временами, однако, османское правительство вынуждено было считаться с военно-политическим потенциалом «вольных» обществ и стремилось заключить с ними союз⁸¹. Непросто развивались отношения между «вольными» обществами и Ираном. В 1735 г., например, когда Иран и Турция вступили в открытую борьбу за обладание Кавказом, на стороне Турции оказались «вольные» общества, сторону Ирана, обрушившегося на горцев Дагестана, взяли грузины, надеявшиеся с помощью шаха оградить себя от набегов. В своих отношениях с Россией, Турцией, Ираном, Грузией «вольные» общества, захваченные стихией происходивших у них общественно-экономических процессов, руководствовались не столько политическими мотивами, сколько сиюминутными выгодами от военных предприятий. Не раз участвуя в кровопролитных сражениях с Ираном, Турцией, Грузией, джаро-белоканцы, например, как, впрочем, и горцы из других «вольных» обществ, нанимались в волонтеры безотносительно к тому, кем были их наниматели — мусульмане или христиане. В разное время они составляли особые части у турок, персов, грузин (в последние годы своего царствования Ираклий II постоянно привлекал их к себе на службу⁸²). Нацеленность на материальную выгоду порождала у горцев самые различные ориентации, способствовала появ-

83.

См. Боцвадзе Т.Д. Народы Северного Кавказа во взаимоотношениях России с Грузией. Тбилиси, 1974.

84.

АКАК, т. III, с. 371; В борьбе с набегами вместе с Россией действовали грузинские военные силы: для этих же целей в Грузии было создано специальное войско «Мориге», просуществовавшее вплоть до конца XVIII в. (Климашвили А.Е. Материалы для истории военной организации Восточной Грузии втор. пол. XVIII в. (авт.канд.дисс.). Тбилиси, 1966; с. 3).

85.

Броневский С. Указ. соч., с. 314—315.

лению неожиданных и обычно недолговечных политических комбинаций: устойчивой была лишь сама набеговая система, главным «инспиратором» которой оставалась социальная обстановка «вольных» обществ Дагестана.

Отдельно следует сказать о взаимоотношениях практиковавших набеги горцев с Россией. Во второй половине XVIII в., после того как грузинский вопрос стал частью внешнеполитического курса России, грузинские деятели постоянно обращались с просьбами оградить Грузию от «лезгинской опасности». Русское правительство с пониманием относилось к этим просьбам⁸³. Уже тогда политика России, постепенно лишавшая горцев традиционных объектов экспансии, приходила в столкновение с интересами организаторов и участников набегов. Временами наступающее примирение или «союзнничество» определяло характер и перспективы этих отношений: противоборство становилось ведущей тенденцией, и экспансия горцев приобретала новую, антирусскую направленность. По мере присоединения отдельных районов Кавказа к России и упрочения ее позиций в них борьба с набеговой системой принимала еще большую остроту. Разнообразились и методы — от карательных экспедиций до различных ограничений горцев в торговле, покупке хлеба, соли и пр.⁸⁴ На первых порах основным районом развития конфликта были Джаро-Белоканы. Позже противоборство перенеслось и в другие районы горного Дагестана.

В 70-е гг. XVIII в. и позже несколько ослаб натиск на Закавказье. Однако произошло это не столько благодаря вмешательству России, сколько в связи с тем, что у горцев, наряду с привычными объектами экспансии на юге, появились новые — предгорье и равнина Северного Кавказа, где под влиянием России заметно оживилась хозяйственная жизнь. Здесь участников экспансии привлекали русская пограничная линия, русские города — места бойкой торговли, сулившие немалую добычу. По свидетельству С. Броневского, горцы из Кайтага, «весьма наклонные к грабежу и разбоям», охотнее нападали на торгующих армян, «из Дербента в Кизляр и обратно проезжающих». Он писал и о «морском разбое» на Каспии, в результате чего «Астраханская торговля в нынешнем ее положении нередко покушениями их бывает затрудняема с понесением важных убытков для хозяев»⁸⁵.

В дальнейшем Северный Кавказ превращался в основное направление набеговой системы, которая, найдя там новые материальные стимулы, вступила в длительное противоборство с Россией.

Отношения между участниками набегов и российской администрацией на Кавказе в советской литературе принято рассматривать в контексте антиколо-

86.
Гаджи-Али. Сказание очевидца
о Шамиле. — СКГ, 1873,
вып. 7, с. 5—6.

87.
Лаудаев У. Указ. соч., с. 26.

ниальной борьбы горцев. Однако набеги, хотя и создавали трудности в продвижении России на Кавказ, фактически были лишены тех высоких идеологических установок, какие предполагала антиколониальная война; набеги к тому же гораздо «старше возрастом», чем активная российская колониальная политика на Кавказе. Экспансия горцев, если ее рассматривать в русле многообразия исторического процесса, явление сложное. Но в своей главной сути оно тесно связано с расслоением общинников и генезисом классового общества у горцев. Слова Ф. Энгельса «гнусные средства» приложимы к тем закономерным общественным процессам, которые в классической форме протекали в «вольных» обществах Дагестана XVIII — первой половины XIX в. Эту эпоху современник имама Шамиля, его катиб Гаджи-Али, давший собственное понимание событий в Дагестане, описал следующим образом: «Каждый стал предаваться своим страстям и наклонностям; одни сделались разбойниками, другие ворами; стали делать набеги на Гурджистан, Туш и Москок; с тем вместе возникли междоусобные брани и родовая вражда племен. По словам стариков, земля Дагестана сделалась смесью крови, драк и раздоров. Эти междоусобия, войны с пограничными странами и, наконец, в последнее время упорная война с русскими при Казимухаммеде, Гамзат-беке и Шамиле не прекращались до сего дня»⁸⁶.

Набеговая система тайповой Чечни

Историографическая справка

Набеговая система чеченцев достаточно полно описана в дореволюционной литературе, где наибольшую ценность представляют сведения У. Лаудаева. Первый чеченский историк, понятно, не мог знать подлинной природы набегов. Но приведенный им фактический материал воспроизводит необычную социальную напряженность в чеченском обществе на стадии перехода его к новой формации. Это было время, когда «перестали уважаться обычаи отцов и не исполнялись условия ада-та; в Чечне стало господствовать только одно право — право сильного»⁸⁷. В обстановке обозначившегося раскола общества формировались противоборствующие социальные силы: стремившаяся к власти и новым привилегиям родовая знать и сторонники сохранения тайпового уклада общественной жизни. Не без сочувствия к последним У. Лаудаев писал: «Благоразумные мероприятия любивших свою родину не имели, однако, между чеченцами успеха; силь-

88. Там же, с. 25—26.
89. Там же, с. 26.
90. Там же.
91. Там же.
92. Мамакаев М.А. Указ. соч., с. 45.
93. Лаудаев У. Указ. соч., с. 26.
94. Там же.
95. Броневский С. Указ. соч., т. II, с. 182; Потто В.А. Чечня. СПб, 1899, с. 6; Мосевич Г. Географический, этнографический, исторический и экономический очерки. Одесса, 1896, с. 122—123.

ные фамилии буйствовали и, не боясь никого, не исполняли приговоров адата. Воровство вошло у них в славу и доблесть; убивали и резали друг друга без причины, и, наконец, начали совершаться невиданные до этого преступления... стали похищать или силою уводить беззащитных людей — своих собратий в неволю и продавать их в рабство в далекие страны»⁸⁸. Крайне осложнившаяся социальная обстановка в чеченском обществе породила новые, неординарные явления. Так, поселившиеся на равнине ичкеринцы, частично находившиеся под властью аварских ханов, повели борьбу за свое освобождение: прекратили платить подати, захватывали земли. То же самое предпринимали малочеченцы против кабардинских князей. Из-за набегов на российскую пограничную линию ослабевало в Чечне влияние России⁸⁹. Вместе с тем, как отмечал У. Лаудаев, «беспорядки эти принудили благоразумнейших чеченцев позаботиться самим о водворении спокойствия в крае. Для этого они в различных аулах приглашали к себе князей для княжения (алолу дань), обязываясь на содержание их платить ясак»⁹⁰. В результате борьба с чужеземными феодалами становилась не столько освободительной, сколько сменой властвовавших «кадров»: ичкеринцы и часть шатоевцев призвали «к себе мелардоевских князей (происходивших от боковых линий аварских ханов...)», жители Большой Чечни — кумыкских князей, Малой — кабардинских⁹¹. Продолжением этой борьбы были внутренние межтайповые распри: битвы кадхароевского Жели и дышинского Тусхароя, неоднократные сражения Ботагана Жокало (Майстинского) против шедалоевцев (хевсур) и бацбийцев (тушин)⁹². Смена «кадров» чужеземных князей, межродовые (межтайповые) раздоры из-за земли, скота, пастбищ и, наконец, людей сопровождалась набиравшей темпы набеговой системой, имевшей в Чечне благоприятную социальную почву. На знамени участников набегов одна «агрессивная» формула сменялась другой, энергично звавшей их к вооруженным набегам. По свидетельству У. Лаудаева, «в эти именно времена вошли в поговорку возгласы, ныне повторяющиеся только на пирушках, но тогда бывшие во всеобщем употреблении: «Мир наш, кто кроме нас на свете (Дуне вайн деци)!»⁹³. Подобным возгласом, широко бытовавшим в Чечне, выражалось переживаемое чеченцами состояние, когда «поступкам их нет ответа, преступлениям — возмездия»⁹⁴. Сведения У. Лаудаева согласуются с русскими источниками, в которых Чечня XVIII — начала XIX в. характеризуется как «разбойничая республика», где «в образе жизни, воспитании и внутреннем управлении чеченцы поступают как следует отчаянным» воинам⁹⁵. Аналогичны свидетельства западноевропейских авторов, посетивших Кавказ в первой трети XIX в.

96.

Покровский М.Н. Указ. соч., с. 201.

97.

Кушева Е.И. О некоторых особенностях генезиса феодализма..., с. 183.

98.

Мамакаев М. Указ. соч., с. 7.

99.

Ахмадов Ш.Б. Об истоках антифеодального движения горцев в Чечне в конце XVIII в. —

Статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии. Грозный, т. IX, вып. III, 1974; Ахмадов Я.З. О характере движения в Чечне в 1757—1758 гг. Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XI — нач. XX в.). Грозный, 1979.

100.

Леонтович Ф.И. Указ. соч., т. II, вып. 2, с. 84—85.

Впервые в советской историографии набеговую систему чеченцев, нашедшую широкое отражение в источниках и работах дореволюционных авторов, соотнес с уровнем общественного строя М. Н. Покровский: набег чеченцев он сравнивал с войнами тацитовских германцев⁹⁶.

В наше время на набег в свете генезисных процессов феодализма обратила внимание Е. Н. Кушева. По ее мнению, одним из способов обогащения родовой по происхождению знати были набег за военной добычей⁹⁷. На высокую распространенность у чеченцев набеговой системы указывал М. А. Мамакаев, связывавший ее с господством военной демократии. Он ссылся на Ф. Энгельса, писавшего о «жажде добычи» при переходе к классовому обществу, и подчеркивал, что чеченское общество, как и другие подобные ему в истории общества, взяло на вооружение «воровство, насилие, коварство, измену» — неизменных спутников при переходе от родоплеменных отношений к классовым⁹⁸.

В последние годы в чечено-ингушской историографии все больше находит поддержку тезис о набеге как «антиколониальной борьбе горцев»⁹⁹. Сторонники такого подхода не принимают во внимание главной причины набегов в Чечне — дальнейшего развития земледелия и скотоводства, требовавших новых земель, пастбищ, рабочих рук. Они не учитывают, что набег совершался задолго до присоединения Чечни к России, когда чеченцы не знали еще о России и ее политике.

Набег чеченцев практиковались задолго до XVIII в. Но до переселения на равнину они не приобрели устойчивости, ставшей характерной для них позже. Качественный сдвиг в виде беспрецедентного размаха экспансии произошел под влиянием двух взаимосвязанных факторов: переселения на равнину, вызвавшего подъем экономики, и развития частной собственности, придавшей новый импульс формационным процессам. На зависимость набегов, в особенности их интенсивности, от «темпов» формирования частной собственности и классобразовательных процессов указывали дореволюционные источники. В записке В. И. Голенищева-Кутузова, например, отмечалось, что «пока чеченцы были бедны, пока народонаселение, разбросанное по редким хуторам на равнине, не составляло сплошных масс, они были покойны и не тревожны; но когда стали возникать богатые деревни, когда на тучных лугах стали ходить многочисленные стада, мирные дотоле соседи превратились в неукротимых хищников... народонаселение в Чечне быстро возрастало, благосостояние жителей увеличивалось ежедневно, дух воинственный достигал своего полного развития»¹⁰⁰.

101.

Броневский С. Указ. соч., т. II, с. 183.

102.

Тема набегов и добычи — традиционная в чеченском эпосе. (См. Долгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. Исследование и тексты. М., 1972, с. 116—117, 192, 198).

103.

Шавхелишвили А. И. Указ. соч., с. 163.

104.

Моргошвили Л. Ю. Указ. соч., с. 126.

105.

Там же, с. 123—124; Шавхелишвили А.И. Указ. соч., с. 162.

106.

Броневский С. Указ. соч., т. II, с. 168.

107.

Там же.

108.

Там же, с. 170—171.

109.

Аверкиева Ю.П. Указ. соч., с. 221—222.

Объектами набегов были все сопредельные Чечне территории. По свидетельству С. Броневского, чеченцы так «обуяли в злодействе, что никого не щадят»¹⁰¹, совершая набеги на Дагестан, Кабарду, Ингушетию и другие районы Северного Кавказа. Об этом свидетельствует и устное народное творчество как самих чеченцев¹⁰², так и соседних народов. Так, устные предания тушин повествуют о нападениях на грузинские села чеченских и кистинских отрядов, руководимых Муртазом¹⁰³. Выбор направления набегов и их интенсивность зависели от экономических выгод, которые мог сулить тот или иной район: предпочтение отдавалось районам со скотоводческим хозяйством. Так, карабулаки, считавшиеся одним из наиболее экономически состоятельных вейнахских племенных образований, являлись объектом постоянных набегов чеченцев¹⁰⁴. В результате в самом начале XIX в. более 200 семей карабулаков оказалось в зависимости от чеченцев¹⁰⁵: эти и другие семьи «неоднократно прибегали к российскому покровительству, прося защиты от притеснения чеченцев»¹⁰⁶. Начиная со второй половины XVIII и вплоть до середины XIX в. наиболее привлекательным объектом набегов для чеченских баячки стала российская пограничная линия. Переориентация набегов с юга на север была вызвана оживлением экономической жизни в Предкавказье и на русской границе. Чеченские отряды нападали на русские города, казачьи станицы, рынки, военные гарнизоны. Численность таких отрядов, как правило, была невелика, от 5 до 20 человек¹⁰⁷. Они добывали себе на русской границе материальные ценности, занимались охотой за людьми, принявшей высокоорганизованный характер. Приведем описание С. Броневским «техники» захвата людей: «Раздевшись у Терека, (чеченцы — *ред.*) кладут платья и оружие в кожаные мешки (тулупы), с помощью коих переплывают на ту сторону реки, и живут по несколько дней в камышах и кустарниках, подстерегая неосторожных путешественников или работающих в полях худо вооруженных земледельцев. Как скоро захвачена добыча, перевязывают пленника под пахи длинною веревкою и тащат за собою через Терек вплавь. Потом завязывают ему глаза и, посадив на лошадь, возят взад и вперед по горам и лесам... дабы, рассеявши таким образом внимание пленника, отнять у него все способы к побегу»¹⁰⁸. По мере освоения чеченским населением равнинных земель и приоритетного развития земледельческого хозяйства, набеги чеченцев набирали темпы. Здесь наблюдалась закономерность, замеченная исследователями у ирокезов. По мнению У. Ритчи и Ю. П. Аверкиевой, войны ирокезов обуславливались развитием земледелия и ростом населения¹⁰⁹. Речь идет о такой закономерности, когда сдвиги в экономике, в данном случае переход от ско-

110.

Лаудаев У. Указ. соч., с. 22.

111.

Там же.

112.

Там же, с. 23.

113.

Броневский С. Указ. соч., с. 173.

114.

Головчанский С.Ф. Первая военная экспедиция против чеченцев в 1758 г. — Записки Терского общества любителей казачьей старины, № 11, Владикавказ, 1914; с. 113—120; Броневский С. Указ. соч., т. II, с. 173.

товодческого хозяйства к земледелию, интенсифицируют формационные процессы, с которыми тесно связана набеговая система. У. Лаудаев подчеркивал, что крупные хозяйственные успехи чеченского населения на равнине «поставили плоскостных чеченцев выше их горных братьев»¹¹⁰. Чеченский историк заметил зависимость набеговой практики от экономических перемен, происходящих в Чечне: по его мнению, из хозяйственных успехов на равнине «ясно, почему впоследствии все предприятия чеченцев: возмущения, переселения, религиозные волнения и прочие начинались сперва плоскостными чеченцами и от них уже постепенно распространялись в горы. Все люди, волновавшие Чечню, для достижения своих целей обращались сперва к плоскостным жителям, с твердой уверенностью, что горные последуют за ними»¹¹¹.

Сложность исследования набеговой практики состоит в том, что помимо главной своей задачи — захвата военной добычи — часто она преследовала и другие цели, связанные со сложными социально-политическими явлениями, происходившими на Северном Кавказе. Так, набеги на владения кабардинских и кумыкских феодалов иногда предпринимались в «ответ» на стремление указанных владельцев поставить в зависимость от себя чеченцев, переселившихся на равнину. Со временем, однако, столкновения на этой почве несколько поутихли и набеги в сторону Кабарды и Дагестана как бы освободились от «сопутствовавшей» политической окраски. По наблюдениям У. Лаудаева, «завладев плоскостью, чеченцы, не опасаясь уже более никого, смелее начинают свои хищнические действия и, довольствуясь ограждением своей свободы от притязаний кумыков и кабардинцев, признавая их братьями по религии, все свои предприятия образуют против русских»¹¹². Набеги в сторону российской границы вызывали серьезные конфликты. Российское правительство считало, что, предоставив чеченцам право переселения на равнину, оно вправе рассчитывать на покорность переселенцев и прекращение набегов на русскую границу. Чеченцы, участники набегов, однако, не очень считались с политическими «расчетами» правительства, продолжая развивать экспансию. Российская военная администрация направляла экспедиции с целью прекращения чеченских набегов. Так, еще в 1718, 1722 гг. по указу Петра I в Чечню направлялись военные силы для «усмирения чеченцев» и защиты русских границ¹¹³. В 1758 г. впервые была предпринята экспедиция в глубь Чечни¹¹⁴. Перед ней стояли те же задачи, что и перед предшествовавшими ей вооруженными экспедициями. Ситуация сохранялась вплоть до середины XIX в., когда, по словам У. Лаудаева, «русские по-прежнему» «изредка тревожили» чеченцев, «требуя от

115.

Лаудаев У. Указ. соч., с. 23.

116.

Ахмадов Я.З. Из истории чечено-русских отношений. —

ВИД, 1977, т. II, с. 297—300.

них покорности русскому царю за дарованную землю»¹¹⁵. В результате уже в XVIII в. русско-чеченские отношения, развивавшиеся благодаря экономической и политической заинтересованности в них как чеченцев, так и России, стали осложняться из-за набеговой системы. Попытки российской администрации покончить с военными конфликтами и добиться мирного урегулирования возникших осложнений с чеченцами¹¹⁶ не приносили успеха. Это обстоятельство обусловило появление в литературе утверждения, будто противоречия в русско-чеченских отношениях вызывались иной, чем у других народов Северного Кавказа, внешнеполитической ориентацией.

Российская пограничная линия, русские города и казачьи станицы привлекали внимание чеченцев не только как объекты для набегов. Открывая для Чечни совершенно новые экономические перспективы, эти «объекты», благодаря торговле, хозяйственному сотрудничеству, являлись не меньшей базой для роста и укрепления феодализировавшейся знати, чем опасные и не всегда удачные набеги. Сдерживавшим набеги фактом были действия самой России. В интересах своей внешней политики в XVIII в. — начале XIX в. она пыталась действовать в Чечне достаточно гибко, добиваясь, как правило, мирного решения возникавших конфликтов. Иначе говоря, в рассматриваемое время русско-чеченские связи не исчерпывались обычными понятиями о «мирных» и «немирных» отношениях, — понятиями традиционными для русско-кавказских контактов вообще. Русско-чеченские связи развивались сложно и многообразно, поскольку на них активно воздействовали внутренние общественные процессы, протекавшие в чеченских тайпах. Противоречивость этих связей состояла в том, что Россия, осваивая Предкавказье и экономически стимулируя хозяйства горцев, а также осуществляя такие акции, как переселение с гор на равнину, объективно способствовала ускорению феодализации этих обществ. Прогрессивное по сути явление, в Чечне оно сопровождалось подъемом набеговой системы. Столкновение российских властей с чеченскими тайпами происходило прежде всего из-за набегов, которые становились для одних средством собирания собственности, для других серьезным препятствием в проведении российской политики.

В XVIII — первой половине XIX в. общественное сознание чеченцев не осуждало набеговую систему. Напротив, оно было в поисках того идеологического обоснования, в котором нуждаются более высокие формы социального бытия. Поиски эти, естественно, происходили в сфере религиозных верований. Но именно эта область жизни чеченских тайпов отставала от их социального обновления.

До XVIII в. у вейнахских племен все еще сохраня-

117.

Умаров С.Ц. Доисламские религиозные верования чеченцев и ингушей. — Характер религиозности и проблемы атеистического воспитания. Грозный, 1979, с. 121.

118.

Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М., 1965, с. 202.

119.

Крупнов Е.И. Указ. соч., с. 195.

120.

Умаров С.Ц. Указ. соч., с. 116—117.

121.

Шилменг Е.М. Ингуши и чеченцы. — Религиозные верования народов СССР, т. II. М. — Л., 1931, с. 12.

122.

Лаудаев У. Указ. соч., с. 28.

123.

Там же.

124.

Там же.

125.

Торнау Н. Изложение начал мусульманского законовещения. СПб, 1850, с. 103—107.

лась поликонфессиональная структура: наряду с мировыми религиями — христианством и исламом важное место занимало язычество¹¹⁷. Подобная ситуация в религиозных представлениях не была чем-то исключительным, присущим только вейнахам. По С. А. Токареву, под внешним покровом официальных религий у многих народов горных районов Кавказа устойчиво сохранялись более древние и самобытные религиозные культы, со временем «вплетавшиеся» в христианские и исламские идеи¹¹⁸. Впрочем, у вейнахских племен христианство и ислам были распространены относительно слабо, так как они являлись главным образом результатом внешних влияний: по мнению Е. М. Крупнова, христианство на Центральном Кавказе проникло благодаря политическим акциям грузинского феодального государства XII в., а позже, в XVIII в. — Российской империи¹¹⁹. Попытки представить христианство религией «раннефеодального общества» вейнахов уже в XII—XV вв.¹²⁰ не подкрепляются фактическими данными. Более основан взгляд Е. М. Шиллинга, видного этнографа народов Северного Кавказа, считавшего, что по сохранности традиции и пережитков идеологии родового строя на Кавказе «лучшими» являлись религиозные представления вейнахов¹²¹. К XVIII в., пожалуй, следует относить не только начало «общественного переворота», но и время, когда языческие верования у вейнахов стали утрачивать «социальную потенцию» и превращались в культурную традицию. В условиях феодализации и набеговой практики язычество, уходящее своими корнями в родовое общество, обладало слишком демократичными принципами, чтобы оправдать жестокости набегов; по меткому выражению У. Лаудаева, язычество становилось «безыскусственным», не позволявшим «постигнуть ясные доводы единства бога»¹²². Впрочем, запросам чеченского общества не отвечало и христианство — религия классового общества, хотя оно получило к тому времени распространение на Центральном Кавказе, в том числе среди чеченцев. Христианство, оправдывавшее эксплуатацию человека человеком, но уже утратившее ветхозаветную непримиримость, осуждало жестокости набеговой системы; «проповедывавшее в своих догматах кротость и смирение», оно было «не по духу» чеченскому обществу¹²³.

«Выбор» был сделан в пользу ислама, поскольку «там, где Евангелие велит прощать врагу своему, коран позволяет воздать око за око и зуб за зуб»¹²⁴. Но главное заключалось в провозглашении исламом джихада — войны против неверных¹²⁵, — отвечавшем злобе дня чеченского общества.

Исламская вера, встречавшаяся ранее как религиозное влияние, до XVIII в. не получала сколько-нибудь широкого распространения среди чеченцев.

126.

Лаудаев У. Указ. соч., с. 28.

127.

Там же, с. 29.

128.

Ахмадов Я.З. О роли мусульманского духовенства в общественной жизни Чечни (по материалам XVIII — первой пол. XIX в.). — Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом. Грозный, 1982, с. 56, 57.

129.

Там же, с. 56.

130.

Лаудаев У. Указ. соч., с. 30.

У. Лаудаев, утверждая, что чеченцы приняли ислам от дагестанских племен¹²⁶, имел в виду не изначальные истоки ислама, а более поздние попытки его распространения. По его данным, в Чечне ислам насаждался неким Термолаем и, являясь актом насильственным, был связан с установлением дани в пользу дагестанского шамхала; из-за этого чеченцы «во множестве уходили к русским»¹²⁷. О позднем распространении в Чечне ислама свидетельствует и другое. До принятия ислама чеченцы считались «миролюбивее своих соседей», это дает основания говорить о хронологическом совпадении роста набеговой системы у вейнахов с распространением ислама в XVII — и особенно XVIII в. XVIII — первая половина XIX в. — время наибольшей активности в утверждении исламских догматов в Чечне. К этому периоду также относится выдвижение кадия на первенствующую роль в общественной жизни¹²⁸. Степень распространения ислама, однако, была разная на равнине и в горах: «слабый» исламизм в горах и «сильный» — на равнине¹²⁹. Бесспорно, сказалась зависимость религиозно-идеологических запросов от уровня социальных отношений. Более высокие темпы феодализации на равнине обуславливали не только исламизацию чеченских тайпов, но и появление мюридизма с его агрессивными идеологическими установками в отношении сопредельных территорий и народов.

В целом чеченское общество, охваченное социальными противоречиями и набеговой системой, было вполне подготовлено к восприятию мира через призму исламских догм, где главное — это состояние непрерывной вражды между мусульманами и неверными. Деление мира на две части — мир ислама (дар-ал-ислам) и мир врагов (дар-ал-харб), предписание вести непрерывную войну с «миром неверных» до тех пор, пока неверные не примут мусульманство или не подчинятся власти ислама, становились популярными среди участников набегов. Особенно популярными среди чеченских «баяччи» были положения из «китабул-джихада», согласно которым война поощрялась еще и ради добычи. Более того, шариат точно определял порядок распределения этой добычи, куда входило все, в том числе земля, отнятая у неверных. Пятая часть добычи предназначалась имаму или кадию — духовному руководителю, остальная — делилась между воинами поровну. В Чечне, где в XVIII в. ислам не пустил еще глубокие корни, в первую очередь воспринимались наиболее агрессивные установки ислама и в значительно меньшей степени — то, что составляло собственно веру. Распространителями и вдохновителями ислама являлись представители духовенства, пробивавшие себе путь в родовую знать, постоянно побуждавшие население Чечни к фанатизму¹³⁰. У. Лаудаев подчеркивал: «Оно (духовенство —

131.

Там же.

132.

Там же, с. 29.

133.

Там же с. 30.

134.

Там же, с. 55—56.

ред.) ночные набеги и воровство называет войною за веру, а павшим в этих подвигах людям обещает рай, называя их казаватами, т. е. пострадавшими за веру. Впрочем, это делалось более из личной корысти духовенства»¹³¹.

Время, когда в сферу набегов чеченских «баяччи» стала проникать исламская догматика, — переломное в общественном развитии Чечни. По оценке У. Лаудаева, с принятием ислама «все изменилось» у чеченцев¹³². Среди перемен, происходивших в Чечне, следует указать, в первую очередь, на сложности не только во взаимоотношениях чеченцев с соседними народами, но и в межтайповых и межплеменных отношениях внутри собственно Чечни. Утверждавший, что ислам втягивал чеченцев, традиционно дружелюбный народ, в беспрецедентную межэтническую ситуацию: «Коран вселяет в них непримиримую вражду к иноверцам; соплеменные галгаи, оставшиеся в язычестве... делают их религиозными врагами. До того дружественные, русские и чеченцы начинают неприязненные друг против друга действия»¹³³, — писал У. Лаудаев.

Поборникам ислама удалось склонить большинство чеченских тайпов к принятию новой идеологической доктрины. В результате в чеченском обществе наряду с социальным расколом наступал духовный, идеологический. Стремившейся к господству духовной «знати» часто приходилось действовать насильственными методами. Давление оказывалось не только на слабые тайпы, чаще оказывавшие сопротивление исламу, но и на отдельные сильные тайпы, не всегда следовавшие за новыми «пастырями». Заслуживает внимания описанное У. Лаудаевым «идеологическое» столкновение представителя старшинской знати с «шейхом». Согласно описанию, в период «окончательного» утверждения между чеченцами ислама «во главе народа стоял некто Берс (Берсан) Курчалинской фамилии... его называли имамом и шейхом». У «имама» был друг, не менее влиятельный в народе, чем он сам, но «страшный противник корана». При встрече Берс-имам объявил своему другу: когда был таким же «гяуром», как он, мог считаться его другом, «теперь же, приняв ислам», не может находиться в дружбе с «неверным нечестивцем». «Имам» пригрозил: «Если встречусь с тобою в поле, то вступлю с тобою в бой»¹³⁴. Сопротивление исламу со стороны сильных тайпов, по-видимому, было не столь упорным. У. Лаудаев сообщал, что Берс-имам проявил характер, настойчивость и ему удалось сделать из своего приятеля «ревностного мусульманина». Сложнее обстояло дело с рядовыми тайпами. Воспринимая одни установочки ислама — о набегах, военной добыче, они не всегда признавали другие — о судопроизводстве, управлении, поведении в быту и т. д. Чеченские общин-

135.

Там же, с. 30.

136.

Леонтович Ф.И. Указ. соч., т. II, вып. 2, с. 88.

137.

Лаудаев У. Указ. соч., с. 58.

138.

Там же.

139.

Смирнов Н. А. Шейх Мансур и его турецкие вдохновители. — ВИ, 1950, № 10; Скитский Б.В. Очерки..., с. 159—163; Авксентьев А.В. Ислам на Северном Кавказе. Ставрополь, 1973, с. 27.

140.

Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963; Ахмедов Ш.Б. Об истоках антифеодального и антиколониального движения...

141.

Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М., 1984, с. 67—69.

142.

Джевдет-паша. Описание событий в Грузии и Черкесии по отношению к Османской империи от 1192 года по 1202 год хиджры (1775—1784). — РА, 1888, кн. 1, с. 381.

ники с трудом отказывались от адатных норм и долго оказывали сопротивление строгим регламентациям шариата. У. Лаудаев вопрошал: «Но возможно ли было вольный народ, веками привыкший к адату, подчинить шариату?» По оценке У. Лаудаева, «чеченцы ни в каком случае не были теми людьми, кои необходимы шариату»¹³⁵. Подобное мнение высказывали и русские администраторы. «Чеченцы всегда были плохими мусульманами: суд по шариату, слишком строгий по их нравам, в редких случаях находил место, обычай и самоуправство решали почти все дела», — констатировал В. И. Голенищев-Кутузов, утверждая, что это положение сохранялось вплоть «до самого водворения Шамиля»¹³⁶. На почве неприятия ислама межтайповые отношения обострялись так, что некоторые чеченские тайпы покидали свой край и «уходили к русским, потому что считали их братьями по религии»¹³⁷. Чечню покинули тайпы: Биллетоевский, Варандоевский, Ахшпатоевский, Гуноевский и др. Перейдя через русскую границу, они поселились в казачьих станицах и русских селах¹³⁸. Конечно, в этом был «повинен» не только ислам. Главное заключалось в социальном мотиве: стремившиеся к собственности богатые тайпы притесняли слабых, не успевших еще укрепнуть на новом месте, на равнине, вынуждали их уходить за пределы Чечни. Вопрос об отношении к исламу для многих чеченских тайпов становился социальным вопросом.

В 80-е гг. XVIII в. внутренние общественные процессы и сопровождавшая их набеговая система достигли такого уровня, когда исламская идеология в состоянии была придать происходившим в Чечне явлениям характер «всенародного движения». Распространившись в равнинной Чечне, ислам вступал в стадию воинствующего мюридизма, призванного идеологически обеспечить утверждение новых социальных устоев. В русле именно этого процесса развивалось движение шейха Мансура, получившее в литературе разноречивое освещение. С высоты «революционера», борца за «свободу и независимость» шейх Мансур низводился до «реакционера», «авантюриста» и «турецкого агента»¹³⁹, затем вновь поднимался до «руководителя» «антиколониального и антифеодального движения горцев Чечни»¹⁴⁰.

Бесспорно, при оценке ряда политических аспектов движения, его размаха невозможно обойти значение турецкого влияния¹⁴¹: утверждение турецкого историка Джевдет-паши — «от религиозного рвения» пот выступал на лицах тех мансуровцев, кто получал подарки от султана¹⁴² — не лишено основания. Но у движения шейха Мансура были внутренние социальные истоки. В одном из своих писем Кизлярскому коменданту участники движения ясно объясняли мотивы, по которым они стали поборниками мюридиз-

143.
ЦГАДА, разряд 23, д. 13, ч. 12,
л. 329.

144.
Жуков Е.М. О роли социальной
революции в процессе смены
общественно-экономических
формаций. — Формации и со-
циально-классовые структуры.
М., 1985, с. 11.

145.
Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.,
т. 21, с. 159.

146.
Лаудаев У. Указ. соч., с. 60.

147.
Там же.

148.
Там же.

ма: «... согласясь с другими, — писали они, — присягнуть имаму с тем, чтобы разбирались ссоры и тяжбы наши по закону, обидчики от обид и наглостей были удержаны, воры были наказаны, включая притом и то, чтобы быть к России в верности»¹⁴³. В обстановке растущей набеговой системы, обращенной не только во вне, но и против собственных соплеменников, обострения в межтайповой борьбе рождались тенденции, ведущие к более высокому, чем тайповая, формам общественной организации. Речь шла как об организации разбора «ссор и тяжб» «по закону», так и самой набеговой системе, неуправляемость которой тяжело сказывалась на положении «слабых» и «средних» тайпов, подчас становившихся жертвой набегов соплеменников. Спонтанная потребность в самоорганизации, появившаяся в пору разложения родового строя и военной демократии¹⁴⁴, по словам Ф. Энгельса, не предусматривала еще системы господства и подчинения или же различий в правах обязанностей членов общества¹⁴⁵, но неуклонно вела к самым ранним формам политической организации. Оказавшись на этой стадии, Чечня была в преддверии социальной революции и создания первой политической «ассоциации» со своей идеологией.

Мюридизм как форма военно-политической консолидации вызвал к жизни и другое — возросшие у родовой знати потребности в земельной собственности (цели набегов предусматривали также захват новых земель). Приобрести ее в сопредельных Чечне территориях с помощью небольших отрядов, которыми совершались набеги, было невозможно. Поэтому важнейшей задачей формировавшегося в Чечне мюридизма являлось объединение горских племен, чтобы едиными действиями против русских¹⁴⁶ расширить за счет российской пограничной линии пределы своей территории.

Возглавив в 80-е гг. XVIII в. мюридизм в Чечне, шейх Мансур начал свои действия с объявления российской границы на Северном Кавказе «мусульманской землей»¹⁴⁷, овладение которой составляло одну из целей движения¹⁴⁸.

Начав с «захвата мусульманской земли», шейх Мансур одновременно принялся за энергичную идеологическую работу по дальнейшему распространению ислама: «миссионерство» шейха Мансура предусматривало утверждение среди равнинных жителей агрессивных формул ислама. Чеченские тайпы, в особенности их старшинская знать, должны были переходить от обычных требований в отношении религиозных догматов, способствовавших «организации» общественной жизни, к освоению мюридистских установок на открытую борьбу с «неверными». В литературе принято освещать выступление шейха Мансура с его нападения на российскую границу, в частности

149.
Бронеvский С. Указ. соч., т. II,
с. 173.

150.
Лаудаев У. Указ. соч., с. 60.

151.
Там же.

152.
Там же.

153.
Там же.

154.
Там же.

с разгрома им отряда полковника Пиррея¹⁴⁹. Подобное представление о зарождении движения в Чечне оставляет в стороне не только внутреннюю обусловленность этого движения, но и непростую подготовительную работу шейха Мансура.

В области идеологии шейх Мансур начал вроде бы просто: объявил трехдневный пост (мархо) во имя «исламского единения» населения Чечни и подчинения его «велению бога». С мюридами он разъезжал по селам, от которых требовал «веры в бога» и «порядка». Пока ничем не призывая к войне, разве что «пением Зикра», шейх Мансур запретил дурные поступки: курение табака, употребление крепких напитков, и предписал усердно молиться богу¹⁵⁰. Запрещались набеги в соседние области, осуждались распри между тайпами. По описанию У. Лаудаева, чеченцы «так увлеклись религиозным настроением, что открывали один другому свои сердца, изгоняли из них злобу, зависть, корысть и прочее. Говорят, что тогда народ до такой степени обратился на истинный путь, что найденные вещи и деньги привязывали на шесты и выставляли на дорогах, пока настоящий владелец не снимал их»¹⁵¹. В этой оценке обстановки в Чечне, заимствованной У. Лаудаевым из устных преданий, нельзя не заметить преувеличения. Затишье в набегах, наступившее под влиянием мюридов шейха Мансура, а также «гармония» чеченского общества явно носили внешний, временный характер. В этот период происходило не только утверждение идеологии, но и практическая и политическая переориентация набеговой системы: не во внутренние районы самой Чечни и во владения кабардинских и дагестанских феодалов, как обычно, а на русскую границу с ее городами и поселениями. Этот внушительный процесс захватил не только равнинную и горную Чечню, но и «языкствовавших кабардинцев и галгаев»¹⁵²: «чеченцы принимают над ними главенство и смелее начинают действовать»¹⁵³. Перегруппировка сил, вызванная как появлением «нового врага», так и решением сложных социально-экономических задач, выдвинутых процессом феодализации, понятно, не могла быть быстро воплощена в жизнь. Активная подготовка к «всеобщему» движению чеченцев, принявшая формы фетишизации ислама, заняла не менее двух лет¹⁵⁴. На протяжении этого времени шейх Мансур вынужден был действовать как шейх, устас, пророк, «ходатай перед богом». «Отстававшая» от идеологии социальная обстановка не позволяла Мансуру привлечь к себе абсолютное большинство чеченских тайпов и придать создавшейся военной организации черты примитивного государственного объединения. В этом отношении титул имама, полученный им от османского правительства, без главного — самого имамата, был всего-навсего преждевременно приоб-

155.

Там же.

156.

Там же.

157.

Там же.

158.

Жуков Е.М. Указ. соч., с. 11.

ретенным атрибутом. Шейх Мансур приступил к набегам, когда посчитал, что мюридизм уже достаточно внедрен в чеченском обществе. Набеги предпринимались в основном в сторону «неверных» русских. Это направление набегов, как и их организационные формы, было новым. Что касается целей и мотивов набегов под руководством шейха Мансура, то они остались прежними.

Благодаря новой организации самой набеговой системы изменилась ее «экономическая» эффективность. Теперь дело «доходило до того, что, например, несколько человек, не имевших и одного быка, улавливались составить свой плуг, и для этого при начале полевых работ пригоняли из-за Терека быков, добытых от русских»¹⁵⁵. Даже калым, предусмотренный адатом и столь тяжелый для молодых людей, выплачивался точно в срок за счет военной добычи, привозимой с российской границы¹⁵⁶. Более примечательным, однако, было другое — у набеговой системы, возглавленной шейхом Мансуром, появился свой идеологический и военный центр — аул Алды, куда русское командование, приступившее к подавлению движения шейха Мансура, направило специальные военные силы¹⁵⁷. Воинствующий мюридизм шейха Мансура, придавший новый импульс набеговой системе, был нацелен на утверждение новых социально-экономических отношений в Чечне. Вместе с тем он, порожденный переходной экономикой и социальной организацией чеченских тайпов, не что иное, как выделение права, его противопоставление обязанностям — признак распада родовых отношений. Выдвижение Мансура в качестве «устаса», превращение аула Алды в центр движения — свидетельства зарождения публичной власти. Как справедливо отмечает Е. М. Жуков, «появление первых элементов публичной власти было вызвано прежде всего потребностями усовершенствовать практику вооруженного грабежа... Лишь на последних стадиях разложения родового строя, когда происходит формирование племенных союзов и появляются первые атрибуты публичной власти, ускоряется отрыв социальной верхушки от основной массы населения»¹⁵⁸.

В целом, в XVIII — первой половине XIX в. в тайповой Чечне происходили процессы, приближавшие смену родоплеменных отношений классовыми. Шло дальнейшее развитие имущественного неравенства, вначале между тайпами, затем — среди членов тайпа, и наблюдались зачатки присвоения чужого труда (использование труда пленников — рабов). Однако в чеченских обществах еще нет ни классов, ни государства. Есть лишь первые признаки концентрации вооруженной силы в руках родовой знати, которая со временем приведет к подчинению соплеменников, принуждению их к выполнению различного рода ра-

159.
Там же, с. 12.
160.
Адыги, балкарцы и карачаевцы..., с. 50.
161.
Там же.
162.
Там же.
163.
Там же, с. 117.
164.
Там же.

бот и повинностей. Вместе с тем сильные тайпы станут частично терять свои хозяйственные функции, приобретая взамен военно-организаторские и карательные. Эта последняя стадия доклассового общества, именуемая Ф. Энгельсом «военной демократией», представляет собой период, когда необычно возрастает роль и значение военного грабежа в условиях кризиса и распада родовой социальной организации¹⁵⁹.

Набеговая система «демократических» племен Северо-Западного Кавказа

В поступательном развитии «демократических» племен особая роль принадлежала набеговой системе, сопровождавшей на переходном этапе все социальные процессы адыгского общества.

Источники свидетельствуют о раннем зарождении у адыгов системы набегов. Уже во второй половине XV в. итальянский путешественник Дж. Интериано, посетивший Черкесию, мог наблюдать, как черкесы «постоянно воюют с татарами, которые окружают их почти со всех сторон. Ходят даже на Босфор вплоть до Херсонеса Таврического, той провинции, где находится колония Каффы, основанная в древности гетуэзцами»¹⁶⁰. Он заметил, что черкесы занимаются набегам «сезонно» («охотнее всего совершают походы в зимнее время, когда море замерзает») ¹⁶¹ — признак «вырастания» единичных набегов в систему набегов. Дж. Интериано полагал, что набег «в здешней стороне» — «обычное явление»¹⁶². В конце XVII в. это наблюдение подтвердил немецкий путешественник Э. Кемпфер. Судя по его данным, наиболее распространенной среди черкесов конца XVII в. формой набегов являлась организация небольших отрядов. Вечером черкесы «выезжают на место сбора, — писал Э. Кемпфер, — где их собирается 30—40 и более людей и договариваются, когда и куда идти на добычу»¹⁶³. Эти набег производятся не только на соседние страны, но и в их собственной земле, так как они «похищают все, что можно, и продают друг друга туркам, персам и прочим в качестве крепостных»¹⁶⁴, — продолжал Э. Кемпфер. О системности и масштабах набеговой практики можно судить и потому, что черкесы, часто попадавшие в зависимость к крымскому хану, платили ему дань пленниками, которых они захватывали во время своих набегов. Размер этой дани был немалый. Французский путешественник Абри де ла Мотрэ указывал, что «черкесы платили прежде ежегодную дань в размере

165.
Там же, с. 123.
166.
Там же, с. 121.
167.
Там же, с. 124.
168.
Там же, с. 154.
169.
Там же, с. 163.
170.
Там же, с. 216.

6000 рабов и столько же лошадей хану»¹⁶⁵. Однако общественные структуры эпохи военной демократии, как правило, обнаруживают более высокую социальную потенцию, чем соседние народы, независимо от того, насколько они отстали или ушли вперед по общему уровню своего развития. Так, Крымское ханство, представлявшее собой раннефеодальное государственное образование, рано или поздно должно было отступить перед мощной энергией адыгского военно-демократического общества. По сообщению Абри де ла Мотрэ, «вследствие военной хитрости черкесов» хан в одном сражении с горными адыгами потерял 40 тыс. своих воинов¹⁶⁶, в другом — был разбит со своей стотысячной армией¹⁶⁷. В том и состоит особенность племенных образований с военно-демократическим устройством, что они проявляют не только беспрецедентную агрессивность, но и способность противостоять во много раз превосходящим силам противника. К XVIII в. набеговая система достигла такого уровня, что фактически стала определять всю общественную и политическую жизнь горных адыгов. Общественное сознание оправдывало набеги, обосновывало их необходимость. Известный путешественник И. Гербер писал о сложившейся у адыгов системе воспитания подростков, которых с раннего возраста готовили к набегам¹⁶⁸. О «набеге» правосознании свидетельствовал итальянец Ксаверию Главани, автор начала XVIII в. На его вопрос «Почему дозволяются подобные набеги» черкесский бей ответил: «В нашей стране нет ни денег, ни рынков; откуда же взять нашим молодым людям средства для приобретения одежды? Мы не изготавливаем никаких тканей, но купцы являются с товарами в период набегов и снабжают нас всем необходимым. Разве испаги делаются беднее от того, что у них отнимают ежегодно трех детей? Эти рабыни, рожая каждый год, заменяют потерю, а между тем наша молодежь приобретает посредством набегов возможность хорошо одеваться. Если у испаги отнимают трех детей, то потеря эта вознаграждается, быть может, с избытком детьми, похищенными в других округах. Таким образом, это есть простой обмен между округами, а между тем он дает нам возможность развивать воинственный дух в молодежи»¹⁶⁹.

XVIII — первая половина XIX в. для горных адыгов — время наиболее интенсивных набегов, которые охватили максимальную территорию. Направления набегов теперь не столько зависели от «слабости» или «силы» противника, сколько от «экономической» эффективности выбранного для набегов направления. По мнению Палласа, шапсуги, например, свою экспансию довели до таких масштабов, что «турки в отчаянии от их набегов», которые достигают «окрестностей Анапы»¹⁷⁰. Набеги шапсугов были

171.
Там же, с. 242.
172.
Там же.
173.
Там же.
174.
Там же, с. 244.
175.
Там же, с. 327.
176.
Там же.
177.
Там же.
178.
Там же.

ориентированы не только на Юго-Западный Кавказ, но и на север, где они подвергали вооруженным нападением местные кавказские племена, казачество, российскую пограничную линию и побережье Черного моря. По оценке Ю. Клапрота, экспансия шапсугов на Северо-Западном Кавказе приняла столь угрожающий характер, что российскому правительству следовало предпринять чрезвычайные меры для «их усмирения, иначе, — считал он, — они (шапсуги — *ред.*) будут так же опасны для западной части линии, как опасны для восточной части ее чеченцы»¹⁷¹. Более того, Ю. Клапрот полагал, что шапсуги по своей вооруженной силе и способности к обороне превосходят даже чеченцев и «если с русской стороны не будет предпринято против них что-либо энергичное, то, — как прогнозировал Ю. Клапрот, — к этому присоединится и все население за Кубанью, которое они постоянно беспокоят»¹⁷². Частота набегов шапсугов на северо-запад объяснялась не какой-то «особой» ненавистью к жителям этого района, а экономическими выгодами. Ю. Клапрот высказывал и такое опасение: «Если же их (шапсугов — *ред.*) усмирение еще дольше задержится, то соседние народы заметят, какую большую добычу они захватывают у черноморцев, и последуют их примеру»¹⁷³. Подъем набеговой системы замечался не только среди шапсугов, но и абадзехов и натухайцев. По Ю. Клапроту, последние, как и шапсуги, стали совершать «набеги на далекие расстояния»¹⁷⁴.

Мы уже указывали, что в периоды наивысшего подъема в набеговой системе, когда военная добыча становилась «фетишем», как правило, реже формировались крупные военные ополчения, но зато широкий размах принимали набеги малыми отрядами, применявшими тактику, отличную от ополченческой. Эту особенность заметил шотландский путешественник Р. Лайэлл. По его наблюдениям, адыги из «демократических» племен большей частью нападали малыми силами и широко пользовались тактикой внезапности¹⁷⁵. Р. Лайэлл обратил также внимание на то, что «их главной целью является захват высокопоставленных пленников, за которых они могут получить большой выкуп»¹⁷⁶. Для подобных пленников создавались особо тяжелые невольнические условия: адыги обращались с пленниками «строго, даже жестоко с тем, чтобы они имели повод жаловаться своим друзьям на невзгоды, а их письма они любой ценой доставляют адресатам»¹⁷⁷, — писал Р. Лайэлл. Путешественник отмечал, что «с тех пор, как русские овладели Грузией», адыги «захватили много пленных и получили от них большие выкупы»¹⁷⁸.

Нет необходимости в подробном освещении фактов, связанных с практикой набегов «демократических» племен в сторону российской границы и внут-

179.

Там же, с. 270.

180.

Там же.

181.

Званба С.Т. Зимние походы
убыхов на Абхазию. — Этно-
графические этюды. Сухуми,
1955.

182.

Там же, с. 43.

ренных районов Западного Кавказа: набеги горцев-адыгов достаточно описаны в дореволюционной литературе, в особенности такими авторами, как Ф. А. Щербина, К. Ф. Сталь, Хан-Гирей, Н. Ф. Дубровин и др. Мы же обратим внимание на другое. Среди горцев Большого Кавказа, в XVIII — первой половине XIX в. оказавшихся на стадии военной демократии и перехода к феодальной формации, не было этноса, который бы, подобно «демократическим» племенам, довел набеговую систему до столь совершенной организации. На Северо-Западном Кавказе набеги не только приняли характер системы, но имели вполне сложившуюся организационную модель, которая поддается научной реконструкции, если обратиться к источникам и описаниям, дошедшим до нас. Остановимся на ее описании, которое в первой половине XIX в. дал С. Т. Званба, первый абхазский этнограф. Предварительно заметим, что горноадыгская модель набега, воспроизведенная этим этнографом, достигла той «идеальной» организации, когда она обладала уже своим специальным, «тайным» языком, понятным только участникам набега. На «набеговый язык» обратили внимание еще дореволюционные авторы. Проявивший интерес к языкам народов Северного Кавказа Ю. Клапрот, например, отмечал: «в своих разбойничьих набегах» черкесы «пользуются тайными языками, которые составлены по взаимному соглашению»¹⁷⁹. Каждый такой язык имел свое название: Ю. Клапрот, например, указывал на языки — «шакобше» и «фаршабше». Первый из них, по оценке Ю. Клапрота, являлся «совершенно особенным», поскольку не имел «ничего общего с черкесским языком»¹⁸⁰. Как и «охотничий язык», распространенный среди кавказских народов, «язык набега» обладал культовым значением. Однако главная его задача — соблюсти тайну набега, остаться «неуслышанным» посторонними лицами. С. Т. Званба, современник набеговой системы, не раз имевший возможность наблюдать ее непосредственно, воспроизвел набеговую модель, связанную с зимними походами убыхов — одного из западноадыгских племен. В превосходном этнографическом этюде¹⁸¹ С. Т. Званба не смог до конца объяснить мотивы набегов. Однако в отличие от многих авторов, объяснявших набеги только исходя из «суровых природных условий» и «материального недостатка», абхазский этнограф подчеркнул: набеги убыхов происходили «не вследствие недостатка средств к существованию»¹⁸². Наибольший интерес в этнографическом этюде С. Т. Званба представляет оценка набега как сложившейся «организации», устоявшегося института, неотъемлемой части общественной жизни убыхов.

Организация набега начиналась с «объявления» предводителя о решении идти в поход: право быть

183.
Званба С.Т. Указ. соч., с. 44.

184.
Там же.

185.
Набег был рискованным предприятием, и поэтому подготовка к нему выглядела как священнодействие. (См. Услар П. Кое-что о словесных произведениях горцев. — ССКГ, 1868, вып. 1, с. 38).

186.
Званба С.Т. Указ. соч., с. 47.

предводителем имел воин, получивший известность «своей храбростью». Происхождение в данном случае не имело никакого значения. Убыхи, как и другие горноадыгские племена, хорошо знали своих «военных вождей», в мирное время не обладавших никакими привилегиями, кроме почета. Однако в условиях похода предводитель приобретал неограниченные полномочия: воин находился от него в «безусловном повиновении»; он должен был сносить от него «брань и даже побои»¹⁸³. Походные сборы занимали не более двух недель. Участие в походе считалось делом добровольным; в нем могли принять участие все, кроме детей и стариков. Набеги совершались относительно крупными отрядами — от 800 и до 3000 человек¹⁸⁴. Организация похода продумывалась во всех деталях¹⁸⁵. «Регламентировалось» все, начиная от индентантской службы и до чисто военных аспектов набега. Так, воины-убыхи брали с собой в поход бурку, полушубок, две или три пары обуви, теплые носки. Съестные припасы состояли из пшена, копченого мяса, сыра, масла, перца и теста, варенного на меду. Месячный запас такой провизии воин мог нести на себе. Запрещалось «припасать» больше того количества вещей и продуктов, которое предусматривалось «правилами» похода. Перед выступлением в поход в объявленный день все сходились на место сбора. Здесь предводитель уточнял число участников предстоящего набега. Он же делил отряд или ополчение на отделения «от 10 до 100 человек». В каждое отделение назначался старшина или начальник. Затем предводитель набега формировал авангард и арьергард основных сил.

Убыхи, о которых писал С. Т. Званба, совершали свои набеги зимой, как правило, в январе—феврале¹⁸⁶. «Сезон» набегов объяснялся двумя обстоятельствами — тем, что зимой общинники-горцы были относительно свободны от хозяйственных забот, а также лесистой местностью, которую занимали «демократические» племена. Участники набегов, опасаясь, что в летнее время в густых лесных зарослях возможны засады, предпочитали ждать до полного листопада, когда можно было просматривать местность. Момент выступления в поход зависел не только от расстояния, которое предстояло преодолеть, но и от погодных условий. Само нападение происходило «традиционно» и в высшей степени организовано. Убыхи совершали налет на аул, село или станицу только ночью, за полчаса до рассвета. Перед тем, как совершить нападение, предводитель производил перегруппировку сил; он делил отряд на три части: самые отборные, опытные воины входили в первые две группы, третья составляла интендантскую службу, которая во главе с одним из воинов одновременно являлась и резервом. Из двух основных частей

187.
Там же, с. 51.

188.
Там же, с. 53.

189.
Там же.

предводитель формировал специальную группу, предназначенную для грабежа. Из них же создавались новые авангард и арьергард, которым теперь предстояло действовать в условиях отхода, возвращения домой. Подойдя к «объекту грабежа», вновь образованный авангард оцеплял поселение. Одновременно в деревню врывалась специальная группа, выделенная для грабежа. В момент нападения эта группа разбивалась на мелкие партии «по четыре и более человек». Именно эти партии устремлялись в жилые дома и, захватив их обитателей врасплох, связывали людей, в случае сопротивления убивали, забирали «все, что попадалось под руку»¹⁸⁷. Грабеж, как правило, продолжался недолго, не более 30—40 минут. Деревню оставляли по сигналу предводителя. При отходе вновь производилась перегруппировка сил. Теперь часть отряда, ранее являвшаяся арьергардом, брала на себя функции авангарда, обязанного охранять только что захваченную военную добычу. Бывший авангард, в свою очередь, автоматически превращался в арьергард: в его задачу входило теперь прикрытие от возможных преследователей отступающего отряда.

Возвращение происходило организованно и по строго продуманному плану. Предводитель и его помощники предусматривали все — остановки, отдых, уход за ранеными, пленными, ночлеги, дозоры и прочее. Строгая регламентация всех действий, связанных с возвращением на сборный пункт, вводилась в интересах безопасности и сохранения военной добычи.

Традиция и организованность царили и тогда, когда отряд возвращался домой на сборный пункт. Здесь в «отдельном месте» отряд оставлял пленных и другую военную добычу; здесь же он строился боевым порядком. Вперед выступал «старый седой воин», произносивший молитву. После торжественного ритуала приступали к дележу военной добычи. Право первой доли принадлежало тому, кто совершал молитву — ему полагалась из добычи «одна из лучших вещей»¹⁸⁸. Затем «по обычному своему праву» предводитель «выбирал для себя одного пленного или пленницу и из всех награбленных предметов по одной вещи»¹⁸⁹. Остальная часть военной добычи, за исключением пленных, делилась «по равной части между участвовавшими в походе». Меньше доставалось кошеварам и дровосекам. Из добычи две доли выделялись родственникам за каждого не вернувшегося из похода — убитого или пленного. Часть добычи предназначалась для поминок, другая — на выкуп попавших в плен участников похода. Особый порядок существовал для распределения пленных — наиболее важной части военной добычи. Делить пленных, число которых, как правило, не совпадало с количеством участников набега, не всегда было удобно. Поэтому приходилось разбивать отряд на столько частей,

190

Там же.

191.

Там же, с. 43.

192.

Адыги, балкарцы и карачаевцы..., с. 200.

193.

Там же.

194.

Там же.

195.

Хан-Гирей. Указ. соч., с. 305.

сколько было пленных. Затем каждая такая часть продавала своего пленного на рынке и делила между собой полученные за него деньги¹⁹⁰. По завершении распределения военной добычи люди из отряда расходились по домам. По традиции, это сопровождалось песнями, стрельбой, извещавшими родных и близких об окончании похода.

Естественно, набеги не всегда заканчивались благополучно. С. Т. Званба приводит факт, когда в 1825 г. отряд убыхов численностью в 1000 человек во главе с военным вождем Сааткереем Адагва-ипа Берзеком был полностью уничтожен абхазами¹⁹¹. Нередко отряд, совершавший поход зимой, становился жертвой природной стихии. В таких случаях войны, погибшие в походе, окружались ореолом боевой славы: о них сочиняли песни, рассказывали легенды.

Обычное право и традиции предусматривали не только организацию набега, его основные принципы. Они предписывали также определенную «мораль»: по К. Пейсонелю, за отрядом, совершавшим набег, признавалось «право» захватить все — скот, одежду, людей, которые отныне должны были считаться его «законной добычей», не подлежащей возврату¹⁹². Однако сложившаяся правовая практика учитывала также интересы потерпевшей стороны: если отряд, например, имел «несчастье быть захваченным», все люди, находившиеся в нем, оставались рабами тех, на кого совершалось нападение¹⁹³. Это положение не распространялось на предводителя отряда; его не держали в плену, но, отпуская, отрезали уши и хвост его лошади¹⁹⁴; считалось, что этого достаточно для наказания незадачливого предводителя.

Убыхская модель набега являлась типичной для всех «демократических» племен Северо-Западного Кавказа. Отличия могли касаться лишь направления экспансии. У каждого этнического подразделения из «демократических» племен было свое традиционное направление и направление, которое могло появиться в силу каких-то конкретных обстоятельств. В XVIII в. наиболее устойчивым для горноадыгских обществ направлением становилась русская пограничная линия, русские города и рынки. По Хан-Гирею, объектами нападения «демократических» племен являлись: «первое — против границы черноморского казачьего войска, начиная пониже Екатеринодара, вниз по течению Кубани до Таманского острова, и второе — против линии, занимаемой линейными казаками, начиная повыше Усть-Лабинской крепости, вверх по Кубани до истока этой реки из гор, а именно шапсхском и абадзехском племенах»¹⁹⁵. Указанные Хан-Гиреем направления набегов считались постоянными. Вместе с тем в «промежутках означенных пунктов» — против Таманского полуострова, между Екатеринодаром и Усть-Лабинской крепостью — набеги

196.

Там же.

197.

Званба С.Т. Указ. соч., с. 45.

горцев совершались значительно реже¹⁹⁶; эти районы были «нетрадиционным» направлением экспансии.

В советском кавказоведении набеги принято рассматривать в аспекте «феодальных походов» или же «феодальной» междоусобицы. Одновременно подвергаются критике дореволюционные авторы, именовавшие набеги «хищническими». Те и другие исходили из политических стереотипов, мало обращая внимания на внутреннюю социально-экономическую обусловленность. И все же предпочтение следует отдавать дореволюционным исследователям, тяготевшим к позитивному освещению проблемы. Особенно ценны работы, содержащие данные о системе, организации и правовых нормах, связанных с практикой набегов: имеются в виду превосходные сочинения Хан-Гирея, С. Т. Званбы и ряда иностранных путешественников. Так, реконструкция убыхской модели набега, в свое время произведенная С. Т. Званбой, позволяет исследователю решить целый ряд современных проблем кавказоведения и, в первую очередь, раскрыть военно-демократическую сущность набеговой системы, объяснить ее стадийную обусловленность в поступательном общественном развитии «демократических» племен.

Поскольку наш подход к набеговой системе существенно отличается от общепринятого и его критики настаивают на том, чтобы набеги были «феодальными» походами или «феодальной» междоусобицей, то остановимся еще на одном аспекте проблемы — на различиях между набегам горских «вольных» обществ и феодально-княжескими походами, достаточно распространенными на Кавказе.

Различия эти были существенны. Они касались прежде всего внутренней организации отряда, ополчения, войсковых формирований, с помощью которых совершались набеги как общинниками, так и феодальной знатью. Напомним: у «демократических» племен должность предводителя отряда, ополчения являлась выборной. В княжеском воинском формировании роль предводителя выполнял сам князь или им назначенное лицо. В отряде или ополчении князя господствовала та же социальная иерархия, которая действовала в повседневной жизни княжеского удела; в походе князь имел своеобразную прислугу, выполнявшую обычные для феодально зависимых людей обязанности: обеспечение охраны княжеской личности, уход за его конем, приготовление пищи и прочее. В набеговой практике «демократических» племен решительно отвергался подобный институт прислужничества. По С. Т. Званба, во время набегов убыхи для перевозки провизии и других грузов не имели лошадей, транспортных средств, поэтому все необходимое воины несли на себе. От этой обязанности, подчеркивал этнограф, «никто не освобождался»¹⁹⁷, кроме

198.

Там же.

199.

Хан-Гирей. Указ. соч., с. 307.

200.

Там же, с. 308.

201.

Там же, с. 307.

предводителя, да и то только «потому, что во время похода он по обстоятельствам должен» был «перевести от одного фланга партии к другому»¹⁹⁸.

Несходство в организации княжеского формирования и отрядов общинников замечал также Хан-Гирей: «В войсках, состоящих из воинов, собранных в княжеских владениях, более бывает порядка, повиновения и подчиненности, нежели в войсках, составленных из племен, имеющих народное правление»¹⁹⁹. Хан-Гирей обратил внимание и на то, как «во время походов в высшем классе» «младшие» оказываются в «величайшем повиновении старшинам»²⁰⁰.

Принципиально отличались функции князя от обязанностей предводителя у свободных общинников в момент нападения и грабежа. В это наиболее ответственное время предводитель у «демократических» племен развивал энергичную деятельность. Его касалось все: начиная от пленения людей и собирания военной добычи до организации самого грабежа. При этом он не избегал ни личных поединков, ни участия в пленении людей и грабеже. Иную картину представляло собой нападение княжеского отряда. По Хан-Гирею, «в минуту нападения» все «в беспорядке» бросались на добычу. В этом, однако, не участвовали «старшины, князья и дворяне», «которым приличие не позволяет брать добычу и которых удел есть «сражаться»²⁰¹.

Наконец — и это, пожалуй, главное — существовал неодинаковый принцип распределения военной добычи: князь являлся единоличным собственником всей добычи, доставшейся его отряду. Небольшая ее часть могла быть выделена для приближенных, особо отличившимся воинам, однако делалось это в виде княжеских «подарков». У свободных общинников военная добыча составляла собственность всех участников набега: некоторые привилегии при ее распределении, предусмотренные обычным правом в пользу предводителя и старейшины отряда, не имели значения.

В целом на Северо-Западном Кавказе фактически функционировали две модели набегов — княжеская и «военно-демократическая». Каждая из этих моделей была тесно связана с «собственной» общественной структурой и, естественно, выполняла «собственные» «формационные» задачи: княжеский отряд, ополчение, участвовавшие в набегах, не только расширяли собственность князя, но и способствовали созданию княжеского войска, без которого было немислимо создание централизованной феодальной государственности (на пороге образования подобной государственности в XVIII — начале XIX в. были «аристократические» племена Центрального и Северо-Западного Кавказа). «Социальная задача» отряда, ополчения свободных общинников состояла в другом —

в «ускорении» классообразовательных процессов. Предводитель отряда и старейшина, имевшие неоспоримые преимущества при распределении военной добычи, явно шли к новым социальным отношениям.

В пору военной демократии уже возникают социальные противоречия, ведущие в конечном счете к деклассированию общинников. Военачальник, совет старейшин в своей хозяйственно-общественной деятельности выражают интересы родовой знати. Но в известной мере они продолжают служить и интересам рядовых общинников, социально-политическая мобильность которых в период военной демократии очень высока. Отсюда двоякое значение военной экспансии — с одной стороны, она усиливала власть, богатство и влияние феодализировавшейся знати, а с другой, удовлетворяя минимальные материальные запросы общинников, сглаживала противоречия внутри общества, как бы выносили их во вне, разрешая эти противоречия за счет соседей. Это обстоятельство вело к внешнему совпадению интересов, к «солидарности» двух социально различных слоев общинников, между которыми формируется «военный союз» с целью экспансии. При этом процесс феодализации оставался ведущей тенденцией в общественной жизни горцев Большого Кавказа: шло расслоение общинников, распадалась кровно-родственная община и образовывались союзы сельских общин, ставшие не только очагами военной экспансии, но и важной ступенью на пути к новой формации. Высший и завершающий этап указанного общественно-экономического процесса приходится на время Кавказской войны, выросшей из набеговой системы горцев Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа.

И последнее: набеговую систему как закономерное явление в жизни народов Большого Кавказа нельзя проецировать на характер взаимоотношений кавказских народов, стоявших на пути исторической и культурной общности. Этого не следует делать и при оценке столкновений этой системы с политикой России на Кавказе; подобное «проецирование» вызвало немало ошибок в освещении проблемы присоединения Кавказа к России и Кавказской войны.

Подведем итоги. В XVIII — первой половине XIX в. «вольные» общества горного Дагестана, тайпы Чечни и «демократические» племена Северо-Западного Кавказа — это разновидности одной и той же общественной структуры, отличительной чертой которой являлся переход от родоплеменных отношений к классовому обществу. Некоторая асинхронность в генезисе классовых отношений у этих общественных организмов (спонтанность формационных процессов у отдельных союзов «вольных» обществ Дагестана и «демократических» племен Северо-Западного Кавка-

за) может указывать лишь на темпы (но не на существенные различия) эволюции обществ. Всем им были присущи не только процессы формирования классов феодального общества, но и выработка одних и тех же средств перехода к системе господства и подчинения — концентрация вооруженной силы в руках отдельных представителей родовой знати, захват скота и общинных земель, получение военной добычи с помощью набеговой системы, выработка одной и той же идеологической формулы (мюридизм) и управленческой системы. При этом естественным явилось столкновение феодализировавшихся «вольных» (горских) обществ с социальными силами «старого» феодализма: в Дагестане это выразилось в борьбе союзов «вольных» общин с раннефеодальными политическими образованиями, в Чечне — с «иноземными» (дагестанскими и кабардинскими) владельцами, претендовавшими на господство в чеченских тайпах равнины, на Северо-Западном Кавказе — в противостоянии старшинской знати с уоркскими («дворянскими») родами.

В первой половине XIX в., на завершающем этапе феодализации «вольных» обществ, именно они, несмотря на географическую и этническую отдаленность друг от друга, стали социальной средой Кавказской войны, что еще больше сближает их в рамках единых закономерностей.

II

Кавказская война:
ее «внешний фактор»
и система
политико-идеологических
установок.

А. П. Ермолов,
Магомет Ярагский,
Кази-мулла,
Гамзат-бек — идеологи
и вдохновители
войны

Военно-экономическая блокада А. П. Ермолова и ее итоги на Северо-Восточном Кавказе

Кавказская война предстает перед своим исследователем сложным, широкомасштабным общественно-политическим явлением. Раскрытие ее тайн кажется столь же заманчивым, сколь и рискованным занятием, не всегда предвещающим научную удачу.

Выросшая из набеговой системы, война зависела не только от внутренних социальных сдвигов в «вольных» обществах — главного фактора, — но и от той военно-политической системы, которую в 20-х гг. XIX в. Россия пыталась создать на Кавказе. Иначе говоря, Кавказская война, находившаяся в диалектическом единстве прежде всего с социальным развитием «демократических» общественных структур Большого Кавказа, волею истории столкнулась с чуждой для себя силой — внешнеполитическим курсом России, постоянное противоборство с которым со временем становилось не просто «чертой» Кавказской войны, но и одной из ее доминант. Присутствие России на Кавказе создало ту жесткую политическую среду, в которой Кавказской войне приходилось «решать» свои глубоко внутренние социальные проблемы. Бесспорно, при альтернативной ситуации процессы образования собственности, классов, государства, составлявших сущность Кавказской войны, протекали бы более «естественно», без внешнего деформирующего воздействия. Однако значение политики России далеко не исчерпывалось этим. Один из парадоксов Кавказской войны в том и состоял, что Россия, ставшая «барьером» на пути закономерностей самой войны, нередко выступала и как ее генериру-

1. Фадеев А. В. Очерки экономического развития Степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957.

2. Фадеев А. В. Россия и Кавказ..., с. 280; Киняпина Н. С., Близев М. М., Дегоев В. В. Указ. соч., с. 123.

3. Ю. Клапрот отмечал, что главная задача России, окружавшей Северо-Восточный Кавказ сетью укреплений и казачьих станиц, состояла в защите от набегов горцев (Klaproth J. Beschreibung der Russischen Provinzen zwischen dem kaspischen und schwarzen Meere. Berlin. 1814, S. 28—29; ср. Baumgarten G. Sechzig Jahre des kaukasischen Krieges mit besondere Berücksichtigung des Feldzuges im nördlichen Daghestan in Jahre 1839. Leipzig. 1861, S. 2).

ющий фактор — с одной стороны, стимулируя экономическую жизнь горских обществ и вызывая в них глубокие социальные сдвиги, с другой — олицетворяя собой «образ врага» — без чего немислима любая агрессивная доктрина, в том числе мюридизм. Роль России в «драматургическом» оформлении Кавказской войны не ограничивается этими двумя важными составными, но даже только их было бы достаточно, чтобы рассматривать содержание Кавказской войны в контексте политических действий России на Кавказе.

Накануне Кавказской войны Россия на Кавказе имела внушительные успехи. Еще в конце XVIII в. она значительно продвинулась в экономическом и политическом освоении Предкавказья: была создана Кавказская военная линия, активно внедрялись управленческие учреждения, набирали темпы колонизация и хозяйственное освоение края¹. В начале XIX в. успешно для России закончились войны с Ираном и Турцией, фактически завершавшие присоединение Северного Кавказа к России. Серьезны были достижения в Закавказье: присоединение Северного Азербайджана (1813 г.) и упрочение позиции в Грузии — таков итог русско-иранской и русско-турецкой войн начала века. Вместе с тем перед Петербургским кабинетом возникал целый ряд «старых» и новых проблем, связанных с «освоением» Кавказа. По-прежнему вне сферы влияния России по существу оставался Большой Кавказ² — основной район, где, набирая силу, развивалась набеговая система горцев. В результате между Закавказьем, окончательное присоединение которого становилось делом будущего, и Предкавказьем, включая равнинные районы Северного Кавказа, образовался барьер, сковывавший действия России³. В отличие от Закавказья и Предкавказья, Большой Кавказ не представлял для России особого экономического интереса. Однако без его вовлечения в сферу активной российской политики проблематичными выглядели перспективы России в Закавказье так же, как дальнейшее экономическое освоение Северного Кавказа. Впрочем, в отношении Северного Кавказа, считавшегося теперь частью России, речь шла не только о вопросах экономического и административного обустройства. Весь этот край относился к разряду «неспокойных», где предстояло решать немало военно-политических задач: все еще слабо связанный с Россией экономически, Северный Кавказ со своим этническим и общественно-хозяйственным многообразием сохранял некую автономию, позволявшую его народам усматривать в присоединении к России лишь условную акцию. К моменту назначения А. П. Ермолова главнокомандующим Грузией (1816 г.) Северный Кавказ представлял собой следующую картину: беспокойны были Осетия

4. Волконский Н.А. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом. — КС, т. 10, Тифлис, 1886, с. 17—18; Cp. Tschotschia S. Agrarverfassung und Landwirtschaft in Georgien. Leipzig. 1927, S. 27; Koch K. Reise in Grusien, am kaspischen Meere und im Kaukasus. Weimar. 1847, S. 391.

5. Блиев М. М. Русско-осетинские отношения (40 гг. XVIII — 30 гг. XIX в.). Оржоникидзе, 1970, с. 333.

и Кабарда, совершались набеги из Чечни, Дагестана, горных районов Северо-Западного Кавказа; «джарцы и белоканы были явно непокорны и терзали несчастную Кахетию, ...ханства и другие сильные общества Дагестана вовсе не признавали» российской власти; «шамхал не в состоянии был противостоять» «врагам» России, и «подданные его разбойничали; турки занимали весь берег Черного моря до Кубани»⁴.

Обстановку на Северном Кавказе по-разному объясняли в российских правительственных кругах. Одни понимали все это как следствие длительных русско-иранской и русско-турецкой войн, отвлекших военные силы России в Закавказье. Другие указывали на нерешительность российских властей на Северном Кавказе, из года в год «мирившихся» с набегами горцев и социально-политическими выступлениями, особенно частыми в начале XIX в. Так, в частности, оценивали деятельность Н. Ф. Ртищева (бывший главнокомандующий русскими войсками на Кавказе), прибегавшего к политике подкупов и заигрывания с горскими народами⁵. Как бы то ни было, в изменившейся после войн России с Ираном и Турцией обстановке речь должна была идти о новой программе действий. В дальнейшем продвижении в Закавказье и установлении военно-политического контроля над Северным Кавказом видел Петербург два основных направления этой программы. Что касается средств ее реализации, то ясно было — прежние мирные способы решения проблем предстояло заменить военно-политическими, карательными. Однако у правительства Александра I общие установки не сложились в саму программу, которая предусматривала бы весь комплекс мер по осуществлению нового внешнеполитического курса на Кавказе. Считалось, что подобную программу следует составлять не в Петербурге, а на Кавказе, не правительственным кабинетом, а человеком, готовым претворить ее в жизнь. Поэтому Александр I принялся искать нового главнокомандующего. Принципиально отвергая «либерализм» Н. Ф. Ртищева, российское правительство думало направить на Кавказ инициативного политика, опытного военачальника, способного не только сформулировать конкретную программу действий, но и реализовать ее в недалеком будущем: для Петербурга особое значение приобретали сроки. Здесь еще не отдавали себе отчета в том, с каким феноменом придется иметь дело при покорении «вольных» обществ Кавказа. Понимая, однако, трудность задач нового главнокомандующего, правительство остановило свой выбор на кандидатуре А. П. Ермолова. Мысль о нем подал императору граф А. А. Аракчеев. Герой Отечественной войны 1812 г., честолюбивый, популяр-

6.
Зубов П. Подвиги русских воинов в странах Кавказских с 1800 по 1834 год. Т. 2, ч. 3. СПб, 1836, с. 1.

7.
Нечкина М.В. А.С.Грибоедов и декабристы. М., 1951, с. 200.

8.
Западноевропейские современники А.П.Ермолова, при всей неоднозначности отношения к его политике, лестно отзывались об этой личности. В частности, отмечалось, что помимо храбрости, решительности, жестокости и благородства главнокомандующий сочетал в себе «европейскую образованность и московитскую изворотливость, которые давали ему неоспоримое преимущество» (Bodenstedt F. Les Peuples du Caucase et leur guerre d'indépendance contre la Russie pour servir à l'histoire la plus récente de l'orient. Paris, 1859, p. 438—439). Незаурядность А.П.Ермолова признают и современные западные историки. (Blanch L. The Sabres of Paradise. N. Y. 1960, p. 23—24).

ный в русской армии генерал А. П. Ермолов вполне отвечал видам правительства Александра I.

В мае 1816 г. А. П. Ермолов получил должность Главного начальника Кавказским краем и одновременно — Чрезвычайного посла в Иран⁶. Его деятельность составила целую эпоху в истории народов Кавказа. Энергично принявшись за дела, незаурядный генерал обратил на себя внимание не только народов Кавказа, но и сопредельных государств. С тех пор до сегодняшнего дня не утихают споры вокруг человека, взявшего на себя дело «усмирения Кавказа». Нарушая традиционную оценку А. П. Ермолова, при создании политического портрета которого, как правило, используются всего две краски — черная и белая, — отметим, что на Кавказ прибыл европейски образованный генерал, увлекавшийся просветительской философией XVIII в., сочувствовавший движению декабристов⁷. Либеральствовавший под впечатлением от западного общественно-политического движения конца XVIII — нач. XIX в., А. П. Ермолов в кавказский период предстает перед нами сложной личностью. И дело не только в его бесспорной незаурядности⁸. «Усмиритель» и «устроитель» Кавказа за время службы в Тифлисе приобрел немало новых профессиональных и личностных качеств. Пытаясь создать «новый Кавказ», А. П. Ермолов не заметил, как Кавказ создал «нового А. П. Ермолова». Нет, «Ермулай», — так называли его горцы, — вовсе не являл собой некий образ российского героя — генерала в кавказской бурке с сурово сдвинутыми бровями на фоне экзотического пейзажа, вступившего на Кавказе в необычные для европейца кебинные браки — признаки слишком внешние, чтобы понять характер этой личности. А. П. Ермолов на Кавказе — неординарный военачальник, полный великодержавных амбиций, взявший на себя смелость остановить наступательное развитие «вольных» обществ Кавказа в пору их героической истории. Вместе с тем это — личность, не заметившая, как благодаря неразгаданной и столь неудержимой исторической стихии горцев Большого Кавказа на родине, в России, приобретает славу кавказского героя, а здесь, среди горцев, имя русского Чингис-хана. При этом никто не заметил глубокой драмы этой личности, не пытался объяснить, почему А. П. Ермолов, волей судьбы попавший в водоворот агрессивной внешней политики России первой четверти XIX в., обусловленной ее переходной экономикой, и столкнувшись с великой революцией горцев, вызванной их общественной жизнью, то с восточной жестокостью предпринимал карательные экспедиции против горцев, то на уровне европейской дипломатии предлагал переговоры о дружбе. Похоже, А. П. Ермолову, глубоко познавшему Кавказ, осознавшему себя его героем, ясно было все —

9.
Уманец Ф.М. Проконсул Кавказа. СПб, 1912, с. 45—46.

10.
АКАК, т. 6, ч. 2, с. 250.

11.
Американский автор XIX в. Д.Макки писал, что А.П.Ермолов был героем под стать горским предводителям, «имевшим величественный вид, храброе сердце, стойким, упорным и благородным. Мягким обращением он обеспечивал себе уважение тех племен, которые принимали его власть, и суровой жестокостью, ужасающими примерными наказаниями вразумлял тех, кто сопротивлялся» (Mackie J.M. Life of Schamyl and Narrative of the Circassian War of Independence against Russia. Boston. 1856, p. 144. Wagner Er. Schamyl and Circassia. Ed. with notes, by K. Mackenzie. 2-d ed. Lnd, 1854, p. 59; Warner [major]. Schamyl le prophete du Caucase. Paris. 1854, p. 6—7; Taillandier M. Saint-Rene. Allemagne et Russie. Etudes Historiques et Litteraires. Paris. 1856, p. 236—237].

от общих перспектив края до нужд огулов, одного из самых малых этнических образований Дагестана. Лишь один вопрос остался выше интеллектуальных сил этой личности — что побуждает горцев к набегам, неудержимой и «разбойной» стихии. В поисках ответа на него А. П. Ермолов подавлял в себе европейца, становясь в ряд с завоевателями Востока. Поставив перед собой главную (и на первый взгляд прогрессивную) задачу — принудить «вольные» общества к прекращению набегов, — А. П. Ермолов не смог подняться до понимания того, насколько он отдалается не только от внутренних общественных забот горцев, но и от успеха в «усмирении» и «преобразовании» Кавказа. Бессильный перед стихией набегов, А. П. Ермолов постепенно превращался в «грозу горцев», кавказского Чингис-хана. Он не гнушался этой роли. Напротив, чем больше загадок ставили перед ним «вольные» общества, тем азартнее велась игра. Один из дореволюционных биографов А. П. Ермолова писал: с приездом нового командующего на Кавказ «изменился язык, на котором мы разговаривали с непокорными горцами». «Мошенник» — был «официальным титулом», которым генерал и его военно-гражданский аппарат называли горцев⁹. Ставя крупные для судеб народов Кавказа проблемы, А. П. Ермолов видел универсальное средство их решения в насилии. «Бунтующие селения были разорены и сожжены, сады и виноградники вырублены до корня... нищета крайняя будет их казнью»; «итак, по открытии, где прошла партия, исследуется, точно ли защищались жители и были со стороны их убитые в сражении или они пропустили мошенников, не защищаясь; в сем последнем случае деревня истребляется, жен и детей вырезают»¹⁰ — таковы первые записи, сделанные главнокомандующим на Кавказе. Нельзя, однако, думать, будто А. П. Ермолов вынашивал идеи геноцида. Для этого, разумеется, ни у главнокомандующего, ни у его правительства не было ни практических, ни идеологических резонансов. Речь здесь должна идти о жестоких «правилах» ведения войны, с помощью которых А. П. Ермолов думал не только достигнуть своих целей, но и принести мир народам, раздираемым междоусобицей. Более полутора лет главнокомандующий потратил на дипломатическую работу в Иране, на изучение кавказских дел и разработку программы своей военно-политической деятельности. Успев за это время предпринять ряд военных акций на Центральном Кавказе, он заодно сумел зарекомендовать себя у горцев человеком, вполне импонирующим их суровому нраву¹¹. Весной 1818 г. в рапорте Александру I были сформулированы основные положения программы военно-экономической блокады Северо-Восточного Кавказа, предусматривавшие: перенесение Кавказской военной

12.
ДГСВК, с. 23—24.

13.
Там же, с. 23.

14.
Там же, с. 24.

линии значительно южнее, к границам Дагестана и Центрального Кавказа, «занятие земли, лежащей по правому берегу Терека»¹². А. П. Ермолов имел в виду «не одну необходимость оградить себя от нападений и хищничеств», но и захват выгодных в военно-стратегическом отношении пунктов для будущих наступательных действий. Подразумевалось и другое. Полагая, что в свое время российская администрация, разрешив горцам, в первую очередь чеченцам, выселяться с гор на равнину, допустила серьезный военно-политический просчет, А. П. Ермолов решил поправить эту «ошибку». Он планировал овладеть всем правым берегом Терека, расположив здесь казачьи полки и кочующих караногайцев, «богатых скотоводством и полезных государству»¹³. По мысли А. П. Ермолова, российскому правительству следовало занять равнинные районы Центрального Кавказа значительно раньше, еще накануне присоединения Грузии к России, поскольку лишь военный контроль над этими территориями мог принести относительную безопасность русским интересам в Закавказье. При этом А. П. Ермолов, как профессиональный военный, больше учитывал военно-стратегические аспекты. В тени оставалась проблема выбора верной политики в отношении не только народов, присоединенных к России, но и горцев Большого Кавказа, все еще не расставшихся с мыслью о своей автономности. В напряженной обстановке, какую застал на Кавказе А. П. Ермолов, он, как будто действовал логично. Однако, исправляя «ошибки» предшественников, главнокомандующий с каждым новым шагом все более отдалялся от коренных социальных интересов горцев, ставя их в оппозицию и к себе лично, и к России. В программе А. П. Ермолова непродуманной являлась особенно та ее часть, где он рассматривал будущее устройство Чечни. Назвав своих предшественников по управлению чеченцами «равнодушными начальниками» и отвергая их опыт, главнокомандующий выдвигал идею переселения чеченцев из равнинных районов в горы и создания вдоль всей предгорной полосы укрепленной линии для постоянного контроля над Чечней. А. П. Ермолов сообщал Александру I, что чеченцы «сильнейший» и «опаснейший» народ, «они посмеиваются легковерию нашему к ручательствам их и к клятвам и мы не перестаем верить тем, у кого нет ничего священного в мире»¹⁴. Решение депортировать чеченцев — одна из самых крупных ошибок, совершенных главнокомандующим на Кавказе. Дело не только в том, что насильственное переселение сводило на нет перспективу мирного решения вопросов, касавшихся этого крупного этнического массива. Положение осложнялось и другим. Став на путь развития новой для себя отрасли хозяйства — земледелия, интенсивно практикуя набеги,

15.
Там же, с. 25.
16.
Там же.
17.
Зубов П. Указ. соч., с. 3—4.
18.
ДГСВК, с. 25

равнинные чеченцы обнаружили высокую, обусловленную ускорившимися темпами классовообразовательных процессов социальную потенцию, «агрессивность» которой объяснялась далеко не «характером» этноса, а являлась стадийной закономерностью. Переселением чеченцев А. П. Ермолов подрывал две четко обозначившиеся у них тенденции — переход от скотоводческой экономики к земледельческой, разложение родовых отношений и складывание феодальных. Именно деформация внутренней общественно-экономической структуры, к которой вели планы главнокомандующего, должна была придать особый накал политической ситуации на Центральном и Восточном Кавказе. Не учитывая это, А. П. Ермолов форсировал события. В своем программном рапорте он сообщал императору: «В нынешнем 1818 г., если чеченцы, час от часу наглеющие, не воспрепятствуют устроить одно укрепление на Сунже — в месте самом для нас опаснейшем..., то в будущем 1819 году..., предложу ее правила для жизни и некоторые повинности, кои истолкуют им, что они подданные в.и.в., а не союзники, как они до сего времени о том мечтают»¹⁵. Решив расположить по Тереку, от устья Сунжи и до Кизляра, казачьи поселения и русскую крепость, А. П. Ермолов думал не только о своей основной задаче — создании кордона между Чечней и сопредельными ей районами, но и надеялся на экономический подъем края¹⁶. Такова была самая общая установка, которой придерживался главнокомандующий в отношении Чечни, начиная с первых военно-административных шагов и до окончания военной службы на Кавказе. А. П. Ермолов верил, что, «лишаясь земли, удобной для возделывания, и пастбищных мест..., чеченцы будут стеснены в ущелиях Засунженских гор, а русские селения, расположенные по граничной черте, будут уже за цепью крепостей в безопасности и чеченцы не осмелятся делать набеги в местах открытых, на большом расстоянии позади крепостей»¹⁷.

В программе А. П. Ермолова значительное место отводилось Дагестану. Как и в Чечне, там также предстояло учреждение кордона путем переноса Кавказской линии в равнинные и прибрежные районы Дагестана. Наряду с этим главнокомандующий хотел овладеть «богатейшей Кубинской провинциею», через горный Дагестан проложить путь в Грузию¹⁸. Вопреки воле шамхала Тарковского, А. П. Ермолов намеревался расположить в его владениях войска, создать там укрепленные позиции и приступить как к решению военно-политических задач в Дагестане, так и к эксплуатации богатых соляных озер.

Особо А. П. Ермолов обратил внимание на Северо-Западный Кавказ — один из самых «неуправляемых» и опасных в военном отношении районов Кавказа.

19.
Там же.
20.
Там же.

Командующий сообщал Александру I, что адыгское население «многочисленно», настроено «воинственно» и доступно влиянию Турции¹⁹. Предстоявшее политико-административное устройство этого края, считавшегося присоединенным к России, А. П. Ермолову мыслилось довольно трудным. По его мнению, сложность состояла в двух основных моментах — воинственности адыгов и постоянной готовности Турции прийти на помощь горцам, совершавшим набеги на российскую пограничную линию. Главнокомандующий хотя и понимал, сколь не просто действовать в горных районах Северо-Западного Кавказа, был полон оптимизма. Выдвинутая им программа покорения Большого Кавказа, в частности его «вольных» обществ, была рассчитана на два года — с 1818 по 1820 гг. А. П. Ермолова не покидала уверенность, что он уложится в эти сроки. Только «чрезвычайный случай» — война с Ираном или Турцией может помешать реализации программы, — заверял А. П. Ермолов императора²⁰.

Летом 1818 г. военное командование на Кавказе приступило к установлению военно-экономической блокады. Свои действия оно сосредоточило главным образом на Северо-Восточном Кавказе — наиболее обширном по своей «ненадежности» районе. Вскоре, однако, обнаружились первые сбои в работе машины, которую пытался наладить главнокомандующий. Дело в том, что А. П. Ермолов рассчитывал в основном на «мирные» методы блокады. Для этого он вступил в тесные контакты с феодальной и старшинской знатью и, подкупая воинскими званиями и другими привилегиями, пытался расположить ее к себе. Задача оказалась непростой. Ханско-бекская верхушка Дагестана, охваченная межфеодальными распрями и неустойчивая в политических ориентациях, неохотно шла на объединение усилий во имя целей А. П. Ермолова. Более того, почувствовав новые политические установки, она обнаружила тягу к более глубокому расколу в межфеодальной борьбе. Сказывалось разное отношение к ограничениям, прежде всего, к запрету набегов, которые вводились в Дагестане. Если шамхал Тарковский и уцмий Каракайтагский становились опорой А. П. Ермолова, то ханы и беки горной полосы часто оказывались в оппозиции и искали союза с «вольными» обществами. По сообщению генерала Пестеля, резко отрицательно отнеслись к новому политическому курсу главнокомандующего аварские владельцы, делавшие запасы провианта и готовившиеся к длительной борьбе против установления политического господства администрации А. П. Ермолова. Их поддерживали «вольные» общества, входившие в Аварское ханство. Вскоре, после введения запретов на набеги, стало очевидным однозначное отношение «вольной» части Дагестана к пла-

21.
АКАК, т. 6, ч. 2, с. 2.

22.
Там же.

23.
Там же, с. 5—6.

24.
Там же, с. 3.

25.
Там же, с. 6.

нам российского правительства. 11 июля 1818 г. шамхал Тарковский уверял генерала Пестеля, а тот, в свою очередь, А. П. Ермолова, что «дагестанский народ имеет в намерении действовать общими силами противу России»²¹.

Новый политический курс накалил обстановку в Чечне. По сведениям генерала Пестеля, в июле 1818 г. чеченцы готовились к вооруженному сопротивлению. Представители Чечни выехали в Дагестан для переговоров с аварским ханом о вооруженной поддержке. Последний со своей стороны призвал чеченских делегатов к совместному выступлению против России и направил в Чечню «партию лезгин»²². Тревожные сообщения генерала Пестеля о военных приготовлениях горцев подтвердились донесениями генерала Вельяминова²³. Сообщая о намерениях горцев выступить против российских войск, русские генералы по-разному видели способы предотвращения «всеобщего мятежа». Генерал Пестель, например, зная общие установки главнокомандующего, признавал «необходимым наказать их (горцев — *ред.*) примерно для будущего спокойствия»²⁴. Более сведущий в кавказских делах генерал Вельяминов, всегда осторожный при решении острых проблем политического быта кавказского края, подвергал сомнению сообщение о неблагонадежности аварского хана Султан-Ахмед-хана и считал, что лучше, если «употребить особенную деятельность, дабы посредством благоразумных внушений и других возможных средств поселить несогласие между дагестанскими владельцами и другими вольными обществами, стараясь не допустить их до единомыслия»²⁵. Иначе говоря, генералу Вельяминову было ясно, что идея «сплочения» горской знати и превращения ее в опору для борьбы с общинниками, предпринимавшими набеги, нереальна, и предлагал усугубить раскол среди знати, вызванный учреждением военно-экономической блокады.

В середине июля 1818 г. главнокомандующий располагал уже достаточной информацией о происшедших в политической обстановке Северного Кавказа изменениях и был занят оперативной перегруппировкой сил и корректировкой действий в отношении горцев Дагестана и Чечни. Расположившись лагерем на р. Сунжа, он направил два предписания — одно генералу Пестелю, другое полковнику Али-беку Садыкову, указав, в частности, на мотивы, по которым горские народы выражают недовольство по поводу политической поддержки российской администрацией шамхала Тарковского и уцмий Каракайтагского: главнокомандующий поручал своим офицерам обеспечить безопасность шамхала и уцмий. Вдохновителями подготовки мятежа горцев против российских властей А. П. Ермолов считал Хасан-хана Дженгутайского (брата аварского хана) и «неблагонамерен-

26.
Там же, с. 4.
27.
Там же.
28.
Там же.
29.
Там же.
30.
Там же.
31.
Там же, с. 5.
32.
Там же, с. 6.
33.
Там же.

ного» Сурхай-хана Казикумухского, главным центром мятежа называл союз «вольных» обществ Акуша-Дарго, «сильный, склонный к мятежам и гордящийся прежнею воинскою славою»²⁶. Распоряжения А. П. Ермолова по предотвращению мятежа горцев соответствовали той стратегии, о которой он писал царю, излагая свою программу действий на Северном Кавказе: главнокомандующий намеревался подтянуть к Дагестану войска и всячески укрепить там русские силы. Одновременно он не расставался с мыслью о привлечении феодально-родовой знати, чтобы с ее помощью достичь своих планов мирными средствами. Ермолов поручил Пестелю вызвать в Дербент беков, до этого посетивших аварского хана и договорившихся о совместном выступлении, и «удержать» их в Дербенте под «присмотром»²⁷. Чтобы подобной мерой не вызвать недовольство беков, А. П. Ермолов рекомендовал пригласить их в Дербент под предлогом защиты от каракайтагского уцмий²⁸. Одновременно он поручил взять под особое покровительство Султан-Ахмед-хана Аварского и тайно сообщить о назначении ему пенсии от главнокомандующего. Поступая так в отношении хана, чья неблагонадежность вызывала опасения, А. П. Ермолов стремился расположить к себе влиятельного человека, приходившегося племянником уцмий Каракайтагского, и заодно усилить власть уцмий, поддерживавшего Россию. А. П. Ермолов также надеялся, что возвышение им уцмий и аварского хана предоставит ему возможность больше влиять через них на «вольные» общества, не дать последним объединиться с Акуша-Дарго, открыто ставшим на путь срыва планов российского правительства в Дагестане²⁹. Учет этого обстоятельства вменялся в обязанность генерала Пестеля, которому было предписано взять аманатов с политически наиболее ненадежных «вольных» обществ — Акушинского, Цудахаринского и Даргалинского³⁰. Полковнику Ага-беку Садыкову, имевшему в Дагестане «родство и обширное... знакомство», А. П. Ермолов велел доставить «вернейшие сведения» о подготовке антироссийского мятежа³¹. При этом рекомендовалось принять во внимание наиболее важные военно-политические аспекты возможного столкновения с горцами, которые на подготовительном этапе могли бы быть учтены командованием. Для предотвращения вооруженных стычек с горцами А. П. Ермолов форсировал принятие от ряда «вольных» обществ присяги: при этом одних он присоединил к преданному ему шамхалу Тарковскому, запретив им принимать у себя «изменников» — аварского хана и его брата Хасан-хана³², другим — объявил, что они попадают в полное подчинение к российскому командованию³³, наконец, третьим — сохраняя «вольность», но вводил у них российское управление.

34.
Там же, с. 21—22.
35.
Там же, с. 22.
36.
Там же.
37.
Там же, с. 23.
38.
Волконский Н.А. Указ. соч.,
т. 10, с. 18.
39.
ДГСВК, с. 27.

Эти меры касались обществ, расположенных главным образом в предгорной полосе Дагестана, и преследовали задачу создания надежного заслона против набегов горцев в равнинные районы Дагестана. А. П. Ермолов вел постоянную переписку с представителями дагестанской знати: отличаясь покровительственным тоном, послания А. П. Ермолова содержали призывы к миру и сотрудничеству. Однако, по мере того, как стороны узнавали друг друга (ханско-бекская знать постигала планы главнокомандующего, а последний видел «ропот» знати), язык общения А. П. Ермолова с «вольными» обществами резко менялся. Так, если поначалу главнокомандующий в своих письмах называл аварского хана Султан-Ахмед-хана «образцовым российским чиновником»³⁴, то затем, узнав о приготовлениях хана вместе с удумом к сопротивлению, высказал ему угрозы. Известие о встрече Султана-Ахмед-хана с чеченцами и отправке им на помощь отряда лезгин привело А. П. Ермолова в ярость. «Подлее трусов нет на свете», «большого вреда можно опасаться от блядей», — заявил главнокомандующий хану³⁵. А. П. Ермолов предупреждал аварского хана: «...последуйте, любезный приятель, моему совету; вы меня не знаете; я умею не изменять моему слову»³⁶. Стало также ясно, каких принципов будет придерживаться А. П. Ермолов в отношении социальных «верхов» Дагестана: «Беков не разумею иначе, как подданных моего великого государя или как неприятелей русским. Я и в том и другом случае знаю, как мне поступать надлежит»³⁷. Вместе с тем жесткий тон главнокомандующего не означал стремления к вооруженному конфликту. А. П. Ермолов был вполне искренен, когда подчеркивал свое намерение воздерживаться от военных действий. Дело заключалось в том, что, приступив к плану покорения горцев, главнокомандующий заранее не обеспечил себя достаточными силами, которые гарантировали бы военный успех: летом 1818 г. А. П. Ермолов располагал всего двумя пехотными дивизиями. При отсутствии надежных передовых и оборонительных пунктов «этими войсками приходилось охранять край, строить укрепления и предусмотреть возможные вооруженные столкновения с горцами»³⁸.

Тем временем конфликт между ханско-старшинской верхушкой и российским командованием разрастался. В центре его оказался Султан-Ахмед-хан, взявший на себя организацию вооруженного мятежа. Аварский хан со своим братом «возмутил» «народ дагестанский»³⁹ и выступил против регулярных сил А. П. Ермолова. В ответ была направлена карательная экспедиция в Дженгутай, «в самую родину» Султана-Ахмед-хана. Прогнав хана, главнокомандующий передал его имение в собственность шамхала Тарковского. Одновременно А. П. Ермолов послал воинский

40.
Там же.
41.
Там же, с. 28.
42.
АКАК, т. 6, ч. 2, с. 8.

отряд во главе с генералом Пестелем в крупное поселение Башлы. О результате главнокомандующий сообщал, что Пестель «прогнал всех изменников и совершенно истребил гнездо разбойничье» и что «в Башлах не осталось камня на камне и следы основания его совершенно изглажены»⁴⁰.

В конфликте с Султан-Ахмед-ханом А. П. Ермолов никак не мог понять, почему Султан-Ахмед-хан, «простой дженгутайский бек», получивший от российского правительства звание генерал-майора и возведенный на аварский «престол», «вовсе его фамилии не принадлежащий»⁴¹, «изменил» России. С подобным поведением отдельных представителей горской знати А. П. Ермолов за время кавказской службы столкнется не раз, и, оставаясь в недоумении, не будет скупиться на оскорбительные слова в их адрес. Между тем неустойчивость в политической позиции ханско-бекских «верхов» объяснялась не «ослиным их умом», как нередко выражался главнокомандующий, а тем, что они, находясь под определенным влиянием Ирана, Турции, сепаратистских сил Грузии и Азербайджана, связаны с «вольными» обществами, недовольными действиями российского командования по пресечению набегов. Тот же Султан-Ахмед-хан, на подвластных владениях которого располагалось абсолютное большинство этих обществ, не мог не считаться с их интересами: противопоставление себя им, а тем более враждебные шаги неминуемо привели бы к потере незаконно приобретенного ханского «престола». Поэтому Султан-Ахмед-хан, впрочем, как и последующие аварские ханы, политический вес которых обуславливался поддержкой «вольных» обществ, оказался между двумя противоборствующими сторонами — Россией, стремившейся к прекращению набегов и установлению своей администрации, и «вольными» обществами, отстаивавшими свое право на одно из важных «коммерческих» занятий — набеги. Устанавливая военно-экономическую блокаду, А. П. Ермолов не учел эту внутреннюю обстановку. Но не только это осталось за пределами политического анализа главнокомандующего. Вступая в контакты с «вольными» обществами, он, например, не был в состоянии объяснить различное восприятие «вольными» обществами его политического курса: одни из них заняли выжидательную позицию, другие — откровенно враждебную. В марте 1819 г. А. П. Ермолов в предписании барону Верде, поясняя обстановку в Дагестане и указывая на неблагонадежность подавляющей части дагестанской знати, отметил, что «все в Дагестане беспокойства происходят от Акушинского народа — сильного и довольно воинственного»⁴². Однако неясным для него оставался вопрос — почему Акуша-Дарго проявляло особую воинственность в отношении российского

43.

Там же.

44.

Волконский Н.А. Указ. соч., с. 12.

45.

АКАК, т. 6, ч. 2, с. 73.

46.

Волконский Н.А. Указ. соч., с. 13.

47.

АКАК, т. 6, ч. 2, с. 72.

48.

Там же, с. 74.

внешнеполитического курса. Между тем этот крупный союз «вольных» обществ, находившийся на стадии создания раннефеодальной государственности, нес потери от того, что ему, как и другим союзам обществ, запрещалась набеговая практика, благодаря которой он, кроме прочего, достиг политического влияния в «вольных» обществах и даже в сопредельных ханствах⁴³.

Тем временем движение в Дагестане против политического курса А. П. Ермолова ширилось. В 1819 г. волнение охватило Табасарань. Для подавления его был направлен отряд генерала Мадатова, разбившего силы «главного бунтовщика, влиявшего на всю Тбасарань, изменника Абдул-бека Эрсойского»⁴⁴. Большая часть Табасарани вынуждена была принести присягу Мадатову. Старшинская и духовная знать подписала тяжелые для себя условия: «Ныне, — отмечалось в присяге, — ...ген.-м. князь Мадатов, прибыв сюда с русским отрядом, силою оружия изгнал изменника Абдула-бека, покорил нас своей власти, предал огню наши деревни и привел нас в покорность. Мы приняли подданство..., Мадатов назначил между нами кадием Абдур-Реззак-бека и приказал нам повиноваться его власти и признать его своим кадием. Мы признаем его своим кадием и клянемся в подданстве»⁴⁵ российскому императору. Но более тяжелым для «вольных» обществ Табасарани условием являлось прекращение набегов. По словам Н. А. Волконского, после похода Мадатова окончилось политическое существование Табасарани и от нее «остался лишь на прежних началах небольшой угол, известный под названием вольной или независимой Табасарани»⁴⁶. В военных действиях по усмирению Табасарани участвовали в составе отряда Мадатова «местные» силы — конница Аслан-хана Кюринского и отряд самих табасаранцев. За содействие в походе им в качестве вознаграждения было отдано имущество Абдула-бека⁴⁷. Что касается самого Абдула-бека, «главного мятежника», то он был изгнан из Табасарани и укрылся в Акуша-Дарго. Вскоре, однако, когда Абдула-бек обратился к А. П. Ермолову с просьбой о разрешении поселиться в «вольной» Табасарани, он получил такое разрешение, но с условием: отказ от притязаний на власть и имение; выдача в качестве заложника «любимого сына»; обязательство соблюдать «безмолвную покорность» России. В случае несоблюдения хотя бы одного из этих условий, Абдула-бек терял право появляться на «землях, покорствующих скипетру»⁴⁸. В таком же политическом контексте решался и вопрос о «покоренной» Табасарани. Управление ею возлагалось на дербентского коменданта, позже — на полковника Верховского. Права и функции Абдур-Реззак-бека, назначенного кадием Табасарани, свелись к решению ду-

49.
Там же, с. 34.
50.
Там же, с. 35.
51.
Там же.
52.
Там же, с. 35—36.

ховных и гражданских дел местного населения: ему запрещалось заниматься среди табасаранцев какой-либо военной или политической деятельностью, кроме наблюдения за исполнением присяг.

Применение подобных санкций к ханско-бекской верхушке было типичным для главнокомандующего. Однако даже при «лояльном» поведении этой верхушки действия А. П. Ермолова по отношению к ней были неоднозначны. Взяв курс на подрыв социальной роли «старой» знати и формирование «новых кадров», главнокомандующий надеялся найти в Дагестане политическую опору. Памятуя об этом, А. П. Ермолов не всегда принимал «услуги» представителей «старой» знати. Сурхай-хан Казикумухский, например, одним из первых высказал свою преданность России и готовность служить ей. Он, конечно, рассчитывал, что сотрудничество с российской администрацией поднимет его собственный социальный вес в ханстве, принесет ему новые привилегии: в обращении к А. П. Ермолову хан подчеркивал, что он «выше дагестанских эмиров по положению и знатности» и надеется получить «почести и награды», «дабы тем опечалить моих врагов»⁴⁹. Надежды «первостепенного владельца» Сурхай-хана, однако, не оправдались. А. П. Ермолов равнодушно отнесся к его услужливости. Спустя некоторое время Сурхай-хан писал о своем крайнем неудовольствии по поводу фактического отказа ему в принятии на русскую службу: «До настоящего времени я ничего не видел от вас и разочаровался в своих ожиданиях»⁵⁰, — жаловался он главнокомандующему. Были еще два обстоятельства, вызвавшие у Сурхай-хана особое негодование: это «отнятие» у него подвластной деревни Чираг с запрещением «продажи земель и гор, лежащих в окружности этой деревни» и, второе, распоряжение о запрете ему выезда в Кюри и тем разлучение его с «многими» «из дагестанских предводителей (набегов — *ред.*)»⁵¹. Последнее условие для А. П. Ермолова имело принципиальное значение: «старая» знать была тесно связана с организаторами набегов, часто сама выступала в такой роли. Поэтому главнокомандующий видел одну из своих задач в подрыве социального влияния «старой» знати и формировании новой прослойки, которая, отказавшись от практики набегов, действительно становилась бы политической опорой российской администрации. Несколько иной позиции А. П. Ермолов придерживался в отношении рядовых общинников (узденства). В самом начале своей деятельности он чуждался мысли о некоторых послаблениях узденству. Об этом свидетельствует его предписание графу Гурьеву, в котором был поставлен вопрос о значительном снижении размеров податей, введенных еще в 1812 г. (по распоряжению генерала Паулуччи) в Кюринском ханстве⁵². Свою директиву А. П. Ермо-

53.
Там же, с. 37.
54.
Там же.
55.
Там же.
56.
Там же.

лов направил графу Гурьеву в марте 1818 г., а в июле, не получив еще ответа на нее, он узнает, что население Кюринского ханства продолжает участвовать в набегах, принимает у себя «множество беглецов из разных владений»⁵³. Обычно в таких случаях А. П. Ермолов не только не шел на какие-либо уступки, а, напротив, либо направлял карательную экспедицию, либо ужесточал свой административный режим, не забывая при этом и о повинностях. Но к кюринцам А. П. Ермолов не применил жестких мер и даже не отменил своего решения о сокращении размеров податей. Более того, в набегах он обвинил хана, заявив ему, что если он не имеет влияния на своих подданных и не в силах удержать их от разбоев, то это за него сделает он, главнокомандующий, но тогда «подвластные ваши, — писал А. П. Ермолов хану, — увидя, что вы защитит их не в силах, потеряют к вам уважение»⁵⁴. Получив от правительства разрешение уменьшить кюринцам размер податей с 6 тыс. червонцев и 6 тыс. хлеба до 1 тыс. червонцев и 2 тыс. четвертей хлеба, А. П. Ермолов объяснял хану, что он добился этого из снисхождения к тяжелому экономическому положению населения, вызванному свирепствовавшими эпидемиями и частыми набегами на территории этого ханства⁵⁵. Но из своего «благотворительного» шага главнокомандующий, естественно, хотел извлечь политические выгоды: он требовал от хана, «дабы о том сообщено было народу и чтобы знал он попечение е.и.в. о благе его»⁵⁶.

Прибыв в Дагестан, А. П. Ермолов столкнулся с довольно сложными отношениями между отдельными владениями и между «вольными» обществами. Мало того что их раздирали обычные родоплеменные конфликты и феодальные усобицы, они истощали друг друга еще и набегами. Вовремя и верно оценив ситуацию, А. П. Ермолов энергично вмешался в нее в роли третейского судьи. Так, в письме Сурхай-хану А. П. Ермолов сообщал, что готов уладить его отношения с Аслан-ханом Кюринским (между этими ханами происходили постоянные конфликты на почве того, что подданные Сурхай-хана совершали набеги во владения Аслан-хана). А. П. Ермолову нередко удавалось снять напряженность в межфеодальных отношениях и в конфликтах между «вольными» обществами. Это значительно повышало влияние российских властей и лично главнокомандующего на политическую обстановку Дагестана. Имело значение и другое. Склоняясь к карательным средствам покорения горцев, А. П. Ермолов, вместе с тем, не раз проявлял сдержанность и, реально оценивая ту или иную обстановку, регулировал свои отношения и с феодальной прослойкой и со старшинской знатью «вольных» обществ мирным путем. На этот метод воздействия на местные социальные силы, приносив-

57.
Волконский Н. А. Указ. соч.,
с. 15.

58.
Там же.

59.
Там же.

ший А. П. Ермолову немалый политический капитал, обратили внимание еще дореволюционные авторы. Так, по Н. А. Волконскому, А. П. Ермолов, «не будучи политиком, возмещал это качество благоразумием и опытностью»⁵⁷. Примером могли бы служить его отношения с Сурхай-ханом: вступая в политические контакты с ним, А. П. Ермолов не раз шел на уступки, хотя никогда не заблуждался по поводу политической неблагонадежности этого хана. Принцип неприменения военно-политических санкций А. П. Ермолов соблюдал и в отношении ряда других представителей ханско-бекской знати, не отличавшейся лояльностью к политическому курсу главнокомандующего. Особый «либерализм» он проявлял к новым «русским» кадрам, за короткое время выдвинутым на важные должности по управлению Дагестаном. Замечая, что его «собственные» кадры также не всегда преданы России, главнокомандующий, по-видимому, продолжал рассчитывать на их поддержку. Понимая, например, сколь неустойчивы «политические идеалы» Аслан-хана Кюринского (позже при его молчаливом согласии будет развивать мюридизм Магомед Ярагский), зная о лживости заявлений Ахмед-бека Елисуйского, лавировавшего между «вольными» обществами Южного Дагестана и Россией, А. П. Ермолов не предпринимал мер, аналогично тем, к каким он прибег в отношении Султана-Ахмед-хана Аварского и Абдул-бека Эрсойского. По Н. А. Волконскому, «так было долгое время с уцмием, с ханами: аварским, мехтулинским, шекинским и другими, которых он не переставал ласкать или по меньшей мере смотреть сквозь пальцы на многие их поступки до тех пор, пока они не выражались в явной измене»⁵⁸. Н. А. Волконский склонен был объяснить подобную политику главнокомандующего тем, что, длительное время находясь в опале (до приезда на Кавказ), он был в состоянии «размягченности» и к тому же имел «не злое сердце»⁵⁹. Но такое понимание действий А. П. Ермолова слишком отдалило бы нас от существа его политики в горном Дагестане. Дело заключалось в другом. Первые конфликты главнокомандующего с местной знатью высветили перед ним одну важную истину — тесную связь ханско-бекской знати с родоплеменной и их общую заинтересованность в набеговой системе. Нетрудно было заметить, что, держа ханско-бекскую прослойку в политической опале, можно лишиться поддержки и родовой знати, а вслед за ней — рядовых общинников. Реальная расстановка общественных сил в горном Дагестане заставила главнокомандующего использовать не только политику репрессий, но и методы гибкой дипломатии. Заслуживают внимания попытки А. П. Ермолова мирными средствами уладить отношения с одним из самых крупных и беспокойных

60.
АКАК, т. 6, ч. 2, с. 77.

61.
Там же, с. 30—31.

62.
Там же, с. 33.

союзов «вольных» обществ — Акуша-Дарго. А. П. Ермолов хорошо знал, сколь интенсивно совершались набеги из Акуша-Дарго. Если бы он продолжал придерживаться той главной меры — карательной системы, с помощью которой он думал покорить Большой Кавказ, Акуша-Дарго должно было стать одним из первостепенных объектов репрессий. В целом не отказываясь от жестких мер, А. П. Ермолов, однако, не прочь был достичь своих программных целей мирно. В обращении к обществу Акуша-Дарго он подчеркивал, что российское правительство «уважает веру вашу, не нарушает ваши обычаи, не касается вашей собственности и ничего от вас не требует»⁶⁰. Единственное, о чем просил А. П. Ермолов акушинцев — прекратить набеги. По этому же сценарию развивались отношения главнокомандующего с союзом анцухских обществ, находившихся под политическим влиянием антироссийски настроенного грузинского царевича Александра. Анцухское общество было известно своими беспощадными набегами на Кахетию. В свое время российское командование подвергло его за это карательным экспедициям, после чего анцухцам была объявлена военно-экономическая блокада. Не раз анцухские старшины обращались с просьбой снять блокаду, разрешить вести торговлю, пасти стада на равнине, однако в течение четырех лет российская администрация не только не откликалась на эти прошения, но и, обвиняя их за связь с царевичем Александром, угрожала «истреблением жен, детей и жилищ»⁶¹. Осенью 1818 г. анцухское общество вновь просило освободить его, как находившегося в подданстве России, от блокады. Однако генерал Вельяминов, к которому была адресована просьба, фактически уклонился от решения вопроса. Отчаявшись, анцухские старшины обратились к А. П. Ермолову. Отвечая, главнокомандующий напомнил о «преступлениях», совершавшихся ими ранее, и предупредил, что им не следует ждать от российского правительства «даров», наподобие тех, что получали они от Ираклия II: он требовал, чтобы анцухцы вели себя не иначе, как подданные России. Вместе с тем, А. П. Ермолов рассмотрел просьбы союза анцухских обществ и объявил о снятии блокады, разрешил им торговать с Кахетией, пасти стада на равнинных землях Грузии, подчеркнув при этом, что он, главнокомандующий, принял старшин-анцухцев с «приличным уважением»⁶².

Ведя подобную политику, А. П. Ермолов отдавал себе отчет в том, что переговорами с Акуша-Дарго, Анцухским союзом обществ и другими «вольными» обществами не решить политических задач, поставленных Петербургом. И если все же он шел на такие меры, то в первую очередь из-за стремления избежать в этот конкретный период военных конфликтов,

63.
Там же, с. 38.
64.
Там же, с. 39.
65.
Там же, с. 25.
66.
Там же, с. 80.
67.
Там же, с. 79.

добиться политического влияния во всем горном Дагестане и затем приступить к его административному обустройству. Такая тактика лишь внешне выглядела логичной, на практике же она была явно нереальной. Набеги горцев, как часть их общественного уклада, не могли быть прекращены присягами и переговорами — подобные средства годились для решения любых других проблем, но только не этой. Не случайно ханско-бекская и родоплеменная знать столь же легко принимали на себя обязательства о прекращении набегов, сколь и нарушали их. В этом не раз убеждался главнокомандующий, видевший в горах людей «легкомысленных» и «порочных». А. П. Ермолов был далек от мысли, что, добиваясь прекращения набегов, он совершает насилие над естественным ходом развития «вольных» обществ и тем самым, объективно, является носителем общественного зла. Еще летом 1818 г. Акуша-Дарго, обещавшее держаться российской стороны, а А. П. Ермолов — не вмешиваться в его внутренние дела, осенью того же года «дерзнуло» «поднять оружие против российских войск»⁶³. Акуша-Дарго было поддержано Сурхай-ханом Казикумухским⁶⁴, которого А. П. Ермолов назначил вместо Султан-Ахмед-хана на аварский «престол», обещая ему чин генерал-майора и пенсию в 500 руб.⁶⁵ Осенне-зимний конфликт с Акуша-Дарго выявил еще один аспект в военно-политических отношениях между «вольными» обществами и российским командованием. Против Акуша-Дарго, население которого А. П. Ермолов назвал самым «воинственным, сильнейшим в Дагестане»⁶⁶, командование направило сравнительно небольшие силы: три батальона пехоты, 500 линейных и донских казаков и «татарскую конницу», сформированную в дагестанских ханствах. Отряды акушинцев, насчитывавшие 15 тыс. человек⁶⁷, имели и другие преимущества — знание местности, наличие укрепленных пунктов, опыт ведения войны в горных условиях. При таком численном превосходстве, каким располагали акушинцы перед боем с войском А. П. Ермолова, Шамиль практически не знал поражения. Что касается акушинцев, то они не сумели нанести противнику сколько-нибудь ощутимого урона: в один день А. П. Ермолову удалось сломить их сопротивление. Объяснялось это далеко не одним только наличием у главнокомандующего регулярных войск. Столкнувшись с форсированным военно-политическим продвижением России, Акуша-Дарго, как и другие «вольные» общества горного Дагестана, не располагало еще самым главным — политико-идеологическими установками, которые объединяли бы и вдохновляли на войну. На этом этапе русско-дагестанских отношений «идеологическая обстановка» в «вольных» обществах была такова, что Россия еще не воспринималась в «образе врага»; более того, с

68.

См. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана... Немецкий историк XIX в. Г.Баульгартен писал, что до тех пор, пока ислам и мюридизм не утвердились в Дагестане, горцы не видели ничего предосудительного в том, чтобы признать власть русских, которые еще не были для них «гяурами» (Baumgarten G. Sechzig Jahre des kaukasischen Krieges mit besondere Berücksichtigung des Feldzuges im nordlichten Daghestan in Jahre 1839. Leipzig. 1861, S. 21).

69.

АКАК, т. 6, ч. 2, с. 79.

70.

Там же, с. 79—80.

71.

Там же, с. 79.

72.

Там же.

73.

Там же, с. 80.

74.

Там же.

этой страной еще недавно связывались экономические выгоды, защита отечества от внешних вторжений и другие блага⁶⁸. Во время столкновения отрядов Акуша-Дарго с карательным войском А. П. Ермолова у акушинцев не было еще той «идеологической», «социальной» мобильности, какую они обрели во время привычного для них занятия — набега и связанного с ним сражения. Зная мужество горцев, А. П. Ермолов и генерал Мадатов после похода в Акуша-Дарго немало удивились тому, что акушинцы — гроза «вольных» обществ и ханств горного Дагестана, — увидев, как русская пехота «приближается к дороге и отрезывает отступление... бросились» с таких крутиз, что едва глазам верили мы⁶⁹.

Что касается политических итогов экспедиции в Акуша-Дарго, то они не выходили за рамки общей программы А. П. Ермолова в отношении горного Дагестана. В письме⁷⁰ на имя Зухум-кадия, назначенного вместо Мамед-кадия на должность главного кадия Акуша-Дарго, А. П. Ермолов объявил свои условия. Властью, «данной великим государем», А. П. Ермолов удалял из Акуша-Дарго Мамед-кадия; новому кадию поручалось сохранить «прежний образ управления и прежние обычаи, без всякой перемены»⁷¹. Однако все вопросы, касавшиеся «нужд даргинского народа», главный кадий мог решать лишь после согласования с главнокомандующим, «ибо, — провозглашал А. П. Ермолов, — нет над вами (акушинцами — *ред.*) никакой другой власти»⁷². Население Акуша-Дарго лишалось в дальнейшем права предоставления «пристанища неприятелям и изменникам России», обязывалось поддерживать «приязнь и дружбу со всеми народами, подданными России». Впредь ему запрещалось собирать войско, исключая случаи, когда бы этого потребовали интересы «охранения своих границ», но без права «входить» в «чужие земли». Акушинцам запрещалось участвовать «в распрях соседственных народов»; это требование главнокомандующий мотивировал стремлением «возвратить спокойствие в Дагестане»⁷³. Наконец, Акуша-Дарго было обложено налогом — ежегодно поставлять в Дербент 2 тыс. голов баранов. Такой размер дани для Акуша-Дарго, крупного союза «вольных» обществ, не считался тяжелым: А. П. Ермолов подчеркивал, что он не «отягощает» «добрый даргинский народ» податью; введение налога для акушинцев служило не более, как «знаком» их «подданства России»⁷⁴. Нетрудно судить о том, как в Акуша-Дарго воспринимали налогообложение со стороны российской администрации. Несомненно другое — более тяжелым, чем налог, они считали запрещение собирать войско и совершать традиционные набеги в сопредельные области. Беспрекословное выполнение этого требования фактически означало потерю важ-

75.
ДГСВК, с. 31.

76.
Там же.

77.
Там же, с. 28—29

нейшей функции — военной, без которой бессмысленным становилось само существование Акуша-Дарго как союза «вольных» обществ (функции хозяйственные могли не менее успешно решаться каждым «вольным» обществом в отдельности). Именно этим требованием, а не размером налога, закладывалась основа для той ненадежности, которой отличались «договоры» А. П. Ермолова с «вольными» обществами Дагестана.

Опыт А. П. Ермолова, почерпнутый из его отношений с Акуша-Дарго, по-видимому, подсказал ему некую военно-политическую «модель», в общих чертах сложившуюся в сознании главнокомандующего к осени 1818 г., т. е. после летней кампании, которая потребовала от него ряда политико-тактических корректив. Этой «модели» А. П. Ермолов придерживался и позже, как, например, осенью 1819 г., когда ему пришлось решать проблему Чиркея. В связи с тем, что накануне чиркеевцы приняли участие в крупном набеге, главнокомандующий объявил им, что «прощая сделанное ими нарушение спокойствия, позволяется им по-прежнему жить безопасно в домах своих, обрабатывать поля, пасти скот и производить торг во всех местах, где находятся войска российские»⁷⁵. Вместе с тем А. П. Ермолов выставил условие, согласно которому чиркеевцы на собственных землях должны были держать караулы, не допуская «воровство и разбой», что означало полный запрет набегов. Чиркеевцы также обязывались ежегодно платить российскому императору дань в размере пятисот баранов⁷⁶. На этих условиях в мечетях в присутствии представителей российского командования чиркеевцы приводились к присяге на алкоране.

Благодаря военно-политическим акциям А. П. Ермолова 1818—1819 гг. линия военно-экономической и политической блокады вокруг Дагестана стягивалась все туже. Таким путем А. П. Ермолов все еще добивался решения двуединой задачи — прекращения набегов и завершения политико-административного устройства горного Дагестана. Однако становилось ясно: чем плотнее блокада, тем труднее А. П. Ермолову обеспечить ее надежность силами тех войск, которыми он располагал. Что же до политических мер и жесткого тона главнокомандующего, то они и вовсе не гарантировали в «вольных» обществах Дагестана спокойной обстановки. Наметившийся разрыв между масштабами блокады и военными средствами ее осуществления замечался и ранее. Однако только в 1819 г. подал А. П. Ермолов свой рапорт на имя императора с обоснованием необходимости увеличения количества войск для нужд дальнейшего покорения Дагестана⁷⁷. Но в этом документе примечательно не только требование подкреплений. Пожалуй, более важна оценка сложившейся в ходе «блокадной поли-

78.
Там же, с. 28.
79.
Там же.
80.
Там же.

тики» обстановки в Дагестане и внешнеполитического положения Кавказа. По мнению А. П. Ермолова, в 1819 г. на юге Кавказа можно было не опасаться «внешней войны», например, с Ираном. По его прогнозам, в ближайшее время не предвиделось существенного изменения внешнеполитической ситуации. В этом у А. П. Ермолова была столь большая уверенность, что он брал на себя «ответственность» при развитии событий. Таким заявлением главнокомандующий как бы переносил акцент на внутреннюю обстановку на Кавказе: «внутренние беспокойства гораздо для нас опаснее», — считал А. П. Ермолов. Он сообщал императору, что «горские народы примером независимости своей в самых подданных е.и.в. порождают дух мятежный и любовь к независимости»⁷⁸. Хорошее знание дел на Северном Кавказе, в особенности в Дагестане, позволяло главнокомандующему реально оценивать общую обстановку. А. П. Ермолов осознавал: то, чего он к 1819 г. добился в Дагестане «малыми средствами» — это временный успех. Довольно мрачным рисовалось ему будущее развитие взаимоотношений России с «вольными» обществами. Ставя перед императором вопрос об «умножении войск» на Кавказе, он предсказывал, что позднее и «умноженных» войск «будет недостаточно». По сообщению главнокомандующего, уже в 1819 г. «в Дагестане возобновляются беспокойства и утесняемы хранящие вам верность»⁷⁹. В одном из рапортов Александру I (1819 г.) А. П. Ермолов сформулировал свое кредо в отношении методов осуществления плана покорения горцев: «сия не состоит в безусловном рассеянии и наказании мятежников, ибо они появляются после, но необходимо между ними пребывание войск и сей есть единственный способ смирить их»⁸⁰. Иначе говоря, новые силы понадобились А. П. Ермолову не столько для расширения наступательных военно-карательных акций, сколько для ужесточения блокадной системы и сохранения ее в неприкосновенности. Это был главный политический аспект, который имел в виду А. П. Ермолов, запрашивая у императора подкрепления. Наряду с этим главнокомандующий вынашивал идею «войны» с ханско-бекской знатью Дагестана. Стремясь к смене прежних ханов и беков новыми, которым предоставлялись высокие воинские чины и денежное содержание, А. П. Ермолов, однако, не связывал будущее устройство Дагестана с господством ханско-бекской знати. Перспективы края он видел в полном отстранении местной знати от решения политических вопросов и водворении российского управления. А. П. Ермолов считал: «Полки, прибывшие уничтожать и власть злодейскую ханов, которых правление не соответствует славе царствования в.и.в.; а жители ханств, стенияющие под тяжестью сей власти, уразу-

81.
Там же, с. 29.
82.
Там же.
83.
АКАК, т. 6, ч. 2, с. 26.
84.
Там же.
85.
ДГСВК, с. 33—34.
86.
Там же.
87.
АКАК, т. 6, ч. 2, с. 26.

меют счастье быть подданными великого государя»⁸¹. Как видно, свержение власти местной знати главнокомандующий полагал делом недалекого будущего, связывая его с присылкой на Кавказ новых воинских подразделений.

Военно-политическая блокада сопровождалась экономической. Особенно активно она проводилась в Акуша-Дарго. Еще до карательной экспедиции это общество было лишено права сообщаться с Дербентом и Кавказской линией: акушинцы обвинялись в «расхищении караванов и убийствах торгующих»⁸². Еще более строгие санкции применил А. П. Ермолов к Аварскому ханству. Генералу Эристову он предписывал, чтобы жителям указанного ханства «не давали проезда» и чтобы «тот, кто представит начальству взятого аварца», имел бы право воспользоваться его товаром или другим имуществом беспрекословно»⁸³. Причем пояснялось: вначале необходимо было держать решение главнокомандующего о запрете торговать в Кахетии в тайне, а затем, после того как были бы схвачены первые торговые люди из Аварии, объявить о запрете. Как и акушинцы, аварцы обвинялись в набегах в Восточную Кахетию. То же самое было предпринято в отношении Белокан: население этого района пропускало через свою территорию отряды, совершавшие набеги на Восточную Грузию. Последовало грозное распоряжение А. П. Ермолова: «Извольте приказать повсюду брать жителей Белокан под стражу и отгонять скот их, пока не удовлетворят претензии на них жителей Кахетии»⁸⁴. Приказы главнокомандующего по организации экономической блокады исправно исполнялись. Телавский комендант капитан Петерс, например, доносил генералу Вельяминову, что им конфискованы товары у андийских лезгин: 21 лошадь, 346 бурок и «прочие вещи»⁸⁵. Все это не подлежало возврату, а передавалось в казну.

На начальных этапах организация военно-экономической блокады сопровождалась широкой практикой выдачи заложников (аманатов). Дербент и другие русские крепости становились своеобразными колониями, где содержались горские аманаты. К осени 1820 г. только в одном Тифлисе из «вольных» обществ Аварского ханства находилось 32 аманата⁸⁶. Их брали не только в залог прекращения набегов, но и использовали в качестве средства политического нажима на «вольные» общества. Так, назначая Сурхай-хана на аварский престол и добиваясь подчинения ему «вольных» обществ, А. П. Ермолов отдал приказ: «...во всех провинциях наших брать под стражу жителей Аварского ханства, приезжающих по торговым делам и другим надобностям, если не будут они иметь виды за печатью Сурхай-бека... Задержанных аварцев употреблять в крепостные и прочие работы»⁸⁷. А. П. Ермолов был убежден, что «после сих

88.
Там же.
89.
Там же, с. 29.
90.
Там же, с. 35, 39—40.
91.
ДГСВК, с. 36.
92.
Там же, с. 37.
93.
Волконский Н.А. Указ. соч.,
с. 10.

распоряжений... жители Аварского ханства возьмут сторону Сурхай-бека»⁸⁸.

Блокада А. П. Ермолова была еще далека от завершения, как в ее механизме стали обнаруживаться сбои. Администраторы постоянно извещали главнокомандующего о нарушениях режима в торговле, хозяйственных связях, о серьезном ухудшении экономического положения горного Дагестана. Генерал Верде, например, с тревогой сообщал генералу Вельяминову о таможенных притеснениях, чинимых населению подведомственного края⁸⁹. Аслан-хан доносил российскому командованию, что из-за податей и неурожая жители его (Кюринского) ханства оказались в бедственном положении. Он просил освободить их от «несомой тягости», удовлетворить их нужды «по приличию»⁹⁰. Ухудшение положения «вольных» обществ вело к новым нарушениям блокады, что служило для А. П. Ермолова поводом к ужесточению военно-административного режима. В результате в горном Дагестане стали намечаться «горячие» точки, где особенно остро воспринимались распоряжения российского командования. В этом смысле выделялись два района — «вольные» общества Аварии и Акуша-Дарго. Требования о кордоне не придерживались ни аварцы, ни акушинцы, поэтому те и другие были лишены права перемещения без специального разрешения. Выговаривая Зухум-кадию за положение в Аварии, генерал Вельяминов предупреждал об арестах, которыми будут наказываться люди за нарушение блокадного режима⁹¹.

Обстановка в «вольных» обществах осложнилась еще и другим обстоятельством. Ханская знать, еще недавно имевшая ограниченное влияние на население «вольных» обществ, благодаря должностным назначениям и высоким воинским чинам, полученным от российского командования, приобрела беспрецедентные права над общинниками. Выступая от имени российских властей, она «заботилась» вовсе не об интересах России, а об укреплении своего социального статуса. Тот же Аслан-хан Кюринский, просивший российское командование не слишком обременять население податями, клятвенно заверяя о неурожае и голоде, сам налагал на кюринцев «чрезвычайные подати», отбирал у них дочерей для обмена на лошадей, ввел в ханстве смертную казнь⁹². Вместе с тем Аслан-хан, получивший от российских властей ханство и неограниченные полномочия, далеко не отличался приверженностью интересам России. Дореволюционный автор отмечал, что А. П. Ермолов, не знавший истинного лица Аслан-хана, долгое время обольщался насчет этой личности⁹³. Между тем, согласно донесению генерала Пестеля, еще во время похода русского отряда на Башлы Аслан-хан, участвовавший в этом предприятии, «имел тайное свида-

94.

Там же.

95.

ДГСВК, с. 38—39.

96.

Волконский Н.А. Указ. соч., с. 11.

97.

Там же, с. 12.

ние с Султан-Ахмед-ханом Аварским и... приказывал своей милиции песнями давать знать» горцам о малочисленности русского отряда и «чтобы смелее нападали»⁹⁴. Было также известно об оказании Аслан-ханом денежной помощи горцам из «вольных» обществ, совершавшим набеги на русские форпосты. Подобное поведение Аслан-хана и его «собратьев» объяснялось не каким-то «особым свойством» «восточных» людей, как нередко писали авторы путевых заметок о Кавказе, а конкретной социальной обстановкой, создавшейся из-за блокадной политики России. Аслан-хан, несмотря на полученные от российского командования блага, в своем социальном восхождении продолжал ориентироваться на более понятные и надежные внутренние «механизмы» утверждения своего ханского положения. Ханско-бекская знать, к тому же, давала себе отчет в том, что со временем, когда российские власти прочно утвердятся в Дагестане и более не будут нуждаться в ее услугах, она может потерять все свои социальные привилегии. Именно эта ситуация вытолкнула на поверхность общественной жизни Дагестана тот тип политического деятеля из среды знати, в котором наличие «двойной морали» считалось добродетелью.

В 1820 — начале 1821 гг. действия российского командования в Дагестане сводились в основном к контролю за соблюдением блокадной системы. К этому времени оно фактически уже добилося того, что «вольные» общества лишились возможности совершать сколько-нибудь значительные вооруженные набеги на русские города и грузинские провинции. Расширилась зона, в пределах которой горцы не имели права ни перемещаться, ни вести торговли. Наряду с русскими поселениями и Кахетией в эту зону были включены Ахалцыхский пашалык, Армянская область, Имеретия и Джаро-Белоканская область⁹⁵. К 1820 г. российское командование рассматривало положение в «вольных» обществах Дагестана как вполне контролируемое. Думать так, казалось, были все основания. Насчитывавшее до 15 тыс. дворов Акуша-Дарго, «твердая опора всем прочим народам»⁹⁶, (по словам А. П. Ермолова) притихло после поражения 1819 г. и последующих политико-административных акций главнокомандующего, не доставляя больше особых тревог российской администрации на Кавказе. Зухум-кадий, пользовавшийся достаточно широким влиянием среди населения Акуша-Дарго, как «надежный друг России» (по оценке А. П. Ермолова), вполне оправдывал надежды главнокомандующего. Взятые у Акуша-Дарго 24 аманата⁹⁷ также давали основания поверить в «лояльность» этого союза «вольных» обществ.

Полностью была блокирована «дикая и крамольная Авария», «гроза Закавказья», как ее называл

98.
Там же, с. 9.
99.
Там же, с. 13.
100.
Там же, с. 18.
101.
Там же.

Н. А. Волконский. С 1819 г., т. е. с момента установления над ней военно-административного контроля и передачи управления Сурхай-хану (до совершеннолетия Абу-Нуцал-хана), Авария «была тиха и покорна, не смея поднимать разбитой головы, из опасения лишиться ее окончательно»⁹⁸. Потерпев поражение в 1820 г. в сражении с генералом Мадатовым, Сурхай-хан Казикумухский бежал в Иран и не представлял более никакой угрозы: командование присоединило его ханство к Кюринскому, а управление им поручило Аслан-хану. После изгнания «главного бунтовщика» Абдул-бека Эрсойского из Табасарани она была приведена к покорности вместе с Кайтагом: над ними также устанавливался военно-административный контроль. Крупное «вольное» общество — Кубачинское — в 1820 г. приняло присягу и, по примеру других, обязалось нести податную повинность в пользу России⁹⁹. Не решаясь вступать в вооруженный конфликт с силами А. П. Ермолова, спокойно вели себя общества Койсубулинское, Рутульское, Сюргинское и др. Попытки беглого царевича Александра и агентов Ирана поднять население «вольных» обществ Дагестана против России были безуспешны. Сыграли роль упреждающие военно-политические действия А. П. Ермолова в районах, отошедших после Гюлистанского мира 1813 г. к России и составивших теперь надежный южный заслон от враждебных политических акций. Некоторое влияние царевича Александра на закавказских лезгин-джарцев и белоканцев, — лишь формально признавших себя подданными России, не представляло опасности. Но даже здесь через султана Елисуйского Ахмед-бека, владевшего Цохурским и Елисуйским магалами, российское командование могло контролировать положение.

Военно-экономическая и политическая блокада «вольных» обществ Дагестана обеспечивалась надежным контингентом войск. В 1819 г., как о том просил А. П. Ермолов, Александр I направил на Кавказ еще несколько егерских полков¹⁰⁰. По мнению Н. А. Волконского, к 1820 г. в Дагестане А. П. Ермолов создал ситуацию, которой не было после него «десяtkи лет»; край был настоль «умиротворен», что А. П. Ермолову там «нечего было больше делать»¹⁰¹. Подобная оценка вполне справедлива применительно лишь к одной «сфере» деятельности главнокомандующего — блокаде. Вместе с тем блокада заслонила главное: ни российское правительство, ни А. П. Ермолов не замечали более, что «вольные» общества, социальные процессы в которых оказались под угрозой насильственного подавления, обрекались на глубоко болезненное развитие, что стихия их внутренней жизни рано или поздно может прорвать искусственно сооруженную плотину и снести все, что окажется на пути.

После горного Дагестана Чечня занимала наиболее

102.
АКАК, т. 6, ч. 2, с. 498.

103.
Там же.

104.
Там же.

105.
Там же.

106.
Там же.

107.
Там же.

важное место в планах покорения Большого Кавказа. В рапорте Александру I А. П. Ермолов сообщал, что набеговые отряды чеченцев проникали через Кавказскую линию, особенно — ее левый фланг. Под впечатлением от этих нападений А. П. Ермолов отзывался о чеченцах как о народе «дерзком и опасном»¹⁰². Уже тогда, летом 1818 г., главнокомандующий хорошо представлял всю сложность политической обстановки в Чечне. По его оценке, «небольшое число значущих между ними фамилий удерживает за собой власть и потому во всех намерениях более сохраняется единства и в предприятиях (набегах — *ред.*) более связи»¹⁰³. Он считал, что успехи чеченцев в набеговой практике и неудачи российских властей в борьбе с ней привели не только к «великой потере людей»¹⁰⁴. Среди чеченцев утвердилось мнение, будто «они непреодолимы и потому (русские — *ред.*) ищут дружбу их и согласия»¹⁰⁵. Покончить с набегами в Чечне и — заодно — с представлением о «неодолимости» чеченцев было для А. П. Ермолова как вопросом политического престижа, так и важной военно-стратегической задачей.

До приезда А. П. Ермолова на Кавказ российское командование в борьбе с набегами чеченцев действовало традиционно — в глубь Чечни направлялись карательные экспедиции, кроме людских жертв не приносившие каких-либо реальных результатов. Выступив решительным противником подобной тактики, А. П. Ермолов считал, что карательные меры во внутренней Чечне, где «народ соединяется для защиты жен, детей и собственности», не могут решить проблем политико-административного устройства, подорвать набеговую систему. «Надобно оставить намерение покорить их оружием, но отнять средства к набегам и хищничествам, соединив во власти своей все, что к тому им способствовало»¹⁰⁶, — писал А. П. Ермолов императору. В ноябре 1817 г. А. П. Ермолов выдвинул план, последствия которого было трудно предвидеть не только Александру I в Петербурге, но и главнокомандующему, конкретно знавшему положение дел в Чечне. Предполагалось «занять р. Сунжу и по течению ее устроить крепости»: тогда, — считал А. П. Ермолов, — «чеченцы стеснены будут в своих горах, лишатся земли, удобной для возделывания, и пастбищных мест, на которых во все зимнее время укрывают они стада свои от жестокого в горах климата»¹⁰⁷. По мысли главнокомандующего, между населенными пунктами, расположенными на Кавказской линии, и предгорной и горной Чечней, создавалась новая кордонная линия, заселявшаяся равнинными чеченцами. Доходя до Аксаевского и Андреевского поселений, она прикрывала г. Кизляр — важный военно-стратегический объект Кавказской линии. Такой же заслон А. П. Ермолов имел в виду возвести

108.
Там же.

109.
Там же.

110.
Там же, с. 499.

111.
Там же; Английский историк Д.Бэдли, осуждавший политику А.П.Ермолова, и не до конца понявший происходившие на Кавказе события, считал, что у русских были «определенные основания» именовать чеченцев «разбойниками» (Baddeley J.F. The Russian Conquest of the Caucasus. Lnd. — N.Y. 1908, p. 161—162).

112.
АКАК, т. 6, ч. 2, с. 499.

113.
Там же.

и к западу от равнинной Чечни (в районе Назрановского редута) для обороны Военно-Грузинской дороги на пространстве от Моздокской крепости до Дарьяльского ущелья. Летом 1817 г. главнокомандующий занял там территорию протяженностью в 50 верст. Тем самым по существу создавался второй кордон, рассекавший с севера на юг западную окраину Чечни. В этот район А. П. Ермолов хотел поселить горцев, в том числе ингушей, «непримиримых врагов чеченцев»¹⁰⁸. Замыслы и характер действий в Чечне А. П. Ермолов тщательно скрывал от местного населения. Однако вскоре он сообщил императору, что чеченцы «угадывают» его намерения и от этого пришли в «ужас»¹⁰⁹.

Главнокомандующий не мог предвидеть, что на пути осуществления плана военно-экономической блокады Чечни возникнут серьезные трудности. Подготавливая в Чечне военно-политические акции, он ожидал в первую очередь естественного сопротивления чеченцев. С учетом этого А. П. Ермолов позаботился об укреплении Кавказской линии, куда были переброшены два батальона. Одновременно он просил императора передать ему еще один егерский комплектный полк из Крыма, имевший опыт ведения боевых действий в сходных с Кавказом условиях¹¹⁰. При наличии дополнительных сил войска Кавказской линии, — как заверял А. П. Ермолов императора, — смогли бы в течение двух лет овладеть «всем течением реки Сунжи». Тогда «мы (русские — ред.) не будем населять горы увлекаемыми в плен подданными в.и.в. и переносить наглые поступки чеченцев и, крови их не проливая, заставим для собственного счастья переменить разбойнический образ жизни»¹¹¹. Уже зимой 1818 г. А. П. Ермолов обратился к Александру I с просьбой о разрешении начать выполнение ранее представленного и одобренного императором плана¹¹². Получив от Александра I новые силы и заручившись его полной поддержкой, не сомневавшийся в успехе А. П. Ермолов заговорил с чеченским населением другим языком: обычные призывы к миру и соблюдению присяг сменил приказной тон. Так, весной 1818 г. после очередного набега чеченцев на Кавказскую линию А. П. Ермолов обратился к старшинам Чечни в следующей форме: «Вот мой ответ: пленных и беглых солдат немедленно отдать. Дать аманатов из лучших фамилий и поручиться, что когда придут назад ушедшие в горы, то от них взяты будут русские и возвращены. В посредниках нет нужды и потому не спрошу я ни Турловых, ни Бамат-Девлет-Гирея, ни Адиль-Гирея Тайманова. Довольно одному мне знать, что я имею дело с злодеями. Пленные и беглые или лишение ужасное»¹¹³. Еще совсем недавно голос главнокомандующего «звучал» в Чечне малоубедительно. Вспомним: весной 1817 г. А. П. Ермо-

114.
Там же.
115.
Там же.
116.
Там же.
117.
Там же.

лов в пространном «предписании» сообщал генералу Тихоновскому о своей готовности заплатить чеченцам за офицера Шведова 8 тыс. серебром, считая это выгодной для себя сделкой; чеченцы же, державшие в плену офицера, не соглашались возвратить его даже за деньги. Лишь через аварского хана, имевшего тесные связи с чеченцами, удалось вызволить Шведова из плена¹¹⁴. Накануне проведения военно-политических мероприятий, предусмотренных планом покорения Чечни, главнокомандующий обрел уверенность, жесткость и перешел к ультимативным распоряжениям. В одном из «обещаний» муллам, старшинам и почетным людям Чечни он заявил, что если население Чечни не будет совершать «воровство», «грабежи» и «смертоубийства», то они могут рассчитывать на «покой», «богатства» и «счастье», «в противном случае, — грозил главнокомандующий, — за всякое с вашей стороны буйство, за всякое воровство, грабеж и смертоубийство аманаты будут отвечать головою»¹¹⁵. Когда писалось это «обещание», А. П. Ермолов все еще продолжал скрывать свои широкомасштабные планы в Чечне, поэтому его жесткий тон не исключал призывов мирно заниматься скотоводством и хлебопашеством.

Нельзя думать, будто А. П. Ермолов, готовясь к военным акциям против Чечни, во что бы то ни стало стремился к вооруженным конфликтам. Напротив, он не исключал возможности реализовать план относительно мирными средствами. А. П. Ермолов был вполне искренен, когда писал императору о своей надежде установить военно-экономическую блокаду без кровопролития. С его точки зрения, такое было возможно при одном условии — введении в Чечне российского военно-административного управления, способного держать население в повиновении, не давая ему участвовать в набегах и грабежах. В том же «обещании» просматриваются попытки главнокомандующего взять на себя функции родовой знати, то есть решение ряда внутренних вопросов Чечни, чтобы придать намеченным военно-политическим акциям в Чечне мирный характер: «Отныне и впредь, — объявлял он, — ни турлов, никто другой не будет допущен к посредничеству при делах, кои деревни сии будут иметь с местным начальством... ему же могут они приносить жалобы в случае каких-либо обид от русских войск»¹¹⁶. Аналогичный принцип содержался в обращении к жителям деревни Амир-хан-кичу. Опровергнув «пустые слухи» о том, будто русские намеренно уговаривают «остаться в своей деревне», чтобы воспользоваться имуществом и скотом жителей, главнокомандующий призвал население, чтобы оно «спокойно оставалось в мирных... жилищах и, занимаясь хозяйственными делами, вкушало бы удовольствие в кругу... семейств»¹¹⁷. А. П. Ермолов не раз заявлял

118.

Там же.

119.

Там же, с. 500.

120.

Мирный аспект ермоловской политики обычно игнорируется историками (См., например, Baddeley J.F. *Op. cit.*, p. 147—163).

121.

Bodenstedt Fr. *Op. cit.*, p. 439;

Blanch L. *Op. cit.*, p. 24.

чеченцам: «...я вас уверяю, что никогда русские не имеют намерения искать вашей гибели или разорения»¹¹⁸. Пытаясь внушить населению, что мирные средства — главные в его деятельности, он просил присылать к нему старшин, чтобы «успокоить и научить их мирно жить в домах своих»¹¹⁹. Поменьше военных конфликтов, предпочтение мирных путей и вместе с тем форсирование планов осуществления военно-экономической блокады, — в этом, пожалуй, основная установка А. П. Ермолова¹²⁰. Ее он придерживался даже тогда, когда был целиком поглощен организацией самой блокады и когда для надежды на мирное решение вопросов, — если вообще существовала подобная альтернатива, — оставалось все меньше оснований. В том, кажется, и состоял парадокс политики незаурядного военачальника, что, выполняя сложную военно-политическую программу средствами насилия, он не переставал добиваться того, чтобы свести до минимума людские и материальные потери. Однако существовала неизбежность не только потерь, но и продолжительной войны: военно-экономическая блокада Чечни создавала не просто «временные» хозяйственные и другие трудности, а разрушала формировавшуюся новую общественную структуру, подрывала действие ее закономерностей. Европейски образованный, знакомый с западной демократией, далекий от идей геноцида, А. П. Ермолов не замечал стихии внутренней общественной жизни чеченцев, полагая, что ввиду могущественности России и малой «значительности» горцев ему доступно решение любых проблем. Рассматривая набег как «злостный разбой» и желая покончить с ними, А. П. Ермолов ввергал чеченцев в беспрецедентную для них войну, открывая кровавую страницу и в истории России. Осознавал ли это главнокомандующий? Ответ может быть только один — нет, не осознавал. Более того, он до конца своей службы оставался в убеждении, что его деятельность на Кавказе «благородна» — России она принесет новых «верноподанных», а «верноподанным» — мирную жизнь. Во имя этой «патриотической» задачи А. П. Ермолов и допускал необходимость насилия¹²¹. Его действия в Чечне исполнены противоречивости, драматической несогласованности с логикой военачальника, с разумом цивилизованного человека. Внешне казалось: блокада в Чечне стяжает ему новую боевую славу. Однако именно здесь он впервые почувствует бессмысленность своих усилий. Правда, это произойдет много позже, перед тем как отзовет его в Петербург новый император.

Уже в 1818 г. А. П. Ермолов приступил к своей «переселенческой» политике в Чечне. Обращаясь к костюковским владельцам, на подвластных землях которых поселились чеченцы, он приказал: «немед-

122.
АКАК, т. 6, ч. 2, с. 500.
123.
Там же.
124.
Там же.
125.
Там же.
126.
Там же, с. 501.
127.
Там же.
128.
Зубов П. Указ. соч., с. 4.

ленно и без всяких отговорок выгнать и препроводить в Чечню»¹²²; могли остаться лишь те из них, кто был известен своим «трудолюбием и спокойною жизнью»¹²³. На них составлялись списки, которые утверждались на собрании андреевских, аксаевских и костековских владельцев. Если обнаруживалось, что кто-то из включенных в список принял участие в набегах, ответственность нес владелец. В 1818 г. А. П. Ермолов указал на чеченские поселения — Байрам-аул, Хасав-аул, Генже-аул, Бамат-бек-юрт, Казах-Мурза-юрт, — подлежащие выселению. «Выгнать тот-час», «боже избави того, кто посмеет послушаться»¹²⁴, — грозил он. Такое же решение было принято в отношении чеченцев Кара-агача, а также притеречных поселений: «выслать всех тех людей, которых целое селение признает неблагонадежными»¹²⁵. Российское командование, непосредственно занимавшееся организацией блокады, разрабатывало предложения, принимавшие у главнокомандующего вид жестких решений. Особенно сурово преследовались участники набегов. Если устанавливалось, что чеченец принял участие в набегах, то село, где он проживал, обязывалось выдать его вместе с семьей, в противном случае — все село предавалось огню. Жестокостью каре подвергались «охотники» на казаков, русских людей, солдат, офицеров. «Начальнику войск, по Тереку расположенных», вменялось в обязанность, не задумываясь над средствами, всячески вести борьбу с подобным занятием. Предписания об «истреблении деревни», «вырезывании жен и детей» участились осенью 1818 г., с началом установления военно-экономической блокады в Чечне. В эту пору А. П. Ермолов в довольно лапидарной форме изложил свою концепцию покорения Чечни. В предписании полковнику Геркову главнокомандующий окончательно решил, что только «одно стеснение чеченцев в необходимых потребностях может им истолковать выгоду покорности»¹²⁶. Четко придерживаясь этой линии, А. П. Ермолов даже тогда все еще не расставался с «миротворческими» настроениями. Он продолжал верить в возможность избежать войны. Главнокомандующий по-прежнему обещал: те, кто откажется от набегов, «занимаясь спокойно хозяйством и проводя жизнь в тишине», будут «пользоваться богатою землею и всеми выгодами, и русские... не сделают (им — *ред.*) ни малейшей обиды, ...обогащая их торговлею и свободным сообщением»¹²⁷.

В 1818 г., после укрепления Назрановского редута, А. П. Ермолов приказал построить на реке Сунже форпост и занять «пространство по течению оной на 50 верст от истока»¹²⁸. Это был «первый опыт» главнокомандующего, «глухо» встреченный в Чечне: «Чеченцы не произвели ни одного выстрела и, постигая намерение генерала Ермолова, приведены были в

129.

Там же.

130.

Там же, с. 5.

131.

Там же.

132.

АКАК, т. 6, ч. 2, с. 498.

133.

Зубов П. Указ. соч., с. 7.

134.

Климан Ф. фон. Война на
Восточном Кавказе с 1824 по
1834 г. в связи с мюридиз-
мом. — КС, 1894, т. 15, с. 526.

ужас»¹²⁹. А. П. Ермолов лично прибыл на берег Сун-
жы и заложил крепость Грозную¹³⁰, что окончательно
прояснило чеченскому населению планы российского
командования. Пытаясь сорвать строительство, «че-
ченцы производили беспрестанные нападения на пе-
редовые посты, и нередко в ночное время приближа-
лись к самому лагерю»¹³¹ главнокомандующего. Это
вынудило А. П. Ермолова вызвать на подмогу один
батальон Кабардинского пехотного полка и несколь-
ко казачьих команд, перекрывших в ряде мест пере-
правы через р. Сунжу и лишивших чеченцев возмож-
ности перехода в районы расположения русских
войск. «Водворившись» таким образом в центре Чеч-
ни, А. П. Ермолов стал отбирать у населения земли,
«удобные для возделывания и пастбищных мест»,
где «во все зимнее время укрывают они стада свои от
жестокого в горах климата»¹³². Чеченцы опасались,
что главнокомандующий не ограничится возведением
крепости и нападет на них. Они скрыли свои семьи в
лесах и готовились к обороне. Летом 1818 г. чеченцы
призвали к себе на помощь лезгин: «соединившись
с ними, поклялись ворваться в... лагерь с обнаженны-
ми саблями»¹³³. В течение 1818 г. строительство кре-
пости Грозной сопровождалось вооруженными
столкновениями с чеченцами, стремившимися по-
мешать сооружению русской укрепленной линии.
В 1819 г. российское командование завершило по-
стройку крепости Внезапной. В задачу последней
входило: перекрыть пути из горной Чечни в Кумык-
ские равнины и укрепить в целом Кавказскую линию.
Еще через год была готова крепость Бурная, пред-
ставлявшая собой логическое завершение замысла
А. П. Ермолова — выставить мощный заслон против
горцев. Крепость Бурная, находившаяся на Каспий-
ском побережье, позволяла полностью выдвинуть
Левое крыло Кавказской линии с Терека к подножью
гор. По словам генерала Вельяминова, это была вто-
рая «параллель», возведенная А. П. Ермоловым на
Кавказе. Она образовалась из крепостей Преградный
Стан, Грозная и Внезапная. Последняя служила при-
крытием для переправы через Терек у Амир-Аджи-
юрта, для укреплений на Аксае и при Горячеводской
деревне, крепости Бурной, линии вдоль Кабарды, от
Ардона до Каменного моста на Малке и военных по-
стов в Бургустане, Хахануково аула и вершины Тох-
тамыш¹³⁴. Вторая «параллель» хотя и считалась еще
незавершенной — она не захватывала всего Запад-
ного Кавказа — являлась последним звеном в цепи
военно-оборонительных «работ», связанных с орга-
низацией военно-экономической и политической бло-
кады Центрального и Северо-Восточного Кавказа.
Разумеется, она достаточно плотно стянула и терри-
тории, блокировавшие Чечню. Закончив организацию
основных опорных пунктов военной блокады,

135.
АКАК, т. 6, ч. 2, с. 502.
136.
Цит. по кн.: Фадеев А.В. Россия и Кавказ..., с. 307.
137.
АКАК, т. 6, ч. 2, с. 505.
138.
Климан Ф. фон. Указ. соч., с. 527.
139.
АКАК, т. 6, ч. 2, с. 505.
140.
Там же.
141.
Там же.

А. П. Ермолов в 1820 г. уже ставил перед собой задачу упрочения и использования ее в реализации экономических аспектов своей программы. Он видел два главных средства решения этой задачи: 1. Добиться, чтобы «способы пропитания их (чеченцев — ред.) и скота были во многом зависящими» от российского командования; 2. Держать чеченцев «в опасности и боязни»¹³⁵. Подобные методы осуществления блокады использовались также генералом Вельяминовым: «истребление полей их в продолжении пяти лет сразу даст возможность обезоружить их и тем облегчит все дальнейшие действия»¹³⁶, — прогнозировал генерал. Однако эти принципы дали о себе знать гораздо раньше. Уже в 1821 г. А. П. Ермолов в основном контролировал положение в Чечне, хотя до полного ее покорения было еще далеко. Главнокомандующему удалось не только ослабить массовый характер набеговой системы, но и привлечь к борьбе против нее самих чеченцев. В одной из записок, присланных полковнику Грекову по поводу положения в Чечне, А. П. Ермолов распорядился: «В поощрение чеченцев к доброму служению, которое они в продолжении двух лет оказывают, вы объявите прощение по 1819 год всем виновным в воровстве или других шалостях, кроме смертоубийства»¹³⁷. По свидетельству Ф. фон Климана, после карательных мер, проведенных российским командованием в Чечне, жившие на правом берегу Терека чеченцы под именем «мирных» не только прекратили набеги, но, не раз выдавая их участников, вместе с русскими войсками преследовали отряды чеченских баячки¹³⁸.

В 1821 г. А. П. Ермолов, желая закрепить достигнутое, стал действовать в Чечне еще более энергично и жестко. Он думал об окончательном воплощении в жизнь идеи покорения Чечни. Главнокомандующий отдавал приказы об отправке в Россию «людей вредных, возбуждающих чеченцев к беспокойствам, разбоям и неповиновению»¹³⁹, переселял чеченцев на левый берег Терека, поручая им не пропускать «хищников», «выгонял» жителей из Малой Атаги, наказывал села (например, Шали) «за наглую измену», запрещал качкалыкам жить на Мичике и т. д.¹⁴⁰ Вместе с тем А. П. Ермолов не исключал отправки в глубь Чечни карательной экспедиции. Этот вопрос он оставлял на усмотрение полковника Грекова, занимавшегося военно-оперативной деятельностью в Чечне. Главнокомандующий пояснял, что экспедиция, заставляющая «непокорствующих» укрывать своих жен, детей и имущество в лесах в зимнее время, «истолкует» «им выгоду повиновения, а чеченцы, послушные нам, почувствуют разность с ними своего положения и получают к нам более доверенности»¹⁴¹. А. П. Ермолов напоминал полковнику Грекову о продолжающихся набегах карабулаков и чеченцев на

142.

Там же, с. 506.

143.

Там же.

144.

Там же.

145.

Там же.

146.

Там же.

147.

Волконский Н.А. Указ. соч.,
с. 19.

Владикавказ и требовал неременного наказания виновных¹⁴².

Форсированные действия российского командования в 1821 г. значительно приблизили покорение Чечни. Греков даже считал возможным назначение в Чечню российского пристава для осуществления административного управления. Подобный шаг, однако, А. П. Ермолову казался преждевременным, поскольку чеченцы «едва начинают понимать обязанность повиновения и весьма легко оную нарушают»¹⁴³. Главнокомандующий вообще был сторонником постепенного административного «внедрения» в традиционный уклад чеченской жизни. Он рекомендовал начинать с «живущих по Тереку»: по его мнению, российское управление должно было легче «прижиться» среди «мирных» чеченцев. К ним в качестве пристава А. П. Ермолов направил капитана Чернова.

Летом 1822 г. А. П. Ермолов вновь подводил итоги военно-политических мероприятий предшествующих лет. Он констатировал: «Большая часть чеченских деревень признает уже власть нашу, а от многих есть у нас аманаты»¹⁴⁴. Главнокомандующий был вполне удовлетворен подобным результатом, поскольку «умиротворение» Чечни считалось самой сложной частью программы покорения Большого Кавказа. Однако «успех» в Чечне не шел в сравнение с тем, чего добился А. П. Ермолов в «вольных» обществах Дагестана. Оставаясь во власти идеологии набеговой системы, чеченцы то и дело нарушали распоряжения главнокомандующего. Особое раздражение последнего вызвало известие о том, что летом 1822 г. 194 чеченские семьи с «имуществом», со скотом и «стадами баранов» совершили «побег» из Старого Юрта¹⁴⁵. Этот факт А. П. Ермолов расценивал как «опасный», догадываясь, что беженцы «могут... иметь довольно силы возмущать народ»¹⁴⁶. Подобные «проступки» носили не единичный характер. Они свидетельствовали о том, что блокаде, которую А. П. Ермолов создавал на протяжении четырех лет, недостает какой-то «детали», без чего в ней постоянно будет ахиллесова пята. Командование не замечало этой важной «детали», оно сосредоточилось лишь на военных аспектах блокады, продуманных «блестяще, неподражаемо»¹⁴⁷. Военные линии, разбившие Чечню на секторы с достаточным количеством укреплений, крепостей и регулярной армией, напоминали спрут, зажавший в тиски свою жертву. Казалось, относительно немногочисленное, плохо вооруженное чеченское население, не имевшее опыта ведения войны с регулярной армией, будет бессильно перед российским командованием. Именно так думал А. П. Ермолов. Он и его офицеры, между тем, не заметили, что, устанавливая блокаду, они недооценили «гражданские» аспекты «чеченской проблемы», иначе говоря,

не учли внутренний социальный уклад чеченцев, трудно или вовсе не поддающийся военному «блокированию».

Историки Кавказской войны и биографы А. П. Ермолова давно обратили внимание на необычный разрыв между сугубо военными мероприятиями этого незаурядного военачальника, призванными служить делу покорения горцев, и «гражданским бытом». Без учета внутренней организации чеченской жизни военно-экономическая блокада являлась по меньшей мере вооруженным вторжением. По справедливому замечанию Н. А. Волконского, «удовлетворившись заманчивою внешностью успеха», А. П. Ермолов «не пошел далее и не заглянул в глубину внутренней жизни и быта умиротворенного населения, в его потребности, а также в народные и преимущественно религиозные стремления, не заметил того, что хотя кратер вулкана очищен, но внутренний огонь далеко не погашен»¹⁴⁸. Впрочем, сам Н. А. Волконский, верно указавший на непримиримое противоречие между блокадной системой и военно-демократическим укладом чеченцев, оставался в стороне от научного понимания этого противоречия. Советские авторы вовсе упростили проблему: исповедуя только одну формулу — «борьба горцев против самодержавия» — они не замечают ни целей военно-экономической блокады, ни глубокого конфликта с ней чеченского общества. В результате невыясненными остаются многие вопросы военно-политической и административной деятельности А. П. Ермолова на Большом Кавказе, в том числе и такой — почему в целом единая по своим исходным принципам политика в «феодалных районах» Северного Кавказа вела к одним социально-политическим последствиям, а в «родоплеменных» обществах с переходной социальной структурой — к другим? Ответ на этот и другие вопросы мы получим только в том случае, если откажемся от «ермоловского» подхода к проблеме, подхода, оторванного от анализа внутренней общественной организации горцев Большого Кавказа.

Формирование мюридизма — идеологии Кавказской войны

В годы организации военно-экономической блокады горцы бесспорно оказывали сопротивление действиям российского командования на Большом Кавказе. Однако это сопротивление можно было назвать «пассивным», поскольку оно являлось не всегда адекватным предпосылкам, которые здесь имелись: это и тяжесть военно-экономической блокады, подрывавшей и без того слабую экономику горцев, это и наличие у горцев «готовой военной организации», способной не только обеспечить дальние рейды за добычей, но и оборону от противника. Такие вооруженные акции, как карательные экспедиции А. П. Ермолова, должны были тут же спровоцировать войну горцев за свою независимость и свободу. События 1819 г. в Акуша-Дарго показали, сколь легка была задача мобилизации военных сил для отпора врагу: 15 тыс. акушинцев вышли тогда навстречу русскому карательному отряду, чтобы дать бой. Но «войны за независимость» так и не произошло. Те же акушинцы фактически ретировались перед численно уступавшим им отрядам русских. И дело было не в трусости, как поспешили заключить русские офицеры. И все же акушинский кадий, наводивший страх на соседей, не раз возглавлявший крупные ополчения, на этот раз спасовал перед небольшим войском. Почему Акуша-Дарго — крупный военно-политический союз «вольных» обществ, оказался столь слабым перед лицом внешней угрозы? Почему Кавказская война разразилась позже, а не в годы организации А. П. Ермоловым жесткой блокады, когда то и дело русские отряды всту-

пали на земли «вольных» обществ и лишали их вековой вольности?

В набегах горцы показывали образцы мужества, смекалки, настойчивости. В «вольных» обществах и чеченских тайпах господствовал культ воинской доблести, здесь презирали трусость¹. Как ни жестоки были насилия, сопровождавшие набеги, общество осознавало их «идеологически». Набеги являлись не только «хозяйственным занятием», но и культурно-идеологической традицией. Однако эта традиция в столкновении с «непривычной» для нее военно-политической обстановкой обнаружила бессилие, неспособность вдохновлять на упорную борьбу с противником. Блиставшие удалую в набегах отряды «вольных» обществ Дагестана и чеченских «баяччи» становились безоружными при обороне от русской армии — занятии, не сулившем материальной выгоды. В пору ермоловской блокады горцы обладали всем, но не имели главного — идеологической предпосылки, которая могла бы объединить их, призвать к войне. Словом, речь шла о новой «доктрине» — простая идеология набеговой системы была слишком неприспособленной к появившимся запросам, которая создала бы и новый образ мыслей и новый общественный порядок. Подобная «духовная» традиция могла появиться лишь со временем, по мере разрушительного воздействия ермоловской блокады на спонтанное общественное развитие горских племен. Захваченные классовообразовательными процессами и взявшие на вооружение ислам в качестве идеологической посылки, «вольные» общества Дагестана и тайпы Чечни при всей их социально-политической консервативности были достаточно предрасположены к новой идеологической культуре. Последняя становилась необходимостью, призванной защитить наметившиеся в них социальные тенденции и обеспечить естественное развитие этих тенденций. В контексте этого процесса ермоловская политика военной блокады не могла служить ни основой для новой идеологии, ни даже ее предпосылкой, — то и другое было заложено в самой природе общественной структуры горцев. Однако внешний, «ермоловский» фактор не являлся и нейтральным «веществом» в сложных процессах, происходивших в организме горских обществ. Политика блокады выступала в качестве одной из сил, провоцировавших «духовное» движение, ускоряла формирование новых идеологических установок, придавала России «образ врага» — «образ», необходимый при рождении «агрессивной» социальной идеологии. К сожалению, этот аспект Кавказской войны — соотношение генезиса идеологии мюридизма и политики России на Кавказе либо вовсе не затрагивается в литературе, либо же все сводится к «религиозной оболочке», прикрывавшей протест горцев против

2.
Волконский Н.А. Указ. соч.,
с. 1.

3.
Там же, с. 2.

4.
Д. Бэдли, считая, что с нравственной точки зрения ермоловской политике нет определений, видит в ней главную причину возникновения Кавказской войны и мюридизма, «религиозного и расового фанатизма». По его мнению, набеги на русскую территорию «с единственной целью получения добычи» переросли в «... войну за национальную независимость». Д. Бэдли, судя по всему, отрицает за Россией право отвечать на нападения горцев, когда он пишет: «Газават никогда не стал бы проповедываться на Кавказе, будь русские мирными и дружественными соседями» (Baddeley J.F. Op. cit., p. 147, 161—163; Blanch L. Op. cit., p. 26).

5.
Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана..., с. 134 и др.

«колониальной политики». Н. А. Волконский одним из немногих указал на внутреннее «происхождение» «идеологической перестройки» в «вольных» обществах Дагестана и тайпах Чечни с 1824 по 1845 г. С его точки зрения, в это десятилетие на Северо-Восточном Кавказе происходило «состязание за идею и за условия народного быта»². «Вследствие этого период с 1824 по 1834 год включительно является историей внутренней жизни народов Восточного Кавказа, тогда как последующий двадцатипятилетний период представляет собою политическую и военную историю края»³. Другими словами, Н. А. Волконский видел истоки мюридизма во внутренней жизни горцев. Но и он не искал зависимости идеологии Кавказской войны от социальных процессов. Последующие историки Кавказской войны вообще сняли эту проблему. Они ограничивались указанием на мюридизм как на «фанатический фактор» или же пытались отграничить его от самой Кавказской войны, рассматривая через призму вненаучных оценок⁴.

Заслуживает быть отмеченным еще один аспект проблемы. Речь идет о внешней ситуации и ее возможностях влиять на генезис столь совершенной идеологии, каким являлся кавказский мюридизм. Историки, рассматривающие Кавказскую войну как «национально-освободительную борьбу», «народно-освободительное движение», отводят мюридизму (ссылаясь на классиков марксизма) роль религиозной оболочки, образовавшейся под воздействием привходящего фактора — войны против колониальной политики самодержавия.

Вооруженное сопротивление «вольных» обществ Дагестана военно-экономической блокаде России (как «война с иноземным захватчиком») в тесном смысле слова вполне сопоставимо с длительной борьбой горцев с ирано-турецкой агрессией. Напомним: с 40-х гг. XVIII в. народы Дагестана вели неравную войну с сильными и опасными противниками — Ираном и Турцией, вмешивавшимися в междоусобные распри дагестанских ханов⁵. Внешнеполитические потрясения XVIII в. заметно влияли на экономику, темпы общественного развития народов Дагестана. Однако длительное противоборство ирано-турецкой экспансии происходило в «традиционных» формах войны с агрессором, не требовавших формирования особых методов идеологической борьбы с противником. (То же самое можно сказать и о Закавказье, где Иран и Турция периодически переходили от обычной агрессии к геноциду и где длительная война закавказских народов за свободу и независимость не принимала форму идеологического фанатизма.) В сопоставлении с агрессией Ирана и Турции ермоловская политика на Кавказе не отличалась особой злостностью. Более того, войны России с

6.
Там же.
7.
Маркова О.П. Восстание в Кахетии в 1812 г. М., 1951.
8.
История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967.
9.
Блиев М.М. Указ. соч.

Ираном и Турцией в начале XIX в. избавили многие кавказские народы, в том числе Дагестан, от притязаний внешних врагов и способствовали установлению тесных торгово-экономических и политических отношений с Россией⁶. И последнее: должно быть обращено внимание исследователей на то, что идеология мюридизма на Кавказе формировалась в «специфических» районах — там, где локализовались «вольные» общества, тайпы и «демократические» племена, т. е. однотипные общественные структуры. Между тем антиколониальная борьба на Кавказе происходила повсеместно, и, казалось, предпосылки для тотального «всекавказского» распространения мюридизма были налицо. Но законы общественного развития неизменны: идеология глубоко социальна и производна от внутренних формационных процессов. Кавказский мюридизм как раннеклассовая идеологическая культура формировалась в переходных общественных структурах. Столкновение с политикой России придавало новый импульс идеологическому обоснованию перехода к «новому образу жизни». Борьба с этой политикой составила важный раздел в идеологической программе мюридизма. Однако главными в ней оставались вопросы собственности, набегов и военной добычи, управления, социальных отношений и прочие. Мюридистская идеология складывалась на значительно более широкой основе, чем идеи борьбы с политикой А. П. Ермолова. К тому же, идеология, будучи системой социально-политических установок, как правило, имеет дело с такими устойчивыми общественными ценностями, как собственность и власть. Что касается политики России на Кавказе как фактора, генерирующего идеологию мюридизма, то нельзя рассматривать ее как некую константу в виде, например, только ермоловской системы блокады, не подверженной каким-либо изменениям. Именно перемены в этой политике влияли на генезис идеологии, его темпы, характер. Так, социально-политические движения, возникавшие на Кавказе в ответ на царистскую политику, зачастую были скоротечными благодаря гибкости российской администрации: восстание в Кахетии в 1812 г.⁷, социально-политические волнения нач. XIX в. в Кабарде⁸, Северной Осетии и т. д.⁹ И еще. Происходившие в условиях сложившихся классовых обществ, внутренней социальной разобщенности и упорной борьбы с политикой России эти движения не смогли выработать единую систему идеологических установок. Не случилось этого еще и потому, что в основе этих движений лежали столкновения социально-политических интересов местного населения с политикой царского правительства, а не внутриформационные процессы, как это было в «вольных» обществах Дагестана, тайпах Чечни и «демократических» племенах

10. Саидбаев Т.С. Ислам и общество. Опыт историко-социологического исследования. М., 1984, с. 25.

11. Западноевропейцы, воочью наблюдавшие Кавказскую войну, отметили процесс идеологизации набегов, приобретавших характер священного предписания, согласно которому Бог, создавая мир, определил обитателям Кавказа жить за счет их соседей (Narrative of Don Juan van Halen's imprisonment in the Dungeons of the Inquisition at Madrid, and his escape in 1817 and 1818; to which are added his Journey to Russia, his campaign with the army of the Caucasus, and his return to Spain in 1821. Lnd. 1827, vol. 2, p. 188).

12. После установления блокады А.П.Ермолов вновь стал сторонником мирного покорения горцев Большого Кавказа и избегал военных столкновений. По Н.А.Волконскому, русские не только не затевали «с горцами войны, но и не могли желать ее, потому что, во-первых, не имели для этого достаточно сил и средств, а, во-вторых, рисковали бы потерять то, над чем господствовали мирно и спокойно» (Волконский Н.А. Указ. соч., с. 2). В этот период главнокомандующий не раз отступал от прежних решений. Так, в 1822 г. он не возражал против возвращения чеченцев, насильственно переселенных с гор на равнину. (АКАК, т. 6, ч. 2, с. 511). Позже, в 1826 г., А.П.Ермолов предписал ген. Лактеву: «с чеченцами, на правом берегу живущими, надобно поступать снисходительнейшим образом...» (АКАК, т. 6, ч. 2, с. 511).

Черкесии. В отличие от социально-политических движений в феодальных районах Кавказа Кавказская война — явление неизмеримо более сложное: ее социальные истоки коренятся не столько в антицаристских мотивах, сколько в «заботах» об экономике и общественной организации горцев. Война — это прежде всего комплекс социально-экономических, политических и идеологических отношений на одном из наиболее важных этапов перехода одностипных общественных структур Большого Кавказа к классовому строю и государству. В такой ипостаси Кавказская война имела свои закономерности развития: зависимость их от политики России — не более чем во внешнем факторе. Это положение относится и к идеологическим процессам. Связанная своим происхождением больше с классообразовательными явлениями, чем с политикой России, идеология Кавказской войны базировалась не на каких-то «временных призывах», а на исламе — классической религии, сопровождавшей формирование классовых обществ и государств на всех континентах. Будучи идеологической культурой, пригодной для «обслуживания» складывающихся раннефеодальных отношений и феодальной верхушки¹⁰, ислам в истории Кавказской войны ставил и решал ее важнейшие вопросы — о собственности, классах, государстве. Вместе с тем ислам служил удобным оправданием и для борьбы против России, нарушавшей естественный ход Кавказской войны, и для набеговой системы, включая ее организационные и распределительные принципы, и для той (как правило, агрессивной) политики, которую переходные общества горного Кавказа предпочитали проводить по отношению к сопредельным территориям и народам¹¹. На начальных этапах зарождения идеологии мюридизма в центре внимания оказались две задачи Кавказской войны — ликвидация военно-экономической блокады и восстановление набеговой практики. В антиблокадной борьбе, однако, наблюдались подъемы и спады. Эти «колебания» обуславливались неоднозначностью самой политики России, не раз переходившей от карательных мер к послаблениям в «системе кордонов»¹².

Впервые ислам проник в Дагестан в VII в., во времена арабских завоеваний. Он, однако, не пустил глубоких корней и бытовал как одно из религиозных влияний. До конца XVIII в. «дагестанский» ислам в лучшем случае представлял собой веру, но не идеологию: он еще не успел захватить общественно-экономические сферы «вольных» обществ в такой степени, чтобы смог оказывать на них серьезное идеологическое воздействие. Даже набеги в этот период еще не были «идеологизированы» до уровня осознания того, что это не только военная добыча, но и «священная миссия» насильственного распространения

13.

Г.Баумгартен подчеркивал, что появление идеологии мюридизма, борьба горцев за «свободу» являлись всего лишь отстаиванием права на набеги и добычу (Baumgarten G. Op. cit., S. 21).

14.

Волконский Н.А. Указ. соч., с. 3. Основателем тариката является Бех-ад-дин шейх Накшбэнди (Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963, с. 156).

15.

Волконский Н.А. Указ. соч., с. 3.

16.

Дневник полк. Руновского, состоявшего приставом при Шамиле во время пребывания его в гор. Калуге с 1859 по 1862 год. — АКАК, т. 5, 1873, с. 1491.

ислама. Г. Баумгартен подчеркивал, что до появления идеологии мюридизма борьба горцев за «свободу» являлась всего лишь борьбой за право на набеги и добычу, поэтому военное преимущество было на стороне русских регулярных сил¹³. Важным показателем слабого влияния ислама на «вольные» общества являлись господствовавшие в них до 30-х гг. XIX в. правовые и нравственные нормы обычного права. Насильственное насаждение шариата и вытеснение адата — составляло одну из наиболее важных задач Кавказской войны. Истоки исламизации «вольных» обществ восходят к 20-м гг. XIX в., ко времени глубокого социально-политического кризиса в горном Дагестане, ускоренного блокадой А. П. Ермолова.

По поводу зарождения мюридизма в литературе существуют различные точки зрения. В дореволюционной и советской науке наибольшее распространение получило представление о том, будто горцы Дагестана, став на путь мюридизма, восприняли один из основных «тарикатистских путей», известный как «накшубандийский и связанный с именем Магомета увийско-бухарского», шейха накшубандийского¹⁴. По этой версии, среди тридцати «избранников бога, учеников шейхов и имамов», унаследовавших от пророка Магомета, халифа Абубекры и Солмана персидского «волю бога», Магомет Накшубандийский был шестнадцатым. Деятельность последних трех имамов — шейха Измаила Кюрдомирского, Хас-Магомета Ширванского и Магомета Ярагского — «собора похвал и величия, царя и господина» кавказских тарикатистов — относят к первой четверти XIX в. После Магомета Ярагского длинную цепь учителей шариата завершал тарикатист Сеид Джемал-Эдин, ближайший духовный наставник Шамиля. В толковании Джемал-Эдина, суть накшубандийского тариката состояла в постоянном занятии молитвами, в самом «воспоминании бога». Основные требования такого тариката — повиновение «ниспосланной книге», следование пророку, раскаяние в грехах, «удовлетворение обид», испрашивание прощения у обиженных и т. д. Важным условием «джемал-эдиновского» тариката являлось также строгое исполнение шариатских постановлений¹⁵. Имам Шамиль иначе понимал суть накшубандийского тариката, считал, что он содержал меньше богословия и больше практического смысла: по Шамилю, «как учение, тарикат представляет собою результат буквального выполнения требований шариата», т. е. основных мусульманских законоположений («Ильме-шери, шариат») ¹⁶. Внешне казалось, что между Джемал-Эдином и Шамилем не было расхождений в понимании кавказского тариката. На самом деле перед нами два разных его толкования, одно из которых слишком ограничивало тарикат сферой теологии, другое, напротив, переносило тарикат в

17. Волконский Н.А. Указ. соч., с. 6; АКАК, т. 5, с. 1491.
18. АКАК, т. 5, с. 1491.
19. Там же.
20. Там же.
21. Волконский Н.А. Указ. соч., с. 6.
22. АКАК, т. 5, с. 1491.

область практических, социально-правовых отношений, т. е. шариатских установлений. Н. А. Волконский, вслед за А. Руновским, не усматривал в накшубандийском тарикате, породившем кавказский, воинственных начал: он считал его учением «скорее монахов, а не воинов»¹⁷. Из-за этой чрезмерной нацеленности на религиозную догматику и недостаточной агрессивности накшубандийский тарикат не всегда пользовался популярностью в горном Дагестане. По свидетельству А. Руновского, «предводители народных масс постоянно смотрели на проповедников» накшубандийского «тариака, как на личных своих врагов»¹⁸. Отношение к тарикатизму, однако, не было однозначным. Временами общественное мнение становилось на его защиту¹⁹. Так произошло, например, в пору становления идеологии мюридизма, когда один из первых имамов — Кази-мулла, встретив упорное сопротивление со стороны Джемал-Эдина, тарикатиста-накшубандийца, настолько усомнился в идее газавата, что готов был отказаться от нее, если бы не энергичная поддержка «Курали-Магома» (Магомет Ярагский). Вместе с тем следует учесть, что переход Кази-муллы под руководством его наставника Магомета Ярагского к газавату являлся по существу «новым» прочтением накшубандийского тарикатизма. Такой отход от «традиционного» накшубандийзма произвел глубокий идейный разрыв между Кази-муллой и Джемал-Эдином, одним из наиболее выдающихся представителей дагестанского исламизма. По оценке А. Руновского, «обстоятельство это породило между противниками такую сильную ненависть, что Гази-Магомет (Кази-мулла — *ред.*) умер непросщенный Джемал-Эдином и не простив его со своей стороны»²⁰. В дальнейшем, по мере распространения мюридизма, расхождение между традиционным накшубандийзмом и его «кавказским» толкованием еще более углубилось. Строго говоря, произошло «предвзятое и предумышленное» извращение накшубандийского тарикатизма, и на этой основе сформировался новый, «кавказский» тарикатизм, «взывавший к войне с иноверцами»²¹. Н. А. Волконский отмечал принципиальное отличие кавказского тариката от своей базовой накшубандийской «модели». Различие это обусловилось, однако, внутренней идейной борьбой, наметившейся в ходе исламизации «вольных» обществ, и не относилось к толкованию основных догматов ислама. Поэтому Шамиль был вправе заявить, что опасность мюридизма проистекала не от того, кто как понимал тарикат, а в целом от исламского учения²², призывавшего к войне с иноверцами и санкционировавшего захват собственности «неверного». Кавказский тарикат как бы возвращал тарикату вообще «агрессивность», заложенную в классическом исламе, возрождал изначальные идео-

23.
Смирнов Н.А. Указ. соч., с. 142.
24.
Саидбаев Т.С. Указ. соч.,
с. 18—19.
25.
Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.,
т. 10, с. 167.
26.
Коран. Перевод и комментарии
И. Ю. Крачковского. М., 1963,
с. 61.

логические функции, которые эта религия выполняла в эпоху образования раннефеодальных государств. Важнейшей особенностью кавказского тарикатизма, придававшей ему ярко выраженный социальный характер, Н. А. Смирнов считал «совмещение под его религиозным флагом высшего, с точки зрения ислама, познания пути человека к богу с проповедью газавата, или джихада, т. е. религиозной войны против неверных за торжество ислама»²³. Ислам, являясь длительное время религиозной традицией в жизни «вольных» обществ Дагестана, стал «обслуживать» общественные процессы лишь в XIX в. при переходе к классовой формации. Поэтому правомерно полагать, что кавказский тарикат представлял собой принципиально новый этап в исламизации «вольных» обществ Дагестана, показателем чего являлось не только идеологическое стимулирование набегов, но и появление у их участников, наряду с военной добычей, новой цели — насильственное насаждение ислама, который, в отличие от православной религии, не предполагает миссионерской формы распространения, утверждается, как правило, насильственным путем²⁴.

В «вольных» обществах Дагестана стремилась к собственности, социальным привилегиям, к системе господства и подчинения в первую очередь родоплеменная знать, вступившая на путь феодализации. Именно она, увидев в исламе вообще и мюридизме в частности средство достижения своих социальных целей, стала поборницей и носительницей этих «ценностей».

Какие же идеи ислама как наиболее «понятные» были взяты «на вооружение» родовой знатью в XIX в. и насильственно воплощались в жизнь?

В период образования раннефеодальных государств, когда экспансия в сопредельные страны становилась естественным состоянием общества, главные установки ислама имели форму «агрессивной» идеологии. Это особенно ощутимо в идее отторжения всего немусульманского. Как известно, «ислам ставит неверных вне закона и создает состояние непрерывной вражды между мусульманами и неверными»²⁵. К. Маркс заметил, что Коран и основанное на нем мусульманское законодательство сводят географию и этнографию различных народов к простой и удобной формуле деления их на две страны и две науки: правоверных и неверных, на два мира — на дар-ал-хар (мир врагов). Исповедующему ислам Коран предписывает вести непрерывную войну с неверными, пока те не примут мусульманскую веру и не подчинятся мусульманским правителям, «И бойтесь огня, который уготован неверным»²⁶ — не раз повторяется в Коране. День мусульманина должен начинаться «сражением» против неверных: «И вот утром ты ушел

27.
Там же.
28.
Там же.
29.
Там же.

от семьи своей, устанавливая верующих в ряды для сражения, а Аллах — слышащий, знающий»²⁷.

Ильм-фикх, раздел шариата, содержит главу, известную под названием «Джихад — война против неверных». В ней смыслом жизни мусульманина провозглашена война. Это не только удел индивидуума, но и всего общества. Учение о войне занимает центральное место в Коране, согласно которому жизнь человеческого общества должна протекать в условиях постоянной войны. Война, ее характер, направленность, нормы морали, — эти и другие вопросы широко освещены в Коране. Здесь есть специальные суры («Добыча», «Победа», «Ряды»), касающиеся конкретных вопросов организации войны, распределения военной добычи, взаимоотношений с побежденными. Подобная тематика встречается и в других сурах Корана, прямо, казалось бы, не относящихся к войне. Так, 3 сура «Семейство Имрана» содержит постулаты о необходимости войны против неверных, конкретные поучения для верующих в ислам на случай, если им придется столкнуться с превосходящими силами противника или же если они «оробеют» во время боя. Коран предписывает быть стойкими, непоколебимыми в войне против неверных. Признавая войну и тогда, когда силы «неверных» превосходят правоверных, Коран в этой ситуации обещает мусульманам помощь Аллаха в виде «трех тысяч ангелов ниспосланных», а если сражающиеся «за веру» будут к тому же «терпеливы и богобоязненны», то Аллах «поможет... пятью тысячами ангелов отмеченных»²⁸. Если же во время боя «верующие» теряют уверенность в своих силах, опять же — «пусть полагаются» на господина, он их «помощник». По Корану, у мусульман нет другого выхода, кроме как сражения с неверными, иначе «вы будете повиноваться тем, которые не веровали» и «они обратят вас вспять и вы вернетесь понесшими убыток»²⁹.

Эти и другие установки Корана, ориентирующие на фатальность войны с «неверными», не могли не восприниматься «вольными» обществами Дагестана, тайпами Чечни и «демократическими» племенами Черкессии, вся общественная жизнь которых была организована на принципах военной демократии. Положение Корана о непрерывной войне с «неверными» становилось лозунгом дня. Оно давало идеологическое обоснование набеговой системе, распространению ислама и утверждению шариата (в котором особенно была заинтересована родовая знать) и, наконец, войне с Россией, установившей блокаду на Большом Кавказе. Проблема войны с Россией, остро стоявшая перед «вольными» обществами из-за блокады, в тех условиях могла быть «разрешена» только «по Корану». Горцы с самого начала понимали, что, вступая в вооруженный конфликт со страной, мощь кото-

30.
Там же, с. 147.
31.
Там же.
32.
Там же.
33.
Там же, с. 33.
34.
Там же, с. 95.
35.
Там же, с. 63.
36.
Там же, с. 67.

рой никак не сопоставима с их силами, бессмысленно думать о победе. Поэтому клерикальной знати было не просто поднять общинников на войну с «неверной» Россией. Но по мере утверждения ислама и распространения мюридизма постепенно менялись представления о соотношении сил. Вместе с родовой знатью общинники находили в Коране обоснование своему «превосходству», приобретенному благодаря принадлежности к исламской вере. Нравственное превосходство, внушаемое Кораном будущим участникам войны с Россией, воплощалось и в тезисе о «непременном превосходстве» мусульман, которое скажется в сражении: «А если будет среди вас сотня терпеливая, то они победят двести, а если будет среди вас тысяча, то они победят две тысячи»³⁰. Снимая таким образом неуверенность перед могущественной Россией, родоплеменная знать призывала к войне такой сурой: «И приготовьте для них, сколько можете, силы и отрядов конницы; ими вы устранили врага Аллаха, и вашего врага, и других, помимо них... и что бы вы ни издержали на пути Аллаха, будет возмещено вам, и вы не будете обижены»³¹.

Идея Корана о постоянной войне («Побуждай верующих к сражению»³²), как образе жизни, находила широкий отклик в горских обществах, живших в условиях набеговой системы. В сферу набегов ислам проникал и раньше: он не только оправдывал их, но и давал ответы на многие вопросы — как следует совершать нападение, как вести себя в бою, как распределять военную добычу и т. д. На новом этапе исламизации, с подъемом мюридистского движения, идеологическая атрибутика набега значительно расширялась. Мы уже указали, что с набегом стали связывать не только военную добычу, но и само распространение ислама. В дальнейшем, однако, функция набега приобретала всеобъемлющий характер, включая многие другие задачи, в том числе борьбу с Россией. Отсюда — широкий спрос на идеологическую «оснастку» набеговой практики. Поскольку Коран убеждал в неотвратимости отчаянной борьбы со всеми, кто не верует в Аллаха, наиболее популярными среди горцев были следующие положения ислама: «в возмездии — жизнь»³³, «душа — за душу, и око — за око, и нос — за нос, и ухо — за ухо, и зуб — за зуб, и раны — отмщение»³⁴. Вражда с христианским миром, запугивание верующих, отступающих от ислама, провозглашение социальной справедливости («Аллах любит делающих добро»³⁵, «Аллах — не обидчик для рабов»³⁶) — все это было крайне актуально в военно-демократических горских обществах, вставших на путь образования классов и государств. Одновременно разворачивалась идеологическая борьба против всего старого, против традиций родового общества. Жестокому преследованию подвергались, в

37.
Там же, с. 79—80.
38.
Там же, с. 452.
39.
Там же, с. 78.

первую очередь, приверженцы отжившего свой век языка. О сторонниках «идеологии» родового общества в Коране сказано: «Они хотели бы, чтобы вы оказались неверными, как были неверными они, и вы бы оказались одинаковыми»; чтобы так не случилось и правоверные не стали «неверными», Коран заповедал: «не берите же из них друзей, пока они не выселятся по пути Аллаха; если же они отвратятся, то схватывайте их и убивайте, где бы ни нашли их»³⁷. Родовая знать горских обществ, нацеленная на собственность, привилегии и власть, находила в Коране апологию этих понятий: «Благословен тот, в руках которого власть и который властен над всякой вещью»³⁸. Однако Коран пояснял, что добиться собственности и власти возможно двояко: либо подчинив себе неверных, либо уничтожив их физически. Отсюда другой вывод: верующий не должен дорожить земной жизнью («Пользование здешней жизнью — недолго»), он обязан постоянно сражаться с «неверными» и помнить, что после смерти правоверный не будет «обижен»³⁹. Коран — памятник военной демократии — не допускает, чтобы исповедующий ислам жил не воюя. Вне сражения мусульманин обрекает себя на вечный ад или на позорную жизнь.

Захваченные процессом перехода к новой формации, в экстремальной обстановке военно-экономической блокады горские общества черпали в Коране богатейший идеологический арсенал, ответы на самые жгучие вопросы социальной жизни. Распространение мюридизма означало не только новый этап исламизации, но и соединение известных мусульманских догматов с конкретными общественными потребностями и идеалами, вдохновлявшими и рядовых общинников и общинную знать на решение вставших перед ними проблем. Внутреннее единство «божественного» и «мирского», наметившееся в 20-е гг. XIX в., составляло тот стержень, на котором зиждилась и благодаря которому обнаруживал высокую жизнестойкость кавказский мюридизм. Без внутренних предпосылок к радикальным общественным сдвигам (формирование собственности, классов, государственности) идеология мюридизма не имела бы в горских обществах прочной почвы под собой, столь высоких темпов распространения, достаточно строгих хронологических границ, соответствовавших определенной стадии формационного развития горских племен. Вся история кавказского мюридизма, от зарождения до упадка, свидетельствует об этом.

Принято считать, что главные постулаты кавказского мюридизма были привнесены извне (Средняя Азия). Сторонники этой точки зрения обычно указывают на Магомета Ярагского и его ученика «бухарца» Хас-Магомета как на основоположников кавказского мюридизма. Традиционные объяснения истоков

40. Волконский Н.А. Указ. соч., с. 6; Эсадзе С. Указ. соч., с. 43.
41. Эсадзе С. Указ. соч., с. 44.
42. Там же.
43. Прушановский. Выписка из путевого журнала Генерального штаба штабс-капитана Прушановского. — КС, 1902, т. 23, с. 1.
44. Там же, с. 2.
45. Гакстгаузен А. Закавказский край. СПб, 1857, ч. 1, с. 193; Начало мюридизма на Кавказе. Отрывок из записок кн. М.Б.Лобанова-Ростовского. — РА, 1865, № 11, с. 1381 (далее: Лобанов—Ростовский М.Б. Указ. соч.).

мюридизма изобилуют предположениями, домыслами и просто мистикой. В общих чертах они выглядят следующим образом.

Еще в начале 20-х гг. XIX в. (по С. Эсадзе в 1823 г.) в Яраг Кюринского ханства местный кадий мулла Магомет добился «общего уважения среди народа»⁴⁰. Он отличался «глубокой ученостью» и знанием Корана. Будучи кадием, Магомет имел, якобы, неплохие перспективы накопить большое состояние. Но он предпочел бескорыстную духовную деятельность во имя исламского просвещения народа. На протяжении семи лет у Магомета Ярагского воспитывался Хас-Магомет, родом из Бухары, человек прилежный и знавший арабский язык. По истечении срока обучения Хас-Магомет вернулся на родину. Там он продолжил свое духовное образование у лучших бухарских алимов и «достиг высшей степени знания мусульманских наук»⁴¹. Через некоторое время Хас-Магомет вернулся в Дагестан к своему учителю. Теперь Магомет Ярагский обратился к своему ученику с просьбой поделиться приобретенными знаниями. Хас-Магомет, якобы сказав, что у него нет на то «благословения кюрдамирского эфендия Гаджи-Исмаила», предложил учителю отправиться в Кюрдамир⁴². Основываясь на народной легенде, штабс-капитан Прушановский подробно описал «диалог» между Магометом Ярагским и Хас-Магометом. По Прушановскому, Хас-Магомет, вернувшись в Дагестан, поначалу вел себя как гость, не принимался за дальнейшее постижение исламского учения, лишь «предался молитве, в коей проводил дни и ночи»⁴³. Однажды ночью Магомет Ярагский, следивший за Хас-Магометом, заметил в его комнате свет. Зайдя к нему, Магомет Ярагский увидел своего ученика, склонившегося над Кораном. Однако с появлением Магомета Ярагского в комнате погасла свеча. На вопрос — как понимать «теперешнее странное поведение его» и «каким чудом огонь исчез сам собою?», Хас-Магомет ответил: «Ты трудился и учил меня в продолжении семи лет, потом я возвратился в мое отечество Бухарию, где пробыл год в новом и самом деятельном учении и достиг до той высшей степени знания наук, которые и тебе, алим, неизвестны... теперь я возвратился в твой дом, чтобы передать тебе мудрость бухарских алимов, неизвестную в странах Дагестана»⁴⁴. «Напрасно, — продолжал Хас-Магомет, — полагаете вы в Дагестане, что поняли закон. Все вы, не исключая и тебя, посевшие над Кораном, видите только мертвую букву и не подозреваете его глубокого значения»⁴⁵. На другой вопрос — какие же «неизвестные» ему, учителю, «сведения» мог бы он сообщить, Хас-Магомет объяснил, что он не может исполнить его желания «без благословения кюрдамирского эфендия Гаджи-Исмаила». Хас-Ма-

46. Прушановский К. Указ. соч., с. 2.
47. Там же; А. Гакстаузен передает и другие слова Гаджи-Исмаила: «Кораном потому только запрещено обрезывание ветвей, чтоб сохранить необходимые в Аравии деревья. У нас же дело иное, здесь можно отрывать маленькие ветви, без вреда для деревьев; ибо они же служат корнем одному из благодетельнейших творений, которое множеству людей дает средство жизни» (Гакстаузен А. Указ. соч., с. 193; ср. Лобанов-Ростовский М.Б. Указ. соч., с. 1382).
48. Прушановский К. Указ. соч., с. 3.
49. Волконский Н.А. Указ. соч., с. 7—8.
50. Там же; ср. Гакстаузен А. Указ. соч., с. 193—194. Д. Макки писал, что Гаджи-Исмаил посвятил Магомета Ярагского в сущность тариката и указал, как эту доктрину можно практически приспособить к политическим условиям Дагестана (Maskie J.M. Op. cit., p. 142).
51. Волконский Н.А. Указ. соч., с. 7—8.
52. Прушановский К. Указ. соч., с. 3.

гомет предложил своему учителю отправиться в ширванское село Кюрдамир⁴⁶. Магомет Ярагский принял совет. В сопровождении Хас-Магомета вместе с кюринскими муллами он вскоре направился в Кюрдамир. При встрече с Гаджи-Исмаилом в Кюрдамире, как и в истории со свечой, не обошлось без «тайнства». Войдя в сад, Магомет Ярагский и его духовная свита увидели, как, вопреки Корану, запрещающему рубить молодые деревья или ветви, срывать растения, Гаджи-Исмаил срезал побеги с тутовых деревьев. Хозяин заметил удивление гостей и, обращаясь к Магомету Ярагскому, объяснил: «Я знаю, о чем вы теперь думаете: вы удивляетесь, зачем я срубаю молодые ветви тутов? Срубаю их, чтобы кормить шелковичных червей, от которых получаю шелк, единственное средство к пропитанию моего семейства»⁴⁷. Слова Гаджи-Исмаила якобы «сильно» подействовали на гостей, и вслед за Магометом Ярагским все «поодиночке начали подходить и целовать руки эфендия». Прушановский сообщал о совещаниях Гаджи-Исмаила с духовными лицами из горного Дагестана, на которых эфенди и гости единодушно указывали на ослабление исламской веры: «Мусульмане предались греху, пьянство и разврат сделались им знакомы... мусульмане не ведают шариата, будучи не подвластными неверным, не могут возвыситься до постижения великой науки тариката»⁴⁸. Н. А. Волконский дополнил сведения Прушановского важным фактом, свидетельствовавшим о том, как Магомет Ярагский характеризовал Гаджи-Исмаилу положение с исламской верой в Дагестане: «Случайное и сбивчивое понятие о религии, хотя и соблюдение некоторых обрядов, неправильное отправление богослужения; совершенное неведение шариата. Отсюда... все заблуждения и все поступки: бесстыдство у мужчин и женщин, разврат, пьянство, воровство, вечная праздность»⁴⁹. Эти слова якобы «ужаснули» Гаджи-Исмаила, признавшего срочным и важным распространение ислама в Дагестане. Он «благословил муллу Магомета повернуть дела на надлежащую дорогу»... «возвел своего почетного гостя в звание старшего мюршида (учителя) и приказал ему: по возвращении в Дагестан, немедленно приступить к открытому проповедыванию тариката»⁵⁰.

По Н. А. Волконскому, встреча Магомета Ярагского с Гаджи-Исмаилом в Кюрдамире произошла в 1823 г.⁵¹ Примерно к этому же времени ее относил и Прушановский, считавший, что с той поры «в магометанском законе у нас в Дагестане явилась новая мусульманская секта под названием «исправительного тариката»⁵², ставившая перед собой задачу «нравственного, физического и умственного» совершенствования верующих.

Приведенной нами последовательности событий

53.
АКАК, т. 5, с. 1491.

54.
Там же, с. 1493.

55.
Там же.

56.
Там же.

57.
Там же.

58.
Там же.

придерживаются русские дореволюционные авторы и советские кавказоведы. Однако в этой версии, по-видимому, немало неточностей, а иногда просто грубых ошибок.

Еще в 60-е гг. XIX в. Шамиль, которого А. Руновский называл «альфой и омегой» кавказского мюридизма⁵³, заметил, что во многих сочинениях по истории Кавказской войны допускается одна и та же ошибка, заключающаяся «в непонимании действительной причины газавата, а потом, в неправильном наименовании местности, откуда мюридизм перенесся на Кавказ»⁵⁴. А. Руновский подробно записал со слов Шамиля то, как «главный» имам представлял себе историю кавказского мюридизма. В результате мы имеем дело не с каким-нибудь частным уточнением проблемы, а со стройной концепцией, раскрывающей многие сложные аспекты мюридизма и в целом Кавказской войны.

По свидетельству А. Руновского, Шамиль верно объяснил, почему в литературе получил распространение взгляд, будто мюридизм проник в Дагестан из Бухары, а человеком, передавшим «тайны нового учения», был Хас-Магомет. «Еще задолго до окончания военных действий в Дагестане, — говорил имам, — когда мы не могли иметь сношений с людьми, хорошо знавшими это дело и способными сообщить сведения вполне достоверные»⁵⁵, в ход была пущена ошибочная версия возникновения мюридизма, подхваченная многими авторами.

По рассказу Шамиля, кавказский мюридизм стал зарождаться «в царствование Александра Павловича». Его истоки он связывал с духовной деятельностью Халид-Сулеймана, жителя Багдада, известного «строгим образом» жизни и «ученостью». Шамиль утверждал, что имя Халид-Сулеймана «впоследствии было записано в число мусульманских святых, а слава о его необыкновенной учености и сношения с нездешним миром распространилась постепенно по всем уголкам мусульманского мира, за исключением однако Кавказа»⁵⁶. Как и дагестанские мюршиды, Шамиль не мог точно сказать где — «в бухарских академиях» или «у арабских мудрецов» — Халид-Сулейман почерпнул познания в области исламизма. Но он был убежден, «что от него именно перешло учение тариката в Дагестане»⁵⁷. Шамиль утверждал, что до тех пор пока Халид-Сулейман не достиг положения выдающегося алима и пока от него не стал распространяться тарикат, богословы Дагестана знали о тонкостях мусульманской религии только теоретически. Между тем они, по словам Шамиля, «давно желали осветить свои знания живым словом, произнесенным одним из светил ислама»⁵⁸.

Дальнейшее изложение истории проникновения мюридизма в Дагестан Шамиль сопровождал расска-

зами о духовных «тайнствах» «отцов» кавказского мюридизма, имевшими, по-видимому, хождение среди участников Кавказской войны и клерикальной знати. Согласно Шамилю, распространение мюридизма шло следующим образом. Шейх-Исмаил, житель «ничтожного» селения Курали, расположенного на берегу р. Куры, известный как «ученый и богобоязливый человек», отправился в Мекку на «поклонение гробу пророка». Там он узнал «о чудесах» Халид-Сулеймана, совершенных будто бы «под влиянием высшей духовной силы». На обратном пути Шейх-Исмаил заехал к Халид-Сулейману в Багдад, чтобы познакомиться с выдающимся алимом и получить у него уроки исламского учения. Там радушно принятый Шейх-Исмаил продолжил свое духовное образование. Никто не знает, сколько времени Шейх-Исмаил обучался у багдадского алима. Когда Халид-Сулейман удостоверился в широких познаниях своего ученика и увидел в нем того, «которого отметила рука судьбы», он присвоил Шейху-Исмаилу духовный сан мюршида и велел «передать тарикат жителю сел. Яраги, Курали-Магоме, а ему приказать передать его, в свою очередь, одному из нукеров Аслан-хана казикумухского Джемал-Эдину, состоящему при хане в звании «мирзы» секретаря»⁵⁹. «Высшее таинство» Халид-Сулеймана, немало поразившее Шейха-Исмаила, заключалось в том, что он поручал «передать» тарикат лицам, жившим в далеком Дагестане, называл их имена, хотя «не знал и ничего о них не слышал. Точно так же не знал их и Исмаил»⁶⁰. Способность предсказывать события, называть конкретных людей, будущих алимов и т. д. Халид-Сулейман постиг «под влиянием Караамата». Как бы то ни было, по легенде Шамиля, Шейх-Исмаил и его багдадский алим обсуждали вопрос о Курали-Магоме и Джемал-Эдине как возможных тарикатистах в Дагестане. При этом Шейх-Исмаил высказал касательно Джемал-Эдина сомнение, поскольку тот занимал должность нукера, приближавшую его к хану. Однако Халид-Сулейман будто пояснил, что «Джемал-Эдину назначено быть муршидом от бога», и выразил уверенность, что, приняв «новую должность», он будет «достойным своего призвания». Шамиль также рассуждал А. Руновскому об обстоятельствах встречи между Шейхом-Исмаилом и Магометом Ярагским. Вернувшись на родину, Шейх-Исмаил все думал над тем, как найти Курали-Магому (Магомета Ярагского), чтобы выполнить приказ Халида-Сулеймана. Помог «перст Божий»: из Ширванского ханства к Шейх-Исмаилу явился ученик Магомета Ярагского, Хас-Магомет, с которым связывают появление тарикатизма в Дагестане. Цель его приезда — «пополнить свои познания в шариате» у Шейх-Исмаила, побывавшего в Мекке и приобретшего славу ученого мюр-

61.
Там же, с. 1494.
62.
Там же.
63.
Там же.
64.
Там же.

шида (тогда еще Хас-Магомет не знал, что Шейх-Исмаил был не только в Мекке, но и учился у Халид-Сулеймана и в связи с этим он сможет изучить, наряду с шариатом, и тарикат). Хас-Магомет, «пораженный открывшимися ему (в ходе обучения у Шейх-Исмаила — *ред.*) истинами» тариката, якобы заявил своему наставнику: «Как бы хорошо было, если бы нашу науку изучил мой прежний учитель Курали-Магома. Но только он уж слишком ученый человек, так что едва ли поверит тому, что предписывается тарикатом»⁶¹. Так для Шейха-Исмаила открылась возможность отыскать Магомета Ярагского. Решено было направить в Дагестан Хас-Магомета. Последний отправился в путь, хотя серьезно сомневался, что такого ярого «шаритиста», как Магомет Ярагский, можно расположить к постижению тариката.

Далее Шамиль рассказывал А. Руновскому о совершенно иных обстоятельствах признания Хас-Магомета Магомету Ярагскому относительно цели своей миссии. В этой версии нет ни «тайны» погасшей свечи, ни тех «странностей» Хас-Магомета, о которых пишут многие историки Кавказской войны.

По Шамилю, Хас-Магомет, прибыв в Яраги, долго не решался объявить о возложенном на него поручении. Вместе с тем Магомет Ярагский заметил у Хас-Магомета, задержавшегося у него в гостях, необычные перемены, особенно в исполнении молитвенных приемов. Момент объяснений как этих «странностей», так и цели приезда Хас-Магомета в Яраги не обошелся без «высшего таинства»: «в то утро» во время совместного намаза Магомет Ярагский, прочитав стих из Корана о смертности человека и его грехах, «весь затрясся и упал в обморок, пораженный припадком «джязбу»⁶². В происшедшем Хас-Магомет увидел промысел божий, давший ему право открыться перед Магометом Ярагским свою «тайну». После признаний своего гостя, Магомет Ярагский, разделивший мнение ученика относительно «тайного смысла» перенесенного им припадка и уверовав в «высшее признание», по совету Хас-Магомета отправился к Шейх-Исмаилу⁶³. Обучение продолжалось семнадцать дней. Магомет Ярагский постиг «высокие истины» тариката и получил звание мюршида. Шейх-Исмаил дал ему «приказание» «поучать правоверных тарикату и передать его Джемал-Эдину»⁶⁴. Магомет Ярагский, вернувшись в свое родное село в «новом качестве», был «осажден» многочисленными учениками. Среди них находился и Джемал-Эдин, которому еще Халид-Сулейман предрек быть мюршидом. С этого времени началось распространение нового учения на Кавказе.

Мы привели два описания, так или иначе позволяющие представить проникновение в горный Даге-

стан «высших истин» исламизма, послуживших основой кавказского мюридизма. Внешне может показаться, что они отличаются друг от друга лишь в отдельных деталях. Между тем при тщательном их анализе нетрудно убедиться, что перед нами по существу две различные концепции по вопросу об «источниках» мюридизма и его причинной обусловленности. Отмечая расхождения в представлениях авторов, писавших о Кавказской войне, и Шамиля о возникновении в Дагестане идей мюридизма, следует пояснить, почему исследователи не обратили внимание на такой первоклассный источник, как свидетельство вождя Кавказской войны.

В исторической литературе не случайно было отдано предпочтение версии, согласно которой проникновение мюридизма в горный Дагестан — прежде всего результат деятельности Магомета Ярагского и его ученика, бухарца Хас-Магомета. В таком изложении события развиваются как бы более скоротечно, а главное — они приурочены к началу 20-х гг. XIX в., т. е. к наиболее напряженному периоду политической жизни «вольных» обществ. Напомним: в эти годы завершилась организация военно-экономической блокады А. П. Ермолова. Прушановский, Н. А. Волконский, С. Эсадзе, а вслед за ними и другие авторы, расценивавшие Кавказскую войну лишь как результат столкновения «вольных» обществ с политикой России, увидели больше органической связи между начавшейся войной и мюридистской деятельностью Хас-Магомета и Магомета Ярагского. Они же фактически сформулировали идею, ставшую расхожей в русской дореволюционной историографии: назначение мюридизма в том, чтобы фанатизировать войну против России. В советское время к этой формуле прибавился тезис о мюридизме как «религиозной оболочке» или реакционной форме, в которую было облечено прогрессивное по сути «национально-освободительное движение горцев». При этом и дореволюционные и советские историки упускали из виду зависимость любой идеологии прежде всего от внутреннего общественного развития. Такие внешнеполитические явления, как военные конфликты с сопредельными народами, военно-экономические санкции наподобие ермоловской блокады, способны оказывать известное влияние на идеологию (к примеру, на темпы ее формирования, на процесс обогащения ее новыми лозунгами), но не могут изменить главное — естественное и органичное течение социальной жизни. Не видя в мюридизме принципиально нового этапа в исламизации «вольных» обществ и его единства с внутренними общественными процессами, ему стали отводить роль «реакционной оболочки» Кавказской войны. Столь упрощенный подход к проблеме в свою очередь определил выбор наиболее

65.
Смирнов Н.А. Указ. соч.
66.
АКАК, т. 5, с. 1493.
67.
Там же.

простого варианта, сводящего истоки мюридизма к «духовным заботам» Магомета Ярагского и Хас-Магомета, а роль самого мюридизма в «национально-освободительном движении» горцев — к «ложке дегтя в бочке меда». В результате возник «феномен», которого в истории никогда не было — «национально-освободительное движение» с «реакционной идеологией». Попутно заметим: мюридизм, как идеология Кавказской войны, порожденный поступательным общественным процессом, несомненно оказывал революционизирующее воздействие на социальные силы, поднимая их на слом старых и установление новых порядков. Со временем, когда горские общества, переболев «детскими болезнями» переходной стадии, вступили бы в новый этап общественного развития, мюридизм, выполнив свою историческую задачу, не избежал бы эволюции, которую переживает любая идеология под натиском последующих, более прогрессивных общественных явлений. Впрочем, контуры «реакционности» на исходе Кавказской войны были вполне различимы⁶⁵.

Вернемся, однако, к версии Шамиля, который, кстати, располагал богатейшей библиотекой арабской литературы, прекрасно знал историю ислама и являлся первым историком Кавказской войны.

Касаясь возникновения мюридизма, Шамиль подчеркивал, что Хас-Магомет — «бухарец», «никогда не сообщал Курали-Магоме (так называл Шамиль Магомета Ярагского — *ред.*) учения бухарской секты» (мюридизма), а только был «посланником от имени Исмаила к Курали-Магоме»⁶⁶. Он пояснял: «...другого Хас-Магомета не было во всем Дагестане, и никакого бухарца горцы никогда не видали и даже не слышали о нем»⁶⁷. Как видно, в рассказе Шамиля мюридизм предстает перед нами как основательное, глубокое явление, уходящее своими корнями к традиционным исламским центрам Востока. Словом, по Шамилю, мюридизм — это не только Хас-Магомет и Магомет Ярагский, но, в первую очередь, идеология исламского Востока, воспринятая «вольными» обществами горного Дагестана.

В сведениях Шамиля о кавказском мюридизме не менее примечательно другое, незаслуженно «забытое» историками. Речь идет о таком важном явлении, как изначальное существование в кавказском мюридизме двух группировок или двух «партий». (Мюридизм, как любая «большая» идеология, связанная с внутренними переходными общественными процессами, не мог не отразить появление двух социальных сил — «консервативной», отстаивавшей старый уклад жизни, и «прогрессивной», выступавшей за обновление общества.) По Шамилю, одно крыло кавказского мюридизма возглавил Магомет Ярагский, поборник утверждения как «высших» догматов ислама вообще,

68.
Там же, с. 1494.

69.
Там же.

так и шариата, позволявшего воплотить их в реальную жизнь, в частности. Другое крыло формировалось под эгидой Джемал-Эдина, сторонника «чистого» тарикатизма, противника (на начальных этапах Кавказской войны) военно-экспансионистских поползновений Магомета Ярагского и Казимуллы. Поскольку в «концепции» Шамиля важное место занимает вопрос о двух «партиях» в мюридизме, — к тому же именно такой подход позволяет глубже проникнуть в социальную природу этой идеологии — вкратце остановимся на нем.

По данным Шамиля, Джемал-Эдин ненадолго приехал в Яраг после того, как туда из Ширвана вернулся Магомет Ярагский. Его обращение в тарикат совершилось без особых таинств. В общении с Магометом Ярагским Джемал-Эдин обнаружил недюжинные способности в познании высших истин тариката. Тем не менее, — и это вопреки воле Халид-Сулеймана и советам Шейх-Исмаила, — он не получил от Магомета Ярагского «ни звания мюршида, ни разрешения проповедывать тарикат»⁶⁸. Это не отвратило Джемал-Эдина от поисков исламских истин, напротив, он с энтузиазмом занялся тарикатом, чем стал приобретать известность. Спустя несколько месяцев, Джемал-Эдин получил от Магомета Ярагского извещение о том, что ему разрешается именовать себя мюршидом и постигать тарикат. Началось еще более всестороннее духовное совершенствование Джемал-Эдина, его проповедническая деятельность. Вскоре он стал одним из самых выдающихся тарикатистов и популярнейшим духовным лицом. Шамиль утверждал, что, несмотря на широкую известность в Дагестане, Джемал-Эдин, в отличие от Магомета Ярагского, не окружал себя учениками, не высказывал каких-либо определенных политических идей. Напротив, после провозглашения мюршидом он «заперся в своем доме, долгое время никому не показывался... и скоро... обратился в птицу небесную, которая не сеет и не жнет, а еще менее заботится о своей наружности»⁶⁹. Говоря о «птице небесной», Шамиль явно пользовался метафорой противников Джемал-Эдина, недовольных его отрывом от практических нужд «вольных» обществ. Пять лет Джемал-Эдин провел в «тишине и спокойствии», в постижении и проповедывании тариката. За все это время Джемал-Эдин не поднимал вопроса о борьбе с «неверными». Он не призывал к газавату и позже, в годы организации военно-экономической блокады, когда такой призыв звучал бы вполне актуально. Между тем Джемал-Эдин приобрел в горном Дагестане необычайную популярность, на которую обратил внимание даже такой ярый сторонник прагматического исламизма, как Казимулла. Популярность Джемал-Эдина объяснялась как его активными проповедями, так и «идеологиче-

70.
Там же.
71.
Там же, с. 1425.
72.
Там же.
73.
Там же.
74.
Там же.

скими запросами» «вольных» обществ, явно ориентированными на внутренние социальные процессы и пока не касавшимися внешнеполитических проблем. В этом смысле крайне любопытно развитие отношений между Джемал-Эдином, сторонником «чистого» тарикатизма и мирного распространения ислама, и Кази-муллой, первым имамом, приверженцем шариата и газавата. На эти отношения Шамиль обращал особое внимание.

В годы зарождения мюридизма в горном Дагестане Джемал-Эдин еще не был знаком с Кази-муллой. Но он слышал о его успешных проповедях, о его незаурядном уме. Надеясь найти в нем единомышленника, Джемал-Эдин обратился к Кази-мулле с письмом, в котором, наряду с лестными отзывами о его деятельности, он рекомендовал заняться тарикатом и приглашал к себе в Кумух. Кази-мулла ответил не без иронии. Отклонив предложение Джемал-Эдина, он заявил, что «не считает себя способным к восприятию таких высоких истин, каковы истины тариката»⁷⁰. Прошло время, Джемал-Эдин стал известным не только в кругу тарикатистов, но и среди населения «вольных» обществ. В конце концов это привлекло внимание Кази-муллы и заставило его более серьезно относиться к Джемал-Эдину. Вскоре между ними состоялось несколько встреч, в ходе которых, по свидетельству Шамиля, «верх» над Кази-муллой взял тарикат Джемал-Эдина: «Убедившись окончательно в присутствии в Джемал-Эдине сверхъестественной силы, а следовательно и в боговдохновенности его учения, — он (Кази-мулла — *ред.*) признал себя вполне побежденным и заявил это перед целым светом, оставшись тогда же у Джемал-Эдина и посвятив себя изучению тариката»⁷¹. За время обучения тарикату Кази-мулла усвоил все «тайны высокой науки», овладел «карааматом». За недюжинные способности Джемал-Эдин «сделал» его мюршидом и объявил своим «мазуном», «о чем уведомил своего учителя Курали-Магому»⁷². Переход Кази-муллы, тогда уже известного приверженца шариата и газавата, на позиции тарикатизма произвел на население «вольных» обществ огромное впечатление. Это обстоятельство Шамиль подчеркивал особо: «обращение Кази-муллы», «хотя и различным образом», «сильно действовало на умы горцев»⁷³. Не менее примечательно было и другое. По оценке Шамиля, народные массы, прослышав о переходе своего предводителя Кази-муллы к тарикату, «были готовы к восприятию» нового учения в толковании Джемал-Эдина «точно так же, как до этого были готовы к восприятию шариата»⁷⁴. Несомненно, в данном случае речь шла не о какой-то раздвоенности или неустойчивости в настроениях рядовых общинников («народных масс»), а об их восприимчивости к идеологическим установ-

75.
Там же.
76.
Там же.
77.
Там же.

кам, связанных как с проблемами внутренней жизни «вольных» обществ (тарикатизм Джемал-Эдина), так и с «улучшением» внешнеполитической обстановки (газават Кази-муллы). Впрочем, «недопонимание» значения «исламских истин» для «народных масс» обнаружил сам Магомет Ярагский — главный идеолог кавказского мюридизма: получив известие о возведении Кази-муллы в ранг мюршида, он «радовался тому, что учение его будет иметь в Дагестане представителя, способного распространить его повсюду»⁷⁵. Иначе восприняли переход Кази-муллы на поприще тарикатизма представители родовой знати, в особенности те, которые, наряду с духовной деятельностью, занимались организацией набегов в качестве военачальников общин. Комментируя сведения Шамиля, А. Руновский писал, что представители эти — знатные люди, «усвоив себе возбуждающее начало» проповедей Кази-муллы, «уже заронивших в мятежных умах их искру будущего пожара, приверженцы Гази-Магомета (Кази-муллы — *ред.*), с грустью и досадой смотрели на его отступничество, убившее их кровавые инстинкты в самом зародыше»⁷⁶. Нельзя, однако, думать, что реакция «военно-клерикальной» знати на переход Кази-муллы в «партию» Джемал-Эдина была столь однозначной. Ренегатство Кази-муллы произвело раскол даже среди этой знати, наиболее решительно настроенной в отношении утверждения шариата и объявления газавата. Причем, судя по всему, раскол был настолько глубоким, что сторону Кази-муллы, нового проповедника тарикатизма, взял такой ярый шариатист и прагматик, как Шамиль. По свидетельству самого Шамиля, для того, чтобы перейти в тарикат, ему не понадобилось даже «красноречия Кази-муллы». Он был настолько увлечен рассказами мюршида из Яраги о высших истинах ислама, что вскоре решил ехать в Кумух к Джемал-Эдину. Перед поездкой Шамиль побывал у своего духовного учителя Лачиниялу, которому он предложил ехать вместе. Лачиниялу, однако, отказался, сославшись на свое «особенное пристрастие к вину» и «влечение к шариату»⁷⁷. Шамиль отправился один и, не колеблясь, принял от Джемал-Эдина новое учение.

Популярность тарикатизма обуславливалась не каким-то особенным фанатизмом, присущим именно этому религиозному течению. Напротив, тарикатисты как будто не интересовались текущими политическими событиями, обходя в своих проповедях даже такие жгучие вопросы, как необходимость борьбы с военно-экономической блокадой А. П. Ермолова. Тарикат в толковании Джемал-Эдина не был ориентирован на внешнеполитические дела «вольных» обществ, касавшиеся взаимоотношений с соседними дагестанскими, другими народами. В этом плане он принципиально отличался от шариатизма Магомета

78.
Там же, с. 1496.
79.
Там же.
80.
Там же.

Ярагского, религиозное учение которого преподносилось в свете наиболее злободневных проблем, в первую очередь, проблемы борьбы против блокады. Вместе с тем нельзя сказать, что тарикатизм вовсе был оторван от жизни. Казалось, учению, «оторванному» от насущных проблем жизни, суждено было остаться чистой схоластикой без перспективы овладеть массовым сознанием. Но в том и было преимущество тарикатистов перед шариатистами, что, не задевая чьих-либо социальных и политических интересов, они на определенных этапах становления мюридизма идеологически объединяли все общинные слои вокруг общих проблем. Впрочем, то же самое можно было сказать и о шариатистах. Но последние, в отличие от тарикатистов, выдвигали в своих проповедях два конкретных вопроса: возобновление набегов, теперь уже под лозунгом войны с «неверными», и установление шариата с целью правового регулирования социальных отношений. (Как мы убедимся ниже, социальная функция шариата вызывала неоднозначную реакцию общинников, в первую очередь, рядовых.) В дальнейшем, когда «вольные» общества испытывали экстремальные экономические трудности, тарикатизм Джемал-Эдина постепенно обнаруживал оторванность от жизненных интересов масс, в особенности феодализировавшейся знати, все больше приобретал теоретический, отвлеченный вид. Это обстоятельство обрекало его на непригодность для решения как внутренних социальных, так и военно-политических проблем, возникших в связи с блокадой. Неприспособленность тарикатизма к «текущему моменту» сказывалась на деятельности двух наиболее видных вождей Кавказской войны — Кази-муллы и Шамиля. Оба они, вскоре после принятия учения от Джемал-Эдина, испытывали неудовлетворенность тарикатизмом, поскольку он не давал ответа на важные практические вопросы. Постигание тариката для них оказалось недостаточным, и они считали, что им предстоит совершенствовать свои познания в исламе. С этой целью они направились к Магомету Ярагскому, уже тогда признанному в Дагестане тарикатисту, но стоявшему на других позициях, чем их учитель: отправляясь в Яраги, Кази-мулла и Шамиль еще не знали, что они едут к противнику их религиозных верований⁷⁸. Однако они хорошо понимали, что в тарикатизме Джемал-Эдина нет чего-то для них очень важного и потому приходится искать нового учителя. Оба испытывали перед Джемал-Эдином (в пути к Магомет Ярагскому Кази-мулла и Шамиль проезжали неподалеку — «в двух днях расстояния»⁷⁹ от Кумуха, где жил Джемал-Эдин) неловкость. «Я думаю, — заявил в пути Кази-мулла, — теперь Джемал-Эдин наверное знает, что мы едем к Курали-Магома»⁸⁰.

Поездка в Кумух двух будущих имамов имела важ-

81.
Там же.
82.
Там же.
83.
Там же.
84.
Там же.

ное значение не только в истории формирования кавказского мюридизма, но и в дальнейшем развитии военно-политических событий на Северо-Восточном Кавказе. Поэтому о ней стоит упомянуть отдельно.

Кази-мулла и Магомет Ярагский, лично незнакомые, были слышаны друг о друге. Во время встречи в Яраги Кази-мулла произвел на Магомета Ярагского большое впечатление. По свидетельству Шамиля, «...прозорливый Курали-Магома убедился, что не монаха видит он перед собою, готового подставить ближнему свою ланиту, а человека в высшей степени энергичного, проникнутого убеждениями, совсем не гармонирующими с требованиями тариката»⁸¹. Конечно, в приведенной оценке — не только впечатление, которое произвел Кази-мулла на Магомета Ярагского, будущего своего тестя, но и элемент личного отношения к первому имаму со стороны Шамиля, недовольного многими его военно-политическими решениями и поступками. Но для нас главное здесь другое — указание на то, насколько чужды были Кази-мулле идеи тарикатизма джемал-эдиновского толка. Что касается общего его портрета, якобы обрисованного Магометом Ярагским, то приведем и другие слова Шамиля, дошедшие до нас в записи А. Руновского: «под холодной, сосредоточенной наружностью этого неопита скрывается изувер, готовый пожалеть о том, что не одна голова у всех людей, не разделяющих его религиозных верований»⁸². Из рассказа Шамиля А. Руновскому видно, что Магомет Ярагский заметил в Кази-мулле не только незаурядность, но и неоднозначность его как духовного и военно-политического деятеля. Шамиль утверждал, что Магомет Ярагский, достаточно узнав Кази-муллу к концу их встречи, стал высказывать опасения «за участь тариката»⁸³. Восстанавливая в памяти историческую встречу с главным мюршидом в Яраги, Шамиль, по свидетельству А. Руновского, не желая допустить неточность, избегал категоричности как в изложении фактов, так и в оценках. Отсюда — частое употребление слов «вероятно», «может быть» и т. д. Таких оговорок Шамиль не делал, когда он касался отношений между Магометом Ярагским и Кази-муллой. Во всяком случае, он ручался за достоверность такого очень важного факта, как письмо мюршида к Джемал-Эдину по поводу Кази-муллы. Суть его в том, что Магомет Ярагский просил Джемал-Эдина наблюдать за Кази-муллой и не позволить ему «сойти с дороги»⁸⁴. К сожалению, мы не располагаем достаточно полными данными, которые позволили бы раскрыть характер опасений Магомета Ярагского в отношении Кази-муллы. Можно лишь предположить, что в момент встречи Магомет Ярагский, полностью не став на позиции тарикатизма Джемал-Эдина, еще отвергал и крайности шариатистов и сторонников

85.
Там же.
86.
Там же.
87.
Там же.
88.
Там же.

газавата. По-видимому, его сомнения по поводу будущей деятельности Кази-муллы были связаны с поведением гостя, склонного к «решительным действиям». Думать так позволяет дальнейшее развитие событий, После десятидневного пребывания в Яраги Кази-мулла окончательно решил для себя вопрос — посвятить ли себя тарикату, или же внедрению в жизнь «вольных» обществ шариата и газавата. Это решение, однако, было для Кази-муллы непростым делом. По Шамилю, Кази-мулла, вернувшись вместе со своим молодым соратником в Гимры, «впал в такое мрачное и сосредоточенное состояние духа, какого не замечали до этого времени ни его родные, ни близкие к нему люди»⁸⁵. Как считал Шамиль, это состояние будущего имама объяснялось ничем иным, как «проблеском» новых идей мюридизма, навеянных, вопреки ожиданиям, лекциями Кази-муллы о тарикате⁸⁶. Заметив умонастроение своего слушателя, Магомет Ярагский стал все более неодобрительно относиться к Кази-мулле и его планам. По свидетельству Шамиля, Магомет Ярагский был уверен, что в лице Кази-муллы он приобрел «самого плохого последователя»: «мятежный ум» Кази-муллы «никак не мог согласить честолюбивых своих стремлений с требованиями тариката об отшельничестве и о сближении с верховным существом, способом, хотя и нелепым, но непременно мирным»⁸⁷. Шамиль говорил, что Кази-мулла «был уж слишком ученый и слишком смелый человек для тариката»⁸⁸.

Трудно, однако, допустить, чтобы отказ от тариката, в свое время принятого от Джемал-Эдина, и переход на позиции шариата и газавата был следствием личных качеств Кази-муллы, его смелости и учености: за десять дней, проведенных Кази-муллой и Шамилем у Магомета Ярагского, ничего существенного не могло измениться в характере этого духовного деятеля. Сказалось другое, более важное. Прослушав лекции Магомета Ярагского, Кази-мулла, испытывавший еще накануне приезда в Яраги определенную неудовлетворенность тарикатизмом, не отвечавшим на волновавшие его злободневные вопросы, стал находить в исламе идеи, созвучные его политическим настроениям. Шамиль, как единственный свидетель идейного поворота Кази-муллы в сторону мюридизма, подтверждал его мучительные поиски в исламе идеологических посылок для развертывания военно-политической борьбы. Он поведал А. Руновскому, что в Гимрах Кази-мулла (совместно с Шамилем), погружившись в чтение духовных книг, вновь и вновь обращался к тому же нелегкому вопросу — что главное в исламе — тарикат с его высшими духовными установлениями или шариат с его земными заботами. Терзаясь раздумьями, Кази-мулла однажды обратился к Шамилю с откровением: «На какой бы манер, —

89.

Там же.

90.

Schiemann Th. Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I. Bd. 3, Berlin. 1913, S. 305; Blanch L. Op. cit., p. 55—56.

91.

АКАК, т. 5, с. 1496.

92.

Там же.

говорил Кази-мулла, — мы с тобой ни молились и каких бы чудес ни делали, а одним тарикатом мы не спасемся: без газавата не быть нам в царстве небесном... Давай, Шамиль, газават делать!»⁸⁹. Слушая Кази-муллу, Шамиль не мог понять, а тем более внутренне разделить столь серьезную перемену в своем соратнике. Тем не менее, признавался Шамиль, «привязанность» к Кази-мулле и «слепая вера в непогрешимость его воззрений, которая укоренилась в нем с самого раннего детства», побудили его ответить: «Давай газават делать!» Сделав таким образом выбор между «мирным тарикатом» Джемал-Эдина и «воинственным» учением Магомета Ярагского, Кази-мулла и Шамиль вскоре принялись за военные приготовления. Им не потребовалось особых усилий, чтобы собрать войско в 5—6 тысяч человек. Отправляясь в поход во имя ислама, они, естественно, еще не выдвигали перед собой конкретных политических задач, например, таких, как борьба с военно-экономической блокадой и др. Главное пока — утвердить в Дагестане шариат и объявить всем «неверным» газават⁹⁰. Кази-мулла и Шамиль и двинули свой отряд в Хунзах, центр Аварии. Первый поход, ставивший перед собой идеологические задачи, окончился неудачей. Шамиль рассказывал — немаловажная деталь, — как во время похода он «был дочиста ограблен гумбетовцами, которыми сам же предводительствовал»⁹¹. Факт сам по себе, казалось бы, малозначительный, но столь непочтительное отношение к своему духовному предводителю явно говорило о пока еще неглубоком восприятии общинниками шариата и газавата. Легкость, с какой Кази-мулла и Шамиль собрали ополчение, в данном случае подтверждала скорее приверженность общинников «вольных» обществ к давно сложившимся традициям набегов, нежели преданность новым идеям.

Несмотря на поражение, первый поход Кази-муллы и Шамиля имел важное значение в истории кавказского мюридизма. Он фактически утверждал новую идеологическую формулу — газават, — вне которой вскоре станет немыслима жизнь горцев Дагестана и ряда других районов Большого Кавказа. Поход имел еще одно последствие. Объявление газавата в форме военной акции окончательно вело к двум принципиально разным направлениям, в которых отныне суждено было развиваться идеологии исламизма в горном Дагестане. Обнажались и позиции двух лидеров кавказского мюридизма. Джемал-Эдин был крайне недоволен Кази-муллой, объявившим газават. Он обратился к нему с требованием, чтоб тот «немедленно оставил все военные приготовления, а вместо того занялся бы настоящим делом, сущность которого заключается в молитве, а не в войне»⁹². Обращение Джемал-Эдина не только обострило разногласия в

93.
Там же.
94.
Там же.
95.
Там же, с. 1497.
96.
Там же.

мюридистском движении, но и определило более четкую расстановку сил в идеологической жизни горного Дагестана. Позиция Джемал-Эдина имела серьезные последствия для Кази-муллы: Шамиль, поддержавший идею прекращения газавата, после бурного объяснения с Кази-муллой демонстративно покинул своего соратника «и запершись в своем доме, предался молитве и чтению священных книг»⁹³. Подобный поворот событий во многом был неожиданным для Кази-муллы. Однако он был непреклонен. Заявив Шамилю о своем твердом решении продолжать дело газавата, Кази-мулла вновь объявил походный сбор. Но и на этот раз предприятие провалилось: дало знать отсутствие Шамиля, незаурядные военные способности которого уже тогда были заметны. Но все же неудача второго похода объяснялась другим, более важным обстоятельством — расколом, начально наметившимся в кавказском мюридизме. В войске Кази-муллы многие придерживались тарикатизма Джемал-Эдина; воины знали уже «о чудесах» «караамата», которые «открывал» перед населением Джемал-Эдин у себя в Кумухе, большинство оказывало тарикатисту «сильное сочувствие». В «вольных» обществах известно было и об обращении Джемал-Эдина к Кази-мулле с просьбой отказаться от газавата, что также влияло на настроения тех, кого Кази-мулла собирал в поход. По сведениям Шамиля, начались «побеги, сильно расстроившие ряды войск, а вскоре обнаружилось явное неудовольствие» воинов, «грозившее окончательною неудачею»⁹⁴.

Приготовления ко второму походу, по-видимому, стали известны и Джемал-Эдину. Во всяком случае, именно в тот момент, когда Кази-мулла прилагал немало усилий, чтобы собрать ополчение для нового похода, к нему с двумя письмами вновь обратился Джемал-Эдин. Он напоминал Кази-мулле, что и до него в Дагестане были ученые, понимавшие необходимость газавата. Однако они равно осознавали и невозможность объявления газавата. Джемал-Эдин указал на принадлежность Кази-муллы к тарикату, отчего газават для него становился «неприличным» занятием. Письма эти остались без ответа. Они явно раздражали Кази-муллу своей ультимативной формой. Потерпев неудачу, во многом благодаря сопротивлению газавату со стороны Джемал-Эдина, Кази-мулла обратился к Магомеду Ярагскому. Он пожаловался на своего «оппонента», обвинив его в проповедях, «отвлекающих народ от священной войны»⁹⁵. Кази-мулла сообщил также о требовании Джемал-Эдина, «стесняющего его действия запрещениями»⁹⁶. Ссылаясь на Коран, призывающий к «священной» войне с «неверными», он просил Магомета Ярагского о вмешательстве с целью убедить Джемал-Эдина в нужности газавата и заодно призвать его оставить

97.
Там же.
98.
Там же.
99.
Там же.

«свои домогательства». В тот момент, когда Кази-мулла писал Магомету Ярагскому, обстановка в «вольных» обществах была крайне напряжена. Формировавшиеся два крыла в кавказском мюридизме идеологически раскололи общинников, усугубив остроту их социальных отношений. Именно в этой обстановке пришлось Кази-мудле начинать свой газават. В обычных условиях он бы не стал обращать внимание на письма Джемал-Эдина. Однако влияние тарикатистов, и в первую очередь их главы, было столь велико, что не считаться с ним становилось невозможным. Джемал-Эдин с его всевозрастающей популярностью не просто срывал военные акции Кази-мудлы, но и подрывал самое главное — идеологическую установку на газават. Впрочем, «виновником» популярности Джемал-Эдина в значительной степени был сам Кази-мулла. Дело в том, что после объявления Кази-мудлой газавата число сторонников Джемал-Эдина выросло еще больше. Как свидетельствовал Шамиль, «слух о Джемале-Эдине и о новом учении, в начале распространявшийся весьма туго, с обращением Кази-Магомета охватил весь Дагестан почти одновременно»... и известность Джемал-Эдина «утвердилась в это время, по-видимому, в самых прочных основаниях»⁹⁷. Попытки Кази-мудлы противопоставить Джемал-Эдину насильственные средства установления шариата не только не дали желаемого результата, но, напротив, имели обратный эффект. Джемал-Эдин умело пользовался недовольством части общинников действиями Кази-мудлы. Шамиль рассказывал, что Джемал-Эдин «с одинаковым усердием» поучал мюридов, последователей шариката «и целые толпы народа, собиравшегося к нему из окрестных, а впоследствии и из отдаленных мест»⁹⁸.

«Толпы народа» собирались к Джемал-Эдину в Кумух. На площади у ханского дворца Джемал-Эдин ежедневно проповедовал новое учение перед массой слушателей, стекавшихся из «вольных» обществ горного Дагестана. Это происходило открыто, на глазах у Аслан-хана Казикумукского, состоявшего на русской службе и формально обязанного запретить проповеди человека, являвшегося его секретарем. Шамиль утверждал, что публичные проповеди Джемал-Эдина продолжались в течение восьми лет и примерно к 1827 г. «достигли апогея»⁹⁹.

Между тем Кази-мулла, несколько приостановив свои хлопоты о военном походе, ждал, когда в дела мюридизма активно вмешается Магомет Ярагский: несмотря на известность Джемал-Эдина, главным мюршидом оставался Магомет из Яраги. Как и ожидалось, Магомет Ярагский, получив письмо от Кази-мудлы, отреагировал однозначно. Пользуясь положением главного мюршида, Магомет Ярагский «приказал» Джемал-Эдину «заботиться только о себе, а

100.

Там же.

101.

Там же, с. 1498.

102.

Волконский Н.А. Указ. соч.,
т. 11, с. 113.

никак не удерживать Гази-Магомета в его намерениях»¹⁰⁰. Магомет Ярагский мотивировал свое распоряжение так: «Отшельников муршидов можно найти много; хорошие же военачальники и народные проводители (имамы) слишком редки»¹⁰¹. На вопрос Кази-муллы — «Всевышний бог велит в своей книге воевать с безбожниками и неверными, а Джемал-Эдин не позволяет мне этого. Чьи повеления исполнять мне?» — Магомет Ярагский ответил: «Повеления божии мы должны более исполнять, чем людские»¹⁰².

Чтобы полнее представить различия, приведшие к расколу в кавказском мюридизме, отдельно следует остановиться на деятельности Магомет Ярагского. Это тем более важно, что при всей поддержке, которую оказывали общинники Джемал-Эдину, все же в конечном счете характер мюридистского движения во многом зависел от главного мюршида.

После поездки к Шейх-Исмаилу Магомет Ярагский с новой энергией принялся за духовную деятельность. К этому обязывал его и новый сан, полученный от Шейх-Исмаила. Но главным побудителем все же оставался социальный мотив, с самого начала определивший его интерес к мюридизму. Он четко определил главную задачу своей проповеднической работы, решение которой должно было привести к утверждению не только исламской идеологии, но и новых социальных отношений в Дагестане. Суть этой задачи состояла в том, чтобы добиться прежде всего поддержки среди широких масс общинников, привлечь их в движение за установление шариата. Приемы, к которым прибегал Магомет Ярагский для достижения своей цели, вобщем-то были примитивны, но для той социальной и идеологической ситуации — традиционные: Магомет Ярагский убеждал своих слушателей в том, что он «богом предопределенный» «жертвенник». Как «поборник свободы и равенства», ревнитель интересов простых людей, он постоянно подчеркивал свое материальное бескорыстие, воздержанность и аскетизм. А. Прушановский отмечал, что на том этапе, когда Магомет Ярагский стремился максимально привлечь к себе внимание общинников, завоевать их поддержку, он не жалел ни своих денег, ни имущества, делал частые угощения. Эти и другие методы производили эффект. По свидетельству современников, народ толпился в доме главного мюршида, слушал его проповеди об «истинном исламе». Но особо впечатляло людей другое. Дело в том, что в Кюринском ханстве Магомет Ярагский состоял кадием, принадлежа к представителям духовной знати. За отправление обязанностей кадия он получал материальное вознаграждение. Став мюршидом, он занялся деятельностью, выходившей далеко за рамки должности кадия. При желании, Магомет Ярагский мог иметь доходы и от проповедей, которые он вел

103.

Прушановский К. Указ. соч., с. 5; ср. Гакстгаузен А. Указ. соч., с. 194—195; Лобанов-Ростовский М.Б. Указ. соч., с. 1383.

104.

Как справедливо заметил французский историк XIX в. Э. Дюлорье, мюридизм быстро завоевал большое число приверженцев именно потому, что его «республиканский дух» гармонировал с «демократическими обычаями» горцев (Dulaurier Ed. *La Russie dans le Caucase*. — RDM, 1861, t. 33, p. 300).

как мюршид. Но в данном случае задача состояла не в личном обогащении: на пути возвышения класса к своему господству главное не в обогащении отдельных его представителей, а в утверждении «высоких» социальных идей, которые были бы приняты всеми слоями общества; много позже, после прихода класса к власти, «высокие идеи» предаются забвению, а господствующая верхушка приступает к извлечению выгод из новой организации общественной жизни. Магомет Ярагский понимал, что одними проповедями завоевать расположение общинников, найти у них поддержку идей шариата и газавата очень трудно. Он догадывался, что нужны необычные формы проповеднической и социальной деятельности, способные произвести на рядовых общинников наибольший эффект. Кроме того, предстояло создать образ бескорыстного проповедника, борца за социальное равенство, поборника интересов общинников, притеснявшихся светской и духовной знатью. Именно поэтому Магомет Ярагский решился на шаг, которым он как бы порывал с положением кадия, а заодно с той знатью, от которой больше всего страдали рядовые общинники: этим он отдалялся и от хана, что также имело немаловажное значение. А. Прушановский описал, как «при большом против обыкновенного стечении народа», не без «театральности», к которой нередко прибегали представители духовной знати и видные мюриды Кавказской войны, Магомет Ярагский «покаялся» в своих «грехах»: «Я, — обратился он к собравшемуся народу, — самый грешный человек перед богом и пророком. До сих пор я не ведал, что бог нам повелел, Магомет пророчествовал. Теперь только я постиг эту высокую истину: все мои дела до сих пор лежат грехом на душе моей; мною взятый с вас зякят (десятина) муллам не следует брать, а потому я сделал большое преступление. Мое имение вам принадлежит; я сознаюсь, простите меня, а если хотите, позволяю, возьмите все мое имущество и разделите его между собою»¹⁰³. Как видно, налицо рождение социальной демагогии, типичной для идеологии классового общества, Для общинников из «вольных» обществ это было новым, неординарным явлением. Тем легче они подчинились его «универсальному» воздействию. Слушая Магомета Ярагского, общинники проникались надеждой сохранить свою социальную свободу. Знакомство с «Священным Кораном» утверждало их веру в справедливость. Принципы равенства и свободы всех мусульман, сформулированные в Коране, звучали достаточно злободневно в условиях разложения родовых связей и обострения социальных противоречий¹⁰⁴. «Покаявшись» перед кюринцами, предложив им свое имущество и освободив общинников от зякята, Магомет Ярагский «бил» по самому уязвимому месту — из-

105.
Прушановский К. Указ. соч.,
с. 5.
106.
Там же.
107.
Там же.
108.
Там же; ср. Гакстгаузен А.
Указ. соч., с. 195.

вечной наивной надежде народа на лучшую долю. Этим демагогическим приемом он не только расчищал от «завалов» пути к утверждению ислама, но и открывал для духовной знати новые возможности социального восхождения.

В тот день, когда Магомет Ярагский покался в «грехах», он изложил и свою социальную программу. «Народ, — обратился Магомет Ярагский к общинникам, — мы не магометане, не христиане, не идолопоклонники», ...«магометане не могут быть под властью неверных. Магометанин не может быть ничьим рабом или подданным и никому не должен платить подати, даже мусульманину»¹⁰⁵. Зная, сколь притязания ханов, беков и выделившейся родовой знати ущемляли социальные права свободных общинников, Магомет Ярагский подчеркивал: «кто мусульманин, тот должен быть свободный человек и между всеми мусульманами должно быть равенство»¹⁰⁶. Призыв к свободе и равенству, особенно часто звучавший при переходе от одной формации к другой, находил горячий отклик среди общинников, трудно расстававшихся с родовой демократией.

В проповедях Магомета Ярагского, объективно утверждавшего идеологию нового общества, идеи о «свободе и равенстве» составляли лишь декларативную часть. Главная же политико-идеологическая посылка, к реализации которой стремился мюршид из Яраги и его соратники, состояла в другом: «кто считает себя мусульманином, для того первое дело — газават (война против неверных) и потом исполнение шариата»¹⁰⁷. Тезис «газават — шариат» Магомет Ярагский рассматривал как двуединую практическую задачу: «для мусульманина исполнение шариата без газавата не есть спасение. Кто исполняет шариат, тот должен вооружиться во что бы то ни стало, бросить семейство, дом, землю и не щадить самой жизни. Кто последует моему совету, того бог в будущей жизни с излишком вознаградит»¹⁰⁸.

Объявление газавата неверным — а к ним отныне относились все, в том числе дагестанцы, не обращенные в ислам, — утверждение шариата, становилось теперь главной военной и идеологической доктриной кавказского мюридизма. Эта доктрина сохранила свою доминирующую роль на протяжении всей Кавказской войны. При этом необходимость газавата тем легче находила обоснование, что в Коране имелись прямые указания на вечную и непримиримую войну правоверных с неверными.

В чем же заключались социальные мотивы, во имя которых провозглашалась война за шариат?

Как уже отмечалось, к 20-м гг. XIX в. общественные отношения в «вольных» обществах продолжали регулироваться адатом — обычным правом родового общества. Длительное время, по мере того, как шел

109.
Хашаев Х.-М. Общественный
строй Дагестана..., с. 47.

110.
Прушановский К. Указ. соч.,
с. 6.

111.
Там же; ср. Гакстгаузен А.
Указ. соч., с. 195.

112.
Прушановский К. Указ. соч.,
с. 6; ср. Гакстгаузен А. Указ.
соч., с. 195.

процесс разложения патриархальных отношений и становления феодальных, адат, естественно, подвергался его воздействию, трансформируясь в сторону правовых норм классового общества. Однако вековой адат, ставший культурной традицией родового уклада горцев, обнаруживал устойчивость, консерватизм, не поспевая за происходившими социально-экономическими процессами. Он, например, не мог «доказать» законность зарождавшейся у родовой знати собственности и гарантировать ее сохранность с такой же эффективностью, шариат — основа мусульманского законовещения. Кроме того, наследуя духовную традицию родового строя, адат вовсе не обладал идеологической агрессивностью шариата: в свое время возникнув в условиях становления классового общества, шариат нацеливал всех членов общества на войну как на ремесло и тем самым раздвигал нравственные границы института насилия как важного для рождающегося феодального общества источника правотворчества.

Против адатов, «кодекса рабов», выступили прежде всего представители духовной (кадии) и родовой (организаторы набегов) знати, т. е. прослойки, из которых формировались классы феодального общества в горном Дагестане. Что касается основной массы населения — свободных общинников, то они продолжали отстаивать адаты, связывавшие их с родовым строем, доступные их правосознанию и привлекавшие своей демократичностью¹⁰⁹.

Установление свода мусульманских законов (шариат) волновало Магомета Ярагского в первую очередь. В речи, обращенной к общинникам, он заявил: «Народ! Мы отвергнуты от всех законов»¹¹⁰. Ставя во главу угла провозглашение новых законов, которые коренным образом изменили бы устои родовой организации, Магомет Ярагский от имени пророка Мухаммеда продолжал: «Тот мой мусульманин, который не жалеет ни жизни, ни имущества, ни семейства; кто исполняет волю Корана, распространяет в свете мой шариат. — Кто так будет поступать, тому обещаю, что на том свете он станет выше всех святых, до меня бывших»¹¹¹. Сознаваясь в «грехах», публично прося перед узденством прощения и объявляя свой отказ «от всего мирского», Магомет Ярагский потребовал такого же аскетизма от народа. Он брал клятву от общинников не совершать более «грехов», дни и ночи проводить в мечети, молиться богу «с усердием». «Плачьте и просите его, дабы Он вас помиловал»¹¹², — обращался мюрид к народу. Идеолог мюридизма, однако, не ограничивался общими проповедями. Магомет Ярагский, в отличие от Джемал-Эдина, являлся тем деятелем мюридизма, который соединял насаждение исламских норм социальной жизни с решением неотложных политических и практических

113.
Прушановский К. Указ. соч.,
с. 6; ср. Гакстгаузен А. Указ.
соч., с. 195; Лобанов-Ростов-
ский М.Б. Указ. соч., с. 1383—
1384.

114.
Прушановский К. Указ. соч.,
с. 6.

115.
См. Гакстгаузен А. Указ. соч.,
с. 196; Лобанов-Ростовский М.Б.
Указ. соч., с. 1385.

задач, возникших в 20-е гг. XIX в. перед «вольными» обществами. Так, призывая общинников «дни и ночи проводить в мечети», Магомет Ярагский тут же предупредил о самом главном — «...а когда нужно будет вооружиться, о том я узнаю по вдохновению от бога и тогда объявлю вам; но до тех пор плачьте и молитесь»¹¹³. К приготовлению к вооруженному выступлению сводился основной смысл его речей в Яраги, прикрытых заботами о состоянии ислама в горном Дагестане. При этом он драматизировал обстановку, театрально изображал себя жертвой всех тягот и страданий горцев. Признания последние фразы о своем покаянии и бескорыстии, Магомет Ярагский «ушел в свою комнату и с тех пор начал постоянно дни и ночи проводить в молитве»¹¹⁴. Идеологи мюридизма и Кавказской войны — в первую очередь, Магомет Ярагский — с самого начала и до конца войны осваивали новые для «вольных» обществ приемы социальной и религиозной демагогии, — простой, но достаточно эффективно действовавшей на головы неискушенных горцев, все еще сохранявших наивность и доверчивость родового уклада жизни. В то сложное, переходное время «отшельничества», отказ от всего мирского, посвящение себя вере, чаяниям народа (а в сущности социальным интересам родовой знати, прикрывавшей свое стремление к собственности и господству исламскими постулатами) создавали Магомету Ярагскому ореол мученика, а мистика, к которой он часто прибегал, окружала его личность таинством пророка¹¹⁵. Нельзя, однако, думать, что Магомет Ярагский, играя на социальных и религиозных страстях, оказывался в роли авантюриста, сбивавшего народ с исторического пути. Он был слишком органично связан с естественными формационными процессами в «вольных» обществах, что превращало его в генератор социальной идеологии эпохи классообразования. Осознавал ли мюрид свою роль? Одна из тайн общественного бытия, кажется, в том и состоит, что личность, «возглавившая» исторический процесс, наделенная всеми «дарами природы», способная ответить на «все вопросы» своей эпохи, не смогла бы объяснить — во имя кого она действует, каким общественным законам открывает путь, каковы будут последствия ее кипучей энергии? Часто, если не всегда, исторический персонаж действует неоднозначно. Объявляя высокие социальные и нравственные ценности, готовый посвятить им себя, он в сущности преследует «земные», осязаемые цели одного класса, нанося тем самым ущерб социальным интересам другого класса или другим общественным слоям. Но это не некая раздвоенность личности, а, напротив, появление той своеобразной социальной гармонии, которая парадоксальным образом складывается из противоречий сложной эпохи. Так или ина-

116.

Прушановский К. Указ. соч., с. 5; Лобанов-Ростовский М.Б. Указ. соч., с. 1384.

117.

АКАК, т. 5, с. 1497.

118.

Прушановский К. Указ. соч., с. 8; Гакстгаузен А. Указ. соч., с. 197.

119.

АКАК; т. 5, с. 1498.

че Магомет Ярагский, сам того не подозревая, подчинялся законам именно такой социально-идеологической «драматургии». В публичном выступлении, посвященном отпущению грехов и отказу от мирского, он, как бы противореча самому себе, призывал общинников к вооруженной борьбе с «неверными». Более того, высокие общественные и религиозные идеалы не помешали Магомету Ярагскому указать на конкретного противника — Россию, сковавшую своей блокадой общественно-экономическую жизнь Дагестана. В обращении к общинникам Магомет Ярагский заявил: «Будучи под властью неверных, или чьей бы ни было... все ваши намазы, все урючи, все странствования в Мекку, ваш нынешний законный брак и все ваши дети — бичь (незаконные); самые жертвы бедным, чтение Корана, памятники умершим — с прибытием русских ничего не значат»¹¹⁶.

Таким образом, не только внутренние проблемы «вольных» обществ, но и проблема «присутствия» России становилась одной из главных в зарождавшейся идеологии Кавказской войны. Однако это отнюдь не означает, что теоретики мюридизма были единодушны в вопросе о войне с Россией. Напротив, этот вопрос еще больше усугубил разногласия между двумя течениями мюридизма. Основной спор разгорелся между Кази-муллой, главой крайних шариатистов, и Джемал-Эдином, общепризнанным вождем тарикатистов. Ссылаясь на Коран, Джемал-Эдин убеждал своего оппонента в бессмысленности войны с Россией: «Коран, — писал он Кази-мулле, — воспрещает вести войну против неприятеля сильнейшего»¹¹⁷. В этот принципиальный для мюридистского движения спор вступил также главный мюршид — Магомет Ярагский. На тезис Джемал-Эдина он ответил: «Конечно, русские сильнее нас, но бог сильнее русского государя»¹¹⁸.

Поскольку в начале 20-х гг. XIX в. Магомет Ярагский, Кази-мулла и другие идеологи кавказского мюридизма выдвинули лозунг о войне с Россией, то необходимо остановиться и на таком важном аспекте проблемы, как роль России в генезисе Кавказской войны. Это тем более важно, что в существующей литературе о кавказском мюридизме вопрос сводится к простой формуле — борьба горцев против России.

Впервые проблема России, как фактора Кавказской войны, была выдвинута имамом Шамилем. Находившийся более 25 лет в эпицентре событий, призывавший к войне с Россией и полагавший, что только с нею и ведется война, Шамиль, уже после пленения, в Калуге, многое переосмыслил. Оценивая Кавказскую войну не как политик и военный стратег, а как историк, Шамиль пришел к неожиданному для себя выводу: «Зародыш священной войны бесспорно лежит в основании мусульманской религии»¹¹⁹. Этот

120.
Там же.
121.
Там же.
122.
Там же.
123.
Там же.
124.
Там же.
125.
Там же.

немаловажный тезис Шамиль рассматривал в контексте мирового исторического процесса, что никогда не приходило в голову профессиональным историкам. Так, Шамиль, превосходно знавший историю ислама, ссылаясь на войны мусульман в период «первых времен ислама до еще покорения Византийской империи»¹²⁰, т. е. когда переходное состояние арабских племен, стадияльно сходное с уровнем развития «вольных» обществ Дагестана в начале XIX в., обусловило постоянные войны с «неверными». Деля исторический экскурс, Шамиль пояснял, что позже, в ходе войн с европейцами, «ознакомившись посредством горького опыта с действием усовершенствованного оружия, мусульмане поспешили припомнить правило Корана, воспрещающее войну против неверных в том случае, если они сильнее правоверных»¹²¹. Шамиль коснулся и конкретных сторон вопроса о главной причине Кавказской войны. По его мнению, газават против России не мог возникнуть в Дагестане «вследствие одной лишь религиозной нетерпимости какого-нибудь фанатика, Гази-Магомета или кого другого»¹²². Для газавата, как утверждал Шамиль, было недостаточно и идеи борьбы за шариат. Что касается тариката, игравшего важную роль в формировании мюридизма, то, по оценке Шамиля, он только «мешал», а «не направлял» движение горцев в русло какого-либо определенного противоборства. Что же в таком случае являлось главной причиной Кавказской войны, поднявшей на борьбу как рядовых общинников, так и родоплеменную знать? С точки зрения имама — «грабительство», т. е. набеговая практика горцев, прекращение которой добивалось российское командование. К причинам Кавказской войны Шамиль относил также «деспотизм дагестанских туземных владетелей»¹²³, особенно ужесточивших свои социальные притязания в 20-е гг. XIX в.

Эти положения, высказанные Шамилем в Калуге, А. Руновский комментировал по-своему. Он представил себе дело так, будто в горном Дагестане накануне Кавказской войны российское «владычество» «не было обременительным», горцы не облагались «никакими повинностями», были «не стесняемы относительно религии», а «из обыденных сношений с русскими, извлекая значительные и постоянные средства к жизни, — никогда не чувствовали себя стесненными собственнo с нашей стороны»¹²⁴. Вывод А. Руновского: горцы «к восстанию против нас не имели ни малейшего повода»¹²⁵. Пристав Шамиля явно не располагал достаточными сведениями о положении на Северном Кавказе, а главное — он не мог постичь тот глубоко внутренний механизм Кавказской войны, о котором говорил Шамиль. Его представления о причинах Кавказской войны хотя и основывались на высказываниях Шамиля, были поняты односторонне.

126.
Там же, с. 1499.
127.
Там же.
128.
Там же.
129.
Там же.

Впрочем, полностью отрицая воздействие политики России в Дагестане на генезис Кавказской войны, А. Руновский вместе с тем указывал на серьезные промахи российской администрации в отношении горцев. В числе таких «промахов» — политика России, направленная на усиление власти и влияния местных владетелей. Тем самым, — писал А. Руновский, — русские «без всякого с нашей стороны желания» принимали «самое деятельное участие в окончательном угнетении народа»¹²⁶. По А. Руновскому, после присоединения к России в Дагестане «не была радикально изменена вредная система управления» горцами; она фактически передавалась в руки ханов, беков и других владетелей, поступивших на русскую службу. Поэтому «горцы, в начале смотревшие на русских, как на своих избавителей, впоследствии увидели себя горько обманутыми: установленные нами порядки не только не прекратили тиранию туземных владетелей, но предоставив им право управлять народами на прежних основаниях, — подкрепили это право, до этого шаткое, русскими пушками и штыками»¹²⁷. В свете этих, в целом верных, представлений о политике России А. Руновский более конкретно писал о роли Аслан-хана Казикумухского в событиях, связанных с распространением мюридизма и началом Кавказской войны. На этого хана указывал и Шамиль, говоря о непосредственных «виновниках» мюридизма и войны.

В чем же обвинялся Аслан-хан, с помощью которого А. П. Ермолов пытался остановить мюридизм? В литературе эта личность получила однозначную оценку: «умен, коварен, пронырлив; преданность к правительству более или менее подозрительна»¹²⁸. А. Руновский считал, что Аслан-хан, будучи генералом на русской службе и ханом, превосходно знал внутреннюю жизнь Дагестана, участвовал во многих военно-политических событиях Северного Кавказа. Естественно, в поле его зрения находилось и такое явление, как кавказский мюридизм. По А. Руновскому, хан «должен был хорошо знать различие между учением шариата и учением тариката»¹²⁹, — т. е. знать о двух течениях мюридизма. Пристав Шамиля был убежден, — и эту точку зрения, по-видимому, разделял и имам, — что хан боролся с тарикатистами, руководствуясь далеко идущими политическими мотивами, хотя тарикатисты в тот период не представляли угрозы; при этом перед российским командованием он делал вид «усердия» в службе. Более того, причисляя к тарикатистам не только Джемал-Эдина, но и Магомета Ярагского, А. Руновский полагал, что на путь тариката мог бы стать и Кази-мулла, если бы не «провоцирующие» действия Аслан-хана. По мнению А. Руновского, хан как будто намеренно толкал дагестанских мюршидов в русло шариатист-

130.

Там же.

131.

Там же.

132.

Там же.

133.

Как верно заметил английский историк Л.Блэнч, большинство горцев стихийно чувствовало, что шарикатизм необходимо изменить, приведя его в соответствие с воинствующими догмами Корана, предрекавшими неверным скорый приговор. По его мнению, даже без увещеваний Кази-муллы дело шло к войне (Blanch L. Op. cit., p. 59).

134.

Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. — Собр. соч., т. 1, ч. 1, СПб, 1889, с. 17.

135.

Там же.

136.

Фадеев Р.А. Указ. соч., с. 19; ср. Baumgarten G. Op. cit., S. 23.

ского движения, поощрял газават. В подтверждение этого он указывал на имевший место факт двукости Аслан-хана: создав «мусульманских ученых», оскорбив Магомета Ярагского и устроив гонения на тарикатистов, он, в то же время, доносил А. П. Ермолову «о безвредности нового учения»¹³⁰. А. Руновский допускал, что, не будь на этом этапе подобных действий со стороны ряда владельцев, можно было бы приостановить развитие шарикатистского движения и возникновение газавата. Для этой же цели следовало разрешить проповеди тарикатистов, пресечь набег и, наконец, при «первом известии о замыслах» Кази-муллы «захватить его как обыкновенного атамана разбойничьей шайки»¹³¹; последнее обеспечивалось бы «тем фактом, что Газзи-Магомет (Кази-мулла — ред.), при начале военных действий, встретил на первых порах сильное противодействие со стороны своих же соотечественников, которым вовсе не нравились его воинственные стремления»¹³². Возможно, А. Руновский, долгое время пребывавший в тесном контакте с Шамилем, великолепно знавшим историю Кавказской войны, был прав насчет отсутствия в тот момент фатальной неизбежности войны. Однако в целом в условиях бурных переходных процессов в «вольных» обществах у кавказского мюридизма вряд ли имелась иная, кроме войны, альтернатива. Тот же тарикатизм, свободное развитие которого А. Руновский вполне допускал как одно из средств предотвращения газавата, в дальнейшем закономерно должен был породить те «агрессивные» политико-идеологические формулы, к которым тяготел Кази-мулла¹³³. Не случайно Джемал-Эдин, ярый сторонник тарикатизма, считал главным условием познания высших истин ислама принятие шариата, неизбежно ведущего к объявлению газавата.

Зависимость идеологии мюридизма от социальных условий превосходно заметил один из историков Кавказской войны Р. А. Фадеев. Рассматривая «вольные» общества Дагестана как объединения исключительно с целью войны и военной добычи («не было в виду добычи, не было и союза»¹³⁴), он считал, что в самом начале XIX в. «мусульманского фанатизма у горцев еще не существовало, как не существовало и самой религии, кроме названия»¹³⁵. Вместе с тем Р. А. Фадеев обратил внимание на различия в степени исламизации между отдельными районами Дагестана: в приморском Дагестане, с его давно сложившимся феодализмом, исламская религиозно-культурная традиция была относительно устойчивой; в горных районах — там, где классовое образование началось позднее, — ислам не успел пустить своих корней благодаря еще довольно сильному влиянию христианской Грузии¹³⁶. В начавшейся в 20-е гг. XIX в. исламизации «вольных» обществ Р. А. Фадеев видел прежде

137.

Фадеев Р.А. Указ. соч., с. 19—20; ср. Baumgarten G. Op. cit., S. 23.

138.

Окольничий Н.А. Перечень последних военных событий в Дагестане. — ВС, 1859, т. 5, с. 343.

139.

Лобанов-Ростовский М.Б. Указ. соч., с. 1394—1395. Одно из «явных доказательств» в пользу своей идеи автор усматривал в том обстоятельстве, что следы Гаджи-Исмаила таинственно исчезают в истории (там же, с. 1393). Внешнее происхождение Кавказской войны решительно отрицал французский консул в Тифлисе (40 гг. XIX в.) виконт Г. Костильон в письмах к министру иностранных дел Франции Ф. Гизо. «Персидское влияние, — писал он, — ...плохо объяснило бы формы, которые не замедлил принять мюридизм». Это представление о происхождении Кавказской войны было столь же верно, сколь его собственное толкование мюридизма как «демократического фанатизма», возникшего в «борьбе за независимость», далеко от реальности (письма виконта Г. Костильона к Гизо (24 апреля 1844 г. — 4 марта 1846 г.) — И.М., 1936, кн. 5, с. 118).

140.

Верно заметив общую эволюцию мюридизма — от религиозной доктрины к политической, — зарубежные историки, вместе с тем, односторонне толкуют «политизацию войны», видя в ней лишь антирусскую и антифеодальную подоплеку (Baddeley J. F. Op. cit., p. 234, 237—239, 242—245. Schiemann Th. Op. cit., Bd. 3, S. 304).

всего социальное движение в религиозной форме. «Шариат, — писал он, — проповедывал им (горцам — *ред.*) личную месть дома, войну за веру на свет, имевшее бесчисленные материальные последствия, не имело никакого влияния на духовную сторону человека»¹³⁷.

О социальной обусловленности кавказского мюридизма, объективной закономерности появления его как специфической формы идеологии в эпоху переходной экономики писали и другие дореволюционные авторы. Н. А. Окольничий, например, не раз подчеркивал, что «кавказских горцев нельзя считать мюридами иначе, как в значении политическом. Религия сыграла здесь роль завесы, и только под ее прикрытием оказалось возможным увлечь целое население и совершить переворот»¹³⁸. Впрочем, в русской историографии XIX в. есть другая точка зрения. Так, по мнению М. Б. Лобанова-Ростовского, в основе возникновения мюридизма и Кавказской войны лежала внешняя причина в лице Гаджи-Исмаила — «агента» иранского шаха, засланного на Кавказ, чтобы поднять «народное восстание» против России, «кинуть семена учения», которое являлось «самым опасным и самым сильным препятствием» для нее¹³⁹.

Но вернемся к политике России, бесспорно сыгравшей определенную роль в формировании идеологии Кавказской войны. Мы уже отмечали характер этой политики в отношении дагестанских ханов, беков, уцмий и др. — старой феодальной знати, которая при поддержке российского командования усилила свои притязания на землю и на свободных общинников. Однако было бы упрощением считать, что в «вольных» обществах из-за российской политики столкнулись только феодальные и антифеодальные силы; тезис об антифеодальном характере Кавказской войны в литературе достаточно известен¹⁴⁰. Политика российской администрации, несомненно, обострила противоречия между общинниками и властителями, но не в такой степени, чтобы вызвать столь масштабное движение, как Кавказская война. Основная масса общинников находилась в составе «вольных» обществ, сохранявших свою автономию от феодальных владений; ханы, уцмий и беки еще не успели установить над ними свое господство. В противоборство же вступили «старая» феодальная знать, представлявшая свои права на земли и общинников, покушавшаяся на независимость «вольных» обществ, и формировавшаяся в этих обществах «молодая» феодализирующаяся знать. Столкновение этих двух группировок, пожалуй, представляло собой самое острое социальное противоречие, определившее характер дальнейшего развития общественных отношений, идеологии и собственно Кавказской войны. Не

141.
АКАК, т. 5, с. 1502.

142.
Там же, с. 1503.

случайно одной из главных задач мюридизма Шамиль считал ликвидацию «старой» феодальной знати и создание новой. В беседе с А. Руновским имам резко отрицательно отзывался о представителях старой знати, называл их «невежественными», подчеркивал «глубокую их испорченность» и необузданность страстей. Ставя проблему ликвидации старой знати, Шамиль ссылаясь на исторический пример — опыт турецкого султана, в свое время уничтожившего власть ханов: по мнению Шамиля, султан легко мог решить проблему, поскольку он являлся «главой мусульман»¹⁴¹. Уже будучи в Калуге, Шамиль рекомендовал российскому правительству уничтожить в Дагестане ханскую власть, что нетрудно было бы сделать по праву победителя. Сравнивая политику России в Дагестане с собственной, имам считал, что, «если затем действительная служба беков будет подлежать строгому разбору, то испорченность и неспособность их обнаружится сама собою, и тогда естественным образом они должны будут уступить свое место достойнейшим. Образуется другое свежее сословие, которому не трудно будет дать направление, сообразное с предначертаниями правительства»¹⁴². Выращивание «свежего сословия», о котором Шамиль продолжал думать и в Калуге, составляло одну из стержневых проблем Кавказской войны. В этом отношении войну следует рассматривать как продолжение борьбы, начавшейся в свое время между «старой» феодальной знатью и формировавшейся внутри «вольных» обществ старшинско-клерикальной прослойкой. Что касается мюридизма, как идеологии Кавказской войны, то и он, естественно, выражал прежде всего интересы этой стремившейся к господству прослойки.

В столкновении двух группировок социальной знати («старой и растущей») общинники, понятно, не являлись нейтральной массой. Поскольку верхняя родоплеменная прослойка формально выступала с идеей борьбы за свободу общинников против ханско-бекского засилья, то они охотно шли за этой прослойкой. Несколько сложнее обстояло с восприятием мюридистской идеологии, но и здесь общинники, недовольные политикой России, запрещавшей набеги и вводившей торгово-ограничительные меры, со временем стали массами переходить на сторону шариа-тистов. Лозунги о «равенстве», «свободе», «войне с неверными», провозглашенные первыми мюршидами, были обращены прежде всего к общинникам, без поддержки которых не мыслилось сколько-нибудь серьезное движение. Между тем в войне «за интересы народа» во главу угла в первую очередь ставились интересы родоплеменной знати. Именно в ходе Кавказской войны складывался доминирующий статус этой знати, выступившей в роли организатора воен-

143.
Волконский Н.А. Указ. соч.,
с. 39.

144.
Там же.

но-политических кампаний, регулятора общественной жизни «вольных» обществ. До конца не осознавая своей миссии, феодализовавшаяся прослойка, однако, безошибочно увидела в войне возможность для социального возвышения. Так горному Дагестану предстояло повторить классический путь исторического развития мусульманского Востока, народы которого, выработав при переходе к феодализму новую идеологию, вступали в новую формацию через завоевания и насильственное утверждение ислама.

Идеология мюридизма в Чечне развивалась несколько иным, чем в горном Дагестане, путем. Она не была так отягощена социальной демагогией, как в «вольных» обществах, принимала наивно-религиозные, мистические формы.

В 80-е гг. XVIII в., т. е. намного раньше, чем «вольные» общества, Чечня уже знала начальную стадию идеологии мюридизма. Последняя возникла на равнине, в феодализовавшихся тайпах. В те времена мюридизм возглавлял шейх Мансур, успевший лишь «освятить» введением шариата набеговую практику и военную добычу как неотъемлемую собственность участника набеге. Движение Шейха Мансура, однако, потерпело жестокое поражение от российского командования, рассматривавшего его как союзника Турции. Позже в Чечне не наблюдалось более проявлений мюридистских идей, напротив, происходило заметное ослабление интереса к исламу. Н. А. Волконский объяснял это «щедрой природой» чеченской равнины, будто бы положившей «начало народному безделью и лени»¹⁴³. Он также считал, что чеченцы «были беспечны в жизни и равнодушны к религии и вследствие этого скоро позабыли ее настолько, что к описываемому времени имели о ней слабые и сбивчивые понятия»¹⁴⁴. Явно преувеличивая зависимость религиозно-идеологических процессов от природных условий, автор, вместе с тем, прав в констатации самого факта ослабления у чеченцев ислама. Отсутствие источников лишает исследователя возможности дать исчерпывающий ответ на вопрос — почему мюридизм, так рано появившийся в Чечне, угас в последующем. Но основываясь на данных, касающихся движения Шейха Мансура, и учитывая особенности повторного развития мюридизма в Чечне, можно принять во внимание два обстоятельства, частично объясняющих непростой вопрос генезиса идеологии мюридизма. Речь идет прежде всего об устойчивых традициях язычества, остававшихся вплоть до XIX в. основной формой религиозного верования: влияние христианства со стороны Грузии (позже и России!), а также ислама, проникшего в Чечню довольно поздно (XVIII в.), носило поверхностный характер и не привело к существенным переменам в сфере духов-

ной культуры чеченцев. Что касается исламского движения — мюридизма, возглавленного Шейхом Мансуром, то причина его возникновения была «слишком» связана с набеговой системой, от которой столь же непосредственно зависели его подъемы и спады. Второе обстоятельство, бесспорно, имевшее значение в религиозно-идеологических процессах, — поражение (военно-политическое!), которое вместе с Шейхом Мансуром потерпело движение мюридизма в Чечне в 1787—1791 гг. В те годы набеги под флагом мюридизма показали малую «экономическую» эффективность крупных ополчений, с которыми воевал Шейх Мансур. Позже чеченцы предпочитали совершать набеги малыми партиями, стремились одновременно поддерживать тесные торговые и другие контакты с российской администрацией и сопредельными народами. По мнению Н. А. Волконского, в Чечне «благоразумная часть населения и избегала, и отказывалась воевать» с Россией, «сберегая свои семейства и свое достояние»¹⁴⁵. Несомненно, сказалось и другое: общественный процесс, порождавший в горном Дагестане мюридизм, несколько отставал в Чечне, еще не дозревшей внутренне для полнокровной идеологии мюридизма. Это отнюдь не означает, что накануне Кавказской войны в Чечне не было предпосылок к распространению мюридизма. Напротив, по сравнению с «вольными» обществами у Чечни имелось свое «преимущество», предопределявшее ее участие в Кавказской войне и в мюридистском движении. Речь идет о состоянии набеговой практики. В отличие от Дагестана, где установление военно-экономической блокады А. П. Ермолова привело к фактическому прекращению набегов, Чечня, после небольшой передышки, наступившей с подавлением движения Шейха Мансура, продолжала «буйствовать». «Буйство» являлось своего рода барометром высокой социальной потенции чеченских тайпов, оказавшихся на плодородных равнинах Северного Кавказа. Таким образом, создалось положение, внешне несколько парадоксальное: с одной стороны, высокая военно-политическая мобильность, порожденная социальной энергией тайпов, с другой — отставание в процессах, формировавших идеологию мюридизма. Отсюда, как следствие этого парадокса, не столь глубокий характер мюридизма в Чечне, присутствие заметного элемента влияния дагестанского мюридизма и, наконец, тот неслучайный термин, появившийся еще в дореволюционной литературе, — «ложный мюридизм», «ложный тарикатизм».

В начале 20-х гг. XIX в. Чечня оказалась в сложной обстановке. Не спадавшие волны набегов как бы заставляли командование А. П. Ермолова обеспечить здесь особые темпы организации военно-экономической блокады. Чеченское население продолжали тес-

146.

Там же.

147.

Утверждение русского владычества на Кавказе. т. 3, ч. 1. Тифлис, 1904, с. 299.

нить к предгорью и в горные районы, для этого вырубались леса и прокладывались дороги. Общую идею блокады Большого Кавказа А. П. Ермолов, применительно к Чечне, дополнил другой задачей — переселить население этого края подальше от российских границ, «а следовательно, и от всякого соблазна, который им (чеченцам — *ред.*) предшествовало близкое соседство с нами населенными пунктами»¹⁴⁶. Во исполнение этой установки предполагалось не только строительство дорог и просек в лесах Чечни, но и организация военно-карательных экспедиций, теснивших чеченцев на юг. Такие экспедиции в Чечню предпринимались довольно часто. Поводом для них, как правило, являлись все те же набеги. Различаясь «строгостью» карательных мер, экспедиции имели общую задачу, свой, уже привычный «почерк». Однако в 1822 г. в Чечне была предпринята акция, выходящая за пределы обычных военно-административных мер: отряд генерала Грекова уничтожил крупное поселение Шали и устроил экзекуцию в землях качкалыков. Упомянутое предприятие осуществлялось не так, как обычно, а по жестоким законам войны с противником. Оно имело в Чечне широкий резонанс. Но главное заключалось даже не в этом: экспедиция Грекова фактически послужила тем завершающим звеном, которого недоставало в процессе консолидации чеченского общества перед лицом военно-экономической блокады. Итогом этой консолидации явилось движение Бейбулата Таймазова (20-е гг. XIX в.), направленное против блокады А. П. Ермолова на дальнейшее развитие набеговой системы.

В истории возникновения Кавказской войны, формирования и распространения в Чечне идеологии мюридизма это движение занимает особое место. Обычно, когда пишут о Бейбулате Таймазове и причинах его выступления, ссылаются на один и тот же эпизод — его личный конфликт с Грековым, будто бы послуживший началом «восстания». Подобное представление о характере движения и социально-политическом облике его руководителя не может быть признано полным и верным.

Личность Бейбулата Таймазова, уроженца Гельдигена, незаурядна. Она была хорошо известна как в Чечне, так и в русских военных кругах на Кавказе. Бейбулат — типичный военачальник, «баяччи», которого имел, пожалуй, каждый чеченский тайп или тухум. Популярность в Чечне он приобрел «удалью, бесстрашием и джигитством» в военных набегах. Бейбулат Таймазов принадлежал к той родовой знати, которая в первой трети XIX в. явно шла по пути социального возвышения. На родине, в Гельдигене, он владел «хуторами, нажитыми долговременным разбойным промыслом около русских станиц»¹⁴⁷.

148.

Илли. — Героико-эпические песни чеченцев и ингушей. Грозный, 1979.

149.

Там же, с. 32.

150.

Утверждение русского владычества..., с. 399.

151.

Там же.

Русские власти знали Бейбулата, прежде всего, как одного из наиболее крупных в Чечне организаторов набегов на российскую пограничную линию и в сопредельные территории Центрального Кавказа. В «Илли» — героико-эпическом памятнике чеченцев — Бейбулат — борец против попыток кабардинских и дагестанских верхов установить свое феодальное влияние в Чечне, герой, совершавший удачные набеги на владения своих врагов¹⁴⁸; в одном месте из «Илли», например, обращаясь к воинам, Бейбулат Таймазов говорил: «Клятву я дал, что у этого князя для бедняков я табун уведу. Если хотите, я вас поведу, а не хотите — один я пойду»¹⁴⁹. Социальный облик, как, впрочем, и политические действия Бейбулата, отличались неоднозначностью и непредсказуемостью. Пожалуй, два обстоятельства вызвали то политическое смятение, в котором постоянно пребывала эта личность. Во-первых, Бейбулат, уже знавший цену собственности, вместе с тем не успел еще оторваться от тайповых уз, «военно-демократического» чеченского общества, и, олицетворяя его, не переступил ту социальную грань, которая отделяла его от системы господства и подчинения. Поэтому в характере и поступках Бейбулата, пронизанных естественными для его положения амбициями, сохраняются живые черты народности. Подобная привязанность к тайповому укладу не могла не удерживать эту личность в сфере той стихии, которая, собственно, и сформировала ее. Во-вторых, военно-политическая и идеологическая деятельность Бейбулата Таймазова в значительной мере определялась его неровными отношениями с российским командованием.

Поначалу российское командование, знавшее Бейбулата Таймазова как видного организатора набегов, «обходило с ним почтительно, стараясь подарками удерживать его от открытых разбоев»¹⁵⁰. Противник подобных мер усмирения горцев, даже А. П. Ермолов, в виде исключения, «обласкал» и «одарил» Бейбулата. Зачислив его на русскую службу и представив его к офицерскому званию поручика, главнокомандующий в свою очередь взял с него «честное слово» о прекращении набегов¹⁵¹. «К званию» Бейбулат получил также должность начальника военной линии. Именно эта ситуация, когда Бейбулат совмещал положение известного «баяччи» с официальной должностью «русского начальника», постоянно ставила перед ним вопрос о выборе двух, по существу, взаимоисключающих социально-политических перспектив — продвижение на русской военно-административной службе или же дальнейшее развитие «карьер» «баяччи», где он особенно преуспел. Столь неординарное положение не давало Бейбулату покоя, обуславливая крайнюю неустойчивость его социальных и политических целей. В контексте этих резких

152.

Волконский Н.А. Указ. соч., с. 44.

153.

Там же.

154.

См., например: Утверждение русского владычества..., с. 300.

155.

АКАК, т. 6, ч. 1, с. 485.

колебаний следует рассматривать и конфликт с генералом Грековым, о котором так широко писали дореволюционные авторы.

Организуя военно-экономическую блокаду в Чечне, Греков строил свою деятельность в духе жестких установок А. П. Ермолова. Как и главнокомандующий, он не скрывал своего высокомерного отношения к местным народам, пользовался оскорбительными прозвищами — «мошенники», «разбойники», — введенными в оборот с «легкой» руки А. П. Ермолова. Во время одной из встреч между Грековым и «баяччи» Бейбулатом в начале 20-х гг. XIX в. чеченский военачальник считал, что задеты его честь и достоинство, поскольку генерал, не протянув даже руки, принял его «сурово, презрительно и оскорбительно»¹⁵². По свидетельству Н. А. Волконского, Бейбулат, вскипев, «тут же дал клятву отомстить за причиненную обиду»¹⁵³. С этого эпизода Н. А. Волконский и другие авторы¹⁵⁴ обычно начинали историю движения под руководством Бейбулата. Такой подход заведомо ошибочен. Приведенный инцидент в сущности ничего не менял в общих позициях его участников. Дело в том, что еще задолго до встречи с Грековым Бейбулат не покидала та раздвоенность, которая изначально обозначилась в его действиях. Оставаясь поручиком русской армии и начальником военной линии, он, как и прежде, продолжал совершать набеги небольшими отрядами, захватывать добычу в разных районах Северного Кавказа, в том числе на русской пограничной линии. В 1818 г. в донесении Александру I А. П. Ермолов сообщал: «Теперь главнейший разбойник чеченский и наиболее вреда нам наносящий есть известный Бейбулат, имеющий чин поручика»¹⁵⁵. Ссора с Грековым, должно быть, послужила для Бейбулата лишь поводом к решению (далеко не окончательному!) вопроса о том, какой социальной перспективе отдать предпочтение. В обстановке, когда вокруг Чечни все туже стягивалась петля военно-экономической блокады и ее население явно выражало готовность к борьбе против этого, в Бейбулате Таймазове взяло верх честолюбивое желание стать главным «баяччи» Чечни: социальное и духовное «притяжение» законов тайповой жизни перевесило все остальное.

В донесениях российского командования имя Бейбулата особенно часто появляется с 1822 г. С этого времени в его деятельности наблюдаются существенные перемены. Раньше, возглавляя набеги, он заботился главным образом о военной добыче. Когда же Бейбулат стал иметь дело с военно-экономической блокадой, ему, как и другим военачальникам чеченских тайпов, пришлось решать также вопросы о новых формах организации набега и борьбы с российской политикой. В этой связи перед «баяччи» воз-

156.

Утверждение русского владычества..., с. 304.

157.

Волконский Н. А. Указ. соч., с. 45.

никали политические и идеологические задачи, о которых они раньше не знали. В конце 1822 г. Бейбулат фактически начал своеобразную реорганизацию набеговой системы, приспособлявая ее к изменившейся обстановке. В частности, вместо ранее преобладавших небольших отрядов стали создаваться крупные ополчения, способные не только захватывать военную добычу, но и решать политические задачи. Изменились также направление и тактика набегов: если раньше все зависело только от ожидаемого материального результата и поэтому вылазки могли предприниматься в любой район Центрального Кавказа, то теперь главным объектом нашествий «баяччи» стала русская пограничная линия. Нападения на нее совершались даже тогда, когда отряд «баяччи» не предполагал захвата военной добычи, а преследовал политическую цель — противостояние ермоловской блокаде. Именно в этот период перестройки набеговой системы Бейбулат Таймазов столкнулся с еще более сложными вопросами — идеологическими. Главный довод для обоснования обычного набега прост — вознаграждение за счет добычи; рейды же на русскую границу и рискованные вооруженные столкновения с регулярными войсками, чаще всего не сулившие «экономической» выгоды, требовали иного идеологического «оснащения». Первым, кто стал рядом с Бейбулатом и занялся идеологизацией новой формы социально-политического движения, был Абдул-Кадыр, кадий из Гременчука. В самом начале он выступил в роли проповедника ислама. Затем Абдул-Кадыр примкнул к Бейбулату, больше обращая внимание на «вероисповедание» его воинов. «Человек замечательный по уму, богатству и ненависти к русским»¹⁵⁶, — по оценке генерала Грекова, — он вместе с Бейбулатом призывал чеченцев к всеобщему вооруженному выступлению против российских военных властей. Однако было ясно: одни призывы к борьбе без «освящения» самой борьбы не могут иметь успеха, тем более что не все чеченские поселения откликнулись на приглашение к войне с русскими.

К исходу 1822 г. движение Бейбулата стало набирать силу за счет примкнувших к нему поселений Мисир-Юрт, Джалка, Кавсура, Малая Атага и др. Изменив присяге российским властям, они «явно вышли из повиновения»¹⁵⁷. Бейбулата поддерживали также Шали и Хан-Кале, всегда готовые оказать содействие формируемому ополчению. Военные приготовления с целью подавления движения Бейбулата предпринимались Грековым и владикавказским комендантом Скворцовым, обеспокоенными ростом антироссийских сил. Когда восставшие поняли, что против них выставят регулярные войска, они решили обсудить вопрос о «разумности» вооружен-

158.

Там же, с. 46.

159.

Утверждение русского владычества..., с. 307.

160.

Волконский Н.А. Указ. соч., с. 44.

161.

Там же.

162.

Там же, с. 46.

ного столкновения с российским командованием, для чего было создано, по словам Н. А. Волконского, «большое сборище»¹⁵⁸. Этот вопрос возник по двум обстоятельствам: накануне участников восстания постиг ряд неудач (впрочем, с начала движения Бейбулата, пожалуй, единственным успехом был вывод из Старого Юрта 194 семейств со всем скотом и имуществом в относительно безопасный район¹⁵⁹). Эти поражения породили различные настроения, в том числе и в пользу прекращения дальнейшей борьбы. Второе обстоятельство было связано с отсутствием у участников движения цельной и привлекательной идеологической ориентации, способной консолидировать силы. Сказывалось также отсутствие Абдул-Кадыра, оказывавшего сильное влияние на участников движения, но погибшего от ран после одного из боев.

Обсуждение вопроса о том, «как быть дальше», идти ли против российских войск или сложить оружие, оборачивалось против Бейбулата, настаивавшего на продолжении борьбы. Подобные ситуации выбора раньше возникали лишь в исключительных случаях. Исход их полностью зависел от самого Бейбулата, имевшего «решающий голос на общественных сходках» и слывшего «поборником народных интересов»¹⁶⁰. По Н. А. Волконскому, в этот раз все складывалось напряженно и непривычно. Большинство участников обсуждения, вопреки воле предводителя, склонилось к мирному решению¹⁶¹. От Бейбулата и его окружения потребовалось немало усилий, чтобы убедить собрание в необходимости продолжения борьбы. Последовавшие за этим события, однако, подтвердили правоту большинства. У Бейбулата одна неудача следовала за другой. Безуспешны были вылазки в январе 1823 г. в расположение казачьих станиц и русских гарнизонов. В феврале этого же года отряду генерала Грекова удалось проникнуть в район дислокации сил Бейбулата. Это особенно подорвало движение, которое в последнее время поддерживалось главным образом личным авторитетом незаурядного «баяччи». После февраля 1823 г. чеченские старшины отошли от Бейбулата, отказавшись от дальнейшей борьбы. Они изъявили покорность российским властям и выдали аманатов. Вскоре еще одна часть отряда Бейбулата «смирилась» и пообещала «жить тихо»¹⁶². Бейбулата продолжали поддерживать лишь три ичкерийские деревни и геханцы. Этим сил было явно недостаточно.

В условиях фактического поражения, поражения не столько от российского командования, сколько от «внутренних сил», проявивших непоследовательность и неустойчивость, Бейбулат, по-видимому, особенно остро ощутил отсутствие тех идеологических начал, которые вносил в его движение Абдул-Кадыр (в на-

163.

Там же.

164.

Утверждение русского владычества..., с. 315.

чале движения, когда рядом находился «идеолог» Абдул-Кадыр, Бейбулат имел немалые успехи, совершая значительные вооруженные вылазки).

Неудачи чеченского «баяччи» вынудили его в начале 1823 г. отправиться в горный Дагестан, куда он прибыл в момент, когда идеология мюридизма получила в «вольных» обществах широкое распространение. Бейбулат надеялся на вооруженную помощь дагестанцев в борьбе против военно-экономической блокады. Однако его надежды не оправдались. Горный Дагестан еще не был вовлечен в вооруженную борьбу, и вопрос о военной помощи Бейбулат ставил преждевременно. Но поездка Бейбулата имела важный результат: в Дагестане окончательно были рассеяны сомнения относительно причин его последних неудач — отсутствие у воинов общей идеи, которая бы «тотализировала» войну с Россией. Бейбулат возвращался в Чечню в полной уверенности, что будущее ополчение начнет вооруженные акции не раньше, чем постигнет идеи мюридизма, с которыми самого Бейбулата познакомил Магомет Ярагский. Для Бейбулата теперь мюридизм был «именно то, что ему не доставало»¹⁶³. Не случайно из горного Дагестана за Бейбулатом в Чечню последовал мулла Магомет, малоизвестный дагестанский проповедник, но вполне пригодный для начального исламского просвещения чеченских «баяччи». Приглашение Бейбулатом муллы Магомета — первый серьезный шаг в деле идеологического «вооружения» тайпов.

Проповедуя в Чечне, мулла Магомет пользовался довольно примитивным набором религиозных средств, что объяснялось не только заурядностью самого проповедника, но и отсутствием в Чечне исламских традиций и «кадров», подготовленных к восприятию и распространению идей мюридизма. В Чечне «не было ни красноречивых проповедников, ни ученых мулл, ни даже солидной пропаганды, способной переродить человека под влиянием мистического тариката»¹⁶⁴, — отмечал исследователь в начале XX в. Тем не менее деятельность муллы Магомета, обосновавшегося в Майортупе, была небезуспешна. Весьма равнодушное к «высоким истинам» тариката население сравнительно легко отзывалось на прагматические установления Корана, в первую очередь на идею войны с «неверными», законности военной добычи, провозглашавшейся неотъемлемой собственностью участников набегов, и др. Усваивалась, хотя и неглубоко, исламская обрядовая атрибутика. Сложность заключалась в другом — чеченцы продолжали с недоверием относиться к шариату, отвергавшему адатное право. Находясь еще под влиянием языческих, отчасти христианских традиций, чеченцы нелегко поддавались исламской мистике, составлявшей важную сторону идеологического воздействия. В целом Чечня, в отли-

165.

Там же, с. 316.

166.

Там же.

167.

Волконский Н.А. Указ. соч.,
с. 48.

168.

Там же, с. 50.

чие от «вольных» обществ, обнаруживала не только отсутствие сложившихся исламских традиций, но и недостаточную, так сказать, общую религиозность и способность соотносить ее с насущными общественными заботами. Сказывалось также крайне слабое представительство клерикальной прослойки, которая в Дагестане явилась основной социальной базой мюридизма. Не случайно инициатором мюридизма в Чечне явился столь светский военачальник, Бейбулат. Придавая огромное значение исламской идеологии, он до конца оставался деятелем светским, не надея себя правами и обязанностями духовного руководителя.

В первое время популярность муллы Магомета Бейбулату казалась недостаточной. Добиваясь более значительного эффекта, он объявил, что в Маюртупе поселился не просто мулла, а сам пророк, чтобы сообщить «людям волю аллаха»¹⁶⁵. Заявление именитого военачальника не замедлило сказаться: в Маюртуп началось массовое паломничество. Пользуясь этим, мулла Магомет не только знакомил прихожан с сурами Корана, но и непременно сообщал, что, согласно священной книге, «настало время, когда пророк имам Харис должен явиться для освобождения страны от неверных»¹⁶⁶. Мулла пояснял, что имам Харис — тот, кому предстоит «отвоевать у русских все страны, принадлежавшие некогда мусульманам, и сбросить ненавистное иго гяуров; что правоверные должны молиться, ожидать этого пророка с минуты на минуту и затем восстать по первому его зову»¹⁶⁷. По мере того, как мулла убеждался в религиозной неосведомленности своих слушателей, он, по-видимому, меньше задумывался над средствами воздействия на них. Дело дошло до того, что, развезжая по Чечне, мулла Магомет стал говорить о пророке, как о реальном человеке, появление которого ожидалось в связи с предстоящей войной с Россией. Фантастическим предсказаниям муллы могли бы не поверить, если бы рядом с ним постоянно не находился Бейбулат, имевший немалое влияние на чеченцев. Тогда ободренный мулла Магомет перешел к более конкретным заявлениям. На одном из многочисленных собраний он объявил, что «бог, наконец, ниспослал на землю пророка и призывает правоверных к войне за независимость»¹⁶⁸. Так впервые прозвучал лозунг всеобщего газавата. Но не столь религиозные чеченцы потребовали, чтобы мулла Магомет подтвердил свое заявление «представлением» пророка, с которым они «пожелали видеться воочию». Мулла Магомет впал в замешательство. Выручил его все тот же Бейбулат. Он отправился в Гременчук и привез оттуда некоего Авко. Заранее припрятав своего «пленника» у муллы в Маюртупе, Бейбулат во время очередной проповеди неожиданно для «пра-

169.

Там же, с. 51.

170.

Утверждение русского владычества..., с. 316; авторы настоящих очерков в качестве пророка, привезенного в Мюртуп, также называют жителя Гременчук, но с другим именем — «Яух-юродиевый».

171.

Там же, с. 317.

172.

Там же, с. 318.

воверных» вывел к ним Авко, представив его как пророка. Присутствовавшие на проповеди, однако, остались в недоумении, поскольку в пророке они опознали юродивого Авко, жителя Гременчука. Мулла объяснил: «Бог обыкновенно осеняет вдохновением убогих и сирых, вразумляет и делает своими избранными людей гонимых... и что в данном случае он излил свои милости на предстоящего здесь Авко»¹⁶⁹. Муллу Магомета поддержал один из воинов, мичиковец, подтвердивший «чудеса» новоявленного пророка¹⁷⁰, что сыграло свою роль в непростой ситуации. Тем не менее многие из присутствовавших на «представлении» пророка отвернулись от муллы Магомета.

Пожалуй, нет необходимости описывать подобные ухищрения, не раз применявшиеся с большим или меньшим успехом. Укажем лишь, что со временем, несмотря на явные «срывы», идеологи мюридизма, поборники распространения ислама все же находили политический отклик среди населения.

Осведомленное о религиозном движении в Чечне, российское командование, однако, не придавало особого значения «ложному тарикатизму» Магомета Маюртупского. Оно не видело предвещаемую мюридизмом опасность. Узнав о появлении в Маюртупе муллы, генерал Греков уверенно докладывал: «Я не ожидаю, чтобы явление сие имело важные последствия, ибо оно вымышлено слишком глупо»¹⁷¹. По-другому оценил происходившее в Чечне А. П. Ермолов. Как только ему стало известно о распространении ислама и слухах о появлении пророка, он, бросив дела в Кабарде, прибыл в крепость Грозную. Отсюда А. П. Ермолов обратился к чеченцам с прокламацией, призывавшей «не верить пустым и нелепым слухам»¹⁷². Как ни трудно развивалось дело ислама, идея непримиримой войны с «неверными», с которой выступили «ложные тарикатисты» в Чечне, все же пробивала себе дорогу. Этому не в малой степени способствовало безвыходное положение, создавшееся для чеченцев в связи с военно-экономической блокадой. Отрезанные от внешнего мира, они предпринимали огромные усилия, чтобы вернуть свою страну в «доермоловское» состояние. Подавленное в 1822 г. движение вновь набирало силу. В 1824—1825 гг. российское командование на Центральном Кавказе было занято, главным образом, усмирением чеченцев. Тем не менее движение Бейбулата развивалось достаточно успешно. По сравнению с 1822 г. оно обнаруживало большую организованность, мобильность и располагало внушительной силой: в его рядах насчитывалось более тысячи участников. Свою роль в этом сыграли идеи мюридизма. В связи с успехами Бейбулата российское командование опасалось, что движение выйдет за пределы Чечни. Учитывая эту перспективу, генерал Греков по предписанию главно-

173.
Волконский Н.А. Указ. соч.,
с. 70.
174.
Там же.
175.
Там же, с. 72.
176.
Там же.
177.
Там же.

командующего стал привлекать к борьбе против Бейбулата соседние народы. В частности, был создан вооруженный отряд ингушей, принявший участие в ряде боев. Тем самым как бы окончательно вбивался клин между чеченцами и ингушами, а самое главное — предотвращалась возможность вовлечения ингушей в мюридистское движение.

А. П. Ермолову и его администрации на Кавказе приходилось думать не только о военных операциях. Все большего внимания к себе требовал и мюридизм, распространение которого становилось тем реальнее, чем успешнее действовал Бейбулат. Сам Бейбулат, постоянно вовлекая в русло своего движения новые силы, не упускал из виду вопросы мюридизма. В экспансивности мюридизма он постепенно стал видеть единственное средство объединения разрозненных тайпов и организации их совместной борьбы. Идеи мюридизма приобретали особую актуальность, когда Бейбулат терпел неудачи или же его движение шло на спад. Так, после поражения в местечке Арешта Бейбулат заявил качкалыковцам и шуховцам о скором «явлении» пророка. Призывая следовать исламу, он сообщал: «Вся Чечня, Ичкерия, Андия и даже Авария обещали соединиться вместе, чтобы прибегнуть под власть пророка и избавиться от русских»¹⁷³. В такие моменты рядом с Бейбулатом обычно находился мулла Магомет. В начале 1825 г. этот мулла также активизировал свою деятельность по распространению мюридизма¹⁷⁴.

Следя за состоянием мюридизма в Чечне, российское командование, уверовавшее после победы под Арешта в безопасность положения, получало не всегда достоверные сведения. Генерал Греков, например, был уверен, что чеченцы более не верят в «пророка», «имама» и знают, что их обманывают¹⁷⁵. Командование часто проявляло близорукость в понимании роли мюридизма в Чечне. Например, Греков, в ответ на слухи по поводу проповедей муллы Магомета, заявил: «Мошенники знают, что ежели бы они выдали пророка, то народ потребовал бы от него чудес и тот час бы, увидя ложь, бросил имама». Исходя из этого, генерал делал опрометчивый вывод: «Можно быть уверенным, что имам никогда не явится, а только все будет откладывать впредь, пока вовсе не перестанут верить»¹⁷⁶. Подобного взгляда он твердо придерживался и после того, как дело дошло до введения исламской символики в Чечне, где стало развешиваться «знамя имама». Подобно чеховскому герою, заявлявшему «этого никогда не может быть», потому что этого не может быть, Греков продолжал успокаивать командование: «Из этого (знамени имама — ред.) ничего не будет, ибо тут никто не верит имаму»¹⁷⁷.

Конечно, Греков получал не всегда достоверную

информацию. Но дело заключалось не только в этом. Греков сам хорошо знал Чечню, но уповал на то, что ислам, не имевший здесь исторических корней, не найдет распространения. Он не учитывал, что Бейбулат и мулла Магомет, утверждая в Чечне «ложный тарикатизм», рассчитывали не столько на ее религиозность, сколько на антирусскую настроенность, вызванную политикой А. П. Ермолова: переселение чеченцев с равнинных земель в горы и устройство блокады постоянно будоражили население, готовое на самые решительные действия. Впрочем, Греков при более внимательном отношении к происходящему в Чечне мог иметь реальное представление об обстановке. Дело в том, что, в отличие от капитана Филатова и муллы Мустафы, часто доставлявших ему ложную информацию, князь Хосаев не раз доносил о непрекращающемся распространении идеологии мюридизма. Но, по-видимому, генерал охотнее верил тем сведениям, которые не требовали от него ни напряжения сил, ни срочных мер.

В противоположность Грекову, Бейбулат осознавал всю серьезность предстоявшей ему борьбы. После поражения в Ареште он вновь сосредоточил главное внимание на вопросах мюридизма. Благодаря развернутой муллой Магометом деятельности началась новая волна паломничества чеченцев. Мулла уверял своих «прихожан», что пророк зовет их на войну с русскими. Однако дело этим не ограничилось. В мае 1825 г. мулла Магомет и Бейбулат, желая вызвать религиозный фанатизм у населения, решили повторить перед чеченцами «явление пророка», поскольку народ требовал доказательств его реального существования. Как и в первый раз, они остановили свой выбор на юродивом Авко. Отправившись к нему в Гременчук, Бейбулат, однако, вернулся в Маюртуп ни с чем — местные жители непустили Авко, ссылаясь на его болезнь. Произошла серьезная «заминка». Мулла Магомет, рассчитывавший на Авко, указал точную дату — 24 мая — «явления» пророка. Более того, он успел объявить, что пророк подсказет, как надлежит поступать чеченцам в дальнейшем. Н. А. Волконский писал: «К назначенному сроку масса людей прибыла из разных аулов и осадила мечеть со всех сторон, волнуясь и постепенно возвышая голос»¹⁷⁸. Мулла Магомет и Бейбулат вновь оказались в трудном положении. Решено было выйти к народу: из мечети выступила процессия во главе с муллой Магометом. Рядом с ним шествовали еще несколько мулл, за ними — Бейбулат. При Бейбулате находилась его боевая дружина. Процессия направилась к «святому дереву», где годом раньше была принесена жертва в честь пророка. Здесь у «святого» места перед народом первым выступил мичиковский мулла, спросив у муллы Магомета — почему до сих

179.

Утверждение русского владычества..., с. 323.

180.

Волконский Н.А. Указ. соч., с. 74.

181.

Там же.

нет «явления», обещанного год назад? Не ожидая ответа, мулла из Мичикова объяснял собравшимся, что мулла Магомет обманывает народ, отвлекает его от хозяйственных работ, разжигает войну, ведущую к нищете. Оратора поддержал народ, пришедший в негодование от проделок «чужеродного» муллы Магомета. Казалось, вопрос о судьбе движения, начатого Бейбулатом, решился. Обстановка накалилась до предела. Считалось, что мулла Магомет, а заодно и Бейбулат развенчаны. Однако все кончилось благополучно. Выступив вперед, мулла Магомет неожиданно для всех заявил: «Правоверные! Имам-Харис — это я. Я получил благословение пророка, я слышал голос Аллаха, я послан избавить Вас от неверных»¹⁷⁹. Моментально оценив смекалку своего муллы, вслед за ним к народу обратился Бейбулат. С Кораном в руках он поклялся, что «лично видел, как в мечети, во время молитвы муллы на него слетел ангел в виде огня»¹⁸⁰. Воины дружно поддержали своего военачальника. Все это произвело достаточный эффект: большинство народа здесь же решило во «имя Аллаха» вести войну с неверными. Внешние события у «святого дерева» могут показаться наивной религиозной мистификацией. Конечно, то, что происходило в Чечне, отдавало примитивностью и даже авантюризмом. Однако это касалось лишь формы, в которую облекались политико-идеологические явления. Заявление мичиковского муллы, развенчавшего муллу Магомета, являлось ничем иным, как выражением отношения значительной части населения к вопросу о войне с «неверными», в котором явно проявляли колебания не только общинники, но и представители духовенства. Сомнения по поводу «реальности» или «ирреальности» появления пророка по существу сводились к практической проблеме дальнейшей судьбы движения, путей развития Чечни вообще. Мичиковский мулла, говоривший о хозяйственном ущербе войны, бесспорно, выражал интересы тех, кто был за мир с Россией. Он имел сторонников не только в момент, когда казалось, что мулла Магомет загнан в угол, но и позже, даже после того, когда Бейбулат клятвой на Коране¹⁸¹ подтвердил «пришествие» ангела в маюртупскую мечеть. Этой части народа противостояла «партия», которая, будучи лучше организованной, продумывала, хотя пока и наивно, программу военной и идеологической деятельности. Поскольку эта «партия» была более тесно связана с родовой знатью и органично вписывалась в закономерный процесс феодализации чеченского общества, она имела перед «консервативными» силами явные преимущества. Кроме того, стечение в Маюртупе «массы людей» — так же, как во времена шейха Мансура в Алде — и обсуждение жизненно важного для политической судьбы Чечни вопроса о «войне» и «мире» —

182.

Утверждение русского владычества..., с. 323.

183.

Там же.

это фактически развитие публичной власти, зародившейся еще в XVIII в. Наконец, Маюртуп, постепенно привлекавший внимание исламских сил, символизировал начавшийся процесс перехода от племенной разобщенности к этнической консолидации и формированию народности, которые обычно характерны для начальных этапов феодализации. Что касается самих приемов религиозного воздействия, употребляемых муллой Магомедом и Бейбулатом, то многое здесь объяснялось все еще сильными языческими традициями, препятствовавшими исламизации (вспомним шествие народа из мечети в Маюртупе к «святому дереву» — явно языческому святилищу, так же как слова Бейбулата — «слетел ангел в виде огня» — из языческого арсенала!). Но даже при таком состоянии «идеологии» народ, хотя и не без труда, воспринимал исламские догматы, поскольку слишком актуально звучал призыв к борьбе с военно-экономической блокадой. Пока лишь этим призывом мог Бейбулат привести тайпы в движение. Но в скором времени это движение получит мощный импульс из другого, внутреннего источника — глубоких формационных процессов. На решающем этапе общественного переворота еще будут наблюдаться тенденции к сопротивлению исламу, точнее — шариату, но уже не повторятся те «неполадки» в работе идейно-воспитательной «машины», перед которыми не спасовали ее первые «механики» — мулла Магомед и Бейбулат.

Когда народ потребовал от муллы Магомета свершения «какого-либо чуда» в подтверждение того, что он и есть сам Харис-имам, испытываемый вышел из положения относительно легко. «Время чудес еще не пришло, вы увидите много чудес...» — ответил он народу¹⁸². Так, мулла из Маюртупа без особого труда посвятил себя в новый сан — имама. Клятвой на Коране Бейбулат, силой авторитета военачальника, подтвердил законность этого сана. Теперь движение, во имя которого Бейбулат приносил ложную клятву о «слетевшем ангеле», имело двух руководителей — духовного в лице имама и светского — «баяччи» Бейбулата. Наметился также организационный центр — Маюртуп, правда, не место у «святого дерева», где произошло «рождение» имама, а мечеть, украшенная в честь предстоявшего «явления» пророка знаменами Бейбулата, призывавшими чеченский народ к газавату¹⁸³.

Так благодаря высоким темпам классообразовательных процессов, происходивших в Чечне с конца XVIII в., а также острой политической обстановке, вызванной условиями блокады, в необычайно короткие для юридика сроки четко обозначились не только контуры идеологических установок, из которых отныне будет исходить тайповая знать, но и

184.
Там же.
185.
Там же.

система управления (имамат), логически вытекавшая из социальной природы движения Бейбулата.

Что касается самого движения, то оно после весны 1825 г. набирало новую силу. Несомненно, уже тогда сказывалось, хотя еще довольно слабо, «чудо», происшедшее в мае 1825 г. Во всяком случае, Бейбулату намного легче стало собирать ополчение: если раньше оно формировалось из равнинных тайпов, то теперь в нем участвовали представители всех чеченских тайпов. Бейбулат реально оценивал изменившуюся обстановку и пользовался ею как мог. Рассчитывая на всеобщую поддержку, он отправил своих гонцов к мичиковцам, ичкерийцам, ко всем жителям Большой Чечни, «требуя, чтобы каждый двор выставил по одному вооруженному человеку»¹⁸⁴. Призыв под знамена ислама имел значительно бóльший успех, чем формы сборов, использовавшиеся ранее в набеговой практике. Капитан Филатов доносил, что приглашение Бейбулата в ополчение имело отклик повсюду: качкалыковцы и ауховцы, например, «встречают слухи об имаме и радуются им непритворно»¹⁸⁵. В июне 1825 г. Бейбулат завершил организацию ополчения. Численность его составила более двух тысяч человек. Впервые Бейбулат располагал столь внушительным войском. Но его сила была не в численности, а в новой идеологии, способной сплотить ополченцев «духовным единством» и поднять их боевые качества. С этим войском Бейбулат выступил из Маюртупа в сторону Аргуна. Российскому командованию предстояла нелегкая борьба с «мюридистским» движением Бейбулата.

Начальный этап войны. Контуры имамата

К весне 1825 г. обстановка в Дагестане оставалась «спокойной». Практически здесь не было вооруженных конфликтов между местным населением и российской военной администрацией. Уже несколько лет развивавшийся мюридизм пока не проявился в организованных религиозно-политических формах, как это имело место в Чечне. Понятно, российское командование, следившее за положением в Дагестане, особо не беспокоилось по поводу Северо-Восточной окраины Кавказа, вполне удовлетворяясь действовавшей там блокадой. Особую угрозу, казалось, не предвещал и мюридизм. Отдельные известия о деятельности Магомета Ярагского и ряда других проповедников исламского учения фактически игнорировались. А. П. Ермолов и его администрация избегали вмешательства не только в область религиозной, но и вообще внутренней жизни «вольных» обществ, видя в этом способ сохранить спокойствие в Дагестане. Кроме того, российская администрация, зная о наличии среди проповедников исламского учения лиц, призывающих горцев к миру с Россией, не придавала серьезного значения распространению ислама. К тому же командование считало, что оно достаточно информировано об исламском движении в горном Дагестане и всегда сможет держать его под контролем. Подобные настроения порождались, по-видимому, еще и тем, что А. П. Ермолову удалось установить личные контакты с Сеидом-Эфенди, араканским кадием, учителем Казимуллы, пользовавшимся в Дагестане популярностью. После нескольких встреч с ним А. П. Ермолов вполне

1. Волконский Н.А. Указ. соч., с. 26.
2. ДГСВК, с. 53.
3. Эсадзе С. Штурм Гуниба..., с. 45.
4. Dulaurier Ed. Op. cit. — RDM, 1861, t. 33, p. 301.
5. Окольников Н.А. Указ соч., с. 348.
6. Волконский Н.А. Указ. соч., с. 26.

удостоверился в его заинтересованности в мире с Россией. Действительно, Сеид-Эфенди продолжал придерживаться мирных средств распространения ислама и выступал против войны с Россией. Главнокомандующий не вник в суть происходивших в области мюридизма явлений и, вероятно, не сразу оценил складывавшуюся ситуацию. Он назначил Сеиду-Эфенди жалование, полагая, что это еще теснее свяжет кадия с интересами России. И не ошибся. «...Имея сильное влияние на ближайшие... народы, и преимущественно на акушинцев», — писал Н. А. Волконский, — Сеид-Эфенди «не только содействовал их миролюбию и покорности, но в течение нескольких лет был громоотводом в Дагестане»¹.

А. П. Ермолов и его подчиненные, однако, не видели в политической обстановке Дагестана главного — коренных перемен внутри «вольных» обществ. Между тем эти общества к 1825 г. напоминали натянутую тетиву, с которой вот-вот должна была сорваться грозная стрела ислама.

Пожалуй, первым, кто сообщил А. П. Ермолову о характере исламского учения, распространявшегося Магометом Ярагским и его учениками, был тот же Сеид-Эфенди. Но эта информация во многом являлась запоздалой. К этому времени в горном Дагестане мюридизм уже пустил корни и зазвучали призывы к газавату. Представители родовой знати многих «вольных» обществ приступили к мобилизации сил. Так, уже весной 1825 г. общество Эндирей отправило письмо, в котором от имени «молодежи и стариков, главарей и благочестивых людей и особенно кадия» просило жителей Чиркея и Унцукуля подняться на «священную войну» в защиту ислама². Бурно развивались события в Яраги — центре кавказского мюридизма. Здесь «молодые люди наделали деревянные шашки, начали ходить с ними по улицам: приближались ли они к углу дома, забору, дереву, к надгробному камню, останавливались и, поворачиваясь к стороне России, ударяли шашками о камни с криками: «мусульмане, газават, газават»³. Магомет Ярагский таким образом довел мюридизм до самого заветного — газавата: он заставил своих слушателей поднять «деревянные шашки» — пока символы, но имевшие не меньший эффект, чем последующий «блеск дагестанских сабель», о котором впоследствии будут писать историки Кавказской войны⁴.

Весть об объявлении газавата дошла и до российского командования. В Дагестан срочно направился сам главнокомандующий. Прибыв в Кубу, он пригласил к себе «хитрого и пронырливого»⁵ Аслан-хана и поручил ему подробно «исследовать» деятельность Магомета Ярагского, предпринять меры к прекращению «беспорядков». О результатах исполнения этих указаний он требовал представить отчет⁶.

7. Окольников Н.А. Указ. соч., с. 348.
8. Прушановский К. Указ. соч., с. 9.
9. Там же, с. 9—10; ср. Лобанов-Ростовский М.Б. Указ. соч., с. 1388.
10. Прушановский К. Указ. соч., с. 10.
11. Волконский Н.А. Указ. соч., с. 27; в целом такую же оценку событиям дает Э.Дюлорье (Dulaurier Ed. Op. cit. — RDM, 1861, t. 33, p. 301).

Аслан-хан немедленно приступил к делу. Он созвал в Касум-Кент наиболее известных в Дагестане мулл. Туда же был приглашен и Магомет Ярагский, с которым у Аслан-хана произошел инцидент, во многом напоминающий тот, который имел место в крепости Грозной во время приема генералом Грековым «баяччи» Бейбулата. Изложив, по требованию Аслан-хана, учение мюридизма, Магомет Ярагский упрекнул его в том, что он, будучи мусульманином, не исполняет шариат. Уязвленное самолюбие Аслан-хана вылилось в бурную реакцию. Когда муллы перешли к прениям, Аслан-хан отпустил пощечину Магомету Ярагскому — поступок, в сущности, обычный для ханских нравов в Дагестане. Однако некоторые исследователи склонны были видеть в этом эпизоде чуть ли не главную причину Кавказской войны. Например, по мнению Н. А. Окольного, оскорбленный Магомет Ярагский будто бы «молча удалился, затаив в душе глубокую ненависть к хану и твердо решившись не отступать ни на шаг от «мюридизма»⁷. А. Прушановский, напротив, писал, что якобы Аслан-хан, извинившись за свою выходку, призвал Магомета Ярагского к осторожности: «Русское начальство, — будто бы говорил он мюршиду, — будет от меня требовать выдать тебя, я должен буду исполнить его волю, но... могу ли передать в русские руки такого ученого алима, каков ты...»⁸ По Прушановскому, Магомет Ярагский, вернувшись в родное село, обратился к народу со следующими словами: «Я грешный человек, слишком возгордился вашей ко мне доверенностью, зато бог и определил мне наказание: Аслан-хан ударил меня и тем я унижен, посрамлен пред лицом народа»⁹. Без указания на источник, этот же автор приводил и другие слова Магомета Ярагского, оправдывавшие поступок Аслан-хана: «Он это сделал со мною по воле божьей, а сам собой ничего не в состоянии сделать, даже муху истребить»¹⁰. Подобная версия о примирении Аслан-хана с Магометом Ярагским и о склонении хана к учению о мюридизме была повторена Н. А. Волконским¹¹. Нет, к сожалению, других данных, позволяющих проверить имеющиеся в литературе противоречивые сведения об инциденте в Касум-Кенте. Между тем это было бы важно, поскольку именно его часто склонны «ставить» у истоков последующих событий Кавказской войны. Сходство эпизода в Касум-Кенте с тем, что произошло в Грозном между Грековым и Бейбулатом, наводит на мысль о «мифологических» наслоениях, которыми могли «обрасти» причины Кавказской войны и ее герои. Как бы ни оценивать этот сюжет, более важное в нем другое — диалог между Магометом Ярагским и Аслан-ханом. Мюршид заявил хану: «Если русские будут иметь много неприятностей, то ты будешь им нужен, тебе отдадут честь, осыпят награ-

12.
Прушановский К. Указ. соч.,
с. 9; Гакстгаузен А. Указ. соч.,
с. 198.

13.
Прушановский К. Указ. соч.,
с. 9; ср. Лобанов-Ростов-
ский М.Б. Указ. соч., с. 1387.

14.
Прушановский К. Указ. соч.,
с. 7.

15.
Там же, с. 8.

16.
Там же, с. 10; ср. Гакстгау-
зен А. Указ. соч., с. 199.

17.
Прушановский К. Указ. соч.,
с. 9; Dulaunier Ed. Op. cit. —
RDM, 1861, t. 33, p. 301.

дами, а если русские покорят Дагестан, тогда ты им более не нужен; может быть, тебя не лишат ханства, но ты не будешь иметь той власти, какая теперь в твоих руках; твои же подданные не будут наслаждаться тем спокойствием, которым они ныне могут похвалиться»¹². Прушановский утверждал, что Аслан-хан «согласился с мнением муллы Магомета». Выразив готовность поддержать новое исламское учение, он якобы «обласкал» Магомета Ярагского, преподнеся главе дагестанских мюришидов подарок (архалух)¹³. А. Прушановский также сообщает о споре Магомета Ярагского с Аслан-ханом по вопросу о мюридизме и его политических целях. Хан спрашивал мюришида: «Для чего новое учение», «разве ты не знаешь силу русских и сколько через тебя может пострадать и погибнуть безвинного народа?»¹⁴ «Русские сильнее нас, но бог сильнее русского государя»¹⁵, — отвечал на это Магомет Ярагский. Неодобрительно высказавшись по поводу деревянных шашек, Аслан-хан потребовал запрета подобных демонстраций. На это Магомет Ярагский ответил уклончиво, заявив, что, познав высокие истины ислама, верующие в исступлении «не понимают, что делают». Несмотря на это объяснение, Аслан-хан в Касум-Кенте подверг штрафу спутников Магомета Ярагского за призывы к войне. Вместе с тем было очевидно, что за время пребывания муллы и Аслан-хана в Касум-Кенте здесь произошло сближение между ханом и мюришдом. Стороны «полюбовно» договорились о том, что один из них, хан, будет лоялен к мюридизму, а другой — возьмется представить дело таким образом, будто хан был крайне строг к мюришду и его ученикам. Вот почему Магомет Ярагский, вернувшись домой, наряду с примирительными речами в адрес хана запретил «бегать с шашками и открывать неприязненные действия»¹⁶. Со своей стороны Аслан-хан не только проявил готовность примкнуть к сторонникам мюридизма, но и, в угоду мюришду, вернул муллам взятый с них штраф.

Столь неожиданная метаморфоза, однако, не помешала Аслан-хану отрапортовать А. П. Ермолову о том, что с новым учением в горном Дагестане покончено¹⁷. Между тем Магомет Ярагский после Касум-Кента еще энергичнее принялся за распространение мюридизма, чтобы приблизить день начала Кавказской войны. Вскоре представился и случай, удобный для объявления газавата. Дело в том, что в 1825 г. в Яраг явились наиболее выдающиеся деятели нового учения, уже в то время пользовавшиеся в горном Дагестане известностью. Среди них — Кази-мулла, Джемал-Эдин, отказавшийся от прежнего («мирного») тарикатизма и ставший сторонником воинствующего мюридизма, мулла Ших-Шабан

18. Прушановский К. Указ. соч., с. 10; ср. Гакстгаузен А. Указ. соч., с. 199; Лобанов-Ростовский М.Б. Указ. соч., с. 1388.

19. Прушановский К. Указ. соч., с. 10—11.

20. Там же, с. 6.

21. Волконский Н.А. Указ. соч., с. 28—29.

(из Аварии), мулла Гаджи-Юсуф (из села Гюбден Шамхальского владения) и др. К ним и обратился Магомет Ярагский с сокровенными словами: «От имени пророка повелеваю вам: ступайте на свою родину, собирайте народ, прочтите ему мои наставления, вооружитесь и идите на газават! Истребите русских, освободите мусульман, братьев наших. Если вы будете убиты в сражении, рай вам награда; если кто убьет русского, тому рай награда»¹⁸. Объявляя газават, Магомет Ярагский полностью опирался на установки Корана, призывающие к «вечной войне» с «неверными». В соответствии с ними, он убеждал своих соратников: «Один мусульманин должен идти против десяти неверных, не должен бояться и оборачиваться спиной к няурам»¹⁹. Объявление о газавате вскоре стало известно всему горному Дагестану. О нем доложили А. П. Ермолову. Не дожидаясь военных действий, он отдал приказ Аслан-хану, генералу на русской службе, «схватить муллу Магомета и доставить в Тифлис»²⁰. Даже в этой сложной обстановке, когда речь уже ушла о самой войне, Аслан-хан не отказался от той двойной игры, которую он начал еще в Касум-Кенте. Вместо того, чтобы самому выполнить приказ А. П. Ермолова, он перепоручил арест мюршида Гарун-Беку (позже ставшему Кюринским ханом) и прапорщику Монатилю. Коварный Аслан-хан поступил так не без умысла. Магомент Ярагский, как и предусматривалось приказом, был приведен в Кураг, что в Кюринском ханстве. Однако главный мюршид «бежал» от конвоиров, приставленных к нему Аслан-ханом. Он открылся в Табасарани, где продолжил распространение мюридизма и вовлечение горцев в газават. Но там он находился недолго. Пользуясь расположением Аслан-хана, мюршид, с его помощью, вернулся в Яраги к своей семье. Н. А. Волконский, обративший внимание на обстоятельства «побега» Магомета Ярагского, указывал на Аслан-хана как на укрывателя мюршида. В Табасарани, а затем в Яраги мюршид был занят распространением мюридизма и газавата за пределы горного Дагестана. С этой целью он даже выезжал в Чечню, где принял участие в движении Бейбулата.

С началом войны личность Магомета Ярагского как бы отходит на второй план, хотя он и продолжал свою «идеологическую работу». В 1830 г. преемник А. П. Ермолова, генерал И. Ф. Паскевич вновь требует от Аслан-хана выдачи Магомета Ярагского. Но и на этот раз, не без помощи хана, ему удастся скрыться. Н. А. Волконский полагал, что с этого года «имя Магомета Ярагского исчезает из истории»²¹. Это, однако, не совсем точно. Имя мюршида вновь появилось в сводках, поступавших к русскому командованию о походе Кази-муллы в 1831 г. в Дербент. Поход был столь важным, что Кази-мулла счел при-

22.
Гакстгаузен А. Указ. соч.,
с. 191; Р-в И. Начало и постепенное развитие мюридизма на Кавказе. — РХЛ, 1859, с. 113.

существование главного мюрида обязательным. После этого Магомет Ярагский «удалился» в глубь Дагестана: там он закончил свою жизнь, не принимая ни малейшего участия в кровавой драме мюридизма.

Магомет Ярагский — бесспорно — крупная историческая личность, стоявшая у истоков кавказского мюридизма. Она привлекает внимание исследователя прежде всего тем, что довела мюридизм до уровня стройной идеологической системы. Магомет Ярагский сформулировал религиозно-политические установки, находившие социальный отклик в «вольных» обществах Дагестана. Не прикоснувшись к оружию, он разжег такую войну — газават, — через которую прошли многие народы мира. Магомет Ярагский не был обычным миссионером. Это такой же феномен, как и сама Кавказская война. Разработанная им система идеологических постулатов отличалась продуманностью и завершенностью. Применительно к «вольным» обществам она предусматривала фактически все социальные вопросы, связанные с накоплением собственности, образованием классов и государства. Объявив газават во имя утверждения «шариата, свободы, равенства и независимости», Магомет Ярагский, однако, остался в стороне от самой вооруженной борьбы. Ему принадлежала концепция войны, он был ее главным «сценаристом». Этот с виду мирный, даже кроткий старик со слабым голосом и дрожащими руками благословил горцев на многолетнюю кровавую войну²². Что касается собственно организации Кавказской войны, реализации выдвинутых мюридом идей, то сами события выдвинули на историческую сцену другую личность, от которой требовались, прежде всего, способности глубоко постичь суть мюридизма, обогатить его новыми положениями и проявить талант военачальника. «Гармония» Кавказской войны, как явления социального, состояла в том, что она никогда не испытывала недостатка в незаурядных исторических личностях. Вожди Кавказской войны — герои военной демократии, тесно связанные с революционным общественным переворотом. Это эпические типажи, занимающие достойное место в великом ряду героев скандинавских саг и нартских сказаний. Руководители Кавказской войны, решая те же общественные проблемы, что и их древние братья, действовали, однако, в более сложных условиях XIX в.

Собственно Кавказскую войну начинал Кази-мулла — один из выдающихся военных вождей горцев в 20—30-е гг. XIX в. В исторической литературе он стяжал славу противоречивой личности: умного, но коварного политика, одаренного, но жестокого полководца. Нередко Кази-моллу представляют как поборника свободы и равенства. Вместе с тем упускается из виду главное — его органичная связь с глубоко

23.
Волконский Н. А. Указ. соч.,
т. 11, с. 114.

24.
Прушановский К. Указ. соч.,
с. 11.

25.
Там же, с. 12.

противоречивой эпохой, которую переживали «вольные» общества Дагестана. По Ф. Энгельсу, отличительные черты этой эпохи — «насилие, коварство и жестокости». Приметы времени видны и в Казимулле. Современники характеризовали его как человека, «украшенного всеми редкими качествами, храброго, просвещенного и благочестивого руководителя, избранника божия»²³.

Ших-Гази-хан — Мухаммед-мулла, сын Исмаила, родился в Гимрах в среде узденской знати. Духовное образование получил у известного тарикатиста Джемал-Сеид-эфенди, араканского кадия. Учитель Казимуллы не признавал аскетизма «строгих шариатистов», являлся сторонником пророссийской политической ориентации. Полностью взглядов наставника Казимуллы так и не разделил, а когда его образованием занялся Магомет Ярагский, он вовсе от них отказался. Восприняв от Магомета Ярагского необычную для военачальника набожность, Казимуллы одновременно являлся блестящим практиком, стремившимся к насильственному утверждению ислама, и прежде всего шариата.

Первые военно-политические действия были предприняты Казимуллой под впечатлением от «начальных» уроков Магомета Ярагского, в пору своего духовного становления, когда его взгляды еще отличались переменчивостью — от умеренного тарикатизма до воинствующего шариатизма. Военно-политическая программа Казимуллы окончательно определилась к 1825 г. Война (газават), как средство достижения духовных и социальных целей, стала с этого времени главным принципом его жизни, которому он не изменял даже в самые критические минуты.

В 1825 г., «приняв от мюрида благословение на газават»²⁴, Казимуллы вернулся из Яраги в свое родное село Гимры. Там он принялся за организацию военного ополчения. Казимуллы понимал значение мюридизма в будущих военных и политических акциях. Не случайно в Гимрах он начинал в качестве мюрида. Часто выступая перед населением, Казимуллы повторял основные исламские положения, легшие в основу идеологии мюридизма. В одном из обращений к гимринцам он, например, заявлял: «Есть христиане, есть и много народов на свете; у всех есть закон, которому они следуют... Мы, мусульмане, не действуем ни по евангелию, ни по талмуду и не знаем, что такое шариат. Все дагестанцы, а с ними и вы, преданы пьянству, воровству, разбою»²⁵. Вынашивая планы газавата, Казимуллы не забывал и о набегах, фактически прекращенных с введением блокады. Речь шла не просто о восстановлении набеговой системы, а о принципиальном изменении направления ее развития. Казимуллы осуждал набеги во внутренние районы Дагестана. «Вы, —

26.
Там же.
27.
Там же.
28.
Там же; Mackie J. M. Op. cit.,
p. 148—149.
29.
Прушановский К. Указ. соч.,
с. 12.
30.
Берже А. Кази-Мулла. — Кав-
каз, 1868, № 10.
31.
Там же.
32.
Там же.

упрекал он гимринцев, — упиваетесь, один у другого забираете имущество, проливаете кровь мусульманскую»²⁶. Он ориентировал общинников на набеги в сторону русских, а также тех, кто не желает исповедовать ислам в толковании идеологов мюридизма.

Призывы Кази-муллы к войне с Россией и набегам в пределы «неверных» не всегда находили однозначный отклик. Без особого энтузиазма, например, встречали общинники идею о газавате против России. Отвергая саму идею войны, они, однако, охотно соглашались совершать набеги на русскую пограничную линию. Эта позиция особенно рельефно обозначилась на одном из массовых общинных собраний, проведенном Кази-муллой в Чиркее: после Гимр, где «слушатели клялись во всем следовать его наставлениям и беспрекословно исполнять его волю»²⁷, Кази-мулла вместе с Шамилем и другими мюршидами обратились к чиркеевцам с призывом к войне с неверными. Чиркеевцы в свою очередь просили Кази-муллу: «Научай нас шариату, между нами не будет ни убийц, ни воров, не встретишь пьяницу, будем молиться богу, чтобы он простил наши погрешения; но если ты потребуешь от нас держать газават — воевать с русскими, то объявляем тебе — отказываемся от этого... наши стада пасутся на землях, занятых русскими, мы им не в состоянии сопротивляться; мы можем погибнуть»²⁸. Подобные ответы мюршиду были нередки. На первых порах Кази-мулла не прибегал к насильственным мерам вовлечения населения в газават. Тем же чиркеевцам он объяснял: «Нам шариат позволяет быть в мире с русскими. Вы можете повиноваться и давать им аманатов, пока они сильнее нас; но настанет время, когда какой-либо из сильных владетелей востока во славу пророка покорит русских и над ними распространит свою власть; тогда вы можете и должны восстать против русских и объявить газават; до тех же пор повинуйтесь им»²⁹. Такое объяснение вполне удовлетворяло чиркеевцев. Не согласившись на газават, они во всем остальном проявили готовность присоединиться к Кази-мулле, клялись соблюдать шариат и вылили «все вино». Несколько позже, когда Кази-мулла уже создал небольшой отряд мюридов, он изменил не только тон, но и методы воздействия на население. По-другому, например, Кази-мулла повел себя с жителями Караная, которые, как и чиркеевцы, согласились принять шариат, но решительно отказались следовать за мюршидом на войну с Россией³⁰. Ответ каранаевцев привел Кази-муллу в ярость. Он обрушился на село Эрпели, схватил местного кадия, старшин и отправил их в «Тимринскую темницу»³¹. Население Эрпели вынуждено было дать свое согласие на участие в газавате³². Подобный метод вовлечения общинников, а иногда и представителей родовой знати

33.
Прушановский К. Указ. соч.,
с. 14.
34.
Там же.
35.
Там же.
36.
Казембеv М.А. Мюридизм и
Шамиль. — РС, СПб, 1859,
кн. 12, с. 204.
37.
Окольничий Н.А. Указ. соч.,
с. 350; Имеются и более сдер-
жанные оценки личности Кази-
Муллы (См. Baddeley J. F. Op.
cit., p. 240).

в мюридизм становился теперь обычным: люди не желали идти на газават. После Эрпели особенно упорное сопротивление Кази-мулле оказали жители Аракан и Аксальского общества. Упорство араканцев обуславливалось еще и влиянием на них Джемал-Сеид-эфенди, противника объявления газавата. В Араканах произошло столкновение между Кази-муллой и араканским эфенди — представителями двух религиозных течений. В свое время считавшийся «почтительным и прилежным» учеником, Кази-мулла, решительно отбросив все нравственные нормы, внезапно ночью напал на своего учителя, поджег его дом, уничтожил сочинения, над которыми Джемал-Сеид-эфенди работал с «юных лет до глубокой старости»³³. Сеиду-эфенди удалось бежать от физической расправы. Кази-мулла объявил араканцам, «чтобы они непременно приняли шариат и шли на газават; в противном случае не только истребит, сожжет все селение, но велит перебить всех жителей от ребенка до старика»³⁴. Главный мюрид этим не ограничился. По примеру российских администраторов, Кази-мулла потребовал от жителей Аракан тридцать аманатов в залог участия населения в движении мюридизма. Подчинив Аракан и Аксальское общество своей воле, он угрожал местным жителям приходом к ним более жестоких имамов³⁵.

М. А. Казембек, один из первых исследователей кавказского мюридизма, считал деятельность Кази-муллы успешной³⁶. Н. А. Окольничий также находил в Кази-мулле «гениальное» сочетание проповедника с военным организатором, всегда удачно учитывавшим «стечение обстоятельств»³⁷. Это вполне справедливо, если учесть, что успехи Кази-муллы в организации движения мюридизма были достигнуты главным образом насильственными средствами. Сам Кази-мулла, не считаясь с сопротивлением значительной части общинников, не терял чувства перспективы и ни минуты не сомневался в собственных силах. Свою задачу он видел в том, чтобы всячески форсировать события, используя все доступные средства — проповеди, уговоры, подкупы, компромиссы и, несомненно, насилие. Первая поездка Кази-муллы с целью вовлечения населения в движение убедила его в том, что успех будет обеспечен, если действовать решительно. Не менее важен был и другой вывод — реальность его власти над значительной территорией при общем подъеме движения мюридизма. Амбиций человека, устремленного к власти, Кази-мулла в общем-то и не скрывал. Так, возвращаясь из поездки в Гимры, он уже пытался выступить в роли имама, хотя формально им еще не являлся. Поспешность с присвоением нового ранга была спровоцирована социальной стихией, с которой с самого начала столкнулся Кази-мулла. Бесспорно, мюршид, милуя одних и понуждая

38.
Окольничий Н.А. Указ. соч.,
с. 351.

39.
Там же, с. 346.

40.
Там же, с. 351.

других, хорошо чувствовал, что власть где-то рядом и нельзя ее упускать.

Общеизвестно, что механизм установления тоталитаризма далеко не прост. Пока еще до конца не выяснены его возможные формы, Кази-мулла и его мюриды не могли не понимать, что без института принуждения их движение обречено на провал. Овладение властью с помощью самого общества — наиболее универсальный способ, особенно для тех, кто стремится к тотальному господству. Именно это имел в виду Кази-мулла, объявив себя имамом. Выбор такого пути к власти основан на вечном стремлении людей к социальной справедливости, рождающем у них готовность следовать за теми, кто во имя этой «справедливости» «жертвует» собой. В этой роли выступил и Кази-мулла. Приказав народу «собраться вокруг» него неподалеку от Гимр, он разыграл впечатляющую мистерию «восхождения» к «исключительности» и «жертвенности судьбы». «Драматургия» была предложена им самим. В ней предусматривалось все, начиная от выбора места для важного популистского действия и кончая заключительной, самой волнительной сценой. Собрание не в самих Гимрах, а в его окрестностях подчеркивало особую значимость предстоявшего священнодействия. К народу Кази-мулле, поддерживая под руки, вывели три его ученика. Эта торжественная процессия должна была символизировать «мученичество» Кази-муллы, которое состояло в том, что накануне он, в течение трех месяцев, изнурял себя «непрестанными молитвами» во спасение заблудших. Сцена лицемерия «подорванных» во имя народа сил неплохо дополняла ранее распространившуюся весть о том, что в Карадахе, где происходил «великий пост» Кази-муллы, местные муллы «возымели» «глубокое уважение» к его «званию и святости жизни». По мнению Н. А. Окольничего, гимринцы «с нетерпением ждали возвращения Кази-муллы» и, узнав через нарочного о его приближении, «толпами шли к нему навстречу»³⁸. Перед собранием, поднявшись на небольшой курган, выступил Кази-мулла. Среднего роста, худощавый, с выразительными чертами лица, большими навыкاته глазами, «истинный мудрец», скорее «хранящий молчание», чем велеречивый, он производил на своих слушателей огромное впечатление³⁹. Мюршид был немногословен. Он объявил гимринцам, что, согласно постановлениям шариата, «пьющий вино подвергается сорока палочным ударам»⁴⁰. Рассчитывая насквозь пронять собравшихся, Кази-мулла, «поборник справедливости», сознался перед народом в том, что он «по невежеству» грешен в употреблении вина, и сам же объявил себе меру наказания — сорок палочных ударов. По его приказу приговор привел в исполнение Шамиль. Вслед

41. Там же; ср. Baddeley J. F. Op. cit., p. 241—242.
42. Окольничий Н.А. Указ. соч., с. 351.
43. См. Грюнебаум Г. Э. Классический ислам. М., 1983.
44. Окольничий Н.А. Указ. соч., с. 351.

за ним такому же наказанию подверглись ученики и сопровождавшие Кази-муллу лица, в том числе и Шамиль. Представ таким образом не только в роли «мученика», но и человека, чья справедливость не должна отныне подвергнуться сомнению, Кази-мулла достиг желаемого политико-психологического эффекта. Н. А. Окольничий писал, что «хитро рассчитанным смирением» Кази-мулла так подействовал на присутствовавших, что народ «в припадке учения рыдал, целовал полы Кази-муллы и бил себя палками»⁴¹. Понятно, находившемуся в состоянии экстаза народу легче было объяснить необходимость принятия шариата и мюридизма. Получив согласие гимринцев повиноваться шариату, Кази-мулла нашел поддержку и в том главном, ради чего был устроен спектакль с палочным истязанием: «народ единодушно умолял его (Кази-муллу — *ред.*) быть наставником и руководителем»⁴². Признание со стороны гимринцев быть «наставником и руководителем» столь подействовало на Кази-муллу, что он, только что запретивший употреблять вино и на себе продемонстрировавший, как будут наказаны «грешные», тут же объявил послабления. Как бы в благодарность за доверие Кази-мулла разрешил пить водку и даже вино, «переваренное на меду». Впоследствии он не раз демонстрировал подобные «запреты» и «послабления». Они строго зависели от обстановки, в которой ему приходилось действовать. Исламский Восток дал миру классические образцы идеологического движения, которому сродни и мюридизм⁴³. Развивая мюридизм в горном Дагестане, Кази-мулла не нарушал сложившихся на Востоке канонов, напротив, всей своей деятельностью подтверждал универсальность не только тех социальных процессов, которым он, как политическая фигура, был обязан своим существованием, но и универсальность исламской формы выражения этих процессов.

Спустя четыре месяца после гимринского собрания дали о себе знать приобретенные мюридом у народа полномочия. Кази-мулла прибег к различного рода исламским ограничениям, демонстрировавшим силу «публичной» власти и самого мюрида. По его приказу полностью запрещалось употребление всех спиртных напитков. Женщины должны были «прикрываться одеялом», мужчины обязывались носить чалму, стричь «усы в уровень с верхней губой и бороду клином»⁴⁴. Ограничения коснулись и молодежи: ей запрещалось веселье, песни, за исключением гимна «ла илляхи иль Алла».

Вводя всю эту исламскую атрибутику, Кази-мулла, конечно, проверял, как работает машина власти или готовился к войне с Россией, в которой он не мог рассчитывать на победу. Но здесь больше сказывалось все-таки воздействие социальной стихии, опре-

45.
Там же, с. 352.
46.
Там же.
47.
Там же, с. 353.

делявшей как внутреннюю жизнь «вольных» обществ, так и направление идеологического наступления Кази-муллы и его соратников. Унифицировав обрядность и нравственные нормы поведения, Кази-мулла как бы уравнивал всех общинников, устраняя тем самым нараставшие внутри «вольных» обществ противоречия. Это, несомненно, должно было создать видимость гармонии и социальной «справедливости», которую отстаивали общинники.

Влияние Кази-муллы возрастало по мере распространения мюридизма. Понимая это, мюршид продолжал уделять немало внимания утверждению ислама в общественной жизни. В этом большую помощь оказывали ему жители Ашильты, Чиркея и Ирганая, участвовавшие в собрании в Гимрах. Они были активными проводниками учения мюридизма. Чувствуя поддержку населения, Кази-мулла стал вмешиваться во внутреннюю жизнь «вольных» обществ. Это касалось не только общих принципов социальной организации, но иногда и конкретных, повседневных забот общинников. В этом плане показательно обращение жителей Караная к Кази-мулле с просьбой прислать им кадия. Для мюршида решение подобного «кадрового» вопроса (с чем ему впервые пришлось столкнуться) являлось уже реализацией конкретной функции власти. На просьбу каранаевцев Кази-мулла откликнулся заинтересованно, направив к ним своего ученика Магомы-Илау, родом из общества Келе. Хотя он и был прислан мюршидом, но по ранее установленным демократическим порядкам стал полноправным кадием лишь после избрания⁴⁵ его жителями Караная. Вскоре Магома-Илау стал вести себя излишне строго, требуя от общинников соблюдения различных исламских ограничений, которыми их никогда не стесняли. Избрание кадия из другого общества каранаевцы сочли «поспешным». Недолго думая, они изгнали Магому-Илау, не посмотрев даже на то, что он был учеником самого мюршида. Как и следовало ожидать, действия каранаевцев вызвали крайнее недовольствие Кази-муллы, усмотревшего в них подрыв в первую очередь своей личной власти. Оскорбленный, он во главе с гимринцами выступил против Караная, жители которого «не решились стрелять по святому человеку». Кази-мулла «беспрепятственно занял селение, арестовал более виновных в возмущении, а остальных, согласно шариату, наказал палками»⁴⁶. Репрессии мюршида, являвшиеся ничем иным, как продолжением той власти, которую он получил на собрании в Гимрах, произвели впечатление не только на каранаевцев. По Н. А. Окольникову, после похода Кази-муллы «каранаевцы присмирели, а пример сильно подействовал на умы народа, начинавшего видеть в Кази-мулле уже не одного наставника»⁴⁷. Насиль-

48.

Там же.

49.

Волконский Н.А. Указ. соч.,
т. 11, с. 114.

50.

Там же.

ственное насаждение ислама, а вместе с ним и своей власти становилось ведущей тенденцией в деятельности Кази-муллы и его соратников.

После Караная Кази-мулла совершил поход на Унцукул — центр Койсубулинского общества. Поход был продиктован не каким-либо антиисламским выступлением койсубулинцев, а стремлением форсировать экспансию мюридизма и власти мюршида, что отныне по сути одно и то же. Наступление предпринималось против всех «вольных» обществ, не вовлеченных в орбиту нового учения. Сформировался и язык, на котором он говорил со строптивыми. «Жившие до сих пор гяурами, — объявил Кази-мулла койсубулинцам, — впредь... должны поступать по шариату: в противном случае... эта шашка научит вас повиноваться»⁴⁸. Добиваясь повиновения силой оружия, Кази-мулла вовсе не преследовал «национально-освободительных» целей, как это принято считать, а решал более важную и более понятную для него задачу — утверждение власти. Заблуждениями насчет истинных замыслов Кази-муллы грешили не только историки. В свое время они были и у современников мюршида, в первую очередь у общинников, чьей поддержки он добивался. В этом не было ничего противоестественного и исключительного. Видимость заботы Кази-муллы о «высоких» идеалах создавалась социальной демагогией, становившейся неотъемлемой частью политической жизни, привычным средством одурачивания общинников. Так, Кази-мулла призывал общинников «не признавать власти — кроме начертанной пророком по вдохновению бога»⁴⁹. Поскольку внешне слова Кази-муллы казались обращенными против власти, они легко воспринимались общинниками, на права которых покушалась родовая знать. С другой стороны, призыв «не признавать власти, кроме начертанной пророком» был вполне созвучен и интересам представителей этой знати, особенно духовенства. Они втайне надеялись, что «власть пророка» в конце концов «перейдет к ним и предоставит им сокровища всякого рода»⁵⁰. Что касается личного господства Кази-муллы, то здесь все было проще: формула «нет власти, кроме власти пророка» работала прежде всего в пользу главного претендента на власть, уже смело отождествлявшего себя с «самим пророком».

Вместе с тем Кази-мулла решительно отвергал возможность установления над «вольными» обществами власти российской администрации и ханско-бекской верхушки Дагестана. В них он видел главных конкурентов, поэтому его проповеди предусматривали также создание «образа врага», против которого общинники обязаны были вести непримиримую борьбу. Соперничество Кази-муллы с Россией и феодальной верхушкой создавало ему ореол освободителя,

51.
АКАК, т. 7, с. 505.

52.
Там же.

53.
Там же, с. 506.

54.
Там же.

что еще более укрепляло его положение имама, главного руководителя «вольных» обществ.

Вскоре, однако, началась русско-иранская война, не только изменившая общую военно-политическую обстановку на Кавказе, но и повлиявшая на дальнейшее течение кавказского мюридизма. Логично было бы предположить, что призывы к газавату против России — главный детонатор Кавказской войны — активизируют антироссийские силы. Кази-мулла, казалось, воспользуется русско-иранской войной для «освобождения» своей страны. Однако у Кавказской войны была своя логика развития, вытекавшая из внутренних социальных задач «вольных» обществ, решая которые Кази-мулла и его мюриды в 1826—1828 гг. проявят крайнюю пассивность в борьбе против России. Более того, горцы из «вольных» обществ во время русско-иранской и последовавшей за ней русско-турецкой войны (1828—1829 гг.) покажут «верность и повиновение России»⁵¹. В 1827 г. новый главнокомандующий на Кавказе И. Ф. Паскевич в рапорте императору называл дагестанские народы «спокойными среди других «обольщенных горских племен». Он же, в знак благодарности, ставил вопрос об освобождении казикумухского населения от выплаты российским властям дани⁵². Еще раньше, в 1826 г., подобную верность России выказали воинственные акушинцы, за что и они были освобождены от подати. За «неприсоединение» к войне против России «всем лезгинам», ранее лишенным права сообщаться с Кахетией, разрешался свободный проезд в Алазанскую долину⁵³. Тем самым для них упразднялась несколько лет существовавшая блокада: необходимо отметить, что еще накануне русско-иранской войны А. П. Ермолов, немало сил потративший на установление вокруг «вольных» обществ Дагестана и тайпов Чечни блокады, первым же пришел к неожиданному выводу о целесообразности ее снятия. Считая, что запрещение с помощью блокады совершать набеги «не только не принесло желаемой пользы, но еще умножило разбои...», он, позволил горцам «по-прежнему ходить в Кахетию»⁵⁴. Прежде всего именно этим обстоятельством объяснялось справедливо замеченное российскими администраторами поведение — «верность и повиновение России» горцев Дагестана в годы русско-иранской и русско-турецкой войн конца первой трети XIX в. Кази-мулла ясно понимал изменившуюся обстановку, учитывал, сколь основательно поколеблена почва под идеей газавата против России. Поэтому он временно снял лозунг войны с русскими, отказавшись даже от намеченных накануне вооруженных акций. Это, однако, далеко не означало, что в годы русско-иранской и русско-турецкой войн Кази-мулла был пассивен вообще. Напротив, он еще энергичнее раз-

55.
Волконский Н.А. Указ. соч.,
т. 11, с. 115.
56.
ДГКВК, с. 55.
57.
Там же, с. 56.
58.
Волконский Н.А. Указ. соч.,
с. 115.

вивал свою военно-политическую деятельность в двух направлениях — создание из рядовых общинников военного ополчения и продолжение идеологической (проповеднической) работы по утверждению шариатских норм жизни. При этом главная задача оставалась прежней — ослабление, а при возможности и ликвидация ханско-бекской власти и учреждение собственной. Стремление к власти особенно заметно из переписки Кази-муллы с шамхалом Тарковским. Приведем некоторые положения из этой переписки, иллюстрирующей менявшийся характер взаимоотношений Кази-муллы с представителями знати. Узнав, что Кази-мулла привлек в свое ополчение общинников, а также кадиев из обоих Казанищ, (Большие и Малые — *ред.*) Эркели и Караная, шамхал обратился к мюршиду: «Я слышал, что ты пророчествуешь. Если так, то приезжай ко мне, научи народ мой и меня святому шариату; если же не приедешь, то бойся суда божия: на том свете я укажу на тебя, как на виновника, которого просил, но он не хотел направить меня на путь истинный»⁵⁵. Кази-мулла ответил отказом. Установить истинные мотивы этого поступка довольно трудно. Возможно, Кази-мулла просто не доверял искренности слов шамхала о готовности принять шариат, поскольку тот состоял на русской службе. Не мог исключить он и другое — недовольство шамхала проповедями, вовлекавшими его подданных в мюридистское движение. Вскоре шамхал вновь обратился к Кази-мулле с письмом: «Ты, — писал он, — уклонился от посещения, когда я пригласил тебя, видимо потому, что ты в чем-то усомнился. Я и теперь приглашаю тебя, хочу, чтобы ты приехал вместе с моим посланником. Не уклоняйся. Все ученые Дагестана приезжают ко мне, и я люблю их, не будучи сам ученым»⁵⁶. Кази-мулла ответил шамхалу с раздражением. Но важно даже не это. Мюршид дает ясно понять, что он — лицо значительное, с которым отныне придется считаться всем. «Я, — отвечал шамхалу Кази-мулла, — не пойду к султанам, если у них ко мне имеется дело, пусть они сами приходят. Пусть посещают мои мечети или приедут ко мне домой»⁵⁷.

Как выяснилось позже, шамхал Тарковский в самом деле желал, чтобы Кази-мулла приехал к нему проповедовать ислам и устанавливать шариат. Просьба к мюршиду объяснялась просто. Одним из первых шамхал Тарковский осознал необходимость утверждения шариата для усиления своей власти. Когда шла переписка между шамхалом и Кази-муллой, в шамхальстве было крайне неспокойно из-за того, что подданные стали выходить из повиновения. В шамхальстве бросались в глаза «слабость... правителя и недостаток его влияния на народ», а также «смуты и раздоры в сем» владении⁵⁸. Именно эта

59.

Там же, с. 115—116; Прушановский К. Указ. соч., с. 13—14.

60.

Волконский Н.А. Указ. соч., с. 116.

61.

Там же, с. 117.

62.

Там же.

обстановка заставила обратиться к Кази-мулле и просить о проповедях. Убедившись в «искренности» шамхала, Кази-мулла согласился на встречу с ним в Парауле. Там мюршид заявил: «Ты — валий Дагестана; все народы тебе повинуются, а которые независимы — послушают тебя. Ты должен быть блюстителем шариата. Твои подданные называют себя мусульманами, но не знают, что такое мусульманин... Так дозвожь мне научить свой народ шариату, прикажи ему слушаться меня»⁵⁹. Собеседники преследовали «разные» цели — каждый думал об усилении собственной власти, но оба живо осознавали значение ислама и шариата в решении этой задачи. Поэтому не было ничего неожиданного в том, что шамхал разрешил мюршиду проповедовать в его владениях. Более того, он позволил Кази-мулле поставить в Эрпели своего кадия — Доудил-Магому из Гимр. Первые проповеди мюршида происходили в присутствии самого шамхала. Несмотря на это, принятие шариата шло далеко не просто: «Казанищенцы не противоречили и беспрекословно сдались новому учению, другие же... поддавались несколько туго»⁶⁰. По-видимому, не только шамхал и мюршид понимали социальные выгоды, которые можно было извлечь из ислама, но и подданные усмотрели, какая опасность для них таится в новом вероучении.

Шамхал Тарковский был не единственным из представителей дагестанской феодальной знати, вовремя оценивший пользу ислама для собственных интересов. К такому же выводу еще раньше пришел Аслан-хан Казикумухский, узнавший о характере проповедей Кази-муллы. Этот хан оказал полную поддержку мюршиду, делал ему щедрые подарки. Он не только разрешил проповеди, но и оказывал Кази-мулле содействие в его деятельности. Так, узнав, что ополченцы мюршида, направленные в Казикумухское ханство, подверглись вооруженному нападению, Аслан-хан разыскал грабителей, строго наказал их, и вернул Кази-мулле деньги и другие вещи потерпевших⁶¹.

Трудно определить, рассчитывал ли Кази-мулла, что мюридизм будет иметь спрос у ханско-бекской знати, или же это для него оказалось неожиданно. Как бы то ни было, в дальнейшем эта тенденция развивалась по восходящей. Так, в Кайтаге и Табасарани в 1828 г. только Хан-Махмет и Навруз-бек (кайтагские беки) остались в стороне от движения Кази-муллы. Но его с нетерпением ждали сам правитель Кайтага — Байбола-бек, Джалава — брат Хан-Махмета, Эльдар-бек — брат правителя⁶². Такая же ситуация складывалась в Табасарани, где Шах-Гирей и его брат Аслан, а также Махмет Гасан (в «вольной» Табасарани), принадлежавшие к фео-

63.
Там же, с. 116.
64.
Там же.

дализированной знати, полностью поддерживали и учение мюридизма и само движение Кази-муллы. Чтобы яснее представить социальные мотивы интереса знати к мюридизму, отдельно следует сказать о случае с Кирхляр-Кули-беком, майсумом табасаранском. В 1826 г. он вместе с сыном был сослан русскими властями в Астрахань. Возвратившись через два года, майсум добивался восстановления своих владельческих прав на шесть деревень, переданных во время ссылки в управление прапорщику Ибрагим-беку. Достичь этой цели он намеревался с помощью военно-мюридистских акций. Кирхляр-Кули-бек начал с того, что призвал «правоверных» к восстанию против «неверных» и поддержал движение Кази-муллы. Затем он собрал ополчение в 800 человек и возглавил его вместе со своим сыном Мама-сан-беком, а также Шах-Гирей-беком и его братом Асланом. Восставшие пытались объединиться с движением Кази-муллы и совместными усилиями утвердить «справедливость», (т. е. восстановить небольшое майсумство в прежних границах). Занятость Кази-муллы тарковскими делами, а также подавление восстания русским командованием лишило его руководителей возможности соединиться с силами мюридизма.

Тяга дагестанской знати к мюридизму как средству упрочения своей власти над зависимыми наблюдалась и позже. Так, в начале 1829 г. приверженцем Кази-муллы и мюридизма стал Абу-Муселим-хан, брат шамхала Тарковского. В свою очередь мюршид обещал Абу-Муселим-хану поддержку в борьбе за шамхальский «престол». В Салатавском обществе, в частности Черкее, Кази-мулла нашел сторонников в лице «всех чиркеевцев и многих князей; оппозицию он видел только в молодых людях, вращавшихся в русском обществе»⁶³. По Н. А. Волконскому, там «народ, понуждаемый кадиями и стариками, выразил также готовность следовать новому учению и, в знак своего сочувствия к нему, первым делом уничтожил у себя все напитки»⁶⁴.

Как видно, на начальном этапе Кавказской войны активную поддержку Кази-мулле оказывала часть дагестанских владетелей, надеявшаяся с помощью его учения и военной силы укрепить свое господство над зависимым населением. Это не означало, однако, что движение, как и само учение, развивалось только в русле социальных интересов «старых» феодальных «кадров». Движение, имевшее собственные социально-экономические истоки, опиралось на «свою» общественную прослойку — кадиев, старшин, родовую знать. Именно ее социальные устремления, ее жажда подняться до положения феодалов определяли цели движения. Однако вначале мюридизм не сразу и непросто находил поддержку у родо-

65.

Там же, с. 121.

66.

Там же, ср. Bodenstedt Fr. Op. cit., p. 472—473.

племенной знати и рядовых общинников. Участие в движении дагестанских владетелей не было признаком общественного союза между ними и родоплеменной знатью из «вольных» обществ. Напротив, в ходе движения наметится естественное столкновение двух социальных группировок — представителей «старой» феодальной знати и «молодой» родоплеменной, в равной степени претендовавших на земли, зависимые категории населения, на усиление своего влияния. Пока же эти социальные силы не обнаружили явных противоречий и поэтому могли действовать совместно в едином общественном потоке.

Ориентируясь на родоплеменные «верхи» и рядовых общинников, Кази-мулла, как отмечалось, выставил ханов, беков, уцмиев и др. перед «вольными» обществами в качестве врагов, с которыми предстояло бороться. Но первые же его шаги в мюридистском движении показали, что события могут иметь свою логику развития, не совпадающую с сценарием, предначертанным мюршидом. Так, вскоре, вопреки ожиданиям, оказалось, что движение лишилось тех противостоящих ему сил, которые, собственно, и спровоцировали его: Россия, занятая войной с Ираном, перестала играть роль врага, а ханы и беки и того более — превратились в активных сторонников шариата. Перед Кази-муллой и его ополчением уже не было тех, кем он многие годы страдал горцев. Отсутствие «врагов», однако, не разоружило мюршида, не заставило его отказаться от энергичной деятельности. Главная задача — установление в горном Дагестане собственной власти, во имя которой взялись за оружие Кази-мулла и его мюриды, — оставалась нерешенной. Путь к этой власти, несмотря на отсутствие «врагов», был труден. Некоторые успехи в распространении политического и религиозного влияния, достигнутые Кази-муллой к началу 1829 г., не облегчали положения, ибо они во многом были обеспечены поддержкой отдельных представителей феодальной знати, на которую, понятно, не приходилось рассчитывать при установлении собственной власти. Кроме того, Кази-мулла не мог не видеть, что формула — «газават-шариат» — предназначенная не для владетелей, а общинников «вольных» обществ, среди населения находит поддержку вовсе не так, «как бы он этого желал»⁶⁵.

Кавказская война, приведя в движение весь горный Дагестан, ускорила размежевание социальных сил в «вольных» обществах. Согласно Н. А. Волконскому, к 1829 г. по отношению к вопросу о мюридизме и священной войне наметились три партии: а) «принимающая мюридизм с «готовностью»; б) «остающаяся в сомнении и нерешительности, и в) третья явно оппозиционная»⁶⁶. Подобное размежевание характерно для любого сколько-нибудь значительного

67.
Там же, с. 121.

68.
Там же.

69.
Там же.

общественного движения, если оно происходит в социально неоднородном обществе. Но Кази-мулла и его мюриды не могли быть удовлетворены сложившейся расстановкой сил. Они явно осознавали, что в любой момент вторая, наиболее многочисленная «партия» может примкнуть к третьей, оппозиционной, и тогда дело мюридизма будет обречено на провал. Следовательно, предстояла огромная работа по привлечению на свою сторону средней «партии», чтобы с ее помощью решить вопрос об объединении «вольных» обществ в военно-политическую организацию во главе с мюршидом. Нет прямых данных, которые позволили бы показать, как решал Кази-мулла эти непростые вопросы. Одно несомненно: опыт предыдущих лет убедил Кази-моллу, что основное средство добиться поддержки средней «партии» — это идеологическое воздействие на нее и дальнейшее распространение мюридизма среди рядовых общинников. Он видел на этом пути и трудности. Как и раньше, среди духовной знати «вольных» обществ — главной опоры мюршида — не говоря уже о других слоях населения, сохранялись антимюридские настроения. Партия «тарикатистов», одно время примкнувшая к радикальному течению в кавказском мюридизме, к концу первой трети XIX в. вновь отошла от Кази-моллы. Кази-мулла продолжал считать ее серьезным препятствием к решению вопросов утверждения учения о мюридизме и власти мюршида. По-прежнему партия тарикатистов возглавлялась Джемал-Сеид-эфенди араканским, имевшим в горном Дагестане «громадную известность»⁶⁷. По словам Н. А. Волконского, Кази-мулла понимал, что поддержка главного тарикатиста, «обширное значение которого среди духовенства и дагестанских ученых» стало очевидным, могла бы «сразу его вывести на торную дорогу»⁶⁸. Но между мюршидом и тарикатистом пролегла не только идеологическая вражда, но и последствия той разбойной акции, которую Кази-мулла предпринял против Джемал-Сеид-эфенди. Кази-мулла хорошо знал о глубоко оппозиционном отношении к нему его бывшего духовного наставника. Тем не менее мюршид допускал, что погром, учиненный в доме Джемал-Сеид-эфенди, а также известность, которую получил Кази-мулла благодаря мюридизму, заставят учителя отступить перед силой и стать на его сторону, что придаст новый импульс войне с «неверными». С этой надеждой Кази-мулла отправился к эфенди на переговоры в Аракань. Кази-мулла предложил своему учителю присоединиться к движению и принять «звание верховного кадия»⁶⁹ в том политическом объединении, которое мюршид задумал создать в горном Дагестане. В переговорах в Араканах, пожалуй, наиболее интересным фактом следует при-

70.
Там же.
71.
Там же.

знать приглашение Джемал-Сеид-эфенди на должность «верховного кадия» (намерение учредить эту должность свидетельствовало о тех важных практических шагах, которые предпринимались Кази-муллой в вопросе организации государственности).

Джемал-Сеид-эфенди наотрез отказался от предложения. Это решение противоречило логике происходивших в горном Дагестане общественных явлений. Объяснить, почему главный тарикатист занял именно такую позицию, непросто. Возможно, сказывалась личная неприязнь, для которой у Джемал-Сеид-эфенди было оснований более, чем достаточно. При всей значимости «личного момента» в истории он чаще всего отступает перед натиском большой политики. В случае с Джемал-Сеид-эфенди этого не произошло. Поэтому приходится думать, что главный тарикатист вполне мог отражать интересы той части общинников, которая не желала идти за Кази-муллой. Как бы то ни было, решительный уход в сторону от мюридизма, да еще по идейным мотивам (на них сослался Сеид-эфенди во время переговоров с мюршидом), был серьезным ударом по движению в целом. Поэтому позиция Джемал-Сеида-эфенди вызвала у Кази-муллы «чувство мести и негодования»⁷⁰. Тонко понимавший обстановку Кази-мулла, однако, не пошел на поводу у своего настроения — малопродуктивная перспектива. Его восприятие происшедшего в Араканах столкновения двух политических идей было неизмеримо более зрелым и трезвым, чем обычная месть. После переговоров с Джемал-Сеид-эфенди Кази-мулла стал обдумывать вопрос об идейной победе над «либеральным кадием»⁷¹. Таким образом, предстояла борьба не только во имя возвышения главного мюршида над упрямым тарикатистом, но и создания более надежных идейных предпосылок как для эскалации самого движения, так и для победы над тарикатизмом Джемал-Сеид-эфенди. Было очевидно: столкновение в Араканах — это не личные амбиции, а обнажение позиций в понимании сути Кавказской войны. В споре между Кази-муллой и Джемал-Сеид-эфенди выяснилась необходимость решительного подавления тарикатистов, сопротивлявшихся движению мюридизма и мешавших организации той власти, до которой, казалось, рукой подать. Решение этой задачи прежними средствами — проповедями и вооруженной силой при сохранении старых организационных форм (отрядов, ополчений), заимствованных у набеговой практики, было крайне сложно. Подобными средствами могла воспользоваться и противоборствующая сторона. Речь шла о принципиально новых проблемах развития движения мюридизма в горном Дагестане.

Кавказская война, обращенная своим острием во

72.
Зиссерман А. История 80-го
Пехотного Кабардинского ге-
нерал-фельдмаршала князя
Барятинского полка. (1726—
1880). СПб, 1881, т. 2, с. 22—
23.

73.
Волконский Н.А. Указ. соч.,
с. 122.

внутренние районы Дагестана, постоянно выдвигала неординарные общественно-политические и военно-религиозные вопросы. Но никогда еще она не приводила горцев во главе с незаурядным политиком Кази-муллой в столь глубокое замешательство, как в момент, наступивший после окончательного идеологического разрыва в Араканах. Четко определившиеся два течения в кавказском мюридизме ставили на повестку дня, и способность Кази-муллы быть вождем движения и сами «судьбы» Кавказской войны. В истории было немало войн, революций, социальных движений, проигранных прежде всего по вине возглавивших их вождей. Кавказская война, которой противостояли не только Россия, но и внутренние силы, вполне могла повторить судьбу неудавшихся революций. Но «гениальность» Кази-муллы — и это отмечали дореволюционные авторы, — состояла прежде всего в необычайно остром «социальном чутье», подкрепленном четкой системой идей, почерпнутых из богатейшего исламского идеологического арсенала. По словам русского историка А. Зиссермана, Кази-мулла, «вполне знакомый с теми струнами своих соотечественников, игра на коих извлекает требуемые звуки,.. пользовался всяким удобным случаем для распространения своего влияния. Как только он видел неуспех в одном месте, не теряя времени, кидался в другое, где его не ждали»⁷². Благодаря этим качествам вождь Кавказской войны действовал столь удачно, что каждый раз события, казавшиеся уже угасшими, приобретали новую окраску, разворачивались с новой силой. Так случилось и теперь, в один из самых ответственных периодов Кавказской войны, когда решались проблемы организации власти, ранней политико-государственной системы.

Спор Кази-муллы с Джемал-Сеид-эфенди был знаменателен. В нем мюршид, кроме опасности, грозившей его движению, увидел необходимость создания особой организации или некоего религиозного ордена, способного взять на себя дело идеологического противоборства оппозиции. Но не только об этом думал Кази-мулла. Поступательное развитие Кавказской войны само диктовало вождю мюридизма новые формы политической структуры, без совершенствования которой он не смог бы вовлечь в войну новые территории, массы населения, не говоря уже об успешной организации власти и государственности. «Сосредоточенный на этой идее, Кази-мулла повернулся вновь к своим шамхальцам, среди которых так легко достиг удачи, и провозгласил секту шихов... и сам первый принял название шиха»⁷³, — писал Н. А. Волконский. Самовывдвижение на роль шиха, понятно, означало качественно новый уровень политической деятельности. Создав секту шихов,

74.
Там же.
75.
Там же.
76.
Там же.
77.
МИДЧ, с. 203.
78.
Волконский Н.А. Указ. соч.,
с. 122.

мюршид сосредоточил в своих руках огромную идейно-политическую силу, ставшую постоянным фактором в общественной жизни горного Дагестана.

Из кого же состояла партия шихов, и какая роль отводилась ей в движении мюридизма?

По замыслу Кази-муллы, шихи должны были отличаться от всех, в том числе и от мюридов. Они напоминали организацию, которая создается обычно при тоталитаризме, когда обществом овладевает «моноидея», возбуждающая всеобщий фанатизм. В секту шихов могли вступать лишь люди с особыми качествами. Каждый из них получал «звание шиха», которое обязывало его к «отречению от всех мирских благ, безусловному следованию шариату и распространению его хотя бы даже вооруженною рукою»⁷⁴. «Кодекс» или, — пользуясь современным языком, — «устав» партии отличался сводом довольно строгих требований, непосильных для «натур обыденных». «Вступление в нее возможно было только для тех, кто чувствовал себя в силах вынести все возлагаемые на него обязанности»⁷⁵. Образ и обязанности шиха предполагали не просто проповедника мюридизма и бойца Кавказской войны, но и человека, наделенного «чертами самоотвержения, необыкновенной силы воли и решительного характера»⁷⁶. Секта не имела писанного регламента, ибо считалось, что действия шиха, как и мюрида, определяются общими установлениями шариата. Однако, в отличие от мюрида, ших обязан следовать шариату в наиболее жесточенной форме. На знамени секты, как бы в предвосхищение политических принципов тоталитарных партий, были начертаны лозунги, призывавшие «во имя народных масс» к аскетизму, самоотречению, жертвенности, фанатизму ради «высокой идеи», борьбе за «чистоту» человеческой нравственности. Эти принципы выглядели ново и притягательно. Ими успешно манипулировали «верхи» при полном господстве насилия, коварства, измены, гнусности, так характерных для перехода к классовому обществу.

Впервые секта шихов появилась в шамхальстве Тарковском — там, где наиболее уверенно чувствовал себя Кази-мулла. Позже она возникла и в других местах Дагестана — в Эндери, Салатавии и т. д.⁷⁷ Кази-мулла, однако, не располагал еще сколько-нибудь значительным количеством шихов, прежде всего из-за слишком жестких требований к личным качествам члена секты (не все желающие вступить в секту обладали «примером редкого исключения»⁷⁸). Впрочем, по этой же причине не так многочисленны, как хотелось Кази-мулле, были и ряды «истинных» мюридов, хотя люди, считавшие себя его последователями, исчислялись тысячами. Но малочисленность шихов не снижала ни их значения в движении

79.

Там же; Казембек М.А. Указ. соч., с. 204 и др.

80.

Там же, с. 123.

мюридизма, ни их роли в истории Кавказской войны вообще. Благодаря секте шихов в мюридистском движении наметилась реальная возможность формирования передового авангарда, призванного взять на себя роль «цементирующего ядра», столь важного в организационном укреплении «левого крыла» кавказского мюридизма. До основания секты Кази-муллы, добиваясь распространения своего влияния, действовал главным образом как «мюршид», ничем особенным не выделяясь в дагестанской клерикальной иерархии. Главным средством обеспечения этого влияния являлось ополчение и собственные проповеди о мюридизме. Теперь, с организацией секты, положение существенно менялось: Кази-мулла выступил в новом качестве — шиха секты, что представляло ему и более надежную опору. «Авангард», отличавшийся преданностью идеалам главного шиха, превращался в орудие достижения социальных и политических целей Кази-муллы. Дореволюционные авторы справедливо обратили внимание на создание «передового авангарда» и на выдвижение Кази-муллы на роль лидера, рассматривая эти два факта как завершение «окончательной закладки мюридизма»⁷⁹. Однако исследователи видели в этом процессе скорее идеологическое совершенствование самого мюридизма и не замечали не менее важного — формирования организационно-управленческой системы. Между тем создание секты шихов и учреждение сана главного шиха означало «закладку» примитивной политико-административной структуры, то есть ранней государственности.

На стадии мобилизации людских сил для Кавказской войны и утверждения своего политического влияния на значительной территории Дагестана, Кази-мулла и его секта действовали под эгидой строгих принципов общинной демократии. Особо подчеркивались два основных лозунга — война «во имя свободы» и война за сохранение равенства против любой формы господства. Проповедовалась идея, будто лишь насилем, жестокостью, сильной властью можно отстоять такие демократические ценности, как свобода и равенство.

Стремление Кази-муллы к организационному укреплению мюридистского движения и созданию начальных форм управленческой системы, естественно, не ограничивалось формированием передового отряда мюридов. Он учредил также «народные шариаты» или, как еще их называли, «совещательные собрания»⁸⁰. «Вольные» общества Дагестана хорошо были знакомы с таким управленческим органом, как демократическое собрание. По форме «народные шариаты» Кази-муллы являлись ничем иным, как тем же демократическим собранием, но по существу представляли собой принципиально новое учрежде-

81.

Фадеев Р.А. Указ. соч., с. 25.

82.

Там же; ср. Baddeley J. F. Op. cit., p. 240.

83.

Mackie J. M. Op. cit., p. 149.

ние. В отличие от демократического собрания, действовавшего на основе традиционного права, «народный шариат» функционировал в русле шариатского законоведения. Кроме того, возникнув в ходе Кавказской войны в качестве ее института, он брал на себя решение важных задач движения мюридизма. Однако «народный шариат» не ограничивал свои функции вопросами войны и мюридизма. Он был также трибуной, с которой Кази-мулла обращался со своими публичными проповедями. Со временем в «народных шариатах» зазвучат не только проповеди шиха, но и призывы к газавату. Эта сторона деятельности «народных шариатов» получала тем большее распространение, чем быстрее развивалась Кавказская война. Не последнюю роль играло еще одно обстоятельство: на «народных шариатах» происходило постепенное возвышение личности главного шиха, в чем была немалая заслуга самого Кази-муллы, обладавшего незаурядным даром проповедника и оратора. Крайне отрицательно относившийся к идеологам кавказского мюридизма Р. А. Фадеев справедливо отмечал, что Кази-мулла производил большое впечатление своими речами на «народных шариатах». Называя шиха «неглубоким богословом» и «нехитрым политиком», этот автор подчеркивал, что Кази-мулла обладал «в высшей степени качеством, увлекающим массы — страстным убеждением»⁸¹. Располагая информацией из «первых рук», Р. А. Фадеев, далекий от намерения что-то идеализировать в личности Кази-муллы, писал: «Когда говорил он (Кази-мулла — *ред.*) в народном собрании или обращался к войску во время боя, толпы покорялись ему как один человек, жили только его волею. И теперь горцы, вспоминая о Кази-мулле, говорят: «сердце человека прилипало к его губам: он одним дыханием будил в душе бурю»⁸². Американский автор Д. Макки, оценивая результаты деятельности Кази-муллы, писал, что он с помощью убеждения, устрашения и насилия сумел в течение нескольких месяцев распространить новую религиозно-политическую доктрину на большей части лезгинского нагорья⁸³. Обладая редкими качествами, Кази-мулла, понятно, без особого труда превратил «народные шариаты» в инструмент решения нелегких вопросов организации Кавказской войны.

1829 г. для Кази-муллы имел особое значение. Он уже мог подвести политические итоги трехлетней деятельности. Суть их сводилась к установлению достаточно надежного влияния в Койсубулинском ханстве и, частично, шамхальстве Тарковском, созданию секты шихов, вступлению в сан главного шиха и, наконец, учреждению «народного шариата», как органа, совместно с которым он мог решать проблемы жизни «подвластного» населения. Эти успехи

представляли собой не какие-то отдельные, между собой не связанные звенья в политической деятельности Кази-муллы, а единую цепь исторического процесса складывания государственности. Вместе с тем в 1829 г. Кази-мулла не мог не ощутить, что все им созданное, в том числе войско, расположено на территории, ему не принадлежащей. Формирование общинного ополчения также происходило главным образом в чужих владениях (в шамхальстве Тарковском и ханстве Койсубулинском). Это положение порождало естественную неуверенность в стабильности воинских формирований. Поддержка со стороны Мехти-шамхала, а позже и его наследника Абу-Муселима, а также Аслан-хана, предоставивших «свободу действий» на территории своих владений, несомненно имела важное значение. Однако это было хорошо лишь для начального этапа Кавказской войны и никак не могло удовлетворить Кази-муллу на стадии, когда возникли проблемы организации власти и управленческого аппарата. Военно-политическая власть без «собственной» территории не имела перспектив. Осознававший это Кази-мулла стал вынашивать идею о территориальной базе для будущей государственности. Речь шла не о сфере влияния, а о прямом захвате, который только и мог принести Кази-мулле желаемое «пространство» для размещения будущей системы управления. У главы шихов не было другой альтернативы, кроме аннексии, поскольку на политической карте Дагестана первой трети XIX в. более не осталось свободных земель. Даже «вольные» общества принадлежали отдельным ханам, бекам и другим владельцам, которые при внешней опасности, как правило, брали на себя дело их обороны. При всех колебаниях настроений общинников в отношении представителей высшей феодальной номенклатуры, не следует упускать из виду, что существовала устойчивая историческая традиция почитания самого носителя титула хана, шамхала, уцмий и т. д., как неприкосновенной, «надклассовой» фигуры. Сформировался социально-психологический стереотип восприятия этих «должностей». Простые горцы зачастую отказывались выступать против русских войск, если узнавали, что среди неприятеля находится кто-либо из владетельной фамилии⁸⁴. Понимая, что разрушить эту традицию крайне трудно, Кази-мулла (а затем и его преемники) задумал использовать ее: присвоить ханские полномочия, чтобы перенести на собственную персону благоговейное отношение народа. Раннефеодальные образования Дагестана были готовыми «нишами» для развития новой мюридистской государственности, и Кази-мулла стремился их заполнить.

Итак, достигнув крупных военно-политических успехов, Кази-мулла приступил к решению проблемы

85.
МИДЧ, с. 124.
86.
Там же, с. 126.
87.
Там же.
88.
Там же.
89.
Там же, с. 127.

захвата «жизненного пространства». Источники не дают нам прямых данных о том, как конкретно вырабатывались главой шихов планы будущих аннексий. Зато поддаются объяснению причины того, почему было облюбовано именно Аварское ханство. Существовали два важных момента, притягивавших туда взоры не только Кази-муллы, но и последующих вождей Кавказской войны. Первое — население ханства в основном состояло из свободных общинников; абсолютное большинство «вольных» обществ было расположено на территории Аварского ханства. (Здесь имелось 3 города, 278 деревень с населением только мужского пола более 100 тысяч⁸⁵). Приобретая Аварское ханство, Кази-мулла получал огромный военный потенциал, который предоставлял ему реальную возможность объединить более 44 «вольных» обществ и на их основе создать сильный военно-политический союз. Второй момент — политическое положение Аварского ханства к исходу первой трети XIX в. Аварский ханский дом был ослаблен, не имея достаточной политической опоры в лице «вольных» обществ. Прежний правитель Султан-Ахмед-хан оставил ханство в весьма здоровом политическом состоянии; при нем «народ аварский был... довольно покорен»⁸⁶. После его смерти ханство стало приходить в упадок. Наследовавший престол Абу-Султан-Нусал-хан находился «при молодых летах, неопытности» и отличался, по оценке современников, «ограниченным умом», не имея «и тени власти отца своего»⁸⁷. Мать молодого хана Паху-Бике вынуждена была взять на себя регентство. Но и она, отличаясь волевым характером, была женщиной «обыкновенного ума». Делами ханства Паху-Бике занималась совместно «с приверженными к ней (только из интереса) кади Нур-Магма, Андолбеком и другими». Как отмечал современник, ханша «распоряжается в ханстве с общего совета и согласия, но сама без совещания не может ничего ни решить, ни предпринять»⁸⁸.

Пошатнувшийся военно-политический престиж ханского «двора» вел к заметному ослаблению власти. Создавшуюся ситуацию понимали и ханша и ее окружение. Верно ее оценивал и Кази-мулла. Глава секты шихов не мог не учитывать, что Аварское ханство, где «кроме кадиев, Андолбеков с братьями, все чанки или побочные дети, уздени вмешиваются в управление», и власти над народом «никто не имеет»⁸⁹, может стать сравнительно легкой добычей его многочисленного ополчения. По мнению Кази-муллы, осуществление его замысла облегчалось не только ослаблением престола. Он видел и уязвимость Аварского ханства в военном отношении. В конце первой трети XIX в. командир моздокского казачьего полка подполковник Скалона отмечал, что ханство

90.

Там же.

91.

Там же.

92.

Там же.

93.

Там же, с. 126.

94.

Русский историк Д.И.Романовский писал: «Влияние Аварских ханов на соседние общества зависело от их личных качеств, и в особенности от их военной славы. Горцы до тех пор подчинялись этому влиянию, пока были уверены, что под предводительством ханов они скорее и легче получают добычу в набеге на мирные области». (Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война. СПб, 1860, с. 41).

95.

Волконский Н.А. Указ. соч., с. 123.

«едва ли» могло «выставить до 4-х тыс. незавидно вооруженных»⁹⁰. По замечанию того же Скалона, «вольные» общества, расположенные на территории Аварского ханства, лишь формально могли считаться союзниками хана, фактически же «ни в каком отношении от него» не зависели⁹¹. Эти общества, охваченные жаждой собственности, были готовы «служить не аварскому хану, а преимущественно тому, кто больше может заплатить»⁹². Иначе говоря, при Нуцал-хане «вольные» общества по существу отложились от хана ввиду одного важного обстоятельства. При Султан-Ахмед-хане они получали свою долю военной добычи от совместных набегов под его руководством⁹³. При этом Султан-Ахмед-хан, как правило, состоял в военном союзе с таким грозным владетелем, как Ума-хан. Этим аварский хан обеспечивал себя постоянной военной добычей, сохранял прочные позиции внутри ханства, в том числе в «вольных» обществах⁹⁴. Со смертью Султан-Ахмед-хана и «вольные» общества лишились крупного предводителя в набегах. Обрывалось важное звено, связывавшее «вольные» общества с ханским двором.

Кази-мулла знал об ожесточенной борьбе между ханшей Паху-Бике и Сурхай-ханом, начавшейся с тех пор, как российское правительство предоставило последнему во владение часть Аварского ханства и возвело его в достоинство «аварского хана». Паху-Бике настойчиво требовала от Сурхай-хана возвращения деревень, на которые, с ее точки зрения, он не имел юридических прав, и пыталась лишить его ханского титула. И еще не менее важное: движение Кази-муллы социально опиралось на «вольные» общества, сосредоточенные главным образом в Аварском ханстве. Перемещение «базы» движения из Койсубулинского ханства и шамхальства Тарковского в Аварию предоставило бы Кази-мулле огромные преимущества.

Свои действия он начал с того, что направил в Аварское ханство большую группу мюршидов для привлечения общинников к движению мюридизма и склонения их к принятию шариата. Вскоре оправдался один из наиболее важных расчетов главного шиха: «Аварцы без особенного труда начали склоняться на его сторону, — согласились принять шариат и вообще отвечали ему заявлениями о своей готовности помочь доброму делу»⁹⁵. Более того, энтузиазм аварцев превзошел все ожидания Кази-муллы и привел в немалое замешательство ханский дом в Хунзахе. Пользуясь этим, Кази-мулла активно принялся за дело. Он начал с переговоров, для чего направил в Хунзах своих представителей. Аварскому двору Кази-мулла предложил принять шариат и разрешить на территории ханства проповедническую деятельность наподобие той, какую он вел в шам-

96.
Там же, с. 123—124.
97.
Там же, с. 124.
98.
Окольничий Н.А. Указ. соч.,
с. 354.
99.
Там же.
100.
АКАК, т. 7, с. 520—521.

хальстве Тарковском и ханстве Койсубулинском. Молодой аварский хан, однако, решительно возразил, увидев в предложении Кази-муллы далеко идущие планы. Скрывая истинные свои цели, Кази-мулла вновь повторил просьбу, на этот раз в личном письме ханше Паху-Бике, где он, исполненный восточной почтительности, предлагал переговоры по двум вопросам: о восстановлении исламской религии в Аварском ханстве, о предоставлении в распоряжение главного шиха ханского ополчения во главе с сыном ханши Ума-ханом «для приведения к послушанию непокорящихся начертаниям шариата»⁹⁶. Предложенная повестка не оставляла сомнений в намерениях Кази-муллы. Особое внимание обращал на себя второй пункт. Было понятно, что предоставление Кази-мулле ополчения, да еще во главе с 12-летним сыном ханши являлось ничем иным, как, с одной стороны, полным разоружением ханского дома и, с другой — превращением малолетнего хана в заложника. Разгадать столь нехитрый прием было нетрудно. Впрочем, особой дипломатической тонкостью не отличался и ответ ханши, предложившей Кази-мулле посетить Хунзах для личного свидания и «разъяснения шариата». Ших хорошо знал нравы ханши и не без основания опасался, что, нанеся визит Паху-Бике, он может «оставить в ее владениях свою голову»⁹⁷.

Отклонив приглашение ханши, Кази-мулла не стал терять времени на переговоры и начал готовиться к вооруженному нападению на Аварское ханство. Ших понимал свое реальное превосходство в области военного потенциала. В конце 1829 г., т. е. накануне вторжения в Хунзах, Кази-мулле повиновались Койсубу, Гумбет, Андия и другие мелкие общества по Андийскому и Аварскому Койсу. Кроме того, добрая половина шамхальцев, а также большинство населения из «вольных» обществ изъявили готовность поддержать Кази-муллу⁹⁸. Перед нашествием в Аварию Кази-мулла, при необходимости, мог выставить войско до 15 тыс. человек, «готовых на все по его мановению»⁹⁹.

Аварский дом, со своей стороны, осознавал, перед лицом какого грозного противника он оказался. Здесь отдавали себе отчет в том, что собственных сил для оказания вооруженного сопротивления Кази-мулле не хватит, и, задолго до вторжения шиха, предпринимались попытки получить военную помощь извне. Еще в 1829 г. по инициативе Паху-Бике и бабушки Гихли завязались переговоры с российским командованием на Кавказе о российском подданстве¹⁰⁰. В тот год, однако, ни Нуцал-хан, официально ведущий переговоры, ни его мать не выдвигали перед Россией вопроса о внешней безопасности ханства. Отстаивались лишь узкоэгоистические интересы хан-

101.

Там же, с. 521.

102.

МИДЧ, с. 122—123.

103.

Волконский Н.А. Указ. соч.,
с. 124.

ского дома: политическая ориентация на Россию и присяга российскому престолу предлагались в обмен на то, чтобы аварскому дому вернули земли, ранее принадлежавшие хану, а затем при А. П. Ермолове отданные шамхалу Тарковскому. Нуцал-хан ставил также вопрос о лишении Сурхай-хана права на владение частью территории Аварского ханства. На таких условиях российское командование, естественно, не согласилось принять аварский дом под свое покровительство, поскольку понимало, как все это могло ухудшить отношения с шамхалом и Сурхай-ханом. Вместе с тем командование учитывало всю важность тесных политических контактов с аварским домом: оно не забыло, как при Султан-Ахмед-хане Аварское ханство осталось в политической изоляции от России и как это осложняло ее положение на Северо-Восточном Кавказе. Во избежание повторения ситуации российское командование, вместо территориальных приращений, о которых просила аварская сторона, сделало ценные подарки членам аварского дома: бабушке Гихли был преподнесен бриллиантовый перстень с бразильским топазом стоимостью в 1200 руб., Паху-Бике — бриллиантовый перстень с гранатом стоимостью в 800 руб., Нуцал-хану — часы стоимостью в 400 руб. и калейдоскоп. Сверх всего этого хану было дано обещание о присвоении ему звания генерал-майора и назначении пансиона¹⁰¹. После недолгих колебаний ханский дом вынужден был согласиться на предложенную сделку и в присутствии большого числа дагестанских владетелей, а также представителей российского командования принес присягу на верность России¹⁰².

Даже такой союз с Россией имел важное значение на случай нападения на Аварское ханство. В связи с угрозой вторжения в Хунзах Казимуллы цена союза с Россией особенно возросла. Но у аварского дома, недовольного развитием отношений с Россией, сохранялось недоверие к ней. В частности, хан не очень верил, что она окажет военную помощь против Казимуллы. Желая приобрести большие гарантии своей безопасности, накануне вторжения главного шиха в Хунзах Паху-Бике вступила в переговоры с Ираном и Турцией, направив к правительствам этих стран своего «любимца Хрис-Илова с 50 прибранными к себе лицами»¹⁰³.

В 1829 г., когда в стане Казимуллы и в хунзахском дворце по существу шли приготовления к вооруженному конфликту, закончилась русско-турецкая война. Это обстоятельство резко меняло обстановку для обеих сторон. И дело не только в выгодных для России общих политических итогах (формально Турция и Иран отказывались от притязаний на Кавказ). После войны русское правительство, на время отложившее кавказские дела в сторону, вновь могло

вернуться к ним. Предстояло обратить особое внимание на Северный Кавказ, выпавший из поля зрения в годы русско-иранской и русско-турецкой войн. Именно там за четыре года войны российское правительство «проглядело» такое крупное явление, как превращение мюридизма в некую военно-политическую систему, пока не до конца оформившуюся, но уже представлявшую собой реальную военную силу. Российское правительство, еще не подозревая, с каким феноменом предстоит ему столкнуться на Северном Кавказе, но осознавая необходимость срочных действий, приступило к внутреннему политико-административному обустройству региона. Сразу же по окончании войны с Турцией Николай I писал фельдмаршалу И. Ф. Паскевичу: «Кончив таким образом одно славное дело, предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз, гораздо важнейшее, — усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных. Дело сие не требует немедленного приближения, но решительного и зрелого исполнения... Я для сего предоставляю вам временно все войска, под командою вашей ныне находящиеся; с тем, чтоб удар был столь же решителен, как и внезапен»¹⁰⁴. Паскевич получил от императора конкретное указание — составить подробный план военного покорения горцев и окончательного установления над ними российского политико-административного управления.

Осенью 1829 г., — когда Николай I отдавал свои распоряжения в отношении Северного Кавказа, а Паскевич уже был готов приступить к их исполнению, — ни Кази-мулла, ни аварский дом, конфликт между которыми приближался к вооруженной развязке, не знали о замыслах Петербургского кабинета. Лишь в конце 1829 и в самом начале 1830 г., когда российское командование заметно изменило тон во взаимоотношениях с населением Большого Кавказа, можно было предположить о намерениях Петербурга. Но даже в эту пору, уяснив, что в случае вооруженного вторжения в Аварию ханский двор может получить военную поддержку со стороны русских войск на Кавказе, Кази-мулла, уже несколько лет не призывавший к войне с Россией, не собирался отказываться от захвата Аварского ханства. Это еще раз подтверждало, что овладение Аварией относилось к разряду не «повседневных», а стратегических задач, от решения которых нельзя было отступить. Готовясь к вторжению, глава секты шихов как бы даже не задумывался над исходом предстоящего сражения. И это вовсе не потому, что Кази-мулле отказывало чувство реализма и он не допускал для себя возможности поражения. Дело было в другом. Мюридизм и тесно связанная с ним военно-политическая организация Кази-муллы достигли стадии,

105.

Окольничий Н.А. Указ. соч., с. 354. Стремление Казимуллы к власти и установлению широкой военно-политической гегемонии на Кавказе отмечают и зарубежные авторы. (См. Eichwald E. Op. cit., Bd. 1, S. 678).

106.

Окольничий Н.А. Указ. соч., с. 354.

107.

Там же, с. 354—355; Английский историк Л.Блэнч несколько упрощает суть дела, видя в словах Казимуллы лишь «образный прием» для воодушевления мюридов (Baddeley J.F. Op. cit., p. 253—254. Blanch L. Op. cit., p. 64).

когда, по-видимому, под глубоким универсальным воздействием общественных законов не только отступает страх поражения или неудачи, но и перестают существовать трудности, реальные преграды на пути к заветной цели. Казимуллы и его единомышленники, поглощенные планами завоевания «жизненного пространства», идеей установления своей гегемонии, были столь увлечены созданием военно-политической машины, что овладение Аварским ханством, при всей его важности, рассматривалось ими не более, как этап в общей их программе. Чтобы конкретнее представить образ мышления организаторов Кавказской войны, идеологический климат в их среде, уместно привести свидетельство прапорщика Исала-Магома, близко стоявшего к главе шихов (Исал-Магома был женат на сестре Казимуллы). Наблюдая своего зятя во время похода на Андию, прапорщик заметил, что Казимуллы стал вынашивать планы широкомасштабных захватов: среди них, например, была идея «о слиянии мусульманских племен Кавказа воедино и о совершении таких подвигов, мысль о которых даже в магометанском мире считалась преданием»¹⁰⁵. Исал-Магома рассказывал, что в Андию Казимуллы будто бы шел пешком, поскольку опасался, что будет «грех», если воспользоваться конем. Он часто останавливался, прислушивался к чему-то. На вопрос — почему он себя так ведет, главный ших объяснял Исала-Магоме: «Разве ты не слышишь? Мне чудится... шум цепей, в которых проводят предомно русских!»¹⁰⁶ Присев на камень, Казимуллы тут же оживленно стал развивать мысль о походе на Москву, не сомневаясь в успехе. «Когда возьмем ее, — говорил главный ших своему шурина, — я пойду на Стамбул; если хункарь свято соблюдает постановления шариата, мы его не тронем, — в противном случае, горе ему. Он будет в цепях и царство его сделается достоянием истинных мусульман»¹⁰⁷.

Высмеивая Казимуллы, дореволюционный автор с издевкой писал о том, будто вождь Кавказской войны был убежден, что Москва и Константинополь всего-навсего большие селения наподобие Хунзаха и Унцукуля, овладение которыми не представит особого труда. Этот автор не учитывал, что у Казимуллы мысль о дальних походах, в том числе на Москву и Константинополь, рождалась вовсе не из-за путаницы в географических представлениях. Ни при чем тут и фанатическая ненависть к России или Турции, которой часто объясняют многие сложные явления Кавказской войны. Наконец, направляясь в Андию, а позже и в Аварское ханство, чтобы затем «пойти» на Москву и Константинополь, Казимуллы, конечно же, был движим не «национально-освободительной» и антифеодальной борьбой.

Планы объединения всех мусульман, походов в дальние страны и столицы рождались на другой социальной и политической почве — на той, на которой в свое время возникли идеи великих завоеваний арабов, скифов, сарматов и алан, скандинавских викингов и многих других народов. Для народов, оказавшихся на известной стадии общественного развития, военные походы — не просто ремесло, пополнявшее слабую экономику рядового общинника, но и то средство, с помощью которого шло формирование в обществе собственности классов и государственного механизма. Этот процесс — одно из самых глубоких революционных преобразований, когда-либо происшедших в обществе. Особенность этой революции, по-видимому, состоит в том, что фатальная неизбежность образования классов, разрывавшая тысячелетние узлы родового строя, порождала необузданную общественную стихию, не знавшую границ и нравственных норм. Эта социальная энергия, как одна из форм выражения законов развития общества, вовлекала людей в беспрецедентные завоевания и военные катастрофы. На этой стадии племена и народы как никогда способны к объединению и устремляются на захваты, не считаясь ни с расстояниями, ни с силами противника, ни с возможным трагическим исходом. Кази-мулла и его соратники, оказавшиеся именно в такой социальной ситуации, поступали точно так же, как их собратья по исторической эпохе. Они были неустойчивы в своем намерении преобразить общество горного Дагестана, сохранившего до XIX в. архаичный пласт мировой истории. В 1830 г., накануне похода в Аварию, Кази-мулла не сомневался более, что политика низвержения аварского престола и создания своего «царства» наверняка столкнет его с российским командованием, которому присягнул Нуцал-хан. Поэтому он отказался от прежних военно-мюридистских акций, не имевших антироссийской «идейной» направленности, и вновь вернулся к изначальной идеологической установке — газават против России.

Рассматривая захват Аварского ханства как важное военно-политическое предприятие, Кази-мулла вел тщательную подготовку к нему, которая началась в Гимрах, у него на родине, где ему была гарантирована поддержка. Там состоялись его первые предпоходные проповеди, обращенные к ополчению и местному населению. Кроме обычных положений ислама и требований введения шариата, в них звучали призывы к объявлению России газавата. Он упрекал соотечественников и мюридов в том, что они в свое время не пожелали принять шариат и тем совершили тяжкий грех перед Аллахом. Точно такой же грех, — говорил он, — не воевать с Россией: пока «Дагестан попирается ногами русских, до тех

108.

Окольничий Н.А. Указ. соч., с. 355.

109.

Казембек М.А. Указ. соч. (Приложение), с. 232.

110.

Там же, с. 232—233.

111.

Там же, с. 233.

пор не будет вам счастья: солнце сожжет поля ваши... сами будете умирать как мухи, и горе вам, когда предстанете на суд всевышнего»¹⁰⁸. Убеждая своих слушателей в том, что он послан богом, чтобы спасти народ, Кази-мулла предельно ясно определил главных противников мюридизма, непримиримую войну с которыми рассматривал как волю Аллаха. «Итак, — говорил Кази-мулла в своем обращении в Гимрах, — во имя Аллаха и пророка призываю вас на брань с неверными. Газават русским, газават всем, кто забывает волю и шариат»¹⁰⁹. Он призвал не жалеть «ни себя, ни своих детей и домов» и устранил тех, кто «отступится» и не выступит в поход со «своим газием» (кадием).

Подготовка к вторжению в Аварское ханство заняла у Кази-муллы довольно много времени. В Гимрах она только началась. Главное предстояло сделать в самой Аварии, в «вольных» обществах, поддерживавших мюридизм. Поэтому после Гимр Кази-мулла направился в Аварию, где ему предстояло вовлечь в движение местное население, значительно пополнить ополчение. Кроме того, в Аварии, которой в будущем отводилась роль основной территории «нового владения», необходимо было осуществить широкую проповедническую работу, чтобы подготовить почву для серьезных политических действий. Перед нападением на Хунзах, как перед важнейшим историческим актом, Кази-мулла произнес в Аварии, пожалуй, самые блистательные речи, объяснявшие общинникам и знати сложившуюся в горном Дагестане обстановку. Заслуживает внимания одно из выступлений главы шихов в мечети. Напомнив об общих положениях Корана, Кази-мулла вопрошал своих слушателей: «...где времена, когда мусульмане делали джихад на пути божьем? Где они?! Где времена, когда мусульмане рассекали... врагов божьих? Где они! Где времена, когда мусульмане поступали по предписанию Корана? Где они!»¹¹⁰ В исполненной темперамента речи глава шихов обрушивался на аварцев, обвиняя их в богоотступничестве, в том, что они «обратили» свою «спину к слову пречестнейшего, великого бога», стали «коварны и вероломны», явными «притеснителями и отверженцами веры»¹¹¹. Кази-мулла назвал врагов ислама врагами дагестанского народа, однако в их числе не оказалось России; он вообще не упоминал о русских. Вставленные позже в речь имама слова «Россия», «русские» принадлежат одному из первых комментаторов этой речи М. А. Казембеку. Вместе с тем, называя главных виновников неурядиц в горном Дагестане, Кази-мулла высказал ряд объективных положений, отражавших реальную социальную обстановку: по его мнению, «виновниками» являлись «невежды из мусульман», не принимавшие наставления духовных,

112.
Там же.
113.
Там же.
114.
Там же.

князя, от которых страдают те же духовные. Кази-мулла считал, что князя «не пристали» к русским, но они отстали от «ревностных мусульман»¹¹². Этим Кази-мулла подчеркивал двойственную позицию представителей старой феодальной знати по отношению как к России, так и к свободному населению горного Дагестана. Объективно проповеди Кази-муллы отражали в основном интересы духовной знати (улемов, кадиев), хотя в речах, произносимых перед походом в Аварию, он подверг критике и представителей клерикалов, утверждая, что «...улемы попали в сети невежд, благочестивые приводятся в искушение богоотступниками»¹¹³. Однако самое главное обвинение — в «духовном обнищании» — он бросил в адрес общинников. «Настало царство порока и порочных, миновало царство духовное и духовных»¹¹⁴, — говорил главный мюрид. Кази-мулла не мог не видеть, как уходили в прошлое родовые традиции, на которых покоилось духовное «благо-состояние» общества, и как тяжело приживалась новая исламская идеология. Отсутствие духовности он, судя по всему, связывал с переходным состоянием общества. Каким-то социальным чутьем Кази-мулла, похоже, уловил то, что сейчас хорошо известно: именно на таком историческом перепутье, — когда старый образ мышления отмирает, а новый только зарождается, — образуется некий «идейный вакуум», сопровождающийся всеобщим «падением нравов».

Речь главного шиха перед аварцами накануне вооруженного выступления против Хунзаха — не просто очередная воинственная проповедь. Это яркий памятник исламской публицистики, плод незаурядного таланта Кази-муллы. Здесь есть все — и глубокое понимание происходившего в горном Дагестане, и идеологический пафос, и одержимость крупного политического деятеля, взявшегося за дело социальной революции.

Речь Кази-муллы, в свое время опубликованная проф. М. А. Казембеком, неординарна еще и по другой причине. Она произносилась в мечети по случаю принятия главным шихом нового, более высокого духовного сана — сана имама. Связывая с захватом Аварии далеко идущие планы, Кази-мулла, еще не зная об исходе будущего сражения, предусмотрел личный «должностной» статус (имам), который должен был соответствовать новой военно-политической организации (имамат), создаваемой им на базе Аварского ханства. Имамат, по-видимому, представлялся ему на порядок более высокой системой управления, чем государственные образования, существовавшие на территории Дагестана. Учреждение титула имама не было преждевременным политическим актом. Перед вооруженным нападением на

115.
Там же, с. 208.

116.
Там же.

Хунзах Кази-мулла вполне реально оценивал предпосылки государственности: наличие крупного ополчения, отряда мюридов, партии шихов и, наконец, идеологии, способной сцементировать все звенья будущей государственной системы. Кази-мулла, имевший широкую поддержку «вольных» обществ Аварии, был уверен в успехе. К тому же положение имама предоставляло неограниченные полномочия, столь необходимые на стадии формирования государственности. Согласно исламу, в случае неповиновения имаму он «с ласкою приглашает их к повиновению и разрешает сомнения; если же они останутся непокорными и восстанут в совокупности, то имаму разрешается истребление их»¹¹⁵. Понятно, Кази-мулла не располагал еще управленческим механизмом и властью, которые могли бы обеспечить ему реализацию этого принципа, да и, собственно, перед ним не стояла задача немедленного воплощения в жизнь всех преимуществ, проистекаемых от власти имама. Речь пока шла об имаме как юридическом институте, способном придать заверченный вид государственному зданию Кази-муллы. Имело значение и другое обстоятельство. Имамский сан, по расчетам Кази-муллы, должен был непосредственно повлиять на исход военного предприятия против Хунзаха. Кази-мулла не ошибался. По М. А. Казембеку, «когда Кази-Мухаммед утвердился в своем звании имамском, его мюриды уже начали составлять род более или менее правильного ополчения, которое подчинилось его воле и исполняло всякое его приказание с самоотвержением»¹¹⁶.

Но вернемся к проблеме обретения территории. Она была не новой в движении мюридизма. Впервые шансы решить ее появились у Кази-муллы еще в то время, когда он со своим ополчением располагался в шамхальстве Тарковском. Тогда, летом 1829 г., Кази-мулла смог войти в тесные отношения с одним из наследников шамхала — Абу-Муселимом, боровшимся за престол против своего брата Сулеймана. Преследуя разные политические цели, Абу-Муселим и Кази-мулла подняли население против своего соперника Сулеймана. Вначале их действия получили поддержку Ахмет-хана Мехтулинского. С его помощью Абу-Муселиму и Кази-мулле удалось захватить Казанищи и Эрпели, создать там свои укрепления. С этого момента они постепенно стали приводить население к присяге на верность наследнику шамхала. Видя военно-политический успех Абу-Муселима и Кази-муллы, к ним присоединилась Пахубике, направившая в шамхальство небольшой отряд под командованием Гамзат-бека: у ханши были свои расчеты — выдать дочь замуж за Абу-Муселима.

Участвуя в ханских интригах, вылившихся в вооруженное столкновение, Кази-мулла, имевший уже

117.
Прушановский К. Указ. соч.,
с. 15.

118.
Там же.

119.
Там же.

тогда широкую поддержку со стороны рядовых общинников и родовой знати, допускал, что в случае удачи плоды победы могут достаться ему. Такой исход нельзя было исключить, поскольку Кази-мулле не стоило особых усилий после победы над Сулейманом покончить и с Абу-Муселимом. Замыслы Кази-муллы сорвало вмешательство российского командования, направившего карательный отряд против объединенных сил Абу-Муселима, Кази-муллы и Паху-Бике. Кази-мулла смог убедиться в том, насколько сложными в реализации оказались его замыслы в шамхальстве Тарковском. Планы в отношении Аварии были более просты по форме, но не менее трудны по выполнению. Этим и объясняется, почему на Аварское ханство Кази-мулла двинул крупные военные силы — более чем 8-тысячное ополчение¹¹⁷.

Итак, Кази-мулла приступил к вторжению в Хунзах. Паху-Бике попыталась предотвратить вооруженное столкновение путем переговоров с имамом. В обмен на мир она соглашалась взять на себя ряд обязательств, которые, как полагала ханша, должны были удовлетворить имама. В частности, Паху-Бике обещала принять шариат, способствовать его утверждению в ханстве, выдать Кази-мулле одного из сыновей в качестве аманата. Естественно, Кази-мулла, теперь уже не просто завоеватель, а политический деятель с грандиозными планами, решительно отверг всякие переговоры с ханскими представителями и двинул свое ополчение на Хунзах. К такому повороту событий ханский двор был не подготовлен. Тем не менее хан сумел выставить войско против ополчения Кази-муллы. Оно было малочисленно, немногим более двух тысяч человек, возглавлял его Нуцал-хан, которому из-за молодости и неопытности воины не очень доверяли. Ханские войска проявили нерешительность перед грозным противником. Но и здесь на помощь Нуцал-хану и его отряду пришла Паху-Бике: «Вы, хунзахцы, — обратилась она к воинам, — не должны носить шашек, отдайте их женщинам, а себя покройте чадрами»¹¹⁸. Слова ханши пристыдили воинов, они бросились на ополчение имама и отбросили его от хунзахских стен. Поражение Кази-муллы было столь ощутимо, что ему ничего не оставалось, как покинуть Аварию.

Поскольку нападение на Хунзах было частью крупномасштабных замыслов, то одновременно с военными действиями против аварского дома имам подготовил выступление духовенства и населения разных районов горного Дагестана в поддержку шариата и мюридизма. С той же целью Ших-Шабан совместно с Гамзат-беком, еще недавно состоявшим в союзе с Паху-Бике, направлялся в Закаталы¹¹⁹, он также должен был доставить имаму богатую

добычу. В пользу Кази-муллы действовал и мулла Хан-Магомед Табасаранский, выступивший против Ибрагим-бека, владельца Южной Табасарании. Однако всеобщее «восстание» не удалось: духовенство не нашло поддержки у рядовых общинников, фактически сорвавших планы Кази-муллы.

Таким образом зимняя военная кампания, на которую Кази-мулла возлагал большие надежды, провалилось. Что же случилось, почему более чем 8-тысячное ополчение, перед которым до этого не могли устоять превосходившие его силы, потерпело поражение от 2-тысячного отряда под командованием заурядного в военном отношении хана?

Накануне боя Кази-мулла, желая разгромить ханский отряд без особых потерь, разделил свое ополчение на два численно одинаковых отряда. Один из них имам возглавил сам, другой — опытный Шамиль. Предполагалось расчленив оборонительные силы Нуцал-хана и ослабить и без того слабого противника. Но даже эта «уловка» не спасла положение, поскольку случилось непредвиденное: отряд во главе с Кази-муллой, еще не вступив в сражение, стал быстро таять — разбегались воины. Этому примеру последовали ополченцы из отряда Шамиля, хотя им и удалось на короткое время ворваться в Хунзах.

Как видно, с военно-тактической точки зрения было предусмотрено все и можно считать, что причины поражения Кази-муллы лежали вне области военного искусства. Они крылись в идеологическом состоянии, в котором все еще находилось ополчение имама. Об этом свидетельствовал, например, следующий факт: когда Шамиль подвел свой отряд к Хунзаху и завязался бой, одни его воины тут же стали переходить на сторону противника, другие — сорвали чалму с Шамиля и, возможно, лишили бы его жизни, если бы ее не спас дервиш Нур-Мухаммед¹²⁰. Кази-мулла был убежден, что неудача под Хунзахом была непосредственно связана с состоянием ислама в Дагестане. Вернувшись из Аварии в Гимры и собрав койсубулинцев, он заявил: «Наша неудача под Хунзахом от того произошла, что мы, хотя принадлежим к последователям истинного тариката, но не только о нем, даже о шариате в нашей душе таится сомнение: справедливы ли они или нет. Мы к ним не привязаны от истинного сердца»¹²¹. Поход на Хунзах показал, что Кази-мулле удалось лишь вовлечь население в движение, но не удержать в нем. Имам еще не успел достичь главного — подготовить ополчение к войне во имя «высокой идеи», требовавшей самопожертвования. Иначе говоря, Кази-мулле не удалось пока довести мюридизм до фанатизма, благодаря которому даже малыми силами можно было бы решать крупные военно-политические задачи.

122.
Там же.
123.
МИДЧ, с. 211.
124.
Там же, с. 270.
125.
Там же, с. 127.
126.
ШССТАК, с. 13.

После Хунзаха имам хорошо осознал это. Обращаясь к остаткам своего ополчения, Кази-мулла напомнил: «Народ! Кто хочет поступать, как повелевает истинный тарикат, тому не должно бояться смерти, каждого из нас ожидает рай и в нем прелестные гурии. Примите тоба и умоляйте бога о прощении ваших грехов»¹²². Как видно, идея вечной войны правоверных с «неверными» не стала еще в горном Дагестане всеобщей, не проникла в повседневную жизнь настолько глубоко, чтобы служить для абсолютного большинства народа символом будущего социального благополучия. Но у поражения под Хунзахом были, кроме идеологической, и другие причины. Так, формулы шариата и газавата практически не «сработали» против ханского дома, не являвшегося тем «образом врага», который смог бы поднять общинников на борьбу. Не случайно, что во время боя андаляльцы и гумбетовцы, входившие в ополчение, перешли на сторону аварского хана¹²³. Наконец, поход Кази-муллы высветил социальную расслоенность среди участников Кавказской войны. Из-за нее снижалась не только боеспособность ополчения, которое «рассеялось» сразу же после поражения под Хунзахом¹²⁴. Она сказывалась в целом на развитии самого движения, встречавшего на своем пути немало трудностей. Кроме того, социальные разногласия между родовой знатью и рядовыми общинниками были не менее остры, чем отношения между «вольными» обществами, с одной стороны, и феодальными владениями — с другой, хотя в последнем случае они (в момент, когда Кази-мулла совершал свой хунзахский поход) и носили социально приглушенный характер. По свидетельству современника, «власть их (аварских ханов — *ред.*) над народом» была «ограничена до такой степени, что при получении подарков они вынуждены уделять часть из оных и другим значущим в ханстве людям, без чего могли бы иметь даже неприятности, почему правление их можно скорее назвать народным, нежели деспотичным»¹²⁵.

На исход сражения под Хунзахом повлияло и другое: имам требовал от ополчения совершить поход с необычной для него целью и не в традициях набеговой практики. Направляясь в Хунзах, Кази-мулла, как бы проверяя боевую готовность ополчения, напал на 4 лезгинских села и моментально разгромил их¹²⁶. Имам был уверен, что точно так же он справится с Хунзахом. Он не замечал тогда, что нападение на лезгинские села совершалось ради привычной цели — военной добычи, а сражение за «ханский престол» — до конца не понятая задача. Поэтому было ясно, что Кази-мулле необходимо перейти грань, на которой завершается набег с целью военной добычи и начинается нечто иное — вторжение с целью установления своего политико-идео-

127.
МИДЧ, с. 210.
128.
АКАК, т. 7, с. 515.
129.
МИДЧ, с. 206.
130.
Там же.

логического господства. Решение этой непростой задачи требовало значительно большей организованности и идеологической спаянности мюридистского движения.

Таким образом поход в Аварию лишь внешне казался обеспеченным всем, что было необходимо для успеха. На самом же деле он оказался «преждевременным» событием в Кавказской войне. Неудача его состояла не только в срыве планов Кази-муллы. Немалы были морально-идеологические издержки поражения. Главнокомандующий Отдельным кавказским корпусом писал: «Волнение, произведенное койсубулинским кадием Кази-Магома, окончилось благоприятным для нас образом и, как кажется, без произведения на умы народа того сильного влияния, какового от подобных происшествий всегда ожидать можно»¹²⁷. Идеологический проигрыш, а не потеря ополчения, по поводу которого больше всего сетовали мюриды Кази-муллы, — таков главный итог похода на Хунзах.

Командование русской армией на Кавказе проявило большой интерес к событиям в Аварии. Тогда оно не могло еще знать о военно-политических замыслах, которые связывал Кази-мулла с Аварским ханством. По-прежнему оно не затрудняло себя и анализом социальных мотивов, лежавших в основе движения горцев. И все же отдельные военные чиновники, задумываясь над происходившим на Северо-Восточном Кавказе, догадывались о наличии этих мотивов. Так, майор Карганов, одним из первых доложивший И. Ф. Паскевичу о сражении под Хунзахом, заметил, что события в Дагестане — ничто иное, как борьба местной знати за свое господство. По его мнению, здесь «нет двух владельцев, согласных между собою, даже родные братья в раздоре; вольному народу угрожает покорение»¹²⁸. Кроме того, майор, знавший об участии в походе против Хунзаха сына шамхала Тарковского Абу-Муселима, считал, что главная опасность дальнейшего подъема движения мюридизма происходит от феодальных владельцев, выступивших за утверждение шариата. Майор Карганов не был одинок в своем мнении. Так же оценивали обстановку и некоторые дагестанские владельцы. Аслан-хан, например, доносил И. Ф. Паскевичу о поддержке, которую оказывали Кази-мулле представители знати и Кюринского и Казикумукского ханств; в этом он видел одну из важных причин возникновения движения¹²⁹. Как писал Аслан-хан, при появлении мюридов, «бунтовщиков», «в его владениях многие не осмелятся поднять противу них оружие»¹³⁰.

После событий в Аварском ханстве российское командование начинало понимать, как далеко может зайти движение мюридизма, если вовремя не пред-

131.

Там же, с. 208.

132.

АКАК, т. 7, с. 514.

принять необходимых мер. Оно в общем представляло себе, чем мог бы закончиться поход Кази-муллы на Хунзах, окажись имам более удачливым. И. Ф. Паскевич отдал распоряжение своим подчиненным «внушить каждому из владельцев, что цель сего возмутителя есть соединить всех в общую республику под влиянием духовной власти, причем они должны будут первые лишиться всех своих преимуществ и самих владений, которые могут сделаться от них независимыми»¹³¹.

Замечая самое общее в путях и целях движения Кази-муллы, российское командование, принимаясь за борьбу с кавказским мюридизмом, сосредотачивалось на частных, оперативных действиях и упускало главное. Примером таких действий являлись попытки захватить Кази-муллу, военная экспедиция с целью подавления очередной вылазки ополчения имама и т. д. Среди наиболее продуманных, с точки зрения «стратегии», планов, принятых после вторжения имама в Хунзах, был план И. Ф. Паскевича. Ознакомившись с конкретным материалом, касавшимся событий в Аварском ханстве, И. Ф. Паскевич реально оценил как масштабы движения мюридизма, так и угрозу, нависающую над интересами России на Северо-Восточном Кавказе. В контексте этой реальности командующий принял решение привлечь Кази-муллу на свою сторону, «испытать первоначально убеждения и некоторые выгодные для него предложения; для лучшего же соглашения уговорить его явиться ко мне в Тифлис, удостоверяя не только в безопасности, но и в высоком награждении»¹³². Приведена выдержка из оперативного поручения И. Ф. Паскевича майору Карганову. Однако у командующего на Кавказе и русского правительства тогда сохранялся шанс превратить его в «стратегическое»: к 1830 г. Кавказская война, продолжавшаяся уже более пяти лет, практически не вовлекла еще в свою сферу Россию и пока не имела антироссийской направленности, если не считать отдельных призывов Кази-муллы к газавату против русских. Предотвращения дальнейшего развития Кавказской войны российское правительство могло добиться, пожалуй, лишь одним способом — решительно взять сторону Кази-муллы, оказать ему политическую поддержку в его попытках создать государственное образование наподобие тех, какие существовали уже на территории Дагестана. Но с самого начала была выбрана однозначная тактика — тактика военного подавления. В 1830 г., после хунзахских событий, военный министр России А. И. Чернышев доложил Николаю I об обстановке в Дагестане. Вслед за этим император отдал военному ведомству и лично И. Ф. Паскевичу секретные распоряжения относительно движения Кази-муллы и дальнейшего покорения горцев. В этих

133.
МИДЧ, с. 209.
134.
Там же, с. 209—210.
135.
Там же, с. 210.

распоряжениях Николай I еще более отдалился от политики, которая могла бы предотвратить нарастание Кавказской войны. Суть указаний императора заключалась в следующем.

По мнению Николая I, военное подавление движения Кази-муллы необходимо было включить в общий план покорения горцев, составленный еще в 1829 г. Считая карательные меры «лучшим средством к упрощению возникающего мятежа», император дал указание, чтобы «начало военных против них (горцев — *ред.*) действий нисколько не было отлагаемо, дабы в течение нынешнего лета и осени можно было успеть привести в исполнение весь предположенный план»¹³³. Вместе с тем Николай I понимал, что широкомасштабные карательные меры на Северном Кавказе способны вызвать всеобщее недовольство местного населения и подъем движения Кази-муллы. Поэтому в своем секретном распоряжении он поручил И. Ф. Паскевичу объявить горцам, что российское правительство гарантирует им: 1) полную веротерпимость и свободу вероисповедания в настоящем и в будущем; 2) «внутреннее благоустройство» горцев «с сохранением всех их выгод и преимуществ»¹³⁴. Иначе говоря, Николай I доводил до горцев Большого Кавказа свой главный политический принцип, согласно которому он не только «строго и неизбежно наказывает восстающих против его власти и умеет усмирять нарушителей своих обязанностей»¹³⁵, но и решает мирным путем вопросы «благоустройства» горцев.

Правительственный курс на вооруженное подавление движения Кази-муллы сводил на нет робкую попытку И. Ф. Паскевича мирно урегулировать отношения с вождем Кавказской войны. Более того, с момента принятия указаний Николая I (1830 г.) Россия становилась воюющей стороной. Это был крупный политический проигрыш. Что касается движения Кази-муллы, то вовлечение России в Кавказскую войну по существу мало чем угрожало его дальнейшему развитию, напротив, — придавало ему более «завершенный вид». Будучи внутренне обусловленной, Кавказская война, тем не менее, нуждалась во внешнем «раздражителе». С 1826 по 1830 г. движение Кази-муллы фактически не имело перед собой «образа врага», а следовательно — идеологического накала, о котором постоянно заботился имам.

Объявляя войну горцам, правительство Николая I, не желая того, выставило себя в этом качестве. Отныне любая военно-политическая акция России на Северо-Восточном Кавказе воспринималась как антидагестанская или античеченская, против которой следовало вести непримиримую борьбу. России предъявлялись два серьезных обвинения: в новом запрещении набегов; в лишении местного духовен-

136.

Там же, с. 211.

137.

АКАК, т. 7, с. 515—517.

138.

Там же, с. 531.

139.

Там же.

140.

МИДЧ, с. 212.

141.

Прушановский К. Указ. соч., с. 16.

142.

Там же, с. 17.

ства «выгоды первенствовать в народных делах и решать несогласия между частными лицами посредством произвольных истолкований Корана»¹³⁶. Отстаивание права совершать набеги, противодействия утверждению военно-политического управления в Дагестане, а также создание собственного политико-административного образования (имамата) становились важнейшими стимуляторами Кавказской войны после 1830 г. Таким образом особый политический смысл придавало движению появление, наряду с идеей повсеместного утверждения шариата, другой, не менее актуальной идеи — войны с неверной Россией.

Накануне военных действий по осуществлению плана покорения горцев И. Ф. Паскевич во исполнение указаний императора обратился с «Прокламацией к населению Дагестана и Кавказских гор»¹³⁷. В ней командующий вновь повторил правительственную оценку движения Кази-муллы. Рассматривая имама и его мюридов как «возмутителей», «ищущих под видом шариата покорить под необузданную власть свою вольные ваши общества и истребить древние поколения ханов и правителей народных», И. Ф. Паскевич, наряду с признанием свободы вероисповедания для горцев, объявлял войну Кази-мулле. Вскоре последовали конкретные действия против мюридизма. Командование, накануне собиравшееся «усмирить» политически «неблагонадежную» Аварию¹³⁸, резко изменило свое отношение к аварскому дому, представшему в роли пострадавшей стороны. Оно встало на защиту аварского хана. Впрочем, последний, до этого действительно не отличавшийся пророссийской ориентацией, в письме¹³⁹ к командованию просил о помощи, теперь уже как сторонник политики России в Дагестане. Такой поворот событий повлиял на мюридистское движение: на некоторое время была подорвана вера в возможность дальнейшей борьбы за утверждение шариата, войны с неверными. С Кази-муллой оставались лишь гимринцы. Отряды из других «вольных» обществ фактически покинули его. Вскоре проблематичной стала и поддержка со стороны гимринцев. Дело в том, что в Гимры против койсубулинцев был направлен отряд барона Розена, угрожавший экзекуцией местному населению. «Из всех селений» барону выслали старшин, принесших присягу на верность России. Не только Розен, но и И. Ф. Паскевич считали, что этим рейдом «волнение» прекращено¹⁴⁰. Иначе оценивал обстановку имам. «Созвав к себе всех мулл и старшин койсубулинских»¹⁴¹, Кази-мулла представил дело так, будто барон Розен не вступил в Гимры из-за «страха». Он убеждал своих слушателей в том, что им «нечего бояться русской славы и должно идти на них смело»¹⁴². На собрании в Гимрах имам ука-

143.
Там же.
144.
Берже А. Кази-Мулла...
145.
МИДЧ, с. 213.
146.
Там же, с. 214.
147.
Прушановский К. Указ. соч.,
с. 17.

зывать на Тарки, Андреевскую деревню как на новые направления его дальнейших военно-политических действий. Выбор Тарков и Андреевской деревни объяснялся тем, что там располагались российские войска, с которыми можно было помериться силами. Имам, пожалуй, впервые разворачивал острие своего движения против России. Понятно, что борьба с огромной державой не могла принести успеха Кази-мулле: это он и сам осознавал. Но в тот период война с Россией, запрещавшей набеги, а теперь еще и лишавшей имама перспектив захвата Аварского ханства, должна была подтолкнуть к участию в движении тех, кто накануне отошел от Кази-муллы. Кроме того, по расчетам имама, война с Россией давала не только политико-идеологический, но и материальный стимул. Выступая в Гимрах перед койсубулинцами, имам убеждал, что того, кто станет под ружье и пойдет с ним на войну против российских войск, ждут «первая слава, первая добыча, первое место в раю и первые прелестнейшие гурии»¹⁴³. Затем Кази-мулла основал укрепление Агиш¹⁴⁴ и призвал койсубулинцев собраться во владениях шамхала Тарковского, в лесу Чумкескен. Через неполных два месяца, прошедших со дня поражения под Хунзахом, имам стал вновь набирать военную силу.

Кто же на этот раз поддержал движение мюридизма и разделил его цели?

Из доклада И. Ф. Паскевича, составленного по рапортам генерала Розена, видно, что на новом этапе мюридизма несколько изменился состав движения. Теперь его наиболее активными участниками становились отчасти дагестанские владельцы, отчасти родовая, в особенности духовная знать. «Владельцы андреевские и аксаевские, — сообщал И. Ф. Паскевич А. И. Чернышеву, — не перестают строго соблюдать провозглашенные им (Кази-муллой — *ред.*) новые установления магометанской веры и секретно стараются принудить подвластных своих к принятию таковых же»¹⁴⁵. И. Ф. Паскевич писал, что на этот раз, кроме Кази-муллы, организацией выступления против российских войск за утверждение исламской веры «руководствует также кадий деревни Гребенчук (Гременчук) Мустафа, от того разосланы к соседственным жителям письменные воззвания относительно шариатов»¹⁴⁶. Для поддержки мюридистского движения из Чечни прибыл Ирази, родственник шамхала, бывший владетель Казаниш¹⁴⁷.

Подготовка к новому выступлению против российских войск совпала с сильным землетрясением в Дагестане. Современники отмечали, что это обстоятельство придало движению Кази-муллы дополнительный импульс. И. Ф. Паскевич сообщал, что «продолжению столь упорного фанатизма способствовало также

148.
МИДЧ, с. 213.
149.
Там же, с. 216.
150.
Там же.
151.
Там же.
152.
Там же.
153.
Там же.
154.
Там же.

немало и бывшее в крепости Внезапной и Андреевке необыкновенное землетрясение»¹⁴⁸.

Свои военные силы Кази-мулла восстанавливал не только на волне антироссийских настроений. Широко использовался имамом также призыв к набегам, сулившим родовой знати и рядовым общинникам возможности обогатиться. Тезис о набеге особенно явственно прозвучал в гимринской речи, в которой он прямо указывал на военную добычу как на одну из главных целей нового вооруженного выступления. Зависимость движения Кази-муллы от набеговой системы подтверждают и «донесения начальствующих на левом фланге Кавказской линии и в Дагестане», где говорится о том, что Кази-мулла «обольщал» народ «ложными чудотворениями и надеждою обогатиться грабежом»¹⁴⁹.

Формирование нового ополчения шло непросто. По-видимому, сказывалось чувство бесперспективности войны с Россией, вполне понятное и имаму и простым ополченцам. Набору в ополчение мешали и упреждающие действия российского командования. Так, появление майора Карганова с отрядом у койсубулинцев, из которых в основном рекрутировалось ополчение, подрывало усилия Кази-муллы: «койсубулинцы, буйнейшее из племен аваро-лезгинских, равномерно прислали к майору Карганову своих старшин с изъявлением готовности быть послушными»¹⁵⁰. Койсубулинцы высказали майору просьбу передать управление над ними сыну шамхала Тарковского Абу-Муселиму, в связи с чем Карганов предположил, что, возможно, Абу-Муселим не участвовал в аварском походе Кази-муллы в 1830 г.¹⁵¹

Действия Карганова оказали серьезное давление не только на койсубулинцев, но и на самого имама. Дело дошло до того, что после прибытия этого майора в Джангутай Кази-мулла был вынужден обратиться к нему с письмом, в котором уверял, «что никогда не имел никаких замыслов, противных цели и распоряжениям российского правительства»¹⁵². Весной 1830 г. (когда Кази-мулла писал Карганову) он с полным правом мог заявить о своей лояльности к России, поскольку тогда еще за ним не было замечено антироссийских выступлений. Появление Карганова в Джангуте явилось столь неожиданным и опасным для Кази-муллы, что он, желая отвлечь от себя внимание русского командования, попросил «о исходатайствовании... свободного проезда в турецкие пределы для следования оттуда в Мекку»¹⁵³. Естественно, И. Ф. Паскевич не стал бы возражать подобной просьбе имама, поскольку считал, что «удаление» Кази-муллы успокоило бы «совершенно умы суеверного народа». Такое разрешение правительства, как полагал командующий, произвело бы «на мусульман самое выгодное впечатление»¹⁵⁴.

155.
Там же, с. 217.
156.
Там же, с. 219.
157.
Там же.
158.
Там же, с. 221.
159.
Там же.

Однако И. Ф. Паскевич не принял всерьез просьбу Кази-муллы. Он располагал сведениями о том, что имам «нарочно разгласил слух о намерении своем ехать в Мекку, дабы тем удобнее скрыть свои сношения с чеченцами»¹⁵⁵. В тот момент, когда Кази-мулла просил о пропуске в Мекку, И. Ф. Паскевичу уже донесли об активной военно-подготовительной работе, которая велась Кази-муллой совместно с чеченцами. Командующему даже было известно, что Аука из Чечни, в 1825 г. провозгласивший себя имамом, взял на себя инициативу создания вооруженного ополчения. Доставленные И. Ф. Паскевичу сведения были достоверны. Достоверной являлась и попытка Кази-муллы скрыть свои приготовления. Это подтвердилось его дальнейшим поведением. Дело в том, что И. Ф. Паскевич, чтобы окончательно удостовериться в истинных намерениях Кази-муллы, поручил Карганову провести с ним переговоры о выезде в Мекку. Майор предложил Кази-мулле встречу. Имам уклонился, сославшись на отсутствие гарантий его безопасности: Кази-мулла требовал от Карганова аманатов и лишь потом считал возможным приступить к переговорам. Вскоре на отряд майора напали 300 горцев во главе с Хамзой, одним из «главных сообщников» Кази-муллы¹⁵⁶. Этот инцидент окончательно рассеял сомнения, которые могли быть у российского командования по поводу истинных планов имама. Командующий и его офицеры констатировали, что «возмутитель Кази-мулла, несмотря на перетерпленное им в Хунзахе поражение, не потерял еще своего весу в народе»¹⁵⁷. Теперь, когда явно обозначилась опасность, грозившая русским войскам со стороны имама, особое значение приобретало выполнение плана покорения горцев, ранее разработанного по инициативе Николая I. И. Ф. Паскевич ставил вопрос о форсировании сроков его реализации, скрывая от императора свои опасения относительно возможности достижения поставленных правительством целей. И. Ф. Паскевич сообщал императору: «Одна мысль лишиться дикой вольности и быть под властью русского коменданта приводит их (горцев — *ред.*) в отчаяние»¹⁵⁸. При этом командующий указывал, что подчинение «мелких владельцев» российской власти — задача не столь трудная, как усмирение «вольных» обществ Большого Кавказа¹⁵⁹. Наконец, И. Ф. Паскевич напоминал о движении Кази-муллы, как о значительной помехе на пути осуществления плана покорения горцев.

Весной 1830 г. на Большом Кавказе сложилась такая обстановка: с одной стороны, российская администрация на Кавказе, не до конца осознавшая всю опасность предстоявших военных операций, спешила осуществить план покорения горцев, с дру-

гой — Кази-мулла, образовав в Гимрах «партию недовольных»¹⁶⁰, предпринимал немалые усилия, чтобы поднять горцев на войну с Россией. При этом ни одна из сторон, естественно, не понимала тогда, что первое же сражение грозило стать феноменальной по размаху и продолжительности войной. Понятно, опасность эта вытекала не из какой-то особой враждебности между российским командованием и Кази-муллой, а из неординарного исторического явления: столкновения двух стран, разновеликих по масштабам, но имеющих общую особенность — переходное состояние экономики. Вступив в 30-х гг. XIX в. в стадию промышленного переворота, Россия под воздействием новых экономических закономерностей стала предпринимать ряд внешнеполитических акций, несших отпечаток какого-то «фатализма». Трудно избавиться от впечатления, будто некая «судьба» (а строже говоря — весь ход исторического развития) обрекла Россию на экономическое и политическое завоевание Кавказа. Казалось, ее дальнейшее существование немыслимо без приобретения этого региона. Во всяком случае, в период промышленного переворота действия России на Кавказе как бы выходили за рамки «обычного» внешнеполитического курса и принимали характер жизненно необходимых, чрезвычайных мер. На этом этапе остановить «радикализацию» политики России на Кавказе, обусловленную внутрироссийскими экономическими процессами, были не в состоянии не только кавказские народы, но и мировые державы.

В единоборство с этой «стихийей» предстояло вступить прежде всего Кази-мулле и его сподвижникам. Силы были неравны, и ополченцам, казалось, не было смысла состязаться с великой державой. Однако Кази-мулла и его движение, в свою очередь, являлись следствием переходной экономики — пусть другой стадильности, но также порождавшей необычную социальную потенцию. Кази-мулла со своим скромным ополчением мог особо не опасаться будущих военных неудач — перманентность внутренних социальных процессов в горном Дагестане обуславливала непрерывность войны горцев.

Весной 1830 г. ни российское командование, ни Кази-мулла не могли предполагать, что они находятся накануне одной из самых продолжительных войн на Кавказе. По оценке И. Ф. Паскевича, движение Кази-муллы составляло не более, чем один из объектов общего плана покорения горцев. Что касается имама, то и он, в свою очередь, не намеревался взваливать на себя такую непосильную ношу, как длительная война с Россией. Кази-мулла хотел лишь пополнить (за счет объявления газавата России) идеологический арсенал движения новой стимулирующей идеей. Так тайно друг от друга, каждый

ставя перед собой конкретные задачи, российское командование и Кази-мулла вели народы к одной из самых продолжительных и самых бессмысленных войн. Ведь ни И. Ф. Паскевич, ни Кази-мулла, ни их преемники в Кавказской войне, субъективно стремившиеся к социально-экономическому прогрессу, не осознавали объективных последствий своих действий и не отдавали себе отчета в том, что каждый из них, разжигая пожар войны, отдаляется от главной цели. Кавказской войне, таким образом, суждено было еще раз подтвердить ту, по-видимому, непреложную истину, что на пути прогресса может стать не только стихия природы, не поддающаяся управлению, но и исторические закономерности, использовать которые общество еще не научилось. Современная наука позволяет достаточно четко очертить социальные интересы Кавказской войны, соотнести ее с универсальными общественными законами. Но в момент, когда Кази-мулла разворачивал свое движение против России, а И. Ф. Паскевич лихорадочно готовился к покорению горцев, ни один из их современников не мог объяснить, по воле каких социальных сил и законов действуют участники Кавказской войны. Тогда это было так же сложно, как сегодня овладение термоядерной энергией. В том, кажется, и состоит одна из тайн общественного бытия, что человек, как правило, постигает его законы лишь со временем, когда перестает быть «современником событий».

Накануне осуществления плана покорения Большого Кавказа И. Ф. Паскевич в записке к Николаю I еще раз вернулся к анализу обстановки. Главнокомандующий решил дать свои оценки не только обстоятельствам, имевшим отношение к боевым действиям. И. Ф. Паскевич претендовал на большее. Он пытался ответить на вопрос — почему Россия вынуждена вступить с горцами в военный конфликт. Главнокомандующий писал: «Чем больше делаю я наблюдений и вхожу в познание сих народов, тем более удостоверяюсь, что направление политики и отношений наших к ним были ошибочны и не имели ни общего плана, ни постоянных правил. Жестокость в частности умножала ненависть и возбуждала к лишению; недостаток твердости и нерешительность в общем плане обнаруживали слабость и недостаток силы»¹⁶¹. Это были поиски глубинных причин, в силу которых «вольные» общества Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа, в отличие от других районов обширного Кавказа, все еще продолжали сохранять независимость от России. Но И. Ф. Паскевич был не единственным, кто задумывался над этой проблемой. Ответить на нее пытались многие российские военачальники и администраторы. Однако для всех тайной за семью печатями осталось глав-

162.
Там же, с. 225.
163.
Там же, с. 224.
164.
Там же, с. 225.
165.
Там же.

ное — внутреннее состояние «вольного» общества. Поэтому, как правило, второстепенное, производное от главного воспринималось как первопричина. В силу этого Кавказская война, наподобие Бермудского треугольника, преподнесла как участникам, так и исследователям немало загадок: даже спустя многие годы после того, как умолкли пушки Кавказской войны, она продолжала «мстить» своим незадачливым историкам, обрекая одних на тяжкую опалу, других — на самоубийство.

Итак, «версия» о намерении Кази-муллы выехать в Турцию, а оттуда в Мекку не подтвердилась. Тем не менее российское командование делало вид, что оно верит имаму, и всячески старалось подтолкнуть его на этот шаг. Оно выдало Кази-мулле разрешение на выезд и даже предложило сопроводить его до турецкой границы, гарантируя ему полную безопасность. Но Кази-мулла, продолжая политическую игру, каждый раз «выдумывал» «новые со своей стороны к тому препятствия»¹⁶². Попытки И. Ф. Паскевича встретиться с имамом для переговоров относительно мирного урегулирования ряда вопросов также не увенчались успехом: Кази-мулла «уклонялся от того под многими предложениями»¹⁶³. Оставалось одно — следить за его деятельностью, держать обстановку под контролем. Это и было поручено майору Карганову, впоследствии систематически доносившему о военных приготовлениях Кази-муллы против России. Карганов, в частности, сообщал о переговорах Кази-муллы с чеченцами по поводу их участия в вооруженном нападении на российские войска. По сведениям майора, имам проводил также оборонительные работы в Гимрах, стремясь превратить их в неприступную крепость¹⁶⁴.

Действительно, Кази-мулла, понимавший всю опасность предстоящего военного столкновения с российскими силами, энергично готовился к обороне, и, при возможности, к наступательным действиям. Однако возникли серьезные трудности. Как и раньше, Кази-мулла не находил достаточной поддержки у рядовых общинников, среди которых война с Россией продолжала оставаться малопопулярной идеей. Российское командование знало об этих трудностях. Так, в докладе И. А. Чернышеву главнокомандующий на Кавказе сообщал, что «не все койсубулинцы по наружности содействуют ему (Кази-мулле — *ред.*), большая часть по многим его предложениям не дают ему рабочих, как будто бы из приверженности к нам» (русским — *ред.*)¹⁶⁵. Дело дошло до того, что койсубулинские старшины и духовенство выслали своих представителей к майору Карганову для переговоров с целью наладить отношения с российским командованием и избежать военного конфликта. И. Ф. Паскевич, однако, не очень верил в миролюбие койсу-

166.
ДГСВК, с. 72.
167.
Там же, с. 73.
168.
МИДЧ, с. 226.

булинцев. Он полагал, что подобные действия горцев были вызваны стремлением обезопасить свои стада, находившиеся тогда на равнинных пастбищах. Как бы то ни было, И. Ф. Паскевич был не прав, когда полностью отвергал искренность горцев, не желавших войны с Россией.

Для Кази-муллы неудачно складывалась и обстановка в Чечне, на вооруженную поддержку которой имам возлагал большие надежды. Из Чечни поступали сведения о том, что оттуда на помощь Кази-мулле двинулся отряд числом «до 400 человек»¹⁶⁶ во главе с Аукой. Объявив, что идет навстречу Кази-мулле, борцу за установление ислама, Ауко, однако, в пути изменил первоначальное решение и напал на город Андреев, чтобы «отбить у кумыкских жителей стада»¹⁶⁷. Удовлетворившись захваченной добычей, отряд распался, а Кази-мулла лишился обещанной военной помощи. Подобная неудача ждала имама и в Джарах, на юге Дагестана, где он рассчитывал на поддержку мюршида Шабана. Сам мюрид был настроен решительно, однако его призыв к вооруженному выступлению не нашел поддержки у джарских старшин. Более того, они «с негодованием отвергли его (Шабана — *ред.*) предложение, назвали его обманщиком, старающимся нарушить их спокойствие, и объявили ему, что если осмелится придти к ним с ополчением, то они все восстанут против него»¹⁶⁸. Так и не выполнив поручение имама, Ших Шабан вернулся в Гимры «для совещания» с Кази-муллой.

Несмотря на эти, казалось, непреодолимые трудности и неудачи, имам упорно продолжал свою деятельность с верой в то, что рано или поздно «вольные» общества поддержат идею войны с Россией, хотя именно эта идея была основным препятствием на пути нового подъема движения. Вскоре имам стал убеждаться в справедливости своих прогнозов. Вставшие перед ним нелегкие проблемы в конце концов разрешались благодаря огромным усилиям его мюршидов. И не только мюршидов. Помогали Кази-мулле и промахи, допускавшие российский командование. Среди них был следующий.

Располагая достоверной информацией о подготовке к вооруженному выступлению против России, командование с целью предупреждения неожиданностей решило ввести свои войска в Казанищи и Тарки, — по сведениям командования, в первую очередь именно на эти населенные пункты намеревался напасть Кази-мулла. По указанию И. Ф. Паскевича, были предприняты и другие упреждающие меры, в том числе захват скота койсубулинцев, находившегося весной 1830 г. на равнинных пастбищах. Захват был произведен для того, чтобы выставить условие — скот будет возвращен, если койсубулинцы

169.
Там же, с. 225.
170.
Там же, с. 226.
171.
ДГСКВ, с. 74.
172.
Там же.
173.
Там же.
174.
Там же.

«изъявят истинную покорность»¹⁶⁹. Командование решило также захватить Кази-муллу в плен и изолировать его от населения. Этим занялся майор Карганов, вступивший в сговор с Разибекком Казанищским. Последний обещал майору доставить имама «в руки правительства», ожидая «за то приличное вознаграждение»¹⁷⁰.

Подобные действия командования, вопреки расчетам, лили воду на мельницу имама. Едва в Койсубулинском ханстве стало известно об акциях командования, местные жители «имели поголовное собрание, на котором одни изъявили согласие покориться, другие — будто бы предпринимали неприязненные меры»¹⁷¹. Сложная для российской администрации и благоприятная для имама обстановка стала складываться в Аварском ханстве. По сведениям И. Ф. Паскевича, взявшие сторону Кази-муллы койсубулинцы обратились к аварцам с призывом к выступлению против России. Призыв этот нашел отклик в Аварском ханстве. Аварцы разделились на две «партии»: одна во главе с Нуцал-ханом оставалась на стороне российской администрации, другая — настаивала на переговорах с целью уладить конфликт между администрацией и койсубулинцами. В случае, если переговоры не привели бы к урегулированию инцидента, вторая партия обещала койсубулинцам «пособие»¹⁷². Правда, по поводу политической обстановки в Аварии имелись и другие сведения. Так, Нуцал-хан и его мать Паху-Бике сообщали командованию, что «аварцы, отвергнув в общем собрании приглашение койсубулинцев, определили не иметь с ними сношения и быть в неприязни»¹⁷³. Но, пожалуй, более объективной информацией располагал И. Ф. Паскевич. По его «достоверным сведениям», выяснилось, «что не только Хунзах или подвластные аварского хана, но все прочие общества: Чох, Андалаял, Анди, Гумбет, салатовцы и карахцы, в случае движения войск наших к их землям, намерены соединиться и противоборствовать нам общими силами»¹⁷⁴.

Разноречивость в оценках политической обстановки в горном Дагестане свидетельствовала не столько о качестве самой информации, сколько о сложной и быстро менявшейся ситуации, находившейся под воздействием двух противостоящих фактов — Кази-муллы и российского командования. Поляризация социальных сил в горном Дагестане складывалась не в пользу России. И. Ф. Паскевич понимал, что в случае, если он начнет покорение горцев и подавление движения Кази-муллы, «вольные» общества Аварии, в том числе и аварский хан, выступят против России, и при таком развитии событий инициатива будет принадлежать ханскому дому. Впрочем, в политических настроениях, господствовавших в этом доме, не было ничего нового и непредсказуемого.

175.
МидЧ, с. 134—135.
176.
ДГСВК, с. 77.
177.
Там же, с. 78.
178.
Там же.
179.
Там же.

Дело в том, что еще в феврале 1830 г., до вторжения Кази-муллы в Хунзах, И. Ф. Паскевич готовил карательную экспедицию против аварского хана, не отличавшегося приверженностью России¹⁷⁵. Тогда экспедиция не состоялась: помешал Кази-мулла, на несколько дней опередивший И. Ф. Паскевича нападением на Хунзах. Но и в новых условиях, когда у аварского хана и главнокомандующего появился общий враг — Кази-мулла и когда депутация хана побывала в Петербурге, где была щедро одарена, И. Ф. Паскевич продолжал сохранять настороженность по отношению к политической позиции Нуцал-хана и его матери. Правда, он старался скрывать это и придерживаться дипломатических средств, которые, по его мнению, могли бы как минимум удерживать хана в состоянии лояльности. Понимая важное значение Аварского ханства в предстоящих событиях, И. Ф. Паскевич добивался лояльности его населения к России. Российское командование обратилось к аварцам с призывом «дабы они остались спокойными в своих жилищах и не присоединились к партии возмутителей койсубулинских»¹⁷⁶. Этим, однако, И. Ф. Паскевич не ограничился. В ханство был направлен Гусейн-хан, «испытанный в верности» России, «многоуважаемый горцами», которому поручалось доставить «вернейшие сведения о всем происходящем в Аварии»¹⁷⁷. Как оказалось, И. Ф. Паскевич верно понимал обстановку, складывавшуюся в Аварском ханстве. Гусейн-хана в Хунзахе ожидало собрание («сборище»), на котором намечалось обсудить жизненно важные вопросы. Не последнюю роль в организации этого собрания, по-видимому, играла Паху-Бике. Узнав о прибытии Гусейн-хана — человека, преданного интересам России, — ханша попыталась отсрочить собрание, но тщетно. На «сборище» окончательно выяснилось, что аварский хан и его «подвластные» полностью будут поддерживать койсубулинцев, составивших основные силы движения Кази-муллы¹⁷⁸. Любопытно, что на вопрос — «каким образом аварцы, будучи облагодетельствованы русским правительством... решаются восстать против русских», «первостепенные аварские уздени» ответили: «аварцы покорились России с тем, чтобы войска русские никогда не входили ни в Аварию, ни к койсубулинцам»¹⁷⁹. Такой ответ отражал мнение не только представителей родовой знати, но и аварского хана, явно не желавшего в будущем делить власть с российской администрацией, а также рядовых общинников, интересы которых не вписывались в политический курс России в Дагестане.

В начале 1830 г. И. Ф. Паскевич уже доносил А. И. Чернышеву о первых военных действиях против Кази-муллы. Обосновывая их необходимость, он сообщал, что в осложнившейся общей обстановке на

180.
МИДЧ, с. 227—228.
181.
Там же, с. 228.
182.
Там же, с. 230.

Северо-Восточном Кавказе особенно угрожающим стал мюридизм. И. Ф. Паскевич указывал на «беспредачное увеличение» участников движения. Русским войскам на Северном Кавказе он отдал распоряжение держать под усиленным контролем все наиболее «уязвимые» участки, а генералу Розену — двинуться на Гимры — в главное укрепление Кази-муллы, — «дабы пламя мятежа не распространилось в прилежащих шамхальских владениях»¹⁸⁰.

Начавшиеся летом 1830 г. военные действия в горном Дагестане и Чечне сразу же обнажили политические позиции различных обществ и племен Большого Кавказа. Так, выяснилось, что под руководством Кази-муллы готовились выступить не только гимринцы, унцукульцы и башильтинцы, но также подвластные шамхала Абу-Муселима — ерпелинцы, каранайцы и башильтинцы, — которые должны были включиться в мюридистское движение сразу же, «при первом появлении» российских войск. Показал свое истинное лицо и сам шамхал Абу-Муселим, политическая ориентация которого до последнего дня оставалась невыясненной. Участвуя, подобно аварскому хану, во всех главных мероприятиях Кази-муллы, Абу-Муселим всячески скрывал¹⁸¹ от российского командования свою приверженность имаму. Позиция шамхала определялась стремлением воспользоваться силами Кази-муллы и укрепить, — а при возможности и расширить свои права на подвластное население.

Специальный отряд во главе с Розеном блокировал Гимры. Однако подступы к укреплению были столь прочны, что у командующего не возникло желания вступить в бой. Имело значение и другое: Розен видел, что по мере того, как он окружал Гимры, росло и число защитников селения. Так, на глазах у русского отряда «из соседних аваро-лезгинских племен 2000 чел. присоединились к возмутителям»¹⁸². Опасаясь, что решительность Розена может повлечь за собой «общее восстание» «горских народов», И. Ф. Паскевич приказал не спешить и беспрестанно «производить переговоры». И. Ф. Паскевич предлагал вести их не с Кази-муллой, что не имело смысла, а с койсубулинцами — главной опорой имама. От койсубулинцев Розен потребовал аманатов. Те, в свою очередь, выставили условия — вернуть им захваченный российским командованием скот, а также назначить к ним «правителем» Абу-Муселима. Так, окончательно выяснилось, что не только Кази-мулла, но и Абу-Муселим, преследовавший свои владельческие интересы, являлся одним из вдохновителей антироссийского движения в горном Дагестане. Полагая, что Розен не успеет взять аманатов, а промедление с заключением договора с койсубулинцами осложнит положение, И. Ф. Паскевич дал согласие на назначе-

183.
Там же, с. 231.
184.
Там же, с. 232.
185.
Там же, с. 247—248.
186.
Там же, с. 251.

ние Абу-Муселима «управителем» койсубулинцев, ограничив его, однако, инструкцией и приставом. Одновременно главнокомандующий отдал противоположное распоряжение — арестовать Абу-Муселима и отправить его «со своим семейством в крепость Бурную», если Розен успеет заполучить от койсубулинцев аманатов — гарантов для более спокойного и выгодного командованию решения возникших политических осложнений.

Розен вступил в переговоры и с гимринцами. Они протекали более успешно: в конце мая 1830 г. «знатнейшие старшины унцукульские и гимринские» явились в лагерь Розена, выдали ему аманатов и приняли присягу верности России. С этого момента, как доносил И. Ф. Паскевич в Петербург, «скопище мятежников разошлось» и все окрестные селения «ведут себя спокойно»¹⁸³. В отношении Абу-Муселима генералу Розену и И. Ф. Паскевичу пришлось принять условие койсубулинцев: он был назначен правителем, «дабы горцы не потеряли доверенность» к правительству. Командование исходило не только из желания уступить восставшим. Назначая шамхала правителем к койсубулинцам, командование заодно вменяло ему в обязанность «угovorить» местное население «выдать возмутителя Кази-муллу» или, если бы оно на это не согласилось, «то чтобы непременно принудили его выехать из их владений и потом известили, куда он направит путь, дабы не потерять сего возмутителя из виду»¹⁸⁴. Естественно, Абу-Муселим не мог принять подобное условие. Тем более, что амбиции шамхала далеко не исчерпывались положением «правителя» койсубулинцев. Продолжая тайно поддерживать связи с Кази-муллой, шамхал рассчитывал на более весомые политические дивиденды. Вскоре, однако, Абу-Муселим был арестован: в марте 1831 г. И. Ф. Паскевич доносил о своей готовности выполнить предписание императора о высылке шамхала в Саратов «на жительство»¹⁸⁵.

Со времени блокады Гимр и до середины марта 1831 г. российское командование оценивало обстановку в горном Дагестане как «спокойную»¹⁸⁶. Считалось, что главный виновник мятежа — Кази-мулла окончательно потерял влияние, не располагает более людскими ресурсами. Командование было уверено, что ничего опасного в горном Дагестане более не предвидится. Вскоре, однако, пришлось убедиться в обратном. В марте того же года командование получило сведения, которые заставили его задуматься: речь теперь шла не об осуществлении плана покорения горцев, а о стабилизации положения на Северо-Восточном Кавказе. Политические осложнения на этот раз возникли не столько вокруг Кази-муллы, как можно было бы ожидать, сколько вокруг сидевшего в тюрьме Абу-Муселима и аварского ханского

187.
Там же, с. 247.
188.
Там же, с. 248.
189.
Там же, с. 270.

дома. Паху-Бике удалось наладить связь с заключенным шамхалом. 19 марта 1831 г. И. Ф. Паскевич, донося в столицу об антирусской деятельности аварской ханши, указывал, что она обратилась к койсубулинцам, «главным старшинам их и почетным людям» с просьбой «приехать к ней... для совещания». И. Ф. Паскевич полагал, что это совещание имело целью настроить местное население против России¹⁸⁷. Позиция Паху-Бике оказалась настолько неожиданной для командующего, что он решил еще раз проверить поступившие сведения: накануне И. Ф. Паскевич собирался вручить ханскому дому очередные подarki императора.

В донесениях вновь была поднята тема Кази-муллы. В возможность спокойного развития отношений с ним главнокомандующий не верил. Новое обострение обстановки в шамхальстве Тарковском и Аварском ханстве И. Ф. Паскевич связывал с имамом. Кази-мулла действительно не прекращал антирусской деятельности и продолжал оставаться серьезной угрозой. Но на этот раз И. Ф. Паскевич был не совсем прав, ибо на самом деле к вооруженному выступлению готовился не столько имам, сколько Али-Султан, старшина из Унцукуля. Последний, как и многие из старшинской знати, недовольный вводимыми в горном Дагестане ограничениями российской администрации, решил поднять восстание. Не полагаясь на собственные силы и влияние, Али-Султан явился в Гимры к Кази-мулле с приглашением к совместным действиям. Имам согласился. Однако оба они не нашли поддержки у гимринцев. Разуверившись в успехе, Али-Султан вернулся домой¹⁸⁸. Вместе с тем И. Ф. Паскевич справедливо объяснял дальнейшие события как результат деятельности Кази-муллы и его мюридов.

Имаму, потерпевшему поражение в Хунзахе, было непросто заново начинать свое движение. Он лишился не только ополчения, но и политического престижа. После Хунзаха даже жители Гимр, откуда он был родом, не позволили ему более «проживать у них и он перешел в деревню Буграт на реке Койсу»¹⁸⁹. Имам фактически был в одиночестве: осенью 1830 г. он имел всего двух учеников. Из деревни Буграт Кази-мулла перебрался в Ашильта-Юрт к Абдулле-мулле. Там его ожидали представители чеченцев, надеявшиеся, что имам отправится с ними в Чечню. Кази-мулла просил отложить эту поездку, считая, что обстановка в Дагестане вновь обострится и его присутствие там будет крайне необходимо. Эти события происходили в тот момент, когда «аварцы, койсубулинцы, андийцы, гумбетовцы и акушинцы условились между собою под присягою стараться общими силами отразить» российские войска, если «оныне начнуть строить крепость на месте, занимае-

190.
ДГСВК, с. 80.

191.
Там же.

192.
МИДЧ, с. 270.

193.
Там же, с. 251.

мом отрядом полковника Мищенко»¹⁹⁰. Именно эта ситуация удержала имама от поездки в Чечню. Кази-мулла покинул Ашильта-Юрту и вернулся в Гимры, где он рассчитывал вновь начать организацию своего движения. Однако и на сей раз имама ожидала полная неудача. Местное население отказало ему в поддержке: когда он проезжал через Унцукуль, жители аула «хотели убить его камнями, а гимринцами возмутитель сей хотя и был принят, но совершенно не имеет на них никакого влияния»¹⁹¹, — писал в сентябре 1830 г. И. Ф. Паскевич. Командующий не преувеличивал антиимамские настроения. Они действительно существовали и объяснялись не только поражением под Хунзахом. Сказывался также социальный конфликт, обнаружившийся еще во время похода на Хунзах между Кази-муллой и общинниками-ополченцами. Понимание того, что имам «под видом восстановления ослабленных мусульманами постановлений и введения между всеми дагестанскими племенами шариата (т. е. духовного управления) предполагал сделаться первенствующим лицом в Дагестане»,¹⁹² было причиной того разрыва с «низами», который никак не удавалось преодолеть Кази-мулле. Тем не менее он продолжал верить в свое дело. Он неутомимо вел борьбу за организацию нового движения. В том, кажется, и состояло преимущество имама перед многими мюридами, что неудачи, поражения, превосходство противника в силе не вызывали в нем паники и чувства безысходности, не меняли его политико-идеологических ориентиров. Один лишь вопрос занимал Кази-муллу после Хунзаха — сколько должна длиться «передышка», чтобы снять тягостное ощущение, оставшееся у него и его ополченцев от похода в Аварское ханство. «Передышка» была прервана, когда к имаму явился Али-Султан и предложил выступить совместно. Кази-мулла, в отличие от своего временного попутчика, был настроен решительно, хотя имел (в марте 1831 г.) всего 20 единомышленников. Нацеленный на войну, он верил, что за ополчением дело не станет, если вовремя и верно оценить ситуацию и настроение горцев. Вскоре расчеты Кази-муллы стали подтверждаться. Несмотря на трудности, возникавшие из-за разобщенности «вольных» обществ, активных усилий российского командования по стабилизации обстановки, число сторонников имама росло: еще в апреле у Кази-муллы было 40 мюридов, через несколько дней — 100, а в середине мая 1831 г. он располагал уже отрядом в 800 человек¹⁹³. Конечно, это было еще не ополчение с заветной численностью в 20 тыс., на которое он рассчитывал. Но его 800 человек представляли более надежную силу, чем 8-тысячное ополчение, с которым он пытался захватить Хунзах. Первый же бой подтвердил высокую боеспособность его

194.
Там же.
195.
Там же.
196.
Там же, с. 271.
197.
Там же.
198.
Eichwald E. Reise..., Bd. 1,
S. 675—676.
199.
ДГСВК, с. 80.
200.
Там же, с. 81.

новобранцев, состоявших из «жителей шамхальского и мехтулинского владения»¹⁹⁴. Действовавшее против имама двухтысячное ополчение под командованием генерала Черкасского было разбито «с чувствительною для себя потерей»¹⁹⁵.

Приступив к новому этапу военно-политической деятельности, имам не торопил события, был крайне осторожен. Он укрылся «в чрезвычайно крепком месте близ Чумкескене»¹⁹⁶ и больше заботился о пополнении своего отряда. Как сообщают источники, весной 1831 г. Кази-мулла «уже имел много сообщников»¹⁹⁷. Росту его сил в немалой степени способствовали непродуманные шаги, которые предпринимала русская военная администрация с лета 1830 г.

Периодически возникавшая в Дагестане опасность всеобщего восстания удерживала русские власти от того, чтобы начать осуществление плана покорения горцев. Летом и осенью 1830 г. командование знало, что абсолютное большинство горцев не поддерживает имама. Казалось, наступил подходящий момент для реализации этого плана. Но уже летом 1830 г. обострились отношения между горским населением и русским командованием. Произошло это без какого-либо участия Кази-муллы. Осложнения возникли все на той же, уже «традиционной» почве — из-за набегов горцев. Действительно, к этому времени набеги в Грузию и на север оживились¹⁹⁸. Генерал Стрекалов отмечал, что «дагестанцы аварского и лезгинского поколений почти в продолжение всего лета не переставали иметь свои виды на вторжение» в Алазанскую долину¹⁹⁹. Осенью 1830 г. он сообщал главнокомандующему, что жители селений Чар, Закатал, Катех, Мацех и частью Тал «совершенно отложились от нас, и не только не исполняют наших требований, но и с оружием в руках поклялись защищать свою свободу»²⁰⁰. Резкое ухудшение взаимоотношений горцев Дагестана с российской администрацией было вызвано не одними набегами. Намалое значение имело и другое: воспользовавшись затишьем, наступившим летом 1830 г., И. Ф. Паскевич попытался вместо «плана покорения горцев» «восстановить» блокадную систему А. П. Ермолова, дополнив ее введением в горном Дагестане административно-гражданского устройства. Вскоре командующий убедился, что «реабилитация» системы А. П. Ермолова легко может привести к взрыву недовольства. Поэтому в ряде районов он вынужден был отказаться от нее, продолжая вводить элементы административного управления. Но и это горцы из «вольных» обществ воспринимали как возврат к ермоловским временам. В результате резко ухудшилась политическая обстановка в горном Дагестане. Сопротивление политике И. Ф. Паскевича приняло такой размах, что ряд районов Южного Дагестана «призвали к себе войска

201.
Там же.
202.
Там же.
203.
Там же.
204.
Там же, с. 82.
205.
Там же.
206.
Там же, с. 83.
207.
Там же, с. 82.
208.
Там же, с. 83.

из Дагестана под начальством Амзат-бека»²⁰¹. Амзат-бек или Гамзат-бек, будущий имам Кавказской войны, заключил договор с горцами из Южного Дагестана на условиях: аваро-лезгинское население отдавало во владение Гамзат-бека жителей «Ингили и Енесели, живших на плоскости Алазанской»²⁰². Со своей стороны Гамзат-бек брал на себя обязательство защитить аваро-лезгин от «засилья России». Договор «скреплялся» выдачей Гамзат-беку аманатов.

Гамзат-бек располагал небольшим ополчением, недостаточным для выполнения условий договора. Однако он имел широкие возможности пополнить ополчение за счет местного населения, которое он был призван защитить. Гамзат-бек находил в Южном Дагестане всеобщую поддержку. Чтобы представить, в какой обстановке заключался договор с Гамзат-беком, достаточно привести слова генерала Стрекалова, действовавшего в Южном Дагестане, «Мы, — писал он, — должны каждую потребность свою смыть кровью, ибо рассыпанные лезгины по местам стараются препятствовать всем нашим действиям и на всяком шагу с отчаянным ожесточением встречаются с русскими»²⁰³. Тот же Стрекалов подчеркивал, «что в нынешних обстоятельствах нет почти ни одного лезгина, который бы оставался нам преданным, и лишь небольшое число остаются при генерале Сергееве, коих также усердие подозрительно»²⁰⁴. Главным требованием населения Южного Дагестана к российскому командованию было: «оставить Закаталы и удалиться за Алазань»²⁰⁵. Именно этот лозунг поднял восстание аваро-лезгин. Его и возглавил Гамзат-бек, у которого, впрочем, были свои расчеты. Согласно договору, он, в случае успеха, становился владельцем сел и имел перспективу социального возвышения.

Против разраставшегося аваро-лезгинского восстания русское командование привлекало население Северо-Восточной Грузии, поскольку не могло уже справиться с повстанцами собственными силами. При этом Стрекалов использовал настроенность грузинского населения против горцев, совершавших набеги в Восточную Грузию через Джаро-Белоканы. Он обратился с прокламацией к «народам Ингило, Енисулии, дабы они ополчились противу своих угнетателей и по крайней мере защищали свои дома от мятежников»²⁰⁶. Стрекалов, однако, не очень рассчитывал на то, что грузины поднимутся на вооруженную борьбу с горцами и окажут реальную помощь в подавлении восстания. Поэтому основным средством против «мятежников» он считал «истребление... сего разбойничьего гнезда»²⁰⁷, а также военный суд, ссылка в Сибирь и лишение «права на свое достоинство»²⁰⁸. События на юге Дагестана приняли столь

209.
Там же.
210.
Там же, с. 84.
211.
Там же, с. 85.
212.
Там же.
213.
Там же.
214.
ШССТАК, с. 12—16, 19—23
и след.; Koch K. Reise..., S. 386.
215.
ДГСВК, с. 85.

опасный поворот, что этим районом занялся лично И. Ф. Паскевич. Возникновение «мятежа» он объяснял по-своему, полагая, что «восстание могло произойти не иначе как от дурного управления народами или худой дисциплины в войсках, там расположенных»²⁰⁹. Вместе с тем командующий полностью разделял мнение Стрекалова «относительно необходимости истребить до основания сел. Закаталы, как гнездо мятежа, вечной ненависти к России»²¹⁰. И. Ф. Паскевич значительно расширил для своего генерала свободу действий в горном Дагестане. Считая, что «при нынешних обстоятельствах не должно более щадить лезгин»²¹¹, главнокомандующий предписал: «все дома, находящиеся в селении Джарах, Белокаках, Катехах, Талах и Мацехах, жители коих подняли против нас оружие и которые по усмотрению не нужны будут для войск наших, срыть до основания, а скот и все имущество тех лиц отдать на разграбление ингилям, енисеям и грузинской милиции, каковую собрать немедленно и занять ею все лезгинские селения»²¹². И. Ф. Паскевич обязывал Стрекалова к тому, чтобы «лезгин, также как и их жен и детей, брать в плен и отправлять в Тифлис, где содержать на арестантском положении»²¹³.

Царская администрация на Кавказе никогда не отличалась либерализмом в отношении местных народов. Тем не менее объяснить только этим общим положением столь суровые меры И. Ф. Паскевича и Стрекалова нельзя. Речь шла о районах Джаро-Белокан, являвшихся основной базой для набегов горцев Дагестана. С весны и до осени 1830 г. набеги из этих районов в Восточную Грузию приняли систематический и особенно злостный характер²¹⁴. Они фактически привели к опустошению Кахетии, население которой частично мигрировало в другие районы Грузии. Пути к вторжениям горцев в Восточную Грузию преграждали малочисленные русские войска, не способные создать надлежащий заслон и обеспечить безопасность грузинскому населению. Поэтому И. Ф. Паскевич и Стрекалов были единодушны в том, чтобы Джаро-Белоканы отдать на разграбление тем, кто особенно пострадал от нашествия аваро-лезгин. Стремясь окончательно лишить Джаро-Белоканы способности к вооруженному сопротивлению, И. Ф. Паскевич, наряду с карательными мерами, предписал запретить ношение оружия, кроме кинжала²¹⁵. Для горца, часто добывавшего средства к жизни оружием, подобное решение являлось не менее суровым, чем лишение его свободы.

О том, что предписания И. Ф. Паскевича по существу были выполнены, свидетельствует «дежурная» записка, сделанная в середине декабря 1830 г. в журнале главнокомандующего отдельным Кавказским корпусом: «...скопища дагестанцев и мятежников, оставив

216.
Там же, с. 86.
217.
Там же, с. 87.
218.
Окольничий Н.А. Указ. соч.,
с. 365.
219.
Там же.

крепкую позицию в сел. Закаталах, рассеялись в горы. Сел. Гочами, Джары и Закаталы, служившие вечным гнездом ненависти к России и главным оплотом необузданности лезгин, истреблены до основания»²¹⁶. Теперь И. Ф. Паскевич и генерал Стрекалов были уверены, что «в Лезгино-Джарской области» произойдет «окончательное восстановление спокойствия»²¹⁷. В этом убеждении они оставили Южный Дагестан на попечение генерала Сергеева.

И. Ф. Паскевич не осознавал, что, прибегая к жестоким карательным мерам и исподволь утверждая в горном Дагестане военно-административный режим России без учета социально-психологических особенностей горцев, он порождает новые стимулы к общественно-политическому движению «вольных» обществ и, в первую очередь, к движению мюридизма Кази-муллы. Для последнего создавалась ситуация, когда он мог, наконец, осуществить свой политический план — соединить идею борьбы за шариат с войной против военно-административного засилья России. Особенно удачным для Кази-муллы являлось то обстоятельство, что во время восстания в Джаро-Белоканах здесь действовало ополчение Гамзат-бека — одного из видных деятелей кавказского мюридизма. После поражения под Хунзахом Кази-мулла поручал Гамзат-беку «волновать общества, лежавшие на юг и юго-запад от Аварии — Койсу»²¹⁸. Южное направление было выбрано не случайно. Кази-мулла хорошо знал этот район, ощущал сохранявшийся там социально-политический накал. Предпосылки для утверждения идей кавказского мюридизма нигде не казались Кази-мулле такими явными, как на юге горного Дагестана. Прибыв туда, Гамзат-бек располагал «идеальной» обстановкой, чтобы развернуть войну с российским командованием, а заодно и движение мюридизма. Однако сразу же у него обнаружилось тяготение к политическому эгоцентризму. Не замечая «общенародных» интересов, плохо скрывая собственные амбициозные цели, Гамзат-бек слишком открыто и прямолинейно добивался осуществления того договорного положения, согласно которому он намеревался стать владельцем нескольких селений. В действиях Гамзат-бека, будущего имама, подобная прямолинейность была очень характерной чертой. Так, стоило Кази-мулле предложить Гамзат-беку самостоятельно решать вопросы организации мюридистского движения на юге Дагестана, как он «с радостью принял предложение, так как роль отдельного начальника более согласовалась с его характером, чуждым зависимости»²¹⁹. Когда разыгрались события в Джаро-Белоканах, в распоряжении Гамзат-бека оказалось довольно внушительное ополчение — по данным генерала Стрекалова, «более 4 тыс. человек». Оно пополнялось «беспрестанно» прибы-

220.
ШССТАК, с. 19.

221.
Там же.

222.
ДГСВК, с. 81.

223.
ШССТАК, с. 19.

224.
Окольничий Н.А. Указ. соч.,
с. 365.

225.
Там же. К.Кох, совершавший поездку по Кавказу в 40-е гг. XIX в., сообщает несколько иную версию, согласно которой Гамзат-бек со своим братом Мурад-беком прибыл для переговоров в Тифлис, но был там вероломно арестован. Они оставались в заключении (где с ними обходились достаточно учтиво) до тех пор, пока из Петербурга не пришел приказ освободить пленников немедленно и с почетом. Их одарили подарками и пообещали ежегодную пенсию: Гамзат-беку 1000 руб., Мурад-беку — 500 руб. Едва очутившись на свободе, Гамзат-бек с презрением вернул правительственные подношения и отказался от всяких переговоров. Действия тифлисского начальства вызвали негодование в Дагестане, в результате чего под знамена Гамзат-бека стали собираться горцы, в том числе ранее не испытывавшие враждебности к России. Широкий жест Гамзат-бека (возвращение подарков), вероятно, усиливал впечатление. (Koch K. Reise..., S. 387; ejusd. Der Kaukasus. Berlin. 1882, S. 155).

вавшими отовсюду войсками²²⁰. В оперативные планы Гамзат-бека входило вторжение в пограничные с Джаро-Белоканами районы Грузии и Азербайджана, освобождение их от российского управления. Этой цели он думал добиться с помощью как ополчения, так и «всеобщего возмущения»²²¹. Было ясно, что его намерение ликвидировать на юге Дагестана и на севере Кахетии русскую военную администрацию диктуется двумя обстоятельствами — желанием сохранить Джаро-Белоканы в качестве базы для набегов в Грузию и стремлением приобрести подвластную территорию (перед вооруженным выступлением Гамзат-бек в договоре с джаро-белоканцами перечислил земли «на плоскости Алазанской долины», которые отходили «в его владение»²²². Приступив к решению поставленных задач, Гамзат-бек действовал независимо от Кази-муллы. Это была не столько «техническая», сколько политическая разобщенность, напоминавшая сепаратизм. Во всяком случае свои военно-политические акции Гамзат-бек не связывал с идеологией мюридизма. Иначе говоря, фактически решая ту же задачу, что и Кази-мулла, Гамзат-бек поступал исключительно как военачальник, нацеленный на захват «жизненного пространства». Заранее наметив объект для экспансии, он особо не обременял себя необходимостью вести идеолого-мюридистскую работу с населением, которое он думал превратить в подвластное. Более того, Гамзат-бек не проявлял «никакой доверенности ко всем жителям»²²³. Это не замедлило сказаться не только на военных, но и на политико-идеологических итогах действий Гамзат-бека и его ополчения. Потерпев поражение, он, в отличие от Кази-муллы, пустившего глубокие корни в «вольных» обществах, ничего после себя не оставил. То ли понимая это, то ли продолжая преследовать изначальную цель, но другими средствами, Гамзат-бек полностью предал идею, во имя которой он был отправлен Кази-муллой на юг Дагестана. «Гамзату пришла на ум странная» затея — «сделать предложение русскому правительству о назначении ему пожизненного пенсионера, взамен чего он обещался тотчас распустить скопище и не тревожить более наших пределов», — писал И. А. Окольничий²²⁴. Русское командование поняло простоватый политический ход Гамзат-бека и отнеслось к нему как к обычному предателю: предложение «возбудило смех, и Гамзата, лично приехавшего на переговоры, заарестовали как мятежника и отправили в Тифлис под конвоем»²²⁵.

События поздней осени и начала зимы 1830 г. в Джаро-Белоканах не остались вне поля зрения Кази-муллы. Он надеялся, что господствовавшие на юге антирусские настроения облегчат Гамзат-беку развертывание мюридистского движения, сделают

226.
ДГСВК, с. 87—88.
227.
Там же, с. 87.
228.
Там же.
229.
Там же, с. 88.
230.
Там же, с. 88—89.
231.
АКАК, т. 8, с. 525.

возможным направить борьбу в русло двух идеологических установок — утверждение шариата и газават против России. Кази-мулла обратился к горцам Южного Дагестана с призывами к войне²²⁶, еще не зная, что движение потерпело поражение, а Гамзат-бек — в тифлисской тюрьме. Имам упрекал джаро-белоканцев: «О дорогие братья!... Вам письменно завещено сражение, но оно вам отвратительно...? Почему вы ставите правителями кяфаров, минуя верующих?»²²⁷ Призывая к сражению с русскими и провозглашая «власть верующих», Кази-мулла ссыался на суры Корана, оправдывающие насилие. Он писал: «Вы не бойтесь наказания бога в сражении с отступниками и в изгнании их из своей земли и присвоении их имущества, потому что в Коране написано так: «Наказанием тех, кто воюет против аллаха и его посланника и старается сеять на земле раздор, является убийство»²²⁸. «О братья! — обращался Кази-мулла к джаро-белоканцам. — Выступайте на борьбу потому, что борьба нам обязательна, как это известно алимам»²²⁹.

Свое воззвание имам писал в то время, когда сам он еще не располагал реальной вооруженной силой. Иначе он вошел бы в союз с Гамзат-беком и повел бы войну совместно. Однако Кази-мулла уже знал, что в ближайшее время у него также появится ополчение и будет возможность участвовать в совместных боевых действиях. Пытаясь воодушевить джаро-белоканцев на восстание, Кази-мулла писал: «Будьте вместе с Гамзатом и людьми из Голода в надежном месте до моего прибывания с войсками со стороны Дербента, количество которых никто, кроме бога, не будет в состоянии исчислить»²³⁰. Но возникшей во время восстания на юге Дагестана идее военно-политического союза с Гамзат-беком не суждено было осуществиться: она возникла тогда, когда у имама под рукой не оказалось реальной силы.

Узнав, что Гамзат-бек потерпел поражение и находится в тифлисской тюрьме, Кази-мулла пришел в отчаяние. Он вновь был без боевого ополчения, организация которого и его боеспособность, как выяснилось, полностью зависели от политико-идеологических настроений общинников. Добиваясь их поддержки, Кази-мулла прибегал к различного рода ухищрениям. Так, в воззвании к жителям Эрпели он писал: «Вы знаете, что ныне дела русских берут худой оборот; ум их совершенно ослаблен и все их пронырства обратятся против их. Если вы в этом не уверены, то подождите один или два месяца, и тогда вы узнаете, что их и наши дела примут другой оборот»²³¹. Никогда еще голос Кази-моллы не звучал так неуверенно. Никогда еще ему не приходилось прибегать к подобным вымыслам. Подчеркивая, что «воинство Аллаха» «сильнее воинства неверных», Кази-мулла угрожал: «Если же вы не примете моего

232.

Там же.

233.

Там же; ср. Eichwald E. Op. cit., Bd. 1, S. 715.

234.

АКАК, т. 8, с. 525.

235.

Там же, с. 528.

236.

Там же, с. 530; Книга Асари Дагестан. Составил Мирза Гасан-эфенди сын Гадаш-Абдулеш-эфенди Алкадари Дагестан. — СМОМПК, 1929, вып. 46, с. 129.

237.

Книга Асари-Дагестан..., с. 129.

наставления, то ожидайте конца»²³². Воззвание к жителям Эрпели высветило обстановку, в которой оказался в начале 1831 г. имам: «Мы удивляемся вам; по каким причинам вы от нас удалились. Не будьте как прочие»²³³, — восклицал Кази-мулла, обращаясь к своим соотечественникам.

Предпринимавшиеся в начале 1831 г. отчаянные усилия по созданию ополчения были небезрезультатны. В апреле у Кази-муллы вновь появились надежды на организацию боеспособных сил. Вначале это был стабильный отряд, формирование которого началось еще в марте 1831 г. Но в конце мая Кази-мулла уже имел ополчение, насчитывавшее до 3 тыс. человек²³⁴. С такой силой имам вполне мог выступить против русских войск. Тогда же имам совершил свои первые набеги, вынудившие российское командование укрепить оборонительные рубежи и предпринять ряд мер по пресечению роста мюридистского движения. Были попытки привлечь на сторону России местное население, сформировать из горцев отряды милиции и направить их против имама, однако подобные меры не приносили успеха. Вместо того чтобы воевать против Кази-муллы горская милиция часто переходила на сторону имама и пополняла ряды его ополчения. Так, генерал Панкратьев жаловался, «что милиция, из койсубулинских владений собранная, не только не оказывала никакого содействия, но даже часть оной присоединилась к стороне мятежников и действовала против наших войск»²³⁵. Хотя подобная ненадежность горской милиции наблюдалась и в последующем, российское командование не переставало формировать и привлекать ее к подавлению движения мюридизма.

Летом 1831 г. Кази-мулле, удалось, наконец, начать систематические военно-политические действия. К этому времени значительно выросла численность ополчения, окрепла его боеспособность. В середине июня имам располагал 6 тыс. пеших воинов и 2 тыс. всадников²³⁶. Им противостояли сравнительно малочисленные русские силы, к тому же разбросанные по отдельным крепостям. Русским войскам было трудно вести бои против мятежников, которых отличала высокая мобильность, приспособленность к местным условиям. Вместе с численным перевесом это внушало имаму чувство полного военного и морального превосходства. «Потом, — сообщает источник, — Гази-Магомед (Кази-мулла — ред.), решив, что в укреплениях дагестанских мало русских войск и их можно будет перебить, собрал своих приверженцев, обратился с призывом к обществам дагестанских селений и с ними напал на русские отряды, находившиеся здесь в укреплениях»²³⁷.

Одной из крупных военных акций, предпринятых Кази-муллой из Чумкескенского лагеря, где он укреп-

238.

Прушановский К. Указ. соч., с. 17—18.

239.

АКАК, т. 8, с. 529.

240.

Берге А. Кази-Мулла...

241.

Хроника Мухаммед-Тахира..., с. 45.

242.

Прушановский К. Указ. соч., с. 18; АКАК, т. 8, с. 529—530.

243.

Хроника Мухаммед-Тахира..., с. 45; Книга Асари-Дагестан..., с. 129; этот факт источники местного происхождения ошибочно связывают с нападением Кази-муллы на Тарки.

244.

Прушановский К. Указ. соч., с. 18.

245.

АКАК, т. 8, с. 568.

246.

Там же.

пился, являлся поход на с. Ашлы-Буюн, расположенное к северо-западу от Тарков²³⁸. Заняв село, он пытался удержать под контролем сообщение между Тарками и Дербентом²³⁹. Иمامу удалось захватить Парауль — тогдашнее местопребывание шамхала, — который тут же подвергся разорению, в результате чего Кази-мулле досталась богатая казна²⁴⁰: «сокровища шамхала и всей знати он забрал все, что там было, и доставил в крепость Агаш»²⁴¹, — писал современник. Успех воодушевил имама. Вскоре ему удалось взять приступом Тарки и осадить русскую крепость Бурную²⁴². Однако осада Бурной складывалась для Кази-муллы неудачно: во время нее произошел взрыв порохового погреба, унесший жизни более 1 тысячи ополченцев²⁴³. Потерпев поражение под Бурной, имам вернулся в лагерь Чумкескен. Спеша сообщить об этом своему командованию, генерал Панкратьев, однако, не был уверен, что «смелое сие предприятие увенчано совершенным успехом». Генерал был прав. Через десять дней после Бурной Кази-мулла, пополнивший ряды своего ополчения, возобновил военные акции: «все земли за рекой Сулаком перешли на его сторону; Кази-мулла ушел собрать новые значительные полчища и, ни мало не медля, придумал и решился на новый план действий»²⁴⁴. На этот раз имама поддержали не только и, пожалуй, не столько рядовые общинники, сколько родовая знать, включая некоторых ханов и беков. Заслуживает особого внимания позиция молодого Нуцал-хана аварского, еще недавно враждовавшего с Кази-муллой. В тот момент, когда ополчение имама расположилось у Тарков, Нуцал-хан обратился к «знатым людям» общества Карах с письмом, составленным в «нейтральном» тоне, не содержащим призывы ни к поддержке Кази-муллы, ни к явной борьбе против него. Окажись этот документ у российского командования, оно вряд ли смогло бы обвинить Нуцал-хана в неверности России. Но только формально. На самом же деле аварский хан, как и большинство владетелей Дагестана, опасавшихся потерять свои привилегии, был обеспокоен событиями. Это хорошо понимало российское командование, считавшее, что для установления «полного влияния над аварцами и ханом их..., необходимо нужно, углубляясь в горы, там утвердиться»²⁴⁵. Тот же генерал Розен отмечал, что «если бы хан аварский и желал прекратить сии беспорядки между своими подвластными и ввести между ними порядок, то, вероятно, лишился бы и того ограниченного влияния, которое он теперь имеет над ними. Сие заставляет его действовать в духе народа, нисколько не соображаясь с благонамеренными видами правительства, но при том он старается показать преданность свою России, дабы не лишиться пенсiona»²⁴⁶. Оценка генерала Розена по существу

247.
Хроника Мухаммед-Тахира...,
с. 44.
248.
Там же, с. 45.
249.
Прушановский К. Указ. соч.,
с. 18.
250.
Книга Асари-Дагестан..., с. 127.
251.
АКАК, т. 8, с. 533—534.

относилось к большинству владельцев горного Дагестана. Поддержка со стороны общинников из «вольных» обществ и феодальной знати, дававшая Кази-мулле широкие возможности для развертывания мюридистского движения, летом 1831 г. была настолько устойчивой, что ее не могли поколебать даже военные неудачи имама. Так, поражение под крепостью Бурная не оказало существенного влияния на политическую ситуацию. Мухамед-Тахир свидетельствовал: «большинство ополченцев и жителей равнины склонялось к Гази-Мухаммеду и его приказам»²⁴⁷. Движение Кази-муллы ширилось несмотря на то, что в боях с российскими войсками он нес значительные человеческие жертвы. Например, при взятии Тарков погибло 1200 его ополченцев, из них только чиркеевцев — 80²⁴⁸. Кровопролитным и неудачным в военном отношении было нападение имама на русскую крепость Внезапная. Поражение Кази-муллы вынудило его отступить в свой Агаш (Агиш), расположенный в Чумкенскенском лесу. Но и на сей раз, хотя его ополчение заметно поредело, не пришлось звать о помощи — к Кази-мулле явилась депутация из Табасарани, предлагавшая совместное выступление против российских войск²⁴⁹.

Высокую мобильность жителей горного Дагестана, легко вовлекавшихся в движение, нельзя объяснить успехами идеологии мюридизма, которой Кази-мулла придавал особое значение. Сам имам был далек от столь однозначного толкования. С начала установления российского военно-административного режима имам не мог не заметить, что ему и его ополчению стало легче действовать, получать боевые пополнения. Бросалось в глаза и другое. В «вольных» обществах, которым после 1830 г. «Российской державой» запрещены такие занятия, как хищения и грабежи и действия в роде увода из Грузии пленных и скота»²⁵⁰, росло недовольство и разворачивалось анти-российское движение. В августе 1831 г. к имаму в Агаш приехали депутаты из Табасарани в связи с разгоревшимся у них мятежом, вызванным установлением военно-административных порядков²⁵¹. Утверждавшимся в горном Дагестане режимом были недовольны не столько рядовые общинники, сколько старшинско-бекская знать, особенно заинтересованная в набегах. Дело заключалось не только в запрете набегов, хотя это имело важное значение. Положение усугублялось частыми карательными экспедициями в различные районы горного Дагестана. Царские администраторы не знали меры в своих наказаниях и часто били по самому уязвимому месту — экономике горцев: нередко уничтожались и без того скудные урожаи общинников, что обрекало их на голод. Например, при подавлении восстания в Табасарани, по сообщению генерала Панкратьева, «селе-

252.
Там же, с. 534.
253.
Там же.
254.
Там же, с. 535.

ние сие и многие другие были заняты, истреблены до основания и хлеба оных сожжены»²⁵². Жестокие, опустошительные экспедиции вызывали в «вольных» обществах голод, толкали их на участие в движении Кази-муллы или на новые набеги в сопредельные области. Так постепенно мюридизм Кази-муллы, в основе своей имевший внутренние социальные истоки, вбирал в себя новый, быстро растущий поток — борьбу против установления российской военной администрации. Этот поток, однако, черпал свои силы не из какого-то одного социального слоя, а из всех прослоек горнодагестанских обществ, так или иначе заинтересованных в сохранении своего «вольного» положения. И все же в антироссийской социальной коалиции наиболее активной, организующей силой была бекско-старшинская знать, для которой, в связи с военно-административным проникновением России в горный Дагестан, резко ограничивались перспективы достижения социального господства. В этом плане сообщение генерала Панкратьева о том, «что Кази-мулла успел взбунтовать табасаранскую и каракайтакскую провинции и что большая часть преданных нам беков перешли на его сторону» (август 1831 г.)²⁵³, отражало типичное явление, внесшее новую черту в общий облик Кавказской войны. С августа 1831 г. войну можно считать не только следствием внутренних социальных противоречий в «вольных» обществах, но и военно-политическим столкновением с Россией.

В истории Кавказской войны 1831 г. знаменателен расширением ее фронта и появлением нового — внешнего — политического стимулятора. Проведенная в 1831 г. весенне-летняя кампания вызвала острую военную конфронтацию горцев с Россией. На это обратили внимание как на Кавказе, так и далеко за рубежом. Первыми откликнулись на события в Дагестане «пограничные персидские начальники», решившие оказать военно-политическую поддержку движению Кази-муллы. С расчетом на помощь имаму уже тогда Мир-Хасан-хан Талышинский получил «содержание» от персидского правительства за антирусскую деятельность на Восточном Кавказе, а Мустафа-хан, также состоявший на пенсии у Персии, имел «тайные сношения с Кази-муллою и в случае удачи мятежа в Дагестане» был «намерен возмутить Ширванскую провинцию»²⁵⁴. В 1831 г., однако, это внешнее вмешательство носило ограниченный характер. Кавказская война слишком глубоко уходила социальными корнями в дагестанскую действительность, чтобы подчиняться внешнеполитическим страстям. Вмешательство других стран в войну с самого начала приняло вид «моральной поддержки», что в конце концов обуславливало незначительную роль внешнего фактора.

255.
Зиссерман А. Осада Кази-
Муллой Бурной и Дербента в
1831 г. — РВ, 1864, т. 54, № 12.

256.
Там же, с. 719—720.

257.
Там же, с. 720.

258.
Хроника Мухаммед-Тахира...,
с. 42, 62.

Несмотря на появление новых сил, способных раз-
жечь Кавказскую войну, главными в ней оставались
мюридизм и сам Кази-мулла, представлявшие как бы
точку схождения внутренних общественных проти-
воречий и тех тягот, которые обрушились на горцев
в связи с разраставшейся разорительной войной. Но
именно в этой тяжелой для «вольных» обществ об-
становке Кази-мулла чувствовал себя лучше и уве-
реннее. Чуткий к социальным страстям и переме-
нам, сопровождавшим Кавказскую войну, он, как
опытный дирижер, объединил многоголосый хор,
внешне казавшийся способным лишь на дисгармо-
нию, создал ансамбль, во всем готовый слушать сво-
его маэстро. А. Зиссерман отмечал: «Где не действо-
вали пропитанные религиозным фанатизмом фразы,
там Кази-мулла прибегал к обольщениям материаль-
ными благами; иному обещал должность главного
кадия в своем обществе, другому звание уцмия (вла-
детель) Кайтагского, третьему Майсумство (то же
владельческое звание) Табасарани, и таким способом
привлекал к себе влиятельных людей высшего со-
словия»²⁵⁵. Таких перспектив, естественно, имам не
мог обещать рядовым общинникам, составлявшим
основной костяк военного ополчения. Интерес к дви-
жению у рядовых ополченцев Кази-мулла поддер-
живал набегами и их результатом — военной добы-
чей, являвшейся для горцев серьезным материаль-
ным стимулом. По А. Зиссерману, имам предпри-
нимал военные действия не только с целью осуще-
ствления далеко идущих политических планов, но и
ради добычи: для Кази-муллы «военные успехи и
добыча — главные рычаги для овладения умами
горцев»²⁵⁶. В контексте этого тезиса следует рас-
сматривать также попытку имама держать под кон-
тролем коммуникации по всему пространству между
Бурной и Дербентом²⁵⁷, предпринятую им летом
1831 г. С крупным ополчением он двинулся за Сулак,
поднял мятеж в Кумыкских владениях, занял Эндери
(Андреева деревня), а затем принялся за осаду кре-
пости Бурная. Лишь случай, — взрыв порохового по-
греба, — помешал завершить удачный рейд, принес-
ший немалую добычу.

Военной добычей считалось все, что доставалось
в качестве трофея, и все, что можно было взять с
собой. «Убитые были раздеты, было забрано также
все, что при них находилось»²⁵⁸ — сообщал источник
о правилах, которых придерживались воины Кази-
муллы. И дело тут вовсе не в какой-то особой жесто-
кости: просто горцы привычно повиновались нормам,
унаследованным от военной демократии.

Получив внушительную поддержку Табасарани
(за исключением южной ее части), Кайтага и других
районов Дагестана, Кази-мулла поставил перед со-
бою задачу захвата Дербента. Стратегическое зна-

259.

Прушановский К. Указ. соч., с. 19—20.

260.

Там же, с. 19.

261.

Там же.

262.

Зиссерман А. Указ. соч., с. 733 (Приложение).

263.

Там же, с. 724, 733.

264.

Там же, с. 723.

чение этой крепости было очевидно во все времена. Но Кази-мулла Дербент привлекал еще и как политический центр, и как объект для богатой военной добычи. Конечно, овладеть древней крепостью было нелегко. Хорошо понимая это, Кази-мулла рассчитывал не только на свои силы. Он в значительной степени уповал на дипломатический разрыв Ирана с Россией, слух о котором распространился накануне. Такой разрыв по меньшей мере вызвал бы переброску части российских войск из Дагестана в Ширван и облегчил бы задачи имама.

Кази-мулла начал несколько необычно — с идеологической «обработки» жителей крепости. Он обратился к дербентцам с воззванием²⁵⁹, в котором кроме обычных исламских положений содержался призыв употребить «свою хитрость», дабы избежать «несчастия», т. е. не оказывать сопротивление имаму, напротив, помочь овладеть крепостью. «Тогда, — обещал Кази-мулла, — все имущество ваше останется в руках ваших и все вы останетесь неприкосновенными»²⁶⁰. Настраивая население Дербента на добровольную сдачу, Кази-мулла прибегал не только к увещаниям. Одновременно он угрожал: «Мы движемся к вам с войсками, которым вы не будете в силах поставить преграды, выгоним вас из жилищ ваших»²⁶¹. Стянув свое ополчение к стенам дербентской крепости, имам вновь обратился к ее жителям. Теперь Кази-мулла делал упор на ислам, напоминая положение Корана о том, что «правоверные» не могут быть подвластными «неверным». Вместе с тем Кази-мулла раскрывал дербентцам свои намерения. Прежде всего он обещал «освобождение» от «неверных», под игом которых, с точки зрения имама, находились жители крепости. Он также собирался «возобновить учение обрядов религии, как то: салат (молельствие), закат (духовная подать) и другие обязанности мусульманства»²⁶². Кроме того, Кази-мулла объявлял дербентцам право каждого соблюдающего шариат отправиться в Мекку на поклонение. Идеологический нажим сопровождался силовым. В частности, имам обратился к коменданту Дербента с призывом принять ислам и сдать город «во избежание разорения и гибели здесь и вечных мучений ада там»²⁶³.

С походом на Дербент Кази-мулла связывал многое. И, в первую очередь, военно-стратегические, политические планы. А. Зиссерман подчеркивал: «С падением Дербента, без сомнения, взволновались бы Кубинская провинция и все аулы по р. Самуру; войдя в связь с населением южного склона хребта... восстание увлекало бы Нухинский уезд... могло бы с быстротой пламени охватить весь край»²⁶⁴. Не последнее значение имела и перспектива захвата военной добычи, на которую надеялся имам. Расчеты Кази-муллы, в том числе сугубо военные (имам имел

265.

А.Д.-Г. Обзор последних событий на Кавказе. — ВС, 1859, № 10, с. 485.

266.

Климан Ф. фон. Указ. соч., с. 510.

перевес сил), казалось, были безупречны. Однако он не учел одно важное обстоятельство — прочность древних оборонительных стен Дербента, не раз вставших на пути грозных завоевателей. Именно это обстоятельство потребовало длительной осады крепости (по одним источникам, она длилась 8 дней, по другим — 15). Но пока ополчение имама вело осажденные бои, из Северного Дагестана на помощь осажденным прибыл отряд генерала Каханова, вынудивший Кази-муллу снять блокаду. Имам отступил в Северную Табасарань, в села Руках и Тюмида. В этот нелегкий час к нему в лагерь прибыл его тесть, духовный учитель Магомет Ярагский. Кази-мулла решил распустить ополчение, уставшее от многодневной осады, но объявил, что попытается овладеть Дербентом еще раз. Сам имам вместе с Магометом Ярагским отправился на родину, в Гимры.

Дербентская операция не исчерпывалась военной неудачей. В ней сказались и некоторые достижения Кази-муллы. Так, военная блокада Дербента осуществлялась многотысячным ополчением (10 тыс. чел.), что в плане военной организации было крупным шагом. «Из отдельных, слабых обществ, способных в прежние времена делать лишь незначительные хищнические набеги», Кази-мулла «образовал целый союз дагестанских племен, приучил их действовать совокупно»²⁶⁵. В преддверии государственности, к которой в конечном счете стремился Кази-мулла, это имело более важное значение, чем исход военной операции под Дербентом. По Ф. фон Климану, перед походом на Дербент Кази-мулла «из самых разнородных элементов, почти из ничего, заложил прочное основание редкому в летописях истории военно-теократическому государству»²⁶⁶. В этом, пожалуй, — наиболее важный итог дербентской военной кампании.

Таким образом, лето и осень 1831 г. Кази-мулла провел настолько удачно, что не только он сам, но и его окружение, в том числе ополченцы, не сомневались более в реальности осуществления своих замыслов, в возможности отстоять свой традиционный жизненный уклад — трудный, беспокойный, но во всем понятный. Война, уносившая тысячи жизней, беспощадная и разорительная, сама становилась частью этого уклада. И все же у войны оставалось еще много противников — одни являлись таковыми по соображениям социально-политическим, другие — из-за ее разорительности, третьи — просто не видели в ней необходимости. «Пацифисты» не раз обращались к имаму с просьбой прекратить войну. В адрес вождя мюридизма не переставали звучать различного рода обвинения, а иногда и проклятия. «Сообщаю тебе, что твой приезд сюда явится ущербом, стеснением и мучением для мусульман: русский падишах очень жесток, могущественен и войска его

267.
ДГСВК, с. 103.

268.
Климан Ф. фон. Указ. соч.,
с. 510.

269.
Хроника Мухаммед-Тахира...,
с. 50.

неисчислимы. Из-за тебя они разорят мусульман. Поэтому я обращаюсь к тебе с просьбой вернуться на свою родину; тем самым ты спасешь мусульман от жестокостей кяфиров. Послушайся моего совета, подумай, что будет с мусульманами, находящимися под власть неверных»²⁶⁷, — подобные обращения к Кази-мулле не были редкостью.

С лета 1831 г., когда обозначились контуры формирувавшейся политической власти, опиравшейся на многочисленное ополчение, социальные «верхи» Дагестана, в особенности их ханская часть, чутко реагирующая на любые перемены в стане имама, вновь проявили настороженность по отношению к мюридистской войне с ее непредсказуемым ходом и неясными перспективами. Привыкшая смотреть на Кази-муллу как на оппозицию российским властям и балансируя между двумя противоборствующими силами во имя собственных выгод, ханско-бекская верхушка наконец рассмотрела в войне начало новой, реальной и сильной власти в Дагестане. Опасаясь этого ужасного и, к тому же, «незаконнорожденного» дитя времени, знать в своем большинстве заранее стала искать защиты от него. Распространившаяся в среде «старой» феодальной аристократии «мюридофобия» приобретала характер устойчивого социально-психологического явления, порожденного Кавказской войной. Одним из первых на это обратил внимание Ф. фон Климан. «Ближайшая опасность, впрочем, — писал он, — угрожала не нам, а тем владетельным лицам Дагестана, над которыми начала подниматься новая власть имамов. С прозорливостью, свойственной азиатцам, они быстро разгадали суть движения и поспешили теснее примкнуть к нам»²⁶⁸. Настороженно продолжала относиться к войне и часть рядовых общинников: «антивоенная» прослойка общинников все еще не желала участвовать в боевых действиях Кази-муллы, понимала их разорительность. Другая же часть общинников, уже разоренная войной и политикой России, напротив, увидела в движении Кази-муллы возможность за счет военной добычи поправить свое социальное и материальное положение. Обе группы отличались, однако, неустойчивостью в социальных и политических ориентациях. Тот же Ф. фон Климан отмечал, что «чуткое, восприимчивое и привыкшее повиноваться силе», большинство общинников «склонялось то на нашу, то на противную сторону, смотря по мимолетным успехам, но разница в характере подчинения его была огромная: властное слово Кази-муллы покоряло сердца... Кази-мулла не стеснялся в средствах... он истреблял своих врагов варварски и беспощадно»²⁶⁹.

Что же обеспечивало войне перманентность, если «старая» феодальная знать и большинство общинни-

270.
Там же, с. 51.

271.
Там же.

272.
Там же.

273.
Eichwald E. Op. cit., Bd. 1,
S. 700.

ков обнаруживали неустойчивость в своем отношении к войне?

На протяжении шести лет Кавказской войны был сформирован социальный, «становой хребет» из духовной и старшинской знати «вольных» обществ, которая под сенью лозунгов борьбы «за независимость» и «социальную справедливость» рвалась к господству. Война имела своего полководца, вождя, чей авторитет и влияние не вызывали более споров. Он не позволял себе и другим усомниться в естественности войны, в ее жизненной необходимости для Дагестана. Чтобы представить, насколько имам верил в свою идею «освобождения» «вольных» обществ от России, достаточно привести такой эпизод. Когда Кази-мулле сообщили, что Хасан Хусейн, один из его ученых, мухаджиров, оставленных им в Чечне, «вернулся к русским», он «заплакал и обратился к Шамилю: «Если я сверну в сторону от этого нашего дела, то убейте меня без промедления»²⁷⁰. В течение шести лет «в ногу» с войной шла по восходящей слава Кази-муллы как полководца и вождя. Главный герой войны «обрастал» мифами — в нем, наконец, обнаружились два главных начала — «земная простота», понятная и близкая общиннику, и «божий промысел» — мечта вождей всех времен и народов. Легенда о принадлежности Кази-муллы к пророкам была наиболее распространенной. Современник свидетельствовал: «Передавали мне также, что этот ученый Хаджияв ал-Урути обычно говорил: «Если бы я и Гази-Мухаммед жили до нашего пророка..., то я сказал бы, что Гази-Магомед — пророк»²⁷¹. Иمامу больше не приходилось, как раньше, утверждать себя в роли провидца. От него требовались военные походы, победы, богатая добыча. Что же касается его исключительности, божественности, то этот образ имама создавался новым, безмерно талантливым художником — простым общинником. «Я и ты — мы можем подтвердить, что Гази Мухаммед находит решение по Корану в отношении того, к чему он направляется. Больше того, он даже проникает в провидение будущего и ему открывается все»²⁷² — легенда, записанная современником, распространенная в среде ближнего окружения имама и рядовых общинников. Идея об исключительности, могуществе и неприкосновенности властителя подчеркивалась традиционной «дворцовой» атрибутикой: Кази-муллой и ночью охраняла вооруженная до зубов стража, готовая по первому его знаку изрубить любого, кто приблизился бы к имаму с подозрительными намерениями²⁷³. Его культ был столь велик, что даже русские дореволюционные авторы, враждебные Кази-мулле, невольно тяготели к возвеличиванию этой личности, производившей на них огромное впечатление. «Кази-мулла был настоящим вождем народа,

274.

Климан Ф. фон. Указ. соч., с. 511.

275.

Там же, с. 512.

276.

АКАК, т. 8, с. 533; ДГСВК, с. 99.

277.

Там же, с. 537.

дикарем — Саладином, правда, фанатичным и не рыцарственным, но одинаково искусным в проповеди, в политике и на войне»²⁷⁴, — писал Ф. фон Климан.

Итак, к 1831 г. на Северо-Восточном Кавказе «вызрела» война, как политически многоплановый и непредсказуемый феномен не только для Кавказа XIX в., но и для России, не понявшей ее сути, но разжигавшей ее.

До лета 1831 г. Петербург и российское командование на Кавказе были озабочены осуществлением плана покорения горцев. В том виде, в каком эта задача представлялась правительству, И. Ф. Паскевичу удалось реализовать ее лишь частично. Так, карательные экспедиции в Южную Осетию (генерал Ренненкампф), Северную Осетию и Ингушетию (генерал Абхазов) достигли своей цели — подавили восстания местных народов и утвердили военно-административный аппарат в этих районах. Подобные же действия на Северо-Восточном Кавказе, однако, не только не дали результата, но, напротив, лишь осложнили обстановку для России. После длительной осады Дербента, когда командование впервые столкнулось с крупными силами Кази-муллы, в высших офицерских кругах на Кавказе стали пересматривать прежние оценки масштабов и возможных средств подавления «мятежа» в Дагестане и Чечне. Многие генералы и офицеры склонялись к мысли о прекращении военных действий с горцами «вольных» обществ и переходе к мирным средствам достижения своих целей. Генерал Розен, например, лучше других генералов знавший положение дел на Северо-Восточном Кавказе, считал: «Мы должны будем иметь повсюду сильные отряды и стоять на часах, особенно на линии; самим же предпринимать новые экспедиции я не предвижу ни пользы, ни возможности. Одно постоянство в правилах и постепенность в приобретениях могут покорить необузданных»²⁷⁵. Подобной позиции придерживался генерал Панкратьев, командовавший русскими войсками на Восточном Кавказе. После дербентских событий он обратился с прокламацией к «вольным мусульманским обществам и разным племенам, обитающим в Дагестане», в которой предложил горцам мир. «Мы, — подчеркивалось в прокламации, — благоприятствуем всем верам и исповеданиям, даже поощряем к исполнению их обрядов, ибо все мы веруем в того же и единого бога»²⁷⁶. Несколько позже, в начале октября 1831 г., Панкратьев вновь повторил эти положения в очередной прокламации. «Каждое селение, — писал он, — которое пришлет депутатов с покорностью, будет великодушно прощено»²⁷⁷. Такого рода обращения к горцам, покорение которых с самого начала виделось только в карательных мерах, были новым явлением. Военно-стратегическое прозрение, характерное для

278.

Там же, с. 535.

279.

Там же, с. 537.

280.

МИДЧ, с. 256—257.

281.

Окольников Н.А. Указ. соч., с. 361.

282.

Гамзат-бек — второй имам Чечни и Дагестана. — КС, 1911, т. 31, с. 8 (статья эта составлена по сведениям, доставленным Маклычем, сыном Чახского жителя Кази, у которого в детстве жил Гамзат-бек. См.: Примечание к статье, с. 1).

части военно-командного состава, наступило, однако, слишком поздно. Проведенные ранее карательные экспедиции успели уже сформировать в «вольных» обществах устойчивую вооруженную оппозицию, готовую в любой момент включиться в движение Кази-муллы. К этому следует добавить, что представители русского командования, обращаясь к горцам с миром, в то же время исключали мирные переговоры с Кази-муллой. Более того, Панкратьев в одной из прокламаций просил за вознаграждение (1200 р.) поймать имама и доставить его командованию²⁷⁸. Хотя это предложение не нашло отклик у горцев, генерал вновь обратился к жителям Дагестана с просьбой схватить или убить Кази-муллу, «ибо, — как писал он, — сей подлец послан самим дьяволом для несчастия и разорения Дагестана, сей изверг убил родного отца своего самым ужасным образом, влив ему в рот кипяченное масло, и что сей изменник прежде сего торговал водкой и вином»²⁷⁹. Столь агрессивное отношение к Кази-мулле, приобретающему огромную популярность в Дагестане, настораживало горцев, вызывая их недоверие к русским мирным предложениям. Российский генералитет все еще не отдавал себе отчета в том, что на Кавказе он столкнулся с социально-политическим феноменом и, решая сугубо профессиональные военные задачи, ему нельзя забывать об анализе того, с чем он имеет дело. Расхожий стереотип — «горцы — дикий народ» — зашоривал русскому командованию глаза, лишал его возможности за деревьями видеть лес. В состоянии такой зашоренности нередко пребывал И. Ф. Паскевич, усердно выполнявший указания императора и, в отличие от некоторых своих генералов, не желавший менять своей концепции в отношении средств покорения горцев Большого Кавказа.

Между тем Кавказская война разрасталась. Потерпев ряд поражений в октябре — начале ноября 1831 г.²⁸⁰, Кази-мулла совершил один из самых дерзких вооруженных рейдов на Кизляр. Населенный армянскими купцами, город соблазнял имама возможностью захватить богатую военную добычу. Кази-мулла не обманулся в своих ожиданиях: Кизляр подвергся жестокому разграблению, а затем — сожжению. Оттуда Кази-мулла поспешил вернуться в лагерь, расположенный в Чумкескенском лесу. Он понимал, что его поход не останется без ответного удара, и думал о срочных оборонительных мерах. Организация обороны облегчалась тем, что военный успех и доставленная из Кизляра богатая добыча привлекли к имаму новых ополченцев: в Чумкескен потянулись шамхальцы, койсубулинцы, аварцы и другие²⁸¹. Туда же со своим вооруженным отрядом прибыл Гамзат-бек²⁸², что было особенно важно для Кази-муллы, который возлагал на союзника большие

283.

Там же, с. 6; ср. Р-в. Указ. соч. — РХ Л, 1859, № 34, с. 117—118; Baddeley J. F. Op. cit., p. 284. Л.Блэнч сильно преувеличила влияние Аслан-хана, когда писала, что ему удалось превратить Гамзат-бека в орудие своей мести, отчего произошли «ужасные последствия», которые должны были изменить весь ход Кавказской войны (Blanch L. Op. cit., p. 114).

284.

Гамзат-бек — второй имам..., с. 6.

285.

Там же; Eichwald E. Op. cit., Bd. 1, S. 727—729.

надежды. Правда, они несколько ослабили после того, как Гамзат-бек потерпел поражение и был арестован. Но Кази-мулла видел, что храбрый Гамзат-бек вновь обрел силу и решительность. Проведя несколько месяцев в тифлисской тюрьме, а затем получив свободу благодаря ходатайству Аслан-хана Казикумухского, Гамзат-бек был сломлен и, казалось, безразличен к бурным событиям, происходившим в Дагестане. На короткое время он отошел и от движения мюридизма. Однако вскоре, после гибели сына, находившегося в Тифлисе в качестве аманата, он вновь возвращается в ряды мюридов. Узнав об этом, Аслан-хан, которому Гамзат-бек был обязан своим освобождением из тюрьмы, попытался направить его воинственность против аварского хана: на личной почве Аслан-хан враждовал с ханским домом и жаждал мести. Аслан-хан объяснял, сколь важно было бы Гамзат-беку овладеть ханским престолом, какую добычу он мог бы иметь. Склоняя Гамзат-бека к военному походу на Хунзах, Аслан-хан представлял захват аварской столицы несложным делом. Но Гамзат-бек отказался следовать советам своего покровителя. Полный жажды отмщения за сына, он заявил Аслан-хану о намерении «идти с газаватом против русских»²⁸³.

Приехав в Гочатль, Гамзат-бек объявил о сборах, весть о которых разнеслась моментально и нашла широкий отклик. Особенно живо отозвались джаро-белоканцы, знавшие Гамзат-бека по прежним походам, по восстанию 1831 г. Собрав внушительное ополчение²⁸⁴, Гамзат-бек направился в Джаро-Белоканы, где он имел надежную опору и возможность вести «автономную» войну с Россией, которая, как он надеялся, позволила бы ему реализовать свои честолюбивые планы.

К Гамзат-беку присоединился Ших-Шабан, известный уже тогда «возмутитель», не раз совершавший вооруженные нападения на русские войска. Прибыв в Джаро-Белоканы, ополчение Гамзат-бека стало еще больше. Теперь он располагал военной силой, способной наносить чувствительные удары по русским укреплениям на границе между Дагестаном и Грузией. С этим ополчением Гамзат-бек собирался вторгнуться в Закаталы. Однако поход его не состоялся. Помешали массовые заболевания ополченцев, а также упреждающие действия русских войск в Закаталах²⁸⁵. После этой неудачи Гамзат-бек покинул Джаро-Белоканы и с небольшим отрядом направился в Чумкескенский лес к имаму, который, вернувшись из рейда в Кизляр, готовился к обороне от ожидавшихся карательных мер.

Гамзат-бек обратился к Кази-мулле с предложением совершить повторное нападение на Хунзах и овладеть Аварским ханством. Он поведал имаму о

286.
Гамзат-бек — второй имам...,
с. 8.
287.
Там же.
288.
Хроника Мухаммед-Тахира...,
с. 48.
289.
Там же.
290.
Окольничий Н.А. Указ. соч.,
с. 361.
291.
ДГСВК, с. 104.

своем разговоре с Аслан-ханом Казикумухским, поощрявшим этот поход²⁸⁶. Кази-мулла одобрил план Гамзат-бека, однако сказал, что это слишком важное дело и к нему следует готовиться серьезно. После этой беседы Кази-мулла, сославшись на необходимость ехать в Гимры, где якобы находилась книга, по которой можно разгадать увиденный им сон и многое предсказать, отправился в родное село. Оборону лагеря он поручил Гамзат-беку²⁸⁷.

В декабре 1831 г. в Чумкескенский лес к крепости Агаш направился русский отряд полковника Миклашевского. Оказавшемуся без своего имама ополчению предстояло держать нелегкую оборону под руководством Гамзат-бека, Шамиля и Саида ал-Ихали²⁸⁸. После упорного боя ополчение покинуло крепость²⁸⁹ и «рассеялось»²⁹⁰.

Каждый такой успех, как правило, вселял в российское офицерство на Кавказе надежду на завершение трудной Кавказской войны. Поскольку предыдущие попытки взять крепость Агаш кончались провалом, то победа отряда полковника Миклашевского расценивалась как очень важная. По-видимому, под впечатлением от нее, император Николай I направил на имя генерала Розена свои замечания по поводу покорения горцев. В них император вновь возвращал командование на Кавказе к первоначальному плану покорения горцев, утвержденному в начале 1830 г. Подчеркивая военно-стратегическое значение Кавказа для России, он указывал на необходимость введения для горцев «гражданского устройства», без чего, как полагал Николай I, нельзя было достичь широких политических целей. Вместе с тем император, в свое время (1829 г.) требовавший «истребление непокорных горцев», резко изменил тон, когда в своих «замечаниях» он коснулся «гражданского устройства». Последнее должно быть введено «без всяких следов насильственного присоединения»²⁹¹ — таков был новый принцип, сформулированный Николаем I. Столь резкая «перемена» во взглядах российского монарха, конечно же, объяснялась не каким-то его «помягчением» к горцам, а другой причиной: Николай I, которому кавказские генералы сообщали большей частью победные рапорта, был далек от реальной оценки обстановки, полагая, что приобщить горцев к «гражданскому» быту можно и без насильственных мер.

Осень 1831 г. и начало следующего года принесли Кази-мулле серию неудач. Еще до Агаша, в ноябре 1831 г., значительный урон нанесли ему русские войска в местечке Чиркей. Особенно тяжело имам переносил резкий спад (после летнего подъема) мюридистского движения осенью 1831 г. Он видел, как многие общества — то ли под влиянием понесенных неудач, то ли от усталости от войны, — стали пассив-

292.
Там же, с. 101—103; АКАК,
т. 8, с. 537 и сл.; Eichwald E.
Op. cit., Bd. 1, S. 694—695,
713—714.
293.
ДГСВК, с. 104; МИДЧ, с. 260—
261.
294.
МИДЧ, с. 261; Eichwald E.
Op. cit., Bd. 1, S. 682.
295.
Там же.
296.
Там же.
297.
МИДЧ, с. 260.
298.
Окольников Н.А. Указ. соч.,
с. 361.
299.
ДГСВК, с. 106—107; МИДЧ,
с. 262—263.
300.
Поход в Чечню С.Эсадзе ошибочно относил к августу 1832 г. (См. Эсадзе С. Штурм Гуниба..., с. 60—61). Неточность даты у С.Эсадзе подтверждается, кроме свидетельства Мухаммед-Тахира Ал.Караха, так же данными других источников (см. МИДЧ, с. 261, 265); см. так же: Берже А. Кази-Мул-ла..., Бушуев С.К. Указ. соч., с. 77.
301.
Хроника Мухаммед-Тахира..., с. 48.

ными и принимали присяги верности российскому правительству²⁹². Чтобы как-то поправить положение и остановить развитие подобных политических настроений среди общинников, Кази-мулла и Гамзат-бек в конце декабря 1831 г. прибыли в Гимры. Там они принялись за формирование нового ополчения и организацию антироссийских выступлений. На этот раз имам и Гамзат-бек, в последний год не знавшие проблем с набором ополченцев, встретились с немалыми трудностями. Местное население не отзывалось на их призыв к газавату и не желало вступать в ополчение. Особенно воспротивились усилиям Кази-муллы и Гамзат-бека гимринцы во главе с старшиной Давудом-Магомедом, решившим «непременно изгнать их от себя»²⁹³. Дело дошло до вооруженного столкновения с жителями Гимр, в результате которого Давуд-Магомед был убит. Потерпев неудачу у себя на родине, Кази-мулла вместе с Гамзат-беком перебрался в Унцукуль²⁹⁴. Но и унцукульские жители встретили имама и его помощника враждебно: они «окружили дом» Кази-муллы «и начали стрелять в оный»²⁹⁵. Неожиданно для имама к унцукульцам присоединились араканцы во главе со своим кадием. Наконец, в Унцукуль на помощь его жителям привел свой отряд из 300 чел. Сулейман Мирза. Имам попал в непростое положение. Ему ничего не оставалось, как переодеться в женское платье и спасти свою жизнь²⁹⁶. Для него наступило тяжелое время. Не имея поддержки среди населения, он тем не менее не терял самообладания и надежды на успех.

Весной 1832 г. Кази-мулла разослал «воззвание в соседние общества, угрожая, что если они не согласятся вступить в его сообщничество, то он принудит их тому силою»²⁹⁷.

Взявшись с новой силой за мюридизм, Кази-мулла избрал для «дислокации» своих сил шамхальство Тарковское — где он начинал свое движение²⁹⁸. Чтобы расположить шамхала, Кази-мулла обратился к нему с предложением о совместном выступлении против русских²⁹⁹. Но собрать крупное ополчение, как думал имам, не удалось из-за военного контроля, существовавшего в шамхальстве, и самого шамхала, не пожелавшего примкнуть к Кази-мулле. Имаму ничего не оставалось, как заняться набегам и довольствоваться военной добычей. Окончательно разуверившись в возможности создать ополчение в Дагестане и поднять движение против России, Кази-мулла решил весной 1832 г.³⁰⁰ предпринять поход в Чечню, надеясь найти поддержку там. «Когда соседи Гази-Мухаммеда из Чиркея и из других селений склонялись к неверным, он собрал войско в Чечню, а было время весны, для исправления дел чеченцев и газавата в их стороне»³⁰¹, — писал современник.

302.

Там же, с. 49.

303.

Там же.

304.

Там же.

305.

АКАК, т. 8, с. 388.

306.

Прушановский К. Указ. соч., с. 20—21; Eichwald E. Op. cit., Bd. 1, S. 724—725.

307.

ДГСВК, с. 109.

308.

Хроника Мухаммед-Тахира..., с. 53.

309.

Там же.

В Чечню имам взял с собой главного мюршида Дагестана — Магомета Ярагского.

Движение в Чечне, по-видимому, складывалось не совсем так, как надеялся имам. Во всяком случае, ему пришлось продвигаться не без сопротивления: Кази-мулла «проник в чеченскую землю и сжег некоторые их селения»³⁰². На чеченской территории его отряд вступил в бой с русскими силами. Мухаммед-Тарахи Ал-Карахи упоминает о сражении в Гудермесе между войском Кази-муллы и «500 всадниками из русских»³⁰³. По данным автора, весь русский отряд был перебит (в живых остались только трое солдат); «убитые были раздеты, было забрано также все, что при них находилось; две пушки и прочее»³⁰⁴.

Вскоре Кази-мулле удалось примкнуть к военным силам Ташов-Хаджи, ставшего «главнейшим сообщником Кази-муллы и Гамзат-бека»³⁰⁵. Однако свои задачи в Чечне имам все же не решил: помешали упорно сопротивлявшиеся русские силы. Дело осложнилось настолько, что Кази-мулла и его чеченские баячки вынуждены были отступить из Чечни. Вместе с тем у них созрел план о крупных вооруженных рейдах, целью которых являлось не столько решение проблем движения мюридизма, сколько захват военной добычи. В соответствии с этим планом были совершены набеги в районы Терека, Владикавказа, Кизляра и Кавказской линии³⁰⁶. Это были последние из значительных военных походов Кази-муллы. Об одном из них, предпринятом летом 1832 г. против каранайцев, генерал Розен сообщал: «В числе тяжело раненных находится и главный сообщник его Гамзат-бек, который после сего удалился в Аварию. Кази-мулла ныне в Гимрах и большая часть его скопища по разделу отбитых у каранайцев баранов разошлась»³⁰⁷.

Оставаясь в Гимрах, осенью 1832 г. Кази-мулла пытался сформировать новые силы, но на этот раз — в целях обороны. В сентябре и начале октября 1832 г. имам уже знал, что его ждут нелегкие бои. О том, насколько он представлял себе предстоящие события, сообщают в виде легенд местные источники. В одной из них читаем: «Шамиль (накануне гимринского сражения — *ред.*) увидел во сне, как будто бы он находится в каком-то доме, а его ружья, и длинное и короткое, испортились. Враги забрались на крышу этого дома, проломали его крышу и просунули к ним внутрь ружье, а Шамиль, находясь внутри, отталкивал это ружье, а затем он, якобы, убежал из этого дома»³⁰⁸. В другой легенде говорилось: «Затем Гази-Мухаммед вернулся из Чечни, сказав: «Это войско идет против меня и я буду сражен смертью праведника у двери своего дома»³⁰⁹. Приведем еще одну легенду: «Передают со слов гимринской женщины..., что она в сопровождении других женщин

310.
Там же; Берже А. Кази-Мулла...
311.
Окольничий Н.А. Указ. соч.,
с. 361.
312.
Материалы к истории покорения
Восточного Кавказа и
борьбы с мюридизмом. — КС,
1912, т. 32, ч. 1, с. 127.
313.
Прушановский К. Указ. соч.,
с. 21.
314.
Окольничий Н.А. Указ. соч.,
с. 362.

посетила Гази-Мухаммеда в Ригуане. В беседе Гази-Мухаммед сказал им: «Поистине я скоро удалюсь от вас». Женщины заплакали и спросили: «А кто же будет у нас после тебя?» Гази-Мухаммед ответил: «Шамиль будет хорошо относиться к вам». Тогда они ему сказали: «Он не заменит нам подобного тебе». На это Кази-мулла ответил им: «Шамиль будет долго жить. Я видел во сне»...³¹⁰.

Дореволюционные русские авторы передают, будто накануне военных событий в Гимрах Кази-мулла «опять было имел намерение оставить селение, но жители удержали его словами: «Ты умел вооружать нас против русских, научи же теперь и драться с ними»³¹¹. Как видно, Кази-мулла не только знал о предстоящем бое с русским войском, но, по-видимому, понимал, сколь серьезная опасность грозит его движению. Во всяком случае источники местного происхождения придали большое значение военно-политической обстановке, сложившейся накануне сражения в Гимрах. Подготовка к обороне явилась нелегкой задачей. Тем не менее имаму удалось провести ряд важных оборонительных мер в Гимрах и окрестностях. Сложнее оказалось сформировать боеспособное ополчение: желавших сразиться с регулярными войсками было мало. После крупных военных неудач 1831 года Кази-мулле стало сложно набирать людей в ополчение. По сведениям из донесений русских военачальников на Кавказе, койсубулинцы писали имаму, «что со времени начатия войны с русскими они не только не разбогатели по его обещанию, но, напротив того, разорились; что получаемые ими иногда добычи не в состоянии вознаграждать убытков, и наконец советовали ему на будущее время отказаться от своих предприятий, всегда оканчивающихся невозвратною потерей их родственников и друзей»³¹². Трудности усугублялись военным и административным нажимом российского командования на местное население. Прав был Прушановский: «Беспрестанные же воззвания с нашей стороны, — писал он, — на арабском языке, которыми ясно и словами Магомета из Корана опровергалось ложное их толкование тариката, до крайности ослабили Кази-муллу»³¹³. На общинников продолжали воздействовать также тарикатисты, или «антивоенные» силы, не раз обращавшиеся с воззваниями о прекращении войны с русскими. Несомненно имело значение и другое: Кази-мулла за два года борьбы за утверждение себя в статусе имама не раз прибегал к карательным мерам против «вольных» обществ и отдельных сел, когда ему отказывали в вооруженной поддержке или не желали участвовать в его военных акциях. Так, произведенные им казни в Чечне «устранили слабейшую и большую часть населения»³¹⁴, формируя оппозицию.

315.

Прушановский К. Указ. соч., с. 21; ср. Гакстгаузен А. Указ соч., с. 202.

316.

Бушуев С.К. Указ. соч., с. 80; Гаджи-Али допустил неточность, утверждая, что в обороне Гимр принял участие Гамзат-бек (См. Гаджи-Али. Сказание очевидца..., с. 7).

317.

Р-в И. Указ. соч. — РХЛ, 1859, № 34, с. 118; Гамзат-бек — второй имам..., с. 9.

318.

Л.Блэнч прямо называет Гамзат-бека трусом (Blanch L. Op. cit., p. 72, 114).

319.

См. Р-в И. Указ. соч. — РХЛ, 1859, № 34, с. 118.

320.

Прушановский К. Указ. соч., с. 21.

321.

Там же; ср. Гакстгаузен А. Указ. соч., с. 202.

322.

Гаджи-Али. Сказание очевидца..., с. 7.

323.

Там же.

Накануне гимринских военных событий Кази-мулла, не находя необходимой поддержки у общинников, обратился за помощью к Гамзат-беку, оправившемуся от раны и успевшему сформировать ополчение в селе Ирганай. По Прушановскому, на эту просьбу имам получил «решительный» отказ³¹⁵. Советский исследователь С. К. Бушуев недоумевал по поводу того, «почему Гамзат-бек задержался на горе Наратов, с которой виден был отряд русских, штурмовавший Гимры, где героически гибли мюриды под предводительством Гази-Мухаммеда»³¹⁶. Русские дореволюционные авторы объясняют бездействие Гамзат-бека тем, что он не осмелился вмешаться в бой со своими «ничтожными силами» (1000 человек)³¹⁷. Иными словами — трусостью³¹⁸. Зная отважную натуру Гамзат-бека, трудно принять такую логику. Скорее всего дело в другом. Чтобы понять поведение этого человека, нужно, на наш взгляд, учитывать тот изначальный сепаратизм, которого придерживался Гамзат-бек в движении кавказского мюридизма: с Кази-муллой он шел на объединение только в тех случаях, когда терял опору, лишался военных сил, и, наоборот, имея военное ополчение, избегал совместных действий. Кроме того, можно предположить, что Гамзат-бек наблюдал за штурмом Гимр не без тайной надежды на гибель Кази-муллы и освобождение имамского «престола»³¹⁹.

Перед самым подходом русского отряда к Гимрам, Кази-мулла предпринял новые попытки пополнить свое немногочисленное ополчение, все еще надеясь оказать достойное сопротивление. Как свидетельствовал Прушановский, Кази-мулла «призывает весь дагестанский народ; но на его зов нет отголоска»³²⁰. Именно тогда Кази-мулла, в состоянии отчаяния, заявил своим ополченцам: «Теперь мой конец; я умираю, защищая родину, защищая святую истину тариката, защищая святой шариат; кто хочет умереть, останется со мной»³²¹.

Между тем генерал Розен, разгромивший чеченские села (осенью 1832 г.), решил направиться в Гимры, в очаг кавказского мюридизма. Перед тем, как начать военные действия против гимринского укрепления, Розен вступил в переговоры с Кази-муллой. «...И послал к Кази-Мухаммеду через Казикумухского Аслан-хана послов: тифлисского Сосия-бека, нухинского Али Джан-бека и отца моего — Чохского Абдул-Малека, со словесными предложениями и письмами о мире»³²², — свидетельствовал Гаджи-Али. После двухдневных совещаний с приближенными Кази-мулла отверг мир. «Что касается до того, чтобы прекратить неприязненные действия и заключить мир, то это дело далекое»³²³, — таков был ответ имам. По команде Розена генерал Вельяминов со своим войском направился в Гимры. Нет необходимости

324.
См. АКАК, т. 8, с. 558—566.

325.
Эсадзе С. Штурм Туниба...,
с. 64; Бушуев С.К. Указ. соч.,
с. 78.

326.
АКАК, т. 8, с. 561.

327.
Гаджи-Али. Сказание очевид-
ца..., с. 7—8.

328.
Прушановский К. Указ. соч.,
с. 21—22.

329.
Гакстгаузен А. Указ. соч.,
с. 203.

330.
Там же; ср. Зиссерман А. Исто-
рия..., т. 2, с. 28.

331.
Книга Асари-Дагестан..., с. 130.

подробно описывать это сражение: оно достаточно
полно освещено у военных историков, а также в
опубликованных документах³²⁴.

Сражение в Гимрах произошло 17 октября 1832 г.
По данным русских авторов³²⁵, на исходе боев в гим-
ринской башне укрылись Кази-мулла, Шамиль, Ма-
гома-Султан и другие наиболее близкие имаму мюри-
ды. Блокировавший башню русский отряд не знал,
что в ней — руководители кавказского мюридизма.
Только на второй день, после того как защитники
башни были уничтожены, один из местных «татар»
опознал труп Кази-муллы³²⁶. Современник сообщал:
«Тело Кази-Мухаммеда отдано было русскими шам-
халу Тарковскому, который предал его земле в сел.
Тарках, что близ г. Петровка. Кази-Мухаммед кон-
чил жизнь свою на 75 году. Он не имел детей, кроме
одной дочери, которая умерла 10 лет»³²⁷. В описа-
ниях дореволюционных авторов часто приводится
легендоподобная версия, будто «было найдено мерт-
вое тело Кази-муллы в таком положении, что он од-
ною рукою держался за бороду, а другою — указы-
вал на небо» — символ того, что он «духом своим»
вознесся «до постижения могущества всевышнего»³²⁸.
Для тех, кто смотрел на Кази-муллу как на знамя
мюридизма, эта легенда, получившая широкое рас-
пространение, служила призывом к дальнейшей не-
примиримой борьбе. Не раз этой легендой восполь-
зуется Гамзат-бек с целью воздействовать на массы.

Смерть Кази-муллы не сняла накала борьбы в
«вольных» обществах, напротив, образ «святого пра-
ведника» вдохновлял на новые подвиги во имя мю-
ридизма. Этим образом пользовался не только Гам-
зат-бек, но и Шамиль, перезахоронивший останки
Кази-муллы в Гимрах. Подводя итоги «правления»
Кази-муллы, немецкий автор XIX в. А. Гакстгаузен
заметил, что было положено «начало теоретическому,
политическому и военному устройству, которое впо-
следствии, при Шамиле, достигло полной организа-
ции»³²⁹. По его мнению, мюридизм укоренился до-
статочно глубоко, чтобы продолжать свое существо-
вание даже при неудачном предводителе³³⁰.

В гимринской башне погибли самые видные мю-
риды Кази-муллы. Лишь один Шамиль, получивший
тяжелые ранения, остался в живых. Современник
Кавказской войны писал: «Спасение Шамиля-эфенди
произошло таким образом: что когда он в числе дру-
гих бывших в окопе с Гази-Магомед-эфенди очутил-
ся среди русских войск и бой усилился, остальные
товарищи его были убиты и пали, а среди них и Ша-
миль-эфенди, получивший несколько ран, упал и ос-
тался между трупами. Ночью в темноте, имея силы
двигаться, он постепенно вышел оттуда, ушел в дру-
гое место и спрятался. Пока за полгода не вылечи-
лись его раны, он ни в какое дело не вмешивался»³³¹.

332.

Прушановский К. Указ. соч., с. 21.

333.

Хроника Мухаммед-Тахира..., с. 53.

334.

Там же, с. 54—55.

335.

Там же, с. 55.

Несколько иначе описал обстоятельства гибели Кази-муллы и его соратников Мухаммед-Тахир Ал-Карахи. По его сведениям, Шамиль, Кази-мулла «и с ними около 13 человек» (по Прушановскому, 60 человек)³³² укрылись не в башне, а «засели в доме, находившемся позади завалов»³³³. Мухаммед-Тахир, описывая события в Гирах, довольно скупко сообщает о главном герое войны — первом имаме. Его симпатии явно на стороне Шамиля. «Глава о сражении, в котором пал смертью праведника Гази-Мухаммед и был ранен Шамиль» фактически посвящена ему. Основная идея автора заключалась в том, что герой гимринского сражения Шамиль — единственный достойный преемник Кази-муллы. У Мухаммеда-Тахира нет подробностей, связанных с поведением близких к имаму мюридов, но он детально описал поединок между Шамилем и русскими солдатами: «Тогда он (Шамиль — *ред.*) обнажил шашку, — повествует Мухаммед-Тахир, — бросил ножны с поясом, засучил рукава, подобрал полы и бросился из двери... Шамиль ударил шашкой того, кто был у двери; тот упал ртом вниз и опустил бороду. Шамиль ударил другого — тот также упал. Третий ударил Шамиля в грудь ружейным штыком и пронзил его грудь насквозь. Шамиль ухватился за находившийся в его груди штык одной рукой и, ударив напавшего шашкой, сшиб его... Когда это все увидели нападающие, то перед Шамилем начали разбегаться...»³³⁴. По Мухаммед-Тахиру, рядом с тяжело раненным Шамилем оказался маузин, который и вынес его из окружения солдат: солдаты «их не преследовали, хотя и находились и сзади их и спереди, направлявшиеся в Гимры»³³⁵. Мухаммед-Тахир восхищается не только героизмом и мужеством Шамиля в сражении, но и последующим его поведением: на исходе дня после случившегося, когда Шамиль «увидел из-за вершушек гор еще не закатившееся солнце», он, не смотря на крайне тяжелое ранение, «совершил вечернюю молитву». У автора «Книги Асари — Дагестан» Шамиль после гимринского боя бездействен. Мухаммед-Тахир, напротив, считает, что Шамиль ни минуты не расставался с идеей о мюридизме, установлении шариата и, будучи тяжело больным, продолжал заботиться о состоянии ислама в Дагестане. Так, он явился в Гимры и, обнаружив, что там нарушается шариат, пришел в негодование: «Он увидел женщин, сидящих на улице и обрабатывающих шерсть... а подле них — дряхлого старика. На старике не было «шари», а в руке его была толстая палка. Сказав: «поистине эти считают, что шариат умер вместе со смертью Гази-Мухаммеда», Шамиль отнял у старика палку и сурово сказал: «А разве сидение вместе с женщинами было тебе приказано?...» Шамиль принялся бить женщин. Они все разбежались, кроме од-

336.

Там же, с. 57—58.

337.

Там же, с. 59.

338.

Эсадзе С. Указ. соч., с. 64.

339.

Хроника Мухаммед-Тахира..., с. 53.

340.

Там же, с. 59.

ной. Она упорствовала, а он ее бил и бил»³³⁶. Это не единственный эпизод, свидетельствовавший о преданности Шамиля делу шариата. Мухаммед-Тахир повествует также о том, как он в горном Дагестане, где после смерти Кази-муллы стал ослабевать ислам, самоотверженно защищал исламскую веру. По его описанию, в одно утро Шамиль отправился в «завию» — место для молитвы: «...и вдруг «завия» оказалась наполненной отступниками. Они жгли в ней огонь, били в барабан, плясали и поносили мюридов. Они говорили: «Завтра будет видно, как мюриды будут опозорены». Они разумели под этим то, что завтра они будут открыто пить и забавляться на инструментах на глазах мюридов. Сперва Шамиль хотел вернуться, но затем сказал про себя: «Если я вернусь отсюда, то значит нет у меня веры»,... и он вытащил кинжал. Они испугались его и позорно разбежались врассыпную. Некоторые из них попадали в воду, некоторые свалились из-за давки в дверях»³³⁷.

Мухаммед-Тахир освещает подобные эпизоды, следовавшие после гибели Кази-муллы, с одной и той же политической сентенцией: Шамиль — самый достойный последователь первого имама, самый преданный его мюрид. Противоположная точка зрения распространялась в русской и кавказской исторической литературе. Так, С. Эсадзе считал, что в момент, когда Кази-мулла и его мюриды, окруженные русским отрядом, оказались в башне, то будто между имамом и Шамилем произошла серьезная размолвка: «Кази-мулла, видя неизбежную гибель, обратился к сидевшему возле него Шамилю со словами: «Ты неоднократно говорил мне, что желал бы попасть в рай, умирая на газавате». Имам предложил ему выпрыгнуть из башни и вступить в единоборство с русскими солдатами. Шамиль в грубых выражениях отказался, упрекая имама в несчастьи, постигшем их и целое селение»³³⁸. На взаимоотношения между Шамилем и Кази-муллой в минуты смертельной опасности обратил внимание и Мухаммед-Тахир. По его сведениям, Кази-мулла накануне гибели прежде всего обеспокоен судьбой Шамиля: «Кази-Мухаммед сказал Шамилю: «Зачем ты остался здесь?»³³⁹

Еще не успели остыть от жаркого боя гимринские камни, еще кровоточила штыковая рана Шамиля, как этот претендент на роль имама заявляет в споре с гимринским кадием: «И, истинно, я, клянусь Аллахом, не оставлю этого дела, пока не умру. Кто хочет получить вознаграждение в будущей жизни — пусть помогает мне в этом, кто хочет войны — пусть готовится к ней»³⁴⁰.

Записанные современниками рассказы о гимринском сражении не столько оплакивают гибель Кази-муллы, сколько повествуют о преданности Шамиля шариату.

Гамзат-бек: первая попытка создания имамата

- 1
Бушуев С.К. Указ. соч., с. 80.
2.
Гамзат-бек — второй имам...,
с. 9; Эсадзе С. Указ. соч., с. 66.
3.
Гамзат-бек — второй имам...,
с. 1.
4.
Эсадзе С. Указ. соч., с. 66.
5.
Там же.

Когда 17 октября 1832 г. «гибли мюриды под предводительством Гази-Мухаммеда», Гамзат-бек «задержался на горе Наратов, с которой виден был отряд русских, штурмовавших Гимры»¹. Лишь в полночь, после того как эрпелинский житель по имени Атам сообщил о поражении гимринцев и смерти Кази-муллы, Гамзат-бек, как и другие, объявив усопшего имама «святым», тут же приступил к захвату власти.

Претендент на высший духовный сан Дагестана Гамзат-бек родился в 1789 г. в Гочатле, расположенном в Аварском ханстве. Гамзат-бек происходил из знатного бекского рода². Отец его Александер-бек принадлежал к тем преуспевающим военачальникам, которые, совершая набеги, пользовались в Аварии популярностью. В источниках он оценивается как «храбрый и умный, уважаемый аварцами»³. И это не случайно. Не раз Александер-бек проявлял личную храбрость и отвагу в неоднократных нашествиях лезгин на Кахетию⁴. Популярность и высокое положение военачальника сделали Александер-бека близким ко двору аварского хана и лично к Султан-Ахмет-хану: «Султан-Ахмет-хан в наиболее важных делах обращался за советами к умному и влиятельному в народе Александер-беку»⁵.

Принадлежа, по понятиям первой половины XIX в., к знатной семье, Гамзат-бек имел неплохие условия для учебы, а также для разносторонних занятий, в особенности военных. Он рано овладел арабским языком, обнаружил глубокое знание Корана, но никогда не отличался религиозностью. Гам-

6. Гамзат-бек — второй имам..., с. 1.
7. Там же.
8. Там же, с. 2.
9. Эсадзе С. Указ. соч., с. 66.

зат-бек «любил братья за оружие и не раз пулями из винтовки попадал в луну, красовавшуюся на мечети, за что меткого стрелка пребольно секли»⁶. В 24 года, потеряв отца и мать, Гамзат-бек направился в Хунзах, в ханский дом, с которым, как бы в продолжение семейной традиции, состоял в близких отношениях. К тому времени Султан-Ахмед-хана уже не было в живых. Молодого Гамзат-бека приютила ханша Паху-Бике, обходившаяся с ним, как с близким родственником⁷. Женившись в 28 лет на кузине, он вскоре понял, что заботы о домашнем очаге и занятия по хозяйству не его удел. Он думал о той славе военачальника, которой достиг его отец: Гамзат-бек для этого решил «изведать и жизнь, и все разнообразные ее наслаждения» и предался разгульному образу жизни. Несколько лет, вопреки предписаниям Корана, Гамзат-бек провел с друзьями в пирушках. Современник свидетельствовал, что на путь праведника его, «кутилу и пьяницу», поставил Имам-Али, приходившийся Гамзат-беку дядей и тестем. «Ты приходишь от беков, — говорил Имам-Али своему зятю, — отец твой был храбрый человек и делал много добра нашему народу, а ты не только не хочешь последовать его примеру, но предался еще развратной жизни. Время опомниться! Вот пример тебе — Кази-мулла простой горец, а посмотри, что он делает. А ты знатней его родом, для чего же ты учишься?»⁸ Гамзат-бек внял наставлениям дяди. Полный честолюбивых надежд, он отправился к Кази-мулле. По сведениям дореволюционных авторов, встреча между Кази-муллой и Гамзат-беком произошла в Гимрах не позднее 1830 г. Гамзат-бек был принят имамом с воодушевлением. «После продолжительного совещания» между ними Гамзат-бек «охотно принял предложение» Кази-муллы «о распространении шариата» и «с тех пор сделался ревностным сподвижником и помощником имама»⁹. Предпринятый Кази-муллой летом 1830 г. поход на Хунзах, — первое боевое крещение Гамзат-бека под знаменами имама. Тогда идея о газавате во имя шариата, а самое главное — перспектива крупных набегов с богатой военной добычей и возможность овладеть политической властью настолько захватили Гамзат-бека, что он, не терзаясь нравственными соображениями, с энтузиазмом поддерживал Кази-муллу в намерении уничтожить ханский дом и установить собственный режим. Свернуть с избранного пути теперь, после встречи в Гимрах, было невозможно. Даже жестокое поражение Кази-муллы под Хунзахом ничего не изменило в намерениях Гамзат-бека. После Хунзаха, по примеру имама, он распустил своих ополченцев. По-видимому, разочаровавшись в Кази-мулле как в военачальнике, он не последовал за ним в Гимры, а вернулся к себе

10.
Там же.
11.
Гамзат -бек — второй имам..., с. 4.
12.
Там же.
13.
Прушановский К. Указ. соч., с. 22. Г. Кастильон писал, что «для Гамзат-бека мюридизм был только средством удовлетворения своих честолюбивых намерений». (Письма Г. Кастильона..., с. 121; Blanch L. *Op. cit.*, p. 115).
14.
Прушановский К. Указ. соч., с. 22; ср. Warner (major). *Op. cit.*, p. 12.
15.
Прушановский К. Указ. соч., с. 22—23.

в Гоцатль. Так первое же поражение разрушило союз между Гамзат-беком и Кази-муллой. Разочарование Гамзат-бека касалось лишь военных способностей Кази-муллы, но не его глубоких познаний в области Корана. Гамзат-бек видел, какой необычайной организаторской энергией обладает имам, ценил его ораторский дар, завораживавший слушателей.

После Хунзаха некоторое время Гамзат-бек бездействовал. Однако имя этого мужественного военачальника было уже настолько известно, что вскоре к нему из Джаро-Белокан обратились с предложением о совместных набегах и вооруженных выступлениях против российских войск. Инициатива пригласить Гамзат-бека в качестве предводителя ополчения принадлежала Шах-Шабану, руководителю мятежа алазанских лезгин¹⁰. Гамзат-бек не спешил давать согласие, полагая, что должен «иметь» по этому вопросу «совет с Кази-муллой»¹¹. Прибыв в Гимры к имаму, Гамзат-бек, в свою очередь, предложил ему возглавить ополчение джаро-белоканцев. Но Кази-мулла отказался вести военные действия на юге, где он не рассчитывал на широкую поддержку. Имам советовал Гамзат-беку принять приглашение джаро-белоканцев. «Полный буйною волею, жаждой добычи и крови»¹², Гамзат-бек возглавил андаляльцев, хидатлинцев, карахцев и тлесерухцев, к которым накануне он обратился с воззванием. Мы уже указывали на события, связанные с этим походом. Два поражения подряд не убавили энергии и решимости Гамзат-бека продолжать войну. Особенно его волновало имамское звание. Смерть Кази-муллы создавала реальную возможность присвоить высший духовный сан. Однако Гамзат-бек понимал, что, мало общаясь с бывшим имамом, не принадлежа к его близкому окружению, а тем более фактически не будучи его сторонником в полном смысле слова, он не мог стать единственным и бесспорным претендентом на имамское звание. Предвидя политическую борьбу, «не теряя ни одного удобного случая для приобретения власти»¹³, Гамзат-бек начал решительные действия. Он набрал мюридов, которые на первое время составили ему надежное окружение. Одновременно из беглых русских солдат Гамзат-бек создал личную охрану: «Эта рота постоянно содержала караул при его доме», она же охраняла его повсюду, поскольку ей «доверял он более, нежели мусульманам»¹⁴. Его советником также стал русский офицер¹⁵. Осуществив ряд политических мер, Гамзат-бек обратился к шейху Магомету Ярагскому, оставшемуся главным идеологом кавказского мюридизма, без благословения которого имамство могло не иметь законного характера. Магомет Ярагский поддерживал притязания Гамзат-бека и назначил собрание

16. Эсадзе С. Указ. соч., с. 70.
17. Там же; ср. Р-в И. Указ. соч., с. 118.
18. Кублицкий П. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом. — КС, 1899, т. 20, с. 132.
19. Гаджи-Али. Сказание очевидца..., с. 8.
20. Там же.

«дагестанских обществ» «для выслушивания важных вестей»¹⁶. У мечети в Корату собрались кадии, старшины и «почетные лица», чтобы обсудить вопрос о новом имаме. Явившись туда со своими мюридами, Гамзат-бек объявил собравшимся: «Кази-мулла избрал меня своим помощником; ныне, по совету мудрого шейха Магомета, я должен быть преемником. Итак, правоверные, я объявляю, что начальник ваш, имам — я»¹⁷. Так заняв должность имама, Гамзат-бек здесь же, в мечети, перед жителями Корату сформулировал свою военно-политическую программу: «Права ваши, — говорил он «прихожанам», — не связаны с Кази-муллою; его смерть не уничтожила их, и вы должны отстаивать их. Когда пришли русские, вы не хотели помочь своим соотечественникам; если русские придут еще раз к нам и вы не поможете, то навсегда сделаетесь рабами врагов и лишитесь своих прав. Вы должны помогать друг другу»¹⁸. В речи Гамзат-бека был определен главный враг — Россия, — так необходимый в борьбе за политическую власть, за возвышение своей личности. Гамзат-бек понимал, какой отклик может найти его призыв к консолидации сил для борьбы с русскими у общинников, лишившихся из-за российской администрации экономико-политических выгод набеговой системы.

Став вождем Кавказской войны, Гамзат-бек явно вносил новый, «свой» стиль не только в область военной организации, но и в область политических идей, связанных с ведением войны. Новый имам не был столь религиозен, а вместе с тем и «политичен», как его предшественник. Когда приходилось излагать основные задачи мюридизма, он делал это предельно обнаженно. Гамзат-бек вошел в Кавказскую войну в первую очередь как прагматик, видевший перед собой главную цель — утверждение сильной имамской власти. Что касается самой войны, войны не только с Россией, но и со всеми «неверными», то она для него служила лишь средством. Впрочем, так же смотрел на войну и его предшественник, но, в отличие от него, Гамзат-бек не прибегал к тому политическому антуражу, с помощью которого прикрывалась основная задача войны — создание государственности.

Но вернемся в Корату, где решался вопрос о новом имаме, преемнике Кази-муллы. Современник отмечал, что Гамзат-бека в сан имама избрали ближайшие сподвижники Кази-муллы, «мюриды, приближенные и ученые»¹⁹. Вместе с тем в отношении кандидатуры Гамзат-бека общинная знать занимала далеко не единую позицию. Позже, после избрания нового имама, эти различия сохраняются: «Власть его, — писал Гаджи-Али, — сначала признали только Гочатль, Ашильта, Гимры, Телетль и Могог»²⁰. Неоднозначное

21.

Бушуев С.К. Указ. соч., с. 80; ср. Р-в И. Указ. соч., — РХЛ, 1859, № 34, с. 118.

22.

Бушуев С. К. Указ. соч., с. 80.

23.

Там же; ср. Р-в И. Указ. соч., — РХЛ, 1859, № 34, с. 118.

24.

Гаджи-Али. Сказание очевидца..., с. 8. В характеристике, которую дает Гамзат-беку Л.Блэнч, — «предательская натура, плохой воин, жадный, никчемный субъект», — заметна недооценка этой личности. Видно, что Л.Блэнч подходит к имаму с европейскими мерками, не может простить ему кровавых злодеяний, коварства, полной неразборчивости в средствах достижения цели, т. е. качества, свойственные личностям героической эпохи. Однако столь эмоциональное восприятие вождя горских племен для историка, исследующего природу власти в ранней государственности и закономерности развития горских «вольных» обществ, малопродуктивно. (См. Blanch L. Op. cit., p. 112—113, 115).

отношение к Гамзат-беку отмечал и Абдур-рахман. Он, в частности, утверждал, что на собрании, где Гамзат-бек провозгласил себя имамом, со стороны старшинской знати «раздалось несколько противоречащих голосов. В толпе старшин послышался ропот»²¹. Советский историк С. К. Бушуев в связи с этим ставил вопросы: не были ли эти «противоречащие голоса» обвинительными голосами против того, что Гамзат-бек не оказал помощи мюридам, боровшимся в Гимрах? И могли ли быть довольны мюриды Гамзат-беком, когда последний был близко связан с Аслан-ханом и представителями бекского сословия?»²² Несомненно, указанные С. К. Бушуевым факты имели значение при выборе нового имама. Возможно, сказалось и то, что Гамзат-бек не принадлежал к близким Кази-мулле мюридам, составлявшим его постоянное окружение. Не исключено также, что на должность имама, кроме Гамзат-бека, имелись и другие кандидатуры, находившие поддержку у части старшин. И все же главная причина неоднозначного отношения к Гамзат-беку, по-видимому, состояла в другом — накале социальных страстей, изначально присущему Кавказской войне. Этот доведенный общественными конфликтами до крайности накал не раз ощутил на себе Кази-мулла — общепризнанный вождь Кавказской войны, часто вынужденный вербовать себе сторонников с помощью шашки. Когда Кази-мулла начинал терять поддержку среди родовой знати и рядовых общинников, он, обычно, обвинял ослушников в отказе следовать шариату и вести войну с русскими. Именно эти политические стереотипы, ставшие своеобразным критерием нравственных оценок человеческой личности, были повторены в речи в Кораду, когда Гамзат-бек услышал в свой адрес ропот старшин. «Мусульмане, — говорил Гамзат-бек, — вижу, что вера начала ослабевать в вас; мой долг, долг имама, велит мне навести вас на тот путь, с которого вы сошлись. Я требую от вас повиновения, или Гамзат принудит вас повиноваться силою оружия»²³. Несмотря на наличие альтернативных кандидатур на пост имама и разноречивые мнения о Гамзат-беке, эта неординарная личность вполне могла рассчитывать на большинство голосов: по оценке Гаджи-Али, Гамзат-бек «был учен и умен, в Дагестане никто не мог соперничать с ним в храбрости»²⁴.

При переходе «вольных» обществ к новой социальной организации, представлявшем собою широко-масштабную революцию, обнажились острые внутренние противоречия, крайне осложнявшие ход самой Кавказской войны. Одна из таких конфликтных линий пролегла между сторонниками и противниками войны. Именно с этой реальностью с самого начала, уже в Кораду, и столкнулся Гамзат-бек.

25.
АКАК, т. 8, с. 567, 569.
26.
Гаджи-Али. Сказание очевидца..., с. 8.
27.
Кублицкий П. Указ. соч., с. 132.
28.
Там же.

Не случайно генерал Розен не раз доносил в Петербург о том, что Гамзат-бека преследовали неудачи, когда он хотел сформировать «отряд» единомышленников. Так, в одном из донесений отмечалось: «По полученным мною из Дагестана известиям, Гамзат-бек, под предлогом введения между горцами шариата, не перестает возмущать их против нас, но по сие время в сем не имеет еще успеха». По сведениям Розена, в середине 1833 г. из Аварии Гамзат-бек направился «в Андию и к разным лезгинским обществам», но и там потерпел неудачу. В некоторые деревни его даже не впустили. В июле Розен вновь доложил генералу Чернышеву о действиях Гамзат-бека: новый имам посетил Карах, Анкратль, «живущих ближе к Джарской области». «Проповедуя между жителями оных шариат», имам «старается возмущать против нас и предлагает им собраться и сделать набег на Джарскую область». Но и в тех районах, где население особенно было тянуто в набеговую практику, Гамзат-бек не имел заметных успехов. «По сие время, — подчеркивал Розен, — к нему (Гамзат-беку — *ред.*) пристало небольшое число людей буйных и закостенелых разбойников; других же он еще не успел склонить на свою сторону»²⁵. Это был не просто «отказ» от шариата или от войны с Россией, как нередко заявлял Гамзат-бек. По существу новый имам имел дело с политической оппозицией против войны и имама, которая сформировалась после смерти Кази-муллы. Именно так представлял себе современник обстановку, сложившуюся для Гамзат-бека в начале его имамства: «Он (Гамзат-бек — *ред.*) употреблял все усилия подчинить горцев своей власти и установить правильное управление. Однако ж прочие дагестанцы не признали его власти и объявили ему войну»²⁶. О том, как новый имам поступал с оппозицией, «объявившей ему войну», скажем ниже, здесь же важно отметить, что обстановка для Гамзат-бека складывалась столь напряженно, что он не доверял даже тем, кто был предан ему и с энтузиазмом поддерживал все его политико-идеологические установки. Так, когда присутствовавшие на собрании в Корату «покаялись оказывать взаимную помощь, во всем повиноваться Гамзат-беку»²⁷, новый имам, не удовлетворившись этим, потребовал более прочных гарантий: в качестве таковых, по инициативе Гамзат-бека, «выработали размер штрафов, которым должны были подлежать селения, не покорные воле нового имама»²⁸.

Вступив на должность имама в Корату, Гамзат-бек располагал небольшой сферой влияния и незначительными военными силами. Ему подчинялись пять уже упомянутых населенных пунктов и остатки ополчения Кази-муллы, состоявшие в основном из мюридской прослойки. Эти силы не могли, естествен-

29.
Там же.
30.
Там же.
31.
Там же, с. 133.
32.
АКАК, т. 8, с. 567.

но, удовлетворить Гамзат-бека. Поэтому, добившись имамского положения, он считал первоочередной своей задачей расширение сферы влияния, чтобы подвластное население в нужный момент было готово сформировать вооруженное ополчение. Решению этой задачи Гамзат-бек подчинял все свои политические поступки даже тогда, когда речь шла о таком принципиальном пункте его программы, как война с Россией. Призывая общинников горного Дагестана к газавату, Гамзат-бек, вместе с тем, нередко вступал в переговоры с российским командованием, предлагая ему мирное соглашение. Вообще замечалось, что Гамзат-бек с первых дней своей политической деятельности в качестве имама лишь на словах был за войну с Россией, на самом же деле он вовсе не хотел вооруженного столкновения. Более того, он не прочь был установить с российской администрацией такие отношения, которые создали бы ему максимально благоприятные условия для решения главного вопроса — о сфере влияния и власти. С этой целью Гамзат-бек через гимринцев вступил в переговоры с генералом Гофманом и сообщил ему «о своем желании покориться» России «и сделаться на будущее время верными слугами»²⁹. Во время этих переговоров имам энергично пытался предложить русскому командованию мирную дипломатию. Так, в одном из писем тому же Гофману Гамзат-бек извещал: «Собрал все общество... и мы, посоветовавшись, изъявили согласие на примирение с вами с тем, чтобы оно не принесло вреда шариату нашему»³⁰. Не менее миролюбивым являлось другое письмо Гамзат-бека, адресованное генералу Каханову: «Повинуюсь вам, и что ни прикажете, постараюсь исполнить. Должна быть пощада во всем подобно мне незначущему человеку. А потому прошу вас исходатайствовать мне у государя прощение за прежние происшествия. И вы также пощадите меня»³¹.

Зная о призывах к войне с Россией, российское командование не очень доверяло Гамзат-беку. Уже в начале января 1833 г. оно получило сведения об антироссийской пропаганде имама³². Однако на самом деле он искренне избегал столкновения, поскольку не имел в горном Дагестане ни необходимой политической поддержки, ни реальной вооруженной силы. Впрочем, российская военная администрация, вопреки своим сомнениям, соблюдала тактику невмешательства, поддерживала мирные инициативы имама. При этом она исходила из того, что Гамзат-бек, возможно, не будет так агрессивен, как его предшественник, и стремилась не провоцировать открытое антироссийское вооруженное выступление. Имам хорошо понимал эту тактику, и она его вполне устраивала, ибо позволяла ему заняться главной задачей — вовлечением «вольных» обществ в орбиту мюридизма.

33.
Гаджи-Али. Сказание очевидца..., с. 8.

34.
Гамзат-бек — второй имам..., с. 12.

35.
Маклач лично доставил Гамзат-беку деньги, завещанные для «дела мюридизма».

36.
Гамзат-бек — второй имам..., с. 13.

37.
ДГСВК, с. 128.

38.
Там же.

39.
АКАК, т. 8, с. 572.

В конце лета 1833 г. с небольшим отрядом мюридов (300 воинов) Гамзат-бек «бросился на Андалал, и после стычки, в которой пало андалалцев 140 человек, подчинил это общество своей власти; отсюда он направился на Цудахар и Акушу, которые, после битвы, в которой пало 120 человек с их стороны, подчинились ему. Вслед за сим признали власть его Гидатль, Каранал, Тленсир, Тандал, Бакалал, Титлан, Хиндалал и Андилал»³³. Многие современники считали, что этот серьезный военный успех был достигнут благодаря «богатой казне», якобы доставшейся от Кази-муллы. Утверждалось, будто вместе с поздравлениями Гамзат-беку в связи с избранием его имамом мать Кази-муллы передала ему сумму в 16 тыс. руб. серебром, якобы завещанную ее сыном «для поддержания духовной войны тарикатцев»³⁴. По сообщению Маклача³⁵, «получивший сумму эту, Гамзат-бек имел средства начать войну. Деньгами он приобрел новых приверженцев; они увеличились вследствие рассказов о богатстве Гамзата. На воззвания его охотно стекались последователи тариката, и в скором времени он увидел себя повелителем большой партии»³⁶. Успехи Гамзат-бека были столь значительны, что на них обратило внимание русское командование. В самом начале осени 1833 г. генерал Розен сообщал, что «Гамзат-бек успел склонить на свою сторону многих горских жителей, которые... обещали под присягою помогать ему в его предприятиях»³⁷.

Вскоре сопротивляться движению Гамзат-бека внутри Дагестана становилось все труднее. К нему присоединились не только отдельные общества, но и ханства. Розен доносил, что аварская ханша Паху-Бике и ее сыновья, в войне против которых вместе с Кази-муллой в 1830 г. участвовал Гамзат-бек, «изъявили со своей стороны Гамзат-беку согласие действовать совместно с ними против русских и дали присягу на присоединение шариату»³⁸. О том, что «сыновья аварской ханши Паху-Бике Нусал-хан и Ума-хан, соединившись с Гамзат-беком, стараются произвести возмущение в горном Дагестане, и чему изъявляют готовность некоторые лезгинские общества»³⁹, сообщал в сентябре 1833 г. также начальник Джарской области Антропов.

В период восхождения Гамзат-бека к власти отношения между аварским ханским домом и российским командованием осложнились. Причиной тому была явная поддержка, которую ханская семья оказывала новому имаму. О политическом союзе между Гамзат-беком и Паху-Бике командование узнало еще в августе 1833 г., когда имам получил от ханши право свободно действовать в Аварском ханстве. Желая разрушить этот союз или, по крайней мере, не дать ему укрепиться, Розен потребовал от

40.

Там же, с. 569—570, 571—572; См. так же: «Записка о сношениях наших с аварскими ханами с 1800 до настоящего времени (1833 г.)». АКАК, т. 8, с. 574—575; АКАК, т. 7, с. 523—524.

41.

АКАК, т. 8, с. 572.

Паху-Бике и Нуцал-хана прервать всякие отношения с имамом. Позже он предложил хану помочь командованию в поимке Гамзат-бека. Ханский дом отклонил оба предложения Розена, после чего последний обратился в Петербург с просьбой приостановить выплату ханской семье правительственного жалования. Дело, однако, этим не ограничилось. Розен и после требовал от ханши и ее сына «истребить» Гамзат-бека. Но ханский дом решительно отказывался выполнить это требование, отговариваясь тем, что Гамзат-бек является «поборником и защитником исламизма» и мешать ему в отправлении религиозных обрядов — значит нарушить шариат. Такое объяснение не удовлетворило Розена и окончательно убедило его в мысли, что между ханом и имамом сложился прочный политический союз. Крайне недовольный поведением ханской семьи, он предсказывал, что все кончится тем же, чем закончились события в 1830 г. И тогда хан не раз вступал в союз с Кази-муллой, но это не помешало последнему совершить вооруженное вторжение в Аварию⁴⁰.

Упрочение положения Гамзат-бека, особенно заметное после достижения союза с аварским ханом, не означало, что сопротивление, оказываемое ему со стороны «вольных» обществ, приостановилось. Той же осенью 1833 г. в донесениях Розена отмечались крупные неудачи имама в северных районах Дагестана, расстроившие его планы и вынудившие его распустить свой отряд⁴¹. Отказ горцев участвовать в движении Гамзат-бека основывался не только на отношении к вопросу о принятии шариата или войне с Россией. Причина часто крылась в самих действиях Гамзат-бека. В отличие от своего предшественника, имам большей частью предпринимал те или иные важные военно-политические шаги без их предварительной идеологической подготовки, т. е. решал вопросы не как политик, а как военный. Со временем это привело к серьезным ошибкам, сказывавшимся на ходе Кавказской войны. В данном случае, когда осенью 1833 г. свободные общинники в северной части Дагестана воспротивились присоединению к движению Гамзат-бека, ошибка имама состояла в следующем.

Гамзат-бек верно рассчитал значение набеговой практики в привлечении общинников к движению мюридизма. В свое время широко использовал набеги и Кази-мулла, для которого они составили важную отрасль его экономики: с их помощью он создал собственную казну. Однако для Кази-муллы набеги были не только экономической целью, но и политическим средством. Так, он запретил набеги во внутренние районы Дагестана, направив их вовне, в первую очередь в сторону российской границы и русских городов. Тем самым Кази-мулла, с одной

42.
ДГСВК, с. 130.
43.
Там же.
44.
Там же, с. 130—131.

стороны, освободил население горного Дагестана от страха быть ограбленными и расположил его к себе, с другой — вооружил своих ополченцев такой важной идеологической установкой, как необходимость войны с русскими. То и другое срабатывало безупречно, и благодаря этому Кази-мулла имел немалые успехи. Хотя Гамзат-беку была хорошо понятна логика Кази-муллы, сам он чаще всего поступал вопреки ей. Опасаясь открытых вооруженных столкновений с российскими войсками, Гамзат-бек направил всю мощь набеговой системы во внутренние районы Дагестана, в том числе «вольные» общества, вызвав там немалое неудовольствие.

Вместе с тем Гамзат-бек широко пользовался карательными мерами, добиваясь в «вольных» обществах поддержки движения. Он действовал так даже тогда, когда имелась возможность достичь своей цели мирным способом. Карательные акции Гамзат-бека отличались особой жестокостью. Вот один из типичных примеров. Осенью 1833 г. в Гергебиле приняли Гамзат-бека. Узнав об этом, российское командование отняло у села 800 баранов, которые обещало вернуть лишь при условии, если жители «дадут клятвенное обещание не принимать к себе более сего бунтовщика»⁴². Понятно, гергебильцам ничего не оставалось, как согласиться. Узнав об этом, имам «немедленно прибыл в Гергебель... и вошел в мечеть, призвал к себе старшин сей деревни, коих обезоружив, требовал в выкуп за оружие с каждого по 30 руб. серебром»⁴³. Гергебильцы резко возразили имаму: старшина Мамет Кази заявил, что они «ему не подвластны» и «за свою собственность платить не намерены». Этого было достаточно, чтобы Гамзат-бек расправился с Мамет Кази — сбросил его в реку. Жители Гергебиля пришли в ярость и, окружив мечеть, заперли Гамзат-бека. С помощью различных обещаний имаму удалось выйти из опасной западни. Обещание — не мстить более Гергебилю, — имам, конечно, не сдержал. С внушительным отрядом он вскоре явился в Гергебель, захватил у жителей до 300 лошадей, стадо крупного рогатого скота и учинил селу погром⁴⁴, продолжавшийся до тех пор, пока на помощь гергебильцам не пришли соседние общества.

Так же жестоко действовал Гамзат-бек в вопросах идеологии. Понятно, этих же средств не чурался и Кази-мулла, в свое время насаждавший мюридизм. Но предшественник Гамзат-бека был куда более изобретателен в поисках форм политико-идеологического воздействия на население. Так, в известном конфликте между Кази-муллой и Джемал-Сеид-эфенди, первый имам сначала прибег к вооруженному нападению на дом своего идейного противника, а затем, когда вновь понадобилась идеологическая под-

45.
Там же, с. 129.
46.
АКАК, т. 8, с. 571.
47.
Там же.

держка, предложил ему должность Верховного кадия. Гибкая тактика Кази-муллы в вопросах идеологии была чужда Гамзат-беку. Столкнувшись, например, с тем же Джемал-Сеид-эфенди, не желавшим примкнуть к мюридам, Гамзат-бек был беспощаден. После того как имам «посетил» Джемал-Сеид-эфенди, последний жаловался Аслан-хану Казикумухскому: «Мой ученик Гамзат разрушил мой дом, не оставив камня на камне. Ограбил всю библиотеку, состоящую из 700 томов... он истребил все мои посеы и сады лишь на том основании, что он отстаивает шариат. Он обманывает простаков, приписывая мусульманам отшельничество, не являясь сам таковым»⁴⁵.

Вызывая жестокими мерами недовольство населения, Гамзат-бек, тем не менее, нередко достигал своих целей и в области идеологии. Так, в сентябре 1833 г. генерал Розен сообщал, что Гамзат-бек, направившись в Аракань, где местные жители во главе с Джемал-Сеид-эфенди воспротивились «гамзатовскому шариату», вынудил араканцев впустить «его в свою деревню и он начал вводить между ними шариат»⁴⁶. Под напором такого идеологического «вторжения» Джемал-Сеид-эфенди «был принужден оставить Аракань и переселился с 50-ю чел., ему приверженными, в Мехтулинское владение»⁴⁷.

Неверно думать, однако, что промахи Гамзат-бека объяснялись исключительно его личными качествами. Современники отмечали, что Гамзат-бек, как и Кази-мулла, являлся незаурядным вождем Кавказской войны. Иначе и не могло быть: в переломный революционный момент, переживаемый «вольными» обществами, не было места посредственному политику. Военно-политические решения, как и ошибки, во многом «диктовались» новым этапом, в который вступала Кавказская война в пору Гамзат-бека. К 1833 г. война успела подвести «вольные» общества к порогу феодальной государственности. На долю второго имама выпала трудная миссия — создание государственности — которую до конца не смог выполнить его предшественник. На пути к этой цели возникало еще немало трудностей, и, преодолевая их, Гамзат-бек нередко прибегал к отчаянным и жестоким действиям.

Нельзя не заметить торопливость имама в ряде его мероприятий, прежде всего касавшихся создания государственности и идеологического «подавления» населения.

На начальном этапе своей деятельности Гамзат-бек, в отличие от Кази-муллы, пытался «строить» государственное образование не на базе готовых политических объединений (ханств), а на основе подчинения отдельных, главным образом мелких, «вольных» обществ. Уже в 1833 г. он предпринял

48.
Прушановский К. Указ. соч.,
с. 23.
49.
Там же.
50.
Там же.
51.
Гамзат-бек — второй имам...,
с. 13.
52.
Там же.
53.
АКАК, т. 8, с. 575.

ряд вооруженных акций, целью которых была не только военная добыча, но и политическое подчинение обществ. Успехи в объединении этих структур позволили ему приступить к строительству «политического центра», местоположением которого стал Гоцатль — родина имама, село в 400 дворов, «населенных богатыми жителями»⁴⁸. Гоцатль находился в относительной близости от Хунзаха (в 18 верстах от него), захватом которого, по замыслам Гамзат-бека, в будущем должны были завершиться усилия имама по созданию государственности. Гоцатль вполне подходил для роли центра — там формировались ополчения, оттуда уходили отряды в военные походы; в Гоцатле обсуждались и принимались важнейшие решения. Нередко, в особенности тогда, когда Гамзат-бек терпел военные неудачи, Гоцатль становился крепостью. «По этой причине, — отмечал Прушановский, — он (Гамзат-бек — *ред.*) весьма сильно и действительно укреплял» свой центр⁴⁹. В Гоцатле размещался воинский отряд численностью до 1200 человек⁵⁰, составлявший его постоянный гарнизон. Сам Гамзат-бек постепенно приобретал облик владетеля, по своему положению напоминавшего хана: имам имел уже прислугу в виде нукеров. Современник свидетельствовал, что, когда один из нукеров бежал от имама и скрылся в селении Гоцатль, Гамзат-бек вступил в настоящий бой с гоцатлинцами, не пожелавшими его выдачи. Во время этого боя имам получил ранение⁵¹.

1833 год для Гамзат-бека явился плодотворным во всех отношениях: было создано ополчение, определена территория с политическим центром в Гоцатле. Однако второй имам считал свои достижения весьма скромными. Поэтому следующий, 1834 г., должен был стать годом решительных военно-политических действий. Современники понимали, что «лестное название имама дагестанского должно упрочить оружием, что оружием только можно приобрести в горах славу и власть»⁵². Однако 1834 год, на который Гамзат-бек возлагал так много надежд, начался с осложнений. Российское командование, прекратив выплату жалованья аварскому хану как стороннику Гамзат-бека, продолжало оказывать давление на ханский дом и в конце концов вынудило ханшу и ее сына отказаться от союза с имамом. Недовольный Гамзат-бек, как бы в отместку, с отрядом койсубулинцев решил угнать у Нуцал-хана стадо баранов. Со своей стороны хан направил против имама вооруженный отряд, заставивший Гамзат-бека, получившего опасную рану, отступить⁵³. Несмотря на тяжелое состояние здоровья, имам делал попытки восстановить отношения с ханшей, надеясь с ее помощью удержать позиции, завоеванные к концу 1833 г. От идеи восстановления политиче-

54.
Там же, с. 576.
55.
Там же.
56.
Гамзат-бек — второй имам..., с. 14.
57.
ДГСВК, с. 132; АКАК, т. 8, с. 577.
58.
Там же.
59.
Там же.

ского союза с ханским домом он не отказался даже тогда, когда узнал, что Паху-Бике «тайно посягала на жизнь Гамзат-бека»⁵⁴. Но Паху-Бике упорствовала, явно давая понять имаму, что она теперь в союзе с российским правительством. Враждебную позицию в отношении Гамзат-бека занял Нуцал-хан. Воспользовавшись критическим состоянием здоровья имама, он напал на одну из деревень, «жители коей передались на сторону» Гамзат-бека, и «отогнал весь скот, им принадлежащий»⁵⁵. Эти действия привели к окончательному разрыву имама с ханским домом. Поправившись, он занял ряд аварских деревень, считавшихся владением Паху-Бике. Теперь конфликт между имамом и аварским ханом принял непримиримый характер, и российское командование, как и враждующие стороны, не сомневалось более в предстоящей вооруженной схватке. С этого времени Гамзат-бек был поглощен подготовкой к нападению на Аварское ханство.

Накануне военного похода на Хунзах имам вторгся в Андаляльское общество. Одна часть этого общества подчинилась Гамзат-беку и в знак покорности выдала аманатов, другая — оказала упорное сопротивление. Но силы были не равны: «андаляльцы потерпели большой урон и уstraшенные» имамом, «не смея противустать ему — покорились и дали в залог верности хорошее оружие»⁵⁶. Одержав верх над Андаляльским обществом, Гамзат-бек пополнил свое ополчение из числа местных жителей. Он разделил войско на две части — одну возглавил сам, другую поручил Шамилю. На этом этапе имам был достаточно уверен в своей силе и решил продолжить территориальные захваты. После Андаляля он двинулся против «вольных» обществ Анкратльского, Богуляльского и Джамальяльского, в результате чего они были присоединены к владениям Гамзат-бека. Новые захваты еще более укрепили положение имама, по существу подготовив почву для вторжения в Аварское ханство.

Военные действия имам начал летом 1834 г. В июне генерал Розен доносил своему командованию, что Гамзат-бек совершил поход в Аварское ханство, во время которого разграбил деревню, пытавшуюся оказать сопротивление. Не все общества давали отпор имаму. «Некоторые другие деревни, — сообщал Розен, — опасаясь..., добровольно покорились, от оных он взял в залог верности их 12 старшин в аманаты»⁵⁷. Розен подчеркивал, что «подвластные аварскому хану деревни, хотя явно не перешли на сторону Гамзат-бека, но жители не повинуются более своему хану и решительно объявили, что не будут действовать против Гамзат-бека»⁵⁸. По его данным, койсубулинцы и гумбетовцы «почти все передались на его (имама — *ред.*) сторону»⁵⁹.

60.
ДГСВК, с. 133.
61.
Там же.
62.
Там же.
63.
АКАК, т. 8, с. 578.
64.
Гамзат-бек — второй имам..., с. 15.
65.
Там же; Эсадзе С. Указ. соч., с. 71—72; Бушуев С.К. Указ. соч., 81 и сл.
66.
ДГСВК, с. 134.
67.
АКАК, т. 8, с. 578.
68.
Эсадзе С. Указ. соч., с. 71.
69.
ДГСВК, с. 134.
70.
АКАК, т. 8, с. 580.

В июне 1834 г. Гамзат-бек, видя успех первых военных акций, фактически приступил к широкому покорению Аварского ханства. Как эту экспансию воспринимали аварские общества, видно по «письму кадиев, алимов, знатных и простых людей Хунзаха к жителям обществ Шита, Богулал, Калаял, Ханда-лал и др., принявшим сторону Гамзат-бека»⁶⁰. Авторы письма — политические союзники аварского хана, признавали его феодальное право на господство над подвластным населением. Однако себя они считали свободными и подчеркивали, что «если бы Нуцал-хан вознамерился бы стать правителем над нами, ни один из нас не согласился бы на это»⁶¹. Но главное в другом — в понимании родовой знатью истинных намерений Гамзат-бека в Аварии. Выражая недовольство подчинением ряда «вольных» обществ имаму, кадии и алимы считали, что добровольно перешедшие на сторону Гамзат-бека «способствовали претендующему на имаматство и признали его владыкой над собой и своим имуществом, содействовали также в назначении кадиев»⁶². Разглядеть цели Гамзат-бека было не очень сложно, особенно для тех, кто становился объектом кары Гамзат-бека и тягот, в том числе даннических⁶³.

В начале июля 1834 г. имам считал, что он уже достаточно силен, чтобы приступить к осаде Хунзаха. Маклач писал, что имам «увидев себя предводителем больших сил, каких не случалось ему еще быть начальником, Гамзат-бек почел то время лучшим для приведения и исполнения замыслов своих о покорении Аварии и присвоения себе власти аварских ханов и со всею массою своего войска вторгнулся он в Аварию»⁶⁴.

Поход Гамзат-бека на Хунзах в мемуарной и научной литературе принято, как правило, датировать августом 1834 г.⁶⁵ В официальной переписке, однако, речь идет о первой декаде июля. Так, 10 июля Аслан-хан Казикумухский доносил генералу Вельяминову, что имам «после 6-дневной осады» овладел Хунзахом⁶⁶. Эту дату вторжения на Хунзах подтверждают и сводки российского командования⁶⁷. Разноречивы также данные о численности войск Гамзат-бека. По сведениям С. Эсадзе, заимствованным из мемуарной литературы, ополчение Гамзат-бека состояло из 10 тысяч человек⁶⁸. Аслан-хан, первым сообщивший командованию о событиях в Хунзахе, указывает на ополчение в 30 тысяч человек⁶⁹. Сведения о численности войск имама имеют значение для оценки не только военного потенциала Гамзат-бека, но и достигнутого им политического влияния. В предписании генералу Ланскому командующий Кавказским корпусом указывал, что накануне хунзахских событий Гамзат-бек владел «почти всей горной частью Дагестана»⁷⁰. Под впечатлением

71.
Гамзат-бек — второй имам...,
с. 15;

72.
Гамзат-бек — второй имам...,
с. 15.

73.
Там же.

74.
Там же.

75.
Прушановский К. Указ. соч.,
с. 23.

76.
Там же.

от достигнутого имамом, генерал Розен высказывал опасение, что Гамзат-бек, овладев Хунзахом, начнет, подобно Кази-мулле, предпринимать крупные военные рейды в сторону Чечни и городов российской пограничной линии.

Двинув ополчение на Хунзах, Гамзат-бек, однако, не сразу приступил к захвату столицы Аварского ханства. Вначале он уничтожил ханские посеы и покосы, надеясь, что так он добьется большей сговорчивости ханши. Вместе с тем к Паху-Бике имам выслал нескольких своих мюридов для переговоров. Гамзат-бек требовал от ханши принятия тариката, разрыва с Россией и газавата против русских»⁷¹. Ханша была бессильна перед столь грозной силой: ей не приходилось более рассчитывать на помощь извне, поскольку подданные — «вольные» общества изменили ей. К имаму Паху-Бике направила своего кадия Нур-Магомета «с несколькими почетными жителями». В ходе переговоров представитель ханши заявил, что Паху-Бике согласна принять тарикат и «просит прислать в Хунзах одного ученого для истолкования этого учения». Одновременно Нур-Магомет извещал Гамзат-бека об отказе ханши вести войну с Россией и обещании «не содействовать русским, если Гамзат предпримет войну с ними»⁷².

Состоявшиеся переговоры современник, Маклач, оценивал по-своему. С его точки зрения, именно в ходе их у имама «созрела мысль обладания Аварским ханством»⁷³. В действительности же она не давала Гамзат-беку покоя и раньше. И все же Маклач прав в том, что в переговорах с Нур-Магометом имам особенно почувствовал слабость ханского дома, его неспособность к вооруженному сопротивлению, после чего Гамзат-бек уже не сомневался в успехе: видя растерянность ханши, он явно переходил к методам силового давления — наводя «страх многочисленными скопищами»⁷⁴. По мнению Прушановского, представители имама требовали, чтобы хан Абу-Нуцал со своим войском «соединился» с имамом, «принял предводительство над всеми войсками тариката», «а Гамзат-бека признал, как то делается у русских, своим начальником штаба, и чтобы потом, во славу мусульман, объявил газават»⁷⁵. Важная деталь, о которой сообщал Прушановский, вызывает доверие, поскольку с самого начала имам действительно пытался придать переговорам с ханским домом исключительно мирный характер. Но при этом, конечно, имам лукавил, когда предлагал Абу-Нуцал-хану «предводительствовать» войсками. Гамзат-бек был слишком нацелен на единовластие, чтобы уступить кому-либо эту ключевую должность. Впрочем, разгадав нехитрую уловку имама, Нуцал-хан отверг «сделанное ему предложение»⁷⁶. Дальнейшие переговоры подтвердили, сколь далек был Гамзат-бек

77.
Гамзат-бек — второй имам...,
с. 16.

78.
Там же, с. 17.

от намерения строить «дагестанский имамат» совместно с Нуцал-ханом. Видно было, что Гамзат-бек твердо решил уничтожить ханскую семью и захватить ханский престол. Но, расположившись под Хунзахом, имам продолжал дипломатическую игру, рассчитывая на мирное достижение своей цели. Он сделал вид, будто согласен с предложением ханши, и обещал ей направить «ученого для истолкования тариката». При этом выставил условие — «если ханша Паху-Бике придет к нему в аманаты меньшого сына Булач-хана»⁷⁷. Паху-Бике хорошо понимала сложившуюся обстановку. Желая предотвратить вторжение в Хунзах, она на другой же день после возвращения Нур-Магомета с переговоров выслала своего сына имаму. Булач-хана, младшего сына ханши, Гамзат-бек отправил в Гоцатль, «поручив надзор над ним одному из своих мюридов». Тем самым еще раз было подчеркнуто аманатское положение сына Паху-Бике. Одновременно имам продолжал держать Хунзах в осаде, портить окрестные посевы. Вскоре имам потребовал, «чтобы ханша прислала к нему сыновей своих Абу-Нуцал-хана и Ума-хана для весьма важных переговоров». Гамзат-бек пригрозил, что если ханская семья не выполнит этого условия, то он поручит управление Аварским ханством «Сиухскому джанке Сурхай-хану». Как и предполагал имам, Паху-Бике согласилась. Но ей возразил Нуцал-хан, ссылавшийся на то, что это очередная хитрость, рассчитанная на достижение лишь одной цели — «лишить тем Хунзах защитников». Ханский дом принял доводы Нуцал-хана и решил отправить к имаму одного Ума-хана. Последний был принят с «особым почетом». В беседе с сыном ханши Гамзат-бек дал волю своему коварству. Современник свидетельствовал, что имам якобы заявил Ума-хану: «Я не сделал никакого зла вашему дому и не намерен делать потому, что не думаю отнимать у вас Аварии. Все слухи, распушенные недоброжелателями, совершенно ложны; я прошу у вас только одного: не убивайте и не старайтесь убить меня. По принятой мною обязанности и по моему сану, я буду заниматься распространением тариката. Отец мой Али-Аскер-бек служил верою и правдою отцу твоему Султан-Ахмет-хану. Все желания мои состоят в том, чтобы служить так же верно нынешнему хану по примеру отца моего. Все войска мои отдаю в его распоряжение! Одна у меня просьба: позволить мне в вашем доме проживать, как в прежние годы. Я буду помогать вам моими советами и опытностью, если в них встретится вам надобность»⁷⁸. Предлагая Ума-хану и его спутникам различные «развлечения», Гамзат-бек намеренно оттягивал время, держа ханшу в состоянии неопределенности и заставляя ее совершать новые ошибки.

79.

Там же, с. 18.

80.

Там же, с. 19.

81.

Там же.

82.

Прушановский К. Указ. соч., с. 25. Впрочем, дело даже не столько в робости перед мужеством Нуцал-хана, сколько в нерешительности перед тем, чтобы переступить некое табу, связанное с восприятием ханского сана. Отсюда, надо думать, и возникновение версии о том, что Гамзат-бек будто собственноручно убил обоих братьев, поскольку никто другой не осмелился бы на это. (Koch K. Reise... S. 389.; См. так же: Гакстгаузен А. Указ. соч., с. 205—206).

Согласно имеющимся сведениям, даже Гамзат-беку, уже твердо решившему уничтожить Нуцал-хана, при виде его трудно было преодолеть в себе внутреннее напряжение, вызванное то ли родственными отношениями с ханским домом, то ли привычной почтительностью и сознанием неприкосновенности ханской личности. Шамиль, заметив колебания Гамзат-бека, якобы сказал: «Гамзат! Куй железо, пока оно горячо, иначе будешь раскаиваться в своей слабости».

(Р-в. И. Указ. соч. — РХЛ, 1859, № 35, с. 124; Зиссерман. А. История... т. 2, с. 35; Baddeley J.F. Op. cit., p. 285).

Обеспокоенная судьбой сыновей, Паху-Бике настаивала, чтобы к Гамзат-беку выехал Нуцал-хан. Но последний отказывался от встречи с имамом, считая, что нужно ждать возвращения Ума-хана. «Неужели ты, — обратилась в отчаянии ханша к своему сыну, — так горд, что считаешь унижительным для аварского хана говорить с беком, когда опасность угрожает не только твоему брату, но и всему ханству; может быть, трусость является причиной твоей отговорки!» — «Ты хочешь, — ответил на эти упреки Нуцал-хан, — лишиться и последнего своего сына. Изволь, я еду»⁷⁹. С 20 нукерами хан отправился в лагерь Гамзат-бека. Залучив к себе хана, имам мог приступить к исполнению своего замысла. Но Гамзат-бек не спешил, как будто вознамерившись до конца насладиться трагической и предрешенной ситуацией. «Хан, — обратился Гамзат-бек к Нуцал-хану, когда последний прибыл в его лагерь, — все войска мои находятся отныне в твоём распоряжении, повелевай ими как хочешь; я сам к твоим услугам, и с этого же дня, если ты не откажешься поместить меня в своём доме, буду заниматься богоугодным делом распространения тариката»⁸⁰. Маклач утверждал, что хан поверил имаму и благодарил его «в самых искренних выражениях и обещал ему вечную дружбу»⁸¹. Затем Гамзат-бек вышел из палаты, подав знак, в смысле которого сомневаться не приходилось. Оба брата пали жертвами скорой и жестокой расправы. Прушановский отмечал, что во время поединка мюриды Гамзат-бека оробели перед мужественным поведением Нуцал-хана и будто это заставило Шамиля, находившегося здесь же, произнести слова: «Народ! вы идете противу русских, у которых есть пушки и штыки, а бежите от одного мальчика, — стреляйте по нему»⁸².

Убийство хана и его брата описано достаточно подробно. Мы привели лишь отдельные эпизоды этой драмы. В русской дореволюционной литературе действия Гамзат-бека под Хунзахом рассматривались с точки зрения нравственности «цивилизованного общества» как «варварские». Советская историография усмотрела в факте уничтожения ханской семьи «антифеодальные» мотивы. Соответственно, дореволюционными историками политический портрет Гамзат-бека выведен одной — черной — краской; советские авторы, напротив, оторвав его от реальной исторической почвы, создали образ героя национально-освободительного движения, борца с «угнетателями» за социальную справедливость. Советские историки, однако, правы в одном — Гамзат-бек действительно являлся героем, предводителем горских племен, ставших на путь организации нового общества, вождем революции, рушившей наиболее продолжительный по времени и традиционный по укладу

83. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 164.
84. Texier Ed. Les hommes de la Guerre d'Orient. Paris. 1854, p. 12; Blanch L. Op. cit., p. 115.
85. Гамзат-бек — второй имам..., с. 20.
86. Там же, с. 21.
87. Прушановский К. Указ. соч., с. 26.
88. Там же, с. 27; ср. Гакстгаузен А. Указ. соч., с. 205—206.
89. Koch K. Reise..., s. 389.

общественный строй — патриархально-родовой. Вожди этой революции, как отмечал Ф. Энгельс, пускали в ход самые гнусные средства — воровство, насилие, коварство, измену, подтачивавшие родовое общество⁸³. Воспитывавшийся в ханском доме на правах близкого родича, Гамзат-бек по законам «своей» революции, не признававшей никаких сантиментов, безжалостно расправился с представителями ханской династии, готовыймести и любые другие преграды на пути к власти⁸⁴.

Обезглавленный Хунзах был брошен его защитниками. В столицу Аварского ханства имам вступил с обнаженными трупами сыновей ханши. В тот же день Паху-Бике была перевезена в соседнее село Геничуд. Попытки ханши поговорить с Гамзат-беком были отвергнуты. Имам занял резиденцию аварских ханов и объявил себя ханом⁸⁵. По свидетельству современника, на второй день после вступления в Хунзах Гамзат-бек велел привести к нему Паху-Бике: «Убитая потерей сыновей, лишившись ханства, она выдержала, однако же, характер; твердым шагом вошла во двор дома... Не смутившись, поздравила она Гамзата с получением нового сана. Гамзат усмехнулся, кивнул головою стоявшему позади ханши одному мюриду, который взмахнул кинжалом, и гордая голова ханши упала к ногам Гамзат-бека»⁸⁶ — так описал участь ханши автор сочинения о Гамзат-беке.

По данным Маклача, еще через день был убит Сурхай-хан, вероятный претендент на ханский престол: в случае смерти прямых наследников аварским ханом мог стать только он. Таким образом за исключением малолетнего Булач-хана Гамзат-бек истребил всех, кто имел прямое или косвенное отношение к престолонаследию. В живых были оставлены лишь беременная жена Нуцал-хана и родственница Паху-Бике, престарелая Хистамал-Бике, поселенная в хуторе Хануб. Жену Нуцал-хана, приходившуюся сестрой шамхалу Абу-Муселима, имам оставил в живых, надеясь после родов жениться на ней⁸⁷. Жизнь Булач-хана была сохранена по просьбе Чапан-бека, двоюродного брата Гамзат-бека. Смертельно раненый Чапан-бек, лично убивший среднего сына ханши, просил своего отца усыновить Булача. Выполняя это завещание, отец Чапан-бека увез с собой Булача в Гоцатль⁸⁸.

Окончив свою кровавую акцию, Гамзат-бек с мюридами отправился в мечеть возблагодарить аллаха за помощь. Громким вдохновенным голосом в мечети имам призывал своих соратников сохранять верность святому делу, обещая благоденствие⁸⁹.

Весть о падении Хунзаха и захвате аварского престола встретили в горном Дагестане по-разному. Одни были напуганы стремительным восхождением

90.

Гамзат-бек — второй имам..., с. 22; ср. Р-в. И. Указ. соч., — РХЛ, 1859, № 35, с. 124; Baddeley J.F. Op. cit., p. 286.

91.

Хроника Мухаммед-Тахира..., с. 64.

92.

Там же, с. 67.

93.

Там же, с. 65.

имама, другие спешили найти в нем союзника, третьи готовились к сражению. Но были и такие, кто, будучи не менее коварным, чем сам Гамзат-бек, «по-восточному» выражал свое отношение к событиям в Хунзахе. Так, Аслан-хан Казикумухский, генерал на русской службе, в связи с захватом Аварского ханства направил имаму две записки. В одной из них он заявлял: «Гамзат-бек, я узнал, что ты убил родственников моих, а твоих повелителей, Абу-Нуцал-хана и Ума-хана. Убийство их ляжет на тебя справедливым гневом Аллаха, но убийство ханши Паху-Бике обрушится на тебя всею тяжестью и моего мщения! Не найдешь ты места на земле, где мог бы от него укрыться!» Прямо противоположной была вторая записка: «Спасибо тебе, Гамзат-бек. Ты исполнил свое обещание как нельзя лучше; дай бог, чтобы в наш век было побольше таких молодцов, как ты. За это я признаю тебя моим сыном, и тебе осталось только идти на Цудахарское общество. В случае нужды я буду тайно помогать тебе»⁹⁰.

Отказавшись от «романтических» идеалов родового общества, Гамзат-бек, опережая время, взял на вооружение мораль классового строя. За методы и средства, благодаря которым имам захватил Хунзах, он был осужден не только в среде общинников, но и в рядах ополченцев. Жестокая расправа, особенно убийство женщины, еще не воспринималась как «закон войны» людьми, отягощенными патриархальными представлениями о добродетели. Не случайно Мухаммед-Тахир Ал-Карахи, современник событий под Хунзахом, в своей хронике пытался снять вину с Гамзат-бека: «Познавший Аллаха всевышнего Шамиль поклялся собирателю этой книги, т. е. Мухаммеду-Тахиру, в том, что у Хамзата и тех, кто был с ним, не было намерения убивать кого-либо из хунзахцев, кроме двух злоумышленных убийц — Буга ац-Цадакари и Маллачи ат-Тануси»⁹¹. Вместе с тем автор хроники, не скрывая одобрения, сообщал, что Шамиль приказал сбросить малолетнего Булача в «Большую реку» (Койсу): «И был истреблен последний из того народа, который угнетал. И хвала Аллаху, владыке миров»⁹². Шамиль, отличившийся в кровавой драме не только этим (он же посоветовал прикончить тяжело раненного Нуцал-хана), хорошо понимал, какая последует реакция на содеянное имамом. После убийства ханов он заявил Гамзат-беку: «Отныне самое соответствующее тебе — это сидеть у себя дома в Хоцатле (Гоцатле — *ред.*) со смирением, раскаянием и сокрушением»⁹³. Шамиль предлагал немедленно покинуть Хунзах. Это, понятно, не означало отказа от завоеванного: ханские обязанности, как считал Шамиль, взяли бы на себя он и еще четыре мюрида. Гамзат-бек «одобрил это мнение» Шамиля «и остался им

94.
Там же.
95.
Там же, с. 66.
96.
Там же.

доволен»⁹⁴. Решив ехать в Гочатль, он распорядился погрузить на подводы доставшееся ему имущество ханского дома. По свидетельству Мухаммеда-Тахира, сборами Гамзат-бека занялся Шамиль, снарядивший «семь или восемь» арб и отправивший их в родное село имама. Это был один из самых ответственных политических моментов, когда-либо переживаемых имамом. Уезжая с ханским имуществом в Гочатль, он, естественно, становился обладателем значительных богатств, веками копившихся в ханском дворце. Вместе с тем имам не мог не понимать, что, покидая Хунзах, он может лишиться ханско-имамской власти, ради которой боролся столько лет. Поэтому решение этого вопроса далось не просто. Гамзат-бек советовался с Шамилем и другими мюридами, ждавшими собственных привилегий от «состоявшейся» имамской власти: «В то время собрались к Хамзату ученые. Они беседовали между собою и сочли прекрасным, если Хамзат будет находиться там, в «доме управления»⁹⁵, т. е. в резиденции ханов. Поначалу проявив серьезные колебания, но в конце концов не устояв перед соблазном, Гамзат-бек склонился к решению занять резиденцию аварских ханов и приступить к управлению имаматом. «...Они вернули арбы с дороги»⁹⁶, — писал современник Кавказской войны. Таким образом исторический выбор между властью и собственностью был сделан. Имам и его окружение дошли до осознания того, что собственность без власти еще не гарантирует принадлежности к знати. Понимания именно этой реальности в свое время не доставало ополченцам Казии-муллы, потерпевшим жестокое поражение под Хунзахом. Среди воинов Казии-муллы еще слишком преобладала психология набегов, предполагавшая главным образом собирание собственности, но не учреждение власти. С точки зрения тех ценностей, которых придерживались участники набегов, Гамзат-бек, понятно, должен был следовать с имуществом ханского дворца в Гочатль, где он мог рассчитывать на безопасную жизнь.

Заняв ханский престол, Гамзат-бек видел, что первоочередная задача состоит в упрочении его нового положения. За время Кавказской войны имам приобретал не только новые «должности», но и личные качества, политические вкусы. Он стал чутким к прежде неизвестным в «вольных» обществах социальным ценностям, в особенности к власти. В интересах последней имам, управляя Аварским ханством, развивал свою деятельность в двух направлениях. Первое — идеология, которой ранее Гамзат-бек не придавал особого значения. В этой сфере предполагалось утверждение в ханстве ислама и устройство жизни горцев по шариату. Второе направление, тесно связанное с первым, — это создание «образа

97.
Гамзат-бек — второй имам...,
с. 24; Хроника Мухаммед-Та-
хира..., с. 67.

98.
Гамзат-бек — второй имам...,
с. 24.

99.
Там же.

100.
Там же.

101.
Там же.

врага». Политическая формула «Россия — враг» работала и раньше, до захвата Хунзаха, но в новых условиях, когда цель была достигнута и имам стал ханом, у этой формулы появились новые задачи. Теперь войну с «врагом» следовало вести во имя расширения границ имамата. Общая внешняя опасность, существовавшая не столько в реальности, сколько в виде навязываемой идеи, должна была консолидировать подвластных и помогать держать их в повиновении. Выставший из военной демократии имамат Гамзат-бека, как раннефеодальное, теократическое государство, обнаруживал таким образом хотя еще слабые, но все же признаки ранней тоталитарности — идеологический детерминизм и милитаристский психоз. Из обычной для горного Дагестана ханской столицы Хунзах превращался в идеологический и военно-политический центр. Свою «перестройку» Гамзат-бек начал с хунзахской мечети, увеличив ее вдвое⁹⁷. Одновременно имам приказал «строить другую огромную мечеть»⁹⁸. Возвышая власть, Гамзат-бек прежде всего ужесточал соблюдение ислама. Он публично осуждал своего предшественника по ханскому престолу Нуцал-хана, курившего табак и употреблявшего вино. Имам «отдал строгий приказ, что тот, у кого найдутся вино и табак, будет посажен в яму и наказан 70 ударами по пяткам»⁹⁹. Дело укрепления власти, организации системы повиновения облегчалось простой формулой — о необходимости беспрекословного следования исламу. Окружение Гамзат-бека не меньше, чем сам имам, было обеспокоено тем, насколько удастся Гамзат-беку утвердиться в положении «имам Аварского ханства». Мюриды, как и сторонние наблюдатели, понимали, что трудно придать законный вид власти, захваченной насильственным путем. Тем не менее поиски этой «законности» велись. Приближенные советовали Гамзат-беку жениться на вдове Нуцал-хана, Гайбат-Бике: мюриды полагали, что этот брак (тем более с перспективой появления наследника) дал бы захвату престола какое-то юридическое оправдание¹⁰⁰. Трудно объяснить истинные мотивы, по которым Гамзат-бек отверг это разумное предложение. Возможно, сказалась самоуверенность, — новая черта, приобретенная за короткое время «царствования», — возможно, дала о себе знать старая болезнь — нежелание делить свою власть с кем бы то ни было, даже с претендентом, находящимся в утробе. Сам Гамзат-бек объяснил свой отказ жениться на Гайбат-Бике тем, «что жена Нуцал-хана, кроме того, что беременна, принадлежала человеку, проклятому за богоотступничество, который курил табак, пил вино и был в связи с русскими, а потому ему, имаму, неприлично взять ее в жены»¹⁰¹. Настойчивость приближенных мюридов

102.

Там же.

103.

Хроники Мухаммед-Тахира..., с. 66.

104.

Там же.

105.

Прушановский К. Указ. соч., с. 27.

106.

АКАК, т. 8, с. 581—584.

107.

Там же, с. 584.

108.

Отношение «вольных» обществ к новому «аварскому хану» было противоречивым. С одной стороны, общинники, как уже отмечалось, осуждали его за истребление ханской фамилии и узурпацию престола, с другой — внимательно присматривались к нему как к многообещающему предводителю, способному организовать набеги с богатой добычей. Не случайно, узнав о новом хунзахском властителе, к нему потянулись вооруженные горцы.

раздражала имама. Чтобы снять эту проблему, Гамзат-бек женился на дочери хунзахского джанка Амир-хана»¹⁰².

Захватив престол, имам сразу же объявил себя единоличным распорядителем «казенного» имущества. Мухаммед-Тахир приводил эпизод, когда Шамиль, ведавший в ополчении имама интендантской службой, обратился к Гамзат-беку с просьбой выделить одежду для воинов, обносившихся во время походов, но «Хамзат не расщедрился на это»¹⁰³. Сконфуженному Шамилю пришлось оправдывать имама: «Будет добро и благо для нас, если мы оставим Хамзата одного на год до тех пор, пока народ забудет то, что мы сделали с ним»¹⁰⁴.

Уже отмечалось, что в интересах упрочения власти наиболее важное место в политических действиях имама отводилось войне. Военная доктрина сводилась к двум положениям — «вечная» война против России и война с местными «вольными» обществами, все еще не принявшими ислам. Следует пояснить: лозунг газавата против России в период укрепления престола звучал лишь как идеологическая формула. Практически же Гамзат-бек, как и раньше, больше всего опасался именно столкновения с Россией и всячески избегал его. За все время после смерти Кази-муллы имам ни разу не соприкасался с российскими войсками. Поэтому в военной доктрине главной оставалась проблема присоединения к «Аварскому имамату» сопредельных с Хунзахом «вольных» обществ. Однако осуществлять такое присоединение было предпочтительнее в русле политической идеи о «вечной войне» с Россией. Именно так Гамзат-бек рассчитывал включить в имамат крупный союз «вольных» обществ — Акуша-Дарго, куда были направлены его мюриды с требованием «действовать вместе против русских»¹⁰⁵.

Придерживаясь принципа не допускать прямого вооруженного столкновения с русским командованием, Гамзат-бек, вместе с тем, не исключал в будущем войны с Россией. Он знал о военных приготовлениях¹⁰⁶ российского командования, для которого захват Хунзаха оказался впечатляющей неожиданностью. Генерал Розен вынужден был обратиться с «Прокламацией к дагестанскому народу», где, назвав имама «коварным и вероломным злодеем», сообщал: «ныне приняты мною решительные меры против сего безбожного мятежника»¹⁰⁷.

Но пока командование разворачивало свои силы с целью обороны от возможного нападения Гамзат-бека, имам занялся присоединением к имамату «вольных» обществ¹⁰⁸.

Прушановский указывал, что в новом ханском достоинстве имам предпринял свой первый поход против общества Андалял, где якобы он потерпел

109.
Прушановский К. Указ. соч.,
с. 27.
110.
Гамзат-бек — второй имам...,
с. 22.
111.
Там же, с. 23.
112.
Там же.
113.
Хроника Мухаммед-Тахира...,
с. 67—68.
114.
Там же, с. 67.

крупное поражение¹⁰⁹. Это сообщение передано автором не совсем точно, поскольку, судя по донесениям российского командования, Андалал был захвачен имамом накануне вторжения в Хунзах. Неточность сообщения Прушановского косвенно подтверждается сведениями местных авторов — Мухаммеда-Тахира и Маклача, казначея Гамзат-бека, указавших, что имам с самого начала пытался расширить территорию своего государства в направлении юго-востока, прежде всего за счет Цудахарского общества и Акуша-Дарго.

По данным Маклача, в свой первый поход Гамзат-бек призвал мюридов и муртазанатов численностью «до 4 тыс. человек»¹¹⁰. Перейдя через Карадагский мост, он без труда захватил деревни Саяты и Кудали (Куадали). Оттуда имам обратился к цудахарскому кадию Аслану и старшинам Цудахара с просьбой пропустить его с ополчением в сторону Дербента через свое «вольное» общество. Рассчитывая застать врасплох цудахарцев, Гамзат-бек делал вид, что собирается напасть на Дербент. Маневр имама, однако, был разгадан Советом старшин во главе с кадием Асланом: цудахарцы решили «собраться общими силами и дать твердый отпор Гамзату»¹¹¹. Помощь цудахарцам предложили акушинцы, осуждавшие захват Гамзат-беком Хунзаха и его территориальные притязания. Получив отказ, имам применил оружие. Сражение произошло в урочище Каранц: «Храбрые воины цудахарцев, поддержанные акушинцами, — свидетельствовал Маклач, — быстрым натиском смешали мюридов Гамзата, обратили в бегство, и сам предводитель их едва мог спастись, потерпев поражение на голову»¹¹². Судя по дальнейшим действиям имама, поражение в Цудахаре оказалось столь внушительным, что после него имам не рискнул возвращаться в свою столицу, а направился в Гочатль. Здесь Гамзат-бек «...забрал множество ружей и отправился для того, чтобы расположить к себе людей Хунзаха, обойтись с ними ласково и привлечь их на свою сторону»¹¹³.

Неудача в Каранце показала, что объединение «вольных» обществ встретило упорное сопротивление прежде всего со стороны родовой знати этих обществ, где еще прочны были традиции автономности. Именно этот итог, а не сам факт поражения удручал имама.

Узнав о поражении Гамзат-бека, Шамиль, находившийся в Гергебиле и рассчитывавший накануне на соединение с войском имама, обвинил в случившемся общества Ансалья и Хирик, медлившие с вступлением в ополчение Шамиля и задержавшие его на пути в Цудахар: «Поистине это из-за злополучия вашего, лицемерия и мерзости ваших поступков»¹¹⁴, — выговаривал Шамиль жителям Ансалья и Хирика.

115.

Гамзат-бек — второй имам...,
с. 23.

116.

Там же, с. 23—24.

117.

Там же, с. 23.

Гамзат-бек, несмотря на поражение в Цудахаре, был настроен решительно против децентрализма. Вернувшись из Гочатля в Хунзах, имам «велел заготовлять большое количество пороха и свинца»¹¹⁵. Своих главных мюридов — Али-Бека, Ахверды-Магому и Манидуры — он направил в общества Койсубулинское, Гумбетовское, Андийское, Технуцальское, Ункратальское, Какучинское, Богуляльское, Джемаляльское, Киалальское, Мукратальское, Хидатлинское, Келебское. Имам наставлял своих мюридов, чтобы они требовали от этих обществ покорности и их представители «шли поголовно в Хунзах»¹¹⁶. Гамзат-бек был уверен, что главы указанных обществ помогут ему вновь создать крупное ополчение. Имам думал повторить поход не только против цудахарцев и акушинцев. Он теперь «мечтал о завоевании всего Дагестана, Дербента, Кубы и Шемахи»¹¹⁷. Гамзат-бек вынашивал планы объединения всех «вольных» обществ, а со временем и всего Дагестана. Его замыслы были направлены на создание единой дагестанской государственности, но они не сбылись. Он слишком торопил события, повторяя ошибку своего предшественника Кази-муллы, который так же спешно и преждевременно отправился в поход на Хунзах и потерпел поражение. Кроме того, в стремлении создать сильный имамат Гамзат-бек полагался главным образом на военные средства, не оставляя места идеологии, дипломатии, политике. Конечно, его поспешность и выбор средств для достижения главной цели во многом объяснялись необычно трудными условиями создания государственности. Имам понимал, что политические, дипломатические и другие средства объединения «вольных» обществ потребуют времени. Но именно его не хватало имаму, над которым постоянно нависала угроза карательных экспедиций российских войск. И все же многое зависело от внутренней обстановки горного Дагестана. Для овладения ею от имама требовалось почти невозможное — сочетание его собственного мужества с идеологическим чутьем Кази-муллы и философской глубиной в понимании политических реалий, которой обладал Шамиль.

Опасность Гамзат-беку грозила не только со стороны русских войск, расположенных вблизи от Хунзаха. Она не ограничивалась и «сепаратизмом» «вольных» обществ. Главная опасность зрела внутри самого «хунзахского имамата» — это была оппозиция, постоянно противостоявшая имаму с первых дней его военной и политической деятельности и особенно ощущавшаяся в Хунзахе. Недовольство Гамзат-беком росло в связи с усилением прежде всего личной власти. Биограф имама приводил любопытный эпизод, свидетельствующий об ужесточении «внутреннего режима» имамата. Зайдя в кузню,

118.

Там же, с. 24—25.

119.

Хроника Мухаммед-Тахира..., с. 68.

120.

Гамзат-бек — второй имам..., с. 25.

Маклач увидел «около десяти человек хунзахцев», в том числе молочных братьев Османа и Хаджи-Мурата. Почувствовав запах табачного дыма, он спросил, «кто курил трубку». Когда никто не признался, «Маклач обыскал их». Этот поступок вызвал недовольство у присутствующих, между которыми произошел следующий разговор: «Что-то будет дальше с нами, когда теперь нет житья от мюридов», — сказал один из людей на кузне. «Да, — отвечал хунзахский житель Магомет-Омар-оглы, обращаясь к братьям Осману и Хаджи-Мурату, — Гамзат-бек убил Абу-Нуцал-хана и малолетнего брата вашего Ума-хана! Мудрено ли после этого, что все мы поплатимся жизнью за то, что Гамзату захочется показать свое величие, позабавившись над нашими головами. Убьем Гамзата, — сказал он шепотом, — с ним теперь немного мюридов»¹¹⁸. Судя по этому диалогу, оппозиция представляла собой внушительную силу. Окончательно она оформилась после поражения в Каранце, когда имам, понимая, насколько враждебно он может быть встречен в Хунзахе, вынужден был отправиться в Гоцатль. Мухаммед-Тахир отмечал, что после цудахарского поражения в Гоцатле Гамзат-бек «сидел... без малого почти месяц, а отступники из Хунзаха тем временем совещались между собою и тайно договорились о том, что они убьют Хамзата в день пятницы в то время, когда он пойдет в мечеть»¹¹⁹.

По-разному описали местные и русские историки зарождение заговора и убийство Гамзат-бека. Маклач вспоминал: слова Магомет-Омар-оглы о том, что «Гамзату захочется показать свое величие, позабавившись над нашими головами» «отозвались в сердцах слушателей; молча они подали друг другу руку и, условившись собраться в кузнице к вечеру, разошлись по домам»¹²⁰. Русские авторы придерживались другой версии. По Прушановскому, главной причиной заговора против Гамзат-бека послужило истребление им ханской семьи. По данным русских источников, заговор возник не так, как это представил Маклач. Приведем описание Прушановского, получившее в литературе наибольшее распространение. «В один вечер Осман и Хаджи-Мурат хвалились перед 60-летним отцом их удалством и храбростью». «Дети мои, — обратился к ним отец, — стыдитесь хвалиться перед мною вашею храбростью, когда я считаю вас самыми ничтожными людьми, даже не хочу признавать за своих детей; полагаю, что вы большие трусы и имеете низкую душу». «Выслушайте меня, дети, — продолжал отец. — Султан-Ахмет был великий хан; он своего сына отдал нам на воспитание, я сделался отцом Ома-хана, а вы братьями его; он сравнил нас со своим родом; между тем Ома-хан убит Гамзатом, которому вы служите,

121.

Прушановский К. Указ. соч., с. 28—29.

122.

Утверждение английского историка Д. Бэдли о том, что «непосредственной причиной убийства Гамзат-бека явился его запрет на курение» выглядит явным упрощением (Baddeley J.F. Op. cit., p. 287).

123.

Гамзат-бек — второй имам..., с. 26.

124.

Прушановский К. Указ. соч., с. 30.

и после этого какими глазами можете смотреть на ваших товарищей, и еще имеете бесстыдство хвалиться перед отцом вашим своим удалством. Я стар и слаб; но, несмотря на это, пойду завтра и убью Гамзата; пусть тогда и меня убьют; а вы, храбрецы, похожие на женщин, живите спокойно с ним». Слова отца сильно подействовали на детей, они заплакали и потом через несколько минут говорят ему: «Хорошо, мы завтра пойдем и во что бы ни стало убьем Гамзата»¹²¹. Прушановский ссылаясь на Ибрагим-бека Корчагского, которому об этом эпизоде якобы рассказывал Хаджи-Мурат. Вместе с тем, приводимые Прушановским детали не совпадают с показаниями других современников Кавказской войны: в пору, когда зарождался заговор, в живых не было уже отца Османа и Хаджи-Мурата; «упреки», заставившие братьев принять решение убить Гамзат-бека, исходили не от отца, а от их дяди. Когда Гамзат-беку донесли о заговоре, он спросил «Кто был зачинщиком?» Мюриды ответили: Осман-Зюльхаджиев, дядя Османа и Хаджи-Мурата. Несмотря на эту разногласию, бесспорно, видимо, одно — нити заговора тесно переплетались в доме братьев Османа и Хаджи-Мурата. Это в свою очередь свидетельствует о том, что оппозиция формировалась не только на почве недовольства усилением власти Гамзат-бека, но и в связи с истреблением ханской династии¹²². Не случайно после расправы с наследниками ханского престола Шамиль заявил Гамзат-беку: «Отныне самое соответствующее тебе — это сидеть дома... со смирением, раскаянием и сокрушением»¹²³.

Источники расходятся в отдельных деталях, связанных с организацией убийства имама, однако в главном просматривается общая канва, которая вкратце сводится к следующему. Последний раз заговорщики собрались за день до выстрелов в мечети, 18 сентября. Присутствовал также Хаджи-Сюль-Магомет (по Прушановскому, «Магомет Гаджи-Яв»), двоюродный брат Османа и Хаджи-Мурата, тот самый, который разрубил лицо Абу-Нуцалхану¹²⁴. Еще до этого Хаджи-Сюль-Магомет донес Гамзат-беку о заговоре и его участниках. Однако имам не поверил доносу. После последнего сбора, когда окончательно были выяснены все детали покушения, Хаджи-Сюль-Магомет сообщил имаму, что убийство намечено на пятницу 19 сентября, — день, когда на мусульманский праздник в мечеть должен был явиться Гамзат-бек. «Несмотря на достоверность предостережений, он (Гамзат-бек — ред.) решил быть в тот день в мечети, отдав только приказ, чтобы никто из жителей Хунзаха не смел входить в мечеть в бурке...» Имам выставил караульных, которые у входа должны были осматривать всех, кто направлялся на проповедь. Но заговорщикам удалось

125.

Там же, с. 31.

126.

Гамзат-бек — второй имам..., с. 27.

127.

Прушановский К. Указ. соч., с. 32.

128.

См., например: Эсадзе С. Указ. соч., с. 82.

129.

В литературе существует предположение, будто среди них был и Шамиль, которому удалось незаметно бежать из дворца. Э.Дюлорье отвергает этот факт, считая Шамиля достаточно тонким и дальновидным политиком, чтобы держаться подальше от Гамзат-бека в предвидении того, что произошло. (Dulaurier E. *Op. cit.* — RDM, 1861, t. 33, p. 307).

130.

Гамзат-бек — второй имам..., с. 28.

пронести оружие. Осман и Хаджи-Мурат «заложили под чоку сзади по пистолету и кинжалу, накинули на себя бурки и отправились в наполненную народом мечеть. Караульные осмотрели их и, не видя оружия, впустили. Братья сели посреди мечети, против ее боковых дверей, чрез которые прямо из ханского дома должен был войти Гамзат»¹²⁵. По Прушановскому, около имама находилась личная охрана из 4 человек с ружьями «на изготовке». По Маклачу, Гамзат-бек шел в мечеть «вооруженный тремя пистолетами, сопровождаемый казначеем своим Маклачем и Хаджи-Сюль-Магометом»¹²⁶. Войдя в мечеть и увидев группу людей в бурках, Гамзат-бек остановился, Осман встал со своего места и произнес: «Что же не встаете вы, когда великий имам вошел в мечеть нашу». Это был условный сигнал. Маклач считал, что первым в имама выстрелил Магомет-Омар-оглы, открыто выражавший еще в кузне свое недовольство Гамзат-беком. По Прушановскому, первые выстрелы были произведены Османом и Хаджи-Муратом, однако «неизвестно, чьей пуле принадлежит честь» сразить имама¹²⁷. Версия о том, что Гамзат-бек был убит братьями Османом и Хаджи-Муратом, нашла большое распространение в русской литературе¹²⁸.

Как только было покончено с имамом, произошло вооруженное столкновение между двумя группировками, образовавшимися в Хунзахе. Сторонники Гамзат-бека укрылись в ханском доме, защищая «престол»¹²⁹. Противники его обрушились на мюридов и штурмом взяли ханскую резиденцию. Победа была за ними. «Тогда старая ханша Хистамал-Бике введена была в дом ханский и только на четвертый день велела похоронить валявшееся около мечети обнаженное тело Гамзат-бека»¹³⁰.

Нет прямых данных, которые позволили бы составить полное представление об оппозиции, сформировавшейся в ополчении Гамзат-бека после того, как он захватил Хунзах и возложил на себя ханские обязанности. Однако заговор и расправа над имамом показали, что Кавказская война, по разным социальным мотивам объединившая родовую знать и рядовых общинников, становилась глубоко противоречивым общественно-политическим явлением. В среде участников войны не всегда видны четкие социальные границы: столкновения происходили не только между общественными слоями, но и внутри них. Этим, пожалуй, объяснялись постоянные «приливы» и «отливы» Кавказской войны. Война в эпоху Гамзат-бека достигла нового рубежа — создала, наконец, хотя и на короткое время, «свою» государственно-политическую систему. Это был крупный шаг «вольных» обществ на пути к общественному прогрессу. Имамат вполне «вписался» в «ханское управление»: Гамзат-

бек не только занял резиденцию и присвоил казну хана, но и «взял» у него главное — механизм власти. Объявление себя ханом и первые попытки утвердиться в этом качестве были совершенно новым явлением для Кавказской войны. Вместе с тем образовавшаяся государственная структура несла в себе признаки незрелости. Мюриды вначале создали, а затем отвергли эту структуру, поскольку они были не готовы к практическому использованию ее. Впрочем, вождь Кавказской войны, смело ведущий свое ополчение против «вольных» обществ и лишавший их вольности, на ханском престоле выглядел неуклюжим и неопытным новобранцем. Трезвая и расчетливая в бою голова имама шла кругом под чарами власти. Поэтому на его деяниях лежала печать запальчивости, заносчивости и необдуманности. Имам играл роль хана, но еще не являлся им. Отсюда проистекало его высокомерное и роковое решение идти в мечеть несмотря ни на что. Первое сообщение Хаджи-Сюль-Магомета о заговоре Гамзат-бек получил, когда он находился в состоянии эйфории от чувства «осязания» ханской власти. Современник писал: «Гамзат был в такой слепой уверенности в счастливую судьбу свою, что смеялся со своими приближенными нелепости доноса, и когда казначей его Маклач принес в комнату Гамзата все серебро и золото, а в другие комнаты порох и 100 ружей, и, поставив большой котел, хотел наполнить его водою на случай осады хунзахцами ханского дома, Гамзат, хладнокровно смотревший на принимаемые меры предосторожности, засмеялся и велел оставить все приготовления»¹³¹. В этом эпизоде, как и в решении посетить мечеть в пятницу 19 сентября, вопреки возражениям некоторых его мюридов, сказалось не только обычное пренебрежение вопросом личной безопасности, но и то, сколь тернист путь к ранней феодальной государственности.

III

Триумф и трагедия войны

**Шамиль у власти.
Военно-государственное
строительство
«вверх» и «вширь».
От первого среди равных
к личной диктатуре
(1834—1843 гг.)**

1.
Окольничий Н.А. Перечень..., с. 373; Шамиль и Чечня. — ВС, 1859, т. 9, с. 127—128; Гаджи-Али. Указ. соч., с. 12; Шамиль — бывший имам Чечни и Дагестана. — Ласточка (СПб.), 1859, сент., с. 467; И.Р-в. Начало и постепенное развитие мюридизма на Кавказе. — РХЛ, 1859, № 35, с. 125.

2.
Окольничий Н.А. Перечень..., с. 373—374; И. Р-в. Указ соч. — РХЛ, 1859, № 35, с. 126.

3.
Шамиль и Чечня, с. 128; Султан Адиль-Гирей. Рассказ аварца. — На Кавказе, 1909, № 5, с. 14; И. Р-в. Указ. соч. — РХЛ, 1859, № 35, с. 127.

В 1834 году новым имамом Дагестана стал Шамиль. В течение последующих 25 лет ему суждено было руководить Кавказской войной, безотчетно подчиняясь связанным с ней общественно-экономическим процессам. Политическим долголетием третий имам во многом обязан своим личным качествам, которыми он превосходил предшественников. С годами природная одаренность Шамиля обогащалась социальным опытом, тонким пониманием обычаев, нравов, психологии горцев. Положение близкого сподвижника Кази-муллы и Гамзат-бека давало ему возможность проверять себя на стезе войны и политики¹.

Шамиля высоко ценил Кази-мулла, который, отправляясь в набеги, оставлял его вместо себя управлять подчиненными территориями. Это доверие не исключало трений между ними. Человек рационального ума, Шамиль скептически относился к излишне торопливым и бессистемным военным походам Кази-муллы. Призывая к последовательности, он предлагал вначале утвердиться в Аварии, а уже потом — в других районах Дагестана. Но имам упорно придерживался прежней линии, и его молодой соратник счел за лучшее не противиться². Шамиль, признавая в Кази-мулле духовного владыку народа и своего старшего наставника, в конце концов заставлял себя покоряться его воле, хотя внутренне был недоволен тем, что имам работает больше руками, чем головой³. В 1832 году после смерти имама Шамиль едва не был избран его преемником. Помешала полученная при штурме Гимр тяжелая рана, потребовавшая полугодового лечения.

4. Казембек М.А. Муридизм и Шамиль. — РСЛ, 1859, кн. 12, с. 214.
5. Там же, с. 215; И. Р-в. Указ. соч. — РХЛ, 1859, № 35, с. 126.
6. Шамиль считал Гамзат-бека не пригодным к званию и роли имама, рассматривая его самозванное правление как временное (См. там же, с. 217. Казембек М. А. Указ. соч., с. 217).
7. См. Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 59—61.

Впрочем, можно допустить, что Шамиль еще не чувствовал себя политически достаточно уверенно, чтобы вступить в открытую борьбу за власть. Но скрыто он ее все же ведет. Первым расчетливым шагом в этой борьбе было отклонение предложения его приближенных взять власть по праву самого достойного преемника и первого помощника Казимуллы — пусть, говорил он, народ сам сделает свой выбор «из среды соискателей, из верных слуг Казимуллы, из лучших опор ислама», согласно тому, как поступили первые мусульмане после кончины пророка Мухаммеда⁴. Ход оказался сильным: из уст в уста пошли лестные для людей слухи о смиренном коленипоклонении Шамиля перед народной волей, которые сопровождались рассказами о его воскресении из мертвых. К его пользе в конечном итоге обернулось и то обстоятельство, что Гамзат-бек фактически насильственно захватил власть, вызвав у многих негодование. Это позволило Шамилю прибегнуть к еще одному маневру. Он разослал к духовным лицам разных аулов письмо, где есть такие строки: «Для поддержания ислама нужно единодушие. Кто бы ни был предводителем мюридов, — внушите народу повиноваться ему покуда; да не будут наши горцы подобно собакам, прости Господи, да не грызутся они из-за кости властолюбия, тогда как кость эта может быть похищена неверными»⁵. Провозглашение приоритета общего дела над личными амбициями еще больше усилило популярность Шамиля. Разумеется, призывая к подчинению имаму и шариату, он заботился не о Гамзат-беке, а о политическом состоянии общества, власть над которым рано или поздно перейдет к нему, Шамилю⁶.

Поправившись после ранения, Шамиль вновь принимается за газават. Он публично поклялся не допустить ослабления шариата после гибели Казимуллы, чего бы это ему ни стоило. Подвергаясь опасности, Шамиль в одиночку набрасывался с угрозами на вероотступников, когда заставал их за «дурными» занятиями (употребление вина, игра на музыкальных инструментах, песни, пляски и т. д.). Его слова к народу звучали в аулах внушительно и сурово, его молитвы в мечетях воспламеняли души и устрашали⁷.

Гамзат-бек, отдавая должное достоинствам своего авторитетного, популярного среди людей помощника, поначалу опасался его как серьезного конкурента, однако принятый Шамилем облик покорного и далекого от интриг исполнителя рассеял сомнения. Отныне второй имам внимал советам своего заместителя и часто следовал им, как, например, в случае, когда Шамиль подал мысль об истреблении аварских ханов, заодно подсказав коварный способ для этого. В поведении Шамиля было больше от смиренного

8. Шамиль и Чечня, с. 128; Савинов В. Шамиль — мюрид, Шамиль — имам. — *Сын Отечества*, 1859, № 41, с. 1130—1131; Dulaurier E. La Russie dans le Caucase. — *RDM*, 1861, т. 33, р. 306. Шамиль считал Гамзат-бека недалековидным политиком и плохим администратором. (Руновский А. Кодекс Шамиля. — *ВС*, 1862, т. 23, с. 366).

9. Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 60. Существует версия, будто Шамиль участвовал в заговоре с целью убийства Гамзат-бека. (См. А.-Д.Г. Обзор последних событий на Кавказе. — *ВС*, 1859, т. 9, с. 486; Казембек М.А. Муридизм и Шамиль, с. 215; Шамиль в Париже и Шамиль поближе. — *Кавказ*, 1854, № 97, с. 392; Савинов В. Указ. соч., с. 1131—1132; И. Р.-в. Указ. соч., *РХЛ*, 1859, № 35, с. 127; Шамиль — бывший имам Чечни и Дагестана. — *Ласточка*, (СПб.), 1859, сент., с. 466; Иванин И. Кавказская война и ее герои. Очерки покорения Кавказа. М., 1904, с. 116—118).

10. Nouvelle Biographie Générale. Paris, 1864, т. 43, р. 486—487; Texier Ed. Les hommes de la Guerre d'Orient. Schamyl. Paris, 1854, р. 14; Dulaurier Ed. La Russie dans le Caucase. — *RDM*, 1861, т. 33, р. 302.

11. Правда, он хорошо чувствовал и те ситуации, когда медлить нельзя. Так, на известие о смерти Гамзат-бека Шамиль моментальноотреагировал захватом казны покойного имама. (Окольничий Н. А. Перечень..., с. 371; Дубровин Н. Ф. Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. Ч. 4, кн. 2: Кавказская война в царствование императоров Николая I и Александра II (1825—1864 гг.). СПб., 1896, с. 74).

послушника, чем от человека, который через два года станет могущественным вождем горцев. Этот вроде бы странный факт объяснялся, во-первых, представлениями Шамиля о религиозно-иерархической дисциплине в священной войне и готовностью подчиняться ей, во-вторых, — уверенностью в скором падении Гамзат-бека, неминуемом при его необузданном и алчном нраве, неосторожных поступках⁸. И все же в одной из своих публичных речей Шамиль почти прямо высказал свои претензии на имамство, заявив, что он в сравнении с Кази-муллой «обильнее... знаниями, могущественнее силой и племенем»⁹.

Время с 1826 по 1834 г. не прошло для Шамиля даром. Наблюдая за деятельностью своих предшественников и извлекая для себя полезные уроки, он учился военному делу, политической дальновидности, искусству словом вести за собой людей. Развившиеся в этих условиях острое социальное зрение и чутье позволяли ему безошибочно распознавать интересы и настроения узденства, использовать их в своих целях. Благодаря статусу «правой руки» Кази-муллы, а затем Гамзат-бека, равно как и все более заметным личностным началам, росла известность Шамиля в народе. В сфере «общественного мнения» исподволь сложилась настолько благоприятная для него ситуация, что в 1834 г., когда освободился имамский «престол», у кандидатуры Шамиля не оказалось реальных соперников¹⁰. Шамиль блестяще продемонстрировал способность вести деликатную политическую игру, умение не спешить схватить то, вместо чего терпением можно взять больше¹¹. Он сознавал, что выберут только его, и чем очевиднее становился такой исход, тем решительнее он отказывался от имамства. По его заявлению, этот высокий титул, сопряженный с огромной ответственностью, многими обязанностями и разными неприятностями, являлся слишком тяжелым бременем. Выражая готовность служить делу мюридизма на вторых ролях, как и раньше, Шамиль, с одной стороны, давал понять мусульманской знати, что он вовсе не считает звание имама житейским благом или подношением, требующим благодарности, с другой стороны, — принимал перед узденской массой позу праведника, жаждущего быть радетелем народных нужд, но сомневающегося в том, достоин ли он такой высокой чести. Шамиль дважды предлагал вместо себя других кандидатов, зная, что ничем не рискует. События развивались психологически типично для подобных случаев: Шамиля начали уговаривать. Настойчивость «избирателей» росла по мере того, как он искусно нагнетал сопротивление. Народное собрание поддалось бессознательному коллективному азарту, дразнящему искушению любой ценой преодолеть противодей-

12.

Дроздов И. Начало деятельности Шамиля (1834—

1836 гг.). — КС, 1899, т. 20, с. 253—255;

Dulaurier Ed. La Russie dans le Caucase. — RDM, 1861, t. 33,

p. 311—312. Есть авторы, которые не видят или не хотят видеть в поведении Шамиля в ходе его избрания политическую интригу. (См. Чичагова М.Н. Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк. СПб. 1889, с. 38—39). После пленения Шамиль, с одной стороны,

признавался, что он был очень обрадован, когда «увидел власть в своих руках» (Дневник Руновского, с. 1419), с другой, — утверждал, будто его принудил к этому народ своими слезными просьбами. (Там же, с. 1472).

13.

См. Казембек М. А. О значении имама, его власть и достоинство. — РСЛ, 1860, кн. 3, с. 305—306.

14.

Rockoschny H. Das asiatische Russland. Leipzig, s. a. Bd. 1, S. 124.

15.

Дроздов И. Указ. соч., с. 251—253; Магомедов Р. М. Юность Шамиля. Махачкала, 1941, с. 8.

ствие. Ораторы говорили, что именно в Шамиле собраны качества, необходимые для имама — ученость, непреклонная воля, мужество, организаторский опыт, только ему под силу навести порядок в стране. Его просили принести себя в жертву общественным интересам. В конце концов когда Шамиль, выжав из этой ситуации максимальную выгоду, уступил, внешне это выглядело как высоконравственный пример самоотверженного подчинения желанию народа. Никому бы и в голову не пришло обвинять его в корысти и властолюбии. Воспользовавшись моментом, Шамиль как бы в обмен за свое согласие потребовал широкой свободы действий и беспрекословного повиновения ему, на что последовали торжественное обещание присутствующих и заверение в преданности новому вождю. При всеобщем восторженном возбуждении и одобрительных криках Шамиля провозгласили имамом. Свершилась его сокровенная мечта, да еще при таких благоприятных обстоятельствах, позволивших придти к власти не самозванно, как Гамзат-бек, а по единодушному выбору народа¹².

Терпеливое выжидание Шамиля вознаградилось. Он стал не просто предводителем горцев, но и добился для себя авторитарных полномочий. Тонко продуманный и хорошо сыгранный «избирательный» сценарий имел важный результат: титул имама Шамиль получил скорее из рук узденства, чем клерикальной знати, что обеспечивало ему значительную самостоятельность. Существенно было и другое: глубокочтимый в шариатском законоведении принцип «избрания» главы народа не пострадал¹³.

В будущем благодаря своему уму и прозорливости Шамиль избежит и достигнет много такого, чего не избежал и не достиг Гамзат-бек, в котором часто преобладали импульсивные побуждения¹⁴.

Успеху и популярности Шамиля способствовали некоторые «таинственные» страницы его биографии. До шестилетнего возраста он рос очень слабым и болезненным. Опасаясь за жизнь мальчика, его родители, чтившие народные поверья, решили добавить к его первому имени Али второе — Шамиль, после чего по необъяснимой причине он поправился и окреп. Однажды, уже будучи двадцатилетним человеком, Шамиль отправился в с. Танус брать уроки у известного толкователя Корана. Дорогу ему преградила массивная каменная глыба с крутыми гладкими боками, которую путники обходили большим крюком и преодоление которой было для удалой молодежи предметом бесплодных состязаний. Стремительно разбежавшись, Шамиль легко перескочил через нее. Как утверждают, поверхность камня еще долго хранила следы человеческих ступней, ставшие реликвией¹⁵. Эти «чудеса» довершились невероятным

исцелением Шамиля после полученной в Гимрах в 1832 г. сквозной штыковой раны, по всем признакам — смертельной. В глазах суеверных горцев все это выглядело мистическими знаменами того, что судьба предназначила его для великой миссии. В Шамиле готовы были видеть земного пророка, избранника неведомых высших сил.

Кавказская война в преддверии своей самой интенсивной фазы обрела крупного лидера, явившегося естественным порождением окружавшей его духовно-этнической среды, внутренних социально-хозяйственных процессов в «вольных» горских обществах.

Новый имам заметно отличался от Кази-муллы и Гамзат-бека куда более яркой личностью и волнующе-загадочными биографическими фактами. Что касается его целей, то они оставались прежними — искоренение адатов, утверждение шариата, повышение престижности имамской власти. Средством решения этой задачи был газават, обращенный против всего, что стояло на пути такой политики.

В сентябре — октябре 1834 г. произошли столкновения между Шамилем и русскими войсками. Отряд генерала Ланского, включавший дагестанскую пешую и конную милицию, захватил с боем Гимры и, наказав жителей аула за измену присяге, данной России в 1832 г. после гибели Кази-муллы, вернулся в Темир-Хан-Шуру. Немного спустя преемник Ланского (вскоре умершего) на посту командующего русскими войсками в Дагестане полковник (впоследствии генерал) Клюки-фон-Клюгенау совершил экспедицию в горную Аварию, чтобы заставить аварцев признать власть российского ставленника. Акушинские кадии и старшины вызвались помогать русской армии. После того как без выстрела был взят Гергебиль, Клюгенау артиллерийским огнем легко подавил сопротивление тысячного отряда шамилевских мюридов, сделавших завалы у с. Могох и изготовившихся к атаке. Могохская знать изъявила Клюгенау полную покорность, в залог чего ему выдали аманатов. Конечный пункт движения русских войск — Гочатль — удалось захватить после трехчасового ожесточенного сражения с мюридами. Здесь было найдено богатое имущество, в свое время разграбленное у хунзахских ханов.

Аварские беки и старшины поспешили явиться к Клюгенау, чтобы от имени всего народа торжественно присягнуть на верность государю императору и признать своим правителем Аслан-хана Казикумухского. Верноподданнические присяги приняли жители Гумбета, Койсубу, Гергебиля, Кикун. Все это, как обычно, сопровождалось выдачей аманатов (а иногда и сторонников мюридизма), обещаниями вновь подчиниться своим прежним владетелям¹⁶.

Военные столкновения Шамиля с русской армией

17.
Гаджи-Али. Указ. соч., с. 17.
18.
Дубровин Н.А. Обзор войн..., с. 84—85, 87; Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война. СПб., 1860, с. 335—336.
19.
Цит. по: АКАК, т. 8, с. 595. Ср. Эсадзе С. С. Штурм Гуниба и пленение Шамиля. Тифлис, 1909, с. 89; Дроздов И. Указ. соч., с. 273.
20.
Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 76—78.
21.
Цит. по: Дроздов И. Указ. соч., с. 264. В свое время, еще будучи только сподвижником Кази-муллы, Шамиль без колебания последовал примеру имама, когда тот при стечении народа заставил наказать себя 40 палочными ударами за то, что ему знаком вкус вина. Люди, приведенные в трепет этой сценой самоистязания, в приступе массового иступления, с рыданиями бросились к ногам Кази-муллы целовать полы его одежды, избивая себя палками. (Окольничий Н.А. Перечень..., с. 351).

носили кратковременный и малозначительный характер. До весны 1837 г. он фактически не имел соприкосновений с ней. «...Схватки были между одними мусульманами, без участия русских», — писал приближенный Шамиля Гаджи-Али¹⁷.

Все помыслы Шамиля в этот период направлены на устройство нового порядка в «вольных» дагестанских обществах¹⁸. «Не думайте, — обращался Шамиль к населению, — чтобы лучи шариата погасли, — нет! Они неугасаемы и скоро распространятся по всем деревням и племенам. Разумейте это»¹⁹. Он смело, часто в одиночку, выступал против «греховодников», нарушавших заповеди Корана, требовал от общества их наказания. Убежденность, бескомпромиссность, вдохновенность, с которыми действовал имам в религиозных делах, впечатляли, заставляли людей повиноваться²⁰.

Шариат при всем его внешнем демократизме был не только средством освящения зарождающейся собственности и узаконения социально-имущественного неравенства, но и мощным рычагом утверждения единоличной власти. Понятия «шариат» и «власть» укоренились в политическом мировоззрении Шамиля нерасторжимо. Без этих институтов немислимо было преодолеть разобщенность и уособицы между горцами, сплотить их в более или менее цельную общественную организацию.

Аскетические и одновременно заманчивые (загробный рай) положения шариата способствовали воспитанию в народе нравственной дисциплины и законопослушания в соответствии с религиозно-правовыми догмами ислама. Пример готовности понести любую кару за нарушение новых правил жизни показал сам Шамиль, объявивший: «Если я сделаю что-либо противное шариату — сейчас же рубите мне голову»²¹. В этой связи уместно вернуться к уже приводимому эпизоду из жизни Шамиля, который произошел вскоре после гибели Кази-муллы. Идя на молебствие, он увидел женщин, обрабатывавших шерсть в обществе старика (что было по Корану нарушением бытового мусульманского этикета). Сурово попеняв старику за это, Шамиль вырвал из его рук палку и принялся колотить одну из женщин. Когда гимринский кадий вызвал его к себе для наказания за самоуправство, он послушно явился и принял двадцать с лишним ударов плети. После этого Шамиль, спросив у кадия разрешения, выступил в мечети с речью, в которой он доказывал односельчанам законность своего поступка, правомочность каждого пресекать все, что противно Корану. В заключение Шамиль, объявив себя наследником дела Кази-муллы, поклялся бороться за шариат до последнего вздоха и призвал на священную войну тех, кто хочет получить вознаграждение в «будущей

22. См. Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 57—59.
23. Дроздов И. Указ соч., с. 265.
24. См. Гаджи-Али. Указ. соч., с. 14, 17.
25. Дубровин Н.Ф. Обзор войн..., с. 85.

жизни»²². В поведении Шамиля очевидно стремление поднять социальное значение духовенства, как представителей новой идеологии, даже ценой подчеркнутого самоуничтожения. Смирненно подставляя спину под розги кадия или испрашивая его позволения обратиться к народу (и то и другое не обошлось без театральности), Шамиль воспитывал в горцах почтение к служителям шариата, в лице которых он готовил себе опору в обществе. На этих маленьких спектаклях репетировалась большая политика. В духовной дисциплине, требуемой шариатом, Шамиль почувствовал политически очень удобную вещь.

Распространявшееся вероучение создавало предпосылки для установления личной диктатуры. Эта проблема глубоко волновала Шамиля, не раз поднимавшего ее в богословских диспутах с Казимуллой²³. Преуспев в качестве главного «теоретика» авторитарной власти, третий имам теперь шел к тому, чтобы стать ее реальным воплощением.

Шамиль, подобно предшественникам, насаждал свое влияние и шариат преимущественно путем военной экспансии, нацеленной первоначально на «вольные» дагестанские общества и отчасти на тайповые районы Чечни. Набеги имама на еще не подвластные ему территории, к примеру — на Аварию, были одновременно и способом политического подчинения Шамилю и средством получения материальной добычи²⁴. Не желая без нужды компрометировать себя политикой насилия, Шамиль часто действовал через доверенных мюридов — Кибит-Магому в Дагестане и Ташова-Хаджи — в Чечне. Этим же он отвлекал от себя внимание русского командования, время от времени проявлявшего беспокойство успехами мюридизма. Удобным для имама было и то обстоятельство, что кадий из Тилитля Кибит-Магома, клявшийся русским в неизменной преданности, считался ими лояльным к России человеком, но на самом деле, пользуясь влиянием в своем обществе, проводил политику «шариатизации». Этот «дагестанский Талейран» (как иногда именуется Кибит-Магома в литературе) не спешил открыто присоединиться к имаму, взвешивал, стоит ли ставить на эту политическую фигуру. Действуя исподволь, он пока еще выжидал, как обернутся события, чтобы сделать окончательный выбор между двумя силами — Россией и Шамилем — с максимальной выгодой для себя.

Часть горского населения добровольно приняла идеи и власть имама. Тех, кто отказывался, заставляли²⁵. Кибит-Магома террором сломил сопротивление обществ, расположенных по течению Андийского, Аварского Койсу и Кара-Койсу. Склонив большинство жителей с. Тилитль к присяге Шамилю, Кибит-Магома люто и вероломно расправился с местной знатной фамилией Канчо, претендовавшей

26. Дроздов И. Указ. соч., с. 271—272.
27. Гаджи-Али. Указ. соч., с. 15.
28. Цит. по: Дроздов И. Указ. соч., с. 273.
29. Цит. по: Эсадзе С.С. Штурм..., с. 88. Ср. Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 80.
30. Гржегоржевский И. Очерк военных действий и событий на Кавказе. Ф.К. Клюки-фон-Клюгенау. 1836—1850. — РС, 1876, т. 15, с. 155—157, 161; Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 82—85, 93.
31. Blanch L. The Sabres of Paradise. N.Y., 1960, p. 133.
32. См. Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 82.

на власть. Из числа покоренных горцев брали заложников, рекрутировали мюридов для имама, на приобретенных территориях вводилось новое административное устройство²⁶. Так лукавый и честолюбивый тилитлинский кадий наработывал заслуги перед Шамилем и, умудряясь формально не порывать с русскими, готовил себе место в высшем руководстве складывающегося военно-теократического государства. Уже тогда на почве скрытых притязаний Кибит-Магомы на имамство зарождалось его соперничество с Шамилем, и в нем обнаруживалась тяга к независимости²⁷.

Сам Шамиль до поры до времени предпочитал применять метод убеждения, хотя и не без явного привкуса угрозы. Его обращение к одному из пока еще независимых обществ гласило: «Приезжайте ко мне в Гимры, и я публично, в присутствии ученых людей, открою вам истины святого шариата, введомого мною в народе к благополучию его на земле... Вы сделаете великое преступление и против народа, и против меня, продолжая сопротивляться моим требованиям. Помните, что власть восторжествует и виновные будут наказаны»²⁸. С верой в силу своего проповедного слова Шамиль стремится бескровно пополнить ряды приверженцев нового учения и расширить сферу его влияния. Убежденный в конечной победе шариата, он как бы дает заблудшим шанс вовремя одуматься, пока их не постигло справедливое возмездие. Для Шамиля, считающего свою власть совершенно законной и непререкаемой, неповиновение его воле равнозначно «великому преступлению» против народа. Примеры «самодержавного» мышления зримы и в его заявлении: «Я такой же имам, как султан (турецкий — *ред.*)»²⁹.

Шамиль далеко не всегда действовал внушением. Он становился все более нетерпимым к инакомыслию и сопротивлению. С Кораном и шашкой в руках имам отправлялся в «крестовые» походы во имя шариата, не сулившие строптивым ничего хорошего³⁰. Часто он напоминал больше завоевателя, чем властителя³¹.

Смелые, последовательные действия Шамиля заставляли мусульманских клерикалов, включая отдельных осторожно настроенных к нему лиц, признать в имаме духовную и политическую силу, выразителя их интересов. Некоторые публично каялись в том, что позволяли себе сомнения на этот счет³².

Популярность и авторитет Шамиля быстро росли, его идеи чаще всего находили питательную почву в «вольных» обществах, проникая в самые отдаленные уголки Дагестана гораздо раньше, чем туда добирались «административные» уполномоченные имама. В лезгинских землях, у дидоевцев, капучинцев, анцухцев, бохнадальцев результаты идейной «экспансии» шамилевских проповедей выразились

33.

АКАК, т. 9, с. 323; Броневский С. Указ. соч. ч. 1, с. 34—37; Lyall R. Travels in Russia, the Crimea, the Caucasus, and Georgia. Lnd., 1825, v. 2, p. 47; Jäger B. Versuch einer Darstellung des natürlichen Reichtums, der Grösse und Bevölkerung der russischen Länder jenseit des Kaukasus. Leipzig, 1830, S. 30; Halberg-Broich Th. Deutschland, Russland, Caucasus, Persien, 1842—1844. Stuttgart, 1884, Bd. 2, S. 164—166, 205; Roskoschny H. Op. cit., Bd. 1, S. 119. Иностранцы путешественники отмечали, что заниматься разбоем горцев вынуждал недостаток средств существования. Более слабые, но более богатые соседи лезгин могли откупиться от их нападений (A General, Historical, and Topographical Description of Mount Caucasus. Transl. from the works of Dr. Reineggs and Marshal Bieberstein, by Ch. Wilkinson. Lnd., 1807, v. 1, p. 213—214; Narrative of Don Juan van Halen's Imprisonment in the Dungeons of the Inquisition at Madrid, and His Escape in 1817 and 1818; to which are added, His Journey to Russia, His Campaign with the Army of the Caucasus, and His Return to Spain in 1821. V. 2, Lnd., 1827, p. 177).

34.

Норденстам И.И. Описание Антль-Ратля. 1832 г. — ИГЭД, с. 327.

35.

С. Броневский называл это явление «домашней войной». (Броневский С. Указ. соч., ч. 1, с. 309).

36.

АКАК, т. 8, с. 391; Дроздов И. Указ. соч., с. 268—269, 277—278, 290; Материалы к истории покорения Восточного Кавказа и борьбы с мюридизмом; — КС, 1912, т. 32, ч. 1, с. 303—304; Шамиль и Чечня. с. 155; Н.Ш. Генерал Вельяминов и его значение для истории Кавказской войны. (Выдержки из замечаний Вельяминова от 27 июля 1832 г.). — КС, 1883, т. 7, с. 83—84; Baddeley J. F. The Russian Conquest of the Caucasus. Lnd. — N.Y. 1908, p. XXXVI—XXXVII.

37.

Услар П. Кое-что о словесных

в активизации набегов на Кахетию. Туда, прорываясь через Лезгинскую кордонную линию, устремлялись мелкие и крупные партии горцев, уводившие в плен людей, угонявшие скот, уносившие имущество кахетинцев. Это не мешало лезгинам в перерывах между набегами вести мирную торговлю со своими бывшими и будущими жертвами. Чередование сезонов войны и коммерции было для них в порядке вещей. Их не смущало и то обстоятельство, что они объявляли себя верноподданными России и, пусть формально, но подчинялись русскому приставу. Ни под скипетром царя, ни под угрозой репрессий горцы не могли отказаться от привычного образа жизни, основанного на набеговом «хозяйстве»³³.

Такая форма хозяйствования компенсировала хронический недостаток средств пропитания, неизбежный при жалком состоянии земледелия и скотоводства в суровых климатических условиях высокогорья³⁴. Издержки этой примитивной и своеобразной экономики состояли в том, что источники материальных благ, обеспечивавшие ее жизнеспособность и дразнившие аппетиты узденства, находились не только вовне (Кахетия и другие районы Закавказья), но и внутри Нагорного Дагестана. Если доступ к внешним источникам добычи по каким-либо причинам закрывался, то «вольные» общества принимались грабить друг друга³⁵. И чем труднее и рискованнее приходилось горцам действовать в первом случае, тем чаще они искали поживы у своих же соотечественников. Один аул, сегодня удачливый в набегах, мог завтра сам стать жертвой. В лихих налетах добытчиков была своя мораль и своя доблесть. Их предводители пользовались большим уважением у единоплеменников³⁶, превращались в героев народных песен, прославлявших удалые набеги и добычу³⁷. На их примерах воспитывались юные горцы³⁸. Мать, провожая сына в первый поход, желала ему вернуться со славой и добычей или достойно погибнуть в сражении³⁹. Набеги были сферой социализации молодого поколения: в них воспитывались те

произведениях горцев. — ССКГ, 1868, вып. 1, с. 37—42. Можно найти немало близких аналогий в истории других народов. В определенную эпоху повсюду господствует культ доблести. У аравийских племен в доисламское время и позже этот культ воплотился в обычай посмертной канонизации видных предводителей разбойных набегов, чьи могилы становились святыми местами. (Гольдциэр И. Культ святых в исламе. (Мухамеданские эскизы). М., 1938, с. 57—58).

38.

Дагестанский исследователь А. А. Ахлаков справедливо заметил, что песни о набегах являлись «своеобразным поэтическим кодексом, утверждающим идеал мыслимого в данную конкретно-историческую эпоху героя-воина». (Ахлаков А.А. Героико-исторические песни аварцев. Махачкала, 1968, с. 57).

39.

Klaproth J. Tableau Historique, Géographique, Ethnographique et Politique du Caucase. Paris, 1827, p. 59.

40. Норденстам И.И. Описание Антль-Ратля. 1832 г. — ИГЭД, с. 327—328.

41. Услар П. Указ. соч., с. 39. См. также: Песни горцев. М., 1939, с. 13, 15, 94; Ахлаков А.А. Указ. соч., с. 54—55. Некоторые исследователи предлагают различать в набеговом фольклоре две «струи»: героическая, высоко нравственная тема (доблесть, мужество, боевое товарищество) и «реакционный», «антинародный» характер «отдельных мотивов» (грабеж, добыча, религиозный фанатизм). При этом народные песни преподносятся как доказательство того факта, что для горцев набеги были ненавистным занятием.

(Ахлаков А. А. Указ. соч., с. 47—48, 55—56. Ср. Халилов Х.М. Лакский песенный фольклор. Махачкала, 1959, с. 116, 119; Далгат У.Б. Фольклор и литература народов Дагестана. М., 1962, с. 143—148; Корзун В.Б. Фольклор горских народов Северного Кавказа. Грозный, 1966, с. 159—160). На наш взгляд, подобные попытки «эстетизировать» такой блестящий памятник общественного сознания, как фольклор, похвалив в нем «хорошее» и осудив «плохое», — малопродуктивны с научной точки зрения. Мы уже не говорим о терминологической некорректности в случаях, когда сюжеты из устного народного творчества именуется... «антинародными» и «реакционными».

42.

A. General, Historical, and Topographical Description of Mount Caucasus, v. 1, p. 225.

43.

Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984, с. 109.

44.

См. Зиссерман А. Материалы для истории Кавказской войны. — РВ, 1872, т. 101, № 9—10, с. 410; Н. Ш. Генерал Вельяминов..., с. 85, 88—89.

45.

Романовский Д. И. Кавказ и Кавказская война, с. 201.

46.

Н.Ш. Указ. соч., с. 86—89.

47.

АКАК, т. 11, с. 956—957; Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, 1850, ч. 1, с. 93.

мужские добродетели — сила, смелость, ловкость, смекалка и др., — которыми измерялась полезность человека для общества и определялся его статус среди людей. Горца с детства приучали к искусному обращению с оружием⁴⁰. Эпос высокопарными метафорами повествует о разбоях, как о похвальных деяниях: «куда коснулась рука наша, там плач поднялся, куда ступила нога наша, там пламя разлилось; захвачены девы с прекрасными руками и глазами; пойманы мальчики цветущие здоровьем...»⁴¹ Некоторые горцы сколачивали немалые состояния в течение долгой разбойничьей карьеры⁴².

Грубая материальная цель набегов облагораживалась некоей «рыцарской» идеей, провозглашавшей славу и воинское мастерство прекрасным жизненным идеалом. Со временем эта своеобразная этическая концепция, проникнутая, по выражению А. Я. Гуревича, «пафосом героического зла»⁴³, дополнялась почерпнутым из шариата «возвышенным» чувством ненависти к гяурам.

Чтобы вылазки горцев стоили наименьших потерь, при выборе объектов для них предпочтение отдавалось районам зажиточным и не способным оказать сильного сопротивления⁴⁴. Будучи отважными по натуре, горцы тем не менее старались свести к минимуму риск людских потерь⁴⁵. Они всегда уклонялись от встреч с русскими войсками, стремительно уходили от преследования, вступали в бой только в том случае, когда не оставалось никакого другого выхода⁴⁶. Техника набега была хорошо отшлифована: он, как правило, производился быстро, неожиданно и организованно, предполагая иногда по необходимости такие головоломные трюки, как переправа на лошадях через бушующие, сметающие все на своем пути реки со скалистыми берегами, спуск на бурках по снегу с горных вершин⁴⁷.

Предводитель (веллад) — поистине душа набега — нес полную ответственность за успех или неудачу предприятия, ему беспрекословно подчинялись и доверяли. Его искусство состояло в том, чтобы выбрать верный план действий и совершить набег внезапно (его участники обычно до последнего момента не знали о направлении вылазки) и эффективно⁴⁸. Предводителем становился человек, прославившийся своей храбростью и опытностью. Его мнение обычно оказывалось решающим, когда на совете общины или союза общин (джамаат) обсуждался вопрос о целесообразности того или иного набега⁴⁹.

Русское военное начальство, ответственное за безопасность Кахетии, не имело достаточных сил для

48.

Милютин Д. А. Воспоминания. Под ред. Г. Г. Христиани. Т. 1, Томск, 1919, с. 288—291, 296.

49.

Норденстам И.И. Описание Антль-Ратля. 1832 г. — ИГЭД, с. 327.

50.

Цит. по: Дроздов И. Указ. соч., с. 273—274.

51.

Материалы к истории покорения Восточного Кавказа и борьбы с мюридизмом. — КС, 1912, т. 32, ч. 1, с. 299—302; см. также: Зиссерман А. Материалы..., с. 429—431; Милотин Д. Описание военных действий 1839 г. в Северном Дагестане. СПб., 1850, с. 7—8; Дубровин Н.Ф. Обзор войн..., с. 81, 85; Письма виконта Г. Кастильона к Гизо (24 апреля 1844 г. — 4 марта 1846 г.) — ИМ, 1936, кн. 5, с. 115; Ольшевский М. Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. — РС, 1893, № 6, с. 590—591, 595—596; МИДЧ, т. 3, ч. 1, с. 319—320, 360; A. General, Historical, and Topographical Description of Mount Caucasus, v. 1, p. 44.

эффективной защиты от «лекианобы», не говоря уже о наступательных операциях. Когда, за отсутствием других средств отместки, задерживались принадлежавшие лезгинам стада баранов, то от «пострадавших» немедленно являлись к русским войскам горские делегации с уверениями в преданности России и непричастности к разбоям, в которых были повинны якобы другие общества.

В 1835—1836 гг. в Чечне действовал от имени Шамиля Ташов-Хаджи, называвший себя «полномочным визирем» имама. Он и Кибит-Магома руководствовались едиными задачами и тактикой с той разницей, что в Чечне реже приходилось прибегать к насилию, чем в Центральном Дагестане. После весьма вялого сопротивления к Ташову-Хаджи присоединились аулы Эрсеной, Шали, Атаги, Чакхери, Устар-Гардоя. В надежде привести и кумыков под эгиду Шамиля и шариата он обратился к ним с воззванием, подражавшим стилю посланий имама: «Вы не соблюдаете правил Корана. Грех вам! И за это постигнет вас тяжкое наказание. Вы находитесь в общении с неверными и даже посылаете сыновей своих к ним на воспитание, и таким образом подрываете чистоту религии; ибо дети ваши, увлекаясь праздностью и великолепием неверных, становятся и сами неверными. Опомнитесь! Исполняйте в точности шариат, и тогда с Божьей помощью в течение 10—15 лет вы устроите у себя благополучие и безопасность от нападения соседей, а, соединившись с нами, не будете бояться неверных и они вас не покорят»⁵⁰. Кумыки, в определенной своей части, втайне сочувствовали Шамилю и шариату, но не отваживались выражать поддержку, ибо, проживая на равнине, легко доступной для русских войск, опасались наказания.

«Реформаторская» деятельность Ташова-Хаджи в Чечне шла рука об руку с набегами на притеречные зажиточные станицы казаков. (Подумывал он и о нападении на богатый торговый город Кизляр.) Здесь охота за добычей сопровождалась большим риском, чем в Кахетии. Казачество было вооружено, состояние постоянной тревоги и готовности к обороне, частые стычки с чеченцами выработали в нем прекрасные боевые качества, правда, в ущерб хозяйственным делам. Причина, позволявшая Ташову-Хаджи без особого труда собирать большие партии для набегов, заключалась в том, что он попросту использовал давно сложившийся в чеченских тайпах социально-хозяйственный механизм экспансии — военную демократию. Традиционными объектами грабительских рейдов были не только внешние территории — казахи, кумыкские, ингушские, кабардинские селения, — но и внутренние районы самой же Чечни⁵¹.

52.

См. Пржецлавский. Несколько слов о военном и гражданском устройстве, существовавшем в Чечне и Дагестане, во время правления имама Шамиля. — Кавказ, 1863, № 62, с. 393.

53.

Исторически знакомая картина: в VII в. арабские мусульманские племена совершали набеги под лозунгом джихада только на тех соседей, которые еще не были включены в систему формирующегося Халифата. Каждая новая территория, признававшая ислам и власть халифов, уже не могла подвергнуться нападению и превращалась в базу для дальнейшей экспансии, что обеспечивало непрерывный рост мусульманской конфедерации вширь. (Уотт У.М. Влияние ислама на средневековую Европу. М., 1976, с. 24, 26).

54.

См. Шамиль и Чечня, с. 157. В отдельных обществах достичь этого удавалось только путем расселения жителей по разным аулам, поскольку любые строгие меры, вплоть до смертной казни, были неэффективны. (Дневник Руновского, с. 1445).

55.

См. Дневник Руновского, с. 1468, 1524.

56.

Один иностранец, служивший в русской армии на Кавказе, заметил о горцах, что независимость могла бы стать их заветной целью, если бы они не были разделены на враждующие между собой племена с разными языками, обычаями, верованиями, исповедующие культ оружия и войны. То есть — «если бы они находились на более высокой ступени цивилизации». (Narrative of Don Juan van Halen's Imprisonment..., v. 2, p. 176—177.) Продолжим это утверждение аналогией из «классической» истории. Замечено, что из-за отсутствия понятия об «отечестве» мысль о его «величии» мало захватывала галльские и германские племена. Не было никакого «национального единства»: внутренние раздоры вытесняли привязанность к родине. Галлы и германцы не чувствовали никаких обязанностей перед своими на-

Таким образом, в середине 30-х годов XIX в. военно-социальная организация, управляемая Шамилем и его подручными, имела два главных предназначения — походы за добычей (чаще за пределы Дагестана и Чечни) и утверждение шариата (внутри дагестанских и чеченских племен)⁵². Нередко случалось, что одно и то же предприятие параллельно решало обе задачи. Горские аулы подвергались опасности набегов Шамиля лишь до тех пор, пока они не признавали его господства. Объединяя горцев под своей властью, имам, естественно, уже не мог мириться с той обычной ситуацией, когда одно общество с целью грабежа нападало на другое. Шамиль стремился подавить внутреннюю анархию и направить набеговый промысел за границы подчиненных ему территорий⁵³. Он был озабочен тем, чтобы обуздать эту социальную стихию рамками строгой системы и порядка, взяв ее под собственный контроль⁵⁴. Тут имам не давал послаблений⁵⁵.

Проблема *политического* объединения дагестанских «вольных» обществ, с одной стороны, и чеченских тайпов, с другой, сильно осложнялась отсутствием *этнического* единства⁵⁶. Формирование народности со всеми вытекающими социальными и духовными последствиями, в том числе в виде «национально-освободительной философии» и практики, — естественный, длительный процесс, и искусственно «ужать» его до размеров жизни одного-двух поколений невозможно. Сплачивая горцев с помощью деспотической власти, религии, образа врага-гяура, материальных стимулов, Шамиль создавал не саму этническую целостность, а только условия для нее. Политически более или менее единое тело имамата всегда было этнически раздробленным и мозаичным.

Малочисленные русские войска в Чечне под командованием полковника Пулло совершали ответные вылазки, в ходе которых отбирали у горцев угнанный

родами. Их война с Римской империей не имела «национального» характера, велась без «гневной злобы», «патриотической ярости» и «дикой гордости». Просто война была их ремеслом, которое они «сдавали внаем» тем, кто лучше платил, чаще и охотнее всего — римлянам против своих же соплеменников. (См. Фюстель де Куланж Н.Д. История общественного строя древней Франции. Т. 1, СПб., 1901, с. 55, 72, 399; т. 2, СПб., 1904, с. 415—416, 445—446, 451, 464—469, 473, 711—713; т. 5, СПб., 1910, с. 25). Скандинавский материал также подтверждает тот факт, что в эпоху «военной демократии» и

даже в более позднее время народы еще не осознают себя как единую общность и чужды всякой «национальной идее». По словам А.Я. Гуревича, «скандинавы долго чувствовали себя не норвежцами, шведами, датчанами» тем, кто лучше платил, племени, жителями той или иной обособленной области. Здесь они жили испокон веков, здесь находились их боги, курганы предков, и лишь здесь они могли быть уверены в себе и в удаче своей деятельности, введенной раз и навсегда, неизменной и подчиняющейся установленному природой ритму» (Гуревич А.Я. Походы викингов. М., 1966, с. 137).

57.

Дроздов И. Указ. соч., с. 274—277, 280—286, 292—293; Дубровин Н.Ф. Обзор войн..., с. 86.

58.

Гржегоржевский И. Указ. соч., с. 162. Ср. ДГСВК, с. 280—281.

59.

Н.Ш. Указ. соч., с. 85—86. Тактика набега у горцев и аравийских племен (при всем различии географического рельефа) схожа. Немецкий исламовед А. Мюллер писал: «Борьба с внезапно появившимися подвижными полчищами арабов представляла громадные трудности. По совершении набега и грабежа, с быстротою молнии, уплывали они на «кораблях пустыни» в свое море песка. Преследовать их было почти невозможно...» (Мюллер А. История ислама с основания до новейших времен. (Пер. с нем.) СПб., 1895, т. 1, кн. 1, с. 9—10. «...К неимоверной быстроте движений неожиданно присоединялась необыкновенная способность этих степных разбойников придумывать стратегические планы и последовательно проводить их; более же всего поражала... образцовая дисциплина последователей ислама, которой (они — *ред.*) охотно подчинялись, сверх всяких ожиданий...» (Там же, с. 250). Легко найти сходство между набеговыми системами кавказских горцев и древних германцев. (См. Фюстель де Куланж Н.Д. Указ. соч., т. 2, с. 441—443).

60.

Н.Ш. Указ. соч., с. 86—87, 89. Ср. Милютин Д.А. Воспоминания, т. 1, с. 292. Немецкий историк А. Зандерс также считал Кавказскую линию плохой защитой от набегов чеченцев, лезгин и черкесов. (Sanders A. Kaukasien. München, 1942, S. 249). Крупный французский ученый Фюстель де Куланж, знаток социального строя и нравов древних германцев (которых часто сравнивают с кавказскими горцами), писал, что такие племена в своих набеггах непредсказуемы и неуловимы, победить или обуздать их невозможно; отсутствие у них военного центра делало бесполезной для их противников (римлян) стратегию решительных ударов и генеральных сраже-

скот, брали заложников. Дважды уничтожались резиденции Ташова-Хаджи — укрепление на р. Мичик близ аула Гансол (1835 г.) и ичкерийский аул Зандак (1836 г.). После ожесточенных, но коротких схваток шамилевский эmissар со своими мюридами уходил в другое место и продолжал набег с нарастающей активностью. Чеченцы не противились, когда Пулло требовал от них присяг на верность России в залог их мирного поведения. Жители аулов, желавших оградиться от русских военно-профилактических экспедиций, добровольно присылали к нему делегации с изъявлением покорности. Так же поступили и старшины из дагестанских сел Кутых, Аракань, Ирганай и Гимры, явившиеся к генералу Реуту и полковнику Клюгенау, когда их войска в 1836 г. заняли Ирганайское ущелье⁵⁷.

Однако присяги, как правило, соблюдались до тех пор, пока в аулах стояли русские солдаты. Горцы весьма своеобразно понимали этот вид обязательств, видя в нем не более, чем способ поскорее избавиться от надзора военных властей. Присяга, если ей подчиняться, лишала их источников добычи, мешала им жить по глубоко укоренившимся обычаям. Населению чеченских тайпов и дагестанских «вольных» обществ, совершенно не представлявшему себе иного образа жизни, кроме собственного, сложившегося веками, отлаженного и привычного, было мучительно трудно отказаться от набеговой системы, как важного социально-хозяйственного института, обеспечивавшего средства к существованию. Присяги легко нарушались еще и потому, что Коран освобождал мусульманина от ответственности за обман неверного, давая понять: за это аллах не взыщет. Так, жители Унцукуля, вопреки торжественным клятвам Реуту, продолжали набег во владения союзника России шамхала Тарковского, угоняя скот, грабя имущество, подчас уводя в плен русских солдат⁵⁸.

Отражение набегов было делом трудным и, зачастую, малоэффективным. Редко удавалось предугадать их направление, производились они с необычайной стремительностью, преследование горцев с их очень выносливыми, быстроходными лошадьми не раз оказывалось безнадежным занятием⁵⁹. В начале 30-х годов начальник Кавказской линии генерал Вельяминов пессимистично оценивал перспективы борьбы с этой искусной системой. «В продолжении службы моей на Кавказе, — писал он, — не один раз усиливался я придумать верное средство к отражению сих набегов — и должен признаться, что не нахожу удовлетворительного к тому способа». «Сей образ войны, если можно назвать это войною, дает все выгоды нападающим, оставляя все неудобства в удел обороняющимся»⁶⁰.

ний, а отсутствие политического центра и неустойчивая власть обращали любые договоры с ними в фикцию. (Фюстель де Куланж Н. Д. Указ. соч., т. 2, с. 399).

61.

А.-Д.Г. Обзор..., с. 487;
ср. И. Р.-в. Указ. соч. — РХЛ, 1859, № 36, с. 129.

62.

Дубровин Н.Ф. Обзор войн..., с. 208. О типичности такой логики рассуждения для утверждающегося самодержца говорит и пример Ивана Грозного, принимавшего на службу в опричный корпус худородных людей. (См. Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России. Л., 1988, с. 109). По-видимому, подобный принцип формирования окружения вождя — универсальное явление в истории. (См. Куббель Л.Е. Очерки протестарно-политической этнографии. М., 1988, с. 147). Во всяком случае известно немало примеров (возьмем раннесредневековую Европу), когда честолюбивые политики ловко использовали для завоевания высшей власти такую мощную силу, как престоноародье. (См. Фюстель де Куланж Н. Д. Указ. соч., т. 1, с. 53, 73). Тотализирующаяся власть всегда ищет не только широкую социальную основу в обществе в целом, но и более узкую, более надежную опору в лице деклассированных, люмпенских элементов, которые становятся безотказным инструментом в осуществлении непосредственной технологии властвования. (См. Вебер М. Избранные произведения. (Пер. с нем.) М., 1990, с. 650).

63.

Характерно, что и во времена пророка Мухаммеда священная война была прежде всего источником материальных благ. (Бартольд В.В. Панисламизм. — Соч., т. 6, М., 1966, с. 400; Уотт У.М. Влияние ислама на средневековую Европу, с. 23, 26; Мюллер А. Указ. соч., т. 1, кн. 1, с. 162—163, 248). Крупнейший исламовед И. Гольдциэр писал: «Ожидаемая добыча, конечно, была выдающимся фактором в способности ислама привлекать сторонников. Это понимал и сам пророк, и не раз старался возбудить пыл бойцов обещанным Аллахом... большим

Положение Шамиля укреплялось теми социальными силами, благодаря которым Кавказская война приняла характер устойчивого и обыденного явления. По утверждению современников, имам «окружил себя бездомовниками, облек их в грозное звание мюридов и отдал в их распоряжение всю массу подвластного ему населения»⁶¹. Шамиль не случайно искал и находил приверженцев среди беднейшей части узденства. Имам прекрасно понимал, что, поднимая нищих простолодинов из «толпы» до привилегированного социального ранга, он заполучает в их лице своих рьяных сторонников, мощную военнополитическую опору на пути к неограниченному владычеству⁶². Узденские «низы» с готовностью отзывались на призывы к шариату и газавату, т. к. совершавшиеся под этими лозунгами походы приносили материальный достаток в виде добычи⁶³. Каждого безвестного горца не могла не возбуждать перспектива вернуться (если, конечно, его не убьют) из набега состоятельным и влиятельным человеком⁶⁴. Шамиль все более наглядно доказывал свою способность превратить эту для многих теоретическую возможность в совершенно реальную.

К. Кох, несколько раз (в 30-е и 40-е годы XIX в.) посетивший Кавказ, писал, что горец добровольно становился под знамена имама, т. е. только добыча (в которой он часто нуждался из-за невозможности прокормиться другим путем) приносила обильное вознаграждение за его труды и отвагу⁶⁵. Согласно аналогичному свидетельству наиба Шамиля Сулеймана-эфенди, военный организм «вольных» обществ Дагестана и Чечни содержался за «счет добычи, у других отнимаемой»⁶⁶. Образовавшаяся вокруг вождя военная дружина составила наиболее динамичный элемент общества и один из главных фак-

захватом добычи». (Гольдциэр И. Лекции об исламе. СПб., 1912, с. 126, а также: с. 128.) У носителей другой культуры — древних скандинавов — добыча также служила важнейшим каналом поступления общественного богатства, могучим импульсом к широкой внешней экспансии, основой разложения родового строя. «Добыча» и «слава» — два главных корня, питавших пробуждавшиеся жизненные силы викингов (См. Гуревич А.Я. Походы викингов, с. 30, 35—36, 79, 150, 171, 174).

64.

Услар П. Указ. соч., с. 38;
Н.Ш. Генерал Вельяминов..., с. 84.

65.

Koch K. Reise in Grusien, am

kaspische Meere und im Kaukasus. Weimar, 1847, S. 403. Ср. Линевиц И. Бывшее Елисейское султанство. Тифлис, 1873, с. 3; Березин И. Указ. соч., ч. 1, с. 91. Этот факт перекликается с классическими примерами из мировой истории. Вспомним: скупные условия обитания в пустыне заставляли аравийских бедуинов (VI в.) объединяться вокруг военных предводителей для разбойных набегов на соседние племена и страны. (Мюллер А. Указ. соч., т. 1, кн. 1, с. 8—9, 14, 19—20, 251; Гольдциэр И. Лекции об исламе, с. 128—129).

66.

ШССТАК, с. 281.

67.

См. Карсавин Л.П. Культура средних веков. Пг., 1918, с. 28, 51; Гуревич А.Я. Категории..., с. 173. У древних германцев институт набега — кратковременное и, зачастую, случайное объединение людей с определенной целью — превратился в институт дружины — постоянную военно-политическую структуру. (См. Фюстель де Куланж Н.Д. Указ. соч., т. 5, с. 24).

68.

Хазанов А.М. Классообразование: факторы и механизмы. — В кн.: Исследования по общей этнографии. Под ред. Ю.В. Бромлея. М., 1979, с. 166. Как известно, в процессе образования варварских королевств в раннесредневековой Европе военные дружины германских конунгов быстро приобретали надродовой и даже надплеменной характер, впитывая галльские, романские и другие элементы, что ускоряло формирование государственных структур. (См. Карсавин Л. П. Культура..., с. 28, 53). Дружинник-германец или галл — всецело посвящал себя вождю, давал ему клятву верности и самоотречения, нарушение которой обрекало на божье возмездие и бесчестье в глазах людей. Без вождя он не имел «ни имени, ни славы, ни личности». Дружинник был предан вождю и сражался за него, а не за родину. Уходя из племени в дружину, человек находил в ней свой новый дом, могучего и щедрого патрона и организатора прибыльных набегов. Но там же он усваивал «дурные привычки» — ненасытную, неразборчивую в средствах жадность к богатству, «ненависть к мирному труду и презрительную непокорность строгим порядкам правильного быта», — разлагавшие исконные устои жизни варварских обществ. (См. Фюстель де Куланж Н.Д. Указ. соч., т. 1, с. 48—49; т. 2, с. 364—365; т. 5, с. 18, 26—30, 257).

69.

См. Шамиль и Чечня, с. 135; Хацаев Х.-М. Общественный строй..., с. 50.

70.

Омаров А. Воспоминания муталима. — ССКГ, вып. 2, Тифлис, 1869, с. 61.

торов его трансформации подобно тому, как это имело место в раннесредневековой Европе⁶⁷. В дружине, которая была уже частью политической структуры, общинно-родовые связи оттеснялись на задний план связями профессиональными и персональными⁶⁸. Дух корпоративности, единства, верности имаму пронизывал отношения между дружинниками. Дружина не просто заменила горцу родовую общину — то древнее прибежище, вне которого он не мог существовать, — но и создала более заманчивые условия жизни. Разрыв с родом — теперь уже не единственной социальной системой жизнеобеспечения — дружиннику ничем не грозил. Многие «бездомовники», отличившиеся в военно-политических предприятиях Шамиля и заслужившие личной преданностью его доверие, повышались и обогащались. Из них формировалась новая руководящая элита общества⁶⁹. Ее представления о том, что такое «материальный достаток», менялись по мере его увеличения. Это условное экономическое понятие постепенно утрачивало свой первоначальный смысл и выходило далеко за прежние рамки неприхотливых житейских запросов. В силу естественной и неумолимой тяги к приращению собственности то, что в данный момент удовлетворяло участника набега, вскоре казалось малым, а затем — вообще мизерным.

Другим социальным слоем, поддерживавшим Шамиля, было зажиточное узденство, стремившееся к резкому увеличению своих доходов. В его состав входило и мусульманское духовенство⁷⁰, которое, претендуя не только на богатство, но и на ведущую идеологическую роль в обществе, ставило шариат на службу интересам нарождающейся собственности. В ходе развития набеговой системы между «низами» и «верхами» узденства образовался взаимовыгодный союз, обеспечивавший одним прожиточный минимум, другим — стремительное обогащение. Именно этот союз, скопивший внутри себя мощный социальный заряд, поднял Шамиля к власти. Подчинение вождю было для горцев осознанной данью за те материальные возможности, которые он открывал, и ту более совершенную военно-общественную организацию, которую создала автократия.

Приносившая добычу Кавказская война вела к заметному улучшению имущественного положения выходцев из бедноты, составлявших избранные части армии мюридов, и, как следствие, — к сращиванию их с общинной верхушкой.

Если до Шамиля альянс между двумя узденскими слоями заключался на экономической основе (общие материальные цели в набегах), то при имаме он обнаруживает новую, социально-политическую направленность. Выросшая из разнородных сил и обретшая уверенность под могучей опекой Шамиля молодая

71.
См. *Дневник Руновского*, с. 1498—1500; Хашаев Х.-М. *Общественный строй Дагестана в XIX веке*. М., 1961, с. 51. Знаменательно, что борьба Ивана Грозного со своими политическими оппонентами — боярами — тоже выглядела как антифеодальная. Она принесла ему ложную славу правдолюбивого и справедливого царя, защитника простого люда от «сильных» и «хищных», обеспечив готовность широких масс броситься на врагов своего «спасителя». Такой странный союз монарха с «мужиками» сильно скрадывал классовую сущность самодержавия. (Альшиц Д.Н. *Указ. соч.*, с. 117—118).

72.
См. Руновский А. *Взгляд на сословные права и на взаимные отношения сословий в Дагестане*. — *ВС*, 1862, т. 26, ч. 2, с. 391—392; *Дневник Руновского*, с. 1486—1487; Sarkisyanz E. *Geschichte der orientalischen Völker Russlands bis 1917*, München, 1961, S. 136.

73.
Хашаев Х.-М. *Общественный строй...*, с. 51.

74.
Руновский А. *Взгляд...*, с. 392—394; *Дневник Руновского*, с. 1487.

светская и духовная знать смело вступает в борьбу с уже успевшими сложиться в некоторых районах горного Дагестана феодальными элементами, удерживавшими свое господство с помощью консервативных адатных норм. Чтобы поднять «низы» на войну с феодальной аристократией, Шамиль делал вид, будто его цель — освобождение их от гнета и утверждение равенства⁷¹. Заручившись народной поддержкой против своих политических соперников (ханов, беков, уцмиев), он начал теснить их, а иногда просто уничтожать, изымая из-под их власти зависимые категории населения, которые, вопреки антифеодальным лозунгам, передавались новым хозяевам. Когда, например, Шамиль «освободил» крестьян, принадлежавших аварским ханам, он тут же обложил их различными податями в пользу «общественной казны», что в реальных условиях наибства означало — в пользу местной руководящей верхушки⁷². Еще хуже было положение многочисленных пленных, которых имам обращал в рабов и раздавал своим приверженцам⁷³. Иными словами, прежних владельцев заменили шамилевские администраторы, которым государственная должность и связанное с ней своеобразное вотчинное право или, скорее, вотчинный произвол, давали возможность становиться фактическими собственниками «раскрепощенного» крестьянского труда. Кроме того, «эмансипаторская» политика имама очень часто санкционировала сохранение зависимого и полузависимого состояния крестьян по отношению к их старым хозяевам⁷⁴. Становление новой феодально-клерикальной знати оформилось с самого начала в качестве одной из ведущих тенденций Кавказской войны.

Расширение власти Шамиля нуждалось в организационных формах закрепления ее и создании механизма управления подчиненными территориями, число которых быстро росло. В ответ на эту потребность складываются общие контуры раннефеодальной государственности — имамата. Его структура с течением времени будет развиваться и принимать более совершенный вид.

К устройству нового внутреннего порядка Шамиль приступил в 1835 г. Признавшие его власть районы Дагестана и Чечни были разделены на округа (наибства) во главе с наместниками (наибами), назначаемыми имамом. Наибы наделялись исполнительными полномочиями в военной, административной, судебной и «идеологической» областях. В их распоряжении, помимо постоянного войска мюридов, находилось народное (узденское) ополчение, созываемое при необходимости. Наибы следили за исправным отбыванием воинской повинности, состоянием вооружения и другими армейскими вопросами. Они были организаторами и предводителями набегов, успех в которых зависел от умелого единоначалия и

75. См. Дроздов И. Указ. соч., с. 262—264; Руновский А. Кодекс Шамиля. — ВС, 1862, т. 23, с. 359—361.

76. Покровский Н. Мюридизм у власти. — ИМ, 1934, № 2, с. 40—41.

77. В мировой истории пути эволюции первобытной демократии, судя по этнографическим данным, более или менее типичны: всенародное управление уступило место совету старейшин, на смену которому приходил узкий круг военачальников, делегировавших власть главному вождю. Избираемых «снизу» родовых старейшин постепенно вытесняют назначаемые «сверху» представители центральной власти. (См. Потехин И. И. Военная демократия матабеле. — Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР, т. 14, М., 1951, с. 253).

дисциплины. Судебные дела разбирались по шариату кадиями и муфтиями под наблюдением наиба. В качестве заместителя наиба Шамиль назначал дебира — исполнителя с ограниченными правами. В наибский административный аппарат входили татели, следившие за тем, чтобы народ соблюдал шариат.

Для удобства сношения Шамиля с периферией наибства объединялись в области под управлением мудиров. В целях контроля за деятельностью должностных лиц к ним негласно приставлялись специальные комиссары мухтасибы — нечто вроде тайной политической полиции. Этих людей отбирал сам имам, они пользовались его полным доверием, и, как считалось, отличались безукоризненной честностью. От них поступали сведения о служебных злоупотреблениях на местах.

Центральную администрацию составлял «Совет ученых», сложившийся постепенно как преемник народного собрания и некоторое время еще сохранявший черты родовой демократии, следуя принципу «коллегальности» при решении дел. Этот орган действовал под личным председательством имама — верховного вождя народа. Шамиль и его Совет олицетворяли высшую военную, административную и судебную инстанцию, где сходились все нити местного управления и рассматривались наиболее важные вопросы общественной жизни. Совет заседал ежедневно, кроме пятниц, посвященных молитве.

Имама окружала гвардия телохранителей, куда входило 120 преданных мюридов, возглавляемых начальником стражи и двенадцатью десятниками (онбаши). В пятницу во время торжественного шествия Шамиля на богослужение они с обнаженными шашками выстраивались шеренгами от его дома до мечети⁷⁵. В этом ритуале выражались растущая власть и авторитет имама.

Итак, во второй половине 30-х годов Кавказская война, принимавшая все более упорядоченные формы, создала и выдвинула на передний план новую политическую фигуру наиба — деятельного «чиновника», призванного стать главной пружиной в административном механизме нарождающегося государства. Постепенная замена ханско-бекского и внутриобщинного управления имамско-наибским⁷⁶ являлась едва ли не самым важным звеном в сложении системы имамата, в рамках которого происходит дальнейшая «профессионализация» функций властвования, сужение круга лиц, наделенных потестарными полномочиями⁷⁷.

Такие крутые реформы, требовавшие немалых затрат ума и воли, трудно представить без сильной личности Шамиля. Помимо обуздания анархии горцев, ему приходилось бороться с оппозицией «старой» феодальной знати дагестанских ханств. Отсюда,

78.

Окольничий Н. А. Перечень..., с. 353; Прушановский К.И. Указ. соч., с. 13—14.

79.

Дроздов И. Указ. соч., с. 269—271.

80.

Там же, с. 266—269, 278, 280, 285—286, 293—296.

81.

Там же, с. 272—273.

82.

Дубровин Н.Ф. Обзор войн..., с. 86.

как показал печальный опыт Гамзат-бека, исходила серьезная опасность, которая вынуждала применять гибкую политику, сочетающую решительность и осторожность. Поначалу создавалось обманчивое впечатление, будто Шамиль стремится лишь к утверждению шариата и не претендует на светскую власть. Образ отрешившегося от мирских соблазнов проповедника вроде бы подтверждал это. Знать не только не видела для себя угрозы в пропаганде учения, защищавшего собственность, но, напротив, почуяла в нем выгоду, а в Шамиле, как раньше в Кази-мулле⁷⁸, — своего человека. Во всяком случае, Шамилю не препятствовали, если не сказать — его поощряли. Так, в марте 1835 г., когда жители Койсубу напали на Гимры с целью уничтожить имама и уже были близки к этому, шамхал Тарковский своим вмешательством спас ему жизнь и запретил койсубулинцам впредь вредить Шамилю, заплатив им 500 руб. отступных из собственных денег⁷⁹. Однако вскоре стало ясно, что имам не намерен ограничиваться религиозной реформацией и собирается сосредоточить в своих руках всю полноту власти как в «вольных» обществах, так и в раннефеодальных государственных образованиях Дагестана. Шамиль превращался для знати из безобидного божьего угодника в опасного политического конкурента. Его первые преобразования закладывали основы для широкого наступления на привилегии ханов, беков, уцмиев, господствовавших над социально зависимым населением.

В 1835—1836 гг. в Дагестане и Чечне военные действия с русской стороны носили спорадический и малоэффективный характер. Сил едва хватало для обороны от набегов горцев и было совершенно недостаточно для систематических наступательных операций. Русское командование еще плохо знало топографию Нагорного Дагестана. Многие военные экспедиции были одновременно и картографическими. Специальные агенты с риском для жизни изучали рельеф и пути сообщения⁸⁰.

Клюгенау вполне устраивало, что Шамиль был занят внутренними проблемами формирующегося имамата и не беспокоил русских. Недооценивая значения этой реформаторской деятельности, Клюгенау в донесении командующему Кавказским корпусом барону Розену (июнь 1835 г.) писал о Шамиле как о человеке, ушедшем с поприща войны и политики к сельскому труду⁸¹. Между имамом и царскими властями стихийно возникло состояние мира, который соблюдался обеими сторонами, пока это было им выгодно. Шамиль поспешил извлечь из этого военного затишья моральное преимущество, представив горцам дело так, будто русские его боятся⁸².

Стремясь сохранить такую ситуацию, Шамиль обнаружил умение использовать дипломатические при-

83.
Цит. по: Дроздов И. Указ. соч.,
с. 279.
84.
Дроздов И. Указ. соч., с. 286.
85.
ДГСВК, с. 140—141.
86.
Дроздов И. Указ. соч., с. 289.
87.
Прушановский К.И. Указ. соч.,
с. 39; Зиссерман А. История
80-го пехотного Кабардинского
генерал-фельдмаршала князя
Барятинского полка. (1726—
1880). Т. 2, СПб., 1881, с. 30.
88.
Дроздов И. Указ. соч., с. 286—
287. Ср. ДГСВК, с. 142.
89.
Гржегоржевский И. Указ. соч.,
с. 162.

емы. В одном из посланий к Ключену (апрель 1836 г.) он, именуя себя «усердным и неспособным на измену слугой русского правительства», как бы извиняется за то, что не смог по уважительной причине своевременно распорядиться об освобождении русского солдата, взятого в плен «шайкой» горцев. Уведомляя о возвращении этого солдата, Шамиль не забывает заметить, что вызволить его удалось «не без труда», поскольку он был увезен в селение, «еще не покорное» имаму. Шамиль сообщает о своей решимости наказать и подчинить тех, кто продолжает сопротивляться ему. Завершается письмо призывом: «Я прошу вас об одном: не мешайте нам драться между собою. Храбрейший из нас конечно останется победителем, необузданные смирятся, власть и порядок восторжествуют и тогда будет с Божией помощью общее спокойствие»⁸³.

В просительных по форме словах Шамиля слышатся интонации монаршей особы, считающей свою власть законной и помышляющей о расширении ее. В обращении к генералу Реуту (7 августа 1836 г.) Шамиль говорил, что у него нет иной цели, кроме установления шариата, и если русские не станут этому препятствовать, то он готов строить отношения с ними на «дружестве и братстве»⁸⁴.

Шамиль держал свое слово⁸⁵. Когда Реут с незначительными силами совершал в 1836 г. разведывательные экспедиции в Ирганай и Гергебиль, имам не нападал на русские войска, хотя ему ничего не стоило нанести им внушительный урон⁸⁶. Тем не менее появление Реута у границ Аварского ханства насторожило Шамиля, планы которого предусматривали захват этого очень престижного для его власти владения, имевшего также и важное стратегическое значение как перекресток главных дорог Дагестана. Авария всегда была лакомым объектом амбициозных политических притязаний Кази-муллы и Гамзат-бека⁸⁷. Третий имам, как восприимчивый этой экспансионистской традиции, усмотрел в действиях русских покушение на то, что принадлежало ему по праву. В письме к Реуту от 16 августа 1836 г. его тон резко меняется. Шамиль, обвинив русское командование в нарушении мира и стремлении убить его, заявил: «До сих пор я не допускал к вам злонамеренных людей, но отныне препятствовать им вторгаться в пределы ваши для разбоев и грабежей не стану»⁸⁸. Это предупреждение свидетельствовало о том, что в Аварии назревает столкновение интересов Шамиля, с одной стороны, и России, поддерживавшей местных ханов, — с другой. К концу 1836 г. имам подчинил почти все дагестанские «вольные» общества⁸⁹. На пути расширения и упрочения его господства стояло Аварское ханство со столицей Хунзахом. Готовясь к захвату, Шамиль действовал жестоко. Он тайно

90. См. Захарьин И.Н. Кавказ и его герои. СПб., 1902, кн. 2, с. 473.

91. Шамиль в Париже и Шамиль поближе. — Кавказ, 1854, № 97, с. 393; Вердеревский Е. Кавказские пленники или плен у Шамиля. М., 1857, 2-е изд., с. 463; И. Р-в. Указ. соч. — РХЛ, 1859, № 35, с. 127.

92. Дроздов И. Указ. соч., с. 288; Гржегоржевский И. Указ. соч., с. 159.

93. Т. Развитие мюридизма на Кавказе. Мулла-Магомет, Кази-Мулла и Шамиль. — Одесский вестник, 1859, № 103, с. 449.

94. Дубровин Н.Ф. Обзор войн..., с. 88; ДГСВК, с. 148—149.

95. Дубровин Н.Ф. Обзор войн..., с. 144; Потто В.А. Гаджи-Мурат. (Биографический очерк). — ВС, 1870, № 11, с. 160—161.

96. Текст одного из воззваний Тазадина-Мустафина к горцам см. ДГСВК, с. 167. Подробнее о его миссии см. МИДЧ, т. 3, ч. 1, с. 351—356, 359—360.

приказал казнить находившегося у него в заложниках младшего сына Паху-Бике Булач-хана, чтобы в его лице избавиться сразу и от наследника хунзахского «престола» и от кровного мстителя за смерть матери и братьев. Желая расположить к себе все социальные слои аварского общества, Шамиль принял еще две акции. Вначале он, в угоду «верхам», снес головы тем, кто «по приказу» Гамзат-бека уничтожил аварских ханов (заодно убрав свидетелей, знавших, что этот шаг был спровоцирован Шамилем), затем, чтобы понравиться «низам», казнил убийц второго имама⁹⁰. Перед аварцами Шамиль представлял мстителем за ханов, перед другими племенами — мстителем за Гамзат-бека⁹¹. Кроме того, стремясь представить себя как законного наследника власти Гамзат-бека, упрочить свои позиции в «вольных» аварских обществах, Шамиль женился в Гоцатле на вдове бывшего имама⁹². Эти подготовительные меры были далеко не лишними. Политическая почва в Аварии нуждалась в целенаправленном «культивировании»: ведь аварцы ненавидели мюридов за уничтожение ханской фамилии⁹³.

Царизму была выгодна в Аварии законная ханская власть, его привычная, хотя и не очень твердая политическая опора. Из всей мужской части ханской фамилии остался лишь малолетний внук Паху-Бике, до совершеннолетия которого Реут назначил правителем Аварии Аслан-хана Казикумухского (генерал на русской службе). После смерти последнего и кратковременного правления его сына Магомета-Мирзы «регентство» досталось полковнику Ахмет-хану Мехтулинскому. Ему выдавалось большое личное жалование помимо субсидий на содержание милиции для соблюдения внутреннего порядка и отражения нападений Шамиля⁹⁴. До 1839 г. фактическим соправителем Ахмет-хана был сводный брат истребленных аварских ханов Хаджи-Мурат, пользовавшийся внушительным авторитетом в Аварии⁹⁵.

Растущее влияние мюридизма вызвало тревогу у тифлисского начальства. Сомневаясь в эффективности применения только силы оружия против Шамиля, барон Розен пригласил из Казанской губернии знаменитого мусульманского проповедника Тазадин-Мустафина совершить поездку по Дагестану, чтобы религиозными поучениями восстановить горцев против имама и расположить их к России⁹⁶. Пока Тазадин-Мустафин находился в областях, управляемых ставленниками царизма, — ханствах Аварском, Казикумухском, Кюринском, Мехтулинском, шамхальстве Тарковском и приставстве Кумыкском — проблем не возникало. Его красноречивым увещаниям внимали с подобающим благоговением. Но когда о характере выступлений Тазадин-Мустафина узнали жители «вольных» обществ, было заявлено, что у них

97.
Дроздов И. Указ. соч., с. 290—292.

98.
Обращаясь к народному собранию, старшина селения Ахальчи Гуссейн-Юсуф-оглы сказал: «Аварцы, вместо того, чтобы эти собаки-мюриды грабили и разоряли нас, не лучше ли будет, если явятся сюда русские? Они не займут наших домов, не отнимут последнего куска хлеба; они храбры, щедры и никогда еще не погнушались иметь дело с простыми бедняками, как мы. Зачем и для кого мы будем их избегать? Не лучше ли зажить с ними в самом тесном союзе? Мы будем богаты, спокойны, и тогда пусть кто-нибудь попытается нас обидеть! Еще раз повторяю вам, нам необходимы русские». Народ ответил возгласами: «Пусть приходят русские, наши братья!» (Цит. по: Окольный Н.А. Перечень последних событий в Дагестане. (1843 год). — ВС, 1859, т. 5, с. 376—377).

99.
Прушановский К.И. Указ. соч., с. 40—41; Окольный Н.А. Перечень..., с. 375—378; ВЭ, т. 11, СПб., 1913, с. 232; Schieman Th. Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I. Berlin, 1913, Bd. 3, S. 313.

100.
Эсадзе С. С. Штурм..., с. 92; Дубровин Н.Ф. Обзор войн..., с. 96.

101.
Прушановский К. И. Указ. соч., с. 37—38, 40, 42; Зиссерман А. Материалы..., с. 421—422; Mas-
kie J. M. Life of Schamyl; and Narrative of the Circassian War of Independence against Russia. Boston, 1856, p. 193, 201; Bodend-
stedt Fr. Les Peuples du Caucase et leur guerre d'indépendance contre la Russie pour servir à l'histoire la plus récente de l'orient. (Trad. de l'allemand). Paris, 1859, p. 545; Roskoschny H. Op. cit., Bd. 1, S. 128.

ему делать нечего. Попытки проникнуть к чеченцам также провалились. Ташов-Хаджи в письме к заезжему проповеднику назвал его русским шпионом и советовал держаться подальше от Чечни⁹⁷.

Весной 1837 г. Шамиль под предлогом мести за смерть Гамзат-бека приготовился к завоеванию всей Аварии, включая Хунзах, что крайне встревожило местное население. С согласия народного собрания⁹⁸ Ахмет-хан обратился за помощью к русскому командованию. Из Темир-Хан-Шуры был прислан отряд (5,5 тыс. чел.) генерала Фези. После боев в Ашильте, Ахульго и Тилитле (июнь — начало июля 1837 г.), успешных для русских войск, Шамиль, оказавшийся в критическом положении, предложил переговоры. Перед лицом, с одной стороны, серьезных затруднений с провиантом и боеприпасами, с другой стороны, — необходимости скорейшего завершения похода и переброски сил в Южный Дагестан, где обстановка обострилась, Фези согласился. Шамилю пришлось поклясться на Коране прекратить борьбу, а в залог — выдать аманатов. Тем не менее он не без основания расценивал такой результат как свою моральную и дипломатическую победу. Во-первых, Шамиль в крайне рискованной ситуации остался в живых, во-вторых, сам факт переговоров означал, что имам добился от русских признания его в качестве самостоятельного владетеля некоего «горного царства», вступившего в официальные сношения с «соседней державой» (Россией)⁹⁹. Именно так смотрел на себя Шамиль, торжественно и горделиво возвещавший: «Сие письмо (договор — *ред.*) объявляет заключение мира между Российским государством и мною...»¹⁰⁰ Имам не упустил случая извлечь из этого соглашения максимальный политический капитал. Он понимал, что горцы рассудят просто: если Фези пошел на переговоры, стало быть, русские потерпели поражение, все остальное не имеет значения. Поэтому в письменном обращении к дагестанским обществам Шамиль поспешил изобразить события в Ашильте, Ахульго и Тилитле как победу мюридов, поведав суеверным соотечественникам, что ему помогала «неведомая сила», заставившая русских «в слепоте бежать», когда они, казалось, уже были близки к успеху. Дав понять, что настоящих мусульман, ратующих за праведное дело, аллах не оставляет в беде, Шамиль призвал к строгому соблюдению шариата. Расчет имама оправдался: в среде горского населения, особенно — свободного узденства, его позиции вождя, олицетворявшего власть, упрочились. Одним из внешних признаков этого явился добровольный отказ Ташова-Хаджи от еще сохранявшихся у него притязаний на титул имама, в результате чего он полностью подчинился Шамилю¹⁰¹.

Шамиль обратил боевую неудачу в политический

102.

Бушуев С. К. Указ. соч., с. 84.

103.

Дубровин Н.Ф. Обзор войн..., с. 97.

104.

Прушановский К.И. Указ. соч., с. 42—43; Baumgarten G. Sechzig Jahre..., S. 41—42.

105.

Юров А. Три года на Кавказе (1837—1839). — КС, 1885, т. 9, с. 10; Приложения, с. 24, 28—29.

106.

АКАК, т. 9, с. 217, 219, 221, 283.

успех, быстро сообразив, что договор с русскими можно использовать в целях возвышения своей личной власти, которая выступала как едва ли не главный цементирующий стержень общества в условиях, когда, по справедливому замечанию С. К. Бушуева, складывалась государственная организация «с ярко выраженными военными чертами и с наличием военной родовой демократии»¹⁰².

Что касается данного генералу Фези клятвенного обещания «не тревожить более горцев», то Шамиль не намеревался его выполнять. Более того, когда осенью 1837 г. Ключену, по указанию Петербурга, предложил ему встретиться с императором Николаем I, совершавшим поездку по Кавказу, и принять верноподданство, он наотрез отказался, сославшись на отсутствие достаточных гарантий личной безопасности¹⁰³.

Это была явная отговорка, заставившая Ключену напомнить, что Шамиль имеет дело с державой, которая придерживается дипломатических правил, заведенных в цивилизованных странах.

Не успел отряд Фези покинуть Центральный Дагестан, как Шамиль возобновляет военно-политическую экспансию. По-прежнему рассылаются вразумляющие и угрожающие воззвания к горцам, заблудших возвращают на путь истинный проповедью, непокорных — принуждением. В 1838 г. имам воздвиг укрепление — новое Ахульго, ставшее его резиденцией. Предназначенная для усиления стратегических позиций Шамиля эта цитадель символизировала в глазах народа растущее господство имама. В 1839 г. ему уже подчинялись Андия, Гумбет, Салатау, Койсубу и часть Чечни, где продолжал активно действовать Ташов-Хаджи¹⁰⁴. Северодагестанские и чеченские горцы не прекращали набегового промысла, нападая на территории, прилегавшие в Левому флангу Кавказской линии.

Через посредство специальных уполномоченных из местного населения русское командование призывало Шамиля к отказу от войны, но тот отвечал посланцам, что впредь он будет вешать каждого, кто осмелится взять на себя подобное поручение. Если у малой части горцев и возникали сомнения в правильности его политики или робкие оппозиционные настроения, то страх перед скорым на расправу имамом подавлял их¹⁰⁵. Влияние мюридизма распространилось и в Южном Дагестане. Там среди лезгинского населения бассейна р. Самур объявился самозванец, выдававший себя за Искендер-бека — сына умершего в Иране шекинского хана Хусейна¹⁰⁶. Он предводительствовал горцами в крупных набегах на Восточное Закавказье и Кахетию (1838—1839 гг.). Шамиль с гордостью писал, что лезгинские разбои совершались по его приказу. Генерал Головин усмирил са-

107.

См. Окольничий Н.А. Перечень..., с. 379—380; Юров А. Три года на Кавказе (1837—1839). — КС, 1885, т. 9, с. 2; Приложения, с. 17—19; Материалы к истории..., с. 367—371; Baumgarten G. Sechzig Jahre..., S. 41.

108.

АКАК, т. 9, с. 237—238; Юров А., Три года..., Приложения, с. 1—2, 4—6. В советской историографии не принято обращать внимание на тот факт, что Николаю I не была чужда идея о целесообразности гибкой политики на Северном Кавказе.

мурских жителей (1839 г.). Те, как обычно, легко дали ничего не значившие для них присяги¹⁰⁷.

Горские общества успокаивались только на короткое время, после чего их военная активность вновь возрастала. Деятельность Шамиля по насаждению шариата, сопровождавшаяся набегами, разворачивалась с размахом и целенаправленностью.

Для достижения эффективного контроля над ситуацией в Нагорном Дагестане и Чечне Головин просил у Петербурга дополнительные материальные и людские подкрепления для прокладки сети стратегических дорог, прорубки лесных просек, строительства крепостей и укомплектования их гарнизонами. Эти меры он предлагал сочетать с политическими, идеологическими и экономическими методами борьбы с влиянием мюридизма. Их суть заключалась в том, чтобы при учреждении местной администрации ставить у власти преданных России «туземцев» (в перспективе заменяя их русскими чиновниками), открывать мусульманские школы «для воспитания духовенства, через которое можно действовать на умы народа», устраивать в русских укреплениях базары, обеспечивающие горцев необходимыми товарами.

Николай I отказал в просьбе Головина, недооценив серьезность положения на Северо-Восточном Кавказе. По мнению царя, этот край во многих отношениях еще плохо известен русским и поэтому всякие планы по скорейшему покорению его будут лишены должной основательности и результативности, между тем как их исполнение потребует «чрезвычайных и важных пожертвований». Он предписал действовать постепенно, исходя из наличных сил и точно соизмеряя с ними цели. Николай I больше уповал на невоенные средства умиротворения Дагестана и Чечни. Согласно его указаниям, в добровольно присягнувших обществах следовало на время сохранять прежнее управление, но поручать его доверенным горцам; в селения, покоренные оружием, назначать российских чиновников. Причем в обоих случаях рекомендовалось «не вводить ничего противного местным законам и обычаям». Царю представлялось особенно полезным склонять одни общества к помощи русским войскам против других. Здесь он советовал, смотря по обстоятельствам, либо применять меры убеждения, либо требовать этой помощи в виде условия присяги на верноподданство России. Большое значение придавалось покровительству мусульманскому духовенству, которое, как полагал Николай I, нужно приобщить к интересам России «ласковостью обращения, приличными награждениями и улучшением его содержания»¹⁰⁸. Приведенные распоряжения царя говорят о том, что проблемы Северо-Восточного Кавказа тогда еще не казались ему слишком уж трудными и срочными.

Юров А. Три года..., Приложение, с. 10—12. Перед выступлением против Шамиля Граббе в приказе по Чеченскому отряду от 9 мая 1839 г. наставлял солдат: «Много есть между нами (горцами — *ред.*) таких, которые желают, наконец, покоя, под защитой нашего оружия. Отличим их от непокорных там, где они явятся. Женщинам же и детям, ребята, непременно и везде — пощада! Не будьте страшны для безоружных». (Там же, с. 9. См. также: АКАК, т. 9, с. 326).

Между тем в начале мая 1839 г. Шамиль в Северном Дагестане и Ташов-Хаджи в Ичкерии (южная Чечня) собрали крупные силы для нападения на Кавказскую линию и распространения шариата и мюридизма на новые территории, где часть населения проявляла колебания или отвергала политику имама. Выступая против этих скоплений, генерал Граббе разослал обращения к ичкерийцам и салатавцам, в которых он объяснял, что его цель состоит лишь в усмирении разгулявшихся мюридов с их неугомонными вожаками, и призывал горцев не оказывать помощь Шамилю и Ташову-Хаджи, по примеру некоторых чеченских аулов. Откликнувшиеся на это предложение могли рассчитывать на полную безопасность («волос не спадет с головы покорных и мирных жителей») и гарантию от каких-либо ущемлений с русской стороны. Отклонившим его приказ Граббе угрожал применением оружия. Попытка таким путем отколоть от Шамиля ичкерийцев и салатавцев не дала успеха. Горцы атаковали русские войска в ходе их движения навстречу силам имама¹⁰⁹.

Разбив Ташова-Хаджи в Ичкерии, Граббе устремился на Восток, где у селений Буртунай и Аргуани нанес поражения Шамилю, вынудив его отступить к новому Ахульго и запереться в крепости. Началась 80-дневная осада.

В обстановке, становившейся для Шамиля все более безнадежной, он предложил переговоры, решив повторить дипломатический маневр, проделанный с Фези в 1837 г. Но Граббе, учитывая тот неудачный для России опыт, выдвинул следующие условия капитуляции: 1) имам отдает своего сына аманатом, 2) Шамиль и его мюриды сдаются русскому правительству, которое гарантирует им жизнь, неприкосновенность имущества и семей, назначает им место жительства и содержание, 3) находящееся в крепости оружие сдается, 4) оба Ахульго объявляются на вечные времена землею Императора всероссийского, где горцы не могут селиться без дозволения русских властей.

Поначалу Шамиль не принял этот ультиматум, но после того, как Граббе приступил к штурму Ахульго (17 августа), он выбросил белый флаг, выдав в заложники своего сына Джемалэдина и попросил посредничества для продолжения переговоров. 18 августа состоялась встреча между Шамилем и генералом Пулло. Все старания русского парламентаря убедить противника оказались бесплодными. Имам не соглашался на второе, третье и четвертое условия, требуя, чтобы ему предоставили возможность беспрепятственно покинуть Ахульго вместе с мюридами. Он держался с достоинством высшего представителя одной из равноправных воюющих сторон, о чем также говорит не лишенная чинности и торжественности ат-

110.
См. Хроника Мухаммеда-Тахи-
ра..., с. 100.

111.
Юров А. Три года..., с. 73—78;
Приложения, с. 12—14.

112.
Там же, с. 78—83.

113.
Там же, с. 84—90; Baumgar-
ten G. Sechzig Jahre..., S. 114—
118.

мосфера свидания с Пулло¹¹⁰. Вместе с тем ему не казалось зазорным в интересах дипломатии напускать на себя смиренный вид перед врагом. 19 августа он направил Граббе два послания. Шамиль пишет о своем чистосердечном раскаянии и совершенной преданности России, просит верить ему, обещает усердное служение интересам российского императора, подданным которого он себя отныне считает. Апеллируя к великодушию русских, имам умоляет о месячной отсрочке для выполнения ультиматума¹¹¹. На самом деле Шамиль не был намерен уступать и в надежде продержаться до скорого наступления дождливой и холодной осени лишь затягивал время, чтобы использовать его для передышки и работ по восстановлению оборонительных заграждений в Ахульго.

Понимая это, Граббе отдал приказ о новом штурме. К 29 августа 1839 г. с большими потерями для обеих сторон крепость была взята, но Шамиля нигде не нашли. Как вскоре выяснилось, ему с семьей и несколькими мюридами чудом удалось прорваться сквозь линию блокады и бежать в Салатавию¹¹².

Падение Ахульго, слывшего неприступным, произвело сильное впечатление на горцев. Общества, до сих пор уклонявшиеся от принятия мирных обязательств, прислали к Граббе свои делегации с аманатами и ружьями в залог верности слову. Анди, Гумбет, Карата, Инху, Ихали, Тлох, Технуцаль и другие аулы заявили о покорности. Даже Чиркей, гордившийся тем, что в нем не ступала нога русского солдата, последовал этому примеру, правда, тут же нарушил свои обещания, открыв огонь по войскам Граббе. Тем не менее чиркеевцы, после коленопреклоненных просьб их старшин о помиловании, были прощены. В присягнувшие селения Граббе назначил русских приставов для надзора за порядком¹¹³. Опытенный победой, он энергично приступил к введению в Нагорном Дагестане и Чечне российского управления, приказав взимать с горцев ежегодную дань оружием с целью постепенного лишения их средств для войны. Представляя принятые и предполагаемые административные меры на рассмотрение Головина и на «высочайшее воззрение» царя, Граббе высказывал мысль, что настало время позаботиться об устройстве общественного быта горских племен на «прочных и сколько можно единообразных началах» в соответствии как с «духом русского законодательства», так и «местными обстоятельствами». Нужно дать почувствовать местному населению все выгоды нового гражданского порядка. По мнению Граббе, эта политика, наряду с военными предприятиями и строгими наказаниями непокорных и изменивших, нужна в которых еще долго сохранится, принесет «сильные результаты».

В упоении блестящим успехом в Ахульго, где гор-

114.

Юров А. Три года..., Приложение, с. 25—32; Дубровин Н.Ф. Обзор войн..., с. 140; Зиссерман А. История..., т. 2, с. 154, 156.

115.

Материалы к истории..., с. 373.

116.

Юров А. Три года..., с. 91—92; Зиссерман А. История..., т. 2, с. 155.

117.

Зиссерман А. История..., т. 2, с. 160, 162.

цам дали «ужасный урок», Граббе докладывал о восстановлении «совершенного спокойствия во всем крае». Бегству Шамиля, потерявшего «всякое влияние», он не придавал значения. Отныне имам для него — отвергнутый людьми, одинокий и бесприютный скиталец, думающий только о пропитании и спасении собственной жизни¹¹⁴.

Головин, в целом высоко оценивая итоги кампании 1839 г., придерживался более осторожного взгляда и не ручался, что со временем Шамиль не сможет «посредством фанатического учения своего составить опять сильную против нас партию»¹¹⁵. Этот скепсис разделял Николай I, по обыкновению вникавший во всех подробностях в ход дагестанских дел¹¹⁶. Но все же преобладало оптимистичное настроение¹¹⁷.

Ахульго явилось для Шамиля настоящей катастрофой: там полег цвет мюридистского воинства, сам имам каким-то непостижимым образом избежал гибели, скрывшись в горах Северного Дагестана, где ему, полуоборванному и полуголодному, приходилось перебираться из аула в аул в поисках безопасности. Подвластные ему общества были вынуждены подчиниться русскому командованию. Можно понять генерала Граббе, поверившего, что этот край наконец-то умиротворен или, по крайней мере, очень близок к тому. В Тифлисе и Петербурге, несмотря на большую сдержанность в оценках ситуации, также надеялись, что сделан решающий шаг к окончательному покорению Дагестана. Да и самому Шамилю его перспективы скорее всего представлялись мрачными. Но пока еще ни те, кто пребывал в эйфории военного триумфа, ни те, кто приходил в себя после сокрушительного разгрома, не подозревали, что пройдет всего несколько месяцев, и надежды русских окажутся такими же преждевременными, как отчаяние горцев. Если бы суть Кавказской войны сводилась к боевым действиям между горцами и русской армией, в которых все просто определялось победой или поражением, и если бы прочность политических позиций России в «вольных» обществах зависела только от стратегических результатов, то оптимизм Граббе был бы оправдан. Однако Кавказская война — в чем и заключалась ее особенность — имела глубинную социальную природу, протекала по своим законам и поэтому никакие внешние силы не могли ее остановить. В ней, как покажут последовавшие за Ахульго события, далеко не все решали успешные или проигранные битвы. Поражение Шамиля не устранило причин, порождавших Кавказскую войну перманентно, независимо от присутствия России. Внешний фактор был в состоянии лишь ускорить или замедлить этот внутренний социальный процесс, что еще раз подтвердило так называемое чеченское восстание 1840 г.

118.

Ритуал вручения первого оружия горскому юноше обычно сопровождался фразой: «Пусть оно служит тебе и днем и ночью» (Essad-Bey, *Twelve Secrets of the Caucasus*. N.Y., 1931, p. 281).

119.

Берже А.П. Чечня и чеченцы. — КК на 1860 г. Тифлис, 1859, с. 108; Зиссерман А. Материалы..., с. 432, 437; Дубровин Н.Ф. Обзор войн..., с. 140; ЦГВИА, ф. 38, Департамент Генштаба, оп. 7, д. 52, л. 16.

120.

Берже А.П. Чечня и чеченцы, с. 108—110; Окольный Н.А. Перечень..., с. 381—383; Юров А. 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе. — КС, 1886, т. 10, с. 273—275, 280; Материалы к истории..., с. 418; Прушановский К.И. Указ. соч., с. 44; Дубровин Н.Ф. Обзор войн..., с. 140—142; Koch K. *Reise in Grusien*..., S. 429—430.

В рамках программы широких и энергичных административно-усмирительных мероприятий, проводимых после Ахульго, Габбе поручил генералу Пулло «навести порядок» в Чечне. Рьяно принявшийся за это дело Пулло вознамерился для начала отнять у горцев оружие, являвшееся для них все: неразлучную боевую принадлежность и главное «средство производства», знак силы, достоинства и общественного статуса, непременную часть мужского костюма и украшение жилища, предмет культа, можно сказать — целую жизненную философию¹¹⁸. Чеченцев лишали возможности заниматься набегами. Вдобавок пропущен слух, будто их хотят обложить налоговой и рекрутской повинностью¹¹⁹. Все это резко обострило обстановку и послужило толчком к быстрому возрождению влияния Шамиля. В начале 1840 г. имама, скрывавшегося в северодагестанских аулах, разыскали чеченские посланцы и предложили ему стать во главе их народа. Шамиль отказался в полной уверенности, что его будут упрашивать. Этот расчет подтвердился, и лишь после долгих переговоров он соизволил уступить. Хорошо зная Чечню с ее безначалием и неукротимостью, Шамиль обусловил свое согласие требованием строгого подчинения чеченцев ему лично и законам шариата. Послы не замедлили дать соответствующую присягу. Вскоре по прибытии Шамиля в Урус-Мартан к нему присоединяются жители Большой и Малой Чечни, Качкалыковское и Мичиковское общества, ичкерийцы, карабулаки. Из тех, кто был понадежнее и повлиятельнее, он набрал новое мюридистское войско. Быстрому успеху Шамиля способствовало то обстоятельство, что он застал чеченцев в состоянии высокой военной активности. Горные общества, отрезанные от земледельческих равнинных и испытывавшие острый недостаток в хлебе, готовились напасть на них, чтобы силой оружия обеспечить себе пропитание. Шамиль сделал своей резиденцией ичкерийское селение Дарго, расположенное среди труднопроходимых лесов. Оттуда имам производил набеги в казачьи районы, прилегавшие к рекам Сунже и Тереку, а также в Северный Дагестан, шамхальство Тарковское, на кумыкскую плоскость (где его привлекали огромные, до 100 тыс. голов, стада баранов), причем делал это настолько молниеносно, что почти всегда успевал уклониться от открытого боя и ускользнуть от преследования, заставляя русские войска изматывать себя в бесплодных погонях за ним¹²⁰. Эти набеги, имея прежнюю цель — добычу и распространение шариата, — приобретали вид все более крупных, хорошо организованных и искусно управляемых военно-политических предприятий, которые становились средством реставрации имамата. Армия Шамиля по форме руководства, структуре, предусматривавшей деление на избран-

121.

Юров А. Три года..., с. 155; см. также: Зиссерман А. Материалы..., с. 441—442.

122.

Gille F. Lettres sur le Caucase et la Crimée. Paris, 1859, p. 112. Ср. с выдержкой из рапорта Головина Чернышеву от 24 февраля 1841 г.: «...власть их (чеченских вождей — *ред.*) поддерживается тем, что они, занимая толпу набегами и приманкою добычи, не дают ей времени опомниться». (ДГСВК, с. 301).

123.

Юров А. 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе, с. 281. Генерал Пулло сохранял ничем не обоснованный оптимизм даже после событий 1840 г., когда он представил проект завершения Кавказской войны в три года. (См. ДГСВК, с. 288—291).

124.

См. Texier Ed. Op. cit., p. 17; Гакстгаузен А. Закавказский край. Ч. 1, СПб., 1857 (пер. с нем.), с. 210.

ные и непривилегированные части, иерархии военных рангов, системе комплектования и снабжения, строгой дисциплине, основанной на принципе «приказ — исполнение», напоминала примитивное государство в миниатюре. Как заметил один русский публицист, с 1840 года Шамиль — это «нечто более, чем простой бесприютный абрек, все упования которого лишь в удачном набеге, с горстью пленных и выюками награбленного имущества мирных жителей в результате, ...замыслы его неизмеримо шире, чем когда-нибудь мог предполагать кто-либо из местных властей»¹²¹.

Столь быстрое возрождение Кавказской войны, в чем-то бесспорно обусловленное личными достоинствами Шамиля, объяснялось все же социальной ситуацией. Идеи шариата и газавата, в свое время мобилизовавшие силы наиболее многочисленного слоя населения — узденства дагестанских «вольных» обществ, — нашли теперь не менее благодатную почву в тайповой Чечне, переживавшей сходные с горным Дагестаном общественные процессы. Как писал Ф. Жиль — французский офицер, служивший в русской армии на Кавказе, — Шамиль «дал определенное направление» развитию «традиционного начала» жизни чеченцев (имелись в виду «грабеж» и «безграбничная свобода») ¹²².

В новом подъеме мюридизма сыграли роль и такие факторы, как недостаточность русских войск и фатальное убеждение Граббе и его подчиненных в том, что горцы не скоро оправятся от поражения 1839 года в Ахульго¹²³. Не следует сбрасывать со счетов и психологического воздействия на людей казавшегося им мистическим факта спасения Шамиля в обреченной ситуации в Ахульго. Неуязвимость имама невольно заставляла верить, что его охраняет божественная сила. В этом смысле поражение 1839 г. принесло ему больше, чем победа¹²⁴.

События в Чечне нашли живой отклик в Дагестане, где к июлю 1840 г. Шамиль восстановил свое влияние в Салатавии, Андии, Гумбете, ряде аварских и койсубулинских селений. Их жители по призыву имама принимали шариат и в полном вооружении стекались к аулу Чиркей, важному стратегическому пункту, куда прибыл и сам Шамиль для организации наступлений в нескольких направлениях: шамхальство Тарковское, Койсубу, Аварское ханство и, возможно, Дербент. Это рассредоточивало и без того малочисленные русские войска и открывало Шамилю широкий оперативный простор. Собрав войска 10 тыс. человек (от 8 до 12 тыс., по разным данным), он двинулся в шамхальские владения. У селения Ишкарты путь ему преградил небольшой отряд (650 солдат при одном орудии) под командованием генерала Клюгенау. Ожесточенный бой, несмотря на много-

125.

Материалы к истории..., с. 418—421; Окольный Н.А. Перечень..., с. 383—384; Дубровин Н.Ф. Обзор войн..., с. 142—144.

126.

АКАК, т. 9, с. 293, 298; Дубровин Н.Ф. Обзор войн..., с. 145—146; Головин Е. А. Очерк положения военных дел на Кавказе. С начала 1838 по конец 1842 года. Рига, 1846, с. 33, 34.

127.

АКАК, т. 9, с. 254, 289; Bodensiedt Fr. Les Peuples du Caucase..., p. 618; Служивый. Очерки покорения Кавказа. СПб., 1901, с. 72; ДГСВК, с. 268, 278. По этому поводу один из ближайших мюридов Шамиля Ахверды-Магома и главный кадий андийского общества с недовольством заявляли, что им наскучил заячий бег. (Прушановский К.И. Указ. соч., с. 46).

128.

См. Зиссерман А. Материалы..., с. 442—443.

кратное превосходство мюридов в силе, не принес победы ни одной из сторон. Однако имаму пришлось отказаться от своего замысла и повернуть войска в Аварию. После короткого пребывания там, успевшего оставить в умах местных жителей должное впечатление о растущем могуществе Шамиля, он, во избежание нападения со стороны русских, возвратился в Чиркей. Оттуда Шамиль в конце августа 1840 г. обрушился на кумыкскую равнину, разграбил села Чир-юрт и Султан-Янги-юрт, взял с них аманатов в знак признания его власти и шариата. При появлении в его тылу отряда Ключенау имам счел за лучшее быстро удалиться в ущелье Алмалаухского хребта. Отступая, он рассылал письма салатавцам, гумбетовцам, андийцам, богалальцам, джемалальцам, технуцальцам и другим обществам, жившим по Андийскому Койсу, с призывами прислать к нему ополченцев. В начале сентября Шамиль вновь попытался овладеть Койсубу и Аварией, но атакованный Ключенау у с. Гимры и потеряв более 60 человек, был вынужден временно отказаться от этого намерения. Эта неудача несколько не поколебала политический и полководческий авторитет имама, потому что в общей стратегической обстановке перевес в его пользу сохранялся и даже усиливался¹²⁵.

Шамиль уже походил не на «бродягу», а на полноправного властителя, которому Головин вновь предложил переговоры, но безуспешно. По приказу имама с лета 1840 г. до весны 1841 г. горцы производили грабежи на обширном пространстве, проникая до Тарков и окрестностей Темир-Хан-Шуры¹²⁶.

Шамиль при возможности старался уклоняться от встреч с русским противником¹²⁷, ибо они, всегда чреватые поражением или, по крайней мере, ощутимыми людскими потерями и моральным уроном, отвлекали его от насущных политических и экономических задач. Однако цели Шамиля и употребляемые им средства их достижения приводили его к столкновению с Россией, имевшей в отношении Восточного Кавказа свои планы, которые предполагали искоренение набегового промысла, анархии, междоусобиц путем введения российской административной системы. Усилившаяся с 1840 г. военная активность чеченских тайпов, предрасположенных к экспансии на север, вызывала на Левом фланге Кавказской линии постоянные стычки горцев с русскими войсками¹²⁸. Оставаясь глубоко социальным явлением, Кавказская война, особенно с вовлечением в нее Чечни, внешне постепенно приобретает форму конфликта между местным населением и Россией, конфликта, который в силу его кажущейся простоты обычно принимается за причину и сущность событий, происходивших на Северо-Восточном Кавказе во второй трети XIX в. Кавказская война именно благодаря своему естест-

венному стремлению преодолеть сдерживающий ее фактор русского присутствия в Дагестане стала наружно выглядеть как столкновение с Россией¹²⁹.

Когда речь идет о распространении Кавказской войны на Чечню, в историографии стало правилом подчеркивать экономическое значение региона (он снабжал армию имама продовольствием), оставляя в стороне гораздо более существенное. С присоединением чеченцев к Шамилю заметно расширялась та социальная среда, которая, собственно, породила в свое время саму войну; произошло фактическое объединение «вольных» обществ горного Дагестана и тайпов Чечни — источников однотипных социально-политических явлений.

1841 год принес новые успехи Шамилю. Его власть и шариат признали, помимо упоминавшихся Салатавии, Андии, Гумбета, подавляющая часть населения Койсубу и Андалаля (там имам собирался устроить себе резиденцию на горе Гуниб), Унцукуль, Кикуны, Гергебиль. Он овладел почти всей Аварией за исключением нескольких пунктов, где находились русские гарнизоны. Его влияние неудержимо разрасталось, грозя дойти до Лезгинской кордонной линии на юге и Каспийского побережья — на востоке. Активизировались набеги подвластных Шамилю племен в западном направлении — в Тушетию и Хевсуретию, откуда пригонялись табуны крупного и мелкого рогатого скота¹³⁰. Такое беспрецедентное возвышение авторитета личности и подчинение ей горцев было обусловлено консолидацией опять-таки социальных сил Кавказской войны, заинтересованных в едином организационном и руководящем начале, способном обеспечить достаточную прибыльность системы набегов. Срабатывал сложный механизм обратных связей: с одной стороны, набеговый промысел с его материальными соблазнами создавал социальную базу войны, на которой формировалось господство имама и внутри которой происходило естественное для классовообразовательных процессов расслоение, с другой стороны, неординарная личность Шамиля, проводившая целенаправленную политику и влиявшая на уровень организации набегов, в свою очередь ускоряла социально-имущественную дифференциацию, складывание государства.

Важную роль в утверждении власти Шамиля сыграл его полководческий дар, проявившийся в умении соединить богатый военный опыт патриархального общества с принципами строгой иерархии, дисциплины, беспрекословной подчиненности вождю. Этот симбиоз воплотился в особой тактике горной войны, эффективно применявшейся против русских сил. Система быстрой мобилизации ополчения, высокая подвижность войска, делавшая его почти неуловимым, одновременные действия в нескольких направ-

131.

Зиссерман А.Л. История..., т. 2, с. 322; Baddeley J. F. Op. cit., p. 364—365.

132.

Источники свидетельствуют, что он славился «мужественной... храбростью, неутомимой деятельностью и удачными набегами». (Рассказ офицера, бывшего в плену у Шамиля в 1842 году. — Кавказ, 1849, № 3, с. 11). Русские власти, считая Ахверды-Магому «одним из самых опаснейших... орудий» Шамиля, назначили за его голову огромную сумму денег. (См. ДГСВК, с. 292). Некоторое время он был первым претендентом на сан имама и в случае смерти последнего, вероятнее всего, занял бы его место. (Там же, с. 355).

133.

«Человек с хитрым и бойким умом», «отличный рубака, лихой наездник и искусный предводитель в бою». (Вердеревский Е. Указ. соч., с. 426).

134.

«Смелые набеги и отличная храбрость» поставили этого двадцатипятилетнего человека в ряд ближайших сподвижников Шамиля. (Вердеревский Е. Указ. соч., с. 426).

135.

Gille F. Op. cit., p. 118; ДГСВК, с. 407.

136.

Дубровин Н.Ф. Обзор войн..., с. 146; Андреев А.П. По дебрям Дагестана. — ИВ, 1899, т. 78, № 10, с. 213—214; Mackie J. M. Op. cit., p. 226.

137.

Хаджи-Мурат. Письма о нем кн. М. С. Воронцова и рассказы кавказцев, 1851—1852 гг. Сообщил А. Зиссерман. — РС, 1881, № 3, с. 671; Потто В.А. Гаджи-Мурат, с. 163; АКАК, т. 10, с. 527.

138.

Хаджи-Мурат. Письма о нем..., с. 678—679.

139.

Потто В. А. Гаджи-Мурат, с. 167. Эту характеристику подтверждают народные песни, в которых Хаджи-Мурату щедро воздается должное, прославляется захваченная им добыча. (См. Песни народов Дагестана. Л., 1970, с. 74—79; Поэзия на-

лениях, невозможность навязать Шамилю генеральное сражение — создавали огромные трудности для борьбы с мюридами, ввиду чего отдельные военные победы русских носили ограниченный характер и не имели глубоких последствий. Незаурядные предводительские способности требовались от Шамиля еще и потому, что его армия должна была находиться в непрерывном движении и работе; бездействие, не приносящее дохода, угнетало мюридов, вызывало ропот, не говоря уже о недовольстве аулов, вынужденных содержать их¹³¹.

В распоряжении имама имелись прекрасные исполнители его планов, заметно выдвинувшиеся в ходе Кавказской войны фигуры — Ташов-Хаджи, Абакар-кадий, Ахверды-Магома¹³², Шуаиб-мулла¹³³, Улубей¹³⁴, в прошлом бывшие самостоятельными предводителями набегов¹³⁵. В 1841 г. эту когорту пополнил перебежавший к мюридам знаменитый Хаджи-Мурат — блестящее приобретение для имама и большая потеря для русских. За этим авторитетным лидером пошла почти вся Авария, которой он управлял в течение семи лет¹³⁶. Решение Шамиля о назначении его аварским наибом было совершенно естественным. Имам отдавал Хаджи-Мурату явное предпочтение перед остальными наибам, доверяя ему самые ответственные военные операции¹³⁷. Это был уникальный самородок с врожденными способностями вожака, необыкновенно сильно развитым чутьем стратега¹³⁸. «Его настоящим призванием, — писал русский историк В. А. Потто, — были набеги, и в них никто не превосходил его отвагой, сметливостью и предприимчивостью»¹³⁹.

Вскоре на сторону Шамиля открыто перешел Кибит-Магома, окончательно сбросив маску показной верности России. За ним последовали общества, жившие к югу от Аварского Койсу¹⁴⁰. Позже, в июне 1844 г., имаму торжественно присягнул потомственный владелец елисейских земель генерал-майор русской службы Даниель-султан. Имея сильное влияние среди «подданного» населения, он увлек его за собой. Эту чувствительную утрату русские власти понесли отчасти благодаря своим политическим ошибкам, ущемлению прерогатив Даниель-султана¹⁴¹. Елисейский султанат, как и Авария, был включен в состав имамата и превратился из самостоятельного фео-

родов Дагестана. Т. 1, М. 1960, с. 84—88).

140.

Дубровин Н. Ф. Обзор войн..., с. 147. Шамиль глубоко уважал в Кибит-Магоме человека умного, влиятельного, умеющего управлять людьми. Однажды имам даже заметил: «Кибит-Магома есть Даниель-бек и

Хаджи-Мурат, вместе взятые, а главное, ... он больше мусульманин, нежели я сам». (Дневник Руновского, с. 1397; см. также: с. 1446).

141.

Приложения к статье «1845-й год на Кавказе», с. 5; ШССТАК, с. 232; Линевиц И. Указ. соч., с. 52.

142.

Окольный Н. А. Перечень..., с. 384—388; Н. В. 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе. — КС, 1888, т. 12, с. 224—225; Волконский Н. Лезгинская экспедиция (в Дидойское общество) в 1857 году. — КС, 1877, т. 2, с. 222; Зиссерман А. Материалы..., с. 442—443.

143.

Хаджи-Мурат. Мемуары, с. 23—24.

144.

Зиссерман А. История..., т. 2, с. 180; АКАК, т. 9, с. 270.

145.

Дубровин Н. Ф. Обзор войн..., с. 204; ср. Линевиц И. Указ. соч., с. 54.

146.

См. например: Клингер И. Два с половиною года в плену у чеченцев. 1847—1850. — РА, 1869, т. 6, с. 972.

147.

ДГСВК, с. 255.

148.

Там же, с. 254; ср. с. 280.

149.

АКАК, т. 9, с. 346.

150.

Юров А. 1840, 1841 и 1842 годы..., с. 290—292; Окольный Н. А. Перечень..., с. 385; АКАК, т. 9, с. 346.

дального образования в административную единицу шамилевского государства — наибство, а видные представители старой знати (Хаджи-Мурат, Даниель-султан) слились с наибской элитой.

Приближенные Шамиля были храбрыми, умными, популярными вождями, умевшими не только воспламенять горцев, но и вносить в их действия осмысленность и порядок¹⁴². К примеру, в наибстве, подчиненном Хаджи-Мурату, военный разбой стал хорошо организованным промыслом. Набеговые отряды подчинялись дисциплине. Действовал приказ — не причинять ущерб тем, кто соблюдает шариат. Когда, случалось, послушники этого приказа становились жертвами вооруженного сопротивления, убийц не наказывали¹⁴³. Дерзостью и эффективностью отличались набег на наиба Малой Чечни Ахверды-Магомы¹⁴⁴. Что касается неопита мюридизма Даниель-султана, то русские источники аттестуют его как человека с «замечательными способностями, дальновидным умом, твердой волей и ненасытным честолюбием»¹⁴⁵. И вообще на руководящие роли Кавказская война, как единодушно свидетельствуют современники, выдвигала сильных натур¹⁴⁶.

С каждым удачным набегом, с каждой удачной для горцев стычкой с русскими, с каждым шариатским походом во имя тотального торжества новых устоев жизни Шамиль все полнее ощущал собственное могущество. Пределы его влияния на горцев стремительно раздвигались. Хорошо понимая значимость собственной персоны, он заявлял: «...Как один бог свят, так и мое слово свято»¹⁴⁷. Имам обещал, что тому, кто «не исполнит» этого слова, придется «каяться на том свете»¹⁴⁸. В июне 1841 г. Головин писал Чернышеву: «Можно сказать утвердительно, что мы не имели еще на Кавказе врага лютейшего и опаснейшего, как Шамиль. Стечением обстоятельств власть его получила характер власти духовно-военной, той самой, которою в начале исламизма меч Мухаммеда поколебал три части вселенной»¹⁴⁹.

Избалованный раболепной покорностью, имам становился совершенно нетерпимым к какой-либо оппозиции. Сопротивление его воле наказывалось разными способами, в том числе самыми изощренными по жестокости¹⁵⁰. Право советовать Шамилю и не соглашаться с ним имел лишь его учитель, проживавший в Казикумухе Джемалэдин, который начинал дело газавата еще с Казимуллой и снискал своим умом и благочестивостью весомый духовный авторитет в народе. Это был единственный человек, видевший перед собой Шамиля почтительно склонившим голову, целующим в знак уважения его руку, слушающим его наставления и упреки, порой — публично. Такое казалось бы неожиданное для владыки горцев демонстративное почитание шло не только от

151.

Прушановский К.И. Указ соч., с. 47—50; ДГСВК, с. 419. См. также: Schamyl, the Prophet-Warrior of the Caucasus. — Westminster Review, 1854, № 10, April, p. 501.

152.

Прушановский К.И. Указ. соч., с. 14.

153.

Н.В. Указ. соч., с. 224.

ученического пиетета, но и от сознания прямой политической выгоды: Джемалэддин, пользовавшийся большим моральным влиянием среди представителей владетельных фамилий и простых узденей Казикумухского и Кюринского ханств, не без успеха настаивал их в пользу шариата и мюридизма, подготавливал благодатную почву для имама. Принципиальное значение имел тот факт, что Джемалэддин, судя по всему, не покушался на власть в ее конкретном, осязаемом виде, вполне удовлетворяясь престижным положением невидимого советника и руководителя Шамиля, положением, открывавшим широкие возможности¹⁵¹. Поскольку Джемалэддин не был опасным политическим конкурентом, имам спокойно позволял себе чуть ли не послушническое отношение к нему. Возвышая таким путем Джемалэддина в глазах общественного мнения, высоко ценившего патриархальные нормы общения между младшим и старшим, учеником и учителем, Шамиль тем самым усиливал собственные социальные и идеологические позиции. Этот полюбовный союз отвечал интересам обоих участников. В отличие от Казимуллы, сурово преследовавшего своего наставника Сеида-эфенди из боязни соперничества¹⁵², более рационалистичный Шамиль предпочел использовать бывшего учителя в рядах своих сподвижников.

Расчетливая политика имама приносила плоды. Его власть расширилась до небывалых дотоле масштабов, в чем русские дореволюционные авторы справедливо усматривали «всю историческую важность 1841 года, который служил началом и основанием грандиозного и рокового для нас (русских — ред.) сооружения Шамиля, блистательно завершеного им в 1843 году»¹⁵³.

С начала 1842 г. растет угроза вовлечения в Кавказскую войну новых территорий. Создавалась опасность вторжения мюридов из пограничного Гергебиля в глубь Мехтулинского ханства, где находились прошамилевски настроенные селения. Непокойно было в Цудахарском и Акушинском обществах Даргинского округа. Понимая стратегическое значение Гергебиля, генерал Фези 20 февраля атаковал этот пункт и выбил оттуда мюридов, что несколько улучшило положение русских войск и на какое-то время обезопасило Мехтулинское ханство. Вскоре в окрестностях Тилитля и в Куадском обществе снова образовались большие (5 тыс. человек) скопления вооруженных горцев. Однако они не решились напасть крупными силами на Фези, который 7 марта благополучно прибыл в Хунзах, спасая тем самым центральную Аварию от Шамиля. В результате удачных действий Фези жители ряда койсубулинских, андаляльских и цудахарских сел были вынуждены изъять покорность, представлявшуюся им простой,

154.

Окольничий Н.А. Перечень..., с. 388—390; Прушановский К.И. Указ. соч., с. 49.

155.

Казикумухским и Кюринским ханствами до 1839 года владело одно лицо из рода Казикумухских ханов. Затем они были поделены между представителями боковых ветвей ханской фамилии — беками.

156.

АКАК, т. 9, с. VIII.

ни к чему не обязывавшей формальностью и удобным средством избежать появления у себя русских солдат¹⁵⁴. Несмотря на отдельные успехи русских войск, общая ситуация в Дагестане для них осложнялась.

После смерти двух сыновей Аслан-хана Казикумухского (младший — Магомет-Мирза — умер в 1839 г.), не оставивших мужского потомства, развернулась борьба за власть между его племянниками: с одной стороны, Абдурахман-бек (сын одного брата), с другой — Гарун-бек, Махмуд-бек и Гаджи-Ягья (сыновья другого брата). Последний был фанатичным поклонником и приближенным Шамиля, имевшим немалые заслуги перед мюридизмом. При активном участии престарелой, но влиятельной вдовы Аслан-хана Умма-Гюльсум-бике, покровительствовавшей Абдурахман-беку, это соперничество обострилось и в начале 1842 г. вызвало волнения в ханстве. Казикумухцы, как и кюринцы, не без ведома временно управлявших ими Махмуд-бека и Гарунбека¹⁵⁵, наладили тесные сношения с мюридами, доставляя им свинец, хлеб, одежду, часто — деньги. Сложившаяся в Казикумухе социально-политическая обстановка благоприятствовала вмешательству Шамиля. Кроме того, получившая там весьма широкую поддержку религиозная агитация Джемалэддина в пользу шариата еще больше упростила для имама проблему вторжения. Воспользовавшись обстоятельствами, Шамиль 20 марта 1842 г. совершенно беспрепятственно занял столицу ханства — Казикумух, хорошо укрепленный город, овладеть которым, при иных настроениях его обитателей, было бы крайне трудно. В прокламации к чеченцам имам писал: «Город Казикумух — мать всех селений — я взял с помощью Божией без труда. 500 пленных, неверных и наших отступников, казна ханская и несметные сокровища, самые драгоценные, составляют трофеи моей победы»¹⁵⁶. Шамиль включил новоприобретенные территории в систему имамата, назначив туда наибом Гаджи-Ягью. Как и в случае с Аварией, произошла не только замена ханской администрации наибской, но и своеобразное сращивание двух форм правления, поскольку Гаджи-Ягья являлся отпрыском ханской фамилии. Обращает на себя внимание и тот факт, что никто из представителей владетельного дома не пострадал. Поставив у власти своего наместника, Шамиль с захваченной добычей и пленными (несколько русских офицеров, находившихся в Казикумухе в качестве военно-политических советников) отправился в Аварию. Изъятие из сферы влияния России Казикумуха, важного в стратегическом и политическом отношениях района, открывало широкие перспективы утверждения шариата и мюридизма в еще не примкнувших к имаму обществах. Покорение Казикумухского ханства оказало сильное

157.

Прушановский К.И. Указ. соч., с: 48—51; Окольничий Н.А. Перечень..., с. 390—392; Koch K. Der Kaukasus. Berlin, 1882, S. 174.

158.

Окольничий Н.А. Перечень..., с. 392—396.

159.

Там же, с. 396—399; Прушановский К.И. Указ. соч., с. 51—54.

морально-психологическое воздействие на горцев, укрепило их веру во всемогущество Шамиля. Уже почти готово было подчиниться ему население Кюринского ханства, Кайтага, Табасарани, Даргинского и Самурского округов¹⁵⁷. Встревоженное опасным направлением событий, русское командование принимает срочные меры для возвращения Казикумуха и предотвращения таким образом дальнейшей экспансии имамата. После ряда побед над превосходящими (4 тыс. человек) силами Гаджи-Ягьи русские войска, возглавляемые полковником князем Аргутинским-Долгоруковым, взяли ханство. Решительные попытки Шамиля отвоевать Казикумух, предпринятые с помощью 5 тысяч мюридов под предводительством лучших наибов Ахверды-Магомы и Хаджи-Мурата, провалились. Управление Казикумухом было возложено на лояльного к России Абдурахман-бека и ханшу Умма-Гюльсум-бике, защита которых обещивалась оставшимся там русским гарнизоном¹⁵⁸. Успех Аргутинского в значительной степени обесценился неудачами генерала Граббе в Чечне и Северном Дагестане. Предполагая прочно обосноваться на Андийском Койсу, Граббе в конце мая 1842 г. двинулся от кумыкской плоскости на юг, вверх по реке Аксай. По пути он намеревался нанести удар в сердце мюридизма — по резиденции Шамиля в Дарго, — затем овладеть Гумбетом и Андией. Эта крупная экспедиция проходила в условиях незнакомой и труднопроходимой местности, покрытой густым лесом, оврагами, глубокими промоинами, высокими холмами. По пути неповоротливой, обремененной обозами, растянувшейся колонне то и дело приходилось отбиваться от внезапных нападений неуловимо-проворных отрядов горцев, руководимых Шуаиб-муллой, брать обороняемые завалы. На полдороге к Дарго Граббе, ввиду большого числа выбывших из строя солдат, решил отступить. Возвращение сопровождалось такими же трудностями. 4 июня войска прибыли в исходный пункт (Герзель-аул), потеряв убитыми и ранеными около 1800 человек. Столь же безрезультатно закончилось предпринятое в июле 1842 г. наступление Граббе из Темир-Хан-Шуры к аулу Игали с целью закрепиться на переправе через Андийское Койсу. С боя взяв это селение, Граббе вскоре оставил его, обнаружив, что оно, по ряду причин, непригодно для использования в качестве русской опорной базы¹⁵⁹.

1843 г. ознаменовался важными победами Шамиля. В августе он с 10 тыс. мюридов обложил Унцукульское укрепление и заставил русский гарнизон, потерявший две трети своего состава, лишенный воды и израсходовавший все боеприпасы, сложить оружие. По приказу Шамиля, крепость и аул были разрушены до основания и учинен такой грабеж, что

160.
Гаджи-Али. Указ. соч., с. 23—24.
161.
См. Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 161, 163—164.
162.
См. Эсадзе С.С. Штурм..., с. 140; Гаджи-Али. Указ. соч., с. 27.
163.
Koch K. Reise in Grusien..., S. 433—434; АКАК, т. 9, с. 363; Дубровин Н.Ф. Обзор войн..., с. 222.

не осталось «даже иглы»¹⁶⁰. Аварские селения, еще сохранившие призрачную лояльность к России, одно за другим переходят к имаму. Вскоре он вытесняет русские войска из небольших крепостей в Аварии — Гочатля, Балахан, Моксоха, Цитаныха и других. Сопротивлявшихся аварцев уничтожали, грабили. Мюридам достались огромные ценности. Шамиля уговаривали вернуться домой с этими «великими трофеями», ссылаясь на обычай набеговых партий «не встречаться в битве с врагом после того, как в руки отряда попала какая-либо добыча». Но он смотрел дальше этих целей.

Почувствовав свое стратегическое преимущество, имам уже не хотел упускать его. С военно-политической точки зрения, для Шамиля важнее было развить успех, добиться над противником внушительной победы, которая позволила бы возвысить личный авторитет, усилить имамат новыми территориями и населением¹⁶¹.

Готовясь к вторжению в шамхальские и мехтулинские владения, Шамиль в сентябре 1843 г. занимает преграждавший ему путь Гергебиль, при обороне которого poleg весь его русский гарнизон в 300 человек. С падением Гергебиля к Шамилю присоединяются койсубулинские аулы по правобережью Аварского и Казикумухского Койсу, а затем, с наступлением его через Дженгутай на Казанищи (столица шамхальства Тарковского), — большая часть шамхальцев.

Узнав о приближении Шамиля, шамхал Абу-Мусселим-хан (генерал на русской службе) бежал. 11 ноября имам занял Казанищи. Помня, что уничтожение аварских ханов уронило репутацию Гамзатбека во мнении народа, имам назначил новым шамхалом явившегося с покорностью брата Абу-Мусселим-хана Мухаммед-бека, удобного, мало к чему способного человека, через которого Шамиль легко мог проводить свое влияние¹⁶². Имам фактически подчинил себе это феодально-государственное образование, формально сохранив ханскую власть, но поставив ее в зависимое положение. Шамиль находился в Казанищах около месяца. Оттуда он руководил опустошительными набегами в окрестности укрепления Бурное.

Высокая военная активность оставалась характерной для Чечни. Почти каждый чеченский аул имел своего предводителя, совершавшего с несколькими десятками человек нападения на русскую территорию¹⁶³.

Успехи Шамиля имели для русских отрицательные последствия и в Южном Дагестане. В начале декабря 1843 г. почти все кайтагские земли были включены в систему имамата. Причем назначенному туда наибом Омар-беку Шамиль дал титул уцмийа,

164.
АКАК, т. 9, с. 795.

165.
Koch K. Reise in Grusien...,
S. 439, 440.

166.
См. Хроника Мухаммеда-Тахи-
ра..., с. 164—165, 168—169.

167.
См. Koch K. Reise in Grusien...,
S. 441; АКАК, т. 9, с. 275, 276,
739.

168.
ВЭ, т. 11, СПб., 1913, с. 234—
235; Окольный Н.А. Пере-
чень..., с. 400.

169.
Baumgarten G. Sechzig Jahre ...,
S. 120.

заимствованный из старой феодальной номенклату-
ры¹⁶⁴.

К концу 1843 года русские войска в Хунзахе — единственном в Аварии месте, где они еще удерживались, — оказались окруженными враждебным населением, отрезанными от Темир-Хан-Шуры — главного источника помощи. Попав в безвыходное положение, командир Хунзахского отряда подполковник Пассек был вынужден отойти к укреплению Зыряны (ноябрь). Там его осадил Хаджи-Мурат с превосходящими силами. После нескольких дней тяжелой обороны Пассек получил подмогу, позволившую ему пробиться к Темир-Хан-Шуре. В ходе военных действий последних двух месяцев 1843 г. мюриды захватили много добычи. Возможность обогащения обеспечивала имаму все новых и новых приверженцев¹⁶⁵. Перед материальным соблазном отодвигалась на задний план щепетильность в моральных вопросах: те, кто раньше решительно отрицал шариат, теперь становились самыми рьяными блюстителями мусульманского благочестия¹⁶⁶.

Многих горцев вынуждали заниматься набегами голод и нищета. Опустошив за неповиновение часть аварских аулов и насильственно переселив плоскостных чеченцев в горы, Шамиль, как ни парадоксально, сделал их не своими врагами, а опасными соседями русских, с которыми прежде они были в добрых отношениях¹⁶⁷.

За период с 1840 по 1843 г. власть и влияние Шамиля достигли огромных размеров. Ему подчинялись: почти весь горный Дагестан, горная Чечня, значительная часть чеченской плоскости. Общая численность проживавших на этих территориях семейств превышала 230 тысяч. Русское командование сохранило за собой лишь Приморский Дагестан, ряд мелких укреплений по рекам Сулак и Казикумухское Койсу, часть равнинной Чечни. Россия за несколько лет фактически потеряла все, что приобрела за полвека, и восстанавливать утраченное предстояло сызнова¹⁶⁸. По словам немецкого автора XIX в. Г. фон Баумгартена, теперь Россия имела дело не с разрозненными племенами, а с государством, в распоряжении которого были тысячи храбрых и фанатичных воинов, послушных воле одного человека¹⁶⁹.

Столь быстрое и широкое распространение власти Шамиля обуславливалось, разумеется, прежде всего внутренними социальными процессами в горских обществах. Но определенную роль здесь сыграли и другие обстоятельства. Русские силы в Дагестане, как фактор, сдерживавший размах Кавказской войны, были явно недостаточны. Николай I, считавший, что можно обойтись имеющимися войсками, если их рационально использовать, не давал подкреплений. Он приказал отказаться от дорогостоящих экспедиций

170.

Прушановский К.И. Указ. соч.,
с. 54—55.

171.

ВЭ, т. 11, СПб., 1913, с. 234;
Baddeley J. F. Op. cit., p. 355—
356, 360.

в глубь гор и придерживаться оборонительной системы. Шамиль не преминул представить дагестанцам эту систему как следствие своего могущества и бесилия русских. Военные победы имама поднимали его престиж, обеспечивали ему новых приверженцев¹⁷⁰. Он становится еще более мощным центром притяжения для многочисленных социальных элементов, нуждавшихся в крупном организаторе их обогащения в Кавказской войне.

Объективные трудности для русского присутствия в Дагестане осложнялись острыми разногласиями между генералами Граббе и Головиным, явившимися одной из причин военных неудач. Полученное Граббе высочайшее разрешение действовать самостоятельно, не подчиняясь командованию в Тифлисе, не улучшило положения дел; напротив, оно привело к серьезной ошибке — походу в Дарго, после которого Головин и Граббе были заменены Нейдгардтом (командир Кавказского корпуса) и Гурко (начальник Левого фланга Кавказской линии)¹⁷¹.

Имамат (военно-административная структура, социальная и идеологическая политика, портрет вождя)

1. Характерно, что война, для успешного ведения которой необходим единый руководящий центр, часто становилась важнейшим фактором, ускорявшим переход к единодержавию. Так было, например, в русской истории. (См. Альшиц Д.Н. Указ. соч., с. 111).

Советский историк Н. Покровский точно заметил, что власть имама «вышла из военной диктатуры». (Покровский Н. Мюридизм у власти, с. 49). Аналогичная эволюция — от военного предводителя к политическому властителю племен — происходила с древнегерманскими вождями. (Неусыхин А.И. Военные союзы германских племен около начала нашей эры. — В кн.: Неусыхин А.И. Проблемы европейского феодализма. Избранные труды. М., 1974, с. 399).

Победы Шамиля, вызвавшие в начале 40-х годов небывалый размах Кавказской войны и резко поднявшие доходность этой своеобразной формы хозяйственной деятельности, имели важные последствия. Поскольку все горское общество было заинтересовано в военной добыче, оно на какой-то период практически целиком превратилось в социальный фундамент власти имама, показавшего свою способность обеспечить высокую «экономическую» эффективность набегов. Однако война, в которой захваченные ценности распределялись неравномерно, укрепляла материальное и социальное положение прежде всего непосредственной политической опоры Шамиля — верхнего слоя узденства, получавшего львиную долю добычи.

Крупные походы, пришедшие на смену мелким набегам и ставшие постоянным и расширяющимся военно-хозяйственным промыслом, равно как и оборона от ответных действий России, требовали организационного усовершенствования на принципах единоначалия¹. Имамат, рождавшийся как аппарат управления Кавказской войной и обществом, устроенным наподобие армии, поначалу был внешне похож скорее на ставку главнокомандующего, чем на государство. Но со временем помимо интересов военного руководства возникали и другие, не менее существенные. Как распределять добываемую в походах собственность и охранять права на нее? Как регулировать социальные отношения, изменяющиеся под влиянием имущественного неравенства? Какими средствами гарантировать неизбежность власти Ша-

2. См. История первобытного общества. Эпоха классовообразования, с. 490; Куббель Л.Е. Указ. соч., с. 159; Хазанов А.М. Классообразование: факторы и механизмы, с. 137—140.

3. Мировой этнографический материал свидетельствует, что авторитарные и тоталитарные черты видны уже при военной демократии (См., например: Потехин И.И. Военная демократия матабеле, с. 252).

миля? Решение этих проблем неминуемо вело к усложнению структуры имамата, усилению его социально-классовых функций, роли его административно-хозяйственных, судебных, идеологических звеньев. Кавказская война, имевшая своим результатом накопление собственности, являлась мощным катализатором процессов классовообразования и складывания государственности, источником глубоких формационных сдвигов. Дополнительный толчок (как это уже случалось во многих человеческих обществах²) давал внешний фактор — постоянные военные столкновения с Россией, — требовавший консолидации социально-потестарной и военной структуры. Все это создавало основы для концентрации власти в руках Шамиля, который был необходим, с одной стороны, как талантливый полководец и организатор приносивших добычу походов, с другой, — как гарант сохранения и приумножения материального благополучия для общественных «верхов» и обеспечения прожиточного минимума — для «низов». Происходит становление личной диктатуры — обычного для классового общества политического института³. Средством укрепления ее служила также религиозная идеология, внушавшая, что воля имама, как наместника аллаха на земле, непререкаема, и жить по законам шариата — значит обеспечить себе место в раю. Проповедником этих заповедей, помимо самого Шамиля — глубокого знатока и изощренного толкователя ислама — являлось влиятельное мусульманское духовенство, составлявшее наряду с формирующейся светской знатью социально-политическую опору имама, в силу чего его власть приобрела теократические черты.

Разумеется, личная диктатура возникала не спонтанно. Кроме соответствующих объективных предпосылок, для ее появления были необходимы субъективные устремления и целенаправленные усилия самой личности. Шамиль понимал, что упрочение власти невозможно без усовершенствования ее структуры. В начале 40-х гг., имея в своем подчинении огромную территорию с многочисленным населением, он принялся за восстановление системы имамата в более широких масштабах и более развитых организационных формах. Дагестан и Чечня были поделены на 17 наибств (в дальнейшем их стало 32), объединенных в три (по другим данным — четыре) области. (Лишь одно наибство — Ичкерийское — не входило в состав областей и управлялось непосредственно Шамилем.) Наиб, назначаемый имамом и действующий во вверенном округе от его имени, следил за соблюдением шариата, согласно которому он творил суд и расправу, отвечал за сбор войска и руководство им в бою, взимал налоги, был обязан пресекать междоусобицы, особенно кровную месть. Наиб

4. См. Прушановский К.И. Указ. соч., с. 55—58; Окольный Н.А. Перечень..., с. 400—401; Шамиль и Чечня, с. 141—143; Зиссерман А. Материалы..., с. 444; Макаров Т. Шамиль — гражданский и военный правитель. — Кавказ, 1859, № 94.

5. См. Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 83.

6. Руновский А. Муридизм и газават в Дагестане, по объяснению Шамиля. — РВ, 1862, № 12, с. 650—651.

имел заместителя и в каждом селении — своих помощников, одного по гражданским и военным делам (старшина или дебир), другого — по духовным (кадий). Подобная административная иерархия позволяла в пределах наибства соединить в одном лице всю власть: исполнительную, судебную, военную и духовную. Не все наибы наделялись равными полномочиями. Наиболее преданные и испытанные — такие, как Ахверды-Магома, Шуаиб-мулла, Улубей, Нур-Магомет чиркеевский — становились полными хозяевами в своих округах. Им давалось право казнить, тогда как другие наибы должны были отсылать к Шамилю виновных в особо тяжких преступлениях. Избранныкам имама (мудирам) доверялось управление, наряду с их собственными наибствами, областями, включавшими от 3 до 5 наибств⁴. Нередко наиб имел одновременно и военное и духовное звание⁵. Восстанавливались существовавшие в 30-е гг. институты мухтасибов и тателей.

Едва ли не важнейшую обязанность наиба составляли сбор войска и предводительство им. Структура войска была неоднородной. Его ядро представляло собой постоянную конную дружину примерно в 300 человек. Каждый десятый двор выставлял одного всадника, отличавшегося, как правило, высокими боевыми качествами. Его содержание приходилось на долю остальных девяти семейств и предполагало оплату серебром, выдачу зернового хлеба и фуража. Дружина подразделялась на сотни (во главе каждой из которых стоял сотник) и десятки (возглавляемые десятниками). Общее командование осуществлял наиб, обязанный явиться со своими конниками к Шамилю по его первому требованию. Кавалерия имама, мобилизованная из всех наибств, могла доходить до пяти тысяч человек и более. В сражении эти отборные части отличались стойкостью, проворством, искусным владением оружием. Они предназначались для самых трудных военных задач. В промежутках между походами их использовали в качестве полицейских сил для охраны внутреннего порядка в наибстве и инструмента проведения соответствующей социальной и идеологической политики.

Наиб имел при себе небольшую «гвардию» (до 20 человек) личных (или наибских) мюридов, которые, как правило, набирались из бедной среды и содержались, иногда вместе с их семьями, за его счет⁶.

Наряду с дружиной продолжала применяться традиционная форма комплектования войска — ополчение, созывавшееся по мере необходимости, когда обстоятельства требовали всеобщего вооружения народа. В такой обстановке каждый конный дружинник становился предводителем мужчин из тех десяти дворов, откуда выбрали его самого. Численность мо-

7. Магомедов Р.М. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Махачкала, 1939, с. 99.

8. Окольников Н.А. Перечень..., с. 401—402; Прушановский К.И. Указ. соч., с. 58—59; Шамиль и Чечня, с. 139—140. Немецкий историк, современник Кавказской войны Ф. Боденштедт находил аналогии в военной организации у горцев под руководством Шамиля, у древних норманнов и германцев, а также в Киевской Руси до монгольского завоевания. (Bodenstedt Fr. Les Peuples du Caucase..., p. 596).

9. ДГСВК, с. 495.

10. В условиях перехода к государственному и классовому строю военная организация общества обычно является системой «гражданского» управления. (См., например: Потехин И.И. Указ. соч., с. 250).

11. Трудно удержаться от сравнения с Иваном Грозным, который принуждал опричников «не водиться не только с друзьями и братьями, но и даже с родителями, а только во всем ему угождать». (Андрей Курбский. История о великом князе Московском. — В кн.: Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986, с. 369).

билизованных зависела от нужд Шамиля, масштабов проводимых им операций. По официальным русским данным, ополчение насчитывало до 48 тыс. человек⁷. Ополченец должен был иметь винтовку, пистолет и шашку, а если он зажиточен, то — и лошадь. В случае, когда хозяин оставался дома по болезни, лошадь передавалась другому. Каждый воин был обязан запастись провизией и нести ее на себе. При длительных походах ополченцы либо кормились за счет жителей окрестных мест, либо отправляли специальные партии домой за провиантом. Несмотря на воздержанность горцев в пище, бедные дагестанские села не были в состоянии продовольствовать большое войско даже в течение нескольких дней, не говоря уже о более продолжительном постое. Поэтому Шамиль старался производить краткосрочные сборы и преимущественно осенью, после уборки урожая. Простота системы мобилизации, природная способность и готовность горца к войне позволяли имаму сосредоточивать значительные силы в нужном месте и в нужное время. Отсутствие обозов делало армию Шамиля необычайно подвижной: она могла атаковать столь же молниеносно и мощно, сколь легко уклоняться от ответных ударов⁸. Призыву на воинскую службу подлежали все мужчины от 16 до 60 лет. Шамиль не исключал возможности тотальной мобилизации общества. Он постановил, что «всякая женщина должна иметь пику с железным наконечником и в случае надобности сражаться вместе с мужчинами»⁹.

Назначаясь имамом, наибы полностью подчинялись ему как в военных, так и в административных делах. В горском обществе — войске, пропитанном духом и бытом войны, они были одновременно и «генералами» и гражданскими «губернаторами»¹⁰. Главными рекомендациями при получении этой должности являлись: личная преданность Шамилю, соблюдение шариата, полководческие и организаторские способности, отвага. Социальное происхождение не имело принципиального значения: подразумевалось, что перед аллахом, имамом и шариатом все равны.

Шамиля окружала стража, насчитывавшая от 600 до 900 человек (есть и другие данные), именовавшихся муртазеками. Их отбирали преимущественно из холостых мужчин, готовых слепо повиноваться имаму и, если понадобится, отдать за него жизнь. Истово веруя в святость своего владыки и в учение шариата, они (часто не будучи холостыми) отказывались от семейной жизни и всецело принадлежали Шамилю¹¹, за что он вознаграждал их не только щедрой долей захваченной добычи, но и ежемесячным жалованием в серебряной монете, к которому время от времени прилагались особые денежные подарки. На односельчан занятого военной службой

12. См. Прушановский К.И. Указ. соч., с. 59—61; Окольный Н.А. Перечень..., с. 402—403; Юров А., 1843 и 1844 годы..., с. 43—45; Шамиль и Чечня, с. 140—141; Зиссерман А. Материалы..., с. 444—445; ДГСВК, с. 382—383; Warner (major). *Schamyl le prophète du Caucase*. (Trad. de l'anglais). Paris, 1854, p. 70—72; Texier Ed. Op. cit., p. 32; Bodendstedt Fr. *Les Peuples du Caucase...*, p. 597—599; Des Essarts A. *Portraits biographiques et critiques des hommes de la Guerre d'Orient*, Imam Schamyl. Paris, 1855, p. 343.

13. Руновский А. Муридизм и гават..., с. 651; Он же. Кодекс Шамиля, с. 363.

14. Выдержки из записок Абдурахмана сына Джемалэдинова, о пребывании Шамиля в Ведене и о прочем. Тифлис, 1862, с. 14, 16.

15. О гражданских, военных и духовных постановлениях Шамиля. — ВС, 1900, т. 252, № 3, с. 211.

муртазека возлагалась обязанность по обработке его земли и сбору урожая, в чем можно усмотреть некое подобие барщинной повинности. Кроме того, каждому селению, куда по тем или иным причинам посылались муртазеки, вменялось в обязанность полное содержание их. Войско муртазек, носившее отличительные знаки, было разбито на десятки и сотни; самые крупные единицы объединяли по триста и пятьсот человек. Всеми этими подразделениями руководили командиры соответствующих рангов. В сражениях муртазеки составляли лучшую, «гвардейскую» часть армии Шамиля, ее самый надежный резерв. Они дрались ловко и отчаянно, соблюдая отменную боевую дисциплину. В мирное время это была не только личная охрана имама, но и своего рода тайная полиция, имевшая определенное сходство с институтом опричников. Муртазеки использовались для укрепления власти Шамиля. Их рассылали по аулам следить за выполнением законов шариата, распространять их на новые территории, карать непокорных¹². По мере того как служба муртазек и наибских мюридов становилась почетной и доходной, ее охотно несли не только бедные, но и зажиточные уздени¹³.

Из числа муртазек был создан особый отряд личных телохранителей имама, состоявший из ста двадцати мюридов и двенадцати десятников (онбаши). Они квартировались в ауле, неподалеку от резиденции Шамиля, готовые выполнить любой его приказ, даже пожертвовав собой. Эту почетную стражу возглавлял сотник (юзбаши), приближенное лицо, неразлучно сопровождавшее имама повсюду. В доме Шамиля круглосуточно дежурил караул из десяти мюридов со своим десятником, сменявшийся каждую неделю¹⁴.

Центральный административный аппарат имамата составляли канцелярия Шамиля и верховный совет — высший совещательный и распорядительный орган. Канцелярия включала наместника (заместителя) имама (векеля), судью (кадия), писаря-секретаря, казначея, переводчика, трех чиновников (назыров), один из которых ведал вопросами снаряжения и снабжения армии, другой — общественным скотом, третий — общественным хлебом¹⁵.

Верховный совет, состоявший из 6 постоянных членов под председательством Шамиля, собирался ежедневно, кроме пятницы (дня молитвы и отдохновения), для обсуждения общественных дел. В понедельник, вторник, среду и четверг совет заслушивал письменные донесения наибов из отдаленных районов имамата или устные доклады тех, кто находился поближе и имел возможность предстать перед Шамилем лично. Тут же принимались решения и определялись меры к их исполнению. Суббота и воскре-

16.
Выдержки из записок Абдур-
рахмана..., с. 9—14.

17.
Там же, с. 15.

сеные предназначались для приема частных лиц с просьбами или жалобами, которые должны были быть весомыми и хорошо мотивированными. Осмелившийся беспокоить имама по пустякам строго наказывался. Все прошения подавались через кадия. Ходатаи извещались о высочайшем решении устно, при надобности изготавливался соответствующий документ. Когда дело требовало уточнений, посетителя вызывали к Шамилю для дополнительных разъяснений.

Решающий голос в совете, особенно в военных проблемах, как правило, принадлежал имаму. В отдельных случаях ему могли возражать, да и то лишь наиболее авторитетные и уважаемые им советники. Впрочем, Шамиль терпимо относился к чужому мнению только во второстепенных вопросах. Со временем от этой скорее ритуальной, чем реальной коллегиальности, сохранившейся от патриархального строя, не останется даже видимости.

Совет заседал с утра до обеда, а иногда до самого вечера в специальной комнате — диван-ханэ, — примыкавшей к покоям имама и строго охранявшейся. Помимо постоянных членов совета на заседаниях присутствовали писарь-секретарь, готовивший письменные распоряжения Шамиля и прочие бумаги, переводчик с чеченского и других языков, начальник караула (онбаши), начальник корпуса телохранителей (юзбаши)¹⁶. Последний был примечательной фигурой в административной иерархии; его обязанности выходили за рамки функции охраны безопасности имама. Он являлся главным информатором Шамиля о внутреннем состоянии страны, сведения о котором собирались частным порядком и негласно. Особое внимание обращалось на общее настроение умов, отношение к власти имама, признаки политической оппозиции. Разумеется, прежде всего следили за тем, как соблюдаются предписания шариата, что позволяло судить о степени благонадежности человека.

На основании таких полицейских донесений Шамиль и совет выносили приговор, который юзбаши должен был привести в исполнение. Обычно речь шла об убийстве, аресте или доставке виновного к имаму, иногда об устройстве какого-либо другого дела, связанного с карательно-охранительной политикой. Для выполнения подобных поручений юзбаши отряжал известное число своих муртазек, смотря по характеру задания. Лишь в исключительно важных случаях он действовал лично, по именному приказу Шамиля¹⁷.

Имам являлся главнокомандующим армии, которой он придал регулярный характер и четкую структуру. В ее самое боеспособное ядро входили шамилевские «гвардейские» войска (муртазеки) и наибские дру-

18.

О гражданских, военных и духовных постановлениях Шамиля, с. 212—213; Прушановский К.И. Указ. соч., с. 64; Юров А. 1843 и 1844 годы..., с. 44—45.

жины (именуемые в некоторых русских источниках милицией), находившиеся в постоянной готовности к действию. Рядовую массу составляли ополченцы, созывавшиеся от случая к случаю и использовавшиеся в качестве своего рода «чернорабочих» войны. Вся армия разделялась на десятки, сотни, трехсотни, пятисотни. Между начальниками каждой из этих единиц существовала система рангов и подчинений. Пятисотенными командирами обычно назначались наибы, имевшие право носить чины, условно соответствовавшие генералу, полковнику и капитану. Первоначально в генералы были произведены Шуаиб-мулла, Улубей-мулла, Абакар-кадий, Хаджи-Мурат, Кибит-Магома — ближайшие подручные Шамиля, выделявшиеся военно-предводительскими способностями, неустрашимостью, общественным авторитетом. Звания полковников имели Абдурахман-Дибир и Омар-Анкратльский — фигуры менее маститые и влиятельные. Остальные младшие наибы довольствовались чином капитана. Все это нашло отражение в соответствующих знаках отличия. В армейских делах имам был единоличным повелителем. Любой его приказ воспринимался как закон, не подлежащий оспариванию. По первому требованию Шамиля войска собирались в назначенном месте. Оповещения на этот счет, как и другие распоряжения, передавались даже в самые отдаленные общества чрезвычайно быстро, посредством специальных курьеров. Предъявив выданный имамом мандат, они по пути следования нигде не встречали затруднений, без задержек получая свежих лошадей, продовольствие, проводников, ночлег. Наибы несли ответственность за своевременное прибытие войск на сборный пункт и за их состояние. К наibaм приставлялись особые чиновники, контролировавшие «интендантскую» службу. Их подробные отчеты Шамилю о расходовании продовольствия имели целью пресечение возможных злоупотреблений.

При наступлении или отступлении армии следовало соблюдать стройный порядок и дисциплину, стараясь прикрыть центр, где находился имам или его наместник (заместитель). Основное правило в бою — стойкость. Строгая внутренняя организация, подчиненность нижестоящего вышестоящему сохранялись в кадровой части армии и в «мирное» время, которого, в сущности говоря, горцы не знали.

Для обороны укреплений Шамиль создал гарнизоны, обеспечив их всем необходимым на случай осады¹⁸.

В армии была введена система наград, поощрявших храбрость, усердие, преданность Шамилю и готовность погибнуть за него. Однако проявленные человеком достоинства оценивались в зависимости от его ранга. Высшему командованию полагались

19.

Прушановский К.И. Указ. соч., с. 65—66; О гражданских, военных и духовных постановлениях Шамиля, с. 212—213; Окольный Н.А. Перечень..., с. 404; Шамиль и Чечня, с. 137—138; Зиссерман А. Материалы..., с. 447—450.

20.

Дневник Руновского, с. 1439.

одни награды, среднему звену — другие, рядовому составу — третьи. Особо отличившиеся удостоивались именной надписи Шамиля на темляке шашки: «Нет» (такого-то) храбрее, нет сабли его острее». Награжденный имел право на ежемесячное жалование в три рубля серебром. Существовали и исключительные символы воинской доблести, предназначенные для ближайших соратников имама. За отвагу, проявленную крупным боевым подразделением, включавшим иногда мужское население целого общества, вручалось знамя.

Столь же разнообразны были и наказания. За незначительную вину взыскивался штраф, деньгами или натурой, поступавший в общественную казну. Повторение аналогичного преступления влекло за собой увеличение штрафа. Выказавшим трусость в сражении обшивался войлоком правый рукав или прикреплялся кусок материи к спине. Человек носил эти знаки позора до тех пор, пока не доказывал в бою свое бесстрашие.

За более крупные преступления виновные не только платили штраф, но и сажались в темную яму на несколько недель или месяцев. Их содержали впроголодь, в сыром и затхлом воздухе. При попытке к бегству на них надевали тяжелые кандалы. Отбывшие срок выходили из этих тюрем не похожими на себя, истощенными и больными, иногда неизлечимо.

Широко применялось наказание плетью или палками. Уголовные преступления — измена, дезертирство, шпионаж, неподчинение воле имама — карались казнью (отсечение головы, расстрел, закалывание кинжалом).

При выходах к народу Шамиля постоянно сопровождал напоминавший римского ликтора палач с секирой, публично и торжественно приводивший в исполнение наиболее важные смертные приговоры. Казни, не требовавшие особого церемониала, производились приближенными к имаму муртазеками путем расстрела или закалывания¹⁹. Именитым преступникам высшая мера иногда заменялась ссылкой в дагестанскую «Сибирь» — отдаленные аулы с дурным климатом²⁰.

Шамиль был главой духовенства, выполнявшего в имамате религиозно-идеологические и судебные функции. В клерикальной табели о рангах за имамом — высшей инстанцией в делах богослужения и правосудия — шел старший кадий, входивший в центральный административный аппарат. Ниже находился муфтий, ведавший аналогичными вопросами на уровне наибства. Ему подчинялись младшие кадии, по одному — в каждом ауле. Такая система позволяла следить за соблюдением в народе мусульманского благочиния, вершить суд по шариату. В сложных судебных случаях кадий был обязан со-

21. Прушановский К.И. Указ. соч., с. 61—62; Юров А. 1843 и 1844 годы..., с. 46; Окольников Н.А. Перечень..., с. 403; Шамиль и Чечня, с. 138—139.

22. Руновский А. Кодекс Шамиля, с. 373; Дневник Руновского, с. 1488—1489.

23. Koch K. Reise in Grusien..., S. 404.

24. Руновский А. Кодекс..., с. 381.

25. Хаджи-Мурат. Письма о нем кн. М.С. Воронцова и рассказы кавказцев, 1851—1852 гг. Сообщил А. Зиссерман. — РС, 1881, № 3, с. 671; Потто В.А. Гаджи-Мурат, с. 180; Детские воспоминания дагестанского горца. — Кавказ, 1874, № 96, 105. (В № 105 и № 146 эта работа идет под заголовком: «Из воспоминаний дагестанского горца»).

26. Руновский А. Кодекс..., с. 373.

ветоваться с муфтием. Если последний уличал своего подчиненного в несправедливом решении, то он мог сместить кадия и заменить его другим. По той же причине то же самое мог сделать с муфтием наиб, наделенный правом назначать и контролировать духовенство в пределах своего наибства, правда, — с ведома Шамиля. Кадии либо получали жалование из общественной казны, либо кормились за счет населения.

Видная роль в религиозной, политической и духовной жизни общества принадлежала алимам — мусульманским ученым, глубоко сведущим в Коране, исламском законоведении, арабской словесности. Не занимая, как правило, никаких «официальных» должностей, они своим моральным авторитетом оказывали влияние на ход дел в имамате. Шамиль, вынужденный считаться с алимами, пользовавшимися широкой известностью и почитанием в народе, держал их в качестве средства идеологического воздействия на массы. Они были бесценными его помощниками там, где речь шла о насаждении шариата, создании правильных настроений умов. Однако статус «великого жреца» новой идеологии имам ревниво оставлял только за собой.

Шамиль учредил государственную казну (байтулмал) на основе единой системы налогообложения. Статьи доходов были весьма разнообразны. 1) Традиционный хамус (или хумус) — пятая доля военной добычи. 2) Подворная подать, размеры и вид (натуральный или денежный) которой зависели от благосостояния того или иного общества. 3) Зякат — десятая часть хлебного урожая, узаконенная шариатом подать. 4) Доходы с земель, принадлежавших мечетям. 5) Харадж — подать с горных пастбищ. 6) Штрафы за нарушение шариата и другие преступления. 7) Выморочное и конфискованное имущество, движимое и недвижимое²¹. Существовал еще один источник дохода: Шамиль брал с жителей Тушетии подворную подать по 3 руб. серебром в год (по другим данным — 2 руб.) за то, что он запретил совершать набеги в их сторону²². Подвластные России районы также откупались от нападений мюридов зерном и другими продуктами²³. Практически это была скрытая форма военной добычи, опосредствованная данническими отношениями. С течением времени вводились и другие налоги²⁴. Кроме того, Шамиль получал подарки от наибов или просителей²⁵.

Все денежные сборы поступали непосредственно к казначею Шамиля, а натуральные продукты оставались в ведении каждого наиба и расходовались по указанию имама. Согласно шариату, Шамиль мог распоряжаться казной совершенно бесконтрольно²⁶. Практически различие между байтулмалом и личными средствами имама было весьма условным.

27. Потто В.А. Гаджи-Мурат, с. 180—181.
28. Дневник Руновского, с. 1477; Руновский А. Кодекс..., с. 370—371.
29. Там же, с. 368—369; Пржецлавский П. Несколько слов... — Кавказ, 1863, № 64, с. 405—406.
30. Пржецлавский П. Несколько слов..., с. 406.
31. Руновский А. Кодекс..., с. 371. Впрочем, тот же Руновский, расходясь с собственными показаниями, утверждал в другом месте, что тателам «Шамиль предоставил пользоваться добровольными приношениями». (Дневник Руновского, с. 1477).
32. Дневник Руновского, с. 1477.
33. См. Руновский А. Кодекс..., с. 373; Дневник Руновского, с. 1477. Советский историк В.Г. Гаджиев подвергает сомнению сообщение некоторых источников (в частности — Абдуррахмана) о безвозмездной службе мухтасибов на том основании, что они, как люди, облеченные властью, не могли не злоупотреблять ею в корыстных целях. (Гаджиев В.Г. Абдуррахман и его воспоминания. — В кн.: Из истории дореволюционного Дагестана (Сборник научных трудов). Махачкала, 1976, с. 151). Предположение логичное — все чиновники обирают народ, отчего не делать это мухтасибам?, — но не подкрепленное доказательствами. Мы готовы разделить эту логику, оговорившись, что она не исключает наличия в имамате более или менее честных администраторов. (См. Волконский Н. Укрепления Шатоевское и Евдокимовское зимою 1858 и 1859 года. — Кавказ, 1859, № 71).
34. Пржецлавский П. Несколько слов..., с. 405.
35. Выдержки из записок Абдуррахмана..., с. 23—24; Руновский А. Кодекс..., с. 361; Он же. Записки о Шамиле. СПб., 1860,

В системе содержания чиновного аппарата отсутствовало единообразие. Наибы, не получая официального жалования, существовали за счет населения (что напоминало русскую систему кормлений) и права выбора лучшего из добычи от набегов²⁷. Размеры поборов не ограничивались так же, как никто точно не устанавливал ту их часть, которую следовало передавать в казну имама. Все предоставлялось добросовестности наибов — положение, естественно порождавшее злоупотребления. Вошли в обычай подарки мудирам от наибов, в свою очередь получавших подношения от подчиненных²⁸.

Благосостояние дебиров, муфтиев и кадиев также обеспечивалось различными повинностями, возложенными на горцев. В зависимости от конкретных местных условий они могли быть денежными, натуральными, отработочными²⁹. Духовенство получало дополнительный доход с населения за исполнение мусульманских обрядов³⁰. Татели, надзиравшие за отправлением религиозных обязанностей и осуществлявшие телесные наказания по приговорам наиба, жили непосредственно за счет своей профессии. За исполнение приговора они получали от наказуемого установленное количество муки (определявшееся по тяжести преступления). Татели давали присягу не брать никаких подарков³¹, но, кажется, редко ее соблюдали³². Понятно, что они были заинтересованы в разоблачении как можно большего числа проступков. Мухтасибы — шамилевские контролеры — будучи, по свидетельству А. Руновского, «людьми достаточно точными», вообще не получали жалования. Известные набожностью, неподкупностью, строгостью нравов, они облакались особым доверием имама³³.

Централизация государственного управления требовала статистико-демографического учета людских ресурсов, необходимого для пополнения армии и организации правильной системы налогообложения. С этой целью в имамате велась перепись населения³⁴.

Строительство имамата — в его военной и административной частях — не обошлось без заимствования из Турции и России³⁵.

Поскольку практически все подчиненное Шамилю население (в его мужской части) находилось «под ружьем», оно в известном смысле напоминало единое военное сословие. Его внутренняя армейская иерархия (высший и средний командный состав, дружина, ополчение) носила одновременно и социальный характер, санкционируя и углубляя неравенство в общественном и имущественном положении людей. Это военно-социальное устройство, на протяжении десятилетий стихийно складывавшееся в ходе интенсивной набеговой экспансии, получило благодаря реформам Шамиля четкие государственные формы.

гл. 5, с. 57; Dulaurier Ed. La Russie dans le Caucase. — RDM, 1861, t. 33, p. 316.

36.

См. Wagner F. and Bodensiedt Fr. Schamyl: the Sultan, Warrior, and Prophet of the Caucasus. Lnd., 1854, p. 66.

Мусульманское законодательство, по которому всадник получал втрое больше пехотинца, а полководец имел право на лучшую часть добычи, закрепило наметившуюся в горском обществе систему распределения. Примечательно, что еще пророк Мухаммед прибегал к неравномерному разделу добычи как к политическому средству привлечения на свою сторону нужного ему в данный момент слоя общества. (См. Грюнебаум Г.Э. Указ. соч., с. 44).

37.

Нужно оповориться, что собственность была защищена властью и законом до тех пор, пока ее обладатель сохранял лояльность к режиму Шамиля. В случае грубого нарушения этой лояльности она конфисковывалась государством.

38.

Дневник Руновского, с. 1488—1489.

39.

Гаджи-Али. Указ. соч., с. 70; Пржецлавский П. Несколько слов... — Кавказ, 1863, № 63, с. 399.

40.

Сравнить: Фюстель де Куланж Н.Д. Указ. соч., т. 5, с. 22—23, 256—257; Гуревич А.Я. Походы викингов, с. 28, 96, 122.

Система имамата явилась не только логическим следствием предыдущего формационного развития, но и мощным толчком для последующего. Она была достаточно совершенным механизмом управления обществом в условиях Кавказской войны и инструментом проведения определенной социально-экономической политики, которая, возникнув в результате образования раннефеодальной собственности и классов, приводила к дальнейшему нарастанию этих явлений.

С созданием имамата горцы приобрели высокоорганизованный способ получения военной добычи. Она оставалась главным стимулятором набеговой экспансии, все участники которой хотели иметь надежный материальный источник. Вместе с тем государство Шамиля узаконивало уже существовавшую традицию неравномерного распределения добытых ценностей, что, естественно, порождало общественное расслоение³⁶. Принцип неравенства был органически заложен как в самой сущности, так и в структурной форме имамата — системе власти, призванной защищать собственность и собственника³⁷. Большая часть добычи попадала в руки наибов, муртазеков и дружины. Часть средств через государственную казну передавалась духовенству и жившим в Дагестане потомкам корейшитов (около 70 человек обоего пола) — племени, из которого происходил пророк Мухаммед. Корейшиты хорошо знали доходы имамата и очень ревностно следили за правильным отчислением им положенного³⁸. Меньше всего доставалось ополчению. Его стихийное стремление к более справедливому перераспределению общественного продукта, выражавшееся в естественных попытках утаить захваченную добычу, каралось казнью и конфискацией имущества³⁹.

Имущественное положение горца обуславливало и его социальный статус, в свою очередь оказывавший обратное влияние на благосостояние человека: высокий статус открывал путь к прогрессирующему обогащению, низкий — к обнищанию. Дружина (включая корпус муртазеков), система комплектования которой принимает при Шамиле военно-феодальный характер, постепенно вырастает в господствующий класс. Обнаружившиеся в ней черты внутренней неоднородности проистекали от различий между дружинниками в рангах и прерогативах власти, откуда возникали и неравные возможности в приращении доходов⁴⁰. Военно-командное, административное и клерикально-идеологическое ядро имамата — советники и чиновники Шамиля, наибы, высшее духовенство, сотенные командиры муртазеков и дружинников — превращалось в правящую «аристократию» с намечавшимися признаками сословия; средний и низший слои дружинного воинства становились «рядовой» знатью.

41. Юров А. 1843 и 1844 годы..., с. 43; Окольничий Н.А. Перечень..., с. 401; Шамиль и Чечня, с. 142—143; Руновский А. Кодекс Шамиля. — ВС, 1862, т. 23, с. 337—339; ДГСВК, с. 408.

42. Покровский Н. Мюридизм у власти, с. 57.

43. Для наиба существовало узаконенное право первого выбора самого ценного из добычи. (Хаджи-Мурат. Письма о нем..., с. 671).

44. См. Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 136—137.

45. ДГСВК, с. 355, 398.

46. Там же, с. 395, 399, 401.

47. Покровский Н. Мюридизм у власти, с. 53.

Крупные политические фигуры представляли собой наибы. Подотчетные только Шамилю, они стремились к безраздельному господству в своих округах и со временем достигали этого. Концентрация власти, дополненная системой кормлений, означала блестящие материальные перспективы. Право взимать различные налоги и вершить суд открывало для наибов возможности обогащения путем злоупотреблений⁴¹. Они нередко присваивали ту часть (20 %) военной добычи, которую полагалось отчислять в имамскую казну⁴². В набегах — основном способе захвата чужого имущества, новых земель, пленных, скота — были заинтересованы все их участники, но для наиба, как организатора и предводителя экспансии, контролировавшего распределение добычи, они приобретали особое значение⁴³. В его руках скапливались значительные богатства, укреплявшие его социально-политические позиции. Наиб, все явственнее напоминавший крупного феодального собственника со своим военно-административным аппаратом, начинает тяготиться надзором Шамиля и стремится к независимости. Пока, в период расцвета имамата, это лишь смутная тенденция⁴⁴, которая позже воплотится в сепаратистские, «удельно-княжеские» настроения.

Русские власти почувствовали ранние симптомы подбных настроений. В начале 1842 г. генерал Фези вступил в переговоры с Кибит-Магомой «даже с некоторою надеждою успеха», однако последовавшие затем военные неудачи России остановили «дальнейший ход этого дела». Генерал Головин справедливо предполагал, что одного материального вознаграждения Кибит-Магоме будет недостаточно, «он, вероятно, захотел бы какого-нибудь возвышения с правом управлять независимо под покровительством нашим... некоторыми горскими племенами...»⁴⁵. Впредь русское командование намеревается «испытывать» наибов Шамиля и влиятельных горцев «обольстительными надеждами вдруг обогатиться» и готово сразу вступить в переговоры о «выгодах и преимуществах» с теми, кто хочет порвать с мюридизмом и имамом⁴⁶.

Из верхушечного (командного) слоя дружины, а также из представителей духовенства формировались феодальные элементы, стоявшие на социальной лестнице несколько ниже наибов, но и они с течением времени обнаруживали тягу к известной «автономии», опять-таки порожденную наличием крупной собственности. Наибы и молодая «аристократия» уже подумывают о передаче по наследству своих социальных и имущественных прав⁴⁷.

Хуже обеспеченные средние и нижние пласты дружинников образовывали нечто похожее на мелкопоместных феодалов, политически менее притязательных.

Ополчению, созывавшемуся нерегулярно и игра-

48.

Пржецлавский П. Несколько слов... — Кавказ, 1863, № 63, с. 399—400. Растущие диспропорции в дележе добычи — характерное явление при переходе от военной демократии к раннеклассовому обществу. (См. Куббель Л. Е. Указ. соч., с. 146).

49.

Пржецлавский П. Несколько слов... — Кавказ, 1863, № 62, с. 394.

50.

Покровский Н. Мюридизм у власти, с. 62.

51.

Чичагова М.Н. Указ. соч., с. 48. Ср. Дневник Руновского, с. 1433.

52.

Особенность восприятия символического образа людьми состоит в том, что он утверждается в их сознании как бесспорная истина, исключающая всякие попытки размышлять над причинами его возникновения и его смыслом. Обладая такой способностью, социальный символизм является средством установления «социальных дистанций» между различными общественными слоями, и тем самым, — средством обеспечения «нормального» функционирования классового общества на основе «каждому — свое». Социальная символика в качестве формы отражения общественных отношений — важный источник информации об их уровне. (См. Плахова А.В. Социальная символика: к определению понятия. — В кн.: Категории исторических наук. Л., 1988, с. 49, 53—54; Басин Е.Я., Краснов В.М. Социальный символизм. — ВФ, 1971, № 10, с. 168). Тяга людских коллективов к использованию символика и сила ее воздействия на них объясняется тем, что она играет роль очень удобного и экономичного способа «кодирования» сложных общественных связей и понятий путем сведения их к элементарным зрительным образам. «Символика, — писал В.М. Бехтерев, — стремится заместить сложные явления какими-либо быющими в глаза и во всяком случае выразительными и легко улавливаемыми знаками». (Бехте-

шему, в сравнении с постоянным войском, меньшую роль в набегах, перепадала соответствующая доля добычи⁴⁸. Такая неравномерность в распределении захваченных ценностей зачастую прикрывалась вроде бы справедливым принципом: больше получает тот, кто отличился в бою⁴⁹. Однако совершенно очевидно, что у хорошо вооруженного конного дружинника было несравнимо больше шансов «отличиться», чем у пешего ополченца, часто не имевшего ружья и использовавшегося на второстепенных, но тяжелых ролях (устройство завалов, инженерные работы и т. д.). Из-за этого между ополчением и дружиной систематически происходили трения, отражавшие противоборство между узденской верхушкой и узденской массой⁵⁰, которая становилась питательной почвой для «произрастания» полузависимых и зависимых категорий населения.

Внешней приметой иерархизации общества служила введенная Шамилем социальная символика: наiban полагалось носить желтые чалмы, сотенным командирам — пестрые, муллам — зеленые, глашатаям (чаушам) — красные, хаджиям (людям, побывавшим в Мекке) — коричневые, палачам — черные, всем остальным — белые⁵¹. Подчеркнуто демонстрируя смиренного раба божьего, свою неотъемлемость от простого народа, имам скромно довольствовался белой чалмой. Эти и другие различия в атрибутах одежды ускоряли формирование массового иерархического сознания, заставлявшего воспринимать возвышение одних над другими как нечто естественное и справедливое⁵². «Простая» чалма Шамиля никого не обманывала: она говорила не только о «человеке из народа», но и о том, что вождь стоит вне этих социальных рангов, точнее — над ними.

Так в военно-социальной структуре, созданной Кавказской войной, отчетливо выразился единый процесс образования собственности, классов и государства. Вместе с тем, сама эта структура, приняв усовершенствованную форму (имамат) благодаря преобразованиям Шамиля и войне с Россией, оказывала катализирующее воздействие на генезис феодализма⁵³.

Экспансия была далеко не единственной материальной основой развития общества⁵⁴. Прирост совокупного общественного продукта, включая его прибавочную часть, давали и мирные отрасли хозяйства:

рев В.М. Коллективная рефлексология. Пг., 1921, ч. 2, с. 358, а также: с. 393).

53.

Подобное влияние Кавказской войны на ход классово- и политогенеза вполне вписывается в рамки общих, уже давно замеченных у разных народов зако-

номерностей. (См. История первобытного общества. Эпоха классовобразования. Под ред. Ю.В.Бромлея. М., 1988, с. 212—215, 230—235).

54.

По мнению М.Н. Покровского, благодаря установленным раз-
мерам отчислений в казну от

военной добычи была создана финансовая система имамата, на которую опирался военно-административный аппарат. (Покровский М.Н. Дипломатия..., с. 213). Несмотря на то, что это утверждение отдает вульгаризированным экономизмом, историк в принципе верно понял значение одного из факторов, участвовавших в строительстве раннефеодального государства.

55.

См. Иваненков Н.С. Горные чеченцы. Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области. — ТС, 1910, вып. 7, с. 45, 53—54; Покровский М.Н. Мюридизм у власти, с. 53—54.

56.

Покровский Н. Краткий обзор истории имамата времен Кавказской войны. — Революция и горец, 1933, № 6—7, с. 114—115.

57.

Гаджи-Али. Указ. соч., с. 74; Ржевуский А. 1845 год на Кавказе. — КС, 1882, т. 6, с. 409.

58.

Руновский А. Кодекс Шамиля, с. 338—339, 358. Академик В.В. Бартольд писал: «Характерная черта законодательства Корана — чрезмерная заботливость о правах собственности и явно недостаточное внимание к правам личности». (Бартольд В.В. Ислам. — Соч., т. 6, М., 1966, с. 101).

59.

Koch K. Reise in Grusien..., S. 417.

60.

Руновский А. Кодекс Шамиля, с. 355—357.

скотоводство, земледелие, садоводство, ремесла. Однако на ограниченной производительной базе, в скудных природных условиях высокогорья они прогрессировали очень медленно.

Политика имамата, нуждавшегося в социальной опоре, предусматривала «выращивание» крупных земельных собственников. При явном покровительстве Шамиля зажиточные уздени захватывали общинные угодья, прибавляя их к своим хозяйствам, вскоре приобретавшим типичный феодальный вид⁵⁵. Особенно наглядно это наблюдалось в Чечне, где, по словам Н. Покровского, развертывалась «мобилизация земельной собственности, выражающаяся в первую очередь в разграблении сильными родами общинных земель»⁵⁶.

Важным источником феодализации являлась введенная имамом налоговая система⁵⁷, со временем оформившаяся в достаточно отлаженный государственно-финансовый механизм. Последний служил не только для пополнения казны, из которой дружинная (узденская) знать щедро подкармливалась денежными и натуральными пожалованиями, но и для непосредственного обогащения набобов, наделенных правом взимать подати с населения и оставлять часть из собранных средств у себя. Кроме того, горцы несли различные повинности (в том числе отработочные) в пользу административного аппарата наибства — дебиров, муфтиев, кадиев.

Законодательная политика Шамиля и отражала и стимулировала процесс феодализации. Разновременно устанавливаемые им правовые нормы, основанные на шариате и систематизированные позднее в так называемом «Низаме», внушали горцам «правильное понятие» о собственности, предусматривали средства ее защиты от различных видов посягательств, особенно — воровства⁵⁸. По свидетельству современников Кавказской войны, в тех аулах, которые признавали господство имама, обеспечивалась «полная безопасность собственности»⁵⁹. В спорных случаях, связанных с закладом или продажей имущества, закон явно принимал сторону более зажиточного участника тяжбы⁶⁰.

Итак, военная добыча (материальные ценности, новые земли, рабочая сила, скот), сельскохозяйственное и ремесленное производство, формировавшаяся под опекой Шамиля частная собственность на движимое и недвижимое имущество, а также налоговая система, будучи экономическим фундаментом имамата, способствовали окончательному расколу горского общества. Эта важнейшая тенденция Кавказской войны, наметившаяся с самого начала, в дальнейшем приобретала характер глубоко формационного процесса.

Обычно, когда речь идет о социальной стороне

61. См. Руновский А. Муридизм и газават..., с. 682—683; Baumgarten G. Sechzig Jahre..., S. 130.
62. А.-Д.Г. Обзор..., с. 490.
63. См. Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 125; Приложения к статье «1845-й год на Кавказе», с. 6—7. Часть «старой» знати пользовалась уважением в народе, издревле привыкшем жить под ее управлением, далеко не всегда таким невыносимым, как принято думать. (См. ДГСВК, с. 435—436; Об отношениях Даниель-бека к Шамилю. — Кавказ, 1861, № 8, с. 45, 46). Понимавший это Шамиль проводил неоднозначную политику в отношении древних знатных фамилий, поддерживая их там, где они признавали его власть и идеи, и уничтожая там, где они противились. В его психологии глубоко сидел характерный для узденской массы «плебейский комплекс» ненависти и почтения к аристократии, как к избранной, породистой касте. И чем больше имам срастался с нею, тем меньше негативного оставалось в его двойственном чувстве. (См. Руновский А. Записки..., гл. 5, с. 5). Примечательно, что, сместив Хаджи-Мурата с должности аварского наиба в 1851 г., Шамиль заменил его Фехт-Али — отпрыском аварского ханского рода. (АКАК, т. 10, с. 520).
64. Руновский А. Взгляд..., с. 395.
65. Там же, с. 403.
66. Élisée Reclus. Nouvelle Géographie Universelle. Paris, 1881, т. 6, p. 153.

Кавказской войны, принято указывать на то, что в имамате произошла лишь замена потомственной светской аристократии, успевшей народиться в раннефеодальных образованиях (ханствах, шамхальствах, кайтагствах, уцмийствах), новой феодально-клерикальной знатью. Между тем не учитывается следующее обстоятельство. Весьма высокие темпы феодализации «вольных» обществ и тайпов, обеспечивавшиеся Кавказской войной, действительно распространились и на районы, где уже вполне сложился феодальный уклад. Объявленный имамом газават против этих районов лишь внешне выглядел «антифеодальным», постольку, поскольку за Шамилем, как и ранее за Кази-муллой и Гамзат-беком, пошли общественные «низы», недовольные своими хозяевами. На самом деле газават скорее был средством «реконструкции» и упрочения «старого» горского феодализма, но с помощью новых «кадров»⁶¹. К таковым принадлежали прежде всего наибы. Наделенные огромной властью, они либо подчиняли «старую» узденскую знать новому порядку, либо истребляли ее⁶². «Реконструкция» включала в себя также попытки Шамиля привлечь на свою сторону сговорчивую часть более влиятельного, чем узденская знать, слоя — потомственной феодальной аристократии⁶³. Хотя, в общем, последнюю имам предпочитал держать, по его собственным словам, «в черном теле»⁶⁴. Он стремился создать «новое, свежее сословие господ, чтобы поручить ему управление страной, но под строгим монаршим контролем»⁶⁵. И Шамиль вырастил это сословие в лице новой военно-административной и теократической элиты⁶⁶, которая, вобрав в себя «старые» феодальные кадры, стала основой для единого господствующего класса.

Кавказская война с ее специфической природой и выдающимся руководителем подводила под «горский феодализм» более широкую экономическую базу, снабжала его надежной юрисдикцией (шариат) и идеологической доктриной (мюридизм, газават).

Что касается классовой борьбы, то признаки этого объективного явления, присущего феодально-генезисным процессам, сопровождали Кавказскую войну изначально, усиливаясь по мере обострения социальных противоречий. Однако нет оснований преувеличивать силу и размах этой борьбы. Во-первых, потому что сама по себе антагонизация общества, — ввиду живучести патриархально-общинных, относительно демократичных норм права и морали, — шла медленно, изломанно и завуалированно, редко достигая того уровня напряженности, на котором обычно возникают типичные конфликты между классами. Во-вторых, потому что до поры до времени осуществляемая военным путем эффективная эксплуатация внешних источников прибавочного продукта за-

67. См. История первобытного общества. Эпоха классовообразования, с. 493; Куббель Л. Е. Указ. соч., с. 152; Хазанов А.М. «Военная демократия» и эпоха классовообразования. — ВИ, 1968, № 12, с. 96.

68. См. Клиnger И. Два с половиною года..., с. 972, 980—981.

69. Покровский Н. Краткий обзор..., с. 114.

70. См. Хроника Мухаммеда-Тахира, с. 137; Élisée Reclus. Op. cit., t. 6, p. 153.

71. См. Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 138; ДГСВК, с. 384.

72. Вердеревский Е. Указ. соч., с. 432.

73. См. Дубровин Н.Ф. Обзор войн..., с. 171; АКАК, т. 9, с. 360.

74. Юров А. 1843 и 1844 годы..., с. 46—47, 49; Прушановский К.И. Указ. соч., с. 66; ДГСВК, с. 386.

75. Dulaurier Ed. La Russie dans le Caucase. — RDM, 1861, t. 33, p. 321—322; см. также: ДГСВК, с. 414—415; Надеждин П. Природа и люди на Кавказе и за Кавказом. СПб., 1869, с. 127—129.

76. Лет через десять после окончания Кавказской войны один из бывших администраторов Шамиля чеченец Бей Султан признавался: «за одно куренье табаку сколько человек погибло от моих рук — не сосчитать», оправдываясь тем, что «*время было такое*». (Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895, с. 51).

медлила рост эксплуатации внутри общества, подкармливая социальные «низы», смягчая их недовольство⁶⁷. «Амортизирующим» фактором служили патриархальные традиции так называемой престижной экономики, предписывавшие даже самому скупому шамилевскому военачальнику жертвовать какую-то часть своего богатства бедным односельчанам. Это укрепляло его авторитет и социальное влияние. Имело значение и другое обстоятельство: местные администраторы знали предел, дальше которого идти против народа было опасно, и старались не преступать его⁶⁸.

Нам представляется справедливым утверждение Н. Покровского о том, что для 40-х годов (за исключением самых последних лет) можно предполагать лишь «скрытую борьбу сил» в имамате, который был обеспечен «поддержкой широких масс»⁶⁹.

Однако со временем скудная доля от военной добычи, тяжелое бремя поборов, обезземеливание, жесткая регламентация жизни шариатом — все это, усугубленное произволом набивов, вызывало недовольство у рядовых общинников, объективно имевшее антифеодальную окраску⁷⁰. Подобная ситуация вынуждала искать альтернативу порядкам имамата и господству Шамиля⁷¹. Со временем такой альтернативой становилась Россия, ориентация на которую среди низов общества складывалась как результат грубых социальных и экономических реальностей⁷². Одним из свидетельств подобной тенденции являлась выдача шамилевских мюридов русским властям, практиковавшаяся некоторыми аулами⁷³. Не слишком заметные в 30-е — нач. 40-х гг. прорусские настроения в дальнейшем будут расти. Шамиль стремился подавить эти настроения репрессиями: смертная казнь ждала всякого уличенного или даже заподозренного в сношениях с неверными⁷⁴.

Идеологическая политика в имамате возлагалась на духовенство. Оно зорко следило за соблюдением шариата, призывало выше поднять знамя священной войны, искореняло малейшие проявления «вольнодумства», ограничивало бытовую жизнь горцев нормами религиозной нравственности. В стране насаждалась мрачная атмосфера аскетизма, служившего духовной уздой для народа, лишним средством держать «чернь» в повиновении. «Дикой» вольности дагестанцев, пагубно «развратившей» общественную мораль, противопоставлялись чистота и строгость религиозного закона⁷⁵. Служение вере почиталось благом, любое удовольствие, уже само по себе, было отмечено клеймом греховности. Шамиль запретил музыку, песни, танцы, шелковые материи и украшения в одежде, употребление вина и табака. Нарушителей подвергали наказаниям, издевательствам, унижению⁷⁶. Так исправлялись «поврежденные» нравы

См. Руновский А. Кодекс..., с. 384—385; Зиссерман А.Л. Фельдмаршал..., т. 1, с. 217; т. 2, с. 433; Он же. История..., т. 3, с. 126; Он же. Материалы..., с. 445; Гаджи-Али. Указ. соч., с. 19. Вольно или невольно Шамиль уподоблялся арабским халифам, стремившимся истребить доисламскую народную культуру или, по крайней мере, ослабить ее влияние. (Гольдциер И. Кулыт святых..., с. 62). Но ни одному религиозному реформатору в истории не удалось преуспеть в этом. Обычаи и традиции отличались такой жизнестойкостью, что зачастую приходилось скорее исламу приспособливаться к ним, чем наоборот, хотя в общем шел процесс взаимной адаптации и взаимного проникновения. (Там же, с. 61—83). В конце концов понял эту закономерность и Шамиль: уже после своего пленения он, критически осмысливая собственный опыт, советовал русским «решительно предоставить уничтожение» обычаев, пусть даже самых нелепых, «времени и ходу обстоятельств». (Дневник Руновского, с. 1465).

78.

Дневник Руновского, с. 1401, а также с. 1524.

79.

Николай А.П. Из истории Кавказской войны. СПб., 1882, с. 11—12.

80.

Надеждин П. Природа и люди на Кавказе и за Кавказом, с. 377.

81.

Ницше Ф. Антихрист. Проклятие христианству. — В кн.: Ницше Ф. Соч., т. 2, М., 1990, с. 652—653, 667; Канетти Э. Человек нашего столетия. (Пер. с нем.). М., 1990, с. 443.

82.

Средневековое рыцарство Европы также вдохновлялось идеей священной войны, великая цель которой состояла в изгнании неверных турок из Византии. (См. Хейзинга Й. Осень Средневековья. Исследование жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах., М., 1988, с. 103).

горцев. Стремясь нивелировать подвластное ему население, уничтожить местные этнокультурные особенности горских обществ, имам строго преследовал легенды и сказания, все, что напоминало о старине. Ему требовалась податливая, унифицированная, удобная для управления масса⁷⁷. Шамиль страшно опасался поводов «к водворению между горцами роскоши и к развращению нравов»⁷⁸. Запрещая торговлю с русскими, он сознательно жертвовал ее выгодами, понимая, что она открывает имамат внешнему миру, умножает потребности и соблазны, дает представление о более комфортной жизни⁷⁹. Новая идеология сводила человеческое бытие к двум правилам: ежеминутное приготовление к вечности и непрерывная война против неверных⁸⁰. Внушать эти ценности была призвана особая каста идеологов — «священных паразитов» на здоровом теле жизни, — неизбежно нарождающаяся там и тогда, где и когда возникает потребность властителя в ее услугах, которые оплачиваются правом на соучастие во Власти. Провозгласив себя исполнителями Божьей воли, присвоив привилегию судить, что такое зло и добро, кто есть грешник и кто святой, чем наказывать одного и вознаграждать другого, эти люди стали как бы стражниками у входа в Бессмертие, а значит — поработителями человеческой души. Однако они только на словах радели о нравственной чистоте: если бы таковая оказалась достижимой, для них просто не осталось бы места. Любому жречески организованному обществу прегрешения необходимы как воздух, ибо в них сокрыты могучие факторы власти. Смысл существования идеологического «аппарата» — в том, чтобы карать за грехи или отпущать их от имени Бога, взрастить в человеке угнетающий комплекс вины даже за еще не совершенные преступления и в то же время сохранить для него возможность покаяться в уже содеянном и быть прощенным. Манипулируя устрашающими или соблазнительными понятиями и символами, стремясь предстать перед каждой личностью ее единственной духовной опорой и надеждой на спасение, жрецы тиранизировали массы, образовывали из них покорные стада⁸¹. Легко догадаться, какого важного политического помощника в осуществлении давления на народ имел Шамиль в лице духовенства. Шариат, проповедовавший аскезу и агрессивную нетерпимость к «чужим», воспитывавший в людях послушание и фанатизм, был очень удобной нормативной системой для небогатого воюющего общества с авторитарным режимом. Покуда шла война, которую он обеспечивал «высокоидейным» оправданием⁸², и покуда существовала автократия, нуждавшаяся в этом «образцовом кодексе для управления горцами», спрос на него сохранялся. Шамиль, глубоко понимавший это, однажды при-

83.
Дневник Руновского, с. 1525.

84.
Шамиль и Чечня, с. 131. Приведем для сравнения высказывание М. Блока, отметившего, что в средневековой Европе внушаемый церковью «страх перед адом был одним из великих социальных фактов того времени». (Блок М. Указ. соч., с. 150).

85.
Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 46; см. также с. 54, 133, 192—193.

86.
Там же, с. 107.

87.
В любой идеологии призыв к подражанию героям выполняет большую воспитательную роль. Укажем на христианско-рыцарское мировоззрение средневековой Европы. (См. Хейзинга Й. Указ. соч., с. 74).

88.
Надеждин П.П. Кавказский край. Природа и люди. Тула, 1901, с. 468.

89.
ДГСВК, с. 501. Шамиль приказывал им воевать если не руками, то языками, побуждая «к тому, что Бог обещал сражающимся». (Низам Шамилля. — ССКГ, 1870, вып. 3, с. 11—12).

90.
Руновский А. Муризм и газават..., с. 683—684; Дневник Руновского, с. 1503. Крупный исследователь ислама Г.Э. фон Грюнебаум отмечал, что идея равенства использовалась властями для обращения новых масс людей в мусульманство, но при этом оставалась сугубо теоретическим постулатом. (См. Грюнебаум Г. Э. фон. Указ. соч., с. 59, 70).

91.
В средневековой Европе отцы церкви повторяли на все лады фразу: «...ибо все мы, человеки, по естеству своему равны», без малейшего намерения действительно устранить существующее неравенство. (Хейзинга Й. Указ. соч., с. 68).

92.
См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 414—415; Левада Ю. А. Социальная природа религии. М., 1965, с. 150—151. Власть и

знался, что для мирной жизни без сильной власти вождя шариат «не годится»⁸³.

Людей, не соблюдавших шариат, небезуспешно устрашали тем, что в загробной жизни их ожидают не прекрасные гурии, а муки в адском огне⁸⁴. Народные предания рассказывают, что зачастую матери не оплакивали сыновей, павших праведной смертью в священной войне. По этому поводу даже высказывалась радость, так как считалось, что погибших за веру ждет рай⁸⁵. Как передают дагестанские источники, защитники Ахульго (1839 г.) с завистью смотрели на своих товарищей, «отправившихся в рай»⁸⁶. Отдавшие жизнь за веру именовались шагидами (мучениками). Обряд их погребения совершался очень торжественно и был рассчитан на то, чтобы возбудить в присутствующих храбрость, самоотверженность, стремление следовать высокому примеру⁸⁷. Над могилой покойного, кроме столба с чалмою и надписью, водружалось высокое заточенное в виде копья бревно с цветным флюгером, обращенным к востоку⁸⁸. Чтобы вдохновлять воинов на газават, кадии были обязаны с оружием в руках сопровождать их в походах, громко читать молитвы⁸⁹.

Исламская идея равенства мусульман перед аллахом (расположившая к Шамилю притесняемое население раннефеодальных государственных образований Дагестана⁹⁰), как и сопутствовавшие мотивы нестяжательства, покорности и самоуничтожения, объективно носила демагогический, социально-охранительный характер и предназначалась для того, чтобы примирить малоимущие слои населения с их положением⁹¹, «восполнить» фактическое неравенство в сфере социальных отношений иллюзорным равенством в культе⁹². Идея равенства была практична еще

общество всегда были заинтересованы в этой иллюзии как в средстве снятия социальной напряженности и достижения стабильности. Отсюда — широко известные в мировой истории полушутовские ритуалы, которые на короткое время «прокидывали» социальную лестницу, меняя местами «верхи» и «низы», позволяли «черни» унижать и оскорблять кандидатов в вожди (что было для них своеобразным испытанием выдержки и достоинства) и т. д. Через такие ритуальные, «богохульные» отдушины стравливался пар в общественном котле; люди забывались в опьянении от будто бы наступившего царства абсолютного равенства и свободы. (См., например: Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983, с. 231—252; Бахтин М. М.

Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990, с. 15, 93—95, 280—281, 291). Есть и другая точка зрения. К примеру, современный советский исследователь кавказского мюризма А.Д. Яндаров усматривает в эгалитаристских проповедях имамов реальное антифеодальное содержание: «Аскетизм и лозунги уравнительности — наиболее яркие, бросающиеся в глаза черты движения (здесь и далее подчеркнуто нами — ред.), особенно на его ранних этапах, безусловно свидетельствуют о его социально-освободительной направленности. Это, по-видимому, в немалой степени определяет исторически прогрессивный характер движения в целом. Протест против социально-

го гнета, против верхушки общества, которая к тому же пытается опереться в борьбе с трудящимися на царизм, — вот что выдвигается на первый план, выражает чаяния масс. (Яндаров А.Д. Суфизм и идеология национально-освободительного движения. Из истории развития общественных идей в Чечено-Ингушетии в 20—70-е годы XIX в. Алма-Ата, 1975, с. 123).

93.

Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане. 1847-й год. Осада Гергебиля и взятие Салты. — КС, 1882, т. 6, с. 491; Дневник Руновского, с. 1461; Lapinski Th. Die Bergvölker des Kaukasus und ihr Freiheitskampf gegen die Russen. Hamburg, 1863, Bd. 1, S. 10.

94.

См. Revue de l'Orient, 1860, t.2, p. 104—105. (Письмо Н.В. Ханькова редактору журнала).

95.

ШССТАК, с. 280.

96.

См. Хейзинга Й. Указ. соч., с. 116. Мировые религии, стремясь к укрощению масс, не слишком строго настаивают на высоких духовных идеалах, идут на щедрые компромиссы с земной жизнью и ее конкретными заботами. Жрецы — идеологи всегда остаются политическими прагматиками. (См. Канетти Э. Указ. соч., с. 401—402).

97.

Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 194, 204. Примечательно, что в раннем исламе довольно быстро произошла утилитаризация отвлеченных идей. Аскетизм, как соблазн для мусульман, которые под руководством Мухаммеда развернули широкую военно-политическую и религиозную экспансию, был отвергнут во имя реальной возможности получить огромную добычу. (См. Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII—XV веках. (Курс лекций). Л., 1966, с. 318; Саидбаев Т.С. Ислам и общество. Опыт историко-социологического исследования. М., 1984, 2-е изд., с. 45). Благочестивая мотивировка джихада — священной войны за веру — укрепляла боевой дух его участников и маскировала

и тем, что она служила объединяющей силой для людей в преодолении межплеменных распрей. Кроме того, если отказаться от лакировки исторического опыта человечества, то придется признать один «упрямый» и «неэстетичный» факт: готовность общественных низов воспламеняться призывами к уравнительству объективно отражала стремление не к социальной справедливости в подлинном смысле этого слова, а к перераспределению общественного «пирога» в свою пользу и замене собою прежних «хозяев жизни». Ненависть раба к господину — это естественное продолжение чувства зависти к нему, жажды стать на его место, присвоить материальные и духовные ценности чужого класса.

Верхи общества, реальные условия существования которых все дальше расходились с идеалистическими формулами, относились к последним как к отвлеченным понятиям, требовавшим лишь показного уважения⁹³. Под благопристойным покровом взыскующих религиозных канонов, естественно, шла обычная для правящего сословия борьба честолюбий и других сугубо мирских страстей⁹⁴. Не случайно Сулейман-эфенди — человек из элиты имамата — говорил о «мнимой набожности мюридов»⁹⁵. Жажда богатства и социальное тщеславие отодвигали благочестие на второй план: в истории противоречия между действительностью и прописными добродетелями всегда разрешались путем самопроизвольного распада непомерно высоких и непрактичных идеалов⁹⁶. В касыдах, сочинявшихся в имамате во славу мюридистских походов, явственно звучали «материальные» мотивы, воспевались добыча и погибшие за нее⁹⁷. То же самое мы находим в исторических произведениях, вышедших из-под пера приближенных имама⁹⁸. Литература того времени, развивая традиции эпоса, наполняет идею богатства (а значит, и связанное с ней корыстолюбие) этическим содержанием, как необходимое условие благоденствия и обретения славы. Схожая черта заметна в общепринятой морали европейского общества эпохи позднего средневековья, где отказ от земных благ признавался все менее похвальным⁹⁹.

Первым «идеологом» имамата и проповедником пуританских «ценностей» был сам Шамиль. Перед каждым богослужением в мечети он обычно обращался к народу с шариатскими поучениями и призывами к газавату, обещая послушливым земные бла-

ту реальную ситуацию, когда ограбление побежденных народов становилось едва ли не главной целью. (См. Кривелев И.А. История религий. Т. 2. М., 1988, с. 58).

98.

Гаджи-Али. Указ. соч., с. 70.

99.

См. Хейзинга Й. Указ. соч., с. 30, 72; Тревельян Дж. М. Социальная история Англии. М., 1959, с. 67—69.

100.

Выдержки из записок Абдурахмана..., с. 21. Шамиль так разъяснял смысл газавата: «Бог нам приказал вынуть меч из ножен для того, чтобы драться с неверными, и сказал: «Рай есть под тенью шашки, убитый (в войне — *ред.*) против неверных — есть живой и будет он жить в раю, а кто будет бежать, тот есть ничтожный человек и будущая его жизнь — есть ад». (Цит. по: Фадеев А.В. Возникновение юридического деления на Кавказе и его социальные корни. — ИСССР, 1960, № 5, с. 51). Вот еще один образчик риторики имама: «Мусульмане! Жизнь земная есть временное пребывание человека, она только указатель стези, ведущей путника к высокому богу, ибо кто вошел в сей свет и кто вышел из него, известно токмо единому богу, и потому человек обязан слепо верить тайнам, ниспосланным ему свыше, и не может обследовать их бедным умом своим. Не думаете ли вы, что убитые на войне за веру есть мертвые? Нет! Они воистину живы перед богом! Обитают и блаженствуют в раю, наслаждаясь всеми сокровищами, дарованными от бога им за труды. Равно бог обещает ту же награду и всем тем, которые последуют им без страха и печали, ибо господь не лишает милости своей труды мусульман». (Цит. по: Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961, с. 48—49).

101.

Вердеревский Е. Указ. соч., с. 323; Blanch L. Op. cit., p. 375.

102.

Рассказ офицера, бывшего в плену у Шамиля в 1842 году. — Кавказ, 1849, № 1, с. 4.

103.

Thielmann M. Op. cit., v. 1, p. 268; Koch K. Reise in Grusien..., S. 418, 426.

104.

См. Гаджи-Али. Указ. соч., с. 70—73.

105. См. Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 56.

106.

Там же, с. 203.

107.

Руновский А. Муридизм и газават..., с. 658.

га на этом свете и райские — на том¹⁰⁰. Торжественная обстановка, в которой это происходило, ораторская изощренность имама и его умение фанатизировать толпу оставляли глубокий след в душе горцев. Когда требовали обстоятельства, Шамиль умел показать лучшие образцы нестяжательской риторики. «Деньги — трава, — говорил он, — сохнет и пропадет. Мы не деньгам служим, а Богу!»¹⁰¹ «Мне не нужно... богатство, золото и серебро; я раб Божий, доволен и малым... Я пришел открыть вам глаза, спасти души ваши от вечного проклятья, тела от рабства и власти гяуров. Пока в нас есть хоть капля жизни, мы должны воевать с ними и Бог вознаградит нас. Тебя ли убьет неверный, или ты убьешь его, все равно: тебя ждет на том свете рай и неизъяснимая радость»¹⁰². Собственный благочестивый до аскетизма образ жизни Шамиля — пример для подданных — способствовал приумножению могущества и славы имама¹⁰³. Для Шамиля распространение эгалитарно-нестяжательских идей (в дагестанской литературе эпохи имамата они «странны» соседствуют с похвалой богатству и борьбе за него¹⁰⁴) было способом расширения социальной базы его власти.

Шамиль хорошо понимал роль символов в идейном воспитании людей. Став имамом, он велел перевезти останки Кази-муллы из Акуша-Дарго в Гимры и превратил новую могилу в святыню, вдохновлявшую мюридов на подвиги во имя шариата¹⁰⁵.

Поэты имамата славили, как крупных религиозных подвижников, Мухаммета Ярагского, Кази-муллу, Гамзат-бека, чья смерть «тяжелее того, что мы испытывали от некоторых поражений»¹⁰⁶. Наиболее выдающиеся поборники ислама удостаивались канонизации и, уже в загробном рае, служили высоким примером для тех, кто остался на брэнной земле¹⁰⁷. Хаджи-Мурат довел эту политику до грубого фарисейства. Чтобы демонстративно почтить память Гамзат-бека и возвысить его в глазах народа, он приказал уничтожить мечеть, где был убит второй имам (при активном участии Хаджи-Мурата), и близлежащие к ней дома, хлопотал об аккуратном содержании могилы, часто ходил туда молиться. А памятники над погребениями аварских ханов велел срыть¹⁰⁸.

Шамиль и сам сочинял на арабском языке песни для мюридов, чтобы те вдохновлялись ими в бою и глубже утверждались в вере¹⁰⁹. Он заботился о под-

108.

ДГСВК, с. 453.

109.

См. Казембек М.А. Муридизм и Шамиль, с. 238—241. Известно, что в горских обществах шансы человека стать вождем резко

поднимались, если он обнаруживал способности «идеолога» — владел высокоценным искусством слагать песни, ораторствовать и т. д. (См. Косвен М. О. Первобытная власть. — Революция права, 1929, № 2, с. 96).

110.

Берже А. П. Чечня и чеченцы..., с. 113; Леонтович Ф. И. Ада-ты..., вып. 2, с. 108; ДГСВК, с. 403, 412; Gille F. Op. cit., p. 115; Dulaurier Ed. La Russie dans le Caucase. — RDM, 1861, t. 33, p. 321.

111.

В условиях тоталитарных режимов идеологическая пропаганда, обращенная к «народу», всегда стремится предельно упростить картину бытия, сформулировать жизненные установки общества и каждого его члена в виде элементарных, легкоусвояемых лозунгов-заклинаний, обещающих счастье только верующим в вождя и только в борьбе с врагами — внешними и внутренними. (См., например: Левада Ю. А. Указ. соч., с. 235—236).

112.

См. Руновский А. Муридизм и газават..., с. 652—653, 673—674, 676; Дневник Руновского, с. 1491—1492, 1498; Ср. Baddeley J. F. Op. cit., p. 238. Пророку Мухаммеду приписывают такие слова: «Нет монашества (т. е. ухода от деятельной жизни — *ред.*) в исламе. Монашество этой (исламской — *ред.*) общины это религиозная война». (Гольдциер И. Лекции об исламе, с. 132).

113.

Руновский А. Муридизм и газават..., с. 682.

готовке образованных идеологических кадров. При мечетях учреждались мусульманские школы, обучавшие богословию, воспитывавшие в юношестве преданность имаму и шариату¹¹⁰. Молодое духовенство должно было во всем превосходить своих старших наставников, особенно в преданности.

Религиозная пропаганда в имамате носила строго целенаправленный характер. Проповедывался не ислам вообще, а лишь то в нем, что годилось для практического использования в интересах Кавказской войны — шариат с его идеей защиты собственности, освящением добычи и призывом к газавату. Куда более нейтральная в политическом отношении часть ислама — учение о тарикате, даже не намекавшее об уничтожении гяуров, отвергавшее обогащение, предполагавшее удаление от мирской суеты и познание аллаха, порождало не воинов, а монахов. Тарикат, отвлекая боеспособных людей от военной службы, противоречил духу явлений, происходивших в имамате.

Эта мудреная религиозная доктрина, указывавшая путь к высоким истинам, предназначалась для избранного круга мусульманских богословов, но не для массового идеологического потребления. Шамиль, сам принадлежавший к данному кругу, видел в постижении тариката прежде всего символ исключительности, сакраментальную силу, поднимавшую его над толпой, которой недоступны таинства общения с Создателем. Однако, как реалист, он понимал, что в качестве официального вероучения эта сложная и аполитичная система духовно-нравственных ценностей неэффективна¹¹¹. Хотя в целом тарикатисты, будучи обладателями недостижимого для простого человека знания, пользовались уважением в народе, подчас возникали ситуации, когда предводители газавата ненавидели их как личных врагов за то, что те срывали планы военных набегов, смущая умы призывами к отшельнической, созерцательной жизни¹¹². Всякая религия, как богатейшая сфера культуры, охватывающая мифологию, этику, философию, теологию, всегда нуждается в вульгаризации до уровня восприятия широкими массами. По существу именно такой упрощенной, экзотерической разновидностью ислама и являлся мюридизм, отбиривший для использования в повседневном духовном обиходе общества те бесхитростные идеи, которые оно могло усвоить и которые были бы пригодны в качестве средства управления им.

«Религия наша тонкая», — любил повторять Шамиль¹¹³.

Законодательные реформы в имамате коснулись и такой патриархальной нормы жизни, как кровная месть. Предусмотренная адатом, она приводила к тому, что из поколения в поколение, часто уже и

не помня истоков вражды, фамилии сводили друг с другом бесконечные жестокие счеты, стоившие многих жертв. Шамиля, нуждавшегося в войнах, не мог устраивать этот разорительный обычай, к тому же вызывавший в обществе анархию, которую имам органически не выносил, поскольку это антигосударственное начало претило всей сути его политики. Не будучи в состоянии совершенно искоренить кровную месть — один из самых устойчивых социальных институтов доклассовой эпохи, — Шамиль тем не менее максимально ограничил приносимый ею ущерб. Под угрозой смертной казни он запретил мстить родственникам убийцы и требовал улаживать дело выкупом. Поскольку цена крови была высока, понятно, что богатый имел гораздо больше шансов спастись от возмездия, чем бедный. Убийство тоже становилось привилегией «верхов». Наказание за преступление превращается из частного дела виновной и потерпевшей сторон в предмет законодательного вмешательства¹¹⁴.

Имамат возник в форме автократического государства с постепенно развивавшимися чертами восточной деспотии. Личная власть в нем выступала: как единое организующее начало в набеговой экспансии, способное расширить масштабы и повысить прибыльность Кавказской войны; как руководящее звено административного аппарата, ведающего порядком в обществе, распределением (неравномерным) общественного продукта; как высшая религиозно-идеологическая инстанция; как институт, охраняющий интересы формирующихся феодальных собственников и насильственно пресекающий недовольство узденских «низов».

Как уже отмечалось, на восходящем этапе Кавказской войны в Шамиле были заинтересованы все социальные слои, но особенно дружина (зажиточное узденство), обеспечивавшаяся военной добычей намного лучше ополчения. Иمامу, высшему «доверенному лицу» общества, предоставлялась широкая свобода действий. Его власть приобретает монархический оттенок, с годами сгущавшийся. Вместе с тем новая феодально-клерикальная знать остается его непосредственной опорой, которую он всячески укреплял, осознавая, что без ее поддержки личная диктатура невозможна. Имамат дал в руки Шамиля мощные рычаги абсолютизации власти, выразившейся в формах руководства обществом. Чем прочнее становились политические позиции Шамиля, тем меньше он считался с патриархальной традицией «коллегиальных» решений. Основы для такого смелого разрыва со стариной закладывались еще при прежних имамах, когда к подчиненному им совету ученых (с довольно узким кругом участников) постепенно

115.

Дубровин Н.Ф. Обзор войн..., с. 192.

116.

Примечательно, что Раджабиль-Магома слыл трусом. Это качество в глазах общества, превыше всего ценившего военную доблесть, придавало ему полшутовское обличье. Приближая его к себе, Шамиль понимал: личность с такой репутацией не может быть угрозой власти. «Коллегиальность», а тем более «оппозиционность» совета, где самой видной фигурой являлся человек, подобный Раджабиль-Магоме, носила скорее фарсовый характер. (См. Выдержки из записок Абдурахмана..., с. 9—10).

117.

В Европе народные собрания, как органы управления, с течением времени теряют свой родовой, «национальный» характер, аристократизируются и уступают место единоличному господству конунга — новому воплощению общеплеменных идеалов и единства. (См. Карсавин Л.П. Культура..., с. 51—53).

стали переходить функции управления, до этого принадлежавшие народным (общинным, межобщинным) собраниям. Шамиль, под страхом смертной казни, вообще запретил созывать людей без разрешения — своего или наибов¹¹⁵. При нем совет ученых трансформировался в двух направлениях. С одной стороны, возник «съезд наибов» — представительство от верхов господствующего класса и совещательный орган, эпизодически собиравшийся для обсуждения жизненно важных общественных проблем и ограничивавший власть имама. С другой стороны, — центральный административный совет, входивший в состав постоянно действующей «правительственной канцелярии» Шамиля и занимавшийся текущими делами. Это была «ближняя дума», послушный помощник имама в вопросах управления. Причем внешне Шамиль соблюдал мало к чему обязывавшие патриархально-демократические приличия и даже держал в совете человека (Раджабиль-Магома), которому было позволено говорить вождю неллицеприятную правду¹¹⁶.

Что касается «съезда наибов», то он в результате соответствующей политики имама постепенно утрачивает свое основное назначение, превращаясь в помпезную декорацию, пародию народовластия¹¹⁷. «Съезд наибов» был нужен Шамилю для того, чтобы проводить через него свои наиболее важные замыслы, придавая им видимость всеобщего волеизлияния и законности. В конце концов роль этого учреждения свелась к выслушиванию и одобрению принятых имамом решений. В общении с наибями Шамиль довольно быстро перешел от совещательного тона к ультимативному.

Едва ли не главным средством утверждения личной диктатуры являлся институт муртазек — око, слух и карающая рука имама, предмет его особой заботы. Искуснейшие, превосходно вооруженные и неустрашимые воины, отрекшиеся от семейной жизни, фанатически преданные Шамилю и его учению, муртазеки использовались не только в ратных делах. Они тайно и явно следили за всякими проявлениями неповиновения власти имама, непочтительности к его персоне, несоблюдения шариата, лояльного отношения к русским и т. д. Насильственно вводились мусульманские обряды, предусматривавшие духовную аскетизацию бытовой жизни горцев, особенно социальных «низов». За неприятие этих предписаний истреблялись целые семейства, конфисковывались имущества, сжигались дома. Всегда готовые на любые действия по одному лишь мановению Шамиля муртазеки насаждали леденящую атмосферу, в которой никто никому не доверял из опасения прослыть инакомыслящим и навлечь на себя тяжкие наказания. Брат избегал встреч с братом, муж воздерживался

118.

Прушановский К.И. Указ. соч., с. 60—61; Окольный Н. А. Перечень..., с. 403; Шамиль и Чечня, с. 143, 161; Зиссерман А. Материалы..., с. 444—446, 450—451; Gille F. Op. cit., p. 115. В средневековой Европе инквизиция обязывала каждого человека сообщать ей на того, кого он подозревает хотя бы в малейшей ереси. Личность осведомителя держалась в строгой тайне, а за уклонение от «сотрудничества» грозило наказание. В такой ситуации, когда любой безвинный мог попасть в инквизиционный суд по ложному навету, люди из страха старались упредить и своих врагов, и друзей, и даже близких: родители выдавали детей, дети — родителей, мужья — жен, жены — мужей. (См. Ли Г.Ч. История Инквизиции в Средние века. Т. 1, СПб., 1911, с. 217—218, 236). Почти через полтора века после Шамиля другой имам Рухолла Хомейни поставит вопрос о превращении населения Ирана в добровольных осведомителей органов безопасности, создании сети взаимной слежки, в условиях которой доносы рассматривались как благодеяния во имя нации и религии. (Агаев С.Л. Рухолла Мусави Хомейни. — ВИ, 1989, № 6, с. 94).

119.

Руновский А. Канлы..., с. 213.

120.

ДГСВК, с. 499.

121.

Руновский А. Записки..., гл. 2, с. 35.

122.

Шамиль и Чечня, с. 133, 135; Андреев А.П. Указ. соч., с. 1095; Schamyl, the Prophet — Warrior of the Caucasus. — Westminster Review, 1854, N 10, April, p. 512.

123.

Низам Шамиля. — ССКГ, 1870, вып. 3, с. 10. Э. Канетти считает тайну «сердцевинной власти» с «весьма активной сферой действия». Мерой власти является полнота обладания информацией, в том числе добытой выслеживанием. Всеведущим может быть только вождь: он должен и хочет знать все и обо всех. Среди остальных тайна — знание распределяется им дози-

вался от разговоров с женой, родители не позволяли себе откровенности с детьми, чтобы не дать муртазам повода для какого-либо подозрения и ареста¹¹⁸. Горец не мог выйти за пределы своего наибства без соответствующего разрешения от наиба в виде документа, удостоверявшего личность и срок отлучки¹¹⁹. Это правило распространялось и на кадиев, которым дозволялось покидать свое село не больше, чем на неделю и только по уважительной причине¹²⁰. Страх парализовал людей, превратил их из неуправляемой массы в безмолвно-покорных исполнителей, усилил в них благоговение перед именем Шамиля, воплощавшего несокрушимую силу и непререкаемую истину. Имам был убежден, что народ следует держать в строгости¹²¹. Слежке и наказаниям подвергались даже наибы. На каждого из них приходился специальный уполномоченный — мухтасиб, — сообщавший имаму о поступках своего подопечного. Его обвинительное донесение могло повлечь крушение карьеры наиба, а то и лишение жизни¹²².

Тем, кто знал государственные тайны, предписывалось никогда не открывать их «ни семейству своему, ни братьям, ни мюридам своим, потому что распространение секретов есть одно из главных орудий вреда и нарушения порядка страны»¹²³.

Существовала и другая, более мелкая разновидность осведомителя — джасус, следивший за образом мыслей представителей военно-административной касты в пределах наибства. Зная об установленном над ним надзоре, эти люди не позволяли себе высказывать неудовольствие Шамилем и его сановниками, ибо не приходилось сомневаться, что каждый факт такой откровенности будет донесен до ушей имама¹²⁴.

Открытое неподчинение Шамилю и шариату квалифицировалось как самая опасная разновидность преступления — преступление против власти, составной частью которой являлись мюриды. Каждый из них мог сказать: «Враг имама — мой враг». Поэтому они, не раздумывая, уничтожали всех, на кого указывал карающий перст вождя — от раба до высокого сановника.

Приговоренного к смерти, как правило, убивали незаметно, с помощью остроумной иезуитской процедуры «пожатия рук». Для исполнения казни посылались два мюрида. Они подстерегали свою жертву

рованно и очень избирательно. (См. Канетти Э. Указ. соч., с. 435—440).

124.

Пржецлавский П. Несколько слов... — Кавказ, 1863, № 64, с. 405; Thümmel A.R. Op. cit., Bd. 2, S. 162. Дискредитация

власти Шамиля или его наибов даже в виде простого порицания была объявлена в имамате официально наказуемым преступлением. (Низам Шамиля. — ССКГ, 1870, вып. 3, с. 8, 11).

125.
Руновский А. Взгляд..., с. 397;
Дневник Руновского, с. 1501.

126.
Надеждин П. Природа и люди
на Кавказе и за Кавказом,
с. 125.

127.
См. Альшиц Д. Н. Указ. соч.,
с. 122, 149.

128.
Sarkisyanz E. Geschichte...,
S. 136.

129.
Зиссерман А. Материалы...,
с. 440; Берже А.П. Чечня и че-
ченцы, с. 110; Леонтович Ф.И.
Адаты..., вып. 2, с. 106—107;
Макаров Т. Шамиль... — Кав-
каз, 1859, № 94.

130.
Blanch L. Op. cit., p. 128; Wag-
ner Fr. and Bodenstedt Fr. Op.
cit., p. 66.

131.
В средние века служители инк-
визиции — от высших чинов до
рядовых «сексотов», — в чьи
руки были отданы судьбы лю-
дей, освобождались практиче-
ски от всякого контроля и от-
ветственности, что неизбежно
порождало произвол, шантаж,
вымогательства и т. д. (См.
Ли Г.Ч. Указ. соч., т. 1, с. 241—
242).

подальше от жилья и одновременно протягивали ей
руки в знак приветствия. Ничего не подозревавший
человек, по обычаю, подавал обе руки, которые мо-
ментально заламывались за спину, после чего его
опрокидывали на землю и убивали. Эти зловещие
«двойки» — а от них никто не был застрахован —
наводили на всех ужас¹²⁵.

Должности палачей и фискалов при Шамиле счи-
тались почетными, ибо замещавшие их люди своим
усердием в искоренении скверны открывали себе вра-
та в рай¹²⁶. Как отмечалось, число муртазеков и на-
ибских мюридов пополнялось не только неимущими,
но и зажиточными узденями. И здесь играл роль не
один лишь материальный фактор. Опасение за соб-
ственную жизнь и благополучие своей семьи за-
ставляло человека искать место среди тех, кто кара-
ет, а не кого карают. Убивали из страха быть убиты-
ми. Вспомним, что в России XVI в. по этим же мо-
тивам в опричники шли, помимо безродных холопов,
знатные вельможи¹²⁷.

Как видно, создавая новую правящую элиту, Ша-
милъ предусмотрительно позаботился о средствах
ограничения ее влияния, контроля за ее политиче-
ской лояльностью, борьбы с оппозиционно-сепара-
ристскими поползновениями¹²⁸.

Шамиль привязывал к себе муртазеков нерастор-
жимыми узами, основанными на различных стиму-
лах: материальных, социальных, религиозно-дисци-
плинарных. Среди них было и естественное опасение
за собственную жизнь. Создав из этих людей экзеку-
торскую машину, имам подверг их постоянной угрозе
кровавой мести и сам же предоставил единственное
надежное убежище от нее в виде института мурта-
зеков¹²⁹. Пока человек принадлежал к этой воору-
женной касте, он оставался в неприкосновенности,
что обуславливало его полную зависимость от Шами-
ля. Используя муртазеков в качестве орудия личной
диктатуры, имам сделал многих из них преступни-
ками в глазах общества, для которых гарантией без-
наказанности служила слепая преданность вождю,
а формальным оправданием — законы шариата. По
образному выражению одного русского пленного,
муртазеки служили «цементирующим раствором, со-
единившим камни, из которых Шамиль возвел бас-
тион своего могущества»¹³⁰. За это верховный жрец
власти наперед отпускал обслуживающему ее персо-
налу все грехи, невольно провоцируя искушение че-
ловека злоупотреблять данными ему особыми полно-
мочиями¹³¹.

Немалую роль в становлении господства Шамиля
сыграл исламский «мессианизм», внушавший веру в
то, что имам — посланец аллаха на земле, спаситель,
на которого возложена миссия принести людям исти-
ну и благоденствие. Видное место в процессе авто-

132.
Moser L. Op. cit., p. 186.
133.
См. Ханыхов Н. О мюридах и мюридизме. — Сборник газеты «Кавказ», 1847, т. 1, с. 150—152; Тримингэм Дж. С. Суфийские ордены в исламе. М., 1989, с. 91, 125; Mélikoff I. L'idéologie religieuse du muridisme caucasien. — ВК, 1968, v. 25, p. 32, 39—43.
134.
Здесь термин «мюршид» (которым в Дагестане именовали мирных наставников в таррикате) употребляется в неформальном, расширительном смысле — как «вождь-учитель».
135.
И. Р.-в. Указ. соч. — РХЛ, 1859, № 36, с. 129. У русского публициста И. Иванова читаем: «Имам был в полном смысле слова неограниченным деспотом, повелителем и души и тела, и такому лицу, конечно, не трудно было бросить толпу своих мюридов на какое угодно дело». (Иванов И. Кавказская война и ее герои. Очерки покорения Кавказа. М., 1904, с. 107).
136.
Гаджи-Али. Указ. соч., с. 19. Ср. Макаров Т. Шамиль..., — Кавказ, 1859, № 94.
137.
См. Warner (major). Schamyl le prophète du Caucase. (Trad. de l'anglais). Paris, 1854, p. 8—9; Roskoschny H. Op. cit., Bd. 1, S. 120; Thümmel A. R. Op. cit., Bd. 2, S. 160.
138.
См. Фадеев Р.А. Шестьдесят лет..., с. 22—23; Надеждин П. Природа и люди на Кавказе и за Кавказом, с. 378.
139.
См. Фадеев Р.А. Шестьдесят лет..., с. 25—26, 32; Erkert R. Der Kaukasus und seine Völker. Leipzig, 1887, S. 160. Известный русский арабист М.А. Казембек писал: «Одаренный глубоким и честлюбовным умом, Шамиль лучше всех должен был чувствовать переход из мюридизма обыкновенного в мюридизм политический». (Казембек М.А. Мюридизм и Шамиль, с. 212).
140.
Покровский М.Н. Дипломатия..., с. 212. Современные зарубежные историки также ука-

кратизации власти принадлежало и мюридизму — кавказскому ответвлению магометанства, «молодому побегу на старом и загнивающем древе исламизма», как выразился один английский историк¹³². В отличие от шариата — свода религиозно-обрядовых, законодательных и нравственных норм, предназначенных для всего общества, — мюридизм являлся не только учением, но и своеобразным орденом с уставом, строгим дисциплинарным кодексом в военно-государственной жизни имамата, основанным на слепой покорности ученика (мюрида) учителю (мюршиду)¹³³. Поскольку верховным наставником людей считался Шамиль, постольку все должны были ему беспрекословно подчиняться. Особенно эффективно такая дисциплина действовала среди избранных мюридов имама (муртазек) — непосредственной вооруженной опоры его власти. Возможность попасть в эту преторианскую гвардию не зависела от социальной принадлежности или образовательного ценза: в учении мюридизма высшей добродетелью почиталась не родовитость и не искушенность в богословских премудростях, а личная преданность вождю, которая, вопреки нестяжательским догмам ислама, щедро вознаграждалась, обеспечивая привилегированное положение в обществе. Более того, благородное происхождение, избыточные познания и усердие мысли, порождавшие пренебрежение к земным заботам и тягу к созерцанию Бога без помощи посредника-имамата, были нежелательны, ибо они могли оказаться помехой в деле самоотверженного служения властителю.

Приспособив религиозный принцип послушания к собственным политическим целям, Шамиль быстро превратился из мюршида¹³⁴ в деспота, окруженного верными стражами, которые силой и страхом утверждали его господство¹³⁵. По приказу вождя они «жертвовали жизнью и сражались против своих отцов, братьев и детей»¹³⁶. Слово и воля мюршида были божьими словом и волей. Эта исламская «педагогика» создавала конкретный социально-психологический тип — мюрида, представлявшего собой одушевленный, наделенный рассудком (или скорее лишенный его) инструмент¹³⁷. Мюридизм освободил человека от личной ответственности за содеянное, сделав его одним из бесчисленных элементов военно-государственной машины, управляемой властной рукой Шамиля¹³⁸. Обнаружив большую силу воздействия на людей, мюридизм быстро вырос за рамки сектантской доктрины и стал мощным средством утверждения «самодержавной» диктатуры, присвоив ей еще и божественные полномочия¹³⁹. По утверждению М. Н. Покровского, «теократия здесь, как и всюду, являлась лишь идеологической оболочкой вполне реальной светской власти»¹⁴⁰.

зывают, что кавказский мюридизм отличался от других мусульманских идеологических систем большей утилитарно-политической направленностью. (См. Mélikoff I. *Op. cit.*, p. 32—33). Вероятно, в стремлении соединить светскую и теократическую власть Шамиль опирался как на соответствующие идеи религиозно-политической философии ислама, так и на конкретные примеры царствования владык мусульманского мира. (О соотношении гражданского и духовного начал в государственной жизни мусульманского Востока см. Бартольд В.В. Теократическая идея и светская власть в мусульманском государстве. — Соч., т. 6, М., 1966, с. 303—319; Пиотровский М.Б. Светское и духовное в теории и практике средневекового ислама. — В кн.: Ислам. Религия, общество, государство. М., 1984, с. 175—187). В историко-этнографической литературе вопрос о том, что такое теократия — универсальный или особый тип устройства общества — решается неоднозначно. (См. Хазанов А.М. Классообразование: факторы и механизмы, с. 165).

141. Надеждин П. Природа и люди на Кавказе и за Кавказом, с. 378.

142. Essad-Bey. *Op. cit.*, p. 226.

143. Зиссерман А.Л. История..., т. 3, с. 301—302; см. также: Фадеев Р.А. Шестидесять лет..., с. 22—23, 48; Baumgarten G. *Sechzig Jahre...*, S. 142. По словам самого Шамиля, к деспотизму его вынуждали «сила обстоятельств и особенность народного характера». (Дневник Руновского, с. 1445).

144. В теории и практике абсолютизма это привычный взгляд на вещи. Вспомним Ивана Грозного. (См. Переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным. — В кн.: Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986, с. 41; Альшиц Д.Н. Указ. соч., с. 206).

145. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 99. Ср. Бехтерев В.М.

Всего за несколько лет веками пребывавшее в состоянии вольности «человеческое стадо» было поставлено под неусыпный надзор «пастухов-мюридов» с их верховным вождем. Этому немало помогли строгие правила социального поведения, позаимствованные политикой у религии. Как заметил один русский публицист, «мюридизм раздел жизнь доната..., образовал невиданное до сих пор политическое общество в несколько сот тысяч людей, передавших в руки власти и волю и совесть»¹⁴¹. У другого автора есть не менее образное и проницательное наблюдение: «На тридцать лет Дагестан превратился в гигантский монастырь, полный вооруженных монахов, для которых не существовало иного закона, кроме приказа их настоятеля, Имама. ...Принцип теократии был здесь доведен до совершенства»¹⁴².

Деспотизм Шамиля, вооруженный идеей мюридизма, попирает свободу и достоинство личности — «вредный» пережиток патриархального строя, — поработавшая ее политически и духовно, как вещь¹⁴³. В имаме уже жила философия самодержца: все подданные государя — богатые и бедные, знатные и безродные, начальники и подчиненные — его «холопы», которых он волен и казнить и жаловать¹⁴⁴. Реальное, повседневное и, нередко, ужасающее применение этого принципа формировало массовую авторитарную психологию: воля любого человека кончается там, где начинается воля Шамиля. Нельзя не признать, как бы странно это ни звучало, что в имамате в определенном смысле существовало социальное равенство, но особого рода — всеобщее «равенство» в страхе перед молохом власти. Оно оттенило вечное неразрешимое противоречие между стремлением одной личности к тотальному господству и человеческим достоинством остальных, обреченным на уничтожение вместе со свободой, которая его дарует.

Горцы терпели, пока Шамиль обеспечивал их материально и пока крепка была его железная хватка. Они отдали себя в кабалу вождю не только из страха, но и добровольно, по многовековой привычке к несвободе, выработанной нормами жизни патриархального общества с его священными и неприкосновенными учреждениями — «той данной от природы высшей властью, которой отдельная личность оставалась безусловно подчиненной в своих чувствах, мыслях и поступках»¹⁴⁵. Горцы без рассуждений соблюдал неписанные законы обычаев и традиций, деспотично державших его в прокрустовом ложе от колыбели до могилы¹⁴⁶. Такое духовно-пси-

Предмет и задачи общественной психологии, как объективной науки. СПб., 1911, с. 16—19.

146. См. Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. 2-е изд., М., 1986, с. 51—52; Гу-

ревич А.Я. Индивид и общество в варварских государствах. — В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1, М., 1968, с. 423—424; Левада Ю.А. Указ. соч., с. 98, 109, 147.

См. Поршнев Б.Ф. Указ. соч., с. 217—218.

148. Психологи и философы давно заметили эту особенность взаимоотношений между вождем и массой. (См. Тард Г. Законы подражания. (Пер. с франц.). СПб., 1892, с. 79, 81—82, 204, 209).

149. Гаджи-Али. Указ. соч., с. 21. Эта установка соответствовала букве и духу мусульманского законодательства, согласно которому мятеж против имама (будь то «низы» или «верхи» общества) есть мятеж против бога, наказуемый казнью, распятием, отсечением рук и ног, изгнанием из своей земли. (Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII—XV веках, с. 159).

150. Юров А. 1843 и 1844 годы..., с. 216. При этом он не забыл прихватить с собой богатую добычу: 4560 голов крупного и мелкого рогатого скота, около 30 тыс. рублей серебром и 35 крымских ружей. (Там же); см. также: АКАК, т. 9, с. 881; Зиссерман А. История..., т. 2, с. 383—384.

151. Дневник Руновского, с. 1468. Шамиль так аттестовал табуртинцев А. Руновскому: «...Хуже этой дряни на всем свете нет. Русские должны мне спасибо сказать за то, что я немножко исправил их. Без этого у вас было бы одно только средство справиться с ними: перестрелять всех до одного человека, как это делают с вредными животными». (Там же).

152. Шамиль и Чечня, с. 134, 138—139; ШССТАК, с. 281; Макаров Т. Шамиль..., — Кавказ, 1859, № 94.

153. Quandour M.I. Muridism: Study of the Caucasian Wars of Independence 1819—1859. (Ph. D. Dissertation). Claremont, 1964, p. 132.

хологическое рабство воспринималось как совершенно естественное состояние, поскольку ничего другого, противоположного, люди не знали¹⁴⁷. Если добавить к этому еще и привычку повиноваться военному предводителю в набегах, то станет ясно, что предпосылки для перехода к деспотии сформировались.

Не стоит отметить и иррациональные моменты. Шамиль, сумевший глубоко понять нужды общества в переломной фазе развития, дать ему новые идеи и новый порядок, был для горцев пророческой фигурой, символом веры, и поэтому подчинение ему превратилось в акт веры или безотчетную потребность, основанную на любви и преклонении. В вожде видели путеводную звезду, в повиновении ему — средство к спасению¹⁴⁸.

Но и сам Шамиль был послушным слугой, если не сказать рабом, созданной им авторитарной системы, которая, вобрав в себя религию, обычаи, нравы, психологию, сформировав новую нормативность в мышлении и поведении людей, превратилась в тиранию для своего творца, диктуя ему, что нужно делать и чего нельзя. Неограниченность его власти над другими сильно ограничивала его власть над самим собой, его свободу воли и выбора. Имам принес себя в жертву осознанной необходимости строго подчиняться им же установленным принципам. Демонстративно безропотно принимая все правила и запреты шариата, Шамиль получал за это «капитал с процентами»: чем полнее и зримее был его отказ от личной свободы, тем больше он имел «морального» права отнимать ее у всех остальных. За возможность господствовать над обществом имам шел в рабство к нему. Трудно утверждать наверняка, отдавал ли он себе в этом отчет. Если да, то его сетования на тяжелое бремя власти — не только кокетливая скромность вождя.

Шамиль был беспощаден к тем, кто ему сопротивлялся. «Мятежников» и «подозрительных» — казнить, их имущества — конфисковать — такой лаконичной установкой руководствовался карательный аппарат имама¹⁴⁹. Когда в 1844 г. в чеченском ауле Цонтери убили Шуаиб-муллу, Шамиль отправился туда лично и уничтожил всех жителей от мала до велика, совершив, по словам одного русского публициста, «кровавую тризну на могиле своего любимца»¹⁵⁰. При усмирении непокорного табуртинского общества имам собственной рукой убил 15 человек¹⁵¹. Вопреки положению Корана — «никто не отвечает за вину другого» — Шамиль ввел правило: вместо бежавшего преступника наказывались его родственники, товарищи, односельчане¹⁵². Как справедливо заметил американский историк М. Куандур, правление имама превратилось в «деспотизм, насаждаемый саблей»¹⁵³.

154.
Dulaurrier Ed. La Russie dans le Caucase. — RDM, 1861, t. 33, p. 320.
155.
Прушановский К.И. Указ. соч., с. 67—68; Окольный Н.А. Печень..., с. 405—406; Волконский Н. 1858 год в Чечне. — КС, 1879, т. 3, с. 564; Зиссерман А. Материалы..., с. 450; Bodenstedt Fr. Les Peuples du Caucase..., p. 610.

156.
Шамиль и Чечня, с. 136.

157.
Dulaurrier Ed. La Russie dans le Caucase. — RDM, 1861, t. 33, p. 318; Ср. Максимов Е., Вертепов Г. Туземцы Северного Кавказа. Историко-статистические очерки. Вып. 2, Владикавказ, 1894, с. 30; Леонтович Ф.И. Адамы..., вып. 2, с. 105.

158.
Дубровин Н.Ф. Обзор войн..., с. 194.

159.
См., например: Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988, с. 117; Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1975, с. 104—105.

160.
Юров А. 1843 и 1844 годы..., с. 51—52; ДГСВК, с. 390. Позволим себе аналогию: накануне опричнины Иван Грозный «отрекся» от престола с целью, как полагали Н.М. Карамзин, В.О. Ключевский и другие историки, испытать силу своей власти в народе. «Царь как будто выпросил себе... полицейскую диктатуру: своеобразная форма договора государя с народом». (Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 2. — Соч., т. 2, М., 1957, с. 174—175). Возникшее в обществе опасение остаться «овцами без пастыря» позволило Ивану Грозному продиктовать свои условия возвращения на трон. (Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 6. — Соч., кн. 3, М., 1989, с. 534).

Имя Шамиля вселяло суеверный страх в людей¹⁵⁴. В политике упрочения авторитарной диктатуры нашел применение принцип «разделяй и властвуй». Свое господство в Чечне Шамиль поддерживал преимущественно с помощью лезгин, аварцев и тавлинцев, а на усмирении непокорных в Дагестане посылал чеченцев. Заставляя эти племена обуздывать друг друга, он сеял между ними взаимное недоверие и тем самым оберегал себя от возможности их объединения против него¹⁵⁵. Кроме того, участники карательных экспедиций имели материальный стимул в виде перспективы обогащения за счет наказуемых¹⁵⁶.

Население в чеченских наибствах было разделено на десятки по принципу круговой поруки: если кто-либо из десяти бежал к русским, остальные платили за него большой штраф¹⁵⁷. Во избежание чрезмерной концентрации власти в руках одного человека Шамиль дробил крупные наибства¹⁵⁸.

В политическом лексиконе Шамиля преобладали повелительное наклонение, угрозы и назидания. В нем отсутствовало слово «свобода». Для имама и создававшегося им классового общества эта устаревшая, патриархальная категория была лишь помехой, избавления от которой требовала объективная логика развития государственности. Что касается внешнеполитической жизни имамата, то здесь вопрос ставился не столько об освобождении от гяуров, сколько об уничтожении их. Для горских племен, еще не соединившихся в единое этническое тело, простые идеи священной войны были неизмеримо ближе и понятнее незрелых идеалов «народно-освободительной» борьбы. Консолидирующим началом в имамате служила не «антиколониальная идеология», а деспотическая власть Шамиля и «крестовые» походы против нечестивых, обещавшие упокоение души в раю и безбедное существование на земле.

Шамиля отличало поразительное мастерство уже известных в истории политических ухищрений¹⁵⁹. Собрав в апреле 1843 г. всех наибов, старшин и мулл, он обвинил их в недостаточном послушании и неожиданно объявил, что слагает с себя обязанности имама и предоставляет каждому действовать по своему усмотрению. Поскольку верхи общества уже прочно зависели от Шамиля — гаранта их социальных привилегий и собственности, — то это беспрецедентное заявление вызвало среди них переполох и растерянность. Они принялись упрашивать его не покидать их, обещая впредь выполнять все его приказания точно и усердно. Разумеется, Шамиль, на это и рассчитывавший, согласился уступить «всенародной» просьбе, после чего его власть еще больше приблизилась к абсолютистской форме¹⁶⁰.

Чтобы выше поднять свой морально-политический престиж, Шамиль уверял горцев, что находится в пе-

161.

Прушановский К.И. Указ. соч., с. 68; Юров А. 1843 и 1844 годы..., с. 48; Зиссерман А. Материалы..., с. 451; Wagner Fr. and Bodenstein Fr. Op. cit., p. 72; Bodenstein Fr. Les Peuples du Caucase..., p. 610.

162.

Известно, что имам однажды одобрил подсказанную ему идею подобного подлога. (Низам Шамиля. — ССКГ, 1870, вып. 3, с. 3—4).

163.

Шамиль и Чечня, с. 132—135. Такая подобострастная позиция по отношению к монарху давно стала политической традицией в мусульманских странах. (См. Казембек М.А. О значении имама..., с. 304—305).

164.

ШССТАК, с. 281.

165.

Прушановский К. И. Указ. соч., с. 68—69; Юров А. 1843 и 1844 годы..., с. 47—48; Шамиль и Чечня, с. 130; Зиссерман А.Л. Материалы..., с. 452—453; Ильин П. Указ. соч., с. 24—25; Wagner Fr. and Bodenstein Fr. Op. cit., p. 72—73; Bodenstein Fr. Les Peuples du Caucase..., p. 610—611.

реписке с турецким султаном и египетским пашой, которые готовы придти к нему на помощь. В мечетях публично зачитывались какие-то бумаги, якобы полученные имамом из Турции и Египта¹⁶¹. Если их не сфабриковал сам Шамиль¹⁶², то, возможно, это были письма (или копии), полученные черкесами от англичан и турок во второй половине 30-х гг. и затем попавшие в Дагестан.

В интересах власти имам, не смущаясь, нарушал заповеди Корана или толковал их применительно к своим нуждам. Духовенство понимало это, но помалкивало, так как уличать Шамиля было невыгодно и опасно¹⁶³. Когда наиб Шамиля в Черкесии Сулейман-эфенди решился заговорить о действиях, несообразных с духом шариата, то встретил такой подозрительный взгляд, которого было достаточно, чтобы заставить замолчать и искать случая бежать к русским¹⁶⁴.

С целью духовного и психологического порабощения суеверного народа имам прибегал к религиозной мистификации, именовавшейся хальватом. Раз (иногда два) в год он на три-четыре недели уединялся у себя в доме для тайных молитв. В течение этого времени Шамиль никого не принимал и употреблял очень скудную пищу, а в последние два дня вообще не ел. Перед концом затворничества к нему со всего имамата собирались видные кадии и муллы. Он выходил к ним бледным, изнуренным, исполненным многозначительности и извещал их о том, что сам пророк Мухаммед, явившись к нему в виде голубя, наставлял его продолжать идти по пути шариата. Затем в таком же состоянии Шамиль предстал перед окружавшей дом толпой и повторял содержание беседы с пророком. Горцы, охваченные благоговейным восторгом, неистово восклицали: «Нет бога, кроме аллаха, пророка его Магомета и Шамиля, имама великого!» Духовные лица расходились по своим аулам и рассказывали о происходивших в Дарго чудесах¹⁶⁵.

Хальват использовался и для устрашения людей, о чем свидетельствует один драматический эпизод. В 1843 г. равнинные чеченцы, оказавшись меж двух огней — силами русских и мюридов, — страдая от обеих сторон, с отчаяния решили просить Шамиля либо обеспечить их надежной защитой, либо позволить им заключить мир с Россией. Исполнителей этого опасного поручения — четырех влиятельных лиц — выбрали по жребию. Покорно приняв приговор судьбы, они отправились в резиденцию имама — Дарго. Их снабдили большой суммой денег (2 тыс. руб. золотом) для подкупа какого-либо человека из ближайшего окружения Шамиля, который мог бы выступить ходатаем. Предлагать такую постыдную сделку великому имаму было чревато плачевными последствиями: даже намек на взятку казал-

166.

Ученые отмечают в феодальной эпохе повышенную неустойчивость человеческой психики, следствием чего являлись массовые психозы, паники, приступы коллективных покаяний и самобичеваний. (См. Гуревич А.Я. Марк Блок и «Апология истории». — В кн.: Блок М. Указ. соч., с. 213). Об аффективных состояниях толпы или так называемой общественной впечатлительности см. также: Бехтерев В.М. Предмет и задачи..., с. 7, 9; Он же. Роль внушения в общественной жизни. СПб., 1898, с. 17—25; Шибутаки Т. Социальная психология. М., 1969, с. 170—171.

167.

См. Wagner Fr. and Bodendstedt Fr. Op. cit., p. 83—87; Wagner F. Schamyl and Circassia, p. 103—111; Warner (major). Op. cit., p. 60—68; Moser L. Op. cit., p. 180—181; Baddeley J.F. Op. cit., p. 374—379; Blanch L. Op. cit., p. 129—133. Чичагова М.Н. Указ. соч., с. 59—62; Марков Е. Очерки Кавказа.

Картины кавказской жизни, природы и истории. СПб., 1887, с. 627—629. Э. Канетти, проникший выдающимся умом философа, пронзительной интуицией писателя и личным опытом изгоя в природу власти, полагает, что помилование — это «концентрированный акт власти», а своего апофеоза она достигает в помиловании, происходящем в последний момент. Не будучи в состоянии оживить казненного, вождь может предотвратить неминуемую смерть, подарить жизнь и этим как бы продемонстрировать данную только ему чудотворную способность воскрешать. (Канетти Э. Указ. соч., с. 425, 443).

ся кощунственным оскорблением его одухотворенной, богоподобной персоны. Однако не претендовавшая на святость сановная знать отличалась неустойчивостью перед земными соблазнами. Поэтому глава чеченской делегации Тепи-мулла решил действовать через одного из таких людей — Хасим-мулла, доверенного матери Шамиля, благочестивой, добросердечной Паху-Месседу, любимой и глубоко чтимой сыном. Сообщение о цели визита чеченцев Хасим-мулла выслушал с неподдельным негодованием, но золотые монеты, как бы невзначай просыпанные парламентом, возымели магический эффект. Преобразившись, бессильный погасить алчный блеск в глазах Хасим-мулла согласился уговорить Паху-Месседу склонить Шамиля к удовлетворению просьбы чеченцев.

В тот же вечер мать пришла к сыну и после долгой беседы вышла от него с заплаканным лицом. Затем имам, публично обнародовав перед жителями Дарго желание чеченцев, заявил, что хочет посоветоваться по этому вопросу с пророком, и уединился в мечети. Через трое суток молитвы и поста, бледный и изможденный, он появился перед нервно ожидавшей толпой. Воскликнув «О великий пророк Мухаммед! Священна и беспрекословна воля твоя! Да будет она исполнена в назидание всем правоверным!», Шамиль объявил приговор всевышнего: тот, кто первым известил имама о предложении чеченцев, должен получить в наказание 100 ударов плетью. И добавил, что этот человек — его мать.

По приказу Шамиля мюриды привели Паху-Месседу и принялись за дело. После пятого удара несчастная женщина лишилась чувств. Остановив палача, имам бросается к ногам матери со словами страстной молитвы. Завороженные этим фантастическим зрелищем, доведенные до состояния экстаза люди с рыданиями и стонами умоляли Шамиля о милосердии¹⁶⁶. Спустя несколько мгновений он поднялся, торжественно возвестив, что всемилостивый аллах вынял его мольбе и позволил принять на себя оставшиеся 95 ударов. Лицо имама просветлело. С улыбкой на губах он снимает бешмет и подставляет спину под тяжелую нагайку, пригрозив мюридам-эзекуторам казнью, если они вздумают проявлять снисхождение. Даргинцы наблюдали за этой сценой со смешанным чувством ужаса и восхищения. Получив все удары сполна, Шамиль приказал вывести из толпы виновников происшедшего. По поводу их участи ни у кого не было ни малейших сомнений. Однако, к изумлению горцев, притихших в ожидании скорого кровавого возмездия, имам велел чеченским посланцам возвращаться домой и, в ответ на глупые предложения тех, кто уполномочил их, рассказать об увиденном и услышанном¹⁶⁷.

Психологически это был блистательный ход. Отру-

168.

См. Schiemann Th. Op. cit., Bd. 4, Berlin, 1919, S. 110.

169.

Из выдающихся тиранов прошлого не только для Шамиля характерно соединение религиозности со стремлением использовать бога в своих практических целях. (См. Шахермайр Ф. Указ. соч., с. 152, 322).

170.

Подобные состояния, характерные для верующих людей, хорошо известны в истории ислама. (См. Тримингэм Дж. С. Указ. соч., с. 118—119; Бартольд В.В. Ислам. — Соч., т. 6, М., 1966, с. 91; Массэ А. Ислам. Очерк истории. М., 1982, с. 62, 167; Пиотровский М.Б. Пророческое движение в Аравии VII в. — В кн.: Ислам. Религия, общество, государство. М., 1984, с. 20).

171.

Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 127—129.

172.

Зиссерман А.Л. Материалы..., с. 453—454.

173.

Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 75, 89.

174.

Там же, с. 109—110, 112, 154, 156. Шамиль страдал загадочной болезнью, сопровождающейся головокружениями и обмороками. Горцы, как и сам имам, объясняли подобные недуги присутствием сверхъестественного начала в человеке, считали их знаком особого благорасположения небес. (Руновский А. Записки..., гл. 5, с. 30—33).

175.

См. Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 107—108, 117—118; Марков Е. Очерки..., с. 626—627; Wagner Fr. and Bodendstedt Fr. Op. cit., p. 62; Warner (major). Op. cit., p. 32; Koch K. Der Kaukasus, S. 168; Moser L. Op. cit., p. 151; Thümmel A. R. Op. cit., Bd. 2, S. 150; Blanch L. Op. cit., p. 125, 214. Вера в сакральную природу единоличной власти была свойственна массовой психологии средневековой Европы (см. Гуревич А.Я. Марк Блок и «Апология истории». — В кн.: Блок М. Указ. соч., с. 210—211) и других традиционных, более ранних

бить чеченцам головы представлялось Шамилю слишком примитивным решением с не столь уж значительным воспитательно-политическим эффектом. К казням, ставшим повседневностью, привыкли. Не удивил бы такой исход и людей, отправлявших Тепимуллу с его спутниками в рискованное путешествие. Имам хотел, чтобы об устроенной им душераздирающей феерии в Чечне узнали от непосредственных очевидцев — это произведет куда более сильное воздействие. В возникшей ситуации он быстро разглядел возможность укрепить в сознании народа убеждение в том, что на все его поступки имеется божественная санкция, убеждение, игравшее огромную роль в процессе сакрализации авторитарной власти.

Вместе с тем, при явном присутствии в описанном сюжете фарсовых элементов было бы упрощением оценивать его только как великолепно задуманную и не менее великолепно сыгранную сцену с политической подкладкой¹⁶⁸. В сложной натуре Шамиля трезвый, дальновидный расчет сочетался с религиозной страстью, верой в свою богоизбранность¹⁶⁹. В ситуации, о которой шла речь, он, вероятно, впал в особое мистико-экстатическое состояние, сопровождавшееся видениями, «вспышками божественного света», усугублявшееся причиняемой себе физической болью¹⁷⁰. Поведение имама настолько самозабвенно и жертвенно, что становится очень трудно отделить искренность от лицедейства.

Некоторые факты из жизни Шамиля сильно возбуждали суеверную фантазию народа. И в самом деле невольно кажется, будто сама судьба берегла своего баловня от смерти. Его не брали ни пули, ни штыки русских, ни кинжалы кровных мстителей. Имам выкарабкался из безнадежных ситуаций в Гимрах (1832 г.) и Ахульго (1837 г. и 1839 г.). Он остался в живых после множества ранений, полученных при покушении на него в Чечне (1840 г.)¹⁷¹. В 1847 (или в 1848 г.) у молодого горца, с трех шагов стрелявшего в имама в отместку за казнь отца, пистолет дал осечку¹⁷². Когда (несколько раз) горели Гимры, Ашильта, Ахульго, огонь по какой-то случайности щадил резиденции Шамиля в этих селениях¹⁷³. Имам часто видел пророческие сны, повергавшие окружающих в трепет, «слышал» голос аллаха, предсказывавшего и советовавшего¹⁷⁴. Подобные «чудеса» играли на руку имаму. Мистическое народное сознание однозначно истолковало их как вмешательство потусторонних сил. В лице имама культивировался образ полубожественного существа¹⁷⁵. В Веде-

обществ. (См. История первобытного общества. Эпоха классов, с. 242—243, 421—422; Куббель Л.Е. Указ. соч., с. 80, 82, 112; Лева-

да Ю.А. Указ. соч., с. 144—145; Фрэзер Д. Д. Указ. соч., с. 18, 91—92; Balandier G. Anthropologie politique. Paris, 1967, p. 117—144.)

176. Шамиль и Чечня, с. 128; Вер-деревский Е. Указ. соч., с. 313.

177. Wagner F. Schamyl and Circassia. Edited, with notes, by Kenneth R.H., Mackenzie. Lnd., 1854, p. 6.

178. Б.Ф. Поршнев заметил, что способность человеческого ума к извращению реальности «не может быть объяснена только как механические поломки мыслительной машины». (Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1979, с. 200). Еще раньше А.Ф. Лосев решительно заявил: мифическое сознание представляет собой не игру фантазии, а наиболее яркую и самую подлинную действительность. По его мнению, правильно понять этот особый тип ментальности можно лишь изучая его изнутри; применение здесь категорий любого внемифического мировоззрения совершенно некорректно и бесплодно. (Лосев А.Ф. Диалектика мифа. — В кн.: Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М., 1990, с. 396—397, 417). Зарубежные историки и философы также утверждают о необходимости для исследователя рассматривать проблему мотивации не с точки зрения формального рационализма, а следуя за логикой чужой мысли. (См. Дрей У. Еще раз к вопросу об объяснении действий людей в исторической науке. — В кн.: Философия и методология истории. Под ред. И. С. Кона. М., 1977, с. 46—47; Гемпель К. Мотивы и «охватывающие» законы в историческом объяснении. — Там же, с. 93). К. Леви-Строс вообще отказывается именовать мифологическое мышление «примитивным», поскольку оно, в принципе, работает по законам такой же строгой логики, как и научное, позитивное мышление, имея только другой «предмет изучения». (Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1983, с. 206—207; ср. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. (Пер. с франц.). М., 1977, с. 458).

179. Гуревич А.Я. Социальная история и историческая наука. — ВФ, 1990, № 4, с. 30—32.

но даже был заведен обычай клясться его именем¹⁷⁶. Понятно, что Шамиль вовсе не стремился прояснять атмосферу таинственности вокруг своего имени и этим еще сильнее сгустил ее¹⁷⁷.

Современному здравомыслящему человеку, со школьной скамьи усвоившему элементарные законы природы, вся эта «окультиная» мистерия скорее всего покажется абсурдной, лишенной разумного смысла. Ему трудно поверить в готовность людей всерьез воспринимать подобные «нелепицы», не предположив в них душевное нездоровье. Профессиональному историку такой образ суждений непозволителен. Установлено, что наши далекие предки обитали в мире совершенно иных духовных измерений, где действовали своя логика и свое объяснение причинно-следственных связей. Этот мир мифов, чудес, пророческих озарений, голосов свыше был для них столь же реальным и естественным, как для нас полеты на другие планеты, расщепление ядра, пересадки сердца и т. д. Исследователь прошлого никогда не поймет людей древних культур, если он не в состоянии разделить их «предрассудки», увидеть в них важнейшие исторические факты¹⁷⁸. В какой-то степени нужно превратиться в человека изучаемой эпохи, вникнуть (не столько чувством, сколько разумом) в мотивы его «иррационального» поведения, в его «ложное сознание» искренне, глубоко, без насмешливо-нисходительного взгляда с высоты своего цивилизованного времени¹⁷⁹. Тем более что в наших собственных представлениях о жизни найдется немало «наивного», «условного», «несуразного».

Шамиль придавал значение внешним атрибутам, призванным подчеркнуть его царственность и могущество. Он старался реже показываться народу, и каждый выход на люди обставлялся как можно торжественнее¹⁸⁰. Подобно любому политику — хотя и в меньшей степени, чем иные, — имам был подвержен чувству упоения состоянием, именуемым «пафосом власти»¹⁸¹. В поездках по Дагестану его сопровождало до тысячи муртазек. Когда он отправлялся в Чечню, этот эскорт достигал 5 тыс. человек¹⁸².

Величественно выглядело шествие имама в мечеть на молебствие. Впереди шел Шамиль в зеленом суконном халате или черкеске; рядом с ним находились телохранители во главе со своим начальником; затем по порядку следовали секретарь, сыновья, казначей Шамиля, члены имамского совета и другие почетные лица. По обе стороны этой процессии рядами вы-

180. Андреев А.П. Указ. соч., с. 1096; Der Kaukasus, seine Völkerschaften, deren Kämpfe etc, nebst einer Charakteristik Schamil's. Wien, 1854, S. 86.

181. См. Хейзинга Й. Указ. соч., с. 20.

182. Прушановский К. И. Указ. соч., с. 69—70.

183.

Выдержки из записок Абдурахмана..., с. 19—21; Шамиль и Чечня, с. 129; Вердеревский Е. Указ. соч., с. 312—313.

184.

О гражданских, военных и духовных постановлениях Шамиля, с. 210. Много позже, уже в России, имам был крайне удивлен тем, что такой могущественный монарх, как российский, позволяет себе разговаривать с обыкновенными людьми. (Руновский А. Записки о Шамиле, СПб., 1860, гл. I, с. 15).

185.

Прушановский К.И. Указ. соч., с. 69; см. также: Зиссерман А.Л. Материалы..., с. 453—454; Bodenstedt Fr. Les Peuples du Caucase..., p. 611—612; Dulaurier Ed. La Russie dans le Caucase.— RDM, 1861, t. 33, p. 320.

Несколько раз Шамиля пытались отравить. (См. Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 130—131). Власть не только внушает, но и сама испытывает страх. Поэтому властитель создает вокруг себя хорошо просматриваемое пространство, доступное лишь для особо доверенных лиц. (Канетти Э. Указ. соч., с. 423).

186.

В мировой истории абсолютизма это обычная идея. (См. Шахермайр Ф. Указ. соч., с. 76). К примеру, в Древнем Риме в личности императора обоготворялась общественная власть. Перед ним благоговели, ему повиновались, его признавали божественным существом вовсе не из-за человеческих достоинств (он мог и не обладать ими), а потому, что ему принадлежал императорский титул — символ могущества и величия государства. Монархическая идея составила важную часть классического политического наследия, оставленного Римом будущим поколениям. (Фюстель де Куланж Н.Д. Указ. соч., т. 1, с. 232—234, 401).

187.

Sarkisyanz E. Geschichte..., S. 136; Cp. Thümmel A.R. Op. cit., Bd. 2, S. 171.

188.

Baumgarten G. Sechzig Jahre..., S. 29; cp. S. 130.

страивались муртазеки. У входа в мечеть ставился часовой. При богослужении в том, как рассаживались присутствующие, также была видна строгая субординация чинов, власть имама. Возвращение Шамиля домой обставлялось таким же ритуалом¹⁸³.

Сложился строгий церемониал поведения в присутствии Шамиля. Оно должно было быть исполнено глубочайшего почтения к имаму. Никто не смел приблизиться к нему без разрешения. Удостоившийся такой чести, подходя, целовал подол его платья — правило, соблюдавшееся даже знатыми людьми. Человек, представший «пред очи» Шамиля, не мог позволить себе не только шума, но и лишнего движения, не рискуя оскорбить его персону. При имаме полагалось стоять, если он сам не пригласит сесть, внимательно выслушивать каждое его слово, смотря прямо в глаза, чтобы быть готовым по малейшему знаку исполнить его желание. Обращаться к Шамилю без веских на то причин считалось недопустимой дерзостью¹⁸⁴. Недоступность имама, помимо того, что она была одним из символов величия, возвышавших его над остальными людьми, служила еще и средством личной безопасности. Шамиль, по обвинениям, а подчас и просто прихотям которого пало много жертв, имел основания опасаться кровной мести. Кроме того, могли найтись горцы, способные за деньги соблазниться совершить покушение на него¹⁸⁵.

Шамиль понимал, что власть предержащая должна быть окутана тайной. Хальват и другие «чудеса» вместе с царственными атрибутами создавали таинственный флер, отгораживавший вождя от толпы.

В русле политики укрепления личной диктатуры обозначились основные контуры «самодержавной» доктрины: идея о божественном происхождении власти имама и о необходимости безусловной покорности ей¹⁸⁶. Бездумное послушание возводилось в добродетель, неповиновение приравнивалось к греху. Вскоре к этим краеугольным положениям прибавится еще один тезис: принцип избирательности власти должен быть заменен принципом наследственности. По определению западногерманского историка Э. Саркисянца, Шамиль эволюционировал в «классического исламского правителя»¹⁸⁷. В том же духе высказался немецкий автор XIX в. Г. фон Баумгартен, считавший, что в лице азиатской деспотии имаму удалось найти средство претворения в жизнь «политического идеала мюридизма»¹⁸⁸.

Таким образом, для утверждения авторитарной власти аппарат имамата позволял употреблять большое разнообразие приемов, используя различные человеческие стимулы, религиозную идеологию, суеверие, внешние эффекты и т. д. Господство Шамиля держалось на целой системе факторов: стремление к добыче, заинтересованность в силе, ограждающей

189.

Прушановский К.И. Указ. соч., с. 66—67, 72; Волконский Н. Лезгинская экспедиция, с. 217, 221; Зиссерман А. Материалы..., с. 450—451; Thümmel A. R. Op. cit., Bd. 2, S. 171—172.

190.

См. Гегель. Философия истории. — Соч., т. 8, М.-Л., 1935, с. 20, 23, 34, 37; Хейзинга Й. Указ. соч., с. 116; Блок М. Указ. соч., с. 136. Страсть — категория во многом родственная миру иррационального — очень «неудобная» величина для сторонников теории жесткого детерминизма в истории, поэтому она попросту не учитывается ими. Нельзя не согласиться с Марком Блоком, отказывавшимся наивно полагать, будто «человечество сплошь состояло из логически действующих людей, для которых в причинах их поступков не было ни малейшей тайны». «Мы, — писал он, — сильно исказили бы проблему причин в истории, если бы всегда и везде сводили ее к проблеме осознанных мотивов, ибо историку нередко приходится сталкиваться с «представлениями, сопротивляющимися всякой логике». (Блок М. Указ. соч., с. 110, 212). Заслуживают внимания аналогичные взгляды других исследователей социальной психологии. (См. Гуревич А.Я. Историческая наука и историческая антропология. — ВФ, 1988, № 1, с. 65, 67—70; Поршнев Б. Ф. Указ. соч., с. 188; Дрей У. Указ. соч. — В кн.: Философия и методология истории. Под ред. И. С. Кона. М., 1977, с. 44, 50; Нагель Э. Детерминизм в истории. — Там же, с. 105; Шибутани Т. Указ. соч., с. 153).

191.

Покровский М.Н. Дипломатия..., с. 212.

собственность и соответствующий ей общественный статус, искренняя вера в святость имама и его учения, воинственность и фанатизм, предрассудки и страх наказания за неповиновение¹⁸⁹. Имам умело манипулировал этими побудительными мотивами в зависимости от того, с каким социальным слоем или конкретным лицом и в какой ситуации ему приходилось иметь дело. Глубокий социальный психолог, он знал цену одной могучей универсальной силе — энергии страстей человеческих, без которой не бывает ни подъема, ни каких-либо достижений, хотя она всегда перехлестывает за пределы необходимого¹⁹⁰.

Как крупному политику Шамилю было дано увидеть в сложившихся исторических обстоятельствах огромный потенциал для преобразовательной деятельности. Нащупав самые чувствительные нервы, самые главные приводные пружины в общественном организме и в человеческом существе, научившись управлять ими, имам постиг тайну власти. Именно тогда ему и удалось подчинить себе буйную социальную стихию военной демократии, укротить ее «государственным жгутом», соединить разрозненные, разноязычные, враждовавшие между собой племена в единое целое, покорное воле вождя.

Но — подчеркнем еще раз — авторитарная машина закабалила и своего создателя, заставив его неукоснительно соблюдать строгие правила обращения с нею, ибо она не прощала ошибок. Поработав других, Шамиль поработал и себя. Неограниченную власть над людьми ему пришлось оплачивать ценой отказа от личной, внутренней свободы, которой у него было не больше, чем у простого горца. В построенной им деспотии право быть первым господином означало и необходимость быть первым рабом. По-видимому, Шамиль ощущал гнет этой добровольной кабалы и со временем психологически подустал от нее.

Имам верил, что созидает на земле райскую обитель для людей в соответствии с заветами пророка Мухаммеда. Убежденный в величии своей цели, он был готов держать перед аллахом ответ за пролитую кровь, ибо ее цена, как думалось ему, входила в «смету» строительства. Более того, Шамиль, казалось, не сомневался, что Божий суд спросит с него строго, если он не проявит нужной суровости в обращении с паствой, загоняемой в рай.

Можно согласиться с М. Н. Покровским, назвавшим имама «высшей точкой, до которой поднималось когда-либо политическое творчество кавказских горцев»¹⁹¹. Примечателен тот факт, что в предложениях русских военных администраторов о способах утверждения России на Северном Кавказе звучит мысль о целесообразности позаимствовать многое «из умной и глубоко продуманной системы управления Шамиля» (за исключением того, что в ней есть

192.

Сивков К.В. О проектах..., с. 196. Кстати говоря, когда после подавления движения Абд-аль-Кадира алжирского перед французами встал вопрос о том, как управлять захваченной территорией, было признано целесообразным сохранить созданную этим вождем государственную организацию, основанную «на большом знании людей и вещей», со «всеми задатками жизненности и прочного существования».

(Хмелева Н.Г. К вопросу о значении алжирского государства, возглавленного эмиром Абд-аль-Кадиром (1832—1847). — В кн.: Арабские страны. История. М., 1963, с. 201).

193.

Moser L. Op. cit., p. 192.

194.

Ученые давно обратили внимание на указанные функции власти в раннеклассовых обществах. (См. Куббель Л. Е. Указ. соч., с. 29—40, 127—135, 143—144, 158).

«зверского и бесчеловечного») с «ее хорошим распределением прав и обязанностей наибои и прочих властей, с ее несложными и ясными формами судопроизводства для скорейшего решения дел, со всеми законами, столь хорошо приуроченными к быту, нравам и понятиям горцев»¹⁹². Так же высоко оценивали государство Шамиля его западноевропейские современники, видевшие в этой структуре основу для движения к цивилизации¹⁹³.

Подчеркивая выдающуюся роль деспотичного «архитектора» в строительстве имамата, отметим, вместе с тем, что эта форма организации единоличной власти была вызвана к жизни объективной потребностью общества в более совершенном механизме саморегулирования и самовоспроизводства, т. е. сохранения некоего равновесия в важнейших сферах социального бытия. Расширение территории и увеличение народонаселения в результате военной экспансии, как и сама растущая военная экспансия, предполагавшая не только агрессию, но и оборону, ставили проблемы, тесно завязанные в один узел: обеспечение устойчивого преобладания производства над потреблением, контроль за распределением, более эффективная организация набеговой системы, постепенно обретающей качественно новые черты (наряду с экономическими, военно-грабительскими политические, военно-завоевательные), сдерживание, путем своеобразного посредничества, такого деструктивного фактора, как конфликтующие устремления различных социальных слоев, достижение политической и территориально-демографической целостности. Общество, инстинктивно понимая нужду в едином руководящем центре — залоге своего благополучного существования, — сознательно и добровольно подчинилось высокоавторитетному Шамилю, доказавшему, что он пригоден для столь ответственной роли. Выбранный как выразитель интересов всего, еще недостаточно глубоко стратифицированного социального организма, он до определенного момента выполнял данную миссию более или менее успешно. Однако зачастую независимо от своих субъективных, самых «благих» намерений, а зачастую целенаправленно Шамиль стимулировал процесс классовообразования, с развитием которого у аппарата власти имама начинает заметно выделяться функция защиты интересов господствующего меньшинства от эксплуатируемого большинства, включая применение силы. Подавление этого большинства также служило средством самосохранения сбалансированной социально-политической системы, воплощавшей совершенный для своего времени миропорядок¹⁹⁴.

Сильная личная власть, как уже говорилось, была невозможна без личности, к которой Кавказская вой-

Дроздов И. Начало деятельности Шамиля. (1834—1836 гг.). — КС, 1899, т. 20, с. 251—252; Гаджи-Али. Указ. соч., с. 10—11; Baddeley J.F. *The Russian Conquest of the Caucasus*. Lnd. — N.Y., 1908, p. 240—241; Dulaurier Ed. *La Russie dans le Caucase*. — RDM, 1861, t. 33, p. 310.

на с ее сложными социальными процессами предъявляла высокие требования и в соответствии с ними производила среди человеческого материала взыскательный отбор (как это всегда бывает при переходнокстремальных состояниях общества). В богатом запасе способностей и качеств своего «избранника» Кавказская война развивала по преимуществу те, что были ей необходимы.

От рождения наделенный быстрым и проницательным умом, энергичным характером и твердой волей Шамиль рано обнаружил тягу к духовному и физическому совершенству. Усердное изучение Корана уже в юности воспитало в нем набожность и аскетизм, а упорные тренировки по гимнастике, фехтованию и развитию сноровки в горном бою закалили его силу и выносливость. Он самозабвенно уходил в свои теологические занятия, со временем ставшие для него всепоглощающей страстью. В стремлении к высшим ступеням религиозного познания Шамиль посещал Магомеда Ярагского и других видных мусульманских проповедников Дагестана. К моменту провозглашения имамом он уже был глубоко сведущим толкователем ислама¹⁹⁵.

Суровый горский быт, хилое детское здоровье Шамиля, заставившее его, хотя и не надолго, вкусить унижительное чувство неполноценности, семейные неурядицы (пристрастие отца к алкоголю), вызывавшие в адрес мальчика насмешки и оскорбления его сверстников, сформировали сложный характер имама. Он вне всякого сомнения был талантливым и мужественным человеком. С поправкой на своеобразные нравственные ценности общества военной демократии можно говорить о его честности, справедливости. От нелегкой отроческой поры он унаследовал замкнутость, нетерпимость к порокам и готовность к отчаянным действиям. Биографы Шамиля сообщают то ли легенду, то ли реальный эпизод из его юности: после неоднократных безрезультатных требований к отцу прекратить употребление спиртного мальчик наконец добился этого, пригрозив заколоть себя кинжалом у него на глазах, если еще хоть раз увидит его пьяным. В Шамиле заговорили не только ростки пуританской морали, но и острое желание защитить собственную честь и достоинство во мнении окружающих. Бунт против отца был средством избавления от стыда за родителя и вызванной им психологической подавленности, и первым успешным испытанием способности подчинять других своей воле, причем — в серьезном конфликте с «вышестоящим соперником». Эта страстная решимость в достижении поставленной цели, столь рано и буйно обнажившаяся в семейно-бытовой сфере, позже, в более скрытых формах, проявится в сфере политики.

Политическая практика приучила Шамиля к влас-

196.

Пушановский К.И. Указ. соч., с. 36; Чичагова М.Н. Указ. соч., с. 12—14; Алферьев П. Очерки из жизни Шамиля. М., 1905, с. 5; Султан Адиль-Гирей. Рассказ аварца, с. 13; Вердеревский Е. Указ. соч., с. 310, 413, 414; Wagner Fr. Schamyl and Circassia, p. 81—82; Des Es-sarts A. Portraits biographiques et critiques des hommes de la Guerre d'Orient, Imam Schamyl. Paris, 1855, p. 344; Roskoschny H. Das asiatische Russland. Leipzig, s. a. Bd. 1, S. 131, 132; Thümmel A.R. Bunte Bilder aus dem Kaukasus. Nürnberg, 1854, Bd. 2, S. 144, 147; Moser L. Op. cit., p. 149.

197.

Пленницы Шамиля. Воспоминания г-жи Дрансе. Тифлис, 1858. (Пер. с франц.), с. 91.

198.

Cm. Blanch L. Op. cit., p. 209.

толюбию, жестокости и подозрительности, довела в нем чуть ли не до уровня искусства умение использовать благоприятные обстоятельства. Чаще завуалированное, чем явное стремление к первенству во всем насквозь пронизывало его человеческую сущность. С молодых ногтей смутно ощущая в себе могучие жизненные силы, Шамиль, по мере того как он находил им приложение, проникался справедливым убеждением в собственной незаурядности.

Современники отмечали в Шамиле благородную и привлекательную наружность, кроткий нрав, хладнокровие и здравомыслие, красноречие и выдающиеся способности организатора. Во внешнем облике они непременно хотели найти полный физиономический слепок с его богатой натуры. Говорили, что за кажущимся бесстрашием таились высокие чувства и нежные порывы, его выразительные глаза излучали задумчивость, спокойствие и тихую грусть, но могли смотреть на человека с проницательным прищуром, выдавая ум и душевную энергию, в его улыбке прочитывали хитрость и доброту. Глубоко недоверчивый к людям, он бывал очень любезен в общении. Шамиль виртуозно владел своими эмоциями: в минуты сильного волнения его лицо ничем не выдавало это состояние¹⁹⁶. Некоторым он напоминал «льва, находящегося в спокойном положении»¹⁹⁷. Противоречивый склад личности позволял Шамилю испытывать суевверное обожание к домашней кошке, деля с ней трапезу, умиляясь ее обществом, искренне скорбя о ее гибели, и в то же время отдавать приказы о казнях, массовых экзекуциях, телесных изувечствиях, невозмутимо присутствуя при их исполнении.

Эпоха становления классового общества, закономерно порождавшая господство личности, окрашивала многие деяния утверждающегося «самодержца» в характерные для нее кровавые тона. Насилие и жестокость являлись естественными приметами времени, типичными «моральными ценностями» диктатора, его последним доводом. В его политическом сознании отождествлялось с законностью и справедливостью все то, что способствовало укреплению власти, стоявшей над понятиями добра и зла. Нравственные правила в политике, впрочем, всегда отличавшиеся условностью, действовали до тех пор, пока они ей не мешали. Не следует забывать и о суровых патриархальных обычаях, оставивших глубокий след в характере Шамиля и избавивших его от всяких сомнений, чувств сострадания или раскаяния. Кинжал и пуля были для каждого горца привычными средствами защиты таких категорий социальной культуры военно-демократического общества, как честь, достоинство, справедливость¹⁹⁸. Воспитанная культом оружия жестокость стала по воле имама гарантом уважения людьми еще более высокого для него поня-

199.

Чичагова М.Н. Указ. соч., с. 34; Ильин П. Из событий на Кавказе. Набег Шамиля в 1843 году. — РВ, 1872, № 7, с. 257.

200.

Шамиль и Чечня, с. 134; ДГСВК, с. 385; Roskoschny H. Op. cit., Bd. 1, S. 131.

201.

Thielmann M. Journey in the Caucasus, Persia and Turkey in Asia. (Transl. from German]. V. 1, Lnd., 1875, p. 268. Ср. Baron Ernouf. Le Caucase, la Perse et la Turquie d'Asie d'après la Relation de M. le Baron de Thielmann. Paris, 1876, p. 201—202.

202.

Дневник Руновского, с. 1468.

203.

Там же, с. 1524.

204.

Низам Шамиля. — ССКГ, 1870, вып. 3, с. 17.

205.

См. например: Дубровин Н.Ф. Обзор войн..., с. 176—177.

тия — власти. Во имя ее Шамиль мог хладнокровно отдать приказ о варварской экзекуции и с непроницаемым лицом наблюдать за ее исполнением. Он, случалось, позволял себе самолично отправлять обязанности палача при большом стечении народа¹⁹⁹. Подобное поведение объяснялось не какой-нибудь патологической злобой, а рационалистическими или казавшимися таковыми мотивами. Безжалостные нравы эпохи укоренили в имаме и другие, родственные жестокости качества — властолюбие и подозрительность. Шамиль совершенно непримиримо относился к малейшей угрозе своему господству и не щадил тех, от кого она исходила. Постоянный гнет заботы о сохранении власти, порожденный реальной опасностью и порождавший в воображении имама мнимую, развивал в нем настороженность и недоверие к людям. Когда его пугливая фантазия работала с излишним усердием, то враги чудились ему там, где их не было. Немало голов слетело по лживым доносам и несостоятельным обвинениям, подчас просто для примерного устрашения²⁰⁰. Все это позволяло увидеть в имаме, помимо ума, проницательности, отваги и редкой энергии, «все пороки восточного деспота»²⁰¹.

Самим Шамилем владело глубокое убеждение в том, что он действует правильно, убеждение, почерпнутое в универсальном «моральном кодексе» власти, всегда снисходительном к тем, кто эту власть имел. «Правду сказать, — признавался он, — для смягчения характера горцев я употреблял жестокие меры: много людей убито по моему приказанию, но без этого невозможно было обойтись; другого средства с этим народом нет; ...и я не боюсь дать за них (убитых — *ред.*) ответ Богу...»²⁰² «Я управлял народом скверным, разбойниками, которые тогда только сделают что-нибудь доброе, когда увидят, что над их головами висит шашка, уже срубившая несколько голов... Если бы я поступал иначе, я должен был бы дать ответ Богу, и Он меня бы наказал за то, что я не наказывал строго свой народ»²⁰³. Любые черты в поведении масс, которые представляли неудобство для автократии, именовались Шамилем «дурными наклонностями»²⁰⁴. Над их искоренением он трудился всю жизнь.

Личность, созданная Кавказской войной и вознесенная ею к вершине власти, сама, по мере обретения могущества, начинала заметно влиять на ход явления, которому она была обязана своим существованием.

Положение имама и окружающая обстановка доводили некоторые задатки в Шамиле едва ли не до совершенства. Во всей полноте проявились его организаторские и полководческие таланты²⁰⁵, питавшиеся богатым опытом и традициями общества военной

206.

См. Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 135; Texier Ed. Op. cit., p. 28; Blanch L. Op. cit., p. 129. Султан Адиль-Гирей приводит слова аварца, служившего при Шамиле, о том, что он обладал «редким, лишь ему одному свойственным умением действовать на умы толпы». (Султан Адиль-Гирей. Рассказ аварца, с. 13).

207.

Шамиль в Париже... — Кавказ, 1854, № 97, с. 393; Wagner F. and Bodenstedt Fr. Schamyl: the Sultan, Warrior, and Prophet of the Caucasus. Lnd., 1854, p. 60—61.

208.

См. Blanch L. Op. cit., p. 129, 289.

209.

Это специфическое качество вообще присуще крупным политикам. Возьмем, к примеру, Р. Хомейни. (См. Агаев С. Л. Указ. статья, с. 100).

210.

См. Шамиль и Чечня, с. 130—131. И. Гольдциэр причислял Шамиля (хотя и с некоторыми оговорками) к тем известным в истории ислама «сильным руководящим личностям», в которых «соединились качества ученого теолога и отважного героя войны». (Гольдциэр И. Лекции об исламе, с. 247—248).

211.

См. Гаджи-Али. Указ. соч., с. 20—21; Зиссерман А. История..., т. 2, с. 383; Thielmann M. Op. cit., v. 1, p. 268.

демократии. Во многом благодаря именно этому делу Шамиля Кавказская война, приобретя беспрецедентный размах и высокую «рентабельность», вступила в 40-х гг. в свою «блистательную эпоху».

Ум, воля и терпение выдвинули Шамиля в ряд крупных политиков своего времени. Понятия не имея о макиавеллизме, он показал удивительные образцы этого искусства властвования. Проницательный и дальновидный человек, тонкий психолог и, когда нужно, умелый актер, он поднимался до вершин изобретательности в поисках новых средств достижения максимального политического и духовного господства над людьми. Шамиль обладал отменным социальным чутьем, позволявшим точно распознавать настроения тех или иных общественных слоев и вовремя реагировать на них. Ему дана была неопостижимая сила почти гипнотического воздействия на тех, кто видел и слушал его. Он завораживал словом, жестом, приводящими в ужас инсценировками. Голос имама возвращал отступавшие войска на поле боя, заставлял одерживать победы²⁰⁶. Когда он ораторствовал, то горцам казалось, что «глаза его извергают пламя, а из уст сыплются цветы»²⁰⁷. Шамиль изумительно владел редким мастерством использования драматических или недоступных разуму обстоятельств для сгущения легендарно-мистического нимба вокруг своей личности. Здесь он приближался к уровню художника²⁰⁸. Его способность манипулировать массой при непосредственном контакте с ней, идущая от глубокого понимания того, что в толпе срабатывают особые психологические, поведенческие законы, достойна восхищения²⁰⁹.

Природная одаренность, тяга к познанию и усердие помогли Шамилю вырасти в первого идеолога мюридизма. Полученное им прекрасное мусульманское образование, пытливость мысли, красноречие и умение найти в догмах Корана обоснование любому своему поступку обеспечили ему неоспоримый религиозный авторитет²¹⁰.

Личные способности Шамиля сделали свое дело и в довольно непривычной, слаборазвитой сфере жизни горцев — дипломатии. Дипломатический «профессионализм» и изворотливость, проявленные имамом в отношениях с Россией в 1837—1839 гг., выглядят тем поразительнее, что у него не было никакого опыта на этом поприще. Исповедуя принцип «цель оправдывает средства», Шамиль не гнушался и самой худшей разновидности дипломатии — обмана, употребляя его в отношении как гяуров, так и правоверных мусульман. Когда дело касалось интересов власти, он не позволял себе такой недопустимой моральной роскоши, как щепетильность в соблюдении данных им обещаний²¹¹.

Шамиль имел сложную, противоречивую, но пси-

212.

См. Казембек М.А. Муридизм и Шамиль, с. 226.

213.

Шамиль и Чечня, с. 130; Дневник Руновского, с. 1403; Mascie J.M. Op. cit., p. 285; Dulaudier Ed. La Russie dans le Caucase. — RDM, 1861, t. 33, p. 321. Так же в свое время использовал Бога Мухаммед, который, по словам И. Гольдциера, «заставляет Аллаха спускаться с трансцендентальных высот и, как деятельный сотрудник, принимать участие в трудах пророка, с головой ушедшего в битвы мира сего». (Гольдциер И. Лекции об исламе, с. 25).

214.

См. Шамиль и Чечня, с. 127.

215.

Там же, с. 128; Ильин П. Историческое описание о Шамиле, называвшемся «имамуль аазам» («наместник пророка»). М., 1859, с. 16; Султан Адиль-Гирей. Рассказ аварца, с. 13.

216.

Гаджи-Али. Указ. соч., с. 19—22. Этому же он учил и наибов: «Ты смотри на своих людей... как смотрит милосердный отец на своих детей». (Цит. по: Даниялов А. Д. О движении горцев Дагестана и Чечни под руководством Шамиля. — ВИ, 1966, № 10, с. 25).

217.

АКАК, т. 9, с. 883.

218.

Выдержки из записок Абдурахмана..., с. 23—24; Гакстгаузен А. Указ. соч., ч. 1, с. 211.

219.

Чичагова М.Н. Указ. соч., с. 47; Захарьин И.Н. Указ. соч., с. 475; Ковалевский Н. Шамиль (Покорение Кавказа). М., 1912, с. 33—34. За убийство раскольников Шамиль отрубал виновникам головы. (Пржецлавский П.Г. Дагестан, его нравы и обычаи. — ВЕ, 1867, т. 3, № 9, с. 192).

хологически устойчивую натуру. Он не страдал присущей многим деспотам неврастением с ее безудержными приступами гнева, внезапными непостижимыми решениями, непредсказуемо-причудливыми прихотями, необъяснимыми депрессиями. Все его действия подчинялись политической логике и здравому смыслу²¹². Даже в религиозную экзальтацию он впадал с определенными практическими целями. Пророк Мухаммед, с которым Шамиль «общался» во время хальватов, по «странному» совпадению, всегда «советовал» делать именно то, что отвечало интересам реальной политики имама²¹³.

Будучи отважным человеком, Шамиль, вместе с тем, не спешил в «рай», ожидавший горцев, погибших в священной войне²¹⁴. Он не позволял себе безрассудного удальства, основательно обдумывал каждый шаг, старался предугадать все последствия, но однажды решившись, устремлялся к цели с быстротой и бесстрашием²¹⁵. Когда ему приходилось рисковать жизнью, это было оправданно. Шамиль без нужды не жертвовал и своими мюридами, готовыми достойно принять смерть по его требованию. В отчаянных ситуациях он шел на компромисс с врагом, презрев заповедь газавата: лучше умереть, чем вступить в сделку с гяурами. Разумеется, им руководили вполне утилитарные соображения — сберечь боевые силы для будущих сражений, — во имя которых он умел гибко применяться к обстоятельствам.

Шамиль показал себя блестящим политическим стратегом и тактиком. Он умел снискать доверие, привлечь умных, образованных, влиятельных людей, заботиться о подчиненных «как о родных детях»²¹⁶. У него хватало выдержки, чтобы «не замечать» среди наибов своих очевидных соперников, выжимая всю возможную пользу для дела из их военно-организаторских талантов и общественного авторитета. Есть даже свидетельства о том, что Шамиль иногда прислушивался к советам и критике своих приближенных богословов²¹⁷.

Незыблемая приверженность строгим канонам исламской идеологии сочеталась в Шамиле с рационалистической мыслью, воспитанной обстоятельствами и восприимчивой к тому, что он считал полезным у других народов. В сфере военно-государственного устройства, начиная с армейской атрибутики и кончая структурой административных учреждений, имам без смущения перенимал не только правоверные турецкие, но и гяурские русские образцы²¹⁸. Исходя из практических интересов, он проявлял поразительную терпимость к чужой религии. Бежавшим в горы русским раскольникам была предоставлена полная свобода в их культовых делах²¹⁹. Несмотря на ортодоксальное в целом отношение Шамиля к исламу, пропитанному идеей фатальности, он не пренебрегал

220.

Захарьин И.Н. Указ. соч., с. 474.

221.

Казембек М.А. Муридизм и Шамиль, с. 211.

222.

См. Гакстгаузен А. Указ. соч., ч. 1, с. 208; Надеждин П. Природа и люди на Кавказе и за Кавказом, с. 386, 387; Melikoff I. L'idéologie religieuse du muridisme caucasien. — ВК, 1968, v. 25, p. 30. Для великих тиранов характерно мистическое чувство уверенности в том, что они созданы для особой, непосильной для других, миссии среди людей. (См. Шахермайр Ф. Указ. соч., с. 141, 145, 322).

223.

См. Шахермайр Ф. Указ. соч., с. 230.

принципом «на бога надейся, но сам не плошай». Когда Гамзат-бек накануне своей гибели отказался внять советам поостеречься убийц, Шамиль написал ему: «Ты очень слепо веришь в предопределение. Это хорошо; но попробуй, однако, кинуться со скалы, и ты увидишь, что наверное погибнешь, хотя бы тебе, по здоровью твоему, можно было прожить еще много лет»²²⁰.

Однажды в разговоре с Шамилем (1860 г.) русский арабист М. А. Казембек, коснувшись известного факта биографии имама, спросил — действительно ли новое имя помогло ему в детстве оправиться от тяжелой болезни. Шамиль, призадумавшись, ответил: «Я выздоровел скоро, но не знаю, от перемены ли имени»²²¹.

При всем этом Шамиль оставался глубоко верующим человеком. Для него религия сначала стала совестью и образом жизни, а уже потом идеологией. Он свято чтит обрядовые предписания Корана и неукоснительно им следовал. В душе Шамиля поселилось убеждение в том, что он избран аллахом для исключительной роли на земле, а его военные и политические победы, не говоря уже о невероятных спасениях в Гимрах (1832 г.) и Ахульго (1839 г.) — это воздаяние свыше за неподдельное благочестие²²².

Отождествление себя с силами провидения находило у Шамиля и наружное выражение. Он держался с «подданными» с величавым достоинством строгого отца семейства, но не опускался до таких мирских слабостей, как высокомерие и чванство, которые были ему «не по рангу». Имама никогда не видели неуравновешенным, раздражительным, растерянным или подавленным. Он приговаривал преступников к казни без малейших признаков гнева или мести. Мир его эмоций и внутренних переживаний оставался непроницаемым для людей. Весь вид Шамиля, внешне всегда спокойного, говорил о посвященности в некую тайну, не доступную простым смертным. Он отличался от тех великих правителей прошлого, которых неистовый темперамент уводил очень далеко от невозмутимого образа небожителя, мешая обывателю добровольно принять их притязания на роль «сверхчеловека»²²³. Вместе с тем нет оснований утверждать о бесстрастности Шамиля: с этим качеством он просто не стал бы Шамилем. Так называемая воля к власти — могучая созидательная и сокрушительная сила — была в нем глубоко скрыта благодаря как изначальным свойствам его натуры, так и приобретенному умению маскировать ее с помощью тонких продуманных приемов. Она никогда не проявлялась в нем в тех явных, порой нелепых, пародийных формах, которые выставлялись напоказ многими наибами, выдавая дурной «политический вкус» и не слишком умную голову. В этом

224.

Дроздов И. Указ. соч., с. 265; Wagner F. and Bodenstedt Fr. Op. cit., p. 60; Thümmel A.R. Op. cit., Bd. 2, S. 147.

225.

Ein Besuch bei Schamyl. Brief eines Preussen. Berlin, 1855, S. 16.

226.

Выдержки из записок Абдул-рахмана..., с. 6, 18; Шамиль и Чечня, с. 129. В религии ислама выделение из военной добычи доли для нищих и нуждающихся считается как бы духовным искуплением материальных целей, благодарением за успехи завоеваний. (См. Гольдциер И. Лекции об исламе, с. 129).

227.

Выдержки из записок Абдул-рахмана..., с. 2; Шамиль и Чечня, с. 129, 143—144; Пленницы Шамиля..., с. 91—92.

228.

На склоне лет он читал книги с особым «ожесточением» и наслаждением. (Дневник Руновского, с. 1458).

229.

Выдержки из записок Абдул-рахмана..., с. 6.

смысле Шамиль возвышался массивной глыбой даже над своими незаурядными сподвижниками. От него исходила необъяснимая духовная энергия, подчинявшая ему окружающих. Эти особенности создавали магический эффект власти Шамиля, психологически поднимая его над народной массой чуть ли не до положения богоподобного существа. Его воспринимали как святого угодника, а не как честолюбца²²⁴. Один русский офицер, видевший имама в 1855 г. и попавший под сильное впечатление от его наружности и поведения, писал, что нетрудно понять, почему он так неотразимо влияет на людей²²⁵.

От религии шли представления имама о добродетели и справедливости (хотя философия власти, толковавшая эти понятия на собственный лад, низводила их до весьма специфической морали или ставляла вообще забывать о них). В согласии с Кораном Шамиль считал помощь беднякам богоугодным делом. Он оделял их достаточно щедро, особенно перед уходом на войну, и просил молиться за успех предстоявших сражений. В каждую пятницу — молебный день — благотворительность имама принимала торжественно-ритуальную форму. Ради тех же душеспасительных целей он, случалось, отпускал пленных на свободу²²⁶.

Шамиль — прирожденный вожак, управлявший огромными массами людей и вынужденный всегда находиться на виду — возможно поэтому любил уединение. Помимо периода хальвата, он часто проводил ночи в своем кабинете, где имелась большая библиотека, предаваясь молитве, чтению священных книг, размышлению²²⁷. Один из мотивов затворничества — расширение познаний (здесь имам всегда был неутомим²²⁸). Что касается сокровенных дум Шамиля, то о них, к сожалению, мы, как и его современники, можем лишь догадываться. Если правда, что духовное одиночество личности возрастает по мере возвышения ее на лестнице власти, то Шамиль, очевидно, был одиноким человеком. Его природная замкнутость, склонность к философской созерцательности — когда ситуация позволяла предаваться ей — усугубляли это состояние.

Коран воспитал в имаме строгую нравственность и полное неприятие человеческих пороков. Его личная, скрытая от посторонних глаз жизнь, подчинялась религиозным заповедям. Домашние потребности Шамиля отличались непритязательностью. В семейном быту он был не только непререкаемым патриархом, но и нежно-заботливым отцом, любящим и кротким супругом. В отношениях с женами Шамиль часто выказывал стыдливость и целомудрие²²⁹. Возможно, именно его кротости в «женском вопросе» нужно приписать то пагубное влияние на дела имамата, которое постепенно приобрела старшая жена

230.

См. Дневник Руновского, с. 1414, 1424, 1434, 1449, 1450. О большом влиянии Зейдат на Шамиля упоминают и другие источники. (Пржецлавский П. Г. Шамиль в Калуге. Записки полковника П. Г. Пржецлавского 1862—1865. — РС, 1877, т. 20, октябрь, с. 256, 262. В последующих номерах РС продолжение этих записок следует под заголовком «Шамиль и его семья в Калуге»).

231.

См. например: Хейзинга Й. Указ. соч., с. 75. В. О. Ключевский, характеризую восприятие Иваном Грозным библейских героев, писал, что в них «он, как в зеркале, старался разглядеть самого себя, свою царственную фигуру, уловить в них отражение своего блеска или перенести на себя самого отблеск их света и величия». (Ключевский В. О. Соч., т. 2, с. 196. Ср. Ковалевский П. И. Иоанн Грозный и его душевное состояние. Психиатрические эскизы из истории. Харьков, 1893, с. 86, 114, 194).

232.

См. Казембек М. А. Муридизм и Шамиль, с. 217—219. Подражание Мухаммеду — норма поведения для набожных мусульман. Но каждый, в соответствии со складом своей личности, сам выбирает в жизни пророка сферу для подражания — либо эзотерическую (этика, философия), что встречается гораздо реже, либо экзотерическую (отправление ритуалов, внешние привычки жизни). (См. Гольдциер И. Лекции об исламе, с. 29). Известно, что в библиотеке Шамиля имелась составленная арабским ученым ал-Халаби биография Мухаммеда, которой владелец очень дорожил. (См. Крачковский И. Ю. Новые рукописи истории Шамиля Мухаммеда Тахира ал-Карахи. — В кн.: Крачковский И. Ю. Соч., т. 6, М., 1960, с. 598—599).

233.

Такер Р. Сталин. Путь к власти 1879—1929. История и личность (Пер. с англ.). М., 1990, с. 418.

Шамиля — деспотичная интриганка Зейдат — и «малый двор» ее родственников и клеветов²³⁰.

Замечено, что поведение властителей порой мотивируется не столько срочной необходимостью, сколько сознательным или безотчетным желанием соответствовать какому-то идеалу, выражаясь современным языком — создать собственный «имидж». В этом сотворении самого себя важным элементом является подражание великим историческим личностям²³¹. Нет оснований исключать подобную особенность и в Шамиле. Более того, трудно предположить, чтобы над ним — прекрасным знатоком мусульманской богословской литературы (прежде всего Корана), живописующей о выдающихся героях истории и мифологии — не довели эти искусительные образы. Первым примером для подражания служил пророк Мухаммед. Стремление Шамиля идентифицировать себя с этой фигурой, проявлявшееся и в больших деяниях и в мелочах, усиливало кумирозидательские настроения в обществе²³².

Примечательно, что через несколько десятилетий легендарному образу самого Шамиля — «железного вождя на белом коне» — в свою очередь суждено будет стать объектом тайного преклонения для молодого И. Сталина и оказать сильное воспитательное воздействие на его формирующееся сознание²³³. Будущему творцу, идеологу и практику одного из классических тоталитарных режимов XX века Шамиль приглянулся как идеальный ориентир в его честолюбивом жизненном сценарии, как яркое воплощение и величественный символ той политической культуры, к которой Сталин всегда тяготел духовно и психологически. Правда, потом, в начале 50-х гг. XX в., пришлось во имя высоких партийно-идеологических целей пожертвовать кумиром юности, объявив его турецким агентом на службе английского колониализма.

Имам был очень суверен. Поселившаяся у него в комнате пестрая некрасивая кошка стала для хозяина живым талисманом, единственным членом семьи, которому позволялось все. Убежденный, что она принесет счастье, Шамиль ухаживал за ней с любовью. Он собственноручно готовил для нее изысканную пищу и сам не принимался за еду прежде этого маленького существа, обычно пристраивавшегося рядом с низким обеденным столиком имама. Кроме нее, да еще, иногда, маленьких дочерей Шамиля, как правило, никто не скрашивал его одинокую трапезу. Когда кошка ежегодно рожала котят (причем на шубе имама, а однажды еще и во время заседания верховного совета), он только радовался, считая это добрым предзнаменованием. Подобное полуязыческое поклонение передавалось и домочадцам Шамиля. Когда кошка умерла, вероятно не выдержав долгой разлуки

234.

Выдержки из записок Абдул-рахмана..., с. 3—5; Чичагова М.Н. Указ. соч., с. 71.

235.

Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 8, 35. Шамиль сокрушался о потере книги, содержащей описания его жизни. (Дневник Руновского, с. 1408, 1526).

с хозяином, ее обмыли, обернули в саван и с честью похоронили. Узнав о ее смерти, имам, в предчувствии, что удача отвернулась от него, сказал: «Теперь мне худо будет!»²³⁴

Как всякий правитель, Шамиль хотел запечатлеть себя в истории. Ему было безразлично, какими предстанут он и его деяния перед судом потомков: мнение современников, обожествлявших своего кумира, не вызывало беспокойства. Грандиозное здание имамата с сотнями тысяч «подданных», всеобщее поклонение и послушание, беспрецедентные победы над могущественной Россией, невероятные спасения имама от неминуемой гибели — все это не могло не внушить верующему Шамилю мысль о том, что он отмечен милостью аллаха, наделен мессианскими полномочиями, избран орудием провидения. Шамиль, конечно, осознавал себя фигурой исторического масштаба, однако за повседневными трудными заботами он едва ли находил досуг любоваться собою в зеркале будущего. Имам делал буднично и методично то, что считал нужным, не позируя перед историей, но и не забывая напоминать «придворным» летописцам об их задаче. Он неоднократно говорил Мухаммеду-Тахиру: «Я хотел бы собрать рассказы о событиях, случившихся в мое время», в назидательный пример грядущим поколениям²³⁵. Разумеется, Шамиль требовал правды, но это была правда особого рода, какой ее понимал властитель, «правда воли монаршей». Вместе с тем в искусстве исторической ретуши он безнадежно уступал тем вождям, которые известны как большие мастера этого жанра. Иначе его политический портрет дошел бы до нас в гораздо менее земном облике.

Всматриваясь в личность Шамиля, в обстоятельства его жизни — настолько пристально, насколько позволяют источники, — мы открываем и то общее, что роднит его с выдающимися носителями власти в истории, и то неповторимое, что присуще только ему, уникальному произведению Кавказской войны, в котором контрасты сливались в гармоническое целое.

На имеющихся в распоряжении историка довольно скудных фактах из обыденной жизни Шамиля очень трудно выстроить совершенно достоверную психологическую модель этой личности. При наличии небогатого исходного материала всегда повышается риск либо чрезмерного упрощения, либо усложнения (учитывая, к примеру, безграничные возможности фрейдистского толкования). В такой ситуации предпочтительнее держаться на строгой фактографической почве, соблюдая меру и осторожность.

Уже у современников Шамиля было достаточно оснований для признаний его незаурядности. Английский историк середины XIX в. Л. Моузер писал: «Ве-

236.
Moser L. Op. cit., p. 184.

237.
Ibid., p. 187. Аналогичные суждения иностранных авторов см. Spencer E. Turkey, Russia, the Black Sea, and Circassia. Lnd., 1855, p. 353, 361.

238.
Окольничий Н.А. Перечень..., с. 406.

239.
Собрание статей о покорении Дагестана. Б.м. и г., с. 79.

ликий воин и великий человек с умом, способным порождать великие идеи, и характером, способным превращать их в великие дела»²³⁶. Он причислял Шамиля к той избранной части человечества, которая призвана управлять людьми²³⁷. В таком же духе высказался Н. А. Окольничий: «Шамиль — гений. Если бы он родился где-нибудь в другом месте, например во Франции — он бы потряс мир. В истории он станет наряду с Чингис-ханом и Тамерланом, и нет сомнения, что он был бы ими в действительности, если бы судьба не свела его с могущественною монархией, борьба с которой не может быть успешна. Успехи оружия и энергия настоящих действий на Кавказе смирят этого грозного владыку гор; с гибелью или со смертью его, война должна кончиться, потому что есть много данных предполагать, что ему не будет преемников. Такие люди рождаются веками и вызываются на поприще обстоятельствами, которые не часто повторяются»²³⁸.

Более сдержанные в эпитетах современники Шамиля признавали: «Подобные личности понимаются не сразу»²³⁹.

Итак, на упрочение господства Шамиля работало множество факторов: социально-экономическая ситуация, централизованная государственная структура, целенаправленная политика имама и его выдающиеся личностные качества, религиозная идеология и суеверные предрассудки, традиции военной демократии и этнопсихологические моменты. С усилением деспотической власти почитание Шамиля перерастает в культ.

Социальная жизнь черкесских «демократических» племен в 20—30-е гг. XIX в. Формирование предпосылок государственности. Внешнеполитические факторы

1.

Броневский С. Указ. соч., ч. 1, с. 35; О хищнических действиях черкес и чеченцев в наших пределах. — РИ, 1857, № 86, с. 359—360; Короленко П.П. Черноморцы. СПб, 1874, с. 103—105, 107, 128—130, 132—135, 145, 165—167, 181; Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Тифлис, 1914, с. 10—11, 17—18; Леонтович Ф.И. Адагы..., вып. 1, с. 116—117; вып. 2, с. 261; Eichwald E. Reise..., Bd. 1, S. 812—813, 816—817; Lapinski T. Op. cit., bd. 1, S. 229—231, 245—246. Русский дореволюционный автор М.И. Венюков, хорошо знавший Северо-Западный Кавказ, писал, что «война и набеги составляют главное занятие свободных классов» у черкесов. (Венюков М.И. Очерк пространства между Кубанью и Белой. — ЗИРГО, 1863, кн. 2, с. 61). В другом месте: «боевые труды «черкеса» являются прямою и главною целью его бытия». (Там же, с. 68). Советский историк А.В. Фадеев видел причины «слабого развития феодальных тенденций» в Черкесии (у убыхов) «в обилии неосвоенных земель и низкой плотности населения, с одной стороны, и в наличии широкой

Кавказская война, понимаемая как интенсивная фаза формирования собственности, классов и государства, на Северо-Западном Кавказе протекала в целом по тому же «сценарию», что и на Северо-Восточном. И здесь в социальном и экономическом развитии «демократических» племен, составлявших подавляющую массу населения края, важная, хотя и не безраздельная, роль принадлежала институту набегов¹, или «индустрии войны», как выразился английский публицист и дипломат Д. Уркарт, хорошо знавший черкесов и сочувствовавший им². Это была привычная сфера жизни со своими законами, традициями и ритуалами, воспетая в народных песнях, сказаниях, легендах, открывавшая перед каждым удалым горцем путь к богатству и славе³. Черкеса сызмальства готовили к войне, обучали

возможности военного грабежа на стороне — с другой». (Фадеев А.В. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе. — ИС, 1935, т. 4, с. 139).

2. Urquhart D. The Secrets of Russia in the Caspian and Euxine: the Circassian War as affecting the insurrection in Poland. Lnd., 1863, p. 25. Уркарт писал, что пристрастие черкесов к оружию так же сильно, как у других народов — к серпу и плугу. (Ibid., p. 26). Ср. у Ф. Фонтонна: «Ремесло войны и грабежа — единственное, что в по-

чете среди них». (Fonton F. La Russie dans l'Asie mineure. P., 1840, p. 126). О таких же наблюдениях сообщил путешествовавший по Кавказу немецкий автор Т. Хальберг-Броих. (Hallberg-Broich Th. Op. cit., Bd. 2, S. 164—166, 205). И, наконец, Ф.А. Шербина говорил о «своеобразной военной экономике» черкесов. (Шербина Ф.А. История..., т. 2, с. 518).

3. См. Дубровин Н.Ф. Черкесы (Адыге). Краснодар, 1927, с. 1, 4—5, 165—176; Н.Ш. Указ. соч., с. 83—84; Хан-Гирей. Избранные произведения. Наль-

чик, 1974, с. 59, 65, 111, 114—115, 195—198, 220, 225—227; Он же. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978, с. 113, 305—309; Каламбий (Адыль-Гирей Кешев). Абреки. — В кн.: Каламбий. Записки черкеса. Нальчик, 1988, с. 125, 127—129, 132, 159—161, 172—173; Он же. Характер адыгских песен. — Там же, с. 232—233; Moser L. The Caucasus and its people, with a brief history of their wars, and a sketch of the achievements of the renowned chief Schamyl. Lnd., 1856, p. 24—25; Wagner M. Der Kaukasus und das Land der Kozaken in der Jahren 1843 bis 1846. Leipzig, 1850, Bd. 2, S. 117—118.

4.

Броневский С. Указ. соч., ч. 2, с. 108; Невский П. Закубанский край в 1864 г. (Путевые воспоминания). — Кавказ, 1868, № 100, с. 3; Memoir of a Map of the Countries comprehended between the Black Sea and the Caspian. Lnd., 1788, r. 22—23; Stücker C. Sitten und Charakterbilder aus der Turkei und Tscherkessien. Berlin, 1862, S. 228; Moser L., Op. cit., p. 33—34; Ф.А. Щербина писал: «Руки..., мускулатуру, силу, ловкость — все это он (черкес — ред.) берег для войны... С этой точки зрения он считал даже предосудительным заниматься тяжелым черным трудом. Естественно, что, при черкесской бедности и своеобразных взглядах на черный труд, хозяйственные недочеты приходилось горцу восполнять военной добычей. Горец воевал всегда из-за добычи. Ему нужны были «ясыри», пленные, чтобы обращать их в рабов или продавать, чужой скот и разные виды имущества, которыми он мог бы пополнять свое убогое хозяйство и обстановку. И черкес из-за всего этого делал набеги на русские владения, первой и самой побудительной причиной военного настроения и доблестей были у черкесов чисто экономические побуждения». (Щербина Ф.А. История..., т. 2, с. 30—31. Ср. Он же. Общинный быт и землевладение у кавказских горцев. — Северный вестник, 1886, № 1, отд. 2, с. 129—130). «Строго говоря, черкесская война слалась из целого ряда отдель-

искусному владению оружием и конем, угону скота и похищению людей. В этом заключалось его образование⁴. Совершеннолетним юноша считался с того момента, когда его признавали пригодным для участия в набегах⁵. В набег горец шел как на праздник, хотя хорошо осознавал все его опасности⁶.

Известный французский путешественник Ф. Дюбуа де Монпере, посетивший Кавказ в 30-е гг. XIX в., отмечал: «Народ, подобный черкесам, для которых разбой является первой необходимостью и даже добродетелью, недоумевает, когда это вменяется ему в вину как преступление и когда его хотят лишить права на это»⁷.

Современники Кавказской войны отмечали отсутствие «политической иерархии» и единоличного начала у черкесов, вместо чего действовали более ранние потестарные формы — общинно-племенные собрания и временная военная власть предводителей набегов или обороняющихся сил⁸. (Отдельные авторы утверждали о «полном преобладании демократического начала» даже в «аристократических» племенах⁹.) Адыгский просветитель XIX в. Адыль-Гирей

ных набегов горцев на русские владения, а каждый такой набег рассчитан был на военную добычу. Поэтому в общем своем течении эта война вызывалась не столько побуждениями идейной борьбы за свободу и независимость, сколько погоней за пленными и их имуществом, которые, вместе со скотом, служили самыми ценными предметами поживы. Высшие соображения о свободе и независимости имели значение как бы оправдательного документа к черкесским военным грабёжам и разбоям. Черкесы черпали этим путем часть материальных средств к жизни, и в этом обстоятельстве крылись причины той жадности к набега, которою всегда пламенили черкесские племена». (Щербина Ф.А. История..., т. 2, с. 517—518).

5.

СЭПКРНКЧ, с. 68.

6.

Народы Западного Кавказа. (По неизданным запискам природного бжедуха князя Хаджимукова). — КС, 1910, т. 30, с. 7—9; Колубакин Н. Взгляд на жизнь общественную и нравственную племен Черкесских. (Извлечение из записок). — Кавказ, 1846, № 11, с. 42.

7.

Dubois de Montpéroux Fr. Voyage autour du Caucase. P., 1839, t. 1, p. 102. Ср. Филиппсон Г.И. Воспоминания. М., 1885, с. 97, 99.

8.

См. Письма виконта Г. Кастильона к Гизо (24 апреля 1844 г. — 4 марта 1846 г.). — ИМ, 1936, кн. 5, с. 109—110; Венюков М. Кавказские воспоминания. (1861—1863). — РА, 1880, кн. 1, с. 445—446; Попко И. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб., 1858, с. 265; Koch K. Reise durch Russland nach dem Kaukasischen Isthmus in den Jahren 1836, 1837 und 1838. Stuttgart, 1842, Bd. 1, S. 346, 351, 354—360; Chopin. Russie. P., 1838, t. 2, p. 592; Wagner M. Op. cit., Bd. 2, S. 115; Dulaurier Éd. La Russie dans le Caucase. — RDM, 1861, t. 32, p. 967; Bodenstedt F. Gesammelte Schriften. Berlin, 1865, Bd. 3, S. 182—185; Lapinski T. Op. cit., Bd. 1, S. 110—111, 201—210, 225; Czysynski J. La révolte des circassiens. Paris, 1837, p. 13.

9.

Записки М.Я. Ольшевского. Кавказ с 1841 по 1866 год. — РС, 1895, т. 83, № 6, с. 179. По сведениям собирателя горских адатов А. А. Кучерова, смот-

рителя Екатеринодарского войскового училища (1846 г.), власть черкесских князей «есть весьма поверхностная, не имеющая ничего определенного, твердого и постоянного».

(СЭПКРНКЧ, с. 69).

10.

Каламбий. Характер адыгских песен. — В кн. Каламбий (Адыль-Гирей Кешев). Записки черкеса. Нальчик, 1988, с. 222. В принципе такова же, хотя и несколько категорична, оценка русского историка Ф.А. Щербина: «Не было ни единства управления, ни общих военных сил и финансов, ни определенной территории, ни одного признака объединенной государственной организации» (Щербина Ф.А. История..., т. 2, с. 21). Черкесы «не вышли из пленки родового быта и связанных с ним воззрений на войну, грабежи и воровство, как на промысел, на убийство, как на законное возмездие, и на рабство, как на нормальный порядок вещей». (Там же, с. 37). Есть авторы, которые фактически вообще отрицают наличие системы управления в черкесском обществе, утверждая о господстве «полнейшей анархии» и «права силы». (Невский П. Закубанский край в 1864 г. — Кавказ, 1868, № 97, с. 3).

11.

Примеры из мировой истории показывают, что в военно-демократическом обществе всегда срабатывает этот своеобразный естественный отбор. (См. Кубель Л. Е. Указ. соч., с. 159).

12.

Русский кавказовед Л.Я. Люлье писал, что «ловля людей почитается у черкес за верх молодечества и не влечет за собою позора». (Люлье Л.Я. О торговле с горскими племенами Кавказа на северо-восточном берегу Черного моря. — ЗВ, 1848, № 16). По мнению немецкого лингвиста-ориенталиста Ю. Клапрота, путешествовавшего по Кавказу в 1807—1808 гг., количество русских людей, угнанных черкесами и чеченцами в горы «за последние 25 лет», несравненно больше огромного числа жертв свирепствовавшей на Кавказе чумы. (Klaproth J. Travels in the Caucasus and Georgia.

Кешев характеризовал такое общество как «военно-республиканское»¹⁰.

Походы за добычей, которыми руководила старшинская знать, укрепляли ее общественное и материальное положение, обеспечивая и рядовым тфокотлям средства к существованию. Набеговая система с ее ощутимыми экономическими результатами становилась одним из источников зарождения понятий о собственности, равно как и самой собственности, а следовательно — инструментом ускорения классового раскола общества. Из среды тфокотлей набеговая система, как трудное и рискованное ремесло, «отбирала» наиболее динамичные и жизнеспособные социальные силы, противостоявшие сравнительно инертному «старому», «княжеско-уоркскому» феодализму¹¹.

С начала 20-х гг. XIX в., наряду с нападением на Абхазию и друг на друга, черкесские племена активизируют набеги на Кубань (Черноморская кордонная линия, Правый фланг и часть Центра Кавказской линии), на берегах которой появились самостоятельные казачьи станицы и русские укрепления с собственной хозяйственной жизнью, представлявшие собой привлекательные зоны охоты за людьми¹², скотом, ценным имуществом. Промысловые рейды горцев, совершаемые мелкими и крупными партиями, принимают здесь характер обыденного явления, от которого сильно страдала Кавказская линия¹³. Огромный, основанный на архивных документах труд Ф. А. Щербина изобилует сведениями на этот счет¹⁴. По свидетельству посетившего Кавказскую линию в конце 20-х гг. XIX в. французского путешественника Ж.-Ш. де Бесса, жизнь тамошнего казачьего населения была «бесконечно тяжелой и изнурительной» из-за необходимости ежеминутно сохранять готовность защитить себя и свое имущество¹⁵. Черкесы

Transl. from German. Lnd., 1814, p. 300).

13.

Дебу И. О Кавказской Линии. СПб., 1829, с. 97, 211, 215, 250, 252, 258; Зубов П. Подвиги русских воинов в странах кавказских, с 1800 по 1834 год. Т. 2, ч. 3, СПб., 1836, с. 135—136, 139, 200; А.-Д.Г. Очерк горских народов Правого крыла Кавказской линии. — ВС, 1860, т. 11, с. 301—302; Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. Ч. 2, М., 1864, с. 33—34; Н.Ш. Указ. соч., с. 81—89; Толстов В. История Хоперского полка Кубанского казачьего войска. 1696—1896. Ч. 1, Тифлис, 1900, с. 134—135, 142—146, 148—149, 158—159, 185, 192; ВЭ, т. 11, СПб., 1913,

с. 228—229. Т. Лапинский называл это явление «малой войной». (Lapinski T. Op. cit., Bd. 1, p. 227).

14.

См. Щербина Ф.А. История..., т. 2, с. 152—185, 205, 206, 209, 231—291, 376—377, 384—412, 439—488.

15.

Besse J.-Ch. Voyage en Crimée, en Caucase, en Géorgie, en Arménie, en Asie-Mineure et à Constantinople, en 1829 et 1830. P., 1838, p. 197. Cp. Dubois de Montpéroux Fr. Op. cit., t. 1, p. 97, 100; Fonton F. Op. cit., p. 124; Jäger B. Reise von St. Petersburg in die Krim and die Länder des Kaukasus im Jahre 1825. Leipzig, 1830. S. 74—76.

16. Fonton F. Op. cit., p. 126; Щербина Ф.А. История..., т. 2, с. 204.
17. Neumann K.F. Russland und die Tscherkessen. Stuttgart und Tübingen, 1840, S. 82; Koch K. Reise durch Russland ..., Bd 1, S. 361; Suzannet, le Compte de. Les Provinces du Caucase sous la domination Russe. — RDM (Bruxelles), 1841, T. 1, p. 583; Mackie J.M. Life of Schamyl; and Narrative of the Circassian War of Independence against Russia. Boston, 1856, p. 168, 172—173.
18. Wagner M. Op. cit., Bd. 2, S. 117; АКАК, т. 8, с. 658.
19. Щербина Ф. А. История..., т. 2, с. 119, 155, 173; Короленко П.П. Черноморцы, с. 121.
20. Щербина Ф.А. История..., т. 2, с. 189, 199; Дебу И. Указ. соч., с. 196, 199, 257, 398; Короленко П.П. Записки о черкесах. Материалы по истории Кубанской области. — Куб. сб., 1908, т. 14, с. 354; Шамрай В.С. Краткий очерк меновых (торговых) сношений по Черноморской кордонной и береговой линии с Закубанскими горскими народами. С 1792 по 1864 год. — Куб. сб., 1902, т. 8, с. 356—358.
21. Щербина Ф.А. История..., т. 2, с. 210, 230, 415, 675, 827—829.
22. Eichwald E. Reise ..., Bd. 1, S. 835—837.
23. Щербина Ф.А. История..., т. 2, с. 154, 160. До русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Турция, заинтересованная в том, чтобы не давать России повода к вторжению за Кубань, склоняла горцев к прекращению набегов на Кавказскую линию, но тиетно. (См. Зубов П. Подвиги..., т. 2, ч. 3, с. 185—186, 198; Короленко П.П. Черноморцы, с. 104—105, 107, 114, 121, 166, 180).
24. Dubois de Montpéroux Fr. Op. cit., t. 1, p. 98—101. Когда горцы пожаловались на действия русских коменданту турец-

предпочитали действовать против наиболее уязвимых поселений, где можно было грабить сравнительно безнаказанно¹⁶. Для этого они высылали разведчиков, высматривавших подходящие объекты для набега. Часто горские конные партии стремительно прорывались через Кавказскую линию в глубь русской территории, увозя оттуда богатую добычу и не встречая должного сопротивления¹⁷. Они всячески избегали русских войск, пушечная канонада обычно служила сигналом к отступлению¹⁸. До русско-турецкой войны 1828—1829 гг. казакам запрещалось преследовать черкесские отряды за Кубанью. На походы в горы требовались специальные разрешения высокого начальства¹⁹. В первой трети XIX в. охрана Правого фланга Кавказской линии, при большой разбросанности станиц, была особенно трудной и рискованной. Эта система укреплений имела много брешей²⁰. Нападения горцев тяжело сказывались на экономическом состоянии казачества, у которого многолетняя война практически законсервировала хозяйственную жизнь²¹. Вопрос о прекращении набегов был в 20-е гг. XIX в. главным предметом договоров между русскими властями и черкесами²². С черкесской стороны эти соглашения то и дело нарушались. И происходило это не по злему умыслу: набеговой промысел, как естественное занятие в переконном обществе, возникал самопроизвольно, и никакие присяги не могли его остановить²³.

Естественно, русские военные власти не могли мириться с таким положением и — после того, как попытки отучить горцев от набегов путем стимулирования торговли и хозяйственных занятий ничего не дали — прибегли к ответным силовым мерам²⁴. В Черкесии, как и на Северо-Восточном Кавказе, набеговая экспансия столкнулась с интересами России, из чего и возникло состояние перманентной войны²⁵.

кой крепости Анапа Гассан-паше, тот ответил им, что они сами виноваты, поскольку первыми начали войну, и посоветовал «жить смирно и воровства в России не делать». (Щербина Ф.А. История..., т. 2, с. 245; Короленко П.П. Черноморцы. Приложения, с. 68—69).

25. См. Taitbout de Marigny. Voyage en Circassie. Odessa, 1836, p. 43, 168—170; Lyall R. Travels in Russia, the Crimea, the Caucasus, and Georgia. Lnd., 1825, v. 1, p. 410; Clarke E.D. Travels in various countries of Europe, Asia and Africa. Lnd., 1817, v. 2; Щербина Ф.А. История..., т. 2,

с. 1, 556; Шамрай В.С. Указ. соч., с. 361. Даже англичане, поддерживавшие горцев против России, находили для ее действий одно извинение — тот факт, что «вследствие своих нравов и обычаев, черкесы вторгались часто в русские владения и совершали там бесчинства». (РИ, 1864, № 159, с. 3). В своих мемуарах английский эмиссар Д. Лонгуорт, стремившийся (по понятным политико-идеологическим мотивам) представить европейскому читателю черкесскую войну против России в романтическом свете, как борьбу за свободу и независимость, все же вынужден признать, что в этой войне «огромным стиму-

лом» для горцев была возможность пограбить. (Longworth J.A. Op. cit., v. 2, p. 241—242; см. также: p. 123, 124).

26. АКАК, т. 8, с. 340, 345, 658—659; Материалы к истории покорения Восточного Кавказа... — КС, 1912, т. 32, ч. 1, с. 290, 293, 299; Зиссерман А.Л. История..., т. 2, с. 4, 5, 10, 58; Дубровин Н.Ф. Обзор войн..., ч. 4, кн. 2, с. 69, 80; Томкеев В. Кавказская линия под управлением генерала Емануэля. — КС, 1898, т. 19, с. 216—217; т. 20 (1899 г.), с. 192—193; Koch K. Die Kaukasische Militärstrasse, der Kuban und die Halbinsel Taman, Erinnerungen aus einer Reise von Tiflis nach der Krim. Leipzig, 1851, S. 180.

27. Cameron G.P. Personal adventures and excursions in Georgia, Circassia and Russia. — USJNMM, 1840, July, pt. 2, p. 311; Зиссерман А.Л. История..., т. 2, с. 4—5; Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. — РС, 1893, № 6, с. 590.

28. Дубровин Н.Ф. Обзор войн..., ч. 4, кн. 2, с. 133—134; ВЭ, т. 11, с. 233.

29. См. ШССТАК, с. 36—39, 54, 74—75, 104, 185—186.

30. См. там же, с. 54—55, 74, 104, 182—184, 187—190.

31. Н.Ш. Указ. соч., с. 85—86. Ср. Lyall R. Op. cit., v. 2, p. 47.

32. Taitbout de Marigny. Op. cit., p. 170; Щербина Ф.А. История..., т. 2, с. 153.

33. См. ШССТАК, с. 40—41; Хан-Гирей. Избранные произведения, с. 300—301; Броневский С. Указ. соч., ч. 1, с. 343; Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750—1762 гг. Краснодар, 1927, с. 31; Абидарий. Искатели приключений в среде населения Западного Кавказа в 1857 году. — КОВ, 1874, № 22; Neumann K.F. Op. cit., S. 51; Bell J.S. Op. cit., v. 2, p. 30—31.

34. Дебу И. Указ. соч., с. 398—399.

В 30-е гг. XIX в. русские территории на всем протяжении Кубани продолжали оставаться в постоянной тревоге²⁶. Черкесские разбои не прекращались, несмотря на усиление оборонительных средств, карательные экспедиции, торжественные изъявления отдельными племенами и аулами покорности России. Каждый шаг за ограду станицы или укрепления, всякие хозяйственные работы даже в ближайших окрестностях русских поселений были сопряжены с большой опасностью для жизни и свободы их обитателей²⁷. В 1840 г. неурожай и голод вынудили горцев в поисках продовольствия совершить нападения на форты Лазаревский, Вельяминовский, Михайловский, Николаевский, Абинский, входившие в состав Черноморской береговой линии. Сломив численно превосходящими силами мужественное сопротивление небольших русских гарнизонов, черкесы захватили и разграбили эти укрепления. Встал лишь форт Абинский. Эта серия набегов имела массовый характер и, по сравнению с обычным разбоем, была более явно мотивирована и «оправдана» экономической необходимостью. Нападающих сопровождали женщины и дети с повозками, готовыми принять добычу²⁸.

В 30-е гг. горцы не оставляют в покое и Абхазию, продолжая предпринимать (иногда отрядами, достигавшими 3 тыс. человек) вторжения в этот привычный для них район, где всегда было чем поживиться²⁹. По-прежнему угоняли скот, захватывались в плен люди с их имуществом. Однако делать это становилось все труднее и рискованнее, поскольку русские власти наращивали усилия по защите Абхазии³⁰. Россия, представшая перед участниками набегов в виде серьезного препятствия и наказуемой силы, естественно, превращалась в их сознании во врага. В 20—30-е гг., несмотря на военный отпор России, набеговое «производство» было рентабельным: доходы от него покрывали издержки.

Оборона от набегов представляла собой сложную проблему. По признанию генерала Вельяминова, горцы «почти всегда имеют более или менее успеха»³¹. Практически набег мог быть направлен куда угодно. До присоединения Анапы к России (1829 г.) черкесы уводили из окрестностей крепости принадлежавшие туркам табуны лошадей, нисколько не смущаясь тем, что обкрадывают своих покровителей³².

Специфической для Черкесии разновидностью набеговой системы являлся морской разбой, жертвами которого были люди, занимавшиеся черкесско-турецкой торговлей³³, и русские торговые суда³⁴.

Набеги составляли далеко не единственную материальную сферу, где происходило формирование собственности. Заметную роль в этом процессе играли скотоводческие производства и торговля — с Тур-

35.

См. АКАК, т. 9, с. 507; Klaproth J. Travels ..., p. 265; Eichwald E. Reise auf dem caspischen Meere und in den Kaukasus. Stuttgart, 1837, Bd. 1, S. 327; Броневский С. Указ. соч., ч. 1, с. 304—305; Зиссерман А.Л. История..., т. 2, с. 3; ШССТАК, с. 127; АР, т. 3, с. 339; Карлгоф Н. О политическом устройстве..., с. 534; Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война, с. 132—133. А.В. Фадеев писал, что черкесских рабовладельцев, живших на побережье (в частности убыхских), интересовала «не прямая непосредственная эксплуатация раба в своем хозяйстве, но именно продажа его на экспорт». (Фадеев А.В. Убыхи..., с. 138). Русский кавказовед А. Берже справедливо называл «пленопродавство» «неизменным спутником грабежей и набегов». (Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа в 1858—1866 гг. — РС, 1882, янв., с. 171). П. Невский — автор весьма осведомленный — отмечал, что обращенные в рабство пленники и их дети «заменили у горцев монету». (Невский П. Закубанский край в 1864 г. — Кавказ, 1868, № 100, с. 3).

36.

О русско-черкесской торговле в 20—30-е гг. XIX в. см. Покровский М.В. Русско-адыгейские торговые связи. Майкоп, 1957; Чекменев С.А. Из истории меновой торговли с горскими народами на Северном Кавказе в конце XVIII — первой половине XIX в. — ТКЧНИИ, вып. 6, серия историческая, Ставрополь, 1970, с. 275—286, 291—292.

37.

Покровский М.В. Социальная борьба внутри адыгейских племен в конце XVIII — первой половине XIX века и ее отражение в общем ходе Кавказской войны. (Материалы к совещанию). М., 1956, с. 6—7. Значительно сокращенный вариант этой работы представляет статья «О характере движения горцев Западного Кавказа в 40—60-х годах XIX века». (ВИ, 1957, № 2, с. 62—74).

38

Английский эмиссар в Черкесии Д. Белл нашел пристанище

цией и Россией. Но и эти отрасли горской экономики были в той или иной степени связаны с набеговой системой. Скотоводство, как важный источник накопления общественного богатства, с одной стороны, стимулировало набеги, с другой — стимулировалось их результатом — добычей в виде скота, хотя оно имело и собственные внутренние ресурсы развития. Так же обстояло дело с черкесско-турецкой торговлей (представлявшей собой высокодоходный канал реализации добычи), одним из главных предметов которой являлись захваченные в набегах пленные³⁵. Напротив, постепенно расширявшиеся экономические контакты горцев с Кавказской линией³⁶ в общем способствовали ослаблению набеговой экспансии в этом направлении, хотя данная тенденция действовала отнюдь не быстро и не прямолинейно.

Походы за добычей, обогащавшие прежде всего тфокотльскую верхушку, как и другие формы хозяйственной жизни, приводили к углублению имущественного и социального неравенства в «демократических» племенах. Старшинская знать, узурпируя по праву «почетных лиц» общинные земли и зависимые категории населения, присваивая монополию на крупную торговлю с Турцией, мало-помалу приобретала ведущую роль в системе общественного производства³⁷. Пока, за неимением более совершенного инструмента властвования, эта прослойка приспособлялась к своим интересам родовые институты, которые, однако, с усложнением жизни, с обострением социальных противоречий в черкесском ауле делались все менее пригодными в таком качестве. Параллельно с этими процессами продолжался так называемый демократический переворот, представлявший собой сложное длительное явление, а не одноактное событие. Его феноменальная природа раскрывается опять-таки в тенденциях, исподволь вызревавших в недрах общинной жизни. Со временем часть тфокотлей достигла такого высокого социально-экономического статуса, что становилась вровень с «дворянской» знатью, а подчас и выше. На черноморском побережье, например, старшины и богатые тфокотли вели довольно крупные хозяйства с применением рабского и зависимого труда, сбывая производимую продукцию внутри края и за границей. Среди них встречались люди, гораздо более состоятельные, чем князья и дворяне³⁸. По свидетельству К. Коха, постоянное состояние войны высоко подняло цену на такие понятия, как ум и храбрость человека, способные

у шапсуга Шамуза, владевшего 70 рабами, от 2 до 3 тысяч овец, от 300 до 400 лошадей, сотней быков и коров. (См. Bell J.S. Journal..., v. 1, p. 250. Ср. Фадеев Р.А. Записки о кав-

казских делах. — Собр. соч., т. 1, СПб., 1889, с. 67; Хан-Гирей. Записки..., с. 208; Lapinski Th. Op. cit., Bd. 1, S. 47, 48.

39.

Koch K. Reise durch Russland ..., Bd. 1, S. 349.

40.

См. Покровский М.В. Социальная борьба..., с. 4—7; Он же. Адыгейские племена... — КЭС, вып. 2, М., 1958, с. 130—131. Longworth J.A. Op. cit., v. 1, p. 152.

41.

См. Покровский М.В. Социальная борьба..., с. 6; Он же. Адыгейские племена... — КЭС, вып. 2, М., 1958, с. 127—129.

42.

Покровский М.В. Адыгейские племена..., с. 124, 130.

43.

См. АКАК, т. 10, с. 671; Броневский С. Указ. соч., ч. 1, с. 43.44; Народы Западного Кавказа, с. 31; Фадеев Р.А. Письма с Кавказа. — Собр. соч., т. 1, ч. 1, СПб., 1889, с. 131; Dulaurier Éd. La Russie dans le Caucase. — RDM, 1865, t. 60, p. 959.

44.

См. Bell J.S. Op. cit., v. 1, p. 409; v. 2, p. 219.

влиять на ход событий. Поэтому проявившие эти качества простые общинники зачастую обретали у соплеменников больший авторитет, нежели «старая» знать³⁹. Это порождало соответствующие притязания, вылившиеся в открытое соперничество за политическую гегемонию. Старшинской верхушке без труда удалось найти союзника в лице рядовых тфокотлей. У тех были свои счеты с аристократией, стремившейся превратить свободное сословие черкесов в зависимое путем введения новых податей и повинностей. С конца XVIII в. успешное наступление против князей и дворян обуславливалось не только большей динамичностью социального развития «демократических» племен по сравнению с «аристократическими», но и тем обстоятельством, что княжеско-дворянский слой в условиях примитивных форм государственности, еще достаточно прочных институтов патриархального строя, межплеменных усобиц не успел закрепить за собой исключительные сословные привилегии. Не везде было прочным и материальное положение знати, особенно в разоренных военными действиями районах, где она пришла в такой упадок, что внешне мало чем отличалась от бедноты. Данная ситуация, конечно, создавала уязвимость в ее позициях⁴⁰.

Покуда противоречия между всей массой тфокотлей и княжеско-дворянскими элементами были острее, чем внутри горской общины, последняя выступала более или менее единой антиаристократической силой. Но по мере перехода политического господства к старшинам они шли сначала на компромисс, а затем и на прямой альянс с дворянами⁴¹ — будущими братьями по классу и квалифицированными военно-профессиональными кадрами⁴², необходимыми в набегах. Такая социальная спайка представляла для новоиспеченных общинных «бонз» выгоду еще и тем, что давала то, чего им не хватало: несмотря на оттеснение высокородных черкесов с первых ролей в жизни общества, устойчивая традиция сохраняла за ними нравственный авторитет и определенное влияние среди «плебеев» — соплеменников⁴³. Уже само происхождение отгораживало их от остальных, поднимало над толпой. Предания прочно закрепили в обывательском сознании труднопоколебимый стереотип об их исключительности и особых наследственных прерогативах. Даже развязав кровопролитную борьбу с князьями и дворянами, тфокотли никогда не теряли почтения к ним. По-прежнему соблюдался этикет народного собрания, требовавший, чтобы вначале рассаживались по своим местам пши и уорки, а уже после них — тфокотли⁴⁴. Сохранявшаяся социальная дистанция между «благородными» и «неблагородными» была заметна если не в бытовой обстановке или одежде, то в манере поведения и раз-

45. Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983, с. 108—110.

46. Леонтович Ф.И. Адагы..., вып. 1, с. 119; A General, Historical, and Topographical Description of Mount Caucasus, v. 1, p. 280.

47. В советской историографии тфокотльские движения конца XVIII — середины XIX вв. обычно квалифицируются как антифеодальные «революции», иногда добавляя к этому, что они «имели в тех исторических условиях объективно-регрессивное значение (подчеркнуто нами — ред.), поскольку велись с позиций патриархальной демократии». (Анчабадзе З.В. Социальное положение тфокотлей и их классовая борьба в адыгейском обществе первой половины XIX в. — Труды Института истории им. И.А. Джавахишвили АН Гр. ССР, 1956, т. 2, с. 206). Принимая термин «революции» (с кавычками и без них), мы, вместе с тем, считаем, что эти революции были не одновременными актами, а длительным, нарастающим процессом, направленным не вспять, не против феодального развития, а на форсирование его, но под руководством новых «кадров». И тот факт, что наступление велось «с позиций патриархальной демократии», говорит вовсе не об «объективно-регрессивном» характере этого наступления, а о наличии в расслаивающейся тфокотльской среде более энергичных, по сравнению с князьями и уорками, социальных сил, способных обеспечить эффективными ферментами роста недоразвитый феодальный организм.

48. Longworth J.A. Op. cit., v. 2, p. 308—309; Щербина Ф.А. История..., т. 2, с. 13, 155, 173.

49. См. Карлгоф Н. О политическом устройстве..., с. 545. В том же направлении изменялись организационные формы походов викингов. (Гуревич А.Я. Походы викингов, с. 93, 137).

говора, в чем простолюдины старались подражать знати⁴⁵.

Для любого общинника было неслыханной честью породниться с «белой костью»⁴⁶.

По сути общественный переворот, растянувшийся на несколько десятилетий, являлся не столько формой классовой борьбы «низов» против «верхов», сколько ожесточенным спором между новой и старой знатью за право владеть землей, зависимыми людьми, управлять обществом⁴⁷. Благодаря участию в этом перевороте народных масс внешне он выглядел весьма демократично. В 20—30-е гг. XIX в. возникают ранние, пока еще едва заметные признаки того, что вектор социальных конфликтов готов изменить свое направление: от противостояния между тфокотлями и потомственной аристократией к столкновению между старшинами (часто — в союзе с дворянством) и аульской голытьбой. Бывшие соперники становились партнерами, а бывшие партнеры — врагами. В ходе сближения разбогатевшей и влиятельной общинной верхушки с родовитой знатью зарождался прообраз класса феодалов.

Патриархально-родовой быт, не имея соответствующих институтов, не мог обеспечить действительную защиту растущего материального благополучия «верхов» от посягательств «низов». Он все явственнее обнаруживал свою беспомощность и в других сферах усложнявшейся общественной жизни. Расширявшееся набеговое «производство» (оно осуществлялось отрядами в несколько тысяч человек⁴⁸), столкнувшись с Россией, привело к тому, что крупные наступательные предприятия теперь влекли за собой не менее крупные оборонительные. Это потребовало такого же усовершенствования военной организации на основе предоставления больших прав военным предводителям, какое в свое время стало необходимым варварам, нападавшим на провинции Римской империи⁴⁹.

Отсюда возникала еще одна важная задача — преодолеть межплеменные распри и разбои, в широком смысле — задача управления обществом.

Решение этого комплекса проблем было немислимо без переустройства общества. Попытки осуществить такое переустройство составили длительный, сложный, неровный, но в целом поступательный процесс, начавшийся примерно с середины 30-х гг. XIX в. Тогда черкесские племена объединились в союз, предполагавший обуздание междоусобных раздоров⁵⁰ и запрещение всяких сношений с Россией, включая переговоры с ней одного общества без со-

50. В одном из писем на родину английский эмиссар Д. Лонгорт писал, что черкесы решили

пресекать внутренний грабеж штрафами. (ЦГВИА, ф. 38, оп. 7, д. 521, л. 191 об.).

51.

Карлгоф Н. О политическом устройстве..., с. 541—542; Фелицын Е.Д. Князь..., с. 53; Longworth J.A. *op. cit.*, v. 1, p. 103—104.

52.

Bell J.S. *Op. cit.*, v. 1, p. 407. Ф.А. Щербина писал, что «народные воззрения и обычаи... не вышли еще из рамок вольного пользования землей и вольных займов в пределах общины. Свободных земель было еще много, а завязтые войны черкесы были плохими хозяевами. Военное ремесло слабо уживалось с мирным хозяйственным строительством. Черкес брал у природы только то, что она давала без особого труда и затрат капитала. Земледелие, долженствовавшее давать горцу хлеб насущный, не составляло еще главного промысла у населения, и черкесов ни в коем случае нельзя было называть народом земледельческим». (Щербина Ф.А. История..., т. 2, с. 28; ср. Он же. Общинный быт..., с. 132—135).

53.

Bell J.S. *Op. cit.*, v. 1, p. 408; Spencer E. *Turkey, Russia, the Black Sea, and Circassia*. Lnd., 1855, p. 323, 378; Ср. Щербина Ф.А. История..., т. 2, с. 33; Венюков М.И. Очерк пространства между Кубанью и Белой. — ЗИРГО, 1863, кн. 2, с. 56—57.

54.

Покровский М.В. Адыгейские племена... — КЭС. вып. 2, М., 1958, с. 138; см. также: с. 116—117, 119, 121. Современные советские исследователи считают, что в «демократических» племенах уже в 30-е гг. намечаются признаки «земельной стесненности» и преобладания частнособственнических интересов над общественными. (См. Керашев А.Т. Побег адыгов в Россию (1828—1864 гг.) — Вопросы общественно-политических отношений на Северо-Западном Кавказе в XIX в. Майкоп, 1987, с. 42). В этой мысли есть определенное преувеличение. Источники, относящиеся к 30-м гг. XIX в., свидетельствуют, что, по крайней мере, две трети пригодных для возделывания земель в Черкесии оставались нетронутыми при наличии достаточного ко-

гласования с остальными⁵¹. Это был пока еще отдаленный аналог государственного начала. Союз оказался непрочным по ряду причин. Во-первых, в нем превалировала одна, не для всех горцев приемлемая цель — выработка общей политики и совместных действий против России. Во-вторых, народные собрания не имели постоянных исполнительных учреждений, в распоряжении которых находились бы соответствующие средства (прежде всего — вооруженная сила) для принуждения черкесов к выполнению принятых постановлений. В-третьих, в новом образовании оставались в недоразвитом состоянии такие государственные элементы, как судебно-правовая система и идеология, пригодные для «обслуживания» классовых отношений. И, наконец, отсутствовала одна из важных экономико-правовых предпосылок государственности — частная поземельная собственность. Английский эmissар Д. Белл, хорошо изучивший Северо-Западный Кавказ, писал: «Привычку считать землю собственностью всех, думается, следует рассматривать в качестве одной из первопричин, породивших многие из тех в высшей степени своеобразных черт, которые можно найти в черкесских учреждениях»⁵². Богатство человека в обществе измерялось не количеством земли, а числом рабов и скота⁵³.

Советский историк М. В. Покровский, как уже отмечалось, пришел к выводу, что в конце XVIII — первой половине XIX в. черкесы жили в условиях ранней стадии сельской (территориальной) общины с сильными рудиментами родовой и соответствующими зачаточными формами поземельной собственности. При этом индивидуальное начало с течением времени (отметим сложность и длительность этого процесса) брало верх над коллективным и, «творя свою разрушительную работу» над патриархальными устоями, «вело к утверждению частной собственности со всеми вытекающими отсюда последствиями»⁵⁴. В социальном быту горцев еще не успели сложиться прочные «гражданские» понятия. Публичной власти как таковой не существовало. Пока ее функции выполняли народные собрания (общинные, межобщинные, племенные, межплеменные), обсуждавшие преимущественно крупные вопросы об организации набегов и защите от них, о заключении наступательно-оборонительных союзов, о политике по отношению к России и т. п. Они созывались от случая к случаю, где придется, и обладали, за неимением специально-

личества рабочих рук. (Longworth J.A. *Op. cit.*, v. 2, p. 205). Поэтому связывать происхождение собственности с «земельной стесненностью» применительно к указанному периоду

преждевременно. Гораздо быстрее и явственнее формировалась собственность на другие, «движимые» средства производства (скот, рабы, ценное имущество и т. д.).

55. См. Карлгоф Н. О политическом устройстве..., с. 530—532; Сталь К.Ф. Указ. соч., с. 100—101, 121—125; Люлье Л.Я. Черкесия. Историко-этнографические статьи. Краснодар, 1927, с. 41; Щербина Ф.А. История..., т. 2, с. 32—37, 564.

56. Люлье Л.Я. О торговле..., — ЗВ, 1848, № 16.

57. Фадеев Р.А. Письма..., с. 169.

58. Dulaurier Éd. La Russie dans le Caucase. — RDM, 1865, t. 60, p. 958—959.

59. Longworth J.A. Op. cit., v. 2, p. 28.

60. Ibid.

61. Ibid., v. 1, p. 236.

го «полицейского» аппарата, лишь силой морального воздействия на людей. Эти обстоятельства затрудняли выдвижение на историческую авансцену более или менее выдающегося предводителя, готового объединить под своей единоличной властью значительное население. Политически народ еще не созрел до восприятия такой непривычной социальной фигуры. Весьма примитивны были представления о том, что такое преступление вообще и — против собственности, в частности. Адат порицал только «воровство у своей семьи и у ближних соседей». Посягательство на имущество всех остальных считалось доблестью. Главным орудием правосудия в тяжких уголовных преступлениях оставалась кровная месть, иногда заменявшаяся уплатой штрафа по взаимному соглашению⁵⁵. По словам современника Кавказской войны, знатока истории и этнографии черкесов Л. Я. Люлье, «закон не имеет прямого действия на нравы народов (Северо-Западного Кавказа — ред.), и он не в силах искоренить вдруг старые привычки, в особенности, когда они сопряжены с частными выгодами»⁵⁶. Совершенно этому высказывание русского историка-публициста Р. А. Фадеева, заметившего, что у черкесов даже «единодушное решение общества, хотя бы движимого величайшим энтузиазмом», не было скреплено «исторической привычкой» к повиновению⁵⁷. Примечательно суждение французского автора середины XIX в. Э. Дюлорье. Согласно ему, черкесы, уничтожив ослабевшую социально-политическую систему «старого» феодализма, не смогли сразу заменить ее таким режимом, который соответствовал бы новому, «радикальному духу». В результате усилились анархия и разобщенность⁵⁸.

Английский эмиссар Д. Лонгуорт, непосредственный и очень наблюдательный свидетель происходивших на Северо-Западном Кавказе процессов, скептически оценивал возможность скорых «органических изменений в обычаях и социальных институтах страны»⁵⁹. Он писал, что черкесы придерживаются патриархальных законов «с гордостью и упорством, которое делает введение других элементов власти, в национальных и политических целях, крайне трудной проблемой»⁶⁰. Хотя и отмечал начальные признаки формирования государственности и собственности⁶¹.

Несмотря на неудачную попытку создания союза племен, идея реорганизации общества постепенно становилась велением времени и овладевала умами тфокотльской и дворянской знати. Один из ее видных представителей Бесленей Абат, шапсуг, побывавший в Турции и Египте, выдвинул нечто вроде проекта реформ, предусматривавших: превращение народного собрания в постоянный орган власти, наделенный полномочиями и средствами для приведения в исполнение (при необходимости — силой) своих

62.

Карлгоф Н. О политическом устройстве..., с. 542, 544.

63.

См. Bell J.S. Op. cit., v. 1, p. 335.

Один русский автор писал, что у черкесов пробудилось «сознание слабости начал их общественной организации и необходимости обновить строй жизни введением управления, более упрочивающего гражданский порядок и племенное единство». (Аверкиев И. С Северо-Восточного побережья Черного моря. — Кавказ, 1866, № 74, с. 339).

64.

См. Longworth J.A. Op. cit., v. 2, p. 227—228.

65.

АКАК, т. 9, с. 252.

66.

Там же, с. 253.

решений, создание регулярного войска на содержании народа, разделение территории племени на административные единицы⁶². При жизни Абата (умер в 1837 г.) эти преобразования не были осуществлены, но мысль о них с течением времени все глубже проникала в среду тфокотльских «верхов»⁶³. Помимо Бесленея Абата появляются и другие лидеры, потенциально пригодные к руководству общественными делами. Они формировались из числа видных предводителей набегов, показавших свои способности и стремление управлять не только этой сферой жизни. Эти люди уже не могли довольствоваться одним лишь накоплением материальных благ. Их сознание поднималось к более высокой идее — идее власти. Зачастую они, в лучших традициях «престижной экономики», отказывались от своей доли добычи с целью упрочить авторитет и завоевать политическое влияние среди соплеменников, что было важнее. Разумеется, они не бедствовали, однако иногда их хозяйство выглядело запущенным, так как у владельца, занятого общественными функциями, не доходили руки до него⁶⁴. В общем если бы истории понадобились энергичные и одаренные личности для государственного строительства, у нее было из чего выбирать.

Признаки перемен давали о себе знать. Докладывая военному министру Чернышеву о захвате горцами Черноморской береговой линии в 1840 г., генерал Граббе сообщал: «Скопище сие приняло некоторый вид порядка и устройства: каждое племя с особенным значком составляет отдельную дружину, подразделенную по отдельным аулам на сотни, пятидесятки и десятки, предводимые отважнейшими и храбрейшими, которым все повинуются. Нападения на укрепления производятся общими силами по предварительном совещании начальников; и всем частям даются направления, каждому человеку назначается место... Продовольственные запасы, взятые ими у нас, распределяются правильно по аулам, а орудия, снаряды и порох поручаются ведению некоторых почетнейших старшин»⁶⁵. Конечно, это, как полагал Граббе, «только начала устройства и единства..., которые могут быть усмирены силою оружия и решительными действиями»⁶⁶.

В 30-е гг. XIX в. в общественном быту горцев наблюдаются и другие явления. Активизация набегов на Кавказскую линию порождала необходимость не только в улучшении их организации, но и в культивировании в сознании их участников ненавистного образа врага. Нужда в этом ощущалась тем сильнее, что Россию трудно было назвать беззащитной жертвой, как некогда — Абхазию. Черкесы получали отпор, им самим зачастую приходилось защищаться от карательных экспедиций. В такой ситуации требова-

67.

Генерал Вельяминов писал (1837 г.): «Я убедился, что не война раздражает ненависть горцев к нам; война, можно сказать, стихия их. Неоднократно после боя мне случалось видеться с сражавшимися со мною; они без досады говорили мне о потерях своих и брат убитого с веселым лицом подавал мне руку». (АКАК, т. 8, с. 651). Этот, на первый взгляд, удивительный факт, возможно, покажется менее (а, возможно, и более) поразительным, если вспомнить, что древние германцы, опустошавшие бесконечными набегами провинции Рима и получавшие ответные чувствительные удары, не питали никакой вражды к римлянам. (Фюстель де Куланж Н.Д. Указ. соч., т. 2, с. 445, 465).

68.

Каламбий. Характер адыгских песен, с. 230.

69.

Сталь К.Ф. Этнографический очерк..., с. 125, 165; Дубровин Н.Ф. Черкесы, с. 5, 32—33; Каламбий. Абреки, с. 129.

70.

Дубровин Н.Ф. Черкесы, с. 32; Каламбий. Характер адыгских песен, с. 224, 231; Щербина Ф.А. История..., т. 2, с. 25; Леонтович Ф.И. Адагы..., вып. 1, с. 128.

71.

Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик, 1982, с. 54; О быте, нравах и обычаях древних Атыхейских или Черкесских племен. (Из рукописи Шах-бек-Мурзина). — Кавказ, 1849, № 37, с. 147; Махвич-Мацкевич А. Абадзехи, их быт, нравы и обычаи. — НБ, 1864, № 3, с. 28.

лись дополнительные, «духовные» стимулы, чтобы поднимать горцев на разбойные предприятия. Почерпнуть эти стимулы из самой набеговой системы было трудно, ибо горцы занимались своим рискован промыслом без ненависти, принимая как должное и его естественные издержки⁶⁷. Тут весьма кстати пришелся ислам с его нетерпимостью к неверным. По утверждениям Адыль-Гирея Кешева, Коран «благодаря значительной дозе своих воинственных тенденций» дал «сильный толчок... господствующей наклонности черкеса — воинственности»⁶⁸. Ислам проник в Черкесию из Турции вначале просто как религиозно-обрядовое влияние, некая «турецкая мода» (горцам Константинополь представлялся центром цивилизованного мира). Затем, с 30-х гг. XIX в., это учение, мало-помалу распространяясь, принимает идеолого-политическую окраску. Грабительские нападения на территории гяуров превращались в богоугодное, душещипательное дело; воинам, погибшим в ходе их, обеспечивался мученический венец и место в раю⁶⁹. Ислам разом предоставлял участникам набегов зажигательный лозунг, «высоконравственное» оправдание, надежное утешение. Кроме того, в новой религии социальные «верхи» могли найти обоснования несправедливому распределению добычи и идею охраны собственности, а для «низов» предназначался демагогический мотив о свободе, равенстве мусульман, нестяжательстве и т. д. В связи с появлением спроса на знатоков исламских догматов повышалась роль духовенства, хотя она была еще не очень значительной. Муллы делили с воинами тяготы и опасности походной жизни⁷⁰. Эти «душещипатели» заменили собою старый идеологический «аппарат» войны — сочинителей стихов, песен, речей, сопровождавших воинов в набегах и воодушевлявших их своими словесными творениями во славу неустрашимости и доблестных подвигов предков⁷¹. Набеговая система, постепенно соединяясь с религиозным мировоззрением, оказывала катализирующее воздействие на развитие общества.

Но имелись и препятствующие факторы. В Черкесии (как и в «вольных» обществах Дагестана и в тайповой Чечне) процесс образования народностей был далек от завершения, шел трудно и прерывисто. Он сдерживался этнической, политической, хозяйственной разобщенностью племен, общин, патронимий, сильным сопротивлением исламу со стороны язычества. Условия жизни обособленными мирками мало располагали горца к раздумьям о «судьбах отчизны» и делам на благо ее. Очень медленно формировалось «национальное» самосознание, психология, возвышенное чувство принадлежности к такой общности, как народ, то есть — все то, без чего невозможно возникновение антиколониальной идеологии и анти-

71а.

Отсутствие у черкесов «патриотических чувств» отмечали в середине XIX в. общавшиеся с ними англичане. (Slade A. Turkey and the Crimean War: a narrative of historical events. Lond., 1867, p. 114).

72.

См. Покровский М.В. Социальная борьба..., с. 15—17; Он же. Русско-адыгейские торговые связи, с. 55.

73.

Карлгоф Н. О политическом устройстве..., с. 541; Хан-Гирей. Записки..., с. 188.

74.

АР, т. 3, СПб., 1910, с. 339—340.

75.

См. Щербина Ф.А. История..., т. 2, с. 245—246, 250—251, 327, 390, 556—557; Чекменев С.А. К истории дружественных взаимоотношений..., с. 250—252, 254; Писарев В.И. Методы завоевания адыгейского народа царизмом в первой половине XIX в. — ИЗ, М., 1940, вып. 9, с. 156—157.

76.

Чекменев С.А. К истории..., с. 253—254.

77.

См. Щербина Ф.А. История..., т. 2, с. 327; Короленко П.П. Черноморцы, с. 186.

колониального движения. Черкесу было хорошо понятно, что такое война — промысел против русских и защита своего дома от ответных действий, но для него пока еще не существовало «патриотических» целей народно-освободительной борьбы^{71а}. Народы никто не учреждает, они рождаются и заявляют о себе сами — единым языком, территорией, хозяйством, самосознанием и культурой. Это внутренний, органический процесс. Если уж говорить о «внешних», в каком-то смысле «насильственных» обстоятельствах складывания предпосылок для этнической консолидации черкесов, то их следует искать не столько в присутствии России и антиколониальных устремлениях, сколько в потестарных и религиозных факторах, однако и они далеко не всегда действовали эффективно.

Одно из отличий внутренней жизни черкесов от социальных процессов у дагестанцев и чеченцев состояло в более осязаемом (но далеко не решающем) влиянии на нее приводящего фактора — политики России, Турции, Англии, — которым обуславливались внешнеполитические ориентации различных племен и общественных слоев. С 20-х гг. XIX в. часть тфокотлей, особенно в районах, прилегающих к Кубани, вступает в торгово-экономическое соприкосновение с Кавказской линией⁷², в результате чего рос их материальный достаток, служивший примером для других горцев⁷³. В среде свободных общинников формировалась прослойка людей, занимавшихся торговлей и ремеслами⁷⁴. Сторонники мирных отношений с Россией, они закладывали социальную базу прорусских настроений, стремились распространять их. Нередко они удерживали от набегов своих соплеменников, чем навлекали на себя их неприязнь, подозрения и угрозу разорения. В конце 20-х гг. отмечены случаи, когда представители различных черкесских обществ добровольно изъявляли России покорность, выдавали аманатов, обещали предотвращать всякие нападения на русских, заключали между собой соглашения о сохранении дружеских связей с ними⁷⁵. Карачаевцы — крупная этническая группа — заняли благожелательную к России позицию во многом благодаря предоставленной им возможности пасти их огромные табуны на землях, контролируемых русскими властями⁷⁶. Ориентация на Россию возникла из практических соображений, связанных не только с экономической выгодой. К мирному общению склонялись преимущественно горцы, жившие на незащищенных пространствах неподалеку от Кавказской линии и (с середины 30-х гг.) Черногорской береговой линии в пределах быстрой досягаемости русских войск⁷⁷. Это было естественное поведение с их стороны. В большинстве своем они не могли себе позволить участия в набегах. Зажатые между русскими крепос-

78.
Wagner M. Op. cit., Bd. 2, S. 125.
79.
Bell J.S. Op. cit., v. 2, p. 87. Ср.
Longworth J.A. Op. cit., v. 2,
p. 132.
80.
Щербина Ф.А. История..., т. 2,
с. 208.
81.
Хан-Гирей. Избранные произ-
ведения, с. 273—275; Щерби-
на Ф.А. История..., т. 2, с. 238;
ВЗ, т. 11, с. 229. Ср. Eichwald E.
Reise ..., Bd. 1, S. 812—814,
826, 830.
82.
См. Хан-Гирей. Избранные
произведения, с. 261—262;
Щербина Ф.А. История..., т. 2,
с. 614—615.
83.
Щербина Ф.А. История..., т. 2,
с. 825; Чекменев С.А. К исто-
рии..., с. 252.
84.
Щербина Ф.А. История..., т. 2,
с. 623, 624.
85.
См. ШССТАК, с. 175—178;
Короленко П.П. Черноморцы,
с. 104, 114, 131.

тиями и своими воинственными соплеменниками, они старались сохранять добрые отношения и с одной и с другой стороной. Русские власти имели среди них доверенных людей, которые сообщали о том, что происходит в горах. Депутаты от нейтральных черкесов (например, от плоскостных шапсугов) принимали участие в общеплеменных собраниях, где они представляли «партию» мира. Правда, когда «партия» войны оказывалась сильнее и принимались выгодные ей решения, то мирным горцам приходилось формально им подчиняться, чтобы не подвергаться карательным набегам⁷⁸. Избежать последнего не всегда удавалось. Д. Белл признавался, что он, хотя и убеждал черкесов прекратить нападения на своих «нейтральных» соплеменников, ставил под сомнение возможность преодолеть в них «наследственную любовь к войне»⁷⁹.

Страх наказания действовал сдерживающе и на тех, кто обитал в труднодоступных горных местах и оттуда совершал вылазки на русскую территорию⁸⁰. Так, в течение еще нескольких лет после страшного разгрома шапсугов в 1821 г., когда они во время нападения на казачьи станицы потеряли более 1200 человек, их трудно было собирать на такие предприятия⁸¹.

Победа над Турцией в войне 1828—1829 гг. подняла авторитет России в глазах черкесов и укрепила среди определенной их части прорусские настроения. В новой международной обстановке некоторые представители трезвомыслящей, просвещенной местной знати склонялись к убеждению, что Россия является более реальной, чем Турция, силой, способной помочь в усовершенствовании внутреннего устройства черкесских племен на началах государственности, потребность в которой уже осознавалась субъективно⁸².

Обострение социальных конфликтов в условиях классовообразовательного процесса в обществе заставляло зависимое население бежать к русским в поисках защиты и возможности свободной и безопасной хозяйственной деятельности. Эмигрантам предоставлялись земли, на которых они основывали новые аулы рядом с казачьими станицами⁸³. Обитатели этих аулов освобождались от повинностей, пользовались почти полной автономией во внутренней жизни⁸⁴. В 30-е гг. побеги горцев еще не стали типичным явлением, но тем не менее они говорили о том, что в общественных «низах» воспринимали Россию не только как врага.

Прорусская ориентация горцев в районах, соседствовавших с Кавказской линией и — отчасти — Черноморской береговой линией, зачастую не зависела от социального положения людей⁸⁵. Здесь она выступала заметной тенденцией, охватывая и зажи-

86.

См. Чекменев С.А. Из истории..., с. 298; Покровский М.В. Русско-адыгейские торговые связи, с. 53, 93.

87.

Фелицын Е.Д. Князь Сефербей Зан. — Куб. сб., 1904, т. 10, с. 15.

88.

См. там же, с. 21—23, 28—30.

89.

См. Bell J.S. Op. cit., v. 2, p. 368; Щербина Ф.А. История..., т. 2, с. 560, 562, 624.

90.

Щербина Ф.А. История..., т. 2, с. 563; Короленко П.П. Черноморцы, с. 114.

91.

См. Щербина Ф.А. История..., т. 2, с. 576—578, 611, 612, 624; Короленко П.П. Черноморцы, с. 184. Видимо, не случайно у казаков бытовала поговорка: «В день мирный, а в ночи дурный». (Там же, с. 165).

точные и малоимущие слои, поскольку и те и другие были заинтересованы в мирных экономических связях с Россией. Размежевание в обществе шло не только по «вертикали» (по классовому признаку), но и по «горизонтали» (по вопросу об отношении к России). В последнем случае это размежевание обуславливалось географическим фактором (степень удаленности от русских укреплений, характер местности — открытая или труднопроходимая, защищенная горами и лесами), который, в одних условиях, позволял устанавливать выгодные торгово-хозяйственные контакты с русскими и мешал осуществлению набегов (ввиду того, что территории, откуда они могли производиться, были уязвимы для ответного удара), в других условиях, наоборот, затруднял подобные контакты, но зато повышал шансы безнаказанного нападения на русские поселения с целью захвата добычи.

Определенное влияние на выбор теми или иными общественными слоями внешнеполитической ориентации имела торговля. Так, «старая» и «новая» (общинная) знать нередко предпочитала Турцию, поставлявшую в Черкесию предметы роскоши; рядовые тфокотли — Россию, предлагавшую по большей части товары первой необходимости⁸⁶. Но такое различие вовсе не было универсальным правилом.

В январе 1831 г. на народном собрании (на р. Адагум) уполномоченных от шапсугов и натухайцев «партия» сторонников соблюдения Адрианопольского договора и мирных отношений с Россией заявила о себе во весь голос⁸⁷. В последующем, в результате соответствующей политики Англии и Турции, возобладали антирусские настроения⁸⁸. К концу 30-х гг., на фоне растущего разочарования горцев иностранной помощью, их недоверия к английским эмиссарам, вновь усиливается ориентация на Россию. Причем у «верхов» общества, по сравнению с «низами», эта ориентация имела более ярко выраженную мотивировку — надежду (как правило, оправданную) на социальную и экономическую поддержку царизма⁸⁹. С увеличением числа подданных России обострились отношения между мирными и враждебными черкесами⁹⁰. Следует заметить, что понятие «мирные горцы» было в известной степени условным. Охотно общаясь с русскими и пользуясь выгодами этого общения, они подчас вели себя непоследовательно. Их количество постоянно колебалось в зависимости от военной, социально-политической, экономической ситуации⁹¹.

Осенью 1839 г. в Анапу и форт Раевский из окрестных натухайских аулов неоднократно являлись влиятельные старшины, обещавшие от имени своих односельчан не только не предпринимать враждебных действий против русских, но и сообщать о под-

92.
АР, т. 3, с. 342—343.

93.
Там же, с. 347.

94.
Там же, с. 344—345, 347—348.

95.
Там же, с. 346—347.

готовке таковых соплеменниками или другими черкесскими обществами. Посланцы выражали готовность развивать торговлю с Россией. В одно из посещений Анапы (декабрь 1839 г.) старшины провели целый день в гостях у коменданта крепости, поднимали тосты в честь Николая I по случаю его тезоименитства⁹².

В это время участились визиты горцев в Анапу и форт Раевский по торговым и другим нуждам. Ежедневно туда приходило по несколько десятков человек⁹³.

Среди натухайцев обострилась борьба между сторонниками (меньшинством) и противниками (большинством) мирных отношений с Россией. Последних представляли заинтересованные в набегах тфокотли (в первую очередь их верхушка), жившие на более или менее безопасном расстоянии от черноморских и кубанских укреплений. Они опасались, что распространение прорусской ориентации подорвет их общественное значение, которое было приобретено ими как руководителями организованного грабежа в российских пределах. На народных собраниях уполномоченные от этих сил требовали, чтобы население дружественных к России аулов прекратило всякие связи с ней, иначе им угрожали разорением. Депутаты прорусской «партии», возглавляемой богатым тфокотлем Безимом-Соопухом, отказывались, утверждая, что для них невозможно одновременно быть соседями с русскими и враждовать с ними, не подвергая риску себя и свою собственность. Легко, говорили они, рассуждать и действовать по-другому тем, кто, живя в отдалении под защитой гор и лесов, еще не испытал мощи русского оружия. Одним словом, несправедливо ставить приморских натухайцев меж двух огней. Высказывавшие эти мысли ораторы часто превращались из обвиняемых в обвинителей. Они разоблачали представителей тфокотльской знати, которые, настраивая народ против России и подстрекая к набегам на ее территорию, втайне бывали у русских, получали от них подарки. Одного из организаторов нападения на русские поселения Аудоглу-Мамсыра упрекали в том, что его деятельность и призывы к войне способствовали только наращиванию сил России в Черкесии⁹⁴.

Желая пополнить число своих приверженцев, видные люди из прорусской «партии» обещали соплеменникам хорошие экономические и политические перспективы, связанные с Россией: в Цемесской бухте будет построен большой город (ныне Новороссийск), от него к Кубани проложат дорогу для торговых караванов, которые обеспечат черкесов всеми необходимыми товарами, русские войска не причинят местным жителям вреда, как не причиняет его форт Раевский⁹⁵.

96.
Там же, с. 345—347, 349.

97.
Там же, с. 344.

98.
Dubois de Montpéroux Fr. Op. cit., t. 1, p. 152—153; Souvenirs des dernières expéditions Russes contre les Circassiens. Paris, 1837, p. 68—69; Щербина Ф.А. История..., т. 2, с. 244.

99.
См. АР, т. 3, с. 339—340; Чекуменов С.А. К истории..., с. 250.

100.
АКАК, т. 9, с. 500; Писарев В.И. Указ. соч., с. 167.

101.
Чекуменов С.А. Из истории..., с. 284; АР, т. 3, с. 350, 362—363.

Пропаганда миролюбивых идей и дискредитация их противников велись активно и, судя по всему, безуспешно. Даже в умы закоренелых врагов России была внесена некоторая сумятица. На бурно проходивших народных собраниях натухайцев ни одной из сторон не удалось добиться подавляющего перевеса. Условились привлечь к обсуждению вопроса об отношении к русским абадзехов и шапсугов, в среде которых, благодаря агитаторам Безима-Соопуха, укреплялся слой людей, ориентировавшихся на Россию. А пока, в ожидании всеобщего народного собрания с участием делегаций от трех племен, было решено не запрещать жителям ближайших к Черноморской береговой линии аулов общаться с русскими по-прежнему⁹⁶. Единомышленники Безима-Соопуха, действуя словом, убеждением, интригой (за неимением других, насильственных средств), понимали, что такая политика не дает им гарантии безопасности от воинственных соплеменников, если тем вздумается наказать их за связь с русскими. В поисках защиты они обратились за военной помощью к коменданту Анапы. Не располагая достаточными силами для оказания такой поддержки, он обещал ходатайствовать по этому вопросу перед начальством⁹⁷. Между тем горцы, побуждаемые неурожаем, совершили в 1840 г. ряд крупных набегов на Черноморскую линию на пространстве от форта Навагинского до Абинского укрепления. Военный успех и захваченная добыча (в основном продовольствие) упрочили позиции антирусской «партии» в ущерб прорусской.

Процесс формирования добрососедских чувств к России шел трудно, прерывисто и неустойчиво не только из-за сложного противоборства социально-экономических сил внутри черкесского общества, но и из-за политики русских властей, далеко не всегда продуманной. Зачастую после очередного набега горцев ответные репрессии обрушивались на виновных и невинных без разбора⁹⁸. Чтобы избежать несправедливого наказания, мирные черкесы были вынуждены уходить с немирными в горы, покидать насиженные места⁹⁹. Эти промахи, совершаемые по недостатку знаний о крае, ослабляли позиции той прослойки тфокотлей, которая подходила для роли социальной опоры России, способствовали пополнению рядов участников набегового промысла, получавших возможность прикрываться лозунгом защиты от русских, подогревать враждебность к ним.

В качестве карательной меры также применялось нечто похожее на экономическую блокаду, в надежде, что она склонит горцев к покорности¹⁰⁰. С 20-х гг. заметно падает меновая торговля с черкесами, обеспечивавшая их предметами первой необходимости, прежде всего солью. К концу 30-х гг. она была практически запрещена¹⁰¹. Это привело лишь к активиза-

102.
АР, т. 3, с. 341.
103.
Чекменев С.А. Из истории..., с. 280.
104.
См. Чекменев С.А. К истории..., с. 256—257.
105.
См. Чекменев С.А. Из истории..., с. 280.
106.
Покровский М.В. Социальная борьба..., с. 9; Щербина Ф.А. История..., т. 2, с. 608; Короленко П.П. Записки..., с. 355; Cameron G.P. Op. cit., — USJNMM, 1841, November, pt. 3, p. 345.
107.
См. Чекменев С.А. К истории..., с. 255.
108.
Покровский М.В. Адыгейские племена..., с. 132—133.
109.
Покровский М.В. Социальная борьба..., с. 10.

ции черкесско-турецкой контрабандной торговли (под покровительством и при непосредственном участии англичан) и — через нее — к усилению иностранного политического влияния¹⁰². Борьба с контрабандой, в структуре которой все больший удельный вес приобретали оружие и боеприпасы, оказалась малоэффективной. Кроме того, власти были бессильны полностью предотвратить непосредственные торговые контакты, устанавливавшиеся между черкесами и русским населением Кавказской линии стихийно, минуя меновые дворы. Еще в самом начале 20-х гг. подобный товарообмен по объему превышал официальный по меньшей мере втрое¹⁰³.

Придерживаясь политики, «хорошо зарекомендовавшей» себя в Закавказье, русские власти в Черкесии делали ставку на влиятельные «верхи» общества, каковыми им казались представители «старого», княжеско-уоркского феодализма. Этим людям предоставлялось право производить покосы, посевы, выпас скота на правом (русском) берегу Кубани¹⁰⁴, они пользовались режимом наибольшего благоприятствования в торговле¹⁰⁵. Им давали офицерские чины, крупные жалованья, пенсии и подарки, их дети обучались в русских военно-учебных заведениях и т. д.¹⁰⁶. Иными словами, «старые» феодальные «кадры» «аристократических» племен предполагалось использовать против «демократических», доставлявших России своими набегами массу забот¹⁰⁷. Однако применение закавказской модели социальной политики в условиях Черкесии, существенно отличных от Закавказья, не дало нужных результатов, приведя лишь к тому, что русские власти восстановили против себя влиятельных тфокотлей, потеряли среди них многих своих потенциальных союзников. Местная военная администрация, не говоря уже о центральной российской, не поняла сути «демократического переворота» как «своеобразного этапа» (по словам М. В. Покровского, или точнее сказать — локального варианта) развития феодализма, увидев в нем плебейскую революцию, в которой, конечно, следовало взять сторону князей и дворян¹⁰⁸. Выпав из сферы официального покровительства царизма, новая знать, естественно, стала более восприимчивой к турецкой политике и, особенно, к юридиксму, почувствовав в нем силу, способную сохранить и укрепить достигнутое ею экономическое и правовое положение¹⁰⁹. Тфокотльской верхушке удалось направить в русло этой политической и идеологической ориентации настроения общинных масс, поскольку аульские старшины и их разбогатевшие односельчане в качестве руководителей «демократического переворота» и представителей родовых институтов власти пользовались большим влиянием. При всей эксплуататорской потенции, заложенной в них, они пока еще были достаточно

110.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 165.

111.

См. Покровский М.В. Адыгейские племена..., с. 127, 128, 130.

112.

Попко И. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб., 1858, с. 124; Шамрай В.С. Указ. соч., с. 505; Писарев В.И. Указ. соч., с. 165.

113.

Маркова О.П. Восточный кризис 30-х — начала 40-х годов XIX века и движение мюридизма. — ИЗ, 1953, т. 42, с. 217.

едины с народом и выступали «орудием народной воли» (Ф. Энгельс¹¹⁰), стараясь не покушаться на патриархальные учреждения, хотя исподволь уже приспосабливая их к своим интересам¹¹¹.

В князьях и уорках Россия не нашла того действенного политического инструмента, на который она рассчитывала. Этот слой уже давно не играл ведущей роли в черкесском обществе. Его внешнеполитические предпочтения были крайне нестабильны. В них легко и часто менялись местами Россия, с одной стороны, Турция и Англия — с другой. Кроме того, князья и уорки в прикубанских районах препятствовали сближению тфокотлей с русским населением Кавказской линии, когда по своей алчности взимали большие пошлины с товаров, доставлявшихся на Кубань из глубины гор¹¹².

Таким образом, на раннем этапе Кавказской войны в Черкесии русские власти, еще не имевшие необходимой информации о внутренней жизни горцев и приверженные испытанной в Закавказье классовой политике, выбрали в качестве опоры внешне, казалось бы, подходящий, но по существу исторически малоперспективный и, к тому же, ненадежный общественный слой, который оттеснялся на второй план куда более динамичными социальными силами в лице феодализировавшейся верхушки общинников. При этом преобладали военно-репрессивные подходы к решению проблем, включая экономическую изоляцию Черкесии.

В действия Петербурга вносило нервную суету и поспешность то обстоятельство, что на Северо-Западном Кавказе имелись основания опасаться иностранного вмешательства, поскольку данный регион, в отличие от Дагестана и Чечни, был со стороны моря уязвим для открытого вторжения или враждебного влияния. В этой традиционной зоне напряженного международного соперничества интересы России сталкивались с реваншистскими замыслами Турции и колониальной экспансией Англии. Однако если для Константинополя и Лондона Черкесия являлась внешнеполитической проблемой, то для Петербурга — домашним вопросом, осложненным угрозой извне. По существу дело шло об обороне не только Кавказа, но и вообще южных (черноморских) границ Российского государства. В 1834 г. Николай I полагал, что военное утверждение России в Черкесии «несравненно важнее», чем в других районах Кавказа¹¹³.

Понимая серьезность ситуации, русская военная администрация в Черкесии стремилась повысить результативность своей политики, нащупать ту основу, на которой станет возможным органичное сращивание этой территории с Россией. Еще в первые годы царствования Александра I было дано высочайшее

114.

Короленко П.П. Черноморцы, с. 128—129.

115.

Там же, с. 186.

116.

Там же, с. 170.

117.

Там же, с. 171.

118.

Покровский М.В. Социальная борьба..., с. 11; Он же. Иностранные агенты..., с. 155; Короленко П.П. Черноморцы, с. 193. Ф.А. Щербина отмечал, что «...со стороны черкесов были проявлены случаи приверженности если не к России, то к тем условиям, при которых низшему классу черкесов жилось в России лучше, чем в горах». (Щербина Ф.А. История..., т. 2, с. 611).

предписание: «Наистрожайше подтвердить всем командующим дистанциями по границе, отнюдь никакой несправедливости соседственным народам не делать, а иметь с ними дружественное обращение и всячески стараться приобрести их доверенность; всякий же противный сему поступок наистрожайше наказан будет...» Если при этом горцы не прекратят набегов, применять репрессалии только к виновным. О каждом таком случае следовало сообщать лично императору с обстоятельным обоснованием причин карательной акции, «чтобы сие не было употреблено во зло»¹¹⁴. Такую же позицию занимал поначалу и Николай I. Узнав о нападении генерала Власова на натахайские аулы в феврале 1826 г., он расценил эти действия как грубое самоуправство, вредившее мирным отношениям с горцами. Последовал царский рескрипт, в котором говорилось: «Ясно видно, что не только одно лишь презрительное желание приобрести для себя и подчиненных знаки военных отличий легкими трудами при разорении жилищ несчастных жертв, но непростительное тщеславие и постыднейшие виды корысти служили им основанием»¹¹⁵. В результате Власова отстранили от должности начальника Черноморской кордонной линии.

А. П. Ермолов, как и многие другие кавказские генералы, не разделял взглядов императоров. Не веря в иные, кроме военных, способы умиротворения черкесов, он считал излишним «ограничивать себя невыгодною от набегов обороною»: ведь при возвращении после «злодеяний» домой за Кубань горцы не боялись преследования, ибо знали, что оно запрещено¹¹⁶. Его настроение выражалось предельно ясно: «Не терпеть впредь наглых и оскорбительных вторжений закубанцев, ...преследовать и наказывать ближайшие селения, участвующие в злодеяниях; иначе не будет безопасности и всегда потери со стороны нашей...»¹¹⁷. В проведении этого курса А. П. Ермолов опирался на своего единомышленника Власова, которого он назначил на вышеуказанную должность с предоставлением широких полномочий.

Вместе с тем со второй половины 20-х гг. XIX в. допускались отклонения от генеральной установки на сотрудничество с родовитой знатью. Правда, делалось это скорее в порядке исключения в острой политической обстановке кануна и самой русско-турецкой войны. Русское командование распространило за Кубанью воззвания, обещавшие «подвластным и холопьям» владельцев, придерживавшихся проосманской ориентации, «всегдашнюю вольность и покровительство»¹¹⁸. Откликнувшихся на обращение селили на плодородных прикубанских землях, освобождали от повинностей, брали под военную защиту. Часть горцев возводилась в «казацье достоинство». Такие меры, понятно, касались далеко не всего зави-

119.

Покровский М.В. Социальная борьба..., с. 12; Джимов Б.М. Крестьянское движение в до-реформенной Адыгее (1793—1868 гг.). — УЗ АНИИ, 1970, т. 11, с. 105—107; ср. Шамрай В.С. Указ. соч., с. 497.

120.

АР, т. 3, с. 339—342.

121.

Там же, с. 367—368.

122.

Там же, с. 350.

симого населения и имели конкретную, сиюминутную цель: противодействовать аналогичной социальной политике турок и оказать давление на княжеско-дворянскую знать и владетельных старшин. Известный результат был достигнут. Напуганные «верхи» обращались к русским властям с просьбами о возвращении беглых. В результате к 30-м гг. XIX в. сложилось правило: выдавать беглых лишь тем хозяевам, кто присягнул России, и лишь тех, кто бежал от владельца после принесения им присяги¹¹⁹.

В записке на имя Николая I (1840 г.) начальник Черноморской береговой линии генерал Н. Н. Раевский указывал на причины войны с черкесами и способы ее прекращения. По его мнению, разбой — естественные явления, «свойственные безначалию горцев», и бороться с ними только оружием неэффективно. Между тем русские власти часто мстили за вину одних всем племенам подряд, не давая себе труда учитывать различия между теми или иными социальными слоями в отношении к России, в уровнях экономического развития и т. д. Эти незамысловатые методы, полагал Н. Н. Раевский, отталкивали от России тех, кто готов был торговать с ней, жить в добрососедстве. Обстоятельства заставляли многих из них объединяться с немирными тфокотлями, промышленными набегами и населявшими внутренние, горные районы Черкесии. Закономерным следствием такой политики стало усиление влияния Турции и Англии¹²⁰.

Н. Н. Раевский предлагал опереться на силы, заинтересованные в экономических связях с Россией, и повсеместным развитием торговли распространить их влияние и укрепить их позиции в обществе. Только так, по его мысли, удастся утвердиться в Черкесии. Со своей стороны он делал все от него зависевшее для осуществления этой идеи и добился определенных успехов¹²¹. Даже после нападения горцев на Черноморскую береговую линию в начале 1840 г. Н. Н. Раевский писал, что «более, чем когда-нибудь, я убежден в пользе миролюбивой системы, которой до сего я здесь следовал». Он был уверен: военный ответ на набеги не даст ничего кроме обострения русско-черкесских отношений, поэтому нужно терпеливо следовать другому образу действий. В заключение своей записки Н. Н. Раевский обращал внимание на показательный факт: нападениям подверглись те русские укрепления, где не велась торговля с горцами¹²².

«Миролюбивая система» Н. Н. Раевского свидетельствовала не столько о гуманных побуждениях, хотя и их не стоит отрицать, сколько о поисках путей прекращения войны, в данном случае — с помощью рациональной политики, фактически нацеленной на то, чтобы, втягивая черкесов в хозяйственную

123.

Элементы такого подхода применялись еще в 10—20-е гг. XIX в. См. Щербина Ф.А. История..., т. 2, с. 180—181; Короленко П.П. Записки..., с. 355; Он же. Черноморцы, с. 164—165; Писарев В.И. Указ. соч., с. 166, 170; Neumann K.F. Op. cit., S. 59—63. Прекрасно знавший Кавказ С. Броневский предлагал, во-первых, с помощью пограничных кордонов физически воспрепятствовать горцам производить набеги; во-вторых, открыть широкую торговлю с ними «предметами домашних нужд». Тогда они, «накопец отвращенные от безвыгодных... грабительств, обратятся мало-помалу к земледелию и другим первоначальным промыслам гражданского состояния», и будут таким образом «исторгнуты» «из варварской первобытности». (Броневский С. Указ. соч., ч. 1, с. 315—317).

124.

АКАК, т. 9, с. 508.

125.

Покровский М.В. Русско-адыгейские торговые связи, с. 59—60, 64.

126.

Сивков К.В. О проектах окончания Кавказской войны в середине XIX в. — ИСССР, 1958, № 3, с. 192.

127.

Но далеко не все разделяли взгляды Н.Н. Раевского, что видно хотя бы по характеристике, которую дал ему служивший на Кавказе офицер М.Я. Ольшевский: «мечтатель, либерал, фразер как на словах, так и на бумаге, и не терпевший подчинения». (Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. — РС, 1893, № 6, с. 579—580).

128.

Сивков К.В. Указ. статья, с. 193—194.

129.

Там же, с. 193.

130.

Там же.

131.

АВПР, ф. Канцелярия, д. 112 (1841 г.), л. 393—394 об.

и торговую деятельность, постепенно искоренить набеговый промысел, порождавший состояние постоянной военной напряженности на Кубани и Черноморской береговой линии¹²³.

Наряду с Н. Н. Раевским примерно такие же мысли высказывали его преемники на должности генералы И. Р. Анреп¹²⁴ и Рашпиль¹²⁵, комендант Геленджикской крепости полковник Чайковский¹²⁶ и молодой, тогда еще мало кому известный офицер, служивший в отряде генерала Граббе, — Д. А. Милютин¹²⁷ (будущий военный министр и реформатор России). Последний полагал, что помимо военных методов надо применять средства «нравственного» и «материального» влияния, «согласовывать наше владычество с интересами самих горцев», «щадить их верования, обычаи, нравы», «эти чувствительные струны»¹²⁸. Ратуя за гибкую, избирательную политику, Д. А. Милютин писал: «Было бы безрассудно подводить все разнообразие племен Кавказа под одну общую систему»¹²⁹. Его вывод таков: частные меры ничего не дадут, «должно совершенно изменить образ действий...», «ибо от успокоения кавказских племен зависит не только благосостояние Кавказского края, но и все будущее развитие политического и коммерческого влияния России на Востоке»¹³⁰.

Любопытно отметить, что в мае 1841 г. британский госсекретарь Г. Пальмерстон, движимый мотивами, о которых будет сказано ниже, весьма неожиданно посоветовал Петербургскому кабинету придерживаться в отношении горцев политики, во многом совпадавшей с предложениями Н. Н. Раевского, Чайковского, Д. А. Милютина. В беседе с русским послом в Англии Ф. И. Брунновым Пальмерстон выразил мнение, что война — не лучший способ покорения черкесов; будучи их образом жизни, она их нисколько не страшит, а вот мирный быт разоружает и в конце концов укрощает. Цивилизуясь и приучаясь удовлетворять насущные нужды через торговлю, они постепенно оставляют свои «дикие привычки», и тогда завтра из них нетрудно будет сделать то, что сегодня не удастся сделать силой оружия¹³¹. Этот конструктивный доброжелательный совет звучал бы слишком странно в устах ненавидевшего Россию Пальмерстона, если бы подобная забота не имела объяснения. Все дело в том, что эта беседа происходила тогда, когда приближалось подписание очень выгодной для Англии Лондонской конвенции 1841 г., которая со стороны России являлась крупной уступкой. В предвкушении дипломатического успеха благодушно расположенный Пальмерстон не поскупился подать ответный знак доброй воли.

Процесс «нащупывания» конструктивной политики в Черкесии протекал стихийно и очень трудно. Не было ни единой цели, ни плана достижения ее. Рус-

132.

Зиссерман А.Л. История..., т. 2, с. 10—11.

133.

АКАК, т. 9, с. 237; Приложение к статье «Три года на Кавказе». — КС, 1885, т. 9, с. 4.

134.

АКАК, т. 9, с. 244.

135.

АР, т. 3, с. 338.

136.

Зиссерман А.Л. История..., т. 2, с. 163.

ские военачальники плохо знали край, его обитателей, его историю. Каждый часто действовал по собственному усмотрению. Многое зависело от случайностей, от взглядов и впечатлений, складывавшихся в результате наблюдений над поведением разных племен или социальных слоев внутри них, которые по-разному относились к России, отличались воинственностью или склонностью к мирным занятиям и т. д. Отсюда возникали разноречивые суждения о способах покорения горцев. Одни считали, что нужно окружить себя прочными кордонами для защиты от набегов. Другие призывали жить с черкесами в добрососедстве, разбивать с ними торговые связи, приучать их к роскоши и удобствам, тем самым — к России, как источнику удовлетворения этих потребностей. Третьи говорили о необходимости держать племена в постоянном страхе, методично совершать вторжения, жечь, грабить, уничтожать посевы. Четвертые предлагали несколькими внезапными и решительными ударами в разных направлениях навсегда «умиротворить» Северо-Западный Кавказ. Эти мнения доводились до высших инстанций. Каждое из них подкреплялось своими аргументами, ссылками на накопленный опыт. Стоило кому-либо из генералов добиться временного успеха, как «наверх» шла реляция о «блестящих результатах» с заверениями о том, что найдена правильная система действий.

Перед Петербургом представляла запутанная картина происходившего. Обильная, противоречивая информация порождала там сомнения и колебания, соответственно отражавшиеся в приказах и инструкциях, в частых перемещениях в командном составе русских войск в Черкесии. В бумагах военного министерства можно было обнаружить, по словам А. Л. Зиссермана, «немало ... панегириков тому, что через месяц оказывалось бесполезным, и наоборот»¹³². Не видно цельного подхода к проблемам и в указаниях Николая I. В одном случае он считал нужным изменять политику, основанную на военных мероприятиях; «необходимы только постоянство и твердая решимость в их исполнении и тогда почти безошибочно можно определить годами время», когда Черкесия будет покорена¹³³; «единственное средство к достижению этой цели» — «сила оружия»¹³⁴. В другом случае он поддерживал предложения Н. Н. Раевского¹³⁵.

Дела страдали еще и от разногласий между лицами, составившими высшее командование на Кавказе (Головин, Граббе, Раевский). Николай I внимательно читал их донесения, делал на них пространные пометы, но так и не смог прийти к оптимальному разрешению этих противоречий¹³⁶. Поэтому в русской военно-стратегической (а в данной ситуации, значит,

137.
См. Дубровин Н.Ф. Обзор
войн..., ч. 4, кн. 2, с. 289.

138.
См. Покровский М.В. Иностран-
ные агенты на Западном
Кавказе в первой половине
XIX века. — Кубань, 1952,
№ 11, с. 148—151; Neu-
mann K.F. Op. cit., S. 67.

и политической) системе в Черкесии все оставалось по-прежнему: она сводилась к обороне передовых укреплений от набегов горцев и периодическим, но беспорядочным карающим экспедициям¹³⁷.

Итак, влияние России на внутреннюю жизнь Черкесии было неоднозначным. Противоречиво оно сказывалось прежде всего на таком важном социально-хозяйственном явлении, как набеговая система, для участников которой русская территория представляла собой и источник добычи и угрозу наказания. С одной стороны, новый экономически привлекательный объект экспансии давал развитию военно-социальной организации горцев дополнительный импульс, с другой стороны, этот объект умел защищаться, от него исходила опасность возмездия, служившая для набегов обуздывающим моментом. Тот факт, что Россия была серьезным противником и нападения на Кавказскую линию требовали сбора значительных сил и хорошей организации, заставлял черкесов объединяться в военно-политические союзы, ускорявшие развитие государственности.

Непоследовательная, находившаяся в стадии формирования политика русских властей также оказывала противоречивое воздействие на состояние черкесского общества. Поощряя торговлю тфокотлей с Россией (или просто не мешая ей), местное начальство способствовало активизации их хозяйственной деятельности, укреплению социальных сил, отходящих от набегового промысла к мирным занятиям. Напротив, запрещение этой торговли, бездумное применение ответных военных экзекуций против виновных и безвинных горцев приводили к экономическим затруднениям в Черкесии, сплочению враждебных России элементов, расширению влияния иностранных держав.

В целом же и само по себе «объективное» присутствие России на Северо-Западном Кавказе, и ее «субъективная» политика дали чувствительный толчок социально-политическим и экономическим процессам, подрывавшим патриархальные устои черкесского общества, способствовавшим его дальнейшей «разгерметизации».

Другим внешним фактором была Турция. Она никогда не имела реальной власти над черкесскими племенами, но пользовалась среди их части авторитетом и влиянием, основанным на религии и давних торговых связях. Играл роль и тот факт, что гаремы султана и высших османских сановников традиционно пополнялись черкешенками. Турция хотела сохранить и упрочить свои позиции в этом районе путем распространения ислама, развития торговли, объединения горцев и создания социальной опоры в местном населении¹³⁸. Решение такой непростой задачи во многом зависело от личности ее исполнителя, то

139.

См. Хан-Гирей. Избранные произведения, с. 256—257, 308—312, 314—315; Он же. Записки..., с. 146—147; Сталь К.Ф. Указ. соч., с. 155, 163—164; Фадеев А.В. Мюридизм как орудие агрессивной политики Турции и Англии на Северо-Западном Кавказе в XIX столетии. — ВИ, 1951, № 9, с. 85; Bell J.S. Op. cit., v. 1, p. 358, 403—404.

140.

Хан-Гирей. Избранные произведения, с. 313—314.

141.

Покровский М.В. Социальная борьба..., с. 11; Он же. Иностранные агенты..., с. 154.

142.

Чекменев С.А. К истории..., с. 251. Накануне и в период войны Турция не только утешивала горцев, но и снабжала их оружием (Короленко П.П. Черноморцы, с. 139, 181, 187—188, 190—191).

143.

Сталь К.Ф. Указ. соч., с. 164; Короленко П.П. Черноморцы, с. 193—195; Neumann K.F. Op. cit., S. 69—70.

144.

См. Покровский М.В. Иностранные агенты..., с. 151—153, 155.

145.

Щербина Ф.А. История..., т. 2, с. 559; Короленко П.П. Черноморцы, с. 195. Правда, полагаться на строгое соблюдение присяг о верноподданстве не приходилось. (Там же.).

есть от того, кто занимал должность султанского наместника в Черкесии, резиденция которого находилась в крепости Анапа. В 1825 г. таковым был назначен сераскир Гассан-паша, человек умный и энергичный, счастливый, но не типичный выбор для сонного Константинопольского кабинета.

В стремлении связать черкесское общество с Турцией более тесными узами, сделать его податливым для управления, Гассан-паша заботился о развитии государственных начал, прежде всего шариата, повиновение которому означало бы повиновение падишаху как верховному служителю ислама, доверенному пророка Мухаммеда на земле. Пригласив к себе князей, дворян, духовенство, старшин, он предложил им следующее: руководствоваться во всех делах Кораном, отказавшись от адатов, передав судопроизводство в руки духовных лиц (кадиев); создать общественную казну, куда поступала бы десятая часть урожая; признать власть старших князей (они переименовывались в валиев) или — там, где их не было, — его, Гассан-паши, наместников (каймакамов); присягнуть на подданство Турции и выдать аманатов. Пока сераскир имел дело с «аристократическими» племенами и прибрежными натухайцами, заинтересованными в торговле с Турцией, предложения Гассан-паши не встречали особого сопротивления. Но как только он появлялся в «демократических» племенах, дорогу ему преграждал вооруженный народ, не желавший подчиняться кому бы то ни было, особенно князьям и уоркам. Тогда Гассан-паша, не располагавший достаточными средствами для насильственного введения нового порядка (турецкий диван отказал ему в просьбе о сорокатысячном войске), решил сделать ставку на тфокотлей, возбудив и поддержав их против «старой» дворянской знати, за что те обязались жить по шариату¹³⁹. Этот политический шаг один из представителей местных «верхов» сравнил с поджиганием костра¹⁴⁰. Гассан-паша рискнул сделать это, поскольку понимал, какое значение может иметь участие тфокотлей (на стороне Турции) в приближавшемся русско-турецком столкновении. Это моментально изменило настроение обиженной знати, которая принялась поспешно налаживать отношения с Россией¹⁴¹.

Накануне войны 1828—1829 гг. Гассан-паша активно агитировал черкесов против России. По всему краю рассылались его доверенные люди из коренного населения с призывами нападать на Кавказскую линию и обещаниями вознаграждения от имени султана¹⁴². Многие поддались этим подстрекательствам¹⁴³. Однако в целом туркам не удалось сделать из черкесов ударную силу своей армии, как они надеялись¹⁴⁴. В 1828—1829 гг. черкесы целыми аулами переходили в подданство к России¹⁴⁵.

146.
Хан-Гирей. Избранные произведения, с. 256, 309—310, 313.
147.
Там же, с. 277, 307—308.
148.
Шербина Ф.А. Указ. соч., т. 2, с. 535.
149.
Хан-Гирей. Избранные произведения, с. 256—257, 261.

В конце концов Гассан-паше пришлось покинуть Северо-Западный Кавказ отчасти потому, что без реальных средств принуждения (войска) он не мог ввести государственное устройство и укоренить шариат в «демократических» племенах, привыкших к патриархальной анархии, т. е. создать для себя инструмент управления обществом; отчасти потому, что Константинопольский диван не благоволил к этому деятельному и способному человеку, по-видимому выделявшемуся на консервативном фоне высшей османской бюрократии и посему, естественно, ставшему объектом интриг, приведших к опале¹⁴⁶. Фактическое отстранение от дел Гассан-паши, самого толкового султанского администратора в Черкесии, являлось характерной приметой сумбурной турецкой политики в этом регионе, которая в свою очередь отражала общее состояние прогрессирующего упадка Османской империи. По существу в жертву склокам, личным вкусам и амбициям каких-нибудь столичных сановников приносились внешнеполитические интересы государства. Просчеты турок в отношении Северо-Западного Кавказа были очевидны и для самих черкесов. Так, Бесленей Абат, причисляя к ним, наряду с прочим, отставку Гассан-паши, говорил, что Константинопольский кабинет при расстановке кадров на ответственные должности не может отличить «человека мужественного и умного от скота и дурака»¹⁴⁷.

После подписания Адрианопольского договора 1829 г. турецкое правительство вынуждено отказаться от открытой политики в Черкесии и перейти к тайной, ибо речь шла уже о российской территории¹⁴⁸. Когда в Константинополь приехала черкесская депутация во главе с Бесленеем Абатом, чтобы узнать об итогах войны 1828—1829 гг., ее щедро встретили подарками и обещаниями помощи, но так и не сказали вразумительно о том, что Северо-Западный Кавказ отныне принадлежит России. Впрочем, некоторые горцы догадались об этом. Не ускользнули от их внимания и внутренние неурядицы в Турции¹⁴⁹.

Меняется не только форма (от открытой к негласной), но и содержание османской политики в этом регионе. Главным в ней становится антирусская направленность. Теперь вопросы внутреннего обустройства черкесов на основе развития государственности заботят турок лишь в той мере, в какой они способны обеспечить успешное военное противодействие России. В рамках осуществления нового курса Константинопольский кабинет активно использовал черкесского князя Сефер-бея, проживавшего с начала 30-х гг. в Турции в роли «посла» Черкесии. Он слал к нутхайцам, шапсугам, абадзехам письма и прокламации, призывавшие не покоряться русским, уверявшие в неизменном покровительстве султана и обещавшие военную помощь. Эта пропаганда, подкреп-

150.

См. Щербина Ф.А. Указ. соч., т. 2, с. 535—536; Фелицын Е.Д. Князь..., с. 17—19, 33; Короленко П.П. Черноморцы, с. 199—201, 206—207.

151.

См. АР, т. 3, с. 348—349.

152.

ШССТАК, с. 143, 146; Bell J.S. Op. cit., v. 2, p. 240—241, 379—380, 391.

153.

Longworth J.A. Op. cit., v. 2, p. 248—253; Bell J.S. Op. cit., v. 2, p. 31.

лявшаяся контрабандными поставками оружия, щедрыми подарками и радушными приемами, которые оказывались черкесской знати, приезжавшей в Константинополь, ослабляли влияние прорусской «партии» на Северо-Западном Кавказе¹⁵⁰. Правда, к концу 30-х гг. надежда на османскую помощь (Сефербей сулил несметную армаду судов с десантными войсками, орудиями и прочим) пошла на убыль. Тфокотльская масса начинает колебаться в своей внешнеполитической ориентации. По ее настоянию в Константинополь отправлялись делегации за точным ответом на вопрос, когда Турция выполнит свои обещания и следует ли вообще на них рассчитывать. Вместо такого ответа черкесские посланцы вновь получали султанские дары и вполне удовлетворялись этим, а упреки в обмане обрушивались на Сефербея. Однако уклончивое поведение турецкой администрации приоткрыло им глаза на истинное положение вещей, заключавшееся в том, что Турция была не такой всемогущей, какой хотела казаться, она боялась России и не решалась вступать с ней в вооруженное единоборство. Тем не менее возвратившиеся на родину делегаты, представлявшие, как правило, протурецки настроенные социальные «верхи», старались скрыть от народа результаты своего визита, дабы не подрывать своих позиций в обществе и не давать козырь в руки сторонников России¹⁵¹.

В сравнении с османской британская политика на Северо-Западном Кавказе в 30-е гг. XIX в. была более активной и целенаправленной. Ее конечная цель сводилась к отделению этого района от России, превращению его в сферу влияния Англии. Решение данной задачи виделось во всеобщей мобилизации черкесов для войны против России посредством их объединения в рамках какой-то общественно-политической структуры. Практически речь шла о создании государства. Военно-демократические институты черкесского общества, перерождавшиеся в военно-иерархические, служили подходящим базисом для этого. Опираясь на них, англичане стремились превратить набеговую систему из промысла в организованную антирусскую войну с осознанными политическими целями. В 30-е гг. велась методичная работа в этом направлении. По наущению британских эмиссаров на народных собраниях принимались решения об объединении племен в союз против России, давались клятвы не вступать с ней в мирные отношения и согласовывать совместные действия против нее, сурово наказывать нарушителей этих установок¹⁵². Ради «всеобщей безопасности жизни и собственности» англичане стремились склонить черкесов к отказу от «хищнических привычек», которые сеяли распри между племенами¹⁵³. Предпринимались попытки формирования постоянной армии, введения

154.
АКАК, т. 8, с. 359—361;
ШССТАК, с. 143, 146—147.

155.
ШССТАК, с. 114, 133, 135, 143;
Фелицын Е.Д. Князь...,
с. 30—32.

156.
ШССТАК, с. 126, 132, 143, 146;
АКАК, т. 8, с. 359—361;
Longworth J.A. Op. cit., v. 2,
p. 28—30, 251, 260, 291.

налогообложения. Англичане снабжали горцев вооружением, подкупали наиболее влиятельных лиц из местной знати¹⁵⁴. Вместе с тем они прибегали и к дипломатическим методам воздействия на Россию. Зная, что Кавказская линия сильно страдает от разорительных набегов, англичане посоветовали черкесам предложить русским властям договор, по которому Кубань провозглашалась бы границей между Россией и Черкесией, а обитатели последней обязывались бы прекратить набеги¹⁵⁵.

Форсируя образование государства, Англия преследовала еще одну цель — превратить Черкесию в номинальный субъект международных отношений, что давало бы лондонскому кабинету возможность вступать с ней в «официальные» контакты, втягивать ее в сферу своего колониального господства. Черкесия должна была стать в глазах внешнего мира самостоятельной политической единицей, обрести «независимый» международно-правовой статус.

Британские эмиссары на Северо-Западном Кавказе столкнулись со сложной задачей. С большим трудом и, зачастую, малым успехом им приходилось преодолевать безначалие, разрозненность, недоверие племен к иностранцам. Объединять горцев удавалось лишь на короткое время военного сбора, да и то не всегда. Неудачей закончилась попытка создания постоянного войска и введения налогообложения. Черкесы пока еще не могли свыкнуться с идеей о постоянном представительном органе власти, для формирования которого, к тому же, требовались личности (а их не было), имевшие необходимый для всеобщего повиновения авторитет. Неразрешенной осталась проблема междоусобиц. Англичанам не удалось придать новую, политическую сущность набеговой системе. Сильной помехой для них являлась подозрительность, а в иных случаях и враждебность черкесов¹⁵⁶. Это настроение усугублялось еще и потому, что горцы считали британскую помощь явно недостаточной. Вдобавок ко всему не утратили своих позиций приверженцы России.

Итак, Турция и Англия — каждая руководствуясь собственными интересами — предпринимали усилия для того, чтобы сплотить черкесские племена в единый государственный организм, поддающийся управлению и способный служить эффективным орудием антирусской политики. До тех пор, пока сама Черкесия внутренне не созрела для нового общественного устройства, эти усилия были обречены на неуспех, однако объективно они подготавливали почву для более интенсивного развития идеи государственности, нарушая замкнутость патриархальных мирков, приводя в движение и сталкивая различные социальные слои, поддерживая высокую военную активность горцев.

**«Имперские» замыслы Шамиля.
В зените политического
могущества.
Новая знать и обмирщение
высоких идеалов мюридизма.
Ход войны с Россией.
(1844—1849 гг.)**

1.
См. Зиссерман А. Материалы...,
с. 412, 435.

В 1844—1849 гг. внутренние процессы в имамате продолжают идти по восходящей линии. За это время масштабы военно-политического господства Шамиля, а значит, и границы его государства, менялись. Они, естественно, зависели от успешных или неудачных боевых действий, среди которых, как и раньше, следует различать набеги ради захвата добычи, обусловленные самой природой Кавказской войны, и столкновения с Россией, преграждавшей Шамилю путь к расширению сферы его влияния. Нередко это различие стиралось, когда Россия приходила на защиту районов, подвергавшихся нападениям мюридских отрядов. Русское военное присутствие в Дагестане и Чечне по-прежнему не было определяющим фактором в развитии имамата. Выигранные или проигранные Шамилем сражения могли сказаться лишь на темпах феодализации горского общества, ничего не изменяя в существе этого явления.

Борьба с Россией была для имама не самоцелью, а средством решения других задач. Он вовсе не искал встреч с русскими войсками. Напротив, при возможности старался избежать их даже в «блистательные» для него сороковые годы. Столкновения происходили постольку, поскольку Россия препятствовала его государственным планам и закрывала доступ к источникам расширения экономического фундамента имамата¹.

Победы Шамиля над русской армией, расчищая эти препоны и укрепляя мощь имамата, высоко поднимали «монархический» престиж имама, придавали

2. Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане. 1847-й год. Осада Гергебиля и взятие Салты. — КС, 1882, т. 6, с. 499.

3. Пржецлавский П. Несколько слов... — Кавказ, 1863, № 64, с. 405.

4. Stücker C. Sitten und Charakterbilder aus der Türkei und Tscherkessien. Berlin, 1862, S. 180.

5. Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане, 1847-й год, с. 490.

6. См. Эсадзе С. Штурм Гуниба..., с. 149.

7. Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане, 1847-й год, с. 492; Он же. Трехлетие в Дагестане, 1848-й год. Взятие Гергебиля и геройская защита укрепления Ахты. — КС, 1883, т. 7, с. 486; ДГСВК, с. 442—443.

8. Волконский Н. Окончательное покорение Восточного Кавказа (1859-й год). — КС, 1879, т. 4, с. 368.

9. Приложения к статье «1845-й год на Кавказе», с. 6—7; Дневник Руновского, с. 1451; Об отношениях Даниель-бека к Шамиллю. — Кавказ, 1861, № 8, с. 45.

его образу еще более грозный и величественный ореол к вящему устрашению горцев. Тогда как поражения, помимо всего прочего, наносили ему моральный ущерб, что служило одной из веских причин не желать рискованных соприкосновений с русскими силами. Бывали годы, когда он публично объявлял о своем намерении отказаться от наступательных действий против русских и вести только оборонительные². Эти сообщения встречали полное одобрение у народа, испытывшего на себе убыточность тех военных предприятий, где приходилось иметь дело с Россией и расплачиваться жизнью гораздо чаще, чем в набегах, и без особых материальных компенсаций. Войско имама не стеснялось показывать тыл сильному неприятелю, у которого было нечем поживиться³. Шамиль старался появляться там, где его меньше всего ждали, и, захватив богатую добычу, исчезнуть⁴.

Среди обширных замыслов Шамиля борьба с Россией подчас становилась делом третьестепенной важности⁵. Его занимали внутренние проблемы, главной из которых была власть. Имам по-прежнему решал эту трудную задачу умно и находчиво, привлекая мощный и разнообразный арсенал методов. В 40-е годы он продуктивно использовал яркие дарования своих потенциальных политических конкурентов — Хаджи-Мурата, Кибит-Магомы, Даниель-султана Елисуйского. Зная о таящейся в этих сильных и незаурядных лидерах угрозе, Шамиль, тем не менее, не колеблясь приближал их к себе, ибо каждый из них, благодаря большому влиянию в народе, приводил массы новых «подданных» под власть имама⁶. Покуда выгоды от этих людей превышали исходившую от них опасность, они находились у Шамиля на особом положении. Он считался с их мнением, наделяя их широкими полномочиями вплоть до права смещения наибов и кадиев⁷.

В русских источниках Кибит-Магома именуется «почти повелителем всего нагорного Дагестана», которым «он нередко ворочал не только не стесняясь указаниями имама, но иногда действуя по своему усмотрению, вразрез с этими указаниями»⁸. Шамиль мирился с этим, ибо открытая вражда с наибом могла иметь тяжелые последствия. Значительная самостоятельность предоставлялась Даниель-султану. Измену русским этого влиятельного в Юго-Восточном Дагестане человека имам считал для себя милостью судьбы. Он назначил Даниель-султану персональный (самый высокий) ежегодный оклад, периодически щедро одарял. Подчинение, пусть во многом формальное, внука знаменитых владетелей Сурхай-хана Елисуйского и Умма-хана Аварского заметно повышало политический престиж и расширяло географические пределы власти Шамиля⁹. Питая скрытую,

10. Гаджи-Али. Указ. соч., с. 32.

11. Koch K. Reise in Grusien ..., S. 475.

12. Еще в 1840 г. Шамиль в своем послании черкесам предупреждал, что придет к ним «с сильным войском» и «жестоко накажет» их, если они будут следовать по «стезе заблуждения» (ДГСВК, с. 251—252). Через три года он уверял своих мюридов, что русских уже почти не существует, и обещал проложить путь в Мекку. (АКАК, т. 9, с. 786).

13. Примечательно, что выбран был район, население которого (лазы, отчасти аджарцы) переживало стадию социально-экономического развития, очень схожую с состоянием дагестанских «вольных» обществ. (См. Fonton F. Op. cit., p. 193—194).

14. Pertev Boratav. La Russie dans les archives ottomanes. Un dossier ottoman sur l'imam Chamil. — CMRS, 1969, v. 10, N 3—4, p. 529—530.

15. Бобровский П.О. Указ. соч., с. 6; Эсадзе С. Штурм..., с. 172—173; Thielmann M. Op. cit., v. 1, p. 259—260; Merzbacher G. Aus dem Hochregionen des Kaukasus. Wanderungen, Erlebnisse, Beobachtungen. Leipzig, 1901, Bd. 1, S. 193.

16. Окольников Н.А. Перечень... — ВС, 1859, т. 5, с. 354—355.

17. См. ШССТАК, с. 281; Казембек М.А. О значении имама..., с. 306; Потто В.А. Гаджи-Мурат, с. 165; Wagner F. and Bodenstedt Fr. Op. cit., p. 62—63; Baddeley J.F. Op. cit., p. 414; Luxenburg N. Russian Expansion into the Caucasus and the English Relationship Thereto. (Ph.D. Diss.). University of Michigan, 1956, p. 177—180; Quandour M.I. Op. cit., p. 122, 124, 226, 230; Blanch L. Op. cit., p. 125, 248—250.

18. Цит. по: Джимов Б.М. Анти-мюридистские выступления на Северо-Западном Кавказе в первой половине XIX века. — В кн.: Некоторые вопросы об-

граничившую с благоговением слабость к древним высокородным феодальным фамилиям, имам связал себя с Даниель-султаном еще и родственными узами, женив своего сына Кази-Мухаммеда на его дочери.

После крупной даргинской победы 1845 г., ободившей горцев морально и обогатившей их материально¹⁰, поднявшей авторитет Шамиля на новую высоту¹¹, в политике имама наметились гегемонистские тенденции: абсолютизация власти сопровождалась экспансией за пределы Дагестана и Чечни¹². Специальный эмиссар Шамиля Хасан Хазби был направлен в Аджарию (находящуюся тогда в составе Турецкой империи), чтобы нанять (!) войско для имама и распространить там идеи мюридизма¹³. В письменном обращении к аджарским мусульманам Хасан Хазби, призывая их присоединиться к богоугодному делу Шамиля, уверял, что «все силы Дагестана», население Шекинского и Ширванского округов, «многие другие мусульмане» готовы выступить против неверных, обещая «славные победы и завоевания»¹⁴. Вокруг шамилевского эмиссара уже стали собираться вооруженные люди (число их достигло нескольких сотен), когда по требованию России османские власти пресекли его деятельность арестом.

Вторжение в Осетию и Кабарду (1846 г.) было уже не просто крупным набегом, а по-своему грандиозным военно-политическим предприятием с дерзкими целями¹⁵. За счет этих территорий Шамиль намеревался отодвинуть границы имамата глубоко на запад, чтобы в перспективе присоединить и Черкессию, где активно действовали его эмиссары. Подобные замыслы вполне согласовывались с духом внешнеполитической программы Кази-муллы, заявившего еще на заре Кавказской войны: «Когда возьмем ее (Москву — *ред.*), я пойду на Стамбул; если хункар (султан — *ред.*) свято соблюдает постановления шариата, мы его не тронем, — в противном случае, горе ему! Он будет в цепях, и царство его сделается достоянием истинных мусульман»¹⁶. Современники имама ясно осознавали, что его политические притязания выросли до «панкавказских» масштабов¹⁷. Наиб Шамиля Сулейман-эфенди, перешедший на сторону русских, писал: «Цель его состоит в том, чтобы поработить все разноразличные племена, населяющие пространство от владений Шамхала (Тарковского — *ред.*) до Анапы, над которыми он хочет сделаться султаном и эмиром»¹⁸. Некоторые зарубежные историки считали уместным называть планы имама «имперскими»¹⁹. По замечанию

щественно-политических отношений на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII — первой половине XIX в. Майкоп, 1985, с. 53.

19. Wagner F. and Bodenstedt Fr. Op. cit., p. 67; Thielmann M. Op. cit., v. 1, p. 260. По предположению немецкого ученого

XIX в. К. Коха, если бы Шамилю не мешали русские войска, на Восточном Кавказе могло бы образоваться сильное исламское государство, которое при благоприятных обстоятельствах приобрело бы большое влияние. (Koch K. *Der Kaukasus*, S. 202), Ср. у П. Надеждина («Природа и люди на Кавказе и за Кавказом», с. 379): «Если б русская сила не схватила его (мюридизм — ред.) железным поясом, можно быть уверенным, что он разлился бы по мусульманской Азии неудержимым потоком и теперь стремился бы к осуществлению второго халифата. Уж один титул имама, принятый начальниками мюридов, достаточно показывает, куда метило новое учение». О проблеме «империализма» в древности см.: Циркин Ю.Б. «Империализм» и «империалистические» войны в древности. — В кн.: Категории исторических наук. Л., 1988, с. 58—72.

20. Moser L. *Op. cit.*, p. 184—185.

21. Вполне возможно, что дополнительные побуждения для своих «глобальных» прожектов Шамиль черпал в давно известной в суннитском праве идее всемирного исламского государства. (См. Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII—XV веках, с. 150). То есть — идея покорения мира, восходящей к пророку Мухаммеду, который, едва утвердившись в Аравии, обратился к правителям соседних держав (включая византийского императора и персидского царя) с требованием политического подчинения ему и принятия проповедуемого им учения. (Дози Р. Очерк истории ислама. (Пер. с франц.) СПб., 1904, ч. 1, с. 74; Гольдциер И. Лекции об исламе, с. 26—27, 34, 110, 127).

22. Грюнебаум Г.Э. фон. Указ. соч., с. 41; Дози Р. Указ соч., ч. 1, с. 86—87. «Исламский империализм», — пишет французский ученый Р. Шарль, — подчинялся своей внутренней логике, ибо созданная Мухаммедом община нуждалась в войне как в своеобразном,

одного из них, «со своего горного трона он надеялся властвовать над всеми народами Кавказа, как пророк и независимый государь», понимая, что без полного отказа от «старого порядка вещей» невозможно упрочить «его новую империю»²⁰.

Похоже, Шамиль также оказался подвержен воздействию явления, нередко наблюдаемого в истории: не успеет правитель почувствовать свое могущество внутри страны, как его уже одолевают мысли о мировом господстве. Совершенно ясно, что в данном случае понятие «мировое господство» очень условно, оно определялось географическими представлениями Шамиля, как известно, — весьма ошибочными. Но как бы ни были глубоки его заблуждения насчет модели мира, они не имеют принципиального значения. В претензии на мировое господство важно вовсе не ее соответствие или несоответствие реальным возможностям, а сам факт изначальной predisposedности авторитарной власти к агрессивному поведению на «международной арене», облагороженному различными «панидеями»²¹. Кроме того, для Шамиля, как в свое время и для пророка Мухаммеда²², непрерывная, приносящая добычу экспансия была еще и способом внушить симпатии к новой религии, удержать от внутренних войн и распада создававшийся им *рах исламическая* («мусульманский мир»). По-видимому, с середины 40-х гг. Шамиль начинает прибавлять к своему титулу «имам» еще и слова: «повелитель правоверных»²³.

Поскольку военный потенциал Шамиля, как выяснилось, не соответствовал его «глобальным» планам, а осетины и кабардинцы отказались подчиняться ему, то поход 1846 г. окончился неудачей, вылившись в обычный грабеж мирных сел²⁴. Тем не менее эта смелая и беспрецедентная вылазка далеко за пределы имамата, принесшая большую добычу, внешне выглядела как большой успех²⁵. Она произвела сильное впечатление в Дагестане и еще выше подняла авторитет Шамиля: ведь если имам отважился выйти на равнину, где русские войска имели стратегические

скрепляющем ее цементе, а без военных побед она была бы обречена на распад». (Шарль Р. Указ. соч., с. 19).

23. См. Казембек М.А. Мюридизм и Шамиль, с. 218.

24. Créhange G. *Histoire de la Russie depuis la mort de Paul I jusqu'à l'avènement de Nicolas II*. 1801—1894. Paris, p. 169. В зарубежной историографии дается узкая трактовка кабардинского похода Шамиля, задача которого состояла якобы

в том, чтобы устроить колеблющихся, заставить их присоединиться к «национальному делу». Экспедиция расценивается как успешная постольку, поскольку имам «разграбил Кабарду, сжег урожай, захватил сотни пленников». (Wagner F. and Bodenstedt Fr. *Op. cit.*, p. 52; Wagner Fr. *Shcamyl and Circassia*, p. 74—75. Cp. Mackie J.M. *Op. cit.*, p. 280—282; Moser L. *Op. cit.*, p. 172—173).

25. Stücker K. *Op. cit.*, S. 179.

26. Гаджи-Али. Указ. соч., с. 33; ДГСКВ, с. 530.

27. Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане. 1848-й год, с. 484—485; Дубровин Н.Ф. Обзор войн..., с. 255. В Калуге при встречах с А. Руновским Шамиль любил говорить о своей усталости от власти, на которую он якобы всегда смотрел, «как на самое тяжелое бремя». Отрицая за собой честолюбие, он утверждал, что видел свою цель в водворении в Дагестане порядка и спокойствия на основе шариата, чтобы потом уступить место другому избраннику народа и навсегда отправиться в Мекку. (Дневник Руновского, с. 1500).

28. Низам Шамиля. — ССКГ, 1870, вып. 3, с. 4—5.

29. См. Руновский А. Кодекс Шамиля. — ВС, 1862, т. 23, с. 327—386.

преимущества, и вернулся оттуда с богатой поживой, значит, его могущество действительно несокрушимо. Последовавшее вскоре ограбление Цудахара²⁶ упрочило эту веру.

Победные лавры 1845—1846 гг. Шамиль обратил прежде всего на пользу личной диктатуры. Учитывая благоприятные для себя общественные настроения, он решил окончательно подорвать влияние съезда наибов — очень неудобной политической реликвии, оставшейся от эпохи народовластия. В конце 1847 г. Шамиль созвал в Андю «всех должностных и именитых людей» имамата. Это был съезд наибов со значительно расширенным представительством, отдаленно напоминавшим всесословный земский собор. Здесь Шамиль повторил прием, уже удавшийся ему однажды. Он сказал собравшимся, что прошло более десяти лет, как его избрали имамом, и все это время он старался верой и правдой служить горцам. Однако в своих приверженцах он не нашел преданности, рвения, единодушия. Среди наибов царили распри, обман и злоупотребления. Посему Шамиль объявил, что складывает с себя высокое звание и уступает его более достойному народному избраннику, которому готов служить в числе других помощников. Он вел себя с напускным смирением, приличествующим такой сцене и нагнетавшим психологическую напряженность. Как и несколько лет назад, этот поступок имама поразил и встревожил присутствующих, ожидавших от него упреков, осуждения, угроз, чего угодно — только не самоотречения! Собрание ответило протестующими возгласами. Ораторы говорили, что Шамилю нет равноценной замены, и клялись отныне выполнять все его требования, не доставлять ему поводов для неудовольствия, только бы он оставался у власти²⁷. Не предполагая другой реакции, имам «кротко» покорился воле народа. Однако за эту жертвенность он предъявил съезду длинный список «общих и постоянных обязанностей всех», предусматривавший ответственность за нарушение их²⁸.

Это был так называемый «Низам Шамиля» — свод законов, регулировавших все сферы общественной жизни: военную, административную, судебную, финансовую, бытовую. Основой его служил шариат, почти каждая статья которого оставляла место для различных толкований. Шамиль тонко приспособил шариатское право к политическим потребностям государства. «Низам», как кодифицированное законодательство, не только отражал совершенствование системы имамата, упрочение централизованной единоличной власти, распространение частнособственнических отношений, но и способствовал дальнейшему развитию этих процессов²⁹.

В «Низаме» звучит открытая угроза наибам. Обви-

30. Низам Шамиля. — ССКГ, 1870, вып. 3, с. 13.

31. Sarkisyanz E. Geschichte..., S. 136. По версии Шамиля, «большие люди» Дагестана якобы заставили его объявить Кази-Мухаммеда наследником власти имама. (Дневник Руновского, с. 1472). Вполне допустимо, что имам находил для себя оправдание в высокоавторитетном прецеденте Арабского халифата, где в VII в. принцип выборности халифа был заменен принципом династического наследования. (См. Массэ А. Ислам, с. 42; Грязневич П.А. К вопросу о праве на верховную власть в мусульманской общине в раннем исламе. — В кн.: Ислам. Религия, общество, государство. М., 1984, с. 164, 167). Шамиль, разумеется неосознанно, подчинялся классическому закону эволюции авторитарной власти в ранних государствах, где правило фамильного наследования этой власти, наряду с обожествлением ее, служило средством деперсонализации вождя, превращения его из личности в символ. (См. Васильев Л.С. Проблемы..., с. 30, 32).

32. Покровский Н. Мюридизм у власти, с. 45.

33. Руновский А. Кодекс Шамиля, с. 346.

няя их в «мерзких поступках и отвратительных происках», Шамиль предупреждает, что отныне не будет «пощады, заступничества и сострадания» для тех, кто пойдет против его воли³⁰.

На том же съезде Шамиль заставил правящую верхушку признать его сына Кази-Мухаммеда будущим преемником отца на имамском «престоле», вопреки идеалу и традициям мюридизма, согласно которым духовная власть переходила от учителя (мюршида-имама) к наиболее достойному ученику при одобрении народа. Иными словами, официально провозглашалась идея генеалогического (а не духовного) порядка наследования «престола», столь характерного для феодальных монархий. Шамиль хотел, чтобы чтили не только личность, но и титул имама как сакральный мандат на абсолютную власть, независимо от того, кому он принадлежал. Как это уже случилось в истории ислама, он превратился из самозабвенного пророка и революционера в основателя правящей династии³¹. Внедрение принципа легитимизма составило важную деталь в общей картине оформления маленькой восточной деспотии.

В 1847 г. Шамиль сделал значительный шаг к окончательному избавлению себя от надзора горских «земских соборов», сдерживавших его стремление к неограниченной диктатуре. Съезды набоев утрачивают свои политические полномочия и сводятся к сугубо военным советам, где последнее слово оставалось за главнокомандующим³². Иногда он, из показного уважения к патриархальным традициям, собирал аульских старейшин для обсуждения тех или иных общественных вопросов, но делал это скорее ради проформы. Приглашенные понимали: имаму нужно от них лишь одобрение того, что уже давно им обдумано и решено, и они послушно выполняли свою миссию³³.

Постепенно из политической свиты Шамиля убывают яркие личности, делавшие вместе с ним шариатскую «революцию». Одни погибали на войне, другие переходили к русским, третьи исчезали при неясных обстоятельствах. Оставались самые изворотливые и осторожные, которых имам по разным, но всегда очень веским причинам был вынужден терпеть. Утеснение «мыслящего пространства» вокруг Шамиля, даже когда оно происходило не по его вине, — глубоко закономерное явление. Историческое провидение как будто помогало своему избраннику в его тайных помыслах. Теперь, с победой личной диктатуры и новой идеологии, вождь больше не нуждался в одаренных и поэтому опасных соратниках. Ему требовались не пророки, а исполнители.

Упрочившееся господство Шамиля, одним из проявлений которого стал язык ультиматумов, все чаще допускаемый в обращении с верхними слоями об-

34. Гаджи-Али. Сказание..., с. 33.

35. Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане. 1847-й год, с. 490; Шамиль и Чечня, с. 136—137.

36. Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 221—222.

37. Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане. 1847-й год, с. 494—495; Он же. Трехлетие в Дагестане. 1848-й год, с. 545, 547; ШССТАК, с. 240—243, 247, 283, 292—307; АКАК, т. 9, с. 860; т. 10, с. 348—351, 442, 471, 523; Детские воспоминания дагестанского горца. — Кавказ, 1874, № 96, 105, 146; Колобакин Б.М. Кавказская экспедиция в 1845 году. СПб., 1907, с. 21; Koch K. Reise in Grusien ..., S. 445, 485, 487; ejusd. Der Kaukasus, S. 180, 196. По свидетельству русского офицера, побывавшего в 40-х годах в плену у чеченцев, добыча «составляла для них важный способ к поддержанию существования». (Клингер И. Два с половиною года в плену у чеченцев. 1847—1850. — РА, 1869, т. 6, с. 968, 990).

38. Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 179; Ср. Koch K. Reise in Grusien ..., S. 465; ejusd. Der Kaukasus, S. 189.

39. Хаджи-Мурат. Мемуары. Махачкала, 1927, с. 23—28; 31—34; Хаджи-Мурат. Письма о нем..., с. 672—675; Дубровин Н.Ф. Обзор войн..., с. 285; Потто В.А. Гаджи-Мурат, с. 165, 167—170, 172—173; АКАК, т. 10, с. 519, 527, 528; Koch K. Der Kaukasus, S. 179.

40. Koch K. Reise in Grusien ..., S. 479—480.

41. Дубровин Н.Ф. Обзор войн..., с. 209.

42. Koch K. Ein Ausflug nach dem Kriegschauplatz. — In: Die kaukasischen Länder und Armenien in Reiseschilderungen von Curzon, K. Koch, Macintosh, Spencer und Wilbraham. Hrsgb. von K. Koch. Leipzig, 1855, S. 318.

щества, вовсе не означало, что он был глух к здравым советам³⁴ или перешел к грубой прямолинейной политике в отношении новой знати. Его социальное чутье несколько не притупилось, оно по-прежнему подсказывало ему тонкие тактические ходы, не позволяя забывать о том, кто представлял его главную опору.

В действиях имама прибавилось своеволия и жесткости, но не убавилось дальновидности³⁵. В них не заметно ослепления собственным могуществом. Умение быстро, трезво и глубоко схватывать суть вещей остается характерным для Шамиля.

В обществе усиливается культ его персоны. Идеологи имамата приложили руку к этому. В касыдах благодарение за победы над гяурами воздавалось аллаху и Шамилю, пастырю правоверных, великому стратегу. И следом — призывы: «послушно и покорно трудитесь», «выполняйте его (имам — ред.) приказания, воздерживайтесь от противоречий»³⁶.

В массовом сознании формировалась религия власти. Шамиль был не просто представителем Бога, он сам становился Богом, непоколебимым воплощением всеислия, святости и какой-то магии, которые вызывали языческий страх, благоговение, поклонение.

Набеговая экспансия продолжала играть огромную роль в жизни имамата³⁷. Заинтересованность всех слоев общества в добыче (скот, пленные, земли, ценности, оружие и т. д.) не ослабевала: война оставалась прибыльным занятием, поскольку материальные доходы от нее превышали издержки. К примеру, ценности, награбленные Даниель-султаном в конце 1845 г., привели в восхищение «придворного» историка Шамиля Мухаммеда-Тахира³⁸. Блестящие по своей организации, дерзости и результатам вылазки совершали в 40-е гг. Хаджи-Мурат, Шуаиб-мулла, Ташов-Хаджи³⁹. Превратив мужское население в армию и тем самым лишив сельское хозяйство рабочих рук, имам активизировал набеги, чтобы добычей покрыть эту потерю⁴⁰. Горцы пока еще охотно шли в ополчение⁴¹. Ненависть к русским гяурам была не только бескорыстным фанатизмом, но и хорошо оплачиваемым чувством. Поэтому лелеять и демонстрировать его было очень выгодно. Имам понимал, что нельзя надолго сохранить в людях это чувство, если подкармливать его лишь из платонического, идейного источника, без материального подкрепления. Правда, Россия все чаще становилась на пути Шамиля, «отвлекая» его от главной цели набегов⁴². Так, в 1847, 1848, 1849 гг. у аулов Чох, Согратль, Гергебиль, Салты он был вынужден вести затяжные «позиционные» бои, не сулившие добычи и лишь отнимавшие силы. И хотя отдельные поражения Шамиля принципиально почти ничего не меняли в общей картине рас-

43. Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане. 1847-й год, с. 490.

44. Покровский Н. Мюридизм у власти, с. 65; Служивый. Указ. соч., с. 96.

45. Отдельные признаки этой тенденции заметил Н. Покровский. (См. Покровский Н. Мюридизм у власти, с. 59). Подобная эволюция хорошо прослеживается у различных народов. (См. История первобытного общества. Эпоха классового образования, с. 478—479; Хазанов А.М. Классообразование: факторы и механизмы, с. 139). Особо отметим один из классических примеров: «имперская» экспансия Арабского халифата в VII—VIII вв. выросла из набеговой системы. (См. Уотт У.М. Указ. соч., с. 23).

46. Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане. 1847-й год, с. 496, 668; Пржецлавский П. Несколько слов... — Кавказ, 1863, № 63, с. 399.

47. Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане. 1847-й год, с. 663; Он же. Трехлетие в Дагестане. 1848-й год, с. 612; Потто В.А. Гаджи-Мурат, с. 174—175.

48. Руновский А. Кодекс Шамиля, с. 360. Одиннадцатая глава «Низама Шамиля» запрещала грабить захваченные территории «без позволения имама». (Низам Шамиля. — ССКГ, 1870, вып. 3, с. 9).

49. См. Хроника Мухаммеда-Тохтамыша..., с. 228.

50. Любопытно отметить, что пророк Мухаммед наказывал провинившихся бедуинов отстранением их от набегов, приносящих добычу. (Дози Р. Очерк истории ислама. (Пер. с франц.). СПб., 1904, ч. 1, с. 74). По-видимому, узурпация вождем права распоряжаться такой сферой общественной жизни, как вооруженный разбой, — распространенное явление в мировой истории. (См. Потехин И.И. Военная демократия матабеле, с. 250).

цвета имамата⁴³, они являлись предвестниками малообнадеживающего будущего, когда станут реже удаваться крупные захваты новых территорий, людей, имущества, и большие походы начнут вырождаться в обычные набеги с весьма ограниченным «экономическим» эффектом⁴⁴.

Под воздействием внутреннего развития имамата изменялся характер набеговой системы, в которой ослабевали военно-демократические (военно-грабительские) черты и усиливались военно-феодальные (военно-завоевательные, «имперские») ⁴⁵. Это заметно в новых принципах организации армии (комплектование, управление), ее углубившейся социально-ранговой неоднородности, узаконенной неравномерности распределения добычи, наконец в том, что в подоплеке набегов появились политико-гегемонистские, «панакавказские» мотивы.

Далеко не всеми, а лишь значительными военными вылазками руководил сам Шамиль⁴⁶. В обстановке постоянной войны и серьезных забот об управлении имаматом его попросту физически не хватило бы на все дела. Часто предоставляя наидам самостоятельность в выборе объектов набегов и подходящей тактики, он тем самым, во-первых, поддерживал высокую интенсивность, а значит и доходность системы экспансии, во-вторых, получал возможность присваивать себе честь победы, а ответственность за поражение целиком возлагать на других. Так, вина за сдачу аула Салты (1847 г.) свалилась на Кибит-Магомедов, его младшего брата Муртазали и других наибов, за потерю Гергебиля (1848 г.) пришлось отвечать Даниель-султану, а за неудачи в Табасарани (1851 г.) — Хаджи-Мурату⁴⁷.

Однако лишь приближенные к Шамилю наибы могли, да и то не всегда, совершать разбои по своему усмотрению. При существовавшей централизации власти руководство всеми военными операциями было сосредоточено в руках одного человека — имама, без ведома которого не разрешалось предпринимать крупные экспедиции⁴⁸. В этих условиях право на набег зачастую играло роль своеобразного пожалования, дававшего возможность набрать добычу, установить на захваченных территориях шариат, назначить там наибов, кадиев, сотенных, т. е. «своих людей»⁴⁹. Став единоличным распорядителем в «министерстве набегов», Шамиль овладел еще одним «экономическим» рычагом воздействия на массы⁵⁰.

Благодаря внушительным материальным результатам набегов и целенаправленной социальной политике Шамиля феодализация в имамате набирала темпы, пронизывая все слои общества. Далеко зашедший процесс накопления собственности вел к классовой поляризации в среде узденства. Видные представители новой знати, обогатившиеся в ходе

51. Зиссерман А. История..., т. 2, с. 384. Ср. АКАК, т. 9, с. 881.
52. Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 227; ср. Хаджи-Мурат. Мемуары, с. 23—28, 31—34, 38; Потто В.А. Гаджи-Мурат, с. 176.
53. Клиггер И. Два с половиною года..., с. 972.
54. АКАК, т. 10, с. 527; Хаджи-Мурат. Письма о нем..., с. 671; Потто В.А. Гаджи-Мурат, с. 180; Гаджи-Али. Указ. соч., с. 58, 73—74.
55. См. Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 244—246. Ср. Маские J.M. Op. cit., p. 290—291.
56. Дневник Руновского, с. 1408.
57. Волконский Н. Укрепления Шатоевское и Евдокимовское зимою 1858 и 1859 года. — Кавказ, 1859, № 71; Покровский Н. Мюридизм у власти, с. 53.
58. Волконский Н. 1858 год в Чечне. — КС, 1879, т. 3, с. 567.

Кавказской войны, сосредоточили в своих руках целые состояния. Их личные хозяйства приобретали вполне феодальные масштабы. Оставленное наибом Шуаиб-муллой наследство исчислялось в 4 тыс. баранов, 560 голов рогатого скота и 30 тыс. рублей серебром⁵¹. Огромное количество скота, ценностей, пленных привозил из набегов Хаджи-Мурат, личную собственность которого Мухаммед-Тахир именовал «сокровищами»⁵². Военачальники и администраторы рангом пониже наибов, к примеру, пятисотенные командиры, тоже были богатыми людьми⁵³.

Еще более типичен пример самого Шамиля. Если до 1834 г. его имущество оценивалось в 200 рублей, то позже оно настолько выросло, что, по свидетельству Хаджи-Мурата, трудно было точно определить его размеры. Назывались цифры от 150 тыс. до 1 млн. рублей⁵⁴. Мухаммеда-Тахира приводили в восхищение «драгоценные богатства» имама⁵⁵. Здесь, во избежание упрощений, следует учитывать важный момент. Конечно, утверждение о полном безразличии Шамиля к материальной стороне бытия — всего лишь умилительная легенда, сотворенная его панегиристами. Но она не лишена оснований. Сводить крупного политика к обыкновенному стяжателю нельзя. В раскладе жизненных ценностей Шамиля главное место принадлежало не богатству, которого, кстати, он вовсе не чуждался, а более высокому божеству — власти. Если его наибам с не слишком затейливой личностной и интеллектуальной организацией власть требовалась скорее ради приобретения собственности, то для имама стоял вопрос о самой власти, ее сохранении и упрочении, а как и на что ее употребить — дело второстепенное. Для многих наибов власть была средством, для имама — прежде всего целью «в себе», а уже затем инструментом широкого применения. Не случайно Шамиль подчеркивал, что считает «власть» и «собственность» разными понятиями⁵⁶.

Заняв высокое место на социальной лестнице, новоиспеченные феодалы пытались прочно закрепить его за собой и затем передать по наследству. Так, итум-калинский наиб Альдам домогался «права на благородное происхождение», а его сын — на наследование отцовской должности⁵⁷. Есть основания полагать, что такое наследование превращалось в традицию⁵⁸.

Упрочивавшееся социально-экономическое положение «верхов» знати вселяло в них уверенность в себе и резко повышало их запросы. Достигнутый наибями материальный уровень уже казался неудовлетворительным. Они начинают испытывать неудобства под железной властью имама, которая обеспечивала им быстрое обогащение, но с какого-то момента превратилась в их глазах в сдерживающий фактор

59.

От отчисленной Шамилю доли зависели прочность положения местного администратора и «виды на лучшее будущее». (Клингер И. Два с половиною года..., с. 976).

60.

Пржецлавский П. Несколько слов... — Кавказ, 1863, № 64, с. 404—405.

61.

ШССТАК, с. 281.

62.

Гаджи-Али. Указ. соч., с. 38.

для дальнейшего развития этого процесса. Ведь при централизованной «финансовой» системе приходилось отдавать часть прибыли (добыча, налоги, штрафы и т. д.) в казну Шамиля⁵⁹, подчиняясь государственной дисциплине и в других вопросах. Кроме того, в условиях формировавшейся деспотии благополучие наиба во многом зависело от произвола «монарха», вызванного минутным настроением, доносом, подозрением и т. д. Единственной, но не самой прочной гарантией была личная преданность, веру в которую также могли поколебать случайные обстоятельства. Разбогатевшие наибы очень часто попадали в опалу, а их имущество конфисковывалось Шамилем⁶⁰. Вопреки шариату, он мог отобрать в казну наследство погибшего или умершего наиба, независимо от того, остались ли после него дети или нет⁶¹.

Одним из источников оппозиционности к Шамилю было растущее противоречие между официальной аскетической моралью и тягой высокочиновного слоя к аристократическому образу жизни. Чем больше отрывалась мюридская элита от народа, тем обременительнее становилось для нее благочиние исламского «домостроя». Удовольствие жить по строгому регламенту она уступала «черни».

Почувствовав вкус к власти, наибы осознанно или инстинктивно стремились освободиться из-под «гнета» имамата. Политическое обособление давало им право безраздельного господства в своих наибствах, снимало всякий надзор и ограничения, особенно в том, что касалось их собственности. Для них ослабление зависимости (или полная независимость) от Шамиля означало большую власть и большую свободу злоупотребления ею. Наиbam было беспокойно рядом с Шамилем, утомлявшим их своей подавляющей волевой энергией. Они старались сделать так, чтобы военные походы, в которых приходилось находиться при имаме и повиноваться ему во всем, не затягивались надолго. Подчас они были готовы, даже в ущерб перспективе одержать победу над русскими войсками, создать ситуацию, вынуждавшую Шамиля вернуться в свою резиденцию⁶².

В 40-е гг. среди «новой» знати подспудно вырабатывают сепаратистские тенденции, проявлявшиеся тем заметнее, чем больше усиливались ее социально-экономические позиции и способность к независимому от Шамиля существованию. До поры до времени этот закономерный процесс — предвестник будущей раздробленности, как естественного этапа в развитии феодальной государственности — сдерживался мощными факторами. Речь идет о том, что, вопервых, военно-административный механизм имамата, управлявшийся незаурядным человеком, обеспечивал высокую «рентабельность» Кавказской войны;

63. Хаджи-Мурат. Письма о нем кн. М.С. Воронцова и рассказы кавказцев, 1851—1852 гг. Сообщил А. Зиссерман. — РС, 1881, № 3, с. 670. Ср. Потто В.А. Гаджи-Мурат, с. 177, 179.

64. АКАК, т. 10, с. 347—348, 493. Приложения к статье «1845-й год на Кавказе». — КС, 1882, т. 6, с. 1—3; ДГСВК, с. 488—489.

65. Гаджи-Али. Указ. соч., с. 30.

66. Там же, с. 34; Потто В.А. Гаджи-Мурат, с. 177.

67. Дневник Руновского, с. 1484.

во-вторых, он же охранял собственность и социальные привилегии от посягательств неимущих «низов» общества: нарождавшиеся феодалы еще не имели достаточных сил для такой защиты; в-третьих, авторитет имени Шамиля и страх перед крутым возмездием охлаждали желание фрондировать. Действие этих факторов ослабевает по мере укрепления господствующего класса, а также нарастания военного давления России, приводившего к постепенному, но неуклонному сокращению количества успешных набегов. По свидетельству Хаджи-Мурата, в среде крупнейших представителей новой знати были «сильные враги» Шамиля и «не преданные» ему люди⁶³. В 40-е гг. сепаратисты пока еще робко и тайно прощупывали почву для возможного сговора с русскими властями, в коих они уже предпочитали реальную альтернативу деспотизму Шамиля. Однако прежде чем покинуть имама, нужно было выяснить, что обещает Россия за эту измену, и сторговаться на максимально выгодных для себя условиях. Так, в 1845 г. (уже через год после перехода к Шамилю) и в 1849 г. Даниель-султан пытался вступить в переговоры с Кавказским наместником М. С. Воронцовым по поводу возвращения к русским⁶⁴. Подобные настроения не укрылись от чуткого Шамиля, который решительно пресекал их. Накануне Даргинского сражения (1845 г.) он предупредил наибов: «Если кто-нибудь из вас будет просить меня помириться с русскими, то я убью того или зашью ему рот!». И заставил их дать клятву, что они выйдут на битву⁶⁵.

Ситуация осложнялась и по другой причине. Внутри правящей верхушки имамата издавна шло внешне не всегда видимое политическое соперничество. Со временем оно перерастало в более открытую борьбу за власть, не исключавшую даже конкретные планы «дворцового» переворота⁶⁶. Вопрос стоял не только о законном преемнике Шамиля в неопределенном будущем, но и о том, у кого в настоящем хватит силы, смелости и авторитета, чтобы свергнуть имама или, по крайней мере, подняться как можно ближе к нему в руководящей иерархии. Так как в стремлении к «престолу» выражалась та же тяга к самостоятельности, то нередко узурпаторские и сепаратистские тенденции соединялись в одной личности. Уже в 30-е гг. Кибит-Магома пытался действовать независимо от Шамиля, а Ташов-Хаджи совершенно явно примерялся к имамской чалме. Судя по всему, столь же далеко шли и претензии Даниель-султана, который, как подозревали, не остановился бы перед физическим устранением имама⁶⁷. Централизующееся государство во главе с общепризнанным вождем и превосходным политическим мастером в конце концов заставило их унять свои амбиции. Они покорились Шамилю и стали для него

68.
АКАК, т. 9, с. 340.
69.
См. Книга Асари — Дагестан, с. 140.
70.
Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане. 1847-й год, с. 663—664.
71.
См. Гаджи-Али. Указ. соч., с. 25.
72.
Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане. 1848-й год, с. 612.
73.
Покровский Н. Мюридизм у власти, с. 70; Потто В.А. Гаджи-Мурат, с. 167.
74.
Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 226; ср. Книга Асари — Дагестан, с. 139.
75.
Шульгин С.Н. Предание о шамилевском наибе Хаджи-Мурате. — СМОМПК, Тифлис, 1909, вып. 40, с. 59.

ценными помощниками. Но скрытые трения между имамом и его честолюбивыми вассалами сохранялись, периодически выливаясь в ссоры, после одной из которых Ташов-Хаджи незаметно исчез с исторической сцены⁶⁸. Эту напряженность иногда подпитывал сам Шамиль. Как уже отмечалось, он предпочитал сваливать ответственность за военные поражения на своих соратников. На этой почве однажды возник крупный конфликт с Кибит-Магомой, отчасти спровоцированный тем обстоятельством, что об этом популярном наибе стали поговаривать как об одном из вероятных преемников имама⁶⁹. Узнав о капитуляции аула Салты (1847 г.), Шамиль обрушился на своего приближенного и его младшего брата Муртазали с обвинениями в заговоре и измене, угрожая им смертной казнью. Кибит-Магома спокойно выслушал, сказал в оправдание несколько слов со злобной иронией и, приложив правую руку ко лбу и к сердцу, удалился. На виселицу никого не отправили, но Кибит-Магома, как и участвовавшие в обороне Салты наибы, был разжалован, что вызвало недовольство в наибской среде⁷⁰. Кибит-Магома затаил в душе обиду, которая усугублялась еще и воспоминанием об одном случае, когда в 1843 г. имам, стремясь ободрить мюридов перед сражением, публично устыдил его в трусости⁷¹. В поисках козла отпущения Шамиль предусмотрительно соблюдал очередность. Вину за неудачи 1848 г. он предъявил Даниель-султану, в результате чего между ними произошло резкое объяснение, получившее широкую огласку⁷².

Острый политический подтекст имел конфликт Шамиля с лидером бекского крыла в мюридизме — Хаджи-Муратом, популярность которого в Аварии делала его притязания на имамство достаточно обоснованными⁷³. В течение десяти лет, будучи наибом, он, при поддержке аварцев, добился значительной самостоятельности в управлении ими. От него в казну Шамиля исправно поступала пятая часть добычи, в остальном же он, как проводник влияния имама в важном с военной и политической точки зрения районе, был почти полностью предоставлен самому себе. Дважды в году Хаджи-Мурат совершал дерзкие набеги на богатые поселения, зачастую — вопреки указаниям Шамиля. По словам Мухаммеда-Тахира, «он шел по своему пути и обыкновению в отношении грабежа и похищения»⁷⁴. До поры до времени Шамиль не подавал виду, что это его раздражает. Он по возможности старался не вмешиваться в дела Хаджи-Мурата, ценя в нем незаменимого и необычайно удачливого военачальника⁷⁵. Зная непоседливый нрав своего наиба, Шамиль в порядке привилегий освобождал его от пассивных занятий (осады или обороны укреплений, военно-инженерные работы и т. д.). Однажды, после нескольких неудачных попыток по-

76. Шульгин С.Н. Указ. соч., с. 60—61.
77. Хаджи-Мурат. Мемуары, с. 35; Хаджи-Мурат. Письма о нем..., с. 674; АКАК, т. 10, с. 528; Потто В.А. Гаджи-Мурат, с. 171.
78. Хаджи-Мурат. Мемуары, с. 36; Шульгин С.Н. Указ. соч., с. 67.
79. Шульгин С.Н. Указ. соч., с. 55. Английский историк Л. Блэнч высоко оценивает шансы Хаджи-Мурата свергнуть Шамиля. (Blanch L. Op. cit., p. 276).
80. Хаджи-Мурат. Мемуары, с. 37; Хаджи-Мурат. Письма о нем..., с. 675—676; Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 227; Потто В.А. Гаджи-Мурат, с. 174—175; Шульгин С.Н. Указ. соч., с. 61—62.
81. Хаджи-Мурат. Мемуары, с. 47. В одной из народных песен также звучит мотив сожаления о том, что Шамиль сам лишил себя такой сильной опоры и остался один «в битве кровавой». (Песни народов Дагестана. Л., 1970, с. 77.). И в другом месте: «Ах, если бы жив был Хаджи-Мурат! Живыми враги не ушли бы назад». (Поэзия народов Дагестана. Т. 1, М., 1960, с. 268).
82. Хаджи-Мурат. Письма о нем..., с. 666; Переписка князя М.С.Воронцова с А.П. Ермоловым. 1851—1855. — РА, 1890, № 4, с. 455; Потто В.А. Гаджи-Мурат, с. 187.
83. Потто В.А. Гаджи-Мурат, с. 187.

корить хайдакское общество, Шамилю пришлось возложить эту задачу на Хаджи-Мурата. Занятая хайдаками прочная оборона требовала осады, к которой Хаджи-Мурат поначалу и приступил. Но вскоре это ему наскучило и он принялся опустошать набегами окрестности аула Хайдак, а затем самовольно вернулся в Хунзах⁷⁶. В данном эпизоде независимое поведение Хаджи-Мурата уже явно бросалось в глаза. Шамиль стал терять терпение. Даниель-султан и другие наибы, завидовавшие Хаджи-Мурату, ненавидевшие его, постоянно доносили имаму на строптивного вассала, говорили, что он жаждет имамства и народ на его стороне, предлагали уничтожить его⁷⁷. Но больше, чем эти клеветы, на Шамиля подействовало одно обстоятельство: Хаджи-Мурат осмелился открыто оспаривать решение о передаче титула имама по наследству, заявив, что преемником Шамиля станет тот, у кого острее шашка⁷⁸. Это был вызов самого реального и самого опасного политического противника, «страстного, честолюбивого... искателя достоинства имама», который, «опираясь на громадную популярность своего имени, ... не остановился бы ни перед какими препятствиями... и мечом проложил бы себе дорогу к власти»⁷⁹. Воспользовавшись тем, что генерал Аргутинский разбил Хаджи-Мурата в Кайтаге (июль 1851 г.), Шамиль обвинил своего наиба в трусости (!) и заодно свалил на него вину за собственную неудачу в Гамашах. Между ними произошло резкое объяснение, после чего имам отстранил его от должности. В отместку Хаджи-Мурат объявил Шамилю настоящую войну, в которой подавляющая часть аварцев пошла за своим любимцем. При посредничестве почетных людей Дагестана между враждовавшими сторонами был заключен формальный мир, не устранивший острых разногласий⁸⁰. Переход Хаджи-Мурата к русским (1851 г.) явился большой утратой для Шамиля, с отчаяния признавшего это за несколько дней до того, как он сложил оружие (август 1859 г.): «Если бы я держал» Хаджи-Мурата «как товарища, около себя, — я не был бы заперт теперь на Гунибе»⁸¹. И все же, думается, его смерть по существу сняла груз лишних забот с плеч как имама, так и русских, ибо этот неукротимый человек — «обоюдоострая шпага», по удачному определению М. С. Воронцова, — представлял собой опасное оружие, требовавшее от того, в чьих руках оно находилось, большой осторожности в обращении⁸². По одному из существующих предположений, Хаджи-Мурат бежал от русских, чтобы обратиться к лезгинам, у которых пользовался большим влиянием, и сделаться независимым владетелем⁸³.

Провозглашение сына Шамиля Кази-Мухаммеда наследником «престола», лишавшее соперников имама возможности законного прихода к власти, отозва-

84.
Гаджи-Али. Указ. соч., с. 34.
85.
Там же, с. 70.
86.
Руновский А. Записки..., гл. 5, с. 43.
87.
ШССТАК, с. 282.
88.
Дневник Руновского, с. 1506.
89.
Гаджи-Али. Указ. соч., с. 4,34;
Потто В.А. Гаджи-Мурат, с. 166.
90.
См. Хейзинга Й. Указ. соч., с. 20.
91.
См. Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане. 1848-й год, с. 484;
Дневник Руновского, с. 1524.
92.
Дневник Руновского, с. 1524.
Однажды Шамиль признал свои ошибки в «кадровой политике». (Там же).
93.
См. Гаджи-Али. Указ. соч., с. 22.

лось глухим неодобрительным ропотом в наибской верхушке. Последняя, не осмеливаясь открыто оспаривать это решение, принялась за обработку «общественного мнения» с намерением привлечь его к себе в союзники. В народе пошли разговоры, что Шамиль передает сыну имамство и имамат как фамильное наследство; он думает не о Боге, а о собственном возвышении и обогащении. Некоторые наибы старались развеять ореол святости вокруг Шамиля, дурно истолковывая его поступки⁸⁴. Другая часть знати, напротив, одобряла провозглашение Казимухаммеда политическим наследником имама. Лстья Шамилю похвалой в адрес его сына, она просила поручить все дела Казимухаммеду, чтобы, пользуясь его неопытностью, человеческими слабостями и пороками (особенно алчностью), заполучить в свои руки послушную марионетку, добиться максимальных выгод и самостоятельности⁸⁵. Со временем вокруг него образовалась робкая антишамилевская оппозиция, мечтавшая о замене деспотичного имама-отца удобным имамом-сыном⁸⁶.

Претензии оппозиции публично высказал перебежавший к русским наиб Сулейман-эфенди, который, перечислив нарушенные Шамилем правила шариата, обвинил имама «в похищении не принадлежащей ему власти», поскольку он не «государь из рода государей», не государь божией милостью. Ставя в пример турецкого султана, в важных делах испрашивающего совета и разрешения мусульманских законовевдов, Сулейман-эфенди писал, что Шамиль «старается на плечах ослепленных своих последователей возвысить свою особу», он «собрал себе шайку как проповедник, а усилился строгостями и жестокостями как деспот»⁸⁷. Слабые стороны правления имама и его сыновей обличали в тайных стихах и другие представители высокопоставленного слоя имамата⁸⁸.

Ожесточенная борьба развернулась и между самими конкурентами имама. В ней шли в ход любые средства, в основном взаимные доносы⁸⁹, порожденные такими могучими страстями, как зависть и ненависть, которые в истории всегда составляли важный политический элемент⁹⁰. Шамиль, веривший и правде и клевете, выступал, когда сознательно, а когда и невольно главным орудием в этом соперничестве. По наветам, подчас незаслуженно смещались наибы, попадали в немилость приближенные⁹¹. На их места зачастую приходили малопригодные люди⁹². Политические конкуренты имама ревниво следили друг за другом. Стоило кому-либо из них подняться в глазах Шамиля хотя бы на вершок выше остальных, как он становился объектом клеветы, привычными результатами которой являлись: разжалование, ссылка, конфискация имущества, а то и казнь⁹³. В послании к Шамилю (24 марта 1846 г.) Даниель-

94.
ДГСВК, с. 503.

95.
Там же.

96.
Там же, с. 587.

97.
Руновский А. Кодекс..., с. 349;
Dulaurier Éd. La Russie ... —
RDM, 1861, t. 33, p. 321.

98.
Пржецлавский П. Несколько
слов... — Кавказ, 1863, № 62,
с. 393.

99.
Дневник Руновского, с. 1457—
1458, 1460; ДГСВК, с. 531.
Подобные злоупотребления
имам обещал беспощадно пре-
секать увольнением с долж-
ности и отрезанием носа.
(Там же, с. 560).

100.
Пржецлавский П. Несколько
слов... — Кавказ, 1863, № 64,
с. 404; Дневник Руновского,
с. 1524.

султан писал, что «ложь стала общим явлением и клеветничество распространено среди избранных и черни», замечая с явным оттенком упрека: «А как же иначе, раз обманщик оправдан, а благонадежный признан вероломным обманщиком...»⁹⁴ Он сетовал, что окружающие его люди ненавидят друг друга и готовы превратить каждого «в мишень для клеветы». Даниель-султан призывал Шамиля не спешить с наказаниями (поспешность — не в обычаях «подобных тебе благородных людей»), а сверяться в своих поступках с аллахом, который говорил: «...Если к тебе явится порочный человек с сообщением, требуй доказательств и выяснений»⁹⁵. Эту же тему Даниель-султан поднимает в письме к алимам аула Согратль (1848 г.), укоряя их за наговоры на него, указывая, что некоторые наибы питают вражду к нему и доби-ваются имамства⁹⁶.

Наушническое состязание, поощряемое Шамилем, не давало его участникам ни перспектив достижения власти, ни надежных гарантий сохранения того, что они имели. Кажущаяся победа в этой схватке могла быть лишь временной: сначала Шамиль расправлялся с тем, на кого доносили, а следом — по сигналу нового информатора — с тем, кто доносил, и так далее. Обстановка, когда претенденты на имамство сами устраняли друг друга, естественно, мешала созданию единой оппозиции.

Широко распространившийся среди наибов стяжательский дух усугублял распри между ними, в которых с развитием имамата обнаруживалось все больше сходства с удельно-феодальными усобицами. Нередко предоставлявшаяся наибам самостоятельность в набегах и в управлении вверенными территориями вводила их в сильное искушение использовать свое положение для собственного обогащения. Допускались злоупотребления при распределении добычи, разверстке налогов, взимании штрафов, судебных разбирательствах. Каждый наиб толковал шариат и Низам Шамиля в выгодном для себя свете. Обращалось в статьи доходов все, вплоть до брачных дел⁹⁷. Возможность тайно откупиться от военной службы также была превращена наибями в товар для зажиточных горцев⁹⁸. За взятку преступник освобождался от наказания⁹⁹. Наибы искали случая оклеветать богатых людей, чтобы отправить их на казнь и завладеть их собственностью. Наибская должность открывала захватывающие материальные перспективы. Не случайно, что добившийся ее человек очень быстро богател¹⁰⁰. Подлинные или мнимые преступления одних превращались для других в реальный источник наживы путем конфискации и вымогательств. Принимавший конкретную экономическую подоплеку принцип «чем больше нарушений закона, тем выгоднее представителям власти» породил практику фальсифи-

101.

Пржецлавский П.Г. Дагестан, его нравы и обычаи. — ВЕ, 1867, т. 3, № 9, с. 146, 183.

102.

Потто В.А. Гаджи-Мурат, с. 179.

103.

Руновский А. Взгляд на сословные права и на взаимные отношения сословий в Дагестане. — ВС, 1862, т. 26, ч. 2, с. 397.

104.

Дневник Руновского, с. 1524. Жестокость Кибит-Магомы была общеизвестна. (Хашаев Х.-М. Указ. соч., с. 50).

105.

Руновский А. Взгляд..., с. 380.

106.

См. АКАК, т. 12, с. 1165.

107.

Quandour M.I. Op. cit., p. 228.

108.

См. Шахермайр Ф. Указ. соч., с. 76—77.

109.

ДГСВК, с. 587. Русский историк-публицист И.Иванин заметил, что проповедники мюридизма превратились «понемногу в избалованных властью деспотов-правителей». (Иванин И. Указ. соч., с. 125—126).

110.

См. Дневник Руновского, с. 1443.

111.

Пржецлавский П. Несколько слов... — Кавказ, 1863, № 64, с. 404; Дневник Руновского, с. 1524. Русский парламентар Грамов, побывавший в имамате с важным дипломатическим поручением, воочию убедился в том, что почти все приближенные Шамиля — «страшные взяточники», и не жалел денег и подарков для их подкупа. (Вердеревский Е. Указ. соч., с. 318—320).

112.

Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане. 1847-й год, с. 491—492. Такую же картину мы наблюдаем в другом переходном обществе — Арабском халифате VII в., правящую верхушку которого, включая халифа, поразила стяжательская лихорадка в ее обычных проявлениях: раздача и продажа sineкур, незаконное присвоение земель и рабов, расхище-

цирования обвинений¹⁰¹. По свидетельству Хаджи-Мурата, наибы фактически распоряжались и достоинством и жизнью своих подчиненных¹⁰². Масштабами произвола они не отличались от прежних дагестанских владетелей¹⁰³. Даже такие, как Кибит-Магома с репутацией очень умного и справедливого начальника, действовали с «нечеловеческой жестокостью и не всегда беспристрастно»¹⁰⁴. Для новых администраторов была характерна политическая психология восточных властителей, которые полагали, что не они существуют для своих подданных, а подданные созданы для удовлетворения их прихотей¹⁰⁵. Подобные представления фактически упраздняли права собственника, ставя его в полную зависимость от власти предрежащей¹⁰⁶. Достигая значительной независимости внутри своих наибств, наибы уподоблялись «маленьким имамам»¹⁰⁷. «Большому» имаму они подражали не столько в мудрости — не хватало дарований, — сколько в деспотизме. Подобно сатрапам персидских царей империи Ахеменидов они стремились превратить вверенные им области в родовые уделы, наследственные и независимые¹⁰⁸. Даниель-султан писал о набах: «Добившись власти, они стали роскошно жить. Опустили занавеси на дверях, укрывая за ними угнетение людей. ...Они день и ночь накопляли богатства. Теперь же они во всем похожи на самых великих эмиров»¹⁰⁹. В военно-административном аппарате наибств со временем сложилась система круговой поруки и связанный с ней порядок замещения должностей по признаку родства или личного доверия¹¹⁰. Такая «мафиозная» корпоративность укрепляла социально-политическое положение наивов, усиливала дух сепаратизма.

Коррупция — неразлучная спутница власти — пропитала всю бюрократическую структуру. Советники Шамиля за различные услуги получали взятки от наивов, а те в свою очередь — от подчиненных¹¹¹. Разумеется, мзда формировалась из средств, большей частью добытых путем несправедливого распределения материальных ценностей в обществе, путем обирания населения. Неумная жажда роскоши охватила всю руководящую олигархию, для которой толпа была лишь материалом для корыстолюбивой политики¹¹². Противозаконными действиями грешили даже сыновья имама¹¹³, а его жена Зейдат, через наивов, буквально разоряла население различными поборами¹¹⁴. Некогда аскетически-благочестивая

ние казны, взяточничество, усиление податного гнета и т. д. (Беляев Е.А. Указ. соч., с. 155—157, 241; Мюллер А. Указ. соч., т. 1, кн. 1, с. 328).

113.

Гаджи-Али. Указ. соч., с. 34—

35; Шамиль и Чечня, с. 142—143.

114.

Дневник Руновского, с. 1449. Зейдат была очень алчной женщиной. (Пржецлавский П.Г. Шамиль в Калуге. —

РС, 1877, т. 20, октябрь, с. 263;
РС, 1877, т. 20, ноябрь, с. 476).

115.

Sarkisyanz E. Geschichte ...,
S. 136.

116.

Ibid., S. 137; Lapinski Th. Op.
cit., Bd. 1, S. 10. Подобная
ценностная переориентация
происходила с мусульманами
на заре ислама. (См. Кры-
лев И.А. Указ. соч., т. 2, с. 99).
Характеризуя ее, И. Гольдциэр
писал: «...Вызывают чувство
глубокого изумления описания,
относящиеся еще только к
третьему десятилетию ислама,
громдных богатств, собранных
благочестивыми воинами
(в виде военной добычи —
ред.) и богомольцами, больших
пространств земли, доставших-
ся им в собственность, роскош-
ных домов, возводимых ими
на родине и в покоренных
странах, и той пышности, ко-
торой они себя окружали».
(Гольдциэр И. Лекции об исла-
ме, с. 127). «Не-легкий багаж
для рая!» (Там же, с. 128).
«Классы, в руки которых по-
падали эти мирские блага, хо-
тели использовать их, чтобы
наслаждаться миром. У них
не было желаний исключи-
тельно «копить сокровища на
небесах». (Там же, с. 130).

117.

Вебер М. Избранные произве-
дения, с. 702—703.

118.

Подчас А. Руновский, врезав
им же самим приводимым
фактам, утверждает, что Ша-
милъ «очень мало знал из то-
го, что делалось внутри стра-
ны». (Дневник Руновского,
с. 1453; см. также с. 1476).
Кстати сказать: легенда о бла-
женном неведении вождя, когда
речь идет о творимых его име-
нем преступлениях, вообще
очень популярна в культово-
политическом мифотворчестве.
Один из тех, кто разрушает
ее — Э. Канетти, — пишет,
что в окружении властителя
всегда есть люди, которым
многое позволено, пока они
служат ему, безоговорочно
принимая все его решения.
Более того — ему даже необ-
ходимы слабости приближен-
ных. И не только для того,
чтобы долго не искать повод
к их устранению, если он по-

мюридистская элита быстро освоилась с положением
новых хозяев жизни, переняв у «старых» феодалов
все их родовые социальные пороки¹¹⁵. Те тленные
блага земного мира, которые раньше презирались
мюридами во имя райского царства на небесах, те-
перь, с охлаждением религиозного пыла, возымели
для них огромную притягательную силу¹¹⁶. Хотя ко-
лесо шариатской нравоучительной пропаганды про-
должало вращаться с прежней или даже большей
скоростью, это была уже не столько молодая револю-
ционная идеология, воодушевляющая на великие
дела, сколько повседневная рутина, служившая для
человека из «верхов» моральным оправданием перед
собой и другими далеко не богоугодных устремле-
ний — жажды богатства, власти, мести, победы над
врагом, славы и т. д. (Подобное, часто бессознатель-
ное замещение подлинных, «неблагопристойных» мо-
тивов «высоконравственными», утоляющее потреб-
ность в чувстве своей правоты, именуется социальны-
ми психологами процессом рационализации или
этической легитимацией.) После всякой революции с
ее неистовым и кровавым «творчеством» масс, эмо-
циональным возбуждением, романтическим фанатиз-
мом, пророками или лжепророками жизнь неизменно
возвращается в свои обывательские берега. От борь-
бы за высокие революционные идеалы, transforma-
тельной лихорадки и пылких забот о чистоте веры
хочет отдохнуть и «аппарат» вождя, в котором проис-
ходит опрошение, образно названное Максом Вебе-
ром «духовной пролетаризацией». Поэтому достиг-
шая господства свита борца за веру особенно легко
вырождается обычно в совершенно заурядный слой
обладателей теплых мест¹¹⁷. Конечно, помимо алч-
ного азарта, крупных представителей «новой» знати
имамата обуревала другая пронзительная страсть —
«пафос власти», и чем примитивнее был человек, тем
легче он становился жертвой этой слабости, тем ка-
рикатурнее она выпячивалась. Иными словами, про-
исходило обычное моральное разложение господст-
вующей верхушки, углублявшееся по мере ослабле-
ния контроля со стороны центра. Должностной про-
извол высших чинов в 40-е гг. резко ускорял клас-
совую поляризацию на основе имущественного
неравенства, провоцировал народное возмущение.

Шамилъ был хорошо осведомлен о самоуправстве
наибов, но держал эту информацию при себе до тех
пор, пока они сохраняли верность ему¹¹⁸. При первых
признаках оппозиционности он всегда имел удобный
предлог для расправы: неугодного имаму человека
осуждали (часто казнили) за беззакония, его иму-
щество передавалось в казну ко всеобщему ликова-
нию народа. Устраняя политического противника,
Шамилъ заодно представал перед народом в образе
строгого и справедливого судьи, карающего обидчи-

надобится: вождю нужно полное моральное превосходство и статус сверхчеловека, поднимающий его над обыденностью. Одержимость этим стремлением атрофирует душевную мускулатуру, лишает способности хотя бы имитировать земные чувства. Вождь презирает людские слабости и прегрешения, но терпит и прощает их. Чего он не выносит, так это святости, видя в ней покусение на свою исключительность. (См. Канетти Э. Указ. соч., с. 81—83).

119.

См. Шамиль и Чечня, с. 135—136.

120.

Руновский А. Кодекс Шамиля, с. 370. В свете этого мнения Шамиля и реальной картины происходившего в имамате требование «Низама» «удерживать себя и сослуживцев своих от взяточничества», которое «есть причина разрушения государства и порядка», предстает скорее благим упованием. (Низам Шамиля. — ССКГ, 1870, вып. 3, с. 9).

121.

Quandour M.I. Op. cit., p. 227.

122.

Пржецлавский П. Несколько слов... — Кавказ, с. 1863, № 64, с. 404; Потто В.А. Гаджи-Мурат, с. 179.

123.

Дневник Руновского, с. 1468; ср. Хроника Мухаммеда-Техира..., с. 152.

124.

ШССТАК, с. 237; ДГСВК, с. 429.

125.

Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане. 1847-й год, с. 496.

126.

Там же, с. 492—493, 500; ШССТАК, с. 239, 260.

127.

АКАК, т. 10, с. 326. Население новообразованных аулов быстро росло. Горцев привлекала туда возможность вести торговлю с русскими и за счет нее удовлетворять свои потребности. Между обитателями этих аулов и гарнизонами русских крепостей устанавливались добрососедские отношения. (Иванов С. О сближении горцев с русскими на Кавка-

ков бедноты¹¹⁹. Вместе с тем лихоимство в чиновной среде имам считал неизбежным злом, а эффективную борьбу с ним — невозможной, поскольку ужесточение контроля над административным аппаратом приводит только к новым ухищрениям и поборам, от которых население страдает еще больше¹²⁰. Шамилю становилось все труднее находить толковых и относительно честных наместников¹²¹. Поэтому на проделки наибов он часто смотрел сквозь пальцы¹²².

Утверждавшийся в горах социальный порядок, принесший узденской массе притеснения, ассоциировался в ее сознании с новым религиозным учением, казавшимся причиной всех бедствий. Поэтому протест против феодального гнета часто облекался в антишариатскую и антимиридистскую форму. Например, чеченцы-тадбуртинцы, выгнав поставленного над ними наиба, бросили Шамилю настоящий вызов: «Приди — писали они, — и возьми свой шариат, мы его в мешок уложили»¹²³. Социальное раздражение чувствовалось среди аварцев, андийцев, койсубулинцев, шубутовцев, дидойцев¹²⁴. Обычным явлением становилось убийство мюридов¹²⁵.

В поисках защиты от ненасытной знати, за которой стоял созданный имамом мощный аппарат насилия, беднейшие слои населения постепенно приходят к мысли обратиться за помощью к русским властям. Последние охотно предоставляли ее, когда была возможность¹²⁶. На этой основе, несмотря на политические ошибки России, формировалась прорусская ориентация — процесс, протекавший по многим причинам неровно, но с тенденцией к устойчивости. В ноябре 1849 г. Воронцов сообщал Чернышеву, что «в последние три года образовались целые новые и многочисленные аулы из выходцев из гор: на Сунже, на Тереке, на передовой Чеченской линии, на Кумыкской плоскости и по Сулаку в Дагестане. Выгоды, которыми наслаждаются эти переселенцы, без сомнения, побудят еще большее число единоплеменников последовать их примеру»¹²⁷. Выйти к русским для «более покойной и достаточной жизни» готовы были даже ближайшие родственники высокопоставленных администраторов имамата¹²⁸.

Шамиль противопоставил этому процессу карательные экспедиции, опустошавшие аулы, уносившие жизни, сеявшие страх¹²⁹. «Знайте, — обращался он к непокорным, — что я не буду щадить кровь и состояние ваше и направляю на вас моих наибов, потому что

зе. — ВС, 1859, т. 7, с. 542—544).

128.

Клингер И. Два с половиною года..., с. 972—973.

129.

Кавказ, 1866, № 23; Рунов-

ский А. Кодекс Шамиля, с. 340; Шамиль и Чечня, с. 134; Зиссерман А. История..., т. 2, с. 386—387; Koch K. Reise in Grusien ..., S. 444—445.

130.

Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане. 1847-й год, с. 668; ср. АКАК, т. 10, с. 468; ДГСВК, с. 561.

131.

Reboul Ch. La forterresse de Vnézapné. Scènes de la Guerre du Caucase. — RDM, 1853, t. 2, p. 336.

132.

Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 185; Дельвиг Н. Воспоминание об экспедиции в Дарго. — ВС, 1864, т. 38, № 7, с. 201. Уже после пленения Шамиль говорил приставу А. Руновскому, что считает такое наказание «самым надежным средством», советуя русским перенять его опыт. (Дневник Руновского, с. 1446).

133.

Хроника Мухаммеда-Тахира... с. 219.

134.

Низам Шамиля. — ССКГ, 1870, вып. 3, с. 8—9.

135.

ДГСВК, с. 561.

136.

Там же, с. 374.

вы — помощники, путеводители и крылья неверных... Открывая вам это, предоставляю на волю каждого — быть правоверным или неверным. Да оповестит о сем сведущий несведущего!»¹³⁰. Шамиль исповедовал принцип: друзья наших врагов — наши враги¹³¹. Угрозы подкреплялись кровавыми экзекуциями: тем, кто общался с русскими, отрубали головы, которые надевались на колья и с пояснительными надписями выставлялись на видном месте в назидание другим¹³². Жестоко пресекались пораженческие настроения среди горцев¹³³. Наиб, проявивший недостаточную строгость к народу, «клонящемуся к нарушению порядка в делах необходимых» (т. е. в борьбе против русских), понижался в должности¹³⁴.

Однако Шамиль, осознавая, что одни устрашения и казни не всегда эффективны, сочетал их с уговорами и посулами. Образец риторики в стиле «кнута и пряника» можно найти в его послании к жителям непокорного аула Чох (1847 г.): «Вот я пишу вам второй раз мои наставления и увещания, зову вас к повиновению благому, если вы примете их и будете повиноваться, то вас ожидает пощада и спокойствие. На земле вы будете пользоваться нашим благословением и земным счастьем, на небесах же вас будет ожидать вечное блаженство. Если же нет, то мы хлынем на вас с неожиданным вами числом войск, разорим ваши дома, обрушим на вас все ужасы, поставим ваше селение вверх дном, и вас постигнет ужасное мучение. Тогда не пеняйте на нас: воля в руках ваших. Мир тем, которые держатся истины»¹³⁵.

Сторонников ориентации на Россию отпугивало то обстоятельство, что у них не было надежной гарантии от наказаний Шамиля за связь с гяурами. Они находились в безопасности лишь в присутствии русской армии, которое, в условиях ее постоянных передвижений, длилось недолго. Стоило русским силам покинуть данный аул или, по окончании военного сезона, удалиться, как обычно, на опорные базы, как тут же являлся Шамиль и жестоко расправлялся с «крыльями неверных».

Строго запретив горцам всякие сношения с врагом, имам, будучи рационалистом, делал исключения из этого правила. Так, он разрешил жителям с. Инквалито продавать русским дрова и другие товары с условием, что вырученные деньги будут отсылаться к нему. В противном случае Шамиль угрожал им полным разорением¹³⁶.

В некоторых районах социальный протест рядового узденства был настолько велик, что имаму приходилось поселять там специальных лиц — мухаджиров, призванных пресекать всякое недовольство. Эта мера, являвшаяся еще и своеобразной формой захвата и раздачи общинных земель приверженцам Шамиля, способствовала упрочению социально-экономических

137.

См. Тарханов Д. О мухаджирах в Зандаковском наибстве. — ТВ, 1868, № 15. Наряду с насильственными способами приобретения земли, также применялись купля и аренда. (Иваненков Н.С. Указ. соч., с. 65).

138.

Зиссерман А. История..., т. 2, с. 465—466; Клиnger И. Нечто о Чечне. Заметки о виденном, слышанном и узнанном во время плена у чеченцев с 24 июля 1847 по 1 января 1850. — Кавказ, 1856, № 97, с. 390.

139.

Руновский А. Кодекс Шамиля, с. 341.

140.

ШССТАК, с. 281.

141.

Там же, с. 234.

142.

Там же, с. 236.

143.

Там же, с. 238—239.

144.

Wagner Fr. and Bodenstedt Fr. Op. cit., p. 71; Wagner Fr. Schamyl and Circassia, p. 80.

145.

ДГСВК, с. 561—562.

146.

См. АКАК, т. 10, с. 362.

позиций господствующего класса, приобретавшего черты «поместно-служилого» сословия¹³⁷. Через мюридов-соглядатаев имам бдительно следил за происходившим в Чечне. Он несколько раз собирал чеченских наивов в своей резиденции Ведено, отчитывал их за пассивность, требовал новых присяг и аманатов¹³⁸. На усмирение непокорных Шамиль посылал специальные экзекуционные войска, содержавшиеся за счет наказуемых. Помимо прямого предназначения, у этих операций было и другое — служить материальным подспорьем для бедных воинов¹³⁹. Зачастую карательные экспедиции мало чем отличались от набегов, будучи одновременно и средством наказания и источником добычи, пленников¹⁴⁰. Когда общества Анкратля выказали неповиновение своему наibu, им пригрозили «страшными войсками», «которые давно ищут случая грабить имущества и разорить дома»¹⁴¹. В конце 1844 г. партии мюридов, посланные против жителей Аракан, не подчинявшихся приказам Шамиля, натолкнулись на сильное сопротивление, но им удалось захватить имущество араканцев¹⁴². Другие аулы также давали вооруженный отпор экзекуционным войскам¹⁴³. В ряде мест господство Шамиля держалось скорее на страхе, чем на преданности¹⁴⁴.

Эта политика вызвала резкую критику со стороны влиятельной части духовенства в не подвластных имаму районах. Акушинский кадий Магомед писал Шамилю в 1847 г.: «Ты творишь наибезобразнейшие из безобразных вещей, ты проявил самые плохие стороны по пути ислама, ты создал в Дагестане бойню... Ты разрешаешь убивать мусульман, проливать мусульманскую кровь, грабить их имущество, какие вещи до сих пор запрещались... Тебе самому хорошо видно, что беспорядки в Дагестане, война и вражда, являются результатом твоих распоряжений»¹⁴⁵.

Процесс формирования прорусской ориентации и антишамилевских тенденций шел очень сложно и противоречиво. Далеко не всегда и не везде его стимулировали «низы» общества, а противодействовали «верхи». Все зависело от конкретной ситуации. Так, в Малой Чечне в середине 40-х гг. эта конкретная ситуация выглядела следующим образом: зажиточная часть населения, беспокоившаяся о сохранности своего имущества в условиях опустошительной войны, готова была покориться России, как силе, способной, в отличие от Шамиля, гарантировать достигнутый материальный уровень. Ей противостоял беднейший слой, надеявшийся найти в набегах средства к существованию и поэтому поддерживавший Шамиля. Причем, пока военный успех сопутствовал имаму, общественное влияние неимущих чеченцев было сильнее¹⁴⁶. В других районах Дагестана и Чечни обстановка могла складываться совершенно иначе, но

147.
Руновский А. Кодекс Шамиля, с. 343—344; Дневник Руновского, с. 1476.
148.
ДГСВК, с. 492.
149.
Там же, с. 498, 502.
150.
Там же, с. 499.
151.
Низам Шамиля. — ССКГ, 1870, вып. 3, с. 10.
152.
Покровский Н. Мюридизм у власти, с. 50.
153.
Низам Шамиля, с. 15.

однозначно — нигде. Какой бы хаотичной она ни казалась, усугублявшиеся различия в политической ориентации состоятельных и бедных горцев (в данном случае неважно — кто чего придерживался) свидетельствовали о том, что союз между «низами» и «верхами», образовавшийся под эгидой Шамиля на основе взаимных материальных интересов в набегах, стал разваливаться.

Классовая политика имама не исключала его заботы о внешних приличиях в общественной жизни. Отвлеченные шариатские идеи о равенстве и справедливости требовали хотя бы показного соблюдения. Имам должен был воплощать не только могущество, но и эти извечно притягательные для угнетенных понятия, если он хотел удержать духовную власть над народом. В стремлении выглядеть свято чтящим закон правителем, Шамиль публично выговаривал наibaм, наказывал их за чрезмерные злоупотребления, а кадиев — за несправедливые суды, самолично разбирая наиболее серьезные преступления, принимал просителей и жалобщиков, вступался за обиженных и оделял нищих. Хотя такие широкие жесты принципиально ничего не меняли в феодальном развитии имамата, нужно признать, что они действовали на людей. Так, закон, формально уравнивавший богатых и бедных в вопросе об ответственности за тяжкие уголовные преступления, снискал имаму широкую популярность, послужил, по его собственным словам, фундаментом его могущества¹⁴⁷. В письме к жителям Аракан (21 октября 1845 г.) Шамиль сообщает, что назначает к ним наibaм Ибрагима — «благонадежного и несомненно справедливого человека», который «не различает между богатыми и бедными»¹⁴⁸. (Вероятно, в кадровом резерве имамата были и такие люди.) Имам требовал выдавать нуждающимся беженцам пособие¹⁴⁹. Он запрещал кадиям принимать подарки, нанимать работников без их согласия¹⁵⁰.

Четырнадцатой главой «Низама» Шамиля было формально запрещено «вручать одному лицу две должности (судебную и военную — *ред.*), для того, чтобы устранить всякое сомнение народа относительно наiba и пресечь всякие дурные и подозрительные помышления о нем»¹⁵¹. Правда, на деле это положение, как и многие другие законы, не соблюдалось: наiba практически обладали всей полнотой власти на местах¹⁵². Шамиль призывал свою администрацию «взвешивать все поступки свои на весах шариата и не идти путем эмиров» (т. е. путем дагестанской феодальной знати), «оставить взаимную зависть, притеснения и быть рукою один другого»¹⁵³.

Когда произвол военно-административной верхушки вырос до таких размеров, что стал угрожать всеобщим возмущением и подрывом доверия к Шамилю,

154.
ДГСВК, с. 601—602.

155.
Угроза непосредственной опоры на народную стихию часто служила для монархов главным козырем против оппозиции. Один из ярких примеров — Иван Грозный. (См. Альшиц Д.Н. Указ. соч., с. 118).

156.
Зиссерман А.Л. История..., т. 3, с. 302.

157.
См. Шамиль и Чечня, с. 135—136.

158.
Там же, с. 137.

159.
Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане. 1847-й год, с. 664, 668. По-настоящему вождь никогда не прощает. Всякое сомнительное, а тем более явно враждебное действие навсегда остается в его памяти, великолепно устроенной для хранения такого рода информации. Его прощение не имеет ничего общего с великодушием. Оно даруется только в интересах власти и только для видимости. (Канетти Э. Указ. соч., с. 442—443).

160.
Blanch L. Op. cit., p. 231.

имам выступил с письменным обращением к населению, в котором, перечислив противозаконные действия «новой» знати (наибов, муфтиев, кадиев, старшин, сотников), заявил о своей непричастности к злу и насилиям, совершаемым его именем¹⁵⁴. Этим смелым и неожиданным шагом умный политик преследовал двоякую цель: отмежеваться от грехов обнаглевшей бюрократии и предупредить фронду, что против нее у него есть опасное оружие — народ¹⁵⁵. Часть этой задачи была на время решена. Шамиль суров, но праведен, в нем можно найти защиту от бесчинств наибов и знати, извращающих его волю — так думали пока еще многие, особенно жители недоступных ущелий Главного хребта, не ощущавшие тисков железной власти имама, Издали он казался бескорыстным борцом за чистоту веры и свободу¹⁵⁶. Именно таким рисовало Шамиля народное воображение, всегда и везде проникнутое надеждой на лучшее. Мало кто догадывался, что репрессии против наибов были скорее средством искоренения оппозиции в среде господствующего класса, чем справедливым возмездием за причиненные людям страдания¹⁵⁷. Вместе с тем у представителей зажиточной знати нередко имелась возможность уйти от наказания суда имама путем подкупа высших должностных лиц, от которых зависело исполнение приговора¹⁵⁸.

Усложнявшаяся внутриполитическая обстановка заставляла имама мобилизовать весь свой ум и способности. В борьбе с сепаратистскими и заговорщицкими настроениями были необходимы не только меры строгости, но и гибкость. После ссоры с Кибит-Магомой Шамиль, быстро сообразив, что перегнул палку, вернул ему наибское звание и всячески старался загладить свою вину¹⁵⁹. Хаджи-Мурата и Даниель-султана, перешедших на сторону мюридизма, имам принял с почестями, назначил их на высшие должности и даже не вспоминал об их службе у гяуров. Как заметила английский историк Л. Блэнч, имам умел обуздывать собственные чувства, когда дело касалось упрочения мюридизма¹⁶⁰. Вообще у Шамиля был весьма разборчивый вкус к средствам сдерживания своих соперников. Он понимал: то, что успешно применимо против одного человека, может дать обратные результаты в борьбе с другим; многое тут зависело от политического калибра противника и, конечно, от его личности. Чем проще были жизненные устремления и амбиции наиба, чем больше элементарная страсть к наживе превалировала в нем над другими страстями, тем меньше опасности он представлял. Имам проводил четкие различия между представителями правящей верхушки. С теми зарвавшимися в своем мелком фрондерстве «вельможами», которых Шамиль самолично поднял «из грязи» и которые всецело зависели от него, он особенно не цер-

161.

Этим обычным для власти
предержащей приемом широко
пользовался и Иван Грозный.
(Альшиц Д.Н. Указ. соч.,
с. 117).

162.

См. Книга Асари — Дагестан,
с. 159—160.

монился: разжалование, ссылка или казнь с конфискацией имущества. Здесь почти не было риска. Подвергнутый суровому наказанию имел, как правило, единственную опору — самого имама; у его «собратьев» по оппозиции эта расправа вызывала смешанные чувства тайной радости от того факта, что устранялся еще один «многообещающий» конкурент за власть, и страха от угрожающего намека, что очередь дойдет и до других, если они не образумятся. В этой пугливой реакции отсутствовало самое нежелательное для Шамиля — готовность к единым решительным действиям против него. О народе нечего и говорить: всякая строгая мера в отношении набов-кровопийц или других высоких чиновников воспринималась с восторгом, укрепляла веру в справедливого имама.

Гораздо бо́льшая опасность исходила от тех, кто присоединился к Шамилю уже будучи маститыми политическими фигурами. Они пришли к нему не с пустыми руками. За счет территорий, находившихся в сфере их влияния, заметно раздвинулись границы имамата, выросло его население, обогатилась казна. От Хаджи-Мурата Шамиль получил Аварию, от Кибит-Магомы — Андалял (с центром в с. Тилитль), от Даниель-султана — елисуйские земли. Эти вожаки самостоятельно возвысились в своих родных обществах, завоевали авторитет и поддержку. Этим они не были обязаны имаму. Независимые пути, которыми они пришли в Кавказскую войну, делали их серьезными соперниками Шамиля, а яркие индивидуальные качества — бесценными помощниками. Шамиль нуждался в них, а они нуждались в нем. Он стремился сохранять равновесие этого противоречивого союза и имел на то веские причины. Грубый разрыв с Хаджи-Муратом или Кибит-Магомой или Даниель-султаном мог побудить любого из них отделиться от имамата со своим «вкладом-вотчиной». Такая нежелательная перспектива ослабления государства обязывала имама придерживаться осторожного стиля общения с этими лидерами, что, однако, не исключало резких объяснений, упреков, обид.

Вместе с тем он проводил курс на раскол оппозиций всех уровней, искусно подогревая раздоры между ее участниками¹⁶¹. Что касается инакомыслящей части мусульманской «интеллигенции», то она, не имея реальных средств власти, тем не менее представляла опасность своим нравственным влиянием в народе, способностью сеять «смуту» в умах. В отношении ее Шамиль был строг, но осторожен. Когда известный в Дагестане ученый и поэт Мирза Алиэфенди Ахтинский сочинил стихи, порицавшие имама, последний продержал его год под арестом, но казнить не решился, чтобы не делать из своего оппонента мученика¹⁶². В то же время благонадежных

163.
См. ДГСВК, с. 558.
164.
Эсадзе С. Штурм Гуниба...,
с. 145.
165.
ВЭ, т. 11, с. 235.
166.
См. Koch K. Reise in Grusien ...,
S. 459—462.
167.
Зиссерман А. История..., т. 2,
с. 387; 466—467; Koch K.
Reise in Grusien ..., S. 466.

мусульманских богословов он «оставлял в спокойствии», освобождал их (и их близких) от повинностей, чтобы не мешать «преподаванию науки»¹⁶³.

Для обуздания сепаратизма и беззакония Шамиль систематически производил чистку руководящего аппарата. Однако это мало что давало: каждый новый наиб, обогатившись, рано или поздно тяготел к обособлению, как и его смещенный предшественник. Жесткие меры не могли иметь долговременного эффекта, поскольку начинался закономерный процесс феодального раздробления государства.

Военно-стратегическая ситуация на Северо-Восточном Кавказе в 1844—1849 гг. была не главным, но существенным фактором в развитии имамата. От соотношения сил Шамиля и России, от того, кто из них успешнее действовал против неприятеля, зависели масштабы, интенсивность и прибыльность набеговой системы, которая наталкивалась на единственное крупное препятствие — русскую армию.

Николай I не понимал, почему его войска так долго воеют с Шамилем, да еще терпят поражения. Полагая, что дело в их численной недостаточности, царь, укрепляя сердце, разрешил в 1844 г. послать в Дагестан подкрепления (5-й корпус генерала Лидерса). За это он потребовал от Нейдгардта сокрушительным ударом уничтожить власть Шамиля и закрепиться в важнейших горных пунктах¹⁶⁴.

В русских войсках произошла реорганизация. Были созданы пять отрядов: Чеченский (ген. Гурко), Дагестанский (ген. Лидерс), Самурский (ген. князь Аргутинский-Долгоруков), Лезгинский (ген. Шварц), Назрановский (полк Нестеров). Первые три отряда предназначались для наступления на Центральный Дагестан: с севера — от крепости Внезапная, с востока — от Темир-Хан-Шуры, с юга — от реки Самур. Четвертому отряду, базировавшемуся в Джаро-Белоканах, предстояло действовать в лезгинских районах, а пятому — наблюдать за Малой Чечней, не допуская соединения ее жителей с Шамилем¹⁶⁵.

Однако кампания 1844 г. не принесла желаемых результатов. Шамиль, умело маневрируя, уступая стратегически слабые позиции, принимая бой лишь в выгодной для себя обстановке, отошел в глубь горной Аварии, куда Нейдгардт наступать не решился. Русские войска вернулись на свои базы, господство имамата осталось непоколебленным¹⁶⁶. В конце 1844 — начале 1845 годов горцы не прекращали набегов, прорываясь даже в отдаленные районы (Кизляр) и благополучно возвращаясь с добычей. В апреле 1845 г. 8-тысячный отряд мюридов на глазах у застигнутого врасплох русского гарнизона укреплений Умахан-юрт ограбил два близлежащих аула¹⁶⁷.

Николай I, недовольный осторожными действиями

168.

См. Бобровский П.О. Указ. соч., с. 8; Дубровин Н.Ф. Обзор войн... с. 208.

169.

Эсадзе С. Штурм Гуниба..., с. 151—153.

170.

Allen W.E.D. and Muratoff P. Caucasian Battlefields. Cambridge, 1953, p. 52.

171.

Бобровский П.О. Указ. соч., с. 8; Koch K. Reise in Grusien ..., S. 464.

Нейдгардта, в конце 1844 г. заменил его графом М. С. Воронцовым, занимавшим в течение 20 лет пост Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора. Способный и гибкий администратор, не чуждый преобразовательного духа, англоман, готовый к разумным заимствованиям из Европы, Воронцов много сделал для хозяйственного развития южной России. Имел он и военный опыт как участник русско-иранской (1804—1813 гг.) и Отечественной (1812 г.) войн. Воронцов неплохо представлял себе область своей новой деятельности: в начале XIX в. он воевал в Закавказье под началом П. Д. Цицианова¹⁶⁸.

Николай I начинал осознавать, что трудные проблемы Кавказа требуют новых, глубоких подходов, и решать их должны не педантичные, безликие служаки, а более одаренные, компетентные и авторитетные люди с широкими полномочиями. Поэтому он назначил Воронцова своим наместником на Кавказе, предоставив ему по существу неограниченную власть в гражданских и военных делах, освободив его от сдерживавших инициативу приказов и инструкций Петербурга. Вместе с тем царь не расставался с застарелым убеждением, будто Шамиля можно разбить одним ударом, надо лишь удачно выбрать место и время для этого. Как явствовало из предначертанного им плана кампании 1845 г., главным шагом к подрыву господства имама должен быть захват «центра его владычества». Но, похоже, Николай I недооценивал уроки прошлого, подсказывавшие, что взятие резиденции Шамиля ничего не давало. Любой малодоступный аул мог стать новым «центром его владычества»¹⁶⁹. Оценивая характер военных действий в Дагестане с начала 30-х до середины 40-х гг. XIX в., английские историки У. Аллен и П. Муратов писали, что на молниеносные набеги мюридов русские отвечали неуклюжими экспедициями против укрепленных резиденций имамов, периодически менявших их местоположение¹⁷⁰.

Воронцов, находившийся в курсе событий на Кавказе еще будучи на прежнем посту, догадывался о необходимости иной тактики¹⁷¹. Это мнение окрепло в нем после бесед с А. П. Ермоловым, к которому он специально заехал в Москву перед отбытием к месту назначения. Многоопытный генерал, хорошо знавший Кавказ и особенности горной войны, считал бесполезным применение там метода «решительного удара». Сравнивая Дагестан с крепостью, он предупреждал, что брать ее следует не штурмом, заведомо обреченным на провал, а длительной осадой. Ермолов находил порочной существовавшую систему боевых действий, при которой русские войска ежегодно проводили наступательные кампании в соответствии с заранее намеченными (часто Петербургом) целями, наносили поражения мюридам, захватывали аулы,

172.

Волконский Н. Окончательное покорение..., с. 379.

173.

Дубровин Н.Ф. Обзор войн..., с. 209—210.

174.

Об экспедиции в Дарго см. Эсадзе С. Штурм Гуниба..., с. 154—170; Дельвиг Н. Воспоминания об экспедиции в Дарго. — ВС, 1864, т. 38, № 7, с. 189—230; Baddeley J.F. Op. cit., p. 386—410.

приводили горцев к присяге, чтобы затем опять вернуться на свои опорные базы, малочисленные, отдаленные друг от друга, соединенные плохими и уязвимыми коммуникациями. Внешне казавшиеся успешными, эти экспедиции на самом деле были почти безрезультатными: после ухода русских власть Шамиля тут же восстанавливалась, на пособников гяуров обрушивались репрессии, имамат возвращался к своей обычной жизни. По словам публициста Н. Волконского, с горцами не воевали, а постоянно их «наказывали»¹⁷². Ермолов предлагал отказаться от бесплодных сезонных кампаний и перейти к планомерной целенаправленной стратегии, предусматривавшей прорубку лесов, строительство широкой сети крепостей и дорог между ними, постепенное, методичное продвижение в глубь Дагестана и прочное закрепление на новых территориях. Такая система предполагала скорее работу топора, кирки и лопаты, чем — пули и штыка. Рассчитанная на длительную перспективу, она не сулила немедленного успеха и требовала терпения, которого в Петербурге не всегда хватало.

Воронцов был в принципе согласен с Ермоловым, но возражать царю не стал, полный решимости сделать «все, что будет от меня зависеть, чтобы выполнить Его (Николая I — *ред.*) желание и оправдать Его доверенность»¹⁷³. Вероятно, наместник как человек, усвоивший классические каноны европейской военной науки, еще льстил себя надеждой уничтожить мюридизм, заставив Шамиля принять генеральное сражение. Понадобилась кровавая даргинская драма, чтобы эта иллюзия рассеялась окончательно.

В начале лета 1845 г., выполняя указание Николая I, Воронцов во главе Дагестанского и Чеченского отрядов (около 10 тыс. солдат), начал наступление на аул Дарго, резиденцию имама¹⁷⁴. Шамиль отступал с оборонительными боями, заманивая противника за собой. Он оставил сильные позиции в Буртунае и Мичикале и отошел к аулу Анди. Там произошло ожесточенное сражение, в котором участвовало до 6 тыс. мюридов. Воронцов взял аул. Шамиль, предполагая такой исход, еще накануне сжег несколько андийских селений, чтобы они не достались врагу, а жителей увел с собой. Теперь предстоял путь на Дарго, но к этому времени русские войска уже испытывали недостаток продовольствия ввиду затруднений с доставкой его. В ожидании транспортов с провизией Воронцов задержался в Анди на три недели, лишь после чего он продолжил движение. На подступах к резиденции имама пришлось с большими потерями штурмовать защищаемый горцами перевал. Овладев им, Воронцов спустился в аул Дарго. Догорающий и безлюдный, он представлял зловещее зрелище. Достигнутая цель, оказавшаяся дымящимися

руинами, не принесла ни радости, ни удовлетворения, тем более что предстояла самая трудная задача — выбраться оттуда. Тягостная атмосфера усиливалась царившим в окрестных лесах оживлением, не предвещавшим ничего хорошего: к Шамилю стягивались свежие силы, рубили деревья для завалов, заграждались оба выхода (северный и южный) из Даргинской долины. Отряд Воронцова попал в ловушку, блестяще подготовленную имамом. Оставаться в Дарго было крайне рискованно. Русские войска терпели нужду в провианте, фураже, имелось много раненых и больных, кончались боеприпасы. Аул являлся прекрасной мишенью для артиллерийского и ружейного обстрела с окружавших его возвышенностей. Задерживаться там значило обрекать себя на верную гибель. Воронцов решил пробиваться на север к Герзель-аулу, но прежде он должен был дождаться продовольственного обоза, шедшего из Андии в сопровождении Дагестанского отряда под командованием генерала Бебутова. Навстречу отправилась большая войсковая колонна для приема груза продовольствия. Горцы дали ей широко растянуться на марше, и когда ее арьергард вошел в болотистую ложину, отсекали его от головной части и почти целиком уничтожили. На обратном пути та же участь и на том же месте постигла авангард колонны во главе с отважным и подававшим блестящие надежды генералом Пассеком. Он погиб в бесстрашном порыве, стремительно увлекая солдат в атаку. Русские войска дрались героически, но узкое топкое место, со всех сторон сдавленное лесной чащей, давало Шамилю преимущество. В Дарго удалось вернуться лишь горстке людей с несколькими выюками провизии. Этот кровавый эпизод вошел в историю Кавказской войны под названием «сухарная экспедиция».

13 июля Воронцов выступил из Дарго. Предварительно он приказал уничтожить все тяжести (кроме пушек) для облегчения движения и послал в крепость Грозную (с пятью курьерами разными дорогами) к генералу Фрейтагу указание спешно идти на помощь. Отряд Воронцова продирался к Герзель-аулу в невыносимых условиях: по узкой тропе, под неприятельским огнем, с постоянно растущим числом раненых и больных, в голоде и изнурении. Ценой многих жизней и напряжения последних сил приходилось брать завалы. Каждый шаг давался все труднее и труднее. Вконец измотанные и заметно поредевшие войска остановились близ селения Шаухал-Берды на отлогом левом берегу реки Аргун, где их со всех сторон блокировали огромные скопления мюридов. Двигаться вперед не было ни смысла, ни возможности. Шамиль расположился на высотах правого берега, беспрерывно обстреливая из пушек лагерь русских. Отвечать было нечем, кончились

175.

Фрейтаг предвидел такой исход и загодя подготовил спасательную экспедицию. (Baddeley J.F. Op. cit., p. 409).

176.

Бобровский П.О. Указ. соч., с. 7—9; Зиссерман А. История..., т. 2, с. 459—462; Mackie J.M. Op. cit., p. 260—261; Koch K. Reise in Grusien ..., S. 475.

177.

Эсадзе С. Штурм Гуниба..., с. 171—172; Wagner Fr. Schamy and Circassia, p. 73—74; Warner (major). Op. cit., p. 86—88.

снаряды. Положение катастрофически ухудшалось. От отчаяния удерживала единственная надежда — на Фрейтага. Воронцов сохранял достоинство и хладнокровие. Он показал себя мужественным человеком, когда в одной из критических ситуаций личным примером поднял валившихся от измождения солдат на штурм завалов. Воронцов категорически отверг предложение офицеров о формировании специального отряда, которому предстояло бы прорвать линию окружения и вывести главнокомандующего в безопасное место. Обращаясь к войску с посланием, он признал весь драматизм обстановки и сообщил, что спасения можно ожидать только от Фрейтага. А если суждена смерть, то он готов достойно встретить ее вместе со своей армией. Воронцов постоянно находился среди солдат, разговаривал с ранеными, подбадривал упавших духом. Иногда он ложился на складную кровать в своей белой палатке, служившей прекрасной целью для обстрела, и читал английские газеты, не обращая внимания на разрывавшиеся вокруг ядра.

Фрейтаг, получив в Грозном известие о бедственном положении Воронцова, стремительно двинулся на помощь¹⁷⁵. 19 июля он прорвал кольцо окружения и соединился с отрядом наместника, точнее — с тем, что от него осталось. На следующий день объединенные войска прибыли в Герзель-аул.

Так закончилось знаменитое Даргинское сражение, в котором Шамиль наглядно продемонстрировал талант стратега горной войны. За свою пиррову победу Воронцов был пожалован княжеским титулом, поскольку формально цель экспедиции — взятие резиденции имама — была достигнута. Однако относительно реальных итогов операции никто не строил иллюзий и меньше всего — сам главнокомандующий. Поход в Дарго был последней данью прежней стратегической системе. Жестокий даргинский урок окончательно убедил Воронцова в ее бесполезности и пагубности, в неотложности возвращения к ермоловскому образу действий¹⁷⁶. Наконец-то понял это и Николай I, сочтя за лучшее предоставить Воронцову полную самостоятельность, избавить его даже от монарших указаний и запастись терпением¹⁷⁷.

Получив свободу планов и решений, наместник приступил к стратегии медленного, но верного продвижения в глубь Дагестана и Чечни. Прежде всего он считал необходимым окружить территорию имамата с севера, востока и юга цепью укреплений. Для этого следовало утвердиться на передовой Чеченской линии — Ачхой — Воздвиженское — Куринское — Хасав-юрт — Чир-юрт; устроить надежные коммуникации; несколькими параллельными лесными просеками связать Линию с рекой Сунжа, на берегах которой должно быть увеличено число казачьих ста-

178.

Эсадзе С. Штурм Гуниба..., с. 172—173; Бобровский П.О. Указ. соч., с. 6; Mackie J.M. Op. cit., p. 262; Baddeley J.F. Op. cit., p. 420.

179.

Эсадзе С. Штурм Гуниба..., с. 173—176.

ниц. Чтобы оградить Приморский Дагестан от Нагорного, предполагалось укрепиться вдоль Сулака, Аварского и Казикумухского Койсу, опираясь на базовые форты в Кумухе и Чирахе. Для защиты Закавказского округа и Кахетии началось возведение крепостей Ках и Хупра. Особое значение придавалось прокладке дорог, соединявших все эти военные пункты в единую систему. Такая крупномасштабная программа требовала много людей, труда и времени. Русские войска отвлекались от нее только для оборонительных операций, нужда в которых периодически возникала в связи с растущей экспансией Шамиля.

Между тем весной 1846 г. окрыленный успехами имам совершил нашествие на Осетию и Кабарду. Одна из его непосредственных стратегических задач состояла в том, чтобы захватом Военно-Грузинской дороги прервать сообщение России с Закавказьем. И хотя по ряду причин Шамиль потерпел неудачу, это предприятие признается военными специалистами того времени блестящим по замыслу и исполнению¹⁷⁸.

В июле 1846 г. Шамиль приготовился к вторжению в округ Акуша-Дарго, населенный лояльными к России горцами. Он намеревался отрезать друг от друга русские войска в Южном и Северном Дагестане, создать плацдарм для распространения своего влияния в Мехтулинском ханстве и шамхальстве Тарковском. При этом, конечно, имелись в виду и грабеж, и наказание местных жителей за связь с неверными, и насаждение шариата, и расширение границ имамата.

Стремясь сорвать план Шамиля, Самурский отряд Аргутинского-Долгорукова двинулся к с. Ириб, но был окружен там превосходящими силами Даниельсултана и Кибит-Магомы. Предприняв отчаянный штурм позиций противника, Аргутинский-Долгоруков с трудом вырвался из этого смертельного кольца. Однако временно потесненные мюриды вскоре вновь перекрыли главные пути к отступлению. Пришлось кружной дорогой отойти к Чирахскому укреплению. Самурскому отряду удалось отсрочить, но не предотвратить исполнение замыслов Шамиля. В начале октября, воспользовавшись роспуском русских войск на зимние квартиры, имам через Гергебиль и Цудахар вторгся в Акушу. Местное население обратилось за помощью к генералу Бебутову, командующему Дагестанским отрядом, базировавшимся в Темир-Хан-Шуре. Сосредоточив у с. Дженгутай 10 батальонов при 12 орудиях и 3 сотни горской милиции, Бебутов устремился навстречу неприятелю. 13 октября он выбил мюридов из с. Аймяки, а через два дня атаковал основные силы Шамиля у с. Кутиши и, несмотря на их численное превосходство, одержал победу в ожесточенном бою. Имам был отеснен к Гоцатлю¹⁷⁹.

180.
Хаджи-Мурат. Мемуары,
с. 26—28.

181.
ВЭ, т. 11, с. 237.

182.
Хроника Мухаммед-Тахира...,
с. 200.

183.
Бобровский П.О. Указ. соч.,
с. 18.

Наступившее обычное зимнее затишье неожиданно нарушил Хаджи-Мурат, совершивший (середина декабря) дерзкий набег на столицу Мехтулинского ханства Дженгутай, похитивший вдову Ахмет-хана Нох-Бике и ее имущество. Нападение было совершено ночью и настолько стремительно, что находившаяся там милиция из Дагестанского отряда и сами дженгутайцы не успели даже пошевелиться. Впрочем, есть мнение, будто они по каким-то причинам и не пытались помешать Хаджи-Мурату или преследовать его. Как бы то ни было, этот молниеносный и тщательно подготовленный набег на хорошо защищенное поселение произвел ошеломляющее впечатление и еще долгое время служил главной темой новостей в горах. Нох-Бике продержали год в Хунзахе, пока ее брат шамхал Тарковский не заплатил огромный выкуп¹⁸⁰.

Шамиль быстро понял опасность последствий перехода русских к новой системе военных действий и противопоставил ей энергичные ответные меры, в свою очередь начав укреплять аулы Зубут, Ирганай, Гергебиль, которые являлись опорными пунктами не только для обороны, но и для организации набегов в Акушу, Мехтулинское ханство и шамхальство Тарковское¹⁸¹. В 1847 г. Воронцов решил расстроить эту работу. Согласно его плану, Дагестанский отряд должен был овладеть Гергебилем, затем соединиться с Самурским отрядом у с. Салты и после взятия его двинуться на юг для уничтожения шамилевского оплота на границе Казикумухского ханства — с. Ириб. Штурм Гергебиля 4 июня и последовавшая осада закончились неудачей. Стало ясно, что такие операции нуждались в серьезной подготовке. 26 июля Воронцов приступил к осаде с. Салты по всем правилам военно-инженерной науки и лишь 14 сентября после кровопролитного боя взял аул. Измотанные тяжелыми сражениями русские войска были распущены по квартирам. Воспользовавшись этим, Шамиль поздней осенью атаковал с двумя тысячами пехоты и шестьюстами всадников с. Цудахар, где размещался один из батальонов Самурского отряда. Самурцы отчаянно сопротивлялись, пока подоспевший на помощь Аргутинский-Долгоруков не заставил имама отступить. В ходе набег мюриды захватили имущество жителей Цудахара¹⁸².

В Южном Дагестане происходили менее значительные события. Весной 1847 г. мюриды Даниель-султана попытались пробиться через Лезгинскую линию и поднять население Джаро-Белокан. Но небольшой отряд Шварца сорвал этот замысел, нанеся горцам поражение 13 мая у с. Чардахлы¹⁸³.

В 1848 г. русские войска возобновили осаду Гергебиля, и в начале июля аул пал. Это не помешало Шамилю в начале сентября вторгнуться в глубь Са-

184.

См. Гаджи-Али. Указ. соч.,
с. 37—38.

185.

ВЭ, т. 11, с. 237.

мурского округа и осадить у с. Ахты укрепление, охраняемое гарнизоном полковника Рота. Первая попытка Аргутинского-Долгорукова спасти осажденных не дала успеха. Лишь через десять дней, собрав дополнительные силы, он после упорного сражения смог отбросить горцев от крепости. Потеряв 300 человек убитыми, ранеными и пленными, имам вернулся в Дарго-Ведено¹⁸⁴.

Весной 1849 г. Шамиль сконцентрировал крупные партии мюридов у аулов Чох и Салты, укрепил Ириб и другие важные позиции, позволявшие действовать в любом направлении. Чтобы отвлечь русские войска, Хаджи-Мурат ночью 14 апреля неожиданно совершил набег на Темир-Хан-Шуру, но был отброшен. Эта диверсия не воспрепятствовала намерению Аргутинского-Долгорукова идти на Чох. Приблизившись к аулу 18 июня, он не решился предпринимать рискованную атаку на эту сильную позицию — имам стянул на чохские высоты 10 тыс. человек — и приступил к осаде и бомбардировке, длившимся два месяца. К концу этого срока большая часть каменных стен и башен аула была разрушена, однако Аргутинский-Долгоруков видел, что в ситуации почти ничего не изменилось: штурм повлечет жертвы, несоизмеренные целям. 21 августа он снял осаду и отошел за р. Кара-Койсу. Шамиль, потеряв в Чохе 260 человек убитыми и 340 ранеными, на короткое время вернулся в Дарго-Ведено.

В июне, по поручению имама, его наибы произвели набеги на юг: Даниель-султан — в Самурский округ, Хаджи-Мурат и Кибит-Магома — в Белоканский. Сам Шамиль намеревался вторгнуться в Кахетию, для чего собрал в землях Дидоевского общества значительные силы. Но руководство обороной Чоха не позволило имаму лично участвовать в этих планах.

Начальник еще недостаточно прочной Лезгинской линии генерал Чиляев понимал, что, оставаясь с небольшим контингентом войск в пассивно-оборонительном положении, нельзя предотвратить прорыв горцев в Кахетию. Поэтому он решил нанести упреждающий удар. После трехдневного тяжелого перехода по горной местности его отряд (4 батальона, 2 сотни, 6 орудий) разбил скопление мюридов у с. Хупра. Дидоевцы изъявили покорность и обещали бороться против Шамиля. Смелая экспедиция Чиляева спасла Восточную Грузию от летнего нашествия горцев¹⁸⁵.

Однако осенью, спустя некоторое время после ухода Аргутинского-Долгорукова из-под Чоха, имам двинулся в Белоканский округ, где тогда находился лишь один русский батальон при двух орудиях. По пути он ограбил село Гамаши, истребив или пленив всех жителей. Но энергичные действия базировавшихся в Казикумухе русских войск, с одной стороны, и Чиляева — с другой, все же не дали Шамилю про-

186.

Хаджи-Мурат. Указ. соч., с. 32—33.

187.

ДГСВК, с. 294. Подобное было замечено историками за арабийскими бедуинами, которые покидали своих боевых проводителей, когда набеги, приносящие добычу, превращались в длительную и изнурительную войну. (Мюллер А. Указ. соч., т. 1, кн. 1, с. 20—21).

188.

Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 222—223; Бобровский П.О. Указ. соч., с. 10.

189.

Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 218. Шамиль всегда отдавал справедливость русским военачальникам. (Вердеревский Е. Указ. соч., с. 352).

190.

Надеждин П.П. Кавказский край, с. 473.

никнуть через Лезгинскую линию в Закавказье. Правда, Хаджи-Мурату это удалось. Через Лагодехи он совершил вылазку в Алазанскую долину, вернувшись оттуда с богатой добычей¹⁸⁶.

Так прошел еще один год Кавказской войны. Внешне он выглядел вполне обычно. Горцы по-прежнему производили набеги, русские по-прежнему препятствовали им. Однако ряд признаков указывал на то, что «блистательная эпоха» Шамиля приближалась к закату. Имаму и его наibaм все реже удавались крупные походы, которые все чаще оборачивались столкновениями с русскими войсками. Это, как правило, означало для мюридов людские потери, материальные убытки, истощение сил и не сулило прибыли, составлявшей главную цель их военных занятий. Согласно наблюдениям многоопытного К. фон Клюгенау, если набег горцев не дает немедленного успеха, то они, «утратив первый пыл» и «не получая добычи, необходимой для пищи большей части из них», теряют дух и начинают расходиться по домам¹⁸⁷. Чтобы удержать доходность Кавказской войны на удовлетворительном уровне, приходилось менять организационно-тактические формы набегов и действовать мелкими, более маневренными партиями, способными внезапно нападать и быстро уходить от преследования. Что касается крупных сил, то имам собирал их преимущественно там, где предстояли сражения с русскими. «Новая система» Воронцова вынуждала Шамиля больше заботиться об оборонительных мероприятиях. О северо-кавказском гегемонизме и политико-идеологической экспансии за пределы имамата уже не могло быть и речи. Теперь встала проблема сохранения существующих границ государства, справляться с которой становилось все труднее и труднее.

Воронцов настойчиво продолжал сжимать территорию имамата кольцом укреплений. Русские войска методично продвигались вперед, занимали равнины, основывали новые форпосты, соединяли их дорогами, оттесняли мюридов в горы. В рамках этой системы зимой 1849—1850 гг. была прорублена просека от Воздвиженской в Шалинскую долину — главную житницу Большой Чечни. Шамиль сделал все, чтобы не допустить этого, но тщетно¹⁸⁸. Имам, как стратег, высоко оценивал систему Воронцова, свидетельством чему служит своеобразное признание на этот счет: вождь правоверных «опустился» до того, чтобы в пример мюридам ставить русских, которые «работают и день и ночь над усилением их положения и возвышением их дела»¹⁸⁹. Как-то он бросил своим воинам: «Я отдал бы всех, сколько вас есть, за один из полков, которых так много у русского царя; с одним только отрядом русских солдат весь мир был бы у ног моих»¹⁹⁰. По прошествии времени имам говорил,

191.

Дневник Руновского, с. 1419; Андреев А.П. Указ. соч., с. 656.

192.

Алферьев П. Очерки..., с. 45.

193.

См. Есадзе С. Штурм Гуниба..., с. 145; Дубровин Н.Ф. Обзор войн..., с. 191; ДГСВК, с. 394. Опытные русские генералы на Кавказе еще раньше предлагали расширить применение невоенных мер покорения горцев. Так, П. Зубов, не веря в возможность укротить горцев только силой оружия, считал необходимым поощрять в них наклонности к созидательному труду и торговле, пробуждать более высокие материальные потребности (в том числе в предметах роскоши). Тогда «наступит истинная эпоха их преобразования и сближения с Державою», способной удовлетворить эти запросы. Нужно дать им почувствовать «выгоды просвещенного и благодетельного правления», чтобы они взглянули «с отвращением на свою буйную, бедственную и беспокойную жизнь» и усвоили начала гражданственности. П. Зубов выступал за активизацию христианско-миссионерской деятельности, но без «фанатического умоисступления людей Нового Света», за тесное бытовое общение между русскими поселениями и горцами с обычными для такого общения обменом хозяйственными и ремесленными навыками, межэтническими браками, которые «еще более укрепят звенья цепи прочного союза». По мнению П. Зубова, горское общество следовало включить в российскую сословную систему: «верхи» объединить с «верхами», «низы» — с «низми». Однако он предупреждал, что вводить на Северном Кавказе общеперсую форму управления нужно постепенно и крайне осторожно, стараясь не раздражать людей сложными и непонятными им законами. (Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель;

что с 1845 г. в стратегии войны Россия вышла на верный путь¹⁹¹.

Конечно, русские и горцы были противниками, сцепившимися в ожесточенной схватке, и этот факт слишком очевиден, чтобы лакировать или не замечать его. Но не следует игнорировать и другое: воюя, они ближе узнавали друг друга, проникались взаимным уважением тем мужеством и героизмом, которыми отличались обе стороны¹⁹².

Воронцов применял наряду с военными средствами политические, направленные на развитие прорусской ориентации среди горцев. Прибавилось гибкости в политике по отношению к рядовому узденству, расширились торговые связи, в результате чего условия жизни социальных «низов» вне имамата стали лучше, чем под властью Шамиля. Распространился рекомендованный лично Николаем I метод подкупа «новой» горской знати¹⁹³. Поначалу он не давал желаемого результата: страх перед карой имама брал верх над искушением. Но с ростом «аристократической» оппозиции Шамилю щедрые русские денежные подарки приносили все более заметные плоды, углубляя раскол в руководящей верхушке имамата, быстро сужая круг людей, способных устоять перед соблазном.

в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. Ч. 1, СПб., 1834, с. 71—93). Как бы в продолжение мыслей П. Зубова генерал Ладынский в записке на имя Головина от 16 июня 1842 г. советовал «приобретать любовь народную» не «принуждением и силою власти», а деньгами. «...Нужно только действовать искусно, не оскорблять народных обычаев, обещать выгоды и награды, сообразные с духом народа, и свято исполнять свои обещания». «Само собою разумеется не иначе как деньгами» следует поселять раздор «не только между различными (враждебными России — ред.) племенами, но и самими военачальниками Шамиля...» (ДГСВК, с. 346). Эти идеи нашли развитие в официальной переписке между Головиным и Чернышевым (см. там же, с. 352—356), где между прочим сказано, что «англичане умели утвердить владычество свое в Индии политическими

средствами. Этим путем сбегали они войска и выигрывали время в покорении края. Не должно ли и мы испытать эту систему?» (Там же, с. 353). Позже, в середине 50-х гг. XIX в., в высокие инстанции продолжают поступать от военачальников, хорошо знавших Кавказ, проекты с рекомендациями таких политических и экономических методов, «которые должны служить немаловажным вспомогательным способом к постепенному усмирению горцев и их сближению с нами (русскими — ред.)». (Сивков К.В. О проектах..., с. 195—196. Ср. АКАК, т. 12, с. 644, 1043). Вопрос о необходимости перехода от военной политики на Северном Кавказе к политике гуманитарной и экономической часто поднимался и в русской публицистике. (См. например: Иванов С. О сближении горцев с русскими на Кавказе. — ВС, 1859, т. 7, с. 541—549).

Попытки создания государства
в Черкесии. Эмиссары Шамиля.
Противоборство авторитарного
и олигархического начал.
«Имамат» Мухаммеда Эмина.
Политика России.
(40-е — начало 50-х гг. XIX в.)

1.
См. Письма виконта Г. Кастильона..., с. 112; Friedrich H. Im Kaukasus 1862. Berlin, 1865, S. 357—358.

2.
Сталь К.Ф. Указ. соч., с. 166—168; Дубровин Н.Ф. Черкесы, с. 157—159.

С начала 40-х гг. XIX в. в социально-политической жизни Черкесии обретают все более отчетливый облик явления, возникшие на волне переходной экономики. В условиях неослабевающей набеговой активности, вызвавшей состояние повседневной войны с Россией¹, в среде тфокотлей продолжается имущественное расслоение, формирование собственности и «новой» знати. Эти процессы нашли закономерное воплощение в развитии государственности. В 1841 г. на народном собрании представителей «демократических» племен (в основном абадзехов и шапсугов) был принят Дефтер (договор), в котором отражена попытка создания военно-политического союза на основе введения в обществе единых религиозных и гражданских правил, соблюдения общей политики в отношении России. Первой обязанностью горцев провозглашалось строгое выполнение шариата. Под угрозой огромных штрафов и наказаний запрещались всякие сношения с русскими; любые предложения с их стороны объявлялись заведомо неприемлемыми; оповещение противника о месте и времени набега или открытый переход к нему сурово карались. Дефтер обязывал каждого члена общества быть готовым придти на помощь тем, кто подвергнется нападению русских: «как только русские войска войдут в страну, то каждый должен взять оружие и идти туда, где опасность требует»². Одна из самых примечательных статей Дефтера 1841 г. впервые в социальной истории черкесов преследовала цель оградить формировавшуюся собственность, пресечь высокими штрафами воровство и раз-

3. Сталь К.Ф. Указ. соч., с. 168; Дубровин Н.Ф. Черкесы, с. 159. Д. Лонгуорт был свидетелем того, как один из влиятельных черкесов, выступая на народном собрании, призвал «не трогать собственность своих соседей (единоплеменников — ред.): «давайте не будем больше грабить друг друга; грабьте Гяура, если хотите; захватывайте его скот, его лошадей, его детей, пока он не помирится с вами; все это разумно и справедливо» (Longworth J.A. Op. cit., v. 1, p. 164—165).
4. См. Дубровин Н.Ф. Черкесы, с. 152—154; Венюков М.И. Очерк пространства..., с. 61—62; Щербина Ф.А. Общинный быт..., с. 129.
5. Хан-Гирей. Записки..., с. 147.
6. Сталь К.Ф. Указ. соч., с. 159.
7. Дубровин Н.Ф. Черкесы, с. 159—160.
8. Сталь К.Ф. Указ. соч., с. 60; Карлгоф Н. О политическом устройстве..., с. 542—543; Соколов Д. Хаджи Магомет (Сподвижник Шамиля. Историческая справка). — Куб. сб., 1904, т. 11, с. 53—54.
9. Соколов Д. Указ. соч., с. 55—56; ДГСВК, с. 445—446; Джимов Б.М. Антимюридические выступления на Северо-Западном Кавказе в первой половине XIX века. — В кн.: Некоторые вопросы общественно-политических отношений на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII — первой половине XIX в. Майкоп, 1985, с. 52.
10. Каламбий. Характер адыгских песен, с. 224.

бои внутри племен, направить эту стихию вовне³. Патриархальный обычай, рассматривавший похищение чужого имущества (т. е. за пределами общины или союза общин) как доблесть, не мог обеспечить неприкосновенность собственности⁴, поэтому задача установления соответствующих гарантий становится злободневной⁵.

Для выполнения постановлений Дефтера абадзехи учредили у себя пять народных судилищ — мегкеме, состав которых избирался из тфокотльской знати (старшин) под председательством верховного судьи (наиба), наделенного исполнительной властью. В распоряжении наиба находилась команда вооруженных муртазек, приводившая приговоры суда в исполнение. Судопроизводство велось по шариаду. Преступники из зависимых сословий подвергались, смотря по тяжести содеянного, всем видам наказаний: штрафы, телесные экзекуции, казни. Представители свободных сословий обычно отделялись штрафами⁶. Однако у новой организации не было достаточных сил для внедрения в жизнь своих постановлений, в том числе — о запрете мирных отношений с неверными, который то и дело нарушался черкесами, привыкшими к выгодной торговле с русскими⁷.

Дальнейшее развитие государственности связано с деятельностью эмисаров Шамиля в Черкесии. Первый из них — Хаджи-Магомет — находился там с 1842 по 1844 г. Он был полномочным представителем имама, думавшего о распространении своего политического и духовного влияния на черкесов, об их организации в рамках такой структуры власти, которая повторяла бы имамат. Имея достаточно подготовленную почву для того, чтобы приступить к решению этих задач, Хаджи-Магомет стремился объединить горцев под своим единоначалием. По примеру Шамиля, он, выдавая себя за пророка, убеждением и силой утверждал шариат и мюридизм, которые — первый в качестве идейно-правовой системы и второй в качестве дисциплинарно-идеологической — были призваны приучить народ к подчинению личной верховной власти⁸. Нуждаясь в средствах принуждения, Хаджи-Магомет собрал вокруг себя около 400 человек из «низов» общества («бесприютных горцев»), готовых выполнить любой приказ своего господина и благодетеля. Организовав их в военнокарательный корпус, наиб содержал его за счет различных штрафов и налогов с населения⁹. По словам Адыль-Гирея Кешева, ислам внес в жизнь черкесов неизвестный им дотоле «политический деспотизм»¹⁰.

Хаджи-Магомету в значительной мере удалось приблизиться к намеченной цели среди шапсугов, увлечь за собой бесленевцев. Появление этого лидера привело у абадзехов к ослаблению роли народ-

11. Сталь К.Ф. Указ. соч., с. 159.

12. Немецкий путешественник по Кавказу Мориц Вагнер (1843—1846 гг.) подчеркивал, что на черкесских народных собраниях преимущественное внимание уделялось тому, как обеспечить хорошую добычу при возможно меньших потерях. (Wagner M. Op. cit., Bd. 1, S. 115).

13. См. Карлгоф Н. Магомет Амин, с. 83.

14. См. Сталь К.Ф. Указ. соч., с. 61.

15. Сталь К.Ф. Указ. соч., с. 140, 168; Щербина Ф.А. Указ. соч., т. 2, с. 539; А.-Д.Г. Очерк..., с. 311; АКАК, т. 9, с. 452.

16. Сталь К.Ф. Указ. соч., с. 141—142.

ных сходов — органов коллективного руководства обществом¹¹.

В военном быту горцев фигура верховного предводителя, вождя с авторитетом и средствами власти, приобретала особую актуальность. Развитие всех сфер экономической жизни черкесов (набеги, скотоводство, торговля, земледелие, ремесла и т. д.) закономерно приводило к увеличению избыточного общественного продукта, естественным следствием чего было неравномерное распределение материальных благ. Эти явления разрушали прежнюю патриархальную «гармонию», создавали напряженность в социальных отношениях. Выделявшаяся из массы свободных общинников «новая» знать, скопившая солидное имущество, озабоченная тем, чтобы сохранить и нарастить его, занять господствующее положение среди соплеменников, была заинтересована в могущественном вожде. Рядовые тфокотли также нуждались в этой политической фигуре, связывая с ней надежду на такую постановку военного дела, которая дала бы им экономический достаток. Возникла потребность в новой, более прогрессивной форме управления обществом — единовластию, способном обеспечить прежде всего высокий уровень организации и прибыльности набеговой системы¹². Вооруженная сила, подчинявшаяся воле одного человека, была необходима и как более эффективное «средство производства», и как более эффективное средство регулирования усложняющихся общественных отношений, охраны собственности¹³. Иными словами, нужда в единоличном предводительском начале порождалась условиями меняющейся социальной жизни черкесов.

С помощью шариата и мюридизма Хаджи-Магомет добивался более или менее прочного внутреннего порядка в обществе, искоренения междоусобных разбоев, стихию которых он хотел целиком направить за пределы Черкесии, против России¹⁴. И действительно, при нем случаи ограбления одного племени другим стали редкими, но зато приняли широкий размах набеги в район русских поселений между реками Лабой и Кубанью, особенно на Черноморскую береговую линию¹⁵. Эти предприятия совершались под флагом борьбы с неверными партиями в несколько тысяч человек, остававшимися в сборе иногда в течение почти полутора месяцев, тогда как раньше за недостатком продовольствия военные отряды горцев не могли держаться в походном состоянии так долго¹⁶. Хаджи-Магомету удалось поднять уровень организации и руководства набеговым «производством», соединить его с антирусской идеей. Военные экспедиции наиба Шамиля, как и самого имама, преследовали двоякую цель: добыча, с одной стороны, распространение личной власти, шариата и мюридизма, наказание непокорных — с другой. Вме-

17. См. Соколов Д. Указ. соч., с. 54—56.
18. См. Сталь К.Ф. Указ. соч., с. 61—62, 148.
19. См. там же, с. 161, 169.
20. См. Фелицын Е.Д. Князь..., с. 52. В одной из работ немецкого ориенталиста Ф. Боденштедта, путешествовавшего по Кавказу во второй половине 40-х гг. XIX в., есть любопытное описание переговоров между русскими и черкесами, на которых присутствовал и он. Во время этой чинной процедуры на стулья, предназначенные для черкесских делегатов, уселись лишь «знатные предводители и муллы». (Bodenstedt Fr. Tausend und Ein Tag im Orient. Berlin, 1850, S. 54).
21. См. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978, с. 122; АКАК, т. 10, с. 239. Адиль-Гирей Кешев также указывает, что духовенство пополнялось из среды вольноотпущенников. (Каламбий. Характер адыгских песен, с. 224).
22. Леонтович Ф.И. Адаты..., вып. 1, с. 127—128.
23. Соколов Д. Указ. соч., с. 55—56. См. также: АКАК, т. 9, с. 899; Маркова О.П. Восточный кризис..., с. 224—225.
24. Карлгоф Н. О политическом устройстве..., с. 543; Фелицын Е.Д. Князь..., с. 52.

сте с тем Хаджи-Магомет, зная о превосходстве русских войск, старался избегать сражений с ними¹⁷, вероятно потому, что, во-первых, боялся поражениями подорвать веру горцев в его могущество, во-вторых, не хотел отвлекаться от внутренних проблем, требовавших значительных усилий.

Подобно Шамилю, Хаджи-Магомет опирался на массу свободных общинников, в которой, как уже говорилось, шел процесс расслоения. Поддерживая и направляя эту мощную силу, ведя с ее помощью борьбу против представителей «старого» феодализма — князей и уорков, он фактически продолжал дело, начатое общественным переворотом конца XVIII в. Война, в которой ведущую роль играли тфокотли, отток подвластного населения из «аристократических» племен в «демократические» подрывали экономические, политические и моральные позиции «старой» феодальной знати¹⁸. В ее лице Хаджи-Магомет столкнулся с яркими противниками шариата и мюридизма, призванных уничтожить их влияние и утвердить единоличную диктатуру, поначалу выражавшую интересы общинников вообще и формирующейся общинной знати — в частности¹⁹.

В связи с распространением нового вероучения повышалось общественное значение духовенства, видевшего прямую выгоду в укреплении положения Хаджи-Магомета²⁰. Эти люди были частью его социальной опоры. Происходя преимущественно из «низшего класса», пользуясь уважением и нравственным влиянием в народе во многом благодаря демагогической проповеди равенства, они взяли на себя роль идеологической «обслуги» общественного переворота²¹, постепенно занимая положение привилегированного сословия²².

Чтобы завоевать популярность и авторитет, набожный наиб не гнушался небогоугодными приемами, в частности подлогом, уверяя горцев, что он — посланец турецкого султана и египетского паши, предоставляя мнимые доказательства²³.

Стремясь к концентрации власти, Хаджи-Магомет попытался расширить свою социальную опору путем освобождения зависимых сословий. Намереваясь организовать этих бедняков в военную силу, дать им способ добывания средств к существованию, он надеялся привязать их к себе коренными интересами, личной преданностью, превратить их в орудие достижения собственного безраздельного господства. По существу это были те же «бездомовники», руками которых с теми же целями предпочитал действовать Шамиль. Однако стоило Хаджи-Магомету поднять вопрос об освобождении, как он встретил сильное сопротивление не только князей и дворян, но и тфокотлей, успевших обзавестись зависимыми людьми²⁴.

Хотя Хаджи-Магомет в целом пользовался под-

25. См. Карлгоф Н. Магомет Амин. — КК на 1861 год. Тифлис, 1860, с. 83; Щербина Ф.А. Указ. соч., т. 2, с. 540; Фелицын Е.Д. Князь..., с. 52; Соколов Д. Указ. соч., с. 56.
26. Bodenstedt F. Tausend ..., S. 127. Ср. АКАК, т. 10, с. 236.
27. Венюков М.И. Очерк пространства ..., с. 67; Записки М.Я. Ольшевского. — РС, 1895, т. 83, № 6, с. 176—177; СЭПКРНКЧ, с. 74. У Горцев в обиход вошла поговорка: «Каждый раз, когда кадий открывает коран, в твоём хлеву становится одной козой меньше, будь ты жалобщик или ответчик». (Lapinski Th. Op. cit., Bd. 1, S. 99—100; ср. Махвич-Мацкевич А. Абадзеи, — НБ, № 3, с. 30). Поборы корыстолюбивого духовенства при разбирательстве дел по шариату вызывали ропот в народе. (АКАК, т. 10, с. 670).
28. Карлгоф Н. О политическом устройстве..., с. 528—529; А.-Д.Г. Очерк горских народов Правого крыла Кавказской линии. — ВС, 1860, т. 11, с. 299.
29. Покровский М. Иностранные агенты..., с. 166.
30. Фелицын Е.Д. Князь..., с. 43, 45.
31. Там же, с. 46; Щербина Ф.А. История..., т. 2, с. 475, 572.
32. Koch K. Reise in Grusien ..., S. 483.
33. Wagner M. Op. cit., Bd. 1, S. 125; Толстов В. Указ. соч., ч. 2, Тифлис, 1901, с. 129; Щербина Ф.А. История..., т. 2, с. 384, 385, 576.
34. См. Сталь К.Ф. Указ. соч., с. 169; Щербина Ф.А. Указ. соч., т. 2, с. 540; Фелицын Е.Д. Князь..., с. 52; А.-Д.Г. Очерк..., с. 311; Покровский М. Иностранные агенты..., с. 166—168.

держкой тфокотлей, все же регламентацию общественной жизни ему часто приходилось проводить принудительно. Горцы, не привыкшие к подчинению государственно-правовым институтам, неохотно принимали систему налогов и штрафов, строгий шариат вместо более либерального адата²⁵. По наблюдению Ф. Боденштедта, обычай был сильнее ислама²⁶. Черкесы при разборе тяжб предпочитали прибегать скорее к услугам адатного суда посредников, чем к малознакомому мусульманскому законодательству, к тому же произвольно толкуемому муллами²⁷. Вместе с тем обычное право не стояло на месте, оно постепенно развивалось, приспосабливаясь к изменяющимся общественным отношениям. Судопроизводственная практика обогащалась новыми прецедентами, закреплявшимися в адатных нормах²⁸.

Многие черкесы, возмущенные тем, что Хаджи-Магомет силой заставлял их прекратить давно налаженные связи с русским населением Прикубанья, не раз просили командование Кавказской линией «оказать им помощь в отражении наглого лже-пророка». В ответ на эти просьбы был сформирован особый военный отряд, помешавший наibu осуществить его планы²⁹.

После смерти Хаджи-Магомета (1844 г.) у шапсугов и натухайцев вновь подняла голову прорусская «партия», призывавшая «быть с Россией мирными, не делать... набегов для грабежа», возвращать то, что «будет хищниками уворовано»³⁰. Однако обуздать набеговый промысел, поощряемый значительной частью общинной знати и духовенством, не удавалось. Многие горцы легко откликнулись на приглашения совершить какую-нибудь вылазку в Черноморию³¹. Набеговые отряды отваживались появляться в окрестностях Ставрополя, чего давно уже не было³². Даже мирным черкесам не всегда удавалось устоять против соблазна³³.

В 1845 г. Шамиль прислал к черкесам другого наиба — Сулеймана-эфенди, но тот проявил нерешительность в военных и политических делах, вызвал у многих неудовольствие эгалитарной демагогией, отрицанием адата, попыткой создать ополчение для переброски в Дагестан, вспыльчивым нравом. Перессорившись со всеми, он был вынужден в 1846 г. покинуть край³⁴.

С уходом Сулеймана-эфенди влияние мюридизма, основанное на главенствующей роли вождя, почти исчезло. В 1847 г. на народном собрании в долине р. Адагум черкесы, населявшие северную сторону Кавказского хребта, решили восстановить общественное устройство на принципах коллективного руководства, заложенных в Дефтере 1841 г. Власть передавалась народному собранию, рассматривавшему наиболее важные вопросы, опираясь на смешанные

35. АКАК, т. 10, с. 670—671; Карлгоф Н. О политическом устройстве..., с. 544; Он же. Магомет Амин, с. 83—84; Сталь К.Ф. Указ. соч., с. 157, 159; Щербина Ф.А. Указ. соч., т. 2, с. 541—542.

36. Сталь К.Ф. Указ. соч., с. 160; Дубровин Н.Ф. Черкесы, с. 160—161.

37. Время от времени эта проблема поднималась на народных собраниях. На одном из них (16 апреля 1845 г.) с участием представителей шапсугов и абадзехов тфокотли потребовали от старшин и духовенства заключения мира с русскими. (Покровский М.В. Социальная борьба..., с. 14).

38. АКАК, т. 10, с. 670—671. Карлгоф Н. О политическом устройстве..., с. 544—546; Фелицын Е.Д. Князь..., с. 53—54; Джимов Б.М. Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX в. Майкоп, 1986, с. 64.

39. При этом поведение «старой» феодальной знати не было однозначным. Чтобы не вызвать подозрений в лояльности к России и окончательно не потерять влияние в «демократических» племенах, она зачастую участвовала в военных предприятиях против русских, в том числе — в набегах. (См. Карлгоф Н. Магомет Амин, с. 82). Определенный авторитет князей и дворян в глазах тфокотлей сохранялся во многом благодаря их организаторской и предводительской роли в разбойных нападениях на русскую территорию. Бывали случаи, когда князь, возглавлявший набеговые отряды, лишался всякого влияния, если он заключал мир с Россией. (См. Сталь К.Ф. Указ. соч., с. 148, 170).

40. Сталь К.Ф. Указ. соч., с. 169; Щербина Ф.А. История..., т. 2, с. 573; Писарев В.И. Указ. соч., с. 158.

правовые нормы адата и шариата. Его постановления считались обязательными для всех. Для приведения их в исполнение в распоряжение народного собрания предоставлялось постоянное ополчение на содержании у общества. Население разделялось на общины (в каждой по сто дворов), управление которыми поручалось избираемым старшинам, подчинявшимся народному собранию и призванным проводить его решения в жизнь. Под их началом находились вооруженные люди (муртазеки), готовые заставить слушников повиноваться. На муртазекоев возлагалась защита собственности и преследование воров. Разбирательство частных тяжбных дел по шариату оставлялось за духовенством³⁵. Схожий с этой структурой порядок установили у себя беглые кабардинцы. Для «восстановления падающей веры, уничтожения воровства, разбоя, измены, обмана и зависти» они учредили мегкеме, избрали должностных лиц: кадия, ведавшего духовными делами, валия и наиба — гражданскими³⁶.

На народном собрании 1847 г. происходили горячие споры по одному из важнейших вопросов — об отношении к России³⁷. Вновь обнажились две противоположные позиции. Часть влиятельных черкесов выступала за активизацию наступательной войны против русских территорий. Другие призывали ограничиться оборонительными действиями, утверждая, что Россия воюет с горцами лишь по необходимости, защищаясь от набегов; стоит черкесам прекратить свои нападения, и русские тут же оставят их в покое. Предлагалось заключить с Россией мирный договор, установить границу с ней, разрешить свободную торговлю и другие сношения с русскими. Высказывалось требование о строгом запрещении самовольных наборов вооруженных партий для набегов в пределы России, о предоставлении только народному собранию права применять военную силу. Нарушение этого запрета влекло тяжкие взыскания, ответственность за его соблюдение возлагалась на старшин³⁸. Одной из целей подобного общественного порядка, по замыслу сторонников добрососедских отношений с Россией, являлось обуздание внутреннего и внешнего разбоя.

Соотношение сил в народном собрании сложилось так, что некоторого перевеса добилась умеренная «партия», выражавшая политические настроения, с одной стороны, тфокотлей, заинтересованных в торговых связях с Россией, с другой — дворян, втайне надеявшихся с ее помощью вернуть утраченную социальную роль³⁹. Вследствие этих настроений многие черкесские аулы в 1846—1847 гг. изъявили покорность России и попросили ее о покровительстве⁴⁰. Заметим, что экономические отношения между русскими и горцами («мирными» и «немирными») не

41. Taillandier M. Saint-René. *Allemagne et Russie. Études Historiques et Littéraires*. Paris, 1856. p. 226—227; Bodenstedt F. *Gesammelte Schriften*. Berlin, 1865, Bd. 3, S. 124—127; ПАТС, с. 232—236, 238—241, 244—246, 260—261; Писарев В.И. Указ. соч., с. 176—177. Подробнее о меновой торговле см. Щербина Ф.А. *История...*, т. 2, с. 450, 580—607; Шамрай В.С. Указ. соч., с. 384—393.
42. Koch K. *Reise in Grusien ...*, S. 483; ejusd. *Die Kaukasische Militärstrasse ...*, S. 164.
43. Wagner M. *Op. cit.*, Bd. 1, S. 126—127.
44. АКАК, т. 10, с. 678; Карлгоф Н. О политическом устройстве..., с. 546; Сталь К.Ф. Указ. соч., с. 159—160. Муртазбеки быстро научились злоупотреблять своей властью. Призванные охранять чужую собственность, они нередко посягали на нее. (АКАК, т. 10, с. 671).
45. АКАК, т. 10, с. 588—589.
46. Там же, с. 590. Во второй половине 40-х гг. источники продолжают сообщать о том, что уздени занимаются «только одними хищничествами, грабежами и воровством». (См. Джимов Б.М. Социально-экономические отношения и крестьянское движение в Адыгее в XIX в. (до 1870 года). — УЗАННИИ, 1965, т. 4, с. 19—20).

прекращались, одно из подтверждений чему — Ека-теринодарские ярмарки, с успехом проведенные в 1845 г.⁴¹

С целью умиротворения черкесов их товары скупались по высоким ценам. В 1846 г. в результате соответствующих послаблений достигла небывалого уровня традиционная продажа людей в Турцию⁴². Многие черноморские казаки имели кунаков в закубанских аулах и обращались к ним за содействием, когда хотели вызволить своих жен и детей, угнанных в горы после очередного набега⁴³.

Попытка организации общества на принципах олигархического руководства оказалась малоуспешной. Своей прорусской ориентацией эта структура противоречила набеговой системе, военному складу жизни тфокотлей. Без широкой социальной базы, достаточных средств принуждения и авторитетного вождя она была обречена. Ее нежизнеспособность дала о себе знать в тех частых стычках между муртазками, действовавшими от имени народного собрания, и общинниками, которые, как правило, заканчивались в пользу последних⁴⁴.

Усилия прорусской «партии» поставить под контроль военную активность черкесских обществ в целом ничего не дали. Набеги продолжались. Причем в них участвовали ближайшие родственники и сыновья тех старшин, которые считали необходимым жить в мире с Россией и призывали к этому племенников⁴⁵. В письмах к русским генералам (1847 г.) представители абадзехской общинной знати прямо заявляли, что они избрали путь войны и просили не путать их с теми, кто приносил присяги покорности⁴⁶.

Коллективная власть не была в состоянии стать эффективным механизмом управления обществом, где сталкивались различные материальные и политические интересы. Для «регулирования» этих противоборствующих сил требовалось единовластие. Вместе с тем, постановления народного собрания 1847 г. и особенно попытка создания полиции муртазекв благоприятствовали дальнейшему развитию государственности. Это было пронизательно замечено русской военной администрацией. В письме к Чернышеву (июль 1848 г.) М. С. Воронцов со ссылкой на мнение начальника Черноморской береговой линии вице-адмирала Л. М. Серебрякова о возможности перерождения института муртазекв в мюридизм, высказывал опасение, что этот институт «действительно может иметь невыгодные для нас (русских — ред.) последствия, в особенности, если между этими племенами явится человек властолюбивый и предприимчивый, который, вознамерясь приобрести владычество наподобие учрежденного Шамилем в Дагестане, будет уметь пользоваться постоянным опол-

47:
АКАК, т. 10, с. 672.

48.
См. Сталь К.Ф. Указ. соч.,
с. 170; Писарев В.И. Указ. соч.,
с. 160.

49.
См. АКАК, т. 12, с. 948. Сами
черкесы заявляли об этом от-
крыто. (Longworth J.A. Op.
cit., v. 2, p. 31; Из истории
происков иностранной агенту-
ры во время кавказских войн.
(Документы). — ВИ, 1950,
№ 11, с. 109). Как тут не
вспомнить, что власть и авто-
ритет пророка Мухаммеда про-
исходили из той духовно-по-
среднической роли, которую
он играл для аравийских пле-
мен. Они обращались к нему
как к арбитру в своих кров-
ных, имущественных, генеало-
гических спорах. (Пиотров-
ский М.Б. Пророческое движе-
ние в Аравии VII в., с. 24).

50.
Сталь К.Ф. Указ. соч., с. 169—
170; ШССТАК, с. 248.

51.
Карлгоф Н. Магомет Амин,
с. 84; Руновский А. Записки
о Шамиле. СПб., 1860, гл. 5,
с. 34—35.

52.
Шамиль ошибался, считая
Мухаммеда Эмина лишенным
способностей политика. (Днев-
ник Руновского, с. 1522—1523).

чением для насильственного подчинения себе разно-
родных Черкесских племен»⁴⁷.

В вожде — устроителе упорядоченного обществен-
ного быта — нуждались прежде всего тфокотли, т. е.
основная масса населения Северо-Западного Кавка-
за. Дальнейшее развитие набеговой системы во вто-
рой половине 40-х гг. XIX в.⁴⁸, ускорявшее процесс
формирования собственности и социальную иерархи-
зацию в общинной среде, делало злободневными во-
просы совершенствования организации этой важной
сферы жизни черкесов (интенсификация набегового
«хозяйства», управление его военно-социальной
структурой, создание государственных институтов,
узаконение неравномерного распределения продуктов
производительной деятельности, включая набеги,
охрана частного имущества и т. д.) и, конечно, во-
просы поиска личности, способной справиться с по-
добными задачами. Как уже не раз случалось у дру-
гих народов и в другие времена, от претендента на
эту роль требовалось, помимо дара политика, чтобы он
был человеком иноземного происхождения, не свя-
занным с местными страстями, раздорами, соперни-
чеством «партий» и амбиций. В нем ожидали найти
третейскую силу, олицетворение справедливости, вы-
разителя насущных интересов. Только такая фигура
имела шансы объединить и повести за собой разоб-
щенные горские племена⁴⁹.

И без того сложную и напряженную ситуацию
в Черкесии обостряли известия с Северо-Восточного
Кавказа, настоятельные послания Шамиля, оказы-
вавшие сильное идейное воздействие. Поход имама в
Кабарду (1846 г.) произвел внушительное впечатле-
ние на черкесов, которые в ожидании его прибытия в
закубанский край пришли в возбужденное состоя-
ние⁵⁰. Абадзехи послали к Шамилю делегацию с
просьбой назначить к ним одного из его наивов⁵¹.
История еще раз показала, что идея «призвания»
была характерна для политического мышления пере-
ходного общества.

В обстановке, благоприятствовавшей деятельности
единовластного вождя, в Черкесии появляется (ко-
нец 1848 г.) третий эмиссар имама — Мухаммед
Эмин с теми же намерениями, что и его предше-
ственники. Умный и чуткий политик, умевший уловить
нужды и настроения людской массы, блестящий ора-
тор, смелый воин, он предпочитал упорно идти к
цели по проторенным следам своего учителя⁵². Про-
возглашая шариат, мюридизм и священную войну
против неверных, Мухаммед Эмин быстро подчинил
себе абадзехов и с помощью реформ создал довольно
стройный аппарат автократической власти. Террито-
рия племени была разделена на общины (по сто
дворов в каждой) под управлением избираемых
народом старшин. Общины образовывали четыре

53. Карлгоф Н. Магомет Амин, с. 85—86; Шербина Ф.А. Указ. соч., т. 2, с. 542.
54. Карлгоф Н. Магомет Амин, с. 87; Сталь К.Ф. Указ. соч., с. 171.
55. Карлгоф Н. Магомет Амин, с. 81—82.
56. Эсадзе С. Покорение..., с. 92; К. Обзор событий на Кавказе в 1851 году. — КС, 1899, т. 20, с. 28—29; Friedrich Н. Op. cit., S. 364. Воронцов прекрасно понимал, что Мухаммед Эмин не мог «не замышлять вторжения в границы наши», поскольку упрочение его власти во многом зависело от «успеха оружия». (АКАК, т. 10, с. 599).

округа, возглавлявшиеся центральными административными органами (мегкеме), в состав каждого из которых входили муфтий (начальник округа) и три кадия (в качестве чиновников), наделенные широкими исполнительными полномочиями, включая судебные. Чтобы мегкеме могли исправно отправлять свои функции, им подчинялись постоянные отряды вооруженных конников (одновременно войско и полиция). Месторасположение мегкеме было хорошо укреплено, на его территории находились мечеть, суд, духовное училище, жилые помещения для членов административного руководства, судей и муртазек, провиантский склад, конюшня, а также яма для заключения преступников или противников нового режима. Мегкеме и его стража существовали за счет населения. Оно также было обязано для военных нужд держать в постоянной боевой готовности в каждом дворе по одному всаднику, который не имел права отлучаться из аула без дозволения и должен был по первому призыву явиться на сборный пункт. Для крупных предприятий количество рекрутированных воинов увеличивалось вдвое, иногда поголовно созывались все боеспособные мужчины⁵³.

Над всей этой структурой, во многом похожей на имамат, стоял Мухаммед Эмин, охраняемый гвардией из трехсот муртазек. Фактически он создал фундамент для военно-теократического государства с авторитарным управлением, в котором религиозно-правовой нормой провозглашался шариат, а высшим «гражданским» долгом — беспрекословное повиновение вождю (мюридизм) и священная война против неверных (газават). Естественно, в этой политической системе видная роль досталась духовенству.

Утвердившись у абадзехов, Мухаммед Эмин принялся распространять новый порядок на другие племена. Силой оружия и слова он в 1849 г. подчинил себе махашевцев, егерукаевцев, гатукаевцев, урупских кабардинцев, большую часть темиргоевцев⁵⁴. При нужде и угрозы использовались там, где Мухаммед Эмин имел дело с черкесами, поддерживавшими с Россией мирные отношения, предпочитая войне торговлю и добрососедство. Он был удивлен картиной того, как во многих местах горцы привычно пахали землю и косили траву бок о бок с русскими солдатами. Наиб ставил себе в большую заслугу тот факт, что ему удалось воспрепятствовать их слиянию «в один народ». Вместе с тем, даже в аулах, присягнувших России и соблюдавших лояльность к ней (не говоря уже о враждебных), было немало людей, тяготившихся этой ситуацией, поскольку она мешала им промышлять грабежом⁵⁵. Именно они охотно присоединились к Мухаммеду Эмину. Вовлечение новых обществ в сферу его власти шло параллельно с набегами на русскую территорию⁵⁶. Теперь, направ-

57.
Дубровин Н.Ф. Обзор войн...,
с. 290—292; Служивый. Указ.
соч., с. 99.

58.
См. Карлгоф Н. Магомет Амин,
с. 85, 87; Щербина Ф.А. Исто-
рия..., т. 2, с. 478. Фактически
наиб придерживался традици-
онного для участников черкес-
ских набегов правила. (См.
Дубровин Н.Ф. Черкесы,
с. 167).

59.
АКАК, т. 10, с. 614.

60.
См. Карлгоф Н. Магомет Амин,
с. 87—90; Lapinski Th. Op. cit.,
Bd. 1, S. 277—280.

ляемые из единого командного центра волей и умом такого энергичного предводителя, они отличались большей систематичностью и организованностью. Только в 1849 г. горцы, действуя с молниеносной быстротой и воодушевляемые личным присутствием Мухаммеда Эмина, произвели 101 нападение на Кавказскую линию на пространстве в несколько сот верст⁵⁷. Как и раньше, это были, строго говоря, не собственно военные операции, а походы за добычей, но гораздо лучше подготовленные и искуснее осуществляемые. Решая конкретную материальную задачу, Мухаммед Эмин, даже с 3 тысячами всадников, старался уклоняться от столкновения с русскими войсками⁵⁸. Это, естественно, создавало ему репутацию победоносного и удачливого военного вождя, под началом которого можно разбогатеть без особого риска для жизни. Он быстро набирал авторитет и популярность. Прихода наиба ждали многие черкесские общества, склонные принять его как верховного правителя и военачальника. Большинство общинников связывало с ним надежду на улучшение своего материального положения. Внушали уважение его высокий духовный и политический ранг доверенного лица Шамиля, набожность, преданность религиозной идее, растущее могущество. Начальник Правого фланга Кавказской линии генерал Н. И. Евдокимов констатировал «общее желание народа предаться Мухаммеду Эмину, обещающему лучшую ему участь от преобразования его быта»⁵⁹.

Голос противников Мухаммеда Эмина звучал едва слышно: они знали, как он умеет расправляться с теми, кто стоял на его пути. Ему было выгодно отсутствие единства внутри племен, ослаблявшее потенциальные силы сопротивления, тогда как тяга к такому единству обеспечивала Мухаммеду Эмину — человеку, обещающему достичь его — широкую поддержку.

С начала 1850 г. до мая 1851 г. ему подчинились бжедухи, шапсуги, натухайцы, убыхи и несколько более мелких обществ. Применяя оружие, угрозы или увещевания, Мухаммед Эмин прошел победным маршем огромную территорию, заключенную между Кубанью, Лабой и Черным морем. Он уводил за собой в горы целые аулы, подальше от соседства с Россией и от ее влияния. В покоренных землях возводились мекеме, насаждался шариат, учреждалась местная администрация, налоговая система и т. д. Каждая новая территория включалась в структуру централизующейся власти⁶⁰.

Вне сферы господства Мухаммеда Эмина фактически оставались только прибрежные натухайцы и шапсуги, отказавшиеся присягнуть ему (в ряде случаев давалась лишь формальная присяга) и прекратить торговые связи с Россией. Тут сыграл роль и тот

61.
Карлгоф Н. Магомет Амин,
с. 89.
62.
Там же, с. 88, Дьячков-Тара-
сов А.Н. Абадзехи. (Истори-
ко-этнографический очерк).
Тифлис, 1902, с. 47.
63.
Карлгоф Н. Магомет Амин,
с. 90.
64.
Там же, с. 91.

факт, что они, живя вблизи Черноморской береговой линии, могли рассчитывать на защиту от новоявленного пророка⁶¹.

Занимаясь внутренними делами и набегами, Мухаммед Эмин не изменял своей тактике увертывания от сражений с русскими войсками, что при их пассивности в конце 40-х гг. не стоило ему особого труда. Исключение из этого правила он делал тогда, когда был полностью уверен в успехе. Так, в апреле 1850 г. наиб окружил и уничтожил две казачьи сотни, неосмотрительно отделившиеся от мест базирования. Эта «победа» укрепила миф о его несокрушимости, в который, похоже, он и сам поверил⁶².

Поскольку полководческая слава Мухаммеда Эмина во многом держалась на таком ложном представлении, естественно было предположить: поражения от России смогут подорвать веру в него и столь быстро приобретенное влияние. Так оно и случилось.

С начала 1851 г. русские войска в Черкесии активизировались. Уничтожение вице-адмиралом Себряковым мегкема в Худако и успешная экспедиция в Адагум послужили для большей части натахайцев поводом отложиться от Мухаммеда Эмина и возобновить торговлю с Черноморской береговой линией. Сильное моральное воздействие на окрестные племена имело возведение русского укрепления в стратегически важном пункте на р. Белой. Местные жители поняли, что наиб не в состоянии помешать продвижению противника в глубь края и только подставляет их под удары русской армии.

Ближайшим последствием осознания этого явилось принятие темиргоевцами новой присяги на верность России⁶³.

Чтобы воспрепятствовать Мухаммеду Эмину увести бесленеевцев за собой в горы, было решено переселить их с верховьев реки Уруп в район ее слияния с Кубанью. Чувствуя необходимость поддержать свой падающий авторитет в народе каким-нибудь отважным предприятием, наиб, собрав в мае 1851 г. значительные силы и забыв обычную осторожность, бросился упреждать русских. Мощно атакованный отрядами генералов Евдокимова и Эристова, он с большими потерями был вынужден спасаться бегством⁶⁴. Весть об этой неудаче быстро разнеслась по Черкесии, рассеяв легенду о всемогущем Мухаммеде Эмина, вселив в сознание горцев страх перед Россией. Племена, одно за другим, восставали против того, кто еще недавно казался им непобедимым и всеведущим предводителем, посланным свыше, чтобы дать людям порядок и благоденствие. С ослаблением престижа наива лопнула оболочка, сдерживавшая недовольство его жестким административно-теократическим режимом, причем — не только у «низов», но и у «верхов» общины. Вышло наружу раздражение про-

65.

Цит. по: Джимов Б.М. Анти-мюридистские выступления..., с. 58.

66.

Там же, с. 58—61.

67.

Карлгоф Н. Магомет Амин, с. 91—92; Дубровин Н.Ф. Обзор войн..., с. 293.

68.

Карлгоф Н. Магомет Амин, с. 92—93; Казем-Бек М.А. Мохаммед Амин. — РСЛ, 1860, № 6, с. 235—236; Фелицын Е.Д. Князь..., с. 72.

тив того, что раньше терпелось и прощалось Мухамеду Эмину как сильному, удачливому вождю.

Сначала поднялись жители Черноморского побережья: они сожгли лес, заготовленный для постройки мечетей, и восстановили свои прежние языческие и христианские культы. В июне 1851 г. шапсуги во главе со старшиной Хоротокором Хамырзом Кобле разогнали муртазекон и сожгли мекеме в Аптхыре. Он заявил на народном собрании, что «Шамиль и Мухаммед Эмин восстанавливают горцев против русских для того, чтобы под этим предлогом владычествовать» над ними. Наиб, по утверждению Кобле, «не сделал для народа ничего полезного и не исполнил ни одного из своих обещаний, а между тем стеснил его свободу, подверг опустошениям войной, лишил выгод торговли и с нею предмета первой необходимости — соли, и обременил его налогами»⁶⁵.

Движение против Мухаммеда Эмина приняло массовый характер. Громче зазвучали требования о низвержении его власти, восстановлении прежних патриархальных обычаев, возобновлении меновой торговли с русскими⁶⁶. В середине октября покорность России изъявили тамовцы, кизильбековцы, баговцы, шахгиреевцы, башильбеевцы, беглые кабардинцы, бесленеевцы. В ноябре-декабре этому примеру последовали бжедухи, махашевцы, егерукаевцы. Даже часть абадзехов, наиболее преданных наибу, прислала в Прочный Окоп депутацию из двухсот человек для мирных переговоров. Лишь оставшая часть племени продолжала повиноваться Мухаммеду Эмину⁶⁷. В конце 1851 г. казалось, что у наиба нет никаких перспектив.

Между тем, весной следующего года он созывает народное собрание у абадзехов и объявляет им якобы полученное из Константинополя важное известие: турки твердо решили воевать с Россией во имя освобождения кавказских мусульман и в случае несогласия султана Абдул-Меджида намерены возвести на престол его брата. Мухаммед Эмин призвал черкесов объединиться под его властью и ждать прихода освободителей. Если же по прошествии полугода не произойдет войны, то он обещал сложить с себя все полномочия и покинуть край. Наиб явно шел ва-банк, по всей вероятности потому, что, находясь в переписке с османскими сановниками, он имел сведения о подготовке Турции к вооруженному столкновению с Россией⁶⁸. Во всяком случае, объяснять этот рискованный ход феноменальной прозорливостью нет оснований.

От сообщения Мухаммеда Эмина абадзехи и другие черкесы воспряли духом. Низвергнутый было кумир вновь вырастал в их глазах в маститую политическую фигуру, на которую стоило делать ставку. Получивший огласку в народе факт переписки наиба

69.

Дубровин Н.Ф. Обзор войн..., с. 293.

70.

Карлгоф Н. Магомет Амин, с. 93; Дубровин Н.Ф. Обзор войн..., с. 293.

71.

Карлгоф Н. Магомет Амин, с. 93—94; Фелицын Е.Д. Князь..., с. 72—73.

с турецким правительством поднимал его репутацию в обществе, создавал о нем впечатление чуть ли не как о доверенном лице самого падишаха. Кроме того, известие о решении султана, могущественного покровителя всех правоверных, выволить Кавказ из рук гяуров значительно укрепляло позиции ислама в Черкесии.

Убедительность заявлению Мухаммеда Эмина придавало еще и то обстоятельство, что оно прозвучало на фоне упорных слухов, распространявшихся среди горцев турецкими эмиссарами. Люди разных национальностей, ведомые разными побуждениями и идеалами, они представлялись специальными уполномоченными султана, обещали от его имени скорую помощь, уговаривали черкесов поголовно подняться на борьбу с русскими⁶⁹.

В начале лета 1852 г. Мухаммед Эмин легко восстановил свою власть у убыхов, вновь призвавших его к себе. На грани такого же решения находились шапсуги и натухайцы. Пока они обсуждали этот вопрос на народных собраниях, наиб, в сентябре — октябре, покорил джигетов.

Стремясь всеми силами помешать Мухаммеду Эмину, начальник Правого фланга генерал Евдокимов в течение 1852 г. совершил ряд успешных экспедиций в верховьях рек Ходзя, Губс и других залабинских территориях, в результате чего часть хатукаевцев, темиргоевцев и два башильбеевских аула были переселены на левый берег Кубани под опеку русских войск. Но это мало что давало: наиб имел политические и моральные преимущества⁷⁰. Весной 1853 г. под его власть вернулись махошевцы и егерукаевцы, в переговоры с ним вступили башильбеевцы, беглые кабардинцы, темиргоевцы, бжедухи. Тогда же он предпринял поход от границ Абхазии до Геленджика, подчинив себе прибрежное население на этом огромном пространстве. Затем Мухаммед Эмин перешел на северную сторону Кавказского хребта, в земли шапсугов, которые, как и натухайцы, после долгих совещаний постановили вновь признать его своим правителем. Первой акцией наиба был расстрел Хоротокора Кобле, возглавившего восстание шапсугов против него в 1851 г. Восстановив там разрушенные мегкеме, Мухаммед Эмин направился к натухайцам. Искусно обойдя войска вице-адмирала Серебрякова, пытавшегося преградить ему дорогу, он вторгся на территорию этого племени, приводя к присяге верности аул за аулом. Все это Мухаммед Эмин умудрялся делать чуть ли не на виду у русских отрядов, встреч с которыми ему удавалось избегать путем стремительных перемещений и ловкого лавирования⁷¹. Умение уклоняться от рискованных столкновений было, пожалуй, главным и единственным военным «талантом» наиба. Но оно приносило плоды: горцы видели, что присут-

72.

Созывая горцев в поход на Карачай, Мухаммед Эмин обещал им «вечное блаженство в будущей и богатую добычу в настоящей жизни». Массу побуждаемых надеждой на обогащение людей присоединилась к нему. (АКАК, т. 10, с. 621, 622).

73.

См. АКАК, т. 10, с. 622, 625.

74.

См. Карлгоф Н. Магомет Амин, с. 83; Lapinski Th. Op. cit., Bd. 1, S. 136.

ствие русских не мешает ему добиваться своих целей, не важно — какими путями, важен результат! А именно результат чаще всего оказывался в его пользу. Факт оставался фактом — Мухаммед Эмин достигал того, чего хотел, без шумных военных лавров, но и без поражений. В сознании черкесов это откладывало сильное впечатление. Наиб внушал им больше надежд и страха, чем Россия.

Из задуманных в 1853 г. крупных предприятий ему не удалось покорение Карачая, чему воспрепятствовали войска генерала Евдокимова⁷². В целом же к моменту начала русско-турецкой войны господство Мухаммеда Эмина было восстановлено почти повсеместно. В общих чертах повторялась ситуация, в которой очутился Шамиль после Ахульго (1839 г.): за военным поражением и утратой власти быстро последовала реставрация прежних политических позиций. Этот процесс в Черкесии (как в свое время и в Дагестане) сразу сказался на состоянии набеговой системы. Вновь обрета своего организатора, она получила новые импульсы, широкий размах⁷³.

Успех Мухаммеду Эмину в конечном итоге принесла его социальная политика (разумеется, в условиях наличия объективных возможностей для ее осуществления). Подобно Шамилю, он сделал ставку на «среднее сословие» (тфокотлей) — потенциально наиболее мощную часть общества. В лице наиба оно приветствовало столь необходимого военного и политического вождя, способного обеспечить неприкосновенность складывающейся частной собственности, надежные источники получения ее⁷⁴. Политическую гарантию этой неприкосновенности, то есть единоличную власть, наделенную реальными средствами принуждения, дополняла правовая — шариат, освящавший собственность как незыблемый атрибут мироздания. Отсюда — социальное и политическое возвышение мусульманского духовенства, покровительствуемого Мухаммедом Эмином, который оставлял за собой первую роль в клерикальной иерархии. Соединив в собственной персоне политического и религиозного владыку, он казался тфокотлям убедительным воплощением обеих гарантий, творцом едва ли не самого разумного общественного порядка.

Успешная статья к середине 40-х гг. XIX в. довольно сложной и «многоярусной» социальной структура «демократических» и «аристократических» обществ, сеть конфликтных пересечений интересов различных групп и слоев населения, межплеменная рознь — все это побуждало Мухаммеда Эмина лавировать, нащупывать «восходящие потоки», которые могли бы поднять его к власти.

В «демократических» племенах (в частности, у наиболее многочисленных абадзехов), где шло разложение патриархального строя, ему пришлось иметь

75. Покровский М.В. Социальная борьба..., с. 22—24; Lapinski Th. Op. cit., Bd. 1. S. 274.

76.

Цит. по: Покровский М.В. Социальная борьба..., с. 24. Ср. АКАК, т. 10, с. 236, 239.

дело с ситуацией, когда общинная масса утрачивала однородность: у выделявшейся аульской верхушки, представленной старшинами и богатыми тфокотлями, уже возникали трения с рядовыми общинниками — предвестие будущей классовой борьбы, всегда сопровождающей антагонизацию общества. Этот процесс рано или поздно должен был поставить наба перед выбором между двумя силами. С другой стороны, трудные задачи, связанные с утверждением личной власти, подавлением княжеско-дворянской оппозиции, организацией набеговой системы и вообще управлением общественным организмом, заставляли его торопиться с таким выбором и, по возможности, сохранять хотя бы формальное единство тфокотлей — самого мощного и динамичного (в социально-экономическом и количественном отношении) слоя.

И все же зависимость «плебейского вождя» (постепенно она будет расти) от старшин обозначилась изначально. Именно они в своей большей части безоговорочно приняли Мухаммеда Эмина и идеи мюридизма, поскольку остро нуждались в эффективном, авторитарном аппарате принуждения «низов» (традиционные родовые институты, хотя и использовались в этих целях, были малоприспособленными для них). Они расчищали дорогу наибу, беря на себя роль «пятой колонны» в тех «демократических» племенах, которые противились ему. Так, шапсугские старшины и муллы втайне от народа призывали Мухаммеда Эмина в «Шапсугию» и помогли ему сломить сопротивление соплеменников. За это они были вознаграждены назначениями на ключевые должности в создаваемой военно-государственной системе⁷⁵. Одна из главных забот приверженцев нового порядка состояла в ограничении влияния патриархально-родовых учреждений. У последних был изъят важный инструмент этого влияния — судебные дела — и передан в ведение администрации Мухаммеда Эмина. Представители полицейского аппарата наиба, как свидетельствуют русские архивные источники середины XIX в., «разрушают старый обычай, по которому в каждой фамилии все должны защищать друг друга и мстить за каждого потерпевшего от чужих смерть, насилие, разорение или обиду. Для них этот обычай опасен, потому что он может обратиться на них самих и уменьшить их власть, а потому они требуют, чтобы фамилии не распоряжались ни в каком деле по старому обычаю сами, а все дела отдавали на решение устроенных ими судов и таких мулл, которые с ними заодно. Вообще они стремятся к тому, чтобы уничтожить весь старый порядок и завести свой, в котором они имели бы власть и повелевали бы народом»⁷⁶. «Народные собрания из старшин, — отмечал Ф. А. Щербина, — не могли нравиться мутазигам (муртазекам — ред.), как учреждения, мешавшие

77.
Щербина Ф.А. История..., т. 2,
с. 379.

78.
См. Покровский М.В. Социаль-
ная борьба..., с. 29.

79.
Там же, с. 21—22; АКАК,
т. 10, с. 239.

80.
АКАК, т. 10, с. 678; ср. Жи-
мов Б.М. Крестьянское дви-
жение в дореформенной Ады-
гее, с. 142.

81.
Сталь К.Ф. Указ. соч., с. 148;
Карлгоф Н. Магомет Амин,
с. 89; Покровский М.В. Соци-
альная борьба..., с. 18; А.-Д.Г.
Очерк..., с. 315.

82.
См. Щербина Ф.А. История...,
т. 2, с. 543; Фелицын Е.Д.
Князь..., с. 58.

проявлению их власти. Организация мутазигов выте-
кала не из одних соображений о борьбе с русскими,
но из общих политических потребностей государст-
венного строительства⁷⁷.

Для упрочения социальной почвы под собой Му-
хаммед Эмин принимал услуги, предложенные дво-
рянством «демократических» племен, точнее — тем,
что осталось от него в ходе общественного перево-
рота. К моменту появления наиба в Черкесии соци-
ально-экономический статус дворян сильно изменил-
ся. Их лишили прежнего значения и имущественных
прав посредством конфискации зависимых людей
(унаутов, пшитлей, огов) в пользу новых хозяев-
старшин. Часть дворянства была вынуждена бежать
в Россию, оставшаяся — пойти на соглашение с по-
бедителями — выдвинувшимися на первые политиче-
ские роли знатными тфокотлями, в результате чего
ей удалось сохранить в своих руках подневольную
рабочую силу⁷⁸. Будучи искусными военными предво-
дителями, дворяне отдали в распоряжение наиба
«профессиональные» навыки, надеясь за счет добычи
в набегах поправить свои материальные дела и под
высоким покровительством вождя вернуть утраченное
общественное положение⁷⁹. Этими людьми попол-
нялся дружинный слой, ближнее окружение Мухам-
меда Эмина, непосредственная опора его власти. Как
заметил начальник Черноморской береговой линии в
рапорте М. С. Воронцову (1 февраля 1849 г.), «дво-
ряне, вероятно, желают выиграть в качестве мюридов
то, что утратили по своему званию, т. е. значение
в народе»⁸⁰.

На первых порах наиб воздерживался от активного
вмешательства в сословные дела «аристократических»
племен, стараясь не отпугнуть дворянство, которое
связывало с ним надежды на восстановление своих
прежних прав. Будучи выразителем интересов тфо-
котлей, он, вместе с тем, не отказывался от союза с
представителями «старой» аристократии. Женильба
Мухаммеда Эмина на сестре (по другим источни-
кам — дочери) темиргоевского князя Болотоковой
дала ему полезные связи в этой среде⁸¹. Таким путем
он расширял социальный фундамент своей власти.
Беспрецедентным политическим успехом наиб был
обязан тому обстоятельству, что ему удалось на ка-
кое-то время стать, по мнению почти всех слоев об-
щества, символом единства и могущества, источником
надежд⁸². Генерал Я. Г. Кухаренко, исполняющий
должность наказного атамана Черноморского казачь-
его войска, в рапорте М. С. Воронцову (28 ноября
1853 г.) сообщал: «Мухаммед Эмин, утвердись окон-
чательно между Абадзехами и выстроив почти на
всех значительных речках мехкемэ..., безусловно
властвует над народонаселением, которое, ценя вы-
годы, приобретенные с введением нового порядка

83.

АКАК, т. 10, с. 640. В русской дореволюционной литературе высказано мнение, что роль Мухаммеда Эмина у абадзехов сводилась лишь к посредничеству в улаживании внутренних распрей и к руководству набегам. «Он был первосвященником, судьей, предводителем при набегах, но и только, не более. (Здесь и далее подчеркнуто нами — ред.). Власти общественной, государственной, не смотря на военную организацию своих муртазагов и на устанавливавшиеся им штрафы — поборы с преступников, этой власти он не имел». (Венюков М.И. Очерк пространства между Кубанью и Белой. — ЗИРГО, 1863, кн. 2, с. 52). В приведенной оценке явно допущено логическое противоречие: М.И. Венюков отрицает наличие власти констатацией ее признаков. Посредничество, военное предводительство, идейное влияние — это и есть «не более», чем средства власти.

84.

Шербина Ф.А. История..., т. 2, с. 548; Карлгоф Н. Магомет Амин, с. 98—99; Фелицын Е.Д. Князь..., с. 83.

85.

Покровский М.В. Социальная борьба..., с. 18—19; Джимов Б.М. Крестьянское движение в дореформенной Адыгее, с. 142—143. Ср. Lapinski Th. Op. cit., Bd. 1, S. 272—273.

86.

АКАК, т. 10, с. 638.

87.

Покровский М.В. Социальная борьба..., с. 19—20; Джимов Б.М. Крестьянское движение в дореформенной Адыгее, с. 144.

88.

Lapinski Th. Op. cit., Bd. 1, S. 272; Покровский М.В. Социальная борьба..., с. 20.

89.

Карлгоф Н. Магомет Амин, с. 86—87; А.-Д.Г. Очерк..., с. 314.

вещей (подчеркнуто нами — ред.), совершенно покорилось его власти»⁸³.

По мере упрочения личной власти социальный курс Мухаммеда Эмина приобретал более четкую направленность. Поначалу уклоняясь от прямого ответа на просьбы дворянства «аристократических» племен о поддержке их против тфокотлей, он в конце концов заявил, что эту давнюю тяжбу между двумя общественными слоями следует разрешить по шариату, формально уравнивающему всех мусульман перед аллахом, то есть — в пользу тфокотлей⁸⁴. Бжедухским общинникам наиб пообещал освобождение от всех повинностей, наложенных князьями и дворянами, чем сразу же расположил их к себе и фактически подал сигнал к наступлению на «старую» знать⁸⁵, которая в целом была настроена враждебно к новоявленному конкуренту. Под угрозой истребления бжедухским князьям пришлось переселяться к русским⁸⁶.

Прежде чем приступить к беспощадному подавлению аристократической оппозиции, Мухаммед Эмин расколол ее. Обрушивая репрессии на князей, он предусмотрительно вывел из-под удара их мелких вассалов — дворян, имевших поводы для недовольства своими сюзеренами (ущемление сословных и имущественных привилегий). Это недовольство подчас бывало настолько сильным, что заставляло их объединяться с тфокотлями. Не лишенное амбиций низшее дворянство надеялось найти под покровительством наиба то, чего оно недополучило от князей — богатство и общественный авторитет. В свою очередь и Мухаммед Эмин, остро нуждавшийся в профессиональных военных кадрах (а их поставляло дворянство), старался не обмануть этих ожиданий. Он не только не посягнул на права уорков «аристократических» племен владеть пшитлями и унаутами, но и пополнял эту рабочую силу пленниками, захваченными у шапсугов и натахуццев. Тем самым дворянам возмещались убытки, понесенные в результате отмены наибом тфокотльских повинностей, впрочем, часть которых была сохранена⁸⁷. Взаимоотношения Мухаммеда Эмина с конкретными представителями родовитой знати зависели от того, как они воспринимали утверждавшуюся личную диктатуру. Признавшим ее ничего не грозило, более того — они могли рассчитывать на опеку. Но со строптивыми князьями и крупными дворянами, не желавшими уступать политического господства, стоявшими на пути централизации власти, наиб был безжалостен⁸⁸. По его приказу, например, на глазах у народного собрания схватили и расстреляли махошевского князя Магомета Богорсукова, обвиненного в сношениях с русскими⁸⁹. Контрастом этой жестокости являлась его подчеркнутая «ласковость» с простыми

90.
См. Дубровин Н.Ф. Обзор войн..., с. 291; Эсадзе С. Поколение..., с. 92.

91.
Хан-Гирей. Записки..., с. 122.

92.
См. АКАК, т. 10, с. 236.

93.
Карлгоф Н. Магомет Амин, с. 86; Венюков М.И. Очерк пространства..., с. 63.

94.
Dulaurier Éd. Op. cit. — RDM, 1865, t. 60, p. 963; Покровский М.В. Социальная борьба..., с. 27.

95.
См. АКАК, т. 10, с. 638; т. 12, с. 949.

96.
АКАК, т. 10, с. 684.

97.
М.С. Воронцов в письме к Чернышеву от 11 мая 1850 г. признавал, что «меры агента Шамиля отличаются особенной предусмотрительностью, твердой волей и замечательной настойчивостью в исполнении делаемых им постановлений». (АКАК, т. 10, с. 598).

98.
См. Фелицын Е. Князь Сефербей Зан, с. 85.

99.
АКАК, т. 12, с. 832.

людьми, привлекавшая к нему симпатии «низов»⁹⁰. Политика гонений на потомственную аристократию создавала Мухаммеду Эмину славу поборника народа, приносила ему дополнительную поддержку широких масс, временно скрадывала, под покровом хрупкого единства антикняжеских и антидворянских сил, противоречия внутри горской общины.

Подобно прежним эмиссарам Шамиля в Черкесии Мухаммед Эмин привлек в качестве социально-идеологической опоры местное духовенство, которое уже не удовлетворяется просто «владычеством над умами народа» (слова Хан-Гирея⁹¹), а претендует на осязаемую власть и материальные блага⁹².

Наиба отличала строгость в делах правосудия. Лазутчиков казнили, вора́м отсекали руки, ослушников высочайшей воли, противников шариата и мюридизма, приверженцев России сажали в ямы без всякого снисхождения к возрасту или общественному положению⁹³.

Жестокость в политике сочеталась с гибкостью. Вытесняя адат шариатом, он вместе с тем не спешил полностью упразднить вековые обычаи черкесов, ибо осознавал опасность такой коренной ломки. Наиб использовал в своих интересах межплеменные распри, в частности давнюю вражду между шапсугами и бжедухами⁹⁴. Но он же, если это было выгодно, демонстрировал способность «с удивительной ловкостью» примирять племена, когда столкновение между ними казалось неизбежным⁹⁵. Чтобы не провоцировать неудовольствия горцев, Мухаммед Эмин, в отличие от Хаджи-Магомета, не стал запрещать торговлю с русскими, а лишь ограничил ее⁹⁶. В стремлении принести любые жертвы на алтарь власти, Мухаммед Эмин обнаружил бесспорные дарования политика — ум, волю, изворотливость, умение казаться таким, каким его хотят видеть, и делать то, что необходимо в данный момент и в данной ситуации⁹⁷.

Высокое положение вождя предоставляло Мухаммеду Эмину широкие возможности обогащения. Алчный по натуре, он не упускал случая урвать сверх положенного, обратить в собственность как можно больше добычи от набегов, доходов от налогов и штрафов с населения⁹⁸. Из различных источников Мухаммед Эмин собрал в своем личном владении до 1000 душ крепостных и рабов⁹⁹.

Влекомый могучим стяжательским инстинктом, он сам устанавливал для себя кодекс морали, возводя злоупотребление в норму, беззаконие в закон.

В обществе, где богатство становилось мерилом значимости человека, материальное процветание Мухаммеда Эмина усиливало его авторитет. Он, как и Шамиль, наглядно воплощал нерасторжимый исторический союз между властью и собственностью.

100.

Правда, по утверждению Т. Лапинского, большая часть рабов была освобождена и даже наделена имуществом, конфискованным у старой знати (Lapinski Th. Op. cit., Bd. 1, S. 272—273), что не подтверждается выводами, к которым пришел на основе изучения архивных источников советский историк М.В. Покровский. Есть сведения о том, что у бжедухов Мухаммед Эмин, в целях укрепления своих позиций против оппозиционного дворянства, лишил его прав на рабов и образовал довольно значительный класс вольноотпущенников. (Леонтович Ф.И. Адаты..., вып. 1, с. 133). Впрочем, вопрос о социальной политике Мухаммеда Эмина в отношении рабов и о ее реальных результатах (в количественном и качественном выражении) нуждается в дальнейшем исследовании.

101.

А.-Д.Г. Очерк..., с. 316. Ср. АКАК, т. 10, с. 639, 640.

102.

АКАК, т. 10, с. 693.

103.

Lapinski Th. Op. cit., Bd. 1, S. 282.

104.

АКАК, т. 10, с. 619.

Объективная, насущная потребность общества в вожде способствовала превращению публичной власти в специальную и очень престижную отрасль деятельности. Это обеспечивало Мухаммеду Эмину более или менее автономное положение в людском коллективе, возрастающие политические prerogatives.

Вместе с тем наиб не смог закрепиться у кормила власти настолько прочно, чтобы позволить себе открыто поставить интересы автократии выше интересов отдельных социальных слоев. Именно поэтому он решил не повторять опыта, удавшегося Шамилю и не удавшегося Хаджи-Магомету. Предвидя неудовольствие не только дворян, но и «новой» общинной знати, наиб не рискнул освободить зависимые сословия (пшитли, унауты, оги) и создать из них наиболее преданный вожду костяк общества, надежный инструмент авторитарной политики¹⁰⁰. По наблюдению одного русского дореволюционного историка, Мухаммеду Эмину фактически не удалось «образовать в народе особый класс», сплоченный «общей религиозной идеей», «которого бы интересы зависели от нового порядка вещей» и который «мог бы быть со временем страшным оружием его (наиба — ред.) власти»¹⁰¹. Этим, отчасти, объясняется тот факт, что государственный аппарат Мухаммеда Эмина так и не достиг уровня деспотии Шамиля, который окружил себя «бездомовниками», ставшими мощной основой личной диктатуры. Рядом с нововведенным административным устройством продолжало функционировать народное собрание. Вынужденный считаться с этим влиятельным патриархальным учреждением Мухаммед Эмин старался поставить его себе на службу, ослабить его как средство ограничения единоличной власти, источник политической и социальной оппозиции.

Наибу приходилось действовать с оглядкой на старшинскую знать, зорко следившую за ним и готовую пресечь самодержавные притязания. Она, доверив Мухаммеду Эмину свои интересы, тем не менее не позволяла ему подняться выше положения «первого среди равных». Кое-где это порождало политические трения. Так, у убыхов претензии наиба на самостоятельную власть натолкнулись на стремление старшин сделать его своим послушным орудием для управления народом¹⁰². Хорошо чувствуя ситуацию, Мухаммед Эмин, по словам Т. Лапинского, «остерегался вести себя слишком деспотично»¹⁰³. Он объявил полное прощение тем старшинам, которые выступали против него, при условии отказа от борьбы. Последние, опасаясь за свои семьи и имущество, приняли предложение¹⁰⁴. Зависимость Мухаммеда Эмина от этого слоя усиливалась по мере феодализации «демократических» племен. Наиб срастался с ним социально и экономически. В условиях углуб-

105.

См. Покровский М.В. Социальная борьба..., с. 23, 25; Джигитов Б.М. Крестьянское движение в дореформенной Адыгее, с. 143—144, 146—147.

106.

Покровский М.В. Социальная борьба..., с. 21.

107.

Там же, с. 18.

108.

Очерки истории Адыгеев. Т. 1, Майкоп, 1957, с. 347—348.

109.

Lapinski Th. Op. cit., Bd. 1, S. 282.

ляющегося раскола общества, недовольства рядовых общинников он неизбежно оказывался «по ту сторону барьера» вместе с тфокотльской верхушкой и был обречен идти с ней до конца. Необходимость защиты собственности и завоеванных социальных привилегий связывала их неразрывно. Создававшийся наибом административный аппарат, который укомплектовывался кадрами, представлявшими почетных общинников (старшин, мулл, аульских богачей), превращался в их руках в удобный политический рычаг. Наряду с управленческой функцией этот примитивный государственный механизм начинал выполнять функцию принуждения. «Классовое» сознание простых тфокотлей еще не было достаточно искушенным, чтобы прямо отождествлять Мухаммеда Эмина с социально агрессивной «новой» знатью, стремившейся к захвату общинных земель и закабалению соплеменников. До поры до времени, благодаря искусной демагогии и показному демократизму наибо, вокруг него сохранялся ореол народного вождя, третейского судьи и радетеля порядка в обществе. Однако по мере того, как аульская масса «демократических» племен с опаской присматривалась к поведению своих знатных односельчан и их взаимоотношениям с Мухаммедом Эмином, она постепенно приближалась к пониманию характера этой связи, что вызывало чувство разочарования, переходящего в протест¹⁰⁵. Были причины для недовольства и у простонародья «аристократических» племен, которое пригрозило наибоу неповиновением, если он не прекратит «сообщничества с высшим сословием»¹⁰⁶. Настораживала также его породненность с темиргоевской княжеской фамилией¹⁰⁷.

Естественную реакцию отторжения порождал и сам государственный режим — введение налогообложения, рекрутских наборов, вытеснение строгими исламскими догматами (шариат и мюридизм) язычества, остатков христианства, обычного права, запрещение сношений с русскими (ставших для многих тфокотлей нормой хозяйственной жизни), полицейско-карательная система принуждения. В письме к Шамилю Мухаммед Эмин, жалуясь на трудности управления массой, «вовсе не привычной к какой-либо подчиненности», просил прислать ему в помощь несколько десятков мюридов. Выбирать наибоадминистраторов из местной среды он считал нецелесообразным — они «все-таки будут связаны между собой узами родства и дружбы». К их услугам, по его мнению, можно прибегнуть лишь тогда, когда народ соединят «средства, извне призванные»¹⁰⁸.

Неизбежной издержкой нового аппарата власти было самоуправство муртазек, вызывавшее активное возмущение¹⁰⁹. Как подчеркивал Ф. А. Щербина, «мутазиги (муртазеки — ред.) сразу поняли свое

110.

Щербина Ф.А. История..., т. 2, с. 379.

111.

По наблюдению наемного прусского офицера С. Штюкера, воевавшего на Северо-Западном Кавказе против России в конце 50-х гг. XIX в., зачастую зажиточный черкес по своему образу жизни мало чем отличался от бедного (Stücker С. Op. cit., S. 227).

112.

Не случайно В.И. Ленин называл силу привычки у масс «самой страшной силой». (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 27).

113.

См. Щербина Ф.А. История..., т. 2, с. 568—570.

114.

Фадеев А.В. Убыхи..., с. 160—162.

115.

См. Джимов Б.М. Крестьянское движение в дореформенной Адыгее, с. 108—110, 117.

116.

Фелицын Е.Д. Князь..., с. 38—40, 47—51, 62—64.

117.

Wagner М. Op. cit., Bd. 2, S. 202.

118.

Покровский М.В. Социальная борьба..., с. 27—28.

119.

Там же, с. 13.

значение и сразу же приняли повелительный тон по отношению к населению»¹¹⁰.

В сопротивлении общинной массы притязаниям аульской знати и шариату, которое логически перерастало в борьбу против Мухаммеда Эмина, уже проглядывали ранние антифеодальные тенденции. Однако их не стоит преувеличивать: процесс классового образования еще далеко не закончился, эксплуатация чужого труда и социальные антагонизмы пока не достигли уровня, необходимого для острых классовых конфликтов, традиции патриархально-родовой демократии были очень живучи¹¹¹. Противодействие наibu в первые годы его пребывания в Черкесии представляло собой не только (а возможно, и не столько) проявление социальных противоречий. Ибо, во-первых, «низы» тфокотлей плохо осознавали себя как класс и еще хуже — свои цели; во-вторых, против ломки старого порядка нередко выступали и те, ради кого она производилась, — общинная знать. Срабатывала великая консервативная сила психологического предпочтения привычного и известного новому и неведомому¹¹².

Политика России в Черкесии, почти не изменившаяся в 40-х — начале 50-х гг. XIX в., не могла составить действительной конкуренции влиянию Мухаммеда Эмина. По-прежнему царизм видел свою главную опору в местной аристократии¹¹³. Так, в 1842 г. было заключено соглашение о присяге России с самой влиятельной убыхской фамилией Берзек¹¹⁴. В 1845—1847 гг. последовали аналогичные соглашения с представителями знати шапсугского, натухайского, абадзехского и более мелких племен¹¹⁵. В 1842—1845, 1852 гг. предпринимались безуспешные попытки договориться с Сефер-беем о его возвращении в Черкесию в качестве щедро оплачиваемого проводника российских интересов¹¹⁶. М.С. Воронцов подкупал племенную знать дорогими подарками и ежегодными пенсиями, лично вел с ее представителями переговоры в Екатеринодаре¹¹⁷.

Когда бжедухские тфокотли, свергнувшие в конце 1851 г. власть Мухаммеда Эмина, обратились к русскому командованию с просьбой о принятии их в подданство России, М. С. Воронцов в ответ заявил, что они должны принести присягу непременно со своими князьями. На это последовал решительный отказ, поскольку совместная присяга оставила бы бжедухских общинников под гнетом старых владельцев¹¹⁸. От шапсугских и натухайских старшин, насильно отбравших у дворян тысячи зависимых людей и присваивавших их себе, наместник требовал прекратить репрессии против знати¹¹⁹.

Хотя русскими военачальниками в Черкесии подавалась здравая мысль о привлечении на сторону России

120.

Там же, с. 19.

121.

См. Джимов Б.М. Крестьянское движение в дореформенной Адыгее, с. 113, 116—117.

122.

Покровский М.В. Социальная борьба..., с. 13.

123.

Там же, с. 13—14.

124.

АКАК, т. 10, с. 688. Ср. СЭПКРНКЧ, с. 65, 77; РАТС, с. 215, 222, 238.

125.

Wagner M. Op. cit., Bd. I, S. 123; Bd. 2, S. 202. Впрочем, и без этого разрешения так называемые немирные горцы торговали с русскими при посредничестве мирных. (Шамрай В.С. Указ. соч., с. 504).

126.

РАТС, с. 268.

как можно большего числа «приверженцев из простого народа»¹²⁰, реально для этого мало что делалось. Правда, в конкретных ситуациях, требовавших гибкого и разумного подхода к делу, приходилось, как и раньше, в какой-то мере отклоняться от традиционного социального курса. Принимая под свое покровительство князей, дворян, богатых старшин, русские власти вместе с тем старались быть осторожными в вопросе о сословных правах и не всегда поддерживали притязания знати¹²¹. Отметим еще одно обстоятельство. Среди полусвободных и несвободных горцев «демократических» племен встречались семьи, скопившие значительные состояния (до 200—250 голов скота). Не случайно в русской официальной переписке указывалось, что у черкесов «иногда холоп бывает богаче своего господина»¹²². Эти люди находились в зависимости от сильных дворян, которые, однако, обеспечивали им надежную военную защиту, дававшую возможность относительно спокойно заниматься хозяйственной деятельностью. Переход к новым владениям (в результате общественного переворота) — общинной знати — резко ухудшал их имущественное и правовое положение, вынуждал к бегству в Россию. Принимая и устраивая эмигрантов на прикубанских землях, русское командование тем самым предупреждало верхушку тфокотлей, дорожившую подневольными людьми: покуда она не прекратит войну с Россией, горским беженцам всегда будет предоставляться убежище¹²³. Впрочем, такая политика являлась скорее находчивой реакцией на стихийный ход событий, чем следствием продуманного, целенаправленного вмешательства в них.

С русской стороны продолжались усилия по приобщению черкесов к торговле, мирному образу жизни. Их старались убедить, что «для собственной своей пользы они должны искать в Русском правительстве то, чего (они) напрасно добивались от... пришельцев: народного благоустройства и спокойствия»¹²⁴. Предполагалось дать горцу почувствовать все выгоды товарообмена с Кавказской линией, чтобы материальными стимулами изменить его систему ценностей, смягчить воинственные нравы, направить их энергию в хозяйственное русло. Такой курс был особенно характерен для М. С. Воронцова. При нем позволялось посещать рынки казачьих городов и станиц даже тем черкесам, которые еще вчера грабили те же прикубанские поселения¹²⁵. Предписывалось оказывать горцам «все-возможное покровительство и защиту от несправедливостей и обид по торговле»¹²⁶. Такая политика, не сулившая немедленных и осязаемых результатов, а рассчитанная на долгосрочную перспективу и терпеливое осуществление, объективно затрудняла решение конкретных военных задач, отчего и вызвала сопротивление многих из высшего офицерского состава.

127.

Wagner M. Op. cit., Bd. I,
S. 124.

128.

Ibid., S. 126.

Дело в том, что на русских территориях горцы появлялись не только с торговыми, но и с разведывательными целями. Ничто не ускользало от цепкого и опытного взора черкесского шпиона. В основном он запоминал уязвимые места на Кавказской линии, через которые можно было прорваться отряду горцев и внезапно совершить набег на какую-нибудь станицу. Благодаря этим соглядатаям редко удавалось русским войскам подготовить более или менее значительную экспедицию без того, чтобы за Кубанью узнали о ней заблаговременно¹²⁷.

Неоднозначным было отношение русских властей к нейтральным или мирным черкесам. Большинство военачальников, понимая их трудное положение между двух огней, часто закрывало глаза на двусмысленное, но извиняемое обстоятельствами поведение этих горцев: сохранение состояния «полупокорности» с преобладанием мирных настроений предпочиталось открытой вражде. Однако часть генералов осуждала такой подход, считая, что мнимый друг хуже явного врага, от которого, по крайней мере, знаешь — чего можно ожидать, и поэтому выступала за ужесточение политики¹²⁸.

Кризис тоталитарного
режима Шамиля.
Наращивание военного
давления России.
Социальная политика
А. И. Барятинского.
Гунибская развязка.
«Кавказ в Калуге»
(1850—1859 гг.)

1. Гаджи-Али. Указ. соч., с. 46—47, 74—75.
2. АКАК, т. 10, с. 566; ШССТАК, с. 416, 435—444; ср. Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 232—236.
3. См. АКАК, т. II, с. 622, 683.
4. Гаджи-Али. Указ. соч., с. 48; ср. Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 241.

В 50-е гг. XIX в. в имама-те углубляются внутренние социально-политические противоречия, связанные с естественной эволюцией феодальной государственности. Обогатившиеся на Кавказской войне наибы и знать достигли достаточного уровня материальной самостоятельности, чтобы претендовать на независимое от Шамиля существование. Усиливавшийся разгул междоусобных распрей, оппозиционных и сепаратистских настроений в «верхах» знаменовал наступление закономерных признаков феодальной раздробленности. Этот процесс, в условиях сложной внешнеполитической и военной обстановки, сопровождался сужением экономической основы имамата. Некогда положительное для мюридов соотношение между прибылью и ущербом от набеговой системы меняется в отрицательную сторону. Происходило это постепенно. В 1850—1854 гг. Шамиль или его наибы еще возвращались из походов (главным образом, в Восточное Закавказье) с большими суммами денег и другими ценностями¹. Наиболее крупную вылазку он совершил в июле 1854 г. в Кахетию, откуда было привезено около 700 пленных обоого пола, 3,5 тыс. голов скота, имущества на 225 тыс. рублей². Усилились нападения на Нухинский уезд (Северный Азербайджан), где в мае 1854 г. горцы разграбили почту и унесли более 300 тыс. рублей³. Торжествующие наибы призывали к новым набегам, но прозорливый имам с тревогой предупреждал: «Это радость, после которой придется печалиться»⁴.

5. АКАК, т. 10, с. 551, т. 12, с. 1049—1050; ШССТАК, с. 314—315, 319, 321, 323—324 и др.; Дубровин Н. Ф. Обзор войн..., с. 305. Потери горцев в кахетинском походе (1854 г.) доходили до тысячи человек. (ДГСВК, с. 636).
6. См. Руновский А. Кодекс Шамиля, с. 359. Хаджи-Мурат говорил, что иногда наибы, пользуясь своей властью, казнили людей без ведома Шамиля. (Хаджи-Мурат. Письма о нем..., с. 671).
7. См. Гаджи-Али. Указ. соч., с. 75.
8. Дневник Руновского, с. 1506.
9. Гаджи-Али. Указ. соч., с. 70—71.
10. АКАК, т. 10, с. 359; ДГСВК, с. 635.
11. Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 235.
12. Там же, с. 240.
13. Позволим себе аналогию: едва завоевав Константинополь в начале XIII в., крестоносцы (особенно их вожди) тут же забыли о высоких религиозных целях и учинили грабеж города. При этом простые рыцари возмущались тем, что предводители похода, в нарушение принципов разбойничьей «справедливости», расхитили предназначенные для дележа добычи. (Заборов М.А. Робер де Клари и его хроника как памятник исторической мысли Средневековья. — В кн.: Робер де Клари. Завоевание Константинополя. М., 1986, с. 103, 110—111).

Русские войска продолжали сжимать территорию имамата кольцом крепостей, дорог, просек. Когда на Лезгинской линии горцам перекрыли выходы в Закавказье, они направили экспансию в Акуша-Дарго, Цудахар и другие районы Восточного Дагестана. Вскоре и эти пути были преграждены русскими. Мюриды возвращались из набегов не с добычей, а с телами своих убитых товарищей⁵. Доходы казны и узденской верхушки резко сокращались. Горцы принялись грабить друг друга, в результате чего участились усобицы. В знатной среде шире распространились доносы и насилие, как способы сведения счетов. Появились симптомы анархии. Наибам беспорядок был на руку: он ослаблял центральную власть, открывал им новые возможности для произвола. Пользуясь моментом, наибы расправлялись со своими личными врагами и политическими соперниками⁶. Потерю традиционных источников материальных ценностей они старались восполнить усилением злоупотреблений. Разбирая междоусобные тяжбы, они, зачастую по несправедливым наветам, наказывали одну из сторон конфискацией имущества или штрафом, которые не передавались в казну, как полагалось, а присваивались наибами⁷. Даже при наличии у Шамиля желания их уличить сделать это было бы непросто: ревизоры, посылавшиеся для проверки деятельности наивов, попадали к ним на содержание⁸. Сам сын имама Кази-Мухаммед пособничал незаконно, получая за это свою долю⁹.

В войске Шамиля произвол в распределении добычи между дружиной и ополчением во время редких удачных набегов достиг вопиющих форм. Так, большинству участников нашествия в Кахетию (1854 г.) ничего из захваченного не досталось¹⁰. Пленные делились только между наибами. Доля пешего ополченца, если ему вообще удавалось ее заполнить, была втрое меньше доли конного дружинника¹¹. Источники сообщают о многочисленных случаях утаивания добычи наибами¹². Алчный азарт окончательно вытеснил «идеалы» священной войны¹³. Неудержимый разгул стяжательской вакханалии среди знати ускорял обнищание «низов» общества, поднимал их недовольство до опасных черты.

Усиление разлада в работе государственной машины, подтачивавшего господство Шамиля, обострение социальных конфликтов, а также борьбы внутри господствующего слоя общества, ухудшение военных перспектив лишали новых феодалов уверенности в способности имама защищать их материальное благополучие как от беднейшего узденства, так и от более сильных собратьев по классу. Власть Шамиля переставала быть надежной гарантией сохранения экономического положения знати, не говоря уже об улучшении его. Более того, сама эта власть все чаще присваивала чужую собственность по мере того, как росло число

14. Потто В.А. Гаджи-Мурат, с. 175.
15. См. Гаджи-Али. Указ. соч., с. 41, 55—57, 76; Дубровин Н.Ф. Обзор войн..., с. 307.
16. Хаджи-Мурат. Мемуары, с. 47. «Остался теперь без добычи Хунзах, — так как же ему не томиться в слезах?» — поется в народной песне. (Песни народов Дагестана. Л., 1970, с. 75).
17. Переписка князя М.С. Воронцова с А.П. Ермоловым. 1851—1855. — РА, 1890, № 4, с. 447; Дубровин Н.Ф. Обзор войн..., с. 349.
18. ДГСВК, с. 631—632. Чеченцы говорили, что Малая Чечня осталась без головы, а где голова, там будут и ноги. (Дубровин Н.Ф. Обзор войн..., с. 325).
19. Зиссерман А.Л. История..., т. 3, с. 355; Фадеев Р.А. Шестьдесят лет..., с. 78; Baumgarten G. Sechzig Jahre..., S. 177.
20. Волконский Н. Окончательное покорение..., с. 369.
21. Там же, с. 370—371; Дубровин Н.Ф. Обзор войн..., с. 342.
22. Эсадзе С. Штурм..., с. 195; Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 240. Ему вернули прежний чин генерал-майора с жалованием 3 тыс. руб. годовых. (Книга Асари — Дагестан, с. 138).
23. Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 240.

опальных представителей «верхов» общества. Происходило ограбление грабителей. Так, после ссоры с Хаджи-Муратом Шамиль сначала потребовал от него 2,5 тыс. рублей, дорогую шубу и стамбульское ружье, добытые во время набега на Табасарань (1851 г.), а затем — после разжалования наиба — всего его состояния¹⁴. Беспокойство охватывало не только тех мелких и средних феодалов, у кого наибы или другие крупные социальные фигуры могли отнять и отнимали собственность, но и тех, в чьи руки эта собственность переходила. Угроза исходила и сверху и снизу, но в целом для всего господствующего класса главную опасность представляла нищавшая узденская масса, большее кого бы то ни было страдавшая от неудач Кавказской войны.

Социально-политическая неустойчивость заставляла знать идти на союз с русской военной администрацией, становившейся для нее более прочным, чем Шамиль, залогом сохранения собственности и общественных привилегий. К побудительным мотивам подчас примешивались личные обиды на имама, нежелание смириться с его превосходством и незаурядностью, досада от поражения в политическом соперничестве с ним. Наибы, один за другим, вступали в переговоры с русскими и затем на выгодных для себя условиях переходили к ним¹⁵. Как уже отмечалось, одним из первых покинул его Хаджи-Мурат, повернув оружие против своего бывшего владыки. Это событие имело и ощутимые экономические последствия. В лице Хаджи-Мурата имамат в целом и Авария в частности потеряли блестящего предводителя набегов, за которым горцы шли с готовностью, зная, что им обеспечена богатая добыча. С его отстранением от должности народ стал беднеть, терять охоту воевать с русскими¹⁶.

Одновременно с Хаджи-Муратом выступил против Шамиля анцухский наиб Ибайдулла, отказавшийся подчиняться требованию имама о передаче наибских полномочий другому лицу и объявивший о своей готовности защищаться в случае применения к нему силы¹⁷.

Позже примеру Хаджи-Мурата последовал наиб Малой Чечни Умаяев, приближенный к Шамилю человек¹⁸. Затем — Кибит-Магома, увлекший за собой население Тилитля на помощь наступавшим русским войскам¹⁹. С ним смиренно явились наставник и тесть имама Джемалэддин, а также знаменитый проповедник мюридизма Аслан-кадий Цудахарский²⁰. В русский лагерь вереницей потянулись ближайшие сотрудники Шамиля, его любимцы и друзья, которым он доверял во всем²¹. И, наконец, на сторону России перешел Даниель-султан, давно побуждавший Шамиля сложить оружие²². Советники имама также склоняли его к миру с русскими, уверяя, что они за это «назначат Шамилю и его начальникам великие награды»²³.

Более мелкие наибы и знать имамата бежали к цар-

24. См. Зиссерман А.Л. История..., т. 3, с. 302, 303, 334, 353; Волконский Н. 1858 год..., с. 571; Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 242; ДГСВК, с. 666, 668, 669.

25. См. Покровский Н. Мюридизм у власти, с. 68—69; Ошаев Х. Мюридизм в Чечне. — Революция и горец, 1930, № 9—10, с. 50.

26. Гаджи-Али. Указ. соч., с. 55—56.

27. В горах давно ходили слухи о серьезных разногласиях между Даниель-султаном и Шамилем, который подозревал своего наиба в тайных связях с русскими и желании вернуться к ним. (АКАК, т. II, с. 63—64).

28. Зиссерман А.Л. История..., т. 3, с. 353; Фадеев Р.А. Шестьдесят лет..., с. 77; Baumgarten G. Sechzig Jahre..., S. 164, 175.

29. Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 251—254.

ской администрации в поисках спасения от расправившегося народа и, в надежде сохранить свою собственность и привилегии, наперебой заявляли о преданности России, предлагали (и оказывали) услуги против Шамиля²⁴. В такой политической ситуации высокие идеи мюридизма, за которые так вдохновенно и бескомпромиссно ратовала чиновная элита имамата, были легко пожертвованы в пользу более конкретных и осязаемых понятий. Среди зажиточного узденства Чечни оппозиционные настроения по отношению к Шамилю выразились в примитивных идейно-организационных формах в виде учения секты зикристов. Расхождение в обрядах между зикризмом и мюридизмом, преследование главы секты Кунта Хаджи со стороны имама, опасавшегося его влияния на народ, благоприятствовали тому, чтобы это учение приняло политический, антишамилевский характер. Представляя тот общественный слой, которому было что терять от продолжения войны и которому соглашение с Россией обещало выгоды, Кунта Хаджи выступал за мир²⁵.

Последнее из созданных имамом собраний наибов и ученых (июль 1859 г. с. Хунзах) прошло в обстановке острых разногласий по вопросу о продолжении войны. Видя нежелание знати воевать, Шамиль заставил ее поклясться не складывать оружия²⁶. Верил ли он этому вымученному обещанию? Едва ли. Особенно ему не понравилось, как клялся Даниель-султан²⁷. Имам уже не полагался на свое окружение, тяготившееся его судорожными усилиями удержать ускользающую власть. Разрыв между ним и его политической опорой неотвратимо разрастался. Чем выше стоял человек в социальной иерархии имамата, чем прочнее было его имущественное положение, тем больше он думал о своей личной судьбе, не желая принести себя в жертву явно проигранному делу²⁸. Антишамилевские настроения усилились также в среде «интеллигентской» оппозиции, отразившись несколько позже (сразу после пленения имама) в стихах известного мусульманского ученого Дагестана Хаджи Юсуфа ал-Яхсави²⁹.

Так одни и те же персонажи сначала фанатично размахивали деревянными саблями с символическими угрозами в сторону России, когда Кавказская война сулила собственность и власть, затем превратили ритуальные сражения в настоящие, и, наконец, добившись заветного, искали у царизма опеки. А. Л. Зиссерман писал: «Люди, известные нам в течение тридцатилетней борьбы, как первые столпы мюридизма и вернейшие сподвижники имама, удивлявшие нас своей стойкостью, умением держать в железных тисках таких необузданно свободолюбивых людей, как кавказские горцы, выказали себя вдруг самыми низкопоклонными пред вчерашним врагом и проявили весьма мало достоинства и характера в эти, столь знаменательные

30.

Зиссерман А.Л. История..., т. 3, с. 353; ср. Baumgarten G. Sechzig Jahre..., S. 175.

31.

Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 245.

32.

Гаджи-Али. Указ. соч., с. 71; Вердеревский Е. Указ. соч., с. 478. В этой связи Шамиль проводил жесткую демографическую политику. Девушек, достигших совершеннолетия, насильно принуждали к замужеству, а вдовы, по истечении определенного срока после смерти мужа, не имели права отвергать домогательства ухажеров. (См. Шамиль и Чечня, с. 142; Дневник Руновского, с. 1405; Беляев С. Дневник русского солдата, бывшего десять месяцев в плену у чеченцев. — Библиотека для чтения, 1848, т. 88, с. 76; Вердеревский Е. Указ. соч., с. 138). За время имамства Шамиля численность мужского населения по Дагестану сократилась наполовину. (См. Хашаев Х.-М. Общественный строй..., с. 55).

33.

Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 270. Ср. Дневник Руновского, с. 1506.

34.

ДГСВК, с. 620.

35.

Гаджи-Али. Указ. соч., с. 75—76.

36.

Дневник Руновского, с. 1443; см. также: с. 1506, 1524.

37.

Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 241.

дни (июль 1859 г. — *ред.*). Люди и здесь оказались людьми, какими история показывает их нам, при подобных обстоятельствах, не только в Азии, но и в Европе: отвернуться от заходящего светила и пасть ниц пред восходящим...»³⁰ По свидетельству Мухаммеда-Тахира, народ, особенно бывшие приближенные Шамиля, «торопился к встречам с русскими с послушанием и повиновением»³¹.

Царизм охотно откликался на эти настроения, всегда был готов содействовать «идейному» перерождению «туземной» знати, понимая, что в обществе, где она успела сформироваться, у него есть реальный классовый союзник, которому рано или поздно понадобится могущественное покровительство извне. Это покровительство оставалось невестребованным лишь до тех пор, пока ничто не угрожало материальному и социальному благополучию «новых» феодалов.

Под бременем множившихся тягот войны, за неудачи в которой расплачивались прежде всего узденские «низы», глубоко обнажились классовые противоречия. Имамат нес огромные человеческие жертвы в столкновениях с русскими силами. Неурожаи, голод, наступивший с утратой плодородной чеченской плоскости, болезни и междоусобицы быстро сокращали народонаселение — источник пополнения тающей армии Шамиля³². Небывалый размах приняла бесчинства наивов. Дагестанский поэт середины XIX в. Хаджи-Мухаммед писал: «Назначил он (имам — *ред.*) их над народом как пастухов, а они оказались подобно волкам над стадами»³³. Такую же метафору употребляет Гаджи-Али, отмечая, что наибы, похожие на «голодных волков», грабили и убивали простых узденей. Горцы шли «за правдой» к имаму. Толпы жалобщиков и ходатаев росли день ото дня. Он с трудом справлялся с этим потоком, признаваясь, что у него «не остается времени для самых необходимых дел»³⁴. Воспользовавшись этим, руководящая бюрократия на местах «упросила» его, якобы в целях поддержания ее авторитета, не принимать жалоб у тех, у кого не будет соответствующей бумаги от наиба. Последний, понятно, никогда не стал бы давать санкцию на челобитную против самого себя³⁵. Шамиль отвечал челобитчикам такими словами: «Твой наиб потому сделан наивом, что он умный, честный и ученый человек; к тому же он разбирает твоё дело и знает его лучше меня; стало быть оно решено по справедливости: ступай себе с богом...»³⁶ Не случайно Мухаммед-Тахир упрекал имама в «подтверждении речей управителей и наивов»³⁷.

Перед лицом поднимающегося недовольства «черни» Шамиль не хотел вносить дальнейший раскол в правящую элиту, усугублять и без того уже заметную собственную изоляцию. Раскрылась во всей полноте классовая природа его политики, так долго и небезуспешно маскировавшаяся под личинами земного про-

38. Покровский Н. Мюридизм у власти, с. 64.
39. Гаджи-Али. Указ. соч., с. 71; см. также: с. 26, 53. Ср. АКАК, т. 12, с. 1162.
40. Волконский Н. 1858 год..., с. 583.
41. Руновский А. Кодекс Шамиля, с. 339.
42. См. Гаджи-Али. Указ. соч., с. 54—55, 73, 76; Волконский Н. 1858 год..., с. 562—563.
43. Гаджи-Али. Указ. соч., с. 60—61; Эсадзе С. Штурм Гуниба..., с. 193; Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 244—246, 250; Волконский Н. Окончательное покорение..., с. 369, 374—375.

рока, беспристрастного судьи, защитника обездоленных. В народе развеивались иллюзии о том, будто злоупотребления и террор наибов происходили лишь постольку, поскольку справедливый Шамиль не знал о них. Простой люд начинал подозревать, что за разнужданными наместниками имама стоял их хозяин, который, если и не самолично санкционировал беззакония, то, во всяком случае, не мешал или был не в силах помешать им. Это прозрение удручало, вселяло чувство растерянности и безысходности. Находившиеся для Шамиля оправдания не приносили утешения: прямо или косвенно, но на него ложилась вина за бедствия узденской массы.

Если действия наибов еще можно было истолковать как самоуправство и извращение воли вожда, то репрессивная политика, проводимая непосредственно имамом и лишенная спасительного камуфляжа, конечно, не поддавалась такой трактовке. Ответственность за нее нес сам Шамиль. Именно он нещадно усиливал налоговое давление на рядовых общинников, когда со второй половины 40-х годов XIX в. успешные набеги удавались все реже и реже³⁸. Именно он, отступая под натиском русских войск, сжигал аулы, уничтожал посевы, насильственно переселял горцев или бросал их на произвол судьбы, «как овец, рассыпавшихся в разные стороны»³⁹. В социальном сознании общественных «низов» Шамиль и знать соединялись в единую враждебную силу⁴⁰. Народ взывал к аллаху об избавлении от тирании. Ни красноречие, ни обещания, ни лесть имама уже никого не воспламеняли. Угрозы и репрессии тоже перестали действовать: нужда одолевала страх. Горцам надоело попусту проливать свою кровь. В обиход вошла поговорка: «лучше просидеть год в яме (тюрьме — *ред.*), чем пробыть месяц в походе»⁴¹. День ото дня люди все больше беднели, слабели духом и телом. В сложной гамме их чувств соседствовали разочарование, переходившее в апатию, недовольство, перераставшее в ненависть, и отчаяние, превращавшееся в надежду⁴². Социальный протест на фоне экономического и политического кризиса имамата принимал стихийно-анархические формы. Обнищавшие, вышедшие из повиновения горцы добывали средства к существованию разбоем, объектом которого, естественно, были прежде всего зажиточные слои общества. Шамиль на собственном опыте ощутил дыхание этой неукротимой и не признающей никаких авторитетов стихии, когда он был ограблен по пути к своему последнему прибежищу — Гунибу⁴³.

С начала 50-х годов ширились антишамилевские волнения в Чечне и Дагестане, со временем выросшие во всеобщее восстание. В обстановке растущих классовых противоречий и деспотизма Шамиля, хозяйственного и политического упадка государства Россия становилась для простого узденства приемлемой аль-

44. Дневник Руновского, с. 1524; Mélikoff I. Op. cit., p. 44.

45. Пленницы Шамиля..., с. 94. Пржецлавский П.Г. Дагестан, его нравы и обычаи. — ВЕ, 1867, т. 3, № 9, с. 184.

46. АКАК, т. 12, с. 1289; Зиссерман А.Л. Фельдмаршал..., т. 2, с. 437; Шамиль и Чечня, с. 150—151.

47. По собственному признанию Шамиля, склонность к «праздности и лени» развилась в народе «вследствие долголетних войн». (Дневник Руновского, с. 1457). Горцы понимали труд как войну, а мир — как отдых.

48. Пржецлавский П.Г. Дагестан, — ВЕ, 1867, т. 3, № 9, с. 184. А.И. Барятинский свидетельствовал, что население имамата было повергнуто в «крайнюю нищету» «продолжительным над ним владычеством Шамиля». (АКАК, т. 12, с. 1150; ДГСВК, с. 673). «Крайняя бедность» жителей лезгинских аулов бросилась в глаза и француженке Дрансе, попавшей вместе с семьей Чавчавадзе в 1854 г. в плен к Шамилю. (Пленницы Шамиля..., с. 93). Современные дагестанские историки также отмечают в качестве следствия Кавказской войны острый экономический и демографический кризис. (См. Гаджиев Б. Дагестан в истории и легендах. Махачкала, 1965, с. 55).

49. АКАК, т. 12, с. 1165, 1289; Зиссерман А.Л. Фельдмаршал..., т. 2, с. 437—438.

50. Гаджи-Али. Указ. соч., с. 56; Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 242—243; Зиссерман А.Л. История..., т. 3, с. 302, 334; ДГСВК, с. 669, 675.

51. ШССТАК, с. 341, 349.

52. Там же, с. 343, 345, 360, 362.

тернативой господству имама. С ней связывали надежду на освобождение от притеснений знати и карающей диктатуры Шамиля, на улучшение катастрофического материального положения⁴⁴.

Кавказская война, выдвинув на первый план набеговый промысел как основной «способ производства», заняв трудоспособное мужское население военным ремеслом, отвлекла рабочую силу от мирного хозяйствования. Шамиль не желал, чтобы мужчины занимались обработкой земли и изнеживались домашней жизнью⁴⁵. Такое однобокое развитие экономики привело многие районы в полное запустение. Ввиду того, что Шамиль при наступлении русских войск постоянно переселял горцев из одного места в другое, а также ввиду непрекращавшихся и при имаме междоусобиц и межплеменной вражды пришли в состояние хаоса поземельные отношения⁴⁶. Процесс деградации мирных отраслей хозяйства, сопровождавшийся атрофией соответствующих производственных навыков и традиций⁴⁷, переносился общественными «низами» довольно терпимо, покуда Кавказская война компенсировала эту утрату. Однако по мере того, как источники добычи становились с каждым годом менее доступными и сокращался приток материальных ценностей, все явственнее обнажалась разрушительная сущность этого процесса, его тяжелые экономические и социально-демографические последствия. Военно-набеговая система, как форма «хозяйственной специализации», в конце концов принесла узденской массе обнищание и голод⁴⁸. В то же время положение горцев, живших на подчиненных России территориях, отличалось в лучшую сторону и служило притягательным примером. По крайней мере, русская администрация, в противоположность Шамилю, обеспечивала первое условие для удовлетворительного существования — безопасность производителя, его уверенность в сохранности результатов труда⁴⁹. Таким образом, в основе растущей прорусской ориентации узденских «низов» лежали прежде всего экономические причины.

Их вера в способность России дать им лучшую жизнь возникла и развивалась под влиянием гибкой социальной политики русских властей на Кавказе. Горцы целыми аулами бежали от имама⁵⁰. Так, в августе 1853 г. при подготовке нападения на Лезгинскую линию Шамиль призвал жителей Джаро-Белокан присоединиться к нему, обещая отдать им на разграбление Сигнахский уезд (Кахетия). Тем, кто не согласится, угрожали разорение и увод в плен⁵¹. В ответ многие джаро-белоканцы переселились в кахетинские села под защиту русских войск и оказали имаму вооруженный отпор, остальные же вообще неотреагировали на его приглашение⁵².

В 1858 г. против Шамиля восстали чеченские общества. Народ с ожесточением громил все, что оли-

53. АКАК, т. 12, с. 1111; Зиссерман А.Л. История..., т. 3, с. 301, 334; Волконский Н. 1858 год..., с. 569—570, 572; Фадеев Р.А. Шестьдесят лет..., с. 59.
54. Волконский Н. 1858 год..., с. 565—567, 572—573, 578; Дубровин Н.Ф. Обзор войн..., с. 333—334; Фадеев Р.А. Шестьдесят лет..., с. 59.
55. АКАК, т. 12, с. 1112.
56. Волконский Н. Окончательное покорение..., с. 364—367; Зиссерман А.Л. История..., т. 3, с. 333—334; Фадеев Р.А. Шестьдесят лет..., с. 59.
57. Поэзия народов Дагестана. Т. I, М., 1960, с. 269.
58. Зиссерман А.Л. Фельдмаршал..., т. 2, с. 273—274, 276. Ср. ДГСВК, с. 672—673; АКАК, т. 12, с. 1149—1150, 1172.
59. Волконский Н. Окончательное покорение..., с. 366.
60. Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 240—241.
61. Гаджи-Али. Указ. соч., с. 41, 49, 52, 56.
62. Волконский Н. Окончательное покорение..., с. 369.

цетворяло в его глазах деспотизм имама и мюридизм — главных виновников нищеты и бедствий. Социальная месть нашла выход в массовом избиении знати⁵³. Депутации от чеченцев, одна за другой, шли к русским властям с изъявлениями покорности, просьбами защитить от имама, предложениями помощи в борьбе против него⁵⁴. По свидетельству командующего войсками Левого фланга Кавказской линии генерала Евдокимова, чеченцы, «как дети, освободившиеся от жестокого надзирателя, с увлечением бросаются на все, что только запрещено мусульманским уставом»⁵⁵. Происходило естественное и неизбежное: рано или поздно в массовом авторитарном сознании должна была обнажиться его обратная сторона, а точнее — скрытая, но неотъемлемая часть — бунтарская психология.

Аналогично развивались события в Дагестане⁵⁶. «Отказывался от имама народ, смятение было в умах и разброд», — писал дагестанский поэт XIX в. Магомед-бег⁵⁷.

Главнокомандующего князя А. И. Барятинского встречали восторженно. На привалах его окружали толпы горцев из близлежащих аулов. Женщины и дети подносили виноград, пели, плясали, мужчины устраивали скачки, салютовали⁵⁸. Русский офицер и публицист, знаток Кавказа Н. Волконский писал: «С той минуты, как законные мюриды преобразались в наших (России — *ред.*) подданных, мюридизм улетал от них, словно пух на ветру»⁵⁹.

Наблюдается любопытное явление: два противоположащихся класса («новая» знать и простое узденство) по разным, взаимоисключающим мотивам придерживаются одной внешнеполитической ориентации, каждый надеясь найти управу на другого.

Нараставшая, сопровождаемая анархией, социальная борьба, раздоры в руководящей элите, серьезные сбои в работе государственного механизма и военные поражения естественно привели к кризису власти. Общая ситуация в имамате постепенно выходила из-под контроля Шамиля⁶⁰. Его престиж падал. Вступила в силу типичная для увядающей автократии логика поведения: чем меньше опоры в обществе, тем сильнее стремление удержать личное господство, использовать военно-полицейский аппарат принуждений и наказаний. Шамиль смещал наибов, грозил им казнью, заставлял правящую верхушку клясться в преданности ему под страхом небесных и земных кар. Насильно исторгнутые клятвы легко нарушались⁶¹. Чтобы удержать около себя Кибит-Магому, имам арестовал в качестве заложника его младшего брата Муртазали, но, как известно, не достиг цели⁶².

Имам теперь чаще терроризировал простой народ, не желавший подчиняться ему и сражаться против

63. Князь Александр Иванович Барятинский на Левом фланге Кавказской линии. 1852—1853. Из записок М.Я. Ольшевского. — РС, 1879, № 7, с. 427 (далее — Из записок М.Я. Ольшевского).

64. Низам Шамиля. — ССКГ, 1870, вып. 3, с. 17.

65. ДГСВК, с. 652.

66. Sarkisyanz E. Russian Imperialism Reconsidered. — In: Russian Imperialism from Ivan the Great to the Revolution. New Brunswick, 1974, p. 79.

67. Зиссерман А.Л. История..., т. 3, СПб., 1881, с. 195.

68. Волконский Н. 1858 год..., с. 563—564.

69. Гаджи-Али. Указ. соч., с. 56; Приложения к статье «1845-й год на Кавказе», с. 10; Об отношениях Даниель-бека к Шамилю, с. 46.

70. Волконский Н. 1858 год..., с. 575, 583.

71. Там же, с. 564—565, 567—568, 572, 576—578; АКАК, т. 12, с. 1110—1111.

72. Волконский Н. 1858 год..., с. 575—577.

73. АКАК, т. 12, с. 1112.

России. Мучительной смерти предавали не только горцев, уличенных в связях с русскими, но зачастую и их близких⁶³. Шамиль приказал отсекал головы даже тем, которые просто «выкажут радость при появлении неверных»⁶⁴. С женщинами обходились милостивее. По поводу наказания одной из них за пособничество врагу имам указывал наибу Гаджи: «Смажь ее лицо сажей, посади верхом на осла и заставь водить по вашему аулу. Затем потопчи ее ногами и после чего выгони из аула, как выгоняют негодную паршивую собаку»⁶⁵. Предполагают, что Шамиль уничтожил больше своих соотечественников, чем русских солдат⁶⁶. По словам русского историка А. Л. Зиссермана, под началом Шамиля постепенно оказывались не «воодушевленные бойцы», а «толпы тупых, забитых страхом казни,двигаемых на убой, и, вдобавок, враждебно настроенных между собою» людей⁶⁷. Когда чаша народного терпения переполнялась, вспыхивали восстания против этой насильственной рекрутчины⁶⁸.

Современники отмечали усиление жестокости и деспотизма в стиле правления: Шамиль, приученный изменами и заговорами к подозрительности, перестал прислушиваться к благоразумным советам, отличать умного от глупца, помощника от вредителя⁶⁹. Те методы политики имама, которые раньше были действенными, теперь обнажили всю свою ненадежность. Террор и репрессии перестали себя оправдывать: у обнищавших, уставших от страха горцев они будили только отчаянную ненависть, готовую на все⁷⁰. Ставка на принцип «разделяй и властвуй» также оказалась проигрышной. В 1858 г. жители Нагорной Чечни устроили кровавую баню господствовавшим над ними тавлинским наiban и мухаджирам, расселенным там Шамилем для удержания чеченцев в повиновении. Некогда сильные стороны политической стратегии имама оборачивались своей противоположностью⁷¹.

Шамиль предпринимал карательные экспедиции против тех, кто перешел на сторону русских, в наказание тем, кто еще оставался под его властью, однако встречал вооруженное сопротивление⁷². По мнению генерала Евдокимова, Шамилю «все еще не верилось, чтобы народ, вчера еще дрожавший при его имени, соединявшем в понятии толпы и силу, и святость, мог вдруг забыть свои недавние чувства»⁷³.

Прибавилось работы у тайной полиции имама. Она негласно проверяла деятельность администрации в наибствах, где процветали «безобразия», все чаще нарушались запреты шариата. Шамиль предупредил, что будет решительно увольнять тех, кто не может обеспечить соблюдение мусульманского благочестия. «Мы ни за что не допустим, — говорил он наiban,

74.
ДГСВК, с. 619—620.

75.
Там же, с. 628, 631.

76.
Приложения к статье
«1845-й год на Кавказе», с. 10;
Об отношениях Даниель-бека
к Шамилю, с. 46.

77.
ДГСВК, с. 665.

78.
Дневник Руновского, с. 1452.

муфтиям и кадиям, — чтобы дело веры находилось в состоянии расстройтва, и если случится нечто (вероятно, имеется в виду народное волнение — *ред.*), тогда осуждайте только самих себя»⁷⁴. Требуя от наибов не превышать свои полномочия и быть внимательными при расстановке кадров («не поручай дела... не заслуживающим доверия»), Шамиль, через специальных контролеров, стремился ужесточить надзор над ними⁷⁵.

Особенность всякой системы террора заключается в том, что, однажды налаженная и пущенная в ход, потом она уже может работать сама по себе, независимо от приведшего ее в действие вождя. Она тяготеет к расширенному самовоспроизводству, к тотальному проникновению во все поры общества и обладает большой инерцией: последствия функционирования этой системы еще долго ощущаются людьми после того, как она прекращает свое существование. В имамате страх стал одним из основных инструментов государственной политики, приняв всеобщий характер. Он пронизал всю социальную структуру сверху донизу и обратно, поскольку нисходящее направление террора рано или поздно вызывает ответную реакцию народа. Каждый человек, занимавший то или иное место в общественной иерархии, испытывал давление страха со стороны тех, кто находился и над ним, и под ним, и даже на одной ступени с ним. Несколько отличалось положение Шамиля (никого не было «выше») и простого горца (никого не было «ниже») — они боялись «только» друг друга и тех, кто заполнял социальное пространство между ними.

В этой обстановке русские превращались для населения имамата из источника страха в источник надежды. Теперь труднее было определить, кто в их лице угрожал Шамилю больше — военный противник или политический конкурент.

Когда среди горцев обнаружили деморализующие слухи о военных талантах, щедрости, справедливости, милосердии Барятинского, имам приказал выследивать и казнить разносивших их людей⁷⁶.

Вдобавок к политическому и хозяйственному кризису имамату грозил и денежно-финансовый. Вошли в обращение фальшивые монеты. Шамиль приравнял это явление к мятежу, «который приведет к плохим последствиям». Он приказал «прекратить деятельность фальшивомонетчиков, хотя бы отрубив им руки и выколов глаза»⁷⁷. Впрочем, как пишет А. Руновский, они, «сыскав для себя покров в корыстолюбии наибов, спокойно занимались своим делом, только уже не так гласно, как прежде»⁷⁸.

В условиях такого репрессивного режима теряла смысл и прежнюю идеологическую силу эгалитарная демагогия, которой в лучшие времена имам любил

79.
См. Руновский А. Взгляд...,
с. 386, 388.

80.
Гаджи-Али. Указ, соч., с. 52,
54, 61; Dulaurier Éd. La Russie
dans le Caucase. — RDM, 1861,
t. 33, p. 321.

81.
ДГСВК, с. 621.

82.
Николай А.П. Из истории
Кавказской войны, с. 24.

83.
АКАК, т. 12, с. 1120. Толки и
пересуды, от правдоподобных
до самых невероятных, — не-
отъемлемая часть и показатель
уровня политического сознания
и социальной психологии в
любом обществе. (См. напри-
мер: Бахрушин С.В. Политиче-
ские толки в царствование
Михаила Федоровича. — В кн.:
Бахрушин С.В. Труды по источ-
никоведению, историографии и
истории России эпохи феода-
лизма. М., 1987, с. 90; Гуре-
вич А.Я. Марк Блок и «Аполо-
гия истории». — В кн.: Блок М.
Указ. соч., с. 212—213).

и умел блеснуть. Действительность попросту отучала
верить этому. Декларированная исламом и Шамилем
идея равенства на деле обернулась, по словам А. Ру-
новского, «одной из самых уродливых форм деспоти-
зма»⁷⁹.

Вместе с тем, имам все еще пытался лавировать
в сгущающемся хаосе среди различных социальных
слоев, интересов и настроений, то подкупая лестью и
деньгами, то устрашая. Превознося в похвальных
речах храбрость мюридов, Шамиль в то же время
хотел довести ее до отчаянной решимости запуги-
ваниями об ужасах жизни под русскими, в которые,
нужно сказать, и сам верил. Он предупреждал, что
месть России за ее жертвы и злоключения на Кав-
казе будет беспредельна: на головах горцев «начнут
вертеть жернова мук и наказаний», их обезоружат,
заберут в солдаты или сошлют в Сибирь, их жен
превратят в наложниц⁸⁰. Где этого требовала ситуа-
ция, Шамиль обращался к горцам как добрый отец.
В письме к чеченцам общества Аргун (от 12 мая 1853 г.)
говорится: «Да будет известно и ведомо вам, что жите-
ли всего Дагестана у меня наравне с детьми моими, мы
не полагаем никакого различия между ними, не счи-
таем одних близкими своими и любимцами, а дру-
гих далекими и врагами. Правила мои и привычки
неразлучны со мною с давних времен, выражают
одну только заботу о предоставлении всякому под-
павшему под какие-либо несчастья и лишения все-
возможных средств к исправлению и водворение
в различных местах всех выходцев и чужеземцев
с предоставлением и для них возможности спокойной
и безбедной жизни»⁸¹.

Для создания бодрящей психологической атмо-
сферы Шамиль привычно использовал машину слу-
хов, которая прекрасно работала в горах (правда,
не всегда в пользу имама). Так, в годы Крымской
войны каждой весной, когда чеченцы, уставшие от
его господства и постоянного кровопролития, исто-
щившие запасы зерна и сена, выказывали особое
расположение к России, Шамиль объявлял, что
турки идут ему на помощь. Действуя таким образом
на воображение легковерных горцев, он приводил их
в боевую готовность и держал в таком состоянии
до тех пор, пока они не засеют свои поля. После
этого до следующей весны можно было не беспо-
коиться: чеченцев приковывали к земле заботы о
покосе, жатве, сборе урожая⁸².

Позже, с приближением критической ситуации,
имам «усовершенствовал» этот прием. Объявляя в
ноябре 1858 г. всеобщие военные сборы, он уверял,
что появившаяся на небосклоне комета предвещает
гибель христиан, что турецкий султан умер, а всту-
пивший на престол брат его выслал на Кавказ армию
для освобождения угнетенных мусульман⁸³.

84.

Дубровин Н.Ф. Обзор войн..., с. 323.

85.

Гаджи-Али. Указ. соч., с. 72; ДГСВК, с. 658.

86.

ДГСВК, с. 626.

87.

Солтан В. Обзор событий в Дагестане в 1855 и 1856 годах. — КС, 1888, т. 12, с. 482—483; ср. Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 238; Дневник Руновского, с. 1420; Blanch L. Op. cit., p. 347. История с выкупом весьма любопытна. Первоначально Шамиль, под давлением участников кахетинского набега и алчной знати, опасавшейся продешевить, затребовал миллион рублей, плохо представляя себе размеры этой суммы. Когда же ему объяснили, что такое миллион, он согласился на реальные условия, предложенные русскими (40 тыс. руб. серебром). Однако горцы не хотели отказываться от магической цифры, неведь откуда возникшей в их воображении. Тогда Шамиль и его учитель Джемалэддин прибегли к испытанному средству обработки общественного мнения. В Ведено из своего уединения был доставлен известный в Дагестане святой отшельник. В течение трех недель он читал народу молитвы, доводя его и себя до экстаза, говорил, что все мирское суетно и излишнее богатство ведет к порокам и погубели. Проповеди имели успех. В конце концов горцы согласились удовлетвориться выкупом в 40 тыс. рублей. Вероятно, подействовало и объявление Шамиля об отказе в их пользу от своей (пятой) доли от этих денег. (Вердеревский Е. Указ. соч., с. 176, 261—264, 317—318). В беседах с русским уполномоченным Грамовым имам, в присутствии приближенных, демонстративно отвергал разговор о своем сыне, заявляя, что выгоды народа ему дороже. (Там же, с. 319, 321). Но оставшись с Грамовым наедине, дал волю чувствам: «...Признаюсь, после шестнадцатилетнего отсутствия, сильно желаю его (Джемалэддина — ред.) увидеть, так сильно, что вот, как видишь, не сплю всю ночь оттого, что непрерывно

Видя, что круг стимулов, способных воздействовать на мюридов, быстро сужается, имам старался усилить упор на материальную заинтересованность. Обложив в октябре 1854 г. аул Истису, Шамиль объявил об отказе от своей доли добычи и пленных в пользу войска⁸⁴. Он отпускал из казны средства для бедных воинов и мухаджиров, стремясь поддержать их боевой дух и симпатии к себе⁸⁵. При распределении казенного зерна (зякат) «между лицами, достойными получения его», имам старался соблюдать принцип: «Кто беднее, тому больше»⁸⁶.

Шамиль был вынужден в большей степени, чем раньше, считаться с социальными настроениями. Когда в 1855 г. шли переговоры об обмене захваченных мюридами грузинских княжен Чавчавадзе на взятого в 1839 г. в Россию заложником сына имама Джемалэддина, Шамиль опасался упреков в заботе лишь о собственных интересах. Поэтому он затребовал сверх условия о возвращении Джемалэддина выкуп и долго торговался о его размерах, намереваясь раздать деньги участникам кахетинского набега 1854 г.⁸⁷

По этой же причине — уже после совершения сделки — имам учтиво просил русское командование на Кавказе освободить хотя бы часть взятых в плен мюридов⁸⁸.

Шамилю нередко приходилось ради мелких вылазок за добычей отказываться от крупных военных операций, преследовавших стратегические цели⁸⁹. Когда должностные преступления переходили все границы терпимости, имам против своей воли — ибо часто дело шло о его любимцах и самых доверенных лицах — повиновался возмущенному гласу народа, требовавшему смещения наибов⁹⁰. Инстинкт самосохранения власти был выше классовой солидарности и личных симпатий. Зная, как справедливость вождя покоряюще действует на массы, Шамиль демонстрировал ее пышно и небескорыстно, взимая за нее с горцев обещания не покладать рук в войне против России⁹¹.

Особой осторожности требовали отношения с политической верхушкой имамата, игнорировать волю которой было опасно. В 1852 г. Шамилю пришлось скрепя сердце сослать своего ближайшего сподвижника чохского наиба, обвиненного его противниками в измене, в далекий аул Читль («аул без солнца»).

об этом думаю...» (Там же, с. 350).

88.

Николай А.П. Из истории Кавказской войны, с. 7.

89.

Волконский Н. 1858 год..., с. 590—591.

90.

Дневник Руновского, с. 1506.

91.

См. там же.

92. Blanch L. Op. cit., p. 290—291. Аул Читль расположен на дне глубокого ущелья с редкой растительностью, откуда виден только кусок неба где-то в вышине. (Магомедов Р.М. Легенды и факты о Дагестане. Из записных книжек историка. Махачкала, 1969, с. 210).

93. Дневник Руновского, с. 1396.

94. Захарьин И.Н. Указ. соч., кн. 2, с. 475.

95. Сивков К.В. О проектах..., с. 195.

Идти против единодушного приговора наибов он не решался⁹².

Шамиль, знавший о политических амбициях Кибит-Магомы, получил в 1856 г. еще и неопровержимые доказательства его тайных сношений с русскими. Однако вместо того, чтобы воспользоваться законным предложением для уничтожения опасного соперника, имам вызвал его к себе и сказал: «У меня есть ясные доказательства твоей измены. Народ знает про нее и требует твоей смерти. Но я, уважая твой ум, твою ученость и престарелые лета, а главное, хорошее управление краем, — не хочу исполнить волю народа, в благодарность за твои услуги ему. Вместо того, оставайся у меня в Дарго: я сам буду наблюдать за тобою; а впоследствии, когда народ успокоится, а ты заслужишь полное прощение, — я отправлю тебя на прежнее место»⁹³. Непредсказуемым последствием казни видного наиба Шамиль предпочел более рациональное решение.

Есть основания полагать, что Шамиль был готов употребить крайнюю меру для выхода из кризиса — апелляцию к самым «низам» и создание с их помощью новой социальной базы власти. По свидетельству сына имама Магомет-Шефи, его отец «хотел даже освободить всех рабов подведомственных ему горских племен; но наибы, владетельные «султаны» и беки, прослышав об этом, явились в его резиденцию в Веден и прямо угрожали имаму, что если только он приведет в исполнение эту меру, то они все примут русское подданство — и у них, следовательно, будут существовать русские порядки с их крепостным правом...»⁹⁴

В 50-е гг. XIX в. Шамиль уже не позволял себе такого излюбленного приема, как «отречение от престола», поскольку в новой обстановке оно могло быть «принято». Впрочем, под воздействием удручающей картины хозяйственного и политического упадка государства, резкого ослабления могущества и престижа имама убывало число претендентов на «трон без власти». Русские источники отмечают как отрицательный факт отсутствие достойных преемников у Шамиля⁹⁵. Все эти признаки предвещали агонию имамата.

Шамиль как социальная и политическая фигура развивался по тем же законам, что и его окружение. Будучи не просто имамом, но и первым феодалом в созданном им государстве, он, подобно представителям светской и духовной знати, естественно, думал о сохранении своей власти и собственности. Эта озабоченность усиливалась по мере истощения в войне материальных и людских ресурсов имамата, углубления внутренней политической нестабильности, активизации недовольных общественных «низов», а также наращивания военной мощи России,

96.

Приложения к статье
«1845-й год на Кавказе», с. 7;
Об отношениях Даниель-бека к
Шамилю. — Кавказ, 1861, № 8,
с. 45.

97.

См. Dulaurier Éd. La Russie
dans le Caucase. — RDM, 1861,
t. 32, p. 981.

98.

Об отношениях Даниель-бека
к Шамилю, с. 45.

99.

Одна из многих примет этой
эволюции, если здесь вообще
есть эволюция, видна в тяжбе
о полутора тысячах туманов,
поднятой Шамилем против Да-
ниель-султана. (АКАК, т. 12,
с. 1187).

100.

Приложения к статье
«1845-й год на Кавказе», с. 8;
Об отношениях Даниель-бека к
Шамилю, с. 45. В калужских
беседах с А. Руновским Ша-
милъ признавался, что давно бы
примирился с Россией, если бы
не боязнь ссылки в Сибирь.
(Дневник Руновского, с. 1419).

101.

В середине 50-х гг. XIX в.
хорошо осведомленный о
северокавказских делах гене-
рал-майор Вольф в записке для
русского правительства спра-
шивал: «Не настало ли... время
действовать чрез того человека,
который на опыте показал, что
он может принять на себя от-
ветственность за содержание
горцев в спокойствии?», умеет
обуздать их непокорный нрав
«железной волей и железной
рукой?» (Сивков К.В. О проек-
тах..., с. 195).

102.

Приложения к статье
«1845-й год на Кавказе», с. 9.

ввиду чего перспектива выстоять против такого про-
тивника становилась крайне сомнительной. Шамиль
все острее нуждался во внешней силе, способной
разделить целый комплекс проблем, связанных с
удержанием личного господства над горами. Эту
внешнюю силу он видел в России: врага следовало
сделать помощником. Еще в конце 40-х гг. в довери-
тельных беседах с Даниель-султаном Шамиль не-
однократно заводил разговор о заключении мира с
Россией и переходе под ее покровительство при
условии, что ему помогут сохранить власть в имамате
и передать ее по наследству⁹⁶. Шамиль стал в прин-
ципе таким же феодальным князем, как шамхал
Тарковский, хан Мехтулинский, уцмий Кайтагский
и другие, только — покрупнее масштабом, и он тре-
бовал от России официального подтверждения своего
фактического статуса суверенного владыки⁹⁷. Сле-
дует заметить, что положение покровительствуемого
владельца, к которому примерялся Шамиль, было
очень выгодным. Оно обеспечивало военную и фи-
нансовую поддержку Петербурга и мало к чему
обязывало. Помимо политического реализма к сделке
с русской администрацией имама подталкивали наив-
ные монархические амбиции: таким путем он надеял-
ся добиться для себя еще и международного призна-
ния со стороны Турции и европейских держав⁹⁸.
Побуждения Шамиля определялись и материальными
мотивами. Если и поверить в расхожую историогра-
фическую легенду об имаме — бессребренике, то
тогда нужно признать, что с какого-то момента
происходит заметное обмирщение пастыря правове-
рных, нисхождение с вершин духовных идеалов к гру-
бым житейским проблемам⁹⁹.

С течением времени обстоятельства укрепляли в
Шамиле мысль о необходимости задуманного шага¹⁰⁰.
Трудно сказать, пошла бы Россия на соглашение с
ним именно тогда, в начале 50-х гг., когда после
стольких лет кровопролитной и дорогостоящей войны
наметился наконец явный стратегический перелом
в пользу русских. Не показалась бы ей чрезмерной
цена, которую собирался запросить Шамиль?

В свете общего направления политики России на
Кавказе в середине XIX в. можно лишь предполагать,
что она разумно отреагировала бы на предложение
имама¹⁰¹. Но нам не дано узнать об этом, поскольку
предложения имама так и не последовало. Начав-
шаяся русско-турецкая война изменила намерения
Шамиля, вселив в него надежду на возможность
победы над Россией и поправки внутренних дел
имамата с помощью другого внешнего союзника —
Турции, за спиной которой стояли европейские дер-
жавы¹⁰². Уже само по себе устранение «русского
фактора» из Дагестана и Чечни — желаемый для
Шамиля результат восточного кризиса 50-х гг. —

103.

Николай А.П. Из истории Кавказской войны, с. 6, 11—13, 15—16, 20.

104.

В 1859 г., после пленения, Шамиль говорил: «Если бы я захотел вступить в переговоры с русскими два года назад, то я был бы, может быть, теперь ханом дагестанским. Но я был связан своей присягой народу. Что сказали бы тогда про меня?» (Собрание статей о покорении Дагестана. Б. м. и г., с. 63). Видимо, имама смущала не столько перспектива сделаться «ханом дагестанским», сколько вопрос о том, как объяснить народу, в котором так долго воспитывалось чувство ненависти к гяурам, кардинальную перемену в официальной политике по отношению к России.

105.

Николай А.П. Из истории..., с. 9, 10, 26, 28; Вердеревский Е. Указ. соч., с. 227.

106.

Там же, с. 9, 12, 14.

107.

Там же, с. 18.

108.

Там же, с. 8, 17.

было бы существенным подспорьем в стабилизации внутривнутриполитической обстановки в имамате и укреплении личной диктатуры. Однако это вовсе не означало, что внешняя политика Шамиля в годы Крымской войны сводилась к однозначной ориентации. Напротив, в ней явно заметны колебания и раздвоенность. Проявленная российским правительством добрая воля в вопросе о возвращении имаму его сына Джемалэддина (см. ниже), а также временное приостановление русским командованием военных действий в Дагестане и Чечне приоткрыли перед враждовавшими сторонами возможность заложить основы для мирных отношений. Шамиль обменялся с российскими властями на Кавказе учтивыми посланиями, в которых обсуждалась проблема установления торговых связей. Учитывая настроения влиятельных наибо, приближенных и простых горцев (да и сам он негласно пользовался любезными коммерческими услугами русских), имам дал согласие на периодический товарообмен с Россией, хотя и ограничил его конкретным географическим пунктом, определенным объемом продукции и узким кругом купцов-посредников. Позволить большего он не решался из опасения упрочить политические позиции России в ущерб собственным¹⁰³. Можно предположить, что Шамиль не исключал примирения с противником при условии признания последним его власти над горами¹⁰⁴. Не имея гарантий на этот счет, имам не хотел первым подавать инициативу. Сдерживали его и неясные перспективы Крымской войны, вероятность победы антирусской коалиции, надежда на которую поддерживалась самыми лживыми слухами¹⁰⁵.

Россия, внимательно следившая за выжидательной политикой Шамиля, тоже соблюдала осторожность. Стремясь к ослаблению его военной активности, она не возражала против торговых отношений, но и не спешила форсировать их развитие. Право сделать первый шаг навстречу предоставлялось имаму¹⁰⁶. Николай I предписывал русскому командованию на Кавказе использовать торговлю «не как меру общую, изменяющую нашу систему действий на Кавказе, но как исключение, допускаемое в виде личного снисхождения к Шамилю»¹⁰⁷. В России понимали, что образовавшаяся тонкая связующая нить с имаматом может оборваться в любой момент и из-за чего угодно¹⁰⁸. Беречь ее вынуждали два обстоятельства: непредсказуемый ход Крымской войны и резкое сокращение русских армейских частей в Дагестане и Чечне ввиду передислокации их в Закавказье.

Надежды Шамиля на победу турок на Кавказе не оправдались. Позиции России в этом регионе остались прочными, хотя в целом войну 1853—1856 гг. она проиграла.

Услышав о заключении Парижского мира, но еще

109.

Там же, с. 28.

110.

Приложения к статье

«1845-й год на Кавказе», с. 9;

Дневник Руновского, с. 1524.

Правда, в июле 1859 г. Шамиль, через своего агента в Константинополе, попытался вступить в мирные переговоры с Россией, но вскоре последовавшая гунибская развязка сняла этот вопрос. (См. ДГСВК, с. 676).

111.

Николай А.П. Из истории Кавказской войны, с. 22—23, 25.

112.

Там же, с. 23.

113.

ДГСВК, с. 665.

не до конца веря этому, имам как будто заявил, что если султан Абдул-Меджид действительно примирился с русскими и предложит горцам последовать его примеру, то он, Шамиль, не станет противиться¹⁰⁹. Однако в изменившейся в пользу российского правительства ситуации имам в значительной степени утратил возможность диктовать свои условия. Когда Кавказским наместником стал А. И. Барятинский, Шамиль, быстро ощутивший его мощную стратегическую хватку, не сулившую ничего хорошего, вероятно, посчитал, что уже слишком поздно договариваться с Россией — теперь она не уступит¹¹⁰. И был во многом прав. С окончанием Крымской войны и высвобождением значительных армейских сил русское командование на Кавказе поставило вопрос о необходимости нанесения таких ударов, «от которых бы горцы не оправились». Считалось, что полагаться на достижение соглашения с подзрительным и непредсказуемым Шамилем было бы неосмотрительно. Особенно тогда, когда, после стольких жертв России в Кавказской войне, осталось сделать последний шаг, чтобы раз и навсегда освободить «здешний край от этого постоянного хронического недуга». Подобное умонастроение отодвигало проблему мирных переговоров на задний план¹¹¹. Прекращение военных действий допускалось лишь в том случае, если бы Шамиль сам недвусмысленно высказал желание заключить мир на приемлемых для России условиях. Но имам еще не был готов к этому¹¹².

Сгушавшиеся над имаматом тучи заставили Шамиля искать помощь на Западе. В письме к французскому послу в Константинополе (февраль 1857 г.) он сообщал: «Улемы, равно как и почетные лица страны просили меня обратиться к (западноевропейским — ред.) державам с ходатайством, чтобы *во имя человечности* (здесь и далее подчеркнуто нами — ред.) они положили конец *этим беспримерным в истории жестокостям*, чтобы *во имя справедливости они освободили нас от этой тирании*». «У нас нет ни оружия, ни всего необходимого для продолжения войны против неприятеля, столь превосходящего нас численностью и снабжением и ведущего войну *такими варварскими способами*»¹¹³. В этом послании Шамиль вновь показывает свое незаурядное политическое дарование. Имея очень смутное представление о цивилизованных странах, он каким-то наитием улавливает тот псевдогуманный язык, который был принят в дипломатическом общении между ними, и удачно подражает этому языку.

Неумолимо наступавший кризис был еще и личной драмой Шамиля. С гибелью имамата — творения его ума и воли, дела всей его жизни — для него утра-

114. Волконский Н. Окончательное покорение..., с. 371.

115. Гаджи-Али. Указ. соч., с. 35.

116. Там же, с. 61.

117. Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 241.

118. Подробно см. Blanch L. Op. cit., p. 178—187, 278—287, 366—389, 398—404.

119. Вердеревский Е. Указ. соч., с. 327—329.

120. Шамиль еще раз показал, что он понимает суть дипломатии и умеет подчиняться ее законам. Накануне обмена имам заявил: «Завтра мы в мире с русскими...» «Где в деле участвуют большие лица, там должна быть честность». (Вердеревский Е. Указ. соч., с. 349).

121. Солтан В. Указ. соч., с. 486—487; ср. Пленницы Шамиля..., с. 185; Вердеревский Е. Указ. соч., с. 364—365; Ein Besuch bei Schamyl..., S. 12—18.

122. Солтан В. Указ. соч., с. 487—488; АКАК, т. II, с. 63, 340.

чивался смысл существования¹¹⁴. Он с болью переживал этот закономерный процесс, ища ему объяснения в человеческих пороках и слабостях, божьем промысле. В трудные моменты Шамиль с несвойственной для него печалью вспоминал арабские стихи: «Я вижу тысячу человек, строящих здание, которое может разрушить один; то что же может построить один человек, когда сзади его тысяча разрушителей?..»¹¹⁵ «У меня были братья, которых я считал панцырями; но вот они стали моими врагами. Я считал их за меткие стрелы. Да! Они были таковы; но только теперь — в моем сердце»¹¹⁶. Шамиль почувствовал приближение конца своего владычества¹¹⁷.

Душевное смятение имама отягощала трагическая судьба его сына Джемалэддина¹¹⁸. С 1839 года — после выдачи его русским в качестве заложника — он жил и воспитывался в Петербурге под отеческой опекой Николая I, которого юноша преданно полюбил. Получив в пажемском и кадетском корпусах великолепное образование, Джемалэддин зачисляется на службу в гвардейский полк. Вместе с языком, взглядами, привычками русского человека он усвоил убеждение, что Кавказ должен принадлежать России. Возможно, царь готовил его к роли крупного кавказского администратора, если не наместника. Именно в таких людях — кавказцах по происхождению, русских во всем остальном — нуждалась политика России в этом регионе. Однако столь блестяще начавшаяся карьера Джемалэддина внезапно оборвалась. Шамиль потребовал возвращения своего сына в качестве условия выдачи членов знатных грузинских фамилий Чавчавадзе и Орбелиани, захваченных имамом во время набега на Кахетию в 1854 г. Понимая драматическую ситуацию, благородный Джемалэддин без колебаний приносит себя в жертву. Но можно лишь догадываться, чего стоило ему такое решение¹¹⁹.

При обмене дипломатические приличия были соблюдены Шамилем отменно¹²⁰. Имам заявил сопровождавшим его сына офицерам, что он убедился в благородстве русских властей на Кавказе и просил передать им благодарность. Сцена прощания Джемалэддина с его друзьями офицерами оказалась настолько трогательной, что не выдержали даже железные нервы Шамиля. Это был тот редчайший случай, когда в его глазах видели слезы. При возвращении русских парламентариев на демаркационную линию их безопасность охранял конвой из 60 мюров¹²¹.

Вновь обретя сына, имам с радостью и надеждой взялся за его мусульманское образование, но быстро обнаружил в своем ученике неприятие и непонимание духовно-политических ценностей ислама — неблагоприятные результаты российского воспитания¹²². Дже-

123.

Гаджи-Али. Указ. соч., с. 49—50; Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 240. Сложные отношения между отцом и сыном нашли отражение в песенном фольклоре. (Брик Б. Баллады и песни. — Новый мир, 1940, № 2—3, с. 204).

124.

Николай А.П. Из истории Кавказской войны, с. 4, 27; Вердеревский Е. Указ. соч., с. 328.

125.

Николай А.П. Из истории..., с. 8, 10, 11.

126.

Там же, с. 8.

127.

Там же, с. 17.

128.

Солтан В. Указ. соч., с. 488; АКАК, т. 11, с. 63. «...По такому великом Государе не мешало бы и шесть лет носить траур», — говорил Шамиль. (Вердеревский Е. Указ. соч., с. 354).

малэддин рассказывал отцу о своей жизни в Петербурге, о стране России, о царе... И чем больше тот слушал, тем молчаливее и угрюмее становился. Перед Шамилем был человек из другого мира, другой культуры, с другим мышлением, безнадежно потерянный для мюридизма и имамата. Он с горестным удивлением осознал, что это его сын, такой родной и такой незнакомый. Отчуждение усиливали настоячивые призывы Джемалэддина помириться с русскими, призывы, отвергавшиеся Шамилем и сердившие его¹²³. Но, возможно, уже тогда в душу имама закрались первые сомнения в непогрешимости его представлений о России: какова она, эта неведомая страна, которая неузнаваемо изменила и бесповоротно обратила в свою веру Джемалэддина, его плоть и кровь; почему она «мстит» таким странным образом, усыновляя и лелея? Со временем эти недоуменные вопросы будут множиться, пока наконец Шамиль сам не найдет ответ на многие из них, уже попав в Россию.

Духовную связь с цивилизованным миром, от которого его отлучили, Джемалэддин старался поддерживать через книги, журналы, газеты, предметы обихода¹²⁴. Все это присылали ему из России, чему Шамиль, догадывавшийся о состоянии своего сына, не препятствовал, хотя и опасался кривотолков и обвинений в тайных сношениях с русскими¹²⁵. Имам глубоко переживал тот факт, что Джемалэддин не может прижиться на родной почве¹²⁶. Он делал все, чтобы морально взбодрить сына, пробудить его интерес к новой жизни, желание разделить идеалы отца. Джемалэддин был предметом неотложных забот имама, средоточием его страстных политических надежд. Законный наследник «престола» Кази-Мухаммед отошел на второй план. Шамиль не скрывал своего предпочтения и приучал народ к благоговейному восприятию будущего вождя. Когда имам по пятницам отправлялся на богослужение в мечеть, первым за ним следовал Джемалэддин¹²⁷. Но ничто не помогало вывести его из депрессии. Его состояние передавалось Шамилю. Это, как можно предположить, посеяло в сознании имама беспокойные мысли, переоценку взглядов, трогательное сочувствие. Понимая свое бессилие помочь, он наблюдал терзания Джемалэддина подавленно и задумчиво. Видя, как его опечалила смерть Николая I, Шамиль сказал: «Действительно, он был моим и твоим благодетелем: мне он возвратил сына, а тебя сделал человеком»¹²⁸. Вполне вероятно, что к внутренним страданиям имама прибавилось чувство вины, когда через неполные 3 года после возвращения Джемалэддин умер, не выдержав разительной перемены образа жизни. Он не смог вынести разлуки с теми, кого он успел полюбить и кто отвечал ему взаимностью, со страной,

129.

Николаи А.П. Из истории Кавказской войны, с. 26.

130.

См. Шамиль и Чечня, с. 145.

131.

Волконский Н. 1858 год..., с. 588—589; ср. Dilke A.W. The Caucasus. — The Fortnightly Review, 1874, v. 16, p. 461—462. Примечательно, что всего лишь за год с небольшим до пленения Шамиля баварский посол в России в донесении своему правительству отказывался дать прогноз относительно срока окончания Кавказской войны. (Russland 1852—1871. Aus den Berichten der bayerischen Gesandtschaft in St. Petersburg. Herausgegeben von B. Jelavich. Wiesbaden, 1963, S. 72).

132.

Бобровский П.О. Успехи в борьбе с мюридами на Восточном Кавказе при князе М.С. Воронцове. (Эпизод из великой Кавказской войны). — ВС, 1896, № 9, с. 10.

по-матерински пригревшей и воспитавшей его, щедро приобщившей к достижениям мировой цивилизации. Суровая обстановка имамата, мучительное созерцание войны, которую вели друг с другом обе родины Джемалэддина, разлад с отцом и братьями психологически надорвали его. Ему, окруженному стеной непонимания, было одиноко и бесприютно среди соотечественников. Угнетали и слухи, будто его нарочно прислали к горцам, чтобы подчинить их русским¹²⁹. Простуда — непосредственная причина смерти Джемалэддина — явилась лишь следствием неизлечимого душевного уныния, ослабившего защитные силы организма¹³⁰.

Глубокий внутренний раскол имамата значительно облегчил стратегические задачи Барятинского, придав военным событиям в Чечне и Дагестане в 50-е гг. XIX в. гораздо более скоротечный характер, чем могло бы быть. Известно, когда и с какими жертвами закончилась бы Кавказская война, если бы русской армии пришлось с боем брать каждый из тех десятков аулов, которые не только не оказали сопротивления, но и выступили против Шамиля¹³¹.

В 50-е годы XIX в., по сравнению с 40-ми гг., роль такого фактора в Кавказской войне, как русское военно-политическое присутствие на Северо-Восточном Кавказе, возрастает. Имамат разлагался изнутри, но внешнее воздействие ускорило этот процесс.

В начале 50-х гг. центр стратегических операций переместился в Чечню, где Воронцов особенно настойчиво продолжал применять ермоловскую систему. По правому берегу р. Ассы вырубались леса, чтобы открыть доступ в Галашевское ущелье, служившее для горцев опорной базой для набегов на Сунженскую линию, на Военно-Грузинскую дорогу, в Кабарду. Лесная просека соединила аул Шали с крепостью Внезапная. Русские вытесняли Шамиля с плодородной Чеченской равнины на юг и вплотную подбирались к предгорьям Кавказского хребта. Обеспокоенный имам приказывал горцам перерезать просеки огромными рвами и охранять их постоянными караулами. В начале 1851 г., стремясь остановить это продвижение, он перебросил из Дагестана значительные силы, предводительствуемые Даниель-султаном и Хаджи-Муратом. Попытка последнего нанести удар по Сунженской линии не удалась¹³².

В январе-феврале 1852 г., наряду с методичной работой по вырубке лесов, русские войска под командованием начальника Левого фланга генерала А. И. Барятинского совершали рейды по Большой (восточной) Чечне на пространстве от крепости Грозная до Куринского укрепления. Были взяты важные пункты — аулы Автури, Гельдыген, Маюртуп, — откуда действовали мюриды. Эти походы

133.

Бобровский П.О. Указ. соч., с. 10—12; Из записок М.Я. Ольшевского. — РС, 1879, № 7, с. 426, 429—430.

134.

Из записок М.Я. Ольшевского. — РС, 1879, № 7, с. 426.

135.

Бобровский П.О. Указ. соч., с. 12—13. Ср. ВЭ, т. 11, с. 238.

136.

ВЭ, т. 11, с. 238; Из записок М.Я. Ольшевского. — РС, 1879, № 7, с. 423.

стоили немалых потерь и трудностей, но они не были безрезультатными: от Шамиля отошла значительная масса чеченцев.

Тогда имам решил попытать счастья в Малой (западной) Чечне, куда он быстро двинулся в конце мая, чтобы с помощью галашевцев прорваться к Военно-Грузинской дороге. Шамиль, вновь блеснув своим изобретательным стратегическим мышлением, хотел, как и в 1846 г., создать угрозу русским коммуникациям с Закавказьем, произвести там переполох и отвлечь внимание Воронцова от Чечни и Дагестана. Заодно имелось в виду поживиться добычей. Однако это смелое предприятие провалилось. Перешедшие на сторону России галашевцы попрятали от грабежа свое имущество и встретили имама с оружием в руках. Внезапно появившиеся русские войска заставили мюридов вернуться восвояси¹³³.

В течение лета 1852 г. Барятинский, с целью лишить Шамиля продовольственных баз в Чечне, истреблял на еще подвластных имаму землях посевы кукурузы, пшеницы, проса, запасы сена. Лишенные съестных припасов чеченцы переходили к русским, и тотчас за «кнутом» следовал «пряник»: беженцам выдавались хлеб и денежные пособия¹³⁴. В августе отряд полковника Бакланова двинулся к занятому мюридами аулу Гурдали на р. Мичик, где он наткнулся на большие силы противника и был вынужден отступить с тяжелыми потерями¹³⁵. Ободренный успехом Шамиль решил перейти в наступление. В сентябре-октябре 1852 г., сделав несколько отвлекающих маневров, он собрался совершить крупный набег на поселения по р. Сунже, чтобы разорить их и угнать скот. Однако Барятинский, заранее уведомленный об этом предприятии, принял соответствующие меры, позволившие ему нанести горцам полное поражение. Для окончательного утверждения на Чеченской равнине оставалось выбить Шамиля из его последнего оплота — района р. Мичик, где он сосредоточил 8,5 тыс. конницы и 12 тыс. пехоты. Окружив эти силы в феврале 1853 г., Барятинский внезапно атаковал и разгромил их. Можно было бы считать, что с мюридизмом в Чечне в основном покончено, если бы не начавшаяся летом 1853 г. русско-турецкая война¹³⁶.

Что касается обстановки в Дагестане, то и там ермоловская система принесла успех русским войскам. К началу 50-х гг. они прочно закрепились на границе между Центральным и Приморским Дагестаном, вытеснив горцев из богатых хлебом деревень между реками Кара-Койсу и Казикумухским Койсу. В 1850 г. на р. Самур строится укрепление Лучек, усилившее оборону Закавказья от набегов мюридов. В июне 1852 г. занимается укрепленный аул Цахур, накануне захваченный 4-тысячным войском Да-

137.

Бобровский П.О. Указ. соч., с. 24; Переписка князя М.С. Воронцова с А.П. Ермоловым. 1851—1855. — РА, 1890, № 4, с. 456—457.

138.

ШССТАК, с. 324—336.

139.

Гаджи-Али. Указ. соч., с. 44.

140.

ШССТАК, с. 367.

ниель-султана. Полторы тысячи семейств из соседних горных магалов, проклиная мюридов, переселились на плоскость и изъявили покорность русским властям в надежде получить защиту от Шамиля¹³⁷. Таким образом, к 1853 г. и в Южном Дагестане чувствительно ослабли позиции имама: упрочение Лезгинской линии (хотя во многом она оставалась уязвимой) и растущая враждебность местного населения резко снижали шансы на успешные набеги в Закавказье. С февраля до начала августа 1853 г. было зарегистрировано немногим более десяти почти безуспешных нападений на кахетинские села очень мелких партий горцев (от 10 до 50 человек). Лишь одна из них достигала 500 человек, но и ее быстро отогнали обратно в горы¹³⁸.

Узнав о начавшейся русско-турецкой войне, Шамиль и мюридская знать восприняли духом. Было объявлено, что султан-халиф призывает всех правоверных на Кавказе к священному походу против России. Распространились слухи, будто турки уже проникли в Закавказье и чуть ли не на Терек. Иمامу удалось быстро собрать под свои знамена около 15 тыс. человек и в конце августа 1853 г. двинуть их против Лезгинской линии. Он надеялся восстановить свое господство в Южном Дагестане и прорваться в богатую Кахетию, чтобы поправить материальные дела имамата. Его задача облегчалась тем, что Воронцову пришлось перебросить часть войск из Восточного Закавказья на границу с Турцией. По словам Гаджи-Али, Шамиль хотел соединиться с турецкой армией в Закавказье, о чем его просили послы и письма от османского командования в Карсе¹³⁹. Трудно сказать, действительно ли было у него такое намерение. Допущение о том, что Шамиль не исключал этой возможности, позволяет сделать его письмо к султану Абдул-Меджиду (не позже марта 1853 г.), в котором он сообщает о «гибельном положении» имамата и просит помощи¹⁴⁰. Как, однако, представлял себе Шамиль союз с турками и как далеко готов он был идти в сотрудничестве с ними? Безусловно, сам факт его сношений с падишахом, имевший в глазах горцев высокоавторитетное значение, способствовал возрождению слабевшего престижа имама, и Шамиль играл на этом. Естественно, ему требовалась и реальная поддержка в борьбе против России. С военными успехами и устранением «русского фактора» связывал он надежды на восстановление своих внутривластных позиций. Ради этой всепоглощающей для Шамиля цели он был согласен на союз с турками, но только — на такой союз, который не ущемлял бы его суверенную власть. Иные, угрожавшие его независимости условия партнерства противоречили бы всей сути и духу «самодержавной» политики имама. Шамиль, по свидетель-

141.
Дубровин Н.Ф. Обзор войн...,
с. 322. Ср. Erkert R. Op. cit.,
S. 162.

142.
Подробно см.: Гаджи-Али.
Указ. соч., с. 44—45; Бобров-
ский П.О. Указ. соч., с. 26—27;
ШССТАК, с. 349—350, 353,
356—360.

143.
ШССТАК, с. 424, 430.

144.
Там же, с. 370—373. Были так-
же перехвачены письма от тех
же адресантов к видному пред-
ставителю шекинской знати
Гаджи-Измаил-беку с просьбой
информировать об обстановке
на Восточном Кавказе. (Там
же, с. 374—375).

ству хорошо знавших его людей, не желал официаль-
но принимать покровительство Турции, поскольку
тогда, согласно исламским законам, он лишился
права именоваться имамом и переходил в подданство
к единственному законному главе правоверных —
султану¹⁴¹. Он отнюдь не помышлял преподнести
имамат в подарок падишаху. Почтительно-заиски-
вающий тон его посланий к Абдул-Меджиду был
лишь данью дипломатическому и мусульманскому
этикету. Когда в конечном итоге выяснится, что
сама Турция рассчитывала скорее получить, чем пре-
доставить помощь, осторожное отношение Шамиля
к ней перейдет в открытое недоверие. А пока, в конце
августа 1853 г., он, пользуясь разбросанностью мало-
численных русских войск по Лезгинской линии, втор-
гается в Закаталы и Белоканы с тем, чтобы пере-
правиться через р. Алазань. Генерал Орбелиани,
имея при себе около 4 батальонов с 6 орудиями,
атаковал многократно превосходящие силы мюридов
и оттеснил их к крепости Месельдегер. Несмотря
на большие потери Шамиля, на его стороне сохра-
нился заметный перевес. Лезгинская линия остава-
лась в критическом положении: мюриды находились
рядом и, располагая конницей (а у Орбелиани ее
не было), могли в любую минуту попытаться про-
никнуть в Закавказье. Между тем Шамиль осадил
Месельдегер. Гарнизон крепости (500 человек) стой-
ко держался, пока из Приморского Дагестана не
пришел на выручку Аргутинский-Долгоруков, выну-
дивший имама спешно отступить¹⁴². Поход мюридов
кончился неудачей, а через некоторое время, в нояб-
ре 1853 г., турки потерпели крупное поражение под
Башкадыкляром.

В переписке с османскими военачальниками и са-
новниками Шамиль утверждал, что он появился
в Закавказье «из-за сильного желания» встретиться
с «победоносными войсками» Турции, но «маленькое
сражение» с русскими, наступившие холода и отсут-
ствие сведений о местоположении турок заставили
его вернуться¹⁴³.

В марте 1854 г. русские власти на Кавказе пере-
хватили два письма к Шамилю — из канцелярии
Абдул-Меджида и от командующего Анатолийской
армией Мустафа-Зариф-паши, — в которых его «вы-
сокой», «священной особе» выражается «преданниче-
ское почтение» и «душевное уважение» за бесконеч-
ный газават против России. Наряду с этикетным
интересом к здоровью имама был проявлен реальный
интерес к его планам¹⁴⁴.

В апреле 1854 г. при возвращении из Дагестана
был задержан турецкий шпион. Как выяснилось из
допроса, лазутчик доставил Шамилю два письма от
бывшего (до Мустафа-Зариф-паши) руководства
Анатолийской армии. Кроме того, он имел приказ

145.

Там же, с. 376—377, 379—382, 434.

146.

Там же, с. 387—393, 403—410, 434; АКАК, т. 10, с. 359, 361—562.

147.

АКАК, т. 10, с. 561—562.

Гаджи-Али приводит другие цифры: 40 убитых, 60 раненых. (Гаджи-Али. Указ. соч., с. 48).

148.

Гаджи-Али. Указ. соч., с. 46—47.

149.

Шамиль сообщал о 30 селениях. (ШССТАК, с. 430).

150.

ШССТАК, с. 406—407, 416.

151.

Там же, с. 416—417, 445—446; АКАК, т. 10, с. 567—568; т. 11, с. 679—682.

152.

Гаджи-Али. Указ. соч., с. 47. Ср. ДГСВК, с. 633.

словесно просить имама сообщить о его намерениях. Шамиль велел агенту передать в Карс, что он с наступлением лета собирается ударить по наиболее уязвимым пунктам русской границы и готов взаимодействовать с османскими войсками, но прежде он хочет получить от Порты официальное приглашение к союзу и точные сведения о турецких стратегических замыслах¹⁴⁵.

В начале июля 1854 г. Шамиль, знавший о слабости Лезгинской линии, подошел с 15-тысячным войском к с. Шильды, где эта масса разбилась на мелкие партии, которые по разным направлениям стремительно вторглись в Телавский уезд (Кахетия). Одна часть мюридов занялась жесточайшим грабеджом на левом берегу Алазани, другая — на правом¹⁴⁶. Ловко увертываясь от столкновений с противником, хитро отвлекая его внимание от своих главных целей, они появлялись там, где их не ожидали. Явно недостаточные русские силы попытались перекрыть обратные дороги, но горцы при возвращении умело обошли засады. В тех редких стычках, которых не удалось избежать, мюриды имели значительные потери (до 480 убитыми)¹⁴⁷. Набрав изрядную добычу, они думали лишь о том, как побыстрее унести ноги¹⁴⁸. В результате нашествия были разорены дотла и преданы огню 15 селений¹⁴⁹, убито 95 человек мирных жителей, уведено в плен около 700 человек, захвачено 3,5 тыс. голов скота, имущества на 210 тыс. рублей серебром, 16 тыс. рублей наличных денег, сожжено 293 дома, 144 мараней, 12 мельниц, 117 мякиниц. Общий ущерб исчислялся в 353 тыс. рублей¹⁵⁰. Он мог быть большим, если бы не смелые действия обороняющихся, силы которых до прибытия незначительных подкреплений из Закатал в основном представляли собой наспех собранное иррегулярное ополчение и едва достигали полутора тысяч человек. Это стихийное бедствие привело население уезда в такое нищенское состояние, что русское правительство решило предоставить ему различные материальные пособия, ссуды и льготы¹⁵¹. Тяжелые последствия нашествия усугублялись еще одним обстоятельством: во время разграбления цинондальского имения князя Д. Чавчавадзе, предводителя кахетинского дворянства, подполковника русской армии, в плен к мюридам попало находившееся там все его семейство вместе с вдовой генерал-майора Орбелиани, погибла его малолетняя дочь. Впоследствии, как уже указывалось, Шамиль потребовал в обмен на заложников возвращения своего сына Джемалэддина и большой выкуп.

В одном из писем к туркам имам похвальнось богатой добычей, по-видимому считая ее важным результатом вылазки в Кахетию. «Радуйтесь и вы!» — восклицает он¹⁵². Шамиль признавал, что он не смог

153.

Там же.

154.

ШССТАК, с. 424, 430.

155.

Baddeley J.F. Op. cit., p. 449.

Ср. Покровский Н. Мюридизм у власти, с. 65.

156.

Duncan Ch. A Campaign with the Turks in Asia. Lnd., 1855, v. I, p. 216—217.

157.

ВЭ, т. 11, с. 239; Гаджи-Али. Указ. соч., с. 48—49.

158.

ШССТАК, с. 424, 430, 432.

прорваться на соединение с турецкими войсками в Закавказье «по причине сражения, бывшего между нами и грузинскими князьями»¹⁵³, а также потому, что неверные, поняв его планы, укрепили оборону Восточной Грузии¹⁵⁴. Тут возникает вопрос: если имам действительно хотел соединиться с турками, верил ли он, хорошо знавший горцев, в возможность удержать их от грабежа во имя иных, военно-внешнеполитических задач; надеялся ли он найти у них сочувствие такому походу, который не принесет непосредственного обогащения? Как бы то ни было, в действиях мюридов в Кахетии гораздо больше заметны сугубо материальные интересы, чем какие-либо другие. Главным, объективным итогом экспедиции Шамиля оказалось обычное разграбление мирных сел. Прав английский историк Д. Бэдли, утверждавший, что вторжение в Грузию было «не более, чем набегом», не повлиявшим ни на ход войны, ни на будущее Кавказа¹⁵⁵. Находившийся на кавказском театре Крымской войны англичанин Ч. Дункан, разрушая гипертрофированные, «романтические представления» западноевропейцев о могуществе Шамиля, писал о тщетности надежд союзников на военную помощь имама, ибо лезгины (как и черкесы) покидали свои горные аулы и устремлялись на равнину «только ради грабежа», и после достижения цели ни один предводитель не смог бы (да и не захотел бы) остановить их поспешное отступление¹⁵⁶.

Вернувшись в Дарго-Ведено, имам на время успокоился, а в конце сентября 1854 г. он собрал 15 тыс. мюридов у с. Шали, откуда можно было двинуться в любом направлении. Совершив несколько маневров, в том числе и обманных, он неожиданно окружил с. Истису. Подоспевший на помощь осажденным отряд полковника Николаи пушечным огнем разметал горцев, заставив их бежать в беспорядке¹⁵⁷.

В письмах к командованию Анатолийской армии (ноябрь 1854 г.) Шамиль изображал свое предприятие в Чечне как попытку выйти через Военно-Грузинскую дорогу на Западный Кавказ для соединения с черкесами и турками¹⁵⁸.

Вероятно, Шамиль, допуская в перспективе возможность победы Турции над Россией и восстановления османского господства на Кавказе, надеялся на дружеские отношения с будущим могущественным соседом, на его военную, политическую и экономическую помощь, так необходимую для укрепления власти имама. Шамиль понимал: чтобы заслужить право на такую поддержку со стороны Порты, нужно и самому проявлять хотя бы показную активность. Он не хотел быть обвиненным в бездеятельности в то время как великая правоверная держава сражается с Россией. После двух неудачных попыток (1853 и 1854 гг.) пробиться через Кахетию на встре-

159.

Там же, с. 426.

160.

Там же, с. 430.

161.

См. Приложения к статье

«1845-й год на Кавказе», с. 9.

Узнав о положении дел под Се-

вастополем, Шамиль сказал:

«Стыдно им (Англии, Франции,

Турции — *ред.*)! В восемь меся-

цев три царя не могут взять

одну крепость!... После этого я

могу справедливо гордиться,

что веду войну с русскими

войсками... Впрочем, правду

сказать, не я веду войну, а моя

грязь, да леса Чечни, да скалы

моего Дагестана». (Вердерев-

ский Е. Указ. соч., с. 351).

162.

Текст письма см. ДГСВК,

с. 627—628.

163.

Зиссерман А.Л. Материалы...,

с. 452.

164.

Baddeley J.F. Op. cit., p. 449.

Ср. Дневник Руновского,

с. 1521. Еще в 1842 г. в беседе

с пленным прапорщиком Орбе-

лиани Шамиль говорил:

«Но разве ты думаешь, что

султан верный исполнитель

законов Магомета, а турки ис-

тинные магометане. Они хуже

гяуров. Ох если бы они по-

пались в мои руки, я изрубил

бы их на двадцать четыре

куска, начиная с султана».

(ДГСВК, с. 422).

165.

Baddeley J.F. Op. cit.,

p. 449—450.

чу с турецкими контингентами в Закавказье (если Шамиль в самом деле ставил такую задачу) имам не мог не осознать иллюзорности подобных планов. Поэтому он стремился не столько предоставить туркам реальную помощь, сколько подать им знак солидарности, получив тем самым моральное право в случае поражения России считаться соучастником победы и претендовать на долю от «пирога» победителей. Как видно из посланий Шамиля в Карс, его заботило, чтобы в Турции «не думали, что мы (горцы — *ред.*) ничего не делаем, — мы тоже действуем»¹⁵⁹. Он уверял, что усердно молится о соединении с турками, но все в руках всевышнего и нужно отдаться его воле, ибо «для всякого дела у аллаха есть определенное время»¹⁶⁰.

Вместе с тем, крупные военные неудачи османов под Башкадыкляром (1853 г.) и Кюрюк-Даром (1854 г.) охладили надежды имама и вернули его к суровой реальности, заставлявшей рассчитывать только на собственные силы¹⁶¹. Примешивалось еще одно обстоятельство: Шамиля, как суверенного владыку с огромными заслугами перед исламом, глубоко задевал тот факт, что султан лишь однажды (октябрь 1853 г.) обратился к нему лично¹⁶². А когда Омер-паша прислал ему турецкие генеральские эполеты, то он был просто оскорблен производством в этот унижительный для имама чин¹⁶³ и поклялся больше не иметь с турками ничего общего¹⁶⁴.

В целом Крымская война показала, что к этому времени положение России на Восточном Кавказе уже было достаточно прочно, чтобы, несмотря на переброску оттуда части контингентов на турецкую границу, не дать Шамилю вернуть утраченное. Отчетливо выявились и признаки военно-политического ослабления имамата. Уж если Шамиль, при его выдающихся способностях, фактически не сумел воспользоваться уникально благоприятной для него ситуацией, чтобы получить стратегический перевес над поредевшими русскими войсками на Кавказе, то на что оставалось надеяться после подписания Парижского мира 1856 г.?¹⁶⁵ В 1853—1856 гг. не прекращалась прорубка просек и строительство дорог. Приближался последний, решающий этап Кавказской войны.

В июле 1856 г. наместником и главнокомандующим русскими войсками на Кавказе назначается А. И. Барятинский, имевший за плечами богатый и стремительно накопленный опыт боевой службы в этом регионе, начиная от младшего офицера до генерала. Он хорошо изучил особенности жизни кавказских народов, у него сложились собственные взгляды на то, какой должна быть политика России по отношению к ним. Менее всего походивший на бездумно-педаантичного исполнителя, Барятинский тяготел к

166.

Зиссерман А.Л. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. 1815—1879. Т. 1, М., 1888, с. 146.

167.

Эсадзе С. Штурм Гуниба..., с. 180—181; см. также: Reboul Ch. Op. cit., p. 340, 364.

168.

The Politics on Autocracy. Letters of Alexander II to Prince A.I. Bariatinskii 1857—1864. Edited with an Historical Essay by Alfred Rieber, Mouton, 1966, p. 60.

169.

См. Blanch L. Op. cit., p. 290—300, 391.

170.

Приложения к статье «1845-й год на Кавказе», с. 10.

171.

Эсадзе С. Штурм Гуниба..., с. 179; Фадеев Р.А. Шестьдесят лет..., с. 43—45. Этот опыт ляжет в основу буржуазных военных реформ в России, проведенных Д. Милютиным в 70-е гг. XIX в.

новаторским идеям. Воронцов находил у него «особый талант делать всегда больше и лучше», чем предписано в инструкциях¹⁶⁶. Способный, мыслящий полководец и администратор Барятинский умел подбирать себе под стать и помощников, самый видный из которых — Д. А. Милютин — в будущем станет военным министром и реформатором России.

Отличаясь личной храбростью, отведав суровых невзгод и опасностей походно-бивачного быта, несколько раз раненный, он пользовался любовью и популярностью в армии. Спесь, грубость, лицемерие никогда не замечались за ним. Вступая в новую должность, Барятинский принимает ее как доверие своих соратников и искренне благодарит их в таком обращении: «Войска Кавказа. Смотри на вас и дивяся вам, я взрос и возмужал. От вас и ради вас я осчастливлен назначением быть вашим вождем. Трудиться буду, чтобы оправдать великую милость, счастье и великую для меня честь»¹⁶⁷. По словам американского историка А. Рибера, Барятинский, как никто другой, «подходил для роли русского проконсула на Востоке»¹⁶⁸. Очень высоко оценивала личность и профессионализм наместника английская исследовательница Л. Блэнч¹⁶⁹. Пожалуй, лучшей оценкой военных и политических дарований А. И. Барятинского служит тот факт, что назначение его наместником крайне удручило Шамиля, который запретил горцам под страхом смерти распространять о нем положительные мнения¹⁷⁰.

Новому наместнику предстояло завершить многолетние усилия его предшественников, опираясь на созданный ими военный потенциал, учитывая их опыт и ошибки. За эту работу он принялся со свойственной ему неутомимой энергией. Принципиальный сторонник ермоловской системы, Барятинский дополнил ее важными преобразованиями. Совместно со своим единомышленником начальником штаба Кавказского корпуса Д. Милютиным, человеком даровитым, он разделил Кавказ на военные округа, командующим которых предоставлялась довольно широкая самостоятельность в рамках общего руководства со стороны наместника¹⁷¹. По окончании войны с Турцией Барятинский решил перейти от оборонительных действий против Шамиля, в целом характерных для периода 1853—1855 гг., к наступательным. Он поставил задачу продвинуться в Салатавию и утвердиться там, построив передовое укрепление в Буртунае. В 1856 г. прокладкой просек к Маюргуту и Гурдали был открыт доступ к сильному, отчасти еще подвластному Шамилю ауховскому обществу, преграждавшему путь в Салатавию. Вскоре ауховцы, лишенные лесной защиты и уставшие от гнета мюридизма, примирились с Россией. Узнав о планах русских, имам приказал салатавцам

172.

См. Эсадзе С. Штурм Гуниба..., с. 181—184; Гаджи-Али. Указ. соч., с. 50.

173.

Эсадзе С. Штурм Гуниба..., с. 184—186; Гаджи-Али. Указ. соч., с. 51.

174.

Гаджи-Али. Указ. соч., с. 51.

175.

Эсадзе С. Штурм Гуниба..., с. 186.

176.

Волконский Н. 1858 год в Чечне. — КС, 1879, т. 3, с. 573.

177.

ВЭ, т. 11, с. 239.

переселиться с имуществом в Андию и Гумбет, но те отказались. В июне 1857 г. Шамиль бросил на оборону Буртунай 6 тыс. горцев, держа в постоянной тревоге наступавшие от Евгеньевского укрепления войска генерала Орбелиани, нанося остроумные и не всегда безуспешные контрудары¹⁷². Но удержать Буртунай ему не удалось. В июле русские заложили там важный стратегический форпост. Отчаянные попытки имама сохранить за собой оставшуюся часть Салатавии, стоившие ему больших людских потерь, ничего не дали. Орбелиани соединил просекой Буртунай с Дылымом, занял аулы Гуни, Зубут, Миатлы и к концу 1857 г. полностью вытеснил Шамиля из Салатавии. Приобретение русскими войсками прочных позиций в этом районе, наряду с постройкой в 1857 г. Шалинской и Хоби-Шавдонской крепостей, позволяло установить полный контроль над плоскостью Большой Чечни и предоставляло кратчайший путь в центр Дагестана¹⁷³. Теперь, по словам Гаджи-Али, «Шамиля можно было уподобить овце, схваченной волком за шею и потерявшей всякую надежду на спасение»¹⁷⁴.

Летом 1857 г. генерал Вревский совершил карательную экспедицию в дидойское общество, значительно подорвавшую там власть Шамиля. В январе — марте 1858 г. начальник Левого фланга генерал Евдокимов заложил у входа в Аргунское ущелье укрепление и, поднявшись вверх по восточному притоку р. Аргун, прорубил в лесной чаще еще один выход в Дагестан через Андийский хребет. Затем, вернувшись к аулу Дачу-Борзой, он двинулся в Малую Чечню, население которой, жившее в верховьях рек Фортанги, Гойты, Рошни и Гехи, изъявило ему полную покорность. Летом Евдокимов занял левое ответвление Аргунского ущелья, где были устроены укрепления Шатой и Евдокимовское¹⁷⁵. Теперь обеспечивалось соприкосновение русских войск в Нагорной Чечне с западным участком Лезгинской линии. К исходу августа 1858 г. 15 чеченских обществ, населявших берега Чанты-Аргуна и Шаро-Аргуна, признали Россию¹⁷⁶.

Для отвлечения неприятельских сил от Евдокимова Лезгинский отряд в июне предпринял наступление от р. Самур в район Дидо и Анкратля, нанеся мюридам ряд поражений, в результате чего дидойское общество откололось от Шамиля¹⁷⁷.

В конце 1858 г. Евдокимов стянул к крепости Воздвиженской и с. Бердык-кей довольно крупные военные контингенты для удара по резиденции имама аулу Ведено. На подступах к Ведено Шамиль собрал до 12 тыс. горцев, соорудил хорошо защищенные завалы.

В начале 1859 г. Евдокимов приступил к активным действиям. Оборонительные рубежи были взяты

178.

Гаджи-Али. Указ. соч., с. 53—54; Эсадзе С. Штурм Гуниба..., с. 186—187.

179.

Эсадзе С. Штурм Гуниба..., с. 188—193; ВЭ, т. 11, с. 240.

180.

Эсадзе С. Штурм Гуниба..., с. 190—193, 195; Гаджи-Али. Указ. соч., с. 57—58.

в упорных кровопролитных боях. Отходя, Шамиль сжигал за собой селения, насильно уводил их жителей. 1 апреля русские войска, после десятидневной осады Ведено, бросились на штурм аула, преодолевая ожесточенное сопротивление. Имам, не видевший возможности удержать этот стратегически важный пункт, покинул его, не досчитавшись многих своих соратников¹⁷⁸. Падение Ведено окончательно решило судьбу Чечни, долгое время служившей главной политической и экономической опорой имамата.

Оставался Нагорный Дагестан. Согласно плану летней кампании 1859 г., разработанному начальником штаба Кавказского корпуса Д. А. Милютиним, русским войскам предстояло проникнуть в ущелье реки Андийское Койсу одновременно с трех сторон: Чеченский отряд Евдокимова должен был наступать из Ведено на Андию, Дагестанский отряд Врангеля — из Салатавии на Гумбет, Лезгинский отряд Меликова — из Тушетии на Анкратль. При таком концентрическом движении Шамиль не мог уклониться от сражения. Эта крупная операция требовала тщательной подготовки, которая усиленно проводилась до середины июля 1859 г., то есть до наиболее подходящего времени, когда в горах устанавливалась сносная погода. В ожидании летней кампании русские войска приводили себя в порядок, продолжали рубку просек, строительство новых дорог и крепостей.

Шамиль занял сильные, окруженные завалами и редутами позиции по обоим берегам Андийского Койсу напротив с. Карата. В его руках находилось несколько мостов, остальные он сжег.

15 июля русские силы под общим командованием Барятинского пришли в мощное движение. Через два дня Чеченский отряд уже вышел в долину Андийского Койсу, но лобовая атака на хорошо защищенных горцев стоила бы огромных жертв. Необходим был обходной маневр. Его предпринял Дагестанский отряд, стремительно пересекший Гумбет и совершивший неимоверно трудную переправу через реку у с. Сагрытло, чтобы ударить по флангу противника и соединиться с войсками Евдокимова. Одновременно Лезгинский отряд быстрым маршем прошел через район Дидо¹⁷⁹.

В ходе июльского наступления к русским генералам являлись делегации от гумбетовцев, койсубулинцев, аварских и южнодагестанских аулов с просьбами о принятии их в российское подданство. На сторону России перешли Кибит-Магома и, несколько позже, Даниель-султан. Даже жители Караты, всегда пользовавшиеся особым доверием Шамиля, с нетерпением ждали его ухода, чтобы последовать примеру других обществ¹⁸⁰. В такой критической ситуации, под натиском русских войск Шамиль предпочел по-

181.

Гаджи-Али. Указ. соч., с. 57.

182.

Зиссерман А.Л. История..., т. 3, с. 354.

183.

Поэзия народов Дагестана. Т. 1, М., 1960, с. 269.

184.

Гаджи-Али. Указ. соч., с. 59.

185.

См. АКАК, т. 12, с. 1287; Зиссерман А.Л. Фельдмаршал..., т. 2, с. 277, 431, 433, 435; Фадеев Р.А. Шестьдесят лет..., с. 34, 86; Baddeley J.F. Op. cit., p. 237.

кинуть позиции на Андийском Койсу и отойти к труднодоступному аулу Гуниб, где он еще надеялся получить поддержку близлежащих селений Чох, Согратль, Тилитль и других. Однако отступление имама послужило сигналом к всеобщему примирению с Россией. Аулы и общества, сохранявшие какое-то подобие верности Шамилю, один за другим, словно повинаясь цепной реакции, отвергали его и посылали делегации к русским генералам. В конце июля — начале августа вслед за Даниель-султаном и Кибит-Магомой на сторону России перешли: почти весь Андалал с Чохом и Согратлем, Тилитль, Гидатль, Карата, Ругуджа, Магаро, Ириб, Рисиб. По образному сравнению Гаджи-Али, имамат напоминал «вдоль разрезанное брюхо, все содержимое которого обнаружилось»¹⁸¹. Почва уходила из-под ног некогда грозного Шамиля. Его политическому господству наступил конец. Правда, ему еще подчинялось войско, но и оно таяло и выдыхалось на глазах¹⁸². Когда 29 июля 1859 г. имам подошел к Гунибу, с ним оставалось всего 400 мюридов, 3 наиба и несколько приближенных. Драматизм момента образно передан в дагестанской народной поэзии: «Как волк сквозь отару, Шамиль на Гуниб прорвался, укрылся среди каменных глыб. ...Все рухнуло, пала надежда во прах, все крепости гор — у сардара в руках»¹⁸³. В эти дни Гаджи-Али заметил в Шамиле нехарактерное для него «сильное волнение»¹⁸⁴.

Развал имамата, сопровождавшийся военными поражениями Шамиля, был ускорен не только правильно выбранной и умело осуществлявшейся стратегической системой русских, но и их целенаправленной социальной политикой, которая с начала 50-х гг., с выдвижением на видные роли А. И. Барятинского, стала изменяться в сторону большей гибкости и разумности. Давний поиск эффективной политической линии не обошелся без ошибок. В 30-е и, отчасти, в 40-е гг. XIX в. российские власти на Восточном Кавказе делали ставку на местную мусульманскую знать, стремившуюся шариатом вытеснить адатные нормы. К социальным «низам» применялись необходимые притеснительные меры, уничтожались демократические обычаи и управление. Этот курс, поразительно напоминавший то, что делал Шамиль, не оправдал себя¹⁸⁵. Осознавший это Барятинский принял за восстановление прежних основ народной жизни. Его политика была яркой противоположностью деспотическим порядкам имамата. В 1852 г. наместник учредил для мирного населения Чечни, постоянно пополнявшегося массами бежавших от Шамиля, новый административно-судебный аппарат, в который входили: три русских офицера (председатель с двумя заместителями по управленческой и военной части), главный кадий для разбора дел по

186.

См. АКАК, т. 12, с. 431—432, 434—437, 631—633, 1287; Зиссерман А.Л. Фельдмаршал..., т. 1, с. 217—218, 224—225; т. 2, с. 431—435; Он же. История..., т. 3, с. 126—127; ЦГВИА, ф. 38. Департамент Генштаба, оп. 7, д. 200, л. 1—2, 15. Элементы введенной А.И. Барятинским административной системы, получившей наименование военно-народной, применялись на Северном Кавказе и ранее. (См. Блиева З.М. Административные и судебные учреждения на Северном Кавказе в конце XVIII — первой трети XIX в. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Л., 1984; ЦГВИА, ф. 38. Департамент Генштаба, оп. 7, д. 68, л. 4, 13—15).

187.

Зиссерман А.Л. Фельдмаршал..., т. 1, с. 225; т. 2, с. 436; Он же. История..., т. 3, с. 127; Дубровин Н.Ф. Обзор войн..., с. 304; АКАК, т. 12, с. 645.

188.

См. АКАК, т. 12, с. 1192—1198, 1202—1209, 1288—1289; Baumgarten G. Sechzig Jahre..., S. 186—187.

189.

АКАК, т. 12, с. 1290; Гаджи-Али. Указ. соч., с. 56, 76; Зиссерман А.Л. Фельдмаршал..., т. 2, с. 438; Он же. История..., т. 3, с. 304; Волконский Н. 1858 год..., с. 565—567. Такие меры эпизодически принимались в 40-е гг. XIX в. (АКАК, т. 10, с. 441).

190.

Blanch L. Op. cit., p. 391.

191.

Ibid., p. 394. Разделяя оценки Л. Блэнч, французский историк А. Бегуэн называет политику А.И. Барятинского «гибкой» и «милосердной». (Béguin A. Chamy. Le Lion du Daghestan. — Miroir de l'Histoire, 1962, N 156, dec., p. 728, 730).

192.

Зиссерман А.Л. История..., т. 3, с. 302.

193.

Зиссерман А.Л. Фельдмаршал..., т. 2, с. 434.

194.

См. Зиссерман А.Л. Материалы..., с. 435—436.

шариату, три выборных старейшины, вершивших суд по адату, два переводчика. Круг вопросов, подлежащих шариатской юрисдикции, заметно ограничивался, а права адата расширялись. В перспективе имелось в виду превратить адатные нормы в письменное законодательство, приспособить их к быстро изменяющимся условиям жизни горцев (развивающееся мирное хозяйствование, торговля, собственность) и интересам русских властей, исподволь сблизить их с общероссийским судопроизводством. При этом предполагалось максимально учитывать различные местные особенности, соблюдать принцип постепенности, активно привлекать на административную и военную службу представителей кавказских народностей. Барятинский, считавший, что эффективность новой системы во многом зависит от подбора кадров, ставил во главе ее людей высокообразованных (полковник Бартоломей, археолог и нумизмат), энергичных и сметливых (майор Белик), хорошо знавших Чечню и Дагестан¹⁸⁶.

Нововведения наместника пришлись по душе чеченцам, слух о них распространился среди непокорных горцев, которые тайком пробирались на заседания судов, чтобы убедиться в существовании их и справедливости выносимых решений. Кумыки просили устроить такое же управление и у них¹⁸⁷. Позже, в силу своей эффективности чеченская административная модель, со временем усовершенствованная и сообразованная с «местными обстоятельствами», была использована на Северо-Восточном Кавказе почти повсеместно¹⁸⁸.

Горцы, сначала робко, отдельными семействами, а затем целыми аулами переселялись из имамата под защиту русских властей. К концу 50-х гг. это поощряемое Барятинским явление стало повальным. Наместник принимал беженцев «ласково», делал им «щедрое подарки», давал провиант и денежные ссуды для обзаведения хозяйством на новом месте¹⁸⁹. Как выразилась английский историк Л. Блэнч, милосердие Барятинского оказалось более сильным оружием, чем деспотизм Шамиля. «Племена боялись русских пушек, но не русской мести»¹⁹⁰. Цена в наместнике благородного противника, «они стали верить, что мира можно достичь без ущерба для их чести»¹⁹¹.

В связи с растущим потоком переселенцев русские власти были завалены работой¹⁹². Одна из серьезных трудностей в учреждении администрации на Северо-Восточном Кавказе состояла в нехватке квалифицированных, знающих местные обычаи и языки людей для управленческой системы¹⁹³. Требовались немалые усилия, чтобы преодолеть недоверие к русской власти там, где она была дискредитирована малообразованными, безынициативными, бестактными, коррумпированными чиновниками¹⁹⁴.

195.

АКАК, т. 12, с. 425. Русский публицист В.Л. Величко отмечал, что в Дагестане не хватало администраторов с тонким знанием «явлений местной жизни», реально смотрящих на вещи, способных привести «мерки морали» в соответствие с горскими обычаями. (Величко В.Л. Указ. соч., т. 1, с. 175).

Еще резче высказался другой автор: «Став по завоеванию края (Кавказа — *ред.*), лицом к лицу, с неизвестным нам (русским — *ред.*) миром — миром азиатских народностей, мы, не изучив его, дали ему управление, которое вторглось во все фибры его жизни. Строгий шариат... мы уничтожили и дали свои законы, которые вместе с судьями сделали игрушкой в преступном обиходе». (Козачковский В. Разбой на Кавказе. Очерки. Владикавказ, 1913, с. 139—140).

196.

Пржецлавский П.Г. Шамиль и его семья в Калуге. — РС, 1878, т. 21, январь, с. 45.

197.

До прихода русских на Кавказ чеченцы часто занимались для различных военных предприятий в Малой Азии. (Reboul Ch. Op. cit., p. 364). Продажей своего военного ремесла занимались и лезгины. (Lyll R. Op. cit., v. 2, p. 75; Klaproth J. Tableau..., p. 56; ejusd. Geographisch-historisch Beschreibung des östlichen Kaukasus. Weimar, 1814, S. 137; A General, Historical, and Topographical Description of Mount Caucasus, v. 1, p. 219—221; Sarkisyanz E. Geschichte..., S. 125; АКАК, т. 5, с. 977).

198.

Зиссерман А.Л. Фельдмаршал..., т. 2, с. 438—439; Он же. История..., т. 3, с. 302—304; Фадеев Р.А. Шестьдесят лет..., с. 61—62; АКАК, т. 12, с. 1116. Трудно сказать, сознавал ли А.И. Барятинский, что он фактически перенял имевшийся в мировой истории опыт. Как известно, Персия и Византия, в стремлении защитить свои границы от набегов бедуинов (IV—VI вв.), нанимали одни арабийские племена против других, соблазняя их постоянной платой и возможностью захватить богатую добычу.

При разбирательстве тяжких уголовных преступлений возникала очень сложная проблема приспособления российского законодательства к простым и устойчивым нормам патриархального судопроизводства. Бывали случаи, когда подсудимый, допрашиваемый русским следователем об обстоятельствах дела, с искренним удивлением задавал вопрос: «Какое дело этому человеку (т. е. следователю) до совершенного мною убийства, разве он родственник убитому?»¹⁹⁵ Признавая положительные черты в российском делопроизводстве, горцы, вместе с тем, жаловались, что оно ведется слишком медленно по сравнению с адатом и шариатом. В Дагестане имела хождение поговорка: «Русские даже и зайца догоняют на арбе»¹⁹⁶.

Чеченцы-беженцы с готовностью осваивали мирные занятия, которые сулили, как показал опыт горцев, давно живших в дружбе с русскими, зажиточность. Однако приученным сызмальства к военному ремеслу и образу жизни, им трудно было тотчас расстаться со старыми навыками и обрести новые, поэтому они столь же охотно шли в иррегулярные ополчения, сражавшиеся против Шамиля. Перейдя на сторону России, многие чеченцы сетовали, что они не могут избавиться от привычки, воспитанной в течение десятилетий, — добывать средства к существованию оружием и боевой сноровкой¹⁹⁷. Они и под властью России сохранили склонность к этому «способу производства», предпочитая продавать бывшему противнику свой военный «профессионализм». Барятинский быстро нашел применение такому ценному товару. Он формировал из горцев отряды, и те совершали набеги на еще подчиненных Шамилю соплеменников. Против имама было пущено в ход его же оружие. Наместник приспособил традиционную набеговую систему к интересам России, желавшей скорее закончить Кавказскую войну. Ополченцы фактически получали двойную плату: жалование от русской администрации и, как подспорье к нему, добычу. Лица, бывшие при Шамиле предводителями набеговых партий, включая наибов, теперь, на службе у России, возглавляли отряды, вторгавшиеся в пределы имамата¹⁹⁸. (В перспективе предполагалось сблизить обязанности горской милиции с функциями казачества¹⁹⁹.)

Использование горцев в таком качестве, по мысли Барятинского, имело не только стратегическое, но и социально-политическое значение. Он считал опас-

Набеги отражались набегами. (Мюллер А. Указ. соч., т. 1, кн. 1, с. 10). Такую же тактику применяли римляне в войне с германскими варварами. (Фюстель де Куланж Н.Д. Указ.

соч., т. 2, с. 415—416, 464—467).

199.

АКАК, т. 12, с. 1290; Зиссерман А.Л. История..., т. 3, с. 127.

200.

АКАК, т. 12, с. 653, 1290;
Зиссерман А.Л. Фельдмаршал...,
т. 2, с. 439. Ср. Фадеев Р.А.
Шестьдесят лет..., с. 88, 94.
Справедливость опасений
А.И. Барятинского подтверж-
дает тот факт, что даже после
окончания Кавказской войны в
Дагестане и Чечне (1859 г.)
набеговая система возрожда-
лась самопроизвольно, хотя и в
ограниченных масштабах, в чем
можно усматривать свидетель-
ство живучести этого мощного
социально-хозяйственного
явления. (АКАК, т. 12, с. 687,
689, 1213, 1217, 1220—1223,
1237—1238). В беседах с
А. Руновским Шамиль преду-
преждал, что племена Чечни и
Дагестана, «по свойству своего
характера и вследствие долго-
временной привычки к хищни-
ческому образу жизни, имеют
наклонности разбойнические,
проявления которых (рус-
ским — *ред.*) следует ожидать
постоянно, ... пока горцы окон-
чательно не свыкнутся с усло-
виями мирной жизни и не от-
дадут своего оружия». (Днев-
ник Руновского, с. 1446).
Предостережение Шамиля
оказалось ненапряженным: ин-
ститут набегов в «эпигонском»
виде — мелкие разбои с уго-
ловной подкладкой — дожил до
XX века. (См. Козачковский В.
Указ. соч.).

201.

Ткачев Г.А. Эпизод из Кавказ-
ской войны. — Записки Тер-
ской общества любителей ка-
зачьей старины, 1914, № 4,
с. 51.

202.

Волконский Н. 1858 год...,
с. 567, 571—573.

203.

Там же, с. 570.

204.

Хроника Мухаммеда-Тахира...,
с. 244. Дагестанский поэт
Магомед-бег с горечью призна-
вал эффективность такой поли-
тики: «Из Тифлиса царский
сардар выезжал, сундуки с
собой золота взял, чтобы щедро
наибам подачки давать, чтоб
судей, позабывших честь, под-
купать». И далее: «За деньги
наибамы продан Шамиль». Ма-
гомед-бег вкладывает в уста
пленного имама слова, обра-
щенные к Барятинскому: «Див-

ным резко отлучать от военного ремесла людей, не
знавших других занятий, тем самым обрекая их на
бездеятельность и нищету, невольно побуждая к гра-
бежу; делать это следовало постепенно, по мере того,
как у местного населения будет прививаться вкус
к мирной хозяйственной жизни, и пока он оконча-
тельно не укоренится, отдушину для горцев, в виде
возможности существовать за счет продажи своего
военного искусства, нужно держать открытой²⁰⁰.

Барятинский отказался от односторонности преж-
него курса на союз только со знатью. Критерием
его социальной политики служило отношение горца
к России, независимо от принадлежности к тому или
иному слою общества. Наместник с готовностью при-
нимал всех бежавших от Шамиля, как рядовых узде-
ней, так и представителей «верхов», обеспечивая пер-
вым средства к жизни, вторым — сохранение собст-
венности. Однако в интересах скорейшего заверше-
ния Кавказской войны и достижения единства сил,
противостоявших имаму, Барятинский до поры до
времени не позволял этим враждующим классам
продолжить ту борьбу, которую они вели внутри има-
мата. Отнюдь не спеша восстанавливать социальное
господство знати, он вместе с тем пресекал и попыт-
ки «низов» отомстить своим бывшим притеснителям
за прошлые обиды. В распоряжении, отданном рус-
скими властями на Кавказе, говорилось: «Строго
воспрещается всему покорившемуся горскому народу,
члены которого пострадали через набивов и мазунов
от жестокости Шамиля, посягать на жизнь набивов и
мазунов или делать им какой-нибудь вред — кто
поступит против этого, тот, как важный преступник,
со всем его семейством будет наказан ссылкой в
Сибирь²⁰¹.

Отошедших от Шамиля видных деятелей мюри-
дизма встречали без упреков и напоминаний о
прошлом. Когда позволяла социальная ситуация и
когда это отвечало интересам России, набивов и кади-
ев привлекали на русскую службу, оставляя им
прежние звания и полномочия²⁰². Некоторые из «ка-
занских сирот» Шамиля, теперь как представители
российских властей, чинно принимали верноподдан-
нические присяги от своих соотечественников, вчера
еще сражавшихся под знаменами имама²⁰³. Чтобы
больше расположить горцев к себе, Барятинский шел
и на прямой подкуп. Как отмечал Мухаммед-Тахир,
с русскими были «грузы «красные и белые» (т. е. зо-
лото и серебро), которые захватывали сердца масс
народа и делали рабами свободных»²⁰⁴. Бежавшему
от Шамиля мичиковскому наibu Боте Барятинский

люсь я не пушкам твоим, не
штыкам, дивлюсь, как преда-
тели жадны к деньгам». «...Вы
в подкупе счета не знали

рублям. Наибы мои были
жадны к деньгам». (Поэзия на-
родов Дагестана. Т. 1, с. 266,
268, 272).

205.

Из записок М.Я. Ольшевского. — РС, 1879, № 6, с. 318.
Ср. Blanch L. *Op. cit.*, p. 259—260.

206.

Blanch L. *Op. cit.*, p. 396.

207.

См. Хроника Мухаммеда-Тохира..., с. 259.

208.

АКАК, т. 12, с. 1287; Зиссерман А.Л. *Фельдмаршал...*, т. 2, с. 273, 278, 433.

209.

АКАК, т. 12, с. 1287. В советской историографии встречаются необоснованные утверждения, что такие «столпы колониализма», как М.С. Воронцов и А.И. Барятинский, были противниками мирных, политико-экономических методов действий на Северном Кавказе. (См. Сивков К.В. *О проектах...*, с. 196).

210.

Алферьев П. *Очерки...*, с. 46.

купил дом в Грозной и дал много денег²⁰⁵. Если имама обычно сопровождал палач, то наместника — казначей²⁰⁶. Последствия такой политики состояли в том, что уже после падения Шамиля утверждение российской администрации в Дагестане проходило сравнительно беспрепятственно, в условиях растущей терпимости к русским²⁰⁷. В принципе Барятинский предполагал возродить в противовес не слишком надежной «новой» мусульманской знати, сложившейся в русле мюридизма и шариата, «старую» светскую аристократию там, где ее остатки еще сохранились после шамилевской «опричнины»²⁰⁸. Здесь он также исходил из своих неизменных критериев выбора социальной политики — степени лояльности того или иного слоя общества к России, возможности использования его в конкретных целях.

Уверенный в правильности выбранного им пути А. И. Барятинский с оптимизмом смотрел в будущее и советовал избегать поспешности. Во всеподданнейшем отчете за 1857—1859 гг. он писал: «Нет сомнения, что, через несколько времени, пользуясь мирной жизнью, горцы утратят свою воинственность, скинут оружие и обратятся в поселян. Это не предположение, но убеждение опыта. ...Воинственность покорного населения слабеет так быстро, что через несколько лет после замирения оно уже не в состоянии меряться с враждебными горцами, недавними своими односельцами. Заменяя оружие плугом, горцы с жадностью бросаются на все, что может им принести выгоду, и в непродолжительное время из нищих становятся довольно зажиточными людьми. Безопасность и обеспеченный труд переделывают их. Чтобы замирить кавказское население на веки, нужен, после покорения его, двадцатилетний период совершенно мирной жизни, в продолжении которого горские общества не имели бы ни средств, ни побудительной причины к восстанию. Для этого есть одно средство, — смотреть на управление горцами, как на продолжение их покорения и считать еще несколько лет необходимые для того расходы — издержками Кавказской войны»²⁰⁹.

Высоко оценивая политику А. И. Барятинского, построившего ее, как отмечалось, на контрасте шамилевской тирании, следует учитывать, что именно эта тирания значительно облегчила задачи наместника. Благодаря ей Россия, по словам русского публициста П. Алферьева, «приняла уже граждан, воспитанных в известном порядке», и могла «не тратить сил на черновую государственную работу, всю тяжесть которой вынес на своих могучих плечах бывший имам Шамиль»²¹⁰.

С начала августа 1859 г. русские войска приступили к блокированию аула Гуниб, расположенного на труднодоступной горе. К Барятинскому беспрепятственно

211.

Эсадзе С. Штурм..., с. 194.

212.

Гаджи-Али. Указ. соч., с. 65.

шли депутации от различных обществ и аулов, которых он встречал приветливо и щедро. Слух о великодушном поведении главнокомандующего, быстро распространившийся в горах, умиротворял тех, кто еще пребывал в воинственном настроении, страхе перед русской местью²¹¹.

К середине августа Гуниб был плотно окружен. Во избежание лишнего кровопролития Барятинский предложил Шамилю сдаться, гарантируя полную безопасность ему лично, его семейству и находившимся при нем мюридам. Ему также был обещан свободный выезд в Мекку, если он этого пожелает. Имам, по-видимому сохранявший надежду на неприступность своего убежища²¹², отказался. Кроме того, он не мог заставить себя поверить в то, что после двадцатипятилетней жестокой борьбы, в которой он нанес такой урон противнику, русские не тронут его. Сделать это Шамилю было тем труднее, что сам он не прощал своих врагов.

Получив отказ, Барятинский отдал приказ о штурме. Когда положение осажденных стало совершенно безнадежным, он остановил наступление и вновь предложил Шамилю сложить оружие, не подвергая жителей аула напрасным жертвам. Была дана четверть часа на размышление. Наступили самые драматические минуты в жизни имама. Впервые после Гимр (1832 г.) судьба оставляла ему скудный выбор: склонить голову перед неверными или погибнуть во славу аллаха. Тогда, двадцать семь лет назад, отважный, честолюбивый помощник Кази-муллы, «идеалист» с относительно скромным достатком и дерзкими мечтами о газавате, Шамиль, окруженный в мечети русскими войсками, предпочел героическую смерть, бросившись на штыки гяуров. Теперь же, уже немолодому, богатому, многодетному семьянину, знаменитому имаму решить эту дилемму оказалось гораздо сложнее. Цена жертвы стала больше, чем жизнь. Да и умирать не хотелось. Шамиль погрузился в мучительные раздумья. Высокие «идеалы» священной войны отодвигались на задний план грубыми житейскими и политическими соблазнами, надеждой сговориться с русскими. Быть может, он, еще не до конца осознавая, что имамат распался, власть над народом утрачена, не исключал вероятности сохранить влияние над горцами путем изъявления России покорности. Или же он просто рассчитывал на сугубо материальные вознаграждения. Во всяком случае, от повторения самоубийственного поступка, совершенного в Гимрах, его удерживали какие-то реальные мотивы, какой-то оптимизм. Если в 1832 г. он самоотверженно отдался отчаянному, фанатическому порыву, то в 1859 г. он с холодной рассудочностью, хотя и не без внутренней душевной борьбы, взвешивал все возможные последствия прекращения

213.
Там же, с. 67.

214.
Эсадзе С. Штурм Гуниба..., с. 201. Дагестанский поэт Магомед-бег писал по этому поводу: «Пришли старики со слезной мольбой их семьи от бедствий войны защитить, и женщины начали с плачем молить, чтоб мудрый имам их детей защитил, чтоб горестей плена он не допустил. И женщин и малых детей пожалев, и за стариков душой восскорбев, внимая страданиям, мольбам и слезам, сдаваться решил генералам имам». (Поэзия народов Дагестана. Т. 1, с. 271).

215.
См. Гаджи-Али. Указ. соч., с. 64. Много позже на упрек, почему он сдался русским и не искал смерти в битве, Шамиль ответил стихом из Корана: «Ни одной душе не дано умереть, кроме как с разрешения аллаха». (Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 279).

216.
Гегель. Философия истории. — Соч., т. 8, М. — Л., 1935, с. 30.

217.
Захарьин И.Н. Кавказ и его герои. СПб., 1902, кн. 2, с. 449.

218.
См. Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 274, 277—279.

сопротивления. Шамиля — вполне вероятно — ободряли примеры его набегов, которые переходили на сторону русских, а те оставляли (и приумножали) им собственность и социальные привилегии. Помнил он и заботу, проявленную царем о его сыне Джемал-эддине. Эти и другие обстоятельства постепенно смягчали «образ врага», сложившийся в сознании имама, что в свою очередь способствовало изменению его позиции в отношении России: от непримиримости к компромиссам.

Был еще один момент, склонивший Шамиля к решению о сдаче. На Гунибе мало кто горел желанием сражаться. Ни сыновья, ни верные мюриды имама, ни, тем более, жители аула не хотели погибать²¹³. За газават шли в бой, рискуя жизнью, тогда, когда он сулил ощутимые выгоды. Сейчас в нем никто не видел смысла, поскольку в данной ситуации, напротив, ощутимые выгоды обещал отказ от газавата.

Женщины Гуниба с рыданиями умоляли Шамиля покориться своей участи и не подвергать их всех ужасам штурма²¹⁴. Эти просьбы освободили его от последних сомнений, спасли достоинство и самолюбие имама, который теперь мог с чистой совестью сказать: «Я уступаю ради вас»²¹⁵. Своей готовностью выйти к Барятинскому Шамиль фактически угождал всем.

25 августа около 3 часов пополудни, под оглушительный рев многотысячного войска, возбужденного чувством причастности к эпохальному историческому событию, Барятинский принял капитуляцию. Кавказская война в Дагестане и Чечне, с незапамятных времен ставшая будничной частью российской политической жизни и поэтому казавшаяся нескончаемой, завершилась. Ее главный герой удалялся с великой сцены в обыденный мир. История в нем больше не нуждалась. Она обошлась с Шамилем так же, как и с другими своими «доверенными лицами», которые, выполнив поставленную перед ними задачу, были выброшены как «пустая оболочка зерна»²¹⁶. В этом — трагическая общность их судеб. Прав философ: и на идолов рано или поздно опускаются сумерки.

Уже первые дни после пленения Шамиля показали, что русские далеки от намерения обращаться с ним как с бунтовщиком. К нему относились как к главе побежденной армии, побежденного государства²¹⁷. Барятинский, имевший за свою карьеру немало случаев убедиться в неординарных военных и политических дарованиях этой личности, был полон решимости воздать ей должное. Оказывая Шамилю и его семье особые, поистине царские знаки внимания²¹⁸, главнокомандующий не лукавил: он всегда выражал искреннее, глубокое уважение к своему знаменитому противнику. Унижать или третировать Шамиля означало бы для Барятинского обесценивать

219.

Там же, с. 279—280.

220.

См. Руновский А. Записки...,

гл. 1, с. 6, 9, 10, 23, 30—32;

Blanch L. Op. cit., p. 411—423.

221.

Руновский А. Записки..., гл. 1, с. 14—21, 24; Собрание статей о покорении Дагестана. Б. м. и г., с. 58, 61—62.

222.

Там же, с. 22.

223.

Там же, гл. 2, с. 3—4, 12—14.

224.

Там же, гл. 1, с. 25—26.

значение собственного триумфа. Уже не говоря о том, что подобное поведение было бы неполитично и недостойно представителя великой державы. Возвышая Шамиля, Барятинский поднимал и самого себя. Он просто не мог позволить себе поступать иначе в той торжественной и беспрецедентной для русской истории ситуации, в которой ему посчастливилось оказаться и которая стала его звездным часом. Понимая, что в памяти потомков он останется прежде всего как человек, сокрушивший Шамиля, Барятинский как бы смотрел на себя из будущего. Победителя и побежденного незримо связали узы истории и славы.

Шамиля отправили в Петербург, где решение его судьбы зависело от Александра II. По дороге, под Харьковом, он встретился с царем, производившим смотр военных маневров. Тот окружил имама почетом, достойным разве что монаршей особы, а при расставании напутствовал его словами: «Поистине ты не расквесишь в своем приходе ко мне»²¹⁹. Но действительность превзошла самые оптимистичные надежды. Москва и Петербург приветствовали имама с восторженным любопытством, как легендарную личность, самобытного полководца, талантливого политика. На время Шамиль стал первой достопримечательностью обеих столиц. Толпы горожан отдавали дань уважения человеку, который в течение 25 лет был главной проблемой России на Кавказе. К полному удивлению имама, никто не видел в нем врага. Атмосфера доброжелательного интереса, теплоты, почестей, а также показанные Шамилю чудеса цивилизации ошеломили его, приведя в заметную растерянность. Трудно сказать, какую участь для себя ожидал он в России, но только не то, что случилось в реальности²²⁰. Впрочем, Шамиль легко освоился в необычной и удивительной обстановке. Людей, приготовившихся увидеть дикого горца, поражали его светскость, сдержанность манер, безыскусность, острая наблюдательность и быстрая сметливость²²¹. Весьма неожиданной была его благоговейная реакция при виде иконописных и скульптурных изображений Иисуса Христа²²². Находившийся при Шамиле пристав А. Руновский открыл в своем подопечном добрую и доверчивую душу²²³. Шамиля приходилось ограждать от назойливости многих досужих посетителей, желавших посмотреть на него, поговорить с ним²²⁴.

Местом постоянного жительства Шамиля и его семьи назначили Калугу, где ему предоставили один из лучших особняков города. Содержание дома, включая штат переводчиков и obsługi, обходилось казне в 20 тыс. рублей ежегодно. Имаму выплачивалась ежегодная пенсия в 10 тыс. рублей. Его семейство получило от Александра II и императрицы

225.
Béguin A. Op. cit., p. 730.

226.
См. Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 280—297; Выдержки из записок Абдурахмана..., с. 30—51; Руновский А. Записки..., гл. 2, с. 11, 16—24, 29—30, 35—39, 43—46, 51—52; Захарьин И.Н. Указ. соч., с. 461—462; Рындин А. Имам Шамиль в России. — ИВ, 1895, т. 62, с. 532, 534.

227.
Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 293—294; ср. Рындин А. Указ. соч., с. 532.

228.
Руновский А. Записки..., гл. 5, с. 59; ср. Дневник Руновского, с. 1425; Рындин А. Указ. соч., с. 539.

подарков на десятки тысяч рублей. Калужское общество проявляло большую заботу о новом жителе города. Его с радостью принимали в самых знатных домах, с огромным интересом слушали его воспоминания, суждения о людях и вещах, пристально вглядывались в казавшуюся суровой личность Шамиля, обнаруживая в ней богатый внутренний мир, пронизательную и находчивую мысль, аристократизм, тактичность, оригинальный юмор и многое другое. Двери его дома были гостеприимно открыты для самых разнообразных посетителей, которые, несмотря на официальную установку чрезмерно не докучать имаму, ежедневно шли к нему выразить свое уважение, предложить помощь, просто увидеть «самого Шамиля». Для имама, как и для других исторических героев, путь от великого до прозаического был недолгим. От образа богоуподобленного грозного властителя, распоряжавшегося жизнями и судьбами сотен тысяч людей, почти ничего не осталось. Теперь, в уютной домашней обстановке, это был тихий, утомленный бурными годами, даже слегка сентиментальный старик, окруженный своим многочисленным семейством. И лишь изредка в его глазах, жестах, интонациях голоса появлялось нечто такое, что заставляло вспомнить о великом прошлом этого человека. Соприкосновение с миром, о существовании которого Шамиль и не подозревал, сильно изменило его²²⁵.

После поселения в Калуге он еще дважды встречался с царем и всякий раз возвращался из Петербурга смущенный особо уважительным приемом и щедрыми императорскими дарами²²⁶. Мухаммед-Тахир свидетельствовал, что Шамиль покидал Александра II «скованный и плененный цепями оказанных ему милостей и связанный по рукам путами проявленного в отношении его почтения»²²⁷. Своим калужским знакомым Шамиль говорил дрожащим от волнения голосом: «...Каждая милость Государя очень, очень для меня дорога, но вместе с тем она режет мое сердце, как самый острый нож: когда я вспоминаю, сколько я зла делал великому государю и его России и чем он теперь меня за это наказывает, мне стыдно становится, я не могу смотреть на вас и готов закопать себя в землю!...» Бог «знает, что я прошу у него только двух милостей: здоровья и благоденствия для государя, а для себя — какого-нибудь случая заслужить его милости и доказать, что я достоин их»²²⁸. В письме А. И. Барятинскому (декабрь 1862 г.) Шамиль говорит словами поэта: «Время скупое на таких царей! (как Александр II — *ред.*)». Продолжавших войну черкесов он называл «стадом разбежавшихся по разным местам баранов...», которые по «недостатку их ума и отсутствию здравомыслия» «...пошालят, пошалают, да и перестанут, как уви-

229.

Рындин А. Указ. соч., с. 533.

230.

Дневник Руновского, с. 1460.

231.

Руновский А. Записки..., гл. 2,

с. 26, гл. 3, с. 29, гл. 5,

с. 25—27.

232.

Там же, гл. 5, с. 61.

233.

Хроника Мухаммеда-Тахира...,

с. 296.

дят волка, который скрутит их и наконец загонит их к вам (русским — *ред.*)»²²⁹.

Когда в октябре 1860 г. в Калугу пришло известие о кончине государыни императрицы, Шамиль обязал своих домашних носить траур по обычаю, принятому в горах²³⁰.

Под влиянием сильных впечатлений от увиденного и пережитого в России в сознании Шамиля произошел существенный пересмотр представлений о ее политике на Кавказе и — вообще — прежних взглядов на многие вещи²³¹. Когда от Шамиля пожелали услышать, что он теперь думает о России, он с грустью ответил: «Теперь я понимаю, отчего мой сын Джемалэддин умер!»²³². Дошедшие до Дагестана слухи о жизни имама в России вызвали у его учителя Джемалэddина, уже почтенного старца, чувства, близкие к восхищению, во власти которых он писал своему знаменитому ученику: «...И желайте добра царю. Мы уже слышали о великом его милосердии и хороших поступках с многочисленными милостями к вам. Несмотря на то, что вы были в отношении его злодеями, с какими благодеяниями он отнесся к вам?! И если он так относится к злодеям, то каковы же поступки его в отношении доброжелателей?!»²³³

После нескольких лет, проведенных в Калуге, Шамиль в апреле 1866 г. написал Александру II: «...Я и моя семья боимся внезапной смерти, прежде чем сумеем доказать покорность тебе, семье твоего дома и всем правителям русским верность наших сердец и чистоту нашего убеждения путем искренней клятвы, в подлинности нашего довольства. О, величайший царь и мой добродетель! Ты победил оружием меня и тех, кто был в моем владении из жителей Кавказа. Ты даровал мне жизнь. Ты обрадовал мое сердце своими благодеяниями над моей чрезмерной старостью, меня, поработанного твоей милостью и щедростью. Я поучаю своих детей тому, что должно быть проявлено ими (из благодарности) в отношении русского государства и его великих владетелей, и благовопытываю их на этом.

Я завещал им постоянную благодарность тебе за твою бесконечную ко мне милость и распространение известий о ней. Я завещаю им также быть среди искренних подданных русского государства, повиновением приносить пользу их новой родине и служить, не принося ущерба и не изменяя. О царь, окажи милость моей старости, прими присягу от меня с моими детьми в любом городе, в каком только ты пожелаешь, — Калуге, Москве, Петербурге, — это по твоему благому выбору.

Истинно, мы все поклянемся перед лицом свидетелей в том, что мы желаем находиться в среде искренне преданных тебе твоих подданных в вечной покорности. Я призываю в свидетели аллаха всевышнего

234.
Там же, с. 298—299.
235.
Там же, с. 299—300.
236.
Там же, с. 300—302.
237.
Рындин А. Указ. соч., с. 537.
238.
Там же, с. 538; ср. Хроника Мухаммеда-Тахира..., с. 302—303.
239.
Захарьин И.Н. Указ. соч., с. 459.
240.
См. РС, 1880, т. 27, с. 805—812; Собрание статей о покорении Дагестана, с. 74—75.
241.
РС, 1880, т. 27, с. 810—811.
242.
Рындин А. Указ. соч., с. 542.

и его посланца Мухаммеда, да будет молитва аллаха всевышнего над ним и мир, в чистоте моих тайных помыслов в отношении тебя и кланусь в этом Кораном и душой моей дочери Нафисат, умершей в эти дни, которая была для меня из моих детей самой любимой. О царь! ответь на мою эту просьбу согласием»²³⁴.

От имени Александра II ответил военный министр Д. А. Милютин, который хвалил Шамиля за его решение, выражал уверенность, что новое подданство имама станет «назидательным примером»²³⁵.

Получив это письмо, Шамиль обратился к царю с пространным посланием-клятвой, смысл и тон которой передает следующая выдержка: «Истинно, я принимаю на себя обязательство в том, что я вместе со своими семьями будем вечными подданными, искренними и покорными славному из славнейших его величеству императору Александру Николаевичу, самодержцу всего российского государства»²³⁶.

Немного позже губернатор Калуги в присутствии именитых людей города торжественно принял присягу Шамиля²³⁷. Имам обратился к аудитории с такими словами: «Я стар, трудами своими не могу доказать государю и России той истинной преданности, которую чувствую до глубины души моей, но мне остается еще одно счастье: молить Бога, да продлит он жизнь возлюбленного монарха на многие лета, а детей моих научит, чтобы они всеми силами души и тела старались принести *новому моему отечеству* (подчеркнуто нами — ред.) ту пользу, которой оно ожидает от верных и преданных сынов своих»²³⁸.

В 1866 г. на свадьбе царевича Александра Александровича в Петербурге бывший имам произнес на арабском языке речь, оканчивавшуюся словами: «Да будет известно всем и каждому, что старый Шамиль на склоне лет своих жалеет о том, что он не может родиться еще раз, дабы посвятить свою жизнь на служение белому царю, благодеяниями которого он теперь пользуется!»²³⁹.

С сентября 1859 г. до своей кончины Шамиль вел теплую, дружескую переписку с А. И. Барятинским²⁴⁰. В последнем, предсмертном письме (14 января 1871 г. из Медины) он препоручал своих жен и детей великодушным заботам князя, прося его «не отворотить... милосердных взоров» от них, «чтобы они не остались как овцы в пустыне без пастыря». В этом своеобразном завещании имам не забыл еще раз выразить неизменное благодеяние государю «за все его явные милости и постоянное внимание»²⁴¹. Просьба Шамиля была удовлетворена. После кончины имама его семья не осталась «без пастыря»: на ее содержание казна отпустила солидное годовое пособие²⁴².

В Шамиле совершилась та же эволюция, что и —

ранее — в среде феодально-наибской знати: от ненависти к гяурской России к социально-политическому сотрудничеству с ней и щедро оплачиваемому верно-подданству. Политика России позволяла такому очевидному перевороту в человеке совершиться безболезненно для его самолюбия. Шамиль был принят с гораздо большими почестями, чем его изменившие сподвижники. Никто и не думал о наказании, тем более — о казни. В Петербурге слишком хорошо понимали, что мертвый имам станет знаменем «священной войны», а живой — воплощением покаяния, умиротворителем для тех, кто вздумает возродить газават, идейным помощником в утверждении российской власти в Дагестане и Чечне. Кавказская война была для России хорошей школой не только военного опыта, но и опыта политического общения с окраинами империи, лабораторией, где дорогой ценой познавалась сложнейшая субстанция — общественный быт горских народов. Во многом, хотя далеко не во всем, российское правительство приблизилось к пониманию чужой социальной культуры, что вносило в его политику более тонкие, приспособительные элементы. Это отразилось в двух разделенных временем примечательных фактах: Шейх-Мансура сослали на Соловки как разбойника, а Шамиля поселили в Калуге чуть ли не как монаршую особу. О результатах изменившегося отношения к героям Кавказской войны можно судить по заявлению самого имама. На вопрос, есть ли на Кавказе достойные преемники мюридизма, Шамиль ответил знаменательным афоризмом: «Нет, теперь Кавказ в Калуге...»²⁴³.

**Внутреннее положение Черкесии
в 50-х — начале 60-х гг. XIX в.
Влияние внешних сил.
Мухаммед Эмин складывает
оружие.
Недолгая власть
феодализирующейся олигархии.
Конец Кавказской войны**

С началом Крымской войны 1853—1856 гг. Турция и ее союзники активизировали свою политику в Черкесии в стремлении использовать ее в собственных интересах. Расширялось и их военное присутствие на Черноморском побережье Кавказа.

Война застала Мухаммеда Эмина в земле убухов, где он деятельно готовился к встрече османских десантов. Наиб рассчитывал при поддержке Порты упрочить свою власть, понимая, что значит иметь за спиной такую высокоавторитетную в глазах черкесов внешнюю силу. Однако его постигло разочарование. После ухода русских войск из Абхазии весной 1854 г. в Сухум-кале прибыл Сефер-бей, которого турецкое правительство наделило титулом паши и уполномочило поднять население Черкесии на борьбу против России. В лице этого человека Мухаммед Эмин приобрел политического конкурента, опасного тем, что он являлся официальным ставленником Турции, а этот статус повышал его престиж среди соплеменников. Между двумя лидерами возникает соперничество, обещающее стать непримиримым. Сефер-бей поручили собрать ополчение и отправить его в Закавказье в распоряжение командующего Батумским корпусом Мустафа-паша. В течение года Сефер-бей оставался в Сухум-кале, рассылая оттуда воззвания к черкесам. Он долго не решался появиться среди них самолично, поскольку ему было неловко признаться в несостоятельности своих обещаний прийти на помощь с большой армией и оружием. Черкесы не откликнулись на призывы Сефер-бея. Они

1. См. Фелицын Е. Князь Сефер-бей Зан, с. 79—80; Шербина Ф.А. Указ. соч., т. 2, с. 545—546; Карлгоф Н. Магомет Амин, с. 96—97.

2. Фелицын Е. Князь Сефер-бей Зан, с. 80—82; Карлгоф Н. Магомет Амин, с. 97—98; Шербина Ф.А. Указ. соч., т. 2, с. 547.

отказывались собирать ополчение лишь ради того, чтобы сражаться вдали от родных мест во имя неизвестно каких целей. Одно дело — заниматься набегами, имея перед собой конкретную материальную перспективу, другое — погибать в Закавказье в рядах османских войск, не понимая за что. Горцы, опасавшиеся попасть в полную зависимость от турецких военачальников, усматривали в предложении Сефер-бея попытку ввести постоянную рекрутскую повинность, столь им ненавистную. Это выглядело как посягательство на их привычный образ жизни. Тфокотли настороженно относились к Сефер-бею, предполагая, что он, будучи отпрыском натухайского «аристократического» рода, вынашивал идею восстановления древних прав князей и дворян¹. И, наконец, Сефер-бей, при всех его заморских регалиях, не был той яркой личностью, которая могла бы увлечь за собой черкесов даже вопреки их воле.

Потерпев неудачу, Сефер-бей решил свалить вину на своего политического соперника, дискредитировать его перед Портой. Мухаммед Эмину пришлось ехать в Константинополь оправдываться и искать поддержки. Там его приняли с почетом, дали звание паши, но уклонились от признания за ним власти над всеми закубанскими племенами. По возвращении в Черкесию Мухаммед Эмин, не добившийся престижной турецкой санкции на политическое лидерство, стремится консолидировать свою внутреннюю социальную опору. Для этого он прибегает к эффектному ходу, в свое время блестяще испытанному Шамилем. Наиб объявляет абадзехам о том, что он складывает с себя все полномочия, так как считает свою миссию — подготовить черкесов к совместным действиям с Турцией и к османскому подданству — выполненной. Теперь они должны подчиниться другим начальникам. Это решение очень встревожило абадзехов, поставленных перед выбором между Мухаммедом Эмином и Сефер-беем. Последнему они не доверяли, подозревая в нем готовность восстановить старые привилегии князей и дворян. Подозрения подтвердились, когда сын Сефер-бея Карабатыр, объезжая Черкесию с турецким офицером, включал в список лиц, уполномоченных присягнуть на подданство султану от имени горцев, только представителей родовитой знати. Абадзехи стали открыто выражать требование иметь своим главой Мухаммеда Эмина. Их привело в растерянность опасение остаться без такого нерядового предводителя, выгоды от руководства которого они уже успели ощутить. Настроения абадзехов передались соседним, более мелким племенам².

Пытаясь использовать благоприятный внешнеполитический момент, Мухаммед Эмин хотел организовать массовый подъем горцев против России, чтобы

3. Джимов Б.М. Крестьянское движение в дореформенной Адыгее, с. 145.
4. См. Карлгоф Н. Магомет Амин, с. 98; Щербина Ф.А. Указ. соч., т. 2, с. 547. Источники единодушно констатируют признаки расстройств в организации набегов: бессистемность, падение боевого духа, ослабление власти предводителей. (Невский П. Закубанский край в 1864 г. — Кавказ, 1868, № 98, с. 3).
5. Фелицын Е. Князь Сефер-бей Зан, с. 82; Эсадзе С. Покорение..., с. 94.
6. Фелицын Е. Князь Сефер-бей Зан, с. 83; Карлгоф Н. Магомет Амин, с. 99.
7. См. Карлгоф Н. О политическом устройстве..., с. 549.

освободиться от сдерживающего фактора в своей политике и — что совсем не лишне — поднять значение собственной личности в глазах Турции и западноевропейских держав, поддержка которых была ему крайне необходима. Решая эту задачу, наиб прибегал к активному социальному маневрированию. К примеру, когда Мухаммед Эмин натолкнулся на нежелание тфокотлей «аристократических» племен идти в ополчение, он сделал ставку на князей и дворян, пообещав усилить их власть над народом. В случае отказа Мухаммед Эмин грозился взбунтовать против них «низы» общества³.

Между тем продолжались черкесские набеги на русскую территорию, однако без общего руководства они вырождались в мелкое хищничество, по-видимому, со скромными экономическими результатами⁴. Эта важная сфера социально-хозяйственной жизни повелительно требовала единоначалия, отсутствие которого, может быть, ощутилое всего сказывалось именно на ней.

В мае 1855 г., после оставления русскими гарнизонами Новороссийска и Анапы, к натухайцам наконец прибыл Сефер-бей в сопровождении Мустафа-паши с отрядом турецких войск и представителей западных союзников. Появление с таким престижным эскортом как будто бы повысило авторитет и влияние Сефер-бея среди черкесов. То ли умышленно, то ли по незнанию местной обстановки английские, французские и турецкие офицеры демонстративно оказывали ему особые почести, достойные правителя горцев. Из полученных от союзников средств он одаривал знатных натухайцев, покупая их расположение⁵. Князья и дворяне Черкесии сплотились вокруг Сефер-бея, увидев в нем человека, готового отстаивать их интересы. Однако тот, понимая, что без тфокотлей ему не обойтись, не рискнул поддержать социальные домогательства аристократии. Хотя Сефер-бей сам принадлежал к родовитому слою, реальная ситуация — подъем тфокотльской знати, сближение ее имущественного и социального положения с дворянским — заставляла его искать союза с общинной верхушкой. Этот альянс несколько укрепил позиции Сефер-бея среди натухайцев и, отчасти, шапсугов. Разочарованным князьям и дворянам из «аристократических» племен пришлось смириться. Они не могли себе позволить разрыва с Сефер-беем: другого противовеса «радикалу» Мухаммеду Эмину не было⁶. Имел значение и тот факт, что в отличие от наиба, заменившего вековые устои жизни шариатом, Сефер-бей придерживался привычного для горцев и менее взыскательного адата⁷. Этот изнеженный и ленивый сибарит не мог быть ревностным мусульманином, хотя формально он исповедовал ислам.

На руку князю сыграло еще одно обстоятельство.

8. См. Фелицын Е. Князь Сефер-бей Зан, с. 85; Щербина Ф.А. Указ. соч., т. 2, с. 549.

9. Dulaurier Éd. Op. cit. — RDM, 1865, t. 60, p. 963—964.

Между абадзехами, с одной стороны, натухайцами и шапсугами — с другой, отсутствовало единство и согласие. Хотя и родственные этнически, они представляли собой достаточно самостоятельные общественные структуры, разделенные взаимными противоречиями и сформировавшимся пониманием антитезы «мы — они». Если «они» (абадзехи) идут за жестким Мухаммедом Эмином, который и сам предпочитает их другим племенам, то «мы» (натухайцы и шапсуги) готовы противопоставить ему более удобного Сефер-бея.

Между двумя лидерами резко обострилось политическое соперничество. Исход его зависел не только от объективных факторов (сотношения социальных сил, интересов и настроений), но — во многом — и от уровня личностных качеств.

Быстро догадавшись, что Порта не жалует его своей поддержкой и ставит на аристократическую «партию» Сефер-бея, Мухаммед Эмин повел борьбу решительно. Поскольку удовлетворенная им просьба абадзехов вернуться к власти обеспечивала более широкие, чем прежде, полномочия, он круто ужесточает антидворянскую кампанию. Развязывая настоящую травлю аристократии со стороны тфокотлей и, естественно, провоцируя ответную реакцию, наиб сеял непримиримую вражду между этими слоями⁸. Такая тактика привязывала общинников к своему вождю и защитнику, укрепляла его социальные тылы в противоборстве с Сефер-беем.

На расстановку социальных и политических сил в Черкесии существенно влияли внешние обстоятельства — позиции Турции и ее западноевропейских союзников. Известно, что изначальное несовпадение интересов и целей противников России на Кавказе перерастало с развитием войны во все более заметные противоречия. Союзники с недоверием следили друг за другом: турки опасались планов англичан в отношении Черкесии и Грузии, не нравились они и французам; в свою очередь англичане стремились не допустить преобладания там своих партнеров по антирусской коалиции.

Оперевшись на Сефер-бея, Порта усугубила социально-политический раскол черкесских племен, настроила Мухаммеда Эмина против турок и западноевропейцев. Наиб, лишенный возможности щегольнуть перед горцами дружбой с могущественными иностранными державами, замкнулся в собственных внутренних проблемах. Становилось все очевиднее, что Сефер-бей является куда менее способным политиком и менее масштабной личностью, чем его конкурент⁹. Дело осложнялось растущей, часто заведомо подогреваемой, подозрительностью черкесов к туркам, англичанам и французам. Такая ситуация мешала союзникам решить не то что политические, но

даже сугубо военные задачи — мобилизовать «туземное» ополчение против России. Мухаммед Эмин и Сефер-бей наотрез отказывались от совместных действий. После эвакуации русских сил из Черкесии горцы практически потеряли интерес к войне. Уже не видя в ней реальной выгоды и не понимая ее целей, они неохотно участвовали в боевых операциях союзников. Горцы знали лишь раннюю, примитивную форму войны — организованный грабительский промысел, но они пока не имели представления о войне, как о сложном международно-политическом явлении. Больше озабоченные домашними делами, они вяло откликались на призывы Сефер-бея и стоявших за ним союзников. Натухайцев и шапсугов с трудом удалось собрать для поддержки операций англо-французского флота и десантов в районе Таманского полуострова (сентябрь 1855 г.). Все закончилось тем, что при попытке переправиться через Кубань для соединения с турками и их союзниками отряды Сефер-бея были отброшены, после чего они без особого огорчения разошлись по родным аулам.

Независимо от Сефер-бея и с иными целями действовал Мухаммед Эмин. Уходом русских войск из Черкесии он решил воспользоваться для укрепления собственной власти, расширения ее географических границ. В августе 1855 г. наиб вторгся в Карачай с намерением подчинить его себе и, вероятно, распространить свое влияние на Кабарду. Он силой привел к присяге карачаевцев, захватил русский обоз, истребив 70 сопровождавших его солдат, но в конце концов был разбит и изгнан из Карачая войсками генерала Козловского¹⁰.

События в Черкесии показали Турции и ее союзникам, что опора на Сефер-бея и оттеснение Мухаммеда Эмина не оправдали себя. Исправить эту политическую ошибку взялся османский генерал Омер-паша, командующий экспедиционным корпусом, который — в соответствии с планами английского и турецкого правительств — высадился в октябре 1855 г. в Сухум-кале с целью активизации военных действий на Кавказе. Омер-паша пригласил Мухаммеда Эмина к себе в ставку, торжественно надел на него эполеты паши, от имени Порты провозгласил главой абадзехов и соседних с ними племен (исключая шапсугов и натухайцев), щедро одарил подарками. Почетно был принят и сын Сефер-бея Карабатыр, через которого Омер-паша послал его отцу такие же эполеты и ценные подношения, что подразумевало признание власти Сефер-бея над натухайцами и шапсугами. Помимо османских щедрот Мухаммед Эмин и Сефер-бей получили предписания собрать ополчения и направить их в Закавказье под начало Омер-паши. Здесь возникли прежние препятствия: горцы отказались воевать. Даже авторитетно-

11.
Там же, с. 85.

12.
Там же, с. 86—88; Щербина Ф.А. Указ. соч., т. 2, с. 549—550.

му наибу, не говоря уже о его сопернике, не удалось сломить их сопротивление¹¹.

В январе 1856 г. Мухаммед Эмин отправил Омер-паше оправдательное письмо, в котором он сообщал, что рад был бы прийти к нему на помощь с 10 тысячами всадников, но для этого нужно повесить около 150 влиятельных черкесов, подогревающих нежелание народа собирать ополчение. Эти люди перечислялись поименно. По случайности им стало известно содержание письма. Против наиба вспыхнуло волнение. Его дом был разграблен возмущенной толпой, но заранее предупрежденный хозяин скрылся. Трудно сказать, как сложилась бы судьба Мухаммеда Эмина, не подоспей к нему помощь, причем с совершенно неожиданной стороны. Дело в том, что Сефер-бей, стремясь воспользоваться этими неурядицами для распространения своего влияния на Восточную Черкесию, объявил о решимости идти с войсками к абадзехам и бжедухам, привести их к присяге султану, низложить Мухаммеда Эмина. Абадзехская и бжедужская родовитая знать вступила в сговор с Сефер-беем, имевшим неосторожность пообещать ей возвращение прав, отобранных наибом. Встревоженные этим тфокотли, еще вчера громившие жилище вождя и искавшие его для расправы, бросились изъяслять ему полное повиновение, чуть ли не с коленопреклоненными просьбами возглавить их против Сефер-бея и обуздать аристократию. В мае 1856 г. Мухаммед Эмин собрал вооруженных людей и двинулся на р. Суп, куда подошел и Сефер-бей с небольшим, по видимому с трудом сколоченным войском, включавшим, помимо натухайцев и шапсугов, 150 турецких солдат. Дело ограничилось перестрелкой, в которой погибло и было ранено по несколько человек с обеих сторон, после чего враги разошлись в противоположных направлениях¹². Своим провалившимся предприятием Сефер-бей добился только одного — восстановления власти соперника, казалось бы уже безнадежно утраченной. Пока два вождя выясняли отношения, в Черкесию стали проникать слухи о мире, заключенном между Россией и союзниками. Горцы догадывались, что этот факт может в какой-то мере отразиться на их жизни, но еще не знали — в какой именно.

Крымская война — как сложное сцепление военных событий, несовпадающих внешнеполитических, экономических и колониальных интересов, ареной противоборства которых был и Кавказ — имела серьезные последствия в Черкесии. Она ощутимо дестабилизировала внутреннюю ситуацию в регионе, в известной степени нарушила происходивший там естественный процесс государственной и этнической консолидации племен, спровоцировала преждевременные центробежные политические тенденции.

13.
Klapka G. La guerre d'Orient en 1853 et 1854 jusqu'à la fin de juillet 1855. Geneva, 1855, p. 60—61.
14.
См. Bazaneourt S. L'expédition de Crimée. La marine française dans la mer Noire et la Baltique. Chroniques maritimes de la Guerre d'Orient. Paris, s. d., t. 1, p. 164—165.
15.
Lapinski Th. Op. cit., Bd. 1, S. 330—331.
16.
Slade A. Turkey and the Crimean War: a narrative of historical events. Lnd., 1867, p. 203.

Иностранное вмешательство в черкесские дела довело раскол внутри местных племен и между ними почти до грани «гражданской войны»¹³. Турция и Англия (первая по недомыслию, вторая по недостаточной осведомленности), оперевшись на малоавторитетного Сефер-бея, то есть фактически поддержав его против Мухаммеда Эмина, развязали открытую вражду между ними, в которой остро выразился застарелый конфликт двух социальных сил — аристократии и тфокотлей. Под натиском поднявшей голову потомственной знати, вдохновляемой Портой, а также под воздействием недовольства различных слоев неоднородной общинной массы теми или иными поступками наиба (в том числе его авторитарными склонностями) сфера власти Мухаммеда Эмина заметно сузилась пределами территории абадзехов. Но и они, видя затруднения своего правителя, чувствуя растущую его зависимость от них, повиновались ему далеко не во всем.

По-прежнему нуждаясь в нем как в вожде, организаторе социальной и военной жизни, защитнике от аристократии, тфокотли, вместе с тем, теперь смелее одергивали наиба, если он позволял себе явные диктаторские замашки. Особенно заметно его власть стесняли «верхи» общины, от контроля которых он был не в состоянии избавиться. Пользуясь уважением у них, наиб, вместе с тем, говорил с ними языком просьб, а не приказов¹⁴. Все это свидетельствовало о неустойчивости созданной Мухаммедом Эмином государственной структуры. Что касается Сефер-бея, то его влияние было вовсе эфемерным. Черкесская аристократия терпела эту заурядную фигуру лишь как противовес «демократу» Мухаммеду Эмину, из страха к нему, но властвовать над собой не позволяла. Натухайские, шапсугские и убыхские общинники по большей части предпочитали вообще никому не подчиняться. В основном придерживаясь адата, стародавних языческих и христианских обрядов, они, как правило, отвергали ислам как «дагестанского», так и «константинопольского» образца, не желая слышать ни о Мухаммеде Эмине, ни о Сефер-бее¹⁵. По отношению к Турции и Англии в них нарастало чувство апатии или недоверия. Согласно наблюдениям английского адмирала А. Слейда, состоявшего на турецкой службе, внутреннее «клановые проблемы» черкесов были гораздо важнее для них, чем любовь к Турции или вражда к России¹⁶. В 1853—1856 гг. горцы почти не проявили интереса к войне с Россией. Они ожидали, что эту войну на Северо-Западном Кавказе будет вести армия союзников, тогда как Турция и Англия намеревались действовать руками черкесов. Каждая сторона хотела больше получить, чем дать. Поддержав «аристократа» Сефер-бея, Порта уронила себя в глазах тфокотлей

17.
См. Фадеев Р.А. Письма...,
с. 133; Dulauriet Éd. Op. cit. —
RDM, 1865, t. 60, p. 964.

18.
Lapinski Th. Op. cit., Bd. 1,
S. 136.

и тем самым лишилась помощи, на которую она рассчитывала.

После Крымской войны соперничество Мухаммеда Эмина с Сефер-беем остается основной событийной канвой истории Черкесии, поскольку именно в нем сконцентрировались жгучие социально-политические проблемы развития общества. Борьба между двумя лидерами ужесточилась, все заметнее подрывая их силы, влияние и общественный авторитет¹⁷. В результате ослабла верховная власть наиба, вновь усилились межплеменные и внутриплеменные раздоры, обострились социальные противоречия. Особо следует отметить участвовавшие покушения на чужую собственность¹⁸. Помимо традиционного конфликта тфокотлей и «старой» аристократии (князей и дворян) назревал другой, не менее серьезный. В распадающейся общинной массе складывалась молодая разбогатевшая знать (светская и духовная), противостоявшая рядовым, не столь зажиточным тфокотлям. Трения между ними также расшатывали еще не успевший окрепнуть «государственный» порядок. Дестабилизации внутренней обстановки в Черкесии способствовало военное давление России, возобновленное в 1856 г. Однако главным деструктивным фактором, пожалуй, была непримиримая борьба между Мухаммедом Эмином и Сефер-беем за право именоваться главой всех черкесов. Эта борьба являлась наружным симптомом социального соперничества между тфокотлями и княжеско-дворянским слоем. Внутренние черкесские дела по-прежнему сильно осложнялись иностранным вмешательством (Турция и Англия). Мухаммед Эмин и Сефер-бей считались с этим обстоятельством, используя его в собственных целях. Так, в 1856 г. наиб, пытавшийся укрепить свою поколебленную власть с помощью Порты, получил в Константинополе фирман, удостоверявший, что султан признает его высокие полномочия на Северо-Западном Кавказе. Подобные бумаги, на которые турецкое правительство не скупилось, продолжали служить во мнении горцев престижным символом власти, чуть ли не законным патентом на нее. Это еще больше растравило вражду двух соперников, периодически выливавшуюся в вооруженные столкновения.

Социально-политическая напряженность в Черкесии усугублялась военной активизацией России, стремившейся как можно скорее подчинить эту стратегически уязвимую часть своей территории, оградить ее от внешней интервенции. Горцы недоумевали, почему к ним вновь пришли русские войска, если их уверяли, что союзники выиграли Крымскую войну. Ходили противоречивые слухи то о предоставленной черкесам независимости, то о передаче их в подданство султану и под протекторат европейских дер-

19.
См. Фелицын Е. Князь...,
с. 93, 138.

20.
Там же, с. 88—89.

21.
См. подробно: Высадка в
1857 году на черкесский берег
польско-английского десан-
та. — КС, 1887, т. 11, с. 573—
621.

жав, то о возвращении их в состав России. Поначалу местные вожди — Мухаммед Эмин и Сефер-бей — сами не имели четкого представления о международном статусе Черкесии. Последний, например, грозил наказному атаману Черноморского казачьего войска генералу Г. И. Филипсону послать союзным державам жалобу о нарушении Россией Парижского мирного договора, якобы оставившего Черкесию за Турцией¹⁹. Не могли внести ясность в этот вопрос и горские делегации, специально направленные в Константинополь, чтобы узнать, как на мирных переговорах 1856 г. решили судьбу черкесов. Туманные ответы Порты на эти запросы говорят о ее стремлении скрыть правду, что, впрочем, нетрудно было сделать, поскольку черкесы полагали, будто после поражения в Крымской войне Россия уже не имела права вернуться в Северо-Западный Кавказ. Турции достаточно было просто не отнимать у них такую надежду, однако она еще и подкрепляла ложные представления черкесов радушными приемами, обещаниями покровительства и помощи. Вместе с тем Константинопольский кабинет выставлял условия: принятие горцами турецкого подданства и повиновение тому, кого поставят над ними²⁰. Как видно, Порты не переставала думать о соединении черкесских племен в цельный политический организм, гораздо легче поддающийся управлению (извне), чем разрозненные общества. Правда, в реальной политике с ее субъективными ошибками, противоречиями между желаемым и полученным результатом достичь этого туркам было очень непросто.

Помощь из Турции действительно пришла. В феврале 1857 г. в Туапсе высадился иностранный легион (около двухсот солдат и офицеров различных национальностей с оружием и боеприпасами) под руководством Т. Лапинского (командир) и его заместителя — Я. Баньи (Мехмед-бей)²¹. Это было совместное англо-турецкое предприятие, в задачу которого входила организация войны горцев против России с целью отделения от нее этого региона.

Поначалу Т. Лапинскому пришлось опираться на Сефер-бея, поскольку Мухаммед Эмин, настороженно воспринявший прибытие легионеров, уклонился от встречи с их предводителем. Сефер-бей, в свою очередь, старался использовать иностранцев в собственных интересах борьбы за власть. Вскоре Т. Лапинский понял, что он выбрал себе ненадежного политического и военного партнера. Ради материальной выгоды Сефер-бей готов был пожертвовать чем угодно и кем угодно. Опасаясь быть потесненным на задний план политической сцены, он препятствовал прямым контактам легионеров с местным населением. Отказ Т. Лапинского поддерживать авторитарные притязания Сефер-бея привел к обострению от-

22.
См. Lapinski Th. Op. cit., Bd. 2,
S. 112—120.
23.
Ibid., S. 89, 143—144, 156—157,
184, 187—192.
24.
Ibid., S. 157—158, 186.
25.
Ibid., S. 40—42, 52.
26.
Ibid., S. 147—149.

ношений между ними²². Союз с князем оказался малоэффективным и непрочным еще и потому, что тот пользовался ограниченным влиянием, в основном распространявшимся на натухайскую знать. В своем большинстве черкесы не хотели подчиняться человеку, которому они не доверяли. Зная его слабость к деньгам и нечестность, горцы, вообще с трудом соглашавшиеся платить подати, категорически возражали против того, чтобы Сефер-бей ведал налогом-обложением, ибо ему ничего не стоило присвоить средства, собранные для содержания ополчения. Под предлогом снабжения легиона продовольствием и транспортом князь учинял поборы с населения, фактически попадавшие в его карман. Когда эти махинации приняли систематический характер, потерявший терпение Лапинский порвал связи с Сефер-беем и даже попытался его арестовать, чтобы выслать на суд в Турцию, но безуспешно²³. Князь со своей стороны подстроил два покушения на Лапинского²⁴.

Положение легионеров осложнялось тем, что многие антитурецки настроенные, отвергавшие ислам горцы встречали их неприязненно²⁵.

Надеясь на понимание широкими массами действий, направленных против «дворянского» вождя, Т. Лапинский решил найти себе новую политическую опору в лице Мухаммеда Эмина. Однако он не был уверен, что это именно та личность, которая сможет объединить вокруг себя черкесские племена, искоренить их внутренние неурядицы. Смушал и воинствующий исламский фанатизм наиба. Кроме того, Т. Лапинский видел себя по меньшей мере в роли партнера, но никак не подчиненного Мухаммеда Эмина. От последнего ему требовалась скорее военная помощь, но в качестве правителя Черкесии он предпочитал другого человека. Поэтому Т. Лапинский написал Шамилю письмо с объяснением целей приезда легионеров и просьбой приказать своему наместнику в Черкесии объединиться с ними. Послание было вручено двум дервишам, возвращавшимся в Дагестан после паломничества в Мекку. Устно, втайне от Мухаммеда Эмина, Т. Лапинский велел им передать Шамилю, что весьма желательно прибытие на Северо-Западный Кавказ сына имама Джемалэдина. Такой предводитель «со стороны», по его мнению, сумел бы покончить с раздорами в стране, сплотить народ единовластием, наладить согласованные боевые операции против России, поднять свой личный авторитет в глазах черкесов, а их — возвысить в глазах Европы, предпочитавшей помогать «организованным» народам²⁶.

Так и не дождавшись ответа от Шамиля («дервиши» оказались русскими агентами), Лапинский предложил Мухаммеду Эмину обсудить вопрос о совместных действиях. Они встретились на земле абадзехов

27.
Ibid., S. 197—200, 202, 206.
Ср. АВГР, ф. Канцелярия,
д. 44, 1859 г., л. 190 об. —
191 об., 215 об. — 216.
28.
Lapinski Th. Op. cit., Bd. 2,
S. 200—202.
29.
Ibid., S. 207.
30.
Осман-бей. Воспоминания
1855 года. События в Грузии и
на Кавказе. — КС, 1877, т. 2,
с. 204—205.
31.
The Illustrated London News,
1857, v. 30, N 851, p. 280.
32.
Маркс К., Энгельс Ф. Соч.,
т. 12, с. 577.

в начале февраля 1859 г. В течение многочасовых бесед наиб жаловался на происки османского правительства против него, утверждая, что оно своими интригами «испортило здоровый дух» горцев и ведет Черкесию к гибели. По признанию Мухаммеда Эмина, большая часть даже привычно покорных ему абадзехов вышла из повиновения и желает переговоров с Россией, а привилегированные сословия (пши и уорки) уже не боялись открыто общаться с русскими властями²⁷.

Аналогичные процессы происходили на Северо-Восточном Кавказе. В октябре 1858 г. Шамиль сообщил наibu о поощряемой Россией растущей оппозиции к нему в среде господствующего класса, о непослушании горцев, «усталости» их от войны и т. д. Он справлялся о возможности получить при безвыходных обстоятельствах убежище в Черкесии и продолжать там дело мюридизма. Мухаммед Эмин отговорил Шамиля от этого шага, зная, что большинство населения, равнодушное к исламу и не расположенное к мюридизму, примет имама с недоверием и «его слава будет похоронена». «И через 20 лет, — писал наиб, — черкесы не станут мусульманами, если им вообще суждено быть таковыми»²⁸. Фактически отказывая Шамилю, Мухаммед Эмин, конечно, не мог прямо сказать о главном — своем нежелании отдавать власть над Черкесией, пусть даже самому имаму.

В июле 1859 г. от Шамиля пришли еще более безнадёжные известия, из которых следовало, что он утратил контроль над положением в стране, государственный порядок почти полностью развалился, русские войска наступают отовсюду, а народ не имеет никакого желания сопротивляться²⁹.

Неблагополучно складывались отношения между руководителями легиона. В первый год его пребывания на Кавказе произошел разлад между Т. Лапинским и Я. Баньей. Беспринципный интриган и честолюбивый авантюрист со скандальным прошлым Банья, не сумев сделать политическую карьеру на Западе, решил попытать счастья на Востоке³⁰. Похоже, он мечтал стать правителем черкесского края, намереваясь отстранить Т. Лапинского от дел и, играя на распре между Сефер-беем и Мухаммедом Эмином, подчинить их себе. Одержимый своими планами Банья приносил им в жертву всех и все. Поначалу он надеялся организовать и выставить против России 150 тыс. (!) горцев³¹. Когда его расчеты не оправдались, он цинично предложил царским властям услуги по усмирению Черкесии, конечно, дав понять, чего они стоят. Банья был готов служить всякому, кто ему заплатит³². В посланиях генералу Филипсону (от 3 июня и 7 августа 1857 г.) он убеждал в нецелесообразности приобретать Северо-Западный Кавказ силой оружия, ибо, во-первых, на это уйдет много времени,

33.

Фелицын Е. Князь..., с. 110—112, 132—135, 141. Более подробные сведения о программе Бани содержатся в английских источниках. (См. Urquhart D. The Secret of Russia in Caspian and Euxine: Circassian War as affecting the insurrection in Poland. Lnd., 1863, p. 58—60). Отдельные извлечения из них приводятся К. Марксом. (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 493, 495).

34.

Покровский М.В. Социальная борьба..., с. 19.

во-вторых, придется целиком истребить местных жителей. Между тем России для осуществления ее внешнеполитических задач на Ближнем Востоке нужен не «могильный холм» или «клочок земли, лишенный населения», а страна воинов, способных составить ударную силу русской армии. Банья рекомендовал другой путь: вначале «организовать» Черкесию и поставить над ней «одного вождя», затем превратить его в должника России, чтобы за остальное можно было не беспокоиться. Автор соблазнял Петербургский кабинет перспективой иметь «вторую Грузию» и открытую дорогу в Анатолию и Индию, а в случае, если его советами пренебрегут, — предрекал неисчислимые трудности³³. Право выбирать «туземного» лидера Банья оставлял за собой, предполагая, очевидно, отвести ему роль политической декорации, а реальную власть сосредоточить в своих руках. Филиппсон не ответил на письмо, а Т. Лапинский, узнав об измене компаньона, предал его польскому эмигрантскому суду, после чего тот уехал в Константинополь.

Мухаммед Эмин и Сефер-бей по-прежнему действовали порознь, больше во вред друг другу, чем — России. Однако социальная подоплека их соперничества заметно стерлась. Это уже не было четко выраженное противостояние вождя тфокотлей вождю аристократии, хотя внешне все началось именно так. Интенсивное развитие общества расслаивало общинную среду на бедных и богатых, в отношениях между которыми возникала более острая напряженность — предвестие классовой борьбы, — чем между имущими «верхами» общинников и княжеско-дворянской знатью. По мере накопления собственности зажиточные тфокотли по своему социально-экономическому положению все дальше отдалялись от менее состоятельных братьев-общинников и все теснее сближались с бывшим противником — родовитой аристократией. Так путем сращивания «новой» знати со «старой» формировался господствующий феодальный слой. Этот процесс сказался на политике Мухаммеда Эмина: от избияния уорков он перешел к сотрудничеству с ними. Дворяне требовались наibu в качестве высококвалифицированной военной силы как для борьбы с Россией, так и для подавления внутреннего сопротивления³⁴. Выделение военно-общинной (старшинской) знати и ее союз с уорками против рядовых тфокотлей и зависимых сословий неминуемо превращали Мухаммеда Эмина из выразителя интересов общества в целом в выразителя интересов господствующей группы людей, к которой он сам органически принадлежал. Эту эволюцию общинная масса ощутила на себе. Ее возмущение аульской верхушкой было направлено и против Мухаммеда Эмина: сжигались мегкемы, изгонялись назначенные наibом.

35.
Lapinski Th. Op. cit., Bd. 2,
S. 141.

36.
Ibid., S. 151—152.

37.
См. Ibid., S. 130, 132—136,
140—142.

38.
АВПР, ф. Канцелярия, д. 44,
1859 г., л. 187 и об., 188 об. —
189, 217—219; ШССТАК,
с. 477; Фелицын Е. Князь...,
с. 148—150.

39.
АВПР, ф. Канцелярия, д. 44,
1859 г., л. 170 об. — 173.

кадии и муртазеки³⁵. Сужение социальной опоры, отягощенное растущим недовольством «низов», ожесточенным соперничеством с Сефер-беем, усиливающимся военным давлением России, расшатывало власть Мухаммеда Эмина. Вдобавок строптиво вела себя и «новая» знать. Под ослабевшей уздой правителя она чаще выходит из повиновения. Наиб перестает быть надежным гарантом достигнутого ею материального благополучия, не говоря уже о его упрочении, которое становилось невозможным при общем падении рентабельности набеговой системы и мирного хозяйства черкесов, страдавшего от войны.

В сознании горской элиты постепенно крепнет убеждение, что таким гарантом вероятнее всего может быть Россия. Социальная политика последней давала основания надеяться на это. В господствующем слое формируется влиятельное прорусское течение. Многие выдвинувшиеся в ходе Кавказской войны тфокотли и представители «старой» аристократии, стремясь узаконить свой материальный и социальный статус, переходили на сторону России, хотя в целом внешнеполитическая ориентация «верхов» отличалась неустойчивостью³⁶. Предпочтение черкесом той или иной привходящей силы (России или Турции) зависело от многих конкретных обстоятельств: местоживания (далеко или близко от Кавказской линии), источников доходов (торговля с русскими или турками), личного (положительного или отрицательного) опыта общения с русской администрацией и т. д.

С обострением социальной борьбы формировалась прорусская ориентация и в демократических слоях населения³⁷. В России они видели альтернативу господству Мухаммеда Эмина, защиту от обнаглевшей старшинской знати, прибиравшей к рукам общинные земли, закабальвавшей соплеменников. Уставшая от малодоходной и кровопролитной набеговой войны тфокотльская масса все глубже понимала выгоды прекращения ее, развития мирных торговых отношений с Россией, продолжавшихся даже в самых трудных военных условиях. Мухаммед Эмин стремился компенсировать утрату внутренней опоры внешней помощью, о которой он просил и Турцию³⁸ и западные державы³⁹.

Не лучше обстояли дела у Сефер-бея. Борьбу со своим политическим противником ему приходилось вести параллельно с подавлением волнений среди рядовых тфокотлей. Летом 1857 г. шапсуги грубо отказали сыну Сефер-бея Карабатыру, требовавшему от них повинностей в виде зерна, лошадей и быков для военных нужд. В результате возникшей стычки несколько человек из свиты Карабатыра были убиты, а сам он едва уцелел. В отместку Сефер-бей разграбил ряд шапсугских аулов, что толкнуло их жителей

40. Фелицын Е. Князь..., с. 119, 133; Касумов А.Х. Англо-турецкие происки на Северном Кавказе после окончания Крымской войны (1853—1856 гг.). — УЗКБГУ, 1959, вып. 5, с. 269.

41. Stücker C. Op. cit., S. 239—242; Lapinski Th. Op. cit., Bd. 2, S. 132.

42. Stücker C. Op. cit., S. 227; Lapinski Th. Op. cit., Bd. 2, S. 112—113, 119.

43. См. Фелицын Е. Князь..., с. 125, 129, 131—132, 141, 143—144; Абцедарий. Искатели... — КОВ, 1874, № 34.

44. Фелицын Е. Князь..., с. 144.

45. Там же, с. 145—146.

46. Там же, с. 146—147.

на сближение с абадзехами⁴⁰. Естественно, такие репрессии подтачивали и без того непрочный альянс князя с тфокотлями, поддерживавший его на поверхности политической жизни.

Сефер-бей стремился сохранить власть путем обложения ее в государственную, цивилизованную форму. Опираясь на дворянско-тфокотльскую знать, часть которой, благодаря регулярным наездам в Константинополь, была неплохо образованна и знакома с турецкой административной системой, он попытался ввести у черкесов новый общественный порядок. Подчиненная (в значительной степени условно) князю территория разделялась на округа, управлявшиеся мекеме — судебными-исполнительными органами во главе с кадиями. Последние, избираемые народом, ведали судопроизводством и сбором налогов. Вся земля объявлялась «государственной» собственностью, пользоваться которой нельзя было без официального разрешения. Налагался запрет на использование руд, содержащих железо и драгоценные металлы. Устанавливалась таможенная пошлина на Черноморском побережье. Из способных и надежных людей учреждался специальный комитет, контролировавший доходы и расходы государства. Вводился еще целый ряд новшеств. Народ обязан был дать клятву о соблюдении указанных предписаний⁴¹. Будучи естественным следствием развития идеи государственности, этот режим мало чем отличался от проектов 30—40-х гг. XIX в., в конце концов воплотившихся в «протоимамате» Мухаммеда Эмина. Не было ничего необычного и в том упорстве, с которым горская масса сопротивлялась государственным институтам с их насилием и злоупотреблениями⁴².

Власть Сефер-бея подтачивали неудачи в набегах, связанные с резко усилившимся военным противодействием России⁴³. Народные собрания натухайцев и шапсугов проходили в бесплодных спорах, часто заканчивались ссорами и драками⁴⁴. Абадзехи и бжедухи вообще отказывались участвовать в них. Попытки Сефер-бея использовать этот патриархальный институт для дискредитации Мухаммеда Эмина и отстранения его от власти ничего не принесли⁴⁵.

Убедившись в бесполезности дальнейшего сопротивления России, старшины из 30 натухайских аулов в конце 1858 г. обратились к русскому военному начальству с изъявлением покорности. Узнавший об этом Карабатыр собрал карательный отряд в 800 человек и устроил отступникам страшный погром: казнил, грабил, разорял, взимал штрафы⁴⁶. Это еще больше восстановило натухайцев против власти Сефер-бея.

Князь регулярно просил помощи у Турции и западных держав. Во многом именно обещаниями горцам этой помощи удерживал он свой непрочный

47.

До этого он дважды предпринимал такие попытки — в 1830 г. и в марте 1853 г. (См. Фелицын Е. Князь..., с. 16—17, 64—68).

48.

АКАК, т. 12, с. 714; Фелицын Е. Князь..., с. 99; Щербина Ф.А. История..., т. 2, с. 551.

49.

АКАК, т. 11, с. 77; Фелицын Е. Князь..., с. 94.

50.

Фелицын Е. Князь..., с. 136—140.

авторитет. Одновременно Сефер-бей в надежде найти дополнительную опору в борьбе с Мухаммедом Эмином и под влиянием настроений части натахайской знати нащупывал почву для выгодного соглашения с царизмом⁴⁷. Желая, с одной стороны, снискать расположение России, а с другой, не отвлекать своих «подданных» от войны с наибом, он запретил им нападать на русские поселения⁴⁸ (впрочем, этот запрет никого не останавливал). Вероятно, поощрением к этому шагу послужило и письмо генерала Филипсона (от 15 июля 1856 г.), предупреждавшего, что судьба Сефер-бея в его собственных руках: если он, вопреки здравому смыслу, продолжит борьбу с Россией, то возьмет на себя ответственность за лишние бедствия и бесполезно пролитую кровь черкесов, а ему самому придется бежать в Турцию и «там доживать свои преклонные лета в нищете и забвении»; если же он пойдет навстречу видам русского правительства, то оно готово воздать должное его «благонамеренным действиям на действительную пользу края»⁴⁹. Сефер-бей приглашал к соблазнительной политической сделке, которая, скорее всего, состоялась бы, не испортил он ее своими неуклюжими и наивными посланиями к Александру II. В них князь предлагал мир как глава независимого народа, обвиняя Россию в возобновлении с 1856 г. военных действий якобы вопреки Парижскому трактату. Подчеркивалось, что черкесы, объявив себя подданными турецкого султана и находясь под его покровительством, впредь не будут жить дикарями, как прежде, а намереваются под властью Сефер-бея устроить у себя закон и порядок. К последней мысли он возвращается несколько раз, и это не случайно. Зная, как русские территории страдают от набегов, князь вновь давал понять, что теперь, когда горцы добровольно согласились покончить с безначалием, он обязуется удерживать их от грабежа. Сефер-бей призывал царя признать независимость Черкесии и установить с ней такие же отношения, как со всяким суверенным государством, иначе России придется истребить черкесов до последнего человека, ибо они никогда не потерпят над собой власти христианского правительства⁵⁰. В свете общей политической ситуации в натахайских землях (где явно развивалась прорусская ориентация) и поведения Сефер-бея, учитывавшего эту ситуацию, можно предполагать, что по сути его письмо было попыткой вступить в переговоры с Россией. Однако по тону оно получилось похожим на ультиматум, к тому же сумбурным и противоречивым. В нем содержались совершенно неуместные ссылки на турецкое подданство черкесов (возможно, это, по представлению автора, должно было иметь высокоавторитетное значение в глазах Петербургского кабинета); Сефер-бей требовал вывода русских войск из Черке-

51.

Там же, с. 140.

52.

Эсадзе С. Покорение..., с. 97.

53.

Lapinski Th. Op. cit., Bd. 2,
S. 154—155, 204—205.

54.

Ibid., S. 208.

сии, а для себя — статуса суверенного владыки, не объясняя, как его можно совместить с турецким подданством. То ли от неопытности в дипломатических делах, то ли от желания поторговаться, чтобы продать свои услуги подороже, князь явно перегнул палку. В его предложениях было много неприемлемого для русской стороны. Кроме того, обещания по поводу прекращения набегов не оправдались. Горцы продолжали нападения и, судя по всему, Сефербей не мог ничего поделать с этим⁵¹. Русская администрация имела основания усомниться в преувеличенных размерах его влияния на черкесов и в пользу от сотрудничества с ним, за согласие на которое он запрашивал столь высокую цену.

Военные успехи России в Черкесии принимали внушительный и стабильный характер. В племенах, ощущавших их необратимость, испытывавших на себе возросшую мощь ударов русской армии, побеждало стремление покончить с войной и покориться России. Эти настроения, пронизывавшие все социальные слои, были следствием не только признания подавляющего силового превосходства противника и утомления народа от чрезмерных и убыточных военных тягот, но и собственно развития прорусской ориентации, связанной с надеждами как «верхов», так и «низов» общества заполучить поддержку России в борьбе друг с другом. В мае — июне 1859 г. принесли присягу безусловной покорности и выдали аманатов бжедухи (от имени народа это сделала большая депутация старшин, по одному от каждого аула). Вскоре их примеру последовали племена, жившие между Лабой и Белой: темиргоевцы, махошевцы, егерукаевцы, бесленеевцы, шах-гирейцы и закубанские кабардинцы⁵².

Между тем деятельность иностранного легиона в Черкесии мало-помалу сходилась на нет. Для Лапинского с каждым днем становилось все труднее подогревать в горах воинственный дух, преодолевать в них тягу к переговорам с Россией и созывать их для вылазок против русских⁵³. В июле 1859 г. он предложил Мухаммеду Эмину отчаянный план «тотальной мобилизации» населения на территории от Кубани до Ингури, от побережья Черного моря до Дарьяльского ущелья. Наиб принял его. В Южную Черкесию, Абхазию и Осетию были посланы именитые агитаторы. Лапинский поехал в Сванетию с намерением вывести сванов из состояния мира с Россией, для начала совершив с ними набег на Грузию, который, по его мнению, был бы «лучшим поручительством» их готовности объединиться с черкесами⁵⁴.

Паническое письмо Мухаммеда Эмина заставило Лапинского отказаться от своих замыслов и поспешно вернуться. Наиб просил помощи, уведомляя о выступлении против него абадзехов с требованием

55.
Ibid., S. 210—213.

56.
Ibid., S. 214, 220.

57.
АКАК, т. 12, с. 827.

58.
Там же, с. 832. Русский историк-публицист Р.А. Фадеев, указывая на причины, побудившие наиба присягнуть России, писал: «Он видел непрочность захваченной власти, сомневался в исходе борьбы, сокрушившей самого Шамиля, и боялся за свое богатое имущество». (Фадеев Р.А. Письма..., с. 139. См. также: Dulaurier Ed. Op. cit. — RDM, 1865, t. 60, p. 964).

59.
Эсадзе С. Покорение..., с. 97—98.

60.
Карлгоф Н. Магомет Амин, с. 101.

61.
Эсадзе С. Покорение..., с. 97.

начать переговоры с русскими. В противном случае ему угрожали арестом и выдачей России. Возвратившись, Лапинский с огорчением обнаружил, что русские ведут себя умно, учитывают характер и настроение горцев. Расположившись двумя лагерями на земле абадзехов, они не открывали военных действий, чтобы не дать повод антирусски настроенным клерикальным элементам горского общества выступить с оружием и подорвать тенденцию к сближению с Россией⁵⁵.

Пленение Шамиля произвело угнетающий морально-психологический эффект в Черкесии⁵⁶. В ноябре 1859 г. Мухаммед Эмин, осознавший бесполезность дальнейшего сопротивления и получивший от имама разрешение следовать его примеру⁵⁷, признал себя побежденным и торжественно присягнул на верность России. Он претерпел такую же закономерную социальную эволюцию, что и наибы Шамиля: от проповедей высоких мусульманских «идеалов» и призывов истреблять неверных к накоплению собственности и поискам надежного гаранта ее сохранения. В обстановке кризиса единоличной власти, обострения социальных антагонизмов, межплеменных уوبيц, усилившегося натиска русских войск, Россия была единственной силой, способной спасти Мухаммеда Эмина от полного политического и — что, возможно, важнее — материального краха⁵⁸. Понимавший это наиб вступил в переговоры с генералом Филипсоном, в результате которых стороны достигли соглашения о прекращении войны. Теперь он уверял абадзехов, что закон пророка Мухаммеда не запрещает мусульманам вступать в подданство христианского государя⁵⁹. Мухаммед Эмин в общем не ошибся в своих надеждах. В Петербурге, куда он приехал в 1860 г., его приняли с большими почестями, одарили ценными вещами, назначили пенсию. Ему разрешили по-прежнему жить среди абадзехов, но уже в качестве влиятельного лица, а не главы народа⁶⁰. Вероятно, это было меньше, чем ожидал наиб (не исключено, что он рассчитывал с помощью России укрепиться у власти), но и такой исход в принципе его устраивал.

В декабре 1859 г. сошел со сцены другой политический деятель — Сефер-бей. Находясь у шапсугов в верховьях р. Абин, он внезапно умер. Тогда же покинул Черкесию Т. Лапинский. Еще раньше это сделала большая часть его легиона, терпевшего военные неудачи, трудности со снабжением, поддержанием дисциплины, установлением контактов с местным населением.

Вместе с Мухаммедом Эмином выразили свою покорность России около 2 тыс. абадзехов, составивших делегацию от всех сословий⁶¹. Под давлением

62.

См. Фадеев Р.А. Письма..., с. 163; Короленко П.П. Записки..., с. 368.

63.

См. Фадеев Р.А. Письма..., с. 142—143.

64.

АКАК, т. 12, с. 1004; Эсадзе С. Покорение..., с. 98; Фадеев Р.А. Письма..., с. 144, 160, 172; Венюков М.И. Очерк пространства..., с. 51—53; Dulaurier Éd. Op. cit. — RDM, 1865, t. 60, p. 977.

многих обстоятельств, включая успешное продвижение русских войск в глубь Черкесии, в абадзехском обществе возобладало мнение о необходимости заключения мирного соглашения с Россией, однако единства в вопросе об отношении к северному соседу не было. Часть старшин и богатых тфокотлей рассчитывала в обмен на свою покорность обрести в лице царизма охранителя их собственности и господствующего социального положения. Другая часть, отпуганная традиционной для русского командования политикой опеки над родовой аристократией, воспринимала Россию с настороженностью или враждебностью. Разные, очень неустойчивые настроения были характерны для массы рядов общинников: желание прекращения войны, приносящей все меньше добычи и все больше жертв, причиняющей ущерб хозяйственной деятельности; иллюзии о возможности продолжать жить набегами; надежда на русскую защиту от притязаний тфокотльской верхушки; безразличие к тому, что происходило за пределами своего аула и прямо не касалось дел общины.

Для уяснения дальнейших событий важно отметить, что абадзехи, давая присягу, а русские власти, принимая ее, по-разному толковали суть этого акта. В сознании черкесов идея политического подданства еще не оформилась в ясное, правильное представление. Исходя из опыта общения с Турцией, они понимали это как формальное признание внешнего покровительства, сопровождающееся максимумом выгод и минимумом обязательств⁶². Как полагали абадзехские старшины, принесенная ими присяга требовала от них лишь отказа от нападений на Россию, которая взамен должна была предоставить им полную самостоятельность, а в нужный момент — поддержку во внутренних делах общества. Русское правительство преследовавшее свои собственные цели в Черкесии (стратегически важной части всего черноморско-ближневосточного региона) и наконец-то оказавшееся после долгих дорогостоящих лет войны в нескольких шагах от успеха, конечно, не могло оправдать наивные надежды абадзехской знати. Логическое завершение Кавказской войны в Черкесии, вслед за Дагестаном и Чечней, виделось в одном — утверждении там российской администрации и превращении Северо-Западного Кавказа в органическую часть Российской империи⁶³. Для Мухаммеда Эмина гораздо легче было дать обещание о покорности, чем выполнить его. Быстро обнаружилось, что при всем желании наибо предотвращать набеги — это выше его сил⁶⁴. Набеговая система самовоспроизводилась стихийно, подчиняясь собственным законам. Даже если бы старшинская знать оказалась руководить ею (чего она чаще всего не позволяла себе), нашлись бы другие вожаки, по-

65.

Симонов А. Нападение горцев на станицу Нижне-Баканскую Адагумского казачьего полка в 1862 году. (Эпизод из Кавказской войны). — ВС, 1867, № 11, с. 28; АКАК, т. 12, с. 1018—1019.

66.

См. Карлгоф Н. О политическом устройстве..., с. 550; Симонов А. Указ. соч., с. 34, 36.

67.

См. Симонов А. Указ. соч., с. 46—50.

68.

Там же, с. 28; Эсадзе С. Покрытие..., с. 98.

69.

М.И. Венюков писал, что после Мухаммеда Эмина увеличились «беспорядки гражданского быта и судопроизводства». (Венюков М.И. Очерк пространства..., с. 62).

сколько этот военно-демократический институт у абадзехов еще далеко не изжил себя. Русское командование получило повод к продолжению наступательных действий.

Почти такое же внутреннее состояние сохранялось у шапсугов и убыхов, не прекращавших разбоев. Часть шапсугов, жившая по соседству с русскими территориями, на словах не раз заявляла о покорности, но на деле не желала стеснять себя какими-либо обязательствами⁶⁵. В целом в этих племенах в конце 50-х — начале 60-х годов усилились признаки безначалия и анархии⁶⁶. Однако им еще удавалось добиваться единичных успехов в набегах⁶⁷.

Более или менее стабильная обстановка сложилась у натухайцев. Ослабленные военными поражениями, оставшись без предводителя (пусть даже такого малоавторитетного, как Сефер-бей), они в 1860 г. дали присягу на верноподданство России и, в отличие от абадзехов, в общем соблюдали ее. (Не пожелавшие делать это переселились к шапсугам.) Заметно оживилась хозяйственная жизнь, торговля с русскими приморскими укреплениями⁶⁸. Сравнительно безболезненному и устойчивому «замирению» натухайцев в большей мере способствовали интересы той значительной части тфокотлей, которая традиционно была связана с мирными отраслями экономики и вела интенсивный товарообмен с Россией.

С самоустраниением Мухаммеда Эмина из политической культуры «демократических» племен исчезло единое организующее, авторитарное начало. Но не идея государственности. Ряд серьезных причин не дал ей угаснуть в общественном сознании. В горских аулах заметнее становилась разница в уровнях материального благосостояния людей, усугублялись социальные антагонизмы, разрушительный характер приняла междоусобица, война с Россией превратилась из более или менее доходного промысла в изнурительную убыточную оборону. Иными словами, способность общества, как цельного организма, функционировать оказывалась под угрозой. Реальная жизнь черкесов порождала осознанную потребность в восстановлении государственного порядка, который был утрачен после Мухаммеда Эмина⁶⁹. Разумеется, в стремлении к такому устройству воплощались прежде всего интересы и воля имущих и социально влиятельных слоев населения. «Новая» знать остро нуждалась в институте защиты своей собственности от посягательств, обычных и практически ненаказуемых в условиях патриархальной демократии и междоусобного хаоса. Она хотела узаконить достигнутый ею общественный статус. Учреждение государственной организации было необходимо и для обеспечения единства племен перед лицом усилившейся внешней опасности, вызванной военной активизацией России.

70.

Фадеев А.В. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе. — ИС, 1935, т. 4, с. 174.

71.

См. там же, с. 174—175; Фелицын Е. Князь..., с. 159; Фадеев Р.А. Письма..., с. 168.

72.

Фадеев А.В. Убыхи..., с. 175.

73.

См. там же, с. 174.

74.

См. Фонвилль А. Последний год..., с. 12—13, 22.

75.

Фадеев Р.А. Письма..., с. 169. Ср. у П. Невского: «Замечательных по своим способностям людей там (в Черкесии — *ред.*) почти не встречалось». (Невский П. Закубанский край в 1864 г. — Кавказ, 1868, № 98, с. 3). Шамиль также считал, что после Мухаммеда Эмина у черкесов не осталось «такого человека, который бы руководил ими к благоустроению общества». (Рындин А. Имам Шамиль в России. — ИВ, 1895, т. 62, с. 533).

В июне 1861 г. в местечке Сочи собрались старшины и другие почетные представители от абадзехов, шапсугов, убыхов и постановили объединить эти племена под центральным управлением, «чтобы сохранять порядок внутренний, а отступающих от него наказывать»⁷⁰. Был учрежден верховный орган власти — меджлис или «Великое свободное заседание», состоявшее из 15 улемов и «умных людей». Вся территория союза племен разбивалась на 12 округов, в каждом из которых назначались ответственные лица — муфтий, кадий и заптие (старшина). Им, представлявшим местное, окружное руководство (мегкеме), надлежало исполнять повеление меджлиса и действовать по согласованию с ним. Мегкеме ведало системой податей, сбором ополчения, выморочным имуществом, вообще — внутренними делами округа. Оно располагало средствами принуждения и наказания: военно-полицейский корпус формировался за счет того, что каждые 100 дворов выставляли 5 вооруженных всадников. В распоряжении мегкеме находились старосты (выбирались по одному от 100 дворов), следившие за исправным поступлением налогов от населения, осуществлявшие предписания сверху на своем уровне власти⁷¹.

По крайней мере внешне это была довольно стройная и функциональная структура, создатели которой считали, что она «соответствовала своему назначению»⁷². В ней в основных чертах воспроизводился административный аппарат Мухаммеда Эмина, но с существенной разницей: руководство сосредоточивалось в руках влиятельной группы людей, а не одного человека. Эта система несла в себе также следы влияния турецкой государственности (в названиях политических институтов и должностных лиц), что неудивительно при частых посещениях черкесами Константинополя⁷³.

Созданный государственный механизм, в качестве принудительной силы и управленческого центра, работал не идеально: мешали устойчивые традиции патриархальной демократии, сохранивший авторитет древний институт власти — народное собрание⁷⁴. В новой системе отсутствовало единоличное начало, которое могло бы придать ей большую цельность и функциональность. В 60-е гг. XIX в. история Черкесии, по удачному выражению Р. А. Фадеева, «осталась без собственных имен»⁷⁵. При всем этом Черкесское государство, возникшее из внутренних социально-экономических предпосылок как следствие закономерной эволюции местной потестарной культуры, не было искусственным сооружением, построенным под давлением только внешних обстоятельств — будь то иностранное влияние или военная опасность со стороны России. Эти факторы играли важную, но не решающую роль.

76.
АКАК, т. 12, с. 925—926;
Фелицын Е. Князь..., с. 154—155.

77.
АКАК, т. 12, с. 926; Фелицын Е. Князь..., с. 156—157.

78.
АКАК, т. 12, с. 926; Фелицын Е. Князь..., с. 153, 155—156; Эсадзе С. Покорение..., с. 112.

79.
АКАК, т. 12, с. 926; Фелицын Е. Князь..., с. 153, 155—156; Эсадзе С. Покорение..., с. 112.

80.
Friedrich H. Op. cit., S. 365.
Во Всеподданнейшей записке от 29 августа 1861 г. Д.А. Милютин писал, что «племена эти (черкесы — *ред.*) слишком привыкли к независимости и разрозненности, слишком мало знакомы с гражданским устройством и властью, чтобы можно было полагаться на действительную с их стороны покорность». (АКАК, т. 12, с. 933). Аналогично наблюдение другого автора: в условиях безначалия среди черкесов они нарушали договоры с Россией «тотчас же по заключении их». (Невский П. Закубанский край в 1864 г. — Кавказ, 1868, № 98, с. 3).

Разумеется, государственную идею проводили в жизнь наиболее образованные представители черкесского общества, накопившие определенный опыт во внутренних и дипломатических делах. Они понимали, что усовершенствованная общественная организация нужна, помимо всего прочего, еще и для того, чтобы превратить разрозненные черкесские племена в единую общность, конкретное политическое понятие, субъект международно-правовых отношений. Если, как они надеялись, горцы предстанут перед Турцией и Европой не дикарями, а народом, чтящим порядок и власть, то можно будет заключать официальные соглашения с иностранными державами и получать от них большую помощь против России. (Эта мысль не раз внушалась западными и османскими эмиссарами.) Кроме того, предполагалось, что наличие государства даст черкесам право суверенной стороны вступить в переговоры с Россией об условиях прекращения войны и добиваться признания ею независимости Черкессии. Вдохновленные этой надеждой абадзехи, шапсуги, убыхи — через доверенных депутатов — уведомили русское командование об установлении у них нового внутреннего порядка («для блага и пользы нашей», «для светских и духовных дел»), при котором будут искоренены набеги, строго соблюдаться мирные соглашения. Того, кто совершит разбойное нападение на русские поселения, ждала смертная казнь⁷⁶. Широкие полномочия предоставлялись специальному органу — меджлису, наделенному «исполнительной силой вроде той, какую имел Магомет-Амин от абадзехского племени»⁷⁷. Горские депутаты принесли извинения за нарушение прежних договоров и обещали, «что впредь ни явных, ни тайных... измен уже не случится», поскольку «двуличие и обман не бывают со стороны правительств»⁷⁸ (подчеркнуто нами — *ред.*). Сообщая о достигнутых «гарантиях» мирного, упорядоченного образа жизни, черкесы просили русские власти не строить на территории племенного союза укреплений, станиц и дорог, не вводить туда войска, дать им политическую самостоятельность и свободу вероисповедания⁷⁹.

Наученная многолетним опытом русская сторона не верила в эти «гарантии», в прошлом не раз оказывавшиеся призрачными⁸⁰. Иначе и быть не могло: мощная историческая инерция набеговой системы поддавалась только военному руководству, сообщающему ей то или иное направление, но никакие государственные законы и наказания, никакие авторитетные вожди не были в состоянии насильственно подавить этот вековой социальный институт, пока он сам себя не изживет. (Как известно, попытка Мухаммеда Эмина запретить набеги ничего не дала.) К тому же в сложившейся стратегической (полное

81.
См. Фадеев Р.А. Письма...,
с. 145.

82.
АКАК, т. 12, с. 933.

преимущество русских войск над горцами) и международной (опасность иностранного вторжения в Черкессию) обстановке Россия не желала довольствоваться перспективой иметь черкесов лишь мирными, но независимыми соседями. Теперь для нее это было слишком мало⁸¹. Важно отметить и недоверие русского командования (высказанное устами Д. А. Милютина) к начатым черкесами переговорам, которые не могли «иметь другой цели, как только задержать ход нашего завоевания. Быть может, даже есть при этом тайный расчет протянуть борьбу до новой Европейской войны, ожидаемой с нетерпением нашими врагами, внешними и внутренними»⁸².

От помощника Барятинского (сам наместник находился за границей на лечении) генерал-адъютанта князя Орбелиани горские депутаты получили ответ следующего содержания: «Государь Император не желает проливать кровь вашу, не желает нарушать ни вашей религии, ни прав вашей собственности. Он желает мира и благоденствия вам, как и всем своим верноподданным.

Вы нарушаете этот мир. С тех пор, как вы стали соседями нашими, вы постоянно и много лет нападали на наших жителей, брали их скот, уводили их в плен. Прежний повелитель ваш, султан турецкий, уступил ваши земли, по договору, державе Российской. Вы, не исполняя его повеления, продолжали враждовать с нами и нападали на наши крепости, которые были поставлены на берегу Черного моря. Каждого из вас, кто приходил в нашу крепость или в лагерь наш, мы принимали без обиды, позволяли покупать и продавать все, что нужно было вам. Каждого русского, который попадался вам, вы убивали или брали в плен. Государь русский, не желая вам зла, долго надеялся, что вы перемените ваше поведение и милостиво принял покорность народа абадзехского, простил ему все зло, которое он прежде делал; но этой милости народ не понял. Пленные, прежде захваченные у нас, не возвращены, а проданы в горы, беглецы и преступники наши и разные абреки живут среди абадзехов по-прежнему; из земли абадзехской по-прежнему разбойники приходят на нашу линию, крадут скот и убивают казаков и солдат наших. Так покорные и добрые народы не поступают, и поступков таких Великий Государь наш терпеть долее не может, поэтому Его Императорское Величество приказал:

1. Проложить через ваши земли дороги, а для того, чтобы по ним войска наши и все жители могли ходить безопасно от ваших нападений и от разбойников, которые среди вас живут, поселить по тем дорогам казаков.

2. Построить в ваших землях крепости, где надоб-

83.

Там же, с. 926—927; Фелицын Е. Князь..., с. 157—158; см. также: с. 153.

84.

Фелицын Е. Князь..., с. 161—163; Эсадзе С. Покорение..., с. 119—120; Dulaurier Éd. Op. cit. — RDM, 1865, t. 60, p. 978.

85.

АКАК, т. 12, с. 922—923; Фелицын Е. Князь..., с. 158—160.

ность укажет, чтобы там жили войска и защищали жителей от ваших нападений.

Воля Государя священна и будет исполнена, как она исполнилась в Дагестане и Чечне.

Повторяю, что Государь наш не желает вам зла и каждому из вас, кто изъявит покорность, приказал: 1) дать землю для поселения, 2) дозволить исповедовать мусульманскую веру без стеснения, и в селениях ваших и в городах наших строить мечети, 3) не брать вас в солдаты и не записывать в казаки, 4) предоставить каждому селению и округу выбирать из среды своей судей и старшин для разбора всех ваших дел. Для того же, чтобы решения судей этих исполнялись и чтобы никто из вас не обижал другого, будут поставлены начальники. Такова непреклонная воля Государя Императора; покорные получат лучшие земли, непокорные будут лишены милости Государевой, жилища и стада их будут уничтожены»⁸³.

Эти условия подтвердил сам Александр II при встрече с черкесскими представителями в сентябре 1861 г. во время своей поездки по Кавказу⁸⁴. Переговоры ни к чему не привели, горцы уклонились от ответа, и вскоре военные действия возобновились.

Одновременно с обращением к России черкесы направили британскому консулу в Сухум-кале Диксону послание. В нем говорилось, что горские племена, изучив опыт Турции, ввели у себя новое управление в полной решимости руководствоваться законами цивилизованных обществ. Наряду с подробным описанием учрежденного административного аппарата и его полномочий сообщалось о готовности принять перед Англией обязательство искоренить среди черкесов «признанное всеми державами постыдным... пленопродавство» даже путем применения смертной казни. Горцы, зная, что большие европейские государства охотнее покровительствуют тем народам, которые «живут в порядке» и «управляются собою», фактически просили британское правительство об официальном дипломатическом признании и помощи⁸⁵.

Иностранное вмешательство не переставало оказывать воздействие на политическое состояние Черкесии. Сохранявшаяся в горах надежда на поддержку из заграницы уже сама по себе являлась существенным препятствием к утверждению России в регионе. Ситуация осложнялась тем, что эта надежда подкреплялась конкретной деятельностью иностранных эмиссаров. Их по-прежнему заботили проблемы создания у черкесов единой военно-государственной организации, предназначенной прежде всего для борьбы против России, а также призванной слу-

86.
Lapinski Th. Op. cit., Bd. 2,
S. 214—218, 231—232.

87.
АВПР, ф. Канцелярия, д. 44,
1859 г., л. 187 и об., 188 об. —
189, 217—219; АКАК, т. 12,
с. 809; ШССТАК, с. 477.

88.
Фелицын Е. Князь..., с. 152;
Эсадзе С. Покорение..., с. 111.

жить опорной базой внешнеполитического влияния на Северо-Западном Кавказе.

Внешний фактор (присутствие иностранцев, их обещания, советы, реальные дела и т. д.) сыграл свою роль в образовании Черкесского государства в том смысле, что он дал дополнительный толчок возникшей на внутренней социально-политической почве идее об устройстве нового порядка в обществе. Усилия в этом направлении, наряду с профессиональной военной деятельностью, предпринимал Т. Лапинский, после отъезда которого из Черкесии (декабрь 1859 г.) там еще в течение года оставался его помощник лейтенант Арановский⁸⁶.

С осени 1858 г. до весны 1859 г. у убыхов и абадзехов находился турецкий офицер Омер-бей, адъютант сераскира (военного министра Турции) Риза-паши. Он привез к черкесам послание своего шефа, призывавшего не заключать мира с Россией, обещавшего продолжать присылать им «по мере возможности» все необходимое для войны. Омер-бей распускал слухи, будто Парижским договором признаны независимость Черкесии и право свободной торговли ее с другими странами. Он провел переговоры с Мухаммедом Эмином и представителями местной знати. В подписанной ими петиции на имя Риза-паши, которую Омер-бей увез в Турцию, выражалась благодарность за «благотворные советы и постоянные секретные сведения» об отношении к черкесским делам в турецких правящих кругах, подтверждавшаяся решимость не прекращать борьбу с Россией⁸⁷.

В конце весны 1861 г. на Северо-Западный Кавказ прибыло из Константинополя специальное посольство — двое турок (военный и духовное лицо) и один англичанин. Представившись уполномоченными правительств Англии, Франции и Турции, эти люди заверили горцев, что великие державы возьмут их под покровительство и силой заставят русских признать независимость Черкесии, если черкесы объединятся в военно-государственный союз против России⁸⁸. Вскоре после этого визита абадзехи, шапсуги и убыхи объявили об учреждении нового общественного порядка.

В августе 1862 г., воспользовавшись прибытием в турецкую столицу двух членов черкесского меджлиса просить султана и представителей западных держав о помощи, руководство польских эмигрантов в Константинополе при поддержке русофобских кругов Турции и Англии организовало их поездку в Лондон. По наущению известного британского публициста Д. Уркарта и его сторонников горские делегаты передали королеве Виктории петицию, в которой они приносили извинения за свою пассивность в годы Крымской войны, оправдывая ее недостатком единства и предприимчивости среди вождей народа. С тех

89. Rolland S.E. *Circassia. Lnd.*, 1862, p. 3—4.

90. См. Brock P. *The Fall of Circassia: A Study in Private Diplomacy*. — *EHR*, 1956, v. 71, N 280, p. 410—412.

91. См. *Ibid.*, p. 421.

92. См. Фонвиль А. Последний год войны Черкесии за независимость 1863—1864 гг. Из записок участника-иностранца. *Краснодар*, 1927, с. 10, 17, 23—25, 30.

пор, говорилось далее, произошли перемены к лучшему: «желая вступить в семью конституционных наций», черкесы избрали «парламент» и «правительство», которым подвластны «миллионы душ» (!), разделенных по «провинциям», учредили законы, гарантирующие безопасность личности и неприкосновенность собственности, особенно если дело касается приезжих купцов⁸⁹. Сообщая об этом, горские «дипломаты» ставили вопрос о британской помощи. Лондонский кабинет умудрился очень ловко выйти из весьма щекотливой ситуации: формально он ответил отказом (ибо откликнуться на петицию означало нарушить Парижский договор 1856 г., оставивший Черкесию за Россией), однако фактически его поведение скорее поощряло у посланцев надежды, чем обескураживало⁹⁰. Симпатии и повышенный интерес британской публики к гостям, кампании по сбору средств для поддержки черкесов усиливали чувство оптимизма. В такой атмосфере правительству Англии удалось решить казалось бы две несовместимые задачи — воодушевить горцев и не скомпрометировать себя перед Россией.

В связи с польским восстанием 1863 г. политика западных держав и Турции в черкесском вопросе активизировалась. Они стремились поставить Петербургский кабинет сразу перед двумя острыми проблемами — Польши и Кавказа — и тем самым добиться если не отторжения этих территорий от России, то хотя бы того, чтобы она еще долго не могла участвовать в европейских делах. Польские эмигранты в Константинополе при явном покровительстве турецкого, британского и французского правительств организовали отправку в Черкесию военной миссии под руководством полковника Пшевлоцкого. Ему поручалось сформировать на месте специальный легион, куда вошли бы черкесы, польские и русские дезертиры из Кавказской армии⁹¹. Появление миссии Пшевлоцкого несколько подняло боевой дух горцев, их веру в иностранную помощь, хотя сначала они, ожидавшие прибытия большой армии, были разочарованы видом немногочисленной группы людей, высадившейся на берегу. В течение полугода, проведенного там, полковник со своими людьми был неутомим, постоянно разъезжал по стране, повсюду окунаясь в гущу событий. Его присутствие будоражило горцев, на какое-то время выводя их из состояния моральной подавленности. Многие из тех, кто уже собирался подчиниться России, отказались от этого намерения. В ополчение собиралось от 800 до 4 тыс. человек. Пшевлоцкий руководил военными операциями умело и, подчас, небезуспешно⁹². Однако в целом стратегическая, политическая и экономическая ситуация в Черкессии складывалась для него безнадежно. Русские войска сжимали в кольцо территории с еще

93.

Там же, с. 10, 29, 31, 35.

94.

Невский П. Закубанский край в 1864 г. — Кавказ, 1868, № 97, с. 3.

95.

Фонвиль А. Указ. соч., с. 35—36.

96.

См. там же, с. 36.

97.

Цит. по: Widerszal L. Op. cit., p. 215—218.

98.

Щербина Ф.А. История..., т. 2, с. 185.

99.

РС, 1880, т. 27, с. 808.

продолжавшим сопротивляться населением, «усмирение» которого было лишь вопросом времени, точнее — считанных месяцев. В горах из-за вызванного войной упадка хозяйства и неурожаев свирепствовали голод и непереносимые его спутники — эпидемические болезни. Ослабленных от недоедания людей добивала холодная зима 1863—1864 гг.⁹³ «Всюду носился отпечаток смерти и запустения», — свидетельствовал очевидец⁹⁴. Отряду Пшевлоцкого, не получавшему никакой помощи из Турции, стоило огромных трудов продолжать боевые действия. Иностранцев стали упрекать в том, что они обманули горцев, побудив их не сдаваться России, пообещав вскоре прибытие военных подкреплений из Европы. Усиливались подозрения в измене, которые всегда очень легко возникали среди черкесов. У абадзехов появились партии, охотившиеся за Пшевлоцким и его спутниками с целью выдать их русским за вознаграждение. Попав в критическое положение и поняв, что черкесские дела быстро близятся к развязке, иностранцы покинули край⁹⁵.

В «демократических» племенах истощились экономические, военные и моральные силы для продолжения сопротивления. Народ устал от многолетней войны. В обществе все слышнее были голоса тех, кто настаивал на подчинении России⁹⁶. «Сам Хаджи Керандук, главный предводитель черкесов, и командующий русскими войсками (на Северо-Западном Кавказе — *ред.*) часто ездили в Сухум и долго там заседали». Настало время, когда горцы «даже слушать не хотели о войне с Москвой», — свидетельствовал Пшевлоцкий⁹⁷. Еще в августе 1863 г. сложили оружие абадзехи, в мае 1864 г. — шапсуги и убыхи. Наконец разомкнулся тот порочный круг, в котором горцы, стремясь пополнить «недочеты в своем убогом хозяйстве и обстановке», «шли за добычей, подрывая экономическую жизнь казака, а казак мстил за это, разоряя горца»⁹⁸. Кавказская война в Черкесии, пережившая почти на пять лет шамилевскую эпопею, ушла в прошлое, завершив большой период в истории черкесских народностей. Подытоживая его, Шамиль писал князю А. И. Барятинскому, уже отставному наместнику: «От всей души радуюсь великому событию окончательного покорения Кавказа — событию, которое принесет для этого края полное спокойствие и счастье»⁹⁹.

На заключительном этапе утверждения России на Северо-Западном Кавказе местную знать, как «новую», так и «старую», более всего волновали не военные или политические проблемы, а собственные социально-экономические перспективы при русской власти. До нее доходили тревожные слухи о крестьянской реформе в России, рождавшие опасения, что и в черкесских обществах будут освобождены

100.

См. Фадеев Р.А. Записки..., с. 67—68, 70.

101.

Лилов А. Последние годы борьбы русских с горцами на Западном Кавказе. — Кавказ, 1867, № 18, с. 105.

102.

См. Покровский М.В. Социальная борьба..., с. 28—31.

103.

Дубровин Н.Ф. Черкесы, с. 121.

104.

Покровский М.В. Адыгейские племена..., с. 132—133.

105.

Покровский М.В. Социальная борьба..., с. 10, 28—31; Он же. Диверсионная деятельность иностранных агентов на Западном Кавказе после окончания Крымской войны. — Кубань, 1953, № 13, с. 234—237;

Лилов А. Последние годы... — Кавказ, 1867, № 18, с. 105.

106.

См. Покровский М.В. Социальная борьба..., с. 32; Фонвилль А. Указ. соч., с. 36.

107.

Лилов А. Последние годы... — Кавказ, 1867, № 18, с. 105.

108.

Покровский М.В. Социальная борьба..., с. 33; Он же. Диверсионная..., с. 237; Лилов А. Последние годы... — Кавказ, 1867, № 18, с. 105.

109.

См. Поршнев Б.Ф. Указ. соч., с. 156—157, 160.

110.

См. Фонвилль А. Указ. соч., с. 6; Дубровин Н.Ф. Черкесы, с. 107; Dulaurier Éd. Op. cit. — RDM, 1866, t. 61, p. 43.

зависимые сословия¹⁰⁰. Русская администрация, очевидно, не считала нужным затрудняться тем, чтобы рассеять эти подозрения. Более того, в конце 1862 г. она объявила о своей готовности признать вышедших из гор холопов свободными и поселить их на удобных землях¹⁰¹. Молва о раскрепощении проникла в среду пшителей, унаутов и огов. В ожидании близкого избавления от своих владельцев они начали проявлять открытое неповиновение¹⁰². Непокойны были и общинники тех «аристократических» племен, в которых устанавливалась российская администрация. На мирских сходах принимались решения не платить оброка князьям, поскольку отпадала нужда в них как в военной защите¹⁰³. В результате князья теряли прежнее значение, становились в оппозицию к России. Еще неувереннее чувствовала себя «новая» старшинская знать, вообще оставшаяся вне сферы русской покровительственной политики и отчасти поэтому не сумевшая создать себе прочное социально-экономическое положение¹⁰⁴. Не желая лишаться средств производства и высокого общественного статуса, верхушка тфокотлей в союзе с частью родовой аристократии спровоцировала грандиозную кампанию переселения черкесов в Турцию. Имелось в виду не просто переехать в единоверную державу, но и переместить туда сложившуюся в горах социальную структуру, воспроизвести на новом месте прежний порядок жизни¹⁰⁵. Малосознательную массу общинников не без успеха устрашали ужасами русского господства. Для принуждения соплеменников, особенно зависимых сословий, к выезду знать использовала авторитет народного собрания. Именно через этот патриархальный институт протаскивались решения о всеобщей эмиграции. Неподчинившийся ставил себя в положение изгоя, утрачивая право на опеку и защиту со стороны общины¹⁰⁶. Горцы, пожелавшие остаться в Черкессии, подвергались жестокому террору¹⁰⁷.

Энергичную агитацию развернуло и мусульманское духовенство, преподносившее выезд в Турцию как исход на землю обетованную¹⁰⁸. Против такого давления и таких соблазнов мало кому удавалось устоять. Тем более в обстановке уныния, растерянности и отчаяния. Такие чувства создавали особо благоприятные условия для действия социально-психологического механизма внушения — очень эффективно-го средства влияния на общественное сознание и поведение¹⁰⁹.

Сыграли свою роль и наивные политические представления черкесов, которые всерьез полагали, что Турция — самая могущественная и богатая держава в мире, а остальные народы, включая англичан и французов, находятся у нее в услужении¹¹⁰.

Эти обстоятельства «срабатывали» практически

111.

См. Фелицын Е. Князь..., с. 151;
 Сталь К.Ф. Указ. соч., с. 132.

112.

См. Фадеев Р.А. Записки...,
 с. 74; Dulaurier Ed. Op. cit. —
 RDM, 1866, t. 61, p. 45. Ученые
 давно обратили внимание на
 феномен массового социально-
 психологического «заражения»
 как очень мощной, импульсив-
 ной и легко провоцируемой
 силы. (См. Тард Г. Обществен-
 ное мнение и толпа. Пер. с
 франц.). М., 1902, с. 35, 40,
 49, 160; Бехтерев В.М. Роль
 внушения в общественной
 жизни, с. 46—47, 51—52;
 Поршнев Б.Ф. Указ. соч., с. 94,
 119, 153).

113.

Покровский М.В. Социальная
 борьба..., с. 36—38.

114.

См. Lapinski Th. Op. cit., Bd. 2,
 S. 232—234; Thielmann M.
 Op. cit. v. 1, p. 19; Дзидза-
 рия Г.А. Махаджирство...,
 с. 200—202. По свидетельству
 современников, поселенные на
 Балканах черкесские эмигранты
 были разрушительным, эконо-
 мически малопродуктивным со-
 циальным элементом. (Pin-
 son M. Ottoman Colonization of
 the Crimean Tatars in Bulgaria,
 1854—1862. — VII. Türk tarih
 kongresi. Ankara: 25—29 eylül
 1970. Ankara, 1973, p. 1058).

115.

Кельсиев В. Польские агенты в
 Царьграде. — РВ, 1869, т. 83,
 с. 301.

116.

АВГР, ф. Канцелярия, д. 30,
 1864 г., л. 81—83, 368—370,
 442—444; Канитц Ф. Указ. соч.,
 с. 340; Фонвилль А. Указ. соч.,
 с. 37, 40.

безотказно во многом благодаря этнопсихологиче-
 ским особенностям горцев. Их легковёрность и увле-
 каемость, способность попадать во власть минутного
 настроения и призрачной надежды, вера в слова
 и обещания усиливали колебания во внешнеполити-
 ческих ориентациях, порождали быстропреходящие,
 сменяющие друг друга вспышки противоположных
 чувств¹¹¹.

Таким образом, тесное слияние различных факторов
 вызвало массовый переселенческий порыв, приобре-
 тивший характер цепной, неуправляемой реакции. Мно-
 гие поддались ажиотажу безотчетно, как поддается
 панике один человек, заражаясь ею от другого¹¹².
 Именно эту атмосферу паники искусственно нагне-
 тала знать, предрекая муки ада под властью русских
 гяуров. Эмиграционная лавина оказалась настолько
 мощной, что понесла с собой даже тех, кто был
 настроен к России благожелательно. Впрочем, часть
 горцев из различных племен и сословий, связанная
 экономическими и культурными контактами с рус-
 ским населением Прикубанья, выстояла против этой
 стихии и осталась на родине¹¹³.

Турецкое правительство, желая заполучить черке-
 сов для самых разных государственных нужд, в том
 числе как карательную силу для обуздания нацио-
 нально-освободительного движения, активно поощря-
 ло переселение посулами благоденствия, мусульман-
 ской пропагандой, предоставлением морских транс-
 портов¹¹⁴. Энергично агитировали горцев покинуть
 Кавказ западноевропейские эмиссары¹¹⁵.

Русская администрация не препятствовала эми-
 грационному движению. Она даже выделила суда для
 этой цели. Александр II предпочитал не задержи-
 вать горцев, поскольку испытывал страх перед угро-
 зой образования, в связи с польскими событиями,
 антирусской коалиции европейских держав и «повто-
 рения» Крымской войны, театром которой — и, воз-
 можно, главным — мог стать Кавказ.

Новая родина встретила черкесов неприветливо.
 До них почти никому не было дела. Без крова, без
 средств к существованию они умирали десятками
 тысяч от истощения, холода и болезней. Вместо
 обещанных райских куш многие нашли в Турции
 лишь свое последнее пристанище. Больше «повезло»
 тем, кто вообще не добрался до «земли обетованной»,
 потонув по пути вместе с утлыми турецкими суде-
 нышками, непригодными для дальнего плавания¹¹⁶.

Драматический финал Кавказской войны в Чер-
 кесии не позволил завершиться внутреннему про-
 цессу образования классов и государства. Однако
 были уже отчетливо различимы пути социальной
 эволюции. В условиях расслоения и антагонизации
 общества «новая» общинная знать по своему иму-

117.

См. АКАК, т. 12, с. 839—840, 1288; Карлгоф Н. О политическом устройстве..., с. 550; Короленко П.П. Записки..., с. 372—374.

118.

Как заметил Р.А. Фадеев, осталось «мало следов человеческого труда посреди могущественной закубанской природы». (Фадеев Р.А. Письма..., с. 219. Ср. Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. 1, Ставрополь, 1967, с. 304).

119.

СЭПКРНКЧ, с. 92.

ественному и социальному положению все теснее сближалась с потомственной аристократией. Перед лицом общего противника — тфокотльской массы, выражавшей растущее недовольство произволом аульской верхушки, — бывшие соперники забывают прошлую вражду и идут на взаимные уступки, понимая единство своих интересов и целей. Из этого логичного союза, ядро которого составляли старшины и разбогатевшие общинники, выросла прообраз класса феодалов. На другом полюсе общества из «низов» тфокотлей и зависимых категорий населения постепенно формировалось эксплуатируемое (крестьянское) сословие. Усилившиеся на последнем этапе Кавказской войны признаки социальной конфронтации свидетельствовали о существенных формационных сдвигах в «демократических» племенах.

Естественно, пресекался процесс становления местной государственности. В реальной обстановке того времени, в соседстве с крупными державами, на оживленном перекрестке военно-стратегических, политических и экономических интересов противоборствующих стран Черкесское государство не могло выжить как самостоятельное международно-правовое понятие, субъект международных отношений. Однако оно имело перспективу как явление, подготовленное внутренним развитием горского общества. Хотя история не дает прямого ответа на вопрос, какие конкретные типологические формы приняла бы государственность в черкесских племенах, не покинь они родные места, тем не менее можно предположить, что произошел бы симбиоз местной и российской потестарных культур, который — в виде так называемой военно-народной системы — получил широкое распространение на Северо-Восточном Кавказе и отчасти стал применяться в 50-х — начале 60-х гг. (до переселения) на Северо-Западном¹¹⁷.

Кавказская война в Черкесии — в каком-то смысле явление парадоксальное. Порожденная военно-демократическим социальным бытом горцев, она на, условно говоря, восходящем этапе стимулировала классообразование и политогенез, однако она же в конце 50-х — начале 60-х гг. XIX в. приняла столь опустошительные формы, что подорвала производительный базис общества, вызвав хозяйственный упадок¹¹⁸, расстроив непрочные поземельные отношения¹¹⁹, во многих местах уравнивая в нищете черкесские «сословия». Создав это насильственное равенство, Кавказская война, естественно, замедлила те процессы, которым раньше служила мощным импульсом. Правда, почти всеобщее экономическое неблагополучие вовсе не означало, что черкесы тут же забыли «кто есть кто» в уже сложившейся социальной «табели о рангах»: изменения в материальной сфере не всегда находят немедленное и адекватное отра-

жение в других областях общественного бытия. В политическом сознании, традициях, психологии горцев успели сформироваться достаточно устойчивые стереотипы восприятия «классовых» различий как должного, привыкания к отношениям господства и подчинения. Это закреплялось в определенных нормах «благопристойного» социального поведения. С развитием у оставшихся на Кавказе черкесов мирной, равнинной жизни, земледелия и торговли размывалась объективная социально-экономическая основа для воспроизводства Кавказской войны¹²⁰. Военная героика постепенно отходила в область народных преданий, оставляя в душе стареющего поколения горских воинов обычное чувство ностальгии о невозвратных временах.

Заключение

Кавказская война своим происхождением обязана прежде всего тем однотипным общественным организациям («вольные» общества Дагестана, тайпы Чечни, «демократические» племена Черкесии), которые локализовались в сходных эколого-географических нишах — горных районах Кавказа. Замкнутый образ жизни в жесткой среде обитания, способствовавший консервации ранних форм общественной организации, обусловил длительный характер перехода к классовым отношениям. Слабость экономической базы привела к гипертрофии набеговой системы — известного почти у всех народов в определенном «возрасте» социально-хозяйственного института, призванного возместить внутренний материальный недостаток внешней военной экспансией. За счет добычи (скот, рабы, другие ценности), а также стимулируемой ею мирной производственной сферы — скотоводство, земледелие, ремесла и торговля — происходило не только «дорастивание» скудного общественного продукта до жизненно необходимого минимума, но и «первоначальное накопление» собственности в виде появлявшихся у предводителей и других участников набегов излишков. Это в конечном итоге вызвало имущественное и социальное расслоение. Жестокая, каждодневная нескончаемая борьба с суровой природой за выживание закалила горцев, сформировала сообщества с высокой социальной энергией, в недрах которых под поверхностью внешне монотонного и примитивного существования длительное время вызревал огромный «пассионарный» потенциал. Рано или поздно он должен был вырваться наружу, высвободив из-под спуда силы и процессы преобразующего, революционного характера.

На протяжении веков объектами набеговой системы для дагестанских «вольных» обществ и чеченских тайпов являлись Восточное Закавказье, Приморский Дагестан, Кумыкская плоскость. При случае не щадились и ближайшие соседи в горах. Черкесские «демократические» племена предпочитали Абхазию, прикубанскую низменность, Черноморское побережье, хотя часто не давали покоя и друг другу. Не одним поколением отлаженная «техника» нападения, имевшаяся благодаря высокогорью защита от возмездия обеспечивали походам за добычей высокую эффективность.

Расширявшееся со второй половины XVIII в. военное присутствие России на Северном Кавказе, с одной стороны, создавало препятствия на традиционных набеговых маршрутах, с другой, — порождало новые соблазны в виде зажиточных казачьих станиц и укреплений по Кубани и Тереку, в результате чего постепенно возобладавало северное направление в промысловых рейдах горцев. Столкновение противоположных интересов России и участников набегов вылилось в перманентное состояние войны. Если для России сущность этой войны сводилась в целом к тривиальной проблеме политического освоения стратегически важных территорий, то для горских обществ она составляла нечто такое, что выходило далеко за пределы привычного смысла этого слова. Война была не просто вооруженным соприкосновением с неприятелем, а едва ли не основным экономическим укладом, всеохватывающей сферой социально-культурного бытия. Военный дух и героика насквозь пронизывали жизнь людей.

Набеговая система, как главный маховик социально-хозяйственного механизма, стимулировала формационные процессы. Постепенное укрепление материального фундамента общества, повлекшее за собой расслоение внутри горской общины, неизбежно изменяло и «надстройку». Военная организация горцев, складывавшаяся веками и совершенствовавшаяся под воздействием внешнего (русского) фактора, служила мощным потенциальным источником формирования той объединяющей, руководящей и принуждающей силы, без которой невозможно возникновение государственности. Олицетворяли эту силу предводители набегов, временно получавшие большие полномочия. Уже в самой военной дисциплине, требовавшей от участников походов неукоснительного повиновения вождю, был заложен принцип власти. Особую роль играл личностный фактор: успех предприятия во многом зависел от искусности, опытности, хитрости и бесстрашия предводителя. Из круга природно одаренных и авторитетных социальных фигур рано или поздно должна была выдвинуться наиболее сильная и достойная, способная сплотить вокруг себя и подчинить людей не только на время набега.

До активизации России на Кавказе набеговая система существовала как социально-хозяйственный и военный институт. Весь его идеологический «инвентарь» сводился к героическому фольклору, прославлявшему добычу и добыччиков. Горцы совершали нападения на своих ближних и дальних соседей как будничную работу, не испытывая при этом ни ненависти, ни чувства вражды к какому-либо одному народу. Появление русских войск, сильно затруднивших эту «работу», сделавших ее более дорогостоящей, привело к зарождению в сознании горцев образа врага. Россия, мощной помехой вторгшаяся в привычное течение их жизни, не могла не возбудить против себя страстей. Возникло новое русло, куда устремилась внутренняя энергия общества. Не приходится удивляться тому, что ислам с его делением мира на правоверных и гяуров, его доктриной газавата и благословенным отношением к добыче, его обещаниями рая на том свете в награду за праведность на этом, нашел питательную почву на Северном Кавказе. Религия понадобилась прежде всего набеговой системе, которую она снабдила недостающим идеалом — лозунгом борьбы против неверных и тем самым дала ей дополнительный морально-психологический импульс. Проникая в общественную среду, где социальное и имущественное расслоение еще не успело подорвать позиции родовой демократии, ислам первоначально не был призван решать классово-охранительные задачи. Эта функция постепенно начинает срабатывать лишь по мере обострения противоречий в горской общине.

Идеологизация набеговой системы неминуемо вела к широкому распространению нового вероучения в общественном быту и сознании, ускоряла генезис государственности. Мюридизм — строгий религиозный устав, основанный на подчинении вождю-мюршиду — был удобным техническим инструментом организации постоянной (публичной) власти, а шариат предоставил более совершенные, чем обычное право, юридические нормы, способные надежнее охранять собственность и собственника. Принципы смирения и послушания, как и другие нравственные стандарты, превращались из сугубо религиозных в политические.

В обществе, в котором война и феодализация шли рука об руку, взаимно стимулируя друг друга, политическая система складывалась в форме личной диктатуры, генетически восходящей к предводительскому началу в набегах. Все шло к тому, чтобы в одном лице соединились главнокомандующий армии, первосвященник, верховный светский администратор и судья. Опиравшаяся на силу, закон и идеологию автократия поднимала на более высокий уровень военную организацию и управление усложняющимися социально-экономическими отношениями, становилась эффективным механизмом саморазвития и саморегуляции общества.

Прототипные модели такого политического устройства представляли Шейх-Мансур и Ума-хан Аварский. Следующим этапом эволюции был Кази-мулла, принявшийся за осуществление союза материального (набеговая система, нацеленная на добычу) с духовным (религиозная идеология) во имя установления личного господства. Нуждаясь в территориальной базе для создания «собственного», мюридистского государства, он стремился захватить Аварское ханство, которое, как и другие раннефеодальные образования Дагестана, представляло собой удобную «плаценту», где можно было поместить и взращивать зародыш новой политической структуры во главе с новым властителем. Отсюда — натиск на «старую» феодальную номенклатуру (ханско-бекскую знать), удерживавшую бразды правления в своих руках. Кази-мулле не удалось убрать ее с пути, но начатое им дело надолго пережило его. Опираясь на солидное политическое и идеологическое наследство первого имама, Гамзат-бек, казалось, пошел дальше. Стечение обстоятельств позволило ему отнять власть у аварского ханского дома, однако сохранить ее за собой он, по недостатку отпущенных ему личностных дарований, не сумел. Впрочем, сохранилось главное — сильная инерция движения мюридизма.

Наиболее полное воплощение «самодержавная» идея нашла в имамате Шамиля. Именно этому человеку удалось построить пирамиду власти и вознести себя на ее вершину. Силой своего ума, воли, таланта он довел до логического завершения процессы вызревания государственности, юридического оформления собственности, социальной иерархизации. Глубокий знаток Корана, блестящий казуист, завораживающий оратор, Шамиль органично вписал религию в систему власти и, пропитав ею сознание людей, укротил в них патриархальную вольность. С помощью хорошо структурированного административного аппарата он сосредоточил в своих руках все нити руководства обществом. Свято преданный имаму корпус муртазеев — машина террора с жерновами, готовыми перемолоть кого угодно, — служил гарантом сложившегося порядка вещей.

Появление Шамиля или подобного ему деятеля было неизбежно. Суетные дисгармоничные эпохи исторических переломов всегда вскрывают в общественном организме богатые энергетические запасы, возбуждают новые силы и страсти, создавая ту среду, где рождается, мужает и закаляется личность преобразователя. Такие реформаторы бывают в большей или меньшей степени наделены харизмой — «великой революционной силой», сотрясающей малоподвижное традиционное общество, приучающей его к другим ценностям и другому ритму жизни. Эти крупные фигуры истории трагичны своей обреченностью. Они самозабвенно и гениально творят из хаоса переходного времени новую гармонию, в которой им в конце концов не находится места.

Нисколько не убавляя в Шамиле его уникальной политической одаренности, следует все же иметь в виду, что он возводил здание имамата не на пустом месте, а на фундаменте, заложенном его предшественниками. Это позволило имаму, как чуткому восприимчику и рационализатору проводившегося до него социального курса, придать формационному развитию более быстротечный, революционный характер. Завершив оснащение набеговой системы идеологическим «вооружением», усовершенствовав ее организацию и повысив прибыльность, он открыл перед каждым горцем реальную возможность обогащения, чем обеспечил себе поддержку практически всех слоев внутри теряющих свою социальную однородность «вольных» обществ. Приобретенная Шамилем слава мудрого устроителя народной жизни принесла закономерный итог: значительная часть горцев добровольно согласилась отдать себя в его распоряжение и помогла ему принудить к повиновению строптивых и колеблющихся. Получив «мандат» на власть, имам создал разветвленный аппарат, предназначенный для управления воюющим и феодализирую-

щимся обществом. Именно поэтому этот аппарат был одновременно военной, административной и теократической структурой на авторитарной основе.

Поначалу в поведении Шамиля как будто не видно подчеркнутых «классовых» симпатий. Фактически выражая всеобщие интересы, пользуясь широким доверием как превосходный руководитель набегового «производства», он являл собой мощную центроостремительную силу для разрозненных, враждовавших племен. Авторитет Шамиля в массах усиливала умело эксплуатируемая им религиозная идея равенства мусульман перед аллахом, которая в условиях классобразования в дагестанских «вольных» обществах и чеченских тайпах выглядела очень привлекательно для узденских «низов», начинавших ощущать свое ущемленное положение.

По глубоко прагматичным соображениям имам предпочитал формировать непосредственную вооруженную опору власти по преимуществу из простолюдинов или, как они иногда именовались, «бездомовников». Приближая их к себе, наделяя их огромными полномочиями, гарантировавшими высокий социально-имущественный статус, Шамиль надолго заполучал в лице этих «баловней судьбы» и самоотверженную гвардию на полях сражений и фанатически преданных исполнителей его замыслов во внутривнутриполитических делах. Именно благодаря им он поднялся «над классами» и в стиле его правления обозначались абсолютистские черты. Исторически типичный альянс с диктатором всегда был для маргинальных общественных слоев неодолимым соблазном, кратчайшим путем от нищеты и ничтожности к богатству и господству над другими людьми. В благодарность за это чудесное превращение они охотно отдавались в рабство к своему благодетелю.

По мере антагонизации общества Шамиль исподволь превращался из справедливого народного вождя, равно заботящегося о всех своих подопечных, в раннефеодального «самодержца» с очевидной социальной ориентацией. Он комплектовал административный состав имамата из военной и общинной знати, расширяя для нее возможности материального обогащения и социального господства. В учащавшихся трениях между узденской массой и узденской верхушкой он, как правило, брал сторону последней, внешне, впрочем, с успехом сохраняя роль беспристрастного арбитра. Но бывали случаи, когда имам демонстративно и жестоко осаждал зарвавшихся в своих злоупотреблениях наибов, кадиев, старшин. Тем самым он, во-первых, предупреждал вспышку плебейского гнева и поддерживал в «низах» веру в «доброе царя», во-вторых, уведомлял потенциальных оппозиционеров из сановных кругов об ожидающей их перспективе. В конечном счете выражая волю «свежей» знати, Шамиль, в то же время, имел против ее заговорщицких планов не только «сатанинский полк» муртазеев, но и куда более грозный противовес — народ, к которому он прямо апеллировал в критические моменты. Овладев искусством создавать это своеобразное равновесие в обществе и извлекать из него выгоду, имам укрепил свое положение высшей тратейской инстанции. Психологическая формула «Шамиль (что почти означало — бог) всех рассудит», глубоко проникавшая в сознание людей, немало способствовала воспитанию комплекса повиновения. Эти обстоятельства также участвовали в установлении не поддающейся контролю снизу личной диктатуры. И все же не им принадлежала решающая роль в автократизации власти. Как ни важно было умение Шамиля лавировать среди враждующих сословий, регулируя температуру этого противостояния в собственных интересах, согласуя или сталкивая различные социальные устремления, его самого по себе было недостаточно для завоевания неограниченного господства. Как уже не раз доказывала история, требовалось безотказное орудие насилия и устрашения. И имам нашел его в лице муртазеев, подобно тому как, много раньше, другие «начинающие» монархи обретали аналогичное средство в лице опричников, янычаров, мамлюков, нукеров и т. д.

Разумеется, было бы наивно думать, будто, «приподнявшись» над обществом, достигнув известной независимости от него, деспотизм Шамиля утратил социальную природу. Однако столь же упрощенным выглядело бы предположение, что эта классовая природа непременно гарантировала «верхам» благоденствие и неприкосновенность, а «низам» — нищету и гнет. Имам применял террор против представителей любого социального слоя, от которых исходила опасность для «самодержавия», и он же охотно, без оглядки на общественное положение человека, привлекал на «государеву службу», поощрял и опекал тех, в ком видел преданность себе. Основным был не классовый критерий, а степень лояльности к Шамилю и его режиму.

Теологическую идею равенства мусульман перед аллахом дополнила политическая идея равенства перед левиафаном власти, т. е. — перед имамом. Принцип «воля Шамиля — закон для всех», уважение к которому воспитывалось секирой палача или «рукопожатием» мюридов, формировал массовое авторитарное сознание.

Исследование внутреннего состояния «вольных» обществ Дагестана, тайпов Чечни (равно как и «демократических» племен Черкесии) дают основание констатировать: госдурственность там возникла не столько вследствие классовой борьбы, которой на стадии перехода от патриархальности к раннему феодализму (когда классовообразующие признаки слабо различимы) по сути еще не было, сколько под влиянием объективной необходимости в более высокой организации человеческого коллектива в условиях разрастающейся войны (управление набеговой системой, распределение материальных благ, сбор налогов, объединение племен и предотвращение междоусобиц, идеологическое воспитание и т. д.). Производное общественных процессов, госдурственность в свою очередь стимулировала их: классогенез активизировал классовую борьбу, на что военно-административный аппарат отвечал усилением функции подавления.

Становлению и расцвету имамата как цельной, самодостаточной системы способствовали также созданный незаурядным умом Шамиля богатый политический инструментарий, изобретательная «методика» оперирования властью.

Упрочение господства Шамиля в дагестанских «вольных» обществах и чеченских тайпах сопровождалось распространением его на районы, где ранее уже сложился феодализм (шамхальства, ханства, уцмийства и т. д.), расширением за их счет границ имамата. В ходе этой естественной для «самодержавия» военно-политической экспансии встал вопрос: что делать с потомственной феодальной аристократией? Советская историография акцентирует факты уничтожения ее, утверждая на этом основании об антифеодальном характере политики Шамиля. Однако совершенно игнорируется другое: имам расправлялся с феодалом не как с социальным типом, а как с политическим соперником, к тому же пользующимся поддержкой русских гяуров. Террор против аристократии, создававший Шамилю в глазах народа ложную репутацию освободителя и праведника, в действительности был далек от антифеодальных идеалов. Он грозил только тем, кто сопротивлялся власти имама. Что касается сговорчивых, то они, сохраняя прежние привилегии, фактически сливались с народившейся в имамате знатью в одно господствующее сословие. В борьбе «молодого» динамичного феодализма со «старым» инертным всегда оставалось место компромиссам.

На основе изучения мирового историко-этнографического материала высказана мысль о том, что «военная демократия обычно переходила в классовое общество ... через военно-иерархические, олигархические и даже деспотические формы». Пример имамата Шамиля подтверждает справедливость этого наблюдения с одной поправкой: деспотия, как цельная политическая система не только не исключает функционирования «военно-иерархических» и «оли-

гархических» структур (подсистем), но и, строго говоря, вообще невозможна без них. Она способна образовать единый организм власти лишь вкупе с ними, как бы подпираемая снизу вверх по принципу пирамиды. «Самодержавие» Шамиля, будучи, помимо всего прочего, защитной реакцией общества на экстремальную ситуацию (война с сильнейшим противником в суровых природных условиях, при скудном экономическом потенциале), представляло собой одну из ранних модификаций тоталитарной политической культуры с характерными типологическими приметами. Если сравнить порядки в имамате с диктатурами XX века, возникшими на совершенно другом уровне цивилизации, то легко увидеть их генетическое сходство, позволяющее предположить, что тоталитаризм — понятие, в известной мере надформационное и надвременное. Такой механизм функционирования и удержания власти может на протяжении столетий видоизменяться лишь по форме или окраске, но не по сущности. Не случайно классические тоталитарные лидеры новейшего времени пристально, подчас с ученическим благоговением вглядывались в своих далеких предшественников, ощущая преемственную связь с ними, испытывая к ним упорное чувство идейного и духовного родства.

История Кавказской войны проникнута глубоким внутренним смыслом и логикой: та социально-политическая эволюция, которая привела имамат к зрелости, содержала и симптомы будущего кризиса. Наибы, скопившие крупную собственность, получившие власть на местах, естественно, стремились сохранить и упрочить приобретенное. Обязанные своим взлетом Шамилю, они понимали, что при тираническом режиме их мгновенно могли лишит всего — достаточно было обратить на себя державный гнев имама. Способ уберечься от этого они видели в политической самостоятельности наибств или в замене Шамиля более удобным правителем. Отсюда — сепаратизм, с одной стороны, и борьба за «престол» — с другой. К высокопоставленной оппозиции примыкала и «рядовая» знать, испытывавшая такую же неуверенность.

Общая обстановка в имамате расстраивалась не только «вверху», но и «внизу». Бюрократизация аппарата привела к вопиющим злоупотреблениям. В результате падения рентабельности набеговой системы (что объяснялось усилившимся военным давлением России) заметно разошлись «ножницы» в распределении добываемого общественного продукта. Надвигался экономический упадок, все тяготы которого ложились на общинную массу. Ее растущее недовольство принимало формы открытого протеста.

Центральная власть со временем перестает удовлетворять и господ и простонародье. Утрата контроля над событиями вынудила Шамиля уйти «в оборону». И вел он ее с изумительной находчивостью, подчас превосходя самого себя. Но даже такой крупной личности было не под силу остановить неостановимое — объективный, закономерный процесс феодальной раздробленности. История оставляла обреченному Шамилю лишь возможность блеснуть еще одним своим талантом — искусством отступать, и он не преминул ею воспользоваться. В конце концов в некогда обильном и разнообразном политическом арсенале имама сохранился последний довод — голая сила, которой всегда суждена короткая жизнь.

Господству Шамиля, уже по самой его социальной природе, была предопределена фатальная судьба. Вращивая «новых» феодалов в надежде найти в них опору, он готовил могильщиков имамата. Именно это «свежее», по его терминологии, сословие подорвало единую власть своим сепаратизмом и произволом, вызвавшим ярость народной массы — стихии, способной сокрушить все. Легко понять горечь Шамиля, риторически вопрошавшего: «Что же может построить один человек, когда сзади его тысяча разрушителей?»

Кавказская война, как глубоко внутреннее, формационное явление, принципиально не могла иметь своим источником внешние обстоятельства. В реак-

ции горских обществ на появление России не было признаков освободительной, «антиколониальной» идеи. Для зарождения ее мало наличия «колонизатора». Необходим достаточно высокий уровень внутриэтнического единства, способствующий возникновению в массовом сознании и чувствах людей представления о принадлежности к одной общности. Национально-освободительное движение — это не просто защита родного аула от врага. Это — совершенно определенное мировоззрение, опирающееся на свою социально-политическую базу, свой персонал идеологов, но прежде всего на твердую этническую основу. Складывание народности — явление органического, эволюционного, а не революционного свойства. Религией, законами, насилием, т. е. рычагами власти, можно лишь благоприятствовать этому процессу, но нельзя искусственно взнудать его и сделать предметом государственной реформы с ограниченным сроком исполнения. Шамиль пытался возместить недостаток этнической сплоченности среди горцев Дагестана и Чечни сплоченностью религиозной и политической. Но даже такой выдающийся преобразователь оказался не в состоянии решить проблему. Неожиданно быстрый обвал казавшегося монолитным здания имамата в конце 50-х гг. XIX в. объяснялся, помимо указанных выше причин, тем обстоятельством, что это было полиэтническое образование, имевшее целью объединить под эгидой ислама и «скипетром» Шамиля разноразличные, обособленные, лишенные прочных внутренних связей племена Дагестана и Чечни. Возникновение пестрого государственного конгломерата стало возможным благодаря отсутствию высокоразвитых этнических самосознаний; при наличии таковых они неизбежно пришли бы в столкновение, что, вероятно, и начало происходить в 50-е годы, сыграв свою роль в разрушении имамата. Если уж допустимо говорить о народно-освободительных тенденциях, то они, как показали массовые выступления чеченцев и дагестанцев, были обращены не только против России, но и Шамиля.

Высказанные соображения, вместе с тем, не означают, что «русский» фактор не нужно принимать во внимание. Присутствие России воздействовало на ход Кавказской войны противоречиво, с одной стороны, сдерживая ее, с другой — невольно активизируя теми соблазнами, которые заставляли горцев нападать на зажиточные казачьи станицы. Долгое время из этих двух противоположных тенденций преобладала вторая, хотя в конце концов она оказалась побежденной. Внешняя ситуация могла лишь ускорить или замедлить внутреннее социально-хозяйственное и политическое развитие, но не определять его. В меру той роли, которую Россия объективно играла в формационных процессах, она была соучастницей и созидания и развала имамата. Кризис этой системы при иных, более благоприятных внешних условиях (отсутствие «русского» фактора) означал бы не упадок «национальной» государственности, а дальнейшую эволюцию ее на путях политической раздробленности.

В сущности ту же, иногда поразительно схожую в деталях, схему Кавказской войны мы обнаруживаем на Северо-Западном Кавказе. Но есть и отличия. Ввиду особого географического и стратегического положения Черкесии привходящие силы (Россия, Турция, Англия) заметнее, нежели в Дагестане и Чечне, влияли на ее внутреннюю жизнь (хозяйство, торговля, социальные отношения, становление государственности, внешнеполитическая ориентация населения и т. д.).

Мусульманская религия в черкесских «демократических» племенах не стала цементирующим идеологическим веществом в такой степени, как в дагестанских «вольных» обществах и чеченских тайпах: еще прочны были язычество, адатные нормы, родовая демократия; определенная часть горцев, связанная торговыми интересами с Россией, всегда сохраняла к ней благожелательность.

По сравнению с раннефеодальными образованиями Дагестана в черкесских «аристократических» племенах сложилась несколько иная «разновидность» феодализма: социально-вассалитетная номенклатура там была более развита, чем собственно государственные институты. Это создавало уязвимость в позициях «старой», княжеско-дворянской знати перед лицом разбогатевших и напористых «новых» феодалов из «демократических» обществ. Если в Дагестане общинные «верхи» во главе с первыми двумя имамами искали готовую государственную форму (в виде Аварского ханства) для заполнения ее новым, юридическим содержанием, то в Черкесии такой возможности не было, и поэтому потестарная структура формировалась Мухаммедом Эмином как бы на голом месте и по начертанному образцу. (Придирчивых критиков просим снисходительно отнестись к метафоре «голое место», которая отнюдь не означает, что авторы игнорируют предпосылки в такой сложной эволюции, как образование государства.)

Наконец, имел немалое значение и субъективный момент. В Черкесии, по большому счету, не нашлось вождя и государственного «строителя», сопоставимого по масштабам дарований с Шамилем. При всей незаурядности Мухаммеда Эмина его трудно назвать харизматической личностью. А ведь именно такая личность в качестве воспитателя требовалась «шаловливому обществу», которое едва вышло из пеленок родового строя и которому предстояло расстаться с детской свободой, чтобы пройти суровую школу повиновения и дисциплины. Отчасти и поэтому деспотическое начало в Черкесии было выражено гораздо слабее.

Однако решающими являются не различия в ходе событий на Северо-Восточном и Северо-Западном Кавказе, а то общее, что превращает Кавказскую войну в единое понятие с характерными сущностными признаками. Возникнув в горных районах Дагестана, Чечни и Черкесии, задолго до их контактов с Россией, как военный и социально-хозяйственный институт докласовой эпохи, набеговая система со временем достигла своей высшей формы — Кавказской войны. Последняя внешне выглядела как борьба горцев против русских (что послужило для советской и зарубежной историографии по сути единственным аргументом в пользу «антиколониальной» концепции). Стимулируя формирование частной собственности, социальное расслоение и генезис государственности, она приобретала черты великой революции. Стадиальная подготовленность общества к переходу в качественно иное состояние не означала, что это должно было произойти само собой, без коренной ломки устаревшего порядка и замены его новым, без личности, призванной историей проделать эту огромную разрушительно-созидательную работу. Шамиль и Мухаммед Эмин — каждый на уровне своего таланта, с неодинаковой результативностью и размахом — совершили такую революцию. Причем она осуществлялась не только по «вертикали», узаконивая социально-имущественный разрыв между «верхами» и «низами» горской общины, но и по «горизонтали», поскольку являлась еще и процессом вытеснения (и ассимиляции) «новыми» феодалами (сформировавшимися в «вольных» обществах, тайпах, «демократических» племенах) «старых» (сложившихся в раннефеодальных образованиях Дагестана и «аристократических» племенах Черкесии).

Хотя эта революция шла дольше, чем революции традиционные, ей, как и всякому подобному типу явлений, все же была присуща гораздо большая временная и событийная плотность в сравнении с «нормальными» периодами жизни горских народов. Весьма статичное состояние их бытия, — в котором мера и ощущение исторического времени утрачивались до такой степени, что каждый последующий век мало отличался от предыдущего, — внезапно, за какие-нибудь два-три десятилетия было разрушено незаметно накапливавшаяся могучей социальной энергией, достигшей наконец «критической массы»,

необходимой для того, чтобы начался общественный переворот, чтобы прежде неторопливая и почти неизменная жизнь обрела другие ритмы и формы. В результате этого время наполнилось более конкретным смыслом, стало более пригодным в качестве способа измерения резко ускорившихся процессов.

Несмотря на радикальность реформ Шамиля и Мухаммеда Эмина, им не удалось полностью преодолеть инерцию доклассовой эпохи. Отставание развития феодальных отношений и процессов этнической консолидации в горных областях Дагестана, Чечни и Черкесии от прогресса государственности выявило очевидный факт: новорожденное политическое общество еще долго несет в себе устойчивые патриархальные остатки. Они были настолько сильны, что выжили даже при железной диктатуре Шамиля, и, тем более, — под не такой уж мощной властью Мухаммеда Эмина. Но это уже не просто чистые реликты ушедшего в прошлое мира, а органичные компоненты новой классовой структуры — архаичные по форме и неотвратимо изменяющиеся по своему социальному содержанию.

В крупномасштабных по глубине и размаху общественно-политических преобразованиях — какими бы выдающимися личностями они ни совершались — всегда есть известная незавершенность. Реформы Шамиля и Мухаммеда Эмина — не исключение. Еще в середине XIX в. английский историк Л. Моузер подметил, что цели имама были слишком грандиозными для одной человеческой жизни.

За торжество нового порядка пришлось дорого расплачиваться прежде всего простым общинникам. В первую очередь именно они — и часто безвинно — страдали от массовых репрессий против целых аулов, заподозренных в нежелании подчиняться единовластию и шариату. Именно им пришлось на собственном опыте убедиться, что институт государства изначально несет на себе родимые пятна — злоупотребления и произвол. Именно они стали главными жертвами драматических последствий Кавказской войны — экономического кризиса, голода, эпидемий, междоусобного разбоя — и ее трагического эпилога — переселения в Турцию.

В результате утверждения российской администрации социальное и политическое развитие «демократических» структур на Северном Кавказе было прервано в разных стадияльных состояниях. В Дагестане и Чечне в рамках имамата Шамиля сложились раннефеодальные сословия и государственность, обнаружившая симптомы закономерной эволюции от централизованной власти к сепаратизму. В Черкесии эти процессы запаздывали. На подобное различие указывал еще А. И. Барятинский, заметивший, что на Северо-Восточном Кавказе Россия наследовала «уже глубоко вкорененные начала гражданственности и привычку к повиновению властям, к самовластному и тяжкому игу; на Западном же Кавказе, напротив, народы раздроблены были на мелкие общины или союзы, не управляемые никакими властями, не имевшие между собой никакой связи гражданской. Племена эти издревле привыкли к необузданной свободе».

Включение Дагестана, Чечни и Черкесии в имперскую систему России после окончания Кавказской войны (1859, 1864 гг.), нарушив естественное развитие местной государственности, привело в условиях «колониальной ситуации» к вытеснению «туземных» форм политической культуры европейскими. Происходило это постепенно: долгое время российское управление вынуждено было приспосабливаться к политическим обычаям горцев, используя их в практических нуждах. Возникла своеобразная, так сказать, евразийская потестарная модель, которая изменялась медленно и трудно, но в целом приближаясь к унифицированным, «цивилизованным» образцам. Вопрос о том, как шел этот процесс и как он влиял на социальные отношения, хозяйство, культуру, этно-

психологию и т. д. — представляет особый сюжет, выходящий за пределы содержания и хронологии настоящего исследования.

Как-то К. Маркс заметил: «Если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня». Чтобы Кавказская война обрела наконец давно заслуженный ею статус научной проблемы и перестала служить предметом идеологического надзора или экзотическим сувениром, необходимо отказаться от традиционного отождествления ее наружного облика с внутренней сутью. И тогда из-под толщи «антиколонизального грима» проступит ее подлинная природа, определяемая формулой: Кавказская война — это одна из многообразных локальных вариаций перехода к классовому строю, лишь подтверждающая общие закономерности исторической жизни человечества. Думается, это именно та идея, для опровержения которой требуется гораздо больше изобретательных усилий, чем для ее восприятия. То ли к экономии этих усилий, то ли к приумножению их призывал мудрец, сказавший: «В конечном счете ничто так не помогает победе истины, как сопротивление ей».

Лицензия № 061897 от 11.12.92.

Подписано в печать 14.07.94.

Формат 70×100/16. Усл. печ. л. 48,1.

Тираж 5000. Заказ 1982.

ТОО «Росет», Москва, ул. Б. Молчановка, д. 18, кв. 24.

Набрано в АОТ «Ярославский полиграфкомбинат»
Комитета Российской Федерации по печати.
150049, г. Ярославль, ул. Свободы, 97.

Отпечатано с готовых диапозитивов в Московской
типографии № 5 Комитета Российской Федерации
по печати.

129243, Москва, Маломосковская, 21.